СОЧИНЕНІЯ
Н.В.ГОГОЛЯ

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Gogol', Nikolaĭ Vasil'evich
Polnoe sobranīe khudozhestvennykh proizvedenīĭ.

Полное собраніе

художественныхъ произведеній

Н. В. ГОГОЛЯ.

съ біографіей, написанной
проф. А. И. Кирпичниковымъ.

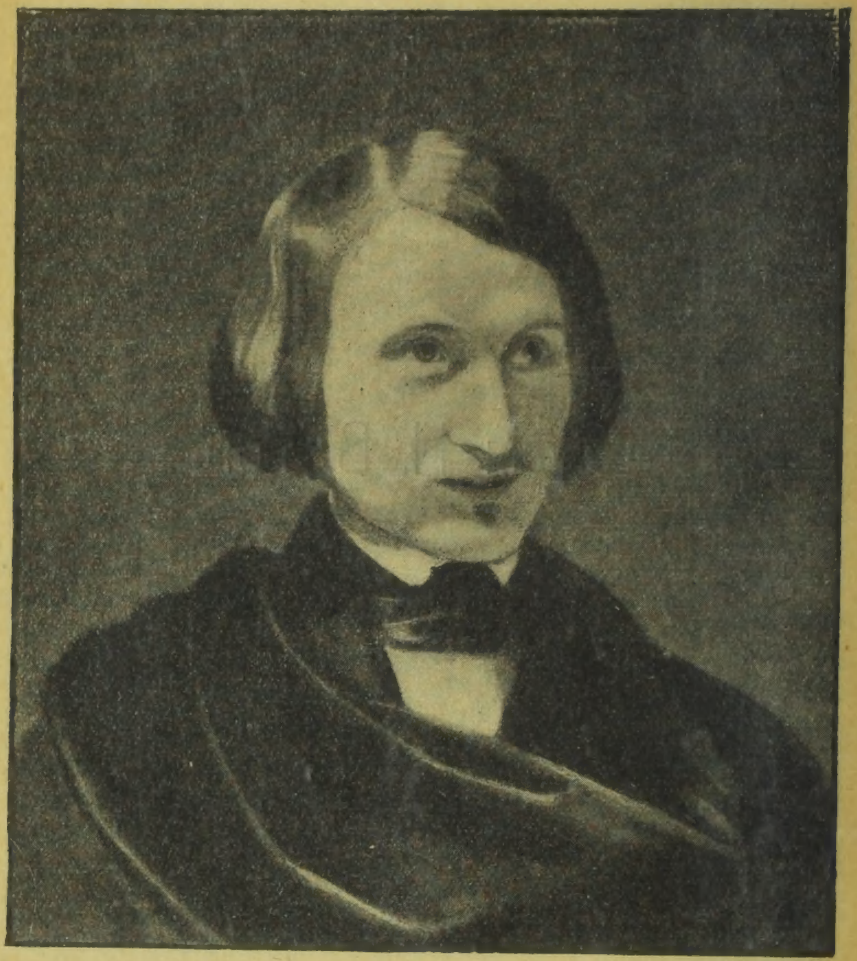
Съ рисунками художниковъ:

АѲАНАСЬЕВА,
ИВАНОВА,
МОРАВОВА,
НАВОЗОВА,
ПИЧУГИНА,
ЯГУЖИНСКАГО
и другихъ.

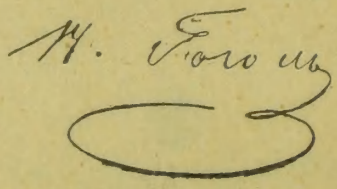
Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Лятницкая улица, свой домъ.
Москва.—1914.

Біографія Н. В. Гоголя.



Портретъ *худ. Моллера.*



891.73
G-613PK

Н. В. Гоголь.

(20 марта 1809 г.—21 февраля 1852 г.)

Пушкинъ и Гоголь, Гоголь и Пушкинъ—вотъ два имени, которыхъ не можетъ не знать грамотный русскій человѣкъ,—два имени, которыми въ одинаковой степени долженъ гордиться онъ, которыми можетъ и долженъ онъ утѣшать себя въ минуты безразсуднаго отчаянія въ силахъ и способностяхъ своего народа. Эти два имени равно велики, равно знаменательны, но не въ одномъ и томъ же отношеніи. Пушкинъ — поэтъ *европейскій, общечеловѣческій;* конечно, иностранцы любятъ и цѣнятъ его не такъ, какъ мы, но только потому, что поздно узнали его, и потому, что онъ, какъ русскій человѣкъ, все же ближе, понятнѣе русскимъ людямъ, какъ Шиллеръ всего ближе нѣмцамъ, Мольеръ — французамъ, Шекспиръ — англичанамъ; но дайте умному нѣмцу точный и красивый переводъ Пушкина, и онъ испытаетъ при чтеніи его никакъ не меньше наслажденія, чѣмъ при чтеніи поэмъ Байрона.

Не то съ Гоголемъ. Онъ тоже, конечно, связанъ съ міровой литературой, тоже учился у своихъ великихъ предшественниковъ и старшихъ современниковъ и тоже оказалъ черезъ своихъ послѣдователей вліяніе на всѣ образованные народы, но созданія его, по оригинальности содержанія и формы, крайне трудно даются пониманію того, кто знаетъ только Западную Европу. Затѣ *русскую* жизнь Гоголь захватилъ съ самаго корня, *русскій* характеръ изучилъ до самой глубины его и, любя Россію всѣмъ сердцемъ, *русскимъ* недостаткамъ приклеилъ навѣки ярлыки, яркіе и мѣткіе до поразительности. Кто изъ насъ при именахъ Хлестакова, Коробочки, Ноздрева, Плюшкина, Собакевича не рисуетъ себѣ живыхъ людей? Кто не употребляетъ ихъ фамиліи, какъ всѣмъ понятныя прозвища? Трудно повѣрить, что этихъ людей никогда не было на свѣтѣ, что ихъ *выдумалъ* Гоголь. Да и въ самомъ дѣлѣ развѣ онъ ихъ выдумалъ? Нѣтъ, онъ ихъ взялъ прямо изъ русской жизни, гдѣ они были въ огромномъ множествѣ и не только были, но и теперь есть. Развѣ не Хлестаковъ этотъ молодой франтъ, готовый у всякаго встрѣчнаго просить взаймы безъ отдачи, готовый не обѣдать, только бы щегольнуть модньмъ сюртучкомъ предъ купеческою дочкой, который, попавъ въ общество попроще, смѣло несетъ такую околесицу, что вянутъ уши, и, когда его поймаютъ, оправдывается еще болѣе наивнымъ и наглымъ враньемъ? А эта милая старушка, которой ничего не растолкуешь, какъ говорится — хоть колъ ей на головѣ теши, которая, при всей своей осторожной скаредности, непремѣнно попадется на удочку мошеннику, прельщающему ее легкой наживой, развѣ это не Коробочка? А этотъ бѣднякъ-милліонеръ, отказывающій себѣ и другимъ въ чашкѣ чаю и трясущійся на морозѣ въ ожиданіи конки, чтобы не истратить лишнихъ

15 коп. на извозчика,—развѣ это не Плюшкинъ?—Все это *типы*, воссозданные Гоголемъ на основаніи глубокаго пониманія *русской* жизни.

Кромѣ геніальнаго воспроизведенія нашей жизни и характеровъ русскаго *общества:* чиновниковъ, помѣщиковъ, купцовъ, барынь, Гоголь совершилъ еще другое великое дѣло, котораго до него почти никто и не пытался дѣлать.

Русскій народъ, какъ и всякій народъ, играющій видную роль въ исторіи, сложился изъ многихъ элементовъ, изъ многихъ племенъ. Но *главныхъ* составныхъ частей въ немъ двѣ; *главнымъ* образомъ его составили два племени, одинаково способныя и одинаково историческія, взаимно дополняющія другъ друга; это дѣловитые, энергичные, закаленные въ борьбѣ съ своей суровой природой великороссы и мечтательные, пѣвучіе, болѣе мягкіе и впечатлительные малороссы. До Гоголя наша литература была почти исключительно великорусской; Гоголь съ любовію и въ то же время съ полной правдивостью живописалъ Малороссію. Такимъ образомъ онъ способствовалъ разрѣшенію великой исторической задачи: взаимному пониманію и благодѣтельному объединенію двухъ половинъ русскаго народа.

Почему громадный талантъ Гоголя принялъ именно такое направленіе и какими средствами онъ достигъ своихъ цѣлей, должна объяснить его біографія и очеркъ его литературной дѣятельности.

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій род. 20 марта 1809 г. въ мѣстечкѣ Сорочинцѣ, въ Полтавской губерніи. По отцу онъ происходилъ изъ стариннаго малороссійскаго рода, пользовавшагося значеніемъ уже при Хмѣльницкомъ. Въ смутныя времена Гоголя перешли было въ ряды польской шляхты, но потомъ вернулись къ православію. Одинъ изъ предковъ поэта, Янъ Гоголь, передалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ прибавку: Яновскіе. Родной дѣдъ поэта Аѳанасій (съ котораго Гоголь впослѣдствіи взялъ кое-что для своего Аѳанасія Ивановича въ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики») учился въ Кіевской академіи и занималъ должность полкового писаря. Сынъ его Василій Аѳанасьевичъ не получилъ большого образованія, но былъ человѣкъ очень начитанный и литературный и легко писалъ стихи. Служилъ онъ недолго и потомъ жилъ при родителяхъ, исполняя ихъ немудреныя порученія. 27 лѣтъ отроду онъ счастливо влюбился въ барышню сосѣдку, Марью Ивановну Косяровскую (тоже изъ образованнаго семейства), писалъ ей чувствительныя письма и въ 1808 г., съ согласія своихъ и ея родителей, женился на ней. Молодые поселились въ своей деревнѣ Васильевкѣ и жили согласно и счастливо. Николай Гоголь былъ старшимъ ихъ сыномъ и, конечно, баловнемъ всей семьи. Это обстоятельство имѣло и хорошую и дурную сторону; нѣжность окружающихъ давала возможность свободно развиваться его недюжиннымъ способностямъ, но баловство ихъ вселяло въ ребенка самомнѣніе и нѣкоторый эгоизмъ; самъ Гоголь впослѣдствіи пишетъ объ этомъ времени матери: «Я ничего сильно не чувствовалъ, глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого я особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохновила это чувство».

Отецъ поэта, ставши главою дома, не сдѣлался баріномъ: онъ оставался всю жизнь мягкимъ, уступчивымъ человѣкомъ, большимъ любителемъ поэзіи, садоводства и красотъ природы и не очень искуснымъ и твердымъ хозяиномъ; помнятъ только одинъ случай, гдѣ онъ настойчиво проявилъ свою волю: онъ не позволялъ полоскать на пруду бѣлье, чтобы не отогнать соловьевъ изъ сада. Жена его, вышедшая замужъ почти дѣвочкой, оказалась женщиной очень неглупой и глубоко религіозной, но тоже не особенно практичной. Хозяйство шло не блистательно; зато литературные интересы не оскудѣвали въ скром-

номъ помѣщичьемъ домикѣ, владѣтель котораго во всемъ околоткѣ славился, какъ прекрасный разсказчикъ малороссійскихъ анекдотовъ и преданій. Въ то время недалеко отъ Васильевки, въ своемъ имѣніи Кибинцахъ, поселился на покоѣ бывшій министръ, старый вельможа Трощинскій; красивый домъ его, великолѣпно отдѣланный и наполненный всѣми предметами искусства и роскоши, скоро сдѣлался сборнымъ мѣстомъ для окрестныхъ помѣщиковъ и заѣзжихъ гостей. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь былъ въ родствѣ съ Трощинскимъ и, благодаря своимъ литературнымъ талантамъ, пользовался его особымъ благоволеніемъ. Около этого времени въ малороссійскомъ обществѣ начинаетъ пробуждаться интересъ къ поэзіи на родномъ нарѣчіи, въ особенности къ малороссійскимъ шутливымъ пьесамъ съ пѣніемъ, въ родѣ «Наталки-Полтавки» Котля-

Сорочинцы. Домъ, въ которомъ родился Н. В. Гоголь.

ревскаго. Въ Кибинцахъ былъ домашній театръ, и Василій Гоголь сочинилъ для него нѣсколько шутливыхъ пьесъ и самъ же поставилъ ихъ. Проживая подолгу въ Кибинцахъ, онъ бралъ туда съ собою всю свою семью, и будущій поэтъ получилъ тамъ много сильныхъ впечатлѣній и отъ театра, и отъ картинъ, и отъ общества умныхъ людей, а созерцаніе величественнаго Трощинскаго, который вышелъ изъ бѣдныхъ людей и передъ которымъ теперь все преклонялось, какъ передъ благодѣтелемъ Малороссіи, возбудило честолюбіе самомнительнаго ребенка.

Николай Гоголь учился сперва у наемнаго семинариста; потомъ его вмѣстѣ съ его младшимъ братомъ Иваномъ отправили въ Полтаву къ учителю гимназіи; когда мальчики на каникулы вернулись домой, Ваня заболѣлъ и умеръ, послѣ чего *Никоша* — такъ звали дома будущаго поэта — нѣкоторое время жилъ въ Полтавѣ одинъ. Въ 1820 г. въ г. Нѣжинѣ, на средства кн. Безбо-

родки, была открыта для дѣтей мѣстнаго дворянства «гимназія высшихъ наукъ». Въ маѣ 1821 г. Николай Гоголь былъ отвезенъ въ Нѣжинъ и принятъ во 2-е ея отдѣленіе, несмотря на плохую подготовку. Онъ поступилъ сперва своекоштнымъ ученикомъ, а потомъ принятъ въ число казеннокоштныхъ пансіонеровъ.

Въ «гимназіи высшихъ наукъ» программа была широкая: она обнимала и часть университетскаго курса; но исполнялась она довольно поверхностно, и воспитанники не выучивались даже свободно читать по-французски и по-нѣмецки, хотя на новые языки обращалось особое вниманіе. Зато ученики и въ своихъ *музеяхъ* — такъ назывались ихъ залы для отдыха — и въ огромномъ гимназическомъ саду пользовались значительною свободою, и кто хотѣлъ серьезно заниматься, имѣлъ къ тому и досугъ и нужныя пособія.

Въ первые два года своего пребыванія въ «гимназіи» Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся изъ среды товарищей. Это былъ болѣзненный, золотушный мальчикъ, скучавшій по родному хутору, не особенно общительный съ товарищами (которые за то и прозвали его «таинственный карлa») и не очень усердный въ классахъ. Позднѣе, когда ученики вздумали занимать свое свободное время театральными представленіями, онъ выдвинулся впередъ, какъ отличный актеръ на комическія роли и даже какъ находчивый и ловкій устроитель представленій. Тогда же, отчасти подъ вліяніемъ отца, который извѣщалъ его о литературныхъ новинкахъ, у него стала проявляться большая охота къ чтенію. Въ апрѣлѣ 1825 г. отецъ Гоголя, всегда болѣзненный и крайне мнительный, скончался 44 лѣтъ отроду, и 16-лѣтній юноша сталъ какъ бы главой семьи. Въ это время его способности развернулись; у него проявилась удивительная наблюдательность и остроуміе; прозвища, которыя давалъ онъ товарищамъ, отличались удивительною мѣткостью; смѣшныя стороны учителей и воспитателей воспроизводилъ онъ превосходно; онъ не столько копировалъ, сколько *угадывалъ* человѣка: представлялъ не то, что человѣкъ дѣлалъ, а то, что онъ *долженъ* былъ дѣлать въ извѣстныхъ условіяхъ. Онъ съ охотой занимается исторіей, рисованіемъ и особенно словесностью. Даже въ письмахъ къ матери онъ явно заботится о красотѣ и силѣ слога и часто находитъ удачныя и красивыя выраженія; онъ вмѣстѣ съ товарищами издаетъ рукописные журналы, гдѣ пишетъ и стихами и прозой. Онъ ведетъ записную книжку, куда усердно вноситъ и народные анекдоты, и любопытные документы, и интересныя мысли, и даже словечки. Онъ такъ любитъ чтеніе, что беретъ на себя обязанность библіотекаря общественной библіотеки журналовъ и книгъ, которые гимназисты выписывали въ складчину, строго наблюдаетъ за исполненіемъ ея устава и, чтобы читатели не пачкали и не муслили листовъ, собственноручно завертываетъ каждому изъ нихъ въ бумажку указательный и большой пальцы. Его классныя сочиненія, написанныя красивымъ, по модѣ того времени *высокимъ* слогомъ, заслуживаютъ одобренія проф. Никольскаго, но въ литературныхъ вкусахъ профессоръ и его ученикъ сильно расходятся. Это было любопытное время въ томъ отношеніи, что тогда гимназисты знали по литературѣ больше, чѣмъ ихъ преподаватели: послѣдніе остановились на Ломоносовѣ и Державинѣ и много-много что на Карамзинѣ, а ученики знали наизусть и Жуковскаго, и Козлова, и Пушкина. Надъ Никольскимъ, не слѣдившимъ за новой литературой, Гоголь и его товарищи подшучивали иногда довольно ядовито, подсовывая ему, какъ свои «опыты», стихотворенія великихъ современныхъ поэтовъ, и тотъ добродушно поправлялъ ихъ и писалъ свое заключеніе: *изряднехонько*.

Съ конца 1827 г. Гоголь начинаетъ усердно готовиться къ послѣднему экзамену, искренно жалѣетъ, что такъ мало и плохо занимался прежде, и на-

дѣется въ полгода пополнить всѣ пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. Въ это время Гоголь былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ силахъ, терпѣніи и способностяхъ; онъ еще самъ не зналъ, на какомъ поприщѣ онъ пріобрѣтетъ извѣстность; государственная служба, литература, театръ представляются ему одинаково открытыми; но мысль о томъ, что онъ можетъ сойти съ жизненной сцены, не оставивъ по себѣ замѣтнаго слѣда, приводитъ его въ ужасъ; людей, которые мирятся на скромной долѣ провинціальнаго чиновника, офицера, сельскаго хозяина и мечтаютъ только объ личныхъ удовольствіяхъ, онъ называетъ *существователями* и глубоко презираетъ ихъ. Онъ мечтаетъ о Петербургѣ и даже о продолжительномъ заграничномъ путешествіи. Онъ знаетъ, что ему придется много претерпѣть и много потрудиться; но онъ увѣренъ, что, въ концѣ-концовъ, онъ одолѣетъ всѣ препятствія. Къ большинству людей онъ

Яновщина. Домъ Н. В. Гоголя (уже несуществующій).

относится насмѣшливо и крайне недовѣрчиво, но немногимъ избраннымъ открываетъ всю свою душу, до самыхъ сокровенныхъ уголковъ ея. Онъ великодушно отказывается въ пользу матери и сестры отъ своей доли наслѣдства, а въ то же время ужасно любитъ франтить и мечтаетъ о первомъ петербургскомъ портномъ! Но не забудемъ, что ему въ это время всего 19 лѣтъ.

Въ концѣ іюня 1828 г. Гоголь кончилъ экзамены и былъ выпущенъ по 3-му разряду. Отдохнувъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Васильевкѣ и побывавъ у Трощинскаго, онъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ и родственникомъ Данилевскимъ въ декабрѣ отправился въ Петербургъ.

Столица встрѣтила молодого малоросса довольно непривѣтливо: во-первыхъ, онъ простудился при самомъ въѣздѣ въ нее и принужденъ былъ сидѣть дома въ то время, какъ его спутникъ знакомился съ городомъ; во-вторыхъ, неопытные провинціалы съ своими тощими кошельками не умѣли устроиться и не

мало потерпѣли отъ разныхъ столичныхъ обманщиковъ. Это бѣдствія почти обычныя для всякаго пріѣзжаго. Но съ болѣзненно-самолюбивымъ Гоголемъ случилось и нѣчто худшее: его разнообразные таланты и энергія оказались, повидимому, здѣсь непримѣнимы, и онъ испыталъ цѣлый рядъ неудачъ. Несмотря на рекомендательныя письма Трощинскаго, онъ не могъ такъ скоро, какъ ему хотѣлось, получить мѣсто по службѣ; онъ заявилъ театральному начальству о своемъ желаніи поступить на сцену и былъ испытанъ въ кабинетѣ директора, въ присутствіи двухъ актеровъ; но впечатлѣніе отъ его чтки оказалось настолько слабо, что онъ самъ замѣтилъ это и за отвѣтомъ уже не являлся. Но самое главное разочарованіе ждало его на литературномъ поприщѣ. Еще въ 1827 г. въ Нѣжинѣ тайно отъ товарищей и близкихъ людей онъ началъ писать идиллическую поэму «Гансъ Кюхельгартенъ», обработалъ ее, какъ могъ лучше, и въ іюнѣ 1829 г. напечаталъ отдѣльной книжкой на свой счетъ, разослалъ по редакціямъ, роздалъ книгопродавцамъ на комиссію и ждалъ покупателей и славы. Но покупателей не было; а въ журналѣ «Московскій Телеграфъ», къ мнѣніямъ котораго особенно чутко прислушивалась литературная молодежь того времени, въ томъ числѣ и самъ Гоголь, появилась суровая рецензія редактора Н. Полевого, и, наконецъ, въ самой вліятельной газетѣ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 87, 20 іюля) былъ напечатанъ краткій, но рѣшительный отзывъ, признававшій Ганса пьесой незрѣлой, необдуманной и необработанной [1]). Огорченный Гоголь отправился по магазинамъ, отобралъ книжку и сжегъ своего Ганса до послѣдняго экземпляра, послѣ чего никогда и никому не говорилъ о немъ.

Несмотря на всю свою душевную силу, Гоголь на время потерялъ почву подъ ногами и въ концѣ іюля, неожиданно для матери, уѣхалъ на пароходѣ въ Любекъ, сославшись на какую-то безнадежную любовь и воспользовавшись деньгами, присланными изъ деревни на уплату процентовъ въ опекунскій совѣтъ за заложенное имѣніе. Онъ имѣлъ намѣреніе пробыть за границей нѣсколько лѣтъ; но скоро одумался: вернулся черезъ нѣсколько недѣль, и поспѣшилъ поступить на первое попавшееся казенное мѣсто, чтобы успокоить мать, а для будущей извѣстности въ тиши своей комнатки продолжалъ свои литературные труды. Еще до поѣздки за границу, замѣтивъ, что публику начинаетъ интересовать все малороссійское, Гоголь мечталъ поставить на сцену пьесы покойнаго отца и настойчиво просилъ мать и родныхъ высылать ему малорусскія пѣсни и преданія, доставлять ему свѣдѣнія о народныхъ обы-

---

[1]) Содержаніе поэмы таково: въ скромной нѣмецкой деревнѣ, на берегу моря, живутъ двое молодыхъ людей, съ дѣтства любящіе другъ друга: внучка пастора, дочь мызника, красавица Луиза и сосѣдъ ея родителей, Гансъ Кюхельгартенъ; Гансъ искренно привязанъ къ Луизѣ, но усердное чтеніе возбудило въ немъ неудержимое желаніе видѣть отдаленныя страны (Грецію и Востокъ) и *отмѣтить* свое *существованіе*. Въ душѣ его происходитъ тяжелая борьба, вслѣдствіе которой онъ бродитъ одинокій и печальный и тѣмъ внушаетъ Луизѣ подозрѣніе, — не разлюбилъ ли онъ ея? Наконецъ Гансъ тайно покидаетъ родину, оставивъ Луизѣ записку. Луиза томится и груститъ, но остается вѣрна своей любви, а Гансъ, разочаровавшись въ своихъ мечтахъ (читатели узнаютъ только, какое тяжелое впечатлѣніе произвели на него разрушенныя, подвластныя туркамъ Аѳины) и въ людяхъ черезъ два года, измученный и печальный, возвращается на родину. Убѣдившись, что Луиза любитъ его попрежнему, онъ оживаетъ тѣломъ и душой; поэма оканчивается описаніемъ веселой свадьбы героевъ.

За авторомъ нельзя не признать силы воображенія (что отмѣтила и критика) и въ языкѣ его—оригинальности и смѣлости; но стихъ поэмы неправиленъ и слабъ. Будущаго Гоголя напоминаетъ, кромѣ отдѣльныхъ выраженій, только яркое описаніе нѣкоторыхъ подробностей обыденной жизни.

чаяхъ, вѣрованіяхъ, одеждахъ и пр. Просьба его, разумѣется, не встрѣтила отказа; матеріалу получилось достаточно, и Гоголь, пользуясь имъ, создаетъ свой первый оригинальный разсказъ: «Бисаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Малороссійская повѣсть (изъ народнаго преданія), разсказанная дьячкомъ Покровской церкви».

«Бисаврюкъ» былъ принятъ редакціей «Отечественныхъ Записокъ» Свиньина и напечатанъ (безъ имени автора) въ февральской и мартовской книжкахъ за 1830 г., но съ довольно значительными и большею частію неудачными поправками.

Въ апрѣлѣ того же года Гоголю удалось получить нѣсколько лучшее казенное мѣсто (въ департаментѣ удѣловъ); работая утромъ по службѣ, онъ послѣ обѣда занимается живописью въ Академіи Художествъ, а дома продолжаетъ свои литературныя занятія, результаты которыхъ подъ разными подписями помѣщаетъ въ изданіяхъ барона Дельвига: «Сѣверныхъ цвѣтахъ» и «Литературной газетѣ»; въ № 4 (за 1831 г.) подъ статьею «Женщина» появляется въ первый разъ въ печати имя Гоголя.

Баронъ Дельвигъ, товарищъ по лицею и другъ Пушкина, былъ истинный поэтъ въ душѣ, умный и очень добрый человѣкъ. Онъ замѣтилъ талантъ и вкусъ въ юномъ малороссѣ и познакомилъ его съ Жуковскимъ, который самымъ теплымъ образомъ рекомендовалъ его вліятельному въ высшихъ сферахъ проф. Плетневу; тотъ, тоже восхитившійся талантомъ и направленіемъ Гоголя, доставилъ ему нѣсколько частныхъ уроковъ въ лучшихъ домахъ Петербурга, а потомъ мѣсто учителя исторіи въ Патріотическомъ институтѣ для дѣвицъ, и при этомъ рѣшилъ непремѣнно «подвести молодого писателя подъ благословеніе Пушкина», который собирался въ это время переѣзжать въ Петербургъ.

Вотъ когда счастіе повернулось лицомъ къ Гоголю, благодаря его энергіи! Онъ прекрасно сознаетъ это и чувствуетъ себя необыкновенно бодрымъ, веселымъ и добрымъ. 10 февраля 1831 г. онъ пишетъ матери и сестрамъ: «Мои обстоятельства идутъ, чѣмъ далѣе, лучше и лучше: все поселяетъ въ меня надежду, что если не въ этомъ, то въ слѣдующемъ году я буду уже въ возможности содержать себя собственными трудами... Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть... Мысль моя всегда съ вами. За чайнымъ столикомъ, за обѣдомъ я невидимкой сижу между вами, и если вамъ весело слишкомъ бываетъ, это значитъ, что я втерся въ кругъ вашъ, и потому, если вы хотите побольше бесѣдовать и быть со мною, вы должны непремѣнно побольше веселиться». Въ такомъ настроеніи духа Гоголь пишетъ свои «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

Въ маѣ этого же 1831 года Гоголь познакомился съ Пушкинымъ, и все лѣто, когда въ Петербургѣ печаталась его первая книга, онъ прожилъ въ ближайшемъ общеніи съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, которые ввели его въ общество нѣсколькихъ умныхъ фрейлинъ и въ томъ числѣ А. О. Росеттъ (впослѣдствіи Смирновой).

Въ сентябрѣ появилась 1-я часть «Вечеровъ на Хуторѣ» [1]), которая на всѣхъ людей со вкусомъ произвела чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе и сразу сдѣлала своего автора литературной знаменитостью. Вотъ что писалъ

---

[1]) Она заключала въ себѣ: Предисловіе. Сорочинскую ярмарку. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, Майскую ночь или утопленницу и Пропавшую грамоту.

Пушкинъ объ этихъ разсказахъ: «Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманности, безъ чопорности, а мѣстами *какая поэзія, какая чувствительность!* Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумлюсь».

А вотъ что не безъ вполнѣ понятнаго чувства самодовольствія разсказываетъ самъ Гоголь въ письмѣ къ Пушкину: «Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнѣ. Это меня нѣсколько удивило; я—къ фактору, и онъ послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что «штучки, которыя вы изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву».

Такимъ образомъ и царь русской литературы и малограмотные наборщики были въ восторгѣ отъ книжки Гоголя: съ удовольствіемъ читали ее и въ петербургскихъ дворцахъ. Довольна была ею и вся читающая Россія, судя по тому, что первое изданіе этой 1 части, несмотря на высокую цѣну, разошлось въ 4 мѣсяца, и ко времени выхода 2-й части, въ февралѣ 1832 г. [1]) 1 пришлось допечатывать. Похвальные отзывы «Сѣверной Пчелы» и «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» разнесли ея славу въ самые отдаленные уголки Россіи и Малороссіи, и легко себѣ представить, какое отрадное дѣйствіе произвели въ послѣдней веселые и поэтическіе разсказы Рудаго Панька. Такимъ образомъ общеполезное дѣло, о которомъ Гоголь мечталъ еще гимназистомъ, было благополучно начато, и жизнь его, очевидно, не пройдетъ безслѣдно; *существователемъ* онъ не будетъ. Крупный человѣкъ отъ заурядnаго рѣзко отличается въ двухъ случаяхъ: въ моменты высшаго несчастія и высшаго счастія; когда заурядный окончательно падаетъ духомъ, навсегда отказывается отъ мечтаній и ищетъ только покоя, крупный работаетъ съ усиленной энергіей и ни за что не хочетъ мириться съ печальной судьбою своей и, въ концѣ-концовъ, разумѣется, побѣждаетъ всѣ препятствія. Въ первые два года петербургской жизни Гоголь проявилъ свою силу въ несчастіи; теперь предстояло ему еще болѣе трудное дѣло: не успокоиться на первомъ крупномъ успѣхѣ и итти энергично впередъ по избранному поприщу. Онъ блистательно выдержалъ и этотъ второй, важнѣйшій жизненный экзаменъ. Не прошло и года послѣ выхода въ свѣтъ 2 части его расхваленной книги, она уже кажется ему недостойною вниманія. 1 февраля 1833 г. онъ пишетъ одному изъ своихъ пріятелей (М. П. Погодину): «Вы спрашиваете объ «Вечерахъ Диканьскихъ»?—*Чортъ съ ними. Я не издаю ихъ.* И хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого,—*прибавлять сказки!..* Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ», и вы только напомнили мнѣ объ этомъ».

Въ этихъ словахъ есть, конечно, нѣкоторая доля преувеличенія, и самъ же Гоголь впослѣдствіи внесъ «Вечера» почти безъ передѣлокъ въ собраніе своихъ сочиненій, но несомнѣнно, что онъ низко цѣнилъ первую свою книжку сравнительно съ послѣдующими.

Также думаемъ и мы, потомство; тѣмъ не менѣе, намъ было бы страшно обидно, если бъ мы почему-нибудь лишились этихъ чудно-поэтическихъ, веселыхъ, жизнерадостныхъ *сказокъ*, какъ ихъ презрительно называетъ авторъ:

---

[1]) Она заключала въ себѣ: Предисловіе, Ночь передъ Рождествомъ, Страшную месть. Ивана Ѳедоровича Шпоньку и Заколдованное мѣсто.

помимо ихъ внутреннихъ достоинствъ, помимо того, что онѣ открыли въ свое время русскому обществу цѣлую страну съ интереснымъ народомъ и дали нашей литературѣ могучій толчокъ въ новомъ, плодотворномъ направленіи, онѣ драгоцѣнны для насъ потому, что объясняютъ процессъ творчества Гоголя и громадность его производительной силы.

Возьмемъ для примѣра одну изъ этихъ *сказокъ*: «Ночь передъ Рождествомъ». Въ основу ея Гоголь положилъ малорусскую сказку о веселомъ кузнецѣ Яремкѣ, который всячески унижалъ и позорилъ чорта и за то подвергся отъ него большой опасности, но благополучно освободился отъ нея и наказалъ чорта еще чувствительнѣе. Гоголь воспользовался также и другими народными вѣрованіями (о летаніи вѣдьмъ, о похищеніи ими звѣздъ) и анекдотами (о любов-

А. С. Пушкинъ у Н. В. Гоголя.

никахъ, посаженныхъ въ мѣшки, и пр.), но чудныя картины зимней ночи, колядокъ, добродушный влюбленный Вакула, легкомысленно-кокетливая, но способная къ глубокому чувству Оксана, ея туповатый, упрямый родитель, его равнодушный кумъ, масса смѣшныхъ лицъ и событій, геніально смѣлая мысль перенести читателя мгновенно изъ малороссійскаго села во дворецъ Екатерины и вся живая, игривая фабула, такъ остроумно и благополучно заканчивающаяся, — все это безсмертное созданіе самого Гоголя, проявленіе творческаго генія, какіе родятся вѣками.

Послѣ выхода въ свѣтъ «Вечеровъ» дѣятельность Гоголя распадается на два отдѣла: какъ преподаватель исторіи, онъ талантливо, хотя и неровно, даетъ уроки, изучаетъ доступныя ему историческія сочиненія, готовитъ рядъ статей; какъ извѣстный литераторъ, онъ участвуетъ въ разныхъ предпріятіяхъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, кн. Одоевскимъ и др. Слава его ширится и крѣпнетъ. Въ 1832 г. проѣздомъ на родину (куда онъ поѣхалъ отдохнуть на лѣто) онъ

остановился въ Москвѣ, гдѣ сошелся съ профессорами Погодинымъ, Максимовичемъ, актеромъ Щепкинымъ, Сергѣемъ Аксаковымъ, которые сразу сдѣлались его близкими друзьями и поклонниками, болѣе горячими и искренними, чѣмъ большинство петербуржцевъ. Да и самъ Гоголь теплѣе и проще относился къ москвичамъ, чѣмъ къ петербуржцамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Пушкина, на котораго онъ смотрѣлъ съ благоговѣніемъ, какъ на великаго учителя. Новые пріятели такъ понравились Гоголю, что онъ заѣхалъ въ Москву и на обратномъ пути изъ Васильевки, хотя онъ ѣхалъ не одинъ, а съ двумя маленькими сестрами, которыхъ онъ везъ въ Петербургъ для помѣщенія въ Патріотическій институтъ.

Тяжесть пережитыхъ испытаній въ это время сказывалась въ Гоголѣ необычной въ такіе юные годы практичностью, изрѣдка наклонностью поважничать, похвастать умомъ и положеніемъ и иногда болѣзненной обидчивостью и мнительностью относительно здоровья, въ самомъ дѣлѣ малонадежнаго; но въ общемъ онъ былъ въ тѣ пору веселый и добрый юноша: маленькія сестры, предоставленныя на его попеченіе, не могли нахвалиться его заботливостью и ласками; «рѣдкій у насъ былъ братъ», вспоминали онѣ впослѣдствіи: онъ смотрѣлъ за ними, какъ мать родная, и баловалъ ихъ, какъ любящая бабушка.

А съ своей родины, которая изъ столицы рисовалась ему въ такихъ радужныхъ краскахъ, Гоголь вывезъ на этотъ разъ довольно тяжелыя впечатлѣнія; съ благопріобрѣтенной въ Петербургѣ наблюдательностью онъ ясно увидалъ, какъ разорялись малороссійскіе помѣщики вслѣдствіе неумѣнья хозяйничать, какъ даровитый и добрый народъ, забывъ свое славное прошлое, коснѣлъ въ лѣни и невѣжествѣ, подъ гнетомъ безсовѣстныхъ чиновниковъ. Конечно, всѣ эти явленія существовали и прежде, но Гоголь не замѣчалъ ихъ. Теперь горькій опытъ умудрилъ его и состарилъ; въ 23 года онъ чувствовалъ себя совсѣмъ зрѣлымъ, почти пожилымъ человѣкомъ: онъ привыкъ всматриваться въ глубь явленій и людей и не обольщаться блестящей наружностью. Это очень ясно выразилось въ его новыхъ повѣстяхъ изъ малороссійской жизни, которыя онъ писалъ въ это время и издалъ немного позднѣе подъ названіемъ: «Миргородъ»,—повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки». Всѣ эти четыре повѣсти (Старосвѣтскіе помѣщики, Тарасъ Бульба, Вій, Повѣсть о томъ, какъ поссорились...), несмотря на поразительное разнообразіе въ тонѣ и содержаніи, оканчиваются печально. Авторъ и теперь наклоненъ смѣяться и смѣшить читателей, но этотъ смѣхъ не похожъ на прежній—юношескій жизнерадостный; это тотъ смѣхъ глубокій, смѣхъ сквозь слезы, который критики называютъ юморомъ. Самую шутливую изъ повѣстей «Миргорода», сносное чтеніе которой заставляетъ всѣхъ смѣяться до упаду, «Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», Гоголь оканчиваетъ печальной картиной грязной осени и еще болѣе печальнымъ восклицаніемъ: *Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!*

Очень скучно, грустно и печально, особенно если сравнить настоящее Малороссіи, когда правящій классъ ея представляютъ Довгочхуны и Перерепенки, съ ея героическимъ прошлымъ, которое на страницахъ той же книжки изображено съ такимъ поэтическимъ воодушевленіемъ въ «Тарасъ Бульбѣ», нашей величайшей исторической поэмѣ въ прозѣ. «Старосвѣтскіе помѣщики» представляютъ современность съ наиболѣе симпатичной ея стороны: со стороны благодушія, гостепріимства и взаимной супружеской любви, а «Вій»—прошлое со стороны наименѣе симпатичной: жестокости нравовъ и ужасовъ колдовства; но въ грубости прошлаго ясно сказывается мощь душевная, а въ добродѣтельныхъ Товстогубахъ—что-то слякотно-слабое и мелочно-матеріалистическое.

Прошлое Малороссіи въ это время очень сильно занимало Гоголя; онъ со страстію собиралъ ея пѣсни и изучалъ ея исторію. Въ 1834 г. долженъ былъ открыться Кіевскій университетъ. Гоголь, страдавшій отъ петербургскаго климата, мечтаетъ, какъ о величайшемъ счастіи, о томъ, чтобы занять въ немъ каѳедру исторіи. Профессура устроитъ его матеріально; но основныя его побужденія вовсе не эгоистическія: онъ собирается работать отчаянно, составить всеобщую исторію, какой и за границей нѣтъ. «Много можно надѣлать добра!» восклицаетъ онъ въ письмѣ къ близкому другу.

Переходъ Гоголя въ Кіевъ не состоялся, несмотря на усердныя хлопоты Пушкина: нашелся другой кандидатъ не такой талантливый, но лучше подготовленный. Каѳедра исторіи, однакоже, не ушла отъ него, только не въ Кіевѣ, а въ Петербургѣ. Онъ занялъ ее въ сентябрѣ 1834 г. и привелъ въ восторгъ слушателей своей вступительной лекціей; но послѣдующія его чтенія мало соотвѣтствовали этому блестящему началу, у него оказалось слишкомъ мало знаній, а усиленно подготовляться онъ не имѣлъ возможности, такъ какъ былъ слишкомъ занятъ своими литературными работами, и лекціи его стали вялыми и малосодержательными; замѣтивъ равнодушіе студентовъ, онъ сталъ часто пропускать лекціи. Въ концѣ 1835 г. Гоголь покинулъ каѳедру; за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ онъ потерялъ и свое учительское мѣсто въ институтѣ, гдѣ въ послѣднее время также очень небрежно относился къ дѣлу. Но все это сравнительно мало огорчило его: онъ былъ въ это время всецѣло погруженъ въ свою литературную работу.

Уже въ началѣ 1835 г. Гоголь почти одновременно выпустилъ въ свѣтъ цѣлыхъ два сборника, каждый въ 2-хъ частяхъ: «Арабески», гдѣ, кромѣ ряда очень оригинальныхъ и научно-популярныхъ статей, были помѣщены три новыя повѣсти, и вышеуказанный «Миргородъ».

Хотя «Вечера на Хуторѣ» всѣмъ понравились, но крупный, изъ ряду выдающійся творческій талантъ автора увидали въ нихъ только Пушкинъ и немногіе люди, близкіе къ нему по литературному развитію; масса публики считала ихъ творца только остроумнымъ, веселымъ забавникомъ. «Миргородъ» и «Арабески» блистательно оправдали чуткость Пушкина. Къ тому же въ Москвѣ появился въ это время молодой, талантливый критикъ Бѣлинскій, разъяснившій всѣмъ лучшимъ людямъ, *почему* они находятъ такое наслажденіе въ повѣстяхъ Гоголя; и молодой малороссъ сталъ въ глазахъ наиболѣе развитыхъ читателей рядомъ съ Пушкинымъ.

Три повѣсти, помѣщенныя въ «Арабескахъ»: «Портретъ», «Невскій Проспектъ» и «Записки сумасшедшаго» вмѣстѣ съ позднѣй написанною повѣстью «Шинель» (и отчасти съ фантастической шуткой «Носъ») составляютъ отдѣльные эпизоды *петербургской эпопеи* Гоголя, въ которыхъ воспроизводится съ поразительной правдивостью, глубиною и драматизмомъ жизнь петербургскихъ художниковъ, офицеровъ, а чаще всего мелкихъ департаментскихъ чиновниковъ великой сѣверной столицы; въ каждомъ изъ нихъ—или потрясающая трагедія или смѣшная, хотя и невеселая, комедія: здѣсь художникъ изъ-за благъ житейскихъ губитъ безвозвратно свой талантъ; тамъ собратъ его гибнетъ вслѣдствіе невозможности примиритъ мечты свои съ пошлой и грязной дѣйствительностью; чаще всего маленькіе, скромные люди подавлены обстоятельствами до полной потери человѣческаго самосознанія. Смѣхъ и горькія, горькія слезы до того слиты воедино въ этихъ повѣстяхъ, что трудно назвать другое художественное произведеніе, которое въ этомъ отношеніи такъ близко подходило бы къ самой жизни; а между тѣмъ всякая изъ повѣстей этихъ вовсе не скучный сколокъ съ дѣйствительности, но плодъ самой свободной

(въ «Носѣ» даже необузданной) фантазіи поэта и потому читается съ захватывающимъ дыханіе и волнующимъ душу интересомъ. Эти петербургскія повѣсти, какъ и повѣсти малороссійскія, всѣмъ казались вылившимися на бумагу сразу, безъ обдумыванія; такъ геніально легки были онѣ въ чтеніи! Только теперь, когда разсмотрѣны черновыя бумаги Гоголя, узнали мы, какъ упорно и настойчиво *работалъ* надъ ними Гоголь. Онъ готовился къ изданію повѣсти иногда цѣлыми годами, всматривался въ сотни людей, записывалъ подслушанныя удачныя выраженія и словечки, обдумывалъ сюжетъ мѣсяцами; не по два, по три раза переписывалъ онъ свои повѣсти, а по десяти разъ и болѣе; думалъ надъ каждой фразой, надъ каждымъ словомъ, вычеркивалъ цѣлыя прекрасныя страницы, если находилъ возможность замѣнить ихъ еще болѣе прекрасными, но по краткости своей болѣе сильными строчками.

Но ни надъ чѣмъ Гоголь не работалъ съ такимъ упорствомъ и съ такой самозабвенной энергіей, какъ надъ своими драматическими произведеніями. Еще въ 1832 г., проѣзжая черезъ Москву въ Васильевку, Гоголь только и думаетъ, что о созданіи истинно-русской комедіи, которая должна быть «правдивымъ и яркимъ изображеніемъ повседневной жизни». Онъ, по словамъ его пріятелей, въ это время *просто помѣшался на комедіи*; изъ-за нея-то онъ и дорожитъ, между прочимъ, такъ сильно дружбой съ лучшимъ московскимъ актеромъ Щепкинымъ; съ нимъ ведетъ онъ безконечные разговоры не только о дорогой имъ Малороссіи, но [illegible] о сценическомъ искусствѣ. Чтобы облегчить своей будущей пьесѣ доступъ на сцену, онъ дѣлаетъ визиты театральнымъ властямъ.

Изъ Малороссіи Гоголь привезъ планъ *легкой* комедіи «Женихи», изъ которой впослѣдствіи развилась «Женитьба» (напечатана въ первый разъ въ 1842 г.), при чемъ дѣйствіе перенесено изъ малороссійской помѣщичьей среды въ петербургскую купеческо-чиновничью и введенъ новый герой—знаменитый Подколесинъ. Комедія вышла, дѣйствительно, легкая—самъ авторъ озаглавилъ ее «совершенно невѣроятное событіе», — но такая живая и веселая, что уже одно появленіе ея на афишѣ до сихъ поръ разглаживаетъ морщины на лицѣ всякаго, кто мало-мальски любитъ театръ. Ея глубокая общественная идея—противоположеніе міровъ купеческаго и чиновничьяго — была оцѣнена много позднѣе при величайшемъ изъ учениковъ Гоголя—Островскомъ.

Въ 1833 г. Гоголь упорно работаетъ надъ *серьезной* комедіей «Владиміръ 3-й степени», пишетъ [illegible] вычеркиваетъ и негодуетъ на себя за то, что у него «ничего не выходитъ». Не выходитъ же ничего не по недостатку образовъ и идей, а изъ вполнѣ понятнаго страха передъ театральной цензурой: ему хочется какъ можно глубже захватить жизнь, какъ можно злѣе осмѣять то, что достойно осмѣянія. «Что за комедія безъ правды и злости?» пишетъ онъ; а именно злая правда и не допускалась въ то время на театръ, который долженъ былъ только *забавлять* публику. «Владиміръ 3-й степени» такъ и не появился на свѣтъ; отъ него остались обломки, отдѣльныя сцены, которыя при всей своей талантливости даютъ очень слабое понятіе о цѣломъ: это «Утро чиновника» (по требованію цензуры при печатаніи заглавіе измѣнено въ «Утро дѣлового человѣка»), «Тяжба» и «Лакейская».

Тогда Гоголь принимается за новый планъ — за обработку анекдота, сообщеннаго ему Пушкинымъ, о самозванцѣ-ревизорѣ. Здѣсь дѣйствіе будетъ не въ Петербургѣ, а въ провинціи; на сценѣ будутъ не начальники отдѣленій, а мелкіе уѣздные чиновники, надъ глупостью и подлостью которыхъ издѣваться было позволительно.

Тогда создается безсмертный «Ревизоръ».

Н. В. Гоголь въ Яновшинѣ.

Картина *худ. П. Волкова.*

19 апрѣля 1836 г. александринскій театръ въ Петербургѣ, тогда единственный казенный театръ, былъ наполненъ избранной публикой; въ ложахъ, партерѣ блистали генеральскіе мундиры и звѣзды; почти всякій, кто считалъ себя образованнымъ человѣкомъ, считалъ своимъ долгомъ не пропустить этого спектакля. Въ обществѣ ходили слухи о томъ, что имъ очень интересуется государь, что онъ уже знакомъ съ пьесой, стоящей нынѣ на афишѣ, и, благодаря стараніямъ Жуковскаго, взялъ подъ свое особое покровительство и ее и ея 27-лѣтняго автора.

Вотъ какъ разсказываетъ одинъ изъ пріятелей Гоголя (впослѣдствіи извѣстный писатель) Анненковъ о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ «Ревизоръ» на публику: «Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ, словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только что представленной; недоумѣніе возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается *фарсъ*, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостью. Однакоже въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ 4-мъ актѣ: смѣхъ по временамъ еще пролеталъ изъ одного конца залы въ другой; но это былъ какой-то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; аплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, слѣдованіе за всѣми оттѣнками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее *негодованіе*, которое довершено было 5-мъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію; другіе за то, что виденъ талантъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, *простая публика за то, что смѣялась;* но общій голосъ *избранной* публики былъ: эта невозможность, клевета и фарсъ».

Негодовала на клевету и возмущалась невозможностью изображеннаго, разумѣется, чиновная публика, украшенная генеральскими мундирами и звѣздами [1]). Удивительно, какъ она не видала противорѣчія въ своихъ чувствахъ и поведеніи: если пьеса была фарсомъ и представляла невозможное, почему она слушалась съ такимъ вниманіемъ? Если въ ней изображалась правда, за что негодовать на нее? Поговорку: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» не даромъ поставилъ Гоголь эпиграфомъ къ «Ревизору», и «Ревизоръ», конечно, изобразилъ самую подлинную правду, сжатую въ художественныхъ образахъ и черезъ то какъ бы усиленную; генералы прекрасно знали это; оттого они и слѣдили за представленіемъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ; но они находили совершенно неприличнымъ выставлять эту горькую правду во всей наготѣ ея. Они считали нужнымъ дѣлать видъ, что у насъ все обстоитъ благополучно, и никакихъ перемѣнъ не требуется; такъ, по ихъ убѣжденію, было покойнѣе и выгоднѣе.

Ихъ недовольство отчасти раздѣляли люди, болѣе правдивые, но старовѣры литературные; они были убѣждены, что искусство не должно копаться въ такой грязи и мерзости, какъ плутни провинціальныхъ чиновниковъ, и упре-

---

[1]) Что Анненковъ не преувеличилъ ея негодованія, видно изъ дневника важнаго театральнаго чиновника, который, отмѣтивъ, что государь „хохоталъ отъ всей души“, и, назвавъ пьесу *чрезвычайно забавной*, прибавляетъ: „Только *нестерпимое ругательство* на дворянъ, чиновниковъ и купечество“.

кали Гоголя за то, что во всей пьесѣ только одни мошенники и нѣтъ ни одного сколько-нибудь *идеальнаго лица*.

Но *простая публика*, т.-е. масса общества, поняла дѣло лучше; она была довольна пьесой, наполняла театръ на безконечныхъ повтореніяхъ «Ревизора» въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи — тамъ впечатлѣніе было еще сильнѣе — и смѣялась отъ всей души, смѣялась тѣмъ благодѣтельнымъ смѣхомъ, который Гоголь называетъ *идеальнымъ лицомъ* своей пьесы.

Это честное, благородное лицо. «Онъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ». Это не желчный, раздражительный смѣхъ ипохондрика и не легкій смѣхъ, излетающій изъ души веселонравной молодости; это, если можно такъ выразиться,

Н. В. Гоголь читаетъ „Ревизора“ въ кругу литераторовъ.

серьезный, гражданскій смѣхъ, исправляющій человѣка и даже цѣлое общество. Кто заставлялъ своихъ согражданъ смѣяться такимъ смѣхомъ надъ нашими порядками 30-хъ годовъ прошлаго вѣка, тотъ подготовлялъ ихъ къ великимъ реформамъ Царя-Освободителя.

Гоголь никакъ не ожидалъ, что высокопоставленныя лица примутъ его пьесу за «нестерпимое ругательство на дворянъ, чиновниковъ и купечество», и былъ этимъ огорченъ весьма серьезно; но ея огромный успѣхъ въ большой публикѣ утѣшилъ его какъ въ этомъ, такъ и въ «служебныхъ его неудачахъ». Онъ почувствовалъ въ себѣ «львиную силу» и сталъ готовиться къ великому подвигу — къ созданію «Мертвыхъ Душъ» — идею ихъ тоже далъ ему Пушкинъ, — отъ широкаго плана которыхъ онъ самъ заранѣе приходилъ въ восторгъ.

ваютъ «бархатныя дороги», а въ городахъ — сады, за что «сердца гражданъ трепещутъ въ избыткѣ благодарности и струятъ потоки слезъ»; въ немъ чиновники, много лѣтъ послужившіе отечеству и государю, богатѣютъ и пользуются «всеобщимъ уваженіемъ»; въ немъ говорятъ «о добродѣтели со слезами на глазахъ»; въ немъ внѣшняя цивилизація и тонкость обращенія доведены до высшей степени; въ немъ низшіе до того послушны начальству, что капитанъ-исправнику стоитъ только послать свою фуражку, чтобы насильственное выселеніе крестьянъ въ Новороссію произошло покойно и безпрепятственно и т. д. и т. д. Что скрывается подъ этимъ внѣшнимъ благополучіемъ, одинаково наглядно показано въ «Ревизорѣ» и въ «М. Д.», но въ послѣднемъ случаѣ гораздо обстоятельнѣе и полнѣе; а главное въ «Ревизорѣ» мы только видимъ уголокъ провинціальнаго мірка; въ «М. Д.» же авторъ легко и удобно поднимается отъ деревенской старушки Коробочки къ петербургской великосвѣтской красавицѣ Коробочкѣ, отъ помѣщика Собакевича къ Собакевичу — важному петербургскому чиновнику; въ «Ревизорѣ» мы не знаемъ, откуда берутся такіе ловкіе *дѣльцы*, какъ Сквозникъ-Дмухановскій, въ «М. Д.» все воспитаніе, вся жизнь Чичикова проходитъ на нашихъ глазахъ.

Историко-литературное значеніе «М. Д.» всего короче можно опредѣлить словами самого автора: до тѣхъ поръ въ романахъ изображались «характеры большого размѣра»; это не трудно: «просто бросай краски со всей руки на полотно: черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый, какъ огонь, плащъ, — и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ виду очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей,—эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь выступить передъ собою всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ».

А въ послѣдней главѣ Гоголь шутливымъ тономъ объясняетъ, почему онъ не взялъ въ герои добродѣтельнаго человѣка. «Потому что пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается въ устахъ слово: *добродѣтельный человѣкъ;* потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора, наконецъ, припречь и подлеца». Въ заключеніе же, въ отвѣтъ фальшивымъ патріотамъ, которые могутъ обвинить его за обнаруженіе язвъ отечества, онъ разсказываетъ побасенку о Кифѣ Мокіевичѣ и Мокіи Кифовичѣ, доказывающую, что авторъ долженъ говорить *святую правду*.

Итакъ, коротко сказать, литература, забавляющая, поучающая пошлой морали и прославляющая, съ «М. Д.» превращается въ литературу изслѣдующую и обличающую.

Но, конечно, дѣло не столько въ благой цѣли, сколько въ геніальномъ ея исполненіи; не будь «М. Д.» написаны такъ, какъ онѣ написаны, такъ, что чуть не каждое слово ихъ можетъ войти въ поговорку, такъ, что чтеніе ихъ въ сотый разъ не можетъ не заставить смѣяться самаго серьезнаго человѣка, не можетъ не заставить задуматься самаго легкомысленнаго, — онѣ остались бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Въ концѣ мая 1842 г., немедленно по выходѣ въ свѣтъ «М. Д.», Гоголь уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ поручилъ своему товарищу по гимназіи Прокоповичу печатаніе собранія своихъ сочиненій въ 4-хъ томахъ, и въ самомъ началѣ іюня снова уѣхалъ за границу. Пробывъ лѣто и начало осени на водахъ въ Германіи, въ октябрѣ онъ уже въ Римѣ вмѣстѣ съ поэтомъ Н. М. Языковымъ.

Казалось, теперь, послѣ такого безпримѣрнаго успѣха, послѣ благополучнаго устройства денежныхъ дѣлъ своихъ, Гоголю оставалось только отдыхать, а отдохнувши опять наслаждаться силою своего творчества. Но здѣсь-то въ его жизни и взглядахъ окончательно произошелъ тотъ несчастный переломъ, который подготовлялся съ вѣнскаго *надрыва* 1840 г.

Гоголевское зданіе для просвѣтительныхъ цѣлей въ Полтавѣ

Гоголь пришелъ въ такое мученическое состояніе, что все хорошее въ его личной жизни не доставляло ему ни малѣйшаго удовольствія, а все хоть нѣсколько непріятное представлялось ему нестерпимымъ страданіемъ; небольшое и временное затрудненіе въ денежныхъ дѣлахъ, даже необходимость подумать о нихъ—для него ужасное бѣдствіе; запросы его поклонниковъ о томъ, когда будетъ готова 2-я часть «М. Д.», просто бѣсятъ его; похвалы его произведеніямъ, хотя бы самыя оригинальныя и искреннія, даже непріятны ему; онъ вымаливаетъ у друзей упреки и порицанія, а упрекнутъ его — онъ обижается. Въ письмахъ его господствующій тонъ — необычайное смиреніе и самоуничиженіе; но рядомъ съ этимъ страсть читать всѣмъ нравоученія; оно возносится надъ всѣми и настойчиво требуетъ, чтобы люди смотрѣли на вещи его глазами.

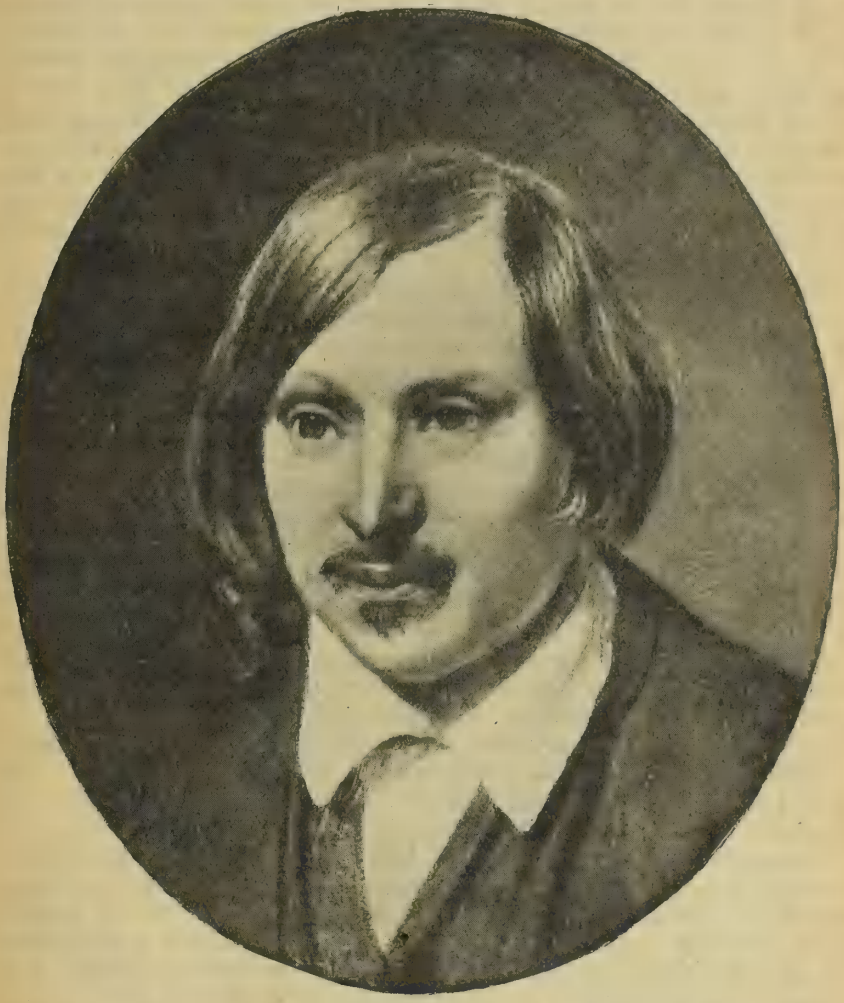
На него находятъ припадки безпричиннаго болѣзненнаго раздраженія и глубокой тоски; въ это время только восторженная молитва и чтеніе религіозныхъ книгъ даютъ ему нѣкоторое успокоеніе.

Онъ и въ ранней юности былъ вѣрующимъ человѣкомъ, но вѣрующимъ разумно; послѣ болѣзни 1840 г. онъ сталъ вѣровать восторженно, убѣжденный, что его спасло Провидѣніе для высшихъ цѣлей (уже въ Москвѣ онъ далъ обѣтъ ѣхать въ Св. землю); теперь же эта восторженная вѣра перешла въ мистицизмъ; онъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на избранника Божія, какъ на пророка, которому ясны пути Провидѣнія. На бѣду онъ за границей встрѣчался съ барами и барынями, которые чувствовали потребность въ такомъ міровоззрѣніи. Гоголь, какъ геніально умный человѣкъ, подчинилъ ихъ своему вліянію, и они укрѣпили въ немъ вѣру въ себя, какъ въ проповѣдника истинно-христіанской морали, который можетъ премудро разрѣшать и всѣ жизненные вопросы, не говоря уже о художественныхъ (гдѣ онъ, дѣйствительно, былъ великимъ знатокомъ). Какъ истинный художникъ, Гоголь не могъ думать и чувствовать одно, а творчествовать совершенно въ другомъ духѣ. Подъ вліяніемъ новаго міровоззрѣнія онъ совершенно измѣнилъ свое воззрѣніе на то, чѣмъ должно быть продолженіе «М. Д.», многія главы котораго были имъ обдуманы и даже набросаны. Уже въ 1843 г. онъ пишетъ своему старинному покровителю Плетневу: «Сочиненія мои такъ тѣсно связаны съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе» ихъ. Переработывая свое твореніе въ новомъ духѣ, минутами онъ чувствовалъ себя счастливымъ (онъ открывалъ, по его словамъ, много такихъ «тайнъ, которыхъ не слышала дотолѣ душа» его), но несравненно чаще онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ и впадалъ «въ безчувственное и бездѣйственное состояніе», страшно его угнетавшее. Работа его почти не двигалась впередъ (иногда даже шла назадъ, когда онъ истреблялъ написанное); сравнительно легко писались только *учительныя* письма близкимъ людямъ.

Такъ проходитъ три года слишкомъ, въ продолженіе которыхъ Гоголь скитается по Европѣ, живетъ то въ Италіи, то во Франкфуртѣ съ Жуковскимъ, то на водахъ со своими аристократическими знакомыми, временами лѣчится довольно усердно отъ своихъ нервныхъ недуговъ. Матеріальное его положеніе очень недурно: значительная часть долговъ выплачена, сочиненія хорошо распродаются (на доходъ съ нихъ онъ даже начинаетъ благодѣтельствовать въ довольно широкихъ размѣрахъ талантливой учащейся молодежи), и, кромѣ того, ему назначена отъ государя порядочная пенсія на 3 года. Но въ общемъ здоровье его плохо настолько, что временами онъ чувствуетъ себя близкимъ къ смерти (положительную пользу приноситъ ему только дорога), и «М. Д.» такъ же далеки отъ конца, какъ и прежде.

А между тѣмъ Гоголь считаетъ себя обязаннымъ сказать новое слово своимъ согражданамъ, которые такъ долго и напрасно ждутъ отъ него чего-нибудь необыкновеннаго. Тогда у него является мысль собрать лучшія изъ своихъ *учительныхъ* писемъ, передѣлать, поправить, дополнить ихъ и издать особою книгой. Почти весь 1846 г. уходитъ на переработку этихъ писемъ, которыя онъ считаетъ «своей единственной дѣльной книгой» и отъ которыхъ ожидаетъ наибольшей славы и вліянія. Къ новому 1847 г. явились въ свѣтъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», которыя жестоко обманули ожиданія автора. Эта болѣзненная и самомнительная, даже въ покаянномъ предисловіи и духовномъ завѣщаніи, при кажущемся смиреніствѣ, книга, въ

которой Гоголь самъ осуждаетъ свои прежнія великія творенія, въ которой онъ крайне односторонне и сплеча рѣшаетъ всѣ важнѣйшіе вопросы нашей общественной и духовной жизни, и рѣшаетъ иногда совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ рѣшалъ ихъ, какъ художникъ: эта книга, — несмотря на отдѣльныя глубокоумныя мысли и десятки превосходныхъ страницъ въ статьяхъ по вопросамъ художественнымъ, несмотря, наконецъ, на драгоцѣнныя



Н. В. Гоголь. Портретъ *худ. Иванова.*

свѣдѣнія о себѣ, которыя Гоголь даетъ въ качествѣ объясненій къ своимъ произведеніямъ,—повергла въ глубокую печаль истинныхъ друзей Гоголя и не понравилась публикѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ «Выбранныя мѣста» бранили почти всѣ и письменно и печатно. Гоголь пытался защищаться, обвинялъ своихъ критиковъ въ самомнѣніи и жестокости, стремился доказать, что его не поняли, утѣшалъ себя тѣмъ, что въ этихъ нападкахъ высказались драгоцѣнныя для него, какъ для художника, особенности русскаго человѣка,

но онъ все же не могъ не сознаться, что потерпѣлъ жестокое пораженіе. «Я размахнулся въ моей книгѣ,—пишетъ онъ Жуковскому, — *такимъ Хлестаковымъ*, что не имѣю духу загляпуть въ нее». Ему остается одно утѣшеніе—молитва, и онъ спѣшитъ исполнить свой обѣтъ — спутешествовать въ Святую землю. Въ концѣ 1847 г. онъ поѣхалъ въ Неаполь, а оттуда (въ январѣ 1848 г.)—въ Палестину; весною того же года онъ возвратился на отдыхъ въ родную Васильевку. Но поѣздка въ Св. землю на первое время не принесла ему ни физическаго здоровья ни нравственнаго успокоенія. На пути въ Палестину онъ такъ капризничалъ, что сопровождавшій его товарищъ по гимназіи, дипломатъ Базили, долженъ былъ одинъ разъ прикрикнуть на него, чтобы не потерять своего достоинства въ глазахъ окружающихъ арабовъ, а на возвратномъ пути изъ Одессы самъ Гоголь писалъ священнику (отцу Матвѣю), котораго избралъ себѣ въ совѣтники. «Еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояніемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима; только развѣ, что больше увидѣлъ черствость свою и свое себялюбіе; вотъ и весь результатъ».

Но, отдохнувъ и осмотрѣвшись на родинѣ, Гоголь сталъ гораздо бодрѣе и, очевидно, нашелъ возможнымъ примирить два до тѣхъ поръ боровшіяся въ немъ міровоззрѣнія, что подало ему надежду работать дальше надъ «М. Д.» Это такъ оживило поэта, что, вернувшись осенью изъ Петербурга въ Москву, онъ былъ веселѣе, разговорчивѣе, чѣмъ прежде, и энергично проработалъ всю зиму 1848 — 1849 г.; только весною помучилъ его припадокъ хандры. Лѣтомъ онъ читалъ самымъ близкимъ людямъ первыя отдѣланныя главы 2-й ч. «М. Д.», и онѣ приводили слушателей въ положительный восторгъ; особенно радовались тѣ, кто былъ огорченъ «Выбранными мѣстами»; имъ стало ясно, что въ Гоголѣ не умеръ великій художникъ! Ободренный этимъ восторгомъ, Гоголь энергично продолжалъ работать (больше, впрочемъ, читать и думать, чѣмъ писать) и слѣдующую зиму 1849 — 1850 г., которую онъ провелъ въ той же Москвѣ. Весною 1850 г. Гоголь поѣхалъ къ своимъ, въ Васильевку, а зиму, отыскивая себѣ «ненатопленнаго тепла», къ которому привыкъ онъ въ Италіи. Гоголь рѣшился прожить въ Одессѣ. Хотя Одесса и обманула его нѣсколько относительно климата, однако, и эта зима въ общемъ была для Гоголя благопріятна: по утрамъ онъ усердно работалъ, а послѣ обѣда отдыхалъ и развлекался. Онъ составилъ себѣ небольшой, но избранный кружокъ знакомыхъ, интересовался одесскимъ театромъ, самъ наблюдалъ за постановкою «Ревизора».

Въ апрѣлѣ 1851 г. Гоголь уже въ Васильевкѣ, гдѣ прожилъ начало лѣта; къ матери и сестрамъ онъ былъ попрежнему добръ и ласковъ; попрежнему работалъ по утрамъ; но его, повидимому, довольно часто посѣщаютъ мрачныя мысли (причиной ихъ, весьма вѣроятно, было недовольство послѣдующими главами своего труда, гдѣ Гоголю приходилось не возсоздавать живыхъ людей и дѣйствительную правду, а *выдумывать отъ себя* идеалы).

Въ концѣ мая Гоголь уѣзжаетъ на сѣверъ: лѣто и осень провелъ онъ въ разъѣздахъ (часто проживалъ у Аксаковыхъ въ Абрамцевѣ); къ 1 октября онъ собрался ѣхать въ Васильевку на свадьбу сестры, но на дорогѣ почувствовалъ припадокъ невыразимой тоски и вернулся обратно. Въ это время 2-я часть «М. Д.» была уже написана, но Гоголь былъ недоволенъ своимъ созданіемъ и считалъ необходимымъ переработать многое. Съ началомъ зимы работа пошла впередъ; вмѣстѣ съ этимъ поправилось и здоровье, но такихъ *свѣжихъ* минутъ, въ которыя ему удавалось сдѣлать что-нибудь удачное для «М. Д.», было немного; легче шла работа надъ новымъ изданіемъ сочиненій,

Могила Н. В. Гоголя въ Даниловомъ монастырѣ въ Москвѣ.

которое онъ тогда готовилъ къ печати. Въ это время Гоголь жилъ въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ у своего пріятеля гр. А. П. Толстого, на Никитскомъ бульварѣ, и былъ вполнѣ доволенъ окружающими его людьми и знакомыми. Съ средины зимы Гоголь сталъ похварывать, но не такимъ образомъ, чтобы это могло внушить кому-либо серьезныя опасенія; 20 декабря пишетъ онъ Жуковскому: «Я тружусь, иногда хвораю; иногда же милость Божія дастъ мнѣ чувствовать свѣжесть и бодрость».

Въ январѣ 1852 г. Гоголя страшно поразила неожиданная смерть жены его пріятеля Хомякова, молодой, здоровой женщины, оставившей послѣ себя убитаго горемъ мужа и семь человѣкъ дѣтей; тогда на него самого напалъ *страхъ смерти*.

Несмотря на масленицу, онъ немедленно пожелалъ говѣть, благополучно исполнилъ свое намѣреніе, но до того изнурилъ себя усиленнымъ постомъ, что едва держался на ногахъ. Увѣренность въ близкой кончинѣ не оставляла его; онъ позвалъ своего хозяина гр. Толстого и просилъ его взять на сохраненіе его бумаги; Толстой отказался, чтобы не показать, что и онъ считаетъ Гоголя опасно больнымъ. Ночи Гоголь проводилъ теперь безъ сна, въ молитвѣ; однажды въ 3 часа утра онъ разбудилъ своего мальчика-служителя, велѣлъ ему тихонько открыть трубу въ каминѣ и приготовился сжигать свои рукописи. Мальчикъ упалъ передъ нимъ на колѣни и умолялъ его не дѣлать этого, чтобы не жалѣть потомъ.

— Не твое дѣло! — отвѣтилъ Гоголь и самъ зажегъ бумаги.

Мальчикъ плакалъ и говорилъ:

— Что вы сдѣлали!

— Тебѣ жаль меня? — сказалъ Гоголь, обнялъ его, поцѣловалъ и самъ заплакалъ.

Такъ погибло одно изъ интереснѣйшихъ созданій русской литературы! Отъ него остались только двѣ главы слишкомъ, ни въ чемъ не уступающія 1 части, и рядъ отрывковъ и черновыхъ набросковъ изъ тѣхъ главъ, въ которыхъ Гоголь *выдумывалъ изъ себя* идеалы. Было ли совершено это истребленіе художникомъ вполнѣ сознательно или въ припадкѣ душевной болѣзни, мы не знаемъ; извѣстно только, что на другой день Гоголь самъ разсказалъ объ этомъ гр. Толстому, горько раскаивался, «жалѣлъ, что отъ него не приняли бумагъ и приписывалъ сожженіе ихъ злому духу».

Послѣ этого Гоголь «впалъ въ мрачное уныніе», не хотѣлъ никого видѣть, ничего не хотѣлъ ѣсть и скоро слегъ въ постель въ какой-то странной болѣзни, больше всего напоминающей нервную горячку. Несмотря на всѣ медицинскія пособія, 21 февраля онъ скончался.

Въ заключеніе два слова о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ и о писателѣ. Что Гоголь былъ одаренъ отъ природы огромнымъ умомъ и сильнымъ характеромъ, въ этомъ, конечно, никто не можетъ сомнѣваться, такъ же, какъ и въ томъ, что онъ—любящій сынъ и братъ, вѣрный другъ и вообще въ основѣ крупная и хорошая натура, всѣ силы свои отдававшая на служеніе обществу. Но на этомъ основномъ фонѣ излишнее развитіе самолюбія въ дѣтствѣ, плохое воспитаніе или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія въ отрочествѣ, непомѣрно-тяжелая борьба съ жизнью въ юности и ранніе припадки болѣзненной мнительности начертали много несимпатичнаго. Сергѣй Аксаковъ, такъ благоговѣвшій передъ его талантомъ и такъ привязавшійся къ нему, какъ къ человѣку, долженъ былъ сознаться, что и въ наружности Гоголя и въ его манерѣ держать себя «было что-то плутовское» и иногда негуманно-презрительное; точно онъ говорилъ всѣмъ окружающимъ: вы, молъ, дрянь; вы мизинца моего

не стоите; захочу — казню васъ своимъ невниманіемъ; захочу — пожалую своею милостью.

А между тѣмъ и въ юности Гоголь ловко умѣлъ — и въ періодъ мужества не отказывался — льстить тѣмъ, въ комъ нуждался; онъ мастерски пользовался своею способностью угадывать характеры людей и скрывать отъ нихъ свой собственный. Онъ ни съ кѣмъ никогда не бывалъ совсѣмъ «нараспашку», даже съ самыми близкими пріятелями держался всегда «настороже». Онъ черезчуръ практичный человѣкъ; зато иногда, побуждаемый желаніемъ нарисоваться, онъ бывалъ наивно-самомнителенъ и хвастливъ. При всей силѣ своего характера онъ иногда даже самыхъ заурядныхъ людей удивлялъ неумѣстными колебаніями и нерѣшительностью; при своей изумительной энергіи

Памятникъ Н. В. Гоголю въ Нѣжинѣ.

въ работѣ онъ иногда подвергался припадкамъ самой возмутительной умственной лѣни. Короче сказать, въ его геніальной и богатой натурѣ, рядомъ со всевозможнымъ добромъ, умѣщался и разсчетливый эгоизмъ Чичикова, и слабовольная нерѣшительность Подколесина, и тщеславіе Хлестакова, и даже лѣнь Тѣнтѣтникова. Онъ самъ говоритъ о себѣ: «Никто изъ читателей моихъ не зналъ, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною. Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который высунулся бы виднѣе всѣхъ прочихъ... но зато во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ недостатковъ и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ... Взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувстви-

тельное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало».

Конечно, въ этихъ словахъ есть значительная доля самоуничиженія; но они зато наглядно объясняютъ, какъ великій человѣкъ умѣлъ обратить во благо другимъ свои личные недостатки, отъ которыхъ онъ самъ страдалъ несравненно больше, чѣмъ люди, ему близкіе.

Какъ великій поэтъ, Гоголь завершаетъ собою цѣлый рядъ предшествующихъ ступеней развитія русской литературы и въ то же время является главою новаго *гоголевскаго* періода. Наша поэзія, пытавшаяся сдѣлаться *реальной* еще со временъ Державина, сдѣлавшаяся *филантропической* вмѣстѣ съ Карамзинымъ, старавшаяся стать *національной* со времени отечественной войны, достигла высшей точки своего *художественнаго* развитія въ Пушкинѣ и въ рукахъ непосредственныхъ учениковъ Пушкина, къ числу которыхъ принадлежалъ и начинающій Гоголь; она не могла итти впередъ въ этомъ направленіи, а должна была только углубляться и расширяться въ стороны. Но Гоголь, успѣвшій созрѣть въ нѣсколько мѣсяцевъ, своей комедіей рѣзкой *правды* и *злости* повелъ поэзію по новой дорогѣ, вѣрность которой на первое время могъ сознательно оцѣнить только одинъ его великій учитель.

Вся русская литература 40—60 годовъ есть прямое продолженіе гоголевскаго періода; самый крупный и самый художественный ея дѣятель Тургеневъ сознаетъ, что всѣ они учились творить на *Акакіи Акакіевичѣ* и его безсмертной шинели; ближайшіе сотрудники Тургенева оказываются учениками Гоголя, еще болѣе послушными: юный Достоевскій прямо таки передѣлываетъ сперва *Шинель* («Бѣдные люди»), потомъ «Записки сумасшедшаго» («Двойникъ»). Гончаровъ въ полной порѣ силъ и таланта изучаетъ и возсоздаетъ въ своемъ Обломовѣ едва набросанный Гоголемъ типъ Тѣнтѣтникова. Величайшій драматургъ 50 — 60 гг. Островскій, до сихъ поръ царствующій на нашей сценѣ, — прямой высокодаровитый ученикъ Гоголя-драматурга.

Не наглядна ли для всякаго непосредственная связь всей *обличительной* литературы 60 и 70 годовъ съ «М. Д.», авторъ которыхъ при самомъ началѣ работы сообщаетъ своему учителю Пушкину, что ищетъ хорошаго *кляузника*, а позднѣе выписываетъ за границу ворохами гражданскія дѣла?

А черезъ литературу 60 — 70 годовъ отъ Гоголя въ прямой зависимости все лучшее, болѣе талантливое, болѣе продуманное и гуманное, въ широкомъ смыслѣ слова, въ литературѣ современной, которой живемъ и дышимъ мы и на которой, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ, воспитывается наша учащаяся молодежь.

А. Кирпичниковъ.

Собраніе сочиненій Н. В. Гоголя.

Памятникъ Н. В. Гоголю въ Москвѣ,
открытый 26 апрѣля 1909 г.

Скульптура *Н. А. Андреева.*

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.

ПОВѢСТИ,

изданныя пасичникомъ РУДЫМЪ ПАНЬКОМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Это что за невидаль: **Вечера на хуторѣ близъ Диканьки?** Что это за **„Вечера?“** И швырнулъ въ свѣтъ какой-то пасичникъ [1])! Слава Богу, еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу всякаго званія и сброду вымарало пальцы въ чернилахъ! Дернула же охота и пасичника потащиться вслѣдъ за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть въ нее».

Слышало, слышало вѣщее мое всѣ эти рѣчи еще за мѣсяцъ! То-есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть носъ изъ своего захолустья въ большой свѣтъ — батюшки мои! — это все равно, какъ, случается, иногда зайдешь въ покои великаго пана: всѣ обступятъ тебя и пойдутъ дурачить; еще бы ничего, пустить уже высшее лакейство, — нѣтъ, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотрѣть — дрянь, который копается на заднемъ дворѣ, и тотъ пристанетъ; и начнутъ со всѣхъ сторонъ притопывать ногами: «Куда? куда? зачѣмъ? пошелъ, мужикъ, пошелъ!..» Я вамъ скажу... Да что говорить! Мнѣ легче два раза въ годъ съѣздить въ Миргородъ, въ которомъ вотъ уже пять лѣтъ, какъ не видалъ меня ни подсудокъ [2]) изъ земскаго суда ни почтенный іерей, чѣмъ показаться въ этотъ великій свѣтъ; а показался—плачь не плачь,— давай отвѣтъ.

У насъ, мои любезные читатели,—не во гнѣвъ будь сказано (вы, можетъ-быть, и разсердитесь, что пасичникъ говоритъ вамъ запросто, какъ будто какому-нибудь свату своему или куму, — у насъ, на хуторахъ, водится издавна: какъ только окончатся работы въ полѣ, мужикъ залѣзетъ отдыхать на всю зиму на печь, и нашъ братъ припрячетъ своихъ пчелъ въ темный погребъ; когда ни журавлей на небѣ ни грушъ на деревѣ не увидите болѣе, тогда, только вечеръ, уже, навѣрно, гдѣ-нибудь въ концѣ улицы брезжитъ огонекъ, смѣхъ и пѣсни слышатся издалече, бренчитъ балалайка, а подчасъ и скрипка, говоръ, шумъ... Это у насъ *вечерницы!* Онѣ, изволите видѣть, онѣ похожи на ваши балы, только нельзя сказать, чтобы совсѣмъ. На балы если вы ѣдете, то именно для того, чтобы повертѣть ногами и позѣвать въ руку; а у насъ соберется въ одну хату толпа дѣвушекъ совсѣмъ не для балу, съ веретеномъ, съ гребнями. И сначала будто и дѣломъ займутся: веретена шумятъ, льются пѣсни, и каждая не подыметъ и глазъ въ сторону; но только нагрянутъ въ хату парубки съ скрипачомъ — подымется крикъ, затѣется шаль, пойдутъ танцы, и заведутся такія штуки, что и разсказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются всѣ въ тѣсную кучку и пустятся загадывать загадки или, просто, нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не разскажутъ? Откуда старины не выкопаютъ? Какихъ страховъ не нанесутъ? Но нигдѣ, можетъ-быть, не было разсказываемо столько диковинъ, какъ на вечс-

[1]) „Пасичникъ—пчеловодъ“. [2]) „Подсудокъ—засѣдатель уѣзднаго суда“.

рахъ у пасичника Рудаго[1]) Панька. За что меня міряне прозвали Рудымъ Панькомъ,—ей Богу, не имѣю сказать. И волосы, кажется, у меня теперь болѣе сѣдые, чѣмъ рыжіе. Но у насъ, не извольте гнѣваться, такой обычай: какъ дадутъ кому люди какое прозвище, то и во вѣки вѣковъ останется оно. Бывало, соберутся накапунѣ праздничнаго дня добрые люди въ гости въ пасичникову лачужку, усядутся за столъ,—и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какіе-нибудь мужики хуторянскіе, да, можетъ, иному и повыше пасичника сдѣлали бы честь посѣщеніемъ. Вотъ, напримѣръ, знаете ли вы дьяка диканьской церкви Ѳому Григорьевича? Эхъ, голова! Что за исторіи умѣлъ онъ отпускать! Двѣ изъ нихъ найдете въ этой книжкѣ. Онъ никогда не носилъ нестрядеваго халата, какой встрѣтите вы на многихъ деревенскихъ дьячкахъ; но заходите къ нему и въ будни, онъ васъ всегда приметъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна, цвѣта застуженаго картофельнаго киселя, за которое платилъ онъ въ Полтавѣ чуть не по шести рублей за аршинъ. Отъ сапогъ его, у насъ никто не скажетъ на цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя, но всякому извѣстно, что онъ чистилъ ихъ самымъ лучшимъ смальцемъ[2]), какого, думаю, съ радостью иной мужикъ положилъ бы себѣ въ кашу. Никто не скажетъ также, чтобы онъ когда-либо утиралъ носъ полою своего балахона, какъ то дѣлаютъ иные люди его званія; но вынималъ изъ-за пазухи опрятно сложенный бѣлый платокъ, вышитый по всѣмъ краямъ красными нитками, и, исправивши, что слѣдуетъ, складывалъ его по обыкновенію въ двѣнадцатую долю и пряталъ за пазуху. А одинъ изъ гостей... Ну, тотъ уже былъ такой папичъ, что хоть сейчасъ нарядить въ засѣдатели или подкоморіи[3]). Бывало, поставитъ передъ собою палецъ и, глядя на конецъ его, пойдетъ разсказывать вычурно да хитро, какъ въ печатныхъ книжкахъ! Иной разъ слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападетъ. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда онъ словъ понабрался такихъ? Ѳома Григорьевичъ разъ ему пасчетъ этого славную сплелъ присказку. Онъ разсказалъ ему, какъ одинъ школьникъ, учившійся у какого-то дьяка грамотѣ, пріѣхалъ къ отцу и сталъ такимъ латынщикомъ, что позабылъ даже нашъ языкъ православный, — всѣ слова сворачиваетъ на *усъ:* лопата у него—лопатусъ, баба—бабусъ. Вотъ случилось разъ, пошли они вмѣстѣ съ отцомъ въ поле. Латынщикъ увидѣлъ грабли и спрашиваетъ отца: «Какъ это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступилъ, разинувши ротъ, ногою на зубцы. Тотъ не успѣлъ собраться съ отвѣтомъ, какъ ручка, размахнувшись, поднялась и—хвать его по лбу! «Проклятыя грабли!—закричалъ школьникъ, ухватясь рукою за лобъ и подскочивши на аршинъ.—Какъ же онѣ,—чортъ бы спихнулъ съ мосту отца ихъ,—больно бьются!» Такъ вотъ какъ! Пришомнилъ и имя, голубчикъ!

Такая присказка не по-душѣ пришлась затѣйливому разсказчику. Не говоря ни слова, всталъ онъ съ мѣста, разставилъ ноги свои посреди комнаты, нагнулъ голову немного впередъ, засунулъ руку въ задній карманъ гороховаго кафтана своего, вытащилъ круглую подъ лакомъ табакерку, щелкнулъ пальцемъ по намалеванной рожѣ какого-то басурманскаго генерала и, захвативши немалую порцію табаку, растертаго съ золою и листьями любистка, поднесъ ее коромысломъ къ носу и вытянулъ носомъ на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца, — и все ни слова. Да какъ полѣзъ въ другой карманъ и вынулъ синій въ клѣткахъ бумажный платокъ, тогда только проворчалъ про себя чуть ли еще не поговорку: *Не мечите бисера передъ свиньями...*

---

[1]) „Рудый — красный, рыжій". [2]) „Смалецъ — гусиный жиръ". [3]) „Подкоморій — судья по размежеванію".

«Быть же теперь ссорѣ», подумалъ я, замѣтивъ, что пальцы у Ѳомы Григорьевича такъ и складывались дать дулю. Къ счастію, старуха моя догадалась поставить на столъ горячій книшъ [1]) съ масломъ. Всѣ принялись за дѣло. Рука Ѳомы Григорьевича, вмѣсто того, чтобъ показать шишъ, протянулась къ книшу, и, какъ всегда водится, начали похваливать мастерицу-хозяйку. Еще былъ у насъ одинъ разсказчикъ; но тотъ (нечего бы къ ночи и воспоминать о немъ) такія выкапывалъ къ ночи страшныя исторіи, что волосы ходили по головѣ. Я нарочно и не помѣщалъ ихъ сюда: еще напугаешь добрыхъ людей такъ, что пасичника, прости Господи, какъ чорта, всѣ станутъ бояться. Пусть лучше, какъ доживу, если дастъ Богъ, до новаго году и выпущу другую книжку, тогда можно будетъ пострашать выходцами съ того свѣта и дивами, какія творились въ старину въ православной сторонѣ нашей. Межъ ними, статься можетъ, найдете побасенки самого пасичника, какія разсказывалъ онъ своимъ внукамъ. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, — лѣнь только проклятая рыться,—наберется и на десять такихъ книжекъ.

Да, вотъ было и позабылъ самое главное: какъ будете, господа, ѣхать ко мнѣ, то прямехонько берите путь по столбовой дорогѣ на Диканьку. Я нарочно и выставилъ ее на первомъ листкѣ, чтобы скорѣе добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслышались вдоволь. И то сказать, что тамъ домъ почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про садъ и говорить нечего: въ Петербургѣ вашемъ, вѣрно, не сыщете такого. Пріѣхавши же въ Диканьку, спросите только перваго попавшагося навстрѣчу мальчишку, пасущаго въ запачканной рубашкѣ гусей: «А гдѣ живетъ пасичникъ Рудый Панько?»—«А вотъ тамъ!» скажетъ онъ, указавши пальцемъ, и, если хотите, доведетъ васъ до самаго хутора. Прошу, однакожъ, не слишкомъ закладывать назадъ руки и, какъ говорится, финтить, потому что дороги по хуторамъ нашимъ не такъ гладки, какъ передъ вашими хоромами. Ѳома Григорьевичъ третьяго году, пріѣзжая изъ Диканьки, понавѣдался-таки въ провалъ съ новою таратайкою своею и гнѣдою кобылою, несмотря на то, что самъ правилъ и что, сверхъ своихъ глазъ, надѣвалъ по временамъ еще покупные.

Зато уже, какъ пожалуете въ гости, то дынь подадимъ такихъ, какихъ вы отроду, можетъ-быть, не ѣли, а меду, и забожусь, лучшаго не сыщете на хуторахъ. Представьте себѣ, что, какъ внесешь сотъ, духъ пойдетъ по всей комнатѣ, вообразить нельзя какой: чистъ, какъ слеза или хрусталь дорогой, что бываетъ въ серьгахъ. А какими пирогами накормитъ моя старуха! Что за пироги, если бъ вы только знали: сахаръ, совершенный сахаръ! А масло такъ вотъ и течетъ по губамъ, когда начнешь ѣсть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили вы когда-либо, господа, грушевый квасъ съ терновыми ягодами или варену́ху [2]) съ изюмомъ и сливами? Или не случалось ли вамъ подчасъ ѣсть пу́трю [3]) съ молокомъ? Боже ты мой, какихъ на свѣтѣ нѣтъ кушаньевъ! Станешь ѣсть,—объяденье да и полно, сладость неописанная! Прошлаго года... Однакожъ что я, въ самомъ дѣлѣ, разболтался?.. Пріѣзжайте только, пріѣзжайте поскорѣй, а накормимъ такъ, что будете разсказывать и встрѣчному и поперечному.

Пасичникъ Рудый Панько.

---

[1]) „Книшъ—родъ печенаго бѣлаго хлѣба“. [2]) „Варену́ха—вареная водка съ пряностями и плодами“. [3]) „Пу́тря—кушанье, родъ каши“.

1 Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи. Какъ томительно-жарки тѣ часы когда полдень блещетъ въ тишинѣ и знοѣ и голубой неизмѣримый океанъ

2 Полтавской губерніи Николай Васильевичъ Гоголь-[illegible]

3 по окончаніи [illegible] случаются въ [illegible] ~~[illegible]~~ [illegible] встрѣчающихся предметахъ.

4 Будь здоровъ и Богъ тебѣ въ помощь милый близкій душѣ братъ.

твой Н. Гоголь

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.

I

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака; въ полѣ ни рѣчи. Все какъ будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки или звонкій голосъ перепела отдается въ степи Лѣниво и бездумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщетъ золото. Изумруды, топазы, яхонты эѳирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрые стоги сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешенъ, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка, въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ... Какъ полно сладострастія и нѣги малороссійское лѣто!

Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа тысячу восемьсотъ... восемьсотъ... да лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога, верстъ за десять до мѣстечка Сорочинецъ, кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались, кажется, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою; мѣстами только какая-нибудь расписанная ярко миска, или макитра [1]), хвастливо выказывалась изъ высоко взгроможденнаго на возу плетня и привлекала уми

---

[1]) „Макитра—горшокъ, въ которомъ трутъ макъ и прочее“.

ленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко въ сторонѣ тащился на истомленныхъ волахъ возъ, навалепный мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею, за которымъ брелъ, въ чистой полотняной рубашкѣ и заначканныхъ полотняныхъ шароварахъ, его хозяинъ. Лѣнивою рукою обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже капавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ и къ уроду и насильно пудритъ, нѣсколько тысячъ уже лѣтъ, весь родъ человѣческій. Рядомъ съ нимъ шла привязанная къ возу кобыла, смиренный видъ которой обличалъ преклонныя лѣта ея. Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ парубковъ, брались за шапку, поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однакожъ не сѣдые усы и не важная поступь его заставляли это дѣлать; стоило только поднять глаза немного вверхъ, чтобы увидѣть причину такой почтительности: на возу сидѣла хорошенькая дочка, съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно-улыбавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя, вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, богатою короною покоились на ея очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново... и хорошенькіе глазки безпрестанно бѣгали съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! Въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ осьмнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!.. Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣзжихъ не зналъ, чего ей стоило упросить отца взять съ собою, который и душою радъ бы былъ это сдѣлать, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его въ рукахъ такъ же ловко, какъ онъ вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служеніе, теперь на продажу. Неугомонная супруга... Но мы и позабыли, что и она тутъ же сидѣла на высотѣ воза въ парядной шерстяной зеленой кофтѣ, по которой, будто по горностаевому мѣху, нашиты были хвостики краснаго только цвѣта, въ богатой плахтѣ [1]), пестрѣвшей, какъ шахматная доска, и въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ [2]), придававшемъ какую-то особенную важность ея красному полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь непріятное, столь дикое, что каждый тотчасъ спѣшилъ перенести встревоженный взглядъ свой на веселенькое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ уже открывать ся Пселъ; издали уже вѣяло прохладою, которая казалась ощутительнѣе послѣ томительнаго, разрушающаго жара. Сквозь темно- и свѣтло-зеленые листья небрежно раскиданныхъ по лугу осокоровъ [3]), березъ и тополей засверкали огненныя, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри деревъ. Своенравная, какъ она, въ тѣ упоительные часы, когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею, осѣненную темною, упавшею съ русой головы волною, когда съ презрѣніемъ кидаетъ одни украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ,—чудесная рѣка почти каждый годъ перемѣняетъ свои окрестности, выбираетъ себѣ новый путь и окружаетъ себя новыми разнообразными ландшафтами. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя свои колеса широкія волны и мощно

---

[1]) „Плахта—нижняя одежда женщинъ изъ шерстяной клѣтчатой матеріи". [2]) „Очипокъ—родъ женской шапочки". [3]) Осокоръ или осокорь—родъ тополя.

кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами въѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей красотѣ и величіи, какъ цѣльное стекло, раскинулась передъ ними. Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы, — все опрокинулось, стояло и ходило вверхъ ногами, не падая въ голубую прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути, какъ вдругъ слова: «Ай, да дивчина!» поразили слухъ ея. Оглянувшись, увидѣла она толпу стоявшихъ на мосту парубковъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголеватѣе прочихъ, въ бѣлой свиткѣ [1]) и въ сѣрой шапкѣ рѣшетиловскихъ [2]) смушекъ [3]), подпершись въ бока, молодецки поглядывалъ на проѣзжихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, по исполненнаго пріятности лица и огненныхъ очей, казалось, стремившихся видѣть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, можетъ-быть, ему принадлежало произнесенное слово.

— Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ! Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!

— Славная дивчина!—продолжалъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ.—Я бы отдалъ все свое хозяйство, чтобы поцѣловать ее. А вотъ впереди и дьяволъ сидитъ!

Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ; но разряженной сожительницѣ медленно выступавшаго супруга не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: красныя щеки ея превратились въ огненныя, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на голову разгульнаго парубка.

— Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ! Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!

---

[1]) „Свитка—родъ полукафтанья“. [2]) Изъ мѣстечка Рѣшетиловки Полтавской губерніи). [3]) „Смушки—мерлушки“.

— Вишь, какъ ругается! — сказалъ парубокъ, вытаращивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣтствій.— И языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговаривать эти слова!

— Столѣтней!—подхватила пожилая красавица.—Нечестивецъ! Пойди, умойся напередъ! Сорванецъ негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь. И отецъ дрянь и тетка дрянь! Столѣтней... что у него молоко еще на губахъ...

Тутъ возъ началъ спускаться съ мосту, и послѣднихъ словъ уже невозможно было разслушать; но парубокъ не хотѣлъ, кажется, кончить этимъ; не думая долго, схватилъ онъ комокъ грязи и швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ былъ удачнѣе, нежели можно было предполагать: весь новый ситцевый очипокъ забрызганъ былъ грязью, и хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился съ новою силою. Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ; но возъ отъѣхалъ въ это время довольно далеко, и месть ея обратилась на безвинную падчерицу и медленнаго сожителя, который, привыкнувъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе и хладнокровно принималъ мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги. Однакожъ, несмотря на это, неутомимый языкъ ея трещалъ и болтался во рту до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали они въ пригородье, къ старому знакомому и куму, казаку Цыбулѣ. Встрѣча съ кумовьями, давно не видавшимися, выгнала на время изъ головы это непріятное происшествіе, заставивъ нашихъ путешественниковъ поговорить объ ярмаркѣ и отдохнуть немного послѣ дальняго пути.

II

Вамъ, вѣрно, случалось слушать гдѣ-то валящійся, отдаленный водопадъ, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаосъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки, когда весь народъ срастается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричитъ, гогочетъ, гремитъ? Шумъ, брань, мычаніе, блеяніе, ревъ, — все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки,— все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломается возъ, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ съ чернобровою дочкою давно уже толкался въ народѣ: подходилъ къ одному возу, щупалъ другой, примѣнивался къ цѣнамъ, а между тѣмъ мысли его ворочались безостановочно около десяти мѣшковъ пшеницы и старой кобылы, привезенныхъ имъ на продажу. По лицу его дочки замѣтно было, что ей не слишкомъ пріятно тереться около возовъ съ мукою и пшеницею. Ей бы хотѣлось туда, гдѣ подъ полотняными ятками [1]) нарядно развѣшаны красныя ленты, серьги, оловянные, мѣдные кресты и дукаты [2]). Но и тутъ, однакожъ, она находила себѣ много предметовъ для наблюденія: ее смѣшило до крайности, какъ цыганъ и мужикъ били одинъ другого по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя [3]); какъ

---

[1]) „Ятка—родъ палатки или шатра“. [2]) Дукатъ — червонецъ. [3]) „Давать киселя“ значитъ ударить кого-нибудь сзади колѣномъ.

поссорившіяся перекупки [1]) перекидывались бранью и раками; какъ москаль [2]), поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вотъ почувствовала она, кто-то дернулъ ее за шитый рукавъ сорочки. Оглянулась — и парубокъ въ бѣлой свиткѣ, съ яркими очами, стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули, и сердце забилось такъ, какъ еще никогда, ни при какой радости ни при какомъ горѣ: и чудно и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что дѣлалось съ нею.

— Не бойся, серденько, не бойся!—говорилъ онъ ей вполголоса, взявши ея руку.—Я ничего не скажу тебѣ худого!

«Можетъ-быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого,—подумала про себя красавица,—только мнѣ чудно... Вѣрно, это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится такъ... а силы недостаетъ взять отъ него руку».

Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что-то промолвить дочери, но въ сторонѣ послышалось слово «пшеница». Это магическое слово заставило его въ ту же минуту присоединиться къ двумъ громко разговаривавшимъ негоціантамъ [3]), и приковавшагося къ нимъ вниманія уже ничто не въ состояніи было развлечь. Вотъ что говорили негоціанты о пшеницѣ.

III.

— Такъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница? — говорилъ человѣкъ, съ виду похожій на заѣзжаго мѣщанина, обитателя какого-нибудь мѣстечка, въ пестрядевыхъ, запачканныхъ дегтемъ и засаленныхъ шароварахъ, другому, въ синей, мѣстами уже съ заплатами свиткѣ и съ огромною шишкою на лбу.

— Да думать нечего тутъ: я готовъ вскинуть на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса предъ Рождествомъ на хатѣ, если мы продадимъ хоть одну мѣрку.

— Кого ты, землякъ, морочишь? Привозу вѣдь, кромѣ нашего, нѣтъ вовсе,—возразилъ человѣкъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

«Да, говорите себѣ, что хотите,—думалъ про себя отецъ нашей красавицы, не пропускавшій ни одного слова изъ разговора двухъ негоціантовъ,—а у меня десять мѣшковъ есть въ запасѣ».

— То-то и есть, что если гдѣ замѣшалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько отъ голоднаго москаля, — значительно сказалъ человѣкъ съ шишкою на лбу.

— Какая чертовщина?—подхватилъ человѣкъ въ пестрядевыхъ шароварахъ.

— Слышалъ ли ты, что поговариваютъ въ народѣ?—продолжалъ съ шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмыя очи.

— Ну!

— Ну, то-то ну! Засѣдатель—чтобъ ему не довелось больше обтирать губъ послѣ панской сливянки [4])—отвелъ для ярмарки проклятое мѣсто, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тотъ старый развалившійся сарай, что вонъ-вонъ стоитъ подъ горою? (Тутъ любопытный отецъ нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во вниманіе.)— Въ томъ сараѣ то и дѣло что водятся чертовскія шашни, и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостной писарь проходилъ поздно вечеромъ; только глядь—въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло

---

[1]) „Перекупка — торговка“. [2]) Москаль — великороссъ. [3]) Негоціантъ — купецъ. [4]) „Сливянка—наливка изъ сливъ“.

такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ. Того и жди, что опять покажется *красная свитка!*

— Что жъ это за *красная свитка?*

Тутъ у нашего внимательнаго слушателя волосы поднялись дыбомъ. Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и парубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки, позабывъ про всѣ находящіяся на свѣтѣ свитки. Это разогнало его страхъ и заставило обратиться къ прежней безпечности.

— Эге, ге, ге, землякъ! Да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и то, спасибо куму: бывши *дружкою*, уже надоумилъ.

Парубокъ замѣтилъ тотъ же часъ, что отецъ его любезной не слишкомъ далекъ, и въ мысляхъ принялся строить планъ, какъ бы склонить его въ свою пользу.

— Ты, вѣрно, человѣкъ добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчасъ узналъ.

— Можетъ, и узналъ.

— Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину разскажу: тебя зовутъ Солопій Черевикъ.

— Такъ, Солопій Черевикъ.

— А взглядись-ка хорошенько: не узнаешь ли меня?

— Нѣтъ, не познаю. Не во гнѣвъ будь сказано: на вѣку столько довелось наглядѣться рожъ всякихъ, что чортъ ихъ и припомнитъ всѣхъ!

— Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!

— А ты будто Охримовъ сынъ?

— А кто жъ? Развѣ одинъ только *лысый дидько* [1]), если не онъ.

Тутъ пріятели побрались за шапки, и пошло лобызаніе; нашъ Голопупенковъ сынъ, однакожъ, не теряя времени, рѣшился въ ту же минуту осадить новаго своего знакомаго.

— Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и навѣки жить вмѣстѣ.

— Что жъ, Параска,—сказалъ Черевикъ, оборотившись и смѣясь къ своей дочери,—можетъ, и въ самомъ дѣлѣ чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того... чтобы и паслись на одной травѣ! Что? По рукамъ? А ну-ка, новобранный зять, давай могарычу!

И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной ресторацiи—подъ яткою у жидовки, усѣянною многочисленной флотилiей сулей [2]), бутылокъ, фляжекъ всѣхъ родовъ и возрастовъ.

— Эхъ, хватъ! За это люблю!—говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварты [3]), и, нимало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ ее вдребезги.— Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!

И, посмѣиваясь и покачиваясь, побрелъ онъ съ нею къ своему возу; а нашъ парубокъ отправился по рядамъ съ красными товарами, въ которыхъ находились купцы даже изъ Гадяча и Миргорода, двухъ знаменитыхъ городовъ Полтавской губернiи, выглядывать получше деревянную люльку [4]) въ мѣдной, щегольской оправѣ, цвѣтистый по красному полю платокъ и шапку, для свадебныхъ подарковъ тестю и всѣмъ, кому слѣдуетъ.

---

[1]) „*Лысый дидько*—домовой, демонъ“. [2]) „Сулея—большая бутыль“. [3]) „Кварта—штофъ“. [4]) „Люлька—трубка“.

IV.

— Ну, жинка, а я нашелъ жениха дочкѣ!

— Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы жениховъ отыскивать! Дурень, дурень! Тебѣ, вѣрно, и на роду написано остаться такимъ! Гдѣ жъ-таки ты видѣлъ, гдѣ жъ-таки слышалъ, чтобы добрый человѣкъ бѣгалъ теперь за женихами? Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть. Хорошъ долженъ быть и женихъ тамъ! Думаю, оборваннѣйшій изъ всѣхъ голодрабцевъ [1]).

— Э, какъ бы не такъ! Посмотрѣла бы ты, что за парубокъ! Одна свитка больше стоитъ, чѣмъ твоя зеленая кофта и красные сапоги. А какъ сивуху *важно* дуетъ!.. Чортъ меня возьми вмѣстѣ съ тобою, если я видѣлъ на вѣку своемъ, чтобы парубокъ духомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись!

— Ну, такъ: ему если пьяница да бродяга, такъ и его масти. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ самый сорванецъ, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сихъ поръ онъ не попадется мнѣ: я бы дала ему знать.

— Что жъ, Хивря, хоть бы и тотъ самый: чѣмъ же онъ сорванецъ?

— Э! И чѣмъ же онъ сорванецъ! Ахъ, ты безмозглая башка! Слышишь! Чѣмъ же онъ сорванецъ? Куда же ты запряталъ дурацкіе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы? Ему хоть бы тутъ же, передъ его запачканнымъ въ табачищѣ носомъ, нанесли жинкѣ его безчестье, ему бы и нуждочки не было.

— Все, однакоже, я не вижу въ немъ ничего худого: парень хоть куда! Только развѣ, что заклеилъ на мигъ образину твою навозомъ.

— Эге! Да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить! А что это значитъ? Когда это бывало съ тобою? Вѣрно, успѣлъ уже хлебнуть, не продавши ничего?

Тутъ Черевикъ нашъ замѣтилъ и самъ, что разговорился черезчуръ, закрылъ въ одно мгновеніе голову свою руками, предполагая, безъ сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими супружескими когтями.

«Туда къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба! — думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ сильно наступавшей супруги.—Придется отказать доброму человѣку ни за что ни про что. Господи, Боже мой! За что такая напасть на насъ, грѣшныхъ? И такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а Ты еще и жинокъ наплодилъ!»

V.

Разсѣянно глядѣлъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, сидя у своего воза, на глухо шумѣвшій вокругъ него народъ. Усталое солнце уходило отъ міра, спокойно пропылавъ свой полдень и утро, и угасающій день плѣнительно и ярко румянился. Ослѣпительно блистали верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, осѣненные какимъ-то едва примѣтнымъ огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучами окоеницъ горѣли; зеленыя фляжки и чарки на столахъ у шинкарокъ превратились въ огненныя; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота темной мѣди. Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше, и усталые языки перекупокъ, мужиковъ и цыганъ лѣнивѣе и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовонный паръ отъ варившихся галушекъ [2]) разносился по утихавшимъ улицамъ.

---

[1]) „Голодрабецъ—бѣднякъ, бобыль“. [2]) „Галушки—клецки“

— О чемъ загорюнился, Грыцько?—вскричалъ высокій загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка.—Что жъ, отдавай волы за двадцать!

— Тебѣ бы все волы да волы. Вашему племени все бы корысть только; поддѣть да обмануть добраго человѣка.

— Тьфу, дьяволъ! Да тебя не на шутку забрало. Ужъ не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?

— Нѣтъ, это не по-моему, я держу свое слово; что разъ сдѣлалъ, тому и навѣки быть. А вотъ у хрыча Черевика нѣтъ совѣсти, видно, и на полшелята [1]), сказалъ, да и назадъ... Ну, его и винить нечего: онъ — пень, да и полно. Все это штуки старой вѣдьмы, которую мы сегодня съ хлопцами на мосту ругнули на всѣ бока! Эхъ, если бы я былъ царемъ или паномъ великимъ, я бы первый перевѣшалъ всѣхъ тѣхъ дурней, которые позволяютъ себя сѣдлать бабамъ...

— А спустишь воловъ за двадцать, если мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску?

Въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него Грыцько. Въ смуглыхъ чертахъ цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вмѣстѣ высокомѣрное: человѣкъ, взглянувшій на него, уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ — висѣлица. Совершенно провалившійся между носомъ и острымъ подбородкомъ ротъ, вѣчно осѣненный язвительною улыбкой, небольшіе, но живые, какъ огонь, глаза, и безпрестанно мѣняющіяся на лицѣ молніи предпріятій и умысловъ, — все это какъ будто требовало особеннаго, такого же страннаго для себя костюма, какой именно былъ тогда на немъ. Этотъ темно-коричневый кафтанъ, прикосновеніе къ которому, казалось, превратило бы его въ пыль; длинные, валившіеся по плечамъ охлопьями черные волосы; башмаки, надѣтые на босыя загорѣлыя ноги,—все это, казалось, приросло къ нему и составляло его природу.

— Не за двадцать, а за пятнадцать отдамъ, если не солжешь только!— отвѣчалъ парубокъ, не сводя съ него испытующихъ очей.

— За пятнадцать? Ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вотъ тебѣ и синица въ задатокъ!

— Ну, а если солжешь?

— Солгу — задатокъ твой!

— Ладно! Ну, давай же по рукамъ!

— Давай!

VI.

— Сюда, Аѳанасій Ивановичъ. Вотъ тутъ плетень пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ подъ возы, чтобы москали на случай не подцѣпили чего.

Такъ грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лѣпившагося около забора поповича, который поднялся скоро на плетень и долго стоялъ на немъ въ недоумѣніи, будто длинное страшное привидѣніе, измѣривая окомъ, куда бы лучше спрыгнуть, и, наконецъ, съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

— Вотъ бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже оборони, шеи?—лепетала заботливая Хивря.

— Тсс!.. Ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья Никифоровна,—болѣзненно и шопотно произнесъ поповичъ, подымаясь на ноги,—выключая только уязвле-

---

[1]) Шеляга или шелегъ (древн. шлягъ)—старинная мелкая монета, $^1/_8$ копейки.

нія со стороны кропивы, сего змѣеподобнаго злака, по выраженію покойнаго отца протопопа.

— Пойдемте же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Аѳанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болячка* [1]) или *сóняшница* [2]) пристала: нѣтъ, да и нѣтъ. Каково же вы поживаете? Я слышала, что панъ-отцу перепало теперь не мало всякой всячины.

— Сущая бездѣлица, Хавронья Никифоровна: батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ пятнадцать ярового, проса мѣшка четыре, кнышей [3]) съ сотню; а куръ, если сосчитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ; яйца же большею частію протухлыя. Но воистину сладостныя приношенія, сказать примѣрно, единственно отъ васъ предстоитъ получить, Хавронья Никифоровна!— продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

— Вотъ вамъ и приношеніе, Аѳанасій Ивановичъ!—проговорила она, ставя на столъ миски и жеманно застегивая свою будто нечаянно разстегнувшуюся кофту: вареники, галушечки пшеничныя, пампушечки [4]), товченички [5]).

— Бьюсь объ закладъ, если это сдѣлано не хитрѣйшими руками изъ всего Евина рода!—сказалъ поповичъ, принимаясь за товченички и придвигая другою рукою варенички.—Однакожъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ отъ васъ кушанья послаще всѣхъ пампушечекъ и галушечекъ.

— Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Аѳанасій Ивановичъ!—отвѣчала дородная красавица, притворяясь непонимающею.

— Разумѣется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна!—шопотомъ произнесъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая широкій станъ ея.

— Богъ знаетъ, что вы выдумываете, Аѳанасій Ивановичъ!—сказала Хивря, стыдливо потупивъ глаза свои.— Чего добраго, вы, пожалуй, затѣете еще цѣловаться.

— Насчетъ этого я вамъ скажу, хоть бы и про себя,— продолжалъ поповичъ:—въ бытность мою, примѣрно сказать, еще въ бурсѣ, вотъ, какъ теперь помню...

Тутъ послышался на дворѣ лай и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и возвратилась, вся поблѣднѣвши.

— Ну, Аѳанасій Ивановичъ, мы попались съ вами: народу стучится куча, и мнѣ почудился кумовъ голосъ...

Вареникъ остановился въ горлѣ поповича... Глаза его выпялились, какъ будто какой-нибудь выходецъ съ того свѣта только что сдѣлалъ ему передъ симъ визитъ свой.

— Полѣзайте сюда!—кричала испуганная Хивря, указывая на положенныя подъ самымъ потолкомъ на двухъ перекладинахъ доски, на которыхъ была навалена разная домашняя рухлядь.

Опасность придала духу нашему герою. Опамятовавшись немного, вскочилъ онъ на лежанку и полѣзъ оттуда осторожно на доски; а Хивря побѣжала безъ памяти къ воротамъ, потому что стукъ повторялся въ нихъ съ большею силою и нетерпѣніемъ.

VII.

На ярмаркѣ случилось странное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась *красная свитка*. Старухѣ, продавав-

---

[1]) „Болячка—вередъ“. [2]) „Сóняшница—боль въ животѣ“. [3]) „Кнышъ—родъ печенаго хлѣба“. [4]) „Пампушечки—вареное кушанье изъ тѣста“. [5]) Товченички—кушанье изъ толченаго пшена.

шей бублики, почудился сатана въ образинѣ свиньи, который безпрестанно наклонялся надъ возами, какъ будто искалъ чего. Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ уже утихнувшаго табора, и всѣ считали преступленіемъ не вѣрить, несмотря на то, что продавица бубликовъ, которой подвижная лавка была рядомъ съ яткою шинкарки, раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе своего лакомаго товара. Къ этому присоединились еще увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ что къ ночи всѣ тѣснѣе жались другъ къ другу; спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои, а тѣ, которые были не совсѣмъ храбраго десятка и запаслись ночлегами въ избахъ, убрались домой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые, вмѣстѣ съ напросившимися къ нимъ въ хату гостями, произвели сильный стукъ, такъ перепугавшій нашу Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза проѣхалъ съ своимъ возомъ по двору, покамѣстъ нашелъ хату. Гости тоже были всѣ въ веселомъ расположеніи, и безъ церемоніи вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевика сидѣла какъ на иголкахъ, когда принялись они шарить по всѣмъ угламъ хаты.

— Что, кума!—вскричалъ вошедшій кумъ. —Тебя все еще трясетъ лихорадка?

— Да, поздоровится,—отвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на навалепныя подъ потолкомъ доски.

— А ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклажку [1])!—говорилъ кумъ пріѣхавшей съ нимъ женѣ.— Мы черпнемъ ее съ добрыми людьми, а то проклятыя бабы попапугали насъ такъ, что и сказать стыдно. Вѣдь мы, ей Богу, братцы, по пустякамъ пріѣхали сюда! — продолжалъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки.—Я тутъ же ставлю новую шапку, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ сатана — что сатана! Плюйте ему на голову! Хоть бы сію же минуту вздумалось ему стать вотъ здѣсь, напримѣръ, передо мною, будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему дулю подъ самый носъ!

— Отчего же ты вдругъ поблѣднѣлъ весь?—закричалъ одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ головою и старавшійся всегда выказывать себя храбрецомъ.

— Я?.. Господь съ вами! Приснилось?

Гости усмѣхнулись; довольная улыбка показалась на лицѣ рѣчистаго храбреца.

— Куда теперь ему блѣднѣть!—подхватилъ другой.—Щеки у него расцвѣли, какъ макъ; теперь онъ не Цыбуля [2]), а бурякъ [3]) или лучше сама *красная свитка*, которая такъ напугала людей.

Баклажка прокатилась по столу и сдѣлала гостей еще веселѣе прежняго. Тутъ Черевикъ нашъ, котораго давно мучила *красная свитка* и не давала ни на минуту покою его любопытному духу, приступилъ къ куму.

— Скажи, будь ласковъ, кумъ! Вотъ прошусь, да и не допрошусь исторіи про эту проклятую *свитку*.

— Э, кумъ, оно бы не годилось разсказывать на ночь, да развѣ ужъ для того, чтобы угодить тебѣ и добрымъ людямъ (при семъ обратился онъ къ гостямъ), которымъ, я примѣчаю, столько же, какъ и тебѣ, хочется узнать про эту диковинку. Ну, быть такъ. Слушайте жъ!

Тутъ онъ почесалъ плечи, утерся полою, положилъ обѣ руки на столъ и началъ:

---

[1]) „Баклага—родъ плоскаго бочонка“. [2]) „Цыбуля—лукъ“. [3]) „Бурякъ—свекла“.

— Разъ, за какую вину, ей Богу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта изъ пекла [1])...

— Какъ же кумъ?—прервалъ Черевикъ.—Какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?

— Что же дѣлать, кумъ?—выгнали, да и выгнали, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ хаты. Можетъ-быть, на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло: ну, и указали двери. Вотъ чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно по пеклѣ, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ горя пьянствовать. Угнѣздился въ томъ самомъ сараѣ, который, ты видѣлъ, развалился подъ горою и мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не оградивъ напередъ себя крестомъ святымъ, и сталъ чортъ такой гуляка, какого не сыщешь между парубками: съ утра до вечера то и дѣло, что сидитъ въ шинкѣ...

Тутъ опять строгій Черевикъ прервалъ нашего разсказчика:

— Богъ знаетъ, что говоришь ты, кумъ! Какъ можно! Какъ можно, чтобы чорта впустилъ кто-нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же есть, слава Богу, и когти на лапахъ и рожки на головѣ.

— Вотъ то-то и штука, что на немъ шапка и рукавицы. Кто его распознаетъ? Гулялъ-гулялъ, наконецъ пришлось до того, что пропилъ все, что имѣлъ съ собою. Шинкарь долго вѣрилъ, потомъ и пересталъ. Пришлось чорту заложить красную свитку свою, чуть ли не въ треть цѣны, жиду, шинковавшему тогда на Сорочинской ярмаркѣ. Заложилъ и говоритъ ему: «Смотри, жидъ, я приду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!» и пропалъ какъ будто въ воду. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь! а красный цвѣтъ горитъ какъ огонь, такъ что не наглядѣлся бы. Вотъ жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесалъ себѣ пейсики [2]), да и содралъ съ какого-то пріѣзжаго пана мало не пять червонцевъ. О срокѣ жидъ и позабылъ было совсѣмъ. Какъ вотъ разъ подъ вечерокъ приходитъ какой-то человѣкъ: «Ну, жидъ, отдавай мою свитку!» Жидъ сначала было и не позналъ, а послѣ, какъ разглядѣлъ, такъ и прикинулся, будто въ глаза не видалъ: «Какую свитку? У меня нѣтъ никакой свитки! Я знать не знаю твоей свитки!» Тотъ, глядь, и ушелъ; только къ вечеру, когда жидъ, заперши свою конуру и пересчитавши по сундукамъ деньги, накинулъ на себя простыню и началъ по жидовски молиться Богу—слышитъ шорохъ... Глядь—во всѣхъ окнахъ повыставились свиныя рыла.

Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, послышался какой-то неясный звукъ, весьма похожій на хрюканье свиньи. Всѣ поблѣднѣли... Потъ выступилъ на лицѣ разсказчика.

— Что?—произнесъ въ испугѣ Черевикъ.

— Ничего!..—отвѣчалъ кумъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Ась!—отозвался одинъ изъ гостей.

— Ты сказалъ?..

— Нѣтъ!

— Кто жъ это хрюкнулъ?

— Богъ знаетъ, чего мы переполошились! Ничего нѣтъ!

Всѣ боязливо стали осматриваться вокругъ и начали шарить по угламъ. Хивря была ни жива ни мертва.

— Эхъ, вы, бабы, бабы,—произнесла она громко,—вамъ ли казаковать и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да и посадить за гребень! Одинъ кто-нибудь, можетъ, прости Господи... подъ кѣмъ-нибудь скамейка заскрипѣла, а всѣ и метнулись, какъ полоумные!

---

[1]) „Пекло—адъ“. [2]) „Пейсики—жидовскіе локоны“.

Это привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ ободриться. Кумъ хлебнулъ изъ кружки и началъ разсказывать далѣе:

— Жидъ обмеръ; однакожъ свиныи на ногахъ, длинныхъ какъ ходули, повлѣзали въ окна и мигомъ оживили жида плетеными тройчатками [1]), заставя его плясать повыше вотъ этого сволока [2]). Жидъ—въ ноги, признался во всемъ... Только свитки нельзя уже было воротить скоро. Пана обокралъ на дорогѣ какой-то цыганъ и продалъ свитку перекупкѣ; та привезла ее снова на Сорочинскую ярмарку, но съ тѣхъ поръ уже никто ничего не сталъ покупать у нея. Перекупка дивилась, дивилась и, наконецъ, смекнула: вѣрно, виною всему красная свитка; не даромъ, надѣвая ее, чувствовала, что ее все давитъ что-то. Не думая, не гадая долго, бросила въ огонь—не горитъ бѣсовская одежда!.. «Э, да это чортовъ подарокъ!» Перекупка умудрилась и подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. «Эхъ, недобрыя руки подкинули свитку!» Схватилъ топоръ и изрубилъ ее въ куски; глядь—и лѣзетъ одинъ кусокъ къ другому, и опять цѣлая свитка. Перекрестившись, хватилъ топоромъ въ другой разъ, куски разбросалъ по всему мѣсту и уѣхалъ. Только съ тѣхъ поръ каждый годъ, и какъ разъ во время ярмарки, чортъ съ свиною личиною ходитъ по всей площади, хрюкаетъ и подбираетъ куски своей свитки. Теперь, говорятъ, одного только лѣваго рукава недостаетъ ему. Люди съ тѣхъ поръ открещиваются отъ того мѣста, и вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на немъ ярмарки. Да нелегкая дернула теперь засѣдателя от...

Другая половина слова замерла на устахъ разсказчика: окно брякнуло съ шумомъ; стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая: «А что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?»

VIII.

Ужасъ оковалъ всѣхъ находившихся въ хатѣ. Кумъ, съ разинутымъ ртомъ, превратился въ камень; глаза его выпучились, какъ будто хотѣли выстрѣлить; разверстые пальцы остались неподвижными въ воздухѣ. Высокій храбрецъ въ непобѣдимомъ страхѣ подскочилъ подъ потолокъ и ударился головой объ перекладину; доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю.

— Ай! ай! ай!—отчаянно закричалъ одинъ, повалившись на лавку, болтая въ ужасѣ руками и ногами.

— Спасайте!—горланилъ другой въ отчаяніи, закрывшись тулупомъ.

Кумъ, выведенный изъ окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, пополъзъ въ судорогахъ подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрецъ полѣзъ въ печь, несмотря на узкое отверстіе, и самъ задвинулъ себя заслонкою. А Черевикъ, какъ будто облитый горячимъ кипяткомъ, схвативши на голову горшокъ, вмѣсто шапки, бросился къ дверямъ и, какъ полоумный, бѣжалъ по улицамъ, не видя подъ собою земли; одна усталость только заставила его уменьшить скорость бѣга. Сердце его колотилось, какъ мельничная ступа; потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи готовъ уже онъ былъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что сзади кто-то гонится за нимъ... Духъ у него занялся...

— Чортъ, чортъ!—кричалъ онъ безъ памяти, утрояя силы, и черезъ минуту безъ чувствъ повалился на землю.

— Чортъ, чортъ!—кричало вслѣдъ за нимъ, и онъ слышалъ только, какъ что-то съ шумомъ ринулось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный жилецъ тѣснаго гроба, остался нѣмъ и недвижимъ посреди дороги.

---

[1]) „Тройчатка—тройная плеть“. [2]) „Сволокъ—перекладина подъ потолкомъ“.

IX.

— Слышишь Власъ,—говорилъ, приподнявшись ночью, одинъ изъ толпы народа, спавшаго на улицѣ,—возлѣ насъ кто-то помянулъ чорта?

— Мнѣ какое дѣло,—проворчалъ, потягиваясь, лежавшій возлѣ него цыганъ.—Хоть бы и всѣхъ своихъ родичей помянулъ!

— Но вѣдь такъ закричалъ, какъ будто давятъ его!

— Мало ли чего человѣкъ не совретъ спросонья.

— Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно А выруби-ка огня!

Другой цыганъ, ворча про себя, поднялся на ноги, два раза освѣтилъ себя искрами, будто молніями, раздулъ губами трутъ и съ каганцомъ въ рукахъ—

Окно брякнуло съ шумомъ; стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами.

обыкновенною малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ разбитаго черепка, налитаго бараньимъ жиромъ,—отправился освѣщать дорогу.

— Стой, здѣсь лежитъ что-то! Свѣти сюда!

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

— Что лежитъ, Власъ?

— Такъ, какъ будто бы два человѣка: одинъ наверху, другой внизу. Который изъ нихъ чортъ—уже и не распознаю.

— А кто наверху?

— Баба!

— Ну, вотъ это жъ-то и есть чортъ!

Всеобщій хохотъ разбудилъ почти всю улицу.

— Баба взлѣзла на человѣка: ну, вѣрно, баба эта знаетъ, какъ ѣздить!—говорилъ одинъ изъ окружавшей толпы.

— Смотрите, братцы!—говорилъ другой, поднимая черепокъ отъ горшка, котораго одна только уцѣлѣвшая половина держалась на головѣ Черевика,— какую шапку надѣлъ на себя этотъ добрый молодецъ!

Увеличившійся шумъ и хохотъ заставили очнуться нашихъ мертвецовъ, Солопія и его супругу, которые, полные прошедшаго испуга, долго глядѣли въ ужасѣ неподвижными глазами на смуглыя лица цыганъ; озаряясь свѣтомъ, невѣрно и трепетно горѣвшимъ, они казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ тяжелымъ подземнымъ паромъ во мракѣ непробудной ночи.

X.

Свѣжесть утра вѣяла надъ пробудившимися сорочинцами. Клубы дыму со всѣхъ трубъ понеслись навстрѣчу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумѣла. Овцы заблеяли, лошади заржали; крикъ гусей и торговокъ понесся снова по всему табору, и страшные толки про *красную свитку*, наведшіе такую робость на народъ въ таинственные часы сумерекъ, исчезли съ появленіемъ утра.

Зѣвая и потягиваясь, дремалъ Черевикъ у кума подъ крытымъ соломою сараемъ, между воловъ, мѣшковъ муки и пшеницы и, кажется, вовсе не имѣлъ желанія разстаться съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ убѣжище лѣни—благословенная печь его хаты или шинокъ дальней родственницы, находившійся не далѣе десяти шаговъ отъ его порога.

— Вставай, вставай!—дребезжала ему на ухо нѣжная супруга, дергая его изо всей силы за руку.

Черевикъ вмѣсто отвѣта надулъ щеки и началъ болтать руками, подражая барабанному бою.

— Сумасшедшій!—закричала она, уклоняясь отъ взмаха руки его, которою онъ чуть было не задѣлъ ее по лицу.

Черевикъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ.

— Врагъ меня возьми, если мнѣ, голубко, не представилась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня заставили выбивать зорю, словно москаля тѣ самыя свиныя рожи, отъ которыхъ, какъ говоритъ кумъ...

— Полно, полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди скорѣй кобылу на продажу. Смѣхъ, право, людямъ: пріѣхали на ярмарку и хоть бы горсть пепьки продали...

— Какъ же, жинка,—подхватилъ Солопій,—съ насъ вѣдь теперь смѣяться будутъ.

— Ступай, ступай, съ тебя и безъ того смѣются!

— Ты видишь, что я еще не умывался, — продолжалъ Черевикъ, зѣвая и почесывая спину и стараясь, между прочимъ, выиграть время для своей лѣни.

— Вотъ некстати пришла блажь быть чистоплотнымъ! Когда это за тобой водилось? Вотъ ручникъ [1]), оботри свою маску!

Тутъ схватила она что-то свернутое въ комокъ и... съ ужасомъ отбросила отъ себя: это былъ *красный обшлагъ свитки*.

— Ступай, дѣлай свое дѣло, — повторила она, собравшись съ духомъ, своему супругу, видя, что у него страхъ отнялъ ноги, и зубы колотились одинъ о другой.

— Будетъ продажа теперь! — ворчалъ онъ самъ себѣ, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь.—Не даромъ, когда я сбирался на эту проклятую ярмарку, на душѣ было такъ тяжело, какъ будто кто взвалилъ на тебя дохлую корову,

---

[1]) „Ручникъ—утиральникъ, полотенце“.

и волы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, какъ вспомнилъ я теперь, не въ понедѣльникъ мы выѣхали. Ну, вотъ и зло все!.. Неугомоненъ и чортъ проклятый: носилъ бы уже свитку безъ одного рукава; такъ нѣтъ, нужно же добрымъ людямъ не давать покою. Будь, примѣрно, я чортъ,— чего оборони Боже, — сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?

Тутъ философствованіе нашего Черевика прервано было толстымъ и рѣзкимъ голосомъ. Предъ нимъ стоялъ высокій цыганъ.

— Что продаешь, добрый человѣкъ?

Продавецъ молча посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы и сказалъ съ спокойнымъ видомъ, не останавливаясь и не выпуская изъ рукъ узды:

— Самъ видишь, что продаю!

— Ремешки? — спросилъ цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

— Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки.

— Однакожъ, чортъ возьми, землякъ, ты, видно, ее соломою кормилъ!

— Соломою?

Тутъ Черевикъ хотѣлъ было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи безстыднаго поносителя, но рука его съ необыкновенною легкостью ударилась въ подбородокъ. Глянулъ — въ ней перерѣзанная узда и къ уздѣ привязанный — о ужасъ! волосы его поднялись горою! — кусокъ *краснаго рукава свитки!..* Плюнувъ, крестясь и болтая руками, побѣжалъ онъ отъ неожиданнаго подарка и, быстрѣе молодого парубка, пропалъ въ толпѣ.

XI.

— Лови, лови его!—кричало нѣсколько хлопцевъ въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ почувствовалъ, что схваченъ вдругъ дюжими руками.

— Вязать его! Это тотъ самый, который укралъ у добраго человѣка кобылу!

— Господь съ вами! за что вы меня вяжете?

— Онъ же и спрашиваетъ! А за что ты укралъ кобылу у пріѣзжаго мужика Черевика?

— Съ ума спятили вы, хлопцы! Гдѣ видано, чтобы человѣкъ самъ у себя кралъ что-нибудь?

— Старыя штуки, старыя штуки! Зачѣмъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ будто бы самъ сатана за тобою по пятамъ гнался?

— Поневолѣ побѣжишь, когда сатанинская одежда...

— Э, голубчикъ, обманывай другихъ этимъ. Будетъ еще тебѣ отъ засѣдателя за то, чтобы не пугалъ чертовщиною людей!

— Лови, лови его! — послышался крикъ на другомъ концѣ улицы. — Вотъ онъ, вотъ бѣглецъ!

И глазамъ нашего Черевика представился кумъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, съ заложенными назадъ руками, ведомый нѣсколькими хлопцами.

— Чудеса завелись, — говорилъ одинъ изъ нихъ: — послушали бы вы, что разсказываетъ этотъ мошенникъ, которому стоитъ только заглянуть въ лицо, чтобы увидѣть вора. Когда стали спрашивать, отчего бѣжалъ онъ, какъ полоумный:—полѣзъ, говоритъ, въ карманъ понюхать табаку и, вмѣсто тавлинки, вытащилъ кусокъ чортовой *свитки,* отъ которой вспыхнулъ красный огонь, а онъ—давай Богъ ноги!

— Эге, ге, ге! Да это изъ одного гнѣзда обѣ птицы! Вязать ихъ обоихъ вмѣстѣ!

XII.

— Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, кумъ, ты подцѣпилъ что-нибудь?—спросилъ Черевикъ, лежа связанный вмѣстѣ съ кумомъ подъ соломенною яткою.

— И ты туда же, кумъ! Чтобы мнѣ отсохнули руки и ноги, если что-нибудь когда-либо кралъ, выключая развѣ вареники съ сметаною у матери, да и то еще, когда мнѣ было лѣтъ десять отроду.

— За что же это, кумъ, на насъ напасть такая? Тебѣ еще ничего: тебя винятъ, по крайней мѣрѣ, за то, что у другого укралъ; но за что мнѣ, несчастливцу, недобрый поклепъ такой, будто у самого себя стянулъ кобылу? Видно, намъ, кумъ, на роду уже написано не имѣть счастья!

— Горе намъ, сиротамъ бѣднымъ!

Тутъ оба кума принялись всхлипывать навзрыдъ.

— Что съ тобою, Солопій? — сказалъ вошедшій въ это время Грыцько. — Кто это связалъ тебя?

— А! Голопупенко, Голопупенко! — закричалъ, обрадовавшись, Солопій. — Вотъ, кумъ, это тотъ самый, о которомъ я говорилъ тебѣ. Эхъ, хватъ! Вотъ, Богъ убей меня на этомъ мѣстѣ, если не высуслилъ при мнѣ кухоль [1]) мало не съ твою голову, и хоть бы разъ поморщился.

— Что жъ ты, кумъ, такъ не уважилъ такого славнаго парубка?

— Вотъ, какъ видишь, — продолжалъ Черевикъ, оборотясь къ Грыцьку, — наказалъ Богъ, видно, за то, что провинился передъ тобою. Прости, добрый человѣкъ! Ей Богу, радъ бы былъ сдѣлать все для тебя... Но что прикажешь? Въ старухѣ дьяволъ сидитъ.

— Я не злопамятенъ, Солопій! Если хочешь, я освобожу тебя.

Тутъ онъ мигнулъ хлопцамъ, и тѣ же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать.

— Зато и ты дѣлай, какъ нужно, свадьбу! Да и попируемъ такъ, чтобы цѣлый годъ болѣли ноги отъ гопака [2]).

— *Добре, отъ добре*! — сказалъ Солопій, хлопнувъ руками. — Да мнѣ такъ теперь сдѣлалось весело, какъ будто мою старуху москали увезли! Да что думать! Годится, или не годится такъ—сегодня свадьбу, да и концы въ воду!

— Смотри жъ, Солопій: черезъ часъ я буду къ тебѣ, а теперь ступай домой: тамъ ожидаютъ тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы.

— Какъ, развѣ кобыла нашлась?

— Нашлась!

Черевикъ отъ радости сталъ неподвиженъ, глядя вслѣдъ уходившему Грыцьку.

— Что, Грыцько, худо мы сдѣлали свое дѣло? — сказалъ высокій цыганъ спѣшившему парубку. — Волы вѣдь мои теперь?

— Твои! Твои!

XIII.

Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головы. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство подымало темныя ея брови, а иногда снова облако задумчивости опускало ихъ на карія, свѣтлыя очи.

---

[1]) „Кухоль — кружка“. [2]) „Гопакъ — малороссійскій танецъ“.

— Ну, что, если не сбудется то, что говорилъ онъ? — шептала она съ какимъ-то выраженіемъ сомнѣнія. — Ну, что, если меня не выдадутъ?.. Если... Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ! Мачеха дѣлаетъ все, что ей ни вздумается: развѣ и я не могу дѣлать того, что мнѣ вздумается? Упрямства-то и у меня достанетъ. Какой же онъ хорошій! Какъ чудно горятъ его черныя очи! Какъ любо говоритъ онъ: «*Парасю, голубко!*» Какъ пристала къ нему бѣлая свитка! Еще бы поясъ поярче!.. Пускай, уже правда, я ему вытку, какъ перейдемъ жить въ новую хату. Не подумаю безъ радости, — продолжала она, вынимая изъ-за пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, купленное ею на ярмаркѣ, и глядясь въ него съ тайнымъ удовольствіемъ,—какъ я встрѣчусь тогда гдѣ-нибудь съ нею; я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себѣ тресни. Нѣтъ, мачеха, полно колотить тебѣ свою падчерицу! Скорѣе песокъ взойдетъ на камнѣ, и дубъ погнется въ воду, какъ верба, нежели я нагнусь передъ тобою! Да, я и позабыла... Дай примѣрить очипокъ, хоть мачехинъ; какъ-то онъ мнѣ придется?

Тутъ встала она, держа въ рукахъ зеркальце, и, наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ, какъ будто бы опасаясь упасть, видя подъ собою, вмѣсто полу, потолокъ съ накладенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся недавно поповичъ, и полки, уставленныя горшками.

— Что я, въ самомъ дѣлѣ, будто дитя, — вскричала она, смѣясь, — боюсь ступить ногою!

И начала притопывать ногами, чѣмъ далѣе — все смѣлѣе; наконецъ лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла танцовать, побрякивая подковами, держа передъ собою зеркало и напѣвая любимую свою пѣсню:

Зелененькій барвиночку,
Стелися низенько!
А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься близенько!
Зелененькій барвиночку,
Стелися ще нызче!
А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься ще блыжче!

Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего; но, когда же услышалъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились: гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ про всѣ дѣла свои. Громкій хохотъ кума заставилъ обоихъ вздрогнуть.

— Вотъ хорошо, батька съ дочкой затѣяли здѣсь сами свадьбу! Ступайте же скорѣе: женихъ пришелъ.

При послѣднемъ словѣ Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а безпечный отецъ ея вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ онъ.

— Ну, дочка, пойдемъ скорѣе! Хивря съ радости, что я продалъ кобылу, побѣжала, — говорилъ онъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ, — побѣжала закупать себѣ плахтъ и дерюгъ всякихъ, такъ нужно до приходу ея все кончить!

Не успѣла Параска переступить за порогъ хаты, какъ почувствовала себя на рукахъ парубка въ бѣлой свиткѣ, который съ кучею народа выжидалъ ее на улицѣ.

— Боже, благослови!—сказалъ Черевикъ, складывая имъ руки.—Пусть ихъ живутъ, какъ вѣнки вьютъ!

Лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла танцовать, побрякивая подковами, держа передъ собою зеркало и напѣвая любимую свою пѣсню.

Тутъ послышался шумъ въ народѣ.

— Я скорѣе тресну, чѣмъ допущу до этого!—кричала сожительница Соломія, которую, однакожъ, съ хохотомъ отталкивала толпа народа.

— Не бѣсись, не бѣсись, жинка!—говорилъ хладнокровно Черевикъ, видя, что пара дюжихъ цыганъ овладѣла ея руками. — Что сдѣлано, то сдѣлано: я перемѣнять не люблю!

— Нѣтъ, нѣтъ, этого-то не будетъ! — кричала Хивря, но никто не слушалъ ея; нѣсколько паръ обступило новую пару, и составили около нея непроницаемую танцующую стѣну

Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта, въ сермяжной свиткѣ, съ длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человѣкомъ. Безпечныя! Даже безъ дѣтской радости, безъ искры сочувствія, которыхъ одинъ хмель только, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата, заставляетъ дѣлать что-то подобное человѣческому, онѣ тихо покачивали охмелѣвшими головами, подплясывая за веселящимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету.

Громъ, хохотъ, пѣсни слышались тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье! Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодиночкѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему.

ВЕЧЕРЪ НАКАНУНѢ ИВАНА КУПАЛА.

БЫЛЬ,

разсказанная дьячкомъ ***ской церкви.

Дѣдъ мой (царство ему небесное! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ ѣлись одни только буханцы [1]) пшеничные да маковники въ меду!) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведетъ рѣчь,—цѣлый день не подвинулся бы съ мѣста и все бы слушалъ. Ужъ не чета какому-нибудь нынѣшнему балагуру, который какъ начнетъ *москаля везть* [2]), да еще и языкомъ такимъ, будто ему три дня ѣсть не давали, то хоть берись за шапку да изъ хаты. Какъ теперь помню, — покойная старуха, мать моя, была еще жива, — какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворѣ трещалъ морозъ и замуровывалъ наглухо узенькое окно нашей хаты, си-

---

[1]) „Буханецъ — небольшой бѣлый хлѣбъ". [2]) *Москаля везть* — лгать.

дѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напѣвая пѣсню, которая какъ будто теперь слышится мнѣ. Каганецъ [1]), дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ. Веретено жужжало, а мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, не слѣзавшаго отъ старости болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы [2]), Полтора-Кожуха [3]) и Сагайдачнаго [4]) не занимали насъ такъ, какъ разсказы про какое-нибудь старинное чудное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу, и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ, бывало, такой заберетъ отъ пихъ, что съ вечера все показывается, Богъ знаетъ, какимъ чудищемъ. Случится, ночью выйдешь за чѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей уклался спать выходецъ съ того свѣта. И чтобы мнѣ не довелось разсказывать этого въ другой разъ, если я не принималъ часто издали собственную свитку, положенную въ головахъ, за свернувшагося дьявола. Но главное въ разсказахъ дѣда было то, что въ жизнь свою онъ никогда не лгалъ, и что, бывало, ни скажетъ, то именно такъ и было.

Одну изъ его чудныхъ исторій перескажу теперь вамъ. Знаю, что много наберется такихъ умниковъ, пописывающихъ по судамъ и читающихъ даже гражданскую грамоту, которые, если дать имъ въ руки простой часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ, а показывать на позоръ свои зубы—есть умѣнье. Имъ все, что ни разскажешь, въ смѣхъ. Этакое невѣрье разошлось по свѣту! Да чего? — вотъ не люби Богъ меня и Пречистая Дѣва! — вы, можетъ, даже не повѣрите: разъ какъ-то заикнулся про вѣдьмъ — что жъ? Нашелся сорви-голова— вѣдьмамъ не вѣритъ! Да, слава Богу, вотъ я сколько живу уже на свѣтѣ, видѣлъ такихъ иновѣрцевъ, которымъ *провозить попа въ ръшетъ* [5]) было легче, нежели чѣмъ нашему брату понюхать табаку, а и тѣ открещивались отъ вѣдьмъ. Но приснись имъ... не хочется только выговорить, что такое... Нечего и толковать объ нихъ.

Лѣтъ куды болѣе, чѣмъ за сто, говорилъ покойникъ дѣдъ мой, нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ, самый бѣдный хуторъ! Избенокъ десять, не обмазанныхъ, не укрытыхъ, торчало то тамъ, то сямъ, посереди поля. Ни плетня ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину или возъ. Это жъ еще богачи такъ жили, а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма — вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человѣкъ Божій. Вы спросите, отчего они жили такъ? Бѣдность—не бѣдность: потому что тогда казаковалъ почти всякій и набиралъ въ чужихъ земляхъ не мало добра; а больше оттого, что не зачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народа тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то, что свои наѣдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало.

Въ этомъ-то хуторѣ показывался часто человѣкъ, или, лучше, дьяволъ въ человѣческомъ образѣ. Откуда онъ, зачѣмъ приходилъ, никто не зналъ. Гуляетъ, пьянствуетъ и вдругъ пропадетъ, какъ въ воду, и слуху нѣтъ. Тамъ, глядь,— снова будто съ неба упалъ, рыскаетъ по улицамъ села, котораго теперь и слѣду нѣтъ и которое было, можетъ, не дальше ста шаговъ отъ Диканьки. Понабе-

---

[1]) „Каганецъ — свѣтильникъ, состоящій изъ черепка, наполненнаго саломъ". [2]) Подкова—казацкій предводитель, нѣкоторое время занимавшій молдавскій престолъ; казненъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 году. [3]) Полтора-Кожуха — малороссійскій гетманъ съ 1623 по 1648; воевалъ съ Польшей. [4]) Сагайдачный—кошевой атаманъ на Запорожьѣ, а потомъ украинскій гетманъ. Прославился въ войнахъ съ татарами и турками. Скончался въ 1622 году. [5]) *Провозить попа въ ръшетъ*—лгать на исповѣди.

ретъ встрѣчныхъ казаковъ: хохотъ, пѣсни, деньги сыплются, водка—какъ вода... Пристанетъ, бывало, къ краснымъ дѣвушкамъ: надаритъ лентъ, серегъ, монистъ [1]) — дѣвать некуда! Правда, что красныя дѣвушки немного призадумывались, принимая подарки: Богъ знаетъ, можетъ, въ самомъ дѣлѣ, перешли они черезъ нечистыя руки. Родная тетка моего дѣда, содержавшая въ то время шинокъ по нынѣшней Опошнянской дорогѣ, въ которомъ часто разгульничалъ Басаврюкъ (такъ называли этого бѣсовскаго человѣка), именно говорила, что ни за какія благополучія въ свѣтѣ не согласилась бы припять отъ него подарковъ. Опять, какъ же и не взять? — Всякаго проберетъ страхъ, когда нахмуритъ онъ, бывало, свои щетинистыя брови и пуститъ исподлобья такой взглядъ, что, кажется, унесъ бы ноги Богъ знаетъ куда; а возьмешь, такъ на другую же ночь и тащится въ гости какой-нибудь пріятель изъ болота, съ рогами на головѣ, и давай душить за шею, когда на шеѣ мониcто, кусать за палецъ, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда вплетена въ нее лента. Богъ съ ними тогда, съ этими подарками! Но вотъ бѣда — и отвязаться нельзя: бросишь въ воду— плыветъ чертовскій перстень или монисто поверхъ воды, и къ тебѣ же въ руки.

Въ селѣ была церковь, чуть ли еще, какъ вспомню, не святого Пантелея. Жилъ тогда при ней іерей, блаженной памяти отецъ Аѳанасій. Замѣтивъ, что Басаврюкъ и на Свѣтлое Воскресеніе не бывалъ въ церкви, задумалъ было пожурить его, наложить церковное покаяніе. Куда, насилу ноги унесъ! «Слушай, *паноче*, — загремѣлъ онъ ему въ отвѣтъ, — знай лучше свое дѣло, чѣмъ мѣшаться въ чужія, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залѣплено горячею кутьею!» Что дѣлать съ окаяннымъ? Отецъ Аѳанасій объявилъ только, что всякаго, кто спознается съ Басаврюкомъ, станетъ считать за католика, врага Христовой Церкви и всего человѣческаго рода.

Въ томъ селѣ былъ у одного казака, прозвищемъ Коржа, работникъ, котораго люди звали Петромъ Безроднымъ, — можетъ, оттого, что никто не помнилъ ни отца его ни матери. Староста церкви говорилъ, правда, что они на другой же годъ померли отъ чумы; но тетка моего дѣда знать этого не хотѣла и всѣми силами старалась надѣлить его родней, хотя бѣдному Петру было въ ней столько нужды, сколько намъ въ прошлогоднемъ снѣгѣ. Она говорила, что отецъ его и теперь на Запорожьѣ, былъ въ плѣну у турокъ, натерпѣлся мукъ Богъ знаетъ какихъ и какимъ-то чудомъ, переодѣвшись евнухомъ, далъ тягу. Чернобровымъ дивчатамъ и молодицамъ мало было нужды до родни его. Они говорили только, что если бы одѣть его въ новый жупанъ [2]), затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку малахай [3]), въ другую люльку въ красивой оправѣ, то заткнулъ бы онъ за поясъ всѣхъ парубковъ тогдашнихъ. Но то бѣда, что у бѣднаго Петруся всего-навсего была одна сѣрая свитка, въ которой было больше дыръ, чѣмъ у иного жида въ карманѣ злотыхъ [4]). И это бы еще не большая бѣда, а вотъ бѣда: у стараго Коржа была дочка, красавица, какую, я думаю, врядъ ли доставалось вамъ видывать. Тетка покойнаго дѣда разсказывала, — а женщинѣ, сами знаете, легче поцѣловаться съ чортомъ, не во гнѣвъ будь сказано, нежели назвать кого красавицею,— что полненькія щеки казачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьею росою, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ; что брови, словно черные шнурочки, какіе покупаютъ теперь для крестовъ и дукатовъ дѣвушки наши

---

[1]) Монисто — ожерелье изъ монетъ или бусъ. [2]) „Жупанъ — родъ кафтана". [3]) „Малахай — плеть". [4]) Злотый — польская монета въ 15 коп.

у проходящихъ по селамъ съ коробками москалей, ровно нагнувшись, какъ будто глядѣлись въ ясныя очи; что ротикъ, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и созданъ былъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни; что волосы ея, черные какъ крылья ворона, и мягкіе, какъ молодой ленъ (тогда еще дѣвушки наши не заплетали ихъ въ дрибушки [1]), перевивая красивыми, яркихъ цвѣтовъ синдячками [2]), падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ кунтушъ [3]). Эхъ, не доведи Господь возглашать мнѣ больше на клиросѣ аллилуія, если бы вотъ тутъ же не расцѣловалъ ея, несмотря на то, что сѣдь пробирается по всему старому лѣсу, покрывающему мою макушку, и подъ бокомъ моя старуха, какъ бѣльмо въ глазу. Ну, если гдѣ парубокъ и дѣвка живутъ близко одинъ отъ другого... сами знаете, что выходитъ. Бывало, ни свѣтъ ни заря под-

Вздумалось Петрусю, не осмотрѣвшись хорошенько, въ сѣняхъ влѣпить поцѣлуй, какъ говорятъ, отъ всей души въ розовыя губки казачки.

ковы красныхъ сапоговъ и примѣтны на томъ мѣстѣ, гдѣ раздобаривала Пидорка съ своимъ Петрусемъ. Но все бы Коржу и въ умъ не пришло что-нибудь недоброе, да разъ, — ну, это уже и видно, что никто другой, какъ лукавый дернулъ, — вздумалось Петрусю, не осмотрѣвшись хорошенько въ сѣняхъ, влѣпить поцѣлуй, какъ говорятъ, отъ всей души, въ розовыя губки казачки, и тотъ же самый лукавый, — чтобъ ему, собачьему сыну, приснился крестъ святой! — настроилъ сдуру стараго хрѣна отворить дверь хаты. Одеревянѣлъ Коржъ, разинувъ ротъ и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцѣлуй, казалось, оглушилъ его совершенно. Ему почудился онъ громче, чѣмъ ударъ макогона [4]) объ стѣну, которымъ обыкновенно въ наше время мужикъ прогоняетъ кутю [5]), за неимѣніемъ фузеи [6]) и пороха.

---

[1]) „Дрибушки — мелкія косы“. [2]) „Синдячки — узкія ленты“. [3]) „Кунтушъ — верхнее старинное платье“. [4]) „Макогонъ — пестъ для растиранія“. [5]) Кутя — собака. [6]) Фузея — ружье.

Очнувшись, снялъ онъ со стѣны дѣдовскую нагайку и уже хотѣлъ было покропить ею спину бѣднаго Петра, какъ, откуда ни возьмись, шестилѣтній братъ Пидоркинъ, Ивась, прибѣжалъ и въ испугѣ схватилъ ручонками его за ноги, закричавъ:

— Тятя, тятя! Не бей Петруся!

Что прикажешь дѣлать? У отца сердце не каменное: повѣсивши нагайку на стѣну, вывелъ онъ его потихоньку изъ хаты:

— Если ты мнѣ когда-нибудь покажешься въ хатѣ или хоть только подъ окнами, то слушай, Петро: ей Богу, пропадутъ черные усы, да и оселедецъ [1]) твой, — вотъ уже онъ два раза обматывается около уха, — не будь я Терентій Коржъ, если не распрощается съ твоею макушей!

Сказавши это, далъ онъ ему легонькою рукою стусана [2]) въ затылокъ, такъ, что Петрусь, не взвидя земли, полетѣлъ стремглавъ. Вотъ тебѣ и доцѣловались! Взяла кручина нашихъ голубковъ; а тутъ и слухъ по селу, что къ Коржу повадился ходить какой-то ляхъ, обшитый золотомъ, съ усами, съ саблею, со шпорами, съ карманами, бренчавшими, какъ звонокъ отъ мѣшочка, съ которымъ понамарь нашъ Тарасъ отправляется каждый день по церкви. Ну, извѣстно, зачѣмъ ходятъ къ отцу, когда у него водится чернобровая дочка. Вотъ одинъ разъ Пидорка схватила, заливаясь слезами, на руки Ивася своего:

— Ивасю мой милый, Ивасю мой любый, бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; разскажи ему все: любила бъ его карія очи, цѣловала бы его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя. Не одинъ ручникъ вымочила горючими слезами. Тошно мнѣ, тяжело на сердцѣ. И родной отецъ—врагъ мнѣ: неволитъ итти за нелюбаго ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовятъ, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ [3]) и сопилокъ [4]). Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ: понесутъ меня. Темная, темная моя будетъ хата! — изъ кленоваго дерева, и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!

Какъ будто окаменѣвъ, не сдвинувшись съ мѣста, слушалъ Петро, когда невинное дитя лепетало ему Пидоркины рѣчи.

— А я думалъ, несчастный, итти въ Крымъ и Туречину, навоевать золота и съ добромъ пріѣхать къ тебѣ, моя красавица. Да не быть тому! Недобрый глазъ поглядѣлъ на насъ. Будетъ же, моя дорогая рыбка, будетъ и у меня свадьба: только и дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ — воронъ черный прокрячетъ, вмѣсто попа, надо мною; гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча—моя крыша; орелъ выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди казацкія косточки, и вихорь высушитъ ихъ. Но что я? На кого? Кому жаловаться? Такъ уже, видно, Богъ велѣлъ! Пропадать, такъ пропадать! — Да прямёхонько и побрелъ въ шинокъ.

Тетка покойнаго дѣда немного изумилась, увидѣвши Петруся въ шинкѣ, да еще въ такую пору, когда добрый человѣкъ идетъ къ заутренѣ, и выпучила на него глаза, какъ будто спросонья, когда потребовалъ онъ кухоль сивухи, мало не съ полведра. Только напрасно думалъ бѣдняжка залить свое горе. Водка щипала его языкъ, словно кропива, и казалась ему горше полыни. Кинулъ отъ себя кухоль на землю.

— Полно горевать тебѣ, казакъ! — загремѣло что-то басомъ надъ нимъ. Оглянулся: Басаврюкъ! У, какая образина! Волосы—щетина, очи какъ у вола.

---

[1]) „Оселедецъ — длинный клокъ волосъ на головѣ, заматывающійся за ухо“. [2]) „Стусанъ — кулакъ“. [3]) Кобза—восьмиструнная круглая балалайка. [4]) „Сопилка — дудка, свирѣль“.

— Знаю, чего недостаетъ тебѣ: вотъ чего!—Тутъ брякнулъ онъ съ бѣсовскою усмѣшкою кожанымъ висѣвшимъ у него возлѣ пояса кошелькомъ. Вздрогнулъ Петро.

— Ге-ге-ге! Да какъ горитъ!—заревѣлъ онъ, пересыпая на руку червонцы.—Ге-ге-ге! Да какъ звенитъ! А вѣдь ■ дѣла только одного потребуютъ за цѣлую гору такихъ цяцекъ [1]).

— Дьяволъ!—закричалъ Петро.—Давай его! На все готовъ!

Хлопнули по рукамъ.

— Смотри, Петро, ты поспѣлъ какъ разъ въ пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь въ году и цвѣтетъ папоротникъ. Не прозѣвай! Я тебя буду ждать о полночи въ Медвѣжьемъ оврагѣ.

Я думаю, куры такъ не дожидаются той поры, когда баба вынесетъ имъ хлѣбныхъ зеренъ, какъ дожидался Петрусь вечера. То и дѣло, что смотрѣлъ, не становится ли тѣнь отъ дерева длиннѣе, не румянится ли понизившееся солнышко, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нетерпѣливѣй. Экая долгота! Видно, день Божій потерялъ гдѣ-нибудь конецъ свой. Вотъ уже и солнца нѣтъ. Небо только краснѣетъ на одной сторонѣ. И оно уже тускнетъ. Въ полѣ становится холоднѣй. Примеркаетъ, примеркаетъ и—смерклось. Насилу! Съ сердцемъ, только что не хотѣвшимъ выскочить изъ груди, собрался онъ въ дорогу и бережно спустился густымъ лѣсомъ въ глубокій яръ, называемый Медвѣжьимъ оврагомъ. Басаврюкъ уже поджидалъ тамъ. Темно, хоть въ глаза выстрѣли. Рука объ руку пробирались они по топкимъ болотамъ, цѣпляясь за густо разросшійся терновникъ и спотыкаясь почти на каждомъ шагу. Вотъ и ровное мѣсто. Оглядѣлся Петро: никогда еще не случалось ему заходить сюда. Тутъ остановился ■ Басаврюкъ.

— Видишь ли ты, стоятъ передъ тобою три пригорка? Много будетъ на нихъ цвѣтовъ разныхъ; но сохрани тебя нездѣшняя сила сорвать хоть одинъ. Только же зацвѣтетъ папоротникъ, хватай его и не оглядывайся, что бы тебѣ позади ни чудилось.

Петро хотѣлъ было спросить... глядь—и нѣтъ уже его. Подошелъ къ тремъ пригоркамъ; гдѣ же цвѣты? Ничего ни̇ видать. Дикій бурьянъ чернѣлъ кругомъ и глушилъ все своею густотою. Но вотъ блеснула на небѣ зарница, и передъ нимъ показалась цѣлая гряда цвѣтовъ, все чудныхъ, все невиданныхъ; тутъ же и простые листья папоротника. Поусомнился Петро и въ раздумьѣ сталъ передъ ними, подпершись обѣими руками въ боки.

— Что жъ тутъ за невидальщина? Десять разъ на день, случается, видишь это зелье: какое жъ тутъ диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмѣяться?

Глядь — краснѣетъ маленькая цвѣточная почка и, какъ будто живая, движется. Въ самомъ дѣлѣ, чудно! Движется и становится все больше, больше, и краснѣетъ, какъ горячій уголь. Вспыхнула звѣздочка, что-то тихо затрещало—и цвѣтокъ развернулся передъ его очами, словно пламя, освѣтивъ и другіе около себя.

«Теперь пора!» подумалъ Петро и протянулъ руку.

Смотритъ, тянутся изъ-за него сотни мохнатыхъ рукъ также къ цвѣтку, а позади его что-то перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто. Зажмуривъ глаза, дернулъ онъ за стебелекъ, и цвѣтокъ остался въ его рукахъ. Все утихло. На пнѣ показался сидящимъ Басаврюкъ, весь синій, какъ мертвецъ. Хоть бы пошевелился однимъ пальцемъ. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; ротъ половину разинутъ, и ни отвѣта. Вокругъ не шелохнетъ. Ухъ,

---

[1]) Цяцка—дѣтская игрушка, бездѣлушка.

страшно!.. Но вотъ послышался свистъ, отъ котораго захолонуло у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумѣла, цвѣты начали между собою разговаривать голоскомъ тоненькимъ, словно серебряные колокольчики; деревья загремѣли сыпучею бранью... Лицо Басаврюка вдругъ ожило, очи сверкнули.

— Насилу воротилась, яга!—проворчалъ онъ сквозь зубы.—Гляди, Петро, станетъ передъ тобою сейчасъ красавица: дѣлай все, что ни прикажетъ, не то пропалъ навѣки!

Тутъ раздѣлилъ онъ суковатою палкою кустъ терновника, и передъ ними показалась избушка, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ. Басаврюкъ ударилъ кулакомъ, и стѣна зашаталась. Большая черная собака выбѣжала навстрѣчу и съ визгомъ, оборотившись въ кошку, кинулась въ глаза имъ.

— Не бѣсись, не бѣсись, старая чертовка!—проговорилъ Басаврюкъ, приправивъ такимъ словцомъ, что добрый человѣкъ и уши бы заткнулъ.

Глядь, вмѣсто кошки, старуха, съ лицомъ, сморщившимся какъ печеное яблоко, вся согнутая въ дугу; носъ съ подбородкомъ словно щипцы, которыми щелкаютъ орѣхи...

«Славная красавица!» подумалъ Петро, и мурашки пошли по спинѣ его.

Вѣдьма вырвала у него цвѣтокъ изъ рукъ, наклонилась и что-то долго шептала надъ нимъ, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изо рта, пѣна показалась на губахъ.

— Бросай!—сказала она, отдавая цвѣтокъ ему.

Петро подбросилъ, и — что за чудо! — цвѣтокъ не упалъ прямо, но долго казался огненнымъ шарикомъ посреди мрака и, словно лодка, плавалъ по воздуху; наконецъ потихоньку началъ спускаться ниже и упалъ такъ далеко, что едва примѣтна была звѣздочка не больше маковаго зерна.

— Здѣсь!—глухо прохрипѣла старуха, а Басаврюкъ, подавая ему заступъ, промолвилъ:

— Копай здѣсь, Петро: тутъ увидишь ты столько золота, сколько ни тебѣ ни Коржу не снилось.

Петро, поплевавъ въ руки, схватилъ заступъ, надавилъ ногою и выворотилъ землю, въ другой, въ третій, еще разъ... Что-то твердое... Заступъ звенитъ и нейдетъ далѣе. Тутъ глаза его ясно начали различать небольшой окованный желѣзомъ сундукъ. Уже хотѣлъ онъ было достать его рукою, но сундукъ сталъ уходить въ землю, и все, чѣмъ далѣе, глубже, глубже; а позади его слышался хохотъ, болѣе схожій съ змѣинымъ шипѣньемъ.

— Нѣтъ, не видать тебѣ золота, покамѣстъ не достанешь крови человѣческой!—сказала вѣдьма и подвела къ нему дитя лѣтъ шести, накрытое бѣлою простынею, показывая знакомъ, чтобы онъ отсѣкъ ему голову.

Остолбенѣлъ Петро. Малость — отрѣзать ни за что ни про что человѣку голову, да еще и безвинному ребенку! Всердцахъ сдернулъ онъ простыню, накрывавшую его голову, и что же? — Передъ нимъ стоялъ Ивась. И ручонки сложило бѣдное дитя накрестъ и головку повѣсило... Какъ бѣшеный подскочилъ съ ножомъ къ вѣдьмѣ Петро и уже занесъ было руку...

— А что ты обѣщалъ за дѣвушку? — грянулъ Басаврюкъ и словно пулю посадилъ ему въ спину.

Вѣдьма топнула ногою: синее пламя выхватилось изъ земли; середина ея вся освѣтилась и стала какъ будто изъ хрусталя вылита, и все, что ни было подъ землею, сдѣлалось видимо какъ на ладони. Червонцы, дорогіе камни въ сундукахъ, въ котлахъ, грудами были навалены подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они стояли. Глаза его загорѣлись... умъ помутился... Какъ безумный ухватился онъ за ножъ, и безвинная кровь брызнула ему въ очи... Дьявольскій

хохотъ загремѣлъ со всѣхъ сторонъ. Безобразныя чудища стаями скакали передъ нимъ. Вѣдьма, вцѣпившись руками въ обезглавленный трупъ, какъ волкъ, пила изъ него кровь... Все пошло кругомъ въ головѣ его. Собравши всѣ силы, бросился онъ бѣжать. Все покрылось передъ нимъ краснымъ свѣтомъ. Деревья, всѣ въ крови, казалось, горѣли и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненныя пятна, что молніи, мерещились въ его глазахъ. Выбившись изъ силъ, вбѣжалъ онъ въ свою лачужку и, какъ снопъ повалился на землю. Мертвый сонъ охватилъ его.

Два дня и двѣ ночи спалъ Петро безъ просыпу. Очнувшись на третій день, долго осматривалъ онъ углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была какъ карманъ стараго скряги, изъ котораго полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышалъ онъ, что въ ногахъ брякнуло. Смотритъ: два мѣшка съ золотомъ. Тутъ только, будто сквозь сонъ, вспомнилъ

Вѣдьма вырвала у него цвѣтокъ изъ рукъ, наклонилась и что-то долго шептала надъ нимъ, вспрыскивая какою-то водою.

онъ, что искалъ какого-то клада, что было ему одному страшно въ лѣсу... Но за какую цѣну, какъ достался онъ, этого никакимъ образомъ не могъ понять.

Увидѣлъ Коржъ мѣшки—и разнѣжился.

— Сякой, такой Петрусь, немазаный! Да я ли не любилъ его? Да не былъ ли у меня онъ, какъ сынъ родной?

И понесъ хрычъ небывальщину, такъ что того до слезъ разобрало. Тутъ Пидорка съ плачемъ разсказала Петрусю, какъ проходившіе мимо цыганы украли Ивася; но Петро не могъ даже вспомнить его: такъ обморочила проклятая бѣсовщина! — Мѣшкать было не зачѣмъ. Поляку дали подъ носъ дулю [1]), да и заварили свадьбу: напекли шишекъ [2]), нашили ручниковъ и хустокъ [3]), выка-

[1]) „Дуля — шишъ“. [2]) „Шишка — небольшой хлѣбецъ, дѣлаемый на свадьбахъ“. [3]) „Хустка—платокъ“.

тили бочку горѣлки, посадили за столъ молодыхъ, разрѣзали коровай, брякнули въ бандуры [1]), цымбалы [2]), сопилки, кобзы,—и пошла потѣха...

Въ старину свадьба водилась не въ сравненье съ нашей. Тетка моего дѣда, бывало, разскажетъ—люли только! Какъ дѣвчата въ нарядномъ головномъ уборѣ, изъ желтыхъ, синихъ и розовыхъ стричекъ [3]), поверхъ которыхъ повязывался золотой галунъ, въ тонкихъ рубашкахъ, вышитыхъ по всему шву краснымъ шелкомъ и унизанныхъ мелкими серебряными цвѣточками, въ сафьянныхъ сапогахъ на высокихъ желѣзныхъ подковахъ, плавно, словно павы, и съ шумомъ, что вихорь, скакали въ горлицѣ [4]). Какъ молодицы, съ корабликомъ [5]) на головѣ, котораго верхъ сдѣланъ былъ весь изъ сутозолотой [6]) парчи, съ небольшимъ вырѣзомъ на затылкѣ, откуда выглядывалъ золотой очипокъ, съ двумя, выдавшимися, одинъ напередъ, другой назадъ, рожками самаго мелкаго чернаго смушка, въ синихъ, изъ лучшаго полутабенеку [7]), съ красными клапанами, куntушахъ, важно подбоченившись, выступали поодиночкѣ и мѣрно выбивали гопака. Какъ парубки, въ высокихъ казацкихъ шапкахъ, въ тонкихъ суконныхъ свиткахъ, затянутыхъ шитыми серебромъ поясами, съ люльками въ зубахъ, разсыпались передъ ними мелкимъ бѣсомъ и подпускали турусы. Самъ Коржъ не утерпѣлъ, глядя на молодыхъ, чтобъ не тряхнуть стариною. Съ бандурою въ рукахъ, потягивая люльку и вмѣстѣ припѣвая, съ чаркою на головѣ, пустился старичина, при громкомъ крикѣ гулякъ, въ присядку. Чего не выдумаютъ навеселѣ! Начнутъ, бывало, наряжаться въ хари [8]),—Боже ты мой, на человѣка не похожи! Ужъ не чета нынѣшнимъ переодѣваньямъ, что бываютъ на свадьбахъ нашихъ. Что теперь? Только что корчатъ цыганокъ да москалей. Нѣтъ, вотъ, бывало, одинъ одѣнется жидомъ, а другой — чортомъ, начнутъ сперва цѣловаться, а послѣ ухватятся за чубы... Богъ съ вами! Смѣхъ нападетъ такой, что за животъ хватаешься. Поодѣнутся въ турецкія и татарскія платья—все горитъ на нихъ какъ жаръ... А какъ начнутъ дурить да строить штуки — ну, тогда хоть святыхъ выноси! Съ теткой покойнаго дѣда, которая сама была на этой свадьбѣ, случилась забавная исторія: была она одѣта тогда въ татарское широкое платье и, съ чаркою въ рукахъ, угощала собраніе. Вотъ одного дернулъ лукавый окатить ее сзади водкою; другой, тоже, видно, не промахъ, высѣкъ въ ту же минуту огня, да и поджегъ... пламя вспыхнуло: бѣдная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать съ себя, при всѣхъ, платье... Шумъ, хохотъ, ералашъ поднялся, какъ на ярмаркѣ. Словомъ, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно панъ съ панею. Всего вдоволь, все блеститъ. Однако добрые люди качали слегка головами, глядя на житье ихъ. «Отъ чорта не будетъ добра,—поговаривали всѣ въ одинъ голосъ.—Откуда, какъ не отъ искусителя лода православнаго, пришло къ нему богатство? Гдѣ ему было взять такую кучу золота? Отчего вдругъ, въ самый тотъ день, когда разбогатѣлъ онъ, Басаврюкъ пропалъ какъ въ воду?»—Говорите же, что люди выдумываютъ! Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не прошло мѣсяца, Петруся никто узнать не могъ. Отчего, что съ нимъ сдѣлалось?—Богъ знаетъ. Сидитъ на одномъ мѣстѣ, и хоть бы слово съ кѣмъ; все думаетъ и какъ будто бы хочетъ что-то припомнить. Когда Пидоркѣ удастся заставить его о чемъ-нибудь заговорить, какъ будто и забудется, и поведетъ рѣчь и развеселится даже; но ненарокомъ

---

[1]) „Бандура — инструментъ, родъ гитары". [2]) Цымбалы — небольшія гусли. [3]) „Стрички—ленты". [4]) „Горлица — танецъ". [5]) „Корабликъ — старинный головной уборъ". [6]) Сутозолотая—сдѣланная изъ толстыхъ золотыхъ нитей. [7]) „Полутабенекъ—старинная шелковая матерія". [8]) Хари—маски

посмотритъ на мѣшки: «Постой, постой, позабылъ!» кричитъ и снова задумывается и снова силится про что-то вспомнить. Иной разъ, когда долго сидитъ на одномъ мѣстѣ, чудится ему, что вотъ-вотъ все сызнова приходитъ на умъ... и опять все ушло. Кажется: сидитъ въ шинкѣ; несутъ ему водку; жжетъ его водка; противна ему водка; кто-то подходитъ, бьетъ по плечу его; онъ... но далѣе все какъ будто туманомъ покрывается передъ нимъ. Потъ валитъ градомъ по лицу его, и онъ въ изнеможеніи садится на свое мѣсто.

Чего не дѣлала Пидорка: и совѣщалась съ знахарями, и переполохъ выливали, и соняшницу заваривали [1]), ничто не помогало. Такъ прошло и лѣто. Много казаковъ обкосилось и обжалось; много казаковъ, поразгульнѣе другихъ, и въ походъ потянулось. Стаи утокъ еще толпились на болотахъ нашихъ; но кропивянокъ уже и въ поминѣ не было. Въ степяхъ закраснѣло. Скирды хлѣба, то тамъ, то сямъ, словно казацкія шапки, пестрѣли по полю. Попадались по дорогѣ и возы, наваленные хворостомъ и дровами. Земля сдѣлалась крѣпче и мѣстами стала прохватываться морозомъ. Уже и снѣгъ началъ сѣяться съ неба, и вѣтви деревъ убрались инеемъ, будто заячьимъ мѣхомъ. Вотъ уже въ ясный морозный день красногрудый снѣгирь, словно щеголеватый польскій шляхтичъ, прогуливался по снѣговымъ кучамъ, вытаскивая зерно, и дѣти огромными кіями [2]), гоняли по льду деревянные кубари, между тѣмъ, какъ отцы ихъ спокойно вылеживались на печкѣ, выходя по временамъ, съ зажженною люлькою въ зубахъ, ругнуть добрымъ порядкомъ православный морозецъ или провѣтриться и промолотить въ сѣняхъ залежалый хлѣбъ. Наконецъ снѣга стали таять, и *щука хвостомъ ледъ расколотила*; а Петро все тотъ же, и чѣмъ далѣе, тѣмъ еще суровѣе. Какъ будто прикованный, сидитъ посереди хаты, поставивъ себѣ въ ноги мѣшки съ золотомъ. Одичалъ, обросъ волосами, сталъ страшенъ и все думаетъ объ одномъ, все силится припомнить что-то и сердится и злится, что не можетъ вспомнить. Часто дико подымается съ своего мѣста, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ будто хочетъ уловить его; губы шевелятся, будто хотятъ произнесть какое-то давно забытое слово—и неподвижно останавливаются... Бѣшенство овладѣваетъ имъ; какъ полоумный грызетъ и кусаетъ себѣ руки и въ досадѣ рветъ клоками волоса, покамѣстъ, утихнувъ, не упадетъ будто въ забытьѣ, и послѣ снова принимается припоминать,—и снова бѣшенство, и снова мука... Что это за напасть Божія! Жизнь не въ жизнь стала Пидоркѣ. Страшно ей было оставаться сперва одной въ хатѣ, да послѣ свыклась, бѣдняжка, съ своимъ горемъ. Но прежней Пидорки уже узнать нельзя было. Ни румянца ни усмѣшки; изныла, исчахла, выплакались ясныя очи. Разъ кто-то уже, видно, сжалился надъ ней, посовѣтовалъ итти къ колдуньѣ, жившей въ Медвѣжьемъ оврагѣ, про которую ходила слава, что умѣетъ лѣчить всѣ на свѣтѣ болѣзни. Рѣшилась попробовать послѣднее средство; слово за слово,— уговорила старуху итти съ собою. Это было ввечеру, какъ разъ наканунѣ Купала. Петро въ безпамятствѣ лежалъ на лавкѣ и не примѣчалъ вовсе новой гостьи. Какъ вотъ мало-по-малу сталъ приподниматься и всматриваться. Вдругъ весь задрожалъ, какъ на плахѣ; волосы поднялись горою... и онъ засмѣялся такимъ хохотомъ, что страхъ врѣзался въ сердце Пидорки.

---

[1]) „Выливаютъ переполохъ у насъ въ случаѣ испуга, когда хотятъ узнать, отчего приключился онъ: бросаютъ расплавленное олово или воскъ въ воду, и что примутъ они подобіе, то самое перепугало больного; послѣ чего и весь испугъ проходитъ. Завариваютъ соняшницу отъ дурноты, боли въ животѣ. Для этого зажигаютъ кусокъ пеньки, бросаютъ въ кружку и опрокидываютъ ее вверхъ дномъ въ миску, наполненную водою и поставленную на животѣ больного; потомъ, послѣ зашептываній, даютъ ему выпить ложку этой воды". [2]) Кій—длинная палка.

— Вспомнилъ, вспомнилъ!—закричалъ онъ въ страшномъ весельѣ и, размахнувши топоръ, пустилъ имъ изо всей силы въ старуху. Топоръ на два вершка вбѣжалъ въ дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лѣтъ семи, въ бѣлой рубашкѣ, съ накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетѣла.

— Ивась!—закричала Пидорка и бросилась къ нему; но привидѣніе все, съ ногъ до головы, покрылось кровью и освѣтило всю хату краснымъ цвѣтомъ... Въ испугѣ выбѣжала она въ сѣни; но, опомнившись немного, хотѣла было помочь ему; напрасно: дверь захлопнулась за нею такъ крѣпко, что не подъ силу было отпереть. Сбѣжались люди, принялись стучать, высадили дверь: хоть бы душа одна! Вся хата полна дыма, и посерединѣ только, гдѣ стоялъ Петрусь, куча пеплу, отъ котораго мѣстами подымался еще паръ. Кинулись къ мѣшкамъ: одни битые черепки лежали, вмѣсто червонцевъ. Выпуча глаза и разинувъ рты, не смѣя пошевельнуть усомъ, стояли казаки, будто вкопанные въ землю. Такой страхъ навело на нихъ это диво!

Что было далѣе,—не вспомню. Пидорка дала обѣтъ итти на богомолье: собрала оставшееся послѣ отца имущество, и черезъ нѣсколько дней ея точно не было уже на селѣ. Куда ушла она, никто не могъ сказать. Услужливыя старухи отправили ее было уже туда, куда и Петро потащился, но пріѣхавшій изъ Кіева казакъ разсказалъ, что видѣлъ въ лаврѣ монахиню, всю высохшую, какъ скелетъ, и безпрестанно молящуюся, въ которой земляки, по всѣмъ примѣтамъ, узнали Пидорку; что будто еще никто не слыхалъ отъ нея ни одного слова; что пришла она пѣшкомъ и принесла окладъ къ иконѣ Божьей матери, исцвѣченный такими яркими камнями, что всѣ зажмурились, на него глядя.

Позвольте, этимъ еще не все кончилось. Въ тотъ самый день, когда лукавый припряталъ къ себѣ Петруся, показался снова Басаврюкъ; только всѣ бѣгомъ отъ него. Узнали, что это за птица: никто другой, какъ сатана, принявшій человѣческій образъ для того, чтобы отрывать клады; а какъ клады не даются нечистымъ рукамъ, такъ вотъ онъ и приманиваетъ къ себѣ молодцовъ. Въ томъ же году всѣ побросали землянки свои и перебрались въ село; но и тамъ, однакожъ, не было покою отъ проклятаго Басаврюка. Тетка покойнаго дѣда говорила, что именно злился онъ болѣе всего на нее за то, что оставила прежній шинокъ по Опошнянской дорогѣ, и всѣми силами старался выместить все на ней. Разъ старшины села собрались въ шинокъ и, какъ говорится, бесѣдовали по чинамъ за столомъ, посерединѣ котораго поставленъ былъ, грѣхъ сказать, чтобы малый жареный баранъ. Калякали о томъ, о семъ; было и про диковинки разныя и про чуда. Вотъ и померещилось—еще бы ничего, если бы одному, а то именно всѣмъ,—что баранъ поднялъ голову, блудящіе глаза его ожили и засвѣтились, и вмигъ появившіеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующихъ. Всѣ тотчасъ узнали на бараньей головѣ рожу Басаврюка; тетка дѣда моего даже думала уже, что вотъ-вотъ попроситъ водки... Честные старшины за шапки, да скорѣй во-свояси. Въ другой разъ самъ церковный староста, любившій по временамъ раздобаривать глазъ на глазъ съ дѣдовскою чаркою, не успѣлъ еще раза два достать дна, какъ видитъ, что чарка кланяется ему въ поясъ. «Чортъ съ тобою!» давай креститься!.. А тутъ съ половиною его тоже диво: только что начала она замѣшивать тѣсто въ огромной дижѣ [1]), вдругъ дижа выпрыгнула. «Стой, стой!» Куда! подбоченившись важно, пустилась въ присядку по всей хатѣ... Смѣйтесь: однакожъ не до смѣха было нашимъ дѣдамъ. И даромъ, что отецъ Аѳанасій ходилъ по всему селу со святою водою и гонялъ чорта кропиломъ по всѣмъ улицамъ, а все еще тетка

[1] „Дижа—кадка“

покойнаго дѣда долго жаловалась, что кто-то, какъ только вечеръ, стучитъ въ крышу и царапается по стѣнѣ.

Да чего! Вотъ теперь на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ село наше, кажись все спокойно; а вѣдь еще не такъ давно, еще покойный отецъ мой, и я запомню, какъ мимо развалившагося шинка, который нечистое племя долго послѣ того поправляло на свой счетъ, доброму человѣку пройти нельзя было. Изъ закоптѣвшей трубы столбомъ валилъ дымъ и, поднявшись высоко, такъ что посмотрѣть—шапка валилась, разсыпался горячими угольями по всей степи, и чортъ—нечего бы и вспоминать его, собачьяго сына,—такъ всхлипывалъ жалобно въ своей конурѣ, что испуганные гайвороны [1]) стаями подымались изъ ближняго дубоваго лѣса и съ дикимъ крикомъ метались по небу

[1]) Гайворонъ—грачъ.

МАЙСКАЯ НОЧЬ
ИЛИ
УТОПЛЕННИЦА.

I.

Ганна.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села ***. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера выливать свое веселье въ звуки, всегда не разлучные съ унынiемъ. И задумавшiйся вечеръ мечтательно обнималъ синее небо, превращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки, а пѣсни все не утихали. Съ бандурою [1]) въ рукахъ пробирался ускользнувшiй отъ пѣсельниковъ молодой казакъ Левко, сынъ сельскаго головы. На казакѣ рѣшетиловская шапка. Казакъ идетъ по улицѣ, бренчитъ рукою по струнамъ и подплясываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? Чья это дверь? Немного помолчавши, заигралъ онъ и запѣлъ:

Сонце низенько, вечеръ блызенько,
Выйды до мене, мое серденько!

---

[1]) „Бандура—инструментъ, родъ гитары“.

— Нѣтъ, видно, крѣпко заснула моя ясноокая красавица,—сказалъ казакъ, окончивши пѣсню и приближаясь къ окну.—Галю, Галю, ты спишь или не хочешь ко мнѣ выйти. Ты боишься, вѣрно, чтобы насъ кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ-быть, показать бѣлое личико на холодъ? Не бойся: никого нѣтъ; вечеръ тепелъ. Но если бы и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя, и никто насъ не увидитъ. Но если бы и повѣяло холодомъ, я прижму тебя поближе къ сердцу, отогрѣю поцѣлуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькія ножки. Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! Выгляни на мигъ! Просунь сквозь окошечко хоть бѣлую свою ручку... Нѣтъ, ты не спишь, гордая дивчина!—проговорилъ онъ громче и такимъ голосомъ, какимъ выражаетъ себя устыдившійся мгновеннаго униженія.—Тебѣ любо издѣваться надо мною! Прощай!

Тутъ онъ отворотился, насунулъ набекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревянная ручка у двери въ это время завертѣлась: дверь распахнулась со скрыпомъ, и дѣвушка, на порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звѣздочки, ясныя очи, блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея.

— Какой же ты нетерпѣливый!—говорила она ему вполголоса.—Уже и разсердился! Зачѣмъ выбралъ ты такое время? Толпа народу шатается то и дѣло по улицамъ... Я вся дрожу...

— О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче! — говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты.—Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько...

— Знаешь ли, что я думаю?—прервала дѣвушка, задумчиво уставивъ въ него свои очи. Мнѣ все что-то будто на ухо шепчетъ, что впередъ намъ не видаться такъ часто. Недобрые у васъ люди: дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо, а парубки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недавней поры стала суровѣе приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе у чужихъ было.

Какое-то движеніе тоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

— Два мѣсяца только въ сторонѣ родной и уже соскучилась! Можетъ, и я надоѣлъ тебѣ?

— О, ты мнѣ не надоѣлъ,—молвила она, усмѣхнувшись.—Я тебя люблю, чернобровый казакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается: и весело и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ, и любо слушать тебя.

— О моя Галя!— вскрикнулъ парубокъ, цѣлуя и прижимая ее сильнѣе къ груди своей.

— Постой, полно, Левко! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцомъ своимъ?

— Что? — сказалъ онъ, будто проснувшись. — Что я хочу жениться, а ты выйти за меня замужъ? Говорилъ.—Но какъ-то уныпно зазвучало въ устахъ его это слово «говорилъ».

— Что же?

— Что станешь дѣлать съ нимъ? Притворился, старый хрѣнъ, по своему обыкновенію, глухимъ: ничего не слышитъ и еще бранитъ, что шатаюсь Богъ знаетъ гдѣ и повѣсничаю съ хлопцами по улицамъ. Но не тужи, моя Галю! Вотъ тебѣ слово казацкое, что уломаю его.

— Да тебѣ только стоитъ, Левко, слово сказать,—и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово,—и невольно дѣлаю, что тебѣ хочется. Посмотри, посмотри! — продолжала она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, завѣшенное снизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишенъ.—Посмотри, вонъ, вонъ далеко мелькнули звѣздочки: одна, другая, третья, четвертая, пятая... Не правда ли, вѣдь это ангелы Божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, какъ у птицъ,—туда бы полетѣть высоко-высоко... Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ, однакоже, есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ Свѣтлымъ праздникомъ.

— Нѣтъ, Галю; у Бога есть длинная лѣстница отъ неба до самой земли; ее становятъ передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ святые архангелы, и какъ только Богъ ступитъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полетятъ стремглавъ и кучами попадаютъ въ пекло, и оттого на Христовъ праздникъ ни одного злого духа не бываетъ на землѣ.

— Какъ тихо колышется вода, будто дитя въ люлькѣ!—продолжала Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви.

Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди теплаго океана ночного воздуха, какъ бы предчувствуя скорое появленіе блистательнаго царя ночи. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремалъ съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ; мохъ и дикая трава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая своею тѣнью, бросалъ на него дикую мрачность; орѣховая роща сплалась у подножія его и скатывалась къ пруду.

— Я помню будто сквозь сонъ,—сказала Ганна, не спуская глазъ съ него,—давно-давно, когда я еще была маленькою и жила у матери, что-то страшное разсказывали про домъ этотъ. Левко, ты, вѣрно, знаешь; разскажи!..

— Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего не разскажутъ бабы и народъ глупый. Ты себя только потревожишь, станешь бояться, и не заснется тебѣ покойно.

— Разскажи, разскажи, милый чернобровый парубокъ!—говорила она, прижимаясь лицомъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его.—Нѣтъ, ты, видно, не любишь меня; у тебя есть другая дѣвушка. Я не буду бояться; я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не разскажешь. Я стану мучиться да думать... Разскажи, Левко!..

— Видно, правду говорятъ люди, что у дѣвушекъ сидитъ чортъ, подстрекающій ихъ любопытство. Ну, слушай. Давно, мое серденько, жилъ въ этомъ домѣ сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая, какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумалъ сотникъ жениться на другой. «Будешь ли ты меня нѣжить по-старому, батька, когда возьмешь другую жену?» — «Буду, моя дочка; еще крѣпче прежняго стану прижимать тебя къ сердцу! Буду, моя дочка; еще ярче стану дарить серьги и монисты!» Привезъ сотникъ молодую жену въ новый домъ свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бѣла собою была молодая жена; только такъ страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидѣвши, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачеха. Настала ночь; ушелъ сотникъ съ молодою женою

— О, не дрожи, моя красная калиночка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче!—говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты.

въ свою опочивальню; заперлась и бѣлая панночка въ своей свѣтлицѣ. Горько сдѣлалось ей; стала плакать. Глядитъ: страшная черная кошка крадется къ ней; шерсть на ней горитъ, и желѣзные когти стучатъ по полу. Въ испугѣ вскочила она на лавку, — кошка за нею; перепрыгнула на лежанку, — кошка и туда и вдругъ бросилась къ ней на шею и душитъ ее. Съ крикомъ оторвавши отъ себя, кинула ее на полъ. Опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стѣнѣ висѣла отцовская сабля. Схватила ее — и брякъ по полу; лапа съ желѣзными когтями отскочила, и кошка съ визгомъ пропала въ темномъ углу. Цѣлый день не выходила изъ свѣтлицы своей молодая жена; на третій день вышла съ перевязанною рукою. Угадала бѣдная панночка, что мачеха ея вѣдьма и что она ей перерубила руку. На четвертый день приказалъ сотникъ своей дочкѣ носить воду, мести хату, какъ простой мужичкѣ, и не показываться въ панскіе покои Тяжело было бѣдняжкѣ, да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгналъ сотникъ свою дочку босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками бѣлое лицо свое. «Погубилъ ты, батька, родную дочку свою! Погубила вѣдьма грѣшную душу твою! Прости тебя Богъ, а мнѣ, несчастной, видно, не велитъ Онъ жить на бѣломъ свѣтѣ!» — И вонъ, видишь ли ты?.. — Тутъ оборотился Левко къ Ганнѣ, указывая пальцемъ на домъ. — Гляди сюда: вонъ, подалѣе отъ дома, самый высокій берегъ. Съ этого берега кинулась панночка въ воду. И съ той поры не стало ея на свѣтѣ...

— А вѣдьма? — боязливо прервала Ганна, устремивъ на него прослезившіяся очи.

— Вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили въ лунную ночь въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ, и сотникова дочка сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь увидѣла она мачеху свою возлѣ пруда, напала на нее и съ крикомъ утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою въ одну изъ утопленницъ, и черезъ то ушла отъ плети изъ зеленаго тростника, которою хотѣли ее бить утопленницы. Вѣрь бабамъ! Разсказываютъ еще, что панночка собираетъ всякую ночь утопленницъ и заглядываетъ поодиночкѣ каждой въ лицо, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до сихъ поръ не узнала. И если попадется изъ людей кто, тотчасъ заставляетъ его угадывать; не то, грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Галю, какъ разсказываютъ старые люди!.. Теперешній панъ хочетъ строить на томъ мѣстѣ винницу [1]) и прислалъ нарочно для того сюда винокура... Но я слышу говоръ. Это наши возвращаются съ пѣсенъ. Прощай, Галю! Спи спокойно да не думай объ этихъ бабьихъ выдумкахъ.

Сказавши это, онъ обнялъ ее крѣпче, поцѣловалъ и ушелъ.

— Прощай, Левко!—говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный огненный мѣсяцъ величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина его была подъ землею, а уже весь міръ исполнился какого-то торжественнаго свѣта. Прудъ тронулся искрами. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени.

— Прощай, Ганна!—раздались позади ея слова, сопровождаемыя поцѣлуемъ.

— Ты воротился! — сказала она, оглянувшись; но, увидѣвъ передъ собою незнакомаго парубка, отвернулась въ сторону.

— Прощай, Ганна! — раздалось снова, и снова поцѣловалъ ее кто-то въ щеку.

— Вотъ принесла нелегкая и другого!—проговорила она съ сердцемъ.

---

[1]) „Винница—винокурня“.

— Прощай, милая Ганна!

— Еще и третій!

— Прощай! Прощай! Прощай, Ганна! — и поцѣлуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ.

— Да тутъ ихъ цѣлая ватага!—кричала Ганна, вырываясь изъ толпы парубковъ, наперерывъ спѣшившихъ обнимать ее. — Какъ имъ не надоѣстъ безпрестанно цѣловаться! Скоро, ей Богу, нельзя будетъ показаться на улицѣ!

Вслѣдъ за сими словами дверь захлопнулась, и только слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся желѣзный засовъ.

II.

Голова.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяцъ; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышитъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечутъ листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтренникъ—ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цѣлуетъ ихъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышитъ; все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посереди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

— Да, гопакъ [1]) не такъ танцуется! То-то я гляжу, не клеится все. Что жъ это разсказываетъ кумъ?.. А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!— Такъ разговаривалъ самъ съ собою подгулявшій мужикъ среднихъ лѣтъ, танцуя по улицѣ. — Ей Богу, не такъ танцуется гопакъ! Что мнѣ лгать? Ей Богу, не такъ! А, ну: гопъ трала! гопъ, трала! гопъ, гопъ, гопъ!

— Вотъ одурѣлъ человѣкъ! Добро бы еще хлопецъ какой, а то старый кабанъ дѣтямъ на смѣхъ танцуетъ ночью по улицѣ! — вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ солому.—Ступай въ хату свою! Пора спать давно.

— Я пойду!—сказалъ, остановившись, мужикъ.— Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Что онъ думаетъ, — *дидько бъ утысся его батькови* [2]),—что онъ голова, что онъ обливаетъ людей на морозѣ холодною водою, такъ и носъ поднялъ! Ну, голова, голова! Я самъ себѣ голова. Вотъ убей меня Богъ! Богъ меня убей! Я самъ себѣ голова. Вотъ что, а не то что...—продолжалъ онъ, подходя къ первой попавшейся хатѣ, и остановился передъ окошкомъ, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку.—Баба, отворяй! Баба, живѣй, говорятъ тебѣ, отворяй! Казаку спать пора!

---

[1]) „Гопакъ—малороссійскій танецъ". [2]) Т.-е. пусть нечистый встрѣтится его отцу.

— Куда ты, Каленикъ? Ты въ чужую хату попалъ!—закричали смѣясь позади его дѣвушки, ворочавшіяся съ веселыхъ пѣсней.—Показать тебѣ твою хату?

— Покажите, любезныя молодушки!

— Молодушки? Слышите ли,—подхватила одна,—какой учтивый Каленикъ! За это ему нужно показать хату. Но нѣтъ... напередъ потанцуй.

— Потанцовать?.. Эхъ, вы, замысловатыя дѣвушки! — протяжно произнесъ Каленикъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ.—А дадите перецѣловать себя? Всѣхъ перецѣлую, всѣхъ!..

И косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались; но послѣ, ободрившись, перебѣжали на другую сторону, увидя, что Каленикъ не слишкомъ былъ скоръ на ноги.

— Вонъ твоя хата! — закричали онѣ ему, уходя и показывая на избу гораздо поболѣе прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ.

Каленикъ послушно побрелъ въ ту сторону, принимаясь снова бранить голову.

Но кто же этотъ голова, возбудившій такіе невыгодные о себѣ толки и рѣчи? О, этотъ голова важное лицо на селѣ! Покамѣстъ Каленикъ достигнетъ конца пути своего, мы, безъ сомнѣнія, успѣемъ кое-что сказать о немъ. Все село, завидѣвши его, берется за шапки; а дѣвушки, самыя молоденькія, отдаютъ *добридень*. Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ быть головою? Головѣ открытъ свободный ходъ во всѣ тавлинки, и дюжій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку, во все продолженіе, когда голова запускаетъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку. Въ мірской сходкѣ, или громадѣ, несмотря на то, что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ кого ему угодно ровнять и гладить дорогу или копать рвы. Голова угрюмъ, суровъ съ виду и не любитъ много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина [1]) ѣздила въ Крымъ, былъ онъ выбранъ въ провожатые; цѣлые два дня находился онъ въ этой должности и даже удостоился сидѣть на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще голова выучился раздумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившіеся внизъ усы и кидать соколиный взглядъ исподлобья. И съ той поры голова, объ чемъ бы ни заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на козлахъ царской кареты. Голова любитъ иногда прикинуться глухимъ, особливо, если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова терпѣть не можетъ щегольства: носитъ всегда свитку чернаго домашняго сукна, перепоясывается шерстянымъ цвѣтнымъ поясомъ, и никто никогда не видалъ его въ другомъ костюмѣ, выключая развѣ только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда на немъ былъ синій казацкій жупанъ [2]). Но это время врядъ ли кто запомнитъ изъ цѣлаго села, а жупанъ держитъ онъ въ сундукѣ подъ замкомъ. Голова вдовъ; но у него живетъ въ домѣ своячинница, которая варитъ обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубашки и завѣдываетъ всѣмъ домомъ. На селѣ поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница; но мы уже видѣли, что у головы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ-быть, къ этому подало поводъ и то, что своячинницѣ всегда не нравилось, если голова заходилъ въ поле, усѣянное жницами, или къ казаку, у котораго была молодая дочка. Голова кривъ, но зато одинокій глазъ его — злодѣй, и далеко можетъ

---

1) Въ 1787 году императрица Екатерина II предприняла путешествіе на югъ Россіи. 2) „Жупанъ—родъ кафтана“.

увидѣть хорошенькую поселянку. Не прежде, однакожъ, онъ наведетъ его на смазливенькое личико, пока не осмотрится хорошенько, не глядитъ ли откуда своячиница. Но мы почти все уже разсказали, что нужно о головѣ, а пьяный Каленикъ не добрался еще и до половины дороги, и долго еще угощалъ голову всѣми отборными словами, какія могли только впасть на лѣниво и несвязно поворачивавшійся языкъ его.

III.

Неожиданный соперникъ. Заговоръ.

— Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, не хочу! Что за разгулье такое! Какъ вамъ не надоѣстъ повѣсничать? И безъ того уже прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буянами. Ложитесь лучше спать! — Такъ говорилъ Левко разгульнымъ товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новыя проказы. — Прощайте, братцы! Покойная вамъ ночь!—и быстрыми шагами шелъ отъ нихъ по улицѣ.

«Спитъ ли моя ясноокая Ганна?» думалъ онъ, подходя къ знакомой намъ хатѣ съ вишневыми деревьями. Среди тишины послышался тихій говоръ. Левко остановился. Между деревьями забѣлѣла рубашка... «Что это значитъ?» подумалъ онъ и, подкравшись поближе, спрятался за дерево. При свѣтѣ мѣсяца блистало лицо стоявшей передъ нимъ дѣвушки... Это Ганна! Но кто же этотъ высокій человѣкъ, стоящій къ нему спиною? Напрасно всматривался онъ: тѣнь покрывала его съ ногъ до головы. Спереди только онъ былъ освѣщенъ немного; по малѣйшій шагъ Левка впередъ уже подвергалъ его непріятности быть открытымъ. Тихо прислонившись къ дереву, рѣшился онъ остаться на мѣстѣ. Дѣвушка ясно выговорила его имя.

— Левко? Левко еще молокососъ! — говорилъ хрипло и вполголоса высокій человѣкъ.—Если я встрѣчу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какая это шельма похваляется выдрать меня за чубъ! — тихо проговорилъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. Но незнакомецъ продолжалъ такъ тихо, что нельзя было ничего разслушать.

— Какъ тебѣ не стыдно! — сказала Ганна по окончаніи его рѣчи. — Ты лжешь, ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!

— Знаю, — продолжалъ высокій человѣкъ. — Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову (тутъ показалось парубку, что голосъ незнакомца не совсѣмъ незнакомъ, и какъ будто онъ когда-то его слышалъ); но я дамъ себя знать Левку! — продолжалъ все такъ же незнакомецъ. — Онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его шашней. Попробуетъ онъ, собачій сынъ, каковы у меня кулаки!

При этомъ словѣ Левко не могъ уже болѣе удержать своего гнѣва. Подошедши на три шага къ нему, замахнулся онъ изо всей силы, чтобы дать треуха, отъ котораго незнакомецъ, несмотря на свою видимую крѣпость, не устоялъ бы, можетъ-быть, на мѣстѣ; но въ это время свѣтъ палъ на лицо его, и Левко остолбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ отецъ его. Невольное покачиваніе головою и легкій сквозь зубы свистъ — одни только выразили его изумленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ; Ганна поспѣшно влетѣла въ хату, захлопнувъ за собою дверь.

— Прощай, Ганна! — закричалъ въ это время одинъ изъ парубковъ, подкравшись и обнявши голову, — и съ ужасомъ отскочилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы.

— Прощай, красавица!—вскричалъ другой, но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелаго толчка головы.

— Прощай, прощай, Ганна! — закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ ему на шею.

— Провалитесь, проклятые сорванцы! — кричалъ голова, отбиваясь и притопывая на нихъ ногами.—Что я вамъ за Ганна! Убирайтесь вслѣдъ за отцами на висѣлицу, чортовы дѣти! Понаставали, какъ мухи къ меду! Дамъ я вамъ Ганну!..

— Голова, голова! Это голова! — закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

— Ай да батько! — говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ.— Вотъ какія за тобою водятся проказы! Славно! А я дивлюсь да передумываю, чтобъ бъ это значило, что онъ все притворяется глухимъ, когда станешь говорить о дѣлѣ. Постой же, старый хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ; будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣстъ! Гей, хлопцы, сюда, сюда!—кричалъ онъ, махая рукою парубкамъ, которые снова собирались въ кучу.—Ступайте сюда! Я увѣщавалъ васъ итти спать, но теперь раздумалъ и готовъ хоть цѣлую ночь самъ гулять съ вами.

— Вотъ это дѣло!—сказалъ плечистый и дородный парубокъ, считавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. — Мнѣ все кажется тошно, когда не удастся погулять порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ будто недостаетъ чего-то, какъ будто потерялъ шапку или люльку,—словомъ, не казакъ, да и только.

— Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову?

— Голову?

— Да, голову. Что онъ, въ самомъ дѣлѣ, задумалъ? Онъ управляется у насъ какъ будто гетманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще и подъѣзжаетъ къ дѣвчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова.

— Это такъ, это такъ!—закричали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

— Что жъ мы, ребята, за холопья? Развѣ мы не такого роду, какъ и онъ? Мы, слава Богу, вольные казаки! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные казаки!

— Покажемъ!—закричали парубки.—Да если голову, то и писаря не минуть!

— Не минемъ и писаря. А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умѣ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу, — продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры. — Да слушайте: попереодѣвайтесь, кто во что ни попало.

— Гуляй, казацкая голова! — говорилъ дюжій повѣса, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками.— Что за роскошь! Что за воля! Какъ начнешь бѣситься, чудится, будто поминаешь давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ, а душа какъ будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей, гуляй!..

И толпа шумно понеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря: «Ну, теперь гуляютъ парубки!»

IV.

Парубки гуляютъ.

Одна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это жилище головы. Голова уже давно окончилъ свой ужинъ и, безъ сомнѣнія, давно бы уже заснулъ, но у него былъ въ это время гость, винокуръ, присланный строить

винокурню помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли между вольными казаками. Подъ самымъ покутомъ [1]), на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ гость, низенькій, толстенькій человѣчекъ, съ маленькими вѣчно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ курилъ онъ свою коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцемъ вылѣзавшій изъ нея, превращенный въ золу табакъ. Облака дыма быстро разрастались надъ нимъ, одѣвая его въ сизый туманъ. Казалось, будто широкая труба съ какой-нибудь винокурни, наскучa сидѣть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усѣлась за столомъ въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали у него коротенькіе и густые усы; но они такъ неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокуръ поймалъ и держалъ во рту своемъ, подрывая монополію амбарнаго кота. Голова, какъ хозяинъ, сидѣлъ въ одной только рубашкѣ и полотняныхъ шароварахъ. Орлиный глазъ его, какъ вечерѣющее солнце, начиналъ мало-по-малу жмуриться и меркнуть. На концѣ стола курилъ люльку одинъ изъ сельскихъ десятскихъ, составлявшихъ команду головы, сидѣвшій изъ почтенія къ хозяину въ свиткѣ.

— Скоро же вы думаете, — сказалъ голова, оборотившись къ винокуру и кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой,—поставить вашу винокурню?

— Когда Богъ поможетъ, то этою осенью, можетъ, и закуримъ. На Покровъ, бьюсь объ закладъ, что панъ-голова будетъ писать ногами нѣмецкіе крендели по дорогѣ.

По произнесеніи этихъ словъ глазки винокура пропали; вмѣсто ихъ протянулись лучи до самыхъ ушей; все туловище стало колебаться отъ смѣха, и веселыя губы оставили на мгновеніе дымившуюся люльку.

— Дай Богъ,—сказалъ голова, выразивъ на лицѣ своемъ что-то подобное улыбкѣ. — Теперь ещ, слава Богу, винницъ развелось немного. А вотъ въ старое время, когда провожалъ я царицу по переяславской дорогѣ, еще покойный Безбородько...

— Ну, сватъ, вспомнилъ время! Тогда отъ Кременчуга до самыхъ Роменъ не насчитывали и двухъ винницъ. А теперь... Слышалъ ли ты, что повыдумали проклятые нѣмцы? Скоро, говорятъ, будутъ курить не дровами, какъ всѣ честные христіане, а какимъ-то чертовскимъ паромъ.

Говоря эти слова, винокуръ въ размышленіи глядѣлъ на столъ и на разставленныя на немъ руки свои.—Какъ это паромъ—ей Богу, не знаю!

— Что за дурни, прости Господи, эти нѣмцы! — сказалъ голова. — Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слыханное ли дѣло, чтобы паромъ можно было кипятить что. Поэтому ложку борщу нельзя поднести ко рту, не изжаривши губъ, вмѣсто молодого поросенка...

— И ты, сватъ,—отозвалась сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги, своячиница,—будешь все это время жить у насъ безъ жены?

— А для чего она мнѣ? Другое дѣло, если бы что доброе было.

— Будто не хороша?—спросилъ голова, устремивъ на него глазъ свой.

— Куды тебѣ хороша? *Стара, якъ бисъ*. Харя вся въ морщинахъ, будто выпорожненный кошелекъ.

И низенькое строеніе винокура расшаталось снова отъ громкаго смѣха.

Въ это время что-то стало шарить за дверью; дверь растворилась, и мужикъ, не снимая шапки, ступилъ черезъ порогъ и сталъ, какъ будто въ раздумьѣ, посереди хаты, разинувши ротъ и оглядывая потолокъ. Это былъ знакомецъ нашъ, Каленикъ.

---

[1]) Покутъ—красный уголъ, мѣсто подъ образами.

— Вотъ я и домой пришелъ,—говорилъ онъ, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого вниманія на присутствующихъ. — Вишь, какъ растянулъ вражій сынъ, сатана, дорогу! Идешь-идешь, и конца нѣтъ! Ноги какъ будто переломалъ кто-нибудь. Достань-ка тамъ, баба, тулупъ подостлать мнѣ. На печь къ тебѣ не приду, ей Богу, не приду; ноги болятъ. Достань его; тамъ онъ лежитъ, близъ покута; гляди только, не опрокинь горшка съ тертымъ табакомъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ-быть, пьяна сегодня... Пусть, уже я самъ достану.

Каленикъ приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его къ скамейкѣ.

— За это люблю, — сказалъ голова. — Пришелъ въ чужую хату и распоряжается, какъ дома! Выпроводить его по-добру, по-здорову!

— Оставь, сватъ, отдохнуть!—сказалъ винокуръ, удерживая его за руку.—Это полезный человѣкъ: побольше такого народа, и винница наша славно бы пошла...

Однакожъ не добродушіе выпудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ всѣмъ примѣтамъ, и тотчасъ прогнать человѣка, уже сѣвшаго на лавку, значило у него накликать бѣду.

— Что-то какъ старость придетъ!..—ворчалъ Каленикъ, ложась на лавку.— Добро бы, еще сказать, пьянъ! Такъ нѣтъ же не пьянъ. Ей Богу, не пьянъ! Что мнѣ лгать! Я готовъ объявить это хоть самому головѣ. Что мнѣ голова? Чтобъ онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! Чтобъ его, одноглазаго чорта, возомъ переѣхало! Что онъ обливаетъ людей на морозѣ...

— Эге, влѣзла свинья въ хату, да и лапы суетъ на столъ! — сказалъ голова, гнѣвно подымаясь съ своего мѣста. Но въ это время увѣсистый камень, разбивши окно вдребезги, полетѣлъ ему подъ ноги. Голова остановился.— Если бы я зналъ,—говорилъ онъ, подымая камень, — какой это висѣльникъ швырнулъ камнемъ, я бы выучилъ его, какъ кидаться! Экія проказы! — продолжалъ онъ, разсматривая его на рукѣ пылающимъ взглядомъ. — Чтобъ онъ подавился этимъ камнемъ!..

— Стой, стой! Боже тебя сохрани, сватъ! — подхватилъ, поблѣднѣвши, винокуръ.—Боже сохрани тебя и на томъ и на этомъ свѣтѣ поблагословить кого-нибудь такою побранкою!

— Вотъ нашелся заступникъ! Пусть онъ пропадетъ!

— И не думай, сватъ! Ты не знаешь, вѣрно, что случилось съ покойною тещей моей?

— Съ тещей?

— Да, съ тещей. Вечеромъ, немного, можетъ, раньше теперешняго, усѣлись вечерять: покойная теща, покойный тесть, да наймытъ, да наймычка [1]), да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща отсыпала немного галушекъ [2]) изъ большого казана [3]) въ миску, чтобы не такъ были горячи. Послѣ работъ всѣ проголодались и не хотѣли ждать, пока галушки простынутъ. Вздѣвши ихъ на длинныя деревянныя спички, начали ѣсть. Вдругъ, откуда ни возьмись, человѣкъ: какого онъ роду — Богъ его знаетъ; проситъ и его допустить къ трапезѣ. Какъ не накормить голоднаго человѣка? Дали и ему спичку. Только гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно. Покамѣстъ тѣ съѣли по одной и опустили спички за другими, дно было гладко, какъ папскій помостъ. Теща насыпала еще: думаетъ, гость наѣлся и будетъ убирать меньше. Ничего не бывало: еще лучше сталъ уплетать. И другую вышорожнилъ. «А чтобъ ты подавился этими галуш-

---

[1]) „Наймытъ—нанятой работникъ; наймычка—нанятая работница". [2]) „Галушки—клецки". [3]) „Казанъ—котелъ".

ками!» подумала голодная теща. Какъ вдругъ тотъ поперхнулся и упалъ. Кинулись къ нему—и духъ вонъ. Удавился!

— Такъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно!—сказалъ голова.

— Такъ бы, да не такъ вышло: съ того времени покою не было тещѣ. Чуть только ночь, мертвецъ и тащится. Сядетъ верхомъ на трубу, проклятый, и галушку держитъ въ зубахъ. Днемъ все покойно, и слуху нѣтъ про него; а только станетъ премеркать, погляди на крышу: уже и осѣдлалъ, собачій сынъ, трубу.

— И галушка въ зубахъ?

— И галушка въ зубахъ.

— Чудно, сватъ! Я слышалъ что-то похожее еще за покойницу...

Тутъ голова остановился. Подъ окномъ послышался шумъ и топанье танцующихъ. Сперва тихо звякнули струны бандуры; къ нимъ присоединился голосъ. Струны загремѣли сильнѣе; нѣсколько голосовъ стало подтягивать, и пѣсня зашумѣла вихремъ:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Въ головѣ разсѣлись клепки.

Набей, бондарь [1]), голову
Ты стальны обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами, батогами.

Голова нашъ сѣдъ и кривъ,
Старъ, какъ бѣсъ; а что за дурень!
Прихотливъ и похотливъ,
Жмется къ дѣвкамъ... Дурень, дурень!

И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
Тебѣ бъ нужно въ домовину [2]),
По усамъ, да по шеямъ!
За чуприну, за чуприну [3]).

— Славная пѣсня, сватъ,— сказалъ винокуръ, наклоня немного на бокъ голову и оборотившись къ головѣ, остолбенѣвшему отъ удивленія при видѣ такой дерзости. — Славная! Скверно только, что голову поминаютъ не совсѣмъ благопристойными словами...

И онъ опять положилъ руки на столъ съ какимъ-то сладкимъ умиленіемъ въ глазахъ, приготовляясь слушать еще, потому что подъ окномъ гремѣлъ хохотъ и крики:

— Снова! Снова!

Однакожъ проницательный глазъ увидѣлъ бы тотчасъ, что не изумленіе удерживало долго голову на одномъ мѣстѣ. Такъ только старый, опытный котъ допускаетъ иногда неопытную мышь бѣгать около своего хвоста, а между тѣмъ быстро созидаетъ планъ, какъ перерѣзать ей путь въ нору. Еще одинокій глазъ головы былъ устремленъ на окно, а уже рука, давши знакъ десятскому, держалась за деревянную ручку двери, и вдругъ на улицѣ поднялся крикъ... Винокуръ, къ числу многихъ достоинствъ своихъ присоединявшій и любопытство, быстро набивши табакомъ свою люльку, выбѣжалъ на улицу; но шалуны уже разбѣжались.

---

[1]) „Бондарь — бочаръ". [2]) „Домовина — гробъ". [3]) „Чуприна или чубъ—длинный клокъ волосъ на головѣ".

— Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня! — кричалъ голова, таща за руку человѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ черномъ тулупѣ. Винокуръ, пользуясь временемъ, подбѣжалъ, чтобы посмотрѣть въ лицо этому нарушителю спокойствія, но съ робостью попятился назадъ, увидѣвши длинную бороду и страшно размалеванную рожу. — Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня! — кричалъ голова, продолжая тащить прямо въ сѣни своего плѣнника, который, не оказывая никакого сопротивленія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ будто въ свою хату. — Карпо, отворяй комору! [1]) — сказалъ голова десятскому. — Мы его въ темную комору. А тамъ разбудимъ писаря, соберемъ десятскихъ, переловимъ всѣхъ этихъ буяновъ и сегодня же и резолюцію всѣмъ имъ учинимъ!

Десятскій забрепчалъ небольшимъ висячимъ замкомъ въ сѣняхъ и отворилъ комору.

Въ это самое время плѣнникъ, пользуясь темнотою сѣней, вдругъ вырвался съ необыкновенною силою изъ рукъ его.

— Куда? — закричалъ голова, ухвативъ его еще крѣпче за воротъ.

— Пусти, это я! — послышался тоненькій голосъ.

— Не поможетъ, не поможетъ, братъ! Визжи себѣ хоть чортомъ, не только бабою: меня не проведешь! — и толкнулъ его въ темную комору такъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ, упавши на полъ, а самъ, въ сопровожденіи десятскаго, отправился въ хату писаря, и вслѣдъ за ними, какъ пароходъ, задымился винокуръ.

Въ размышленіи шли они всѣ трое, потупивъ головы, и вдругъ на поворотѣ въ темный переулокъ разомъ вскрикнули отъ сильнаго удара по лбамъ, и такой же крикъ отгрянулъ въ отвѣтъ имъ. Голова, прищуривши глазъ свой, съ изумленіемъ увидѣлъ писаря съ двумя десятскими.

— А я къ тебѣ иду, панъ писарь!

— А я къ твоей милости, панъ голова!

— Чудеса завелися, панъ писарь!

— Чудныя дѣла, панъ голова!

— А что?

— Хлопцы бѣсятся, безчинствуютъ цѣлыми кучами по улицамъ. Твою милость величаютъ такими словами... — словомъ, сказать стыдно. Пьяный москаль побоится вымолвить ихъ нечестивымъ своимъ языкомъ. (Все это худощавый писарь, въ пестрядевыхъ шароварахъ и въ жилетѣ цвѣта винныхъ дрожжей, сопровождалъ протягиваніемъ шеи впередъ и приведеніемъ ея тотъ же часъ въ прежнее состояніе.) Вздремнулъ было немного, подняли съ постели проклятые сорванцы своими срамными пѣснями и стукомъ! Хотѣлъ было хорошенько приструнить ихъ, да покамѣстъ надѣлъ шаровары и жилетъ, всѣ разбѣжались куда ни попало. Самый главный, однакоже, не увернулся отъ насъ. Распѣваетъ онъ теперь въ той хатѣ, гдѣ держатъ колодниковъ. Душа горѣла у меня узнать эту птицу, да рожа замазана сажей, какъ у чорта, что куетъ гвозди для грѣшниковъ.

— А какъ онъ одѣтъ, панъ писарь?

— Въ черномъ вывороченномъ тулупѣ собачій сынъ, панъ голова.

— А не лжешь ты, панъ писарь? Что если этотъ сорванецъ сидитъ теперь у меня въ коморѣ?

— Нѣтъ, панъ голова! Ты самъ, не во гнѣвъ будь сказано, погрѣшилъ немного.

— Давайте огня! Мы посмотримъ его!

---

[1]) „Комора — амбаръ“.

Огонь принесли, дверь отперли, — и голова ахнулъ отъ удивленія, увидѣвъ предъ собою своячницу.

— Скажи, пожалуйста, — съ такими словами она приступила къ нему, — ты не свихнулся еще съ послѣдняго ума? Была ли въ одноглазой башкѣ твоей хоть капля мозгу, когда толкнулъ ты меня въ темную комору? Счастье, что не ударилась головою объ желѣзный крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это я? Схватилъ, проклятый медвѣдь, своими желѣзными лапами, да и толкаетъ! Чтобъ тебя на томъ свѣтѣ толкали черти!..

Послѣднія слова вынесла она за дверь, на улицу, куда отправилась для какихъ-нибудь своихъ причинъ.

— Да, я вижу, что это ты! — сказалъ голова, очнувшись. — Что скажешь, панъ писарь: не шельма этотъ проклятый сорви-голова?

— Шельма, панъ голова!

— Не пора ли намъ всѣхъ этихъ повѣсъ прошколить хорошенько и заставить ихъ заниматься дѣломъ?

— Давно пора, давно пора, панъ голова!

— Они, дурни, забрали себѣ... Кой чортъ? Мнѣ почудился крикъ своячницы на улицѣ... Они, дурни, забрали себѣ въ голову, что я имъ ровня, они думаютъ, что я — какой-нибудь ихъ братъ, простой казакъ!.. — Небольшой послѣдовавшій за симъ кашель и устремленіе глаза исподлобья вокругъ давали догадываться, что голова готовился говорить о чемъ-то важномъ. — Въ тысячу... этихъ проклятыхъ названій годовъ, хоть убей, не выговорю, ну,—году, комиссару тогдашнему, Ледачему, данъ былъ приказъ выбрать изъ казаковъ такого, который былъ бы посмышленѣе всѣхъ. — О! (это «о!» голова произнесъ, поднявши палецъ вверхъ) — посмышленѣе всѣхъ, въ проводники къ царицѣ. Я тогда...

— Что и говорить, это всякій уже знаетъ, панъ голова! Всѣ знаютъ, какъ ты выслужилъ царскую ласку. Признайся теперь, моя правда вышла: хватилъ немного на душу грѣха, сказавши, что поймалъ этого сорванца въ вывороченномъ тулупѣ?

— А что до этого дьявола въ вывороченномъ тулупѣ, то его, въ примѣръ другимъ, заковать въ кандалы и наказать примѣрно! Пусть знаетъ, что значитъ власть! Отъ кого же и голова поставленъ, какъ не отъ царя? Потомъ доберемся и до другихъ хлопцевъ: я не забылъ, какъ проклятые сорванцы вогнали въ огородъ стадо свиней, переѣвшихъ мою капусту и огурцы; я не забылъ, какъ чортовы дѣти отказалися вымолотить мое жито; я не забылъ... Но провались они, мнѣ нужно непремѣнно узнать, какая эта шельма въ вывороченномъ тулупѣ!

— Это проворная, видно, птица! — сказалъ винокуръ, котораго щеки въ продолженіе всего этого разговора безпрерывно заряжались дымомъ, какъ осадная пушка, и губы, оставивъ коротенькую люльку, выбросили цѣлый облачный фонтанъ. — Этакого человѣка не худо на всякій случай и при винницѣ держать, а еще лучше повѣсить на верхушкѣ дуба вмѣсто паникадила.

Такая острота показалась не совсѣмъ глупою винокуру, и онъ тотъ же часъ рѣшился, не дожидаясь одобренія другихъ, наградить себя хриплымъ смѣхомъ.

Въ это время стали приближаться они къ небольшой, почти повалившейся на землю хатѣ. Любопытство нашихъ путниковъ увеличилось: всѣ столпились у дверей. Писарь вынулъ ключъ, загремѣлъ имъ около замка; но этотъ ключъ былъ отъ сундука его. Нетерпѣніе увеличилось. Засунувъ руку, началъ онъ шарить и сыпать побранки, не отыскивая его.

— Здѣсь! — сказалъ онъ, наконецъ, нагнувшись и вынимая его изъ глубины обширнаго кармана, которымъ снабжены были его пестрядевыя шаровары.

При этомъ словѣ сердца нашихъ героевъ, казалось, слились въ одно, и это огромное сердце забилось такъ сильно, что неровный стукъ его не былъ заглушенъ даже брякнувшимъ замкомъ. Двери отворились и... Голова сталъ блѣденъ, какъ полотно; винокуръ почувствовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хотѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился въ лицѣ писаря; десятскіе приросли къ землѣ и не въ состояніи были сомкнуть дружно разинутыхъ ртовъ своихъ: передъ ними стояла своячиница.

Изумленная не менѣе ихъ, она, однакожъ, немного очнулась и сдѣлала движеніе, чтобы подойти къ нимъ.

— Стой!—закричалъ дикимъ голосомъ голова и захлопнулъ за нею дверь.— Господи, это сатана! — продолжалъ онъ. — Огня! Живѣе огня! Не пожалѣю казенной хаты! Зажигай ее, зажигай, чтобы и костей чортовыхъ не осталось на землѣ!

Своячиница въ ужасѣ кричала, слыша за дверью грозное опредѣленіе.

— Что вы, братцы? — говорилъ винокуръ. — Слава Богу, волосы у васъ чуть не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не нажили: отъ простого огня вѣдьма не загорится. Только огонь изъ люльки можетъ зажечь оборотня. Постойте, я сейчасъ все улажу.

Сказавши это, высыпалъ онъ горячую золу изъ трубки въ пукъ соломы и началъ раздувать ее. Отчаяніе придало въ это время духу бѣдной своячиницѣ: громко стала умолять и разувѣрять ихъ.

— Постойте, братцы! Зачѣмъ напрасно грѣха набираться! Можетъ-быть, это и не сатана, — сказалъ писарь. — Если оно, то-есть то самое, которое сидитъ тамъ, согласится положить на себя крестное знаменіе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ.

Предложеніе одобрено.

— Чуръ меня, сатана, — продолжалъ писарь, приложась губами къ скважинкѣ въ дверяхъ: — если не пошевелишься съ мѣста, мы отворимъ дверь!

Дверь отворили.

— Перекрестись, — сказалъ голова, оглядываясь назадъ, какъ будто выбирая безопасное мѣсто въ случаѣ ретирады.

Своячиница перекрестилась.

— Кой чортъ! Точно, это своячиница!

— Какая нечистая сила затащила тебя, кума, въ эту конуру?

И своячиница, всхлипывая, разсказала, какъ схватили ее хлопцы въ охапку на улицѣ и, несмотря на сопротивленіе, опустили въ широкое окно хаты и заколотили ставнемъ. Писарь взглянулъ: петли у широкаго ставня оторваны, и онъ приколоченъ только сверху деревяннымъ брусомъ.

— Добро ты, одноглазый сатана! — вскричала она, приступивъ къ головѣ, который попятился назадъ и все еще продолжалъ ее мѣрить своимъ глазомъ.— Я знаю твой умыселъ: ты хотѣлъ, ты радъ былъ случаю съѣсть меня, чтобы свободнѣе было тебѣ волочиться за дѣвчатами, чтобы некому было видѣть, какъ дурачится сѣдой дѣдъ. Ты думаешь, я не знаю, о чемъ говорилъ ты сего вечера съ Ганною? О, я знаю все. Меня трудно провесть и не твоей безтолковой башкѣ. Я долго терплю, но послѣ не прогнѣвайся...

Сказавши это, она показала кулакъ и быстро ушла, оставивъ въ остолбенѣніи голову.

«Нѣтъ, тутъ не на шутку сатана вмѣшался», думалъ онъ, сильно почесывая свою макушку.

— Поймали! — вскрикнули вошедшіе въ это время десятскіе.

— Кого поймали? — спросилъ голова.

Огонь принесли, дверь отперли,—и голова ахнулъ отъ удивленія, увидѣвъ предъ собою своячиницу.

— Дьявола въ вывороченномъ тулупѣ.

— Подавайте его! — закричалъ голова, схвативъ за руки приведеннаго плѣнника. — Вы съ ума сошли: да это пьяный Каленикъ!

— Что за пропасть! Въ рукахъ нашихъ былъ, панъ голова! — отвѣчали десятскіе. — Въ переулкѣ окружили проклятые хлопцы, стали танцовать, дергать, высовывать языки, вырывать изъ рукъ... Чортъ съ вами!.. И какъ мы попали на эту ворону вмѣсто его, Богъ одинъ знаетъ!

— Властью моею и всѣхъ мірянъ дается повелѣніе, — сказалъ голова, — изловить сей же мигъ сего разбойника, а онымъ образомъ и всѣхъ, кого найдете на улицѣ, и привесть на расправу ко мнѣ!

— Помилуй, панъ голова! — закричали нѣкоторые, кланяясь въ ноги. — Увидѣлъ бы ты, какія хари: убей Богъ насъ, и родились и крестились — не видали такихъ мерзкихъ рожъ. Долго ли до грѣха, панъ голова! Перепугаютъ добраго человѣка такъ, что послѣ ни одна баба не возьмется вылить переполоху [1]).

— Дамъ я вамъ переполоху! Что вы? Не хотите слушаться! Вы, вѣрно, держите ихъ руку? Вы — бунтовщики! Что это?.. Да, что это?.. Вы заводите разбои... Вы... Вы... Я донесу комиссару! Сей же часъ, слышите, сей же часъ! Бѣгите, летите птицею! Чтобъ я васъ... Чтобъ вы мнѣ...

Всѣ разбѣжались.

V.

Утопленница.

Не безпокоясь ни о чемъ, не заботясь о разосланныхъ погоняхъ, виновникъ всей этой кутерьмы медленно подходилъ къ старому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывать, что это былъ Левко. Черный тулупъ его былъ разстегнутъ, шапку держалъ онъ въ рукѣ, потъ валилъ съ него градомъ. Величественно и мрачно чернѣлъ кленовый лѣсъ, обсыпаясь только на оконечности, стоявшей лицомъ къ мѣсяцу, тонкою серебряною пылью. Неподвижный прудъ подулъ свѣжестью на усталаго пѣшехода и заставилъ его отдохнуть на берегу. Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья. Непреодолимый сонъ быстро сталъ смыкать ему зѣницы; усталые члены готовы были забыться и онѣмѣть: голова клонилась... «Нѣтъ, этакъ я засну еще здѣсь!» говорилъ онъ, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся: ночь казалась передъ нимъ еще блистательнѣе. Какое-то странное, упоительное сіяніе примѣшалось къ блеску мѣсяца. Никогда еще не случалось ему видѣть подобнаго. Серебряный туманъ палъ на окрестность. Запахъ отъ цвѣтущихъ яблонь и ночныхъ цвѣтовъ лился по всей землѣ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ въ неподвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, опрокинувшись внизъ, виденъ былъ въ немъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи. Вмѣсто мрачныхъ ставней глядѣли веселыя стеклянныя окна и двери. Сквозь чистыя стекла мелькала позолота. И вотъ почудилось, будто окно отворилось. Притаивши духъ, не дрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось, переселился въ глубину его и видитъ: прежде выставился въ окно бѣлый локоть, потомъ выглянула привѣтливая головка съ блестящими очами, тихо свѣтившими сквозь темнорусыя волны волосъ, и оперлась на локоть. И видитъ: она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается... Сердце его вдругъ забилось... Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошелъ отъ пруда и взглянулъ

[1]) „Выливать переполохъ — лѣчить отъ испуга".

на домъ: мрачные ставни были открыты; стекла сіяли при мѣсяцѣ. «Вотъ какъ мало нужно полагаться на людскіе толки, — подумалъ онъ про себя: — домъ новенькій, краски живы, какъ будто сегодня выкрашенъ. Тутъ живетъ кто-нибудь». И молча подошелъ онъ ближе; но въ домѣ все было тихо. Сильно и звучно перекликались блистательныя пѣсни соловьевъ, и когда онѣ, казалось, умирали въ томленіи и нѣгѣ, слышался шелестъ и трещаніе кузнечиковъ или гудѣніе болотной птицы; ударявшей скользкимъ носомъ своимъ въ широкое водное зеркало. Какую-то сладкую тишину и раздолье ощутилъ Левко въ своемъ сердцѣ. Настроивъ бандуру, заигралъ онъ и запѣлъ:

Ой, ты, мисяцю, мій мисяченку!
И ты, зоре ясна!
Ой, свитыть тамъ по подворью,
Де дивчина красна.

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отраженіе видѣлъ онъ въ прудѣ, выглянула, внимательно прислушиваясь къ пѣснѣ. Длинныя рѣсницы ея были полуопущены на глаза. Вся она была блѣдна какъ полотно, какъ блескъ мѣсяца; но какъ чудна, какъ прекрасна! Она засмѣялась... Левко вздрогнулъ.

— Спой мнѣ, молодой казакъ, какую-нибудь пѣсню! — тихо молвила она, наклонивъ свою голову на бокъ и опустивъ совсѣмъ густыя рѣсницы.

— Какую же тебѣ пѣсню спѣть, моя ясная панночка?

Слезы тихо покатились по блѣдному лицу ея.

— Парубокъ,—говорила она, и что-то неизъяснимо-трогательное слышалось въ ея рѣчи, — парубокъ, найди мнѣ мою мачеху! Я ничего не пожалѣю для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитыя шелкомъ, кораллы, ожерелья. Я подарю тебѣ поясъ, унизанный жемчугомъ. У меня золото есть... Парубокъ, найди мнѣ мою мачеху! Она страшная вѣдьма: мнѣ не было отъ нея покою на бѣломъ свѣтѣ. Она мучила меня, заставляла работать, какъ простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянецъ своими нечистыми чарами со щекъ моихъ. Погляди на бѣлую шею мою: они не смываются, они не смываются, они ни за что не смоются, эти синія пятна отъ желѣзныхъ когтей ея! Погляди на бѣлыя ноги мои: онѣ много ходили, не по коврамъ только — по песку горячему, по землѣ сырой, по колючему терновнику онѣ ходили! А на очи мои, посмотри на очи: они не глядятъ отъ слезъ!.. Найди ее, парубокъ, найди мнѣ мою мачеху!

Голосъ ея, который вдругъ было возвысился, остановился. Ручьи слезъ покатились по блѣдному лицу. Какое-то тяжелое, полное жалости и грусти чувство сперлось въ груди парубка.

— Я готовъ на все для тебя, моя панночка! — сказалъ онъ въ сердечномъ волненіи.—Но какъ мнѣ, гдѣ ее найти?

— Посмотри, посмотри, — быстро говорила она, — она здѣсь! Она на берегу играетъ въ хороводѣ между моими дѣвушками и грѣется на мѣсяцѣ. Но она лукава и хитра. Она приняла на себя видъ утопленницы; но я знаю, но я слышу, что она здѣсь. Мнѣ тяжело, мнѣ душно отъ нея. Я не могу чрезъ нее плавать легко и вольно, какъ рыба. Я тону и падаю на дно, какъ ключъ. Отыщи ее, парубокъ!

Левко посмотрѣлъ на берегъ, въ тонкомъ серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монисты, дукаты блистали на ихъ шеяхъ; но онѣ были блѣдны: тѣло ихъ было какъ будто сваяно изъ прозрачныхъ обла-

ковъ и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ. Хороводъ, играя, придвинулся къ нему ближе. Послышались голоса.

— Давайте въ ворона, давайте играть въ ворона! — зашумѣли всѣ, будто прирѣчный тростникъ, тронутый въ тихій часъ сумерекъ воздушными устами вѣтра.

— Кому же быть ворономъ?

Кинули жребій, и одна дѣвушка вышла изъ толпы. Левко принялся разглядывать ее. Лицо, платье,—все на ней такое же, какъ и на другихъ. Замѣтно только было, что она неохотно играла эту роль. Толпа вытянулась вереницею и быстро перебѣгала отъ нападеній хищнаго врага.

— Нѣтъ, я не хочу быть ворономъ, — сказала дѣвушка, изнемогая отъ усталости:—мнѣ жалко отнимать цыплятъ у бѣдной матери!

«Ты — не вѣдьма», подумалъ Левко.

Въ тонкомъ серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ.

— Кто же будетъ ворономъ?

Дѣвушки снова собирались кинуть жребій.

— Я буду ворономъ! — вызвалась одна изъ средины.

Левко сталъ пристально вглядываться въ лицо ей. Скоро и смѣло гналась она за вереницею и кидалась во всѣ стороны, чтобы изловить свою жертву. Тутъ Левко сталъ замѣчать, что тѣло ея не такъ свѣтилось, какъ у прочихъ: внутри его видѣлось что-то черное. Вдругъ раздался крикъ: воронъ бросился на одну изъ вереницы, схватилъ ее, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти, и на лицѣ ея сверкнула злобная радость.

— Вѣдьма!—сказалъ онъ вдругъ, указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому.

Панночка засмѣялась, и дѣвушки съ крикомъ увели за собою представлявшую ворона.

— Чѣмъ наградить тебя, парубокъ? Я знаю, тебѣ не золото нужно: ты любишь Ганну, но суровый отецъ мѣшаетъ тебѣ жениться на ней. Онъ теперь не помѣшаетъ: возьми, отдай ему эту записку...

Бѣлая ручка протянулась, лицо ея какъ-то чудно засвѣтилось и засіяло... Съ непостижимымъ трепетомъ и томительнымъ біеніемъ сердца схватилъ онъ записку и... проснулся.

VI.

Пробужденіе.

— Неужели это я спалъ?—сказалъ про себя Левко, вставая съ небольшого пригорка.—Такъ живо, какъ будто наяву. Чудно! Чудно!—повторилъ онъ оглядываясь.

Мѣсяцъ, остановившійся надъ его головою, показывалъ полночь; вездѣ тишина; отъ пруда вѣялъ холодъ; надъ нимъ печально стоялъ ветхій домъ съ закрытыми ставнями; мохъ и дикій бурьянъ показывали, что давно изъ него удалились люди. Тутъ онъ разогнулъ свою руку, которая судорожно была сжата во все время сна, и вскрикнулъ отъ изумленія, почувствовавши въ ней записку. «Эхъ, если бы я зналъ грамотѣ!» подумалъ онъ, оборачивая ее передъ собою на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

— Не бойтесь, прямо хватайте его! Чего струсили? Насъ десятокъ. Я держу закладъ, что это человѣкъ, а не чортъ!..—такъ кричалъ голова своимъ сопутникамъ, и Левко почувствовалъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ иныя дрожали отъ страха. — Скидавай-ка, пріятель, свою страшную личину! Полно тебѣ дурачить людей! — проговорилъ голова, ухвативъ его за воротъ, и оторопѣлъ, выпучивъ на него глазъ свой.

— Левко! Сынъ!—вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія и опуская руки.— Это ты, собачій сынъ! Вишь, бѣсовское рожденіе! Я думалъ, какая это шельма, какой это вывороченный дьяволъ строитъ штуки! А это, выходитъ, все ты,— невареный кисель твоему батькѣ въ горло!— изволишь заводить по улицѣ разбои, сочиняешь пѣсни!.. Эге, ге, ге, Левко! А что это? Видно, чешется у тебя спина! Вязать его!

— Постой, батько! Велѣно тебѣ отдать эту записочку, — проговорилъ Левко.

— Не до записокъ теперь, голубчикъ! Вязать его!

— Постой, панъ голова,—сказалъ писарь, развернувъ записку,—комиссарова рука!

— Комиссара?

— Комиссара?—повторили машинально десятскіе.

«Комиссара? Чудно! Еще непонятнѣе!» подумалъ про себя Левко.

— Читай, читай!—сказалъ голова.—Что тамъ пишетъ комиссаръ?

— Послушаемъ, что пишетъ комиссаръ! — произнесъ винокуръ, держа въ зубахъ люльку и высѣкая огонь.

Писарь откашлялся и началъ читать.

«Приказъ головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости...»

— Вотъ, ей Богу, — прервалъ голова, — ничего не слышу.

Писарь началъ снова.

«Приказъ головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый ду...»

— Стой! Стой! Не нужно! — закричалъ голова. — Хоть и не слышалъ, однакожъ знаю, что главнаго тутъ дѣла еще нѣтъ. Читай далѣе!

«А вслѣдствіе того приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына Левка Макогоненка на казачкѣ изъ вашего же села Ганнѣ Петрыченковой, а также починить мосты по столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хоть бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же по пріѣздѣ моемъ найду оное приказаніе мое не приведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту.—Комиссаръ, отставной поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій».

— Вотъ что! — сказалъ голова, разинувши ротъ. — Слышите ли вы, слышите ли: за все съ головы спросятъ, и потому слушаться, безпрекословно слушаться! Не то, прошу извинить... А тебя, — продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку,—вслѣдствіе приказанія комиссара,—хотя чудно мнѣ, какъ это дошло до него,—я женю; только напередъ попробуешь ты нагайки! Знаешь ту, что виситъ у меня на стѣнѣ, возлѣ покута? Я поновлю ее завтра... Гдѣ ты взялъ эту записку?

Левко, несмотря на изумленіе, происшедшее отъ такого нежданнаго оборота его дѣла, имѣлъ благоразуміе приготовить въ умѣ своемъ другой отвѣтъ и утаить настоящую истину, какимъ образомъ досталась записка.

— Я отлучался, — сказалъ онъ, — вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ комиссара, вылѣзавшаго изъ брички. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ эту записку и велѣлъ на словахъ тебѣ сказать, батько, что заѣдетъ на возвратномъ пути къ намъ обѣдать.

— Онъ это говорилъ?

— Говорилъ.

— Слышите ли, — сказалъ голова съ важною осанкою, оборотившись къ своимъ спутникамъ:—комиссаръ самъ, своею особою, пріѣдетъ къ нашему брату, то-есть ко мнѣ, на обѣдъ! О!..—Тутъ голова поднялъ палецъ вверхъ и голову привелъ въ такое положеніе, какъ будто бы она прислушивалась къ чему-нибудь. — Комиссаръ, слышите ли, комиссаръ пріѣдетъ ко мнѣ обѣдать! Какъ думаешь, панъ писарь, и ты, сватъ, это не совсѣмъ пустая честь? Не правда ли?

— Еще, сколько могу припомнить, — подхватилъ писарь, — ни одинъ голова не угощалъ комиссара обѣдомъ.

— Не всякій голова головѣ чета! — произнесъ съ самодовольнымъ видомъ голова. Ротъ его покривился, и что-то въ родѣ тяжелаго, хриплаго смѣха, похожаго болѣе на гудѣніе отдаленнаго грома, зазвучало въ его устахъ. — Какъ думаешь, панъ писарь, нужно бы для именитаго гостя дать приказъ, чтобы съ каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, полотна, еще коечего... А?..

— Нужно бы, нужно, панъ голова.

— А когда же свадьбу, батько? — спросилъ Левко.

— Свадьбу? Далъ бы я тебѣ свадьбу... Ну, да для именитаго гостя... завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть комиссаръ увидитъ, что значитъ исправность! Ну, ребята, теперь спать! Ступайте по домамъ. Сегодняшній случай припомнилъ мнѣ то время, когда я... — При этихъ словахъ голова пустилъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ исподлобья.

— Ну, теперь пойдетъ голова разсказывать, какъ везъ царицу! — сказалъ Левко и быстрыми шагами и радостно спѣшилъ къ знакомой хатѣ, окруженной низенькими вишнями. «Дай тебѣ Богъ небесное царство, добрая и прекрасная

панночка! — думалъ онъ про себя. — Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между ангелами святыми! Никому не разскажу про диво, случившееся въ эту ночь; тебѣ одной только, Галю, передамъ его: ты одна только повѣришь мнѣ и вмѣстѣ со мною помолишься за упокой души несчастной утопленницы!» Тутъ онъ приблизился къ хатѣ: окно было отперто; лучи мѣсяца проходили чрезъ него и падали на спящую передъ нимъ Ганну. Голова ея оперлась на руку; щеки тихо горѣли; губы шевелились, неясно произнося его имя.

— Спи, моя красавица! Приснись тебѣ все, что есть лучшаго на свѣтѣ; но и то не будетъ лучше нашего пробужденія!

Перекрестивъ ее, закрылъ онъ окошко и тихонько удалился. И чрезъ нѣсколько минутъ все уже уснуло на селѣ; одинъ только мѣсяцъ такъ же блистательно и чудно плылъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба. Такъ же торжественно дышало въ вышинѣ, и ночь, божественная ночь, величественно догорала. Такъ же прекрасна была земля въ дивномъ серебряномъ блескѣ; но уже никто не упивался ими: все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка только перерывалось мгновенно молчаніе лаемъ собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА.

БЫЛЬ,

разсказанная дьячкомъ ***ской церкви.

Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще разсказалъ про дѣда? Пожалуй, почему же не потѣшить прибауткой? Эхъ, старина, старина! Что за радость, что за разгулье падетъ на сердце, когда услышишь про то, что давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ! А какъ еще впутается какой-нибудь родичъ, дѣдъ или прадѣдъ, ну, тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ поперхнулось за акаѳистомъ великомученицѣ Варварѣ, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаешь, какъ будто залѣзъ въ прадѣдовскую душу или прадѣдовская душа шалитъ въ тебѣ... Нѣтъ, мнѣ пуще всего наши дѣвчата и молодицы; покажись только на глаза имъ: «Ѳома Григорьевичъ! Ѳома Григорьевичъ, *а нуте, яку-нибудь страховинну казочку!* [1]) *а нуте, нуте!..*» тара-та-та, та-та-та, и пойдутъ, и пойдутъ... Разсказать-то, конечно, не жаль, да загляните-ка, что дѣлается съ ними въ постели! Вѣдь я знаю, что каждая дрожитъ подъ одѣяломъ, какъ будто бьетъ ее лихорадка, и рада бы съ головою влѣзть въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ-нибудь задѣнь ногою кочергу, — и Боже упаси! — и душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навязывается сызнова: разскажи ей страшную сказку, да и только. — Что жъ бы такое разсказать вамъ? Вдругъ не взбредетъ на умъ... Да, разскажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ *въ дурня* [2]). Только заранѣ прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку, а то такой кисель выйдетъ, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять... Покойный дѣдъ, надобно вамъ сказать, былъ не изъ простыхъ въ свое время казаковъ. Зналъ и твердо-онъ-то и словотитлу поставить. Въ праздникъ отхватаетъ апостола, бывало, такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется. Ну, сами знаете, что въ тогдашнія времена, если собрать со всего Батурина грамотеевъ, то нечего и шапки подставлять, — въ одну горсть можно было всѣхъ уложить. Стало-быть, и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ.

---

[1]) Страшную сказочку. [2]) Въ дурачки.

Одинъ разъ задумалось вельможному гетману [1]) послать зачѣмъ-то къ царицѣ грамоту. Тогдашній полковой писарь,—вотъ, нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискрякъ—не Вискрякъ, Мотузочка — не Мотузочка, Голопупецкъ—не Голопупецкъ... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудренос прозвище,—позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что вотъ наряжаетъ его самъ гетманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамоту зашилъ въ шапку, вывелъ коня, чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной отецъ хоть бы и нашего брата, и поднялъ такую за собою пыль, какъ будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посереди улицы играть въ кашу. На другой день, еще пѣтухъ не кричалъ въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что въ глазахъ рябило. Но такъ какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ гуляка-парубокъ съ покраснѣвшимъ, какъ спѣгирь, носомъ; подалѣ храпѣла сидя перекупка съ кремнями, синькою, дробью и бубликами; подъ телѣгою лежалъ цыганъ; на возу съ рыбой—чумакъ [2]); на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами... ну, всякаго сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ пріостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между тѣмъ въ яткахъ начало мало-по-малу шевелиться: жидовки стали побрякивать фляжками; дымъ повалилъ то тамъ, то сямъ кольцами, и запахъ горячихъ сластей понесся по всему табору. Дѣду вспало на умъ, что у него нѣтъ ни огнива ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. Не успѣлъ пройти и двадцати шаговъ—навстрѣчу запорожецъ. Гуляка,—и по лицу видно! Красныя, какъ жаръ, шаровары, синій жупанъ, яркій цвѣтной поясъ, при боку сабля и люлька съ мѣдною цѣпочкою по самыя пяты, — запорожецъ, да и только! Эхъ, народецъ! станетъ, вытянется, поведетъ рукою молодецкіе усы, брякнетъ подковами—и пустится! Да вѣдь какъ пустится: ноги отплясываютъ словно веретено въ бабьихъ рукахъ; что вихорь, дернетъ рукою по всѣмъ струнамъ бандуры и тутъ же, подпершися въ боки, несется въ присядку: зальется пѣсней—душа гуляетъ!.. Нѣтъ, прошло времечко: не увидать больше запорожцевъ! Да... Такъ встрѣтились. Слово за слово—долго ли до знакомства? Пошли калякать, калякать, такъ что дѣдъ совсѣмъ уже было забылъ про путь свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ передъ постомъ Великимъ. Только, видно, наконецъ, прискучило бить горшки и швырять въ народъ деньгами,—да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять! Вотъ сговорились новые пріятели, чтобъ не разлучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно подъ вечеръ, когда выѣхали они въ поле. Солнце убралось на отдыхъ; гдѣ-гдѣ горѣли, вмѣсто него, красноватыя полосы; по полю пестрѣли нивы, что праздничныя плахты [3]) чернобровыхъ молодицъ. Нашего запорожца раздобаръ взялъ страшный. Дѣдъ и еще другой приплетшійся къ нимъ гуляка подумали, уже не бѣсъ ли засѣлъ въ него. Откуда что набиралось. Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдъ нѣсколько разъ хватался за бока и чуть не надсадилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сумрачнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая молвь. Наконецъ разсказчикъ нашъ притихъ совсѣмъ и вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ.

— Ге, ге, землякъ, да ты не на шутку принялся считать совъ! Ужъ думаешь, какъ бы домой да на печь?

---

[1]) Гетманъ—начальникъ Малороссіи. [2]) „Чумаки—обозники, ѣдущіе въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой". [3]) „Плахта—нижняя одежда женщинъ изъ шерстяной клѣтчатой матеріи".

— Передъ вами нечего таиться, — сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои, — знаете ли, что душа моя давно продана нечистому?

— Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистымъ! Тутъ-то и нужно гулять, какъ говорится, на прахъ.

— Эхъ, хлопцы, гулялъ бы, да въ ночь эту срокъ молодцу! Эй, братцы! — сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ. — Эй, не выдайте! Не поспите одной ночи! Вѣкъ не забуду вашей дружбы!

Почему жъ не пособить человѣку въ такомъ горѣ? Дѣдъ объявилъ напрямикъ, что скорѣе дастъ онъ отрѣзать оселедецъ [1]) съ собственной головы, чѣмъ допуститъ чорта понюхать собачьей мордой своей христіанской души.

Казаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядномъ [2]), и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи во мракъ. Огонекъ, казалось, несся навстрѣчу, и передъ казаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ всеселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры шинки были не то, что теперь. Доброму человѣку не только развернуться, пріударить горлицы или гопака [3]), — прилечь даже негдѣ было, когда въ голову заберется хмель, и ноги начнутъ писать покой-опъ-по. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами; подъ повѣтками [4]), въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой развернувшись, храпѣли, какъ коты. Шинкарь одинъ передъ каганцомъ нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько квартъ и осьмухъ высушили чумацкія головы. Дѣдъ, спросивши треть ведра на троихъ, отправился въ сарай. Всѣ трое легли рядомъ. Только не успѣлъ онъ повернуться, какъ видитъ, что его земляки спятъ уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставшаго къ нимъ третьяго казака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу обѣщаніе. Тотъ привсталъ, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь разогнать сонъ, осмотрѣлъ онъ всѣ возы, провѣдалъ коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опять около своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдняго воза что-то сѣрое выказываетъ роги... Тутъ глаза его начали смыкаться, такъ что принужденъ онъ былъ ежеминутно протирать ихъ кулакомъ и промывать оставшеюся водкой. Но, какъ скоро немного прояснялись они, все пропадало. Наконецъ мало погодя опять показывается изъ-подъ воза чудище... Дѣдъ вытаращилъ глаза, сколько могъ, но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; руки его окостенѣли, голова скатилась, и крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и какъ припекло порядочно уже солнце его выбритую макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потянувшись раза два и почесавъ спину, замѣтилъ онъ, что возовъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ — казакъ спитъ, а запорожца нѣтъ. Выспрашивать — никто знать не знаетъ: одна только верхняя свитка лежала на томъ мѣстѣ. Страхъ и раздумье взяло дѣда. Пошелъ посмотрѣть коней — ни своего ни запорожскаго! Что бъ это значило? Положимъ, запорожца взяла нечистая сила, кто же коней? Сообразя все, дѣдъ заключилъ, что, вѣрно, чортъ приходилъ пѣшкомъ, а какъ до пекла не близко, то и стянулъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ

---

[1]) „Оселедецъ — длинный клокъ волосъ на головѣ, заматывающійся за ухо“.
[2]) Рядно — грубый деревенскій холстъ. [3]) „Гопакъ, горлица — малороссійскіе танцы“.
[4]) „Повѣтка — сарай“.

казацкаго слова. «Ну,—думаетъ,—нечего дѣлать, пойду пѣшкомъ: авось, попадется на дорогѣ какой-нибудь барышникъ, ѣдущій съ ярмарки; какъ-нибудь уже куплю коня». Только хватился за шапку—и шапки нѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще помѣнялись они на время съ запорожцемъ. Кому больше утащить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетманскій гостинецъ! Вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ царицѣ! Тутъ дѣдъ принялся угощать чорта такими прозвищами, что, думаю, ему не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклѣ. Но бранью мало пособишь, а затылка сколько ни чесалъ дѣдъ, никакъ не могъ ничего придумать. Что дѣлать? Кинулся достать чужого ума: собралъ всѣхъ бывшихъ тогда въ шинкѣ добрыхъ людей, чумаковъ и просто заѣзжихъ, и разсказалъ, что такъ и такъ, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, подперши батогами подбородки свои, крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крещеномъ свѣтѣ, чтобы гетманскую грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что когда чортъ да москаль украдутъ что-нибудь, то поминай, какъ и звали. Одинъ только шинкарь сидѣлъ молча въ углу. Дѣдъ и подступилъ къ нему. Ужъ когда молчитъ человѣкъ, то, вѣрно, зашибъ много умомъ. Только шинкарь не такъ-то былъ щедръ на слова, и если бы дѣдъ не полѣзъ въ карманъ за пятью злотыми[1]), то простоялъ бы передъ нимъ даромъ.

— Я научу тебя, какъ найти грамоту,—сказалъ онъ, отводя его въ сторону.—У дѣда и на сердцѣ отлегло.—Я вижу уже по глазамъ, что ты казакъ—не баба. Смотри же! Близко шинка будетъ поворотъ направо въ лѣсъ. Только станетъ въ полѣ примеркать, чтобы ты былъ уже наготовѣ. Въ лѣсу живутъ цыганы и выходятъ изъ норъ своихъ ковать желѣзо въ такую ночь, въ какую однѣ вѣдьмы ѣздятъ на своихъ кочергахъ. Чѣмъ они промышляютъ на самомъ дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лѣсу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда заслышишь стукъ; а будетъ передъ тобою малая дорожка мимо обожженнаго дерева: дорожкою этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ заслонять дорогу,—ты все иди; и какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь, кого нужно. Да не позабудь набрать въ карманы того, для чего и карманы сдѣланы... Ты понимаешь, это добро и дьяволы и люди любятъ,—сказавши это, шинкарь ушелъ въ свою конуру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человѣкъ не то, чтобы изъ трусливаго десятка; бывало, встрѣтитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежъ казаковъ,—всѣ, какъ груши, повалятся на землю. Однакожъ что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ подвалѣ; только слышно было, что далеко-далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревъ, и деревья, что охмелѣвшія казацкія головы, разгульно покачивались, шлепая листьями пьяную молвь. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный тулупъ свой, и вдругъ сто молотовъ застучало по лѣсу такимъ стукомъ, что у него зазвенѣло въ головѣ. И будто зарницею освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ тотчасъ увидѣлъ дорожку, пробиравшуюся промежъ мелкаго кустарника. Вотъ и обожженное дерево и кусты терновника. Такъ, все такъ, какъ было ему говорено; нѣтъ, не обманулъ шинкарь. Однакожъ не совсѣмъ весело было продираться черезъ колючіе кусты; еще отроду не видалъ онъ, чтобы проклятые шипы и сучья такъ больно царапались: почти на каждомъ шагу забирало его вскрикнуть. Мало-по-малу вы-

[1]) Злотый—польская монета стоимостью въ 15 копеекъ.

брался онъ на просторное мѣсто, и, сколько могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились, чѣмъ далѣе, такія широкія, какихъ дѣдъ не видывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, между деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словно вороненая сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега, посматривая на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь и, кажется, вотъ-вотъ готовится погаснуть, и снова отсвѣчивается въ рѣчкѣ, вздрагивавшей какъ польскій шляхтичъ [1]) въ казачьихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ! «Ну, тутъ одна только чертовская таратайка развѣ проѣдетъ». Дѣдъ, однакожъ, ступилъ смѣло, и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. Теперь только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди, и такія смазливыя рожи, что въ другое время, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. Но теперь нечего дѣлать, нужно было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ поясъ.

— Помогай Богъ вамъ, добрые люди!

Хоть бы одинъ кивнулъ головой: сидятъ да молчатъ да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно мѣсто незанятымъ, дѣдъ безъ всякихъ околичностей сѣлъ и самъ. Смазливыя рожи—ничего: ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманѣ, вынулъ люльку, посмотрѣлъ вокругъ—ни одинъ не глядитъ на него.

— Уже, добродѣйство [2]), будьте ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, того... (дѣдъ живалъ въ свѣтѣ не мало, зналъ уже, какъ подпускать турусы, и при случаѣ, пожалуй, и предъ царемъ не ударилъ бы лицомъ въ грязь), чтобы, примѣрно сказать, и себя не забыть, да и васъ не обидѣть,—люлька-то у меня есть да того, чѣмъ бы зажечь ее, *чортъ-ма* (не имѣется).

И на эту рѣчь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню прямехонько дѣду въ лобъ, такъ что, если бы онъ немного не посторонился, то, статься-можетъ, распрощался бы навѣки съ однимъ глазомъ. Видя, наконецъ, что время даромъ проходитъ, рѣшился — будетъ ли слушать нечистое племя или нѣтъ—разсказать дѣло. Рожи и уши наставили и лапы протянули. Дѣдъ догадался, забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги и кинулъ словно собакамъ имъ въ середину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ перемѣшалось, земля задрожала, и, какъ уже — онъ и самъ разсказать не умѣлъ—попалъ чуть ли не въ самое пекло. «Батюшки мои!» ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько. Что за чудища! рожи на рожѣ, какъ говорится, не видно. Вѣдьмъ такая гибель, какъ случается иногда на Рождество выпадетъ снѣгу: разряжены, размазаны, словно панночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмельныя, отплясывали какого-то чертовскаго трепака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещенаго человѣка при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, несмотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостами, увивались около вѣдьмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ, а музыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали посами, какъ валторны [3]). Только завидѣли дѣда и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла,—всѣ повытягивались и вотъ такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотопа до Батурина. «Ну, это еще не совсѣмъ худо,—подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свинину, колбасы, крошеный съ капустой лукъ и много всякихъ сластей:—видно, дьявольская сволочь не держитъ постовъ».

---

[1]) Шляхтичъ—дворянинъ. [2]) Добродѣйство или добродію — сударь, милостивецъ. [3]) Валторна—духовой инструментъ.

Громъ пошелъ по пеклу, на вѣдьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо.

Дѣдъ-таки, не мѣшаетъ вамъ знать, не упускалъ при случаѣ перехватить того-сего на зубы. Ѣдалъ покойникъ аппетитно, и потому, не пускаясь въ разсказы, придвинулъ къ себѣ миску съ нарѣзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины, взялъ вилку, и мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ, которыми мужикъ беретъ сѣно, зацѣпилъ ею самый увѣсистый кусокъ, поставилъ корку хлѣба и—глядь, и отправилъ въ чужой ротъ, вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-то морда жуетъ и щелкаетъ зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего; схватилъ другой кусокъ и вотъ, кажись, и по губамъ зацѣпилъ, только опять не въ свое горло. Въ третій разъ—снова мимо. Взбеленился дѣдъ: позабылъ и страхъ, и въ чьихъ лапахъ находится онъ, прискочилъ къ вѣдьмамъ:

— Что вы, иродово племя, задумали смѣяться, что ли, надо мною? Если не отдадите сей же часъ моей казацкой шапки, то будь я католикъ, когда не переворочу свиныхъ рылъ вашихъ на затылокъ!

Не успѣлъ онъ докончить послѣднихъ словъ, какъ всѣ чудовища выскалили зубы и подняли такой смѣхъ, что у дѣда на душѣ захолонуло.

— Ладно,—провизжала одна изъ вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за старшую надъ всѣми, потому что личина у нея была чуть ли еще не красивѣе всѣхъ,—шапку отдадимъ тебѣ, только не прежде, пока сыграешь съ нами три раза въ дурня!

Что прикажешь дѣлать? Казаку сѣсть съ бабами въ дурня! Дѣдъ отпираться, отпираться, наконецъ сѣлъ. Принесли карты, замасленныя, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ.

— Слушай же, — залаяла вѣдьма въ другой разъ, — если хоть разъ выиграешь—твоя шапка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то не прогнѣвайся, не только шапки, можетъ, и свѣта больше не увидишь.

— Сдавай, сдавай, хрычовка! Что будетъ, то будетъ!

Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки—смотрѣть не хочется, такая дрянь: хоть бы на смѣхъ одинъ козырь. Изъ масти десятка самая старшая, паръ даже нѣтъ; а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. Пришлось остаться дурнемъ! Только что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, какъ со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды:

— Дурень, дурень, дурень!

— Чтобъ вы перелопались, дьявольское племя!—закричалъ дѣлъ, затыкая пальцами себѣ уши. «Ну,—думаетъ,—вѣдьма подтасовала, теперь я самъ буду сдавать». Сдалъ, засвѣтилъ козыря, поглядѣлъ въ карты—масть ходь куда, козыри есть. И сначала дѣло шло какъ нельзя лучше. Только вѣдьма—пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри! Не думая, не гадая долго, хвать королей всѣхъ по усамъ козырями!

— Ге, ге, да это не по-казацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?

— Какъ, чѣмъ? Козырями!

— Можетъ-быть, по вашему это и козыри, только по-нашему—нѣтъ!

Глядь, въ самомъ дѣлѣ, простая масть. Что за дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ, и чертанье пошло снова драть горло: «Дурень! Дурень!» такъ что столъ дрожалъ, и карты прыгали по столу. Дѣдъ разгорячился, сдалъ въ послѣдній. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрылъ и набралъ изъ колоды полную руку козырей.

— Козырь!—вскричалъ онъ, ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрыла восьмеркою масти.

— А чѣмъ ты, старый дьяволъ, бьешь?—Вѣдьма подняла карту; подъ нею была простая шестерка.

— Вишь, бѣсовское обморачиванье!—сказалъ дѣдъ и съ досады хватилъ кулакомъ, что силы, по столу. Къ счастью еще, что у вѣдьмы была плохая

масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору пары. Сталъ набирать карты изъ колоды. Только мочи нѣтъ: дрянь такая лѣзетъ, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ уже такъ, не глядя, простою шестеркою; вѣдьма приняла.

— Вотъ тебѣ на! Это что? Э, э! Вѣрно, что-нибудь да не такъ!

Вотъ дѣдъ карты потихоньку подъ столъ и перекрестилъ; глядь—у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей, а онъ, вмѣсто шестерки, спустилъ кралю[1]).

— Ну, дурень же я былъ! Король козырей! Что? Приняла? А? Кошечье отродье! А туза не хочешь? Тузъ! Валетъ!..

Громъ пошелъ по пеклу, на вѣдьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо!

Какъ очнулся немного и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ; передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

— Нѣтъ, этого мало!—закричалъ дѣдъ, прихрабрившись и надѣвъ шапку.— Если сейчасъ не станетъ передо мною молодецкій конь мой, то вотъ, убей меня громъ на этомъ самомъ нечистомъ мѣстѣ, когда я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ васъ!—и уже было и руку поднялъ, какъ вдругъ загремѣли передъ нимъ конскія кости.

— Вотъ тебѣ конь твой!

Заплакалъ бѣдняга, глядя на нихъ, что дитя неразумное. Жаль стараго товарища.

— Дайте же мнѣ какого-нибудь коня выбраться изъ гнѣзда вашего!

Чортъ хлопнулъ арапникомъ,—конь, какъ огонь, взвился подъ нимъ, и дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ

---

[1]) Даму.

Страхъ, однакожъ, напалъ на него посреди дороги, когда конь, не слушаясь ни крику ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ ни былъ?..—такъ дрожь забирала при однихъ разсказахъ. Гляпулъ какъ-то себѣ подъ ноги—и пуще перепугался: пропасть, крутизна страшная! А сатанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, кажись, и духъ вышибло. По крайней мѣрѣ, что дѣялось съ нимъ въ то время, ничего не помнилъ; и какъ очнулся немного и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ; передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

Перекрестился дѣдъ, когда слѣзъ долой. Экая чертовщина! Что за пропасть, какія съ человѣкомъ чудеса дѣлаются! Глядь на руки—всѣ въ крови; посмотрѣлъ въ стоявшую торчмя бочку съ водою — и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ потихоньку въ хату. Смотритъ, дѣти пятятся къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говоря:

— *Дывысь, дывысь! Маты, мовъ дурна, скаче!* [1]).

И въ самомъ дѣлѣ, баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держитъ въ рукахъ веретено и, сонная, подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши за руку, потихоньку разбудилъ ее.

— Здравствуй, жена! Здорова ли ты?

Та долго смотрѣла, выпучивши глаза, и, наконецъ, уже узнала дѣда и разсказала, какъ ей снилось, что печь ѣздила по хатѣ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лаханки... и, чортъ знаетъ, что еще такое.

— Ну,—говоритъ дѣдъ, — тебѣ во снѣ, мнѣ наяву. Нужно, вижу, будетъ освятить нашу хату; мнѣ же теперь мѣшкать нечего.

Сказавши это и отдохнувши немного, дѣдъ досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ ни ночью, пока не доѣхалъ до мѣста и не отдалъ грамоты самой царицѣ. Тамъ наглядѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что стало ему надолго послѣ того разсказывать: какъ повели его въ палаты такія высокія, что если бы хатъ десять поставить одну на другую, и тогда, можетъ-быть, не достало бы; какъ взглянулъ онъ въ одну комнату—нѣтъ; въ другую—нѣтъ; въ третью—еще нѣтъ; въ четвертой—даже нѣтъ, да въ пятой уже, глядь,—сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галушки ѣстъ; какъ велѣла ему насыпать цѣлую шапку *синицами* [2]); какъ... Всего и вспомнить нельзя! Объ вознѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, и если случалось, что кто-нибудь и напоминалъ объ этомъ, то дѣдъ молчалъ, какъ будто не до него и дѣло шло, и великаго стоило труда упросить его пересказать все, какъ было. И, видно, уже въ наказаніе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ ровно черезъ каждый годъ, и именно въ то самое время, дѣлалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За что ни примется, ноги затѣваютъ свое, и вотъ такъ и дергаетъ пуститься въ присядку.

---

[1]) Смотри, смотри! Мать, какъ сумасшедшая, скачетъ. [2]) Синица — синяя ассигнація.

Вечера на хуторѣ близъ Диканьки.

ПОВѢСТИ,

изданныя пасичникомъ РУДЫМЪ ПАНЬКОМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вотъ вамъ и другая книжка, а лучше сказать, послѣдняя! Не хотѣлось, крѣпко не хотѣлось выдавать и этой. Право, пора знать честь. Я вамъ скажу, что на хуторѣ уже начинаютъ смѣяться надо мною: «Вотъ,—говорятъ,—одурѣлъ старый дѣдъ: на старости лѣтъ тѣшится ребяческими игрушками!» И точно, давно пора на покой. Вы, любезные читатели, вѣрно, думаете, что я прикидываюсь только старикомъ. Куда тутъ прикидываться, когда во рту совсѣмъ зубовъ нѣтъ! Теперь, если что мягкое попадется, то буду какъ-нибудь жевать, а твердое-то ни за что не откушу. Такъ вотъ вамъ опять книжка! не браните только! Не хорошо браниться на прощанье, особенно съ тѣмъ, съ которымъ, Богъ знаетъ, скоро ли увидитесь. Въ этой книжкѣ услышите разсказчиковъ все почти для васъ незнакомыхъ, выключая только развѣ Ѳомы Григорьевича. А того гороховаго панича, что разсказывалъ такимъ вычурнымъ языкомъ, котораго много остряковъ и изъ московскаго народу не могло понять, уже давно нѣтъ. Послѣ того какъ разссорился со всѣми, онъ и не заглядывалъ къ намъ. Да, я вамъ не разсказывалъ этого случая? Послушайте, тутъ прекомедія была. Прошлый годъ, такъ какъ-то около лѣта, да чуть ли не на самый день моего патрона, пріѣхали ко мнѣ въ гости... (Нужно вамъ сказать, любезные читатели, что земляки мои, дай Богъ имъ здоровья, не забываютъ старика. Уже есть пятидесятый годъ, какъ я зачалъ помнить свои именины; который же точно мнѣ годъ, этого ни я ни старуха моя вамъ не скажетъ. Должно-быть, близъ семидесяти. Диканьскій-то попъ, отецъ Харлампій, зналъ, когда я родился; да жаль, что уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ его нѣтъ на свѣтѣ.) Вотъ пріѣхали ко мнѣ гости: Захаръ Кирилловичъ Чухопупенко, Степанъ Ивановичъ Курочка, Тарасъ Ивановичъ Смачненькій, засѣдатель Харлампій Кирилловичъ Хлоста; пріѣхалъ еще .. вотъ позабылъ, право, имя и фамилію... Осипъ... Осипъ... Боже мой, его знаетъ весь Миргородъ! онъ еще, когда говоритъ, то всегда щелкнетъ напередъ пальцемъ и подопрется въ боки... Ну, Богъ съ нимъ! Въ другое время вспомню. Пріѣхалъ и знакомый вамъ паничъ изъ Полтавы. Ѳома Григорьевича я не считаю; то уже свой человѣкъ. Разговорились всѣ (опять нужно вамъ замѣтить, что у насъ никогда о пустякахъ не бываетъ разговора: я всегда люблю приличные разговоры, чтобы, какъ говорятъ, вмѣстѣ и услажденіе и назидательность была), — разговорились объ томъ, какъ нужно солить яблоки. Старуха моя начала было говорить, что нужно напередъ хорошенько вымыть яблоки, потомъ намочить въ квасу, а потомъ уже...

— Ничего изъ этого не будетъ! — подхватилъ полтавецъ, заложивши руку въ гороховый кафтанъ свой и прошедши важнымъ шагомъ по комнатѣ:— ничего не будетъ! Прежде всего нужно пересыпать кануперомъ, а потомъ уже...

Ну, я на васъ ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совѣсти, слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки перссыпали капуперомъ? Право, кладутъ смородины листъ, печуй-витеръ, трилистникъ; но чтобы клали капуперъ... нѣтъ, я не слыхивалъ объ этомъ. Уже, кажется, лучше моей старухи никто не знаетъ про эти дѣла. Ну, говорите же вы! Нарочно, какъ добраго человѣка, отвелъ я его потихоньку въ сторону: «Слушай, Макаръ Назаровичъ, ей, не смѣши народъ! Ты человѣкъ немаловажный: самъ, какъ говоришь, обѣдалъ разъ съ губернаторомъ за однимъ столомъ. Ну, скажешь что-нибудь подобное тамъ, вѣдь тебя же осмѣютъ всѣ!» Что жъ бы, вы думали, онъ сказалъ на это?—Ничего! плюнулъ на полъ, взялъ шапку и вышелъ. Хоть бы простился съ кѣмъ, хоть бы кивнулъ кому головою; только слышали мы, какъ подъѣхала къ воротамъ телѣжка со звонкомъ; сѣлъ и уѣхалъ. И лучше! Не нужно намъ такихъ гостей! Я вамъ скажу, любезные читатели, что хуже нѣтъ ничего на свѣтѣ, какъ эта знать. Что его дядя былъ когда-то комиссаромъ, такъ и носъ несетъ вверхъ. Да будто комиссаръ такой уже чинъ, что выше нѣтъ его на свѣтѣ? Слава Богу, есть и больше комиссара. Нѣтъ, не люблю я этой знати. Вотъ вамъ въ примѣръ Ѳома Григорьевичъ; кажется, и не знатный человѣкъ, а посмотрѣть на него: въ лицѣ какая-то важность сіяетъ, даже когда станетъ нюхать обыкновенный табакъ, и тогда чувствуешь невольное почтеніе. Въ церкви, когда запоетъ на крылосѣ—умиленіе неизобразимое! Растаялъ бы, казалось, весь!.. А тотъ... ну, Богъ съ нимъ! Онъ думаетъ, что безъ его сказокъ и обойтиться нельзя. Вотъ все же таки набралась книжка.

Я, помнится, обѣщалъ вамъ, что въ этой книжкѣ будетъ и моя сказка. И точно, хотѣлъ было это сдѣлать, но увидѣлъ, что для сказки моей нужно, по крайней мѣрѣ, три такихъ книжки. Думалъ было особо напечатать ее, но передумалъ. Вѣдь я знаю васъ: станете смѣяться надъ старикомъ. Нѣтъ, не хочу! Прощайте! Долго, а можетъ-быть, совсѣмъ не увидимся. Да что? вѣдь вамъ все равно, хоть бы и не было совсѣмъ меня на свѣтѣ. Пройдетъ годъ, другой,—и изъ васъ никто послѣ не вспомнитъ и не пожалѣетъ о старомъ пасичникѣ Рудомъ Панькѣ.

НОЧЬ ПЕРЕДЪ РОЖДЕСТВОМЪ.

Послѣдній день передъ Рождествомъ прошелъ. Зимняя ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяцъ величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всѣмъ было весело колядовать и славить Христа [1]). Морозило сильнѣе, чѣмъ съ утра, но зато такъ было тихо, что скрипъ мороза подъ сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубковъ не показывалась подъ окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ бы вызывая принаряжившихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрипучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалилъ дымъ и пошелъ тучею по небу, и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Если бы въ это время проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, съ дьявольски сплетенною плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика, то онъ, вѣрно бы, примѣтилъ ее, потому что отъ сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ не ускользнетъ. Онъ знаетъ наперечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ, и сколько въ сундукѣ лежитъ полотна, и

---

1) „*Колядовать* у насъ называется пѣть подъ окнами наканунѣ Рождества пѣсни, которыя называются *колядками*. Тому, кто колядуетъ, всегда кинетъ въ мѣшокъ хозяйка или хозяинъ, или кто остается дома — колбасу или хлѣбъ, или мѣдный грошъ, чѣмъ кто богатъ".

что именно изъ своего платья и хозяйства заложитъ добрый человѣкъ въ воскресный день въ шинкѣ. Но сорочинскій засѣдатель не проѣзжалъ; да и какое ему дѣло до чужихъ, — у него своя волость. А вѣдьма между тѣмъ поднялась такъ высоко, что однимъ только чернымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звѣзды одна за другою пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три или четыре еще блестѣли. Вдругъ съ противной стороны показалось другое пятнышко. Увеличилось, стало растягиваться и уже было не пятнышко. Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ комиссаровской брички, и тогда бы не распозналъ, что это такое. Спереди совершенно нѣмецъ: узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пятачкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ нашъ диканьскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ казачкѣ. Но зато сзади онъ былъ настоящій губернскій стряпчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не болѣе трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернскій стряпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжитъ онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу.

Между тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу и уже протянулъ было руку схватить его, но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однакожъ, несмотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ: кривляясь и дуя, перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огня для своей люльки; наконецъ поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, побѣжалъ далѣе. Въ Диканькѣ никто не видѣлъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ. Правда, волостной писарь, выходя на четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ ни съ того ни съ сего танцовалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село; но міряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ. Но какая же была причина рѣшиться чорту на такое беззаконное дѣло? А вотъ какая: онъ зналъ, что богатый казакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутью, гдѣ будутъ: голова, пріѣхавшій изъ архіерейской пѣвческой, родичъ дьяка въ синемъ сюртукѣ, бравшій самаго низкаго баса, казакъ Свербыгузъ и еще кое-кто; гдѣ, кромѣ кутьи, будетъ варенуха [1]), перегонная на шафранъ водка и много всякаго съѣстного. А между тѣмъ его дочка, красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ, навѣрное, придетъ кузнецъ, силачъ и дѣтина хоть куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Кондрата. Въ досужее отъ дѣлъ время кузнецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшемъ живописцемъ во всемъ околоткѣ. Самъ еще тогда здравствовавшій сотникъ Л...ко вызывалъ его нарочно въ Полтаву выкрасить дощатый заборъ около своего дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканьскіе казаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человѣкъ и писалъ часто образа святыхъ: и теперь еще можно найти въ диканьской церкви его евангелиста Луку. Но торжествомъ его искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной, въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ святого Петра, въ день страшнаго суда съ ключами въ

---

[1]) „Варенуха—вареная водка съ пряностями и плодами“.

рукахъ изгонявшаго изъ ада злого духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ; но и въ эту ночь онъ выискивалъ чѣмъ-нибудь выместить на кузнецѣ свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяцъ, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнивъ и не легокъ на подъемъ, къ дьяку же отъ избы не такъ близко: дорога шла по заселамъ мимо мельницъ, мимо кладбища, огибала оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и водка, настоенная на шафранъ, могла бы заманить Чуба; но въ такую темноту врядъ ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, при немъ ни за что не отважится итти къ дочкѣ, несмотря на свою силу.

Такимъ-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяцъ, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку, не только къ дьяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ, подъѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептываютъ всему женскому роду. Чудно устроено на нашемъ свѣтѣ! Все, что ни живетъ въ немъ, все силится перенимать и передразнивать одинъ другого. Прежде, бывало, въ Миргородѣ одинъ судья да городничій хаживали зимою въ крытыхъ сукномъ тулупахъ, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные: теперь же и засѣдатель и подкоморій [1]) отсмолили себѣ новыя шубы изъ рѣшетиловскихъ смушекъ съ суконною покрышкою. Канцеляристъ и волостной писарь третьяго году взяли синей китайки по шести гривенъ аршинъ. Понамарь сдѣлалъ себѣ нанковыя на лѣто шаровары и жилетъ изъ полосатаго гаруса. Словомъ, все лѣзетъ въ люди! Когда это люди не будутъ суетны? Можно побиться объ закладъ, что многимъ покажется удивительно видѣть чорта, пустившагося и себя туда же. Досаднѣе всего то, что онъ, вѣрно, воображаетъ себя красавцемъ, между тѣмъ, какъ фигура — взглянуть совѣстно. Рожа, какъ говоритъ Ѳома Григорьевичъ, мерзость-мерзостью, однакожъ, и онъ строитъ любовныя куры! Но на небѣ и подъ небомъ такъ сдѣлалось темно, что ничего нельзя уже было видѣть, что происходило далѣе между ними.

— Такъ ты, кумъ, еще не былъ у дьяка въ новой хатѣ? — говорилъ казакъ Чубъ, выходя изъ дверей своей избы, сухощавому, высокому, въ коротком тулупѣ мужику съ обросшею бородою, показывавшею, что уже болѣе двухъ недѣль не прикасался къ ней обломокъ косы, которымъ обыкновенно мужики бреютъ свою бороду за неимѣніемъ бритвы.—Тамъ теперь будетъ добрая попойка!—продолжалъ Чубъ, осклабивъ при этомъ свое лицо.—Какъ бы только намъ не опоздать!

При семъ Чубъ поправилъ свой поясъ, перехватывавшій плотно его тулупъ, нахлобучилъ крѣпче свою шапку, стиснулъ въ рукѣ кнутъ — страхъ и грозу докучливыхъ собакъ; но, взглянувъ вверхъ, остановился...

— Что за дьяволъ! Смотри, смотри, Панасъ!..

---

1) Подкоморій—судя по размежеванію.

— Что?—произнесъ кумъ и поднялъ свою голову также вверхъ.

— Какъ, что? Мѣсяца нѣтъ!

— Что за пропасть! Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ мѣсяца.

— То-то, что нѣтъ!—выговорилъ Чубъ съ нѣкоторою досадою на неизмѣнное равнодушіе кума.—Тебѣ, небось, и нужды нѣтъ.

— А что мнѣ дѣлать?

— Надобно же было,—продолжалъ Чубъ, утирая рукавомъ усы,—какому-то дьяволу — чтобъ ему не довелось, собакѣ, поутру рюмки водки выпить — вмѣшаться!.. Право, какъ будто на смѣхъ... Нарочно, сидѣвши въ хатѣ, глядѣлъ въ окно: ночь — чудо! Свѣтло, снѣгъ блещетъ при мѣсяцѣ; все было видно, какъ днемъ. Не успѣлъ выйти за дверь,—и вотъ, хоть глазъ выколи.

Чубъ долго еще ворчалъ и бранился, а между тѣмъ въ то же время раздумывалъ, на что бы рѣшиться. Ему до смерти хотѣлось покалякать о всякомъ вздорѣ у дьяка, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, сидѣлъ уже и голова, и пріѣзжій басъ, и дегтярь Микита, ѣздившій черезъ каждыя двѣ недѣли въ Полтаву на торги и отпускавшій такія шутки, что всѣ міряне брались за животы со смѣху. Уже видѣлъ Чубъ мысленно стоявшую на столѣ варенуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лѣни, которая такъ мила всѣмъ казакамъ. Какъ бы хорошо теперь лежать, поджавши подъ себя ноги, на лежанкѣ, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и пѣсни веселыхъ парубковъ и дѣвушекъ, толпящихся кучами подъ окнами! Онъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшился на послѣднее, если бы былъ одинъ; но теперь обоимъ не такъ скучно и страшно итти темною ночью, да и не хотѣлось-таки показаться передъ другими лѣнивымъ или трусливымъ. Окончивши побранки, обратился онъ снова къ куму.

— Такъ нѣтъ, кумъ, мѣсяца?

— Нѣтъ.

— Чудно, право! А дай понюхать табаку! У тебя, кумъ, славный табакъ! Гдѣ ты берешь его?

— Кой чортъ славный! — отвѣчалъ кумъ, закрывая берестовую тавлинку, исколотую узорами.—Старая курица не чихнетъ!

— Я помню, — продолжалъ все такъ же Чубъ, — мнѣ покойный шинкарь Зузуля разъ привезъ табаку изъ Нѣжина. Эхъ, табакъ былъ! Добрый табакъ былъ! Такъ что же, кумъ, какъ намъ быть? Вѣдь темно на дворѣ.

— Такъ, пожалуй, останемся дома, — произнесъ кумъ, ухватясь за ручку двери.

Если бы кумъ не сказалъ этого, то Чубъ, вѣрно бы, рѣшился остаться; но теперь его какъ будто что-то дергало итти наперекоръ.

— Нѣтъ, кумъ, пойдемъ! Нельзя, нужно итти!

Сказавши это, онъ уже и досадовалъ на себя, что сказалъ. Ему было очень непріятно тащиться въ такую ночь, но его утѣшало то, что онъ самъ нарочно этого захотѣлъ и сдѣлалъ-таки не такъ, какъ ему совѣтовали.

Кумъ, не выразивъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго движенія досады, какъ человѣкъ, которому рѣшительно все равно, сидѣть ли дома или тащиться изъ дому, осмотрѣлся, почесалъ палочкой батога свои плечи, и два кума отправились въ дорогу.

Теперь посмотримъ, что дѣлаетъ, оставшись одна, красавица дочка. Оксанѣ не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки и по эту сторону Диканьки, только и рѣчей было, что про нее. Парубки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда и

не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица. Если бы она ходила не въ плахтѣ и запаскѣ [1]), а въ какомъ-нибудь капотѣ, то разогнала бы всѣхъ своихъ дѣвокъ. Парубки гонялись за нею толпами; но, потерявши терпѣніе, оставляли мало-помалу своенравную красавицу и обращались къ другимъ, не такъ избалованнымъ. Одинъ только кузнецъ былъ упрямъ и не оставлялъ своего волокитства, несмотря на то, что и съ нимъ поступали ничуть не лучше, чѣмъ съ другими. По выходѣ отца своего Оксана долго еще принаряжалась и жеманилась передъ небольшимъ въ оловянныхъ рамкахъ зеркаломъ и не могла налюбоваться собою.

— Что людямъ вздумалось разславлять, будто я хороша? — говорила она какъ бы разсѣянно, для того только, чтобы объ чемъ-нибудь поболтать съ собою.—Лгутъ люди, я совсѣмъ нехороша!

Но мелькнувшее въ зеркалѣ свѣжее, живое въ дѣтской юности лицо, съ блестящими черными очами и невыразимо пріятной усмѣшкой, прожигавшей душу, вдругъ доказало противное.

— Развѣ черныя брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — такъ хороши, что уже равныхъ имъ нѣтъ и на свѣтѣ? Что тутъ хорошаго въ этомъ вздернутомъ кверху носѣ? и въ щекахъ? и въ губахъ? Будто хороши мои черныя косы? Ухъ, ихъ можно испугаться вечеромъ: онѣ, какъ длинныя змѣи, перевились и обвились вокругъ моей головы. Я вижу теперь, что я совсѣмъ нехороша!—И, отодвигая нѣсколько подалѣе отъ себя зеркало, вскрикнула:

— Нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя отъ радости. Онъ зацѣлуетъ меня насмерть.

— Чудная дѣвка!—прошепталъ вошедшій тихо кузнецъ.—И хвастовства у нея мало! Съ часъ стоитъ, глядясь въ зеркало, и не наглядится и еще хвалитъ себя вслухъ!

— Да, парубки, вамъ ли чета я? Вы поглядите на меня,—продолжала хорошенькая кокетка,—какъ я плавно выступаю, у меня сорочка шита краснымъ шелкомъ. А какія ленты на головѣ! Вамъ вѣкъ не увидать богаче галупа! Все это накупилъ мнѣ отецъ мой для того, чтобы на мнѣ женился самый лучшій молодецъ на свѣтѣ.—И, усмѣхнувшись, поворотилась она въ другую сторону и увидѣла кузнеца.

Вскрикнула и сурово остановилась передъ нимъ.

Кузнецъ и руки опустилъ.

Трудно разсказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва замѣтная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это такъ смѣшалось и такъ было неизобразимо хорошо, что расцѣловать ее милліонъ разъ—вотъ все, что можно было сдѣлать тогда наилучшаго.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда?—такъ начала говорить Оксана.—Развѣ хочется, чтобы я выгнала тебя за дверь лопатою? Вы всѣ мастера подъѣзжать къ намъ. Вмигъ пронюхаете, когда отцовъ нѣтъ дома. О, я знаю васъ! Что сундукъ мой готовъ?

— Будетъ готовъ, мое серденько, послѣ праздника будетъ готовъ. Если бы ты знала, сколько возился около него: двѣ ночи не выходилъ изъ кузницы. Зато ни у одной поповны не будетъ такого сундука. Желѣзо на оковку поло-

---

[1]) Запаска — родъ женской юбки изъ двухъ полотнищъ.

жилъ такое, какого не клалъ въ сотникову таратайку, когда ходилъ на работу въ Полтаву. А какъ будетъ расписанъ! Хоть весь околотокъ выходи своими бѣленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будутъ раскиданы красные и синіе цвѣты. Горѣть будетъ какъ жаръ. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядѣть на тебя!

— Кто жъ тебѣ запрещаетъ? Говори и гляди!—Тутъ сѣла она на лавку и снова взглянула въ зеркало и стала поправлять на головѣ свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелкомъ, и тонкое чувство самодовольствія выразилось на устахъ, на свѣжихъ ланитахъ и освѣтилось въ очахъ.

— Позволь и мнѣ сѣсть возлѣ тебя!—сказалъ кузнецъ.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя въ устахъ и въ довольныхъ очахъ то же самое чувство.

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцѣловать тебя!—произнесъ ободренный кузнецъ и прижалъ ее къ себѣ въ намѣреніи схватить поцѣлуй. Но Оксана отклонила свои щеки, находившіяся уже на непримѣтномъ разстояніи отъ губъ кузнеца, и оттолкнула его.

— Чего тебѣ еще хочется? Ему, когда медъ, такъ и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче желѣза. Да и самъ ты пахнешь дымомъ. Я думаю, меня всю обмаралъ своею сажею.

Тутъ она поднесла зеркало и снова начала передъ нимъ охорашиваться.

«Не любитъ она меня! — думалъ про себя, повѣся голову, кузнецъ. — Ей все игрушки; а я стою передъ нею, какъ дуракъ, и очей не свожу съ нея. И все бы стоялъ передъ нею и вѣкъ бы не сводилъ съ нея очей! Чудная дѣвка! Чего бы я не далъ, чтобы узнать, что у нея на сердцѣ, кого она любитъ. Но нѣтъ, ей и нужды нѣтъ ни до кого. Она любуется сама собою; мучитъ меня, бѣднаго, а я за грустью не вижу свѣта. А я ее такъ люблю, какъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не любилъ и не будетъ никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать — вѣдьма?—произнесла Оксана и засмѣялась; и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо встрепенувшихся жилахъ, и со всѣмъ тѣмъ досада запала въ его душу, что онъ не во власти расцѣловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо.

— Что мнѣ до матери? Ты у меня мать и отецъ и все, что ни есть дорогого на свѣтѣ. Если бъ меня призвалъ царь и сказалъ: «Кузнецъ Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хочу,—сказалъ бы я царю,—ни каменьевъ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мнѣ лучше мою Оксану!»

— Видишь, какой ты! Только отецъ мой самъ не промахъ. Увидишь, когда онъ не женится на твоей матери!—проговорила, лукаво усмѣхнувшись, Оксана.— Однакожъ дѣвчата не приходятъ... Что бъ это значило? Давно уже пора колядовать, мнѣ становится скучно.

— Богъ съ ними, моя красавица!

— Какъ бы не такъ! Съ ними, вѣрно, придутъ парубки. Тутъ-то пойдутъ балы! Воображаю, какихъ наговорятъ смѣшныхъ исторій!

— Такъ тебѣ весело съ ними?

— Да ужъ веселѣе, чѣмъ съ тобою. А! Кто-то стукнулъ; вѣрно, дѣвчата съ парубками.

«Чего мнѣ больше ждать? — говорилъ самъ съ собою кузнецъ.— Она издѣвается надо мною. Ей я столько же дорогъ, какъ перержавѣвшая подкова. Но

— Нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя отъ радости. Онъ зацѣлуетъ меня насмерть.

если жъ такъ, не достанется, по крайней мѣрѣ, другому посмѣяться надо мною. Пусть только я навѣрное замѣчу, кто ей нравится болѣе моего, я отучу»...

Стукъ въ дверь и рѣзко зазвучавшій на морозѣ голосъ: «Отвори!» прервалъ его размышленія.

— Постой, я самъ отворю! — сказалъ кузнецъ и вышелъ въ сѣни въ намѣреніи отломать съ досады бока первому попавшемуся человѣку.

Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Немудрено, однакожъ, и озябнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ самомъ дѣлѣ кухмистеръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ обыкновенно баба жаритъ на Рождество колбасу. Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу, и, приведши себя въ такое положеніе, какъ человѣкъ, летящій на конькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатой горѣ, и прямо въ трубу.

Чортъ такимъ же порядкомъ отправился вслѣдъ за нею. Но такъ какъ это животное проворнѣе всякаго франта въ чулкахъ, то немудрено, что онъ наѣхалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы, и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядѣть, не назвалъ ли сынъ ея Вакула въ хату гостей; но, увидѣвши, что никого не было, выключая только мѣшки, которые лежали посреди хаты, вылѣзла изъ печки, скинула теплый кожухъ [1]), оправилась, и никто бы не могъ узнать, что она за минуту назадъ ѣздила на метлѣ.

Мать кузнеца Вакулы имѣла отроду не больше сорока лѣтъ. Она была ни хороша ни дурна собою. Трудно и быть хорошею въ такіе годы. Однакожъ она такъ умѣла причаровать къ себѣ самыхъ степенныхъ казаковъ (которымъ, не мѣшаетъ, между прочимъ, замѣтить, мало было нужды до красоты), что къ ней хаживалъ и голова, и дьякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дьячихи не было дома), и казакъ Корній Чубъ, и казакъ Касьянъ Свербыгузъ. И, къ чести ея сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ни одному изъ нихъ и въ умъ не приходило, что у него есть соперникъ. Шелъ ли набожный мужикъ, или дворяшинъ, какъ называютъ себя казаки, одѣтый въ кобенякъ [2]) съ видлогою [3]), въ воскресенье въ церковь или, если дурная погода, въ шинокъ, — какъ не зайти къ Солохѣ, не поѣсть жирныхъ со сметаною варениковъ и не поболтать въ теплой избѣ съ говорливой и угодливой хозяйкой? И дворянинъ нарочно для этого давалъ большой крюкъ, прежде чѣмъ достигалъ шинка, и называлъ это — заходить по дорогѣ. А пойдетъ ли, бывало, Солоха, въ праздникъ въ церковь, надѣвши яркую плахту съ китайчатою запаскою, а сверхъ ея синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станетъ прямо близъ праваго клироса, то дьякъ уже, вѣрно, закашливался и прищуривалъ невольно въ ту сторону глаза; голова гладилъ усы, заматывалъ за ухо оселедецъ и говорилъ стоявшему близъ его сосѣду:

— Эхъ, добрая баба! Чортъ баба!

Солоха кланялась каждому, и каждый думалъ, что она кланяется ему одному.

---

[1]) „Кожухъ—тулупъ“. [2]) „Кобенякъ—родъ суконнаго плаща съ пришитою сзади видлогою“. [3]) „Видлога—откидная шапка изъ сукна, пришитая къ кобенякѣ“.

Но охотникъ мѣшаться въ чужія дѣла тотчасъ бы замѣтилъ, что Солоха была привѣтливѣе всего съ казакомъ Чубомъ. Чубъ былъ вдовъ. Восемь скирдъ хлѣба всегда стояли передъ его хатою. Двѣ пары дюжихъ воловъ всякій разъ высовывали свои головы изъ плетенаго сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму — корову, или дядю — толстаго быка. Бородатый козелъ взбирался на самую крышу и дребезжалъ оттуда рѣзкимъ голосомъ, какъ городничій, дразня выступавшихъ по двору индѣекъ и оборачиваясь задомъ, когда завидывалъ своихъ непріятелей — мальчишекъ, издѣвавшихся надъ его бородою. Въ сундукахъ у Чуба водилось много полотна, жупановъ и старинныхъ кунтушей съ золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. Въ огородѣ, кромѣ маку, капусты, подсолнечниковъ, засѣвалось еще каждый годъ по двѣ нивы табаку. Все это Солоха находила не лишнимъ присоединить къ своему хозяйству, заранѣе размышляя о томъ, какой оно приметъ порядокъ, когда перейдетъ въ ея руки, и удвоила благосклонность къ старому Чубу. А чтобы какимъ-нибудь образомъ сынъ ея Вакула не подъѣхалъ къ его дочери и не успѣлъ прибрать всего себѣ, и тогда бы, навѣрно, не допустилъ ее мѣшаться ни во что, она прибѣгнула къ обыкновенному средству всѣхъ сорокалѣтнихъ кумушекъ—ссорить, какъ можно чаще, Чуба съ кузнецомъ. Можетъ-быть, эти самыя хитрости и смѣтливость ея были виною, что кое-гдѣ начали поговаривать старухи, особливо, когда выпивали гдѣ-нибудь на веселой сходкѣ лишнее, что Солоха, точно, вѣдьма, что парубокъ Кизяколупенко видѣлъ у нея сзади хвостъ величиною не болѣе бабьяго веретена, что она еще въ позапрошлый четвергъ черною кошкою перебѣжала дорогу, что къ попадьѣ разъ прибѣжала свинья, закричала пѣтухомъ, надѣла на голову шапку отца Кондрата и убѣжала назадъ. Случилось, что тогда, когда старушки толковали объ этомъ, пришелъ какой-то коровій пастухъ, Тымишь Коростявый. Онъ не примкнулъ разсказать, какъ лѣтомъ, передъ самыми Петровками, когда онъ легъ спать въ хлѣву, подмостивши подъ голову солому, видѣлъ собственными глазами, что вѣдьма, съ распущенною косою, въ одной рубашкѣ, начала доить коровъ, а онъ не могъ пошевельнуться — такъ былъ околдованъ, и помазала его губы чѣмъ-то такимъ гадкимъ, что онъ плевалъ послѣ того цѣлый день. Но все это что-то сомнительно, потому что одинъ только сорочинскій засѣдатель можетъ увидѣть вѣдьму. И оттого всѣ именитые казаки махали руками, когда слышали такія рѣчи. «Брешутъ сучи бабы!» бывалъ обыкновенный отвѣтъ ихъ.

Вылѣзши изъ печки и оправившись, Солоха, какъ добрая хозяйка, начала убирать и ставить все къ своему мѣсту; но мѣшковъ не тронула: «Это Вакула принесъ, пусть же самъ и вынесетъ!» Чортъ между тѣмъ, когда еще влталъ въ трубу, какъ-то нечаянно оборотившись, увидѣлъ Чуба объ руку съ кумомъ, уже далеко отъ избы. Вмигъ вылетѣлъ онъ изъ печки, перебѣжалъ имъ дорогу и началъ разрывать со всѣхъ сторонъ кучи замерзшаго снѣга. Поднялась метель. Въ воздухѣ забѣлѣло. Снѣгъ метался взадъ и впередъ сѣткою и угрожалъ залѣпить глаза, ротъ и уши пѣшеходамъ. А чортъ улетѣлъ снова въ трубу въ твердой увѣренности, что Чубъ возвратится вмѣстѣ съ кумомъ назадъ, застанетъ кузнеца и, навѣрное, отпотчуетъ его такъ, что онъ долго будетъ не въ силахъ взять въ руки кисть и малевать обидныя карикатуры.

Въ самомъ дѣлѣ, едва только поднялась метель, и вѣтеръ сталъ рѣзать прямо въ глаза, какъ Чубъ уже изъявилъ раскаяніе и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи [1]), угощалъ побранками себя, чорта и кума. Впрочемъ, эта до-

[1]) Капелюхи — ушастая шапка.

сада была притворная: Чубъ очень радъ былъ поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось въ восемь разъ больше того разстоянія, которое они прошли. Путешественники поворотили назадъ. Вѣтеръ дулъ въ затылокъ, но сквозь метущій снѣгъ ничего не было видно.

— Стой, кумъ! Мы, кажется, не туда идемъ, — сказалъ, немного отошедши, Чубъ.—Я не вижу ни одной хаты. Эхъ, какая метель! Свороти-ка ты, кумъ, немного въ сторону,—не найдешь ли дороги, а я тѣмъ временемъ поищу здѣсь. Дернетъ же нечистая сила таскаться по такой вьюгѣ! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Эхъ, какую кучу снѣга напустилъ въ очи сатана!

Дороги, однакожъ, не было видно. Кумъ, отошедши въ сторону, бродилъ въ длинныхъ сапогахъ взадъ и впередъ и, наконецъ, набрелъ прямо на шинокъ. Эта находка такъ его обрадовала, что онъ позабылъ все и, стряхнувши съ себя снѣгъ, вошелъ въ сѣни, нимало не безпокоясь объ оставшемся на улицѣ кумѣ. Чубу показалось между тѣмъ, что онъ пашелъ дорогу. Остановившись, принялся онъ кричать во все горло, но, видя, что кумъ не является, рѣшился итти самъ. Немного пройдя, увидѣлъ онъ свою хату. Сугробы снѣга лежали около нея и на крышѣ. Хлопая озябшими на холодѣ руками, принялся онъ стучать въ дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть ее.

— Чего тебѣ тутъ нужно? — сурово закричалъ вышедшій кузнецъ.

Чубъ, узнавши голосъ кузнеца, отступилъ нѣсколько назадъ.

— Э, нѣтъ, это не моя хата, — говорилъ онъ про себя: — въ мою хату не забредетъ кузнецъ. Опять же, если присмотрѣться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была эта хата? Вотъ на! Не распозналъ! Это хата хромого Левченка, который недавно женился на молодой женѣ. У него одного только хата похожа на мою. То-то мнѣ показалось и сначала немного чудно, что такъ скоро пришелъ домой. Однакожъ Левченко сидитъ теперь у дьяка, это я знаю. Зачѣмъ же кузнецъ? Э, ге, ге, ге, онъ ходитъ къ его молодой женѣ. Вотъ какъ! Хорошо!.. Теперь я все понялъ.

— Кто ты такой и зачѣмъ таскаешься подъ дверями? — произнесъ кузнецъ суровѣе прежняго и подойдя ближе.

«Нѣтъ, не скажу ему, кто я, — подумалъ Чубъ: — чего добраго, еще приколотитъ проклятый выродокъ!» И, перемѣнивъ голосъ, отвѣчалъ:

— Это я, человѣкъ добрый! Пришелъ вамъ на забаву поколядовать немного подъ окнами.

— Убирайся къ чорту съ своими колядками! — сердито закричалъ Вакула.— Что жъ ты стоишь? Слышишь! Убирайся сейчасъ же вонъ!

Чубъ самъ уже имѣлъ это благоразумное намѣреніе; но ему досадно показалось, что принужденъ слушаться приказаній кузнеца. Казалось, какой-то злой духъ толкалъ его подъ руку и вынуждалъ сказать что-нибудь наперекоръ.

— Что жъ ты, въ самомъ дѣлѣ, такъ раскричался? — произнесъ онъ тѣмъ же голосомъ. — Я хочу колядовать, да и полно!

— Эге, да ты, какъ вижу, отъ словъ не уймешься!

Вслѣдъ за сими словами Чубъ почувствовалъ пребольный ударъ въ плечо.

— Да вотъ это ты, какъ я вижу, начинаешь уже драться! — произнесъ онъ, немного отступая.

— Пошелъ, пошелъ! — кричалъ кузнецъ, наградивъ Чуба другимъ толчкомъ.

— Что жъ ты! — произнесъ Чубъ такимъ голосомъ, въ которомъ изображалась и боль, и досада, и робость. — Ты, я вижу, не въ шутку дерешься и еще больно дерешься.

— Пошелъ, пошелъ! — закричалъ кузнецъ и захлопнулъ дверь.

— Смотри, какъ расхрабрился!—говорилъ Чубъ, оставшись одинъ на улицѣ.— Попробуй, подойди! Вишь какой! Вотъ большая цаца. Ты думаешь, я на тебя и суда не найду? Нѣтъ, голубчикъ, я пойду, и пойду прямо до комиссара. Ты у меня будешь знать! Я не посмотрю, что ты кузнецъ и маляръ! Однакожъ посмотрѣть на спину и плечи! Я думаю, синія пятна есть. Должно-быть, больно поколотилъ вражій сынъ. Жаль, что холодно и не хочется скидать кожуха. Постой ты, бѣсовскій кузнецъ, чтобъ чортъ поколотилъ и тебя и твою кузницу: ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеникъ! [1]) Однакожъ вѣдь теперь его нѣтъ дома. Солоха, думаю, сидитъ одна. Гмъ... Оно вѣдь недалеко отсюда— пойти бы! Время теперь такое, что насъ никто не застанетъ. Можетъ, и того, будетъ можно... Вишь, какъ больно поколотилъ проклятый кузнецъ!

Тутъ Чубъ, почесавъ свою спину, отправился въ другую сторону. Пріятность, ожидавшая его впереди при свиданіи съ Солохою, умаляла немного боль и дѣлала нечувствительнымъ и самый морозъ, который трещалъ по всѣмъ улицамъ, не заглушаемый свистомъ вьюги. По временамъ на лицѣ его, котораго бороду и усы метель намылила снѣгомъ проворнѣе всякаго цюрюльника, тирански хватающаго за носъ свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бъ, однакожъ, снѣгъ не крестилъ взадъ и впередъ всего передъ глазами, то долго еще можно было бы видѣть, какъ Чубъ останавливался, почесывалъ спину, произносилъ: «Больно поколотилъ проклятый кузнецъ!» и снова отправлялся въ путь.

Въ то время, когда проворный франтъ съ хвостомъ и козлиною бородою леталъ изъ трубы и потомъ снова въ трубу, висѣвшая у него съ боку на перевязи ладунка [2]), въ которую онъ спряталъ украденный мѣсяцъ, какъ-то нечаянно зацѣпившись въ печкѣ, растворилась, и мѣсяцъ, пользуясь этимъ случаемъ, вылетѣлъ черезъ трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все освѣтилось. Метели какъ не бывало. Снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ, и весь осыпался хрустальными звѣздами. Морозъ какъ бы потеплѣлъ. Толпы парубковъ и дѣвушекъ показались съ мѣшками. Пѣсни зазвенѣли, и подъ рѣдкою хатою не толпились колядующіе.

Чудно блещетъ мѣсяцъ. Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь, между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело смѣющаяся ночь. Подъ плотнымъ кожухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горятъ щеки, а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади.

Кучи дѣвушекъ съ мѣшками вломились въ хату Чуба, окружили Оксану. Крикъ, хохотъ, разсказы оглушили кузнеца. Всѣ наперерывъ спѣшили разсказать красавицѣ что-нибудь новое, выгружали мѣшки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которыхъ успѣли уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была въ совершенномъ удовольствіи и радости, болтала то съ той, то съ другой и хохотала безъ-умолку.

Съ какой-то досадой и завистью глядѣлъ кузнецъ на такую веселость и на этотъ разъ проклиналъ колядки, хотя самъ бывалъ отъ нихъ безъ ума.

— Э, Одарка, — сказала веселая красавица, оборотившись къ одной изъ дѣвушекъ, — у тебя новые черевики [3])! Ахъ, какіе хорошіе! И съ золотомъ! Хорошо тебѣ, Одарка, у тебя есть такой человѣкъ, который все тебѣ покупаетъ, а мнѣ некому достать такіе славные черевики.

---

[1]) „Шибеникъ—висѣльникъ“. [2]) Ладунка, или лядунка,—сумочка. [3]) „Черевики—башмаки“.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана, — подхватилъ кузнецъ, — я тебѣ достану такіе черевики, какіе рѣдкая панночка носитъ!

— Ты? — сказала Оксана, скоро и надменно поглядѣвъ на него.—Посмотрю я, гдѣ ты достанешь такіе черевики, которые могла бы я надѣть на свою ногу. Развѣ принесешь тѣ самые, которые носитъ царица?

— Видишь, какихъ захотѣла! — закричала со смѣхомъ дѣвичья толпа.

— Да! — продолжала гордо красавица.—Будьте всѣ вы свидѣтельницы: если кузнецъ Вакула принесетъ тѣ самые черевики, которые носитъ царица, то вотъ мое слово, что выйду тотъ же часъ за него замужъ.

Дѣвушки увели съ собою капризную красавицу.

— Смѣйся, смѣйся!—говорилъ кузнецъ, выходя вслѣдъ за ними. — Я самъ смѣюсь надъ собою! Думаю и не могу надумать, куда дѣвался умъ мой? Она меня не любитъ,—ну, Богъ съ ней! Будто только на всемъ свѣтѣ одна Оксана. Слава Богу, дѣвчатъ много хорошихъ и безъ нея на селѣ. Да что Оксана? Изъ нея никогда не будетъ доброй хозяйки: она только мастерица рядиться. Нѣтъ, полно! Пора перестать дурачиться!

Но въ самое то время, когда кузнецъ готовился быть рѣшительнымъ, какой-то злой духъ проносилъ передъ нимъ смѣющійся образъ Оксаны, говорившей насмѣшливо: «Достань, кузнецъ, царицины черевики,—выйду за тебя замужъ!» Все въ немъ волновалось, и онъ думалъ только объ одной Оксанѣ.

Толпы колядующихъ, парубки особо, дѣвушки особо, спѣшили изъ одной улицы въ другую. Но кузнецъ шелъ и ничего не видѣлъ и не участвовалъ въ тѣхъ веселостяхъ, которыя когда-то любилъ болѣе всѣхъ.

Чортъ между тѣмъ не на шутку разнѣжился у Солохи: цѣловалъ ея руку съ такими ужимками, какъ засѣдатель у поповны, брался за сердце, охалъ и сказалъ напрямикъ, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, какъ водится, наградить, то онъ готовъ на все: кинется въ воду, а душу отправитъ прямо въ пекло. Солоха была не такъ жестока; притомъ же чортъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ съ пею заодно. Она-таки любила видѣть волочившуюся за собою толпу и рѣдко бывала безъ компаніи. Этотъ вечеръ, однакожъ, думала провесть одна, потому что всѣ именитые обитатели села званы были на кутью къ дьяку. Но все пошло иначе: чортъ только что представилъ свое требованіе, какъ вдругъ послышался стукъ и голосъ дюжаго головы. Солоха побѣжала отворить дверь, а проворный чортъ влѣзъ въ лежавшій мѣшокъ.

Голова, стряхнувъ съ своихъ капелюхъ снѣгъ и выпивши изъ рукъ Солохи чарку водки, разсказалъ, что онъ не пошелъ къ дьяку, потому что поднялась метель, а увидѣвши свѣтъ въ ея хатѣ, завернулъ къ ней въ намѣреніи провесть вечеръ съ нею.

Не успѣлъ голова это сказать, какъ въ дверь послышался стукъ и голосъ дьяка:

— Спрячь меня куда-нибудь, — шепталъ голова, — мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ дьякомъ.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотнаго гостя; наконецъ выбрала самый большой мѣшокъ съ углемъ; уголь высыпала въ кадку, и дюжій голова влѣзъ съ усами, съ головою и съ капелюхами въ мѣшокъ.

Дьякъ вошелъ, покряхтывая и потирая руки, и разсказалъ, что у него не былъ никто и что онъ сердечно радъ этому случаю *погулять* немного у нея и не испугался метели. Тутъ онъ подошелъ къ ней ближе, кашлянулъ, усмѣхнулся, дотронулся своими длинными пальцами до ея обнаженной полной руки и

произнесъ съ такимъ видомъ, въ которомъ выказывалось и лукавство и самодовольствіе:

— А что это у васъ, великолѣпная Солоха?

И, сказавши это, отскочилъ онъ нѣсколько назадъ.

— Какъ что? — рука, Осипъ Никифоровичъ? — отвѣчала Солоха.

— Гмъ! рука! Хе-хе-хе! — произнесъ сердечно довольный своимъ началомъ дьякъ и прошелся по комнатѣ.

— А это что у васъ, дражайшая Солоха! — произнесъ онъ съ такимъ же видомъ, приступивъ къ ней снова и схвативъ ее слегка рукою за шею и такимъ же порядкомъ отскочивъ назадъ.

— Будто не видите, Осипъ Никифоровичъ! — отвѣчала Солоха: — шея, а на шеѣ — монисто.

— Гмъ! на шеѣ монисто! Хе-хе-хе! — и дьякъ снова прошелся по комнатѣ, потирая руки.

— А это что у васъ, несравненная Солоха?..

Неизвѣстно, къ чему бы теперь притронулся дьякъ своими длинными пальцами, какъ вдругъ послышался въ дверь стукъ и голосъ казака Чуба.

— Ахъ, Боже мой, стороннее лицо! — закричалъ въ испугѣ дьякъ. — Что теперь, если застанутъ особу моего званія?.. Дойдетъ до отца Кондрата...

Но опасенія дьяка были другого рода: онъ боялся болѣе того, чтобы не узнала его половина, которая и безъ того страшною рукою своею сдѣлала изъ его толстой косы самую узенькую.

— Ради Бога, добродѣтельная Солоха, — говорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ,—ваша доброта, какъ говоритъ писаніе Луки, глава трина... трин... Стучатся, ей Богу стучатся! Охъ, спрячьте меня куда-нибудь.

Солоха высыпала уголь въ кадку изъ другого мѣшка, и не слишкомъ объемистый тѣломъ дьякъ влѣзъ въ него и сѣлъ на самое дно, такъ что сверхъ его можно было насыпать еще съ полмѣшка угля.

— Здравствуй, Солоха!—сказалъ, входя въ хату, Чубъ.

— Ты, можетъ-быть, не ожидала меня? А? Правда, не ожидала? Можетъ-быть, я помѣшалъ?..—продолжалъ Чубъ, показавъ на лицѣ своемъ веселую и значительную мину, которая заранѣе давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затѣйливую шутку.— Можетъ-быть, вы тутъ забавлялись съ кѣмъ-нибудь?.. Можетъ-быть, ты кого-нибудь спрятала уже? А?

И, восхищенный такимъ замѣчаніемъ своимъ, Чубъ засмѣялся, внутренно торжествуя, что онъ одинъ только пользуется благосклонностью Солохи.

— Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло отъ проклятаго мороза. Послалъ же Богъ такую ночь передъ Рождествомъ! Какъ схватилась, слышишь, Солоха, какъ схватилась... Экъ, окостенѣли руки—не разстегну кожуха! Какъ схватилась вьюга...

— Отвори! — раздался на улицѣ голосъ, сопровождаемый толчкомъ въ дверь.

— Стучитъ кто-то,—сказалъ остановившійся Чубъ.

— Отвори!—закричали сильнѣе прежняго.

— Это кузнецъ! — произнесъ, схватясь за капелюхи, Чубъ. — Слышишь, Солоха: куда хочешь, дѣвай меня; я ни за что на свѣтѣ не захочу показаться этому выродку проклятому, — чтобъ ему набѣжало, дьявольскому сыну, подъ обоими глазами по пузырю въ конну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась, какъ угорѣлая, и, позабывшись, дала знакъ Чубу лѣзть въ тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ уже дьякъ.

Бѣдный дьякъ не смѣлъ даже изъявить кашлемъ и кряхтѣньемъ боли, когда сѣлъ ему почти на голову тяжелый мужикъ и помѣстилъ свои намерзнувшіе на морозѣ сапоги по обѣимъ сторономъ его висковъ.

Кузнецъ вошелъ, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Замѣтно было, что онъ былъ весьма не въ духѣ.

Въ то самое время, когда Солоха затворяла за нимъ дверь, кто-то постучалъ снова. Это былъ казакъ Свербыгузъ. Этого уже нельзя было спрятать въ мѣшокъ, потому что и мѣшка такого нельзя было найти нигдѣ. Онъ былъ погрузнѣе тѣломъ самого головы и повыше ростомъ Чубова кума. И потому Солоха повела его въ огородъ, чтобы выслушать отъ него все то, что онъ хотѣлъ ей объявить.

Кузнецъ разсѣянно оглядывалъ углы своей хаты, вслушиваясь по временамъ въ далеко разносившіяся по селу пѣсни колядующихъ; наконецъ остановилъ глаза на мѣшкахъ.

— Зачѣмъ тутъ лежатъ эти мѣшки? Ихъ давно бы пора убрать отсюда. Черезъ эту глупую любовь я одурѣлъ совсѣмъ. Завтра праздникъ, а въ хатѣ до сихъ поръ еще лежитъ всякая дрянь. Отнести ихъ въ кузницу!

Тутъ кузнецъ присѣлъ къ огромнымъ мѣшкамъ, перевязалъ ихъ крѣпче и готовился взвалить себѣ на плечи. Но замѣтно было, что его мысли гуляли Богъ знаетъ гдѣ; иначе онъ бы услышалъ, какъ зашипѣлъ Чубъ, когда волосы на головѣ его прикрутила завязавшая мѣшокъ веревка, и дюжій голова началъ было икать довольно явственно.

— Неужели не выбьется изъ ума моего эта негодная Оксана? — говорилъ кузнецъ.—Не хочу думать о ней, а все думается и, какъ нарочно, о ней одной только. Отчего это такъ, что дума противъ воли лѣзетъ въ голову? Кой чортъ! Мѣшки стали какъ будто тяжелѣе прежняго! Тутъ, вѣрно, положено еще что-нибудь, кромѣ угля. Дурень — я! Я и позабылъ, что теперь мнѣ все кажется тяжелѣе. Прежде, бывало, я могъ согнуть и разогнуть въ одной рукѣ мѣдный пятакъ и лошадиную подкову, а теперь мѣшковъ съ углемъ не подыму. Скоро буду отъ вѣтру валиться... Нѣтъ!—вскричалъ онъ, помолчавъ и ободрившись.— Что я за баба! Не дамъ никому смѣяться надъ собою! Хоть десять такихъ мѣшковъ—всѣ подыму!— И бодро взвалилъ себѣ на плеча мѣшки, которыхъ не понесли бы два дюжихъ человѣка.— Взять и этотъ,— продолжалъ онъ, подымая маленькій, на днѣ котораго лежалъ, свернувшись, чортъ.— Тутъ, кажется, я положилъ струментъ свой.—Сказавъ это, онъ вышелъ вонъ изъ хаты, насвистывая пѣсню:

Мини съ жинкой не возиться...

Шумнѣе и шумнѣе раздавались по улицамъ пѣсни, хохотъ и крики. Толпы толкавшагося народа были увеличены еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Парубки шалили и бѣсились вволю.

Часто между колядками слышалась какая-нибудь веселая пѣсня, которую тутъ же успѣлъ сложить кто-нибудь изъ молодыхъ казаковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки, отпускалъ щедровку [1]) и ревѣлъ во все горло:

„Щедрыкъ, ведрыкъ!
Дайте варенику,
Грудочку кашки,
Кильце [2]) ковбаски!“

---

[1]) Щедровка — пѣсня, которую поютъ въ Васильевъ вечеръ, наканунѣ Новаго года. [2]) Кильце—кольцо, кружокъ.

Хохотъ награждалъ затѣйника. Маленькія окна подымались, и сухощавая рука старухи (которыя однѣ только, вмѣстѣ съ степенными отцами, оставались въ избахъ) высовывалась изъ окошка съ колбасою въ рукахъ или кускомъ пирога. Парубки и дѣвушки наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою добычу. Въ одномъ мѣстѣ парубки, зашедши со всѣхъ сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ; одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣшокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось, всю ночь напролетъ готовы были провеселиться. И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась! И еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеска снѣга!

Кузнецъ остановился съ своими мѣшками. Ему почудился въ толпѣ дѣвушекъ голосъ и тоненькій смѣхъ Оксаны. Всѣ жилки въ немъ вздрогнули; бросивши на землю мѣшки, такъ что находившійся на днѣ дьякъ заохалъ отъ ушибу и голова икнулъ во все горло, побрелъ онъ съ маленькимъ мѣшкомъ на плечахъ вмѣстѣ съ толпою парубковъ, шедшихъ слѣдомъ за дѣвичьей толпою, между которою ему послышался голосъ Оксаны.

Такъ, это она! Стоитъ, какъ царица, и блеститъ черными очами. Ей разсказываетъ что-то видный парубокъ; вѣрно, забавное, потому что она смѣется. Но она всегда смѣется.

Какъ будто невольно, самъ не понимая какъ, протерся кузнецъ сквозь толпу и сталъ около нея.

— А, Вакула, ты тутъ! Здравствуй! — сказала красавица съ той же самой усмѣшкой, которая чуть не сводила Вакулу съ ума. — Ну, много наколядовалъ? Э, да какой маленькій мѣшокъ! А черевики, которые носитъ царица, досталъ? Достань черевики, выйду за тебя замужъ!..

И, засмѣявшись, убѣжала съ толпою дѣвушекъ.

Какъ вкопанный, стоялъ кузнецъ на одномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, не могу; нѣтъ силъ больше... — произнесъ онъ наконецъ. — Но, Боже ты мой, отчего она такъ чертовски хороша? Ея взглядъ, и рѣчи, и все, ну, вотъ такъ и жжетъ, такъ и жжетъ... Нѣтъ, невмочь уже пересилить себя. Пора положить конецъ всему. Пропадай, душа! Пойду, утоплюсь въ прорубѣ, и поминай, какъ звали! — Тутъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ, догналъ толпу дѣвчатъ, поравнялся съ Оксаною и сказалъ твердымъ голосомъ: — Прощай, Оксана! Ищи себѣ, какого хочешь, жениха, дурачь, кого хочешь, а меня не увидишь уже больше на этомъ свѣтѣ.

Красавица казалась удивленною, хотѣла что-то сказать, но кузнецъ махнулъ рукой и убѣжалъ.

— Куда, Вакула? — кричали парубки, видя бѣгущаго кузнеца.

— Прощайте, братцы! — кричалъ въ отвѣтъ кузнецъ. — Дастъ Богъ, увидимся на томъ свѣтѣ, а на этомъ уже не гулять намъ вмѣстѣ. Прощайте! Не поминайте лихомъ! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворилъ панихиду по моей грѣшной душѣ. Свѣчей къ иконамъ Чудотворца и Божіей Матери, грѣшенъ, не обмалевалъ за мірскими дѣлами. Все добро, какое найдется въ моей скрынѣ [1]), на церковь. Прощайте!

Проговоривши это, кузнецъ принялся снова бѣжать съ мѣшкомъ на спинѣ.

— Онъ повредился! — говорили парубки.

— Пропадшая душа! — набожно пробормотала проходившая мимо старуха. — Пойти разсказать, какъ кузнецъ повѣсился.

---

[1]) „Скрыня—большой сундукъ“.

Вакула между тѣмъ, пробѣжавши нѣсколько улицъ, остановился перевесть духъ. «Куда я, въ самомъ дѣлѣ, бѣгу?— подумалъ онъ.— Какъ будто уже все пропало. Попробую еще средство: пойду къ запорожцу Пузатому Пацюку. Онъ, говорятъ, знаетъ всѣхъ чертей и все сдѣлаетъ, что захочетъ. Пойду: вѣдь душѣ все же придется пропадать!»

При этомъ чортъ, который долго лежалъ безъ всякаго движенія, запрыгалъ въ мѣшкѣ отъ радости; но кузнецъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь зацѣпилъ мѣшокъ рукою и произвелъ самъ это движеніе, ударилъ по мѣшку дюжимъ кулакомъ и, встряхнувъ его на плечахъ, отправился къ Пузатому Пацюку.

Этотъ Пузатый Пацюкъ былъ, точно, когда-то запорожцемъ; но выгнали его или онъ самъ убѣжалъ изъ Запорожья, — этого никто не зналъ. Давно уже, лѣтъ десять, а, можетъ, и пятнадцать, какъ онъ жилъ въ Диканькѣ. Сначала онъ жилъ, какъ настоящій запорожецъ: ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей и выпивалъ однимъ разомъ почти по цѣлому ведру; впрочемъ, было гдѣ и помѣститься, потому что Пацюкъ, несмотря на небольшой ростъ, въ ширину былъ довольно увѣсистъ. Притомъ же шаровары, которые носилъ онъ, были такъ широки, что какой бы большой ни сдѣлалъ онъ шагъ, ногъ совершенно не было замѣтно, и, казалось, винокуренная кадь двигалась по улицѣ. Можетъ-быть, это самое подало поводъ прозвать его Пузатымъ. Не прошло нѣсколькихъ недѣль послѣ прибытія его въ село, какъ всѣ уже узнали, что онъ знахарь. Бывалъ ли кто боленъ чѣмъ, тотчасъ призывалъ Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать нѣсколько словъ, и недугъ какъ будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшійся дворянинъ подавился рыбьей костью, Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отправлялась, куда ей слѣдуетъ, не причинивъ никакого вреда дворянскому горлу. Въ послѣднее время его рѣдко видали гдѣ-нибудь. Причиною этому была, можетъ-быть, лѣнь, а, можетъ, и то, что пролѣзать въ двери дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе. Тогда міряне должны были отправляться къ нему сами, если имѣли къ нему нужду.

Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь и увидѣлъ Пацюка, сидѣвшаго на полу по-турецки передъ небольшою кадушкою, на которой стояла миска съ галушками. Эта миска стояла, какъ нарочно, наравнѣ съ его ртомъ. Не подвинувшись ни однимъ пальцемъ, онъ наклонилъ слегка голову къ мискѣ и хлебалъ жижу, схватывая по временамъ зубами галушки.

«Нѣтъ, этотъ,— подумалъ Вакула про себя,— еще лѣнивѣе Чуба: тотъ, по крайней мѣрѣ, ѣстъ ложкою, а этотъ и руки не хочетъ поднять!»

Пацюкъ, вѣрно, крѣпко занятъ былъ галушками, потому что, казалось, совсѣмъ не замѣтилъ прихода кузнеца, который, едва ступивши на порогъ, отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

— Я къ твоей милости пришелъ, Пацюкъ!—сказалъ Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюкъ поднялъ голову и снова началъ хлебать галушки.

— Ты, говорятъ, не во гнѣвъ будь сказано...—сказалъ, собираясь съ духомъ, кузнецъ, — я веду объ этомъ рѣчь не для того, чтобы тебѣ нанесть какую обиду,—приходишься немного сродни чорту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумавъ, что выразился все еще напрямикъ и мало смягчилъ крѣпкія слова, и, ожидая, что Пацюкъ, схвативши кадушку вмѣстѣ съ мискою, пошлетъ ему прямо въ голову, отсторонился немного и закрылся рукавомъ, чтобы горячая жижа съ галушекъ не обрызгала ему лица.

Но Пацюкъ взглянулъ и снова началъ хлебать галушки. Ободренный кузнецъ рѣшился продолжать:

— Къ тебѣ пришелъ, Пацюкъ. Дай, Боже, тебѣ всего, добра всякаго въ довольствіи, хлѣба въ пропорціи!—(Кузнецъ иногда умѣлъ ввернуть модное слово: въ томъ онъ понаторѣлъ въ бытность еще въ Полтавѣ, когда размалевывалъ сотнику дощатый заборъ). — Пропадать приходится мнѣ, грѣшному! Ничто не поможетъ мнѣ на свѣтѣ! Что будетъ — то будетъ. Приходится просить помощи у самого чорта. Что жъ, Пацюкъ, — произнесъ кузнецъ, видя неизмѣнное его молчаніе,—какъ мнѣ быть?

— Когда нужно чорта, то и ступай къ чорту! — отвѣчалъ Пацюкъ, не подымая на него глазъ и продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришелъ къ тебѣ, — отвѣчалъ кузнецъ, отвѣшивая поклонъ,—кромѣ тебя, думаю, никто на свѣтѣ не знаетъ къ нему дороги.

Пацюкъ—ни слова, и доѣдалъ остальныя галушки.

— Сдѣлай милость, человѣкъ добрый, не откажи! — наступалъ кузнецъ.— Свинины ли, колбасъ, муки гречневой, ну, полотна, пшена, или иного прочаго, въ случаѣ потребности... какъ обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Разскажи хоть, какъ, примѣрно сказать, попасть на дорогу къ нему?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого чортъ за плечами,—произнесъ равнодушно Пацюкъ, не измѣняя своего положенія.

Вакула уставилъ въ него глаза, какъ будто бы на лбу его написано было изъясненіе этихъ словъ. «Что онъ говоритъ?» безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый ротъ готовился проглотить, какъ галушку, первое слово.

Но Пацюкъ молчалъ.

Тутъ замѣтилъ Вакула, что ни галушекъ ни кадушки передъ нимъ не было, но вмѣсто того на полу стояли двѣ деревянныя миски: одна была наполнена варениками, другая — сметаною. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотримъ,— говорилъ онъ самъ себѣ,— какъ будетъ ѣсть Пацюкъ вареники. Наклоняться онъ, вѣрно, не захочетъ, чтобы хлебать, какъ галушки, да и нельзя: нужно варениковъ сперва обмакнуть въ сметану».

Только что онъ успѣлъ это подумать, Пацюкъ разинулъ ротъ, поглядѣлъ на вареники и еще сильнѣе разинулъ ротъ. Въ это время вареникъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъ разъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ съѣлъ и снова разинулъ ротъ, и вареникъ такимъ же порядкомъ отправился снова. На себя только принималъ онъ трудъ жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» подумалъ кузнецъ, разинувъ отъ удивленія ротъ, и тотъ же часъ замѣтилъ, что вареникъ лѣзетъ и къ нему въ ротъ и уже вымазалъ губы сметаною. Оттолкнувши вареникъ и вытерши губы, кузнецъ началъ размышлять о томъ, какія чудеса бываютъ на свѣтѣ, и до какихъ мудростей доводитъ человѣка нечистая сила, замѣчая притомъ, что одинъ только Пацюкъ можетъ помочь ему.

«Поклонюсь ему еще, пусть растолкуетъ хорошенько... Однако, что за чортъ! Вѣдь сегодня *голодная кутья* [1]), а онъ ѣсть вареники, вареники—скоромные! Что я, въ самомъ дѣлѣ, за дуракъ: стою тутъ и грѣха набираюсь! Назадъ!..» и набожный кузнецъ опрометью выбѣжалъ изъ хаты.

Однакожъ чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ и заранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобы ушла изъ рукъ его такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и сѣлъ верхомъ ему на шею.

---

1) Голодная кутья—сочельникъ".

Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца; испугавшись и поблѣдиѣвъ, не зналъ онъ, что дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказалъ:

— Это я, твой другъ; все сдѣлаю для товарища и друга! Денегъ дамъ, сколько хочешь,—пискнулъ онъ ему въ лѣвое ухо.—Оксана будетъ сегодня же наша,—шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнецъ стоялъ, размышляя.

— Изволь,—сказалъ онъ наконецъ,—за такую цѣну готовъ быть твоимъ!

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шеѣ кузнеца.

«Теперь-то попался кузнецъ,—думалъ онъ про себя,—теперь-то вымещу я на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей! Что теперь скажутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожнѣйшій изъ всего села человѣкъ въ моихъ рукахъ?»

Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши, какъ будетъ дразнить въ адѣ все хвостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромой чортъ, считавшійся между ними первымъ на выдумки.

— Ну, Вакула!—пропищалъ чортъ, все такъ же, не слѣзая съ шеи, какъ бы опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ.—Ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлаютъ.

— Я готовъ! — сказалъ кузнецъ. — У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманѣ гвоздь!

Тутъ онъ заложилъ назадъ руку,—и хватъ чорта за хвостъ.

— Вишь, какой шутникъ!—закричалъ, смѣясь, чортъ.—Ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчикъ!—закричалъ кузнецъ.—А вотъ это, какъ тебѣ покажется?

При этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался такъ тихъ, какъ ягненокъ.

— Постой же, — сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ.

Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія.

— Помилуй, Вакула, — жалобно простоналъ чортъ, — все, что для тебя нужно, все сдѣлаю; отпусти только душу на покаянье: не клади на меня страшнаго креста!

— А, вотъ какимъ голосомъ запѣлъ, нѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Вези меня сей же часъ на себѣ! Слышишь? Да несись, какъ птица.

— Куда? — произнесъ печальный чортъ.

— Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!..

И кузнецъ обомлѣлъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странныхъ рѣчахъ кузнеца. Уже внутри ея что-то говорило, что она слишкомъ жестоко поступила съ нимъ.

«Что, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится на что-нибудь страшное? Чего добраго! Можетъ-быть, онъ съ горя вздумаетъ влюбиться въ другую и съ досады станетъ называть ее первою красавицею на селѣ. Но нѣтъ, онъ меня любитъ. Я такъ хороша!.. Онъ меня ни за что не промѣняетъ; онъ шалитъ,

прикидывается... Не пройдетъ минутъ десяти, какъ онъ, вѣрно, придетъ поглядѣть на меня. Я въ самомъ дѣлѣ сурова. Нужно ему дать, какъ будто нехотя, поцѣловать себя... То-то онъ обрадуется!» И вѣтреная красавица уже шутила съ своими подругами.

— Постойте, — сказала одна изъ нихъ, — кузнецъ позабылъ мѣшки свои; смотрите, какіе страшные мѣшки! Онъ не по-нашему наколядовалъ; я думаю, сюда по цѣлой четверти барана кидали; а колбасамъ и хлѣбамъ, вѣрно, счету нѣтъ. Роскошь! Цѣлые праздники можно объѣдаться.

— Это кузнецовы мѣшки!—подхватила Оксана.—Утащимъ скорѣе ихъ хоть ко мнѣ въ хату и разглядимъ хорошенько, что онъ сюда наклалъ.

Всѣ со смѣхомъ одобрили такое предложеніе.

— Но мы не поднимемъ ихъ! — закричала вся толпа вдругъ, силясь сдвинуть мѣшки.

— Постойте, — сказала Оксана, — побѣжимъ скорѣе за санками и отвеземъ на санкахъ!

И толпа побѣжала за санками.

Плѣнникамъ сильно прискучило сидѣть въ мѣшкахъ, несмотря на то, что дьякъ проткнулъ для себя пальцемъ порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, можетъ-быть, онъ нашелъ бы средство и вылѣзть; но вылѣзть изъ мѣшка при всѣхъ, показать себя на смѣхъ... это удерживало его, и онъ рѣшился ждать, слегка только покряхтывая подъ невѣжливыми сапогами Чуба. Чубъ самъ не менѣе желалъ свободы, чувствуя, что подъ нимъ лежитъ что-то такое, на чемъ сидѣть страхъ было неловко. Но какъ скоро услышалъ рѣшеніе своей дочери, успокоился и не хотѣлъ уже вылѣзть, разсуждая, что къ хатѣ своей нужно пройти, по крайней мѣрѣ, шаговъ съ сотню, и можетъ-быть, и другую; вылѣзши же, нужно оправиться, застегнуть кожухъ, подвязать поясъ,— сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дѣвчата довезутъ на санкахъ.

Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Чубъ.

Въ то время, когда дѣвчата убѣжали за санками, худощавый кумъ выходилъ изъ шинка, разстроенный и не въ духѣ. Шинкарка никакимъ образомъ не рѣшалась ему вѣрить въ долгъ. Онъ хотѣлъ было дожидаться въ шинкѣ, авось-либо придетъ какой-нибудь набожный дворянинъ и попотчуетъ его, но, какъ нарочно, всѣ дворяне оставались дома и, какъ честные христіане, ѣли кутью посреди своихъ домашнихъ. Размышляя о развращеніи нравовъ и о деревянномъ сердцѣ жидовки, продающей вино, кумъ набрелъ на мѣшки и остановился въ изумленіи.

— Вишь, какіе мѣшки кто-то бросилъ на дорогѣ! — сказалъ онъ, осматриваясь по сторонамъ. — Должно-быть, тутъ и свинина есть. Полѣзло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экіе страшные мѣшки! Положимъ, что они набиты гречаниками [1]) да коржами [2]), и то *добре;* хотя бы были тутъ однѣ паляницы [3]), и то *шмакъ* [4]); жидовка за каждую паляницу даетъ осьмуху водки. Утащить скорѣе, чтобы кто не увидѣлъ.

Тутъ взвалилъ онъ себѣ на плечи мѣшокъ съ Чубомъ и дьякомъ, но почувствовалъ, что онъ слишкомъ тяжелъ.

— Нѣтъ, одному будетъ тяжело несть, — проговорилъ онъ. — А вотъ, какъ нарочно, идетъ ткачъ Шапуваленко. Здравствуй, Остапъ!

---

[1]) „Гречаникъ — гречневый хлѣбъ“. [2]) „Коржъ — сухая лепешка изъ пшеничной муки, часто съ саломъ“. [3]) „Паляница — небольшой хлѣбъ, нѣсколько плоскій“. [4]) „Шмакъ — вкусъ“.

— Здравствуй,—сказалъ, остановившись, ткачъ.

— Куда идешь?

— А такъ; иду, куда ноги идутъ.

— Помоги, человѣкъ добрый, мѣшки снесть! Кто-то колядовалъ, да и кинулъ посреди дороги. Добромъ раздѣлимся пополамъ.

— Мѣшки? А съ чѣмъ мѣшки: съ книшами [1]) или паляницами?

— Да, думаю, всего есть.

Тутъ выдернули они наскоро изъ плетня палки, положили на нихъ мѣшокъ и понесли на плечахъ.

— Куда же мы понесемъ его? Въ шинокъ? — спросилъ дорогою ткачъ.

— Оно бы и я такъ думалъ, чтобы въ шинокъ; да вѣдь проклятая жидовка не повѣритъ, подумаетъ еще, что гдѣ-нибудь украли; къ тому же я только что изъ шинка. Мы отнесемъ его въ мою хату. Намъ никто не помѣшаетъ: жинки нѣтъ дома.

— Да точно ли ея нѣтъ дома? — спросилъ осторожный ткачъ.

— Слава Богу, мы не совсѣмъ еще безъ ума, — сказалъ кумъ,— чортъ ли бы принесъ меня туда, гдѣ она. Она, думаю, протаскается съ бабами до свѣта.

— Кто тамъ? — закричала кумова жена, услышавъ шумъ въ сѣняхъ, произведенный приходомъ двухъ пріятелей съ мѣшкомъ, и отворяя дверь хаты.

Кумъ остолбенѣлъ.

— Вотъ тебѣ на! — произнесъ ткачъ, опустя руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, какихъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ и ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и зажиточныхъ старухъ, хвалила и ѣла съ большимъ аппетитомъ и дралась только по утрамъ съ своимъ мужемъ, потому что въ это только время и видѣла его иногда. Хата ихъ была вдвое старѣе шароваровъ волостного писаря; крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была безъ соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякій, выходившій изъ дому, никогда не бралъ палки для собакъ въ надеждѣ, что будетъ проходить мимо кумова огорода и выдернетъ любую изъ его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нѣжная супруга у добрыхъ людей, прятала, какъ можно подалѣе отъ своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если только онъ не успѣвалъ ее пропить въ шинкѣ. Кумъ, несмотря на всегдашнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей и оттого почти всегда уходилъ изъ дому съ фонарями подъ обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась разсказывать старушкамъ о безчинствѣ своего мужа и о претерпѣнныхъ ею отъ него побояхъ.

Теперь можно себѣ представить, какъ были озадачены ткачъ и кумъ такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Опустивши мѣшокъ, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена, хотя и дурно видѣла старыми глазами, однакожъ, мѣшокъ замѣтила.

— Вотъ это хорошо, — сказала она съ такимъ видомъ, въ которомъ замѣтна была радость ястреба. — Это хорошо, что наколядовали столько! Вотъ такъ всегда дѣлаютъ добрые люди: только нѣтъ, я думаю, гдѣ-нибудь подцѣпили. Покажите мнѣ сейчасъ, слышите, покажите сей же часъ мѣшокъ вашъ!

— Лысый чортъ тебѣ покажетъ, а не мы,—сказалъ, пріосанясь, кумъ.

— Тебѣ какое дѣло? — сказалъ ткачъ. — Мы наколядовали, а не ты.

---

[1]) „Книшъ — родъ печенаго бѣлаго хлѣба“.

— Нѣтъ, ты мнѣ покажешь, негодный пьяница!—вскричала жена, ударивъ высокаго кума кулакомъ въ подбородокъ и продираясь къ мѣшку.

Но ткачъ и кумъ мужественно отстояли мѣшокъ и заставили ее попятиться назадъ. Не успѣли они оправиться, какъ супруга выбѣжала въ сѣни уже съ кочергою въ рукахъ. Проворно хватила кочергою мужа по рукамъ, ткача по спинѣ и уже стояла возлѣ мѣшка.

— Что мы допустили ее! — сказалъ ткачъ, очнувшись.

— Э, что мы допустили! А отчего ты допустилъ? — сказалъ хладнокровно кумъ.

— У васъ кочерга, видно, желѣзная! — сказалъ послѣ небольшого молчанія ткачъ, почесывая спину. — Моя жинка купила прошлый годъ на ярмаркѣ кочергу, дала пивкопы [1]): та ничего... не больно...

Между тѣмъ торжествующая супруга, поставивъ на полъ каганецъ, развязала мѣшокъ и заглянула въ него.

Но, вѣрно, старые глаза ея, которые такъ хорошо увидѣли мѣшокъ, на этотъ разъ обманулись.

— Э, да тутъ лежитъ цѣлый кабанъ! — вскрикнула она, всплеснувъ отъ радости въ ладоши.

— Кабанъ! Слышишь: цѣлый кабанъ, — толкалъ ткачъ кума, — а все ты виноватъ!

— Что жъ дѣлать?—произнесъ, пожимая плечами, кумъ.

— Какъ что? Чего мы стоимъ? Отнимемъ мѣшокъ! Ну, приступай!

— Пошла прочь! Пошла! Это нашъ кабанъ!—кричалъ, выступая, ткачъ.

— Ступай, ступай, чортова баба! Это не твое добро! — говорилъ, приближаясь, кумъ.

Супруга припялась снова за кочергу, но Чубъ въ это время вылѣзъ изъ мѣшка и сталъ посреди сѣней, потягиваясь, какъ человѣкъ, только что пробудившійся отъ долгаго сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши объ полы руками, и всѣ невольно разинули рты.

— Что жъ она, дура, говоритъ, кабанъ! Это не кабанъ! — сказалъ кумъ, выпучивъ глаза.

— Вишь, какого человѣка кинуло въ мѣшокъ!—сказалъ ткачъ, пятясь отъ испугу. — Хотъ, что хочешь, говори, хоть тресни, а не обошлось безъ нечистой силы. Вѣдь онъ не пролѣзетъ въ окошко!

— Это кумъ! — вскрикнулъ, вглядѣвшись, кумъ.

— А ты думалъ, кто? — сказалъ Чубъ, усмѣхаясь. — Что, славную я выкинулъ надъ вами штуку? А вы, небось, хотѣли меня съѣсть вмѣсто свинины? Постойте же, я васъ порадую: въ мѣшкѣ лежитъ еще что-то, если не кабанъ, то, навѣрно, поросенокъ или иная живность. Подо мною безпрестанно что-то шевелилось.

Ткачъ и кумъ кинулись къ мѣшку, хозяйка дома уцѣпилась съ противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы самъ дьякъ, увидѣвши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался изъ мѣшка.

Кумова жена, остолбенѣвъ, выпустила изъ рукъ ногу, за которую начала было тянуть дьяка изъ мѣшка.

— Вотъ и другой еще! — вскрикнулъ со страхомъ ткачъ. — Чортъ знаетъ, какъ стало на свѣтѣ... Голова идетъ кругомъ... Не колбасъ и не паляницъ, а людей кидаютъ въ мѣшки!

---

[1]) „Пивкопы — 25 коп.“.

— Это дьякъ! — произнесъ изумившійся болѣе всѣхъ Чубъ. — Вотъ тебѣ на! Ай да Солоха! Посадить въ мѣшокъ... То-то, я гляжу, у нея полная хата мѣшковъ... Теперь я все знаю: у нея въ каждомъ мѣшкѣ сидѣло по два человѣка. А я думалъ, что она только мнѣ одному... Вотъ тебѣ и Солоха!

Дѣвушки немного удивились, не найдя одного мѣшка.

— Нечего дѣлать, будетъ съ насъ и этого, — лепетала Оксана.

Всѣ принялись за мѣшокъ и взвалили его на санки. Голова рѣшился молчать, разсуждая, что если онъ закричитъ, чтобы его выпустили и развязали мѣшокъ, глупыя дѣвчата разбѣгутся: подумаютъ, что въ мѣшкѣ сидитъ дьяволъ, — и онъ останется на улицѣ, можетъ-быть, до завтра.

Дѣвушки между тѣмъ, дружно взявшись за руки, полетѣли, какъ вихорь, съ санками по скрипучему снѣгу. Многія изъ нихъ, шаля, садились на санки; другія взбирались даже на самого голову. Голова рѣшился сносить все.

Наконецъ пріѣхали, отворили настежь двери въ сѣняхъ и хатѣ и съ хохотомъ втащили мѣшокъ.

— Посмотримъ, что-то лежитъ тутъ, — закричали всѣ, бросившись развязывать.

Тутъ икота, которая не переставала мучить голову во все время сидѣнія его въ мѣшкѣ, такъ усилилась, что онъ началъ икать и кашлять во все горло.

— Ахъ, тутъ сидитъ кто-то! — закричали всѣ и въ испугѣ бросились вонъ изъ дверей.

— Что за чортъ! Куда вы мечетесь, какъ угорѣлыя? — сказалъ, входя въ дверь, Чубъ.

— Ай, батько, — произнесла Оксана, — въ мѣшкѣ сидитъ кто-то!

— Въ мѣшкѣ? Гдѣ вы взяли этотъ мѣшокъ?

— Кузнецъ бросилъ его посреди дороги, — сказали всѣ вдругъ.

«Ну, такъ; не говорилъ ли я?..» подумалъ про себя Чубъ.

— Чего же вы испугались? Посмотримъ. А ну-ка, чоловиче, прошу не погнѣвиться, что не называемъ по имени и отчеству,—вылѣзай изъ мѣшка!

Голова вылѣзъ.

— Ахъ! — вскрикнули дѣвушки.

— И голова влѣзъ туда жъ, — говорилъ про себя Чубъ въ недоумѣніи, мѣряя его съ головы до ногъ.—Вишь, какъ!.. Э!..—болѣе онъ ничего не могъ сказать.

Голова самъ былъ не меньше смущенъ и не зналъ, что начать.

— Должно-быть, на дворѣ холодно? — сказалъ онъ, обращаясь къ Чубу.

— Морозецъ есть, — отвѣчалъ Чубъ. — А позволь спросить тебя: чѣмъ ты смазываешь свои сапоги, смальцемъ [1]) или дегтемъ?

Онъ хотѣлъ не то сказать; онъ хотѣлъ спросить: «Какъ ты, голова, залѣзъ въ этотъ мѣшокъ?» но самъ не понималъ, какъ выговорилъ совершенно другое.

— Дегтемъ лучше, — сказалъ голова. — Ну, прощай, Чубъ!

И, нахлобучивъ капелюхи, вышелъ изъ хаты.

— Для чего спросилъ я сдуру, чѣмъ онъ мажетъ сапоги! — произнесъ Чубъ, поглядывая на двери, въ которыя вышелъ голова. — Ай да Солоха! этакаго человѣка засадить въ мѣшокъ!.. Вишь, чортова баба! А я дуракъ... Да гдѣ же тотъ проклятый мѣшокъ?

---

[1]) „Смалецъ — гусиный жиръ“.

— Я кинула его въ уголъ, тамъ больше ничего нѣтъ, — сказала Оксана.

— Знаю я эти штуки, ничего нѣтъ! Подайте его сюда: тамъ еще одинъ сидитъ! Встряхните его хорошенько... Что, нѣтъ? Вишь, проклятая баба! А поглядѣть на нее — какъ святая, какъ будто и скоромнаго никогда не брала въ ротъ!..

Но оставимъ Чуба изливать на досугѣ свою досаду и возвратимся къ кузнецу, потому что уже на дворѣ, вѣрно, есть часъ девятый.

Сначала страшно показалось Вакулѣ, особливо, когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу, и пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ что если бы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однакожъ немного спустя онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ.

Все было свѣтло въ вышинѣ. Воздухъ въ легкомъ серебряномъ туманѣ былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ клубился въ сторонѣ облакомъ цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только что съѣздила, куда нужно, вѣдьма... Много еще дряни встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него и потомъ снова неслось далѣе и продолжало свое; кузнецъ все летѣлъ, и вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ весь въ огнѣ. (Тогда была по какому-то случаю иллюминація.) Чортъ, пролетѣвъ черезъ шлагбаумъ, обратился въ коня, и кузнецъ увидѣлъ себя на лихомъ бѣгунѣ среди улицы.

Боже мой! стукъ, громъ, блескъ; по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъэтажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; снѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, унизанными плошками, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, досягая головою трубъ и крышъ.

Съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ домы устремили на него свои безчисленныя огненныя очи и глядѣли. Господъ въ крытыхъ сукномъ шубахъ онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тутъ панства! — подумалъ кузнецъ.—Я думаю, каждый, кто ни пройдетъ по улицѣ въ шубѣ, то и засѣдатель, то и засѣдатель! А тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ, когда не городничіе, то, вѣрно, комиссары, а, можетъ, еще и больше». Его слова прерваны были вопросомъ чорта:

— Прямо ли ѣхать къ царицѣ?

«Нѣтъ, страшно, — подумалъ кузнецъ. — Тутъ, гдѣ-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проѣзжали осенью чрезъ Диканьку. Они ѣхали изъ Сѣчи съ бумагами къ царицѣ: все бы таки посовѣтоваться съ ними». — Эй, сатана! полѣзай ко мнѣ въ карманъ да веди къ запорожцамъ!

И чортъ въ одну минуту похудѣлъ и сдѣлался такимъ маленькимъ, что безъ труда влѣзъ къ нему въ карманъ. А Вакула не успѣлъ оглянуться, какъ очутился передъ большимъ домомъ, взошелъ, самъ не зная какъ, на лѣстницу, отворилъ дверь и подался немного назадъ отъ блеска, увидѣвши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тѣхъ самыхъ запорожцевъ, которые проѣзжали черезъ Диканьку, а теперь сидѣли на шелковыхъ диванахъ, поджавши

подъ себя намазанные дегтемъ сапоги, и курили самый крѣпкій табакъ, называемый обыкновенно корешками.

— Здравствуйте, панове! Помогай Богъ вамъ! Вотъ гдѣ увидѣлись!—сказалъ кузнецъ, подошедши близко и отвѣсивши поклонъ до земли.

— Что тамъ за человѣкъ?—спросилъ сидѣвшій передъ самымъ кузнецомъ другого, сидѣвшаго подалѣе.

— А вы не познали?— сказалъ кузнецъ. — Это я, Вакула, кузнецъ! Когда проѣзжала осенью черезъ Диканьку, то прогостили, — дай Боже вамъ всякаго здоровья и долголѣтія!—у меня безъ малаго два дня. Я новую шину тогда поставилъ на переднее колесо вашей кибитки!

— А, — сказалъ тотъ же запорожецъ,—это тотъ самый кузнецъ, который малюетъ важно. Здорово, землякъ! Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?

— А такъ, захотѣлось поглядѣть; говорятъ...

— Что жъ, землякъ,— сказалъ, пріосанясь, запорожецъ и желая показать, что онъ можетъ говорить и по-русски,—што, бальшой городъ?

Кузнецъ и себя не хотѣлъ осрамить и показаться новичкомъ, притомъ же, какъ имѣли случай видѣть выше сего, онъ зналъ и самъ грамотный языкъ.

— Губернія знатная, — отвѣчалъ онъ равнодушно, — нечего сказать, домы балшущіе, картины висятъ скрозь важныя. Многіе домы исписаны буквами изъ сусальнаго золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорція.

Запорожцы, услышавши кузнеца, такъ свободно изъясняющагося, вывели заключеніе, очень для него выгодное.

— Послѣ потолкуемъ съ тобою, землякъ, побольше: теперь же ѣдемъ сейчасъ до царицы!

— До царицы? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня съ собою!

— Тебя? — произнесъ запорожецъ съ такимъ видомъ, съ какимъ говоритъ дядька четырехлѣтнему своему воспитаннику, который проситъ посадить его на настоящую, на большую лошадь.—Что ты будешь тамъ дѣлать? Нѣтъ, не можно.— При этомъ на лицѣ его выразилась значительная мина.—Мы, братъ, будемъ съ царицою толковать про свое.

— Возьмите,—настаивалъ кузнецъ. — Проси! — шепнулъ онъ тихо чорту, ударивъ кулакомъ по карману. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ другой запорожецъ проговорилъ:

— Возьмемъ его въ самомъ дѣлѣ, братцы!

— Пожалуй, возьмемъ!—произнесли другіе

— Надѣвай же платье такое, какъ и мы.

Кузнецъ схватился натянуть на себя зеленый жупанъ, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошедшій съ позументами человѣкъ сказалъ, что пора ѣхать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда понесся онъ въ огромной каретѣ, качаясь на рессорахъ, когда съ обѣихъ сторонъ мимо его бѣжали назадъ четырехъэтажные домы, и мостовая, гремя, казалось, сама катилась подъ ноги лошадямъ.

«Боже ты мой, какой свѣтъ! — думалъ про себя кузнецъ. — У насъ днемъ не бываетъ такъ свѣтло».

Кареты остановились передъ дворцомъ. Запорожцы вышли, вступили въ великолѣпныя сѣни и начали подыматься на блистательно освѣщенную лѣстницу.

— Что за лѣстница, — шепталъ про себя кузнецъ,— жаль ногами топтать! Экія украшенія! Вотъ, говорятъ: лгутъ сказки! Кой чортъ, лгутъ! Боже ты мой! Что за перила! Какая работа! Тутъ одного желѣза рублей на пятьдесять пошло!

Уже взобравшись на лѣстницу, запорожцы прошли первую залу. Робко слѣдовалъ за ними кузнецъ, опасаясь на каждомъ шагу поскользнуться на паркетѣ.

Можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя въ горшкѣ, колдунъ; какъ звѣзды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ клубился въ сторонѣ облакомъ цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чортъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ летѣла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только что съѣздила, куда нужно, вѣдьма.

Прошли три залы, кузнецъ все еще не переставалъ удивляться. Вступивши въ четвертую, онъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ.

— Что за картина! Что за чудная живопись!—разсуждалъ онъ.—Вотъ, кажется, говоритъ! Кажется, живая! А Дитя Святое, и ручки прижало и усмѣхается, бѣдное! А краски! Боже ты мой, какія краски! Тутъ вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все ярь [1]) да бакапъ [2]). А голубая такъ и горитъ! Важная работа! Должно-быть, грунтъ наведенъ былъ самымъ дорогимъ блейвасомъ [3]). Сколь, однакожъ, ни удивительно сіе малеваніе, но эта мѣдная ручка,— продолжалъ онъ, подходя къ двери и щупая замокъ, — еще большаго достойна удивленія. Экъ, какая чистая выдѣлка! Это все, я думаю, нѣмецкіе кузнецы за самыя дорогія цѣны дѣлали..

Можетъ-быть, долго еще бы разсуждалъ кузнецъ, если ои лакей съ галунами не толкнулъ его подъ руку и не напомнилъ, чтобы онъ не отставалъ отъ другихъ.

Запорожцы прошли еще двѣ залы и остановились. Тутъ велѣно имъ было дожидаться. Въ залахъ толпилось нѣсколько генераловъ въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Запорожцы поклонились на всѣ стороны и стали въ кучу.

Минуту спустя вошелъ въ сопровожденіи цѣлой свиты, величественнаго роста, довольно плотный человѣкъ въ гетманскомъ мундирѣ, въ желтыхъ сапожкахъ. Волосы на немъ были растрепаны, одинъ глазъ немного кривъ, на лицѣ изображалась какая-то надменная величавость, во всѣхъ движеніяхъ видна была привычка повелѣвать. Всѣ генералы, которые расхаживали довольно спесиво въ золотыхъ мундирахъ, засуетились и съ низкими поклонами, казалось, ловили каждое его слово и даже малѣйшее движеніе, чтобы сейчасъ летѣть выполнять его. Но гетманъ не обратилъ даже и вниманія на все это, едва кивнулъ головою и подошелъ къ запорожцамъ.

Запорожцы всѣ отвѣсили поклонъ въ ноги.

— Всѣ ли вы здѣсь? — спросилъ онъ протяжно, произнося слова немного въ носъ.

— *Та вси, батько!*—отвѣчали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудьте говорить такъ, какъ я васъ училъ!

— Нѣтъ, батько, не позабудемъ.

— Это царь?—спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ.

— Куда тебѣ царь! Это самъ Потемкинъ [4]),—отвѣчалъ тотъ.

Въ другой комнатѣ послышались голоса, и кузнецъ не зналъ, куда дѣть свои глаза отъ множества вошедшихъ дамъ въ атласныхъ платьяхъ, съ длинными хвостами, и придворныхъ въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и съ пучками назади. Онъ только видѣлъ одинъ блескъ и больше ничего.

Запорожцы вдругъ всѣ пали на землю и закричали въ одинъ голосъ:

— Помилуй, мамо! Помилуй!

Кузнецъ, не видя ничего, растянулся и самъ со всѣмъ усердіемъ на полу.

— Встаньте! — прозвучалъ надъ ними повелительный и вмѣстѣ пріятный голосъ.

Нѣкоторые изъ придворныхъ засуетились и толкали запорожцевъ.

— Не встанемъ, мамо! Не встанемъ! Умремъ, а не встанемъ! — кричали запорожцы.

---

[1]) Ярь — зеленая краска. [2]) Бакапъ — багряная краска. [3]) Блейвасъ, или блейвейсъ,—бѣлила. [4]) Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, первый вельможа въ царствованіе императрицы Екатерины II, род. въ 1739, умеръ 1791 г.

Потемкинъ кусалъ себѣ губы; наконецъ подошелъ самъ и повелительно шепнулъ на ухо одному изъ запорожцевъ. Запорожцы поднялись.

Тутъ осмѣлился и кузнецъ поднять голову и увидѣлъ стоявшую передъ собою небольшого роста женщину, нѣсколько даже дородную, напудренную, съ голубыми глазами и вмѣстѣ съ тѣмъ величественно улыбающимся видомъ, который такъ умѣлъ покорять себѣ все и могъ только принадлежать одной царствующей женщинѣ.

— Свѣтлѣйшій обѣщалъ меня познакомить сегодня съ моимъ народомъ, котораго я до сихъ поръ еще не видала, — говорила дама съ голубыми глазами, разсматривая съ любопытствомъ запорожцевъ. — Хорошо ли васъ здѣсь содержатъ?—продолжала она, подходя ближе.

— *Та спасиби, мамо!* Провіянтъ даютъ хорошій, хотя бараны здѣшніе совсѣмъ не то, что у насъ на Запорожьѣ,—почему же не жить какъ-нибудь?..

Потемкинъ поморщился, видя, что запорожцы говорятъ совсѣмъ не то, чему онъ ихъ училъ...

Одинъ изъ запорожцевъ, пріосанясь, выступилъ впередъ:

— Помилуй, мамо! Чѣмъ тебя твой вѣрный народъ прогнѣвилъ? Развѣ держали мы руку поганаго татарина? Развѣ соглашались въ чемъ-либо съ турчиномъ? Развѣ измѣнили тебѣ дѣломъ или помышленіемъ? За что жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь *поворотить въ карабинеры* [1]); теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато запорожское войско? Тѣмъ ли, что перевело твою армію черезъ Перекопъ и помогло твоимъ енераламъ порубать крымцевъ?..

Потемкинъ молчалъ и небрежно чистилъ небольшою щеточкою свои брильянты, которыми были унизаны его руки.

— Чего же хотите вы?—заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

«Теперь пора! Царица спрашиваетъ, чего хотите!» сказалъ самъ себѣ кузнецъ и вдругъ повалился на землю.

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не во гнѣвъ будь сказано вашей царской милости, сдѣланы черевички, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, ни одинъ швецъ ни въ одномъ государствѣ на свѣтѣ не сумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что если бы моя жинка надѣла такіе черевики!

Государыня засмѣялась. Придворные засмѣялись тоже. Потемкинъ и хмурился и улыбался вмѣстѣ. Запорожцы начали толкать подъ руку кузнеца, думая, не съ ума ли онъ сошелъ.

— Встань!—сказала ласково государыня. — Если такъ тебѣ хочется имѣть такіе башмаки, то это нетрудно сдѣлать. Принесите ему сей же часъ башмаки самые дорогіе, съ золотомъ! Право, мнѣ очень нравится это простодушіе! Вотъ вамъ,—продолжала государыня, устремивъ глаза на стоявшаго подалѣе отъ другихъ господина, съ полнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, котораго скромный кафтанъ съ большими перламутровыми пуговицами показывалъ, что онъ не принадлежалъ къ числу придворныхъ, — предметъ, достойный остроумнаго пера вашего [2])!

— Вы, ваше императорское величество, слишкомъ милостивы. Тутъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, Лафонтенъ [3])!—отвѣчалъ, поклонясь, человѣкъ съ перламутровыми пуговицами.

---

[1]) Карабинеры — солдаты, вооруженные карабинами, т.-е. короткими ружьями. [2]) Здѣсь рѣчь идетъ о Фонвизинѣ, извѣстномъ писателѣ екатерининскаго времени, авторѣ комедій „Недоросль“, „Бригадиръ“ и др. [3]) Лафонтенъ—французскій баснописецъ.

— По чести скажу вамъ: я до сихъ поръ безъ памяти отъ вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо читаете! Однакожъ, — продолжала государыня, обращаясь снова къ запорожцамъ, — я слышала, что на Сѣчи у васъ никогда не женятся.

— *Якъ же, мамо!* Вѣдь человѣку, сама знаешь, безъ жинки нельзя жить,—отвѣчалъ тотъ самый запорожецъ, который разговаривалъ съ кузнецомъ, и кузнецъ удивился, слыша, что этотъ запорожецъ, зная такъ хорошо грамотный языкъ, говоритъ съ царицею, какъ будто нарочно, самымъ грубымъ, обыкновенно называемымъ мужицкимъ нарѣчіемъ.

«Хитрый народъ,—подумалъ онъ самъ въ себѣ,—вѣрно, не даромъ онъ это дѣлаетъ!»

— Мы—не черпецы,—продолжалъ запорожецъ,—а люди грѣшные. Падки, какъ и все честное христіанство, до скоромнаго. Есть у насъ не мало такихъ, которые имѣютъ женъ, только не живутъ съ ними на Сѣчи. Есть такіе, что имѣютъ женъ въ Польшѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ въ Украйнѣ; есть такіе, что имѣютъ женъ и въ Турецинѣ.

Въ это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за украшеніе! — вскрикнулъ онъ радостно, ухвативъ башмаки.—Ваше царское величество! Что жъ, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ чаятельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ *ховзяться* [1]), какія жъ должны быть самыя ножки? Думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахара.

Государыня, которая, точно, имѣла самыя стройныя и прелестныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ запорожскомъ платьѣ могъ почесться красавцемъ, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный такимъ благосклоннымъ вниманіемъ кузнецъ уже хотѣлъ было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ одинъ только медъ да сало и тому подобное; но, почувствовавъ, что запорожцы толкаютъ его подъ бока, рѣшился замолчать. И, когда государыня, обратившись къ старикамъ, начала разспрашивать, какъ у нихъ живутъ на Сѣчи, какіе обычаи водятся, онъ, отошедши назадъ, нагнулся къ карману, сказалъ тихо: «Выноси меня отсюда скорѣй!»—и вдругъ очутился за шлагбаумомъ.

— Утопулъ! Ей Богу, утонулъ! Вотъ, чтобы я не сошла съ этого мѣста, если не утонулъ!—лепетала толстая ткачиха, стоя въ кучѣ диканьскихъ бабъ посреди улицы.

— Что жъ, развѣ я лгунья какая? Развѣ я у кого-нибудь корову украла? Развѣ я сглазила кого, что ко мнѣ не имѣютъ вѣры?—кричала баба въ казацкой свиткѣ съ фіолетовымъ носомъ, размахивая руками.—Вотъ, чтобы мнѣ воды не захотѣлось пить, если старая Переперчиха не видѣла собственными глазами, какъ повѣсился кузнецъ!

— Кузнецъ повѣсился? Вотъ тебѣ на!—сказалъ голова, выходившій отъ Чуба, остановился и протѣснился ближе къ разговаривавшимъ.

— Скажи лучше, чтобы тебѣ водки не захотѣлось пить, старая пьяница!—отвѣчала ткачиха.—Нужно быть такой сумасшедшей, какъ ты, чтобы повѣситься! Онъ утонулъ! Утонулъ въ проруби! Это я такъ знаю, какъ то, что ты была сейчасъ у шинкарки.

— Срамница! Вишь, чѣмъ стала попрекать!—гнѣвно возразила баба съ фіолетовымъ носомъ. — Молчала бы, негодница! Развѣ я не знаю, что къ тебѣ дьякъ ходитъ каждый вечеръ.

---

[1]) Т.-е. кататься, скользить.

Ткачиха вспыхнула.

— Что дьякъ? Къ кому дьякъ? Что ты врешь!

— Дьякъ? — пропѣла, тѣснясь къ ссорившимся, дьячиха въ тулупѣ изъ заячьяго мѣха, крытымъ синею китайкой.—Я дамъ знать дьяка! Кто это говоритъ: дьякъ?

— А вотъ къ кому ходитъ дьякъ!—сказала баба съ фіолетовымъ носомъ, указывая на ткачиху.

— Такъ это ты, сука!—сказала дьячиха, подступая къ ткачихѣ.—Такъ это ты, вѣдьма, напускаешь на него туманъ и поишь нечистымъ зельемъ, чтобы ходилъ къ тебѣ?

— Отвяжись отъ меня, сатана!—говорила, пятясь, ткачиха.

— Вишь, проклятая вѣдьма, чтобъ ты не дождалась дѣтей своихъ видѣть! Негодная! Тфу! — Тутъ дьячиха плюнула прямо въ глаза ткачихѣ.

Ткачиха хотѣла сдѣлать то же, но вмѣсто того плюнула въ небритую бороду головѣ, который, чтобы лучше все слышать, подобрался къ самымъ спорившимъ.

— А, скверная баба!—закричалъ голова, обтирая полою лицо и поднявши кнутъ. Это движеніе заставило всѣхъ разойтиться съ ругательствами въ разныя стороны.

— Экая мерзость!—повторялъ голова, продолжая обтираться.—Такъ кузнецъ утонулъ! Боже ты мой! А какой важный живописецъ былъ! Какіе ножи крѣпкіе, серпы, плуги умѣлъ выковывать! Что за сила была! Да,—продолжалъ онъ, задумавшись,—такихъ людей мало у насъ на селѣ. То-то я, еще сидя въ проклятомъ мѣшкѣ, замѣчалъ, что бѣдняжка былъ крѣпко не въ духѣ. Вотъ тебѣ и кузнецъ! Былъ, а теперь и нѣтъ! А я собирался было подковать свою рябую кобылу!..—И, будучи полонъ такихъ христіанскихъ мыслей, голова тихо побрелъ въ свою хату.

Оксана смутилась, когда до нея дошли такія вѣсти. Она мало вѣрила глазамъ Переперчихи и толкамъ бабъ: она знала, что кузнецъ довольно набоженъ, чтобы рѣшиться погубить свою душу. Но что, если онъ въ самомъ дѣлѣ ушелъ съ намѣреніемъ никогда не возвращаться въ село? А врядъ ли и въ другомъ мѣстѣ найдется такой молодецъ, какъ кузнецъ. Онъ же такъ любилъ ее! Онъ долѣе всѣхъ выносилъ ея капризы... Красавица всю ночь подъ своимъ одѣяломъ поворачивалась съ праваго бока на лѣвый, съ лѣваго на правый, и не могла заснуть. То, разметавшись въ обворожительной наготѣ, которую ночной мракъ скрывалъ даже отъ нея самой, она почти вслухъ бранила себя; то, пріутихнувъ, рѣшалась ни объ чемъ ни думать—и все думала. И вся горѣла—и къ утру влюбилась по уши въ кузнеца.

Чубъ не изъявилъ ни радости ни печали объ участи Вакулы. Его мысли заняты были однимъ: онъ никакъ не могъ позабыть вѣроломства Солохи и, сонный, не переставалъ бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до свѣта была полна народа. Пожилыя женщины, въ бѣлыхъ намиткахъ [1]), въ бѣлыхъ суконныхъ свиткахъ, набожно крестились у самаго входа церковнаго. Дворянки въ зеленыхъ и желтыхъ кофтахъ, а иныя даже въ синихъ кунтушахъ съ золотыми назади усами, стояли впереди ихъ. Дѣвчата, у которыхъ на головахъ намотана была цѣлая лавка лентъ, а на шеѣ монистъ, крестовъ и дукатовъ, старались пробраться еще ближе къ иконостасу. Но впереди всѣхъ стояли дворяне и простые мужики съ усами, съ чу-

---

[1]) „Намитка — бѣлое женское покрывало изъ рѣдкаго полотна, съ откидными концами“.

бами, съ толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, всѣ большею частью въ кобенякахъ, изъ-подъ которыхъ выказывалась бѣлая, а у иныхъ и синяя свитка. На всѣхъ лицахъ, куда ни взглянь, виденъ былъ праздникъ. Голова заранѣе облизывался, воображая, какъ онъ разговѣется колбасою; дѣвчата помышляли отъ томъ, какъ онѣ будутъ *ковзяться* съ хлопцами на льду; старухи усерднѣе, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, какъ казакъ Свербыгузъ клалъ поклоны. Одна только Оксана стояла какъ будто не своя: молилась и не молилась. На сердцѣ у нея столпилось столько разныхъ чувствъ, одно другого досаднѣе, одно другого печальнѣе, что лицо ея выражало одно только сильное смущеніе; слезы дрожали въ глазахъ. Дѣвчата не могли понять этому причины и не подозрѣвали, чтобы виною былъ кузнецъ. Однакожъ не одна Оксана была занята кузнецомъ. Всѣ міряне замѣтили, что праздникъ какъ будто не праздникъ, что какъ будто все чего-то недостаетъ. Какъ на бѣду, дьякъ послѣ путешествія въ мѣшкѣ охрипъ и дребезжалъ едва слышнымъ голосомъ; правда, пріѣзжій пѣвчій славно бралъ басомъ, но куда бы лучше было, если бы и кузнецъ былъ, который всегда, бывало, какъ только пѣли «Отче нашъ» или «Иже херувимы», всходилъ на клиросъ и выводилъ оттуда тѣмъ же самымъ напѣвомъ, коимъ поютъ и въ Полтавѣ. Къ тому же онъ одинъ исправлялъ должность церковнаго титаря [1]). Уже отошла заутреня; послѣ заутрени отошла обѣдня... Куда жъ это въ самомъ дѣлѣ запропастился кузнецъ?

Еще быстрѣе въ остальное время ночи несся чортъ съ кузнецомъ назадъ, и мигомъ очутился Вакула около своей хаты. Въ это время пропѣлъ пѣтухъ.

— Куда?—закричалъ кузнецъ, ухватя за хвостъ хотѣвшаго убѣжать чорта.— Постой, пріятель, еще не все: я еще не поблагодарилъ тебя.

Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только что выпоролъ засѣдатель. Итакъ, вмѣсто того, чтобы провесть, соблазнить и одурачить другихъ, врагъ человѣческаго рода былъ самъ одураченъ.

Послѣ сего Вакула вошелъ въ сѣни, зарылся въ сѣно и проспалъ до обѣда. Проснувшись, онъ испугался, когда увидѣлъ, что солнце уже высоко: «Я проспалъ заутреню и обѣдню!»

Тутъ благочестивый кузнецъ погрузился въ уныніе, разсуждая, что это, вѣрно, Богъ нарочно, въ наказаніе за грѣшное его намѣреніе погубить свою душу, наслалъ сонъ, который не далъ даже ему побывать въ такой торжественный праздникъ въ церкви. Но, однакожъ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ слѣдующую недѣлю исповѣдается въ этомъ попу и съ нынѣшняго же дня начнетъ бить по по пятидесяти поклоновъ цѣлый годъ, заглянулъ онъ въ хату; но въ ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась.

Бережно вынулъ онъ изъ-за пазухи башмаки и снова изумился дорогой работѣ и чудному происшествію минувшей ночи; умылся, одѣлся, какъ можно лучше, надѣлъ то самое платье, которое досталъ отъ запорожцевъ, вынулъ изъ сундука новую шапку рѣшетиловскихъ смушекъ съ синимъ верхомъ, которой не надѣвалъ еще ни разу съ того времени, какъ купилъ ее еще въ бытность въ Полтавѣ; вынулъ также новый всѣхъ цвѣтовъ поясъ; положилъ все это вмѣстѣ съ нагайкой въ платокъ и отправился прямо къ Чубу.

Чубъ выпучилъ глаза, когда вошелъ къ нему кузнецъ, и не зналъ, чему дивиться: тому ли, что кузнецъ воскресъ, тому ли, что кузнецъ смѣлъ къ нему прійти, или тому, что онъ нарядился такимъ щеголемъ и запорожцемъ. Но еще

---

[1]) Титарь (вмѣсто ктиторъ)—церковный староста.

— Помилуй, батько! Не гнѣвись! Вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ. Отдаюсь самъ, во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только.

больше изумился онъ, когда Вакула развязалъ платокъ и положилъ передъ нимъ новехонькую шапку и поясъ, какого не видно было на селѣ, и самъ повалился ему въ ноги и проговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Помилуй, батько! Не гнѣвись! Вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ. Отдаюсь самъ, во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только. Ты жъ когда-то братался съ покойнымъ батькомъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли и могарычъ пили.

Чубъ не безъ тайнаго удовольствія видѣлъ, какъ кузнецъ, который никому на селѣ въ усъ не дулъ, сгибалъ въ рукѣ пятаки и подковы, какъ гречневые блины, тотъ самый кузнецъ лежалъ теперь у ногъ его. Чтобъ еще больше не уронить себя, Чубъ взялъ нагайку и ударилъ ею три раза по спинѣ.

— Ну, будетъ съ тебя, вставай! Старыхъ людей всегда слушай! Забудемъ все, что было межъ нами. Ну, теперь говори, чего тебѣ хочется?

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чубъ немного подумалъ, поглядѣлъ на шапку и поясъ: шапка была чудная, поясъ также не уступалъ ей; вспомнилъ о вѣроломной Солохѣ и сказалъ рѣшительно:

— *Добре*, присылай сватовъ!

— Ай!—вскрикнула Оксана, переступая черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостью въ него очи.

— Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевики,—сказалъ Вакула,—тѣ самые, которые носитъ царица!

— Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ не нужно черевиковъ!—говорила она, махая руками и не сводя съ него очей.—Я и безъ черевиковъ...—Далѣе она не договорила и покраснѣла

Кузнецъ подошелъ ближе, взялъ ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она такъ чудно хороша.

Восхищенный кузнецъ тихо поцѣловалъ ее, и лицо ея пуще загорѣлось, и она стала еще лучше.

Проѣзжалъ черезъ Диканьку блаженной памяти архіерей, хвалилъ мѣсто, на которомъ стоитъ село, и, проѣзжая по улицѣ, остановился передъ новою хатою.

— А чья это такая размалеванная хата?—спросилъ преосвященный у стоявшей близъ дверей красивой женщины съ дитятей на рукахъ.

— Кузнеца Вакулы!—сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

— Славно! Славная работа!—сказалъ преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна всѣ были обведены кругомъ красною краскою; на дверяхъ же вездѣ были казаки на лошадяхъ, съ трубками въ зубахъ.

Но еще больше похвалилъ преосвященный Вакулу, когда узналъ, что онъ выдержалъ церковное покаяніе и выкрасилъ даромъ весь лѣвый клиросъ зеленою краскою съ красными цвѣтами.

Это, однакожъ, не все. На стѣнѣ съ боку, какъ войдешь въ церковь, намалевалъ Вакула чорта въ аду, такого гадкаго, что всѣ плевали, когда проходили мимо; а бабы, какъ только расплакивалось у нихъ на рукахъ дитя, подносили его къ картинѣ и говорили: *Онъ бачъ* [1]), *яка кака намалевана!* И дитя, удерживая слезинки, косилось на картину и жалось къ груди своей матери.

---

[1]) Бачъ—погляди.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

I.

Шумитъ, гремитъ конецъ Кіева: есаулъ [1]) Горобець празднуетъ свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ есаулу въ гости. Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться. Пріѣхалъ на гнѣдомъ конѣ своемъ и запорожецъ Микитка прямо съ разгульной попойки, съ Перешляя-поля, гдѣ поилъ онъ семь дней и семь ночей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ. Пріѣхалъ и названный братъ есаула Данило Бурульбашъ съ другого берега Днѣпра, гдѣ промежъ двумя горами былъ его хуторъ, съ молодою женою Катериною и съ годовымъ сыномъ. Дивились гости бѣлому лицу пани Катерины, чернымъ, какъ нѣмецкій бархатъ, бровямъ, нарядной сукнѣ [2]) и исподницѣ изъ голубого полутабенеку [3]), сапогамъ съ серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ. Всего только годъ жилъ онъ на Заднѣпровьѣ, а двадцать одинъ пропадалъ безъ вѣсти и воротился къ дочкѣ своей, когда та уже вышла замужъ и родила сына. Онъ, вѣрно, много наразсказалъ бы дивнаго. Да какъ не разсказать, бывши такъ долго въ чужой землѣ! Тамъ все не такъ: люди не тѣ, и церквей Христовыхъ нѣтъ... Но онъ не пріѣхалъ.

Гостямъ поднесли варенуху съ изюмомъ и сливами и на немаломъ блюдѣ коровай. Музыканты принялись за исподку его, испеченную вмѣстѣ съ деньгами

---

[1]) Есаулъ—старшій офицеръ въ казачьемъ полку. [2]) „Сукня—одежда женщинъ изъ сукна“. [3]) „Полутабенекъ—старинная шелковая матерія“.

и, на время притихнувъ, положили возлѣ себя цымбалы, скрипки и бубны. Между тѣмъ молодицы и дѣвчата, утершись шитыми платками, выступали снова изъ рядовъ своихъ, а парубки, схватившись въ боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись имъ навстрѣчу, какъ старый есаулъ выпесъ двѣ иконы благословить молодыхъ. Тѣ иконы достались ему отъ честного схимника, старца Варѳоломея. Не богата на нихъ утварь, не горитъ ни серебро ни золото, но никакая нечистая сила не посмѣетъ прикоснуться къ тому, у кого онѣ въ домѣ. Приподнявъ иконы вверхъ, есаулъ готовился сказать краткую молитву... Какъ вдругъ закричали, перепугавшись, игравшія на землѣ дѣти, а вслѣдъ за ними попятился народъ, и всѣ показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди ихъ казака. Кто онъ таковъ, никто не зналъ. Но уже онъ протанцовалъ на славу казачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его толпу. Когда же есаулъ поднялъ иконы, вдругъ все лицо казака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ—запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ казакъ—старикъ

— Это онъ! Это онъ! — кричали въ толпѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу.

— Колдунъ показался снова! — кричали матери, хватая за руки дѣтей своихъ.

Величаво и сановито выступилъ впередъ есаулъ и сказалъ громкимъ голосомъ, выставивъ противъ него иконы:

— Пропади, образъ сатаны! Тутъ тебѣ нѣтъ мѣста!

И, зашипѣвъ и щелкнувъ, какъ волкъ, зубами, пропалъ чудный старикъ.

Пошли, пошли и зашумѣли, какъ море въ непогоду, толки и рѣчи между народомъ.

— Что это за колдунъ?—спрашивали молодые и небывалые люди.

— Бѣда будетъ!—говорили старые, качая головами.

И вездѣ, по всему широкому подворью есаула, стали собираться въ кучки и слушать исторіи про чуднаго колдуна. Но всѣ почти говорили разно, и навѣрно никто не могъ разсказать про него. На дворъ выкатили бочку меду и не мало поставили ведеръ грецкаго вина. Все повеселѣло снова. Музыканты грянули,—дѣвчата, молодицы, лихое казачество въ яркихъ жупанахъ понеслись. Девяностолѣтнее и столѣтнее старье, подгулявъ, пустилось и себѣ приплясывать, поминая не даромъ пропавшіе годы. Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело во-свояси: много осталось ночевать у есаула на широкомъ дворѣ, а еще больше казачества заснуло само, непрошенное, подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ хлѣва: гдѣ пошатнулась съ хмеля казацкая голова, тамъ и лежитъ и храпитъ на весь Кіевъ.

II.

Тихо свѣтитъ по всему міру: то мѣсяцъ показался изъ-за горы. Будто дамаскою дорогою и бѣлою, какъ снѣгъ, кисеею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чащу сосенъ.

Посреди Днѣпра плылъ дубъ [1]). Сидятъ впереди два хлопца: черныя казацкія шапки набекрень, и подъ веслами, какъ будто отъ огнива огонь, летятъ брызги во всѣ стороны. Отчего не поютъ казаки? Не говорятъ ни о томъ, какъ уже ходятъ по Украйнѣ ксендзы [2]) и перекрещиваютъ казацкій народъ въ ка-

---

1) Дубъ—челнъ. 2) Ксендзъ—католическій священникъ.

толиковъ, ни о томъ, какъ два дня билась при зеленомъ озерѣ орда?[1]) Какъ имъ пѣть, какъ говорить про лихія дѣла? Панъ ихъ Данило призадумался, и рукавъ его кармазиннаго[2]) жупана опустился изъ дуба и черпаетъ воду; пани ихъ Катерина тихо колышетъ дитя и не сводитъ съ него очей, а на незастланную полотномъ нарядную сукню сѣрою пылью валится вода.

Любо глянуть съ средины Днѣпра на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ—не горы: подошвы у нихъ нѣтъ, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина, и подъ ними и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, — не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣсного дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга—не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій посрединѣ круглое небо; и въ верхней половинѣ и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяцъ.

Не глядитъ панъ Данило по сторонамъ, глядитъ онъ на молодую жену свою.

— Что, моя молодая жена, моя золотая Катерина, вдалася въ печаль?

— Я не въ печаль вдалася, панъ мой Данило! Меня устрашили чудные разсказы про колдуна. Говорятъ, что онъ родился такимъ страшнымъ... и никто изъ дѣтей сызмала не хотѣлъ играть съ нимъ. Слушай, панъ Данило, какъ страшно говорятъ: что будто ему все чудилось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Встрѣтится ли подъ темный вечеръ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, и ему тотчасъ покажется, что онъ открываетъ ротъ и скалитъ зубы. И на другой день находили мертвымъ того человѣка. Мнѣ чудно, мнѣ страшно было, когда я слушала эти разсказы, — говорила Катерина, вынимая платокъ и вытирая имъ лицо спавшаго на рукахъ дитяти.

На платкѣ были вышиты ею краснымъ шелкомъ листья и ягоды.

Панъ Данило—ни слова, и сталъ поглядывать на темную сторону, гдѣ далеко изъ-за лѣса чернѣлъ земляной валъ; изъ-за вала подымался старый замокъ. Надъ бровями вдругъ вырѣзались три морщины; лѣвая рука гладила молодецкіе усы.

— Не такъ еще страшно, что колдунъ,—говорилъ онъ,—какъ страшно то, что онъ — недобрый гость. Что ему за блажь пришла притащиться сюда? Я слышалъ, что хотятъ ляхи строить какую-то крѣпость, чтобы перерѣзать намъ дорогу къ запорожцамъ. Пусть это правда... Я размечу чертовское гнѣздо, если только пронесется слухъ, что у него есть какой-нибудь притонъ. Я сожгу стараго колдуна, такъ что и воронамъ нечего будетъ расклевать. Однакожъ, думаю, онъ не безъ золота и всякаго добра. Вотъ гдѣ живетъ этотъ дьяволъ! Если у него водится золото... Мы сейчасъ будемъ плыть мимо крестовъ,—это кладбище. Тутъ гніютъ его нечистые дѣды. Говорятъ, они всѣ готовы были себя продать за денежку сатанѣ и съ душою и съ ободранными жупанами. Если жъ у него, точно, есть золото, то мѣшкать нечего теперь: не всегда на войнѣ можно добыть...

— Знаю, что затѣваешь ты; не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго встрѣча съ нимъ. Но ты такъ тяжело дышишь, такъ сурово глядишь, брови твои такъ угрюмо надвинулись на очи.

— Молчи, баба, — съ сердцемъ сказалъ Данило, — съ вами кто свяжется, самъ станетъ бабой. Хлопецъ, дай мнѣ огня въ люльку!

Тутъ оборотился онъ къ одному изъ гребцовъ, который, выколотивши изъ своей люльки горячую золу, сталъ перекладывать ее въ люльку своего пана.

---

[1]) Т.-е. крымскіе татары, часто дѣлавшіе набѣги на Малороссію. [2]) Кармазинный—изъ ярко-алаго сукна.

— Пугастъ меня колдуномъ! — продолжалъ панъ Данило. — Казакъ, слава Богу, ни чертей ни ксендзовъ не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ. Не такъ ли, хлопцы? Наша жена—люлька да острая сабля!

Катерина замолчала, потупивши очи въ сонную воду, а вѣтеръ дергалъ воду рябью, и весь Днѣпръ серебрился, какъ волчья шерсть среди ночи.

Дубъ повернулъ и сталъ держаться лѣсистаго берега. На берегу виднѣлось кладбище: ветхіе кресты толпились въ кучу. Ни калина не растетъ между ними, ни трава не зеленѣетъ, только мѣсяцъ грѣетъ ихъ съ небесной вышины.

— Слышите ли, хлопцы, крики? Кто-то зоветъ насъ на помощь!—сказалъ панъ Данило, оборотясь къ гребцамъ своимъ.

— Мы слышимъ крики и, кажется, съ той стороны,—разомъ сказали хлопцы, указывая на кладбище.

Но все стихло. Лодка поворотила и стала огибать выдавшійся берегъ. Вдругъ гребцы опустили весла и недвижно уставили очи. Остановился и панъ Данило: страхъ и холодъ прорѣзался въ казацкія жилы.

Крестъ на могилѣ зашатался, и тихо поднялся изъ нея высохшій мертвецъ Борода до пояса; на пальцахъ когти длинные, еще длиннѣе самыхъ пальцевъ. Тихо поднялъ онъ руки вверхъ. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпѣлъ онъ.

— Душно мнѣ! Душно!—простоналъ онъ дикимъ, нечеловѣчьимъ голосомъ. Голосъ его, будто ножъ, царапалъ сердце, и мертвецъ вдругъ ушелъ подъ землю. Зашатался другой крестъ, и опять вышелъ мертвецъ, еще страшнѣе, еще выше прежняго: весь заросъ, борода по колѣна, и еще длиннѣе костяные когти. Еще диче закричалъ онъ: «Душно мнѣ!»—и ушелъ подъ землю.

Пошатнулся третій крестъ, поднялся третій мертвецъ. Казалось, однѣ только кости поднялись высоко надъ землею. Борода по самыя пяты; пальцы съ длинными когтями вонзились въ землю. Страшно протянулъ онъ руки вверхъ, какъ будто хотѣлъ достать мѣсяцъ, и закричалъ такъ, какъ будто кто-нибудь сталъ пилить его желтыя кости...

Дитя, спавшее на рукахъ у Катерины, вскрикнуло и пробудилось; сама пани вскрикнула; гребцы пороняли шапки въ Днѣпръ; самъ панъ вздрогнулъ.

Все вдругъ пропало, какъ будто не бывало; однакожъ долго хлопцы не брались за весла. Заботливо поглядѣлъ Бурульбашъ на молодую жену, которая въ испугѣ качала на рукахъ кричавшее дитя, прижалъ ее къ сердцу и поцѣловалъ въ лобъ.

— Не пугайся, Катерина! Гляди: ничего нѣтъ! — говорилъ онъ, указывая по сторонамъ.—Это колдунъ хочетъ устрашить людей, чтобы никто не добрался до нечистаго гнѣзда его. Бабъ только однѣхъ онъ напугаетъ этимъ! Дай сюда на руки мнѣ сына!

При семъ словѣ поднялъ панъ Данило своего сына вверхъ и поднесъ къ губамъ.

— Что, Иванъ, ты не боишься колдуновъ? — Нѣтъ, говори: тятя, я — казакъ! — Полно же, перестань плакать! Домой пріѣдемъ! Пріѣдемъ домой — мать накормитъ кашею, положитъ тебя спать въ люльку, запоетъ:

Люли, люли, люли!
Люли, сынку, люли!
Да вырастай, вырастай въ забаву!
Казачеству на славу,
Ворожепькамъ въ расправу!

— Слушай, Катерина, мнѣ кажется, что отецъ твой не хочетъ жить въ ладу съ нами. Пріѣхалъ угрюмый, суровый, какъ будто сердится... Ну, недоволенъ—зачѣмъ и пріѣзжать? Не хотѣлъ и вышить за казацкую волю! Не пока-

чалъ на рукахъ дитяти! Сперва было я ему хотѣлъ повѣрить все, что лежитъ на сердцѣ, да не беретъ что-то, и рѣчь заикнулась. Нѣтъ, у него не казацкое сердце! Казацкія сердца, когда встрѣтятся гдѣ, какъ не выбьются изъ груди другъ другу навстрѣчу? Что, мои любые хлопцы, скоро берегъ? Ну, шапки я вамъ дамъ новыя. Тебѣ, Стецько, дамъ выложенную бархатомъ съ золотомъ. Я ее снялъ вмѣстѣ съ головою у татарина; весь его снарядъ достался мнѣ; одну только его душу я выпустилъ на волю. Ну, причаливай! Вотъ, Иванъ, мы и пріѣхали, а ты все плачешь! Возьми его, Катерина!

Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломенная кровля: то дѣдовскія хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ, хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного казака.

III.

Хуторъ пана Данила между двумя горами, въ узкой долинѣ, сбѣгающей къ Днѣпру. Не высокія у него хоромы; хата на видъ, какъ и у простыхъ казаковъ, и въ ней одна свѣтлица; но есть гдѣ помѣститься тамъ и ему, и женѣ его, и старой прислужницѣ, и десяти отборнымъ молодцамъ. Вокругъ стѣнъ вверху идутъ дубовыя полки. Густо на нихъ стоятъ миски, горшки для трапезы. Есть межъ ними и кубки серебряные и чарки, оправленныя въ золото, дарственныя и добытыя на войнѣ. Ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, копья; волею и неволею перешли они отъ татаръ, турокъ и ляховъ; не мало зато и вызубрены. Глядя на нихъ, панъ Данило, какъ будто по значкамъ, припоминалъ свои схватки. Подъ стѣною внизу—дубовыя гладко вытесанныя лавки; возлѣ нихъ, передъ лежанкою, виситъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо, привинченная къ потолку люлька. Во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило; на лежанкѣ—старая прислужница; въ люлькѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу покотомъ ночуютъ молодцы. Но казаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина нужна: онъ моститъ себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ. Ему весело, проснувшись среди ночи, взглянуть на высокое засѣянное звѣздами небо и вздрогнуть отъ ночного холода, принесшаго свѣжесть казацкимъ косточкамъ; потягиваясь и бормоча сквозь сонъ, закуриваетъ онъ люльку и закутывается крѣпче въ теплый кожухъ.

Не рано проснулся Урульбашъ послѣ вчерашняго веселья и, проснувшись, сѣлъ въ углу на лавкѣ и началъ натачивать новую вымѣненную имъ турецкую саблю, а пани Катерина принялась вышивать золотомъ шелковый ручникъ [1]).

Вдругъ вошелъ Катерининъ отецъ, разсерженъ, нахмуренъ, съ заморскою люлькою въ зубахъ, приступилъ къ дочкѣ и сурово сталъ выспрашивать ее, что за причина тому, что такъ поздно воротилась она домой.

— Про эти дѣла, тесть, не ее, а меня спрашивать! Не жена, а мужъ отвѣчаетъ. У насъ ужъ такъ водится, не погнѣвайся, — говорилъ Данило, не оставляя своего дѣла, — можетъ, въ иныхъ, невѣрныхъ, земляхъ этого не бываетъ,—я не знаю.

Краска выступила на суровомъ лицѣ тестя, и очи дико блеснули.

— Кому же, какъ не отцу, смотрѣть за своею дочкой! — бормоталъ онъ про себя.—Ну, я тебя спрашиваю: гдѣ таскался до поздней ночи?

— А, вотъ это дѣло, дорогой тесть! На это я тебѣ скажу, что я давно уже вышелъ изъ тѣхъ, которыхъ бабы пелснаютъ. Знаю, какъ сидѣть на конѣ,

---

[1]) „Ручникъ—утиральникъ“.

умѣю держать въ рукахъ и саблю острую, еще кое-что умѣю... Умѣю никому и отвѣта не давать въ томъ, что дѣлаю.

— Я вижу, Данило, я знаю, ты желаешь ссоры! Кто скрывается, у того, вѣрно, на умѣ недоброе дѣло.

— Думай себѣ, что хочешь, — сказалъ Данило, — думаю и я себѣ. Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ, всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну, не такъ, какъ иные бродяги: таскаются, Богъ знаетъ гдѣ, когда православные бьются насмерть, а послѣ нагрянутъ убирать не ими засѣянное жито. На уніатовъ [1]) даже не похожи: не заглянутъ въ Божію церковь. Такихъ бы нужно допросить порядкомъ, гдѣ они таскаются.

— Э, казакъ! Знаешь ли ты... Я плохо стрѣляю: всего за сто саженъ пуля моя пронизываетъ сердце; я и рублюсь незавидно: отъ человѣка остаются куски мельче крупъ, изъ которыхъ варятъ кашу.

— Я готовъ,—сказалъ панъ Данило, бойко перекрестивши воздухъ саблею, какъ будто зналъ, на что ее выточилъ.

— Данило!— закричала громко Катерина, ухвативши его за руку и повиснувъ на ней.—Вспомни, безумный, погляди, на кого ты подымаешь руку! Батько, твои волосы бѣлы, какъ снѣгъ, а ты разгорѣлся, какъ неразумный хлопецъ!

— Жена!—крикнулъ грозно панъ Данило.—Ты знаешь, я не люблю этого; вѣдай свое бабье дѣло!

Сабли страшно звукнули; желѣзо рубило желѣзо, и искрами, будто пылью, обсыпали себя казаки. Съ плачемъ ушла Катерина въ особую свѣтлицу, кинулась въ постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельныхъ ударовъ. Но не такъ худо бились казаки, чтобы можно было заглушить ихъ удары. Сердце ея хотѣло разорваться на части; по всему тѣлу, слышала она, какъ проходили звуки: тукъ-тукъ.

— Нѣтъ, не вытерплю, не вытерплю... Можетъ, уже алая кровь бьетъ ключомъ изъ бѣлаго тѣла; можетъ, теперь изнемогаетъ мой милый, а я лежу здѣсь!

И вся блѣдная, едва переводя духъ, вошла въ хату

Ровно и страшно бились казаки: ни тотъ ни другой не одолѣваетъ. Вотъ наступаетъ Катерининъ отецъ—подается панъ Данило: наступаетъ панъ Данило—подается суровый отецъ, и опять наравнѣ. Кипятъ. Размахнулись... ухъ! Сабли звенятъ... и, гремя, отлетѣли въ сторону клинки.

— Благодарю Тебя, Боже! — сказала Катерина и вскрикнула снова, когда увидѣла, что казаки взялись за мушкеты. Поправили кремни, взвели курки.

Выстрѣлилъ панъ Данило—не попалъ. Нацѣлился отецъ... Онъ старъ, онъ видитъ не такъ зорко, какъ молодой, однакожъ, не дрожитъ его рука. Выстрѣлъ загремѣлъ... Пошатнулся панъ Данило; алая кровь выкрасила лѣвый рукавъ казацкаго жупана.

— Нѣтъ!— закричалъ онъ.— Я не продамъ такъ дешево себя. Не лѣвая рука, а правая — атаманъ. Виситъ у меня на стѣнѣ турецкій пистолетъ: еще ни разу во всю жизнь не измѣнялъ онъ мнѣ. Слѣзай со стѣны, старый товарищъ! Покажи другу услугу!

Данило протянулъ руку.

— Данило! — закричала, въ отчаяніи схватившись его за руки и бросившись ему въ ноги, Катерина.—Не за себя молю. Мнѣ одинъ конецъ: та недостойная жена, которая живетъ послѣ своего мужа; Днѣпръ, холодный Днѣпръ, будетъ

---

[1]) Уніаты—полукатолики, полуправославные.

мнѣ могилою... Но погляди на сына, Данило! Погляди на сына! Кто пригрѣетъ бѣдное дитя? Кто приголубитъ его? Кто выучитъ его летать на ворономъ конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по-казацки? Пропадай, сынъ мой! Пропадай! Тебя не хочетъ знать отецъ твой! Гляди, какъ онъ отворачиваетъ лицо свое. О, я теперь знаю тебя! Ты звѣрь, а не человѣкъ! У тебя волчье сердце, а дума лукавой гадины! Я думала, что у тебя есть капля жалости, что въ твоемъ каменномъ тѣлѣ человѣчье чувство горитъ. Безумно же я обманулась. Тебѣ это радость принесетъ. Твои кости станутъ танцовать въ гробѣ съ веселья, когда услышатъ, какъ нечестивые звѣри-ляхи кинутъ въ пламя твоего сына, когда сынъ твой будетъ кричать подъ ножами и окропомъ [1]). О, я знаю тебя! Ты радъ бы изъ гроба встать и раздувать шапкою огонь, взвихрившійся подъ нимъ!

— Постой, Катерина! Ступай, мой ненаглядный Иванъ, я поцѣлую тебя! Нѣтъ, дитя мое, никто не тронетъ волоска твоего. Ты вырастешь на славу отчизны; какъ вихорь, будешь ты летать передъ казаками съ бархатною шапочкою на головѣ, съ острою саблею въ рукѣ. Дай, отецъ, руку! Забудемъ бывшее между нами! Что сдѣлалъ передъ тобою неправаго, — винюсь. Что же ты не даешь руки?—говорилъ Данило отцу Катерины, который стоялъ на одномъ мѣстѣ, не выражая на лицѣ своемъ ни гнѣва ни примиренія.

— Отецъ!—вскричала Катерина, обнявъ и поцѣловавъ его. — Не будь неумолимъ, прости Данила: онъ не огорчитъ больше тебя!

— Для тебя только, моя дочь, прощаю! — отвѣчалъ онъ, поцѣловавъ ее и блеснувъ страшно очами.

Катерина немного вздрогнула: чуденъ показался ей и поцѣлуй и страшный блескъ очей. Она облокотилась на столъ, на которомъ перевязывалъ раненую свою руку панъ Данило, передумывая, что худо и не по-казацки сдѣлалъ онъ, прося прощенія, когда не былъ ни въ чемъ виноватъ.

IV.

Блеснулъ день, но не солнечный: небо хмурилось, и тонкій дождь сѣялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и неспокойна:

— Мужъ мой милый, мужъ дорогой, чудный мнѣ сонъ снился!

— Какой сонъ, моя любая пани Катерина?

— Снилось мнѣ—чудно право, и такъ живо, будто наяву — снилось мнѣ, что отецъ мой есть тотъ самый уродъ, котораго мы видѣли у есаула. Но, прошу тебя, не вѣрь сну: какихъ глупостей не привидится! Будто я стояла передъ нимъ, дрожала вся, боялась, и отъ каждаго слова его стонали мои жилы. Если бъ ты слышалъ, что онъ говорилъ...

— Что же онъ говорилъ, моя золотая Катерина?

— Говорилъ: «Ты посмотри на меня, Катерина, я хорошъ! Люди напрасно говорятъ, что я дуренъ. Я буду тебѣ славнымъ мужемъ. Посмотри, какъ я поглядываю очами!»— Тутъ навелъ онъ на меня огненныя очи, я вскрикнула и пробудилась.

— Да, сны много говорятъ правды. Однакожъ знаешь ли ты, что за горою не такъ спокойно! Чуть ли не ляхи стали выглядывать снова. Мнѣ Горобецъ прислалъ сказать, чтобы я не спалъ; напрасно только онъ заботится: я и безъ того не сплю. Хлопцы мои въ эту ночь срубили двѣнадцать засѣковъ. Послѣ-

---

[1]) Окропъ—кипятокъ.

литство [1]) будемъ угощать свинцовыми сливами, а плихтичи потанцуютъ и отъ батоговъ.

— А отецъ знаетъ объ этомъ?

— Сидитъ у меня на шеѣ твой отецъ! Я до сихъ поръ разгадать его не могу. Много, вѣрно, онъ грѣховъ надѣлалъ въ чужой землѣ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, за причина: живетъ около мѣсяца, и хоть бы разъ развеселился, какъ добрый казакъ! Не захотѣлъ выпить меду! Слышишь, Катерина: не захотѣлъ меду выпить, который я вытрусилъ [2]) у брестовскихъ жидовъ... Эй, хлопецъ!—крикнулъ панъ Данило. — Бѣги, малый, въ погребъ да принеси жидовскаго меду!.. Горѣлки даже не пьетъ! Экая пропасть! Мнѣ кажется, пани Катерина, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ. А? Какъ тебѣ кажется?

— Богъ знаетъ, что говоришь ты, панъ Данило!

— Чудно, пани! — продолжалъ Данило, принимая глиняную кружку отъ казака.—Поганые католики даже падки до водки; одни только турки не пьютъ. Что, Стецько, много хлебнулъ меду въ подвалѣ?

— Попробовалъ только, панъ.

— Лжешь, собачій сынъ! Вишь, какъ мухи напали на усы! Я по глазамъ вижу, что хватилъ съ полведра. Эхъ, казаки! Что за лихой народъ! Все отдать готовъ товарищу, а хмельное высушитъ самъ. Я, пани Катерина, что-то давно уже былъ пьянъ. А?

— Вотъ давно! А въ прошедшій...

— Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вотъ и турецкій игуменъ лѣзетъ въ дверь! — проговорилъ онъ сквозь зубы, увидя тестя, нагнувшагося, чтобы войти въ дверь.

— А что жъ это, моя дочь, — сказалъ отецъ, снимая съ головы шапку и поправляя поясъ, на которомъ висѣла сабля съ чудными каменьями, — солнце уже высоко, а у тебя обѣдъ не готовъ?

— Готовъ обѣдъ, панъ отецъ, сейчасъ поставимъ. Вынимай горшокъ съ галушками!—сказала пани Катерина старой прислужницѣ, обтиравшей деревянную посуду.—Постой, лучше я сама выну,— продолжала Катерина,— а ты позови хлопцевъ.

Всѣ сѣли на полу въ кружокъ: противъ покута — панъ отецъ, по лѣвую руку—панъ Данило, по правую руку—пани Катерина и десять наивѣрнѣйшихъ молодцовъ въ синихъ и желтыхъ жупанахъ.

— Не люблю я этихъ галушекъ,—сказалъ панъ отецъ, немного поѣвши и положивши ложку:—никакого вкуса нѣтъ.

«Знаю, что тебѣ лучше жидовская лапша!» подумалъ про себя Данило.

— Отчего же, тесть, — продолжалъ онъ вслухъ,— ты говоришь, что вкуса нѣтъ въ галушкахъ? Худо сдѣланы, что ли? Моя Катерина такъ дѣлаетъ галушки, что и гетману рѣдко достается ѣсть такія. А брезгать ими нечего,— это христіанское кушанье! Всѣ святые люди и угодники Божіи ѣдали галушки.

Ни слова отецъ; замолчалъ и панъ Данило.

Подали жаренаго кабана съ капустой и сливками.

— Я не люблю свинины!— сказалъ Катерининъ отецъ, выгребая ложкою капусту.

— Для чего же не любить свинины? — сказалъ Данило.— Одни турки и жиды не ѣдятъ свинины.

Еще суровѣе нахмурился отецъ.

---

[1]) Посполитство—простой народъ. [2]) Вытрусить—вытрясти, отнять.

Только одну лемишку [1]) съ молокомъ и ѣлъ старый отецъ и потянулъ, вмѣсто водки, изъ фляжки, бывшей у него за пазухой, какую-то черную воду.

Пообѣдавши, заснулъ Данило молодецкимъ сномъ и проснулся только около вечера. Сѣлъ и сталъ писать листы въ казацкое войско; а пани Катерина начала качать ногою люльку, сидя на лежанкѣ. Сидитъ панъ Данило, глядитъ лѣвымъ глазомъ на писаніе, а правымъ — въ окошко. А изъ окошка далеко блестятъ горы и Днѣпръ; за Днѣпромъ синѣютъ лѣса; мелькаетъ сверху прояснившееся ночное небо. Но не далекимъ небомъ и не синимъ лѣсомъ любуется панъ Данило: глядитъ онъ на выдающійся мысъ, на которомъ чернѣлъ старый замокъ. Ему почудилось, будто блеснуло въ замкѣ огнемъ узенькое окошко. Но все тихо; это, вѣрно, показалось ему. Слышно только, какъ глухо шумитъ внизу Днѣпръ, и съ трехъ сторонъ одинъ за другимъ отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ; онъ, какъ старикъ, ворчитъ и ропщетъ; ему все не мило; все перемѣнилось около него; тихо враждуетъ онъ съ прибрежными горами, лѣсами, лугами и несетъ на нихъ жалобу въ Черное море.

Вотъ по широкому Днѣпру зачернѣла лодка, и въ замкѣ снова какъ будто блеснуло что-то. Потихоньку свистнулъ Данило, и выбѣжалъ на свистъ вѣрный хлопецъ.

— Бери, Стецько, съ собою скорѣе острую саблю да винтовку, да ступай за мною!

— Ты идешь?—спросила пани Катерина.

— Иду, жена. Нужно осмотрѣть всѣ мѣста, все ли въ порядкѣ.

— Мнѣ, однакожъ, страшно оставаться одной. Меня сонъ такъ и клонитъ; что, если мнѣ приснится то же самое? Я даже не увѣрена, точно ли то сонъ былъ,—такъ это происходило живо.

— Съ тобою старуха остается; а въ сѣняхъ и на дворѣ спятъ казаки.

— Старуха спитъ уже, а казакамъ что-то не вѣрится. Слушай, панъ Данило: замкни меня въ комнатѣ, а ключъ возьми съ собою. Мнѣ тогда не такъ будетъ страшно; а казаки пусть лягутъ передъ дверями.

— Пусть будетъ такъ!—сказалъ Данило, стирая пыль съ винтовки и насыпая на полку порохъ.

Вѣрный Стецько уже стоялъ одѣтый во всей казацкой сбруѣ. Данило надѣлъ смушевую шапку, закрылъ окошко, задвинулъ засовами дверь, замкнулъ и промежъ спавшими своими казаками вышелъ потихоньку изъ двора въ горы.

Небо почти все прочистилось. Свѣжій вѣтеръ чуть-чуть навѣвалъ съ Днѣпра. Если бы не слышно было издали стенанія чайки, то все бы казалося онѣмѣвшимъ. Но вотъ почудился шорохъ... Бурульбашъ съ вѣрнымъ слугою тихо спрятался за терновникъ, прикрывавшій срубленный засѣкъ. Кто-то въ красномъ жупанѣ, съ двумя пистолетами, съ саблею при боку, спускался съ горы.

— Это тесть!—проговорилъ панъ Данило, разглядывая его изъ-за куста.— Зачѣмъ и куда ему итти въ эту пору? Стецько, не зѣвай, смотри въ оба глаза, куда возьметъ дорогу панъ отецъ.

Человѣкъ въ красномъ жупанѣ сошелъ на самый берегъ и поворотилъ къ выдавшемуся мысу.

— А! Вотъ куда! — сказалъ панъ Данило. — Что, Стецько, вѣдь онъ какъ разъ потащился къ колдуну въ дупло?

— Да, вѣрно, не въ другое мѣсто, панъ Данило! иначе мы видѣли бы его на другой сторонѣ; но онъ пропалъ около замка.

---

[1]) Лемишка—саламата.

— Постой же, вылѣземъ, а потомъ пойдемъ по слѣдамъ. Тутъ что-нибудь да кроется. Нѣтъ, Катерина, я говорилъ тебѣ, что отецъ твой — недобрый человѣкъ; не такъ онъ и дѣлалъ все, какъ православный.

Уже мелькнули панъ Данило и его вѣрный хлопецъ на выдавшемся берегу. Вотъ уже ихъ и не видно; непробудный лѣсъ, окружавшій замокъ, спряталъ ихъ. Верхнее окошко тихо засвѣтилось; внизу стоятъ казаки и думаютъ, какъ бы влѣзть имъ: ни воротъ ни дверей не видно; со двора, вѣрно, есть ходъ; но какъ войти туда? Издали слышно, какъ гремятъ цѣпи и бѣгаютъ собаки.

— Что я думаю долго?—сказалъ панъ Данило, увидя передъ окномъ высокій дубъ.—Стой тутъ, малый! Я полѣзу на дубъ,—съ него прямо можно глядѣть въ окошко.

Тутъ снялъ онъ съ себя поясъ, бросилъ внизъ саблю, чтобъ не звенѣла, и, ухватясь за вѣтви, поднялся вверхъ. Окошко все еще свѣтилось. Присѣвши на сукъ возлѣ самаго окна, уцѣпился онъ рукою за дерево и глядитъ: въ комнатѣ и свѣчи нѣтъ, а свѣтитъ. По стѣнамъ чудные знаки; виситъ оружіе, но все странное: такого не носятъ ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христіане, ни славный народъ шведскій. Подъ потолкомъ взадъ и впередъ мелькаютъ нетопыри, и тѣнь отъ нихъ мелькаетъ по стѣнамъ, по дверямъ, по помосту. Вотъ отворилась безъ скрипа дверь. Входитъ кто-то въ красномъ жупанѣ и прямо къ столу, накрытому бѣлой скатертью. «Это онъ! Это тесть!» Панъ Данило опустился немного ниже и прижался крѣпче къ дереву.

Но тестю некогда глядѣть, смотритъ ли кто въ окошко, или нѣтъ. Онъ пришелъ пасмуренъ, не въ духѣ, сдернулъ со стола скатерть, — и вдругъ по всей комнатѣ тихо разлился прозрачно-голубой свѣтъ; только несмѣшавшіяся волны прежняго, блѣдно-золотого, переливались, ныряли словно въ голубомъ морѣ и тянулись слоями будто на мраморѣ. Тутъ поставилъ онъ на столъ горшокъ и началъ кидать въ него какія-то травы.

Панъ Данило сталъ вглядываться и не замѣтилъ уже на немъ краснаго жупана; вмѣсто того показались на немъ широкія шаровары, какія носятъ турки; за поясомъ пистолеты; на головѣ какая-то чудная шапка, исписанная вся не русской и не польской грамотою. Глянулъ въ лицо,—и лицо стало перемѣняться: носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами; ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта, нагнулся на сторону, — и сталъ передъ нимъ тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у есаула. «Правдивъ сонъ твой, Катерина!» подумалъ Бурульбашъ.

Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстрѣе перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже, и совсѣмъ какъ будто потухъ. И свѣтлица освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось съ тихимъ звономъ разливался чудный свѣтъ по всѣмъ угламъ и вдругъ пропалъ, и настала тьма. Слышался только шумъ, будто вѣтеръ въ тихій часъ вечера наигрывалъ, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже въ воду серебряныя ивы. И чудится пану Данилѣ, что въ свѣтлицѣ блеститъ мѣсяцъ, ходятъ звѣзды, неясно мелькаетъ темно-синее небо, и холодъ ночного воздуха пахнулъ даже ему въ лицо. И чудится пану Данилѣ (тутъ онъ сталъ щупать себя за усы, не спитъ ли), что уже не небо въ свѣтлицѣ, а его собственная опочивальня: висятъ на стѣнѣ его татарскія и турецкія сабли; около стѣнъ — полки; на полкахъ — домашняя посуда и утварь; на столѣ — хлѣбъ и соль; виситъ люлька... Но вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица; на лежанкѣ... Но сгустившійся туманъ покрылъ все, и стало опять темно. И опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ. и опять стоитъ колдунъ неподвижно въ чудной

И чудится пану Данилѣ, что облако то—не облако, что то стоитъ женщина; только изъ чего она, изъ воздуха, что ли, выткана?

чалмѣ своей. Звуки стали сильнѣе и гуще; тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ будто облако, вѣяло посреди хаты. И чудится пану Данилѣ, что облако то — не облако, что то стоитъ женщина; только изъ чего она, изъ воздуха, что ли, выткана? Отчего же она стоитъ, и земли не трогаетъ, не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ, и мелькаютъ на стѣнѣ знаки? Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачной головою своей: тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы вьются и падаютъ по плечамъ ея, будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь бѣло-прозрачное утреннее небо льется едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ... Ахъ! Это Катерина! Тутъ почувствовалъ Данило, что члены у него оковались; онъ силился говорить, но губы шевелились безъ звука.

Неподвижно стоялъ колдунъ на своемъ мѣстѣ.

— Гдѣ ты была? — спросилъ онъ, и стоявшая предъ нимъ затрепетала.

— О! зачѣмъ ты меня вызвалъ? — тихо простонала она. — Мнѣ было такъ радостно. Я была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родилась и прожила пятнадцать лѣтъ. О, какъ хорошо тамъ! Какъ зеленъ и душистъ тотъ лугъ, гдѣ я играла въ дѣтствѣ! И полевые цвѣточки тѣ же, и хата наша, и огородъ! О, какъ обняла меня добрая мать моя! Какая любовь у ней въ очахъ! Она приголубливала меня, цѣловала въ уста и щеки, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу... Отецъ — тутъ она вперила въ колдуна блѣдныя очи, — зачѣмъ ты зарѣзалъ мать мою?

Грозно колдунъ погрозилъ пальцемъ.

— Развѣ я тебя просилъ говорить про это? — И воздушная красавица задрожала. — Гдѣ теперь пани твоя?

— Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Мнѣ давно хотѣлось увидѣть мать. Мнѣ вдругъ сдѣлалось пятнадцать лѣтъ; я вся стала легка, какъ птица. Зачѣмъ ты меня вызвалъ?

— Ты помнишь все то, что я говорилъ тебѣ вчера? — спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разслушать

— Помню, помню! Но чего бы не дала я, чтобы только забыть это! Бѣдная Катерина! Она многаго не знаетъ изъ того, что знаетъ душа ея!

«Это Катеринина душа», подумалъ панъ Данило, но все еще не смѣлъ пошевелиться.

— Покайся, отецъ! Не страшно ли, что послѣ каждаго убійства твоего мертвецы поднимаются изъ могилъ?

— Ты опять за старое!—грозно прервалъ колдунъ.—Я поставлю на своемъ, я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина полюбитъ меня!

— О, ты чудовище, а не отецъ мой! — простонала она. — Нѣтъ, не будетъ по-твоему! Правда, ты взялъ нечистыми чарами твоими власть вызывать душу и мучить ее, но одинъ только Богъ можетъ заставлять ее дѣлать то, что Ему угодно. Нѣтъ, никогда Катерина, доколѣ я буду держаться въ ея тѣлѣ, не рѣшится на богопротивное дѣло. Отецъ, близокъ страшный судъ! Если бъ ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не заставилъ меня измѣнить моему любому, вѣрному мужу. Если бы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣренъ и милъ, и тогда бы не измѣнила ему, потому что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ душъ

Тутъ вперила она блѣдныя очи свои въ окошко, подъ которымъ сидѣлъ панъ Данило, и неподвижно остановилась.

— Куда ты глядишь? Кого ты тамъ видишь? — закричалъ колдунъ.

Воздушная Катерина задрожала. Но уже панъ Данило былъ давно на землѣ и пробирался съ своимъ вѣрнымъ Стецькомъ въ свои горы.

— Страшно, страшно! — говорилъ онъ про себя, почувствовавъ какую-то робость въ казацкомъ сердцѣ, и скоро прошелъ дворъ свой, на которомъ такъ же крѣпко спали казаки, кромѣ одного, сидѣвшаго насторожѣ и курившаго люльку. Небо все было засѣяно звѣздами.

V.

— Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что разбудилъ меня! — говорила Катерина, протирая очи шитымъ рукавомъ своей сорочки и разглядывая съ ногъ до головы стоявшаго передъ нею мужа. — Какой страшный сонъ мнѣ видѣлся! Какъ тяжело дышала грудь моя! Ухъ!.. Мнѣ казалось, что я умираю...

— Какой же сонъ? Ужъ не этотъ ли? — И сталъ Урульбашъ разсказывать женѣ своей все имъ видѣнное.

— Ты какъ это узналъ, мой мужъ? — спросила, изумившись, Катерина. — Но нѣтъ, многое мнѣ неизвѣстно изъ того, что ты разсказываешь. Нѣтъ, мнѣ не снилось, чтобы отецъ убилъ мать мою; ни мертвецовъ, ничего не видѣлось мнѣ. Нѣтъ, Данило, ты не такъ разсказываешь. Ахъ, какъ страшенъ отецъ мой!

— И не диво, что тебѣ многое не видилось. Ты не знаешь и десятой доли того, что знаетъ душа. Знаешь ли, что отецъ твой — антихристъ? Еще въ прошломъ году, когда собирался я вмѣстѣ съ ляхами на крымцевъ (тогда еще я держалъ руку этого невѣрнаго народа), мнѣ говорилъ игуменъ Братскаго монастыря (онъ, жена, святой человѣкъ), что антихристъ имѣетъ власть вызывать душу каждаго человѣка; а душа гуляетъ по своей волѣ, когда заснетъ онъ, и летаетъ вмѣстѣ съ архангелами около Божіей свѣтлицы. Мнѣ съ перваго раза не показалось лицо твоего отца. Если бы я зналъ, что у тебя такой отецъ, я бы не женился на тебѣ; я бы кинулъ тебя и не принялъ бы на душу грѣха, породнившись съ антихристовымъ племенемъ.

— Данило, — сказала Катерина, закрывъ лицо руками и рыдая,—я ли виновна въ чемъ предъ тобою? Я ли измѣнила тебѣ, мой любый мужъ? Чѣмъ же навела на себя гнѣвъ твой? Невѣрно развѣ служила тебѣ? Сказала ли противное слово, когда ты ворочался навеселѣ съ молодецкой пирушки? Тебѣ ли не родила черноброваго сына?

— Не плачь, Катерина! Я тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грѣхи всѣ лежатъ на отцѣ твоемъ.

— Нѣтъ, не называй его отцомъ моимъ! Онъ — не отецъ мнѣ. Богъ свидѣтель, я отрекаюсь отъ него, отрекаюсь отъ отца! Онъ — антихристъ, богоотступникъ! Пропадай онъ, тони онъ,—не подамъ руки спасти его; сохни онъ отъ тайной травы,— не подамъ воды напиться ему. Ты у меня — отецъ мой.

VI.

Въ глубокомъ подвалѣ у пана Данила за тремя замками сидитъ колдунъ, закованный въ желѣзныя цѣпи; а подалѣ, надъ Днѣпромъ, горитъ бѣсовскій его замокъ, и алыя, какъ кровь, волны хлебещутъ и толпятся вокругъ старинныхъ стѣнъ. Не за колдовство и не за богопротивныя дѣла сидитъ въ глубокомъ подвалѣ колдунъ,—имъ судія Богъ; сидитъ онъ за тайное предательство, за сговоры съ врагами православной русской земли — продать католикамъ украинскій народъ и выжечь христіанскія церкви. Угрюмъ колдунъ; дума черная, какъ ночь, у него въ головѣ; всего только одинъ день остается жить ему, а завтра пора распрощаться съ міромъ: завтра ждетъ его казнь. Не совсѣмъ легкая казнь его ждетъ: это еще милость, когда сварятъ его живого въ котлѣ или сдерутъ съ него грѣшную кожу. Угрюмъ колдунъ, поникнулъ головою. Можетъ-быть, онъ уже и кается передъ смертнымъ часомъ, только не такіе грѣхи его, чтобы Богъ простилъ ему. Вверху передъ нимъ узкое окно, переплетенное желѣзными палками. Гремя цѣпями, поднялся онъ къ окну поглядѣть, не пройдетъ ли его дочь. Она кротка, непамятозлобна, какъ голубка: не умилосердится ли надъ отцомъ?.. Но никого нѣтъ. Внизу бѣжитъ дорога; по ней никто не пройдетъ. Пониже ея гуляетъ Днѣпръ; ему ни до кого нѣтъ дѣла: онъ бушуетъ, и уныло слышатъ колоднику однозвучный шумъ его.

Вотъ кто-то показался по дорогѣ, — это казакъ! И тяжело вздохнулъ узникъ. Опять все пусто. Вотъ кто-то вдали спускается... развѣвается зеленый кун-

тушъ [1])... горитъ на головѣ золотой корабликъ [2]). Это она! Еще ближе приникнулъ онъ къ окну. Вотъ уже подходитъ близко...

— Катерина! Дочь! Умилосердись, подай милостыню!..

Она нѣма, она не хочетъ слушать, она и глазъ не наведетъ на тюрьму, и уже прошла, уже и скрылась. Пусто во всемъ мірѣ; унывно шумитъ Днѣпръ; грусть залегаетъ въ сердце; но вѣдаетъ ли эту грусть колдунъ?

День клонится къ вечеру. Уже солнце сѣло; уже и нѣтъ его. Уже и вечеръ; свѣжо; гдѣ-то мычитъ волъ; откуда-то навѣваются звуки; вѣрно, гдѣ-нибудь народъ идетъ съ работы и всеселится; по Днѣпру мелькаетъ лодка... Кому нужда до колодника? Блеснулъ на небѣ серебряный серпъ; вотъ кто-то идетъ съ противной стороны по дорогѣ; трудно разглядѣть въ темнотѣ... Это возвращается Катерина.

— Дочь! Христа-ради! И свирѣпые волчанята не станутъ рвать свою мать,— дочь, хотя взгляни на преступнаго отца своего!

Она не слушаетъ и идетъ.

— Дочь, ради несчастной матери?..

Она остановилась.

— Приди принять послѣднее мое слово.

— Зачѣмъ ты зовешь меня, богоотступникъ? Не называй меня дочерью! Между нами нѣтъ никакого родства. Чего ты хочешь отъ меня ради несчастной моей матери?

— Катерина, мнѣ близокъ конецъ; я знаю, меня твой мужъ хочетъ привязать къ кобыльему хвосту и пустить по полю, а, можетъ, еще и страшнѣйшую выдумаетъ казнь...

— Да развѣ есть на свѣтѣ казнь, равная твоимъ грѣхамъ? Жди ее; никто не станетъ просить за тебя.

— Катерина, меня не казнь страшитъ, но муки на томъ свѣтѣ... Ты невинна, Катерина: душа твоя будетъ летать въ раю около Бога, а душа богоотступнаго отца твоего будетъ горѣть въ огнѣ вѣчномъ, и никогда не угаснетъ тотъ огонь: все сильнѣе и сильнѣе будетъ онъ разгораться; ни капли росы никто не уронитъ, ни вѣтеръ не пахнетъ...

— Этой казни я не властна умалить,—сказала Катерина, отвернувшись.

— Катерина, постой на одно слово: ты можешь спасти мою душу. Ты не знаешь еще, какъ добръ и милосердъ Богъ. Слышала ли ты про апостола Павла; какой былъ онъ грѣшный человѣкъ? Но послѣ покаялся — и сталъ святымъ.

— Что я могу сдѣлать, чтобы спасти твою душу? — сказала Катерина.— Мнѣ ли, слабой женщинѣ, объ этомъ подумать?

— Если бы мнѣ удалось отсюда выйти, я бы все кинулъ. Покаюсь, пойду въ пещеры, надѣну на тѣло жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу. Не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ! Не постелю одежды, когда стану спать! И все буду молиться, все молиться! И, когда не сниметъ съ меня милосердіе Божіе хотя сотой доли грѣховъ, закопаюсь по шею въ землю или замуруюсь въ каменную стѣну; не возьму ни пищи ни питія и умру; а все добро свое отдамъ чернецамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду.

Задумалась Катерина.

— Хотя я отопру, но мнѣ не расковать твоихъ цѣпей.

---

[1]) „Кунтушъ — верхнее старинное платье“. [2]) „Корабликъ — старинный головной уборъ“.

— Я не боюсь цѣпей,—началъ онъ,—ты говорилъ, что онѣ заковали мои руки и ноги? Нѣтъ, я напустилъ имъ въ глаза туманъ, и вмѣсто руки протянулось сухое дерево. Вотъ я, гляди: на мнѣ нѣтъ теперь ни одной цѣпи!—сказалъ онъ, выходя на средину.—Я бы и стѣнъ этихъ не побоялся и прошелъ бы сквозь нихъ; но мужъ твой и не знаетъ, какія это стѣны: ихъ строилъ святой схимникъ, и никакая нечистая сила не можетъ отсюда вывесть колодника, не отомкнувъ тѣмъ самымъ ключомъ, которымъ замыкалъ святой свою келью. Такую самую келью вырою и я себѣ, неслыханный грѣшникъ, когда выйду на волю.

— Слушай: я выпущу тебя; но если ты меня обманешь,—сказала Катерина, остановившись передъ дверью,—и вмѣсто того, чтобы покаяться, станешь опять братомъ чорту?

— Нѣтъ, Катерина, мнѣ уже недолго остается жить; близокъ и безъ казни мой конецъ. Неужели ты думаешь, что я предамъ самъ себя на вѣчную муку?

Замки загремѣли.

— Прощай! Храни тебя Богъ милосердый, дитя мое!—сказалъ колдунъ, поцѣловавъ ее.

— Не прикасайся ко мнѣ, неслыханный грѣшникъ! Уходи скорѣе!—говорила Катерина.

Но его уже не было.

— Я выпустила его,—сказала она, испугавшись и дико осматривая стѣны.—Что я стану теперь отвѣчать мужу? Я пропала! Мнѣ живой теперь остается зарыться въ могилу!—И, зарыдавъ, почти упала она на пень, на которомъ сидѣлъ колодникъ. — Но я спасла душу, — сказала она тихо,—я сдѣлала богоугодное дѣло. Но мужъ мой... я въ первый разъ обманула его. О, какъ страшно, какъ трудно будетъ мнѣ передъ нимъ говорить неправду! Кто-то идетъ! Это онъ! Мужъ!—вскрикнула она отчаянно и безъ чувствъ упала на землю.

VII.

— Это я, моя родная дочь! Это я, мое серденько: — услышала Катерина, очнувшись, и увидѣла передъ собою старую прислужницу. Баба, наклонившись, казалось, что-то шептала и, протянувъ надъ нею изсохшую руку свою, опрыскивала ее холодною водою.

— Гдѣ я? — говорила Катерина, подымаясь и оглядываясь. — Передо мною шумитъ Днѣпръ, за мною—горы... Куда завела меня ты, баба?

— Я тебя не завела, а вывела, вынесла на рукахъ моихъ изъ душнаго подвала; замкнула ключикомъ дверь, чтобы тебѣ не досталось чего отъ пана Данила.

— Гдѣ же ключъ?—сказала Катерина, поглядывая на свой поясъ. — Я его не вижу.

— Его отвязалъ мужъ твой, поглядѣть на колдуна, дитя мое.

— Поглядѣть?.. Баба, я пропала!—вскрикнула Катерина.

— Пусть Богъ милуетъ насъ отъ этого, дитя мое! Молчи только, моя паняночка, никто ничего не узнаетъ!

— Онъ убѣжалъ, проклятый антихристъ! Ты слышала, Катерина: онъ убѣжалъ! — сказалъ панъ Данило, приступая къ женѣ своей. Очи метали огонь; сабля, звеня, тряслась при боку его.

Помертвѣла жена.

— Его выпустилъ кто-нибудь, мой любый мужъ?— проговорила она дрожа.

— Выпустилъ, правда твоя; но выпустилъ чортъ. Погляди: вмѣсто него бревно заковано въ желѣзо. Сдѣлалъ же Богъ такъ, что чортъ не боится ка-

зачьихъ лапъ! Если бы только думу объ этомъ держалъ въ головѣ хоть одинъ изъ моихъ казаковъ, и я бы узналъ... я бы и казни ему не нашелъ!

— А если бы я?..—невольно вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.

— Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мнѣ была. Я бы тебя зашилъ тогда въ мѣшокъ и утопилъ бы на самой срединѣ Днѣпра!

Духъ занялся у Катерины, и ей чудилось, что волосы стали отдѣляться на головѣ ея.

VIII.

На пограничной дорогѣ, въ корчмѣ, собрались ляхи и пируютъ уже два дня. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись, вѣрно, на какой-нибудь наѣздъ: у иныхъ и мушкеты есть; чокаются шпоры; брякаютъ сабли. Паны веселятся и хвастаютъ, говорятъ про небывалыя дѣла свои, насмѣхаются надъ православьемъ, зовутъ народъ украинскій своими холопьями и важно крутятъ усы и важно, задравши головы, разваливаются на лавкахъ. Съ ними и ксендзъ вмѣстѣ; только и ксендзъ у нихъ на ихъ же стать: и съ виду даже не похожъ на христіанскаго попа; пьетъ и гуляетъ съ ними и говоритъ нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи. Ни въ чемъ не уступаетъ имъ и челядь: позакидали назадъ рукава оборванныхъ жупановъ своихъ и ходятъ козыремъ, какъ будто бы что путное. Играютъ въ карты, бьютъ картами одинъ другого по посамъ; набрали съ собою чужихъ женъ; крикъ, драка!.. Паны бѣснуются и отпускаютъ штуки: хватаютъ за бороду жида, малюютъ ему на нечестивомъ лбу крестъ; стрѣляютъ въ бабъ холостыми зарядами и танцуютъ краковякъ съ нечестивымъ попомъ своимъ. Не бывало такого соблазна на русской землѣ и отъ татаръ; видно, уже ей Богъ опредѣлилъ за грѣхи терпѣть такое посрамленіе! Слышно между общимъ содомомъ, что говорятъ про заднѣпровскій хуторъ пана Данила, про красавицу жену его... Не на доброе дѣло собралась эта шайка!

IX.

Сидитъ панъ Данило за столомъ въ своей свѣтлицѣ, подпершись локтемъ, и думаетъ. Сидитъ на лежанкѣ пани Катерина и поетъ пѣсню.

— Что-то грустно мнѣ, жена моя, — сказалъ панъ Данило, — и голова болитъ у меня, и сердце болитъ. Какъ-то тяжело мнѣ. Видно, гдѣ-то недалеко уже ходитъ смерть моя.

«О, мой ненаглядный мужъ, приникни ко мнѣ головою своею! Зачѣмъ ты приголубливаешь къ себѣ такія черныя думы?» подумала Катерина, да не посмѣла сказать. Горько ей было, повинной головѣ, принимать мужнія ласки.

— Слушай, жена моя,—сказалъ Данило, — не оставляй сына, когда меня не будетъ. Не будетъ тебѣ отъ Бога счастія, если ты кинешь его, ни въ томъ ни въ этомъ свѣтѣ. Тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ, а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей!

— Что говоришь ты, мужъ мой? Не ты ли издѣвался надъ нами, слабыми женами? А теперь самъ говоришь, какъ слабая жена. Тебѣ еще долго нужно жить.

— Нѣтъ, Катерина, чуетъ душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свѣтѣ; времена лихія приходятъ. Охъ, помню, помню я годы; имъ, вѣрно, не воротиться! Онъ былъ еще живъ, честь и слава нашего войска—старый Конашевичъ! [1]) Какъ будто передъ очами моими проходятъ теперь казацкіе полки!

---

[1]) Петръ *Конашевичъ* Сагайдачный—украинскій гетманъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Это было золотое время, Катерина! Старый гетманъ сидѣлъ на ворономъ конѣ; блестѣла въ рукѣ булава; вокругъ сердюки [1]); по сторонамъ шевелилось красное море запорожцевъ. Началъ говорить гетманъ, — и все стало какъ вкопанное. Заплакалъ старичина, какъ зачалъ вспоминать намъ прежнія дѣла и сѣчи. Эхъ, если бъ ты знала, Катерина, какъ рѣзались мы тогда съ турками! На головѣ моей виденъ и донынѣ рубецъ. Четыре пули пролетѣло въ четырехъ мѣстахъ сквозь меня, и ни одна изъ ранъ не зажила совсѣмъ. Сколько мы тогда набрали золота! Дорогіе каменья шапками черпали казаки. Какихъ коней, Катерина,—если бъ ты знала, какихъ коней! — мы тогда угнали! Охъ, не воевать уже мнѣ такъ! Кажется, и не старъ и тѣломъ бодръ, а мечъ казацкій вываливается изъ рукъ; живу безъ дѣла, и самъ не знаю, для чего живу. Порядку нѣтъ въ Украйнѣ: полковники и есаулы грызутся, какъ собаки, между собою; нѣтъ старшей головы надъ всѣми. Шляхетство наше все перемѣнило на польскій обычай, переняло лукавство... продало душу, принявши унію. Жидовство угнетаетъ бѣдный народъ. О время, время, минувшее время! Куда подѣвались вы, лѣта мои? Ступай, малый, въ подвалъ, принеси мнѣ кухоль [2]) меду. Вышью за прежнюю долю и за давніе годы.

— Чѣмъ будемъ принимать гостей, панъ? Съ луговой стороны идутъ ляхи!— сказалъ, вошедши въ хату, Стецько.

— Знаю, зачѣмъ идутъ они, — вымолвилъ Данило, подымаясь съ мѣста.— Сѣдлайте, мои вѣрные слуги, коней! Надѣвайте сбрую! Сабли наголо! Не забудьте набрать и свинцоваго толокна: съ честью нужно встрѣтить гостей!

Но еще не успѣли казаки сѣсть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, будто упавшій осенью съ дерева на землю листъ, усѣяли собою гору.

— Э, да тутъ есть съ кѣмъ перевѣдаться!—сказалъ Данило, поглядывая на толстыхъ пановъ, важно качавшихся впереди на коняхъ въ золотой сбруѣ.— Видно, еще разъ доведется намъ погулять на славу! Натѣшься же, казацкая душа, въ послѣдній разъ! Гуляйте, хлопцы: пришелъ нашъ праздникъ!

И пошла по горамъ потѣха, и запировалъ пиръ: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топочутъ кони. Отъ крика безумѣетъ голова; отъ дыму слѣпнутъ очи. Все перемѣшалось; но казакъ чуетъ, гдѣ другъ, гдѣ недругъ; прошумитъ ли пуля,—валится лихой сѣдокъ съ коня; свистнетъ сабля,— катится по землѣ голова, бормоча языкомъ несвязныя рѣчи.

Но виденъ въ толпѣ красный верхъ казацкой шапки пана Данила; мечется въ глаза золотой поясъ на синемъ жупанѣ; вихремъ вьется грива вороного коня. Какъ птица мелькаетъ онъ тамъ и тамъ; покрикиваетъ и машетъ дамасской саблей и рубитъ съ праваго и лѣваго плеча. Руби, казакъ! Гуляй, казакъ! Тѣшь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотыя сбруи и жупаны; топчи подъ ноги золото и каменья. Коли, казакъ! Гуляй, казакъ! Но оглянись назадъ: нечестивые ляхи зажигаютъ уже хаты и угоняютъ напуганный скотъ. И, какъ вихорь, поворотилъ панъ Данило назадъ, и шапка съ краснымъ верхомъ мелькаетъ уже возлѣ хатъ, и рѣдѣетъ вокругъ его толпа.

Не часъ—не другой бьются ляхи и казаки; немного становится тѣхъ и другихъ; но не устаетъ панъ Данило: сбиваетъ съ сѣдла длиннымъ копьемъ своимъ, топчетъ лихимъ конемъ пѣшихъ. Уже очищается дворъ, уже начали разбѣгаться ляхи; уже обдираютъ казаки съ убитыхъ золотые жупаны и богатую сбрую; уже панъ Данило сбирается въ погоню и взглянулъ, чтобы созвать своихъ... и весь закипѣлъ отъ ярости: ему показался Катерининъ отецъ. Вотъ онъ стоитъ на горѣ и цѣлитъ въ него мушкетомъ. Данило погналъ коня прямо

---

1) Сердюки—малороссійская наемная пѣхота. 2) „Кухоль—кружка“.

къ нему... Казакъ, на гибель идешь!.. Мушкетъ гремитъ,—и колдунъ пропалъ за горою. Только вѣрный Стецько видѣлъ, какъ мелькнула красная одежда и чудная шапка. Зашатался казакъ и свалился на землю. Кинулся вѣрный Стецько къ своему пану: лежитъ панъ его, протянувшись на землѣ и закрывши ясныя очи; алая кровь закипѣла на груди. Но, видно, почуялъ вѣрнаго слугу своего; тихо приподнялъ вѣки, блеснулъ очами:

— Прощай, Стецько! Скажи Катеринѣ, чтобы не покидала сына! Не покидайте и вы его, мои вѣрные слуги!..—и затихъ.

Вылетѣла казацкая душа изъ дворянскаго тѣла; посинѣли уста; спитъ казакъ непробудно.

Зарыдалъ вѣрный слуга и машетъ рукою Катеринѣ:

— Ступай, пани, ступай: подгулялъ твой панъ; лежитъ онъ пьяпехонекъ на сырой землѣ; долго не протрезвиться ему!

Всплеснула руками Катерина и повалилась, какъ снопъ, на мертвое тѣло.

— Мужъ мой, ты ли лежишь тутъ, закрывши очи? Встань, мой ненаглядный соколъ, протяни ручку свою, приподымись! Погляди хоть разъ на твою Катерину, пошевели устами, вымолви хоть одно словечко... Но ты молчишь, ты молчишь, мой ясный панъ! Ты посинѣлъ, какъ Черное море. Сердце твое не бьется! Отчего ты такой холодный, мой панъ? Видно, не горючи мои слезы, невмочь имъ согрѣть тебя! Видно, не громокъ плачъ мой, не разбудить имъ тебя! Кто же поведетъ теперь полки твои, кто же понесется на твоемъ ворономъ коникѣ, громко загукаетъ и замашетъ саблей предъ казаками? Казаки, казаки! Гдѣ честь и слава ваша? Лежитъ честь и слава ваша, закрывши очи, на сырой землѣ. Похороните же меня, похороните вмѣстѣ съ нимъ! Засыпьте мнѣ очи землею! Надавите мнѣ кленовыя доски на бѣлыя груди! Мнѣ не нужна больше красота моя!

Плачетъ и убивается Катерина; а даль вся покрывается пылью: скачетъ старый есаулъ Горобець на помощь.

X.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ ни прогремитъ. Глядишь и не знаешь, идетъ, или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! Они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица, — а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него,—развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею, — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ! Синій, синій, ходитъ онъ

плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣческое око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли; а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки, равной ему, въ мірѣ.

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ,—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и заливается горючими слезами.

Дико чернѣютъ промежъ ратующими волнами обгорѣлые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется о берегъ, подымаясь вверхъ и опускаясь внизъ, пристающая лодка. Кто изъ казаковъ осмѣлился гулять въ челнѣ въ то время, когда разсердился старый Днѣпръ? Видно, ему невѣдомо, что онъ глотаетъ людей, какъ мухъ.

Лодка причалила, и вышелъ изъ нея колдунъ. Не веселъ онъ: ему горька тризна, которую совершили казаки надъ убитымъ своимъ паномъ. Не мало поплатились ляхи: сорокъ четыре пана со всею сбруею и жупанами да тридцать три холопа изрублены въ куски, а остальныхъ вмѣстѣ съ конями угнали въ плѣнъ продать татарамъ.

По каменнымъ ступенямъ спустился онъ между обгорѣлыми пнями внизъ, гдѣ глубоко въ землѣ вырыта была у него землянка. Тихо вошелъ онъ, не скрипнувши дверью, поставилъ на столъ закрытый скатертью горшокъ и сталъ бросать длинными руками своими какія-то невѣдомыя травы; взялъ кухоль, выдѣланный изъ какого-то чуднаго дерева, почерпнулъ имъ воды и сталъ лить, шевеля губами и творя какія-то заклинанія. Показался розовый свѣтъ въ свѣтлицѣ, и страшно было глядѣть тогда ему въ лицо: оно казалось кровавымъ, глубокія морщины только чернѣли на немъ, а глаза были какъ въ огнѣ. Нечестивый грѣшникъ! Уже и борода давно посѣдѣла, и лицо изрыто морщинами, и высохъ весь, а все еще творитъ богопротивный умыселъ. Посреди хаты стало вѣять бѣлое облако, и что-то похожее на радость сверкнуло въ лицѣ его; но отчего же вдругъ сталъ онъ недвижимъ, съ разинутымъ ртомъ, не смѣя пошевелится, и отчего волосы щетиною поднялись на его головѣ? Въ облакѣ передъ нимъ свѣтилось чье-то чудное лицо. Непрошенное, незваное, явилось оно къ нему въ гости; чѣмъ далѣе, выяснивалось больше и вперило неподвижныя очи. Черты его, брови, глаза, губы, — все незнакомое ему: никогда во всю жизнь свою онъ его не видывалъ. И страшнаго, кажется, въ немъ мало, а непреодолимый ужасъ напалъ на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако такъ же неподвижно глядѣла на него. Облако уже и пропало, а невѣдомыя черты еще рѣзче выказывались, и острыя очи не отрывались отъ него. Колдунъ весь побѣлѣлъ, какъ полотно; дикимъ, не своимъ голосомъ вскрикнулъ, опрокинулъ горшокъ... Все пропало.

XI.

— Успокой себя, моя любая сестра,—говорилъ старый есаулъ Горобець:— сны рѣдко говорятъ правду!

— Прилягъ, сестрица,—говорила молодая его невѣстка,—я позову старуху-ворожею: противъ нея никакая сила не устоитъ: она выльетъ переполохъ тебѣ.

— Ничего не бойся,—говорилъ сынъ его, хватаясь за саблю,—никто тебя не обидитъ.

Пасмурно, мутными глазами глядѣла на всѣхъ Катерина и не находила рѣчи.

— Я сама устроила себѣ погибель: я выпустила его!—наконецъ она сказала.—Мнѣ нѣтъ отъ него покоя! Вотъ уже десять дней я у васъ, въ Кіевѣ, а горя ни капли не убавилось. Думала, буду хоть въ тишинѣ растить на месть сына... Страшенъ, страшенъ привидѣлся онъ мнѣ во снѣ! Боже, сохрани и вамъ увидѣть его. Сердце мое до сихъ поръ бьется. «Я зарублю твое дитя, Катерина,—кричалъ онъ,—если не выйдешь за меня замужъ!»—И, зарыдавъ, кинулась она къ колыбели, а испуганное дитя протянуло ручонки и кричало.

Кипѣлъ и сверкалъ сынъ есаула отъ гнѣва, слыша такія рѣчи.

Расходился и самъ есаулъ Горобець:

— Пусть попробуетъ онъ, окаянный антихристъ, прійти сюда: отвѣдаетъ, бываетъ ли сила въ рукахъ стараго казака! Богъ видитъ,—говорилъ онъ, подымая кверху прозорливыя очи,—не летѣлъ ли я подать руку брату Данилѣ? Его святая воля! Засталъ уже на холодной постели, на которой много, много улеглось казацкаго народа. Зато развѣ не пышна была тризна по немъ? Выпустили ли хоть одного ляха живого? Успокойся же, дитя мое! Никто не посмѣетъ тебя обидѣть, развѣ ни меня не будетъ ни моего сына.

Кончивъ слова свои, старый есаулъ пришелъ къ колыбели, и дитя, увидѣвши висѣвшую на ремнѣ у него въ серебряной оправѣ красную люльку и гаманъ [1]), съ блестящимъ огнивомъ, протянуло къ нему ручонки и засмѣялось.

— По отцу пойдетъ,—сказалъ старый есаулъ, снимая съ себя люльку и отдавая ему:—еще отъ колыбели не отсталъ, а уже думаетъ курить люльку!

Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель. Сговорились провесть ночь вмѣстѣ, и мало погодя уснули всѣ; уснула и Катерина.

На дворѣ и въ хатѣ все было тихо; не спали только казаки, стоявшіе настрожѣ. Вдругъ Катерина, вскрикнувъ, проснулась, и за нею проснулись всѣ.

— Онъ убитъ! Онъ зарѣзанъ!—кричала она и кинулась къ колыбели...

Всѣ обступили колыбель и окаменѣли отъ страха, увидѣвши, что въ ней лежало неживое дитя. Ни звука не вымолвилъ ни одинъ изъ нихъ, не зная, что думать о неслыханномъ злодѣйствѣ

XI

Далеко отъ украинскаго края, проѣхавши Польшу, минуя и многолюдный городъ Лембергъ, идутъ рядами высоковерхія горы. Гора за горою, будто каменными цѣпями, перекидываютъ онѣ вправо и влѣво землю и обковываютъ ее каменною толщей, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идутъ каменныя цѣпи въ Валахію и Седмиградскую область и громадою стали въ видѣ подковы между галичскимъ и венгерскимъ народомъ. Нѣтъ такихъ горъ въ нашей сторонѣ. Глазъ не смѣетъ оглянуть ихъ; а на вершину иныхъ не заходила и нога человѣчья. Чуденъ и видъ ихъ: не задорное ли море выбѣжало въ бурю изъ широкихъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны, и онѣ, окаменѣвъ, остались недвижимыя въ воздухѣ? Не оборвались ли съ неба тяжелыя тучи и загромоздили собою землю? Ибо и на нихъ такой же сѣрый цвѣтъ, а бѣлая верхушка блеститъ и искрится при солнцѣ. Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую молвь, и за горами еще кой-гдѣ отзовется какъ будто род-

---

[1]) „Гаманъ — родъ бумажника, гдѣ хранится огниво, кремень, трутъ, табакъ, иногда и деньги“.

ное слово; а тамъ уже и вѣра не та и рѣчь не та. Живетъ немалолюдный народъ венгерскій; ѣздитъ на коняхъ, рубится и пьетъ не хуже казака; а за конную сбрую и дорогіе кафтаны не скупится вынимать изъ кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера. Какъ стекло, недвижимы они и, какъ зеркало, отдаютъ въ себѣ голыя вершины горъ и зеленыя ихъ подошвы.

Но кто среди ночи,—блещутъ или не блещутъ звѣзды,—ѣдетъ на огромномъ ворономъ конѣ? Какой богатырь съ нечеловѣчьимъ ростомъ скачетъ подъ горами, надъ озерами, отсвѣчивается съ исполинскимъ конемъ въ недвижныхъ водахъ, и безконечная тѣнь его страшно мелькаетъ по горамъ? Блещутъ чеканенныя латы; на плечѣ пика; гремитъ при сѣдлѣ сабля; шеломъ надвинутъ; усы чернѣютъ; очи закрыты, рѣсницы опущены,—онъ спитъ и, сонный, держитъ повода; и за нимъ сидитъ на томъ же конѣ младенецъ-пажъ [1]) и также спитъ и, сонный, держится за богатыря. Кто онъ? Куда, зачѣмъ ѣдетъ? Кто его знаетъ. Не день, не два уже онъ переѣзжаетъ горы. Блеснетъ день, взойдетъ солнце, его не видно; изрѣдка только замѣчали горцы, что по горамъ мелькаетъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и тучи не пройдетъ по немъ. Чуть же ночь ведетъ темноту, снова онъ виденъ и отдается въ озерахъ, и за нимъ, дрожа, скачетъ тѣнь его. Уже проѣхалъ много онъ горъ и въѣхалъ на Кривань. Горы этой нѣтъ выше между Карпатами: какъ царь, подымается она надъ другими. Тутъ остановился конь и всадникъ и еще глубже погрузился въ сонъ, и тучи, спустясь, закрыли его.

XIII.

— Тс... тише, баба! Не стучи такъ: дитя мое заснуло. Долго кричалъ сынъ мой, теперь спитъ. Я пойду въ лѣсъ, баба! Да что же ты такъ глядишь на меня? Ты страшна: у тебя изъ глазъ вытягиваются желѣзныя клещи... ухъ, какія длинныя! и горятъ, какъ огонь! Ты, вѣрно, вѣдьма! О, если ты вѣдьма, то пропади отсюда! Ты украдешь моего сына. Какой, безтолковый этотъ есаулъ: онъ думаетъ, мнѣ весело жить въ Кіевѣ. Нѣтъ, здѣсь и мужъ мой и сынъ; кто же будетъ смотрѣть за хатой? Я ушла такъ тихо, что ни кошка ни собака не услышали. Ты хочешь, баба, сдѣлаться молодою? Это совсѣмъ нетрудно: нужно танцовать только. Гляди, какъ я танцую...

И, проговоривъ такія несвязныя рѣчи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на всѣ стороны и упираясь руками въ боки. Съ визгомъ притопывала она ногами; безъ мѣры, безъ такта звенѣли серебряныя подковы. Незаплетенныя черныя косы метались по бѣлой шеѣ. Какъ птица, не останавливаясь, летѣла она, размахивая руками и кивая головой, и, казалось, будто, обезсилѣвъ, или грянется наземь или вылетитъ изъ міра.

Печально стояла старая няня, и слезами налились ея глубокія морщины; тяжкій камень лежалъ на сердцѣ у вѣрныхъ хлопцевъ, глядѣвшихъ на свою пани. Уже совсѣмъ ослабѣла она и лѣниво топала ногами на одномъ мѣстѣ, думая, что танцуетъ горлицу.

— А у меня монисто есть, парубки,—сказала она, наконецъ, остановившись,—а у васъ нѣтъ! Гдѣ мужъ мой?—вскричала она вдругъ, выхвативъ изъ-за пояса турецкій кинжалъ.—О, это не такой ножъ, какой нужно!

При этомъ и слезы и тоска показались у нея на лицѣ.

— У отца моего далеко сердце: онъ не достанетъ до него. У него сердце изъ желѣза выковано; ему выковала одна вѣдьма на пекельномъ огнѣ. Что жъ нейдетъ отецъ мой? Развѣ онъ не знаетъ, что пора заколоть его? Видно, онъ

---

[1]) Пажъ—мальчикъ, прислуживавшій рыцарю.

хочетъ, чтобъ я сама пришла...—И, не докончивъ, чудно засмѣялась.—Мнѣ пришла на умъ забавная исторія: я вспомнила, какъ погребали моего мужа. Вѣдь его живого погребли... Какой смѣхъ забиралъ меня!.. Слушайте, слушайте! И, вмѣсто словъ, начала она пѣть пѣсню:

„Бижыть возокъ кровавенькій:
У тимъ возку казакъ лежить,
Пострѣляный, порубаный,
Въ правій ручци дротыкъ держить,
Съ того дроту кривця бижыть;
Бижыть рика кровавая.
Надъ ричкою яворъ стоить;
Надъ яворомъ воронъ кряче,
За казакомъ маты плаче.
Не плачь, маты, не журыся!
Бо вже твій сынъ оженывся.
Та взявъ жинку паняночку,
Въ чистомъ поли земляночку,
И безъ дверець, безъ оконець.
Та вже писни вышовъ конецъ.
Танціовала рыба зъ ракомъ.
А хто мене не полюбить, трясця его матерь!“

Такъ перемѣшивались у ней всѣ пѣсни. Уже день и два живетъ она въ своей хатѣ и не хочетъ слышать о Кіевѣ, и не молится, и бѣжитъ отъ людей, и съ утра до поздняго вечера бродитъ по темнымъ дубравамъ. Острыя сучья царапаютъ бѣлое лицо и плечи; вѣтеръ треплетъ расплетенныя косы; осенніе листья шумятъ подъ ногами ея,—ни на что не глядитъ она. Въ часъ, когда вечерняя заря тухнетъ, еще не являются звѣзды, не горитъ мѣсяцъ, а уже страшно ходить въ лѣсу; по деревьямъ царапаются и хватаются за сучья некрещеныя дѣти, рыдаютъ, хохочутъ, катятся клубомъ по дорогамъ и въ широкой кропивѣ; изъ днѣпровскихъ волнъ выбѣгаютъ вереницами погубившія свои души дѣвы; волосы льются съ зеленой головы на плечи; вода, звучно журча, бѣжитъ съ длинныхъ волосъ на землю, и дѣва свѣтится сквозь воды, какъ будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи выманиваютъ душу... она сгорѣла бы отъ любви, она зацѣловала бы... Бѣги, крещеный человѣкъ! Уста ея—ледъ, постель—холодная вода: она защекочетъ тебя и утащитъ въ рѣку. Катерина не глядитъ ни на кого, не боится, безумная, русалокъ, бѣгаетъ поздно съ ножомъ своимъ и ищетъ отца.

Съ раннимъ утромъ пріѣхалъ какой-то гость, статный собою, въ красномъ жупанѣ, и освѣдомляется о панѣ Данилѣ; слышитъ все, утираетъ рукавомъ заплаканныя очи и пожимаетъ плечами. Онъ де воевалъ вмѣстѣ съ покойнымъ Урульбашемъ; вмѣстѣ рубились они съ крымцами и турками; ждалъ ли онъ, чтобы такой конецъ былъ пана Данила?

Разсказываетъ еще гость о многомъ другомъ и хочетъ видѣть пани Катерину.

Катерина сначала не слушала ничего, что говорилъ гость; напослѣдокъ стала, какъ разумная, вслушиваться въ его рѣчи. Онъ повелъ про то, какъ они жили вмѣстѣ съ Даниломъ, будто братъ съ братомъ; какъ укрылись разъ подъ греблею [1]) отъ крымцевъ... Катерина все слушала и не спускала съ него очей.

«Она отойдетъ!—думали хлопцы, глядя на нее.—Этотъ гость вылѣчитъ ее. Она уже слушаетъ, какъ разумная!»

---

[1]) Гребля — плотина, запруда.

Гость началъ разсказывать между тѣмъ, какъ панъ Данило въ часъ откровенной бесѣды сказалъ ему:

— Гляди, братъ Копрянъ: когда волею Божіей не будетъ меня на свѣтѣ, возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою...

Страшно вонзила въ него очи Катерина.

— А!—вскрикнула она.—Это онъ! Это отецъ!—и кинулась на него съ ножомъ.

Долго боролся тотъ, стараясь вырвать у ней ножъ; наконецъ вырвалъ, замахнулся,—и совершилось страшное дѣло: отецъ убилъ безумную дочь свою.

Изумившіеся казаки кинулись было на него, но колдунъ уже успѣлъ вскочить на коня и пропалъ изъ вида.

XIV

За Кіевомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ паны и гетманы собирались дивиться этому чуду: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горою подымавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галичская.

— А то что такое?—допрашивалъ собравшійся народъ старыхъ людей, указывая на далеко мерещившіеся на небѣ и больше похожіе на облака сѣрые и бѣлые верхи.

— То Карпатскія горы,—говорили старые люди,—межъ ними есть и такія, съ которыхъ вѣкъ не сходитъ снѣгъ, а тучи пристаютъ и ночуютъ тамъ.

Тутъ показалось новое диво: облака слетѣли съ самой высокой горы, и на вершинѣ ея показался во всей рыцарской сбруѣ человѣкъ на конѣ съ закрытыми очами, и такъ виденъ, какъ бы стоялъ вблизи.

Тутъ межъ дивившимся со страхомъ народомъ одинъ вскочилъ на коня и, дико озираясь по сторонамъ, какъ будто ища очами, не гонится ли кто за нимъ, торопливо, во всю мочь погналъ коня своего. То былъ колдунъ. Чего же такъ перепугался онъ? Со страхомъ вглядѣвшись въ чуднаго рыцаря, узналъ онъ на немъ то же самое лицо, которое, незваное, показалось ему, когда онъ ворожилъ. Самъ не могъ онъ разумѣть, отчего въ немъ все смутилось при такомъ видѣ, и, робко озираясь, мчался онъ на конѣ, покамѣстъ не застигнулъ его вечеръ и не проглянули звѣзды. Тутъ поворотилъ онъ домой, можетъ-быть, допросить нечистую силу, что значитъ такое диво. Ужъ онъ хотѣлъ перескочить съ конемъ черезъ узкую рѣку, выступившую рукавомъ среди дороги, какъ вдругъ конь на всемъ скаку остановился, заворотилъ къ нему морду и—чудо!—засмѣялся! Бѣлые зубы страшно блеснули двумя рядами во мракѣ. Дыбомъ поднялись волосы на головѣ колдуна. Дико закричалъ онъ и заплакалъ, какъ изступленный, и погналъ коня прямо къ Кіеву. Ему чудилось, что все со всѣхъ сторонъ бѣжало ловить его: деревья, обступивши темнымъ лѣсомъ, и какъ будто живыя, кивая черными бородами и вытягивая длинныя вѣтви, силились задушить его; звѣзды, казалось, бѣжали впереди передъ нимъ, указывая всѣмъ на грѣшника; сама дорога, чудилось, мчалась по слѣдамъ его.

Отчаянный колдунъ летѣлъ въ Кіевъ ко святымъ мѣстамъ.

XV.

Одиноко сидѣлъ въ своей пещерѣ передъ лампадою схимникъ и не сводилъ очей съ святой книги. Уже много лѣтъ, какъ онъ затворился въ своей пещерѣ; уже сдѣлалъ себѣ и дощатый гробъ, въ который ложился спать вмѣсто постели. Закрылъ святой старецъ свою книгу и сталъ молиться... Вдругъ вбѣжалъ чело-

вѣкъ чуднаго, страшнаго вида. Изумился святой схимникъ въ первый разъ и отступилъ, увидѣвъ такого человѣка. Весь дрожалъ онъ, какъ осиновый листъ; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался изъ очей; дрожь наводило на душу уродливое его лицо.

— Отецъ, молись! Молись!—закричалъ онъ отчаянно.—Молись о погибшей душѣ!—и грянулся на землю.

Святой схимникъ перекрестился, досталъ книгу, развернулъ и въ ужасѣ отступилъ назадъ и выронилъ книгу:

— Нѣтъ, неслыханный грѣшникъ! Нѣтъ тебѣ помилованія! Бѣги отсюда! Не могу молиться о тебѣ!

— Нѣтъ!—закричалъ, какъ безумный, грѣшникъ.

— Гляди: святыя буквы въ книгѣ палились кровью... еще никогда въ мірѣ не бывало такого грѣшника!

— Отецъ, ты смѣешься надо мною!

— Иди, окаянный грѣшникъ! Не смѣюсь я надъ тобою. Боязнь овладѣваетъ мною. Не добро быть человѣку съ тобою вмѣстѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты смѣешься, не говори... Я вижу, какъ раздвинулся ротъ твой: вотъ бѣлѣютъ рядами твои старые зубы!..

И, какъ бѣшеный, кинулся онъ и убилъ святого схимника.

Что-то тяжко застонало, и стонъ перенесся черезъ поле и лѣсъ. Изъ-за лѣса поднялись тощія, сухія руки съ длинными когтями, затряслись и пропали.

И уже ни страха, ничего не чувствовалъ онъ. Все чудится ему какъ-то смутно: въ ушахъ шумитъ, въ головѣ шумитъ, какъ будто отъ хмеля, и все, что ни есть передъ глазами, покрывается какъ бы паутиною. Вскочивши на коня, поѣхалъ онъ прямо въ Каневъ, думая оттуда черезъ Черкассы направить путь къ татарамъ прямо въ Крымъ, самъ не зная для чего. Ѣдетъ онъ уже день, другой, а Канева все нѣтъ. Дорога та самая, пора бы ему уже давно показаться, но Канева не видно. Вдали блеснули верхушки церквей: но это не Каневъ, а Шумскъ. Изумился колдунъ, видя, что онъ заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Погналъ коня назадъ къ Кіеву, и черезъ день показался городъ, но не Кіевъ, а Галичъ, городъ еще далѣе отъ Кіева, чѣмъ Шумскъ, и уже недалеко отъ венгровъ. Не зная, что дѣлать, поворотилъ онъ коня снова назадъ, но чувствуетъ снова, что ѣдетъ въ противную сторону и все впередъ. Не могъ бы ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ разсказать, что было на душѣ у колдуна; а если бы онъ заглянулъ и увидѣлъ, что тамъ дѣялось, то уже не досыпалъ бы онъ ночей и не засмѣялся бы ни разу. То была не злость, не страхъ и не лютая досада. Нѣтъ такого слова на свѣтѣ, которымъ бы можно было его назвать. Его жгло, пекло; ему хотѣлось бы весь свѣтъ вытоптать конемъ своимъ, взять всю землю отъ Кіева до Галича съ людьми, со всѣмъ и затопить ее въ Черномъ морѣ. Но не отъ злобы хотѣлось ему это сдѣлать: нѣтъ, самъ онъ не зналъ отчего. Весь вздрогнулъ онъ, когда уже показались близко передъ нимъ Карпатскія горы и высокій Криванъ, накрывшій свое темя, будто шапкою, сѣрою тучею, а конь все несся и уже рыскалъ по горамъ. Тучи разомъ очистились, и передъ нимъ показался въ страшномъ величіи всадникъ... Онъ сплится остановиться, крѣпко натягиваетъ удила; дико ржалъ конь, подымая гриву, и мчался къ рыцарю. Тутъ чудится колдуну, что все въ немъ замерло, что недвижный всадникъ шевелится и разомъ открылъ свои очи, увидѣлъ несшагося къ нему колдуна и засмѣялся. Какъ громъ разсыпался дикій смѣхъ по горамъ и зазвучалъ въ сердцѣ колдуна, потрясши все, что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влѣзъ въ него и ходилъ внутри его и билъ молотами по сердцу, по жиламъ... Такъ страшно отдался въ немъ этотъ смѣхъ!

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи; но уже былъ мертвецъ и глядѣлъ какъ мертвецъ.

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи; но уже былъ мертвецъ и глядѣлъ, какъ мертвецъ. Такъ страшно не глядитъ ни живой ни воскресшій. Ворочалъ онъ по сторонамъ мертвыми глазами и увидѣлъ поднявшихся мертвецовъ отъ Кіева и отъ земли Галичской и отъ Карпата, какъ двѣ капли воды, схожихъ лицомъ на него.

Блѣдны, блѣдны, одинъ другого выше, одинъ другого костистѣй, стали они вокругъ всадника, державшаго въ рукѣ страшную добычу. Еще разъ засмѣялся рыцарь и кинулъ ее въ пропасть. И всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили мертвеца и вонзили въ него свои зубы. Еще одинъ, всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться изъ земли, но не могъ, не въ силахъ былъ этого сдѣлать—такъ великъ выросъ онъ въ землѣ; а если бы поднялся, то опрокинулъ бы и Карпатъ и Седмиградскую и Турецкую земли. Немного только подвинулся онъ — и пошло отъ него трясеніе по всей землѣ, и много поопрокидывалось вездѣ хатъ, и много задавило народу.

Слышится часто по Карпату свистъ, какъ будто тысяча мельницъ шумитъ колесами на водѣ: то въ безвыходной пропасти, которой не видалъ еще ни одинъ человѣкъ, страшащійся проходитъ мимо, мертвецы грызутъ мертвеца. Нерѣдко бывало по всему міру, что земля тряслась отъ одного конца до другого: то оттого дѣлается, толкуютъ грамотные люди, что есть гдѣ-то близъ моря гора, изъ которой выхватывается пламя и текутъ горящія рѣки. Но старики, которые живутъ и въ Венгріи и въ Галичской землѣ, лучше знаютъ это и говорятъ, что то хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ и трясетъ землю.

XVI.

Въ городѣ Глуховѣ собрался народъ около старца-бандуриста, и уже съ часъ слушалъ, какъ слѣпецъ игралъ на бандурѣ [1]). Еще такихъ чудныхъ пѣсенъ и такъ хорошо не пѣлъ ни одинъ бандуристъ. Сперва повелъ онъ про прежнюю гетманщину за Сагайдачнаго и Хмѣльницкаго [2]). Тогда иное было время: казачество было въ славѣ, топтало конями непріятелей, и никто не смѣлъ посмѣяться надъ нимъ. Пѣлъ и веселыя пѣсни старецъ и поважива̀лъ своими очами на народъ, какъ будто зрящій; а пальцы, съ придѣланными къ нимъ костями, летали, какъ муха, по струнамъ, и, казалось, струны сами играли; а кругомъ народъ, — старые люди, понуривъ головы, а молодые, поднявъ очи на старца, — не смѣли и шептать между собою.

— Постойте,—сказалъ старецъ,—я вамъ запою про одно давнее дѣло.

Народъ сдвинулся еще тѣснѣе, и слѣпецъ запѣлъ:

«За пана Степана, князя Седмиградскаго (былъ князь Седмиградскій королемъ и у ляховъ), жило два казака: Иванъ да Петро. Жили они такъ, какъ братъ съ братомъ. «Гляди, Иванъ, все, что ни добудешь, все пополамъ: когда кому веселье, — веселье и другому; когда кому горе, — горе и обоимъ; когда кому добыча,—пополамъ добычу; когда кто въ полонъ попадетъ,—другой продай все и дай выкупъ, а не то, самъ ступай въ полонъ». И правда, все, что ни доставали казаки, все дѣлили пополамъ; угоняли ли чужой скотъ или коней,— все дѣлили пополамъ.

* * *

«Воевалъ король Степанъ съ турчиномъ. Уже три недѣли воюетъ онъ съ турчиномъ, а все не можетъ его выгнать. А у турчина былъ паша̀ такой, что

---

[1]) „Бандура — инструментъ, родъ гитары". [2]) Богданъ Хмѣльницкій — гетманъ, при которомъ Малороссія присоединилась къ Россіи въ 1654 году.

самъ съ десятью янычарами [1]) могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что, если сыщется смѣльчакъ и приведетъ къ нему того пашу живого или мертваго, дастъ ему одному столько жалованья, сколько даетъ на все войско. «Пойдемъ, братъ, ловить пашу!» сказалъ братъ Иванъ Петру. И поѣхали казаки: одинъ — въ одну сторону, другой — въ другую.

* * *

«Поймалъ ли бы еще, или не поймалъ Петро, а уже Иванъ ведетъ пашу арканомъ за шею къ самому королю. «Бравый молодецъ!» сказалъ король Степанъ и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско, и приказалъ отвесть ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлилъ все поровну между собою и Петромъ. Взялъ Петро половину королевскаго жалованья, но не могъ вынесть того, что Иванъ получилъ такую честь отъ короля, и затаилъ глубоко на душѣ месть.

* * *

«Ѣхали оба рыцаря на жалованную королемъ землю, за Карпатъ. Посадилъ казакъ Иванъ съ собою на коня своего сына, привязавъ его къ себѣ. Уже настали сумерки,—они все ѣдутъ. Младенецъ заснулъ; сталъ дремать и самъ Иванъ. Не дремли, казакъ: по горамъ дороги опасныя!.. Но у казака такой конь, что самъ вездѣ знаетъ дорогу: не спотыкнется и не оступится. Есть между горами провалъ, въ провалѣ дна никто не видалъ; сколько отъ земли до неба, столько до дна того провала. Но надъ самымъ проваломъ дорога, — два человѣка еще могутъ проѣхать, а трое — ни за что. Сталъ бережно ступать конь съ дремавшимъ казакомъ. Рядомъ ѣхалъ Петро, весь дрожалъ и притаилъ духъ отъ радости. Оглянулся и толкнулъ названнаго брата въ провалъ, и конь съ казакомъ и младенцемъ полетѣлъ въ провалъ.

* * *

«Ухватился, однакожъ, казакъ за сукъ, и одинъ только конь полетѣлъ на дно. Сталъ онъ карабкаться съ сыномъ за плечами вверхъ; немного уже не добрался, поднялъ глаза и увидѣлъ, что Петро наставилъ пику, чтобы столкнуть его назадъ. «Боже ты мой праведный, лучше бъ мнѣ не подымать глазъ, чѣмъ видѣть, какъ родной братъ наставляетъ пику столкнуть меня назадъ!.. Братъ мой милый, коли меня пикой, когда уже мнѣ такъ написано на роду; но возьми сына: чѣмъ безвинный младенецъ виноватъ, чтобы ему пропасть такою лютою смертью?» Засмѣялся Петро и толкнулъ его пикой, и казакъ съ младенцемъ полетѣлъ на дно. Забралъ себѣ Петро все добро и сталъ жить, какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра; овецъ и барановъ нигдѣ столько не было. И умеръ Петро.

«Какъ умеръ Петро, призвалъ Богъ души обоихъ братьевъ, Петра и Ивана на судъ.

«Великій есть грѣшникъ сей человѣкъ! — сказалъ Богъ. — Иване, не выберу я ему скоро казни; выбери ты самъ ему казнь!» Долго думалъ Иванъ, вымышляя казнь. и, наконецъ, сказалъ: «Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предалъ своего брата, какъ Іуда, и лишилъ меня честнаго моего рода и потомства на землѣ. А человѣкъ безъ честнаго рода и потомства, что хлѣбное сѣмя, кинутое въ землю и пропавшее даромъ въ землѣ. Всходу нѣтъ,— никто и не узнаетъ, что кинуто было сѣмя.

[1]) Янычары — отборное войско турецкаго султана.

* * *

«Сдѣлай же, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло на землѣ счастья, чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ и отъ каждаго его злодѣйства, чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ и, терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ! А Іуда Петро, чтобы не въ силахъ былъ подняться, и отъ того терпѣлъ бы муку еще горшую, и ѣлъ бы, какъ бѣшеный, землю, и корчился бы подъ землею!

* * *

«И, когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы въ самый глубокій провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ разныхъ сторонъ земли грызть его за тѣ муки, что онъ наносилъ имъ, и вѣчно бы его грызли; и повеселился бы я, глядя на его муки. А Іуда Петро, чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы рвался грызть и и себѣ, но грызъ бы самого себя, а кости его росли бы, чѣмъ дальше — больше, чтобы чрезъ то еще сильнѣе становилась его боль. Та мука для него будетъ самая страшная, ибо для человѣка нѣтъ большей муки, какъ хотѣть отомстить и не мочь отомстить».

«Страшна казнь, тобою выдуманная, человѣче! — сказалъ Богъ. — Пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ; но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ; и не будетъ тебѣ царствія небеснаго, покамѣстъ ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ!» И то все такъ сбылось, какъ было сказано: и донынѣ стоитъ на Карпатѣ на конѣ дивный рыцарь и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ растетъ, гложетъ въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю»..

Уже слѣпецъ кончилъ свою пѣсню; уже снова сталъ перебирать струны; уже сталъ пѣть смѣшныя присказки про Хому и Ерему, про Стекляра Стокозу... но старые и малые все еще не думали очнуться и долго стояли, потупивъ головы, раздумывая о страшномъ въ старину случившемся дѣлѣ.

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА.

(1832 г.)

Съ этой исторіей случилась исторія: намъ разсказывалъ ее пріѣзжавшій изъ Гадяча Степанъ Ивановичъ Курочка. Нужно вамъ знать, что память у меня, невозможно сказать, что за дрянь: хоть говори, хоть не говори, все одно. То же самое, что въ рѣшето воду лей. Зная за собою такой грѣхъ, нарочно просилъ его списать ее въ тетрадку. Ну, дай Богъ ему здоровья, человѣкъ онъ былъ всегда добрый для меня, взялъ и списалъ. Положилъ я ее въ маленькій столикъ; вы, думаю, его хорошо знаете; онъ стоитъ въ углу, когда войдешь въ дверь... Да, я и позабылъ, что вы у меня никогда не были. Старуха моя, съ которой живу уже лѣтъ тридцать вмѣстѣ, грамотѣ сроду не училась,—нечего и грѣха таить. Вотъ замѣчаю я, что она пирожки печетъ на какой-то бумагѣ. Пирожки она, любезные читатели, удивительно хорошо печетъ; лучшихъ пирожковъ вы нигдѣ не будете ѣсть. Посмотрѣлъ какъ-то на сподку пирожка—смотрю: писанныя слова. Какъ будто сердце у меня знало: прихожу къ столику—тетрадки и половины нѣтъ! Остальные листки всѣ растаскала на пироги! Что прикажешь дѣлать? на старости лѣтъ не подраться же! Прошлый годъ случилось проѣзжать чрезъ Гадячъ; нарочно еще, не доѣзжая города, завязалъ узелокъ, чтобы не забыть попросить объ этомъ Степана Ивановича. Этого мало: взялъ обѣщаніе съ самого себя: какъ только чихну въ городѣ, то чтобы при этомъ вспомнить о немъ. Все напрасно. Проѣхалъ чрезъ городъ, и чихнулъ и высморкался въ платокъ, а все позабылъ: да уже вспомнилъ, какъ верстъ за шесть отъѣхалъ отъ заставы. Нечего дѣлать, пришлось печатать безъ конца. Впрочемъ, если кто желаетъ непремѣнно знать, о чемъ говорится далѣе

въ этой повѣсти, то ему стоитъ только нарочно пріѣхать въ Гадячъ и попросить Степана Ивановича. Онъ съ большимъ удовольствіемъ разскажетъ ее, хоть, пожалуй, снова отъ начала до конца. Живетъ онъ не далеко, возлѣ каменной церкви. Тутъ есть сейчасъ маленькій переулокъ: какъ только поворотишь въ переулокъ, то будутъ вторыя или третьи ворота. Да вотъ лучше: когда увидите на дворѣ большой шестъ съ перепеломъ, и выйдетъ навстрѣчу вамъ толстая баба въ зеленой юбкѣ (онъ, не мѣшаетъ сказать, ведетъ жизнь холостую), то это его дворъ. Впрочемъ, вы можете его встрѣтить на базарѣ, гдѣ бываетъ онъ каждое утро до девяти часовъ, выбираетъ рыбу и зелень для своего стола и разговариваетъ съ отцомъ Антиномъ или съ жидомъ откупщикомъ. Вы его тотчасъ узнаете, потому что ни у кого нѣтъ, кромѣ него, панталонъ изъ цвѣтной выбойки и китайчатаго желтаго сюртука. Вотъ вамъ еще примѣта: когда ходитъ онъ, то всегда размахиваетъ руками. Еще покойный тамошній засѣдатель, Денисъ Петровичъ, всегда, бывало, увидѣвши его издали, говорилъ: «Глядите, глядите, вонъ идетъ вѣтряная мельница!»

I.

Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька.

Уже четыре года, какъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька въ отставкѣ и живетъ на хуторѣ своемъ Вытребенькахъ. Когда былъ онъ еще Ванюшею, то обучался въ гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ, и, надобно сказать, былъ преблагонравный и престарательный мальчикъ. Учитель россійской грамматики, Никифоръ Тимоѳеевичъ Дѣепричастіе, говаривалъ, что если бы всѣ у него были такъ старательны, какъ Шпонька, то онъ не носилъ бы съ собою въ классъ клеповой линейки, которою, какъ самъ онъ признавался, уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругомъ облиненная, нигдѣ ни пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смирно, сложивъ руки и уставивъ глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ сидѣвшему впереди его товарищу на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ *тѣсной бабы*. Когда кому нужда была въ ножикѣ, очинить перо, тотъ немедленно обращался къ Ивану Ѳедоровичу, зная, что у него всегда водился ножикъ; и Иванъ Ѳедоровичъ, тогда еще просто Ванюша, вынималъ его изъ небольшого кожанаго чехольчика, привязаннаго къ петлѣ своего сѣренькаго сюртука, и просилъ только не скоблить пера остреемъ ножика, увѣряя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонравіе скоро привлекло на него вниманіе даже самого учителя латинскаго языка, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризовая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводилъ страхъ на весь классъ. Этотъ страшный учитель, у котораго на каѳедрѣ всегда лежало два пучка розогъ, и половина слушателей стояла на колѣнахъ, сдѣлалъ Ивана Ѳедоровича аудиторомъ, несмотря на то, что въ классѣ было много съ гораздо лучшими способностями. Тутъ не можно пропустить одного случая, сдѣлавшаго вліяніе на всю его жизнь. Одинъ изъ ввѣренныхъ ему учениковъ, чтобы склонить своего аудитора написать ему въ спискѣ *scit*, тогда какъ онъ своего урока въ зубъ не зналъ, принесъ въ классъ завернутый въ бумагу, облитый масломъ, блинъ. Иванъ Ѳедоровичъ, хотя и держался справедливости, но на эту пору былъ голоденъ и не могъ противиться обольщенію: взялъ блинъ, поставилъ передъ собою книгу и началъ ѣсть, и такъ былъ занятъ этимъ, что даже не замѣтилъ, какъ въ классѣ сдѣлалась вдругъ мертвая тишина. Тогда только съ ужасомъ очнулся онъ, когда страшная

рука, протянувшись изъ фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на средину класса.

— Подай сюда блинъ! Подай, говорятъ тебѣ, негодяй!—сказалъ грозный учитель, схватилъ пальцами масляный блинъ и выбросилъ его за окно, строго запретивъ бѣгавшимъ по двору школьникамъ поднимать его. Послѣ этого тутъ же высѣкъ онъ пребольно Ивана Ѳедоровича по рукамъ; и дѣло: руки виноваты, зачѣмъ брали, а не другая часть тѣла. Какъ бы то ни было, только съ этихъ поръ робость, и безъ того неразлучная съ нимъ, увеличилась еще болѣе. Можетъ-быть, это самое происшествіе было причиною того, что онъ не имѣлъ никогда желанія вступить въ штатскую службу, видя на опытѣ, что не всегда удается хоронить концы.

Было уже ему безъ малаго пятнадцать лѣтъ, когда перешелъ онъ во второй классъ, гдѣ, вмѣсто сокращеннаго катихизиса и четырехъ правилъ ариѳметики, принялся онъ за пространный, за книгу о должностяхъ человѣка и за дроби. Но, увидѣвши, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и получивши извѣстіе, что батюшка приказалъ долго жить, пробылъ еще два года и, съ согласія матушки, вступилъ потомъ въ П*** пѣхотный полкъ.

П*** пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежатъ многіе пѣхотные полки, и, несмотря на то, что онъ большею частію стоялъ по деревнямъ, однакожъ, былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пила выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейси не хуже гусаровъ; нѣсколько человѣкъ даже танцовали мазурку, и полковникъ П*** полка никогда не упускалъ случая замѣтить объ этомъ, разговаривая съ кѣмъ-нибудь въ обществѣ. «У меня-съ,—говорилъ онъ обыкновенно, трепля себя по брюху послѣ каждаго слова,—многіе пляшутъ-съ мазурку, весьма многіе-съ, очень многіе-съ». Чтобъ еще болѣе показать читателямъ образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, что не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать.

Обхожденіе съ такими товарищами, однакоже, ничуть не уменьшило робости Ивана Ѳедоровича; и такъ какъ онъ не пилъ выморозокъ, предпочитая имъ рюмку водки предъ обѣдомъ и ужиномъ, не танцовалъ мазурки и не игралъ въ банкъ, то, натурально, долженъ былъ всегда оставаться одинъ. Такимъ образомъ, когда другіе разъѣзжали по обывательскихъ по мелкимъ помѣщикамъ, онъ, сидя на своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувши мундиръ, лежалъ на постели.

Зато не было никого исправнѣе Ивана Ѳедоровича въ полку, и взводомъ своимъ онъ такъ командовалъ, что ротный командиръ всегда ставилъ его въ образецъ. Зато въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ подпоручики.

Въ продолженіе этого времени онъ получилъ извѣстіе, что матушка скончалась; а тетушка, родная сестра матушки, которую онъ зналъ только потому, что она привозила ему въ дѣтствѣ и посылала даже въ Гадячъ сушеныя груши и дѣланные ею самою превкусные пряники (съ матушкой она была въ ссорѣ, и потому Иванъ Ѳедоровичъ послѣ не видалъ ея),—эта тетушка, по своему добродушію, взялась управлять небольшимъ его имѣніемъ, о чѣмъ извѣстила его въ свое время письмомъ.

Иванъ Ѳедоровичъ, будучи совершенно увѣренъ въ благоразуміи тетушки, началъ попрежнему исполнять свою службу. Иной на его мѣстѣ, получивши

такой чинъ, возгордился бы; но гордость совершенно была ему неизвѣстна и, сдѣлавшись подпоручикомъ, онъ былъ тотъ же самый Иванъ Ѳедоровичъ, какимъ былъ нѣкогда и въ прапорщичьемъ чинѣ. Пробывъ четыре года послѣ этого замѣчательнаго для него событія, онъ готовился выступить вмѣстѣ съ полкомъ изъ Могилевской губерніи въ Великороссію, какъ получилъ письмо такого содержанія:

«Любезный племянникъ

Иванъ Ѳедоровичъ!

«Посылаю тебѣ бѣлье: пять паръ нитяныхъ карпетокъ и четыре рубашки тонкаго холста; да еще хочу поговорить съ тобою о дѣлѣ: такъ какъ ты уже имѣешь чинъ немаловажный, что, думаю, тебѣ извѣстно, и пришелъ въ такія лѣта, что пора и хозяйствомъ позаняться, то въ военной службѣ тебѣ не зачѣмъ болѣе служить. Я уже стара и не могу всего присмотрѣть въ твоемъ хозяйствѣ; да и дѣйствительно, многое притомъ имѣю тебѣ открыть лично. Пріѣзжай, Ванюша! Въ ожиданіи подлиннаго удовольствія тебя видѣть, остаюсь многолюбящая твоя тетка

Василиса Цупчевьска.

«Чудная въ огородѣ у насъ выросла рѣпа: больше похожа на картофель, чѣмъ на рѣпу».

Черезъ недѣлю послѣ полученія этого письма Иванъ Ѳедоровичъ написалъ такой отвѣтъ:

«Милостивая государыня тетушка

Василиса Кашпаровна!

«Много благодарю васъ за присылку бѣлья. Особенно карпетки у меня очень старыя, что даже денщикъ штопалъ ихъ четыре раза, и очень оттого стали узкія. Насчетъ вашего мнѣнія о моей службѣ я совершенно согласенъ съ вами, и третьяго дня подалъ отставку. А какъ только получу увольненіе, то найму извозчика. Прежней вашей комиссіи насчетъ сѣмянъ пшеницы, сибирской арнаутки не могъ исполнить: во всей Могилевской губерніи нѣтъ такой. Свиней же здѣсь кормятъ большею частію брагой, подмѣшивая немного выигравшагося пива.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивая государыня, тетушка, пребываю племянникомъ

Иваномъ Шпонькою».

Наконецъ, Иванъ Ѳедоровичъ получилъ отставку, съ чиномъ поручика, нанялъ за сорокъ рублей жида отъ Могилева до Гадяча, и сѣлъ въ кибитку въ то самое время, когда деревья одѣлись молодыми, еще рѣдкими листьями, вся земля ярко зазеленѣла свѣжею зеленью, и по всему полю пахло весною.

II.

Дорога.

Въ дорогѣ ничего не случилось слишкомъ замѣчательнаго. Ѣхали съ небольшимъ двѣ недѣли. Можетъ-быть, еще и этого скорѣе пріѣхалъ бы Иванъ Ѳедоровичъ, но набожный жидъ шабашовалъ по субботамъ и, накрывшись своею попоной, молился весь день. Впрочемъ, Иванъ Ѳедоровичъ, какъ

уже имѣлъ я случай замѣтить прежде, былъ такой человѣкъ, который не допускалъ къ себѣ скуки. Въ то время развязывалъ онъ чемоданъ, вынималъ бѣлье, разсматривалъ его хорошенько: такъ ли вымыто, такъ ли сложено; снималъ осторожно пушокъ съ новаго мундира, сшитаго уже безъ погончиковъ, и снова все это укладывалъ наилучшимъ образомъ. Книгъ онъ, вообще сказать, не любилъ читать; а если заглядывалъ иногда въ гадательную книгу, такъ это потому, что любилъ встрѣчать тамъ знакомое, читанное уже нѣсколько разъ. Такъ городской житель отправляется каждый день въ клубъ, не для того, чтобы услышать тамъ что-нибудь новое, но чтобы встрѣтить тѣхъ пріятелей, съ которыми онъ уже съ незапамятныхъ временъ привыкъ болтать въ клубѣ. Такъ чиновникъ съ большимъ наслажденіемъ читаетъ адресъ-календарь по нѣскольку разъ въ день, не для какихъ-нибудь дипломатическихъ затѣй, но его тѣшитъ до крайности печатная роспись именъ. «А! Иванъ Гавриловичъ такой-то!..» повторяетъ онъ глухо про себя. «А! вотъ и я! гмъ!..» И на слѣдующій разъ снова перечитываетъ его съ тѣми же восклицаніями.

Послѣ двухнедѣльной ѣзды Иванъ Ѳедоровичъ достигнулъ деревушки, находившейся въ ста верстахъ отъ Гадяча. Это было въ пятницу. Солнце давно уже зашло, когда онъ въѣхалъ съ кибиткою и съ жидомъ на постоялый дворъ.

Этотъ постоялый дворъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, выстроенныхъ по небольшимъ деревушкамъ. Въ нихъ обыкновенно съ большимъ усердіемъ потчуютъ путешественника сѣномъ и овсомъ, какъ будто бы онъ былъ почтовая лошадь. Но если бы онъ захотѣлъ позавтракать, какъ обыкновенно завтракаютъ порядочные люди, то сохранилъ бы въ ненарушимости свой аппетитъ до другого случая. Иванъ Ѳедоровичъ, зная все это, заблаговременно запасся двумя вязками бубликовъ и колбасою и, спросивши рюмку водки, въ которой не бываетъ недостатка ни на одномъ постояломъ дворѣ, началъ свой ужинъ, усѣвшись на лавкѣ передъ дубовымъ столомъ, неподвижно вкопаннымъ въ глиняный полъ.

Въ продолженіе этого времени послышался стукъ брички. Ворота заскрипѣли; но бричка долго не въѣзжала на дворъ. Громскій голосъ бранился со старухою, содержавшею трактиръ.

«Я въѣду, — услышалъ Иванъ Ѳедоровичъ: — но если хоть одинъ клопъ укуситъ меня въ твоей хатѣ, то прибью, ей Богу, прибью, старая колдунья! и за сѣно ничего не дамъ!»

Минуту спустя, дверь отворилась, и вошелъ, или, лучше сказать, влѣзъ толстый человѣкъ въ зеленомъ сюртукѣ. Голова его неподвижно покоилась на короткой шеѣ, казавшейся еще толще отъ двухъэтажнаго подбородка. Казалось, и съ виду онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не ломали никогда головы надъ пустяками и которыхъ вся жизнь катилась по маслу.

— Желаю здравствовать, милостивый государь! — проговорилъ онъ, увидѣвши Ивана Ѳедоровича.

Иванъ Ѳедоровичъ безмолвно поклонился.

— А позвольте спросить: съ кѣмъ имѣю честь говорить? — продолжалъ толстый пріѣзжій.

При такомъ допросѣ Иванъ Ѳедоровичъ невольно поднялся съ мѣста и сталъ въ вытяжку, что обыкновенно онъ дѣлывалъ, когда спрашивалъ его о чемъ полковникъ.

— Отставной поручикъ, Иванъ Ѳедоровъ Шпонька,—отвѣчалъ онъ.

— А смѣю ли спросить, въ какія мѣста изволите ѣхать?

— Въ собственный хуторъ-съ, Вытребеньки.

— Вытребеньки! — воскликнулъ строгій допросчикъ. — Позвольте, милостивый государь, позвольте! — говорилъ онъ, подступая къ нему и размахивая руками, какъ будто бы кто-нибудь его не допускалъ, или онъ продирался сквозь толпу, и, приблизившись, принялъ Ивана Ѳедоровича въ объятія и облобызалъ сначала въ правую, потомъ въ лѣвую и потомъ снова въ правую щеку. Ивану Ѳедоровичу очень понравилось это лобызаніе, потому что губы его приняли большія щеки незнакомца за мягкія подушки.

— Позвольте, милостивый государь, познакомиться! — продолжалъ толстякъ:—я помѣщикъ того же гадяческаго повѣта и вашъ сосѣдъ; живу отъ хутора вашего Вытребеньки не дальше пяти верстъ, въ селѣ Хортыщѣ; а фамилія моя Григорій Григорьевичъ Сторченко. Непремѣнно, непремѣнно, милостивый государь, и знать васъ не хочу, если не пріѣдете въ гости въ село Хортыще. Я теперь спѣшу по надобности... А что это?—проговорилъ онъ кроткимъ голосомъ вошедшему своему жокею, мальчику въ казацкой свиткѣ, съ заплатанными локтями, съ недоумѣвающею миною, ставившему на столъ узлы и ящики. — Что это, что? — и голосъ Григорія Григорьевича незамѣтно дѣлался грознѣе и грознѣе.—Развѣ я это сюда велѣлъ ставить тебѣ, любезный? Развѣ я это сюда говорилъ ставить тебѣ, подлецъ? Развѣ я не говорилъ тебѣ напередъ разогрѣть курицу, мошенникъ? Пошелъ! — вскрикнулъ онъ, топнувъ ногою. — Постой, рожа! Гдѣ погребецъ со штофиками? Иванъ Ѳедоровичъ!—говорилъ онъ, наливая рюмку настойки:—прошу покорно лѣкарственной!

— Ей Богу-съ, не могу... я уже имѣлъ случай... — проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ съ запинкою.

— И слушать не хочу, милостивый государь! — возвысилъ голосъ помѣщикъ:—и слушать не хочу! Съ мѣста не сойду, покамѣстъ не выкушаете...

Иванъ Ѳедоровичъ, увидѣвши, что нельзя отказаться, и безъ удовольствія выпилъ.

— Это курица, милостивый государь, — продолжалъ толстый Григорій Григорьевичъ, разрѣзывая ее ножомъ въ деревянномъ ящикѣ. — Надобно вамъ сказать, что повариха моя, Явдоха, иногда любитъ куликнуть, и оттого часто пересушиваетъ... Эй, хлопче!—тутъ оборотился онъ къ мальчику въ казацкой свиткѣ, принесшему перину и подушки: — постели постель мнѣ на полу посереди хаты! Смотри же, сѣна повыше наклади подъ подушку! Да выдерни у бабы изъ мычки клочокъ пеньки заткнуть мнѣ уши на ночь! Надобно вамъ знать, милостивый государь, что я имѣю обыкновеніе затыкать на ночь уши съ того проклятаго случая, когда въ одной русской корчмѣ залѣзъ мнѣ въ лѣвое ухо тараканъ. Проклятые кацапы, какъ я послѣ узналъ, ѣдятъ даже щи съ тараканами. Невозможно описать, что происходило со мною: въ ухѣ такъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ... ну, хоть на стѣну! Мнѣ помогла уже въ нашихъ мѣстахъ простая старуха, и чѣмъ бы вы думали? просто, зашептываніемъ. Что вы скажите, милостивый государь, о лѣкаряхъ? Я думаю, что они, просто, морочатъ и дурачатъ насъ: иная старуха въ двадцать разъ лучше знаетъ всѣхъ этихъ лѣкарей.

— Дѣйствительно, вы изволите говорить совершенную-съ правду. Иная точно бываетъ...

Тутъ онъ остановился, какъ бы не прибирая далѣе приличнаго слова. Не мѣшаетъ здѣсь и мнѣ сказать, что онъ вообще не былъ щедръ на слова. Можетъ-быть, это происходило отъ робости, а можетъ, и отъ желанія выразиться красивѣе.

— Хорошенько, хорошенько перетряси сѣно! — говорилъ Григорій Григорьевичъ своему лакею: — тутъ сѣно такое гадкое, что, того и гляди, какъ-

нибудь попадетъ сучокъ. Позвольте, милостивый государь, пожелать спокойной ночи! Завтра уже не увидимся: я выѣзжаю до зари. Вашъ жидъ будетъ шабашовать, потому что завтра суббота, такъ вамъ нечего и вставать рано. Не забудьте же моей просьбы: и знать васъ не хочу, когда не пріѣдете въ село Хортыще.

Тутъ камердинеръ Григорія Григорьевича стащилъ съ него сюртукъ и сапоги и натянулъ вмѣсто того халатъ, а Григорій Григорьевичъ повалился на постель, и, казалось, огромная перина легла на другую.

— Эй, хлопче! куда же ты, подлецъ? Поди сюда, поправь мнѣ одѣяло! Эй, хлопче, подмости подъ голову сѣна! Да что, коней уже напоили? Еще сѣна! Сюда, подъ этотъ бокъ! Да поправь, подлецъ, хорошенько одѣяло! Вотъ такъ, еще! Охъ!..

Тутъ Григорій Григорьевичъ еще вздохнулъ раза два и пустилъ страшный носовой свистъ по всей комнатѣ, всхрапывая по временамъ такъ, что дремавшая на лежанкѣ старуха, пробудившись, вдругъ смотрѣла въ оба глаза на всѣ стороны, но, не видя ничего, успокоивалась и засыпала снова.

На другой день, когда проснулся Иванъ Ѳедоровичъ, толстаго помѣщика уже не было. Это было одно только замѣчательное происшествіе, случившееся съ нимъ на дорогѣ. На третій день послѣ того приближался онъ къ своему хуторку.

Тутъ почувствовалъ онъ, что сердце въ немъ сильно забилось, когда выглянула, махая крыльями, вѣтряная мельница и, когда, по мѣрѣ того, какъ жидъ гналъ своихъ клячъ на гору, показывался внизу рядъ вербъ. Живо и ярко блестѣлъ сквозь нихъ прудъ и дышалъ свѣжестью. Здѣсь когда-то онъ купался; въ этомъ самомъ прудѣ онъ когда-то съ ребятишками брелъ по шею въ водѣ за раками. Кибитка взъѣхала на греблю, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ тотъ же самый старинный домикъ, покрытый очеретомъ, тѣ же самыя яблони и черешни, по которымъ онъ когда-то украдкою лазилъ. Только что въѣхалъ онъ во дворъ, какъ сбѣжались со всѣхъ сторонъ собаки всѣхъ сортовъ: бурыя, черныя, сѣрыя, пѣгія. Нѣкоторыя съ лаемъ кидались подъ ноги лошадямъ, другія бѣжали сзади, замѣтивъ, что ось вымазана саломъ: одна, стоя возлѣ кухни и накрывъ лапою кость, заливалась во все горло; другая лаяла издали и бѣгала взадъ и впередъ, помахивая хвостомъ и какъ бы приговаривая: «Посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человѣкъ!» Мальчишки, въ запачканныхъ рубашкахъ, бѣжали глядѣть. Свинья, прохаживавшаяся по двору съ шестнадцатью поросятами, подняла вверхъ съ испытующимъ видомъ свое рыло и хрюкнула громче обыкновеннаго. На дворѣ лежало на землѣ множество ряденъ съ пшеницею, просомъ и ячменемъ, сушившимися на солнцѣ. На крышѣ тоже не мало сушилось разнаго рода травъ: Петровыхъ батоговъ, нечуй-витера и другихъ.

Иванъ Ѳедоровичъ такъ былъ занятъ разсматриваніемъ этого, что очнулся тогда только, когда пѣгая собака укусила слѣзавшаго съ козелъ жида за икру. Сбѣжавшаяся дворня, состоявшая изъ поварихи, одной бабы и двухъ дѣвокъ въ шерстяныхъ исподницахъ, послѣ первыхъ восклицаній: *та се жъ панычъ нашъ!* объявила, что тетушка садила въ огородѣ пшеничку, вмѣстѣ съ дѣвкою Палашкою и кучеромъ Омелькомъ, исправлявшимъ часто должность огородника и сторожа. Но тетушка, которая еще издали завидѣла рогожную кибитку, была уже здѣсь. И Иванъ Ѳедоровичъ изумился, когда она почти подняла его на рукахъ, какъ бы не довѣряя, та ли эта тетушка, которая писала къ нему о своей дряхлости и болѣзни.

III.

Тетушка.

Тетушка Василиса Кашпаровна въ это время имѣла лѣтъ около пятидесяти. Замужемъ она никогда не была и обыкновенно говорила, что жизнь дѣвическая для нея дороже всего. Впрочемъ, сколько мнѣ помнится, никто и не сватался ее. Это происходило оттого, что всѣ мужчины чувствовали при ней какую-то робость и никакъ не имѣли духа сдѣлать ей признаніе. «Весьма съ большимъ характеромъ Василиса Кашпаровна!» говорили женихи, и были совершенно правы, потому что Василиса Кашпаровна хоть кого умѣла сдѣлать тише травы. Пьяницу-мельника, который совершенно былъ ни къ чему негоденъ, она, собственною своею мужественною рукою дергая каждый день за чубъ, безъ всякаго посторонняго средства, умѣла сдѣлать золотомъ, а не человѣкомъ. Ростъ она имѣла почти исполинскій, дородность и силу совершенно соразмѣрную. Казалось, что природа сдѣлала непростительную ошибку, опредѣливъ ей носить темно-коричневый, по будняхъ, капотъ съ мелкими сборками и красную кашемировую шаль въ день Свѣтлаго Воскресенья и своихъ именинъ, тогда какъ ей болѣе всего шли бы драгунскіе усы и длинные ботфорты. Зато занятія ея совершенно соотвѣтствовали ея виду: она каталась сама на лодкѣ, гребя весломъ искуснѣе всякаго рыболова; стрѣляла дичь; стояла неотлучно надъ косарями; знала наперечетъ число дынь и арбузовъ на баштанѣ; брала пошлину по пяти копеекъ съ воза, проѣзжавшаго черезъ ея гроблю; взлѣзала на дерево и трусила груши, била лѣнивыхъ вассаловъ своею страшною рукою и подносила достойнымъ рюмку водки тою же грозною рукою. Почти въ одно время она брапилась, красила пряжу, бѣгала на кухню, дѣлала квасъ, варила медовое варенье и хлопотала весь день и вездѣ поспѣвала. Слѣдствіемъ этого было то, что маленькое имѣньице Ивана Ѳедоровича, состоявшее изъ осьмнадцати душъ по послѣдней ревизіи, процвѣтало въ полномъ смыслѣ сего слова. Къ тому жъ она слишкомъ горячо любила своего племянника и тщательно собирала для него копейку.

По пріѣздѣ домой жизнь Ивана Ѳедоровича рѣшительно измѣнилась и пошла совершенно другою дорогою. Казалось, натура именно создала его для управленія осьмнадцатидушнымъ имѣніемъ. Сама тетушка замѣтила, что онъ будетъ хорошимъ хозяиномъ, хотя, впрочемъ, не во всѣ еще отрасли хозяйства позволяла ему вмѣшиваться.

— *Воно ще молода дытына!* — обыкновенно она говаривала, несмотря на то, что Ивану Ѳедоровичу было безъ малаго сорокъ лѣтъ: — гдѣ ему все знать!

Однакожъ онъ неотлучно бывалъ въ полѣ при жнецахъ и косаряхъ, и это доставляло наслажденіе неизъяснимое его кроткой душѣ. Единодушный взмахъ десятка и болѣе блестящихъ косъ; шумъ падающей стройными рядами травы; изрѣдка заливающіяся пѣсни жницъ, то веселыя, какъ встрѣча гостей, то заунывныя, какъ разлука; спокойный, чистый вечеръ,—и что за вечеръ! какъ воленъ и свѣжъ воздухъ! какъ тогда оживлено все: степь краснѣетъ, синѣетъ и горитъ цвѣтами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насѣкомыхъ, отъ нихъ свистъ, жужжаніе, трескъ, крикъ и вдругъ стройный хоръ; и все не молчитъ на минуту; а солнце садится и кроется. У! какъ свѣжо и хорошо! По полю, то тамъ, то тамъ, раскладываются огни и ставятъ котлы и вкругъ кот-

ловъ садятся усатые косари; паръ отъ галушекъ несется; сумерки сѣрѣютъ... Трудно разсказать, что дѣлалось тогда съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Онъ забывалъ, присоединяясь къ косарямъ, отвѣдать ихъ галушекъ, которыя очень любилъ, и стоялъ недвижимо на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами пропадавшую въ небѣ чайку или считая копы нажатаго хлѣба, унизывавшія поле.

Въ непродолжительномъ времени объ Иванѣ Ѳедоровичѣ вездѣ пошли рѣчи, какъ о великомъ хозяинѣ. Тетушка не могла нарадоваться своимъ племянникомъ и никогда не упускала случая имъ похвастаться. Въ одинъ день,—это было уже по окончаніи жатвы, а именно въ концѣ іюля,—Василиса Кашпаровна, взявши Ивана Ѳедоровича съ таинственнымъ видомъ за руку, сказала, что она теперь хочетъ поговорить съ нимъ о дѣлѣ, которое съ давнихъ поръ уже ее занимаетъ.

— Тебѣ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ,—такъ она начала,—извѣстно, что въ твоемъ хуторѣ осьмнадцать душъ, впрочемъ, это по ревизіи, а безъ того, можетъ, наберется больше, можетъ, будетъ до двадцати четырехъ. Но не объ этомъ дѣло. Ты знаешь тотъ лѣсокъ, что за нашею левадою, и, вѣрно, знаешь за тѣмъ же лѣсомъ широкій лугъ: въ немъ двадцать безъ малаго десятинъ; а травы столько, что можно каждый годъ продавать больше, чѣмъ на сто рублей, особенно, если, какъ говорятъ, въ Гадячѣ будетъ конный полкъ.

— Какъ же-съ, тетушка, знаю: трава очень хорошая.

— Это я сама знаю, что очень хорошая; но знаешь ты, что вся эта земля, по-настоящему, твоя? Что жъ ты такъ выпучилъ глаза? Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ! Ты помнишь Степана Кузьмича? Что я говорю: «помнишь!» Ты тогда былъ такимъ маленькимъ, что не могъ выговорить даже его имени. Куда жъ! Я помню, когда пріѣхала на самое пущенье, передъ Филипповкою, и взяла было тебя на руки, ты чуть не испортилъ мнѣ всего платья; къ счастію, что успѣла передать тебя мамкѣ Матренѣ; такой ты тогда былъ гадкій!.. Но не объ этомъ дѣло. Вся земля, которая за нашимъ хуторомъ, и самое село Хортыще, было Степана Кузьмича. Онъ, надобно тебѣ объявить, еще тебя не было на свѣтѣ, какъ началъ ѣздить къ твоей матушкѣ,—правда, въ такое время, когда отца твоего не бывало дома. Но я, однакожъ, это не въ укоръ ей говорю,—упокой, Господи, ея душу!—хотя покойница была всегда неправа противъ меня. Но не объ этомъ дѣло. Какъ бы то ни было, только Степанъ Кузьмичъ сдѣлалъ тебѣ дарственную запись на то самое имѣніе, о которомъ я тебѣ говорила. Но покойница твоя матушка, между нами будь сказано, была пречудного нрава. Самъ чортъ (Господи, прости меня за это гадкое слово!) не могъ бы понять ее. Куда она дѣла эту запись—одинъ Богъ знаетъ. Я думаю, просто, что она въ рукахъ этого стараго холостяка, Григорія Григорьевича Сторченка. Этой пузатой шельмѣ досталось все имѣніе. Я готова ставить Богъ знаетъ что, если онъ не утаилъ записи.

— Позвольте-съ доложить, тетушка: не тотъ ли это Сторченко, съ которымъ я познакомился на станціи?

Тутъ Иванъ Ѳедоровичъ разсказалъ про свою встрѣчу.

— Кто его знаетъ!—отвѣчала, немного подумавъ, тетушка:—можетъ-быть, онъ и не негодяй. Правда, онъ, всего только полгода, какъ переѣхалъ къ намъ жить; въ такое время человѣка не узнаешь. Старуха-то, матушка его, я слышала, очень разумная женщина, и говорятъ, большая мастерица солить огурцы; ковры собственныя дѣвки ея умѣютъ отлично хорошо выдѣлывать. Но такъ какъ ты говоришь, что онъ тебя хорошо принялъ, то поѣзжай къ нему: можетъ-быть, старый грѣшникъ послушается совѣсти и отдастъ, что принадлежитъ не ему. Пожалуй, можешь поѣхать въ бричкѣ, только проклятая дитвора по-

выдергала сзади всѣ гвозди; нужно будетъ сказать кучеру Омелькѣ, чтобы прибилъ вездѣ получше кожу.

— Для чего, тетушка? Я возьму повозку, въ которой вы ѣздите иногда стрѣлять дичь.

Этимъ окончился разговоръ.

IV.

Обѣдъ.

Въ обѣденную пору Иванъ Ѳедоровичъ въѣхалъ въ село Хортыще и немного оробѣлъ, когда сталъ приближаться къ господскому дому. Домъ этотъ былъ длинный и не подъ очеретяною, какъ у многихъ окружныхъ помѣщиковъ, но подъ деревянною крышею. Два амбара на дворѣ тоже подъ деревянною крышею; ворота дубовыя. Иванъ Ѳедоровичъ похожъ былъ на того франта, который, заѣхавъ на балъ, видитъ всѣхъ, куда ни оглянется, одѣтыхъ щеголеватѣе его. Изъ почтенія онъ остановилъ свой возокъ возлѣ амбара и подошелъ пѣшкомъ къ крыльцу.

— А! Иванъ Ѳедоровичъ!—закричалъ толстый Григорій Григорьевичъ, ходившій по двору въ сюртукѣ, но безъ галстука, жилета и подтяжекъ. Однакожъ и этотъ нарядъ, казалось, обременялъ его тучную ширину, потому что потъ катился съ него градомъ.

— Что жъ вы говорили, что сейчасъ, какъ только увидитесь съ тетушкой, пріѣдете, да и не пріѣхали?

Послѣ этихъ словъ губы Ивана Ѳедоровича встрѣтили тѣ же самыя знакомыя подушки.

— Большею частію занятія по хозяйству. Я-съ пріѣхалъ къ вамъ на минутку, собственно, по дѣлу...

— На минутку? Вотъ этого-то не будетъ. Эй, хлопче!—закричалъ толстый хозяинъ, и тотъ же самый мальчикъ въ казацкой свиткѣ выбѣжалъ изъ кухни.—Скажи Касьяну, чтобы ворота сейчасъ заперъ,—слышишь!—заперъ крѣпче! А коней вотъ этого пана распрягъ бы сію минуту... Прошу въ комнату: здѣсь такая жара, что у меня вся рубашка мокра.

Иванъ Ѳедоровичъ, вошедши въ комнату, рѣшился не терять напрасно времени и, несмотря на свою робость, наступать рѣшительно.

— Тетушка имѣла честь... сказывала мнѣ, что дарственная запись покойнаго Степана Кузьмича...

Трудно изобразить, какую непріятную мину сдѣлало при этихъ словахъ обширное лицо Григорія Григорьевича.

— Ей Богу ничего не слышу!—отвѣчалъ онъ.—Надобно вамъ сказать, что у меня въ лѣвомъ ухѣ сидѣлъ тараканъ (въ русскихъ избахъ проклятые кацапы вездѣ поразводили таракановъ); невозможно описать никакимъ перомъ, что за мученіе было—такъ вотъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ. Мнѣ помогла уже одна старуха самымъ простымъ средствомъ...

— Я хотѣлъ сказать...—осмѣлился прервать Иванъ Ѳедоровичъ, видя, что Григорій Григорьевичъ съ умысломъ хочетъ поворотить рѣчь на другое,—что въ завѣщаніи покойнаго Степана Кузьмича упоминается, такъ сказать, о дарственной записи... по ней слѣдуетъ мнѣ...

— Я знаю, это вамъ тетушка успѣла наговорить. Это ложь, ей Богу, ложь! Никакой дарственной записи дядюшка не дѣлалъ. Хотя, правда, въ завѣщаніи и упоминается о какой-то записи; но гдѣ же она? Никто не представилъ ея. Я вамъ это говорю потому, что искренно желаю вамъ добра. Ей Богу, это ложь!

Иванъ Ѳедоровичъ замолчалъ, разсуждая, что, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ тетушкѣ такъ только показалось.

— А вотъ идетъ сюда матушка съ сестрами!—сказалъ Григорій Григорьевичъ:—слѣдовательно, обѣдъ готовъ. Пойдемте!

Тутъ онъ потащилъ Ивана Ѳедоровича за руку въ комнату, въ которой стояли на столѣ водка и закуски.

Въ то самое время вошла старушка, низенькая, совершенный кофейникъ въ чепчикѣ, съ двумя барышнями—бѣлокурой и черноволосой. Иванъ Ѳедоровичъ, какъ воспитанный кавалеръ, подошелъ сначала къ старушкиной ручкѣ, а послѣ къ ручкамъ обѣихъ барышень.

— Это, матушка, нашъ сосѣдъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька!—сказалъ Григорій Григорьевичъ.

Старушка смотрѣла пристально на Ивана Ѳедоровича, или, можетъ-быть, только казалась смотрящею. Впрочемъ, это была совершенная доброта; казалось, она такъ и хотѣла спросить Ивана Ѳедоровича: «Сколько вы на зиму насаливаете огурцовъ?»

— Вы водку пили?—спросила старушка.

— Вы, матушка, вѣрно, не выспались,—сказалъ Григорій Григорьевичъ:—кто жъ спрашиваетъ гостя, пилъ ли онъ? Вы потчуйте только; а пили ли мы, или нѣтъ, это наше дѣло. Иванъ Ѳедоровичъ! прошу: золототысячниковой, или трохимовской сивушки? какую вы лучше любите? Иванъ Ивановичъ, а ты что стоишь?—произнесъ Григорій Григорьевичъ, оборотившись назадъ, и Иванъ Ѳедоровичъ увидѣлъ подходившаго къ водкѣ Ивана Ивановича, въ долгополомъ сюртукѣ, съ огромнымъ стоячимъ воротникомъ, закрывавшимъ весь его затылокъ, такъ что голова его сидѣла въ воротникѣ какъ будто въ бричкѣ.

Иванъ Ивановичъ подошелъ къ водкѣ, потеръ руки, разсмотрѣлъ хорошенько рюмку, налилъ, поднесъ къ свѣту, вылилъ разомъ изъ рюмки всю водку въ ротъ, но, не проглатывая, пополоскалъ ею хорошенько во рту, послѣ чего уже проглотилъ, и, закусивши хлѣбомъ съ солеными опенками, оборотился къ Ивану Ѳедоровичу:

— Не съ Иваномъ ли Ѳедоровичемъ, господиномъ Шпонькою, имѣю честь говорить?

— Такъ точно-съ,—отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Очень много изволили перемѣниться съ того времени, какъ я васъ знаю. Какъ же!—продолжалъ Иванъ Ивановичъ:—я еще помню васъ вотъ какими!—При этомъ поднялъ онъ ладонь на аршинъ отъ пола.—Покойный батюшка вашъ, дай Боже ему царствіе небесное, рѣдкій былъ человѣкъ. Арбузы и дыни всегда бывали у него такіе, какихъ теперь нигдѣ не найдете. Вотъ хоть бы и тутъ, — продолжалъ онъ, отводя его въ сторону: — подадутъ вамъ за столомъ дыни, — что за дыни? смотрѣть не хочется! Вѣрите ли, милостивый государь, что у него были арбузы,—произнесъ онъ съ таинственнымъ видомъ, разставляя руки, какъ будто бы хотѣлъ обхватить толстое дерево:—ей Богу, вотъ какіе!

— Пойдемте за столъ!—сказалъ Григорій Григорьевичъ, взявши Ивана Ѳедоровича за руку.

Григорій Григорьевичъ сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ въ концѣ стола, завѣсившись огромною салфеткою и походя въ этомъ видѣ на тѣхъ героевъ, которыхъ рисуютъ цырюльники на своихъ вывѣскахъ. Иванъ Ѳедоровичъ, краснѣя, сѣлъ на указанное ему мѣсто противъ двухъ барышень; и Иванъ Ивановичъ не преминулъ помѣститься возлѣ него, радуясь душевно, что будетъ кому сообщать свои познанія.

— Вы напрасно взяли куприкъ, Иванъ Ѳедоровичъ! Это индѣйка!—сказала старушка, обратившись къ Ивану Ѳедоровичу, которому въ это время поднесъ блюдо деревенскій официантъ въ сѣромъ фракѣ съ черною заплатою.—Возьмите спинку.

— Матушка! вѣдь васъ никто не проситъ мѣшаться!—произнесъ Григорій Григорьевичъ.—Будьте увѣрены, что гость самъ знаетъ, что ему взять! Иванъ Ѳедоровичъ! возьмите крылышко, вонъ другое, съ пупкомъ! Да что жъ вы такъ мало взяли? Возьмите стегнышко! Ты что разинулъ ротъ съ блюдомъ! Проси! Становись, подлецъ, на колѣни! Говори сейчасъ: «Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стегнышко!»

— Иванъ Ѳедоровичъ, возьмите стегнышко!—проревѣлъ, ставъ на колѣни, официантъ съ блюдомъ.

— Гмъ! что это за индѣйки!—сказалъ вполголоса Иванъ Ивановичъ съ видомъ пренебреженія, оборотившись къ своему сосѣду.—Такія ли должны быть индѣйки? Если бы вы увидѣли у меня индѣекъ! Я васъ увѣряю, что жиру въ одной больше, чѣмъ въ десяткѣ такихъ, какъ эти. Вѣрите ли, государь мой, что даже противно смотрѣть, когда ходятъ онѣ у меня по двору—такъ жирны!..

— Иванъ Ивановичъ, ты лжешь!—произнесъ Григорій Григорьевичъ, вслушавшись въ его рѣчь.

— Я вамъ скажу, — продолжалъ все такъ же своему сосѣду Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто бы онъ не слышалъ словъ Григорія Григорьевича:—что прошлый годъ, когда я отправлялъ ихъ въ Гадячъ, давали по пятидесяти копеекъ за штуку, и то еще не хотѣлъ брать.

— Иванъ Ивановичъ! я тебѣ говорю, что ты лжешь!—произнесъ Григорій Григорьевичъ, для лучшей ясности, по складамъ и громче прежняго.

Но Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто это совершенно относилось не къ нему, продолжалъ такъ же, но только гораздо тише:

— Именно, государь мой, не хотѣлъ брать. Въ Гадячѣ ни у одного помѣщика...

— Иванъ Ивановичъ! вѣдь ты глупъ, и больше ничего,—громко сказалъ Григорій Григорьевичъ.—Вѣдь Иванъ Ѳедоровичъ знаетъ все это лучше тебя и, вѣрно, не повѣритъ тебѣ.

Тутъ Иванъ Ивановичъ совершенно обидѣлся, замолчалъ и принялся убирать индѣйку, несмотря на то, что она не такъ была жирна, какъ тѣ, на которыя противно смотрѣть.

Стукъ ножей, ложекъ и тарелокъ замѣнилъ на время разговоръ; но громче всего слышалось высмактываніе Григоріемъ Григорьевичемъ мозгу изъ бараньей кости.

— Читали ли вы, — спросилъ Иванъ Ивановичъ, послѣ нѣкотораго молчанія, высовывая голову изъ своей брички къ Ивану Ѳедоровичу,—книгу «Путешествіе Коробейникова ко святымъ мѣстамъ?» Истинное услажденіе души и сердца! Теперь такихъ книгъ не печатаютъ. Очень сожалительно, что не посмотрѣлъ, котораго году.

Иванъ Ѳедоровичъ, услышавши, что дѣло идетъ о книгѣ, прилежно началъ набирать себѣ соусу.

— Истинно удивительно, государь мой, какъ подумаешь, что простой мѣщанинъ прошелъ всѣ мѣста эти: болѣе трехъ тысячъ верстъ, государь мой! болѣе трехъ тысячъ верстъ! Подлинно его Самъ Господь сподобилъ побывать въ Палестинѣ и Іерусалимѣ.

— Такъ вы говорите, что онъ,—сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, который много наслышался о Іерусалимѣ еще отъ своего денщика, — былъ и въ Іерусалимѣ?

— О чемъ вы говорите, Иванъ Ѳедоровичъ?—пропзнесъ съ конца стола Григорій Григорьевичъ.

— Я, то-есть, имѣлъ случай замѣтить, что какія есть на свѣтѣ далекія страны!—сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, будучи сердечно доволенъ тѣмъ, что выговорилъ столь длинную и трудную фразу.

— Не вѣрьте ему, Иванъ Ѳедоровичъ!—сказалъ Григорій Григорьевичъ, не вслушавшись хорошенько:—все вретъ!

Между тѣмъ обѣдъ кончился. Григорій Григорьевичъ отправился въ свою комнату по обыкновенію немножко всхрапнуть; а гости пошли вслѣдъ за старушкою-хозяйкою и барышнями въ гостиную, гдѣ тотъ самый столъ, на которомъ оставили они, выходя обѣдать, водку, какъ бы превращеніемъ какимъ, покрылся блюдечками съ вареньемъ разныхъ сортовъ и блюдами съ арбузами, вишнями и дынями.

Отсутствіе Григорія Григорьевича замѣтно было во всемъ: хозяйка сдѣлалась словоохотнѣе и открывала сама, безъ просьбы, множество секретовъ насчетъ дѣланія пастилы и сушенія грушъ. Даже барышни стали говорить; но бѣлокурая, которая казалась моложе шестью годами своей сестры и которой по виду было около двадцати пяти лѣтъ, была молчаливѣе.

Но болѣе всѣхъ говорилъ и дѣйствовалъ Иванъ Ивановичъ. Будучи увѣренъ, что его теперь никто не собьетъ и не смѣшаетъ, онъ говорилъ и объ огурцахъ, и о посѣвѣ картофеля, и о томъ, какіе въ старину были разумные люди,—куда противъ теперешнихъ!—и о томъ, какъ все, чѣмъ далѣе, умнѣетъ и доходитъ къ выдумыванію мудрѣйшихъ вещей. Словомъ, это былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые съ величайшимъ удовольствіемъ любятъ позаняться услаждающимъ душу разговоромъ и будутъ говорить обо всемъ, о чемъ только можно говорить. Если разговоръ касался важныхъ и благочестивыхъ предметовъ, то Иванъ Ивановичъ вздыхалъ послѣ каждаго слова, кивая слегка головою; ежели до хозяйственныхъ, то высовывалъ голову изъ своей брички и дѣлалъ такія мины, глядя на которыя, кажется, можно было прочитать, какъ нужно дѣлать грушевый квасъ, какъ велики тѣ дыни, о которыхъ онъ говорилъ, и какъ жирны тѣ гуси, которые бѣгаютъ у него по двору

Наконецъ, съ великимъ трудомъ, уже ввечеру, удалось Ивану Ѳедоровичу распрощаться и, несмотря на свою сговорчивость и на то, что его насильно оставляли ночевать, онъ устоялъ-таки въ своемъ намѣреніи ѣхать,—и уѣхалъ.

V.

Новый замыселъ тетушки.

— Ну, что, выманилъ у стараго лиходѣя запись?

Такимъ вопросомъ встрѣтила Ивана Ѳедоровича тетушка, которая съ нетерпѣніемъ дожидалась его уже нѣсколько часовъ на крыльцѣ и не вытерпѣла, наконецъ, чтобы не выбѣжать за ворота.

— Нѣтъ, тетушка,—сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, слѣзая съ повозки,—у Григорія Григорьевича нѣтъ никакой записи!

— И ты повѣрилъ ему? Вретъ онъ, проклятый! Когда-нибудь попаду, право, поколочу его собственными руками. О, я ему поспущу жиру! Впрочемъ, нужно напередъ поговорить съ нашимъ подсудкомъ, нельзя ли судомъ съ него стребовать... Но не объ этомъ теперь дѣло. Ну, что жъ, обѣдъ былъ хорошій?

— Очень... да, весьма, тетушка!

— Ну, какія жъ были кушанья? разскажи. Старуха-то, я знаю, мастерица присматривать за кухней.

— Сырники были со сметаною, тетушка; соусъ съ голубями, начиненными..

— А индѣйка со сливами была?—спросила тетушка, потому что сама была большая искусница приготовлять это блюдо.

— Была и индѣйка!.. Весьма красивыя барышни сестрицы Григорія Григорьевича, особенно бѣлокурая!

— А!—сказала тетушка и посмотрѣла пристально на Ивана Ѳедоровича, который, покраснѣвъ, потупилъ глаза въ землю. Новая мысль быстро промелькнула въ ея головѣ.—Ну, что жъ?—спросила она съ любопытствомъ и живо:—какія у ней брови?

Не мѣшаетъ замѣтить, что тетушка всегда поставляла первую красоту женщины въ бровяхъ.

— Брови, тетушка, совершенно-съ такія, какія, вы разсказывали, въ молодости были у васъ. И по всему лицу небольшія веснушки.

— А!—сказала тетушка, будучи довольна замѣчаніемъ Ивана Ѳедоровича, который, однакожъ, не имѣлъ и въ мысляхъ сказать этимъ комплиментъ.—Какое же было на ней платье? хотя, впрочемъ, теперь трудно найти такихъ плотныхъ матерій, какая вотъ хоть бы, напримѣръ, у меня на этомъ капотѣ. Но не объ этомъ дѣло. Ну, что жъ, ты говорилъ о чемъ-нибудь съ нею?

— То-есть, какъ... я-съ, тетушка? Вы, можетъ-быть, уже думаете...

— А что жъ? Что тутъ диковиннаго? Такъ Богу угодно! Можетъ-быть, тебѣ съ нею на роду написано жить парочкою.

— Я не знаю, тетушка, какъ вы можете это говорить. Это доказываетъ, что вы совершенно не знаете меня...

— Ну, вотъ, уже и обидѣлся!—сказала тетушка. «*Ще молода дытына*!—подумала она про себя:—ничего не знаетъ! Нужно ихъ свести вмѣстѣ: пусть познакомятся!»

Тутъ тетушка пошла заглянуть въ кухню и оставила Ивана Ѳедоровича. Но съ этого времени она только и думала о томъ, какъ увидѣть скорѣе своего племянника женатымъ и поняньчить маленькихъ внучатъ. Въ головѣ ея громоздились одни только приготовленія къ свадьбѣ, и замѣтно было, что она во всѣхъ дѣлахъ суетилась гораздо болѣе, нежели прежде, хотя, впрочемъ, эти дѣла болѣе или хуже, нежели лучше. Часто, дѣлая какое-нибудь пирожное, котораго вообще она никогда не довѣряла кухаркѣ, она, позабывшись и воображая, что возлѣ нея стоитъ маленькій внучекъ, просящій пирога, разсѣянно протягивала къ нему руку съ лучшимъ кускомъ, а дворовая собака, пользуясь этимъ, схватывала лакомый кусокъ и своимъ громкимъ чваканьемъ, выводила ее изъ задумчивости, за что и бывала всегда бита кочергою. Даже оставила она любимыя свои занятія и не ѣздила на охоту, особливо, когда, вмѣсто куропатки, застрѣлила ворону, чего никогда прежде съ нею не бывало.

Наконецъ, спустя дня четыре послѣ этого, всѣ увидѣли выкаченную изъ сарая на дворъ бричку. Кучеръ Омелько, онъ же и огородникъ и сторожъ, еще съ ранняго утра стучалъ молоткомъ и приколачивалъ кожу, отгоняя безпрестанно собакъ, лизавшихъ колеса. Долгомъ почитаю предувѣдомить читателей, что это была именно та самая бричка, въ которой еще ѣздилъ Адамъ; и потому, если кто будетъ выдавать другую за адамовскую, то это сущая ложь, и бричка непремѣнно поддѣльная. Совершенно неизвѣстно, какимъ образомъ спаслась она отъ потопа; должно думать, что въ Ноевомъ ковчегѣ былъ особенный для нея сарай. Жаль очень, что читателямъ нельзя описать живо ея фигуры. Довольно сказать, что Василиса Кашпаровна была очень довольна ея архитектурою и всегда изъявляла сожалѣніе, что вывелись изъ моды старинные экипажи. Самое устройство брички немного на бокъ, то-есть, такъ, что правая сто-

Бѣлокурая барышня осталась и сѣла на диванъ. Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, какъ на иголкахъ, краснѣлъ и потуплялъ глаза; но барышня, казалось, вовсе этого не замѣчала и равнодушно сидѣла на диванѣ, разсматривая прилежно окна и стѣны или слѣдуя глазами за кошкою.

рона ея была гораздо выше лѣвой, ей очень нравилось, потому что съ одной стороны можетъ, какъ она говорила, влѣзать малорослый, а съ другой—великорослый. Впрочемъ, внутри брички могло помѣститься штукъ пять малорослыхъ и трое такихъ, какъ тетушка.

Около полудня Омелько, управившись около брички, вывелъ изъ конюшни тройку лошадей, немного чѣмъ моложе брички, и началъ привязывать ихъ веревкою къ величественному экипажу. Иванъ Ѳедоровичъ и тетушка, одинъ съ лѣвой стороны, другая съ правой, влѣзли въ бричку, и она тронулась. Попавшіеся на дорогѣ мужики, видя такой богатый экипажъ (тетушка очень рѣдко выѣзжала въ немъ), почтительно останавливались, снимали шапки и кланялись въ поясъ.

Часа черезъ два кибитка остановилась предъ крыльцомъ,—думаю, не нужно говорить: предъ крыльцомъ дома Сторченка. Григорія Григорьевича не было дома. Старушка съ барышнями вышла встрѣтить гостей въ столовую. Тетушка подошла величественнымъ шагомъ, съ большою ловкостію отставила одну ногу впередъ и сказала громко:

— Очень рада, государыня моя, что имѣю честь лично доложить вамъ мое почтеніе; а вмѣстѣ съ решпеткомъ позвольте поблагодарить за хлѣбосольство ваше къ племяннику моему, Ивану Ѳедоровичу, который много имъ хвалится. Прекрасная у васъ гречиха, сударыня,—я видѣла ее, подъѣзжая къ селу. А позвольте узнать, сколько копъ вы получаете съ десятины?

Послѣ сего послѣдовало всеобщее лобызаніе. Когда же усѣлись въ гостиной, то старушка-хозяйка начала:

— Насчетъ гречихи я не могу вамъ сказать: это часть Григорія Григорьевича; я уже давно не занимаюсь этимъ, да и не могу: уже стара! Въ старину у насъ, бывало, я помню, гречиха была по поясъ; теперь Богъ знаетъ, что, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что теперь все лучше.

Тутъ старушка вздохнула, и какому-нибудь наблюдателю послышался бы въ этомъ вздохѣ вздохъ стариннаго осьмнадцатаго столѣтія.

— Я слышала, моя государыня, что у васъ собственныя ваши дѣвки отличные умѣютъ выдѣлывать ковры,—сказала Василиса Кашпаровна, и этимъ задѣла старушку за самую чувствительную струну: при этихъ словахъ она какъ будто оживилась, и рѣчи у ней полилися о томъ, какъ должно красить пряжу, какъ приготовлять для этого нитку.

Съ ковровъ быстро съѣхалъ разговоръ на соленіе огурцовъ и сушеніе грушъ. Словомъ, не прошло часу, какъ обѣ дамы такъ разговорились между собою, будто вѣкъ были знакомы. Василиса Кашпаровна многое уже начала говорить съ нею такимъ тихимъ голосомъ, что Иванъ Ѳедоровичъ ничего не могъ разслушать.

— Да не угодно ли посмотрѣть?—сказала, вставая, старушка-хозяйка.

За нею встали барышки и Василиса Кашпаровна, и всѣ потянулись въ дѣвичью. Тетушка, однакожъ, дала знакъ Ивану Ѳедоровичу остаться и сказала что-то тихо старушкѣ.

— Машенька!—сказала старушка, обращаясь къ бѣлокурой барышнѣ,—останься съ гостемъ, да поговори съ нимъ, чтобы гостю не было скучно!

Бѣлокурая барышня осталась и сѣла на диванъ. Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, какъ на иголкахъ, краснѣлъ и потуплялъ глаза; но барышня, казалось, вовсе этого не замѣчала и равнодушно сидѣла на диванѣ, разсматривая прилежно окна и стѣны или слѣдуя глазами за кошкою, трусливо пробѣгавшею подъ стульями.

Иванъ Ѳедоровичъ немного ободрился и хотѣлъ было начать разговоръ; но казалось, что всѣ слова свои растерялъ онъ на дорогѣ. Ни одна мысль не приходила ему на умъ.

Молчаніе продолжалось около четверти часа. Барышня все такъ же сидѣла. Наконецъ Иванъ Ѳедоровичъ собрался съ духомъ:

— Лѣтомъ очень много мухъ, сударыня! — произнесъ онъ полудрожащимъ голосомъ.

— Чрезвычайно много! — отвѣчала барышня. — Братецъ нарочно сдѣлалъ хлопушку изъ стараго маменькинаго башмака, но все еще очень много.

Тутъ разговоръ опять прекратился, и Иванъ Ѳедоровичъ никакимъ образомъ уже не находилъ рѣчи.

Наконецъ хозяйка съ тетушкою и чернявою барышнею возвратились. Поговоривши еще немного, Василиса Кашпаровна распростилась съ старушкою и барышнями, несмотря на всѣ приглашенія остаться ночевать. Старушка и барышни вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись выглядывавшимъ изъ брички тетушкѣ и племянницу.

— Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, о чемъ же вы говорили вдвоемъ съ барышнею?—спросила дорогою тетушка.

— Весьма скромная и благонравная дѣвица Марья Григорьевна! — сказалъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ: я хочу поговорить съ тобою сурьезно: Вѣдь тебѣ, слава Богу, тридцать осьмой годъ; чинъ ты уже имѣешь хорошій: пора подумать и объ дѣтяхъ! Тебѣ непремѣнно нужна жена...

— Какъ, тетушка! — вскричалъ, испугавшись, Иванъ Ѳедоровичъ: — какъ, жена! Нѣтъ-съ, тетушка, сдѣлайте милость... Вы совершенно въ стыдъ меня приводите... Я еще никогда не былъ женатъ... Я совершенно не знаю, что съ нею дѣлать!

— Узнаешь, Иванъ Ѳедоровичъ, узнаешь, — промолвила, улыбаясь, тетушка, и подумала про себя: *«Куда жъ! ще зовсимъ молода дытына*: ничего не знаетъ!»—Да, Иванъ Ѳедоровичъ!—продолжала она вслухъ:—лучшей жены нельзя сыскать тебѣ, какъ Марья Григорьевна. Тебѣ же она притомъ очень понравилась. Мы ужъ насчетъ этого много переговорили съ старухою: она очень рада видѣть тебя своимъ зятемъ. Еще неизвѣстно, правда, что скажетъ этотъ грѣходѣй Григорьевичъ; но мы не посмотримъ на него, и пусть только онъ вздумаетъ не отдать приданаго, мы его судомъ...

Въ это время бричка подъѣхала къ двору, и древнія клячи ожили, чуя близкое стойло.

— Слушай, Омелько! конямъ дай прежде отдохнуть хорошенько, а не веди тотчасъ, распрягши, къ водопою: они лошади горячія.— Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, — продолжала, вылѣзая, тетушка, — я совѣтую тебѣ хорошенько подумать объ этомъ. Мнѣ еще нужно забѣжать въ кухню: я позабыла Солохѣ заказать ужинъ, а она, негодная, я думаю, сама и не подумала объ этомъ.

Но Иванъ Ѳедоровичъ стоялъ, какъ будто громомъ оглушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!.. Это казалось ему такъ странно, такъ чудно, что онъ никакъ не могъ подумать безъ страха. Жить съ женою!.. непонятно! Онъ не одинъ будетъ въ своей комнатѣ, но ихъ должно быть вездѣ двое!.. Потъ проступалъ у него на лицѣ, по мѣрѣ того, какъ углублялся онъ въ размышленіе.

Ранѣе обыкновеннаго легъ онъ въ постель, но, несмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ заснуть. Наконецъ желанный сонъ, этотъ всеобщій успокоитель, посѣтилъ его; но какой сонъ! Еще несвязнѣе сновидѣній онъ никогда не видывалъ. То снилось ему, что вкругъ него все шумитъ, вертится, а онъ бѣжитъ, бѣжитъ, не чувствуетъ подъ собою ногъ... Вотъ уже выбивается изъ силъ... Вдругъ кто-то хватаетъ его за ухо. «Ай! кто это?»—

«Это я, твоя жена!» съ шумомъ говорилъ ему какой-то голосъ,—и онъ вдругъ пробуждался. То представлялось ему, что онъ уже женатъ, что все въ домикѣ ихъ такъ чудно, такъ странно: въ его комнатѣ стоитъ, вмѣсто одинокой, двойная кровать; на стулѣ сидитъ жена. Ему странно: онъ не знаетъ, какъ подойти къ ней, что говорить съ нею, и замѣчаетъ, что у нея гусиное лицо. Нечаянно поворачивается онъ въ сторону и видитъ другую жену, тоже съ гусинымъ лицомъ. Поворачивается въ другую сторону, — стоитъ третья жена; назадъ, — еще одна жена. Тутъ его беретъ тоска: онъ бросился бѣжать въ садъ; но въ саду жарко, онъ снялъ шляпу, видитъ: и въ шляпѣ сидитъ жена. Потъ выступилъ у него на лицѣ. Полѣзъ въ карманъ за платкомъ — и въ карманѣ жена; вынулъ изъ уха хлопчатую бумагу — и тамъ сидитъ жена... То вдругъ онъ прыгалъ на одной ногѣ, а тетушка, глядя на него, говорила съ важнымъ видомъ: «Да, ты долженъ прыгать, потому что ты теперь женатый человѣкъ». Онъ къ ней; но тетушка—уже не тетушка, а колокольня. И чувствуетъ, что его кто-то тащитъ веревкою на колокольню. «Кто это тащитъ меня?» жалобно проговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ! «Это я, жена твоя, тащу тебя, потому что ты — колоколъ!»—«Нѣтъ, я не колоколъ, я Иванъ Ѳедоровичъ!» кричалъ онъ. «Да, ты колоколъ», говорилъ, проходя мимо, полковникъ П*** пѣхотнаго полка. То вдругъ снилось ему, что жена вовсе не человѣкъ, а какая-то шерстяная матерія; что онъ въ Могилевѣ приходитъ въ лавку къ купцу. «Какой прикажете матеріи?—говоритъ купецъ.—Вы возьмите жены, это самая модная матерія! очень добротная! изъ нея всѣ теперь шьютъ себѣ сюртуки». Купецъ мѣряетъ и рѣжетъ жену. Иванъ Ѳедоровичъ беретъ ее подъ мышку, идетъ къ жиду портному. «Нѣтъ,— говоритъ жидъ: — это дурная матерія! изъ нея никто не шьетъ себѣ сюртука»...

Въ страхѣ и безпамятствѣ просыпается Иванъ Ѳедоровичъ; холодный потъ льется съ него градомъ.

Какъ только всталъ онъ поутру, тотчасъ обратился къ гадательной книгѣ, въ концѣ которой одинъ добродѣтельный книгопродавецъ, по своей рѣдкой добротѣ и безкорыстію, помѣстилъ сокращенный сноголкователь. Но тамъ совершенно не было ничего, даже хотя немного похожаго на такой безсвязный сонъ.

Между тѣмъ въ головѣ тетушки созрѣлъ совершенно новый замыселъ, о которомъ узнаете въ слѣдующей главѣ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.

БЫЛЬ,

разсказанная дьячкомъ ***ской церкви.

Ей Богу, уже надоѣло разсказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: разсказывай да и разсказывай, и отвязаться нельзя. Ну, извольте, я разскажу, только ей-ей, въ послѣдній разъ. Да вотъ вы говорили насчетъ того, что человѣкъ можетъ совладать, какъ говорятъ, съ нечистымъ духомъ. Оно, конечно, то-есть, если хорошенько подумать, бываютъ на свѣтѣ всякіе случаи... Однакожъ не говорите этого: захочетъ обморочить дьявольская сила, то обморочитъ, ей Богу, обморочитъ!.. Вотъ извольте видѣть: насъ всѣхъ у отца было четверо: я тогда былъ еще дурень, всего мнѣ было лѣтъ одиннадцать... такъ нѣтъ же, не одиннадцать: я помню, какъ теперь, когда разъ побѣжалъ было на четверенькахъ и сталъ лаять по-собачьи, батько закричалъ на меня, покачавъ головою:

— Эй, Ѳома, Ѳома! Тебя женить пора, а ты дурѣешь, какъ молодой лошакъ!

Дѣдъ былъ еще тогда живъ и на ноги,—пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ,—довольно крѣпокъ. Бывало, вздумаетъ... Да что жъ этакъ разсказывать? Одинъ выгребаетъ изъ печки цѣлый часъ уголь для своей трубки, другой зачѣмъ-то побѣжалъ за комору [1]). Что въ самомъ дѣлѣ!.. Добро бы поневолѣ, а то вѣдь сами же напросились... Слушать, такъ слушать!

Батько еще въ началѣ весны повезъ въ Крымъ на продажу табакъ; не помню только, два или три воза снарядилъ онъ; табакъ былъ тогда въ цѣнѣ.

---

[1]) „Комора—амбаръ“.

Съ собою взялъ онъ трехгодового брата — приучать заранѣе чумаковать; насъ осталось: дѣдъ, мать, я да братъ, да еще братъ. Дѣдъ засѣялъ баштанъ [1]) на самой дорогѣ и перешелъ жить въ курень [2]); взялъ и насъ съ собою гонять воробьевъ и сорокъ съ баштана. Намъ это было нельзя сказать, чтобы худо: бывало, наѣшься въ день столько огурцовъ, дыпь, рѣпы, цыбули [3]), гороху, что въ животѣ, ей Богу, какъ будто пѣтухи кричатъ. Ну, оно притомъ же и прибыльно: проѣзжіе толкутся по дорогѣ, всякому захочется полакомиться арбузомъ или дынею, да изъ окрестныхъ хуторовъ, бывало, панесутъ на обмѣнъ куръ, яицъ, индѣекъ. Житье было хорошее.

Но дѣду болѣе всего любо было то, что чумаковъ каждый день возовъ пятьдесятъ проѣдетъ. Народъ, знаете, бывалый: пойдетъ разсказывать,—только уши развѣшивай! А дѣду это все равно, что голодному галушки. Иной разъ, бывало, случится встрѣча съ старыми знакомыми,—дѣда всякій уже зналъ; можете посудить сами, что бываетъ, когда соберется старье: тара, тара, тогда-то да тогда-то, такое-то да такое-то было... Ну, и разольются! Вспомянутъ, Богъ знаетъ, когдашнее.

Разъ,—ну, вотъ, право, какъ будто теперь случилось, — солнце стало уже садиться, дѣдъ ходилъ по баштану и снималъ съ кавуновъ [4]) листья, которыми прикрывалъ ихъ днемъ, чтобы не попекались на солнцѣ.

— Смотри, Остапъ,—говорю я брату,—вонъ чумаки ѣдутъ!

— Гдѣ чумаки? — сказалъ дѣдъ, положивши значокъ на большой дынѣ, чтобы на случай не съѣли хлопцы.

По дорогѣ тянулось, точно, возовъ шесть. Впереди шелъ чумакъ уже съ сизыми усами. Не дошедши шаговъ,— какъ бы вамъ сказать?— на десять, онъ остановился.

— Здорово, Максимъ! Вотъ привелъ Богъ гдѣ увидѣться!

Дѣдъ прищурилъ глаза.

— А! Здорово, здорово! Откуда Богъ несетъ? И Болячка здѣсь? Здорово, здорово, братъ! Что за дьяволъ! Да тутъ всѣ: и Крутотрыщенко! и Печерыця! Ковелекъ! и Стецько! Здорово! А-га-га! го-го!..

И пошли цѣловаться.

Воловъ распрягли и пустили пастись на траву, возы оставили на дорогѣ, а сами сѣли всѣ въ кружокъ впереди куреня и закурили люльки. Но куда уже тутъ до люлекъ? За розсказнями да за раздобарами врядъ ли и по одной досталось. Послѣ полдника сталъ дѣдъ потчевать гостей дынями. Вотъ каждый, взявши по дынѣ, очистилъ ее чистенько ножикомъ (колачи всѣ были тертые, мыкали не мало, знали уже, какъ ѣдятъ въ свѣтѣ, — пожалуй, и за панскій столъ хоть сейчасъ готовы сѣсть); обчистивши хорошенечко, проткнулъ каждый пальцемъ дырочку, выпилъ изъ нея кисель, сталъ рѣзать по кусочкамъ и класть въ ротъ.

— Что жъ вы, хлопцы, — сказалъ дѣдъ, — рты свои разинули? Танцуйте, собачьи дѣти! Гдѣ, Остапъ, твоя сопилка? [5]) А, ну-ка, казачка! Ѳома, берись въ боки! Ну, вотъ, такъ! Гей, гопъ!

Я былъ тогда малый подвижной. Старость проклятая! Теперь уже не пойду такъ; вмѣсто всѣхъ выкрутасовъ, ноги только спотыкаются. Долго глядѣлъ дѣдъ на насъ, сидя съ чумаками. Я замѣчаю, что у него поги не постоятъ на мѣстѣ: такъ, какъ будто ихъ что-нибудь дергаетъ.

— Смотри, Ѳома,—сказалъ Остапъ,—если старый хрѣнъ не пойдетъ танцовать!

---

[1]) „Баштанъ — мѣсто, засѣянное арбузами и дынями“. [2]) „Курень — соломенный шалашъ“. [3]) „Цыбуля—лукъ“. [4]) „Кавунъ—арбузъ“. [5]) „Сопилка—дудка“.

Что жъ вы думаете? не успѣлъ онъ сказать, — не вытерпѣлъ старичина! Захотѣлось, знаете, прихвастнуть предъ чумаками.

— Вишь, чортовы дѣти, развѣ такъ танцуютъ? Вотъ какъ танцуютъ! — сказалъ онъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки и ударивъ каблуками.

Ну, нечего сказать, танцовать-то онъ танцовалъ такъ, что хоть бы и съ гетманшею. Мы посторонились, и пошелъ хрѣнъ вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами. Только что дошелъ, однакожъ, до половины и хотѣлъ разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, — не подымаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошелъ до середины,—не беретъ. Что хочь, дѣлай,—не беретъ, да и не беретъ. Ноги, какъ деревянныя, стали.

Мы посторонились, и пошелъ хрѣнъ вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами.

— Вишь, дьявольское мѣсто! Вишь, сатанинское наваждение! Впутается не Продъ, врагъ рода человѣческаго!

Ну, какъ надѣлать сраму передъ чумаками? Пустился снова и началъ чесать дробно, мелко, любо глядѣть; до середины,—нѣтъ, не вытанцовывается, да и полно!

— А, шельмовскій сатана! Чтобъ ты подавился гнилою дынею, чтобъ еще маленькимъ издохнулъ, собачій сынъ! Вотъ на старость надѣлалъ стыда какого!..

И въ самомъ дѣлѣ сзади кто-то засмѣялся.

Оглянулся: ни баштану, ни чумаковъ, ничего; назади, впереди, по сторонамъ,—гладкое поле.

— Э, ссс... вотъ тебѣ на!

Началъ прищуривать глаза—мѣсто, кажись, не совсѣмъ незнакомое: съ боку—лѣсъ, изъ-за лѣса торчалъ какой-то шестъ и видѣлся прочь—далеко въ небѣ.

Что за пропасть! Да это голубятня, что у попа въ огородѣ! Съ другой стороны тоже что-то сѣрѣетъ; вглядѣлся—гумно волостного писаря. Вотъ куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругомъ, наткнулся онъ на дорожку. Мѣсяца не было: бѣлое пятно мелькало вмѣсто него сквозь тучу.

«Быть завтра большому вѣтру!» подумалъ дѣдъ.

Глядь—въ сторонѣ отъ дорожки, на могилкѣ, вспыхнула свѣчка.

— Вишь!

Сталъ дѣдъ и руками подперся въ боки и глядитъ: свѣчка потухла; вдали и немного подалѣе загорѣлась другая.

— Кладъ!—закричалъ дѣдъ.— Я ставлю, Богъ знаетъ что, если не кладъ.

И уже поплевалъ было въ руки, чтобы копать, да спохватился, что нѣтъ при немъ ни заступа ни лопаты.

— Эхъ, жаль! Ну,—кто знаетъ!—можетъ-быть, стоитъ только поднять дернъ, а онъ тутъ и лежитъ, голубчикъ! Нечего дѣлать, назначить, по крайней мѣрѣ, мѣсто, чтобы не позабыть послѣ!

Вотъ, перетянувши сломанную, видно, вихремъ порядочную вѣтку дерева, навалилъ онъ ее на ту могилку, гдѣ горѣла свѣчка, и пошелъ по дорожкѣ. Молодой дубовый лѣсъ сталъ рѣдѣть; мелькнулъ плетень.

«Ну, такъ! Не говорилъ ли я,—подумалъ дѣдъ,—что это попова левада [1])? Вотъ и плетень его! Теперь и версты нѣтъ до баштана».

Поздненько, однакожъ, пришелъ онъ домой и галушекъ не захотѣлъ ѣсть. Разбудивши брата Остапа, спросилъ только, давно ли уѣхали чумаки, и завернулся въ тулупъ. И когда тотъ началъ было спрашивать:

— А куда тебя, дѣдъ, черти дѣли сегодня?

— Не спрашивай,— сказалъ онъ, завертываясь еще крѣпче.— Не спрашивай, Остапъ, не то посѣдѣешь!

И захрапѣлъ такъ, что воробьи, которые забрались было на баштанъ, подымались съ перепугу на воздухъ. Но гдѣ ужъ тамъ ему спалось? Нечего сказать, хитрая была бестія, — дай, Боже, ему царствіе небесное! — умѣлъ отдѣлаться всегда. Иной разъ такую запоетъ пѣсню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться въ полѣ, дѣдъ надѣлъ свитку, подпоясался, взялъ подъ мышку заступъ и лопату, надѣлъ на голову шапку, выпилъ кухоль сыровцу [1]), утеръ губы полою и пошелъ прямо къ попову огороду. Вотъ минулъ и плетень и низенькій дубовый лѣсъ. Промежъ деревьевъ вьется дорожка и выходитъ въ поле: кажись, та самая. Вышелъ и на поле — мѣсто точь въ точь вчерашнее: вонъ и голубятня торчитъ, но гумна не видно.

— Нѣтъ, это не то мѣсто. То, стало-быть, подалѣе; нужно, видно, поворотить къ гумну!

Поворотилъ назадъ, сталъ итти другою дорогою, — гумно видно, а, голубятни нѣтъ! Опять поворотилъ поближе къ голубятнѣ, — гумно спряталось. Въ полѣ, какъ нарочно, сталъ накрапывать дождикъ. Побѣжалъ снова къ гумну,—голубятня пропала; къ голубятнѣ,—гумно пропало.

— А чтобъ ты, проклятый сатана, не дождалъ дѣтей своихъ видѣть!

А дождь пустился, какъ изъ ведра. Вотъ, скинувши новые сапоги и обернувши въ хустку [2]), чтобы не покоробились отъ дождя, задалъ онъ такого бѣгуна, какъ будто папскій иноходецъ. Влѣзъ въ курень, промокши насквозь, накрылся тулупомъ и принялся ворчать что-то сквозь зубы и приголубивать

---

[1]) „Левада—поле, окопанное рвомъ“. [2]) „Сыровецъ—хлѣбный квасъ“. [1]) „Хустка—платокъ“.

чорта такими словами, какихъ я еще отроду не слыхивалъ. Признаюсь, я бы, вѣрно, покраснѣлъ, если бы случилось это среди дня.

На другой день проснулся, смотрю: уже дѣдъ ходитъ по баштану, какъ ни въ чемъ не бывало, и прикрываетъ лопухомъ арбузы. За обѣдомъ опять старичина разговорился, сталъ пугать меньшого брата, что онъ обмѣняетъ его на куръ, вмѣсто арбуза, а пообѣдавши, сдѣлалъ самъ изъ дерева пищикъ и началъ на немъ играть и далъ намъ забавляться дыню, свернувшуюся въ три погибели, словно змѣю, которую называлъ онъ турецкою. Теперь такихъ дынь я нигдѣ не видывалъ: правда, сѣмена ему что-то издалека достались.

Ввечеру, уже повечерявши, дѣдъ пошелъ съ заступомъ прокопать новую грядку для позднихъ тыквъ. Сталъ проходить мимо того заколдованнаго мѣста, не вытерпѣлъ, чтобы не проворчать сквозь зубы:

— Проклятое мѣсто!

Взошелъ на средину, гдѣ не вытанцовывалось позавчера, и ударилъ всердцахъ заступомъ. Глядь: вокругъ него опять то же самое поле — съ одной стороны торчитъ голубятня, а съ другой—гумно.

— Ну, хорошо, что догадался взять съ собою заступъ. Вонъ и дорожка! Вонъ и могилка стоитъ! Вонъ и вѣтка навалена! Вонъ-вонъ горитъ и свѣчка! Какъ бы только не ошибиться!

Потихоньку побѣжалъ онъ, поднявши заступъ вверхъ, какъ будто бы хотѣлъ имъ попотчевать кабана, затесавшагося на баштанъ, и остановился передъ могилкою. Свѣчка погасла: на могилѣ лежалъ камень, заросшій травою.

«Этотъ камень нужно поднять!»подумалъ дѣдъ и началъ обкапывать его со всѣхъ сторонъ.

Великъ проклятый камень! Вотъ, однакожъ, упершись крѣпко ногами въ землю, пихнулъ онъ его съ могилы.

— Гу!—пошло по долинѣ.

— Туда тебѣ и дорога! Теперь живѣе пойдетъ дѣло!

Тутъ дѣдъ остановился, досталъ рожокъ, насыпалъ на кулакъ табаку и готовился было поднести къ носу, какъ вдругъ надъ головой его «чихи!» чихнуло что-то такъ, что покачнулись деревья, и дѣду забрызгало все лицо.

— Отворотился хоть бы въ сторону, когда хочешь чихнуть! — проговорилъ дѣдъ, протирая глаза.

Осмотрѣлся, — никого нѣтъ.

— Нѣтъ, не любитъ, видно, чортъ табаку! — продолжалъ онъ, кладя рожокъ за пазуху и принимаясь за заступъ. — Дурень же онъ, а такого табаку ни дѣду ни отцу его не доводилось нюхать!

Сталъ копать; земля мягкая, заступъ такъ и ходитъ. Вотъ что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидѣлъ онъ котелъ.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — вскрикнулъ дѣдъ, подсовывая подъ него заступъ.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — запищалъ птичій носъ, клюнувши котелъ.

Посторонился дѣдъ и выпустилъ заступъ.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — заблеяла баранья голова съ верхушки дерева.

— А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты! — заревѣлъ медвѣдь, высунувши изъ-за дерева свое рыло.

Дрожь проняла дѣда.

— Да тутъ страшно слово сказать! — проворчалъ онъ про себя.

— Тутъ страшно слово сказать! — пискнулъ птичій носъ.

— Страшно слово сказать! — заблеяла баранья голова.

— Слово сказать! — ревнулъ медвѣдь.

— Гмъ... — сказалъ дѣдъ и самъ перепугался.

— Гмъ! — пропищалъ носъ.

— Гмъ! — проблеялъ баранъ.

— Гумъ! — заревѣлъ медвѣдь.

Со страхомъ оборотился дѣдъ: Боже ты мой, какая ночь! Ни звѣздъ ни мѣсяца; вокругъ провалы, подъ ногами круча безъ дна; надъ головою свѣсилась гора, и вотъ-вотъ, кажись, такъ и хочетъ оборваться на него! И чудится дѣду, что изъ-за нея мигаетъ какая-то харя: у! у! носъ — какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри — хоть по ведру воды влей въ каждую! губы, ей Богу, какъ двѣ колоды! красныя очи выкатились наверхъ, и еще и языкъ высунула и дразнитъ!

— Чортъ съ тобою! — сказалъ дѣдъ, бросивъ котелъ. — На тебѣ и кладъ твой! Экая мерзостная рожа!

И уже ударился было бѣжать, да оглядѣлся и сталъ, увидѣвши, что все было попрежнему.

— Это только пугаетъ нечистая сила!

Принялся снова за котелъ, — нѣтъ, тяжелъ! Что дѣлать? Тутъ же не оставить! Вотъ, собравши всѣ силы, ухватился онъ за него руками:

— Ну, разомъ, разомъ! Еще, еще! — и вытащилъ. — Ухъ, теперь понюхать табаку!

Досталъ рожокъ. Прежде, однакожъ, чѣмъ сталъ насыпать, осмотрѣлся хорошенько, нѣтъ ли кого. Кажись, что нѣтъ: но вотъ чудится ему, что пень дерева пыхтитъ и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза, ноздри раздулись, носъ поморщился, и вотъ такъ и собирается чихнуть.

«Нѣтъ, не понюхаю табаку, — подумалъ дѣдъ, спрятавши рожокъ, — опять заплюетъ сатана очи!»

Схватилъ скорѣе котелъ и давай бѣжать, сколько доставало духу; только слышитъ, что сзади что-то такъ и чешетъ прутьями по ногамъ.

— Ай! ай! ай! — покрикивалъ только дѣдъ, ударивъ во всю мочь, и какъ добѣжалъ до попова огорода, тогда только перевелъ немного духъ.

«Куда это зашелъ дѣдъ?» думали мы, дожидаясь часа три.

Уже съ хутора давно пришла мать и принесла горшокъ горячихъ галушекъ. Нѣтъ, да и нѣтъ дѣда! Стали опять вечерять сами. Послѣ вечери вымыла мать горшокъ и искала глазами, куда бы вылить помои, потому что вокругъ все были гряды, какъ видитъ, идетъ прямо къ ней навстрѣчу кухва [1]). На небѣ былотаки темненько. Вѣрно, кто-нибудь изъ хлопцевъ, шаля, спрятался сзади и подталкиваетъ ее.

— Вотъ кстати, сюда вылить помои! — сказала и вылила горячіе помои.

— Ай! — что-то закричало басомъ.

Глядь,—дѣдъ. Ну, кто его знаетъ! Ей Богу, думали, что бочка лѣзетъ! Признаюсь, хоть оно и грѣшно немного, а, право, смѣшно показалось, когда сѣдая голова дѣда вся была окунута въ помои и обвѣшана корками отъ арбузовъ и дынь.

— Вишь, чортова баба, — сказалъ дѣдъ, обтирая голову полою, — какъ опарила! Какъ будто свинью передъ Рождествомъ! Ну, хлопцы, будетъ вамъ теперь на бублики! Будете, собачьи дѣти, ходить въ золотыхъ жупанахъ! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вамъ принесъ!—сказалъ дѣдъ и открылъ котелъ.

Что жъ бы, вы думали, такое тамъ было? Ну, по малой мѣрѣ, подумавши хорошенько: а? золото? Вотъ то-то, что не золото: соръ, дрязгъ... стыдно сказать, что такое. Плюнулъ дѣдъ, кинулъ котелъ и руки послѣ того вымылъ.

---

[1]) „Кухва — родъ кадки“.

И чудится дѣду, что изъ-за горы мигаетъ какая-то харя: у! у! носъ—какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри—хоть по ведру воды влей въ каждую! губы, ой Богу, какъ двѣ колоды! красныя очи выкатились наверхъ, и еще и языкъ высунула и дразнитъ!—Чортъ съ тобою!—сказалъ дѣдъ, бросивъ котелъ.—На тебѣ и кладъ твой! Экая мерзостная рожа!

И съ той поры заклялъ дѣдъ и насъ вѣрить когда-либо чорту.

— И не думайте, — говорилъ онъ часто намъ, — все, что ни скажетъ врагъ Господа Христа, все солжетъ, собачій сынъ! У него правды и на копейку нѣтъ!

И, бывало, чуть только, услышитъ старикъ, что въ иномъ мѣстѣ неспокойно. — А, ну-те, ребята, давайте крестить! — закричитъ намъ. — Такъ его! Такъ его! Хорошенько! — и начнетъ класть кресты.

А то проклятое мѣсто, гдѣ не вытанцовывалось, загородилъ плетнемъ, велѣлъ кидать все, что ни есть непотребнаго, весь бурьянъ и соръ, который выгребалъ изъ баштана.

Такъ вотъ какъ морочитъ нечистая сила человѣка! Я знаю хорошо эту землю: послѣ того нанимали ее у батька подъ баштанъ сосѣдніе казаки. Земля славная, и урожай всегда бывалъ надиво; но на заколдованномъ мѣстѣ никогда не было ничего добраго. Засѣютъ, какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разобрать нельзя: арбузъ — не арбузъ, тыква — не тыква, огурецъ — не огурецъ... чортъ знаетъ, что такое!

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ, СЛУЖАЩІЯ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ ВЕЧЕРОВЪ НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Миргородъ нарочито невеликій при рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣетъ 1 канатную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтряныхъ мельницъ.

Географія Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТАРОСВѢТСКІЕ ПОМѢЩИКИ.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ «старосвѣтскими» и которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла еще зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не выказываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и неспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, ущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ

багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду, съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него,—все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ-быть, оттого, что я уже не вижу ихъ, и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который подымали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ—старички, старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ, среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя, по крайней мѣрѣ, на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую [1]) жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ—увы!—теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду со временемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое, жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ—и ничего болѣе. Грустно! мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Если бы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду [2]), я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ—пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или, просто, слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась, но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ, вѣрно бы, укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную,—жизнь, которую вели старыя, національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копейку съ сво-

---

[1]) Т.-е. пастушескую, деревенскую. [2]) Филемонъ и Бавкида—герои древнегреческаго разсказа о двухъ вѣрныхъ и добрыхъ супругахъ.

ихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ, наконецъ, капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти презрѣнныя и жалкія творенія такъ же, какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. «Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?»—«Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я». Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ. Когда-то, въ молодости, Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ [1]), былъ послѣ секундъ-майоромъ; но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳанасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ, по крайней мѣрѣ, никогда не говорилъ.

Всѣ эти давнія необыкновенныя происшествія замѣнились спокойною и уединенною жизнію, тѣми дремлющими и вмѣстѣ гармоническими грезами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный дождь роскошно шумитъ, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тѣмъ радуга крадется изъ-за деревьевъ и, въ видѣ полуразрушеннаго свода, свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ,—или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ, и душистая трава вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу. Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему; иногда и самъ говорилъ, но больше разспрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надоѣдаютъ вѣчными похвалами старому времени или порицаніями новаго: онъ, напротивъ, разспрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики, хотя оно нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, разсматриваетъ печатку вашихъ часовъ. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою.

Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненныя соломою, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлаютъ сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ, когда пылкая молодежь, прозябнувши отъ преслѣдованія за какой-нибудь смуглянкой, вбѣгаетъ въ нихъ, похлопывая въ ладоши. Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами хозяева давно позабыли ихъ содержаніе, и если бы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то они бы, вѣрно, этого не замѣтили. Два портрета было большихъ, писанныхъ масляными красками: одинъ представлялъ какого-то

---

[1]) Компанейцы—малороссійская кавалерія.

архіерея, другой—Петра III; изъ узенькихъ рамъ глядѣла герцогиня Лавальеръ, запачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множество небольшихъ картинокъ, которыя какъ-то привыкаешь почитать за пятна на стѣнѣ, и потому ихъ вовсе не разсматриваешь. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностію, съ какою, вѣрно, не содержится ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ.

Комната Пульхеріи Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстолѣтія, были укладены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится.

Но самое замѣчательное въ домѣ были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой-то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось. «Батюшки, я зябну!» Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ; майскою темною ночью, глядящею изъ сада сквозь растворенное окно на столъ, уставленный приборами; соловьемъ, который обдаетъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже! какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!

Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донынѣ садятся архіереи. Треугольные столики по угламъ, четыреугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которыя мухи усѣяли черными точками; передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ: вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Дѣвичья была набита молодыми и немолодыми дѣвушками въ полосатыхъ исподницахъ, которымъ иногда Пульхерія Ивановна давала шить какія-нибудь бездѣлушки и заставляла чистить ягоды, но которыя большею частію бѣгали на кухню и спали. Пульхерія Ивановна почитала необходимостью держать ихъ въ домѣ и строго смотрѣла за ихъ нравственностію; но, къ чрезвычайному ея удивленію, не проходило нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы у которой-нибудь изъ ея дѣвушекъ станъ не дѣлался гораздо полнѣе обыкновеннаго. Тѣмъ болѣе это казалось удивительно, что въ домѣ почти никого не было изъ холостыхъ людей, выключая развѣ только комнатнаго мальчика, который ходилъ въ сѣромъ полуфракѣ съ босыми ногами, и если не ѣлъ, то ужъ, вѣрно, спалъ. Пульхерія Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы впередъ этого не было.—На стеклахъ оконъ звенѣло страшное множество мухъ,

которыхъ всѣхъ покрывалъ толстый басъ шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаніями осъ; но, какъ только подавали свѣчи, вся эта ватага отправлялась на ночлегъ и покрывала черною тучею весь потолокъ.

Аѳанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя, впрочемъ, ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ огонь, и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, пастилою, дѣланными на меду, на сахарѣ и не помню еще на чемъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневыя косточки и къ концу этого процесса совершенно не былъ въ состояніи поворотить языкомъ, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вѣроятно, она потопила бы, наконецъ, весь дворъ (потому что Пульхерія Ивановна всегда, сверхъ расчисленнаго на потребленіе, любила приготовлять еще на запасъ), если бы большая половина этого не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои.

Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Приказчикъ, соединившись съ войтомъ [1]), обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собственные, надѣлывали множество саней и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того, всѣ толстые дубы они продавали на срубъ для мельницъ сосѣднимъ казакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ивановна пожелала обревизовать свои лѣса. Для этого были запряжены дрожки, съ огромными кожаными фартуками, отъ которыхъ, какъ только кучеръ встряхивалъ вожжами, и лошади, служившія еще въ милиціи, трогались съ своего мѣста, воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта, и бубны, и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скобка звенѣли до того, что возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани выѣзжала со двора, хотя это разстояніе было не менѣе двухъ верстъ. Пульхерія Ивановна не могла не замѣтить страшнаго опустошенія въ лѣсу и потери тѣхъ дубовъ, которые она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними.

— Отчего это у тебя, Ничипоръ,—сказала она, обратясь къ своему приказчику, тутъ же находившемуся,—дубки сдѣлались такъ рѣдкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на головѣ не стали рѣдки.

— Отчего рѣдки?—говаривалъ обыкновенно приказчикъ,—пропали! Такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили—пропали, пани, пропали!

Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и, пріѣхавши домой, давала повелѣніе удвоить только стражу въ саду около шпанскихъ вишенъ и большихъ зимнихъ дуль.

Эти достойные правители, приказчикъ и войтъ, нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе амбары, а что съ баръ будетъ довольно и

---

[1]) Войтъ—сельскій староста.

половины; наконецъ, и эту половину привозили они заплѣснѣвшую или подмоченную, которая была обракована на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали приказчикъ и войтъ; какъ ни ужасно жрали всѣ въ дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней, которыя истребляли страшное множество сливъ и яблокъ и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ; сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны; сколько дворня ни носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбаровъ старыя полотна и пряжу, что все обращалось къ всемірному источнику, т.-е. къ шинку; сколько ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи,—по благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно, что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ.

Оба старичка по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано), и какъ только двери заводили свой разноголосный концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платокъ, говорилъ:

— Кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!

На дворѣ ему обыкновенно попадался приказчикъ. Онъ по обыкновенію вступалъ съ нимъ въ разговоръ, разспрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностью и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства, и какой-нибудь новичокъ не осмѣлился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но приказчикъ его былъ обстрѣленная птица: онъ зналъ, какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хозяйничать.

Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ:

— А что, Пульхерія Ивановна, можетъ-быть, пора закусить чего-нибудь?

— Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? Развѣ коржиковъ съ саломъ, или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ-быть, рыжиковъ соленыхъ?

— Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ,—отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. И на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова: выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.

— Мнѣ кажется, какъ будто эта каша, —говаривалъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ,— немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою или вотъ возьмите этого соуса съ грибками и подлейте къ ней.

— Пожалуй,—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку,— попробуемъ, какъ оно будетъ.

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила:

— Вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.

— Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ срединѣ,— говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть:—бываетъ, что и красный, да нехорошій.

Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго съѣстного дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночевкахъ и въ прочихъ фруктохранилищахъ. Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной или самъ отправлялся къ ней и говорилъ:

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова: выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибками, разными сушеными рыбками и прочимъ.

— Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?

— Чего же бы такого? — говорила Пульхерія Ивановна.—Развѣ я пойду, скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?

— И то добре,— отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Или, можетъ-быть, вы съѣли бы киселику?

— И то хорошо, — отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. Послѣ чего все это было немедленно приносимо и, какъ водится, съѣдаемо.

Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое - чего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго садились ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ.

Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣ-

сколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ.

Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала:

— Чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?

— Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна; какъ будто немного животъ болитъ, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?

— Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна. Впрочемъ, чего жъ бы такого съѣсть?

— Кислаго молочка или жиденькаго узвара [1]) съ сушеными грушами.

— Пожалуй, развѣ такъ только — попробовать, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку, послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ:

— Теперь такъ, какъ будто сдѣлалось легче.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено. Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ подшутить надъ Пульхеріею Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

— А что, Пульхерія Ивановна, — говорилъ онъ, — если бы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?

— Вотъ это, Боже сохрани! — говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.

— Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ; куда бы мы перешли тогда?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ.

— Ну, а если бы сгорѣлъ?

— Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница.

— А если бы и кухня сгорѣла?

— Вотъ еще! Богъ сохранитъ отъ такого попущенія, чтобы вдругъ и домъ и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покамѣстъ выстроился бы новый домъ.

— А если бы и кладовая сгорѣла?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! Я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхеріею Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ соглашался на ихъ просьбы. Онѣ были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ.

---

[1]) Узваръ — великорусск. взваръ — сушеные плоды, вареные въ водѣ съ сахаромъ.

Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непремѣнно переночевать.

— Какъ можно такою позднею порою отправляться въ такую дальнюю дорогу! — всегда говорила Пульхерія Ивановна. (Гость обыкновенно жилъ въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ нихъ.)

— Конечно, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, — неравно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ.

— Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ! — говорила Пульхерія Ивановна.— И къ чему разсказывать этакое на ночь? Разбойники—не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ... я знаю вашего кучера: онъ такой тендитный [1]) да маленькій; его всякая кобыла побьетъ, да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь.

И гость долженъ былъ непремѣнно остаться, но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій разсказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя. Часто рѣчь заходила о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица выводилъ свои догадки и разсказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта, или просто разсказывалъ о предстоящей войнѣ; и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говаривалъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну:

— Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу итти на войну?

— Вотъ уже и пошелъ! — прерывала Пульхерія Ивановна. — Вы не вѣрьте ему,—говорила она, обращаясь къ гостю:—гдѣ уже ему, старому, итти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей Богу, застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ!

— Что жъ,— говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,— и я его застрѣлю.

— Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ! — подхватывала Пульхерія Ивановна.—Куда ему итти на войну? И пистоли его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ. Если бъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останется!

— Что жъ,— говорилъ Аѳанасій Ивановичъ,— я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю и казацкую пику.

— Это все выдумки. Такъ вотъ вдругъ придетъ въ голову, и начнетъ разсказывать!—подхватывала Пульхерія Ивановна съ досадою.—Я и знаю, что онъ шутитъ, а все-таки непріятно слушать. Вотъ этакое онъ всегда говоритъ; иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ.

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, смѣялся, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

Пульхерія Ивановна для меня была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ.

— Вотъ это,— говорила она, снимая пробку съ графина,—водка, настоенная на деревій и шалфей [2]): если у кого болятъ лопатки или поясница, то очень помогаетъ; вотъ это — на золототысячникъ: если въ ушахъ звенитъ, и по лицу лишаи дѣлаются, то очень помогаетъ; а вотъ это — перегонная на

---

[1]) „Тендитный — слабосильный, нѣжный“. [2]) Деревій и шалфей—растенія.

персиковыя косточки, вотъ возьмите рюмку, какой прекрасный запахъ! Если какъ-нибудь, вставая съ кровати, ударится кто объ уголъ шкапа или стола, и набѣжитъ на лбу гугля, то стоитъ только одну рюмочку выпить передъ обѣдомъ, и—все, какъ рукой, сниметъ; къ ту же минуту все пройдетъ, какъ будто вовсе не бывало. — Послѣ этого такой перечетъ слѣдовалъ и другимъ графинамъ, всегда почти имѣвшимъ какія-нибудь цѣлебныя свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявшихъ тарелокъ.— Вотъ это грибки съ чабрецомъ [1])! Это — съ гвоздиками и волошскими орѣхами. Солить ихъ выучила меня туркеня въ то время, когда еще турки были у насъ въ плѣну. Такая была добрая туркеня, и незамѣтно совсѣмъ, чтобы турецкую вѣру исповѣдывала: такъ совсѣмъ и ходитъ почти, какъ у насъ; только свинины не ѣла: говоритъ, что у нихъ какъ-то тамъ въ законѣ запрещено. Вотъ это грибки съ смородиннымъ листомъ и мушкатнымъ орѣхомъ. А вотъ это большія травянки; я ихъ еще въ первый разъ отваривала въ уксусѣ: не знаю, каковы-то онѣ. Я узнала секретъ отъ отца Ивана; въ маленькой кадушкѣ прежде всего нужно разостлать дубовые листья и потомъ посыпать перцемъ и селитрою, и положить еще, что бываетъ на нечуй-витерѣ [2]) — цвѣтъ, такъ этотъ цвѣтъ взять и хвостиками разостлать вверхъ. А вотъ это пирожки! это — пирожки съ сыромъ, это — съ урдою. А вотъ это тѣ, которые Аѳанасій Ивановичъ очень любитъ, съ капустою и гречневою кашею.

— Да,— прибавлялъ Аѳанасій Ивановичъ,— я ихъ очень люблю: они мягкіе и немножко кисленькіе.

Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ духѣ, когда бывали у нихъ гости. Добрая старушка! она вся принадлежала гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ, и, хотя объѣдался страшнымъ образомъ, какъ и всѣ, гостившіе у нихъ, хотя мнѣ это было очень вредно, однакожъ, я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхать. Впрочемъ, я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого-то особеннаго свойства, помогающаго пищеваренію, потому что, если бы здѣсь вздумалъ кто-нибудь такимъ образомъ накушаться, то, безъ сомнѣнія, вмѣсто постели очутился бы лежащимъ на столѣ.

Добрые старички! Но повѣствованіе мое приближается къ весьма печальному событію, измѣнившему навсегда жизнь этого мирнаго уголка. Событіе это покажется тѣмъ болѣе разительнымъ, что произошло отъ самаго маловажнаго случая. Но, по странному устройству вещей, всегда ничтожныя причины родили великія событія и, наоборотъ, великія предпріятія оканчивались ничтожными слѣдствіями. Какой-нибудь завоеватель собираетъ всѣ силы своего государства, воюетъ нѣсколько лѣтъ, полководцы его прославляются, и, наконецъ, все это оканчивается пріобрѣтеніемъ клочка земли, на которомъ негдѣ посѣять картофеля; а иногда, напротивъ, два какіе-нибудь колбасника двухъ городовъ подерутся между собою за вздоръ, и ссора объемлетъ, наконецъ, города, потомъ—села и деревни, а тамъ—и цѣлое государство. Но оставимъ эти разсужденія: они не идутъ сюда; притомъ я не люблю разсужденій, когда они остаются только разсужденіями.

У Пульхеріи Ивановны была сѣренькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубкомъ, у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцемъ по ея шейкѣ, которую балованая кошечка вытягивала какъ можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерія Ивановна слишкомъ

---

1) Чаберъ — растеніе. 2) Нечуй-витеръ — трава, которую даютъ свиньямъ для жиру.

любила ее, но просто привязалась къ ней, привыкши ее всегда видѣть. Аѳанасій Ивановичъ, однакожъ, часто подшучивалъ надъ такою привязанностію.

— Я не знаю, Пульхерія Ивановна, что вы такого находите въ кошкѣ; на что она? Если бы вы имѣли собаку, тогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охоту, а кошка на что? ·

— Ужъ молчите, Аѳанасій Ивановичъ, — говорила Пульхерія Ивановна,— вы любите только говорить, и больше ничего. Собака нечистоплотна, собака нагадитъ, собака перебьетъ все, а кошка — тихое твореніе, она никому не сдѣлаетъ зла.

Впрочемъ, Аѳанасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ такъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ находился у нихъ большой лѣсъ, который былъ совершенно пощаженъ предпріимчивымъ приказчикомъ, можетъ-быть, оттого, что стукъ топора доходилъ бы до самыхъ ушей Пульхеріи Ивановны. Онъ былъ глухъ, запущенъ, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатыя лапы голубей. Въ этомъ лѣсу обитали дикіе коты. Лѣсныхъ дикихъ котовъ не должно смѣшивать съ тѣми удальцами, которые бѣгаютъ по крышамъ домовъ, находясь въ городахъ: они, несмотря на крутой нравъ свой, гораздо болѣе цивилизованы, нежели обитатели лѣсовъ. Это, напротивъ того, большею частію народъ мрачный и дикій, они всегда ходятъ тощіе, худые, мяукаютъ грубымъ, необработаннымъ голосомъ. Они подрываются иногда подземнымъ ходомъ подъ самые амбары и крадутъ сало; являются даже въ самой кухнѣ, прыгнувши внезапно въ растворенное окно, когда замѣтятъ, что поваръ пошелъ въ бурьянъ. Вообще никакія благородныя чувства имъ неизвѣстны; они живутъ хищничествомъ и душатъ маленькихъ воробьевъ въ самыхъ ихъ гнѣздахъ. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру подъ амбаромъ съ кроткою кошечкою Пульхеріи Ивановны и, наконецъ, подманили ее, какъ отрядъ солдатъ подманиваетъ глупую крестьянку. Пульхерія Ивановна замѣтила пропажу кошки, послала искать ее, но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ вовсе о ней позабыла. Въ одинъ день, когда она ревизовала свой огородъ и возвращалась съ нарванными своею рукою зелеными свѣжими огурцами для Аѳанасія Ивановича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она какъ будто по инстинкту произнесла: «Кисъ, кисъ!» и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣренькая кошка, худая, тощая; замѣтно было, что она нѣсколько уже дней не брала въ ротъ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла передъ нею, мяукала и не смѣла подойти близко; видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самаго забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія, знакомыя мѣста, вошла и въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса и, сидя предъ нею, наслаждалась жадностію бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣренькая бѣглянка почти въ глазахъ ея растолстѣла и ѣла уже не такъ жадно. Пульхерія Ивановна протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная, видно, уже слишкомъ свыклась съ хищными котами или набралась романическихъ правилъ, что бѣдность при любви лучше палатъ, а коты были голы, какъ соколы, — какъ бы то ни было, она выпрыгнула въ окошко, и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ея.

Задумалась старушка.

«Это смерть моя приходила за мною!» сказала она сама себѣ, и ничто не могло ея разсѣять. Весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила; Пульхерія Ивановна была безотвѣтна или отвѣчала совершенно не такъ, чтобы можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

— Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?

— Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ. Я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе: я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру: смерть моя уже приходила за мною!

Уста Аѳанасія Ивановича какъ-то болѣзненно искривились. Онъ хотѣлъ, однакожъ, побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ:

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна! Вы, вѣрно, вмѣсто декохта, что часто пьете, выпили персиковой.

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила персиковой,—сказала Пульхерія Ивановна.

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

— Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю,— сказала Пульхерія Ивановна. — Когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю. Атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье — на что оно ей? А вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ, на случай, когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна!—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. — Когда-то еще будетъ смерть, а вы уже стращаете такими словами.

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю, когда моя смерть. Вы, однакожъ, не горюйте за мною: я уже старуха и довольно пожила, да и вы уже стары; мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ.

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ! Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю; объ одномъ только жалѣю я,—тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея,—я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы — какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любилъ васъ тотъ, кто будетъ ухаживать за вами.

При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

— Смотри мнѣ, Явдоха,—говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать,—когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично, а то, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому что и теперь часто позабываетъ онъ, когда праздничный день, а когда будничный. Не своди съ

него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха; ты уже стара, тебѣ недолго жить — не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастія на свѣтѣ. Я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія.

Бѣдная старушка! Она въ то время не думала ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностью распорядила все такимъ образомъ, чтобы послѣ нея Аѳанасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія. Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ такъ была сильна, и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постель и не могла уже принимать никакой пищи. Аѳанасій Ивановичъ весь превратился во внимательность и не отходилъ отъ ея постели.

— Можетъ-быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерія Ивановна?— говорилъ онъ, съ безпокойствомъ смотря въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ничего не говорила. Наконецъ послѣ долгаго молчанія какъ будто хотѣла она что-то сказать, пошевелила губами,—и дыханіе ея улетѣло.

Аѳанасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ. Это такъ казалось ему дико, что онъ даже не заплакалъ; мутными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ бы не понимая значенія трупа.

Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестомъ, дали въ руки восковую свѣчу,— онъ на все это глядѣлъ безчувственно. Множество народа всякаго званія наполнило дворъ; множество гостей пріѣхало на похороны; длинные столы разставлены были по двору; кутья, наливки, пироги покрывали ихъ кучами. Гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него; но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу, наконецъ, понесли; народъ повалилъ слѣдомъ, и онъ пошелъ за нею. Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на рукахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашонкахъ бѣгали и рѣзвились по дорогѣ. Наконецъ гробъ поставили надъ ямой; ему велѣли подойти и поцѣловать въ послѣдній разъ покойницу. Онъ подошелъ, поцѣловалъ; на глазахъ его показались слезы, но какія-то безчувственныя слезы. Гробъ опустили, священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли; густой, протяжный хоръ дьячка и двухъ понамарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ, безоблачнымъ небомъ; работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму. Въ это время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ:

— Такъ вотъ это вы уже и погребли ее! Зачѣмъ?! — Онъ остановился и не докончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнатѣ, что даже стулъ, на которомъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ,—онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно, и слезы, какъ рѣка, лились изъ его тусклыхъ очей.

Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время? Какая страсть уцѣлѣетъ въ неравной битвѣ съ нимъ? Я зналъ одного человѣка въ

цвѣтѣ юныхъ еще силъ, исполненнаго истиннаго благородства и достоинствъ; я зналъ его влюбленнымъ нѣжно, страстно, бѣшено, дерзко, скромно, и при мнѣ, при моихъ глазахъ почти, предметъ его страсти — нѣжная, прекрасная, какъ ангелъ, была поражена ненасытною смертью. Я никогда не видалъ такихъ ужасныхъ порывовъ душевнаго страданія, такой бѣшеной, палящей тоски, такого пожирающаго отчаянія, какія волновали несчастнаго любовника. Я никогда не думалъ, чтобы могъ человѣкъ создать для себя такой адъ, въ которомъ ни тѣни, ни образа и ничего, чтобы сколько-нибудь походило на надежду... Его старались не выпускать изъ глазъ; отъ него спрятали всѣ орудія, которыми бы онъ могъ умертвить себя. Двѣ недѣли спустя онъ вдругъ побѣдилъ себя: началъ смѣяться, шутить; ему дали свободу, и первое, на что онъ употребилъ ее, это было — купить пистолетъ. Въ одинъ день внезапно раздавшійся выстрѣлъ перепугалъ ужасно его родныхъ; они вбѣжали въ комнату и увидѣли его распростертаго, съ раздробленнымъ черепомъ. Врачъ, случившійся тогда, объ искусствѣ котораго гремѣла всеобщая молва, увидѣлъ въ немъ признаки существованія, нашелъ рану не совсѣмъ смертельною, и онъ, къ изумленію всѣхъ, былъ вылѣченъ. Присмотръ за нимъ увеличили еще болѣе. Даже за столомъ не клали возлѣ него ножа и старались удалить все, чѣмъ бы могъ онъ себя ударить; но онъ въ скоромъ времени нашелъ новый случай и бросился подъ колеса проѣзжавшаго экипажа. Ему раздробило руку и ногу, но онъ опять былъ вылѣченъ. Годъ послѣ этого я видѣлъ его въ одномъ многолюдномъ залѣ; онъ сидѣлъ за столомъ, весело говорилъ: *Птитъ-увертъ*, закрывши одну карту, и за нимъ стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки.

По истеченіи сказанныхъ пяти лѣтъ послѣ смерти Пульхеріи Ивановны я, будучи въ тѣхъ мѣстахъ, заѣхалъ въ хуторокъ Аѳанасія Ивановича навѣстить моего стариннаго сосѣда, у котораго когда-то пріятно проводилъ день и всегда объѣдался лучшими издѣліями радушной хозяйки. Когда я подъѣхалъ ко двору, домъ мнѣ показался вдвое старѣе, крестьянскія избы совсѣмъ легли на бокъ, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и владѣльцы ихъ; частоколъ и плетень во дворѣ были совсѣмъ разрушены, и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для затопки печи, тогда какъ ей нужно было сдѣлать только два шага лишнихъ, чтобы достать тутъ же наваленнаго хвороста. Я съ грустью подъѣхалъ къ крыльцу; тѣ же самые барбосы и бровки, уже слѣпые или съ перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверхъ свои волнистые, обвѣшанные репейниками хвосты. Навстрѣчу вышелъ старикъ. Такъ это онъ! Я тотчасъ узналъ его; но онъ согнулся уже вдвое противъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣтствовалъ съ тою же знакомою мнѣ улыбкою. Я вошелъ за нимъ въ комнаты. Казалось, все было въ нихъ попрежнему; но я замѣтилъ во всемъ какой-то странный безпорядокъ, какое-то ощутительное отсутствіе чего-то,—словомъ, я ощутилъ въ себѣ тѣ странныя чувства, которыя овладѣваютъ нами, когда мы вступаемъ въ первый разъ въ жилище вдовца, котораго прежде знали нераздѣльнымъ съ подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бываютъ похожи на то, когда видимъ передъ собою безъ ноги человѣка, котораго всегда знали здоровымъ. Во всемъ видно было отсутствіе заботливой Пульхеріи Ивановны: за столомъ подали одинъ ножъ безъ черенка; блюда уже не были приготовлены съ такимъ искусствомъ. О хозяйствѣ я не хотѣлъ и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственныя заведенія.

Когда мы сѣли за столъ, дѣвка завязала Аѳанасія Ивановича салфеткою, и очень хорошо сдѣлала, потому что безъ того онъ бы весь халатъ своей запачкалъ соусомъ. Я старался его чѣмъ-нибудь занять и разсказывалъ ему разныя но-

вости; онъ слушалъ съ тою же улыбкою, но по временамъ взглядъ его былъ совершенно безчувственъ, и мысли въ немъ не бродили, но исчезали. Часто поднималъ онъ ложку съ кашею и, вмѣсто того, чтобы подносить ко рту, подносилъ къ носу; вилку свою, вмѣсто того, чтобы воткнуть въ кусокъ цыпленка, онъ тыкалъ въ графинъ, и тогда дѣвка, взявши его за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по нѣскольку минутъ слѣдующаго блюда. Аѳанасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ это и говорилъ:

— Что это такъ долго не несуть кушанья?

Но я видѣлъ сквозь щель въ дверяхъ, что мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о томъ и спалъ, свѣсивши голову на скамью.

— Вотъ это то кушанье, — сказалъ Аѳанасій Ивановичъ, когда подали намъ *мнишки* [1]) со сметеною:—это то кушанье, — продолжалъ онъ, и я за-

Рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетѣла и разбилась; соусъ залилъ его всего. Онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку, и слезы, какъ ручей, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

мѣтилъ, что голосъ его началъ дрожать, и слеза готовилась выглянуть изъ его свинцовыхъ глазъ, но онъ собиралъ всѣ усилія, желая удержать ее:—это то кушанье, которое по... по... покой... покойни... — и вдругъ брызнулъ слезами. Рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетѣла и разбилась; соусъ залилъ его всего. Онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку, и слезы, какъ ручей, какъ немолчно текущій фонтанъ, лились, лились ливмя на застилавшую его салфетку.

«Боже!—думалъ я, глядя на него:—пять лѣтъ всеистребляющаго времени,—старикъ уже безчувственный, старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, ка-

---

1) Мнишки — кушанье изъ муки съ творогомъ.

залось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ яденія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ, — и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнѣе надъ нами: страсть или привычка? Или всѣ сильные порывы, весь вихорь нашихъ желаній и кипящихъ страстей есть только слѣдствіе нашего яркаго возраста, и по тому одному только кажутся глубоки и сокрушительны?» Что бы ни было, но въ это время мнѣ казались дѣтскими всѣ наши страсти противъ этой долгой, медленной, почти безчувственной привычки. Нѣсколько разъ силился онъ выговорить имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плачъ дитяти поражалъ меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не тѣ слезы, на которыя обыкновенно такъ щедры старички, представляющіе вамъ жалкое свое положеніе и несчастія; это были также не тѣ слезы, которыя они роняютъ за стаканомъ пунша: нѣтъ! Это были слезы, которыя текли, не спрашиваясь, сами собою, накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца.

Онъ недолго послѣ того жилъ. Я недавно услышалъ объ его смерти. Странно, однакоже, то, что обстоятельства кончины его имѣли какое-то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аѳанасій Ивановичъ рѣшился немного пройтись по саду. Когда онъ медленно шелъ по дорожкѣ съ обыкновенною своею безпечностію, вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилось странное происшествіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто-то довольно явственнымъ голосомъ: «Аѳанасій Ивановичъ!» Онъ оборотился, но никого совершенно не было; посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ кусты,— нигдѣ никого. День былъ тихъ, и солнце сіяло. Онъ на минутку задумался; лицо его какъ-то оживилось, и онъ, наконецъ, произнесъ:

— Это Пульхерія Ивановна зоветъ меня!

Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась за человѣкомъ и призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая, даже кузнечикъ въ это время переставалъ кричать; ни души въ саду. Но, признаюсь, если бы ночь самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ сада и тогда только успокоивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню.

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его; онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и, наконецъ, угасъ такъ, какъ она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бѣдное ея пламя.

— Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны, — вотъ все, что произнесъ онъ предъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви, близъ могилы Пульхеріи Ивановны. Гостей было меньше на похоронахъ, но простого народа и нищихъ было такое же множество. Домикъ барскій уже сдѣлался вовсе пустъ. Предпріимчивый приказчикъ вмѣстѣ съ войтомъ перетащили въ свои избы всѣ

оставшіяся старинныя вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро пріѣхалъ неизвѣстно откуда какой-то дальній родственникъ, наслѣдникъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ, не помню, въ какомъ полку, страшный реформатъ. Онъ увидѣлъ тотчасъ величайшее разстройство и упущеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ; все это рѣшился онъ непремѣнно искоренить, исправить и ввести во всемъ порядокъ. Накупилъ шесть прекрасныхъ англійскихъ серповъ, приколотилъ къ каждой избѣ особенный номеръ и, наконецъ, такъ хорошо распорядился, что имѣніе черезъ шесть мѣсяцевъ взято было въ опеку. Мудрая опека (изъ одного бывшаго засѣдателя и какого-то штабсъ-капитана въ полиняломъ мундирѣ) перевела въ непродолжительное время всѣхъ куръ и всѣ яйца. Избы, почти совсѣмъ лежавшія на землѣ, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частію числиться въ бѣгахъ. Самъ же настоящій владѣтель, который, впрочемъ, жилъ довольно мирно съ своей опекою и пилъ вмѣстѣ съ нею пуншъ, пріѣзжалъ очень рѣдко въ свою деревню и проживалъ недолго. Онъ до сихъ поръ ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ въ Малороссіи, тщательно освѣдомляется о цѣнахъ на разныя большія произведенія, продающіяся оптомъ, какъ-то: муку, пеньку, медъ и прочее, но покупаетъ только небольшія бездѣлушки, какъ-то: кремешки, гвоздь прочищать трубку и вообще все то, что не превышаетъ всѣмъ оптомъ своимъ цѣны одного рубля.

ТАРАСЪ БУЛЬБА.

I.

А поворотись-ка, сынъ! Экой ты смѣшной какой! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И этакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кіевской бурсѣ и пріѣхавшихъ домой къ отцу,

Сыновья его только что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе исподлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень смущены такимъ пріемомъ отца и стояля неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— Стойте, стойте! Дайте мнѣ разглядѣть васъ хорошенько, — продолжалъ онъ, поворачивая ихъ.— Какія же длинныя на васъ свитки![1]) Экія свитки! Такихъ свитокъ еще и на свѣтѣ не было. А побѣги который-нибудь изъ васъ! Я посмотрю, не шлепнется ли онъ на землю, запутавшись въ полы.

— Не смѣйся, не смѣйся, батько! — сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

— Смотри ты, какой пышный! А отчего жъ бы не смѣяться?

— Да такъ, хоть ты мнѣ и батька, а какъ будешь смѣяться, то, ей-Богу, поколочу!

— Ахъ, ты, сякой-такой сынъ!.. Какъ?.. Батька?..—сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько шаговъ назадъ.

---

1) „Свитка—родъ полукафтанья“.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Какъ же хочешь ты со мною биться? Развѣ на кулаки?

— Да ужъ на чемъ бы то ни было!

— Ну, давай на кулаки!—говорилъ Бульба, засучивъ рукава.—Посмотрю я, что за человѣкъ ты въ кулакѣ!

И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали насаживать другъ другу тумаки и въ бока, и въ поясницу, и въ грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурѣлъ старый! Совсѣмъ спятилъ съ ума!—говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. — Дѣти пріѣхали домой, больше году ихъ не видали, а онъ задумалъ нивѣсть что: на кулаки биться!

— Да онъ славно бьется!—говорилъ Бульба, остановившись. — Ей Богу, хорошо,—продолжалъ онъ, немного оправляясь,—такъ, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну, здорово, сынку! Почеломкаемся! — И отецъ съ сыномъ стали цѣловаться.—Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство; что это за веревка виситъ? А ты, бейбасъ, что стоишь и руки опустилъ?—говорилъ онъ, обращаясь къ младшему.—Что жъ ты, собачій сынъ, не поколотишь меня?

— Вотъ еще что выдумалъ! — говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго.—И придетъ же въ голову этакое, чтобы дитя родное било отца! Да будто и до того теперь: дитя молодое, проѣхало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ), ему бы теперь нужно опочить и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ его биться!

— Э, да ты—мазунчикъ, какъ я вижу!—говорилъ Бульба.—Не слушай, сынку, матери: она—баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба—чистое поле да добрый конь: вотъ ваша нѣжба! А видите вотъ эту саблю? Вотъ ваша матерь! Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ головы ваши: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари, и философія, и все это: *ка зна що*— я плевать на все это!..—Здѣсь Бульба пригналъ въ строку такое слово, которое даже не употребляется въ печати.—А вотъ, лучше, я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ гдѣ наука, такъ наука! Тамъ вамъ школа; тамъ только наберетесь разуму.

— И всего только одну недѣлю быть имъ дома?—говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать.—И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!

— Полно, полно выть, старуха! Казакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ты бы спрятала ихъ обоихъ себѣ подъ юбку да и сидѣла бы на нихъ, какъ на куриныхъ яйцахъ. Ступай, ступай, да ставь намъ скорѣе на столъ все, что есть. Не нужно пампушекъ [1]), медовиковъ, маковниковъ и другихъ пундиковъ; тащи намъ всего барана, козу давай, меды сорокалѣтніе! Да горѣлки побольше, не съ выдумками горѣлки, не съ изюмомъ и всякими вытребеньками, а чистой, пѣнной горѣлки, чтобы играла и шипѣла, какъ бѣшеная.

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, откуда проворно выбѣжали двѣ красивыя дѣвки прислужницы, въ червонныхъ монистахъ, прибиравшія

---

[1]) „Пампушки—вареное кушанье изъ тѣста“.

комнаты. Онѣ, какъ видно, испугались пріѣзда паничей, не любившихъ спускать пикому, или же, просто, хотѣли соблюсти свой женскій обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидѣвши мужчину, и потомъ долго закрываться отъ сильнаго стыда рукавомъ. Свѣтлица была убрана во вкусѣ того времени, о которомъ живые намеки остались только въ пѣсняхъ да въ народныхъ думахъ, уже не поющихся болѣе на Украйнѣ бородатыми старцами-слѣпцами, въ сопровожденіи тихаго треньканья бандуры, въ виду обступившаго народа,—во вкусѣ того браннаго, труднаго времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украйнѣ за унію [1]). Все было чисто вымазано цвѣтной глиною. На стѣнахъ—сабли, нагайки, сѣтки для птицъ, невода и ружья, хитро обдѣланный рогъ для пороху, золотая уздечка на коня и путы съ серебряными бляхами. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми тусклыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ, сквозь которыя иначе нельзя было глядѣть, какъ приподнявъ подвижное стекло. Вокругъ оконъ и дверей были красные отводы. На полкахъ по угламъ стояли кувшины, бутыли и фляжки зеленаго и синяго стекла, рѣзные серебряные кубки, позолоченныя чарки всякой работы: венецейской, турецкой, черкесской, зашедшія въ свѣтлицу Бульбы всякими путями черезъ третьи и четвертыя руки, что было весьма обыкновенно въ тѣ удалыя времена. Берестовыя скамьи вокругъ всей комнаты; огромный столъ подъ образами въ переднемъ углу; широкая печь съ запечьями, уступами и выступами, покрытая цвѣтными, пестрыми изразцами,—все это было очень знакомо нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ каждый годъ домой на каникулярное время,—приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что не въ обычаѣ было позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій казакъ, носившій оружіе. Бульба только при выпускѣ ихъ послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

Бульба по случаю пріѣзда сыновей велѣлъ созвать всѣхъ сотниковъ и весь полковой чинъ, кто только былъ налицо; и когда пришли двое изъ нихъ и есаулъ [2]) Дмитро Товкачъ, старый его товарищъ, онъ имъ тотъ же часъ представилъ сыновей, говоря:

— Вотъ, смотрите, какіе молодцы! На Сѣчь ихъ скоро пошлю.

Гости поздравили и Бульбу и обоихъ юношей и сказали имъ, что доброе дѣло дѣлаютъ и что нѣтъ лучшей науки для молодого человѣка, какъ Запорожская Сѣчь.

— Ну жъ, паны браты, садись всякій, гдѣ кому лучше, за столъ. Ну, сынки, прежде всего выпьемъ горѣлки!—такъ говорилъ Бульба.—Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы, чтобы бусурмановъ били, и турковъ бы били, и татарву били бы; когда ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горѣлка! А какъ по-латыни горѣлка? То-то, сынку, дурни были латынцы; они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ, бишь, того звали, что латинскія вирши [3]) писалъ? Я грамотѣ разумѣю не сильно, а потому и не знаю: Горацій [4]), что ли?

«Вишь, какой батько,—подумалъ про себя старшій сынъ Остапъ, — все, старый собака, знаетъ, а еще и прикидывается!»

---

[1]) „Унія—договоръ, въ силу котораго православные должны были признать власть римскаго папы". [2]) „Есаулъ — старшій офицеръ въ казачьемъ полку". [3]) „Вирши — стихи". [4]) „Горацій—римскій поэтъ".

— Ну, давай на кулаки!—говорилъ Бульба, засучивъ рукава.—Посмотрю я, что за человѣкъ ты въ кулакѣ!

— Я думаю, архимандритъ не давалъ вамъ и понюхать горѣлки,—продолжалъ Тарасъ.—А признайтесь, сынки, крѣпко стегали васъ березовыми и свѣжимъ вишнякомъ по спинѣ и по всему, что ни есть у казака? А, можетъ, такъ какъ вы сдѣлались уже слишкомъ разумные, такъ, можетъ, и плетюганами пороли? Чай, не только по субботамъ, а доставалось и въ среду и въ четвергъ?

— Нечего, батько, вспоминать, что было,—отвѣчалъ хладнокровно Остапъ:— что было, то прошло!

— Пусть теперь попробуетъ,—сказалъ Андрій,—пускай теперь кто-нибудь только зацѣпитъ. Вотъ пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будетъ знать она, что за вещь казацкая сабля!

— Добре, сынку! Ей Богу, добре! Да когда на то пошло, то и я съ вами ѣду! Ей Богу, ѣду! Какого дьявола мнѣ здѣсь ждать? Чтобъ я сталъ гречкосѣемъ, домоводомъ, глядѣть за овцами да за свиньями да бабиться съ женою? Да пропади она: я—казакъ, не хочу! Такъ что же что нѣтъ войны? Я такъ поѣду съ вами на Запорожье—погулять. Ей Богу, поѣду!—И старый Бульба мало-по-малу горячился, горячился, наконецъ, разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и, пріосанившись, топнулъ ногой. — Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? Къ чему намъ все это? На что эти горшки?— сказавши это, онъ началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но, услыша о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала ей такая скорая разлука,— и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть только въ тяжелый XV вѣкъ на полукочующемъ углу Европы, когда вся южная первобытная Россія, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набѣгами монгольскихъ хищниковъ; когда, лишившись дома и кровли, сталъ здѣсь отваженъ человѣкъ; когда на пожарищахъ, въ виду грозныхъ сосѣдей и вѣчной опасности, селился онъ и привыкалъ глядѣть имъ прямо въ очи, разучившись знать, существуетъ ли какая боязнь на свѣтѣ; когда браннымъ пламенемъ объялся древле-мирный славянскій духъ, и завелось казачество—широкая, разгульная, замашка русской природы,—и когда всѣ порѣчья, перевозы, прибрежныя, пологія и удобныя мѣста усѣялись казаками, которымъ и счету никто не вѣдалъ, и смѣлые товарищи ихъ были въ правѣ отвѣчать султану, пожелавшему узнать о числѣ ихъ: «Кто ихъ знаетъ! У насъ ихъ раскидано по всему степу: что байракъ, то казакъ» (гдѣ маленькій пригорокъ, тамъ ужъ и казакъ). Это было, точно, необыкновенное явленіе русской силы: его вышибло изъ народной груди огниво бѣдъ. Вмѣсто прежнихъ удѣловъ, мелкихъ городковъ, наполненныхъ псарями и ловчими, вмѣсто враждующихъ и торгующихъ городами мелкихъ князей, возникли грозныя селенія, курени [1]) и околицы [2]), связанные общею опасностью и ненавистью противъ нехристіанскихъ хищниковъ. Уже извѣстно всѣмъ изъ исторіи, какъ ихъ вѣчная борьба и безпокойная жизнь спасли Европу отъ неукротимыхъ набѣговъ, грозившихъ ее опрокинуть. Короли

---

[1]) „Курень (у запорожцевъ)—отдѣленіе военнаго стана". [2]) Околица—огороженное поселеніе.

польскіе, очутившіеся, на мѣсто удѣльныхъ князей, властителями этихъ пространныхъ земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значенье казаковъ и выгоды такой бранной сторожевой жизни. Они поощряли ихъ и льстили этому расположенію. Подъ ихъ отдаленною властью гетманы, избранные изъ среды самихъ же казаковъ, преобразовали околицы и курени въ полки и правильные округи. Это не было строевое собранное войско; его бы никто не увидѣлъ; но въ случаѣ войны и общаго движенья, въ восемь дней, не больше, всякій являлся на конѣ, во всемъ своемъ вооруженіи, получа одинъ только червонецъ платы отъ короля, и въ двѣ недѣли набиралось такое войско, какого бы не въ силахъ были набрать никакіе рекрутскіе наборы. Кончился походъ,—воинъ уходилъ въ луга и пашни, на днѣпровскіе перевозы, ловилъ рыбу, торговалъ, варилъ пиво и былъ вольный казакъ. Современные иноземцы справедливо дивились тогда необыкновеннымъ способностямъ его. Не было ремесла, котораго бы не зналъ казакъ: накурить вина, снарядить телѣгу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, въ прибавку къ тому, гулять напропалую, пить и бражничать, какъ только можетъ одинъ русскій,—все это было ему по плечу. Кромѣ рейстровыхъ [1]) казаковъ, считавшихъ обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время въ случаѣ большой потребности, набрать цѣлыя толпы охочекомонныхъ [2]): стоило только есаулямъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телѣгу: «Эй, вы, пивники, броварники! [3]) Полно вамъ пиво варить да валяться по запечьямъ да кормить своимъ жирнымъ тѣломъ мухъ! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцепасы, баболюбы! Полно вамъ за плугомъ ходить да пачкать въ землѣ свои желтые чоботы, да подбираться къ жинкамъ, и губить силу рыцарскую! Пора доставать казацкой славы!» И слова эти были какъ искры, падающія на сухое дерево. Пахарь ломалъ свой плугъ, бровари и пивовары кидали свои кадки и разбивали бочки, ремесленникъ и торгашъ посылалъ къ чорту и ремесло и лавку, билъ горшки въ домѣ,—и все, что ни было, садилось на коня. Словомъ, русскій характеръ получилъ здѣсь могучій, широкій размахъ, крѣпкую наружность.

Тарасъ былъ одинъ изъ числа коренныхъ, старыхъ полковниковъ: весь былъ онъ созданъ для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда вліяніе Польши начинало уже оказываться на русскомъ дворянствѣ. Многіе перенимали уже польскіе обычаи, заводили роскошь, великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь казаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ. Вѣчно неугомонный, онъ считалъ себя законнымъ защитникомъ православія. Самоуправно входилъ въ села, гдѣ только жаловались на притѣсненія арендаторовъ и на прибавку новыхъ пошлинъ съ дыма. Самъ съ своими казаками производилъ надъ ними расправу и положилъ себѣ правиломъ, что въ трехъ случаяхъ всегда слѣдуетъ взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважили въ чемъ старшинъ и стояли предъ ними въ шапкахъ; когда глумились надъ православіемъ и не чтили обычая предковъ, и, наконецъ, когда враги были бусурманы и турки, противъ которыхъ онъ считалъ во всякомъ случаѣ позволительнымъ поднять оружіе во славу христіанства.

---

[1]) „Рейстровый казакъ—казакъ, записанный на службу". [2]) Охочекомонный—вольный конникъ. [3]) Броварники—пивовары, медовары.

Теперь онъ тѣшилъ себя заранѣе мыслью, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими на Сѣчь и скажетъ: «Вотъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ!» какъ представитъ ихъ всѣмъ старымъ, закаленнымъ въ битвахъ товарищамъ; какъ поглядитъ на первые подвиги ихъ въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое почиталъ тоже однимъ изъ главныхъ достоинствъ рыцаря. Онъ сначала хотѣлъ было отправить ихъ однихъ, но при видѣ ихъ свѣжести, рослости, могучей тѣлесной красоты вспыхнулъ воинскій духъ его, и онъ на другой же день рѣшился ѣхать съ ними самъ, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Онъ уже хлопоталъ и отдавалъ приказы, выбиралъ коней и сбрую для молодыхъ сыновей, навѣдывался и въ конюшню и въ амбары, отобралъ слугъ, которые должны были завтра съ ними ѣхать. Есаулу Товкачу передалъ свою власть вмѣстѣ съ крѣпкимъ наказомъ явиться сей же часъ со всѣмъ полкомъ, если только онъ подастъ изъ Сѣчи какую-нибудь вѣсть. Хотя онъ былъ и навеселѣ, и въ головѣ его еще бродилъ хмель, однакожъ, не забылъ ничего; даже отдалъ приказъ напоить коней и всыпать имъ въ ясли крупной и лучшей пшеницы, и пришелъ усталый отъ своихъ заботъ.

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому, что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ, и потому, что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью, она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собой. «Сыны мои, сыны мои милые! Что будетъ съ вами? Что ждетъ васъ?» говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два-три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости; она была какое-то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, — все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, съ слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ, можетъ-быть, при первой битвѣ татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя

тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: «Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ; можетъ-быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ».

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до свѣту, вовсе не утомилась и внутренно желала, чтобы ночь протянулась, какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовъ намъ ѣсть: путь лежитъ великій!

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ [1]); къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками, для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые черные усы теперь какъ-то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! Она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! Нечего мѣшкать! — произнесъ, наконецъ, Бульба. — Теперь, по обычаю христіанскому, нужно предъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!—сказалъ Бульба.—Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую [2]), чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то — пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ.

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею.

— Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... Пришлите хоть вѣсточку о себѣ...

Далѣе она не могла говорить.

---

[1]) „Очкуръ—шнурокъ, которымъ стягиваютъ шаровары“. [2]) Рыцарскую.

— Ну, пойдемъ, дѣти!—сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее и бережно унесли въ хату. Но, когда выѣхали они за ворота, со всею легкостію дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностію. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ тоже нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то врасплохъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ; хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю; только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую казачку, боязливо перелетавшую черезъ него съ помощію своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ногъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. — Прощайте, и дѣтство, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, — его протекшія лѣта, о которыхъ всегда плачетъ казакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчи изъ своихъ прежнихъ сотоварищей. Онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболѣе о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ кіевскую академію, потому что всѣ почетные сановники тогдашняго времени считали необходимостью дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже обыкновенно они нѣсколько шлифовались и получали что-то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый еще годъ бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, если бы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлыя двадцать лѣтъ и не поклялся напередъ, что онъ не увидитъ Запорожья вовѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтовалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ ста-

раніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ на ряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни: эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Учившіеся имъ ни къ чему не могли привязать своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта. Притомъ же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, — все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, возбуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ,— все это, соединившись, рождало въ нихъ ту предпріимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмячки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака. Консулъ, долженствовавшій по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговки. Эти бурсаки составляли совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ воевода Адамъ Кисель, несмотря на оказываемое покровительство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ построже. Впрочемъ, это наставленіе было вовсе излишне, потому что ректоръ и профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плетей, и часто лекторы по ихъ приказанію пороли своихъ консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного, чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ, наконецъ, сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки, и они убѣгали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, несмотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже богословіе, никакъ не избавлялся неумолимыхъ розогъ. Естественно, что все это должно было какъ-то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую казаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ — обобрать чужой садъ или огородъ, но зато онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ, не выдавалъ своихъ товарищей; никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки, по крайней мѣрѣ, никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшій братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ-то болѣе развитыя. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ изобрѣтательнѣе своего брата, чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощію изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи.

Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но вмѣстѣ съ нею душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за восемнадцать лѣтъ, женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его; онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно, свѣжую, черноокую, нѣжную. Предъ нимъ безпрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ-то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать казаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ старомъ Кіевѣ, гдѣ жили малороссійскіе и польскіе дворяне и гдѣ дома были выстроены съ нѣкоторою прихотливостію. Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, на него почти наѣхала колымага какого-то польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница, съ престрашными усами, хлыстнулъ его довольно исправно бичомъ. Молодой бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостію схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадямъ; онѣ рванули,— и Андрій, къ счастію, успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывалъ отроду: черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души, и смѣхъ придавалъ сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ. Онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разсѣянно обирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ было узнать отъ дворни, которая толпою, въ богатомъ убранствѣ, стояла за воротами, окруживши игравшаго молодого бандуриста. Но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостью, онъ пролѣзъ чрезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, которое раскидывалось вѣтвями на самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ онъ на крышу и черезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчою и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серьги. Прекрасная полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнести ни одного слова; но, когда примѣтила, что бурсакъ стоялъ, потупивъ глаза и не смѣя отъ робости пошевелить рукою, когда узнала въ немъ того же самаго, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ полячка; но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ пошевелить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему [1]), повѣсила на губы ему серьги и накинула на него

[1]) Діадема—головной уборъ изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ.

кисейную прозрачную шемизетку [1]) съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей съ развязностью дитяти, которою отличаются вѣтреныя полячки и которая повергла бѣднаго бурсака въ еще большее смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи. Раздавшійся въ это время у дверей стукъ испугалъ ее. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и какъ только безпокойство прошло, кликнула свою горничную, плѣнную татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывесть его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покамѣстъ быстрыя ноги не спасли его. Послѣ этого проходить мимо дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была многочисленна. Онъ встрѣтилъ ее еще разъ въ костелѣ [2]): она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ, и послѣ этого воевода ковенскій скоро уѣхалъ, и вмѣсто прекрасной черноглазой полячки выглядывало изъ оконъ какое-то толстое лицо. Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленыя объятія, и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и только черныя казачьи шапки однѣ мелькали между ея колосьями.

— Э, э, э! Что же это вы, хлопцы, такъ притихли?—сказалъ, наконецъ, Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости,—какъ будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ, всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки, да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!

И казаки, пригнувшись къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть, одна только струя сжимаемой травы показывала слѣдъ ихъ быстраго бѣга.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ, теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у казаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою, дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки, желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигающейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ вѣсть въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы поднималась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною

---

[1]) Шемизетка—манишка. [2]) Костелъ—католическая церковь.

черною точкою; вонъ она перевернулась крыльями и блеснула передъ солнцемъ... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на нѣсколько минутъ для обѣда, при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ изъ десяти казаковъ слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянныя баклажки съ горѣлкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ѣли только хлѣбъ съ саломъ или коржи [1]), пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, и продолжали путь до вечера. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась: все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія поднимались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру [2]), и вся степь курилась благовоніемъ. По небу изголуба-темному какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, звучавшая днемъ, утихала и смѣнялась другою. Пестрые суслики выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ [3]); паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву: весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье,— все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ воздухѣ и убаюкивало дремлющій слухъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжиганія по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья: все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувшагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую, чернѣвшую въ дальней травѣ точку, сказавши:

— Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!

Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что казаковъ было тринадцать человѣкъ.

— А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина!.. И не пробуйте—вовѣки не поймаете: у него конь быстрѣе моего Чорта.

Однакожъ Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою и впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по

---

[1]) „Коржъ—сухая лепешка изъ пшеничной муки, часто съ саломъ". [2]) Амбра—душистая смола. [3]) Кулишъ—жидкая каша.

Но одинъ всѣхъ живѣе вскрикивалъ и летѣлъ вслѣдъ за другими въ танцѣ. Чуприна развѣвалась по вѣтру, вся открыта была сильная грудь.

ней, чтобы скрыть свой слѣдъ, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали путь. Черезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, бывшаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло: они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосою отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и, наконецъ, обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ; гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ, и волны его стлались широко по землѣ, не встрѣчая ни утесовъ ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на поромъ и черезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народу бранилась на берегу съ перевозчиками. Казаки оправили коней. Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ. Молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ-то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При въѣздѣ ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ двадцати пяти кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи; крамари [1]) подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ; армянинъ развѣсилъ дорогіе платки; татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи кадки съ тѣстомъ; жидъ, выставивъ впередъ свою голову, цѣдилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ навстрѣчу, это былъ запорожецъ, спавшій на самой серединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эхъ, какъ важно развернулся! Фу, ты, какая пышная фигура!—говорилъ онъ, остановивши коня.

Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая: запорожецъ, какъ левъ, растянулся на дорогѣ; закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъаршина земли; шаровары алаго дорогого сукна были запачканы дегтемъ для показанія полнаго къ нимъ презрѣнія. Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе по тѣсной улицѣ, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшими это предмѣстье Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ они миновали предмѣстье и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора или тѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣсами на низенькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьѣ. Небольшой валъ и засѣка, не хранимая рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши:

— Здравствуйте, панове!

— Здравствуйте и вы!—отвѣчали запорожцы.

Вездѣ, по всему полю, живописными кучами пестрѣлъ народъ. По смуглымъ лицамъ видно было, что всѣ они были закалены въ битвахъ, испробо-

---

[1]) Крамарь—мелочной торговецъ.

вали всякихъ невзгодъ. Такъ вотъ она, Сѣчь! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! Вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада[1]). На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ ее въ рукахъ и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ срединѣ которыхъ отплясывалъ молодой запорожецъ, заломивши шапку чортомъ и вскинувши руками. Онъ кричалъ только:

— Живѣе играйте, музыканты! Не жалѣй, Ѳома, горѣлки православнымъ христіанамъ!

И Ѳома съ подбитымъ глазомъ мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого запорожца четверо старыхъ вырабатывали довольно мелко ногами, вскидывались, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслись въ присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ далече отдавались гопаки и трепаки, выбиваемые звонкими подковами сапоговъ. Но одинъ всѣхъ живѣе вскрикивалъ и летѣлъ вслѣдъ за другими въ танцѣ. Чуприна[2]) развѣвалась по вѣтру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимній кожухъ[3]) былъ надѣтъ въ рукава, и потъ градомъ лилъ съ него, какъ изъ ведра.

— Да сними хоть кожухъ!— сказалъ, наконецъ, Тарасъ:— видишь, какъ паритъ!

— Не можно!—кричалъ запорожецъ.

— Отчего?

— Не можно; у меня ужъ такой нравъ: что скину, то пропью.

А шапки ужъ давно не было на молодцѣ, ни пояса на кафтанѣ, ни шитаго платка: все пошло, куда слѣдуетъ. Толпа росла; къ танцующимъ приставали другіе, и нельзя было видѣть безъ внутренняго движенія, какъ все отдирало танецъ самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо свѣтъ и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, названъ казачкомъ.

— Эхъ, если бы не конь, — вскрикнулъ Тарасъ, — пустился бы, право, пустился бы самъ въ танецъ!

А между тѣмъ въ народѣ стали попадаться и степенные, уваженные по заслугамъ всею Сѣчью сѣдые, старые чубы, бывавшіе не разъ старшинами. Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: «А это ты, Печерица!» — «Здравствуй, Козолупъ!» — «Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ?» — «Ты какъ сюда зашелъ, Долото?» — «Здорово, Кирдяга!» — «Здорово, Густый!» — «Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень?» И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понеслись вопросы: «А что Касьянъ? Что Бородавка? Что Колоперъ? Что Пидсышокъ?» И слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсышкова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царьградъ. Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: «Добрые были казаки!»

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчи. Остапъ и Андрій мало занимались военною школою. Сѣчь не любила затруд-

[1]) „Рада — совѣтъ“. [2]) „Чуприна—длинный клокъ волосъ на головѣ“. [3]) „Кожухъ—тулупъ“.

нять себя военными упражненіями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвъ, которыя оттого были почти безпрерывны. Казаки почитали скучнымъ занимать промежутки изученіемъ какой-нибудь дисциплины, кромѣ развѣ стрѣльбы въ цѣль да, изрѣдка, конной скачки и гоньбы за звѣремъ въ степяхъ и лугахъ; все прочее время отдавалось гульбѣ — признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣчь представляла необыкновенное явленіе: это было какое-то безпрерывное пиршество, балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что-то околдовывающее. Оно не было сборищемъ бражниковъ, напивавшихся съ горя, но было просто бѣшеное разгулье веселости. Всякій приходящій сюда позабывалъ и бросалъ все, что дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое прошедшее и беззаботно предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, гулякъ, не имѣвшихъ ни родныхъ ни угла, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другого источника. Разсказы и болтовня среди собравшейся толпы, лѣниво отдыхавшей на землѣ, часто такъ были смѣшны и дышали такою силою живого разсказа, что нужно было имѣть всю хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранять неподвижное выраженіе лица, не моргнувъ даже усомъ,—рѣзкая черта, которою отличается донынѣ отъ другихъ братьевъ своихъ южный россіянинъ. Веселость была пьяна, шумна, но при всемъ томъ это не былъ черный кабакъ, гдѣ мрачно-искажающимъ весельемъ забывается человѣкъ: это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Разница была только въ томъ, что, вмѣсто сидѣнья за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ на пяти тысячахъ коней; вмѣсто луга, гдѣ играютъ въ мячъ, у нихъ были неохраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову, и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что, вмѣсто насильной воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами собою кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ; что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка, и которые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые, по благородному обычаю, не могли удержать въ карманѣ своемъ копейки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что-нибудь выронить. Здѣсь были всѣ бурсаки, не вытерпѣвшіе академическихъ лозъ и не вынесшіе изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ ними здѣсь были и тѣ, которые знали, что такое Горацій, Цицеронъ [1]) и римская республика. Тутъ было много тѣхъ офицеровъ, которые потомъ отличались въ королевскихъ войскахъ; тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Много было и такихъ, которые пришли на Сѣчь съ тѣмъ, чтобы потомъ сказать, что они были на Сѣчи и уже закаленные рыцари. Но кого тутъ не было? Эта странная республика была именно потребностью того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ [2]) во всякое время

---

[1]) Цицеронъ—римскій ораторъ. [2]) Реалъ—старинная испанская монета.

могли найти здѣсь работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстье Сѣчи не смѣла показываться ни одна женщина.

Остапу и Андрію казалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчь бездна народу, и хоть бы кто-нибудь спросилъ, откуда эти люди, кто они и какъ ихъ зовутъ. Они приходили сюда, какъ будто бы возвращаясь въ свой собственный домъ, откуда только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому [1]), который обыкновенно говорилъ:

— Здравствуй! Во Христа вѣруешь?

— Вѣрую!—отвѣчалъ приходившій.

— И въ Троицу Святую вѣруешь?

— Вѣрую!

— И въ церковь ходишь?

— Хожу!

— А ну, перекрестись!

Пришедшій крестился.

— Ну, хорошо,—отвѣчалъ кошевой,—ступай же, въ который самъ знаешь, курень.

Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣчь молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію жиды, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьѣ, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка: они были похожи на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія [2]), потому что, какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Сѣчь состояла изъ шестидесяти слишкомъ куреней, которые очень походили на отдѣльныя, независимыя республики, а еще болѣе на школу и бурсу дѣтей, живущихъ на всемъ готовомъ. Никто ничѣмъ не заводился и ничего не держалъ у себя; все было на рукахъ у куреннаго атамана, который за это обыкновенно носилъ названіе батька. У него были на рукахъ деньги, платья, весь харчъ, саламата [3]), каша и даже топливо; ему отдавали деньги подъ сохранъ. Нерѣдко происходила ссора у куреней съ куренями; въ такомъ случаѣ дѣло тотъ же часъ доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали другъ другу бока, покамѣстъ одни не пересиливали, наконецъ, и не брали верхъ, и тогда начиналась гульня. Такова была эта Сѣчь, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

Остапъ и Андрій кинулись со всею пылкостью юношей въ это разгульное море и забыли вмигъ и отцовскій домъ, и бурсу, и все, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Все занимало ихъ: разгульные обычаи Сѣчи и немногосложная управа и законы, которые казались имъ иногда даже слишкомъ строгими среди такой своевольной республики. Если казакъ проворовался, укралъ какую-нибудь бездѣлицу, это считалось уже поношеніемъ всему казачеству: его, какъ безчестнаго, привязывали къ позорному столбу и клали возлѣ него дубину, которою всякій проходящій обязанъ былъ нанести ему ударъ, пока такимъ образомъ не забивали его насмерть. Не платившаго должника

---

[1]) Кошевой—главный начальникъ запорожскаго войска. [2]) Везувій—огнедышащая гора въ Италіи. [3]) „Саламата—толокно“.

приковывали цѣпью къ пушкѣ, гдѣ долженъ былъ онъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ товарищей не рѣшался его выкупить, заплативши за него долгъ. Но болѣе всего произвела впечатлѣніе на Андрія страшная казнь, опредѣленная за смертоубійство. Тутъ же, при немъ, вырыли яму, опустили туда живого убійцу и сверхъ него поставили гробъ, заключавшій тѣло имъ убіеннаго, и потомъ обоихъ засыпали землею. Долго потомъ все чудился ему страшный обрядъ казни, и все представлялся этотъ заживо засыпанный человѣкъ вмѣстѣ съ ужаснымъ гробомъ.

Скоро оба молодые казака стали на хорошемъ счету у казаковъ. Часто вмѣстѣ съ другими товарищами своего куреня, а иногда со всѣмъ куренемъ и съ сосѣдними куренями, выступали они въ степи для стрѣльбы несмѣтнаго числа всѣхъ возможныхъ степныхъ птицъ, оленей и козъ или же выходили на озера, рѣки и притоки, отведенные по жребію каждому куреню, закидывать невода, сѣти и тащить богатыя тони на продовольствіе всего своего куреня. Хотя и не было тутъ науки, на которой пробуется казакъ, но они стали уже замѣтны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всемъ. Бойко и мѣтко стрѣляли въ цѣль, переплывали Днѣпръ противъ теченія—дѣло, за которое новичокъ принимался торжественно въ казацкіе круги.

Но старый Тарасъ готовилъ имъ другую дѣятельность. Ему не по душѣ была такая праздная жизнь—настоящаго дѣла хотѣлъ онъ. Онъ все придумывалъ, какъ бы поднять Сѣчь на отважное предпріятіе, гдѣ бы можно было разгуляться, какъ слѣдуетъ, рыцарю. Наконецъ въ одинъ день пришелъ къ кошевому и сказалъ ему прямо:

— Что, кошевой, пора бы погулять запорожцамъ?

— Негдѣ погулять,— отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ на сторону.

— Какъ негдѣ? Можно пойти на Турецину или на Татарву.

— Не можно ни въ Турецину ни въ Татарву,—отвѣчалъ кошевой, взявши опять хладнокровно въ ротъ свою трубку.

— Какъ не можно?

— Такъ. Мы обѣщали султану миръ.

— Да вѣдь онъ—басурманъ, и Богъ и святое писаніе велитъ бить басурмановъ.

— Не имѣемъ права. Если бъ не клялись еще нашею вѣрою, то, можетъ-быть, и можно было бы; а теперь нѣтъ, не можно.

— Какъ не можно? Какъ же ты говоришь, не имѣемъ права? Вотъ у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тотъ ни другой не былъ на войнѣ, а ты говоришь, не имѣемъ права; а ты говоришь, не нужно итти запорожцамъ.

— Ну, ужъ не слѣдуетъ такъ.

— Такъ, стало-быть, слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ казацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы? Такъ на что же мы живемъ, на какого чорта мы живемъ?—Растолкуй ты мнѣ это! Ты—человѣкъ умный, тебя не даромъ выбрали въ кошевые: растолкуй мнѣ, на что мы живемъ?

Кошевой не далъ отвѣта на этотъ запросъ. Это былъ упрямый казакъ. Онъ немного помолчалъ и потомъ сказалъ:

— А войнѣ все-таки не бывать.

— Такъ не бывать войнѣ?—спросилъ опять Тарасъ.

— Нѣтъ.

— Такъ ужъ и думать объ этомъ нечего?

— И думать объ этомъ нечего.

— Постой же ты, чортовъ кулакъ,—сказалъ Бульба про себя,—ты у меня будешь знать!—И положилъ тутъ же отомстить кошевому.

Сговорившись съ тѣмъ и другимъ, задалъ онъ всѣмъ попойку, и хмельные казаки, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, повалили прямо на площадь, гдѣ стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша [1]), они схватили по полѣну въ руки и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ съ однимъ только глазомъ, несмотря, однакожъ, на то, страшно заспаннымъ.

— Кто смѣетъ бить въ литавры?—закричалъ онъ.

— Молчи! Возьми свои палки да и колоти, когда тебѣ велятъ!—отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули, и скоро на площадь, какъ шмели, стали собираться черныя кучи запорожцевъ. Всѣ собрались въ кружокъ, и послѣ третьяго боя показались, наконецъ, старшины: кошевой съ палицей въ рукѣ, знакомъ своего достоинства, судья съ войсковою печатью, писарь съ чернильницею и есаулъ съ жезломъ. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на всѣ стороны казакамъ, которые гордо стояли, подпершись руками въ бока.

— Что значитъ это собраніе? Чего хотите, панове?—сказалъ кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

— Клади палицу! Клади, чортовъ сынъ, сей же часъ палицу! Не хотимъ тебя больше!—кричали изъ толпы казаки.

Нѣкоторые изъ трезвыхъ куреней хотѣли, какъ казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крикъ и шумъ сдѣлались общими.

Кошевой хотѣлъ было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа можетъ за это прибить его насмерть, что всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, поклонился очень низко, положилъ палицу и скрылся въ толпѣ.

— Прикажете, панове, и намъ положить знаки достоинства?—сказали судья, писарь и есаулъ и готовились тутъ же положить чернильницу, войсковую печать и жезлъ.

— Нѣтъ, вы оставайтесь,—закричали изъ толпы,—намъ нужно было только прогнать кошевого, потому что онъ—баба, а намъ нужно человѣка въ кошевые!

— Кого же выберете теперь въ кошевые?—сказали старшины.

— Кукубенка выбрать!—кричала часть.

— Не хотимъ Кукубенка! — кричала другая.—Рано ему, еще молоко на губахъ не обсохло!

— Шило пусть будетъ атаманомъ!—кричали одни.—Шила посадить въ кошевые!

— Въ спину тебѣ шило!—кричала съ бранью толпа.—Что онъ—за казакъ, когда проворовался, собачій сынъ, какъ татаринъ? Къ чорту въ мѣшокъ пьяницу Шила!

— Бородатаго, Бородатаго посадимъ въ кошевые!

---

[1]) „Довбишъ—литаврщикъ“.

— Не хотимъ Бородатаго! Къ нечистой матери Бородатаго!

— Кричите Кирдягу!—шепнулъ Тарасъ Бульба нѣкоторымъ.

— Кирдягу! Кирдягу!—кричала толпа.—Бородатаго! Бородатаго! Кирдягу! Кирдягу! Шила! Къ чорту съ Шиломъ! Кирдягу!

Всѣ кандидаты, услышавши произнесенными свои имена, тотчасъ же вышли изъ толпы, чтобы не подать никакого повода мать, будто бы они помогали личнымъ участьемъ своимъ въ избраніи.

— Кирдягу! Кирдягу!—раздавалось сильнѣе прочихъ.—Бородатаго!

Дѣло принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовалъ.

— Ступайте за Кирдягою!—закричали.

Человѣкъ десятокъ казаковъ отдѣлились тутъ же изъ толпы; нѣкоторые изъ нихъ едва держались на ногахъ,—до такой степени успѣли нагрузиться,—и отправились прямо къ Кирдягѣ объявить ему объ его избраніи.

Кирдяга, хотя престарѣлый, но умный казакъ, давно уже сидѣлъ въ своемъ куренѣ и какъ будто бы не вѣдалъ ни о чемъ происходившемъ.

— Что, панове? Что вамъ нужно?—спросилъ онъ.

— Иди, тебя выбрали въ кошевые!..

— Помилосердствуйте, панове,—сказалъ Кирдяга,—гдѣ мнѣ быть достойну такой чести! Гдѣ мнѣ быть кошевымъ! Да у меня и разума не хватитъ къ отправленью такой должности. Будто уже никакого лучшаго не нашлось въ цѣломъ войскѣ?

— Ступай же, говорятъ тебѣ!—кричали запорожцы.

Двое изъ нихъ схватили его подъ руки, и какъ онъ ни упирался ногами, но былъ, наконецъ, притащенъ на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньемъ сзади кулаками, пинками и увѣщаніями: «Не пяться же, чортовъ сынъ! Принимай же честь, собака, когда тебѣ даютъ ее!» Такимъ образомъ введенъ былъ Кирдяга въ казачій кругъ.

— Что, панове,—провозгласили во весь народъ приведшіе его,—согласны ли вы, чтобы сей казакъ былъ у насъ кошевымъ?

— Всѣ согласны!—закричала толпа, и отъ крику долго гремѣло все поле.

Одинъ изъ старшинъ взялъ палицу и поднесъ ее новоизбранному кошевому. Кирдяга по обычаю тотчасъ же отказался. Старшина поднесъ въ другой разъ. Кирдяга отказался и въ другой разъ и потомъ уже, за третьимъ разомъ, взялъ палицу. Одобрительный крикъ раздался по всей толпѣ, и вновь далеко загудѣло отъ казацкаго крика все поле. Тогда выступило изъ средины народа четверо самыхъ старыхъ, сѣдоусыхъ и сѣдочупрынныхъ казаковъ (слишкомъ старыхъ не было на Сѣчи, ибо никто изъ запорожцевъ не умиралъ своею смертью) и, взявши каждый въ руки земли, которая на ту пору отъ бывшаго дождя растворилась въ грязь, положили ее ему на голову. Мокрая земля стекла съ его головы, потекла по усамъ и по щекамъ и все лицо замазала ему грязью. Но Кирдяга стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и благодарилъ казаковъ за оказанную честь.

Такимъ образомъ кончилось шумное избраніе, которому, неизвѣстно, были ли такъ рады другіе, какъ радъ былъ Бульба: этимъ онъ отомстилъ прежнему кошевому; къ тому же и Кирдяга былъ старый его товарищъ и бывалъ съ нимъ въ однихъ и тѣхъ же сухопутныхъ и морскихъ походахъ, дѣля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тутъ же праздновать избранье, и поднялась гульня, какой еще не видывали дотолѣ Остапъ и Андрій. Винные шинки всѣ были разнесены; медъ, горѣлка и пиво забирались просто, безъ денегъ; шинкари были уже рады и тому, что сами остались цѣлы. Вся ночь прошла въ крикахъ и пѣсняхъ, славившихъ подвиги, и взошедшій мѣсяцъ долго еще видѣлъ толпы музыкантовъ, проходившихъ по улицамъ съ

Старые, загорѣлые, широкоплечіе, дюженогіе запорожцы, съ просѣдью въ усахъ и черноусые, засучивъ шаровары, стояли по колѣна въ водѣ и стягивали челны крѣпкимъ канатомъ съ берега. Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу.

бандурами, турбанами [1]), круглыми балалайками, и церковныхъ пѣсельниковъ, которыхъ держали на Сѣчи для пѣнья въ церкви и для восхваленія запорожскихъ дѣлъ. Наконецъ хмель и утомленье стали одолѣвать крѣпкія головы. И видно было, какъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ падалъ на землю казакъ; какъ товарищъ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вмѣстѣ съ нимъ. Тамъ гурьбою улегалась цѣлая куча; тамъ выбиралъ иной, какъ бы получше ему улечься, и легъ прямо на деревянную колоду. Послѣдній, который былъ покрѣпче, еще выводилъ какія-то безсвязныя рѣчи; наконецъ и того подкосила хмельная сила, повалился и тотъ,—и заснула вся Сѣчь.

IV.

А на другой день Тарасъ Бульба уже совѣщался съ новымъ кошевымъ, какъ поднять запорожцевъ на какое-нибудь дѣло. Кошевой былъ умный и хитрый казакъ, зналъ вдоль и поперекъ запорожцевъ и сначала сказалъ:

— Не можно клятвы преступить, никакъ не можно.—А потомъ, помолчавши, прибавилъ:—Ничего, можно; клятвы мы не преступимъ, а такъ коечто придумаемъ. Пусть только соберется народъ, да не то, чтобы по моему приказу, а просто своею охотою,—вы ужъ знаете, какъ это сдѣлать,—а мы со старшинами тотчасъ и прибѣжимъ на площадь, будто бы ничего не знаемъ.

Не прошло часу послѣ ихъ разговора, какъ уже грянули въ литавры. Нашлись вдругъ и хмельные и неразумные казаки. Милліонъ казацкихъ шапокъ высыпалъ вдругъ на площадь. Поднялся говоръ: «Кто?.. Зачѣмъ?.. Изъ-за какого дѣла пробили сборъ?» Никто не отвѣчалъ. Наконецъ въ томъ и въ другомъ углу стало раздаваться: «Вотъ пропадаетъ даромъ казацкая сила: нѣтъ войны!.. Вотъ старшины забайбачились наповалъ, позаплыли жиромъ очи!.. Нѣтъ, видно, правды на свѣтѣ!» Другіе казаки слушали сначала, а потомъ и сами стали говорить: «А и вправду нѣтъ никакой правды на свѣтѣ!» Старшины казались изумленными отъ такихъ рѣчей. Наконецъ кошевой вышелъ впередъ и сказалъ:

— Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!

— Держи!

— Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, панове добродійство [2]), да вы, можетъ-быть, и сами лучше это знаете, что многіе запорожцы позадолжали въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ. Потомъ опять въ разсужденіи того пойдетъ рѣчь, что есть много такихъ хлопцевъ, которые еще и въ глаза не видали, что такое война, тогда какъ молодому человѣку,—и сами знаете, панове,—безъ войны не можно пробыть. Какой и запорожецъ изъ него, если онъ еще ни разу не билъ басурмана?

«Онъ хорошо говоритъ», подумалъ Бульба.

— Не думайте, панове, чтобы я, впрочемъ, говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ: сохрани Богъ! Я только такъ это говорю. Притомъ же у насъ храмъ Божій — грѣхъ сказать, что такое: вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости Божіей, стоитъ Сѣчь, а до сихъ поръ не то уже, чтобы снаружи церковь, но даже образа безъ всякаго убранства; хотя бы серебряную ризу кто догадался имъ выковать! Они только то и получили, что отказали въ духовной иные казаки; да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что почти все пропили еще при жизни своей. Такъ я веду рѣчь эту не къ тому, чтобы на-

[1]) Турбанъ—музыкальный инструментъ. [2]) „Добродію—сударь. милостивецъ“.

чать войну съ басурманами: мы обѣщали султану миръ, и намъ бы великій былъ грѣхъ, потому что мы клялись по закону нашему.

— Что же онъ путаетъ такое?—сказалъ про себя Бульба.

— Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать: рыцарская честь не велитъ. А, по своему бѣдному разуму, вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ, пусть немного пошарпаютъ берега Натоліи [2]). Какъ думаете, панове?

— Веди, веди всѣхъ!—закричала со всѣхъ сторонъ толпа.—За вѣру мы готовы положить головы!

Кошевой испугался: онъ ничуть не хотѣлъ подымать всего Запорожья: разорвать миръ ему казалось въ этомъ случаѣ дѣломъ неправымъ.

— Позвольте, панове, еще одну рѣчь держать?

— Довольно,—кричали запорожцы,—лучше не скажешь!

— Когда такъ, то пусть будетъ такъ. Я—слуга вашей воли. Ужъ дѣло извѣстное, и по писанью извѣстно, что гласъ народа—гласъ Божій. Ужъ умнѣе того нельзя выдумать, что весь народъ выдумалъ. Только вотъ что: вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы тѣмъ временемъ были бы наготовѣ, и силы у насъ были бы свѣжія, и никого бъ не побоялись. А во время отлучки и татарва можетъ напасть: они, турецкія собаки, въ глаза не кинутся и къ хозяину на домъ не посмѣютъ прійти, а сзади укусятъ за пятки, да и больно укусятъ. Да если ужъ пошло на то, чтобы говорить правду, у насъ и челновъ нѣтъ столько въ запасѣ да и пороху не намолото въ такомъ количествѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ: я—слуга вашей воли.

Хитрый атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совѣщаться; пьяныхъ, къ счастію, было немного, и потому рѣшились послушаться благоразумнаго совѣта.

Въ тотъ же часъ отправилось нѣсколько человѣкъ на противоположный берегъ Днѣпра, въ войсковую скарбницу, гдѣ въ неприступныхъ тайникахъ, подъ водою и въ камышахъ, скрывалась войсковая казна и часть добытыхъ у непріятеля оружій. Другіе всѣ бросились къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Вмигъ толпою народа наполнился берегъ. Нѣсколько плотниковъ явилось съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкоплечіе, дюженогіе запорожцы, съ просѣдью въ усахъ и черноусые, засучивъ шаровары, стояли по колѣна въ водѣ и стягивали челны крѣпкимъ канатомъ съ берега. Другіе таскали готовыя, сухія бревна и всякія деревья. Тамъ обшивали досками челнъ; тамъ переворотивши его вверхъ дномъ, конопатили и смолили; тамъ привязывали къ бокамъ другихъ чѣлновъ, по казацкому обычаю, связки длинныхъ камышей, чтобы не затопило челновъ морскою волною; тамъ, дальше, по всему прибрежью разложили костры и кипятили въ мѣдныхъ казанахъ смолу на заливанье судовъ. Бывалые и старые поучали молодыхъ. Стукъ и рабочій крикъ подымался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берегъ.

Въ это время большой поромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ толпа людей еще издали махала руками. Это были казаки въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный нарядъ—у многихъ ничего не было, кромѣ рубашки и коротенькой трубки въ зубахъ—показывалъ, что они или только что избѣгнули какой-нибудь бѣды, или же до того загулялись, что прогуляли

---

[2]) Т.-е. Анатоліи—Малой Азіи.

все, что ни было на тѣлѣ. Изъ среды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый казакъ лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ, но за стукомъ и криками рабочихъ не было слышно его словъ.

— А съ чѣмъ пріѣхали?—спросилъ кошевой, когда поромъ приворотилъ къ берегу. Всѣ рабочіе, остановивъ свои работы и поднявъ топоры и долота, смотрѣли въ ожиданіи.

— Съ бѣдою!—кричалъ съ порома приземистый казакъ.

— Съ какою?

— Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать?

— Говори!

— Или хотите, можетъ-быть, собрать раду?

— Говори, мы всѣ тутъ.

Народъ весь стѣснился въ одну кучу.

— А вы развѣ ничего не слыхали о томъ, что дѣлается на гетманщинѣ? [1])

— А что?—произнесъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

— Э! Что? Видно, вамъ татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши, что вы ничего не слыхали.

— Говори же, что тамъ дѣлается?

— А то дѣлается, что и родились и крестились, еще не видали такого.

— Да говори намъ, что дѣлается, собачій сынъ!—закричалъ одинъ изъ толпы, какъ видно, потерявъ терпѣніе.

— Такая пора теперь завелась, что уже церкви святыя теперь не наши.

— Какъ не наши?

— Теперь у жидовъ онѣ на арендѣ. Если жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдни нельзя править.

— Что ты толкуешь?

— И если разсобачій жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою на святой пасхѣ, то и святить пасхи нельзя.

— Вретъ онъ, паны браты, не можетъ быть того, чтобы нечистый жидъ клалъ значокъ на святой пасхѣ!

— Слушайте!.. Еще не то разскажу: и ксендзы [2]) ѣздятъ теперь по всей Украйнѣ въ таратайкахъ. Да не то бѣда, что въ таратайкахъ, а то бѣда, что запрягаютъ уже не коней, а православныхъ христіанъ. Слушайте!.. Еще не то разскажу: уже, говорятъ, жидовки шьютъ себѣ юбки изъ поповскихъ ризъ. Вотъ какія дѣла водятся на Украйнѣ, панове! А вы тутъ сидите на Запорожьѣ да гуляете, да, видно, татаринъ такого задалъ вамъ страху, что у васъ уже ни глазъ ни ушей—ничего нѣтъ, и вы не слышите, что дѣлается на свѣтѣ.

— Стой, стой!—прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, потупивъ глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія.—Стой!.. И я скажу слово. А что жъ вы,—такъ бы и этакъ поколотилъ чортъ вашего батька!..—что жъ вы дѣлали сами? Развѣ у васъ сабель не было, что ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?

— Э, какъ попустили такому беззаконію?.. А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, да—и нечего грѣха таить—были тоже собаки и между нашими, ужъ приняли ихъ вѣру.

---

[1]) Гетманщина — та часть Малороссіи, которая находилась подъ управленіемъ гетмана. [2]) Ксендзъ—католическій священникъ.

— А гетманъ вашъ, а полковники что дѣлали?

— Надѣлали полковники такихъ дѣлъ, что не приведи Богъ никому.

— Какъ?

— А такъ, что ужъ теперь гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, а полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на показъ всему народу. Вотъ что надѣлали полковники!

Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе, подобное тому, какъ бываетъ передъ свирѣпою бурею, а потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ.

— Какъ!.. Чтобы жиды держали на арендѣ христіанскія церкви?.. Чтобы ксендзы запрягали въ оглобли православныхъ христіанъ!.. Какъ!.. Чтобы попустить такія мученья на русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ!.. Чтобы вотъ такъ поступали съ полковниками и гетманомъ!.. Да не будетъ же сего, не будетъ!

Такія слова перелетали по всѣмъ концамъ. Зашумѣли запорожцы и почуяли свои силы. Тутъ уже не было волненій легкомысленнаго народа: взволновались все характеры тяжелые и крѣпкіе, которые не скоро накалялись, но, накалившись, упорно и долго хранили въ себѣ внутренній жаръ.

— Перевѣшать всю жидову,—раздалось изъ толпы,—пусть же не шьютъ изъ поповскихъ ризъ юбокъ своимъ жидовкамъ! Пусть же не ставятъ значковъ на святыхъ пасхахъ! Перетопить ихъ всѣхъ, поганцевъ, въ Днѣпрѣ!—Слова эти, произнесенныя кѣмъ-то изъ толпы, пролетѣли молніей по всѣмъ головамъ, и толпа ринулась на предмѣстье съ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалзывали подъ юбки своихъ жидовокъ; но казаки вездѣ ихъ находили.

— Ясновельможные паны!—кричалъ одинъ, высокій и длинный, какъ палка, жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ.—Ясновельможные паны! Слово только дайте намъ, сказать, одно слово! Мы такое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали,—такое важное, что не можно сказать, какое важное.

— Ну, пусть скажетъ,—сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

— Ясные паны!—произнесъ жидъ.—Такихъ пановъ еще никогда не видывано, ей-Богу, никогда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ!—Голосъ его замиралъ и дрожалъ отъ страха.—Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что-нибудь нехорошее! Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украйнѣ! Ей Богу, не наши! То совсѣмъ не жиды: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать на него, да и бросить! Вотъ и они скажутъ то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?

— Ей Богу, правда!—отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ яломкахъ [1]), оба бѣлые, какъ глина.

— Мы никогда еще,—продолжалъ длинный жидъ,—не снюхивались съ непріятелями, а католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чортъ приснится! Мы съ запорожцами какъ братья родные...

— Какъ? Чтобы запорожцы были съ вами братья?—произнесъ одинъ изъ толпы.—Не дождетесь, проклятые жиды! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопить, поганцевъ!

Эти слова были сигналомъ. Жидовъ расхватали по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалобный крикъ раздался со всѣхъ сторонъ, но суровые за-

---

[1]) Яломокъ — жидовская шапочка.

порожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ.

Бѣдный ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, выскочилъ изъ кафтана, за который было его ухватили, въ одномъ пѣгомъ узкомъ камзолѣ, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ:

— Великій господинъ, ясновельможный панъ! Я зналъ и брата вашего, покойнаго Дороша! Былъ воинъ на украшенье всему рыцарству. Я ему восемьсотъ цехиновъ [1]) далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у турокъ...

— Ты зналъ брата?—спросилъ Тарасъ.

— Ей Богу, зналъ!.. Великодушный былъ панъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Янкель.

— Хорошо,—сказалъ Тарасъ и потомъ, подумавъ, обратился къ казакамъ и проговорилъ такъ:—Повѣсить жида будетъ всегда время, когда будетъ нужно, а на сегодня отдайте его мнѣ.

Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли казаки его.

— Ну, полѣзай подъ телѣгу, лежи тамъ и не шевелись; а вы, братцы, не выпускайте жида.

Сказавши это, онъ отправился на площадь, потому что давно уже собиралась туда вся толпа. Всѣ бросили вмигъ берегъ и снаряду челновъ, ибо предстоялъ теперь сухопутный, а не морской походъ, и не суда да казацкія чайки [2]), а понадобились телѣги и кони. Теперь уже всѣ хотѣли въ походъ, и старые и молодые; всѣ, съ совѣта всѣхъ старшинъ, куренныхъ, кошевого и съ воли всего запорожскаго войска, положили итти прямо на Польшу, отмстить за все зло и посрамленье вѣры и казацкой славы, набрать добычи съ городовъ, зажечь пожаръ по деревнямъ и хлѣбамъ, пустить далеко по степи о себѣ славу. Все тутъ же опоясывалось и вооружалось. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтреныхъ желаній вольнаго народа, это былъ неограниченный повелитель, это былъ деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гульливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда кошевой раздавалъ повелѣнія; раздавалъ онъ ихъ тихо, не выкрикивая и не торопясь, но съ разстановкою, какъ старый, глубоко-опытный въ дѣлѣ казакъ, приводившій не въ первый разъ въ исполненіе разумно задуманныя предпріятія.

— Осмотритесь, всѣ осмотритесь хорошенько!—такъ говорилъ онъ. — Исправьте возы и мазницы, испробуйте оружіе. Не забирайте много съ собой одежды: по сорочкѣ и по двое шароваръ на казака да по горшку саламаты и толченаго проса—больше чтобъ и не было ни у кого! Про запасъ будетъ въ возахъ все, что нужно. По парѣ коней чтобъ было у каждаго казака. Да паръ двѣсти взять воловъ, потому что при переправахъ и топкихъ мѣстахъ нужны будутъ волы. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между васъ такіе, что чуть Богъ пошлетъ какую корысть, пошли тотъ же часъ драть китайку и дорогіе оксамиты [3]) себѣ на онучи. Бросьте такую чортову повадку, прочь кидайте всякія юбки, берите только одно оружіе, коли попадется доброе, да червонцы или серебро, потому что они ёмкаго свойства и пригодятся во всякомъ случаѣ. Да вотъ вамъ, панове, впередъ говорю: если кто въ походѣ напьется, то никакого нѣтъ на него суда: какъ собаку, повелю его присмык-

---

[1]) Цехинъ—итальянская золотая монета. [2]) Чайка—парусинная лодка. [3]) Оксамитъ — бархатъ.

нуть до обозу, кто-бы онъ ни былъ, хоть бы наидоблестнѣйшій казакъ изъ всего войска; какъ собака, будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ безъ всякаго погребенья на поклевъ птицамъ, потому что пьяница въ походѣ не достоинъ христіанскаго погребенія. Молодые, слушайте во всемъ старыхъ! Если цапнетъ пуля или царапнетъ саблей по головѣ или по чему-нибудь иному, не давайте большого уваженья такому дѣлу: размѣшайте зарядъ пороху въ чаркѣ сивухи, духомъ выпейте, и все пройдетъ—не будетъ и лихорадки; а на рану, если она не слишкомъ велика, приложите просто земли, замѣсивши ее прежде слюною на ладони, то и присохнетъ рана. Ну-те же за дѣло, хлопцы, да не торопясь, хорошенько принимайтесь за дѣло!

Такъ говорилъ кошевой, и, какъ только окончилъ онъ рѣчь свою, всѣ казаки принялись тотъ же часъ за дѣло. Вся Сѣчь отрезвилась, и нигдѣ нельзя было сыскать ни одного пьянаго, какъ будто бы ихъ не было никогда между казаками... Тѣ исправляли ободья колесъ и перемѣняли оси въ телѣгахъ; тѣ сносили на возы мѣшки съ провіантомъ, на другіе валили оружіе; тѣ пригоняли коней и воловъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались топотъ коней, пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье сабель, мычанье быковъ, скрипъ поворачиваемыхъ возовъ, говоръ и яркій крикъ и понуканье. И скоро далеко-далеко вытянулся казачій таборъ по всему полю. И много досталось бы бѣжать тому, кто бы захотѣлъ пробѣжать отъ головы до хвоста его. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ; окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ. Когда тронулся таборъ и потянулся изъ Сѣчи, всѣ запорожцы обратили головы назадъ.

— Прощай, наша мать!—сказали они почти въ одно слово. — Пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастья!

Проѣзжая предмѣстье, Тарасъ Бульба увидѣлъ, что жидокъ его, Янкель, уже разбилъ какую-то ятку съ навѣсомъ и продавалъ кремни, завертки, порохъ и всякія войсковыя снадобья, нужныя на дорогу, даже колачи и хлѣбы. «Каковъ чортовъ жидъ!» подумалъ про себя Тарасъ и, подъѣхавъ къ нему, сказалъ:

— Дурень, что ты здѣсь сидишь? Развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?

Янкель въ отвѣтъ на это подошелъ къ нему поближе и, сдѣлавъ знакъ обѣими руками, какъ будто хотѣлъ объявить что-то таинственное, сказалъ:

— Пусть панъ только молчитъ и никому не говоритъ: между казацкими возами есть одинъ мой возъ; я везу всякій нужный запасъ для казаковъ и по дорогѣ буду доставлять всякій провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще ни одинъ жидъ не продавалъ, ей Богу, такъ; ей Богу, такъ.

Пожалъ плечами Тарасъ Бульба, подивился бойкой жидовской натурѣ и отъѣхалъ къ табору.

V.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «Запорожцы!... Показались запорожцы!..» Все, что могло спасаться, спасалось. Все подымалось и разбѣгалось по обычаю этого нестройнаго, безпечнаго вѣка, когда не воздвигали ни крѣпостей ни замковъ, а какъ попало становилъ на время соломенное жилище свое человѣкъ. Онъ думалъ: «Не тратить же на избу работу и деньги, когда и безъ того будетъ она снесена татарскимъ набѣгомъ!» Все всполошилось: кто мѣнялъ воловъ и плугъ на коня и ружье и отправлялся въ полки; кто прятался, угоняя скотъ и унося, что только можно было унесть. Попадались иногда по дорогѣ и такіе, которые

вооруженною рукою встрѣчали гостей, но больше было такихъ, которые бѣжали заранѣе. Всѣ знали, что трудно имѣть дѣло съ буйной и бранной толпой, извѣстной подъ именемъ запорожскаго войска, которое въ наружномъ своевольномъ неустройствѣ своемъ заключало устройство, обдуманное для времени битвы. Конные ѣхали, не отягчая и не горяча коней, пѣшіе шли трезво за возами, и весь таборъ подвигался только по ночамъ, отдыхая днемъ и выбирая для того пустыри, незаселенныя мѣста и лѣса, которыхъ было тогда еще вдоволь. Засылаемы были впередъ лазутчики и разсыльные узнавать и вывѣдывать, гдѣ, что и какъ. И часто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего могли ожидать ихъ, они появлялись вдругъ,—и все тогда прощалось съ жизнью: пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ. Казалось, больше пировали они, чѣмъ совершали походъ свой. Дыбомъ сталъ бы нынѣ волосъ отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые пронесли вездѣ запорожцы. Избитые младенцы, обрѣзанныя груди у женщинъ, содранная кожа съ ногъ по колѣни у выпущенныхъ на свободу,—словомъ, крупною монетою отплачивали казаки прежніе долги. Прелатъ [1]) одного монастыря, услышавъ о приближеніи ихъ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ, чтобы сказать, что они не такъ ведутъ себя, какъ слѣдуетъ; что между запорожцами и правительствомъ стоитъ согласіе; что они нарушаютъ свою обязанность къ королю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякое народное право.

— Скажи епископу отъ меня и отъ всѣхъ запорожцевъ, — сказалъ кошевой,—чтобы онъ ничего не боялся; это казаки еще только зажигаютъ и раскуриваютъ свои трубки.

И скоро величественное аббатство [2]) обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣляющіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, жидовъ, женщинъ вдругъ омноголюдили тѣ города, гдѣ какая-нибудь была надежда на гарнизонъ и городовое рушеніе [3]). Высылаемая по временамъ правительствомъ запоздалая помощь, состоявшая изъ небольшихъ полковъ, или не могла найти ихъ или же робѣла, обращала тылъ при первой встрѣчѣ и улетала на лихихъ коняхъ своихъ. Случалось, что многіе военачальники королевскіе, торжествовавшіе дотолѣ въ прежнихъ битвахъ, рѣшались, соединя свои силы, стать грудью противъ запорожцевъ. И тутъ-то болѣе всего пробовали себя молодые казаки, чуждавшіеся грабительства, корысти и безсильнаго непріятеля, горѣвшіе желаніемъ показать себя предъ старыми, помѣряться одинъ на одинъ съ бойкимъ и хвастливымъ ляхомъ, красовавшимся на горделивомъ конѣ, съ летавшими по вѣтру откидными рукавами епанчи. Потѣшна была наука; много уже они добыли себѣ конной сбруи, дорогихъ сабель и ружей. Въ одинъ мѣсяцъ возмужали и совершенно переродились только что оперившіеся птенцы и стали мужами; черты лица ихъ, въ которыхъ доселѣ видна была какая-то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видѣть, какъ оба сына его были одни изъ первыхъ. Остапу, казалось, былъ на роду написанъ битвенный путь и трудное знанье вершить ратныя дѣла. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни отъ какого случая, съ хладнокровіемъ, почти неестественнымъ для двадцатидвухлѣтняго, онъ въ одинъ мигъ могъ вымѣрять всю опасность и все положеніе дѣла, тутъ же могъ найти средство, какъ уклониться отъ нея, но уклониться съ тѣмъ, чтобы потомъ вѣрнѣй преодолѣть ее. Уже испытанной

---

[1]) Прелатъ — важное духовное лицо. [2]) Аббатство — монастырь. [3]) „Рушеніе — ополченье“.

увѣренностью стали теперь означаться его движенія, и въ нихъ не могли не быть замѣтны наклонности будущаго вождя. Крѣпостью дышало его тѣло, и рыцарскія его качества уже пріобрѣли широкую силу качествъ льва.

— О, да этотъ будетъ со временемъ добрый полковникъ! — говорилъ старый Тарасъ.—Ей-ей, будетъ добрый полковникъ, да еще такой, что и батька за поясъ заткнетъ!

Андрій весь погрузился въ очаровательную музыку пуль и мечей. Онъ не зналъ, что такое значитъ обдумывать или разсчитывать, или измѣрять заранѣе свои и чужія силы. Бѣшеную нѣгу и упоеніе онъ видѣлъ въ битвѣ: что-то пиршественное зрѣлось ему въ тѣ минуты, когда разгорится у человѣка голова, въ глазахъ все мелькаетъ и мѣшается, летятъ головы, съ громомъ падаютъ на землю кони, а онъ несется, какъ пьяный, въ свистѣ пуль, въ сабельномъ блескѣ и наноситъ всѣмъ удары и не слышитъ нанесенныхъ. Не разъ дивился отецъ также и Андрію, видя, какъ онъ, понуждаемый однимъ только запальчивымъ увлеченіемъ, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и однимъ бѣшенымъ натискомъ своимъ производилъ такія чудеса, которымъ не могли не изумиться старые въ бояхъ. Дивился старый Тарасъ и говорилъ:

— И это добрый—врагъ бы не взялъ его!—вояка! Не Остапъ, а добрый, добрый также вояка!

Войско рѣшилось итти прямо на городъ Дубно, гдѣ, носились слухи, было много казны и богатыхъ обывателей. Въ полтора дня походъ былъ сдѣланъ, и запорожцы показались передъ городомъ. Жители рѣшились защищаться до послѣднихъ силъ и крайности и лучше хотѣли умереть на площадяхъ и улицахъ передъ своими порогами, чѣмъ пустить непріятеля въ домы. Высокій земляной валъ окружалъ городъ; гдѣ валъ былъ ниже, тамъ высовывались каменная стѣна или домъ, служившій батареей, или, наконецъ, дубовый частоколъ. Гарнизонъ былъ силенъ и чувствовалъ важность своего дѣла. Запорожцы жарко полѣзли было на валъ, но были встрѣчены сильною картечью. Мѣщане и городскіе обыватели, какъ видно, тоже не хотѣли быть праздными и стояли кучею на городскомъ валу. Въ глазахъ ихъ можно было читать отчаянное сопротивленіе; женщины тоже рѣшились участвовать, и на головы запорожцамъ полетѣли камни, бочки, горшки, горячій варъ и, наконецъ, мѣшки песку, слѣпившаго имъ очи. Запорожцы не любили имѣть дѣло съ крѣпостями, вести осады была не ихъ часть. Кошевой повелѣлъ отступить и сказалъ:

— Ничего, паны братья, мы отступимъ; но будь я поганый татаринъ, а не христіанинъ, если мы выпустимъ ихъ хоть одного изъ города! Пусть ихъ всѣ передохнутъ, собаки, съ голоду.

Войско, отступивъ, облегло весь городъ и отъ нечего дѣлать занялось опустошеніемъ окрестностей, выжигая окружныя деревни, скирды неубраннаго хлѣба и напуская табуны коней на нивы, еще не тронутыя серпомъ, гдѣ, какъ нарочно, колебались тучные колосья, плодъ необыкновеннаго урожая, наградившаго въ ту пору щедро всѣхъ земледѣльцевъ. Съ ужасомъ видѣли изъ города, какъ истреблялись средства ихъ существованія. А между тѣмъ запорожцы, протянувъ вокругъ всего города въ два ряда свои телѣги, расположились такъ же, какъ и на Сѣчи, куренями, курили свои люльки, мѣнялись добытымъ оружіемъ, играли въ чехарду, въ четъ и нечетъ и посматривали съ убійственнымъ хладнокровіемъ на городъ. Ночью зажигались костры; кашевары варили въ каждомъ куренѣ кашу въ огромныхъ мѣдныхъ казанахъ; у горѣвшихъ всю ночь огней стояла безсонная стража. Но скоро запорожцы начали понемногу скучать бездѣйствіемъ и продолжительною трезвостью, не сопряженною ни съ

какимъ дѣломъ. Кошевой велѣлъ удвоить даже порцію вина, что иногда водилось въ войскѣ, если не было трудныхъ подвиговъ и движеній. Молодымъ, и особенно сынамъ Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрій замѣтно скучалъ.

— Неразумная голова,— говорилъ ему Тарасъ:— терпи казакъ — атаманъ будешь! Не тотъ еще добрый воинъ, кто не потерялъ духа въ важномъ дѣлѣ, а тотъ добрый воинъ, кто и на бездѣльѣ не соскучитъ, кто все вытерпитъ, и хоть ты ему что хочь, а онъ все-таки поставитъ на своемъ.

Но не сойтись пылкому юношѣ со старцемъ: другая натура у обоихъ, и другими очами глядятъ они на то же дѣло.

А между тѣмъ подоспѣлъ Тарасовъ полкъ, приведенный Товкачомъ; съ нимъ было еще два есаула, писарь и другіе полковые чины; всѣхъ казаковъ набралось больше четырехъ тысячъ. Было между ними не мало и охочекомонныхъ, которые сами поднялись, своею волею, безъ всякаго призыва, какъ только услышали, въ чемъ дѣло. Есаулы привезли сыновьямъ Тараса благословеніе отъ старухи-матери и каждому по кипарисному образу изъ Межигорскаго кіевскаго монастыря. Надѣли на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнивъ старую мать свою. Что-то пророчитъ и говоритъ имъ это благословенье? Благословенье ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой, на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же?.. Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно предъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ; безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга, голубка, не видя ястреба, ястребъ, не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ онъ отъ своей погибели...

Остапъ уже занялся своимъ дѣломъ и давно отошелъ къ куренямъ; Андрій же, самъ не зная отчего, чувствовалъ какую-то духоту на сердцѣ. Уже казаки окончили свою вечерю. Вечеръ давно потухнулъ; іюльская чудная ночь обняла воздухъ; но онъ не отходилъ къ куренямъ, не ложился спать и глядѣлъ невольно на всю бывшую передъ нимъ картину. На небѣ безчисленно мелькали тонкимъ и острымъ блескомъ звѣзды. Поле далеко было занято раскиданными по немъ возами съ висячими мазницами, облитыми дегтемъ, со всякимъ добромъ и провіантомъ, набраннымъ у врага. Возлѣ телѣгъ, подъ телѣгами и подальше отъ телѣгъ,—вездѣ были видны разметавшіеся на травѣ запорожцы. Всѣ они спали въ картинныхъ положеніяхъ: кто, подмостивъ себѣ подъ голову куль, кто — шапку, кто, употребивши просто бокъ своего товарища. Сабля, ружье-самопалъ, короткочубучная трубка, съ мѣдными бляхами, желѣзными проверткими и огнивомъ, были неотлучно при каждомъ казакѣ. Тяжелые волы лежали, подвернувши подъ себя ноги, большими бѣловатыми массами и казались издали сѣрыми камнями, раскиданными по отлогости поля. Со всѣхъ сторонъ изъ травы уже сталъ подыматься густой храпъ спящаго воинства, на который отзывались съ поля звонкими ржаніями жеребцы, негодующіе на свои спутанныя ноги. А между тѣмъ что-то величественное и грозное примѣшалось въ красотѣ іюльской ночи. Это были зарева вдали догоравшихъ окрестностей. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ, встрѣтивъ что-то горючее и вдругъ вырвавшись вихремъ, оно свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванныя охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Тамъ обгорѣлый, черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе; тамъ горѣлъ монастырскій садъ; казалось, слышно было, какъ деревья шипѣли, обвиваясь дымомъ. и когда вы-

скакивалъ огонь, онъ вдругъ освѣщалъ фосфорическимъ, лилово-огненнымъ свѣтомъ спѣлыя гроздья сливъ или обращалъ въ червонное золото тамъ и тамъ желтѣвшія груши, и тутъ же среди ихъ чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія или на древесномъ суку тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ огнемъ вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Обложенный городъ, казалось, уснулъ; шпицы и кровли, и частоколъ, и стѣны его тихо вспыхивали отблесками отдаленныхъ пожаровъ. Андрій обошелъ казацкіе ряды. Костры, у которыхъ сидѣли сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, перекусивши сильно чего-нибудь во весь казацкій аппетитъ. Онъ подивился немного такой безпечности, подумавши: «Хорошо, что нѣтъ близко никакого сильнаго непріятеля и некого опасаться». Наконецъ и самъ подошелъ онъ къ одному изъ возовъ, взлѣзъ на него и легъ на спину, подложивши себѣ подъ голову сложенныя назадъ руки; но не могъ заснуть и долго глядѣлъ на небо: оно все было открыто предъ нимъ; чисто и прозрачно было въ воздухѣ; гущина звѣздъ, составлявшая млечный путь и поясомъ переходившая по небу, вся была залита свѣтомъ. Временами Андрій какъ будто позабывался, и какой-то легкій туманъ дремоты заслонялъ на мигъ предъ нимъ небо, и потомъ оно опять очищалось и вновь становилось видно.

Въ это время, показалось ему, мелькнулъ передъ нимъ какой-то странный образъ человѣческаго лица. Думая, что это было простое обаяніе сна, которое сей же часъ разсѣется, онъ раскрылъ сильнѣе глаза свои и увидѣлъ, что къ нему, точно, наклонилось какое-то изможденное, высохшее лицо и смотрѣло прямо ему въ очи. Длинные и черные, какъ уголь, волосы, неприбранные, растрепанные, лѣзли изъ-подъ темнаго наброшеннаго на голову покрывала; и страшный блескъ взгляда и мертвенная смуглота лица, выступавшаго рѣзкими чертами, заставляли скорѣе думать, что это былъ призракъ. Онъ схватился невольно рукой за пищаль [1]) и произнесъ почти судорожно:

— Кто ты? Коли духъ нечистый, сгинь съ глазъ; коли живой человѣкъ, не въ пору завелъ шутку,—убью съ одного прицѣла.

Въ отвѣтъ на это, привидѣніе приложило палецъ къ губамъ и, казалось, молило о молчаніи. Онъ опустилъ руку и сталъ вглядываться въ него внимательнѣй. Но длиннымъ волосамъ, шеѣ и полуобнаженной смуглой груди распозналъ онъ женщину. Но она была нездѣшняя уроженка; все лицо ея было смугло, изнурено недугомъ; широкія скулы выступали сильно надъ опавшими подъ ними щеками; узкія очи подымались дугообразнымъ разрѣзомъ кверху. Чѣмъ болѣе онъ всматривался въ черты ея, тѣмъ болѣе находилъ въ нихъ что-то знакомое. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Скажи, кто ты? Мнѣ кажется, какъ будто я зналъ тебя или видѣлъ гдѣ-нибудь.

— Два года назадъ тому въ Кіевѣ.

— Два года назадъ... въ Кіевѣ... — повторилъ Андрій, стараясь перебрать все, что уцѣлѣло въ его памяти отъ прежней бурсацкой жизни. Онъ посмотрѣлъ еще разъ на нее пристально и вдругъ вскрикнулъ во весь голосъ:— Ты—татарка, служанка панночки, воеводиной дочки!..

— Чшш! — произнесла татарка, сложивъ съ умоляющимъ видомъ руки, дрожа всѣмъ тѣломъ и оборотя въ то же время голову назадъ, чтобы видѣть, не проснулся ли кто-нибудь отъ такого сильнаго вскрика, произведеннаго Андріемъ.

---

[1]) Пищаль—ружье.

— Скажи, скажи, отчего, какъ ты здѣсь?— говорилъ Андрій, почти задыхаясь, шопотомъ, прерывавшимся всякую минуту отъ внутренняго волненія.— Гдѣ паночка? жива еще?

— Она тутъ, въ городѣ.

— Въ городѣ? — произнесъ онъ, опять едва не вскрикнувши, и почувствовалъ, что вся кровь вдругъ прихлынула къ сердцу. — Отчего жъ она въ городѣ?

— Оттого, что самъ старый панъ въ городѣ: онъ уже полтора года, какъ сидитъ воеводой въ Дубнѣ.

— Что жъ, она замужемъ? Да говори же— какая ты странная!— что она теперь...

— Она другой день ничего не ѣла.

— Какъ?..

— Ни у кого изъ городскихъ жителей нѣтъ уже давно куска хлѣба, всѣ давно ѣдятъ одну землю.

Андрій остолбенѣлъ.

— Паночка видѣла тебя съ городского валу вмѣстѣ съ запорожцами. Она сказала мнѣ: «Ступай, скажи рыцарю: если онъ помнитъ меня, чтобы пришелъ ко мнѣ; а не помнитъ, чтобы далъ тебѣ кусокъ хлѣба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видѣть, какъ при мнѣ умретъ мать. Пусть лучше я прежде, а она послѣ меня. Проси и хватай его за колѣни и ноги: у него также есть старая мать, чтобъ ради ея далъ хлѣба!»

Много всякихъ чувствъ пробудилось и вспыхнуло въ молодой груди казака.

— Но какъ же ты здѣсь? Какъ ты пришла?

— Подземнымъ ходомъ.

— Развѣ есть подземный ходъ?

— Есть.

— Гдѣ?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестомъ святымъ!

— Спустясь въ яръ и перейдя протокъ, тамъ, гдѣ тростникъ.

— И выходитъ въ самый городъ?

— Прямо къ городскому монастырю.

— Идемъ, идемъ сейчасъ!

— Но ради Христа и святой Маріи кусокъ хлѣба!

— Хорошо, будетъ. Стой здѣсь, возлѣ воза, или, лучше, ложись на него тебя никто не увидитъ, всѣ спятъ; я сейчасъ ворочуся.

И онъ отошелъ къ возамъ, гдѣ хранились запасы, принадлежавшіе ихъ куреню. Сердце его билось. Все минувшее, все, что было заглушено нынѣшними казацкими биваками, суровой бранною жизнью, — все всплыло разомъ на поверхность, потопивши, въ свою очередь, настоящее. Опять вынырнула предъ нимъ, какъ изъ темной морской пучины, гордая женщина; вновь сверкнули въ его памяти прекрасныя руки, очи, смѣющіяся уста, густые темноорѣховые волосы, курчаво распавшіеся по грудямъ, и всѣ упругіе, въ согласномъ сочетаньѣ созданные члены дѣвическаго стана. Нѣтъ, они не погасали, не исчезали изъ груди его, они посторонились только, чтобы дать на время просторъ другимъ могучимъ движеньямъ; но часто, часто смущался ими глубокій сонъ молодого казака, и часто, проснувшись, лежалъ онъ безъ сна на одрѣ, не умѣя истолковать тому причины.

Онъ шелъ, а біеніе сердца становилось сильнѣе, сильнѣе при одной мысли, что увидитъ ее опять, и дрожали молодыя колѣни. Пришедши къ возамъ, онъ

совершенно позабылъ, зачѣмъ пришелъ: поднесъ руку ко лбу и долго теръ его, стараясь припомнить, что ему нужно дѣлать. Наконецъ вздрогнулъ и весь исполнился испуга: ему вдругъ пришло на мысль, что она умираетъ съ голода. Онъ бросился къ возу и схватилъ нѣсколько большихъ черныхъ хлѣбовъ себѣ подъ руку, но тутъ же подумалъ, не будетъ ли эта пища, годная для дюжаго, неприхотливаго запорожца, груба и неприлична ея нѣжному сложенію. Тутъ вспомнилъ онъ, что вчера кошевой попрекалъ кошеваровъ за то, что сварили въ одинъ разъ всю гречневую муку на саламату, тогда какъ бы ее стало на добрыхъ три раза. Въ полной увѣренности, что онъ найдетъ вдоволь саламаты въ казанахъ, онъ вытащилъ отцовскій походный казанокъ и съ нимъ отправился къ кашевару ихъ куреня, спавшему у двухъ десятиведерныхъ казановъ, подъ которыми еще теплилась зола. Заглянувши въ нихъ, онъ изумился, видя, что оба пусты. Нужно было не человѣческихъ силъ, чтобы все это съѣсть, тѣмъ болѣе, что въ ихъ куренѣ считалось меньше людей, чѣмъ въ другихъ. Онъ заглянулъ въ казаны другихъ куреней, — нигдѣ ничего. Поневолѣ пришла ему въ голову поговорка: «Запорожцы, какъ дѣти: коли мало — съѣдятъ, коли много — тоже ничего не оставятъ». Что дѣлать? Былъ, однакоже, гдѣ-то, кажется, на возу отцовскаго полка, мѣшокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Онъ прямо подошелъ къ отцовскому возу, но на возу его не было: Остапъ взялъ его себѣ подъ головы и, растянувшись на землѣ, храпѣлъ на все поле. Андрій схватилъ мѣшокъ одной рукой и дернулъ его вдругъ такъ, что голова Остапа упала на землю, а онъ самъ вскочилъ впросонкахъ и, сидя съ закрытыми глазами, закричалъ, что было мочи:

— Держите, держите чортова ляха, да ловите коня, коня ловите!

— Замолчи, я тебя убью! — закричалъ въ испугѣ Андрій, замахнувшись на него мѣшкомъ.

Но Остапъ и безъ того уже не продолжалъ рѣчи, присмирѣлъ и пустилъ такой храпъ, что отъ дыханія шевелилась трава, на которой онъ лежалъ.

Андрій робко оглянулся на всѣ стороны, чтобы узнать, не пробудилъ ли кого-нибудь изъ казаковъ сонный бредъ Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась въ ближнемъ куренѣ и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждавъ минуты двѣ, онъ, наконецъ, отправился съ своею ношею.

Татарка лежала едва дыша.

— Вставай, идемъ! Всѣ спятъ, не бойся! Подымешь ли ты хоть одинъ изъ этихъ хлѣбовъ, если мнѣ будетъ несподручно захватить всѣ?

Сказавъ это, онъ взвалилъ себѣ на спину мѣшки, стащилъ, проходя мимо одного воза, еще одинъ мѣшокъ съ просомъ, взялъ даже въ руки тѣ хлѣбы, которые хотѣлъ было отдать нести татаркѣ, и, нѣсколько понагнувшись подъ тяжестью, шелъ отважно между рядами спавшихъ запорожцевъ.

— Андрій! — сказалъ старый Бульба въ то время, когда онъ проходилъ мимо него.

Сердце его замерло; онъ остановился и, весь дрожа, тихо произнесъ:

— А что?

— Съ тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на всѣ бока! Не доведутъ тебя бабы до добра!

Сказавши это, онъ оперся головою на локоть и сталъ пристально разсматривать закутанную въ покрывало татарку.

Андрій стоялъ ни живъ ни мертвъ, не имѣя духа взглянуть въ лицо отцу. И потомъ, когда поднялъ глаза и посмотрѣлъ на него, увидѣлъ, что старый Бульба уже спалъ, положивъ голову на ладонь.

Онъ перекрестился. Вдругъ отхлынулъ отъ сердца испугъ еще скорѣе, чѣмъ прихлынулъ. Когда же поворотился онъ, чтобы взглянуть на татарку, она стояла передъ нимъ подобно темной гранитной статуѣ, вся закутанная въ покрывало, и отблескъ отдаленнаго зарева, вспыхнувъ, озарилъ только однѣ ея очи, помутившіяся, какъ у мертвеца. Онъ дернулъ ее за рукавъ, и оба пошли вмѣстѣ, безпрестанно оглядываясь назадъ и, наконецъ, опустились отлогостью въ низменную лощину, — почти яръ, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ балками, — по дну которой лѣниво пресмыкался протокъ, поросшій осокой и усѣянный кочками. Опустясь въ эту лощину, они скрылись совершенно изъ виду всего поля, занятаго запорожскимъ таборомъ. По крайней мѣрѣ, когда Андрій оглянулся, то увидѣлъ, что позади его крутою стѣной, болѣе, чѣмъ въ ростъ человѣка, вознеслась покатость, на вершинѣ ея покачивалось нѣсколько стебельковъ полевого былья, и надъ ними поднималась въ небѣ луна, въ видѣ косвенно обращеннаго серпа изъ яркаго червоннаго золота. Сорвавшійся со степи вѣтерокъ давалъ знать, что уже немного оставалось времени до разсвѣта. Но нигдѣ не слышно было отдаленнаго пѣтушьяго крика: ни въ городѣ ни въ разоренныхъ окрестностяхъ не оставалось давно ни одного пѣтуха. По небольшому бревну перебрались они черезъ протокъ, за которымъ возносился противоположный берегъ, казавшійся выше бывшаго у нихъ назади и выступавшій совершеннымъ обрывомъ. Казалось, въ этомъ мѣстѣ былъ крѣпкій и надежный самъ собою пунктъ городской крѣпости; по крайней мѣрѣ, земляной валъ былъ тутъ ниже, и не выглядывалъ изъ-за него гарнизонъ. Но зато подальше подымалась толстая монастырская стѣна. Обрывистый берегъ весь обросъ бурьяномъ, и по небольшой лощинѣ между нимъ и протокомъ росъ высокій тростникъ, почти въ вышину человѣка. На вершинѣ обрыва видны были остатки плетня, обличавшіе когда-то бывшій огородъ; передъ нимъ — широкіе листы лопуха; изъ-за него торчала лебеда, дикій колючій бодягъ и подсолнечникъ, подымавшій выше всѣхъ свою голову. Здѣсь татарка скинула съ себя черевики и пошла босикомъ, подобравъ осторожно свое платье, потому что мѣсто было топко и наполнено водою. Пробираясь межъ тростниковъ, остановились они передъ наваленнымъ хворостомъ и фашинникомъ [1]). Отклонивъ хворостъ, нашли они родъ земляного свода — отверстіе, мало чѣмъ большее отверстія, бывающаго въ хлѣбной печи. Татарка, наклонивъ голову, вошла первая; вслѣдъ за нею Андрій, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться со своими мѣшками, и скоро очутились оба въ совершенной темнотѣ.

VI.

Андрій едва двигался въ темномъ и узкомъ земляномъ коридорѣ, слѣдуя за татаркою и таща на себѣ мѣшки хлѣба.

— Скоро намъ будетъ свѣтло, — сказала проводница: — мы подходимъ къ мѣсту, гдѣ поставила я свѣтильникъ.

И точно, темныя земляныя стѣны начали понемногу озаряться. Они достигли небольшой площадки, гдѣ, казалось, была часовня; по крайней мѣрѣ, къ стѣнѣ былъ приставленъ узенькій столикъ въ видѣ алтарнаго престола, и надъ нимъ виденъ былъ почти совершенно изгладившійся, полинявшій образъ католической Мадонны [2]). Небольшая серебряная лампадка, передъ нимъ висѣвшая, чуть-чуть озаряла его. Татарка наклонилась и подняла съ земли оставленный мѣдный свѣтильникъ, на тонкой высокой ножкѣ, съ висѣвшими

---

[1]) „Фашина — связка хворосту“. [2]) „Мадонна — Богоматерь“.

вокругъ ея на цѣпочкахъ щипцами, шпилькой для поправленія огня и гасильникомъ. Взявши его, она зажгла огнемъ отъ лампады. Свѣтъ усилился, и они, идя вмѣстѣ, то освѣщаясь сильно огнемъ, то набрасываясь темною, какъ уголь, тѣнью, напоминали собою картины Герардо *далле нотти* [1]). Свѣжее, кипящее здоровьемъ и юностью, прекрасное лицо рыцаря представляло сильную противоположность съ изнуреннымъ и блѣднымъ лицомъ его спутницы. Проходъ сталъ нѣсколько шире, такъ что Андрію можно было порасправиться. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ эти земляныя стѣны, напоминавшія ему кіевскія пещеры. Такъ же, какъ и въ пещерахъ кіевскихъ, тутъ видны были углубленія въ стѣнахъ, и стояли кое-гдѣ гробы; мѣстами даже попадались просто человѣческія кости, отъ сырости сдѣлавшіяся мягкими и разсыпавшіяся въ муку. Видно, и здѣсь также были святые люди и укрывались также отъ мірскихъ бурь, горя и обольщеній. Сырость мѣстами была очень сильна: подъ ногами ихъ иногда была совершенная вода. Андрій долженъ былъ часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутницѣ, которой усталость возобновлялась безпрестанно. Небольшой кусокъ хлѣба, проглоченный ею, произвелъ только боль въ желудкѣ, отвыкшемъ отъ пищи, и она оставалась часто безъ движенія по нѣскольку минутъ на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ передъ ними показалась маленькая желѣзная дверь.

— Ну, слава Богу, мы пришли,—сказала слабымъ голосомъ татарка, приподняла было руку, чтобы постучаться, и не имѣла силъ.

Андрій ударилъ вмѣсто нея сильно въ дверь; раздался гулъ, показывавшій, что за дверью былъ большой просторъ. Гулъ этотъ измѣнился, встрѣтивъ, какъ казалось, высокіе своды. Минуты черезъ двѣ загремѣли ключи, и кто-то, казалось, сходилъ по лѣстницѣ. Наконецъ дверь отперлась; ихъ встрѣтилъ монахъ, стоявшій на узенькой лѣстницѣ, съ ключами и свѣчой въ рукахъ. Андрій невольно остановился при видѣ католическаго монаха, возбуждавшаго такое ненавистное презрѣніе въ казакахъ, поступившихъ съ ними безчеловѣчнѣй, чѣмъ съ жидами. Монахъ тоже нѣсколько отступилъ назадъ, увидѣвъ запорожскаго казака, но слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Онъ посвятилъ имъ, заперъ за ними дверь, ввелъ ихъ по лѣстницѣ вверхъ, и они очутились подъ высокими темными сводами монастырской церкви. У одного изъ алтарей, установленнаго высокими подсвѣчниками и свѣчами, стоялъ на колѣняхъ священникъ и тихо молился. Около него съ обѣихъ сторонъ стояли также на колѣняхъ два молодые клирошанина въ лиловыхъ мантіяхъ, съ бѣлыми кружевными шемизетками сверхъ ихъ и съ кадилами въ рукахъ. Онъ молился о ниспосланіи чуда: о спасеніи города, о подкрѣпленіи падающаго духа, о ниспосланіи терпѣнія, объ удаленіи искусителя, нашептывающаго ропотъ и малодушный, робкій плачъ на земныя несчастія. Нѣсколько женщинъ, похожихъ на привидѣнія, стояли на колѣняхъ, опершись и совершенно положивъ изнеможенныя головы на спинки стоявшихъ передъ ними стульевъ и темныхъ деревянныхъ лавокъ; нѣсколько мужчинъ, прислонясь у колоннъ и пилястръ [2]), на которыхъ возлегали боковые своды, печально стояли тоже на колѣняхъ. Окно съ цвѣтными стеклами, бывшее надъ алтаремъ, озарилось розовымъ румянцемъ утра, и упали отъ него на полъ голубые, желтые и другихъ цвѣтовъ кружки свѣта, освѣтившіе внезапно темную церковь. Весь алтарь въ своемъ далекомъ углубленіи показался вдругъ въ сіяніи; кадильный

---

[1]) Т.-е. Герардъ ночей. Такъ прозвали итальянцы голландскаго художника Гергарда Гонтгорста, который изображалъ фигуры, освѣщенныя рѣзкимъ свѣтомъ. [2]) Пилястры—столбы.

дымъ остановился въ воздухѣ радужно освѣщеннымъ облакомъ. Андрій не безъ изумленія глядѣлъ изъ своего темнаго угла на чудо, произведенное свѣтомъ. Въ это время величественный стонъ органа наполнилъ вдругъ всю церковь; онъ становился гуще и гуще, разрастался, перешелъ въ тяжелые раскаты грома и потомъ вдругъ, обратившись въ небесную музыку, понесся высоко подъ сводами своими поющими звуками, напоминавшими тонкіе дѣвичьи голоса, и потомъ опять обратился опъ въ густой ревъ и громъ и затихъ. И долго еще громовые рокоты носились, дрожа подъ сводами, и дивился Андрій съ полуоткрытымъ ртомъ величественной музыкѣ.

Въ это время почувствовалъ онъ, что кто-то дернулъ его за полу кафтана.

— Пора!—сказала татарка.

Они перешли черезъ церковь, незамѣченные никѣмъ, и вышли потомъ на площадь, бывшую передъ нею. Заря уже давно румянилась на небѣ: все возвѣщало восхожденіе солнца. Площадь, имѣвшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; посереди̇нѣ ея оставались еще деревянные столики, показывавшіе, что здѣсь былъ еще, можетъ-быть, только недѣлю назадъ рынокъ съѣстныхъ припасовъ. Улица, которыхъ тогда не мостили, была просто засохшая груда грязи. Площадь обступали кругомъ небольшіе каменные и глиняные въ одинъ этажъ домы съ видными въ стѣнахъ деревянными сваями и столбами во всю ихъ высоту, косвенно перекрещенные деревянными же брусьями, какъ вообще строили домы тогдашніе обыватели, что можно видѣть и понынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Польши. Всѣ они были покрыты непомѣрно высокими крышами со множествомъ слуховыхъ оконъ и отдушинъ. На одной сторонѣ, почти близъ церкви, выше другихъ возносилось совершенно отличное отъ прочихъ зданіе, вѣроятно, городовой магистратъ или какое-нибудь правительственное мѣсто. Оно было въ два этажа, и надъ нимъ вверху надстроенъ былъ въ двѣ арки бельведеръ, гдѣ стоялъ часовой; большой циферблатъ вдѣланъ былъ въ крышу. Площадь казалась мертвою, но Андрію почудилось какое-то слабое стенаніе. Разсматривая, онъ замѣтилъ на другой ея сторонѣ группу изъ двухъ-трехъ человѣкъ, лежавшихъ почти безъ всякаго движенія на землѣ. Онъ вперилъ глаза внимательнѣй, чтобы разсмотрѣть, заснувшіе ли это были, или умершіе, и въ это время наткнулся на что-то, лежавшее у ногъ его. Это было мертвое тѣло женщины, повидимому, жидовки. Казалось, она была еще молода, хотя въ искаженныхъ, изможденныхъ чертахъ ея нельзя было того видѣть. На головѣ ея былъ красный шелковый платокъ; жемчуги или бусы въ два ряда украшали ея наушники; двѣ-три длинныя, всѣ въ завиткахъ кудри выпадали изъ-подъ нихъ на ея высохшую шею съ натянувшимися жилами. Возлѣ нея лежалъ ребенокъ, судорожно схватившійся рукою за тощую грудь ея и скрутившій ее своими пальцами отъ невольной злости, не нашедъ въ ней молока. Онъ уже не плакалъ и не кричалъ, и только по тихо опускавшемуся и подымавшемуся животу его можно было думать, что онъ еще не умеръ или, по крайней мѣрѣ, еще только готовился испустить послѣднее дыханье. Они поворотили въ улицы и были остановлены вдругъ какимъ-то бѣснующимся, который, увидѣвъ у Андрія драгоцѣнную ношу, кинулся на него, какъ тигръ, вцѣпился въ него, крича: «Хлѣба!» Но силъ не было у него, равныхъ бѣшенству; Андрій оттолкнулъ его: онъ полетѣлъ на землю. Движимый состраданіемъ, онъ швырнулъ ему одинъ хлѣбъ, на который тотъ бросился, подобно бѣшеной собакѣ, изгрызъ, искусалъ его и тутъ же на улицѣ въ страшныхъ судорогахъ испустилъ духъ отъ долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждомъ шагу поражали ихъ страшныя

жертвы голода. Казалось, какъ будто, не вынося мученій въ домахъ, многіе нарочно выбѣжали на улицу: не ниспошлется ли въ воздухѣ чего-нибудь, питающаго силы. У воротъ одного дома сидѣла старуха, и нельзя сказать, заснула ли она, умерла или, просто, позабылась: по крайней мѣрѣ, она уже не слышала и не видѣла ничего и, опустивъ голову на грудь, сидѣла недвижимо на одномъ и томъ же мѣстѣ. Съ крыши другого дома висѣло внизъ, на веревочной петлѣ, вытянувшееся и исчахлое тѣло: бѣднякъ не могъ вынести до конца страданій голода и захотѣлъ лучше произвольнымъ самоубійствомъ ускорить конецъ свой.

При видѣ такихъ поражающихъ свидѣтельствъ голода Андрій не вытерпѣлъ не спросить татарку:

— Неужели они, однакожъ, совсѣмъ не нашли, чѣмъ пробавить жизнь? Если человѣку приходитъ послѣдняя крайность, тогда, дѣлать нечего, онъ долженъ питаться тѣмъ, чѣмъ дотолѣ брезговалъ; онъ можетъ питаться тѣми тварями, которыя запрещены закономъ; все можетъ тогда пойти въ снѣдь.

— Все переѣли,—сказала татарка,—всю скотину: ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всемъ городѣ. У насъ, въ городѣ, никогда не водилось никакихъ запасовъ; все привозилось изъ деревень.

— Но какъ же вы, умирая такою лютою смертью, все еще думаете оборонить городъ?

— Да, можетъ-быть, воевода и сдалъ бы, но вчера утромъ полковникъ, который въ Буджакахъ, пустилъ въ городъ ястреба съ запиской, чтобъ не отдавали города; что онъ идетъ на выручку съ полкомъ, да ожидаетъ только другого полковника, чтобъ итти обоимъ вмѣстѣ. И теперь всякую минуту ждутъ ихъ... Но вотъ мы пришли къ дому.

Андрій уже издали видѣлъ домъ, не похожій на другіе и, какъ казалось, строенный какимъ-нибудь архитекторомъ итальянскимъ; онъ былъ сложенъ изъ красивыхъ тонкихъ кирпичей въ два этажа. Окна нижняго этажа были заключены въ высоко выдавшіеся гранитные карнизы; верхній этажъ состоялъ весь изъ небольшихъ арокъ [1]), образовавшихъ галлерею; между ними были видны рѣшетки съ гербами; на углахъ дома тоже были гербы. Наружная широкая лѣстница изъ крашеныхъ кирпичей выходила на самую площадь. Внизу лѣстницы сидѣло по одному часовому, которые картинно и симметрически держались одной рукой за стоявшія около нихъ аллебарды [2]), а другою подпирали наклоненныя свои головы и, казалось, такимъ образомъ болѣе походили на изваянія, чѣмъ на живыя существа. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему; они не обратили даже вниманія на то, кто всходилъ по лѣстницѣ. Наверху лѣстницы они нашли богато убраннаго, всего съ ногъ до головы вооруженнаго воина, державшаго въ рукѣ молитвенникъ. Онъ было возвелъ на нихъ истомленныя очи, но татарка сказала ему одно слово, и онъ опустилъ ихъ вновь въ открытыя страницы своего молитвенника. Они вступили въ первую комнату, довольно просторную, служившую пріемною, или, просто, переднею, она была наполнена вся сидѣвшими въ разныхъ положеніяхъ у стѣнъ солдатами, слугами, псарями, виночерпіями и прочей дворней, необходимою для показанія сана польскаго вельможи, какъ военнаго, такъ и владѣльца собственныхъ помѣстьевъ. Слышенъ былъ чадъ погаснувшей свѣчи; двѣ другія еще горѣли въ двухъ огромныхъ, почти въ ростъ человѣка подсвѣчникахъ, стоявшихъ посреди, несмотря на то, что уже давно въ рѣшетчатое широкое окно глядѣло утро. Андрій уже было хо-

---

[1]) Арка—сводъ. [2]) Аллебарда—сѣкира съ длинной рукояткой.

тѣлъ итти прямо въ широкую дубовую дверь, украшенную гербомъ и множествомъ рѣзныхъ украшеній, но татарка дернула его за рукавъ и указала маленькую дверь въ боковой стѣнѣ. Этою вышли они въ коридоръ и потомъ въ комнату, которую онъ началъ внимательно разсматривать. Свѣтъ, проходившій сквозь щель ставня, тронулъ кое-что: малиновый занавѣсъ, позолоченный карнизъ и живопись на стѣнѣ. Здѣсь татарка указала Андрію остаться, отворила дверь въ другую комнату, изъ которой блеснулъ свѣтъ огня. Онъ услышалъ шопотъ и тихій голосъ, отъ котораго все потряслось у него. Онъ видѣлъ сквозь растворившуюся дверь, какъ мелькнула быстро стройная женская фигура съ длинною роскошною косою, упадавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы онъ вошелъ. Онъ не помнилъ, какъ вошелъ и какъ затворилась за нимъ дверь. Въ комнатѣ горѣли двѣ свѣчи; лампада теплилась передъ образомъ; подъ нимъ стоялъ высокій столикъ, по обычаю католическому, со ступеньками для преклоненія колѣнъ во время молитвы. Но не того искали глаза его. Онъ повернулся въ другую сторону и увидѣлъ женщину, казалось, застывшую и окаменѣвшую въ какомъ-то быстромъ движеніи. Казалось, какъ будто вся фигура ея хотѣла броситься къ нему и вдругъ остановилась. И онъ остался также изумленнымъ передъ нею. Не такою воображалъ онъ ее видѣть: это была не она, не та, которую онъ зналъ прежде; ничего не было въ ней похожаго на ту, но вдвое прекраснѣе и чуднѣе была она теперь, чѣмъ прежде: тогда было въ ней что-то неконченное, недовершенное, теперь это было произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ кисти. Та была прелестная, вѣтреная дѣвушка, эта была красавица—женщина по всей развившейся красѣ своей. Полное чувство выражалось въ ея поднятыхъ глазахъ, не отрывки, не намеки на чувство, но все чувство. Еще слезы не успѣли въ нихъ высохнуть и облекли ихъ блистающею влагою, проходившею въ душу. Грудь, шея и плечи заключились въ тѣ прекрасныя границы, которыя назначены вполнѣ развившейся красотѣ; волосы, которые прежде разносились легкими кудрями по лицу ея, теперь обратились въ густую, роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длинѣ руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упадала на грудь. Казалось, всѣ до одной измѣнились черты ея. Напрасно силился онъ отыскать въ нихъ хотя одну изъ тѣхъ, которыя носились въ его памяти,—ни одной! Какъ ни велика была ея блѣдность, но она не помрачила чудесной красы ея; напротивъ, какъ будто придала ей что-то стремительное, неотразимо-побѣдоносное. И ощутилъ Андрій въ своей душѣ благоговѣйную боязнь и сталъ неподвиженъ передъ нею. Она, казалось, также была поражена видомъ казака, представшаго во всей красѣ и силѣ юношескаго мужества, который, казалось, и въ самой неподвижности своихъ членовъ уже обличалъ развязную вольность движеній; ясною твердостью сверкалъ глазъ его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣлыя щеки блистали всею яркостью дѣвственнаго огня, и, какъ шелкъ, лоснился молодой черный усъ.

— Нѣтъ, я не въ силахъ ничѣмъ возблагодарить тебя, великодушный рыцарь,—сказала она, и весь колебался серебряный звукъ ея голоса:—одинъ Богъ можетъ вознаградить тебя; не мнѣ, слабой женщинѣ...

Она потупила свои очи; прекрасными, снѣжными полукружьями надвинулись на нихъ вѣки, окраенныя длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами; наклонилося все чудесное лицо ея, и тонкій румянецъ оттѣнилъ его снизу. Ничего не умѣлъ сказать на это Андрій; онъ хотѣлъ бы выговорить все, что ни есть на душѣ,—выговорить его такъ же горячо, какъ оно было на душѣ,—и не могъ. Почувствовалъ онъ что-то, заградившее ему уста; звукъ отнялся у

слова: почувствовалъ онъ, что не ему, воспитанному въ бурсѣ и брапной кочевой жизни, отвѣчать на такія рѣчи, и вознегодовалъ на свою казацкую натуру.

Въ это время вошла въ комнату татарка. Она уже успѣла нарѣзать ломтями принесенный оыцаремъ хлѣбъ, несла его на золотомъ блюдѣ и поставила передъ своею панною. Красавица взглянула на нее, на хлѣбъ и возвела очи на Андрія,—и много было въ очахъ тѣхъ. Этотъ умиленный взоръ, выказавшій изнеможенье и безсилье выразить обнявшія ее чувства, былъ болѣе доступенъ Андрію, чѣмъ всѣ рѣчи. Его душѣ вдругъ стало легко; казалось, все развязалось у него. Душевныя движенья и чувства, которыя дотолѣ какъ будто кто-то удерживалъ тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными, на волѣ, и уже хотѣли излиться въ неукротимые потоки словъ, какъ вдругъ красавица, оборотясь къ татаркѣ, безпокойно спросила:

— А мать? Ты отнесла ей?

— Она спитъ.

— Отцу?

— Отнесла. Онъ сказалъ, что придетъ самъ благодарить рыцаря.

Она взяла хлѣбъ и поднесла его ко рту. Съ неизъяснимымъ наслажденіемъ глядѣлъ Андрій, какъ она ломала его блистающими пальцами своими и ѣла; и вдругъ вспомнилъ о бѣсновавшемся отъ голода, который испустилъ духъ въ глазахъ его, проглотивши кусокъ хлѣба. Онъ поблѣднѣлъ, схвативъ ее за руку, закричалъ:

— Довольно! Не ѣшь больше! Ты такъ долго не ѣла, тебѣ хлѣбъ будетъ теперь ядовитъ.

И она опустила тутъ же свою руку, положила хлѣбъ на блюдо и, какъ покорный ребенокъ, смотрѣла ему въ очи. И пусть бы выразило чье-нибудь слово... но не властны выразить ни рѣзецъ, ни кисть, ни высоко-могучее слово того, что видится иной разъ во взорахъ дѣвы, нижѐ того умиленнаго чувства, которымъ объемлется глядящій въ такіе взоры дѣвы.

— Царица!—вскрикнулъ Андрій, полный и сердечныхъ, и душевныхъ, и всякихъ избытковъ:—что тебѣ нужно? Чего ты хочешь?—прикажи мнѣ! Задай мнѣ службу самую невозможную, какая только есть на свѣтѣ, я побѣгу исполнить ее! Скажи мнѣ сдѣлать то, чего не въ силахъ сдѣлать ни одинъ человѣкъ,—я сдѣлаю, я погублю себя. Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святымъ крестомъ, мнѣ такъ сладко... но нѣтъ!.. нельзя сказать того! У меня три хутора, половина табуновъ отцовскихъ—мои, все, что принесла отцу мать моя, что даже отъ него скрываетъ она—все мое. Нѣтъ ни у кого теперь изъ казаковъ нашихъ такого оружія, какъ у меня: за одну рукоять моей сабли даютъ мнѣ лучшій табунъ и три тысячи овецъ. И отъ всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово или хотя только шевельнешь своею тонкою черною бровью! Но знаю, что, можетъ-быть, несу глупыя рѣчи, и некстати и нейдетъ все это сюда, что не мнѣ, проведшему жизнь въ бурсѣ и на Запорожьѣ, говорить такъ, какъ въ обычаѣ говорить тамъ, гдѣ бываютъ короли, князья и все, что ни есть лучшаго въ вельможномъ рыцарствѣ. Вижу, что ты иное твореньe Бога, нежели всѣ мы, и далеки предъ тобою всѣ другія боярскія жены и дочери-дѣвы. Мы не годимся быть твоими рабами; только небесные ангелы могутъ служить тебѣ.

Съ возрастающимъ изумленіемъ, вся превратившись въ слухъ, не проронивъ ни одного слова, слушала дѣва открытую сердечную рѣчь, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражалась молодая полная силъ душа. И каждое простое

слово этой рѣчи, выговоренное голосомъ, летѣвшимъ прямо съ сердечнаго дна, облечено было въ силу. И выдалось впередъ все прекрасное лицо ея, отбросила она далеко назадъ досадные волосы, открыла уста и долго глядѣла съ открытыми устами. Потомъ хотѣла что-то сказать и вдругъ остановилась и вспомнила, что другимъ назначеньемъ ведется рыцарь, что отецъ, братья и вся отчизна его стоятъ позади его суровыми мстителями, что страшны облегшіе городъ запорожцы, что лютой смерти обречены всѣ они съ своимъ городомъ... и глаза ея вдругъ наполнились слезами; она схватила платокъ, шитый шелками, набросила его себѣ на лицо, и онъ въ минуту сталъ весь влаженъ; и долго сидѣла, забросивъ назадъ свою прекрасную голову, сжавъ бѣлоснѣжными зубами свою прекрасную нижнюю губу,—какъ бы внезапно почувствовавъ какое укушеніе ядовитаго гада,—и не снимая съ лица платка, чтобы онъ не видѣлъ ея сокрушительной грусти.

— Скажи мнѣ одно слово!—сказалъ Андрій и взялъ ее за атласную руку.

Сверкающій огонь пробѣжалъ по жиламъ его отъ этого прикосновенья, и жалъ онъ руку, лежавшую безчувственно въ рукѣ его.

Но она молчала и не отнимала платка отъ лица своего и оставалась неподвижна.

— Отчего же ты такъ печальна? Скажи мнѣ, отчего ты такъ печальна?

Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула падавшіе на очи длинные волосы свои и вся разлилася въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ-тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловитъ ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго тарахтанья гдѣ-то проѣзжающей телѣги.

— Не достойна ли я вѣчныхъ сожалѣній? Не несчастна ли мать, родившая меня на свѣтъ? Не горькая ли доля пришлась на часть мнѣ? Не лютый ли ты палачъ мой, моя свирѣпая судьба? Всѣхъ ты привела къ ногамъ моимъ: лучшихъ дворянъ изо всего шляхетства, богатѣйшихъ пановъ, графовъ и иноземныхъ бароновъ и все, что ни есть цвѣтъ нашего рыцарства. Всѣмъ имъ было вольно любить меня, и за великое благо всякій изъ нихъ почелъ бы любовь мою. Стоило мнѣ только махнуть рукой, и любой изъ нихъ, красивѣйшій, прекраснѣйшій лицомъ и породою, сталъ бы моимъ супругомъ. И ни къ одному изъ нихъ не причаровала ты моего сердца, свирѣпая судьба моя; а причаровала мое сердце, мимо лучшихъ витязей земли нашей, къ чуждому, къ врагу нашему. За что же Ты, Пречистая Божья Матерь, за какіе грѣхи, за какія тяжкія преступленія такъ неумолимо и безпощадно гонишь меня? Въ изобиліи и роскошномъ избыткѣ всего текли дни мои; лучшія, дорогія блюда и сладкія вина были мнѣ снѣдью. И на что все это было? Къ чему оно все было? Къ тому ли, чтобы, наконецъ, умереть лютою смертью, какой не умираетъ послѣдній нищій въ королевствѣ? И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что передъ концомъ своимъ должна видѣть, какъ станутъ умирать въ невыносимыхъ мукахъ отецъ и мать, для спасенья которыхъ двадцать разъ готова была бы отдать жизнь свою; мало всего этого: нужно, чтобы передъ концомъ своимъ мнѣ довелось увидѣть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы онъ рѣчами своими разодралъ на части мое сердце, чтобы горькая моя часть была еще горше, чтобы еще жальче было мнѣ моей молодой жизни, чтобы еще страшнѣе

казалась мнѣ смерть моя, и чтобы еще больше, умирая, попрекала я тебя, свирѣпая судьба моя, и Тебя,— прости мое прегрѣшеніе,— Святая Божья Матерь!

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось въ лицѣ ея, ноющею грустью заговорила всякая черта его, и все, отъ печально поникшаго лба и опустившихся очей до слезъ, застывшихъ и засохнувшихъ по тихо пламенѣвшимъ щекамъ ея, все, казалось, говорило: «Нѣтъ счастья на лицѣ этомъ!»

— Не слыхано на свѣтѣ, не можно, не быть тому,—говорилъ Андрій,— чтобы красивѣйшая и лучшая изъ женъ понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы предъ ней, какъ предъ святыней, преклонилось все, что ни есть лучшаго на свѣтѣ. Нѣтъ, ты не умрешь! Не тебѣ умирать! Клянусь моимъ рожденіемъ и всѣмъ, что мнѣ мило на свѣтѣ, ты не умрешь! Если же выйдетъ уже такъ, и ничѣмъ—ни силой, ни молитвой, ни мужествомъ—нельзя будетъ отклонить горькой судьбы, то мы умремъ вмѣстѣ, и прежде я умру, умру передъ тобой, у твоихъ прекрасныхъ колѣнъ, и развѣ уже мертваго меня разлучатъ съ тобою.

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня,—говорила она, качая тихо прекрасной головой своей:—знаю и, къ великому моему горю, знаю слишкомъ хорошо, что тебѣ нельзя любить меня; знаю я, какой долгъ и завѣтъ твой; тебя зовутъ отецъ, товарищи, отчизна, а мы—враги тебѣ.

— А что мнѣ отецъ, товарищи и отчизна?—сказалъ Андрій, встряхнувъ быстро головою и выпрямивъ весь прямой, какъ надрѣчная осокорь, станъ свой.—Такъ если жъ такъ, такъ вотъ что: нѣтъ у меня никого! Никого, никого!—повторилъ онъ тѣмъ же голосомъ, и сопроводивъ его тѣмъ движеньемъ руки, съ какимъ упругій, несокрушимый казакъ выражаетъ рѣшимость на дѣло неслыханное и невозможное для другого.—Кто сказалъ, что моя отчизна Украйна? Кто далъ мнѣ ее въ отчизны? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для нея всего. Отчизна моя—ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю, пусть кто-нибудь изъ казаковъ вырветъ ее отуда! И все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну!

На мигъ остолбенѣвъ, какъ прекрасная статуя, смотрѣла она ему въ очи и вдругъ зарыдала и съ чудною женскою стремительностью, на какую бываетъ только способна одна безразсчетно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движеніе, кинулась она къ нему на шею, обхвативъ его снѣгоподобными, чудными руками, и зарыдала. Въ это время раздались на улицѣ неясные крики, сопровождаемые трубнымъ и литавриымъ звукомъ; но онъ не слышалъ ихъ: онъ слышалъ только, какъ чудныя уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханья, какъ слезы ея текли ручьями къ нему на лицо, и спустившіеся всѣ съ головы, пахучіе ея волосы опутали его всего своимъ темнымъ и блистающимъ шелкомъ.

Въ это время вбѣжала къ нимъ съ радостнымъ крикомъ татарка.

— Спасены, спасены!—кричала она, не помня себя.—Наши вошли въ городъ, привезли хлѣба, пшена, муки и связанныхъ запорожцевъ.

Но не слышалъ никто изъ нихъ, какіе «наши» вошли въ городъ, что привезли съ собою и какихъ связали запорожцевъ. Полный не на землѣ вкушаемыхъ чувствъ, Андрій поцѣловалъ въ благовонныя уста, прильнувшія къ щекѣ его, и не безотвѣтны были благовонныя уста. Онѣ отозвались тѣмъ же, и въ этомъ обоюдно-сліянномъ поцѣлуѣ ощутилось то, что одинъ только разъ въ жизни дается чувствовать человѣку.

И погибъ казакъ. Пропалъ для всего казацкаго рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовскихъ хуторовъ своихъ, ни церкви Божьей! Украйнѣ не видать тоже храбрѣйшаго изъ своихъ дѣтей, взявшихся защищать ее. Вырветъ старый Тарасъ сѣдой клокъ волосъ изъ своей чупрыны и проклянетъ и день и часъ, въ который породилъ на позоръ себѣ такого сына.

VII.

Шумъ и движеніе происходили въ запорожскомъ таборѣ. Сначала никто не могъ дать вѣрнаго отчета, какъ случилось, что войска прошли въ городъ. Потомъ уже оказалось, что весь Переяславскій курень, расположившійся передъ боковыми городскими воротами, былъ пьянъ мертвецки; стало-быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана еще прежде, чѣмъ всѣ могли узнать, въ чемъ дѣло. Покамѣстъ ближніе курени, разбуженные шумомъ, успѣли схватиться за оружіе, войско уже уходило въ ворота, и послѣдніе ряды отстрѣливались отъ устремившихся на нихъ въ безпорядкѣ сонныхъ и полупротрезвившихся запорожцевъ.

Кошевой далъ приказъ собраться всѣмъ, и, когда всѣ стали въ кругъ и, снявши шапки, затихли, онъ сказалъ:

— Такъ вотъ что, панове братове, случилось въ эту ночь; вотъ до чего довелъ хмель! Вотъ какое поруганье оказалъ намъ непріятель! У васъ, видно, уже такое заведеніе: коли позволишь удвоить порцію, такъ вы готовы такъ натянуться, что врагъ Христова воинства не только сниметъ съ васъ шаровары, но въ самое лицо вамъ начхаетъ, такъ вы того не услышите.

Казаки всѣ стояли, понуривъ головы, зная вину; одинъ только незамайковскій куренной атаманъ Кукубенко отозвался:

— Постой, батько!—сказалъ онъ:—хоть оно и не въ законѣ, чтобы сказать какое возраженіе, когда говоритъ кошевой передъ лицомъ всего войска, да дѣло не такъ было, такъ нужно сказать. Ты не совсѣмъ справедливо попрекнулъ все христіанское войско. Казаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились въ походѣ, на войнѣ, на трудной, тяжкой работѣ; но мы сидѣли безъ дѣла, маячились попусту передъ городомъ. Ни поста ни другого христіанскаго воздержанья не было: какъ же можетъ статься, чтобы на бездѣльѣ не напился человѣкъ? Грѣха тутъ нѣтъ. А мы вотъ лучше покажемъ имъ, что такое нападать на безвинныхъ людей. Прежде били добре, а ужъ теперь побьемъ такъ, что и пять не унесутъ домой.

Рѣчь куренного атамана понравилась казакамъ. Они приподняли уже совсѣмъ было понурившіяся головы, и многіе одобрительно кивнули головой, примолвивши:

— Добре сказалъ Кукубенко!

А Тарасъ Бульба, стоявшій недалеко отъ кошевого, сказалъ:

— А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказалъ? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу: блаженъ и отецъ, родившій такого сына! Еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое, не поругавшись надъ бѣдою человѣка, ободрило бы его, придало бы духу ему, какъ шпоры придаютъ духу коню, освѣженному водопоемъ. Я самъ хотѣлъ вамъ сказать потомъ утѣшительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

— Добре сказалъ и кошевой!—отозвалось въ рядахъ запорожцевъ.

— Доброе слово!—повторили другіе.

И самые сѣдые, стоявшіе, какъ сизые голуби, и тѣ кивнули головою и, моргнувши сѣдымъ усомъ, тихо сказали:

— Добре сказанное слово!

— Слушайте же, панове!—продолжалъ кошевой:—брать крѣпость, караокаться и подкапываться, какъ дѣлаютъ чужеземные, нѣмецкіе мастера—пусть ей врагъ прикинется!—и неприлично и не казацкое дѣло. А судя по тому, что есть, непріятель вошелъ въ городъ не съ большимъ запасомъ; телѣгъ что-то было съ нимъ немного. Народъ въ городѣ голодный; стало-быть, все съѣстъ духомъ, да и конямъ тоже сѣна... ужъ я не знаю, развѣ съ неба кинетъ имъ на вилы какой-нибудь ихъ святой... только про это еще Богъ знаетъ; а ксендзы-то ихъ горазды на одни слова. За тѣмъ или за другимъ, а ужъ они выйдутъ изъ города. Раздѣляйся же на три кучи и становись на три дороги передъ тремя воротами. Передъ главными воротами пять куреней, передъ другими по три куреня. Дядькивскій и Корсунскій курень на засаду! Полковникъ Тарасъ съ полкомъ на засаду! Тытаревскій и Тымошевскій курень на запасъ съ праваго боку обоза! Щербиновскій и Стебликивскій верхній—съ лѣваго боку! Да выбирайтесь изъ ряду, молодцы, которые позубастѣе на слово, задирать непріятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпитъ; и, можетъ-быть, сегодня же всѣ они выйдутъ изъ воротъ. Куренные атаманы, перегляди всякій курень свой: у кого недочетъ, пополни его остатками Переяславскаго. Перегляди все снова! Дать на опохмелъ всѣмъ по чаркѣ и по хлѣбу на казака. Только, вѣрно, всякій еще вчерашнимъ сытъ, ибо, некуды дѣть правды, понаѣдались всѣ такъ, что дивлюсь, какъ ночью никто не лопнулъ. Да вотъ еще одинъ наказъ: если кто-нибудь, шинкарь, жидъ, продастъ казаку хоть одинъ кухоль сивухи, то я прибью ему на самый лобъ свиное ухо, собакѣ, и повѣшу ногами вверхъ! За работу же, братцы! За работу!

Такъ распоряжался кошевой, и всѣ поклонились ему въ поясъ и, не надѣвая шапокъ, отправились къ своимъ возамъ и таборамъ и, когда уже совсѣмъ далеко отошли, тогда только надѣли шапки. Всѣ начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порохъ изъ мѣшковъ въ пороховницы, откалывали и становили возы и выбирали коней.

Уходя къ своему полку, Тарасъ думалъ и не могъ придумать, куда бы дѣвался Андрій.

«Полонили ли его вмѣстѣ съ другими и связали соннаго? Только нѣтъ, не таковъ Андрій, чтобы отдался живымъ въ плѣнъ».

Между убитыми казаками тоже не было его видно. Задумался крѣпко Тарасъ и шелъ передъ полкомъ, не слыша, что его давно называлъ кто-то по имени.

— Кому нужно меня?—сказалъ онъ, наконецъ, очнувшись.

Передъ нимъ стоялъ жидъ Янкель.

— Панъ полковникъ, панъ полковникъ!—говорилъ жидъ поспѣшнымъ и прерывистымъ голосомъ, какъ будто бы хотѣлъ объявить дѣло, не совсѣмъ пустое.—Я былъ въ городѣ, панъ полковникъ!

Тарасъ посмотрѣлъ на жида и подивился тому, что онъ уже успѣлъ побывать въ городѣ.

— Какой же врагъ тебя занесъ туда?

— Я тотчасъ разскажу,—сказалъ Янкель.—Какъ только услышалъ я на зарѣ шумъ, и казаки стали стрѣлять, я ухватилъ кафтанъ и, не надѣвая его, побѣжалъ туда бѣгомъ; дорогою уже надѣлъ его въ рукава, потому что хотѣлъ поскорѣй узнать, отчего шумъ, отчего казаки на самой зарѣ стали

стрѣлять. Я взялъ и прибѣжалъ къ самымъ городскимъ воротамъ въ то время, когда послѣднее войско входило въ городъ. Гляжу,—впереди отряда панъ хорунжій [1]) Галяндовичъ. Онъ человѣкъ мнѣ знакомый: еще съ третьяго года задолжалъ сто червонныхъ. Я за нимъ будто бы за тѣмъ, чтобы выправить съ него долгъ, и вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ городъ.

— Какъ же ты вошелъ въ городъ, да еще и долгъ хотѣлъ выправить?— сказалъ Бульба.—И не велѣлъ онъ тебя тутъ же повѣсить, какъ собаку?

— А, ей Богу, хотѣлъ повѣсить,—отвѣчалъ жидъ:—уже было его слуги совсѣмъ схватили меня и закинули веревку на шею, но я взмолился пану, сказалъ, что подожду долгъ, сколько панъ хочетъ, и пообѣщалъ еще дать взаймы, какъ только поможетъ мнѣ собрать долги съ другихъ рыцарей, ибо у пана хорунжаго,—я все скажу пану,—нѣтъ и одного червоннаго въ карманѣ. Хоть у него есть и хутора, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самаго Шклова, а грошей у него такъ, какъ у казака, ничего нѣтъ. И теперь, если бы не вооружили его бреславскіе жиды, не въ чемъ бы было ему и на войну выѣхать. Онъ и на сеймѣ оттого не былъ...

— Что жъ ты дѣлалъ въ городѣ? Видѣлъ нашихъ?

— Какъ же! Нашихъ тамъ много: Ицка, Рахумъ, Самуйло, Хайволохъ, еврей-арендаторъ...

— Пропади они, собаки!—вскрикнулъ, разсердившись, Тарасъ.—Что ты мнѣ тычешь свое жидовское племя? Я тебя спрашиваю про нашихъ запорожцевъ.

— Нашихъ запорожцевъ не видалъ, а видѣлъ одного пана Андрія.

— Андрія видѣлъ!—вскрикнулъ Бульба.—Что жъ ты, гдѣ видѣлъ его?... въ подвалѣ?.. въ ямѣ?.. обезчещенъ?.. связанъ?..

— Кто же бы смѣлъ связать пана Андрія? Теперь онъ такой важный рыцарь... Далибугъ [2]), я не узналъ! И наплечники въ золотѣ, и нарукавники въ золотѣ, и зерцало [3]) въ золотѣ, и шапка въ золотѣ, и по поясу золото, и вездѣ золото, и все золото. Такъ, какъ солнце взглянетъ весною, когда въ огородѣ всякая пташка пищитъ и поетъ, и всякая травка пахнетъ, такъ и онъ весь сіяетъ въ золотѣ. И коня ему далъ воевода самаго лучшаго подъ верхъ; два ста червонныхъ стоитъ одинъ конь.

Бульба остолбенѣлъ.

— Зачѣмъ же онъ надѣлъ чужое одѣянье?

— Потому что лучше, потому и надѣлъ. И самъ разъѣзжаетъ, и другіе разъѣзжаютъ; и онъ учитъ, и его учатъ: какъ наибогатѣйшій польскій панъ!

— Кто же его принудилъ?

— Я жъ не говорю, чтобы его кто принудилъ. Развѣ панъ не знаетъ, что онъ по своей волѣ перешелъ къ нимъ?

— Кто перешелъ?

— А панъ Андрій.

— Куда перешелъ?

— Перешелъ на ихъ сторону, онъ ужъ теперь совсѣмъ ихній.

— Врешь, свиное ухо!

— Какъ же можно, чтобы я вралъ? Дуракъ я развѣ, чтобы вралъ? На свою бы голову я вралъ? Развѣ я не знаю, что жида повѣсятъ, какъ собаку, коли онъ совретъ передъ паномъ?

— Такъ это выходитъ, онъ, по-твоему, продалъ отчизну и вѣру?

---

[1]) Хорунжій—знаменщикъ, офицеръ. [2]) „Далибугъ—ей Богу (польское)". [3]) Зерцало—родъ латъ.

— Я же не говорю этого, чтобы онъ продавалъ что: я сказалъ только, что онъ перешелъ къ нимъ.

— Врешь, чортовъ жидъ! Такого дѣла не было на христіанской землѣ! Ты путаешь, собака!

— Пусть трава порастетъ на порогѣ моего дома, если я путаю! Пусть всякій наплюетъ на могилу отца, матери, свекора и отца отца моего и отца матери моей, если я путаю. Если панъ хочетъ, я даже скажу, и отчего онъ перешелъ къ нимъ.

— Отчего?

— У воеводы есть дочка-красавица. Святой Боже, какая красавица!

Здѣсь жидъ постарался, какъ только могъ, выразить на лицѣ своемъ красоту, разставивъ руки, прищуривъ глазъ и покрививши на бокъ ротъ, какъ будто чего-нибудь отвѣдавши.

— Ну, такъ что же изъ того?

— Онъ для нея и сдѣлалъ все, и перешелъ. Коли человѣкъ влюбится, то онъ все равно, что подошва, которую, коли размочишь въ водѣ, возьми, согни,—она и согнется.

Крѣпко задумался Бульба. Вспомнилъ онъ, что велика власть слабой женщины, что многихъ сильныхъ погубляла она, что податлива съ этой стороны природа Андрія; и стоялъ онъ долго, какъ вкопанный, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Слушай, панъ, я все разскажу пану,—говорилъ жидъ.—Какъ только услышалъ я шумъ и увидѣлъ, что проходятъ въ городскія ворота, я схватилъ на всякій случай съ собой нитку жемчуга, потому что въ городѣ есть красавицы и дворянки, а коли есть красавицы и дворянки, сказалъ я себѣ, то имъ хоть и ѣсть нечего, а жемчугъ все-таки купятъ. И какъ только хорунжаго слуги пустили меня, я побѣжалъ на воеводинъ дворъ продавать жемчугъ. Разспросилъ все у служанки-татарки. «Будетъ свадьба сейчасъ, какъ только прогонятъ запорожцевъ. Панъ Андрій обѣщалъ прогнать запорожцевъ».

— И ты не убилъ тутъ же на мѣстѣ его, чортова сына?—вскрикнулъ Бульба.

— За что же убить? Онъ перешелъ по доброй волѣ. Чѣмъ человѣкъ виноватъ? Тамъ ему лучше, туда и перешелъ.

— И ты видѣлъ его въ самое лицо?

— Ей Богу, въ самое лицо! Такой славный воякa! Всѣхъ взрачнѣй. Дай ему Богъ здоровья, меня тотчасъ узналъ; и, когда я подошелъ къ нему, тотчасъ сказалъ...

— Что жъ онъ сказалъ?

— Онъ сказалъ, прежде кивнулъ пальцемъ, а потомъ уже сказалъ: «Янкель!» А я, «Панъ Андрій!» говорю. «Янкель! скажи отцу, скажи брату, скажи казакамъ, скажи запорожцамъ, скажи всѣмъ, что отецъ—теперь не отецъ мнѣ, братъ—не братъ, товарищъ—не товарищъ, и что я съ ними буду биться со всѣми, со всѣми буду биться!»

— Врешь, чортовъ Іуда!—закричалъ, вышедъ изъ себя, Тарасъ.—Врешь, собака! Ты и Христа распялъ, проклятый Богомъ человѣкъ! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда; не то—тутъ же тебѣ и смерть!

Сказавши это, Тарасъ выхватилъ свою саблю. Испуганный жидъ припустился тутъ же во всѣ лопатки, какъ только могли вынести его тонкія, сухія икры. Долго еще бѣжалъ онъ безъ оглядки между казацкимъ таборомъ и потомъ далеко по всему чистому полю, хотя Тарасъ вовсе не гнался за нимъ, размысливъ, что неразумно вымещать запальчивость на первомъ подвернувшемся.

Теперь припомнилъ онъ, что видѣлъ въ прошлую ночь Андрія, проходившаго по табору съ какой-то женщиною, и поникъ сѣдою головою, а все еще не хотѣлъ вѣрить, что могло случиться такое позорное дѣло и чтобы собственный сынъ его продалъ вѣру и душу.

Наконецъ повелъ онъ свой полкъ въ засаду и скрылся съ нимъ за лѣсомъ, который одинъ былъ не выжженъ еще казаками. А запорожцы, и пѣшіе и конные, выступали на три дороги къ тремъ воротамъ. Одинъ за другимъ валили курени: Уманскій, Поповичевскій, Каневскій, Стебликивскій, Незамайковскій, Гургузивъ, Тытаревскій, Тымошевскій. Одного только Переяславскаго не было. Крѣпко курнули казаки его и прокурили свою долю. Кто проснулся связаннымъ во вражьихъ рукахъ, кто, и совсѣмъ не просыпаясь, сонный перешелъ въ сырую землю, и самъ атаманъ Хлибъ, безъ шароваръ и верхняго убранства, очутился въ ляшскомъ станѣ. Въ городѣ услышали казацкое движеніе. Всѣ высыпали на валъ, и предстала предъ казаковъ живая картина: польскіе витязи, одинъ другого красивѣй, стояли на валу. Мѣдныя шапки сіяли, какъ солнца, оперенныя бѣлыми, какъ лебедь, перьями. На другихъ были легкія шапочки, розовыя и голубыя, съ перегнутыми набекрень верхами; кафтаны съ откидными рукавами, шитые золотомъ и просто выложенные шнурками; у тѣхъ сабли и ружья въ дорогихъ оправахъ, за которыя дорого приплачивали паны,—и много было всякихъ другихъ убранствъ. Напереди стоялъ спесиво въ красной шапкѣ, убранной золотомъ, буджаковскій полковникъ. Грузенъ былъ полковникъ, всѣхъ выше и толще, и широкій дорогой кафтанъ насилу облекалъ его. На другой сторонѣ, почти къ боковымъ воротамъ, стоялъ другой полковникъ, небольшой человѣкъ, весь высохшій; но малыя зоркія очи глядѣли живо изъ-подъ густо наросшихъ бровей, и оборачивался онъ скоро на всѣ стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанія; видно было, что, несмотря на малое тѣло свое, зналъ онъ хорошо ратную науку. Недалеко отъ него стоялъ хорунжій, длинный-длинный, съ густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка въ краскѣ на лицѣ: любилъ панъ крѣпкіе меды и добрую пирушку. И много было видно за ними всякой шляхты, вооружившейся, кто на свои червонцы, кто на королевскую казну, кто на жидовскія деньги, заложивъ все, что ни нашлось въ дѣдовскихъ замкахъ. Не мало было и всякихъ сенаторскихъ нахлѣбниковъ, которыхъ брали съ собою сенаторы на обѣды для почета, которые крали со стола и изъ буфетовъ серебряные кубки и послѣ сегодняшняго почета на другой день садились на козлы править конями у какого-нибудь пана. Много всякихъ было тамъ. Иной разъ и выпить было не на что, а на войну всѣ принарядились.

Казацкіе ряды стояли тихо передъ стѣнами. Не было на нихъ ни на комъ золота, только развѣ кое-гдѣ блестѣло оно на сабельныхъ рукояткахъ и ружейныхъ оправахъ. Не любили казаки богато наряжаться на битвахъ; простыя были на нихъ кольчуги и свиты, и далеко чернѣли и червонѣли черныя червоноверхія бараньи ихъ шапки.

Два казака выѣхало впередъ изъ запорожскихъ рядовъ: одинъ еще совсѣмъ молодой, другой постарѣе, оба зубастые на слова, на дѣлѣ тоже не плохіе казаки: Охримъ Нашъ и Мыкыта Голокопытенко. Слѣдомъ за ними выѣхалъ и Демидъ Поповичъ, коренастый казакъ, уже давно маячившій на Сѣчи, бывшій подъ Адріанополемъ [1]) и много натерпѣвшійся на вѣку своемъ: горѣлъ въ огнѣ и прибѣжалъ на Сѣчь съ обсмоленною, почернѣвшею головою и выгорѣвшими

[1]) Адріанополь—городъ въ Турціи.

усами; но раздобрѣлъ вновь Поповичъ, пустилъ за ухо оселедецъ, вырастилъ усы, густые и черные, какъ смоль. И крѣпокъ былъ на ѣдкое слово Поповичъ.

— А красные жупаны на всемъ войскѣ, да хотѣлъ бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вотъ я васъ!—кричалъ сверху дюжій полковникъ.—Всѣхъ перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видѣли, какъ перевязалъ я вашихъ? Выведите имъ на валъ запорожцевъ!

И вывели на валъ скрученныхъ веревками запорожцевъ. Впереди ихъ былъ куренной атаманъ Хлибъ, безъ шароваръ и верхняго убранства,—такъ, какъ схватили его хмельного. Потупилъ въ землю голову атаманъ, стыдясь наготы своей передъ своими же казаками и того, что попалъ въ плѣнъ, какъ собака, сонный. И въ одну ночь посѣдѣла крѣпкая голова его.

— Не печалься, Хлибъ! Выручимъ!—кричали ему снизу казаки.

— Не печалься, друзьяка!—отозвался куренной атаманъ Бородатый.—Въ томъ нѣтъ вины твоей, что схватили тебя нагого: бѣда можетъ быть со всякимъ человѣкомъ; но стыдно имъ, что выставили тебя на позоръ, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонныхъ людей храброе войско?—говорилъ, поглядывая на валъ, Голокопытенко.

— Вотъ, погодите, обрѣжемъ мы вамъ чубы!—кричали имъ сверху.

— А хотѣлъ бы я поглядѣть, какъ они намъ обрѣжутъ чубы!—говорилъ Поповичъ, поворотившись передъ ними на конѣ, и потомъ, поглядѣвши на своихъ, сказалъ:—А что жъ? Можетъ-быть, ляхи и правду говорятъ: коли выведетъ ихъ вонъ тотъ пузатый, имъ всѣмъ будетъ добрая защита.

— Отчего жъ ты думаешь, будетъ имъ добрая защита?—сказали казаки, зная, что Поповичъ, вѣрно, уже готовился что-нибудь отпустить.

— А оттого, что позади его упрячется все войско, и ужъ, чорта съ два, изъ-за его пуза достанешь котораго-нибудь копьемъ!

Всѣ засмѣялись казаки; и долго многіе изъ нихъ еще покачивали головою, говоря: «Ну, ужъ Поповичъ! Ужъ коли кому закрутитъ слово, такъ только ну»... Да ужъ и не сказали казаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорѣе отъ стѣнъ!—закричалъ кошевой: ибо ляхи, казалось, не выдержали ѣдкаго слова, и полковникъ махнулъ рукой.

Едва только посторонились казаки, какъ грянули съ вала картечью. На валу засуетились, показался самъ сѣдой воевода на конѣ. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выѣхали ровнымъ коннымъ строемъ гусары, за ними кольчужники, потомъ латники съ копьями, потомъ всѣ въ мѣдныхъ шапкахъ, потомъ ѣхали особнякомъ лучшіе шляхтичи, каждый одѣтый по-своему. Не хотѣли гордые шляхтичи вмѣшаться въ ряды съ другими, и у котораго не было команды, тотъ ѣхалъ одинъ съ своими слугами. Потомъ опять ряды, и за ними выѣхалъ хоруньжій; за нимъ опять ряды, и выѣхалъ дюжій полковникъ; а позади всего уже войска выѣхалъ послѣднимъ низенькій полковникъ.

— Не давать имъ, не давать имъ строиться и становиться въ ряды!—кричалъ кошевой.—Разомъ напирайте на нихъ всѣ курени! Оставляйте всѣ прочія ворота! Тытаревскій курень, нападай съ боку! Дядькивскій курень, нападай съ другого! Напирайте на тылъ, Кукубенко и Палывода! Мѣшайте, мѣшайте и рознитe ихъ!

И ударили со всѣхъ сторонъ казаки, сбили и смѣшали ляховъ, и сами смѣшались. Не дали даже и стрѣльбы произвести; пошло дѣло на мечи да на копья. Всѣ сбились въ кучу, и каждому привелъ случай показать себя.

Демидъ Поповичъ трехъ закололъ простыхъ и двухъ лучшихъ шляхтичей сбилъ съ коней, говоря: «Вотъ добрые кони! Такихъ коней я давно хотѣлъ достать!» И выгналъ коней далеко въ поле, крича стоявшимъ казакамъ перенять ихъ. Потомъ вновь пробился въ кучу, напалъ опять на сбитыхъ съ коней шляхтичей, одного убилъ, а другому накинулъ арканъ на шею, привязалъ къ сѣдлу и поволокъ его по всему полю, снявши съ него саблю съ дорогою рукоятью и отвязавши отъ пояса цѣлый черенокъ съ червонцами [1]).

Кобита, добрый казакъ и молодой еще, схватился тоже съ однимъ изъ храбрѣйшихъ въ польскомъ войскѣ, и долго бились они. Сошлись уже въ рукопашный. Одолѣлъ было уже казакъ и, сломивши, ударилъ острымъ турецкимъ ножомъ въ грудь; но не уберегся самъ: тутъ же въ високъ хлопнула его горячая пуля. Свалилъ его знатнѣйшій изъ паповъ, красивѣйшій и древняго княжескаго роду рыцарь. Какъ стройный тополь, носился онъ на буланомъ конѣ своемъ. И много уже показалъ боярской богатырской удали: двухъ запорожцевъ разрубилъ надвое; Ѳедора Коржа, добраго казака, опрокинулъ вмѣстѣ съ конемъ, выстрѣлилъ по коню, а казака досталъ изъ-за коня копьемъ; многимъ отнялъ головы и руки и повалилъ казака Кобиту, вогнавши ему пулю въ високъ.

— Вотъ съ кѣмъ бы я хотѣлъ попробовать силы! — закричалъ незамайковскій куренный атаманъ Кукубенко.

Принустивъ коня, налетѣлъ прямо ему въ тылъ и сильно вскрикнулъ, такъ что вздрогнули всѣ близстоявшіе отъ нечеловѣческаго крика. Хотѣлъ было поворотить вдругъ своего коня ляхъ и стать ему въ лицо, но не послушался конь: испуганный страшнымъ крикомъ, метнулся на сторону, и досталъ его ружейною пулею Кукубенко. Вошла въ спинныя лопатки ему горячая пуля, и свалился онъ съ коня. Но и тутъ не поддался ляхъ, все еще силился нанести врагу ударъ, но ослабѣла упавшая вмѣстѣ съ саблею рука. А Кукубенко, взявъ въ обѣ руки свой тяжелый палашъ, вогналъ его ему въ самыя поблѣднѣвшія уста; вышибъ два сахарные зуба палашъ, разсѣкъ надвое языкъ, разбилъ горловой позвонокъ и вошелъ далеко въ землю. Такъ и пригвоздилъ онъ его тамъ навѣки къ сырой землѣ. Ключомъ хлынула вверхъ алая, какъ надрѣчная калина, высокая дворянская кровь и выкрасила весь обшитый золотомъ желтый кафтанъ его. А Кукубенко уже кинулъ его и пробился съ своими незамайковцами въ другую кучу.

— Эхъ, оставилъ неприбраннымъ такое дорогое убранство!—сказалъ уманскій куренной, Бородатый, отъѣхавши отъ своихъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ убитый Кукубенкомъ шляхтичъ.—Я семерыхъ убилъ шляхтичей своею рукою, а такого убранства еще не видѣлъ ни на комъ.

И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять съ него дорогіе доспѣхи, вынулъ уже турецкій ножъ въ оправѣ изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ, отвязалъ отъ пояса черенокъ съ червонцами, снялъ съ груди сумку съ тонкимъ бѣльемъ, дорогимъ серебромъ и дѣвическою кудрею, сохранно сберегавшеюся на память. И не услышалъ Бородатый, какъ налетѣлъ на него сзади красноносый хорунжій, уже разъ сбитый имъ съ сѣдла и получившій добрую зазубрину на память. Размахнулся онъ со всего плеча и ударилъ его саблей по нагнувшейся шеѣ. Не къ добру повела корысть казака: отскочила могучая голова, и упалъ обезглавленный трупъ, далеко вокругъ оросивши землю. Понеслась къ вышинамъ суровая казацкая душа, хмурясь и негодуя, и вмѣстѣ съ тѣмъ дивуясь, что такъ рано вылетѣла изъ такого крѣпкаго тѣла. Не успѣлъ

---

1) „Черенокъ съ червонцами—поясъ, въ который насыпали червонцы".

хорунжій ухватить за чубъ атаманскую голову, чтобы привязать ее къ сѣдлу, а ужъ былъ тутъ суровый мститель.

Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крылами, вдругъ останавливается распластанный на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца-перепела,—такъ Тарасовъ сынъ Остапъ налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинулъ ему на шею веревку. Побагровѣло еще сильнѣе красное лицо хорунжаго, когда затянула ему горло жестокая петля: схватился онъ было за пистолетъ, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрѣла, и пуля даромъ полетѣла въ поле. Остапъ тутъ же, у его же сѣдла отвязалъ шелковый шнуръ, который возилъ съ собою хорунжій для вязанія плѣнныхъ, и его же шнуромъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ, прицѣпилъ конецъ веревки къ сѣдлу и поволокъ его черезъ поле, сзывая громко всѣхъ казаковъ Уманскаго куреня, чтобы шли отдать послѣднюю честь атаману.

Какъ услышали уманцы, что куренного ихъ атамана Бородатаго нѣтъ уже въ живыхъ, бросали поле битвы и прибѣжали прибрать его тѣло; и тутъ же стали совѣщаться, кого выбрать въ куренные. Наконецъ сказали:

— Да на что совѣщаться? Лучше не можно поставить въ куренные, какъ Бульбенка Остапа: онъ, правда, младшій всѣхъ насъ, но разумъ у него, какъ у стараго человѣка.

Остапъ, снявъ шапку, всѣхъ поблагодарилъ казаковъ-товарищей за честь, не сталъ отговариваться ни молодостью ни молодымъ разумомъ, зная, что время военное, и не до того теперь, а тутъ же повелъ ихъ прямо на кучу и ужъ показалъ имъ всѣмъ, что не даромъ выбрали его въ атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дѣло слишкомъ жарко, отступили и перебѣжали поле, чтобы собраться на другомъ концѣ его. А низенькій полковникъ махнулъ на стоявшія отдѣльно, у самыхъ воротъ четыре свѣжія сотни, и грянули оттуда картечью въ казацкія кучи; но мало кого достали: пули хватили по быкамъ казацкимъ, дико глядѣвшимъ на битву. Взревѣли испуганные быки, поворотили на казацкіе таборы, переломали возы и многихъ перетоптали. Но Тарасъ въ это время, вырвавшись изъ засады съ своимъ полкомъ, съ крикомъ бросился наперейму. Поворотило назадъ все бѣшеное стадо, испуганное крикомъ, и метнулось на ляшскіе полки, опрокинуло конницу, всѣхъ смяло и разсыпало.

— О, спасибо вамъ, волы!—кричали запорожцы.—Служили все походную службу, а теперь и военную сослужили!

И ударили съ новыми силами на непріятеля. Много тогда перебили враговъ. Многіе показали себя: Метелица, Шило, оба Писаренки, Вовтузенко, и не мало было всякихъ другихъ. Увидѣли ляхи, что плохо, наконецъ, приходитъ, выкинули хоругвь и закричали отворять городскія ворота. Со скрипомъ отворились обитыя желѣзомъ ворота и приняли толпившихся, какъ овецъ въ овчарню, изнуренныхъ и покрытыхъ пылью всадниковъ. Многіе изъ запорожцевъ погнались было за ними, но Остапъ своихъ уманцевъ остановилъ, сказавши:

— Подальше, подальше, паны братья, отъ стѣнъ! Не годится близко подходить къ нимъ.

И правду сказалъ, потому что со стѣнъ грянули и посыпали всѣмъ, чѣмъ ни попало, и многимъ досталось. Въ это время подъѣхалъ кошевой и похвалилъ Остапа, сказавши:

— Вотъ и новый атаманъ, а ведетъ войско такъ, какъ бы и старый!

Оглянулся старый Бульба поглядѣть, какой тамъ новый атаманъ, и увидѣлъ, что впереди всѣхъ уманцевъ сидѣлъ на конѣ Остапъ, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица въ рукѣ.

— Вишь, ты какой!—сказалъ онъ, глядя на него; и обрадовался старый и сталъ благодарить всѣхъ уманцевъ за честь, оказанную сыну.

Казаки вновь отступили, готовясь итти къ таборамъ, а на городскомъ валу вновь показались ляхи, уже съ изорванными епанчами. Запеклася кровь на многихъ дорогихъ кафтанахъ, и пылью покрылися красивыя мѣдныя шапки.

— Что, перевязали?—кричали имъ снизу запорожцы.

— Вотъ я васъ!—кричалъ все такъ же сверху толстый полковникъ, показывая веревку; и все еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины, и всѣ, бывшіе позадорнѣе, перекинулись съ обѣихъ сторонъ бойкими словами.

Наконецъ разошлись всѣ. Кто расположился отдыхать, истомившися отъ боя; кто присыпалъ землей свои раны и далъ на перевязки платки и дорогія одежды, снятыя съ убитаго непріятеля. Другіе же, которые были посвѣжѣе, стали прибирать тѣла и отдавать имъ послѣднюю почесть: палашами, копьями копали могилы; шапками, полами выносили землю; сложили честно казацкія тѣла и засыпали ихъ свѣжею землею, чтобы не досталось воронамъ и хищнымъ орламъ выклевать имъ очи. А ляшскія тѣла, привязавши, какъ попало, десятками къ хвостамъ дикихъ коней, пустили ихъ по всему полю и долго потомъ гнались за ними и хлестали ихъ по бокамъ. Летѣли бѣшеные кони по бороздамъ, буграмъ, черезъ рвы и протоки, и бились о землю покрытые кровью и прахомъ ляшскіе трупы.

Потомъ сѣли кругами всѣ курени вечерять и долго говорили о дѣлахъ и подвигахъ, доставшихся въ удѣлъ каждому, на вѣчный разсказъ пришельцамъ и потомству. Долго не ложились они; а долѣе всѣхъ не ложился старый Тарасъ, все размышляя, что бы значило, что Андрія не было между вражьихъ воевъ. Посовѣстился ли Іуда выйти противу своихъ, или обманулъ жидъ, и попался онъ, просто, въ неволю? Но тутъ же вспомнилъ онъ, что не въ мѣру было наклончиво сердце Андрія на женскія рѣчи, почувствовалъ скорбь и заклялся сильно въ душѣ противъ полячки, причаровавшей его сына. И выполнилъ бы онъ свою клятву: не поглядѣлъ бы на ея красоту, вытащилъ бы ее за густую, пышную косу, поволокъ бы ее за собою по всему полю между всѣхъ казаковъ. Избились бы о землю окровавившись и покрывшись пылью, ея чудныя груди и плечи, блескомъ равныя нетающимъ снѣгамъ, что покрываютъ горныя вершины. Разнесъ бы по частямъ онъ ея пышное прекрасное тѣло. Но не вѣдалъ Бульба того, что готовитъ Богъ человѣку завтра, и сталъ позабываться сномъ и, наконецъ, заснулъ. А казаки все еще говорили промежъ собой, и всю ночь стояла у огней, приглядываясь пристально во всѣ концы, трезвая, не смыкавшая очей стража.

VIII.

Еще солнце не дошло до половины неба, какъ всѣ запорожцы собрались въ круги. Изъ Сѣчи пришла вѣсть, что татары, во время отлучки казаковъ, ограбили въ ней все, вырыли скарбъ, который втайнѣ держали казаки подъ землею, избили и забрали въ плѣнъ всѣхъ, которые оставались, и со всѣми забранными стадами и табунами направили путь прямо къ Перекопу [1]). Одинъ только казакъ, Максимъ Голодуха, вырвался дорогою изъ татарскихъ рукъ, закололъ мирзу [2]), отвязалъ у него мѣшокъ съ цехинами и на татарскомъ

---

[1]) Перекопскій перешеекъ, соединяющій полуостровъ Крымъ съ материкомъ.

[2]) Мирза—татарскій князь.

конѣ и въ татарской одеждѣ полтора дня и двѣ ночи уходилъ отъ погони, загналъ насмерть коня, пересѣлъ на другого, загналъ и того и уже на третьемъ пріѣхалъ въ запорожскій таборъ, развѣдавъ на дорогѣ, что запорожцы были подъ Дубномъ. Только и успѣлъ объявить онъ, что случилось такое зло; но, отчего оно случилось, курнули ли оставшіеся запорожцы по казацкому обычаю и пьяными отдались въ плѣнъ, и какъ узнали татары мѣсто, гдѣ былъ зарытъ войсковой скарбъ, того ничего не сказалъ онъ. Сильно истомился казакъ, распухъ весь, лицо пожгло и опалило ему вѣтромъ; упалъ онъ тутъ же и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ подобныхъ случаяхъ водилось у запорожцевъ гнаться въ ту жъ минуту за похитителями, стараясь настигнуть ихъ на дорогѣ, потому что плѣнные какъ разъ могли очутиться на базарахъ Малой Азіи, въ Смирнѣ, на Критскомъ островѣ, и, Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ не показались бы чубатыя запорожскія головы. Вотъ отчего собрались запорожцы. Всѣ до единаго стояли они въ шапкахъ, потому что пришли не съ тѣмъ, чтобы слушать по начальству атаманскій приказъ, но совѣщаться какъ равные между собою.

— Давай совѣтъ прежде старшіе!—закричали въ толпѣ. — Давай совѣтъ кошевой!—говорили другіе.

И кошевой, снявши шапку, уже не такъ, какъ начальникъ, а какъ товарищъ, благодарилъ всѣхъ казаковъ за честь и сказалъ:

— Много между нами есть старшихъ и совѣтомъ умнѣйшихъ, но коли меня почтили, то мой совѣтъ—не терять, товарищи, времени и гнаться за татариномъ, ибо вы сами знаете, что за человѣкъ татаринъ: онъ не станетъ съ награбленнымъ добромъ ожидать нашего прихода, а мигомъ размытаритъ его, такъ что и слѣдовъ не найдешь. Такъ мой совѣтъ: итти. Мы здѣсь уже погуляли. Ляхи знаютъ, что такое казаки; за вѣру, сколько было по силамъ, отмстили; корысти же съ голоднаго города немного. Итакъ, мой совѣтъ—итти.

— Итти!—раздалось громко въ запорожскихъ куреняхъ.

Но Тарасу Бульбѣ не пришлись по душѣ такія слова, и навѣсилъ онъ еще ниже на очи свои хмурыя исчерна-бѣлыя брови, подобныя кустамъ, выросшимъ по высокому темени горы, которыхъ верхушки вплоть занесъ иглистый сѣверный иней.

— Нѣтъ, не правъ совѣтъ твой, кошевой!—сказалъ онъ.—Ты не такъ говоришь: ты позабылъ, видно, что въ плѣну остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь видно, чтобы мы не уважили перваго, святого закона товарищества, оставили бы собратьевъ своихъ на то, чтобы съ нихъ съ живыхъ содрали кожу или, исчетвертовавъ на части казацкое ихъ тѣло, развозили бы ихъ по городамъ и селамъ, какъ уже сдѣлали они съ гетманомъ и лучшими русскими витязями на Украйнѣ. Развѣ мало они поругались и безъ того надъ святынею? Что жъ мы такое? спрашиваю я всѣхъ васъ. Что жъ за казакъ тотъ, который кинулъ въ бѣдѣ товарища, кинулъ его, какъ собаку, пропасть на чужбинѣ? Коли ужъ на то пошло, что всякій ни во что ставитъ казацкую честь, позволивъ себѣ плюнуть въ сѣдые усы свои и попрекнуть себя обиднымъ словомъ, такъ не укоритъ же никто меня. Одинъ остаюсь!

Поколебались всѣ стоявшіе запорожцы.

— А развѣ ты позабылъ, бравый полковникъ,—сказалъ тогда кошевой,—что у татаръ въ рукахъ тоже наши товарищи, что если мы теперь ихъ не выручимъ, то жизнь ихъ будетъ продана на вѣчное невольничество язычникамъ, что хуже всякой лютой смерти? Позабылъ развѣ, что у нихъ теперь вся казна наша, добытая христіанскою кровью?

Задумались всѣ казаки и не знали, что сказать. Никому не хотѣлось изъ нихъ заслужить обидную славу. Тогда вышелъ впередъ всѣхъ старѣйшій годами во всемъ запорожскомъ войскѣ Касьянъ Бовдюкъ. Въ чести былъ онъ у всѣхъ казаковъ; два раза уже былъ избираемъ кошевымъ и на войнахъ тоже былъ сильно добрый казакъ, но уже давно состарѣлся и не бывалъ ни въ какихъ походахъ; не любилъ тоже и совѣтовъ давать никому, а любилъ старый вояка лежать на боку у казацкихъ круговъ, слушая разсказы про всякіе бывалые случаи и казацкіе походы. Никогда не вмѣшивался онъ въ рѣчи, а все только слушалъ да прижималъ пальцемъ золу въ своей коротенькой трубкѣ, которой не выпускалъ изо рта, и долго сидѣлъ онъ потомъ, прижмуривъ слегка очи, и не знали казаки, спалъ ли онъ, или все еще слушалъ. Всѣ походы оставался онъ дома, но на сей разъ разобрало стараго. Махнулъ рукой по-казацки и сказалъ: «А не куды пошло! Пойду и я: можетъ, въ чемъ-нибудь буду пригоденъ казачеству!» Всѣ казаки притихли, когда выступилъ онъ теперь передъ собраніе, ибо давно не слышали отъ него никакого слова. Всякій хотѣлъ знать, что скажетъ Бовдюгъ.

— Пришла очередь и мнѣ сказать слово, паны братья! — такъ онъ началъ.—Послушайте, дѣти, стараго. Мудро сказалъ кошевой; и, какъ голова казацкаго войска, обязанный приберегать его и пещись о войсковомъ скарбѣ, мудрѣе ничего онъ не могъ сказать. Вотъ что! Это пусть будетъ первая моя рѣчь! А теперь послушайте, что скажетъ моя другая рѣчь. А вотъ что скажетъ моя другая рѣчь: большую правду сказалъ и Тарасъ полковникъ—дай, Боже, ему побольше вѣку, и чтобъ такихъ полковниковъ было побольше на Украйнѣ! Первый долгъ и первая честь казака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на вѣку, не слышалъ я, паны братья, чтобы казакъ покинулъ гдѣ или подалъ какъ-нибудь своего товарища. И тѣ и другіе намъ товарищи; меньше ихъ или больше,—все равно, всѣ товарищи, всѣ намъ дороги. Такъ вотъ какая моя рѣчь: тѣ, которымъ милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которымъ милы полоненные ляхами и которымъ не хочется оставлять праваго дѣла, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдетъ съ одною половиною за татарами, а другая половина выберетъ себѣ наказного атамана. А наказнымъ атаманомъ, коли хотите послушать бѣлой головы, непригоже быть никому другому, какъ только одному Тарасу Бульбѣ. Нѣтъ изъ насъ никого равнаго ему въ доблести.

Такъ сказалъ Бовдюгъ и затихъ; и обрадовались всѣ казаки, что навелъ ихъ такимъ образомъ на умъ старый. Всѣ вскинули вверхъ шапки и закричали:

— Спасибо тебѣ, батько! Молчалъ, молчалъ, долго молчалъ, да вотъ, наконецъ, и сказалъ: не даромъ говорилъ, когда собирался въ походъ, что будешь пригоденъ казачеству: такъ и сдѣлалось.

— Что, согласны вы на то?—спросилъ кошевой.

— Всѣ согласны!—закричали казаки.

— Стало-быть, радѣ конецъ?

— Конецъ радѣ!—кричали казаки.

— Слушайте жъ теперь войскового приказа, дѣти!—сказалъ кошевой, выступилъ впередъ и надѣлъ шапку, а всѣ запорожцы, сколько ихъ ни было, сняли свои шапки и остались съ непокрытыми головами, потупивъ очи въ землю, какъ бывало всегда между казаками, когда собирался что говорить старшій.—Теперь отдѣляйтесь, паны братья! Кто хочетъ итти, ступай на правую сторону; кто остается, отходи на лѣвую! Куда большая часть куреня переходитъ, туда и атаманъ; коли меньшая часть переходитъ, приставай къ другимъ куренямъ.

И вотъ стали переходить, кто на правую, кто на лѣвую сторону. Котораго куреня бо́льшая часть переходила, туда и куренной атаманъ переходилъ; котораго малая часть, та приставала къ другимъ куренямъ; и вышло безъ малаго не поровну на всякой сторонѣ. Захотѣли остаться: весь почти Незамайковскій курень, большая половина Поповическаго куреня, весь Уманскій курень, весь Каневскій курень, большая половина Стебликивскаго куреня, большая половина Тымошевскаго куреня. Всѣ остальные вызвались итти въ догонъ за татарами. Много было на обѣихъ сторонахъ дюжихъ и храбрыхъ казаковъ. Между тѣми, которые рѣшились итти вслѣдъ за татарами, былъ Череватый, добрый старый казакъ, Покотыполе, Лемишъ, Прокоповичъ Хома; Демидъ Поповичъ тоже перешелъ туда, потому что былъ сильно завзятаго нрава казакъ—не могъ долго высидѣть на мѣстѣ; съ ляхами попробовалъ уже онъ дѣла, хотѣлось попробовать еще съ татарами. Куренные были: Ностюганъ, Покрышка, Невылычкій, и много еще другихъ славныхъ и храбрыхъ казаковъ захотѣло попробовать меча и могучаго плеча въ схваткѣ съ татариномъ. Не мало было также сильно и сильно добрыхъ казаковъ между тѣми, которые захотѣли остаться: куренные Демытровичъ, Кукубенко, Вертыхвистъ, Балабанъ, Бульбенко Остапъ. Потомъ много было еще другихъ именитыхъ и дюжихъ казаковъ: Вовтузенко, Черевыченко, Степанъ Гуска, Охримъ Гуска, Мыкола Густый, Задорожній, Метелица, Иванъ Закрутыгуба, Мосій Шило, Дегтяренко, Сыдоренко, Писаренко, потомъ другой Писаренко, потомъ еще Писаренко, и много было другихъ добрыхъ казаковъ. Всѣ были хожалые, ѣзжалые: ходили по анатольскимъ берегамъ, по крымскимъ солончакамъ и степямъ, по всѣмъ рѣчкамъ большимъ и малымъ, которыя впадали въ Днѣпръ, по всѣмъ заходамъ и днѣпровскимъ островамъ; бывали въ молдавской, волошской, въ турецкой землѣ; изъѣздили все Черное море двухрульными казацкими челнами; нападали въ пятьдесятъ челновъ въ рядъ на богатѣйшіе и превысокіе корабли, перетопили не мало турецкихъ галеръ и много-много выстрѣляли пороху на своемъ вѣку. Не разъ драли на онучи дорогія паволоки [1]) и оксамиты; не разъ череши у штанныхъ очкуровъ набивали все чистыми цехинами. А сколько всякій изъ нихъ пропилъ и прогулялъ добра, ставшаго бы другому на всю жизнь, того и счесть нельзя. Все спустили по-казацки, угощая весь міръ и нанимая музыку, чтобы все веселилось, что ни есть на свѣтѣ. Еще и теперь у рѣдкаго изъ нихъ не было закопано добра: кружекъ, серебряныхъ ковшей и запястьевъ, подъ камышами на днѣпровскихъ островахъ, чтобы не довелось татарину найти его, если бы, въ случаѣ несчастья, удалось ему напасть врасплохъ на Сѣчь; но трудно было бы татарину найти его, потому что и самъ хозяинъ уже сталъ забывать, въ которомъ мѣстѣ закопалъ его. Такіе-то были казаки, захотѣвшіе остаться и отмстить ляхамъ за вѣрныхъ товарищей и Христову вѣру! Старый казакъ Бовдюгъ захотѣлъ также остаться съ ними, сказавши:

— Теперь не такія мои лѣта, чтобы гоняться за татарами, а тутъ есть мѣсто, гдѣ опочить доброю казацкою смертью. Давно уже просилъ я у Бога, чтобы, если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войнѣ за святое и христіанское дѣло. Такъ оно и случилось. Славнѣйшей кончины уже не будетъ въ другомъ мѣстѣ для стараго казака.

Когда отдѣлились всѣ и стали на двѣ стороны въ два ряда куренями, кошевой прошелъ промежъ рядовъ и сказалъ:

— А что, панове братове, довольны одна сторона другою?

---

[1]) Паволока—дорогая ткань.

— Всѣ довольны, батько!— отвѣчали казаки.

— Ну, такъ поцѣлуйтесь же и дайте другъ другу прощанье, ибо, Богъ знаетъ, приведется ли въ жизни еще увидѣться. Слушайте своего атамана и исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велитъ казацкая честь.

И всѣ казаки, сколько ихъ ни было, перецѣловались между собою. Начали первые атаманы и, повѣсивши рукою сѣдые усы свои, поцѣловались навкрестъ и потомъ взялись за руки и крѣпко держали руки; хотѣлъ одинъ другого спросить: «Что, пане брате, увидимся или не увидимся?» да и не спросили, замолчали,—и загадались обѣ сѣдыя головы. А казаки всѣ до одного прощались, зная, что много будетъ работы тѣмъ и другимъ; но не повершили, однакожъ, тотчасъ разлучиться, а повершили дождаться темной ночной поры, чтобы не дать непріятелю увидѣть убыль въ казацкомъ войскѣ. Потомъ всѣ отправились по куренямъ обѣдать.

Послѣ обѣда всѣ, которымъ предстояла дорога, легли отдыхать и спали крѣпко и долгимъ сномъ, какъ будто чуя, что, можетъ, послѣдній сонъ доведется имъ вкусить на такой свободѣ. Спали до самаго захода солнечнаго; а какъ зашло солнце, и немного стемнѣло, стали мазать телѣги. Снарядясь, пустили впередъ возы, а сами, пошапковавшись еще разъ съ товарищами, тихо пошли вслѣдъ за возами; конница чинно, безъ покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотала вслѣдъ за пѣшими, и скоро стало ихъ не видно въ темнотѣ. Глухо отдавался только конскій топотъ да скрипъ иного колеса, которое еще не расходилось или не было хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго еще оставшіеся товарищи махали имъ издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своимъ мѣстамъ, когда увидѣли при высвѣтившихся ясно звѣздахъ, что половины телѣгъ уже не было на мѣстѣ, что многихъ-многихъ нѣтъ, невесело стало у всякаго на сердцѣ, и всѣ задумались противъ воли, потупивъ въ землю гульливыя свои головы.

Тарасъ видѣлъ, какъ смутны стали казацкіе ряды, и какъ унынiе, неприличное храбрымъ, стало тихо обнимать казацкія головы, но молчалъ: онъ хотѣлъ дать время всему, чтобы свыклись они и съ унынiемъ, наведеннымъ прощанiемъ съ товарищами. А между тѣмъ въ тишинѣ готовился разомъ и вдругъ разбудить ихъ всѣхъ, гикнувши по-казацки, чтобы вновь и съ большею силою, чѣмъ прежде, воротилась бодрость каждому въ душу, на что способна одна только славянская порода, — широкая, могучая порода передъ другими, что море передъ мелководными рѣками: коли время бурно, все превращается оно въ ревъ и громъ, бугря и подымая валы, какъ не поднять ихъ безсильнымъ рѣкамъ; коли же безвѣтренно и тихо, яснѣе всѣхъ рѣкъ разстилаетъ оно свою необъятную стеклянную поверхность, вѣчную нѣгу очей.

И повелѣлъ Тарасъ распаковать своимъ слугамъ одинъ изъ возовъ, стоявшій особнякомъ. Больше и крѣпче всѣхъ другихъ онъ былъ въ казацкомъ обозѣ, двойною крѣпкою шиною были обтянуты дебелыя колеса его; грузно былъ онъ навьюченъ, укрытъ попонами, крѣпкими воловьими кожами и увязанъ туго засмоленными веревками. Въ возу были все баклаги и боченки стараго добраго вина, которое долго лежало у Тараса въ погребахъ. Взялъ онъ его про запасъ, на торжественный случай, чтобы, если случится великая минута, и будетъ всѣмъ предстоять дѣло, достойное на передачу потомкамъ, то чтобы всякому, до единаго казаку досталось выпить заповѣднаго вина, чтобы въ великую минуту великое бы и чувство овладѣло человѣкомъ. Услышавъ полковничій приказъ, слуги бросились къ возамъ, палашами перерѣзывали крѣпкія веревки, снимали толстыя воловьи кожи и попоны и стаскивали съ воза баклаги и боченки.

— А берите всѣ,—сказалъ Бульба:—всѣ, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковшъ, или черпакъ, которымъ поитъ коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обѣ горсти.

И казаки всѣ, сколько ни было ихъ, брали, у кого былъ—ковшъ, у кого—черпакъ, которымъ поилъ коня, у кого—рукавица, у кого—шапка, а кто подставлялъ и такъ обѣ горсти. Всѣмъ имъ слуги Тарасовы, расхаживая промежъ рядами, наливали изъ баклагъ и боченковъ. Но не приказалъ Тарасъ пить, пока не дастъ знака, чтобы выпить имъ всѣмъ разомъ. Видно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать. Зналъ Тарасъ, что, какъ ни сильно само по себѣ старое доброе вино и какъ ни способно оно укрѣпить духъ человѣка, но если къ нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крѣпче будетъ сила и вина и духа.

— Я угощаю васъ, паны братья,—такъ сказалъ Бульба,—не въ честь того, что вы сдѣлали меня своимъ атаманомъ, какъ ни велика подобная честь, не въ честь также прощанья съ нашими товарищами: нѣтъ, въ другое время прилично то и другое; не такая теперь предъ нами минута. Передъ нами дѣло великаго поту, великой казацкой доблести! Итакъ, выпьемъ, товарищи, разомъ, выпьемъ напередъ всего за святую православную вѣру,—чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась и вездѣ была бы одна святая вѣра, и всѣ, сколько ни есть басурмановъ, всѣ бы сдѣлались христіанами! Да за однимъ уже разомъ выпьемъ и за Сѣчь, чтобы долго она стояла на погибель всему басурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы, одинъ другого лучше, одинъ другого краше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, которые не постыдили товарищества и не выдали своихъ. Такъ за вѣру, пане братове, за вѣру!

— За вѣру!—загомонѣли всѣ, стоявшіе въ ближнихъ рядахъ густыми голосами.

— За вѣру!—подхватили дальніе и все, что ни было, и старое и молодое, выпило за вѣру.

— За Сѣчь!—сказалъ Тарасъ и высоко поднялъ надъ головою руку.

— За Сѣчь!—отдалося густо въ переднихъ рядахъ.

— За Сѣчь!—сказали тихо старые, моргнувши сѣдымъ усомъ; и, встрепенувшись, какъ молодые соколы, повторили молодые:

— За Сѣчь!—и слышало далече поле, какъ поминали казаки свою Сѣчь.

— Теперь послѣдній глотокъ, товарищи, за славу и всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на свѣтѣ!

И всѣ казаки, до послѣдняго, выпили послѣдній глотокъ за славу и всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ. И долго еще повторялось по всѣмъ рядамъ промежъ всѣми куренями: «За всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ!» Уже пусто было въ ковшахъ, а все еще стояли казаки, поднявши руки; хоть весело глядѣли очи ихъ всѣхъ, просіявшія виномъ, но сильно задумались они. Не о корысти и военномъ прибыткѣ теперь думали они, не о томъ, кому посчастливится набрать червонцевъ, дорогого оружья, шитыхъ кафтановъ и черкесскихъ коней; но задумались они—какъ орлы, сѣвшіе на вершинахъ каменистыхъ горъ, обрывистыхъ, высокихъ горъ, съ которыхъ далеко видно разстилающееся безпредѣльное море, усыпанное, какъ мелкими птицами, галерами [1]), кораблями и всякими судами, огражденное по сторонамъ чуть видными тонкими поморьями, съ прибережными, какъ мошки, городами и склонивши-

[1]) Галера — большое гребное судно, на которомъ были и паруса.

мися, какъ мелкая травка, лѣсами. Какъ орлы озирали они вокругъ себя очами все поле и черньющую вдали судьбу свою. Будетъ, будетъ все поле съ облогами [1]) и дорогами покрыто ихъ бѣлыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и запущенными книзу усами; будутъ орлы, налетѣвъ, выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно разметавшемся смертномъ ночлегѣ! Не погибаетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, казацкая слава. Будетъ, будетъ бандуристъ, съ сѣдою по грудь бородою, а можетъ, еще полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое густое, могучее слово. И пойдетъ дымомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ: ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую много повергнулъ мастеръ дорогого чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на святую молитву.

IX.

Въ городѣ не узналъ никто, что половина запорожцевъ выступила въ погоню за татарами. Съ магистратской башни примѣтили только часовые, что потянулась часть возовъ за лѣсъ; но подумали, что казаки готовились сдѣлать засаду; то же думалъ и французскій инженеръ. А между тѣмъ слова кошевого не прошли даромъ, и въ городѣ оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: по обычаю прошедшихъ вѣковъ войска не разочли, сколько имъ было нужно. Попробовали сдѣлать вылазку, но половина смѣльчаковъ была тутъ же перебита казаками, а половина прогнана въ городъ ни съ чѣмъ. Жиды, однакоже, воспользовались вылазкою и пронюхали все: куда и зачѣмъ отправились запорожцы, и съ какими военачальниками, и какіе именно курени, и сколько ихъ числомъ, и сколько было оставшихся на мѣстѣ, и что они думаютъ дѣлать,—словомъ, чрезъ нѣсколько уже минутъ въ городѣ всѣ узнали. Полковники ободрились и готовились дать сраженіе. Тарасъ уже видѣлъ то по движенью и шуму въ городѣ и расторопно хлопоталъ, строилъ, раздавалъ приказы и наказы, уставилъ въ три табора курени, обнесши ихъ возами, въ видѣ крѣпостей, — родъ битвы, въ которой бывали непобѣдимы запорожцы; двумъ куренямъ повелѣлъ забраться въ засаду; убилъ часть поля острыми кольями, изломаннымъ оружіемъ, обломками копьевъ, чтобы при случаѣ загнать туда непріятельскую конницу. И когда все было сдѣлано, какъ нужно, сказалъ рѣчь казакамъ, не для того, чтобы ободрить и освѣжить ихъ, — зналъ, что и безъ того крѣпки они духомъ, — а, просто, самому хотѣлось высказать все, что было на сердцѣ.

— Хочется мнѣ вамъ сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали отъ отцовъ и дѣдовъ, въ какой чести у всѣхъ была земля наша: и грекамъ дала знать себя, и съ Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русскаго рода, свои князья, а не католическіе недовѣрки. Все взяли басурманы, все пропало; только остались мы, сирые, да, какъ вдовица послѣ крѣпкаго мужа, сирая такъ же, какъ и мы, земля наша! Вотъ въ какое время подали мы, товарищи, руку на братство!

---

[1]) Облога —незапаханная земля.

Вотъ на чемъ стоитъ наше товарищество! Нѣтъ узъ святѣе товарищества! Отецъ любитъ свое дитя, мать любитъ свое дитя, дитя любитъ отца и мать; но это не то, братцы: любитъ и звѣрь свое дитя. Но породниться родствомъ по душѣ, а не по крови, можетъ одинъ только человѣкъ. Бывали и въ другихъ земляхъ товарищи, но такихъ, какъ въ русской землѣ, не было такихъ товарищей. Вамъ случалось не одному помногу пропадать на чужбинѣ; видишь, и тамъ люди! также Божій человѣкъ, и разговоришься съ нимъ, какъ съ своимъ; а какъ дойдетъ до того, чтобы повѣдать сердечное слово, — видишь: нѣтъ, умные люди, да не тѣ; такіе же люди, да не тѣ! Нѣтъ, братцы, такъ любить, какъ можетъ любить русская душа,—любить не то, чтобы умомъ или чѣмъ другимъ, а всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ, а...—сказалъ Тарасъ, и махнулъ рукой, и потрясъ сѣдою головою, и усомъ моргнулъ, и сказалъ:—Нѣтъ, такъ любить никто не можетъ! Знаю, подло завелось теперь въ землѣ нашей: думаютъ только, чтобы при нихъ были хлѣбные стоги, скирды да конные табуны ихъ, да были бы цѣлы въ погребахъ запечатанные меды ихъ; перенимаютъ, чортъ знаетъ какіе, басурманскіе обычаи; гнушаются языкомъ своимъ; свой съ своимъ не хочетъ говорить; свой своего продаетъ, какъ продаютъ бездушную тварь на торговомъ рынкѣ. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польскаго магната, который желтымъ чоботомъ своимъ бьетъ ихъ въ морду, дороже для нихъ всякаго братства. Но у послѣдняго подлюки, каковъ онъ ни есть, хоть весь извалялся онъ въ сажѣ и въ поклонничествѣ, есть и у того, братцы, крупица русскаго чувства; и проснется оно когда-нибудь, и ударится онъ, горемычный, объ полы руками, схватитъ себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дѣло. Пусть же знаютъ они всѣ, что такое значитъ въ русской землѣ товарищество! Ужъ если на то пошло, чтобы умирать, — такъ никому жъ изъ нихъ не доведется такъ умирать!.. никому, никому!.. Не хватитъ у нихъ на то мышиной натуры ихъ!

Такъ говорилъ атаманъ и, когда кончилъ рѣчь, все еще потрясалъ посеребрившеюся въ казацкихъ дѣлахъ головою. Всѣхъ, кто ни стоялъ, разобрала сильно такая рѣчь, дошедъ далеко, до самаго сердца; самые старѣйшіе въ рядахъ стали неподвижны, потупивъ сѣдыя головы въ землю; слеза тихо накатывалась въ старыхъ очахъ; медленно отирали они ее рукавомъ. И потомъ всѣ, какъ будто сговорившись, махнули въ одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнилъ имъ старый Тарасъ знакомаго и лучшаго, что бываетъ на сердцѣ у человѣка, умудреннаго горемъ, трудомъ, удалью и всякимъ невзгодьемъ жизни, или, хотя и не познавшаго ихъ, но много почуявшаго молодою жемчужною душою на вѣчную радость старцамъ-родителямъ, родившимъ ихъ.

А изъ города уже выступало непріятельское войско, гремя въ литавры и трубы, и, подбоченившись, выѣзжали паны, окруженные несмѣтными слугами. Толстый полковникъ отдавалъ приказы. И стали наступать они тѣсно на казацкіе таборы, грозя, нацѣливаясь пищалями, сверкая очами и блеща мѣдными доспѣхами. Какъ только увидѣли казаки, что подошли они на ружейный выстрѣлъ, всѣ разомъ грянули въ семипядныя пищали и, не прерывая, все палили изъ пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всѣмъ окрестнымъ полямъ и нивамъ, сливаясь въ безпрерывный гулъ; дымомъ затянуло все поле, а запорожцы все палили, не переводя духу: задніе только заряжали да передавали переднимъ, наводя изумленіе на непріятеля, не могшаго понять, какъ стрѣляли казаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великимъ дымомъ, обнявшимъ то и другое воинство, не видно было, какъ то одного, то другого

не ставало въ рядахъ; но чувствовали ляхи, что густо летѣли пули, и жарко становилось дѣло; и когда попятились назадъ, чтобы посторониться отъ дыма и оглядѣться, то многихъ не досчитались въ рядахъ своихъ; а у казаковъ, можетъ-быть, другой — третій былъ убитъ на всю сотню. И все продолжали палить казаки изъ пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Самъ иноземный инженеръ подивился такой никогда имъ невиданной тактикѣ, сказавши тутъ же, при всѣхъ:

— Вотъ бравые молодцы-запорожцы! Вотъ какъ нужно биться и другимъ въ другихъ земляхъ!—И далъ совѣтъ поворотить тутъ же на таборъ пушки.

Тяжело ревнули широкими горлами чугунныя пушки; дрогнула, далеко загудѣвши, земля, и вдвое больше затянуло дымомъ все поле. Почуяли запахъ пороха среди площадей и улицъ въ дальнихъ и ближнихъ городахъ. Но цѣлившіе взяли слишкомъ высоко: раскаленныя ядра выгнули слишкомъ высокую дугу; страшно завизжавъ по воздуху, перелетѣли они черезъ головы всего табора и углубились далеко въ землю, взорвавъ и взметнувъ высоко на воздухъ черную землю. Ухватилъ себя за волосы французскій инженеръ при видѣ такого искусства, и самъ принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями безпрерывно казаки.

Тарасъ видѣлъ еще издали, что бѣда будетъ всему Незамайковскому и и Стебликивскому куреню, и вскрикнулъ зычно:

— Выбирайтесь скорѣй изъ-за возовъ, и садись всякій на коня!

Но не поспѣли бы сдѣлать то и другое казаки, если бы Остапъ не ударилъ въ самую середину: выбилъ фитили у шести пушкарей, у четырехъ только не могъ выбить: отогнали его назадъ ляхи. А тѣмъ временемъ иноземный капитанъ самъ взялъ въ руку фитиль, чтобы выпалить изъ величайшей пушки, какой никто изъ казаковъ не видывалъ дотолѣ. Страшно глядѣла она широкою пастью, и тысяча смертей глядѣла оттуда. И какъ грянула она, а за нею слѣдомъ три другія, четырекратно потрясши глухо-отвѣтную землю,—много нанесли онѣ горя! Не по одному казаку взрыдаетъ старая мать, ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будетъ, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждаго изъ нихъ въ очи, нѣтъ ли между нихъ одного, милѣйшаго всѣхъ; но много пройдетъ черезъ городъ всякаго войска, и вѣчно не будетъ между ними одного милѣйшаго всѣхъ.

Такъ, какъ будто и не бывало половины Незамайковскаго куреня! Какъ градомъ выбиваетъ вдругъ всю ниву, гдѣ что полновѣсный червонецъ, красовался всякій колосъ, такъ ихъ выбило и положило.

Какъ же вскинулись казаки! Какъ схватились всѣ! Какъ закипѣлъ куренной атаманъ Кукубенко, увидѣвши, что лучшей половины куреня его нѣтъ! Вбился онъ съ остальными своими незамайковцами въ самую середину. Въ гнѣвѣ изсѣкъ въ капусту перваго попавшагося, многихъ конниковъ сбилъ съ коней, доставши копьемъ и конника и коня, пробрался къ пушкарямъ и уже отбилъ одну пушку; а ужъ тамъ, видитъ, хлопочетъ уманскій куренной атаманъ, и Степанъ Гуська уже отбиваетъ главную пушку. Оставилъ онъ тѣхъ казаковъ и поворотилъ съ своими въ другую непріятельскую гущу; такъ, гдѣ прошли незамайковцы,—такъ тамъ и улица, гдѣ поворотили,—такъ ужъ тамъ и переулокъ! Такъ и видно, какъ рѣдѣли ряды, и снопами валились ляхи! А у самыхъ возовъ Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальнихъ возовъ Дегтяренко, а за нимъ куренной атаманъ Вертыхвистъ. Двухъ уже шляхтичей поднялъ на копье Дегтяренко, да напалъ, наконецъ, на неподатли

ваго третьяго. Увертливъ и крѣпокъ былъ ляхъ, пышной сбруей украшенъ и пятьдесятъ однихъ слугъ привелъ съ собою. Погнулъ онъ крѣпко Дегтяренка, сбилъ его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричалъ:

— Нѣтъ изъ васъ, собакъ-казаковъ, ни одного, кто бы посмѣлъ противустать мнѣ!

— А вотъ есть же!—сказалъ и выступилъ впередъ Мосій Шило.

Сильный былъ онъ казакъ, не разъ атаманствовалъ на морѣ и много натерпѣлся всякихъ бѣдъ. Схватили ихъ турки у самаго Трапезунта [1]) и всѣхъ забрали невольниками на галеры, связали ихъ по рукамъ и ногамъ въ желѣзныя цѣпи, не давали по цѣлымъ недѣлямъ пшена и поили противной морской водой. Все вынесли и вытерпѣли бѣдные невольники, лишь бы не перемѣнять православной вѣры. Не вытерпѣлъ атаманъ Мосій Шило, истопталъ ногами святой законъ, скверною чалмой обвилъ грѣшную голову, вошелъ въ довѣренность къ пашѣ, сталъ ключникомъ на кораблѣ и старшимъ надъ всѣми невольниками. Много опечалились оттого бѣдные невольники, ибо знали, что если свой продастъ вѣру и пристанетъ къ угнетателямъ, то тяжелѣй и горше быть подъ его рукой, чѣмъ подъ всякимъ другимъ нехристомъ: такъ и сбылось. Всѣхъ посадилъ Мосій Шило въ новыя цѣпи по три въ рядъ, прикрутилъ имъ до самыхъ бѣлыхъ костей жесткія веревки; всѣхъ перебилъ по шеямъ, угощая подзатыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себѣ такого слугу, стали пировать и, позабывъ законъ свой, всѣ перепились, онъ принесъ всѣ шестьдесятъ четыре ключа и роздалъ невольникамъ, чтобы отмыкали себя, бросали бы цѣпи и кандалы въ море, а брали бы на мѣсто того сабли да рубили турковъ. Много тогда набрали казаки добычи и воротились со славою въ отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосія Шила. Выбрали бы его въ кошевые, да былъ совсѣмъ чудной казакъ. Иной разъ повершалъ такое дѣло, какого мудрѣйшему не придумать, а въ другой, просто, дурь одолѣвала казака. Пропилъ онъ и прогулялъ все, всѣмъ задолжалъ на Сѣчи и, въ прибавку къ тому, прокрался, какъ уличный воръ: ночью утащилъ изъ чужого куреня всю казацкую сбрую и заложилъ шинкарю. За такое позорное дѣло привязали его на базарѣ къ столбу и положили возлѣ дубину, чтобы всякій, по мѣрѣ силъ своихъ, отвѣсилъ ему по удару; но не нашлось такого изъ всѣхъ запорожцевъ, кто бы поднялъ на него дубину, помня прежнія его заслуги. Таковъ былъ казакъ Мосій Шило.

— Такъ есть же такіе, которые бьютъ васъ, собакъ!—сказалъ онъ, кинувшись на него.

И ужъ тамъ-то рубились они! И наплечники и зерцала погнулись у обоихъ отъ ударовъ. Разрубилъ на немъ вражій ляхъ желѣзную рубашку, доставъ лезвеемъ самаго тѣла: зачервонѣла казацкая рубашка. Но не поглядѣлъ на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука!) и оглушилъ его внезапно по головѣ. Разлетѣлась мѣдная шапка, зашатался и грянулся ляхъ, а Шило принялся рубить и крестить оглушеннаго. Не добивай, казакъ, врага, а лучше поворотись назадъ. Не поворотился казакъ назадъ, и тутъ же одинъ изъ слугъ убитаго хватилъ его ножомъ въ шею. Поворотился Шило и ужъ досталъ бы смѣльчака, но онъ пропалъ въ пороховомъ дымѣ. Со всѣхъ сторонъ поднялось хлопанье изъ самопаловъ. Пошатнулся Шило и почуялъ, что рана была смертельна. Упалъ онъ, наложилъ руку на свою рану и сказалъ, обратившись къ товарищамъ:

---

[1]) Трапезунтъ—городъ въ Малой Азіи.

— Прощайте, паны, братья, товарищи! Пусть же стоитъ на вѣчныя времена православная русская земля и будетъ ей вѣчная честь!

И зажмурилъ ослабшія свои очи, и вынеслась казацкая душа изъ суроваго тѣла. А тамъ уже выѣзжалъ Задорожній съ своими, ломилъ ряды куренной Вертыхвистъ и выступалъ Балабанъ.

— А что, паны,—сказалъ Тарасъ, перекликнувшись съ куренными,—есть еще порохъ въ пороховницахъ? Не ослабѣла ли казацкая сила? Не гнутся ли казаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла еще казацкая сила; еще не гнутся казаки!

И наперли сильно казаки: совсѣмъ смѣшали всѣ ряды. Низкорослый полковникъ ударилъ сборъ и велѣлъ выкинуть восемь малеванныхъ знаменъ, чтобы собрать своихъ, разсыпавшихся далеко по всему полю. Всѣ бѣжали ляхи къ знаменамъ; но не успѣли они еще выстроиться, какъ уже куренной атаманъ Кукубенко ударилъ вновь съ своими незамайковцами въ середину и напалъ прямо на толстопузаго полковника. Не выдержалъ полковникъ и, поворотивъ коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гналъ его черезъ все поле, не давъ ему соединиться съ полкомъ. Завидѣвъ то съ бокового куреня, Степанъ Гуска пустился ему напереймы, съ арканомъ въ рукѣ, пригнувши голову къ лошадиной шеѣ и, улучивши время, съ одного раза накинулъ арканъ ему на шею: весь побагровѣлъ полковникъ, ухватясь за веревку обѣими руками и силясь разорвать ее, но уже дюжій размахъ вогналъ ему въ самый животъ гибельную пику. Тамъ и остался онъ, пригвожденный къ землѣ. Но не сдоброваль и Гускѣ! Не успѣли оглянуться казаки, какъ уже увидѣли Степана Гуску, поднятаго на четыре копья. Только и успѣлъ сказать бѣднякъ:

— Пусть же пропадутъ всѣ враги, и ликуетъ вѣчные вѣки русская земля!..—И тамъ же испустилъ духъ свой.

Оглянулись казаки, а ужъ тамъ, съ боку, казакъ Метелица угощаетъ ляховъ, шеломя того и другого; а ужъ тамъ, съ другого, напираетъ съ своими атаманъ Невылычкій; а у возовъ ворочаетъ врага и бьетъ Закрутыгуба; а у дальнихъ возовъ третій Писаренко отогналъ уже цѣлую ватагу; а ужъ тамъ, у другихъ возовъ, схватились и бьются на самыхъ возахъ.

— Что, паны, — перекликнулся атаманъ Тарасъ, проѣхавши впереди всѣхъ,—есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Крѣпка ли еще казацкая сила? Не гнутся ли уже казаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; еще крѣпка казацкая сила; еще не гнутся казаки!

А ужъ упалъ съ воза Бовдюгъ. Прямо подъ самое сердце пришлась ему пуля; но собралъ старый весь духъ свой и сказалъ:

— Не жаль разстаться съ свѣтомъ. Дай Богъ и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца вѣка русская земля!

И понеслась къ вышинамъ Бовдюгова душа разсказать давно отшедшимъ старцамъ, какъ умѣютъ биться на русской землѣ и, еще лучше того, какъ умѣютъ умирать въ ней за святую вѣру.

Балабанъ, куренной атаманъ, скоро послѣ того грянулся также на землю. Три смертельныя раны достались ему отъ копья, отъ пули и отъ тяжелаго палаша. А былъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ казаковъ; много совершилъ онъ подъ своимъ атаманствомъ морскихъ походовъ, но славнѣе всѣхъ былъ походъ къ анатольскимъ берегамъ. Много набрали они тогда цехиновъ, дорогой турецкой габы [1]), киндяковъ [2]) и всякихъ убранствъ, но мыкнули горе на

---

[1]) „Габа—движимость, имущество“. [2]) Киндякъ—шелковая ткань.

обратномъ пути: попались, сердечные, подъ турецкія ядра. Какъ хватило ихъ съ корабля,—половина челновъ закружилась и перевернулась, потопивши на одного въ водѣ, но привязанные къ бокамъ камыши спасли челны отъ потопленія. Балабанъ отплылъ на всѣхъ веслахъ, сталъ прямо къ солнцу и чрезъ то сдѣлался невиденъ турецкому кораблю. Всю ночь потомъ черпаками и шапками выбирали они воду, чиня пробитыя мѣста; изъ казацкихъ штановъ нарѣзали парусовъ, понеслись и убѣжали отъ быстрѣйшаго турецкаго корабля. И мало того, что прибыли безбѣдно на Сѣчь, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорскаго кіевскаго монастыря и на Покровъ, что на Запорожьѣ, окладъ изъ чистаго серебра. И славили долго потомъ бандуристы удачливость казаковъ. Поникнулъ онъ теперь головою, почуявъ предсмертныя муки, и тихо сказалъ:

Сдается мнѣ, паны браты, умираю хорошею смертью: семерыхъ изрубилъ, девятерыхъ копьемъ искололъ. Истопталъ конемъ вдоволь, а ужъ не припомню, сколькихъ досталъ пулею. Пусть же цвѣтетъ вѣчно русская земля!..—И отлетѣла его душа.

Казаки, казаки! не выдавайте лучшаго цвѣта вашего войска! Уже обступили Кукубенка; уже семь человѣкъ только осталось изо всего Незамайковскаго куреня; уже и тѣ отбиваются черезъ силу; уже окровавилась на немъ одежда. Самъ Тарасъ, увидя бѣду его, поспѣшилъ на выручку. Но поздно поспѣли казаки: уже успѣло ему углубиться подъ сердце копье прежде, чѣмъ были отогнаны обступившіе его враги. Тихо склонился онъ на руки подхватившихъ его казаковъ и хлынула ручьемъ молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли въ стекляннномъ сосудѣ изъ погреба неосторожные слуги, поскользнулись тутъ же у входа и разбили дорогую сулею: все разлилось на землю вино, и схватилъ себя за голову прибѣжавшій хозяинъ, сберегавшій его про лучшій случай въ жизни, чтобы если приведетъ Богъ на старости лѣтъ встрѣтиться съ товарищемъ юности, то чтобы помянуть бы вмѣстѣ съ нимъ прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человѣкъ... Повелъ Кукубенко вокругъ себя очами и проговорилъ:

— Благодарю Бога, что довелось мнѣ умереть при глазахъ вашихъ, товарищи! Пусть же послѣ насъ живутъ еще лучшіе, чѣмъ мы, и красуется вѣчно любимая Христомъ русская земля!

И вылетѣла молодая душа. Подняли ее ангелы подъ руки и понесли къ небесамъ. Хорошо будетъ ему тамъ. «Садись, Кукубенко, одесную Меня!—скажетъ ему Христосъ.—Ты не измѣнилъ товариществу, безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, не выдалъ въ бѣдѣ человѣка, хранилъ и сберегалъ Мою Церковь». Всѣхъ опечалила смерть Кукубенка. Уже рѣдѣли сильно казацкіе ряды; многихъ, многихъ храбрыхъ уже не досчитывались; но стояли и держались еще казаки.

— А что, паны,—перекликнулся Тарасъ съ оставшимися куренями,—есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли казацкая сила? Не погнулись ли казаки?

— Достанетъ еще, батько, пороху; годятся еще сабли; не утомилась казацкая сила; не гнулись еще казаки!

И рванулись снова казаки такъ, какъ бы и потерь никакихъ не потерпѣли. Уже три только куренныхъ атамана осталось въ живыхъ; червонѣли уже всюду красныя рѣки; высоко гатились мосты изъ казацкихъ и вражьихъ тѣлъ. Взглянулъ Тарасъ на небо, а ужъ по небу потянулась вереница кречетовъ. Ну, будетъ кому-то пожива! А ужъ тамъ подняли на копье Метелицю; уже голова другого Писаренка, завертѣвшись, захлопала очами! Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охримъ Гуска.

— Ну!—сказалъ Тарасъ и махнулъ платкомъ.

Понялъ тотъ знакъ Остапъ и ударилъ сильно, вырвавшись изъ засады, въ конницу. Не выдержали сильнаго напора ляхи, а онъ ихъ гналъ и нагналъ прямо на мѣсто, гдѣ были вбиты въ землю колья и обломки копьевъ. Пошли спотыкаться и падать кони и летѣть черезъ ихъ головы ляхи. А въ это время корсунцы, стоявшіе послѣдніе за возами, увидѣвши, что уже достанетъ ружейная пуля, грянули вдругъ изъ самопаловъ. Всѣ сбились и растерялись ляхи, и пріободрилися казаки.

— Вотъ и наша побѣда!—раздались со всѣхъ сторонъ запорожскіе голоса, затрубили въ трубы и выкинули побѣдную хоругвь. Вездѣ бѣжали и крылись разбитые ляхи.

— Ну, нѣтъ, еще не совсѣмъ побѣда!—сказалъ Тарасъ, глядя на городскія ворота, и сказалъ онъ правду

Отворились ворота, и вылетѣлъ оттуда гусарскій полкъ, краса всѣхъ конныхъ полковъ. Подъ всѣми всадниками были всѣ, какъ одинъ, бурые аргамаки. Впереди другихъ понесся витязь всѣхъ бойчѣе, всѣхъ красивѣе; такъ и летѣли черные волосы изъ-подъ мѣдной его шапки; вился завязанный на рукѣ дорогой шарфъ, шитый руками первой красавицы. Такъ и оторопѣлъ Тарасъ, когда увидѣлъ, что это былъ Андрій. А онъ, между тѣмъ объятый пыломъ и жаромъ битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарокъ, понесся, какъ молодой борзой песъ, красивѣйшій, быстрѣйшій и младшій всѣхъ въ стаѣ. Атукнулъ на него опытный охотникъ,—и онъ понесся, пустивъ прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на бокъ всѣмъ тѣломъ, взрывая снѣгъ и десять разъ выпереживая самого зайца въ жару своего бѣга. Остановился старый Тарасъ и глядѣлъ на то, какъ онъ чистилъ передъ собою дорогу, разгонялъ, рубилъ и сыпалъ удары направо и налѣво. Не вытерпѣлъ Тарасъ и закричалъ:

— Какъ?.. своихъ?.. своихъ, чортовъ сынъ, своихъ бьешь?.

Но Андрій не различалъ, кто передъ нимъ былъ, свои или другіе какіе, ничего не видѣлъ онъ. Кудри, кудри онъ видѣлъ, длинные, длинные кудри и подобную рѣчному лебедю грудь, и снѣжную шею, и плечи, и все, что создано для безумныхъ поцѣлуевъ.

— Эй, хлопьята! Заманите мнѣ только его къ лѣсу, заманите мнѣ только его!—кричалъ Тарасъ.

И вызвалось въ тотъ же часъ тридцать быстрѣйшихъ казаковъ заманить его. И, поправивъ на себѣ высокія шапки, тутъ же пустились на коняхъ прямо наперерѣзъ гусарамъ. Ударили съ боку на переднихъ, сбили ихъ, отдѣлили отъ заднихъ, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватилъ плашмя по спинѣ Андрія, и въ тотъ же часъ пустились бѣжать отъ нихъ, сколько достало казацкой мочи. Какъ вскинулся Андрій! Какъ забунтовала по всѣмъ жилкамъ молодая кровь! Ударивъ острыми шпорами коня, во весь духъ полетѣлъ онъ за казаками, не глядя назадъ, не видя, что позади всего только двадцать человѣкъ поспѣвало за нимъ; а казаки летѣли во всю прыть на коняхъ и прямо поворотили къ лѣсу. Разогнался на конѣ Андрій и чуть было уже не настигнулъ Голокопытенка, какъ вдругъ чья-то сильная рука ухватила за поводъ его коня. Оглянулся Андрій: предъ нимъ Тарасъ! Затрясся онъ всѣмъ тѣломъ и вдругъ сталъ блѣденъ: такъ школьникъ, неосторожно задравшій своего товарища и получившій за то отъ него ударъ линейкою по лбу, вспыхиваетъ, какъ огонь, бѣшеный вскакиваютъ съ лавки и гонится за испуганнымъ товарищемъ своимъ, готовый разорвать его на части, и вдругъ наталкивается на входящаго въ классъ учителя: вмигъ

притихаетъ бѣшеный порывъ, и упадаетъ безсильная ярость. Подобно тому въ одинъ мигъ пропалъ, какъ бы не бывалъ вовсе, гнѣвъ Андрія. И видѣлъ онъ передъ собою одного только страшнаго отца.

— Ну, что жъ теперь мы будемъ дѣлать?—сказалъ Тарасъ, смотря прямо ему въ очи.

Но ничего не могъ на то сказать Андрій и стоялъ, потупивши въ землю очи.

— Что, сынку, помогли тебѣ твои ляхи?

Андрій былъ безотвѣтенъ.

— Такъ продать? продать вѣру? продать своихъ? Стой же, слѣзай съ коня!

Покорно, какъ ребенокъ, слѣзъ онъ съ коня и остановился ни живъ ни мертвъ передъ Тарасомъ.

— Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью!—сказалъ Тарасъ и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье.

Блѣденъ, какъ полотно, былъ Андрій; видно было, какъ тихо шевелились уста его, и какъ онъ произносилъ чье-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьевъ—это было имя прекрасной полячки. Тарасъ выстрѣлилъ.

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почуявшій подъ сердцемъ смертельное желѣзо, повисъ онъ головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и глядѣлъ долго на бездыханный трупъ. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованья, все еще выражало чудную красоту; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты.

— Чѣмъ бы не казакъ былъ?—сказалъ Тарасъ.—И станомъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ, пропалъ безславно, какъ подлая собака!

— Батько, что ты сдѣлалъ? Это ты убилъ его?—сказалъ подъѣхавшій въ это время Остапъ.

Тарасъ кивнулъ головою.

Пристально поглядѣлъ мертвому въ очи Остапъ. Жалко ему стало брата, и проговорилъ онъ тутъ же:

— Предадимъ же, батько, его честно землѣ, чтобы не поругались надъ нимъ враги и не растаскали бы его тѣла хищныя птицы.

— Погребутъ его и безъ насъ!—сказалъ Тарасъ.—Будутъ у него плакальщики и утѣшницы!

И минуты двѣ думалъ онъ, кинуть ли его на расхищенье волкамъ-сыромахамъ, или пощадить въ немъ рыцарскую доблесть, которую храбрый долженъ уважать въ комъ бы то ни было,—какъ видитъ, скачетъ къ нему на конѣ Голокопытенко:

— Бѣда, атаманъ, окрѣпли ляхи, прибыла на подмогу свѣжая сила!..

Не успѣлъ сказать Голокопытенко, скачетъ Вовтузенко:

— Бѣда, атаманъ, новая валитъ еще сила!..

Не успѣлъ сказать Вовтузенко, Писаренко бѣжитъ бѣгомъ уже безъ коня:

— Гдѣ ты, батько? Ищутъ тебя казаки! Ужъ убитъ куренной атаманъ Невылычкій, Задорожній убитъ, Черевиченко убитъ; но стоятъ казаки, не хотятъ умирать, не увидѣвъ тебя въ очи; хотятъ, чтобы взглянулъ ты на нихъ передъ смертнымъ часомъ.

— На коня, Остапъ!—сказалъ Тарасъ и спѣшилъ, чтобы застать еще казаковъ, чтобы поглядѣть еще на нихъ и чтобы они взглянули передъ смертью

на своего атамана. Но не выѣхали они еще изъ лѣсу, а ужъ непріятельская сила окружила со всѣхъ сторонъ лѣсъ, и межъ деревьями вездѣ показались всадники съ саблями и копьями.

— Остапъ!.. Остапъ, не поддавайся!..—кричалъ Тарасъ, а самъ, схвативши саблю наголо, началъ честить первыхъ попавшихся на всѣ боки. А на Остапа уже наскочило вдругъ шестеро; но не въ добрый часъ, видно, наскочило: съ одного полетѣла голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьемъ въ ребро третьяго; четвертый былъ поотважнѣй, уклонился головой отъ пули, и попала въ конскую грудь горячая пуля,—вздыбилъ бѣшеный конь, грянулся о землю и задавилъ подъ собою всадника.

— Добре, сынку!.. Добре, Остапъ!..—кричалъ Тарасъ.—Вотъ я слѣдомъ за тобою!..

А самъ все отбивался отъ наступавшихъ. Рубится и бьется Тарасъ, сыплетъ гостинцы тому и другому на голову, а самъ глядитъ все впередъ на Остапа, и видитъ, что уже вновь схватилось съ Остапомъ мало не восьмеро разомъ.

— Остапъ!.. Остапъ, не поддавайся!..—Но ужъ одолѣваютъ Остапа; уже одинъ накинулъ ему на шею арканъ, уже вяжутъ, уже берутъ Остапа.

— Эхъ, Остапъ, Остапъ!—кричалъ Тарасъ, пробиваясь къ нему, рубя въ капусту встрѣчныхъ и поперечныхъ.—Эхъ, Остапъ, Остапъ!..

Но какъ тяжелымъ камнемъ хватило его самого въ ту же минуту. Все закружилось и перевернулось въ глазахъ его. На мигъ смѣшанно сверкнули предъ нимъ головы, копья, дымъ, блески огня, сучья съ древесными листьями, мелькнувшіе ему въ самыя очи. И грохнулся онъ, какъ подрубленный дубъ, на землю. И туманъ покрылъ его очи.

X.

— Долго же я спалъ!—сказалъ Тарасъ, очнувшись, какъ послѣ труднаго хмельного сна, и стараясь распознать окружавшіе его предметы.

Страшная слабость одолѣвала его члены. Едва метались передъ нимъ стѣны и углы незнакомой свѣтлицы. Наконецъ замѣтилъ онъ, что предъ нимъ сидѣлъ Товкачъ и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханію.

«Да,—подумалъ про себя Товкачъ:—заснулъ бы ты, можетъ-быть, и навѣки!»

Но ничего не сказалъ, погрозилъ пальцемъ и далъ знакъ молчать.

— Да скажи же мнѣ, гдѣ я теперь?—спросилъ опять Тарасъ, напрягая умъ и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи жъ!—прикрикнулъ сурово на него товарищъ.—Чего тебѣ еще хочется знать? Развѣ ты не видишь, что весь изрубленъ? Ужъ двѣ недѣли, какъ мы съ тобою скачемъ, не переводя духу, и какъ ты въ горячкѣ и жару несешь и городишь чепуху. Вотъ въ первый разъ заснулъ покойно. Молчи жъ, если не хочешь нанести самъ себѣ бѣду.

Но Тарасъ все старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее.

— Да вѣдь меня же схватили и окружили было совсѣмъ ляхи? Мнѣ жъ не было никакой возможности выбиться изъ толпы?

— Молчи жъ, говорятъ тебѣ, чортова дѣтина!—вскричалъ Товкачъ сердито, какъ нянька, выведенная изъ терпѣнья, кричитъ неугомонному повѣсѣ-ребенку.—Что пользы знать тебѣ, какъ выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали,—ну, и будетъ съ тебя! Намъ еще не мало ночей скакать вмѣстѣ. Ты думаешь, что пошелъ за простого казака? Нѣтъ, твою голову оцѣнили въ двѣ тысячи червонныхъ.

— Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью!—сказалъ Тарасъ и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье.

— А Остапъ?—вскричалъ вдругъ Тарасъ, попатужился приподняться и вдругъ вспомнилъ, какъ Остапа схватили и связали въ глазахъ его, и что онъ теперь уже въ ляшскихъ рукахъ.

И обняло горе старую голову. Сорвалъ и сдернулъ онъ всѣ перевязки ранъ своихъ, бросилъ ихъ далеко прочь, хотѣлъ громко что-то сказать—и вмѣсто того понесъ чепуху; жаръ и бредъ вновь овладѣли имъ, и понеслись безъ-толку и связи безумныя рѣчи. А между тѣмъ вѣрный товарищъ стоялъ предъ нимъ, бранясь и разсыпая безъ счету жестокіе укорительные слова и упреки. Наконецъ схватилъ онъ его за ноги и руки, спеленалъ, какъ ребенка, поправилъ всѣ перевязки, увернулъ его въ воловью кожу, увязалъ въ лубки и, прикрѣпивши веревками къ сѣдлу, помчался вновь съ нимъ въ дорогу.

— Хоть неживого, да довезу тебя! Не попущу, чтобы ляхи поглумились надъ твоей казацкою породою, на куски рвали бы твое тѣло да бросали его въ воду. Пусть же, хоть и будетъ орелъ выклевывать изъ твоего лба очи, да пусть же степовой, нашъ орелъ, а не ляшскій, не тотъ, что прилетаетъ изъ польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украйны!

Такъ говорилъ вѣрный товарищъ. Скакалъ безъ отдыху дни и ночи и привезъ его безчувственнаго въ самую Запорожскую Сѣчь. Тамъ принялся онъ лѣчить его неутомимо травами и смачиваньями; нашелъ какую-то знающую жидовку, которая мѣсяцъ поила его разными снадобьями, и, наконецъ, Тарасу стало лучше. Лѣкарство ли или своя желѣзная сила взяла верхъ, только онъ черезъ полтора мѣсяца сталъ на ноги; раны зажили и только одни сабельные рубцы давали знать, какъ глубоко когда-то былъ раненъ старый казакъ. Однакоже замѣтно сталъ онъ пасмуренъ и печаленъ. Три тяжелыя морщины насунулись на лобъ его и уже больше никогда не сходили съ него. Оглянулся онъ теперь вокругъ себя: все новое на Сѣчи, всѣ перемерли старые товарищи. Ни одного изъ тѣхъ, которые стояли за правое дѣло, за вѣру и братство. И тѣ, которые отправились съ кошевымъ въ угонъ за татарами, и тѣхъ уже не было давно: всѣ положили головы, всѣ сгибли, кто, положивъ на самомъ бою честную голову, кто отъ безводья и безхлѣбья среди крымскихъ солончаковъ, кто въ плѣну пропалъ, не вынесши позора, и самого прежняго кошевого давно уже не было на свѣтѣ, и никого изъ старыхъ товарищей; и уже поросла травою когда-то кипѣвшая казацкая сила. Слышалъ онъ только, что пиръ былъ сильный, шумный пиръ: вся перебита вдребезги посуда; нигдѣ не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги всѣ дорогіе кубки и сосуды,— и смутный стоитъ хозяинъ дома, думая:

— Лучше бъ не было того пира.

Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, сѣдые бандуристы, проходя по два и по три, разславляли его казацкіе подвиги,— сурово и равнодушно глядѣлъ онъ на все, и на неподвижномъ лицѣ его выступала неугасимая горесть, и тихо, понуривъ голову, говорилъ онъ:

— Сынъ мой! Остапъ мой!

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ, и Малая Азія видѣла ихъ, съ бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цвѣтущіе берега ея; видѣла чалмы своихъ магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровію поляхъ и плававшими у береговъ. Она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запорожцы переѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свитки. Долго еще послѣ

находили на тѣхъ мѣстахъ запорожскія коротенькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десятипушечный турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатью боченками, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Онъ уходилъ въ луга и степи, будто бы за охотою, но зарядъ его оставался невыстрѣленнымъ. И, положивъ ружье, полный тоски, садился онъ на морской берегъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, понуривъ голову и все говоря:

— Остапъ мой! Остапъ мой!

Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержалъ, наконецъ, Тарасъ.

— Что бы ни было, пойду развѣдать, что онъ: живъ ли онъ? въ могилѣ? или уже и въ самой могилѣ нѣтъ его? Развѣдаю, во что бы то ни стало!

И черезъ недѣлю уже очутился онъ въ городѣ Умани, вооруженный, на конѣ, съ копьемъ, саблей, дорожной баклагой у сѣдла, походнымъ горшкомъ съ саламатой, пороховыми патронами, лошадиными путами и прочимъ снарядомъ. Онъ прямо подъѣхалъ къ нечистому, запачканному домишку, у котораго небольшія окошки едва были видны, закопченныя неизвѣстно чѣмъ; труба заткнута была тряпкою, и дырявая крыша вся была покрыта воробьями. Куча всякаго сору лежала передъ самыми дверьми. Изъ окна выглядывала голова жидовки въ чепцѣ съ потемнѣвшими жемчугами.

— Мужъ дома?—сказалъ Бульба, слѣзая съ коня и привязывая поводъ къ желѣзному крючку, бывшему у самыхъ дверей.

— Дома,—сказала жидовка и поспѣшила тотъ же часъ выйти съ пшеницей въ корчикѣ [1]) для коня и стопой пива для рыцаря.

— Гдѣ же твой жидъ?

— Онъ въ другой свѣтлицѣ, молится,—проговорила жидовка, кланяясь и пожелавъ здоровья въ то время, когда Бульба поднесъ къ губамъ стопу.

— Оставайся здѣсь, накорми и напой моего коня, а я пойду, поговорю съ нимъ одинъ. У меня до него дѣло.

Этотъ жидъ былъ извѣстный Янкель. Онъ уже очутился тутъ арендаторомъ и корчмаремъ; прибралъ понемногу всѣхъ окружныхъ пановъ и шляхтичей въ свои руки, высосалъ понемногу почти всѣ деньги и сильно означилъ свое жидовское присутствіе въ той странѣ. На разстояніи трехъ миль во всѣ стороны не оставалось ни одной избы въ порядкѣ: все валилось и дряхлѣло, все пораспивалось, и осталась бѣдность да лохмотья: какъ послѣ пожара или чумы, вывѣтрился весь край. И если бы десять лѣтъ еще пожилъ тамъ Янкель, то онъ, вѣроятно, вывѣтрилъ бы и все воеводство.

Тарасъ вошелъ въ свѣтлицу. Жидъ молился, накрывшись своимъ довольно запачканнымъ еаваномъ, и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Такъ и бросились жиду прежде всего въ глаза двѣ тысячи червонныхъ, которыя были обѣщаны за его голову; но онъ постыдился своей корысти и силился подавить въ себѣ вѣчную мысль о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу жида.

— Слушай, Янкель!—сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли. — Я спасъ твою

---

[1]) „Корчикъ—родъ деревяннаго ковша, которымъ пересыпаютъ хлѣбъ, совокъ".

жизнь,— тебя бы разорвали, какъ собаку, запорожцы,— теперь твоя очередь, теперь сдѣлай мнѣ услугу!

Лицо жида нѣсколько поморщилось.

— Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?

— Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву.

— Въ Варшаву? Какъ, въ Варшаву?—сказалъ Янкель.

Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

— Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово.

— Кому сказать слово?

— Ему, Остапу, сыну моему.

— Развѣ панъ не слышалъ, что уже...

— Знаю, знаю все: за мою голову даютъ двѣ тысячи червонныхъ. Знаютъ же они, дурни, цѣну ей! Я тебѣ пять тысячъ дамъ. Вотъ тебѣ двѣ тысячи сейчасъ,—Бульба высыпалъ изъ кожанаго гамана [1]) двѣ тысячи червонныхъ,— а остальныя, какъ ворочусь.

Жидъ тотчасъ схватилъ полотенце и накрылъ имъ червонцы.

— Ай, славная монета! Ай, добрая монета! — говорилъ онъ, вертя одинъ червонецъ въ рукахъ и пробуя на зубахъ. — Я думаю, тотъ человѣкъ, у котораго панъ обобралъ такіе хорошіе червонцы, и часу не прожилъ на свѣтѣ, пошелъ тотъ же часъ въ рѣку, да и утонулъ тамъ послѣ такихъ славныхъ червонцевъ.

— Я бы не просилъ тебя. Я бы самъ, можетъ-быть, нашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи, ибо я не гораздъ на выдумки. А вы, жиды, на то уже и созданы. Вы хоть чорта проведете; вы знаете всѣ штуки; вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!

— А панъ думаетъ, что такъ прямо взялъ кобылу, запрягъ да и: «Эй, ну, пошелъ, сивка!» Думаетъ панъ, что можно такъ, какъ есть, не спрятавши, везти пана!

— Ну, такъ прячь, прячь, какъ знаешь; въ порожнюю бочку, что ли?

— Ай, ай! А панъ думаетъ, развѣ можно спрятать его въ бочку? Панъ развѣ не знаетъ, что всякій подумаетъ, что въ бочкѣ горѣлка?

— Такъ и пусть думаетъ, что горѣлка.

— Какъ? Пусть думаетъ, что горѣлка? — сказалъ жидъ и схватилъ себя обѣими руками за пейсики и потомъ поднялъ кверху обѣ руки.

— Ну, что же ты такъ оторопѣлъ?

— А панъ развѣ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякій пробовалъ! Тамъ все лакомки, ласуны [2]): шляхтичъ будетъ бѣжать верстъ пять за бочкой, продолбитъ какъ разъ дырочку, тотчасъ увидитъ, что не течетъ, и скажетъ: «Жидъ не повезетъ порожнюю бочку; вѣрно, тутъ есть что-нибудь. Схватить жида, связать жида, отобрать всѣ деньги у жида, посадить въ тюрьму жида!» Потому что все, что ни есть недобраго, все валится на жида; потому что жида всякій принимаетъ за собаку; потому что думаютъ, ужъ и не человѣкъ, коли жидъ.

— Ну, такъ положи меня въ возъ съ рыбою!

---

[1]) „Гаманъ — родъ бумажника, гдѣ хранится огниво, кремень, трутъ, табакъ, иногда и деньги". [2]) Ласунъ—лакомка.

— Не можно, панъ; ей Богу, не можно. По всей Польшѣ люди голодны теперь, какъ собаки: и рыбу раскрадутъ и пана нащупаютъ.

— Такъ вези меня хоть на чортѣ... только вези!

— Слушай, слушай, панъ!—сказалъ жидъ, посунувши обшлага рукавовъ своихъ и подходя къ нему съ растопыренными руками. — Вотъ что мы сдѣлаемъ. Теперь строятъ вездѣ крѣпости и замки; изъ Нѣметчины пріѣхали французскіе инженеры, а потому по дорогамъ везутъ много кирпичу и камней. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичомъ. Панъ здоровый и крѣпкій съ виду, и потому ему ничего, коли будетъ тяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана

— Дѣлай, какъ хочешь, только вези!

И черезъ часъ возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинные, курчавые пейсики его развѣвались изъ-подъ жидовскаго яломка по мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ на лошади, длинный, какъ верста, поставленная на дорогѣ.

XI.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣздчиковъ, этой страшной грозы предпріимчивыхъ людей, и потому всякій могъ везти, что ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею частію для своего собственнаго удовольствія, особливо, если на возу находились заманчивые для глазъ предметы и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно въ главныя городскія ворота. Бульба въ своей тѣсной клѣткѣ могъ только слышать шумъ, крики возницъ и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ короткомъ, запачканномъ пылью рысакѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь, дѣйствительно, находились жиды почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянные дома, со множествомъ протянутыхъ изъ оконъ жердей, увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякій, что только было у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ возможныя удобства питать всѣ чувства свои этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькія панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ ветхаго окошка. Куча жиденковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ, съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна; тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи, и Янкель тотчасъ въѣхалъ въ одинъ дворъ. По улицѣ шелъ другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и, когда Бульба выкарабкался, наконецъ, изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и хотя трудно уговорить стражей, но, однакожъ, онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ съ тремя жидами въ комнату.

Жиды начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждаго изъ нихъ. Что-то, казалось, сильно потрясло его: на грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое-то сокрушительное пламя надежды,—надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія; старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

— Слушайте, жиды!—сказалъ онъ, и въ словахъ его было что-то восторженное: — вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морского; и пословица давно уже говоритъ, что жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! Дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ. Вотъ я этому человѣку обѣщалъ двѣнадцать тысячъ червонныхъ,— я прибавляю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня есть, дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь съ тѣмъ, чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ.

— О, не можно, любезный панъ, не можно!—сказалъ со вздохомъ Янкель.

— Нѣтъ, не можно!—сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жида взглянули одинъ на другого.

— А попробовать?—сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ.—Можетъ-быть, Богъ дастъ.

Всѣ три жида заговорили по-нѣмецки. Бульба, какъ ни наострялъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать; онъ слышалъ только часто произносимое слово «Мардохай», и больше ничего.

— Слушай, панъ!—сказалъ Янкель.—Нужно посовѣтоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то ужъ никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ; вотъ ключъ, и не впускай никого!

Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жида остановились посреди улицы и стали говорить довольно азартно; къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ, и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое: «Мардохай, Мардохай». Жиды безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы: наконецъ въ концѣ ея изъза одного дрянного дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ, и замелькалифалды полукафтанья.

— А, Мардохай, Мардохай!—закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ.

Тощій жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой толпѣ, и всѣ жиды наперерывъ спѣшили разсказывать ему, при чемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и, поднимая фалды полукафтанья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія-то побрякушки, при чемъ показывалъ прескверныя свои панталоны. Наконецъ всѣ жиды подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій насторожѣ, долженъ былъ дать знакъ къ молчанію, и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность, но, вспомнивши, что жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жиды вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Когда мы да Богъ захочемъ сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно.

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была просто страшилище; толщина ея, безъ сомнѣнія, увеличилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ, у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удальство, что онъ, безъ сомнѣнія, давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойство. Душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, непоколебимый, крѣпкій, какъ дубъ; онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ, наконецъ, весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшого окошка на улицу. Наконецъ, уже ввечеру, поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

— Что? Удачно?—спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жиды собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, который, хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами изъ-подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но наговорилъ такую дрянь, что Тарасъ ничего не понялъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ будто бы страдалъ простудою.

— О любезный панъ! — сказалъ Янкель: — теперь совсѣмъ не можно! Ей Богу, не можно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ. Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ, и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить.

Тарасъ глянулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

— А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ, чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и одинъ левентарь [1]) обѣщался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья, ой, вей миръ! Что это за корыстный народъ! И между нами такихъ нѣтъ; пятьдесятъ червонцевъ я далъ каждому, а левентарю...

— Хорошо. Веди меня къ нему! — произнесъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу.

Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ припасти дальновидный жидъ. Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій тюфякъ, накрытый какою-то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ для Бульбы. Янкель легъ на полу на такомъ же тюфякѣ. Рыжій жидъ выпилъ небольшую чарочку какой-то настойки, скинулъ полукафтанье и, сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился съ своею жидовкой во что-то похожее на

---

[1]) Левентарь—офицеръ.

шкапъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкапа. Но Тарасъ не спалъ; онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу; онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ спросонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля.

— Вставай, жидъ, и давай твою графскую одежду.

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку — и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему казаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ, и самые рубцы придавали ему что-то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное [1]) существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее, и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная узкая башня, наверху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей: тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди пространной залы, или крытаго двора. Около тысячи человѣкъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую-то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другого билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказалъ:

— Это мы; слышите, паны: это мы.

— Ступайте! — говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ коридоръ, узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу съ маленькими окошками вверху.

— Кто идетъ? — закричало нѣсколько голосовъ, и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество воиновъ въ полномъ вооруженіи. — Намъ никого не велѣно пускать.

— Это мы!—кричалъ Янкель.—Ей Богу, мы, ясные паны!

Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастію, въ это время подошелъ какой-то толстякъ, который по всѣмъ примѣтамъ казался начальникомъ, потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

— Панъ, это жъ мы; вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить.

— Пропустите, сто дьябловъ чортовой маткѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу...

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники.

— Это мы... это я... это свои! — говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.—А что, можно теперь? — спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они, наконецъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

— Можно; только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна: вмѣсто его стоитъ другой, — отвѣчалъ часовой.

— Ай, ай!—произнесъ тихо жидъ:—это скверно, любезный панъ!

— Веди!—произнесъ упрямо Тарасъ. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху остреемъ, стоялъ гайдукъ съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, тре-

---

[2]) Т.-е. торгующее.

тій внизъ, что дѣлало его очень похожимъ на кота. Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему:

— Ваша ясновельможность! Ясновельможный панъ!

— Ты, жидъ, это мнѣ говоришь?

— Вамъ, ясновельможный панъ!

— Гмъ... а я, просто, гайдукъ!—сказалъ трехъярусный усачъ съ повеселѣвшими глазами.

— А я, ей Богу, думалъ, что это самъ воевода. Ай, ай, ай...—при этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы. — Ай, какой важный видъ! Ей Богу, полковникъ, совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палецъ прибавить, то и полковникъ! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скораго, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ, при чемъ глаза его совершенно развеселились.

— Что за народъ военный!—продолжалъ жидъ.—Охъ, вей миръ, что за народъ хорошій! Шнурочки, бляшечки... такъ отъ нихъ блеститъ, какъ отъ солнца; а цурки [1]), гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай... — жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

— Прошу пана оказать услугу!—произнесъ жидъ.—Вотъ князь пріѣхалъ изъ чужого края, хочетъ посмотрѣть на казаковъ. Онъ еще сроду не видѣлъ, что это за народъ казаки.

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были завлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазіатскій уголъ Европы: Московію и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи. И потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя.

— Я не знаю, ваша ясновельможность, — говорилъ онъ, — зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважетъ.

— Врешь ты, чортовъ сынъ!—сказалъ Бульба.—Самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретическую вѣру не уважаютъ!

— Эге, ге!—сказалъ гайдукъ.—А я знаю, пріятель, ты кто: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Постой же, я позову сюда нашихъ.

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастію, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

— Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы графъ да былъ казакъ? А если бы онъ былъ казакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графскій?

— Разсказывай себѣ!..—и гайдукъ уже раскрылъ было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

— Ваше королевское величество! молчите! молчите ради Бога!—закричалъ Янкель.—Молчите! Мы ужъ вамъ за это заплатимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца.

— Эге! два червонца! Два червонца мнѣ нипочемъ: я цырюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину бороды выбрилъ. Сто червон-

---

[1]) „Цурка—дѣвушка, дочь (польское)“.

ныхъ давай, жидъ!—Тутъ гайдукъ закрутилъ верхніе усы.—А какъ не дашь ста червонныхъ, сейчасъ закричу!

— И на что бы такъ много!—горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой; но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелькѣ не было болѣе, и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать.—Панъ, панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ!—сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

— Что жъ ты, чортовъ гайдукъ,—сказалъ Бульба:—деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать! Ужъ когда деньги получилъ, то ты не въ правѣ теперь отказать.

— Ступайте, ступайте къ дьяволу! А не то я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ... Уносите скорѣе ноги, говорю я вамъ!

— Панъ! панъ! пойдемъ! Ей Богу, пойдемъ! Цуръ имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно,—кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

— И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ, вей миръ, какое счастіе посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О Боже мой! Боже милосердный!

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліяніе на Бульбу; она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встряхнувшись.—Пойдемъ на площадь. Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить.

— Ой, панъ! Зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже.

— Пойдемъ!—упрямо сказалъ Бульба, и жидъ, какъ нянька, вздыхая, побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ, самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали спросонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали, однакоже, случая полюбопытствовать. «Ахъ, какое мученье!» кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однакоже, простаивали иногда довольно времени. Иной, и ротъ разинувъ и руки вытянувъ впередъ, желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ, небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высовывалъ свое толстое лицо мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу. На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что у него ни было, такъ что на

его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ коханкою [1]) своею Юзысею и бэзпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить.

— Вотъ это, душечка Юзыся,—говорилъ онъ:—весь народъ, что вы видите, пришелъ затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что, вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого что у него, душечка, уже больше не будетъ головы.—И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ.

Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ-то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за перила. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто шалунья съ черными глазами, схвативши свѣтлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ! Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шапки, и какой-нибудь высокій шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полиняломъ красномъ кунтушѣ съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый съ помощію длинныхъ рукъ, цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши на бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ. Но толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса:

— Ведутъ... ведутъ!.. казаки!..

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостью; ихъ платья изъ дорогого сукна износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко:

— Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! Чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!—Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту [2]).

— Добре, сынку, добре!— сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья, ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки и... Не будемъ смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волоса. Онѣ были по-

---

[1]) „Коханка—возлюбленная". [2]) Эшафотъ—помостъ, гдѣ казнили преступника.

рожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою, не чуя человѣчества. Напрасно нѣкоторые, немногіе, бывшіе исключеніями изъ вѣка, являлись противниками сихъ ужасныхъ мѣръ. Напрасно король и многіе рыцари, просвѣтленные умомъ и душой, представляли, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе казацкой націи. Но власть короля и умныхъ мнѣній была ничто передъ безпорядкомъ и дерзкой волей государственныхъ магнатовъ [1]), которые своею необдуманностью, непостижимыхъ отсутствіемъ всякой дальновидности, дѣтскимъ самолюбіемъ и ничтожною гордостью превратили сеймъ въ сатиру на правленіе. Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хрясъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои,—ничто, похожее на стонъ, не вырвалось изъ устъ его, не дрогнулось лицо его.

Тарасъ стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову и въ то же время гордо приподнявъ очи, и одобрительно только говорилъ:

— Добре, сынку, добре!

Но, когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя: Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ силою и выкрикнулъ въ душевной немощи:

— Батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?..

— Слышу!—раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ.

Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа, Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и, когда всадники немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

XII.

Отыскался слѣдъ Тарасовъ. Сто двадцать тысячъ казацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отрядъ, выступившій на добычу или на угонъ за татарами. Нѣтъ, поднялась вся нація, ибо переполнилось терпѣніе народа,—поднялась отомстить за посмѣянье правъ своихъ, за позорное униженіе своихъ нравовъ, за оскорбленіе вѣры предковъ и святого обычая, за посрамленіе церквей, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за угнетенье, за унію, за позорное владычество жидовства на христіанской землѣ, за все, что копило и сугубило съ давнихъ временъ суровую ненависть казаковъ. Молодой, но сильный духомъ гетманъ Остраница [2]) предводилъ всею несмѣтною казацкою силою. Возлѣ былъ виденъ престарѣлый, опытный товарищъ его и совѣтникъ, Гуня. Восемь полковниковъ вели двѣнадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ѣхали вслѣдъ за гетманомъ. Генеральный хорунжій предводилъ глав-

---

[1]) Магнатъ—вельможа. [2]) Выбранъ въ гетманы въ 1638 г.

ное знамя; много другихъ хоругвей и знаменъ развѣвалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки [1]). Много также было другихъ чиновъ полковыхъ: обозныхъ, войсковыхъ товарищей, полковыхъ писарей, и съ ними пѣшихъ и конныхъ отрядовъ; почти столько же, сколько было рейстровыхъ казаковъ, набралось охочекомонныхъ и вольныхъ. Отовсюду поднялись казаки: отъ Чигирина, отъ Переяслава, отъ Батурина, отъ Глухова, отъ низовой стороны днѣпровской и отъ всѣхъ его верховій и острововъ. Безъ счету кони и несмѣтные таборы телѣгъ тянулись по полямъ. И между тѣми-то казаками, между тѣми восемью полками отборнѣе всѣхъ былъ одинъ полкъ, и полкомъ тѣмъ предводилъ Тарасъ Бульба... Все давало ему перевѣсъ предъ другими: и преклонныя лѣта, и опытность, и умѣнье двигать своимъ войскомъ, и сильнѣйшая всѣхъ ненависть къ врагамъ. Даже самимъ казакамъ казалось чрезмѣрною его безпощадная свирѣпость и жестокость. Только огонь да висѣлицу опредѣляла сѣдая голова его, и совѣтъ его въ войсковомъ совѣтѣ дышалъ только однимъ истребленіемъ.

Нечего описывать всѣхъ битвъ, гдѣ показали себя казаки, ни всего постепеннаго хода кампаніи: все это внесено въ лѣтописныя страницы. Извѣстно, какова въ русской землѣ война, поднятая за вѣру: нѣтъ силы сильнѣе вѣры. Непреоборима и грозна она, какъ нерукотворная скала среди бурнаго, вѣчноизмѣнчиваго моря. Изъ самой средины морского дна возноситъ она къ небесамъ непроломныя свои стѣны, вся созданная изъ одного цѣльнаго, сплошного камня. Отовсюду видна она и глядитъ прямо въ очи мимо бѣгущимъ волнамъ. И горе кораблю, который нанесется на нее! Въ щепы летятъ безсильныя его снасти, тонетъ и ломится впрахъ все, что ни есть на немъ, и жалкимъ крикомъ погибающихъ оглашается пораженный воздухъ.

Въ лѣтописныхъ страницахъ изображено подробно, какъ бѣжали польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ; какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-жиды; какъ слабъ былъ коронный гетманъ [2]) Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы; какъ разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска; какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозные казацкіе полки, и какъ, приведенный въ крайность, польскій гетманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ со стороны короля и государственныхъ чиновъ и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ. Но не такіе были казаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва. И Потоцкій не красовался бы больше на шеститысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ паннъ и зависть дворянства, не шумѣлъ бы на сеймахъ, задавая роскошные пиры сенаторамъ, если бы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ русское духовенство. Когда вышли навстрѣчу всѣ попы въ свѣтлыхъ золотыхъ ризахъ, неся иконы и кресты, и впереди самъ архіерей съ крестомъ въ рукѣ и въ пастырской митрѣ, преклонили казаки всѣ свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, нижé самого короля, но противъ своей церкви христіанской не посмѣли, и уважили свое духовенство. Согласился гетманъ вмѣстѣ съ полковниками отпустить Потоцкаго, взявши съ него клятвенную присягу, оставивъ на свободѣ всѣ христіанскія церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды казацкому воинству. Одинъ только полковникъ не согласился на такой миръ. Тотъ одинъ былъ Тарасъ. Вырвалъ онъ клокъ волосъ изъ головы своей и воскликнулъ:

---

[1]) Бунчукъ — знакъ гетманскаго достоинства. [2]) Коронный гетманъ — гетманъ, назначенный отъ короля.

— Эй, гетманъ и полковники! не сдѣлайте такого бабьяго дѣла! не вѣрьте ляхамъ: продадутъ псяюхи!

Когда же полковой писарь подалъ условіе, и гетманъ приложилъ свою властную руку, онъ снялъ съ себя чистый булатъ, дорогую турецкую саблю изъ первѣйшаго желѣза, разломилъ ее надвое, какъ трость, и кинулъ далеко въ разныя стороны оба конца, сказавъ:

— Прощайте же! Какъ двумъ концамъ сего палаша не соединиться въ одно и не составить одной сабли, такъ и намъ, товарищи, больше не видаться на этомъ свѣтѣ. Помните же прощальное мое слово (при семъ словѣ голосъ его выросъ, поднялся выше, принялъ невѣдомую силу, и смутились всѣ отъ пророческихъ словъ), передъ смертнымъ часомъ своимъ вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствіе и миръ; думаете, пановать станете? Будете пановать другимъ пановаиьемъ: сдерутъ съ твоей головы, гетманъ, кожу, набьютъ ее гречаною половою [1]), и долго будутъ видѣть ее по всѣмъ ярмаркамъ! Не удержите и вы, паны, головъ своихъ! Пропадете въ сырыхъ погребахъ, замурованные въ каменныя стѣны, если васъ, какъ барановъ, не сварятъ всѣхъ живыми въ котлахъ!

— А вы, хлопцы!—продолжалъ онъ, оборотившись къ своимъ.—Кто изъ васъ хочетъ умирать своею смертью,—не по запечьямъ и бабьимъ лежанкамъ, не пьяными подъ заборомъ у шинка, подобно всякой падали, а честной казацкой смертью, всѣмъ на одной постели, какъ женихъ съ невѣстою? Или, можетъ-быть, хотите воротиться домой, да оборотиться въ недовѣрковъ, да возить на своихъ спинахъ польскихъ ксендзовъ?

— За тобою, пане полковнику! за тобою!—вскрикнули всѣ, которые были въ Тарасовомъ полку, и къ нимъ перебѣжало не мало другихъ.

— А коли за мною, такъ за мною же!—сказалъ Тарасъ, надвинувъ глубже на голову себѣ шапку, грозно взглянулъ на всѣхъ остававшихся, оправился на конѣ своемъ и крикнулъ своимъ.—Не попрекнетъ же никто насъ обидной рѣчью! А ну, гайда, хлопцы, въ гости къ католикамъ!

И вслѣдъ за тѣмъ ударилъ онъ по коню, и потянулся за нимъ таборъ изъ ста телѣгъ, и съ ними много было казацкихъ конниковъ и пѣхоты, и, оборотясь, грозилъ взоромъ всѣмъ остававшимся,—и гнѣвенъ былъ взоръ его. Никто не посмѣлъ остановить ихъ. Въ виду всего воинства уходилъ полкъ, и долго еще оборачивался Тарасъ и все грозилъ.

Смутны стояли гетманъ и полковники, задумалися всѣ и молчали долго, какъ будто тѣснимые какимъ-то тяжелымъ предвѣстіемъ. Не даромъ провѣщалъ Тарасъ: такъ все и сбылось, какъ онъ провѣщалъ. Немного времени спустя, послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневомъ [2]), вздернута была голова гетмана на колъ вмѣстѣ со многими изъ первѣйшихъ сановниковъ.

А что же Тарасъ? А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, близъ сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки; распечатали и поразливали по землѣ казаки вѣковые меды и вина, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ. «Ничего не жалѣйте!» повторялъ только Тарасъ. Не уважили казаки чернобровыхъ панянокъ, бѣлогрудыхъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ: у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ: зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки по-

---

[1]) „Полова — мякина“. [2]) Заключивъ вѣчный миръ съ поляками, Остраница отправился на богомолье въ Каневъ и былъ тамъ вѣроломно схваченъ поляками.

— Прощайте, товарищи, — кричалъ онъ имъ сверху,—вспоминайте меня, и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте!

дымались изъ огнистаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ подвигнулась бы самая сырая земля и степная трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе казаки и, поднимая копьями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ нимъ же въ пламя. «Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!» приговаривалъ только Тарасъ. И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи, пока польское правительство не увидѣло, что поступки Тараса были побольше, чѣмъ обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали казаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возложеннаго порученія: неутомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную развалившуюся крѣпость.

Надъ самой кручей у Днѣстра-рѣки виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися останками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичомъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то, съ двухъ сторонъ, прилежащихъ полю, обступилъ его коронный гетманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились было уже казаки и, можетъ-быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ среди самаго бѣгу остановился Тарасъ и вскрикнулъ:

— Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ!—И нагнулся старый атаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную сопутницу на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки.

— Эхъ, старость, старость!—сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Мало не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ.

— Попалась ворона!—кричали ляхи.—Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать.

И присудили, съ гетманскаго разрѣшенья, сжечь его живого въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло нагое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибили ему ру и и, приподнявъ его повыше, чтобы отовсюду былъ виденъ казакъ, принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его; глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки: ему съ высоты все было видно, какъ на ладони.

— Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе,—кричалъ онъ,—горку, что за лѣсомъ: туда не подступятъ они!—Но вѣтеръ не донесъ его словъ.—Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что!—говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ:

— Къ берегу! Къ берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво! У берега стоятъ челны, всѣ забирайте, чтобы не было погони!

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его.

Пустились казаки во всю прыть подгорной дорожкой, а ужъ погоня за плечами. Видятъ, путается и загибается дорожка и много даетъ въ сторону извивовъ. «А, товарищи! не куда пошло!» сказали всѣ, остановились на мигъ, подняли свои нагайки, свистнули,—и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнули прямо въ Днѣстръ. Двое только не достали до рѣки, грянулись съ вышины объ каменья, пропали тамъ навѣки съ конями, даже не успѣвши издать крика. А казаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязывали челны. Остановились ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханному казацкому дѣлу и думая: прыгать ли имъ, или нѣтъ? Одинъ молодой полковникъ, живая, горячая кровь, родной братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія, не подумалъ долго и бросился со всѣхъ силъ съ конемъ за казаками: перевернулся три раза въ воздухѣ съ конемъ своимъ и прямо грянулся на острые утесы. Въ куски изорвали его острые камни, пропавшаго среди пропасти, и мозгъ его, смѣшавшись съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, уже казаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго атамана.

— Прощайте, товарищи,—кричалъ онъ имъ сверху,—вспоминайте меня, и будущей же весной прибывайте сюда вновь да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постойте же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!..

А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву... Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая рѣка Днѣстръ, и много на ней заводьевъ, рѣчныхъ густыхъ камышей, отмелей и глубокодонныхъ мѣстъ, блеститъ рѣчное зеркало, оглашенное звонкимъ ячаньемъ лебедей, и гордый гоголь быстро несется по немъ, и много куликовъ, краснозобыхъ курухтановъ и всякихъ иныхъ птицъ въ тростникахъ и на прибрежьяхъ. Казаки быстро плыли на узкихъ двухрульныхъ челнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполашивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего атамана..

МИРГОРОДЪ.

ПОВѢСТИ, СЛУЖАЩІЯ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ

ВЕЧЕРОВЪ НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Миргородъ нарочито невеликій при рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣетъ одну канатную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 водяныхъ и 45 вѣтряныхъ мельницъ.

Географія Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВІЙ.

Какъ только ударялъ въ Кіевѣ поутру довольно звонкій семинарскій колоколъ, висѣвшій у воротъ Братскаго монастыря, то уже со всего города спѣшили толпами школьники и бурсаки [1]). Грамматики, риторы, философы и богословы съ тетрадями подъ мышкой брели въ классъ. Грамматики были еще очень малы: идя, толкали другъ друга и бранились между собою самымъ тоненькимъ дискантомъ; они были всѣ почти въ изодранныхъ или запачканныхъ платьяхъ, и карманы ихъ вѣчно были наполнены всякою дрянью, какъ-то: бабками, свистѣлками, сдѣланными изъ перышекъ, недоѣденнымъ пирогомъ, а иногда даже и маленькими воробышками, изъ которыхъ одинъ, вдругъ чиликнувъ среди необыкновенной тишины въ классѣ, доставлялъ своему патрону порядочныя пàли въ обѣ руки, а иногда и вишневыя розги. Риторы шли солиднѣе; платья у нихъ были часто совершенно цѣлы, но зато на лицѣ всегда почти бывало какое-нибудь украшеніе, въ видѣ риторическаго тропа: или одинъ глазъ уходилъ подъ самый лобъ, или вмѣсто губы цѣлый пузырь, или какая-нибудь другая примѣта; эти говорили и божились между собою теноромъ. Философы цѣлою октавою брали ниже; въ карманахъ ихъ, кромѣ крѣпкихъ табачныхъ корешковъ, ничего не было. Запасовъ они не дѣлали никакихъ и все, что попадалось, съѣдали тогда же; отъ нихъ слышалась трубка и горѣлка иногда такъ далеко, что проходившій мимо ремесленникъ долго еще, остановившись, нюхалъ, какъ гончая собака, воздухъ. Рынокъ въ это время обыкновенно только что начиналъ шевелиться, и торговки съ бубликами, булками, арбузными сѣмечками и маковниками дергали на подхватъ за полы тѣхъ,

---

1) Бурсаки—живущіе въ *бурсѣ*, т.-е. на казенныхъ квартирахъ.

у которыхъ полы были изъ тонкаго сукна или какой-нибудь бумажной матеріи.

— Паничи, паничи! сюды, сюды!—говорили онѣ со всѣхъ сторонъ:—ось бублики, маковники, вертычки, буханцы [1]) хороши! ей Богу хороши, на меду! сама пекла!

Другая, поднявъ что-то длинное, скрученное изъ тѣста, кричала:

— Ось сосулька! Паничи, купите сосульку!

— Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная,—и носъ пехорошій и руки нечистыя...

Но философовъ и богослововъ онѣ боялись задѣвать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу и притомъ цѣлою горстью.

По приходѣ въ семинарію вся толпа размѣщалась по классамъ, находившимся въ низенькихъ, довольно, однакоже, просторныхъ комнатахъ съ небольшими окнами, съ широкими дверьми и запачканными скамьями. Классъ наполнялся вдругъ разноголосными жужжаніями: авдиторы [2]) выслушивали своихъ учениковъ; звонкій дискантъ грамматика попадалъ какъ разъ въ звонъ стекла, вставленнаго въ маленькія окна, и стекло отвѣчало почти тѣмъ же звукомъ; въ углу гудѣлъ риторъ, котораго ротъ и толстыя губы должны бы принадлежать, по крайней мѣрѣ, философіи. Онъ гудѣлъ басомъ, и только слышно было издали: «бу, бу, бу, бу»... Авдиторы, слушая урокъ, смотрѣли однимъ глазомъ подъ скамью, гдѣ изъ кармана подчиненнаго бурсака выглядывала булка или вареникъ, или сѣмена изъ тыквъ.

Когда вся эта ученая толпа успѣвала приходить нѣсколько ранѣе, или когда знали, что профессора будутъ позже обыкновеннаго, тогда, со всеобщаго согласія, замышляли бой, и въ этомъ бою должны были участвовать всѣ, даже и цензоры, обязанные смотрѣть за порядкомъ и нравственностію всего учащагося сословія. Два богослова обыкновенно рѣшали, какъ происходить битвѣ: каждый ли классъ долженъ стоять за себя особенно, или всѣ должны раздѣлиться на двѣ половины: на бурсу и семинарію. Во всякомъ случаѣ грамматики начинали прежде всѣхъ, и какъ только вмѣшивались риторы, они уже бѣжали прочь и становились на возвышеніяхъ наблюдать битву. Потомъ вступала философія съ черными длинными усами, а, наконецъ, и богословіе въ ужасныхъ шароварахъ и съ претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что богословіе побивало всѣхъ, и философія, почесывая бока, была тѣснима въ классъ и помѣщалась отдыхать на скамьяхъ. Профессоръ, входившій въ классъ и участвовавшій когда-то самъ въ подобныхъ бояхъ, въ одну минуту по разгорѣвшимся лицамъ своихъ слушателей узнавалъ, что бой былъ недуренъ, и въ то время, когда онъ сѣкъ розгами по пальцамъ риторику, въ другомъ классѣ другой профессоръ отдѣлывалъ деревянными лопатками по рукамъ философію. Съ богословами же было поступаемо совершенно другимъ образомъ: имъ, по выраженію профессора богословія, отсыпалось по мѣркѣ *крупнаго гороху*, что состояло въ коротенькихъ кожаныхъ канчукахъ [3]).

Въ торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домамъ съ вертепами [4]). Иногда разыгрывали комедію, и въ такомъ случаѣ всегда отличался какой-нибудь богословъ, ростомъ мало чѣмъ пониже кіевской колокольни, представлявшій Ироіаду или Пентефрію, супругу египетскаго царедворца. Въ награду получали они кусокъ полотна или мѣшокъ проса, или

---

[1]) „Буханецъ—небольшой бѣлый хлѣбъ“. [2]) Авдиторъ—помощникъ учителя изъ лучшихъ учениковъ. [3]) „Канчукъ—нагайка“. [4]) „Вертепъ—кукольный театръ“.

половину варенаго гуся и тому подобное. Весь этотъ ученый народъ,—какъ семинарія, такъ и бурса, которыя питали какую-то наслѣдственную непріязнь между собою,—былъ чрезвычайно бѣденъ на средства къ прокормленію и притомъ необыкновенно прожорливъ, такъ что сосчитать, сколько каждый изъ нихъ уписывалъ за ужиномъ галушекъ, было бы совершенно невозможное дѣло, и потому доброхотныя пожертвованія зажиточныхъ владѣльцевъ не могли быть достаточны. Тогда сенатъ, состоявшій изъ философовъ и богослововъ, отправлялъ грамматиковъ и риторовъ подъ предводительствомъ одного философа,—а иногда присоединялся и самъ,—съ мѣшками на плечахъ опустошать чужіе огороды—и въ бурсѣ появлялась каша изъ тыквъ, сенаторы столько объѣдались арбузовъ и дынь, что на другой день авдиторы слышали отъ нихъ, вмѣсто одного, два урока: одинъ происходилъ изъ устъ, другой ворчалъ въ сенаторскомъ желудкѣ. Бурса и семинарія носили какія-то длинныя подобія сюртуковъ, простиравшихся *по сіе время* (слово техническое, означавшее далѣе пятокъ).

Самое торжественное для семинаріи событіе было вакансіи—время съ іюня мѣсяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домамъ. Тогда всю большую дорогу усѣивали грамматики, философы и богословы. Кто не имѣлъ своего пріюта, тотъ отправлялся къ кому-нибудь изъ товарищей. Философы и богословы отправлялись *на кондиціи*, то-есть брались учить или приготовлять дѣтей людей зажиточныхъ и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и на сюртукъ. Вся ватага эта тянулась вмѣстѣ, цѣлымъ табором, варила себѣ кашу и ночевала въ полѣ. Каждый тащилъ за собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучъ. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того, чтобы не износить сапоговъ, они скидали ихъ, вѣшали на палки и несли на плечахъ, особенно, когда была грязь: тогда они, засучивъ шаровары по колѣна, безстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Какъ только завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ большой дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ [1]).

Хозяинъ хаты, какой-нибудь старый казакъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ:

— Жинко! то, что поютъ школяры, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что у насъ есть.

И цѣлая миска варениковъ валилась въ мѣшокъ; порядочный кусъ сала, нѣсколько паляницъ [2]), а иногда и связанная курица помѣщались вмѣстѣ. Подкрѣпившись такимъ запасомъ, грамматики, риторы, философы и богословы опять продолжали путь. Чѣмъ далѣе, однакоже, шли они, тѣмъ болѣе уменьшалась толпа ихъ: всѣ почти разбродились по домамъ, и оставались тѣ, которые имѣли родительскія гнѣзда далѣе другихъ.

Одинъ разъ во время подобнаго странствованія три бурсака своротили съ большой дороги въ сторону съ тѣмъ, чтобы въ первомъ попавшемся хуторѣ запастить провіантомъ, потому что мѣшокъ у нихъ давно уже былъ пустъ. Это были: богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобець

Богословъ былъ рослый, плечистый мужчина и имѣлъ чрезвычайно странный нравъ: все, что ни лежало, бывало, возлѣ него, онъ непремѣнно украдетъ.

---

[1]) Кантъ—духовный стихъ. [2]) „Паляница—небольшой хлѣбъ, нѣсколько плоскій“.

Въ другомъ случаѣ характеръ его былъ чрезвычайно мраченъ, и когда напивался онъ пьянъ, то прятался въ бурьянѣ, и семинаріи стоило большого труда сыскать его тамъ.

Философъ Хома Брутъ былъ нрава веселаго, любилъ очень лежать и курить люльку; если же пилъ, то непремѣнно нанималъ музыкантовъ и отплясывалъ трепака. Онъ часто пробовалъ *крупнаго гороху*, но совершенно съ философическимъ равнодушіемъ, говоря, что чему быть, того не миновать. Риторъ Тиберій Горобець еще не имѣлъ права носить усовъ, пить горѣлки и курить люльки. Онъ носилъ только оселѣдецъ, и потому характеръ его въ то время еще мало развился; но, судя по большимъ шишкамъ на лбу, съ которыми онъ часто являлся въ классъ, можно было предположить, что изъ него будетъ хорошій воинъ. Богословъ Халява и философъ Хома часто дирали его за чубъ въ знакъ своего покровительства и употребляли въ качествѣ депутата.

Былъ уже вечеръ, когда они своротили съ большой дороги; солнце только что сѣло, и дневная теплота оставалась еще въ воздухѣ. Богословъ и философъ шли молча, куря люльки; риторъ Тиберій Горобець сбивалъ палкою головки съ будяковъ, росшихъ по краямъ дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубовъ и орѣшника, покрывавшими лугъ. Отлогости и небольшія горы, зеленыя и круглыя, какъ куполы, иногда перемежевывали равнину. Показавшаяся въ двухъ мѣстахъ нива съ вызрѣвавшимъ житомъ давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже болѣе часа, какъ они минули хлѣбныя полосы, а между тѣмъ имъ не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо, и только на западѣ блѣднѣлъ остатокъ алаго сіянія.

— Что за чортъ?—сказалъ философъ Хома Брутъ.—Сдавалось совершенно, какъ будто сейчасъ будетъ хуторъ!

Богословъ помолчалъ, поглядѣлъ по окрестностямъ, потомъ опять взялъ въ ротъ свою люльку, и всѣ продолжали путь.

— Ей Богу,—сказалъ опять, остановившись, философъ,—ни чортова кулака не видно!

— А можетъ-быть, далѣе и попадется какой-нибудь хуторъ,—сказалъ богословъ, не выпуская люльки.

Но между тѣмъ уже была ночь, и ночь довольно темная. Небольшія тучи усилили мрачность, и, судя по всѣмъ примѣтамъ, нельзя было ожидать ни звѣздъ ни мѣсяца. Бурсаки замѣтили, что они сбились съ пути и давно шли не по дорогѣ.

Философъ, пошаривши ногами во всѣ стороны, сказалъ, наконецъ, отрывисто:

— А гдѣ же дорога?

Богословъ помолчалъ и, надумавшись, примолвилъ:

— Да, ночь темная.

Риторъ отошелъ въ сторону и старался ползкомъ нащупать дорогу, но руки его попадали только въ лисьи норы. Вездѣ была одна степь, по которой, казалось, никто не ѣздилъ.

Путешественники еще сдѣлали усиліе пройти нѣсколько впередъ, но вездѣ была та же дичь. Философъ попробовалъ перекликнуться, но голосъ его совершенно заглохъ по сторонамъ и не встрѣтилъ никакого отвѣта. Нѣсколько спустя только послышалось слабое стенаніе, похожее на волчій вой.

— Вишь, что тутъ дѣлать?—сказалъ философъ.

— А что? оставаться и заночевать въ полѣ!—сказалъ богословъ и полѣзъ въ карманъ достать огниво и закурить снова свою люльку.

Но философъ не могъ согласиться на это: онъ всегда имѣлъ обыкновеніе упрятать на ночь полупудовую краюху хлѣба и фунта четыре сала и чувствовалъ на этотъ разъ въ желудкѣ своемъ какое-то несносное одиночество. Притомъ, несмотря на веселый нравъ свой, философъ боялся нѣсколько волковъ.

— Нѣтъ, Халява, не можно,—сказалъ онъ.—Какъ же, не подкрѣпивъ себя ничѣмъ, растянуться и лечь, какъ собака? Попробуемъ еще: можетъ-быть, набредемъ на какое-нибудь жилье, и хоть чарку горѣлки удастся выпить на ночь.

При словѣ «горѣлка» богословъ сплюнулъ въ сторону и примолвилъ:

— Оно, конечно, въ полѣ оставаться нечего.

Бурсаки пошли впередъ, и, къ величайшей радости ихъ, въ отдаленіи почудился лай. Прислушавшись, съ которой стороны, они отправились бодрѣе и, немного пройдя, увидѣли огонекъ.

— Хуторъ! Ей Богу, хуторъ!—сказалъ философъ.

Предположенія его не обманули: черезъ нѣсколько времени они увидѣли, точно, небольшой хуторокъ, состоявшій изъ двухъ только хатъ, находившихся въ одномъ и томъ же дворѣ. Въ окнахъ свѣтился огонь; десятокъ сливныхъ деревьевъ торчалъ подъ тыномъ. Взглянувши въ сквозныя дощатыя ворота, бурсаки увидѣли дворъ, установленный чумацкими возами. Звѣзды кое-гдѣ глянули въ это время на небѣ.

— Смотрите же, братцы, не отставать! Во что бы то ни было, а добыть ночлега!

Три ученые мужа дружно ударили въ ворота и закричали:

— Отвори!

Дверь въ одной хатѣ заскрипѣла, минуту спустя, бурсаки увидѣли передъ собою старуху въ нагольномъ тулупѣ.

— Кто тамъ?—закричала она, глухо кашляя

— Пусти, бабуся, переночевать, сбились съ дороги: такъ въ полѣ скверно, какъ въ голодномъ брюхѣ.

— А что вы за народъ?

— Да народъ необидчивый: богословъ Халява, философъ Брутъ и риторъ Горобець.

— Не можно,—проворчала старуха:—у меня народу полонъ дворъ, и всѣ углы въ хатѣ заняты. Куда я васъ дѣну? Да еще все какой рослый и здоровый народъ! Да у меня и хата развалится, когда помѣщу такихъ. Я знаю этихъ философовъ да богослововъ: если такихъ пьяницъ начнешь принимать, то и двора скоро не будетъ. Пошли, пошли! Тутъ вамъ нѣтъ мѣста.

— Умилосердись, бабуся! Какъ же можно, чтобы христіанскія души пропали ни за что ни про что? Гдѣ хочешь, помѣсти насъ; и если мы что-нибудь, какъ-нибудь того или какое другое что сдѣлаемъ,—то пусть намъ и руки отсохнутъ и такое будетъ, что Богъ одинъ знаетъ—вотъ что!

Старуха, казалось, немного смягчилась.

— Хорошо,—сказала она, какъ бы размышляя:—я впущу васъ, только положу всѣхъ въ разныхъ мѣстахъ, а то у меня не будетъ спокойно на сердцѣ, когда будете лежать вмѣстѣ

— На то твоя воля, не будемъ прекословить,—отвѣчали бурсаки

Ворота заскрипѣли, и они вошли во дворъ.

— А что, бабуся,—сказалъ философъ, идя за старухой:—если бы такъ, какъ говорятъ... Ей Богу, въ животѣ какъ будто кто колесами сталъ ѣздить: съ самаго утра вотъ хоть бы щепка была во рту.

— Вишь, чего захотѣлъ!—сказала старуха.—Нѣтъ, у меня нѣтъ ничего такого, и печь не топилась сегодня.

— А мы бы уже за все это,—продолжалъ философъ,—расплатились бы завтра, какъ слѣдуетъ—чистоганомъ... Да!—продолжалъ онъ тихо:—чорта съ два получишь ты что-нибудь!

— Ступайте, ступайте! и будьте довольны тѣмъ, что даютъ вамъ. Вотъ чортъ принесъ какихъ нѣжныхъ паничей!

Философъ Хома пришелъ въ совершенное уныніе отъ такихъ словъ; но вдругъ носъ его почувствовалъ запахъ сушеной рыбы; онъ глянулъ на шаровары богослова, шедшаго съ нимъ рядомъ, и увидѣлъ, что изъ кармана его торчалъ преогромный рыбій хвостъ: богословъ уже успѣлъ подтибрить съ воза цѣлаго карася. И такъ какъ онъ это производилъ не изъ какой-нибудь корысти, но единственно по привычкѣ, и, позабывши совершенно о своемъ карасѣ, уже разглядывалъ, чтобы такое стянуть другое, не имѣя намѣренія пропустить даже изломаннаго колеса, то философъ Хома запустилъ руку въ его карманъ, какъ въ свой собственный, и вытащилъ карася.

Старуха размѣстила бурсаковъ: ритора положила въ хатѣ, богослова заперла въ пустую комору, философу отвела тоже пустой овчій хлѣвъ.

Философъ, оставшись одинъ, въ одну минуту съѣлъ карася, осмотрѣлъ плетеныя стѣны хлѣва, толкнулъ ногою въ морду проснувшуюся изъ другого хлѣва любопытную свинью и поворотился на правый бокъ, чтобы заснуть мертвецки. Вдругъ низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла въ хлѣвъ.

— А что, бабуся, чего тебѣ нужно?—сказалъ философъ.

Но старуха шла прямо къ нему съ распростертыми руками.

«Эге, ге!—подумалъ философъ.—Только нѣтъ, голубушка, устарѣла!»

Онъ отодвинулся немного подальше, но старуха безъ церемоніи опять пошла къ нему.

— Слушай, бабуся!—сказалъ философъ:—теперь постъ; а я такой человѣкъ, что и за тысячу золотыхъ не захочу оскоромиться.

Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сдѣлалось страшно, особливо, когда онъ замѣтилъ, что глаза ея сверкнули какимъ-то необыкновеннымъ блескомъ.

— Бабуся, что ты? Ступай, ступай себѣ съ Богомъ!—закричалъ онъ.

Но старуха не говорила ни слова и хватала его руками.

Онъ вскочилъ на ноги съ намѣреніемъ бѣжать, но старуха стала въ дверяхъ, вперила въ него сверкающіе глаза и снова начала подходить къ нему.

Философъ хотѣлъ оттолкнуть ее руками, но, къ удивленію, замѣтилъ, что руки его не могутъ приподняться, ноги не двигались, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что даже голосъ не звучалъ изъ устъ его: слова безъ звука шевелились на губахъ. Онъ слышалъ только, какъ билось его сердце; онъ видѣлъ, какъ старуха подошла къ нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила съ быстротою кошки къ нему на спину, ударила его метлою по боку, и онъ, подпрыгивая, какъ верховой конь, понесъ ее на плечахъ своихъ. Все это случилось такъ быстро, что философъ едва могъ опомниться и схватилъ обѣими руками себя за колѣни, желая удержать ноги, но онѣ, къ величайшему изумленію его, подымались противъ воли и производили скачки быстрѣе черкесскаго бѣгуна. Когда уже минули они хуторъ и передъ ними открылась ровная лощина, а въ сторонѣ потянулся черный, какъ уголь, лѣсъ, тогда только сказалъ онъ самъ себѣ: «Эге! да это вѣдьма!»

Обращенный мѣсячный серпъ свѣтлѣлъ на небѣ. Робкое полночное сіяніе, какъ сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось по землѣ. Лѣса, луга, небо, долины,—все, казалось, какъ будто спало съ открытыми глазами; вѣ-

теръ хоть бы разъ вспорхнулъ гдѣ-нибудь; въ ночной свѣжести было что-то влажно-теплое; тѣни отъ деревьевъ и кустовъ, какъ кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину: такая была ночь, когда философъ Хома Брутъ скакалъ съ непонятнымъ всадникомъ на спинѣ. Онъ чувствовалъ какое-то томительное, непріятное и вмѣстѣ сладкое чувство, подступавшее къ его сердцу. Онъ опустилъ голову внизъ и видѣлъ, что трава, бывшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубоко и далеко и что сверхъ ея находилась прозрачная, какъ горный ключъ, вода, и трава казалась дномъ какого-то свѣтлаго, прозрачнаго до самой глубины моря; по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ немъ вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ старухою.

Вдругъ низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла въ хлѣвъ. — А что, бабуся, чего тебѣ нужно?—сказалъ философъ. Но старуха шла прямо къ нему съ распростертыми руками.

Онъ видѣлъ, какъ, вмѣсто мѣсяца, свѣтило тамъ какое-то солнце; онъ слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенѣли; онъ видѣлъ, какъ изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и трепета. Она оборотилась къ нему,—и вотъ ея лицо, съ глазами свѣтлыми, сверкающими, острыми, съ пѣньемъ, вторгавшимися въ душу, уже приближалось къ нему, уже было на поверхности и, задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялось; и вотъ она опрокинулась на спину,—и облачныя перси ея, матовыя какъ фарфоръ, непокрытый глазурью, просвѣчивали предъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой эластически-нѣжной окружности. Вода въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, какъ бисеръ, осыпала ихъ. Она вся дрожитъ и смѣется въ водѣ...

Видитъ ли онъ это или не видитъ? Наяву ли это или снится? Но тамъ что? вѣтеръ или музыка? звенитъ, звенитъ, и вьется, и подступаетъ, и вонзается въ душу какою-то нестерпимою трелью...

«Что это?» думалъ философъ Хома Брутъ, глядя внизъ, несясь во всю прыть. Потъ катился съ него градомъ. Онъ чувствовалъ бѣсовски-сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслажденіе. Ему часто казалось, какъ будто сердца уже вовсе не было у него, и онъ со страхомъ хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, онъ началъ припоминать всѣ, какія только зналъ, молитвы. Онъ перебиралъ всѣ заклятія противъ духовъ, и вдругъ почувствовалъ какое-то освѣженіе; чувствовалъ, что шагъ его начиналъ становиться лѣнивѣе, вѣдьма какъ-то слабѣе держалась на спинѣ его, густая трава касалась его, и уже онъ не видѣлъ въ ней ничего необыкновеннаго. Свѣтлый серпъ свѣтилъ на небѣ.

«Хорошо же!» подумалъ про себя философъ Хома и началъ почти вслухъ произносить заклятія. Наконецъ съ быстротою молніи выпрыгнулъ изъ-подъ старухи и вскочилъ, въ свою очередь, къ ней на спину. Старуха мелкимъ, дробнымъ шагомъ побѣжала такъ быстро, что всадникъ едва могъ переводить духъ свой. Земля чуть мелькала подъ нимъ; все было ясно при мѣсячномъ, хотя и неполномъ, свѣтѣ; долины были гладки; но все отъ быстроты мелькало неясно и сбивчиво въ его глазахъ. Онъ схватилъ лежавшее на дорогѣ полѣно и началъ имъ изо всѣхъ силъ колотить старуху. Дикіе вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потомъ становились слабѣе, пріятнѣе, чище, и потомъ уже тихо, едва звенѣли, какъ тонкіе серебряные колокольчики, и заронялись ему въ душу, и невольно мелькнула въ головѣ мысль: точно ли это старуха?

— Охъ, не могу больше!—произнесла она въ изнеможеніи и упала на землю.

Онъ всталъ на ноги и посмотрѣлъ ей въ очи (разсвѣтъ загорался, и блестѣли золотыя главы вдали кіевскихъ церквей): передъ нимъ лежала красавица съ растрепанною роскошною косою, съ длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами. Безчувственно отбросила она на обѣ стороны бѣлыя нагія руки и стонала, возведя кверху очи, полныя слезъ.

Затрепеталъ, какъ древесный листъ, Хома; жалость и какое-то странное волненіе и робость, невѣдомыя ему самому, овладѣли имъ. Онъ пустился бѣжать во весь духъ. Дорогой билось безпокойно его сердце, и никакъ не могъ онъ истолковать себѣ, что за странное, новое чувство имъ овладѣло. Онъ уже не хотѣлъ болѣе итти на хутора и спѣшилъ въ Кіевъ, раздумывая всю дорогу о такомъ непонятномъ происшествіи.

Бурсаковъ почти никого не было въ городѣ: всѣ разбрелись по хуторамъ, или на кондиціи, или, просто, безъ всякихъ кондицій, потому что по хуторамъ малороссійскимъ можно ѣсть галушки, сыръ, сметану и вареники величиною въ шляпу, не заплативъ гроша денегъ. Большая разъѣхавшаяся хата, въ которой помѣщалась бурса, была рѣшительно пуста, и сколько философъ ни шарилъ по угламъ, не отыскалъ ни сала ни книша[1]), что по обыкновенію запрятываемо было бурсаками.

Однакоже философъ скоро сыскался, какъ поправить свое горе: онъ прошелъ, посвистывая, раза три по рынку, перемигнулся на самомъ концѣ съ какою-то молодою вдовою въ желтомъ очипкѣ, продававшею ленты, ружейную

---

[1]) „Книшъ—родъ печенаго бѣлаго хлѣба“.

Передъ нимъ лежала красавица съ растрепанною роскошною косою, съ длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами. Безчувственно отбросила она на обѣ стороны бѣлыя нагія руки и стонала, возведя кверху очи, полныя слезъ.

дробь и колеса,—и былъ въ тотъ же день накормленъ пшеничными варениками, курицею... и, словомъ, перечесть нельзя, что у него было за столомъ, накрытымъ въ маленькомъ глиняномъ домикѣ среди вишневаго садика. Въ тотъ же самый вечеръ видѣли философа въ кормчѣ: онъ лежалъ на лавкѣ, покуривая по обыкновенію своему люльку, и при всѣхъ бросилъ жиду корчмарю полъ-злотый. Передъ нимъ стояла кружка. Онъ глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи.

Между тѣмъ распространились вездѣ слухи, что дочь одного изъ богатѣйшихъ сотниковъ, котораго хуторъ находился въ пятидесяти верстахъ отъ Кіева, возвратилась въ одинъ день съ прогулки вся избитая, едва имѣвшая силы добресть до отцовскаго дома, находится при смерти и передъ смертнымъ часомъ изъявила желаніе, чтобы отходную по ней и молитвы въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти читалъ одинъ изъ кіевскихъ семинаристовъ Хома Брутъ. Объ этомъ философъ узналъ отъ самого ректора [1]), который нарочно призывалъ его въ свою комнату и объявилъ, чтобы онъ безъ всякаго отлагательства спѣшилъ въ дорогу, что именитый сотникъ прислалъ за нимъ нарочно людей и возокъ.

Философъ вздрогнулъ по какому-то безотчетному чувству, котораго онъ самъ не могъ растолковать себѣ. Темное предчувствіе говорило ему, что ждетъ его что-то недоброе. Самъ не зная почему, объявилъ онъ напрямикъ, что не поѣдетъ.

— Послушай, domine [2]) Хома! — сказалъ ректоръ (онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялся очень вѣжливо со своими подчиненными):—тебя никакой чортъ и не спрашиваетъ о томъ, хочешь ли ты ѣхать или не хочешь. Я тебѣ скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь да мудрствовать, то прикажу тебя по спинѣ и по прочему такъ отстегать молодымъ березнякомъ, что и въ баню не нужно будетъ ходить.

Философъ, почесывая слегка за ухомъ, вышелъ, не говоря ни слова, располагая при первомъ удобномъ случаѣ возложить надежду на свои ноги. Въ раздумьѣ сходилъ онъ съ крутой лѣстницы, приводившей на дворъ, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голосъ ректора, дававшаго приказанія своему ключнику и еще кому-то, вѣроятно, одному изъ посланныхъ за нимъ отъ сотника.

— Благодари пана за крупу и яйца,— говорилъ ректоръ, — и скажи, что какъ только будутъ готовы тѣ книги, о которыхъ онъ пишетъ, то я тотчасъ пришлю: я отдалъ ихъ уже переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе, прибавить пану, что на хуторѣ у нихъ, я знаю, водится хорошая рыба, и особенно осетрина, то при случаѣ прислалъ бы: здѣсь, на базарахъ, и нехороша и дорога. А ты, Явтухъ, дай молодцамъ по чаркѣ горѣлки; да философа привязать, а не то какъ разъ удеретъ.

«Вишь, чортовъ сынъ!—подумалъ про себя философъ:—пронюхалъ, длинноногій вьюнъ!»

Онъ сошелъ внизъ и увидѣлъ кибитку, которую принялъ было сначала за хлѣбный овинъ на колесахъ. Въ самомъ дѣлѣ, она была такъ же глубока, какъ печь, въ которой обжигаютъ кирпичи. Это былъ обыкновенный краковскій экипажъ, въ какомъ жиды полсотнею отправляются вмѣстѣ съ товарами

---

[1]) Ректоръ—начальникъ семинаріи. [2]) Domine—господинъ.

во всѣ города, гдѣ только слышитъ ихъ носъ ярмарку. Его ожидало человѣкъ шесть здоровыхъ и крѣпкихъ казаковъ, уже нѣсколько пожилыхъ. Свитки изъ тонкаго сукна съ кистями показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владѣльцу; небольшіе рубцы говорили, что они бывали когда-то на войнѣ не безъ славы.

«Что жъ дѣлать? Чему быть, тому не миновать!» подумалъ про себя философъ и, обратившись къ казакамъ, произнесъ громко:

— Здравствуйте, братья-товарищи!

— Будь здоровъ, панъ философъ!—отвѣчали нѣкоторые изъ казаковъ.

— Такъ вотъ это мнѣ приходится сидѣть вмѣстѣ съ вами? А брика знатная!—продолжалъ онъ, влѣзая.—Тутъ бы только нанять музыкантовъ, то и танцовать можно.

— Да, соразмѣрный экипажъ! — сказалъ одинъ изъ казаковъ, садясь на облучокъ самъ-другъ съ кучеромъ, завязавшимъ голову тряпицею вмѣсто шапки, которую онъ успѣлъ оставить въ шинкѣ. Другіе пять вмѣстѣ съ философомъ полѣзли въ углубленіе и расположились на мѣшкахъ, наполненныхъ разною закупкою, сдѣланною въ городѣ.

— Любопытно бы знать,— сказалъ философъ: — если бы, примѣромъ, эту брику нагрузить какимъ-нибудь товаромъ, положимъ, солью или желѣзными клинами, сколько потребовалось бы тогда коней?

— Да,—сказалъ, помолчавъ, сидѣвшій на облучкѣ казакъ: — достаточное бы число потребовалось коней.

Послѣ такого удовлетворительнаго отвѣта казакъ почиталъ себя въ правѣ молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотѣлось узнать обстоятельнѣе, кто таковъ былъ этотъ сотникъ, каковъ его нравъ, что слышно о его дочкѣ, которая такимъ необыкновеннымъ образомъ возвратилась домой и находилась при смерти и которой исторія связалась теперь съ его собственною; какъ у нихъ и что дѣлается въ домѣ. Онъ обращался къ нимъ съ вопросами, но казаки, вѣрно, были тоже философы, потому что въ отвѣтъ на это молчали и курили люльки, лежа на мѣшкахъ.

Одинъ только изъ нихъ обратился къ сидѣвшему на козлахъ возницѣ съ коротенькимъ приказаніемъ:

— Смотри, Оверко, ты, старый разиня, какъ будешь подъѣзжать къ шинку, что на чухрайловской дорогѣ, то не позабудь остановиться и разбудить меня и другихъ молодцовъ, если кому случится заснуть.

Послѣ этого онъ заснулъ довольно громко. Впрочемъ, эти наставленія были совершенно напрасны, потому что едва только приблизилась исполинская брика къ шинку на чухрайловской дорогѣ, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Стой!» Притомъ лошади Оверка были такъ уже пріучены, что останавливались сами передъ каждымъ шинкомъ.

Несмотря на жаркій іюльскій день, всѣ вышли изъ брики, отправились въ низенькую запачканную комнату, гдѣ жидъ-корчмарь съ знаками радости бросился принимать своихъ старыхъ знакомыхъ. Жидъ принесъ подъ полою нѣсколько колбасъ изъ свинины и, положивши на столъ, тотчасъ отворотился отъ этого запрещеннаго талмудомъ плода. Всѣ усѣлись вокругъ стола; глиняныя кружки показались предъ каждымъ изъ гостей. Философъ Хома долженъ былъ участвовать въ общей пирушкѣ. И такъ какъ малороссіяне, когда подгуляютъ, непремѣнно начнутъ цѣловаться или плакать, то скоро вся изба наполнилась лобызаніями. «А ну, Спиридъ, почеломкаемся!» — «Иди сюда, Дорошъ, я обниму тебя!»

Одинъ казакъ, бывшій постарѣе всѣхъ другихъ, съ сѣдыми усами, подставивши руку подъ щеку, началъ рыдать отъ души о томъ, что у него нѣтъ ни отца ни матери и что онъ остался однимъ-одинъ на свѣтѣ. Другой былъ большой резонеръ и безпрестанно утѣшалъ его, говоря:

— Не плачь, ей Богу, не плачь! что жъ тутъ?.. Ужъ Богъ знаетъ, какъ и что такое.

Одинъ, по имени Дорошъ, сдѣлался чрезвычайно любопытенъ и, оборотившись къ философу Хомѣ, безпрестанно спрашивалъ его:

— Я хотѣлъ бы знать, чему у васъ въ бурсѣ учатъ: тому ли самому, что и дьякъ читаетъ въ церкви, или чему другому?

— Не спрашивай!—говорилъ протяжно резонеръ:—пусть его тамъ будетъ, какъ было. Богъ уже знаетъ, какъ нужно; Богъ все знаетъ.

— Нѣтъ, я хочу знать,—говорилъ Дорошъ:—что тамъ написано въ тѣхъ книжкахъ; можетъ-быть, совсѣмъ другое, чѣмъ у дьяка.

— О Боже мой, Боже мой!— говорилъ этотъ почтенный наставникъ: — и на что такое говорить? Такъ уже воля Божія положила. Уже что Богъ далъ, того не можно перемѣнить.

— Я хочу знать все, что ни написано. Я пойду въ бурсу, ей Богу, пойду. Что ты думаешь, я не выучусь?—всему выучусь, всему!

— О Боже жъ мой! Боже мой!.. — говорилъ утѣшитель и спустилъ свою голову на столъ, потому что совершенно былъ не въ силахъ держать ее долѣе на плечахъ.

Прочіе казаки толковали о панахъ и о томъ, отчего на небѣ свѣтитъ мѣсяцъ.

Философъ Хома, увидя такое расположеніе головъ, рѣшился воспользоваться и улизнуть. Онъ сначала обратился къ сѣдовласому казаку, грустившему объ отцѣ и матери:

— Что жъ ты, дядько, расплакался?—сказалъ онъ.—Я самъ сирота! Отпустите меня, ребята, на волю! На что я вамъ?

— Пустимъ его на волю!—отозвались нѣкоторые.—Вѣдь онъ сирота! Пусть себѣ идетъ, куда хочетъ.

— О Боже жъ мой! Боже мой!— произнесъ утѣшитель, поднявъ свою голову.—Отпустите его! Пусть идетъ себѣ!

И казаки уже хотѣли сами вывесть его въ чистое поле, но тотъ, который показалъ свое любопытство, остановилъ ихъ, сказавши:

— Не трогайте: я хочу съ нимъ поговорить о бурсѣ; я самъ пойду въ бурсу...

Впрочемъ, врядъ ли этотъ побѣгъ могъ совершиться, потому что, когда философъ вздумалъ подняться изъ-за стола, то ноги его сдѣлались какъ будто деревянными, и дверей въ комнатѣ начало представляться ему такое множество, что врядъ ли бы онъ отыскалъ настоящую.

Только ввечеру вся эта компанія вспомнила, что нужно отправляться далѣе въ дорогу. Взмостившись въ брику, они потянулись, погоняя лошадей и напѣвая пѣсню, которой слова и смыслъ врядъ ли бы кто разобралъ. Проколесивши большую половину ночи, безпрестанно сбиваясь съ дороги, выученной наизусть, они, наконецъ, спустились съ крутой горы въ долину, и философъ замѣтилъ по сторонамъ тянувшійся частоколъ, или плетень, съ низенькими деревьями и выказывавшимися изъ-за нихъ крышами. Это было большое селеніе, принадлежавшее сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны, и маленькія звѣздочки мелькали кое-гдѣ. Ни въ одной хатѣ не видно было огня. Они въѣхали въ сопровожденіи собачьяго лая во дворъ. Съ обѣихъ

сторонъ были замѣтны крытые соломою сараи и домики; одинъ изъ нихъ, находившійся какъ разъ посерединѣ, противъ воротъ, былъ болѣе другихъ и служилъ, какъ казалось, пребываніемъ сотника. Брика остановилась передъ небольшимъ подобіемъ сарая, и путешественники наши отправились спать. Философъ хотѣлъ, однакоже, нѣсколько осмотрѣть снаружи панскія хоромы; но, какъ онъ ни пялилъ свои глаза, ничто не могло означиться въ ясномъ видѣ: вмѣсто дома представлялся ему медвѣдь; изъ трубы дѣлался ректоръ. Философъ махнулъ рукою и пошелъ спать.

Когда проснулся философъ, то весь домъ былъ въ движеніи: въ ночь умерла панночка. Слуги бѣгали впопыхахъ взадъ и впередъ; старухи нѣкоторыя плакали; толпа любопытныхъ глядѣла сквозь заборъ на панскій дворъ, какъ будто бы могла что-нибудь увидѣть. Философъ началъ на досугѣ осматривать тѣ мѣста, которыя онъ не могъ разглядѣть ночью. Панскій домъ былъ низенькое, небольшое строеніе, какія обыкновенно строились въ старину въ Малороссіи; онъ былъ покрытъ соломою; маленькій, острый и высокій фронтонъ съ окошкомъ, похожимъ на поднятый кверху глазъ, былъ весь измаленъ голубыми и желтыми цвѣтами и красными полумѣсяцами; онъ былъ утвержденъ на дубовыхъ столбикахъ, до половины круглыхъ и снизу шестиграныхъ, съ вычурною обточкою вверху. Подъ этимъ фронтономъ находилось небольшое крылечко со скамейками по обѣимъ сторонамъ. Съ боковъ дома были навѣсы на такихъ же столбикахъ, индѣ витыхъ. Высокая груша съ пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленѣла передъ домомъ. Нѣсколько амбаровъ въ два ряда стояли среди двора, образуя родъ широкой улицы, ведшей къ дому. За амбарами, къ самымъ воротамъ, стояли треугольниками два погреба, одинъ напротивъ другого, крытые также соломою. Треугольная стѣна каждаго изъ нихъ была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображеніями. На одной изъ нихъ нарисованъ былъ сидящій на бочкѣ казакъ, державшій надъ головою кружку съ надписью: «Все выпью!» На другомъ — фляжка, сулеи и по сторонамъ, для красоты, лошадь, стоящая вверхъ ногами, трубка, бубны и надпись: «Вино—казацкая потѣха!» Съ чердака одного изъ сараевъ выглядывалъ сквозь огромное слуховое окно барабанъ и мѣдныя трубы. У воротъ стояли двѣ пушки. Все показывало, что хозяинъ дома любилъ повеселиться, и дворъ часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились двѣ вѣтряныя мельницы. Позади дома шли сады, и сквозь верхушки деревъ видны были однѣ только темныя шляпки трубъ, скрывавшихся въ зеленой гущѣ хатъ. Все селеніе помѣщалось на широкомъ и ровномъ уступѣ горы. Съ сѣверной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самаго двора. При взглядѣ на нее снизу она казалась еще круче, и на высокой верхушкѣ ея торчали кое-гдѣ неправильные стебли тощаго бурьяна и чернѣли на свѣтломъ небѣ; обнаженный глинистый видъ ея навѣвалъ какое-то уныніе; она была вся изрыта дождевыми промоинами и проточинами. На крутомъ косогорѣ ея въ двухъ мѣстахъ торчали двѣ хаты; надъ одною изъ нихъ раскидывала вѣтви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями съ насыпною землей. Яблоки, сбиваемыя вѣтромъ, скатывались въ самый панскій дворъ. Съ вершины вилась по всей горѣ дорога и, опустившись, шла мимо двора въ селенье. Когда философъ измѣрилъ страшную круть ея и вспомнилъ вчерашнее путешествіе, то рѣшилъ, что или у пана были слишкомъ умныя лошади, или у казаковъ слишкомъ крѣпкія головы, когда и въ хмельномъ чаду умѣли не полетѣть вверхъ ногами вмѣстѣ съ неизмѣримою брикой и багажомъ. Философъ стоялъ на высшемъ въ дворѣ мѣстѣ, и когда оборотился и глянулъ въ противоположную сторону, ему пред-

ставился совершенно другой видъ. Селеніе вмѣстѣ съ отлогостью скатывалось на равнину. Необозримые луга открывались на далекое пространство; яркая зелень ихъ темнѣла по мѣрѣ отдаленія, и цѣлые ряды селенія синѣли вдали, хотя разстояніе ихъ было болѣе, нежели на двадцать верстъ. Съ правой стороны этихъ луговъ тянулись горы, и чуть замѣтною вдали полосою горѣлъ и темнѣлъ Днѣпръ.

— Эхъ, славное мѣсто!—сказалъ философъ:—вотъ тутъ бы жить, ловить рыбу въ Днѣпрѣ и въ прудахъ, охотиться съ тенетами или съ ружьемъ за стрепетами и крольшнепами! Впрочемъ, я думаю, и дрофъ не мало въ этихъ лугахъ. Фруктовъ же можно насушить и продать въ городъ множество или, еще лучше, выкурить изъ нихъ водку, потому что водка изъ фруктовъ ни съ какимъ пѣнникомъ не сравнится. Да не мѣшаетъ подумать и о томъ, какъ бы улизнуть отсюда.

Онъ примѣтилъ за плетнемъ маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурьяномъ; поставилъ машинально на нее ногу, думая напередъ только прогуляться, а потомъ тихомолкомъ, промежъ хатъ, да и махнуть въ поле, какъ внезапно почувствовалъ на своемъ плечѣ довольно крѣпкую руку. Позади его стоялъ тотъ самый старый казакъ, который вчера такъ горько соболѣзновалъ о смерти отца и матери и о своемъ одиночествѣ.

— Напрасно ты думаешь, панъ философъ, улепетнуть изъ хутора!—говорилъ онъ:—тутъ не такое заведеніе, чтобы можно было убѣжать; да и дороги для пѣшехода плохи; а ступай лучше къ пану: онъ ожидаетъ тебя давно въ свѣтлицѣ.

— Пойдемъ! Что жъ... я съ удовольствіемъ,—сказалъ философъ и отправился вслѣдъ за казакомъ.

Сотникъ, уже престарѣлый, съ сѣдыми усами и съ выраженіемъ мрачной грусти, сидѣлъ передъ столомъ въ свѣтлицѣ, подперши обѣими руками голову. Ему было около пятидесяти лѣтъ; но глубокое уныніе на лицѣ и какой-то блѣднотощій цвѣтъ показывали, что душа его была убита и разрушена вдругъ, въ одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли навѣки. Когда взошелъ Хома вмѣстѣ съ старымъ казакомъ, онъ отнялъ одну руку и слегка кивнулъ головою на низкій ихъ поклонъ.

Хома и казакъ почтительно остановились у дверей.

— Кто ты, и откуда и какого званія, добрый человѣкъ? — сказалъ сотникъ ни ласково ни сурово.

— Изъ бурсаковъ, философъ Хома Брутъ

— А кто былъ твой отецъ?

— Не знаю, вельможный панъ.

— А мать твоя?

— И матери не знаю. По здравому разсужденію, конечно, была мать; но кто она, и откуда и когда жила,—ей Богу, добродію, не знаю.

Старикъ помолчалъ и, казалось, минуту оставался въ задумчивости.

— Какъ же ты познакомился съ моею дочкою?

— Не знакомился, вельможный панъ, ей Богу, не знакомился! Еще ни какого дѣла съ панночками не имѣлъ, сколько ни живу на свѣтѣ. Цуръ имъ чтобы не сказать непристойнаго.

— Отчего же она не другому кому, а тебѣ именно назначила читать?

Философъ пожалъ плечами:

— Богъ его знаетъ, какъ это растолковать. Извѣстное уже дѣло, что панамъ подчасъ захочется такого, что и самый наиграмотнѣйшій человѣкъ не разберетъ; и пословица говоритъ: скачи, враже, якъ панъ каже.

— Да не врешь ли ты, панъ философъ?

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ пусть громомъ такъ и хлопнетъ, если лгу!

— Если бы только минуточкой долѣе прожила ты,—грустно сказалъ сотникъ, — то, вѣрно бы, я узналъ все. «Никому не давай читать по мнѣ, но пошли, тату, сей же часъ въ кіевскую семинарію и привези бурсака Хому Брута; пусть три ночи молится по грѣшной душѣ моей. Онъ знаетъ...» А что такое знаетъ, я уже не услышалъ: она, голубонька, только и могла сказать и умерла. Ты, добрый человѣкъ, вѣрно, извѣстенъ святою жизнію своею и богоугодными дѣлами, и она, можетъ-быть, наслышалась о тебѣ

— Кто? Я? — сказалъ бурсакъ, отступивши отъ изумленія. — Я — святой жизни?—произнесъ онъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза сотнику.—Богъ съ вами, панъ! Что вы это говорите? Да я,—хоть оно и непристойно сказать,—ходилъ къ булочницѣ противъ самаго Страстного четверга.

— Ну... Вѣрно, уже не даромъ такъ назначено. Ты долженъ съ сего же дня начать свое дѣло.

— Я бы сказалъ на это вашей милости... Оно, конечно, всякій человѣкъ, вразумленный святому писанію, можетъ по соразмѣрности... только сюда приличнѣе бы требовалось дьякона или, по крайней мѣрѣ, дьяка. Они — народъ толковый и знаютъ, какъ все это уже дѣлается; а я... Да у меня и голосъ не такой и самъ я—чортъ знаетъ что. Никакого виду съ меня нѣтъ.

— Ужъ какъ ты себѣ хочешь, только я все, что завѣщала мнѣ моя голубка, исполню, ничего не пожалѣя. И когда ты съ сего дня три ночи совершишь, какъ слѣдуетъ, надъ нею молитвы, то я награжу тебя; а не то — и самому чорту не совѣтую разсердить меня.

Послѣднія слова произнесены были сотникомъ такъ крѣпко, что философъ понялъ вполнѣ ихъ значеніе.

— Ступай за мною,—сказалъ сотникъ.

Они вышли въ сѣни. Сотникъ отворилъ дверь въ другую свѣтлицу, бывшую насупротивъ первой. Философъ остановился на минуту въ сѣняхъ высморкаться и съ какимъ-то безотчетнымъ страхомъ переступилъ черезъ порогъ.

Весь полъ былъ устланъ красною китайкой. Въ углу, подъ образами, на высокомъ столѣ лежало тѣло умершей, покрытое алымъ бархатомъ; золотыя кисти и бахрома висѣли до самаго пола. Высокія восковыя свѣчи, увитыя калиною, стояли въ ногахъ и въ головахъ, изливая свой мутный, терявшійся въ дневномъ сіяніи свѣтъ. Лицо умершей было заслонено отъ него неутѣшнымъ отцомъ, который сидѣлъ передъ нею, обратясь спиною къ дверямъ. Философа поразили слова, которыя онъ услышалъ

— Я не о томъ жалѣю, моя наимилѣйшая мнѣ дочь, что ты во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, не доживъ положеннаго вѣка, на печаль и горесть мнѣ оставила землю; я о томъ жалѣю, моя голубонька, что не знаю того, кто былъ, лютый врагъ мой, причиною твоей смерти. И если бы я зналъ, кто могъ подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказалъ что-нибудь непріятное о тебѣ, то, клянусь Богомъ, не увидѣлъ бы онъ больше своихъ дѣтей, если онъ такъ же старъ, какъ и я, ни своего отца и матери, если только онъ еще на порѣ лѣтъ, и тѣло его было бы выброшено на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ степнымъ! Но горе мнѣ, моя полевая нагидочка [1]), моя перепеличка, моя ясочка [2]), что проживу я остальной вѣкъ свой безъ потѣхи, утирая полою дробныя слезы, текущія изъ старыхъ очей моихъ, тогда какъ врагъ мой будетъ веселиться и втайнѣ посмѣиваться надъ хилымъ старцемъ.

---

[1]) „Нагидка, нагидочка—ноготокъ (растеніе)“. [2]) „Ясочка—свѣтикъ“

Онъ остановился, и причиною этого была разрывающая горесть, разрѣшившаяся цѣлымъ потокомъ слезъ.

Философъ былъ тронутъ такою безутѣшною печалію; онъ закашлялъ и издалъ глухое крехтаніе, желая очистить имъ свой голосъ.

Сотникъ оборотился и указалъ ему мѣсто въ головахъ умершей, передъ небольшимъ налоемъ, на которомъ лежали книги.

«Три ночи какъ-нибудь отработаю,—подумалъ философъ:—зато панъ набьетъ мнѣ оба кармана чистыми червонцами». Онъ приблизился и, еще разъ откашлявшись, принялся читать, не обращая никакого вниманія на сторону и не рѣшаясь взглянуть въ лицо умершей. Глубокая тишина воцарилась. Онъ замѣтилъ, что сотникъ вышелъ. Медленно поворотилъ онъ голову, чтобы взглянуть на умершую, и...

Трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ: передъ нимъ лежала красавица, какая когда-либо бывала на землѣ. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ. Она лежала, какъ живая: чело прекрасное, нѣжное, какъ снѣгъ, какъ серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечнаго дня, тонкія ровныя — горделиво приподнялись надъ закрытыми глазами, а рѣсницы, упавшія стрѣлами на щеки, пылавшія жаромъ тайныхъ желаній; уста—рубины, готовые усмѣхнуться смѣхомъ блаженства, потопомъ радости... Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что-то страшно-пронзительное. Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ-то болѣзненно ныть, какъ будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную. Рубины устъ ея, казалось, прикипали кровію къ самому сердцу. Вдругъ что-то страшно знакомое показалось въ лицѣ ея.

— Вѣдьма! — вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ, отвелъ глаза въ сторону, поблѣднѣлъ весь и сталъ читать свои молитвы. Это была та самая вѣдьма, которую убилъ онъ!

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли въ церковь. Философъ однимъ плечомъ своимъ поддерживалъ черный траурный гробъ и чувствовалъ на плечѣ своемъ что-то холодное какъ ледъ. Сотникъ самъ шелъ впереди, неся рукою правую сторону тѣснаго дома умершей. Церковь деревянная, почернѣвшая, убранная зеленымъ мохомъ съ тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Замѣтно было, что въ ней давно уже не отправлялось никакого служенія. Свѣчи были зажжены почти передъ каждымъ образомъ. Гробъ поставили посрединѣ, противъ самаго алтаря. Старый сотникъ поцѣловалъ еще разъ умершую, повернулся ницъ и вышелъ вмѣстѣ съ носильщиками вонъ, давъ повелѣніе хорошенько накормить философа и послѣ ужина проводить его въ церковь. Пришедши въ кухню, всѣ, несшіе гробъ, начали прикладывать руки къ печкѣ, что обыкновенно дѣлаютъ малороссіяне, увидѣвши мертвеца.

Голодъ, который въ это время началъ чувствовать философъ, заставилъ его на нѣсколько минутъ позабыть вовсе объ умершей. Скоро вся дворня мало-по-малу начала сходиться въ кухню. Кухня въ сотниковомъ домѣ была чѣмъ-то похожимъ на клубъ, куда стекалось все, что ни обитало во дворѣ, считая въ томъ числѣ и собакъ, приходившихъ съ машущими хвостами къ самымъ дверямъ за костями и помоями. Куда бы кто ни былъ посылаемъ и по какой бы то ни было надобности, онъ всегда прежде заходилъ на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавкѣ и выкурить люльку. Всѣ холостяки, жившіе въ домѣ, щеголявшіе въ казацкихъ свиткахъ, лежали здѣсь почти цѣлый день на лавкѣ, подъ лавкою, на печкѣ, — однимъ словомъ, гдѣ только

можно было сыскать удобное мѣсто для лежанья. Притомъ всякій вѣчно позабывалъ въ кухнѣ или шапку, или кнутъ отъ чужихъ собакъ, или что-нибудь подобное. Но самое многочисленное собраніе бывало во время ужина, когда приходилъ и табунщикъ, успѣвшій загнать своихъ лошадей въ загонъ, и погонщикъ, приводившій коровъ для дойки, и всѣ тѣ, которыхъ въ теченіе дня нельзя было увидѣть. За ужиномъ болтовня овладѣвала самыми неговорливыми языками. Тутъ обыкновенно говорилось обо всемъ: и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка. Тутъ было множество бонмотистовъ [1]), въ которыхъ между малороссіянами нѣтъ недостатка.

Философъ усѣлся вмѣстѣ съ другими въ обширный кружокъ на вольномъ воздухѣ передъ порогомъ кухни. Скоро баба въ красномъ очипкѣ высунулась изъ дверей, держа въ обѣихъ рукахъ горячій горшокъ съ галушками и поставила его посреди готовившихся ужинать. Каждый вынулъ изъ кармана своего деревянную ложку; иные, за неимѣніемъ, деревянную спичку. Какъ только уста стали двигаться немного медленнѣе, и волчій голодъ всего этого собранія немного утишился, многіе начали заговаривать. Разговоръ, натурально, долженъ былъ обратиться къ умершей.

— Правда ли, — сказалъ одинъ молодой овчаръ, который насадилъ на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговицъ и мѣдныхъ бляхъ, что былъ похожъ на лавку мелкой торговки: — правда ли, что панночка, не тѣмъ будь помянута, зналась съ нечистымъ?

— Кто? Панночка? — сказалъ Дорошъ, уже знакомый прежде нашему философу. — Да она была цѣлая вѣдьма! Я присягну, что вѣдьма!

— Полно, полно, Дорошъ, — сказалъ другой, который во время дороги изъявлялъ большую готовность утѣшать, — это не наше дѣло. Богъ съ нею! Нечего объ этомъ толковать.

Но Дорошъ вовсе не былъ расположенъ молчать; онъ только что передъ тѣмъ сходилъ въ погребъ вмѣстѣ съ ключникомъ по какому-то нужному дѣлу и, наклонившись раза два къ двумъ или тремъ бочкамъ, вышелъ оттуда чрезвычайно веселый и говорилъ безъ-умолку.

— Что ты хочешь? Чтобы я молчалъ? — сказалъ онъ. — Да она на мнѣ самомъ ѣздила! Ей Богу, ѣздила!

— А что, дядько, — сказалъ молодой овчаръ съ пуговицами, — можно ли узнать по какимъ-нибудь примѣтамъ вѣдьму?

— Нельзя, — отвѣчалъ Дорошъ: — никакъ не узнаешь; хоть всѣ псалтыри перечитай, то не узнаешь.

— Можно, можно, Дорошъ! Не говори этого, — произнесъ прежній утѣшитель: — уже Богъ не даромъ далъ всякому особый обычай: люди, знающіе науку, говорятъ, что у вѣдьмы есть маленькій хвостикъ.

— Когда стара баба, то и вѣдьма, — сказалъ хладнокровно сѣдой казакъ.

— О, ужъ хороши и вы!—подхватила баба, которая подливала въ то время свѣжихъ галушекъ въ очистившійся горшокъ:—настоящіе толстые кабаны!

Старый казакъ, котораго имя было Явтухъ, а прозваніе Ковтунъ, выразилъ на губахъ своихъ улыбку удовольствія, замѣтивъ, что слова его задѣли за живое старуху, а погонщикъ скотины пустилъ такой густой смѣхъ, какъ будто бы два быка, ставши одинъ противъ другого, замычали разомъ.

Начавшійся разговоръ возбудилъ непреодолимое желаніе и любопытство философа узнать обстоятельнѣе про умершую сотникову дочь, и потому, желая

---

[1]) Бонмотистъ — острякъ.

опять навести его на прежнюю матерію, обратился къ сосѣду своему съ такими словами:

— Я хотѣлъ спросить, почему все это сословіе, что сидитъ за ужиномъ, считаетъ панночку вѣдьмою? Что жъ, развѣ она кому-нибудь причинила зло или извела кого-нибудь?

— Было всякаго! — отвѣчалъ одинъ изъ сидѣвшихъ, съ лицомъ гладкимъ, чрезвычайно похожимъ на лопату.

— А кто не припомнитъ псаря Микиту или того...

— А что жъ такое псарь Микита? — сказалъ философъ.

— Стой! я разскажу про псаря Микиту, — сказалъ Дорошъ.

— Я разскажу про Микиту, — отвѣчалъ табунщикъ, — потому что онъ былъ мой кумъ.

— Я разскажу про Микиту, — сказалъ Спиридъ.

— Пускай, пускай Спиридъ разскажетъ! — закричала толпа.

Спиридъ началъ:

— Ты, панъ философъ Хома, не зналъ Микиты. Эхъ, какой рѣдкій былъ человѣкъ! Собаку каждую онъ, бывало, такъ знаетъ, какъ родного отца. Теперешній псарь Микола, что сидитъ третьимъ за мною, и въ подметки ему не годится. Хотя онъ тоже разумѣетъ свое дѣло, но онъ противъ него — дрянь, помои.

— Ты хорошо разсказываешь, хорошо, — сказалъ Дорошъ, одобрительно кивнувъ головою.

Спиридъ продолжалъ:

— Зайца увидитъ скорѣе, чѣмъ табакъ утрешь изъ носу. Бывало, свистнетъ: «А ну, Разбой! а ну, Быстрая!» а самъ на конѣ во всю прыть, — и уже разсказать нельзя, кто кого скорѣе обгонитъ: онъ ли собаку, или собака его. Сивухи кварту свистнетъ вдругъ, какъ не бывало. Славный былъ псарь! Только съ недавняго времени началъ онъ заглядываться безпрестанно на панночку. Вклепался ли онъ точно въ нее, или уже она такъ его околдовала, только пропалъ человѣкъ, обабился совсѣмъ; сдѣлался, чортъ знаетъ что, пфу! непристойно сказать.

— Хорошо, — сказалъ Дорошъ.

— Какъ только панночка, бывало, взглянетъ на него, то и повода изъ рукъ пускаетъ, Разбоя зоветъ Бровкомъ, спотыкается и нивѣсть что дѣлаетъ. Одинъ разъ панночка пришла на конюшню, гдѣ онъ чистилъ коня. «Дай, — говоритъ, — Микитка, я положу на тебя свою ножку». А онъ, дурень, и радъ тому; говоритъ, что «не только ножку, но и сама садись на меня». Панночка подняла свою ножку, и какъ увидѣлъ онъ ея нагую, полную и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, дурень, нагнулъ спину и, схвативши обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю, и куда они ѣздили, онъ ничего не могъ сказать; только воротился едва живой, и съ той поры изсохнулъ весь, какъ щепка. И когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча золы да пустое ведро; сгорѣлъ совсѣмъ, сгорѣлъ самъ собою. А такой былъ псарь, какого на всемъ свѣтѣ не можно найти!

Когда Спиридъ окончилъ разсказъ свой, со всѣхъ сторонъ пошли толки о достоинствахъ бывшаго псаря.

— А про Шепчиху ты не слышалъ? — сказалъ Дорошъ, обращаясь къ Хомѣ.

— Нѣтъ.

— Эге-ге-ге! Такъ у васъ, въ бурсѣ, видно, не слишкомъ большому разуму учатъ. Ну, слушай! У насъ есть на селѣ казакъ Шептунъ, — хорошій

казакъ! Онъ любитъ иногда украсть и соврать безъ всякой нужды, но... хорошій казакъ. Его хата не такъ далеко отсюда. Въ такую самую пору, какъ мы теперь сѣли вечерять, Шептунъ съ жинкою, окончивши вечерю, легли спать, и такъ какъ время было хорошее, то Шепчиха легла на дворѣ, а Шептунъ въ хатѣ, на лавкѣ; или нѣтъ — Шепчиха въ хатѣ на лавкѣ, а Шептунъ на дворѣ...

— И не на лавкѣ, а на полу легла Шепчиха, — подхватила баба, стоя у порога и подперши рукою щеку.

Дорошъ поглядѣлъ на нее, потомъ поглядѣлъ внизъ, потомъ опять на нее и, немного помолчавъ, сказалъ:

— Когда скину съ тебя при всѣхъ исподницу [1]), то нехорошо будетъ.

Это предостереженіе имѣло свое дѣйствіе. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила рѣчи.

Дорошъ продолжалъ:

— А въ люлькѣ, висѣвшей среди хаты, лежало годовое дитя, не знаю, мужескаго или женскаго пола. Шепчиха лежала, а потомъ слышитъ, что за дверью скребется собака и воетъ такъ, хоть изъ хаты бѣги. Она испугалась, ибо бабы такой глупый народъ, что высунь ей подъ вечеръ изъ-за дверей языкъ, то и душа уйдетъ въ пятки. Однакожъ думаетъ: «Дай-ка, я ударю по мордѣ проклятую собаку, авось-либо перестанетъ выть», и, взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успѣла она немного отворить, какъ собака кинулась промежъ ногъ ея — и прямо къ дѣтской люлькѣ. Шепчиха видитъ, что это уже не собака, а панночка; да притомъ пускай бы уже панночка въ такомъ видѣ, какъ она ее знала, — это бы еще ничего; но вотъ вещь и обстоятельство, что она была вся синяя, а глаза горѣли, какъ уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить изъ него кровь. Шепчиха только закричала: «Охъ, лишечко [2])!» да изъ хаты. Только видитъ, что въ сѣняхъ двери заперты; она — на чердакъ; сидитъ и дрожитъ глупая баба; а потомъ видитъ, что панночка къ ней идетъ и на чердакъ, кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептунъ поутру вытащилъ оттуда свою жинку, всю искусанную и посинѣвшую, а на другой день и умерла глупая баба. Такъ вотъ какія устройства и обольщенія бываютъ! Оно хоть и панскаго помету, да все, когда вѣдьма, то вѣдьма.

Послѣ такого разсказа Дорошъ самодовольно оглянулся и засунулъ палецъ въ свою трубку, приготовляя ее къ набивкѣ табакомъ. Матерія о вѣдьмѣ сдѣлалась неисчерпаемою. Каждый, въ свою очередь, спѣшилъ что-нибудь разсказать. Къ тому вѣдьма въ видѣ скирды сѣна пріѣхала къ самымъ дверямъ хаты; у другого украла шапку или трубку; у многихъ дѣвокъ на селѣ отрѣзала косу; у другихъ выпила по нѣсколько ведеръ крови.

Наконецъ вся компанія опомнилась и увидѣла, что заболталась уже черезчуръ, потому что уже на дворѣ была совершенная ночь. Всѣ начали разбродиться по ночлегамъ, находившимся или на кухнѣ, или въ сараяхъ, или среди двора.

— А ну, панъ Хома, теперь и намъ пора итти къ покойницѣ! — сказалъ сѣдой казакъ, обратившись къ философу, и всѣ четверо, въ томъ числѣ и Спиридъ и Дорошъ, отправились въ церковь, стегая кнутами собакъ, которыхъ на улицѣ было великое множество и которыя со злости грызли ихъ палки. Философъ, несмотря на то, что успѣлъ подкрѣпить себя доброю кружкою горѣлки, чувствовалъ втайнѣ подступавшую робость, по мѣрѣ того, какъ они

---

[1]) „Исподница—юбка“. [2]) „Лихо, лишечко – бѣда“.

приближались къ освѣщенной церкви. Разсказы и странныя исторіи, слышанные имъ, помогали еще болѣе дѣйствовать его воображенію. Мракъ подъ тыномъ и деревьями начиналъ рѣдѣть; мѣсто становилось обнаженнѣе. Они вступили, наконецъ, за ветхую церковную ограду въ небольшой дворикъ, за которымъ не было ни деревца, и открывалось одно пустое поле да поглощенные ночнымъ мракомъ луга. Три казака взошли вмѣстѣ съ Хомою по крутой лѣстницѣ на крыльцо и вступили въ церковь. Здѣсь они оставили философа, пожелавъ ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за нимъ дверь, по приказанію пана.

Философъ остался одинъ. Сначала онъ зѣвнулъ, потомъ потянулся, потомъ фукнулъ въ обѣ руки и, наконецъ, уже осмотрѣлся. Посреди стоялъ черный гробъ; свѣчи теплились предъ темными образами. Свѣтъ отъ нихъ освѣщалъ только иконостасъ и слегка середину церкви; отдаленные углы притвора были закутаны мракомъ. Высокій старинный иконостасъ уже показывалъ глубокую ветхость; сквозная рѣзьба его, покрытая золотомъ, еще блестѣла однѣми только искрами: позолота въ одномъ мѣстѣ опала, въ другомъ вовсе почернѣла; лики святыхъ, совершенно потемнѣвшіе, глядѣли какъ-то мрачно. Философъ еще разъ осмотрѣлся.

— Что жъ? — сказалъ онъ: — чего тутъ бояться? Человѣкъ прійти сюда не можетъ, а отъ мертвецовъ и выходцевъ съ того свѣта есть у меня молитвы такія, что какъ прочитаю, то они меня и пальцемъ не тронутъ. Ничего! — повторилъ онъ, махнувъ рукою. — Будемъ читать. — Подходя къ клиросу, увидѣлъ онъ нѣсколько связокъ свѣчей. — «Это хорошо, — подумалъ философъ, — нужно освѣтить всю церковь такъ, чтобы видно было какъ днемъ. Эхъ, жаль, что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!»

И онъ принялся прилѣплять восковыя свѣчи ко всѣмъ карнизамъ, налоямъ и образамъ, не жалѣя ихъ нимало, и скоро вся церковь наполнилась свѣтомъ. Вверху только мракъ сдѣлался какъ будто сильнѣе, и мрачные образа глядѣли угрюмѣй изъ старинныхъ рѣзныхъ рамъ, кое-гдѣ сверкавшихъ позолотой. Онъ подошелъ ко гробу, съ робостію посмотрѣлъ въ лицо умершей — и не могъ не зажмурить, нѣсколько вздрогнувши, своихъ глазъ: такая страшная, сверкающая красота! Онъ отворотился и хотѣлъ отойти; но, по странному любопытству, по странному поперечивающему себѣ чувству, не оставляющему человѣка, особенно во время страха, онъ не утерпѣлъ, уходя, не взглянуть на нее и потомъ, ощутивши тотъ же трепетъ, взглянулъ еще разъ. Въ самомъ дѣлѣ рѣзкая красота усопшей казалась страшною. Можетъ-быть, даже она не поразила бы такимъ паническимъ ужасомъ, если бы была нѣсколько безобразнѣе. Но въ ея чертахъ ничего не было тусклаго, мутнаго, умершаго, оно было живо, и философу казалось, какъ будто бы она глядитъ на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, какъ будто изъ-подъ рѣсницы праваго глаза ея покатилась слеза, и когда она остановилась на щекѣ, то онъ различилъ ясно, что это была капля крови.

Онъ поспѣшно отошелъ къ клиросу, развернулъ книгу и, чтобы болѣе ободрить себя, началъ читать самымъ громкимъ голосомъ. Голосъ его поразилъ церковныя деревянныя стѣны, давно молчаливыя и оглохлыя; одиноко, безъ эха, сыпался онъ густымъ басомъ въ совершенно мертвой тишинѣ и казался нѣсколько дикимъ даже самому чтецу. «Чего бояться? — думалъ онъ между тѣмъ самъ про себя. — Вѣдь она не встанетъ изъ своего гроба, потому что побоится Божьяго слова. Пусть лежитъ! Да и что я за казакъ, когда бы устрашился? Ну, выпилъ лишнее, оттого и показывается страшно. А понюхать табаку. Эхъ, добрый табакъ! Славный табакъ! Хорошій табакъ!» Однакоже, пе-

релистывая каждую страницу, онъ посматривалъ искоса на гробъ, и невольное чувство, казалось, шептало ему: «Вотъ-вотъ встанетъ! Вотъ поднимется, вотъ выглянетъ изъ гроба!»

Но тишина была мертвая; гробъ стоялъ неподвижно; свѣчи лили цѣлый потокъ свѣта. Страшна освѣщенная церковь ночью съ мертвымъ тѣломъ и безъ души людей!

Возвыся голосъ, онъ началъ пѣть на разные голоса, желая заглушить остатки боязни, но чрезъ каждую минуту обращалъ глаза свои на гробъ, какъ будто бы задавая невольный вопросъ: «Что, если подымется, если встанетъ она?»

Но гробъ не шелохнулся. Хоть бы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь живое существо, даже сверчокъ отозвался въ углу! Чуть только слышался легкій трескъ какой-нибудь отдаленной свѣчки, или слабый, слегка хлопнувшій звукъ восковой капли, падавшей на полъ.

— Ну, если подымется?

Она приподняла голову...

Онъ дико взглянулъ и протеръ глаза. Но она, точно, уже не лежитъ, а сидитъ въ своемъ гробѣ. Онъ отвелъ глаза свои и опять съ ужасомъ обратилъ ихъ на гробъ. Она встала... идетъ по церкви съ закрытыми глазами, безпрестанно расправляя руки, какъ бы желая поймать кого-нибудь.

Она идетъ прямо къ нему. Въ страхѣ очертилъ онъ около себя кругъ; съ усиліемъ началъ читать молитвы и произносить заклинанія, которымъ научилъ его одинъ монахъ, видѣвшій всю жизнь свою вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ.

Она стала почти на самой чертѣ; но видно было, что не имѣла силъ переступить ее, и вся посинѣла, какъ человѣкъ, уже нѣсколько дней умершій. Хома не имѣлъ духа взглянуть на нее: она была страшна. Она ударила зубами въ зубы и открыла мертвые глаза свои; но, не видя ничего, съ бѣшенствомъ, — что выразило ея задрожавшее лицо, — обратилась въ другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столбъ и уголъ, стараясь поймать Хому. Наконецъ остановилась, погрозивъ пальцемъ, и легла въ свой гробъ.

Философъ все еще не могъ прійти въ себя и со страхомъ поглядывалъ на это тѣсное жилище вѣдьмы. Наконецъ гробъ вдругъ сорвался съ своего мѣста и со свистомъ началъ летать по всей церкви, крестя во всѣхъ направленіяхъ воздухъ. Философъ видѣлъ его почти надъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что онъ не могъ зацѣпить круга, имъ начерченнаго, и усилилъ свои заклинанія. Гробъ грянулся на серединѣ церкви и остался неподвижнымъ. Трупъ опять поднялся изъ него, синій, позеленѣвшій... Но въ то время послышался отдаленный крикъ пѣтуха; трупъ опустился въ гробъ и захлопнулся гробовою крышкою.

Сердце у философа билось, и потъ катился градомъ; но, ободренный пѣтушьимъ крикомъ, онъ дочитывалъ быстрѣе листы, которые долженъ былъ прочесть прежде. При первой зарѣ пришли смѣнить его дьячокъ и сѣдой Явтухъ, который на тотъ разъ отправлялъ должность церковнаго старосты.

Пришедши на отдаленный ночлегъ, философъ долго не могъ заснуть; но усталость одолѣла, и онъ проспалъ до обѣда. Когда онъ проснулся, все ночное событіе казалось ему происходившимъ во снѣ. Ему дали для подкрѣпленія силъ кварту горѣлки. За обѣдомъ онъ скоро развязался, присовокупилъ кое къ чему замѣчаніе и съѣлъ почти одинъ довольно большого поросенка; но однакоже, о своемъ событіи въ церкви онъ не рѣшался говорить по какому-то безотчетному для него самого чувству, и на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ:

— Да, были всякія чудеса.

Философъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ если накормятъ, то у нихъ пробуждается необыкновенная филантропія [1]). Онъ, лежа съ своей трубкой въ зубахъ, глядѣлъ на всѣхъ необыкновенно сладкими глазами и безпрерывно поплевывалъ въ сторону.

Послѣ обѣда философъ былъ совершенно въ духѣ. Онъ успѣлъ обходить все селеніе, перезнакомиться почти со всѣми; изъ двухъ хатъ его даже выгнали; одна смазливая молодка хватила его порядочно лопатой по спинѣ, когда онъ вздумалъ было пощупать и полюбопытствовать, изъ какой матеріи у нея была сорочка и плахта. Но чѣмъ болѣе время близилось къ вечеру, тѣмъ задумчивѣе становился философъ. За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу, или въ кругли, родъ кеглей, гдѣ, вмѣсто шаровъ, употребляются длинныя палки, и выигравшій имѣетъ право проѣзжаться на другомъ верхомъ. Эта игра становилась очень интересною для зрителей: часто погонщикъ, широкій, какъ блинъ, взлѣзалъ верхомъ на свиного пастуха, тщедушнаго, низенькаго, всего состоявшаго изъ морщинъ. Въ другой разъ погонщикъ подставлялъ свою спину, и Дорошъ, вскочивши на нее, всегда говорилъ:

— Экій здоровый быкъ!

У порога кухни сидѣли тѣ, которые были посолиднѣе. Они глядѣли чрезвычайно серьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежь отъ души смѣялась какому-нибудь острому слову погонщика или Спирида. Хома напрасно старался вмѣшаться въ эту игру: какая-то темная мысль, какъ гвоздь, сидѣла въ его головѣ. За вечерей, сколько ни старался онъ развеселить себя, но страхъ загорался въ немъ вмѣстѣ съ тьмою, распростиравшеюся по небу.

— А ну, пора намъ, панъ бурсакъ, — сказалъ ему знакомый сѣдой казакъ, подымаясь съ мѣста вмѣстѣ съ Дорошемъ: — пойдемъ на работу.

Хому опять такимъ же самымъ образомъ отвели въ церковь; опять оставили его одного и заперли за нимъ дверь. Какъ только онъ остался одинъ, робость начала внѣдряться снова въ его грудь. Онъ опять увидѣлъ темные образа, блестящія рамы и знакомый черный гробъ, стоявшій въ угрожающей тишинѣ и неподвижности среди церкви.

— Что жъ? — произнесъ онъ: — теперь вѣдь мнѣ не въ диковинку это диво. Оно съ перваго раза только страшно. Да, оно только съ перваго раза немного страшно, а тамъ оно уже и не страшно; оно уже совсѣмъ не страшно.

Онъ поспѣшно сталъ на клиросъ, очертилъ около себя кругъ, произнесъ нѣсколько заклинаній и началъ читать громко, рѣшась не подымать съ книги своихъ глазъ и не обращать вниманія ни на что. Уже около часа читалъ онъ и начиналъ нѣсколько уставать и покашливать; онъ вынулъ изъ кармана рожокъ и, прежде, нежели поднесъ табакъ къ носу, робко повелъ глазами на гробъ. На сердцѣ у него захолонуло: трупъ уже стоялъ передъ нимъ на самой чертѣ и вперилъ на него мертвые, позеленѣвшіе глаза. Бурсакъ содрогнулся, и холодъ чувствительно пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Потупивъ очи въ книгу, сталъ онъ читать громче свои молитвы и заклятья и слышалъ, какъ трупъ опять ударилъ зубами и замахалъ руками, желая схватить его. Но, покосивши слегка однимъ глазомъ, увидѣлъ онъ, что трупъ не тамъ ловилъ его, гдѣ стоялъ онъ, и, какъ видно, не могъ видѣть его. Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшныя слова; хрипло всхлипывали они, какъ клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не могъ бы сказать онъ, но что-то страшное въ нихъ заключалось. Философъ въ страхѣ понялъ, что она творила заклинанія.

---

1) Человѣколюбіе.

Вѣтеръ пошелъ по церкви отъ словъ, и послышался шумъ, какъ бы отъ множества летящихъ крылъ. Онъ слышалъ, какъ бились крыльями въ стекла церковныхъ оконъ и въ желѣзныя рамы, какъ царапали съ визгомъ когтями по желѣзу, и какъ несмѣтная сила громила въ двери и хотѣла вломиться. Сильно у него билось во все время сердце; зажмуривъ глаза, все читалъ онъ заклятья и молитвы. Наконецъ вдругъ что-то засвистало вдали: это былъ отдаленный крикъ пѣтуха. Изнуренный философъ остановился и отдохнулъ духомъ.

Вошедшіе смѣнить философа нашли его едва жива; онъ оперся спиною объ стѣну и, выпуча глаза, глядѣлъ неподвижно на пришедшихъ казаковъ. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панскій дворъ, онъ встряхнулся и велѣлъ себѣ подать кварту горѣлки. Выпивши ее, онъ пригладилъ на головѣ своей волосы и сказалъ:

— Много на свѣтѣ всякой дряни водится! А страхи такіе случаются, пу!..—При этомъ философъ махнулъ рукою.

Собравшіеся вокругъ его потупили головы, услышавъ такія слова. Даже небольшой мальчишка, котораго вся дворня почитала въ правѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшню или таскать воду, — даже этотъ бѣдный мальчишка тоже разинулъ ротъ.

Въ это время проходила мимо еще не совсѣмъ пожилая бабенка, въ плотно обтянутой запаскѣ [1]), выказывавшей ея круглый и крѣпкій станъ, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда находила что-нибудь пришпилить къ своему очипку: или кусокъ ленточки или гвоздичку, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другого.

— Здравствуй, Хома! — сказала она, увидѣвъ философа. — Ай, ай, ай! что это съ тобою?—вскрикнула она, всплеснувъ руками.

— Какъ что, глупая баба?

— Ахъ, Боже мой! да ты весь посѣдѣлъ!

— Эге, ге! да она правду говоритъ! — произнесъ Спиридъ, всматриваясь въ него пристально. — Ты, точно, посѣдѣлъ, какъ нашъ старый Явтухъ!

Философъ, услышавши это, побѣжалъ опрометью въ кухню, гдѣ онъ замѣтилъ прилѣпленный къ стѣнѣ обпачканный мухами треугольный кусокъ зеркала, передъ которымъ были натыканы незабудки, барвинки и даже гирлянда изъ нагидокъ, показывавшія назначеніе его для туалета щеголеватой кокетки. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ истину ихъ словъ: половина волосъ его, точно, побѣлѣла.

Повѣсилъ голову Хома Брутъ и предался размышленію.

— Пойду къ пану, — сказалъ онъ, наконецъ,—разскажу ему все и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляетъ меня сей же часъ въ Кіевъ.

Въ такихъ мысляхъ направилъ онъ путь свой къ крыльцу панскаго дома.

Сотникъ сидѣлъ почти неподвиженъ въ своей свѣтлицѣ. Та же самая безнадежная печаль, какую онъ встрѣтилъ прежде на его лицѣ, сохранилась въ немъ и донынѣ. Только щеки его опали гораздо болѣе прежняго. Замѣтно было, что онъ очень мало употреблялъ пищи или, можетъ-быть, даже вовсе не касался ея. Необыкновенная блѣдность придавала ему какую-то каменную неподвижность.

— Здравствуй, небоже [2]),—произнесъ онъ, увидѣвъ Хому, остановившагося съ шапкою въ рукахъ у дверей.—Что, какъ идетъ у тебя? Все благополучно?

---

[1]) Запаска—родъ женской юбки изъ двухъ полотнищъ. [2]) Небога — бѣднякъ, а также дальній родственникъ.

— Благополучно-то, благополучно; такая чертовщина водится, что прямо бери шапку да и улепетывай, куда ноги несутъ.

— Какъ такъ?

— Да ваша, панъ, дочка... по здравому разсужденію, она, конечно, есть панскаго роду, въ томъ никто не станетъ прекословить; только, не во гнѣвъ будь сказано, — упокой Богъ ея душу...

— Что же дочка?

— Припустила къ себѣ сатану. Такіе страхи задаетъ, что никакое писаніе не учитывается.

— Читай, читай! Она не даромъ призвала тебя: она заботилась, голубонька моя, о душѣ своей и хотѣла молитвами изгнать всякое дурное помышленіе.

— Власть ваша, панъ: ей Богу невмоготу!

— Читай, читай! — продолжалъ тѣмъ же увѣщательнымъ голосомъ сотникъ. — Тебѣ одна ночь теперь осталась; ты сдѣлаешь христіанское дѣло, и я награжу тебя.

— Да какія бы ни были награды... Какъ ты себѣ хочь, панъ, а я не буду читать! — произнесъ Хома рѣшительно.

— Слушай, философъ! — сказалъ сотникъ, и голосъ его сдѣлался крѣпокъ и грозенъ: — я не люблю этихъ выдумокъ. Ты можешь это дѣлать въ своей бурсѣ, а у меня не такъ: я уже какъ отдеру, такъ не то, что ректоръ. Знаешь ли ты, что такое хорошіе кожаные канчуки?

— Какъ не знать! — сказалъ философъ, понизивъ голосъ. — Всякому извѣстно, что такое кожаные канчуки; при большомъ количествѣ — вещь нестерпимая.

— Да. Только ты не знаешь еще, какъ хлопцы мои умѣютъ парить! — сказалъ сотникъ грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирѣпое выраженіе, обнаружившее весь необузданный его характеръ, усыпленный только на время горестью. — У меня прежде выпарятъ, потомъ вспрыснутъ горѣлкою, а послѣ опять... Ступай, ступай, исправляй свое дѣло! Не исправишь — не встанешь, а исправишь — тысяча червонныхъ!

«Ого, го! да это хватъ! — подумалъ философъ, выходя. — Съ этимъ нечего шутить. Стой, стой, пріятель: я такъ навострю лыжи, что ты съ своими собаками не угонишься за мною».

И Хома положилъ непремѣнно бѣжать. Онъ выжидалъ только послѣобѣденнаго часа, когда вся дворня имѣла обыкновеніе забираться въ сѣно подъ сараями и, открывши ротъ, испускать такой храпъ и свистъ, что панское подворье дѣлалось похожимъ на фабрику.

Это время, наконецъ, настало. Даже и Явтухъ зажмурилъ глаза, растянувшись передъ солнцемъ. Философъ со страхомъ и дрожью отправился потихоньку въ панскій садъ, откуда, ему казалось, удобнѣе и незамѣтнѣе было бѣжать въ поле. Этотъ садъ по обыкновенію былъ страшно запущенъ и, стало-быть, чрезвычайно способствовалъ всякому тайному предпріятію. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, все прочее было скрыто густо разросшимися вишнями, бузиною, лопухомъ, выдвинувшимъ на самый верхъ свои цѣпкія розовыя шишки. Хмель покрывалъ какъ будто сѣтью вершину всего этого пестраго собранія деревъ и кустарниковъ и составлялъ надъ ними крышу, напяливщуюся на плетень и спадавшую съ него вьющимися змѣями, вмѣстѣ съ дикими полевыми колокольчиками. За плетнемъ, служившимъ границею сада, шелъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ который, казалось, никто не любопытствовалъ заглядывать, и коса разлетѣлась бы вдребезги,

если бы захотѣла коснуться лезвеемъ своимъ одеревянѣвшихъ толстыхъ стеблей его.

Когда философъ хотѣлъ перешагнуть черезъ плетень, зубы его стучали, и сердце такъ сильно билось, что онъ самъ испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипала къ землѣ, какъ будто ее кто приколотилъ гвоздемъ. Когда онъ переступалъ плетень, ему, казалось, съ оглушительнымъ свистомъ трещалъ въ уши какой-то голосъ: «Куда, куда?» Философъ юркнулъ въ бурьянъ и пустился бѣжать, безпрестанно спотыкаясь о старые корни и давя ногами кротовъ. Онъ видѣлъ, что ему, выбравшись изъ бурьяна, стоило перебѣжать поле, за которымъ чернѣлъ густой терновникъ, гдѣ онъ считалъ себя безопаснымъ, и, пройдя который, онъ, по предположенію своему, думалъ встрѣтить дорогу прямо въ Кіевъ. Поле онъ перебѣжалъ вдругъ и очутился въ густомъ терновникѣ. Сквозь терновникъ онъ пролѣзъ, оставивъ, вмѣсто пошлины, куски своего сюртука на каждомъ остромъ шипѣ, и очутился на небольшой лощинѣ. Верба раздѣлившимися вѣтвями преклонялась индѣ почти до самой земли. Небольшой источникъ сверкалъ, чистый, какъ серебро. Первое дѣло философа было прилечь и напиться, потому что онъ чувствовалъ жажду нестерпимую.

— Добрая вода!—сказалъ онъ, утирая губы.—Тутъ бы можно отдохнуть!

— Нѣтъ, лучше побѣжимъ впередъ: неравно будетъ погоня!

Эти слова раздались у него надъ ушами. Онъ оглянулся — передъ нимъ стоялъ Явтух

«Чортовъ Явтухъ! — подумалъ всердцахъ про себя философъ: — я бы взялъ тебя да за ноги... И мерзкую рожу твою и все, что ни есть на тебѣ, побилъ бы дубовымъ бревномъ».

— Напрасно далъ ты такой крюкъ, — продолжалъ Явтухъ: — гораздо лучше было выбрать ту дорогу, по какой шелъ я: прямо мимо конюшни. Да притомъ и сюртука жалъ. А сукно хорошее. Почемъ платилъ за аршинъ? Однакожъ погуляли довольно: пора и домой.

Философъ, почесываясь, побрелъ за Явтухомъ.

«Теперь проклятая вѣдьма задастъ мнѣ пфейферу! — подумалъ онъ. — Да, впрочемъ, что я въ самомъ дѣлѣ? Чего боюсь? Развѣ я не казакъ? Вѣдь читалъ же двѣ ночи, поможетъ Богъ и третью. Видно, проклятая вѣдьма порядочно грѣховъ надѣлала, что нечистая сила такъ за нее стоитъ»

Такія размышленія занимали его, когда онъ вступалъ на панскій дворъ. Ободривши себя такими замѣчаніями, онъ упросилъ Дороша, который посредствомъ протекціи ключника имѣлъ иногда входъ въ панскіе погреба, вытащить сулею сивухи, и оба пріятеля, сѣвши подъ сараемъ, вытянули немного не полведра, такъ что философъ, вдругъ поднявшись на ноги, закричалъ: «Музыкантовъ! непремѣнно музыкантовъ!» и, не дождавшись музыкантовъ, пустился среди двора на расчищенномъ мѣстѣ отплясывать трепака. Онъ танцовалъ до тѣхъ поръ, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, какъ водится въ такихъ случаяхъ, въ кружокъ, наконецъ, плюнула и пошла прочь, сказавши: «Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!» Наконецъ философъ тутъ же легъ спать, и добрый ушатъ холодной воды могъ только пробудить его къ ужину. За ужиномъ онъ говорилъ о томъ, что такое казакъ и что онъ не долженъ бояться ничего на свѣтѣ.

— Пора, — сказалъ Явтухъ, — пойдемъ!

«Спичка тебѣ въ языкъ, проклятый кнуръ[1])!» подумалъ философъ и, вставъ на ноги, сказалъ:

---

[1]) „Кнуръ — боровъ“.

— Пойдемъ!

Идя дорогою, философъ безпрестанно поглядывалъ по сторонамъ и слегка заговаривалъ со своими провожатыми. Но Явтухъ молчалъ; самъ Дорошъ былъ неразговорчивъ. Ночь была адская. Волки выли вдали цѣлою стаей, и самый лай собачій былъ какъ-то страшенъ.

— Кажется, какъ будто что-то другое вотъ: это не волкъ, — сказалъ Дорошъ. Явтухъ молчалъ. Философъ не нашелся сказать ничего.

Они приблизились къ церкви и вступили подъ ея ветхіе деревянные своды, показывавшіе, какъ мало заботился владѣтель помѣстья о Богѣ и о душѣ своей. Явтухъ и Дорошъ попрежнему удалились, и философъ остался одинъ.

Все было такъ же, все было въ томъ же самомъ грозно-знакомомъ видѣ. Онъ на минуту остановился. Посрединѣ все такъ же неподвижно стоялъ гробъ ужасной вѣдьмы.

— Не побоюсь, ей Богу, не побоюсь! — сказалъ онъ и, очертивши попрежнему около себя кругъ, началъ припоминать всѣ свои заклинанія. Тишина была страшная; свѣчи трепетали и обливали свѣтомъ всю церковь. Философъ перевернулъ одинъ листъ, потомъ перевернулъ другой и замѣтилъ, что онъ читаетъ совсѣмъ не то, что писано въ книгѣ. Со страхомъ перекрестился онъ и началъ пѣть. Это нѣсколько ободрило его; чтеніе пошло впередъ, и листы мелькали одинъ за другимъ.

Вдругъ... среди тишины... съ трескомъ лопнула желѣзная крышка гроба, и поднялся мертвецъ. Еще страшнѣе былъ онъ, чѣмъ въ первый разъ. Зубы его страшно ударялись рядъ о рядъ, въ судорогахъ задергались его губы и, дико взвизгивая, понеслись заклинанія. Вихорь поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетѣли сверху внизъ разбитыя стекла окошекъ. Двери сорвались съ петлей, и несмѣтная сила чудовищъ влетѣла въ Божью церковь. Страшный шумъ отъ крылъ и отъ царапанья когтей наполнилъ всю церковь. Все летѣло и носилось, ища повсюду философа.

У Хомы вышелъ изъ головы послѣдній остатокъ хмеля. Онъ только крестился да читалъ, какъ попало, молитвы. И въ то же время слышалъ, какъ нечистая сила металась вокругъ его, чуть не зацѣпляя его концами крылъ и отвратительныхъ хвостовъ. Не имѣлъ духу разглядѣть онъ ихъ; видѣлъ только, какъ во всю стѣну стояло какое-то огромное чудовище въ своихъ перепутанныхъ волосахъ, какъ въ лѣсу; сквозь сѣть волосъ глядѣли страшно два глаза, поднявъ немного вверхъ брови. Надъ нимъ держалось въ воздухѣ что-то въ видѣ огромнаго пузыря, съ тысячью протянутыхъ изъ середины клещей и скорпіонныхъ жалъ; черная земля висѣла на нихъ клоками. Всѣ глядѣли на него, искали и не могли увидѣть его, окруженнаго таинственнымъ кругомъ. «Приведите Вія! Ступайте за Віемъ!» раздались слова мертвеца.

И вдругъ настала тишина въ церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и вскорѣ раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви. Взглянувъ искоса, увидѣлъ онъ, что ведутъ какого-то приземистаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь былъ онъ въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни выдавались его засыпанныя землею ноги и руки. Тяжело ступалъ онъ, помянутно оступаясь. Длинныя вѣки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома, что лицо было на немъ желѣзное. Его привели подъ руки и прямо поставили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Хома.

— Подымите мнѣ вѣки: не вижу! — сказалъ подземнымъ голосомъ Вій, — и все сонмище кинулось подымать ему вѣки.

— Не гляди! — шепнулъ какой-то внутренній голосъ философу. Не вытерпѣлъ онъ, и глянулъ.

— Вотъ онъ!—закричалъ Вій и уставилъ на него желѣзный палецъ. И всѣ, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся онъ на землю, и тутъ же вылетѣлъ духъ изъ него отъ страха.

— Вотъ онъ! — закричалъ Вій, и уставилъ на него желѣзный палецъ. И всѣ, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся онъ на землю, и тутъ же вылетѣлъ духъ изъ него отъ страха.

Раздался пѣтушій крикъ. Это былъ уже второй крикъ: первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто какъ попало, въ окна и двери, чтобы поскорѣе вылетѣть; но не тутъ-то было: такъ и остались они тамъ, завязнувши въ дверяхъ и окнахъ.

Вошедшій священникъ остановился при видѣ такого посрамленья Божьей святыни и не посмѣлъ служить панихиду въ такомъ мѣстѣ. Такъ навѣки и осталась церковь съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами, обросла лѣсомъ, корнями, бурьяномъ, дикимъ терновникомъ, и никто не найдетъ теперь къ ней дороги.

Когда слухи объ этомъ дошли до Кіева, и богословъ Халява услышалъ, наконецъ, о такой участи философа Хомы, то предался цѣлый часъ раздумью. Съ нимъ въ продолженіе того времени произошли большія перемѣны. Счастіе ему улыбнулось. по окончаніи курса наукъ его сдѣлали звонаремъ самой высокой колокольни, и онъ всегда почти являлся съ разбитымъ носомъ, потому что деревянная лѣстница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сдѣлана.

– Ты слышалъ, что случилось съ Хомою? — сказалъ, подошедши къ нему, Тиберій Горобець, который въ то время былъ уже философъ и носилъ свѣжіе усы.

— Такъ ему Богъ далъ, — сказалъ звонарь Халява. — Пойдемъ въ шинокъ да помянемъ его душу!

Молодой философъ, который съ жаромъ энтузіаста началъ пользоваться своими правами, такъ что на немъ и шаровары, и сюртукъ, и даже шапка отзывались спиртомъ и табачными корешками, въ ту же минуту изъявилъ готовность.

— Славный былъ человѣкъ Хома! — сказалъ звонарь, когда хромой шинкарь поставилъ передъ нимъ третью кружку. — Знатный былъ человѣкъ! А пропалъ ни за что!

— А я знаю, почему пропалъ онъ: оттого, что побоялся. А если бы не боялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвостъ ей, то и ничего не будетъ. Я знаю уже все это. Вѣдь у насъ, въ Кіевѣ, всѣ бабы, которыя сидятъ на базарѣ, всѣ — вѣдьмы.

На это звонарь кивнулъ головою въ знакъ согласія. Но, замѣтивши, что языкъ его не могъ произнести ни одного слова, онъ осторожно всталъ изъ-за стола и, пошатываясь на обѣ стороны, пошелъ спрятаться въ самое отдаленное мѣсто въ бурьянѣ, при чемъ не позабылъ, по прежней привычкѣ своей, утащить старую подошву отъ сапога, валявшуюся въ лавкѣ.

ПОВѢСТЬ

о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.

ГЛАВА I.

Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.

Славная бекеша[1]) у Ивана Ивановича! отличнѣйшая! А какія смушки! Фу, ты пропасть, какія смушки! Сизыя съ морозомъ! Я ставлю Богъ знаетъ что, если у кого-либо найдутся такія! Взгляните, ради Бога на нихъ,—особенно, если онъ станетъ съ кѣмъ-нибудь говорить,—взгляните съ боку: что это за объяденіе! Описать нельзя: бархатъ! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай чудотворецъ, угодникъ Божій! Отчего же это у меня нѣтъ такой бекеши! Онъ сшилъ ее тогда еще, когда Агаѳья Ѳедосеевна не ѣздила въ Кіевъ. Вы знаете Агаѳью Ѳедосеевну? Та самая, что откусила ухо у засѣдателя.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокругъ него со всѣхъ сторонъ навѣсъ на дубовыхъ столбахъ; подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, скинетъ съ себя и бекешу и исподнее, самъ останется въ одной рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ и глядитъ, что дѣлается во дворѣ и на улицѣ. Какія у него яблони и груши подъ самыми окнами! Отворите только окно,—такъ вѣтви и врываются въ комнату. Это все передъ домомъ; а посмотрѣли бы, что у него въ саду! Чего тамъ нѣтъ! Сливы, вишни, черешни, огородина всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни; это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни, и уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начнетъ кушать. Потомъ велитъ

[1]) Бекеша—короткое пальто на мѣху.

Гапкѣ принести чернильницу и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: «Сія дыня съѣдена такого-то числа». Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то: «участвовалъ такой-то»

Покойный судья миргородскій всегда любовался, глядя на домъ Ивана Ивановича. Да, домишко очень недуренъ. Мнѣ нравится, что къ нему со всѣхъ сторонъ пристроены сѣни и сѣнички, такъ что, если взглянуть на него издали, то видны одинѣ только крыши, посаженныя одна на другую, что весьма походитъ на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше на губки, наросшія на деревѣ. Впрочемъ, крыши всѣ крыты очеретомъ [1]); ива, дубъ и двѣ яблони облокотились на нихъ своими раскидистыми вѣтвями. Промежъ деревъ мелькаютъ и выбѣгаютъ даже на улицу небольшія окошки съ рѣзными выбѣленными ставнями.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Его знаетъ и комиссаръ полтавскій Дорошъ Тарасовичъ Пухивочка, когда ѣдетъ изъ Хорола, то всегда заѣзжаетъ къ нему. А протопопъ, отецъ Петръ, что живетъ въ Колибердѣ, когда соберется у него человѣкъ пятокъ гостей, всегда говоритъ, что онъ никого не знаетъ, кто бы такъ исполнялъ долгъ христіанскій и умѣлъ жить, какъ Иванъ Ивановичъ.

Боже, какъ летитъ время! Уже тогда прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ овдовѣлъ. Дѣтей у него не было. У Гапки есть дѣти и бѣгаютъ часто по двору. Иванъ Ивановичъ всегда даетъ каждому изъ нихъ или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носитъ ключи отъ коморъ и погребовъ; отъ большого же сундука, что стоитъ въ его спальнѣ, и отъ средней коморы ключъ Иванъ Ивановичъ держитъ у себя и не любитъ никого туда пускать. Гапка—дѣвка здоровая, ходитъ въ запаскѣ, съ свѣжими икрами и щеками.

А какой богомольный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день надѣваетъ онъ бекешу и идетъ въ церковь. Вошедши въ нее, Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не утерпитъ, чтобы не обойти всѣхъ нищихъ. Онъ бы, можетъ-быть, и не хотѣлъ заняться такимъ скучнымъ дѣломъ, если бы не побуждала его къ тому природная доброта.

— Здорово, небого [2])!—обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую искалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ платьѣ.—Откуда ты, бѣдная?

— Я, паночку, изъ хутора пришла, третій день, какъ не пила, не ѣла; выгнали меня собственныя дѣти.

— Бѣдная головушка! чего жъ ты пришла сюда?

— А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ ли кто-нибудь хоть на хлѣбъ.

— Гмъ! что жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба? — обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ.

— Какъ не хотѣть! Голодна, какъ собака.

— Гмъ!—отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ.—Такъ тебѣ, можетъ, и мяса хочется?

— Да все, что милость ваша дастъ, всѣмъ буду довольна.

— Гмъ! развѣ мясо лучше хлѣба?

— Гдѣ ужъ голодному разбирать! Все, что пожалуете, все хорошо.

При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку.

— Ну, ступай же съ Богомъ,—говорилъ Иванъ Ивановичъ.—Чего жъ ты стоишь! Вѣдь я тебя не бью.

---

[1]) „Очеретъ—тростникъ“. [2]) Небога—бѣдная.

И, обратившись съ такими разспросами къ другому и третьему, наконецъ, возвращается домой или заходитъ выпить рюмку водки къ сосѣду Ивану Никифоровичу или къ судьѣ, или къ городничему.

Иванъ Ивановичъ очень любитъ, если ему кто-нибудь сдѣлаетъ подарокъ или гостинецъ. Это ему очень нравится.

Очень хорошій также человѣкъ Иванъ Никифоровичъ. Его дворъ возлѣ двора Ивана Ивановича. Они такіе между собою пріятели, какихъ свѣтъ не производилъ. Антонъ Прокофьевичъ Пупопузъ, который до сихъ поръ еще ходитъ въ коричневомъ сюртукѣ съ голубыми рукавами и обѣдаетъ по воскреснымъ днямъ у судьи, обыкновенно говорилъ, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича самъ чортъ связалъ веревочкой: куда одинъ, туда и другой плетется.

Иванъ Никифоровичъ никогда не былъ женатъ. Хотя проговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что онъ даже не имѣлъ и намѣренія жениться. Откуда выходятъ всѣ эти сплетни? Такъ, какъ пронесли было, что Иванъ Никифоровичъ родился съ хвостомъ назади. Но эта выдумка такъ нелѣпа и вмѣстѣ гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужнымъ опровергать ее предъ просвѣщенными читателями, которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что у однѣхъ только вѣдьмъ, и то весьма немногихъ, есть назади хвостъ. Вѣдьмы, впрочемъ, принадлежатъ болѣе къ женскому полу, нежели къ мужескому. Несмотря на большую пріязнь, эти рѣдкіе друзья не совсѣмъ были сходны между собою. Лучше всего можно узнать характеры ихъ изъ сравненія. Иванъ Ивановичъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! Это ощущеніе можно сравнить только съ тѣмъ, когда у васъ ищутъ въ головѣ или потихоньку проводятъ пальцемъ по вашей пяткѣ. Слушаешь, слушаешь—и голову повѣсишь. Пріятно! чрезвычайно пріятно! какъ сонъ послѣ купанья. Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ; но зато, если влѣпитъ словцо, то держись только: отбреетъ лучше всякой бритвы. Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; Иванъ Никифоровичъ немного ниже, но зато распространяется въ толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на рѣдьку хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича—на рѣдьку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ только послѣ обѣда лежитъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсомъ; ввечеру же надѣваетъ бекешу и идетъ куда-нибудь, или къ городовому магазину, куда онъ поставляетъ муку, или въ поле ловить перепеловъ. Иванъ Никифоровичъ лежитъ весь день на крыльцѣ,—если не слишкомъ жаркій день, то обыкновенно выставивъ спину на солнце,—и никуда не хочетъ итти. Если вздумается утромъ, то пройдетъ по двору, осмотритъ хозяйство и опять на покой. Въ прежнія времена зайдетъ, бывало, къ Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно тонкій человѣкъ и въ порядочномъ разговорѣ никогда не скажетъ неприличнаго слова и тотчасъ обидится, если услышитъ его. Иванъ Никифоровичъ никогда не обережется. Тогда обыкновенно Иванъ Ивановичъ встаетъ съ мѣста и говоритъ: «Довольно, довольно, Иванъ Никифоровичъ; лучше скорѣе на солнце, чѣмъ говорить такія богопротивныя слова». Иванъ Ивановичъ очень сердится, если ему попадется въ борщъ муха: онъ тогда выходитъ изъ себя—и тарелку кинетъ и хозяину достанется. Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться и, когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Иванъ Ивановичъ бреетъ бороду въ недѣлю два раза; Иванъ Никифоровичъ—одинъ разъ. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно любопытенъ: Боже, сохрани, если что-нибудь начнешь ему разсказывать, да не доскажешь! Если жъ чѣмъ бываетъ недоволенъ, то тотчасъ даетъ замѣтить его. По виду Ивана Никифоро-

вича чрезвычайно трудно узнать, доволенъ ли онъ или сердитъ; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажетъ. Иванъ Ивановичъ нѣсколько боязливаго характера. У Ивана Никифоровича, напротивъ того, шаровары въ такихъ широкихъ складкахъ, что, если бы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстить весь дворъ съ амбарами и строеніемъ. У Ивана Ивановича большіе выразительные глаза табачнаго цвѣта, и ротъ нѣсколько похожъ на букву *ижицу*; у Ивана Никифоровича глаза маленькіе, желтоватые, совершенно пропадающіе между густыхъ бровей и пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы. Иванъ Ивановичъ, если попотчеваетъ васъ табакомъ, то всегда напередъ лизнетъ языкомъ крышку табакерки, потомъ щелкнетъ по ней пальцемъ и, поднесши, скажетъ, если вы съ нимъ знакомы: «Смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи?» Если же не знакомы, то: «Смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отечества, объ одолженіи?» Иванъ же Никифоровичъ даетъ вамъ прямо въ руки рожокъ свой и прибавитъ только: «Одолжайтесь». Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ очень не любятъ блохъ, и оттого ни Иванъ Ивановичъ ни Иванъ Никифоровичъ никакъ не пропустятъ жида съ товарами, чтобы не купить у него эликсира въ разныхъ баночкахъ противъ этихъ насѣкомыхъ, выбранивъ напередъ его хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру.

Впрочемъ, несмотря на нѣкоторыя несходства, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ прекрасные люди.

ГЛАВА II,

изъ которой можно узнать, чего захотѣлось Ивану Ивановичу, о чемъ происходилъ разговоръ между Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ, и чѣмъ онъ окончился.

Утромъ,—это было въ іюлѣ мѣсяцѣ,—Иванъ Ивановичъ лежалъ подъ навѣсомъ. День былъ жарокъ, воздухъ сухъ и переливался струями. Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже побывать за городомъ у косарей и на хуторѣ, успѣлъ разспросить встрѣтившихся мужиковъ и бабъ, откуда, куда, какъ и почему; уходился страхъ и прилегъ отдохнуть. Лежа, онъ долго оглядывалъ коморы, дворъ, сараи, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про себя: «Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоенная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ... Чего жъ еще нѣтъ у меня?.. Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?»

Задавши себѣ такой глубокомысленный вопросъ, Иванъ Ивановичъ задумался; а между тѣмъ глаза его отыскали новые предметы, перешагнули черезъ заборъ во дворъ Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытнымъ зрѣлищемъ. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье и развѣшивала его на протянутой веревкѣ вывѣтривать. Скоро старый мундиръ съ изношенными обшлагами протянулъ на воздухъ рукава и обнималъ парчевую кофту; за нимъ высунулся дворянскій съ гербовыми пуговицами, съ отъѣденнымъ воротникомъ; бѣлые казимировые панталоны съ пятнами, которые когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которые можно теперь натянуть развѣ на его пальцы. За ними скоро повисли другіе въ видѣ буквы Л, потомъ синій казацкій бешметъ, который шилъ себѣ Иванъ Никифоровичъ назадъ тому лѣтъ двадцать, когда готовился было вступить въ милицію [1]) и отпустилъ было уже усы. Наконецъ,

[1]) Ополченіе.

одно къ одному, выставилась шпага, походившая на шпицъ, торчащій въ воздухѣ. Потомъ завертѣлись фалды чего-то похожаго на кафтанъ травяно-зеленаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами величиною въ пятакъ. Изъ-за фалдъ выглянулъ желетъ, обложенный золотымъ позументомъ, съ большимъ вырѣзомъ напереди. Жилетъ скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, съ карманами, въ которые можно было положить по арбузу. Все, мѣшаясь вмѣстѣ, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрѣлище, между тѣмъ какъ лучи солнца, охватывая мѣстами синій или зеленый рукавъ, красный обшлагъ или часть золотой парчи, или играя на шпажномъ шпицѣ, дѣлали его чѣмъ-то необыкновеннымъ, похожимъ на тотъ вертепъ [1]), который развозятъ по хуторамъ кочующіе пройдохи, — особливо, когда толпа народа, тѣсно сдвинувшись, глядитъ на царя Ирода въ золотой коронѣ, или на Антона, ведущаго козу; за вертепомъ визжитъ скрипка; цыганъ бренчитъ руками по губамъ своимъ, вмѣсто барабана; а солнце заходитъ, и свѣжій холодъ южной ночи незамѣтно прижимается сильнѣе къ свѣжимъ плечамъ и грудямъ полныхъ хуторянокъ.

Скоро старуха вылѣзла изъ кладовой, кряхтя и тоща на себѣ старинное сѣдло съ оборванными стременами, съ истертыми кожаными чехлами для пистолетовъ, съ чепракомъ когда-то алаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ и мѣдными бляхами.

«Вотъ глупая баба, — подумалъ Иванъ Ивановичъ: — она еще вытащитъ и самого Ивана Никифоровича провѣтриваться».

И точно: Иванъ Ивановичъ не совсѣмъ ошибся въ своей догадкѣ. Минутъ черезъ пять воздвигнулись нанковыя шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. Послѣ этого она вынесла еще шапку и ружье.

«Что жъ это значитъ?—подумалъ Иванъ Ивановичъ:—я не видѣлъ никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что жъ это онъ?.. Стрѣлять — не стрѣляетъ, а ружье держитъ! На что жъ оно ему?.. А вещица славная! Я давно себѣ хотѣлъ достать такое. Мнѣ очень хочется имѣть это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецомъ».

— Эй, баба, баба!—закричалъ Иванъ Ивановичъ, кивая пальцемъ.

Старуха подошла къ забору.

— Что это у тебя, бабуся, такое?

— Видите сами — ружье.

— Какое ружье?

— Кто его знаетъ, какое! Если бъ оно было мое, то я, можетъ-быть, и знала бы, изъ чего оно сдѣлано; но оно панское.

Иванъ Ивановичъ всталъ и началъ разсматривать ружье со всѣхъ сторонъ и позабылъ дать выговоръ старухѣ за то, что повѣсила его, вмѣстѣ со шпагою, провѣтривать.

— Оно, должно думать, желѣзное,—продолжала старуха.

— Гмъ! желѣзное. Отчего жъ оно желѣзное? — говорилъ про себя Иванъ Ивановичъ.—А давно оно у пана?

— Можетъ-быть, и давно.

— Хорошая вещица! — продолжалъ Иванъ Ивановичъ.— Я выпрошу его. Что ему дѣлать съ нимъ?.. Или промѣняюсь на что-нибудь. Что, бабуся, дома панъ?

— Дома.

— Что онъ, лежитъ?

— Лежитъ.

---

[1]) „Вертепъ—кукольный театръ“.

— Ну, хорошо; я приду къ нему.

Иванъ Ивановичъ одѣлся, взялъ въ руки суковатую палку отъ собакъ, потому что въ Миргородѣ гораздо болѣе ихъ попадается на улицѣ, нежели людей, и пошелъ.

Дворъ Ивана Никифоровича хотя былъ возлѣ двора Ивана Ивановича, и можно было перелѣзть изъ одного въ другой черезъ плетень, однакожъ Иванъ Ивановичъ пошелъ улицею. Съ этой улицы нужно было перейти въ переулокъ, который былъ такъ узокъ, что, если случалось встрѣтиться въ немъ двумъ повозкамъ въ одну лошадь, то онѣ уже не могли и разъѣхаться и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣстъ, схвативши за заднія колеса, не вытаскивали ихъ, каждую въ противную сторону, на улицу; пѣшеходъ же убирался, какъ цвѣтами, репейниками, росшими съ обѣихъ сторонъ возлѣ забора. На этотъ переулокъ выходили съ одной стороны сарай Ивана Ивановича, съ другой — амбаръ, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ воротамъ, загремѣлъ щеколдой: изнутри поднялся собачій лай; но разношерстная стая скоро побѣжала, помахивая хвостами, назадъ, увидѣвши, что это было знакомое лицо. Иванъ Ивановичъ перешелъ дворъ, на которомъ пестрѣли индѣйскіе голуби, кормимые собственноручно Иваномъ Никифоровичемъ, корки арбузовъ и дынь, мѣстами зелень, мѣстами изломанное колесо или обручъ отъ бочки, или валявшійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ— картина, которую любятъ живописцы. Тѣнь отъ развѣшанныхъ платьевъ покрывала почти весь дворъ и сообщила ему нѣкоторую прохладу. Баба встрѣтила его поклономъ и, зазѣвавшись, стала на одномъ мѣстѣ. Передъ домомъ охорашивалось крылечко съ навѣсомъ на двухъ дубовыхъ столбахъ, — ненадежная защита отъ солнца, которое въ это время въ Малороссіи не любитъ шутить и обливаетъ пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ потомъ. Изъ этого можно было видѣть, какъ сильно было желаніе у Ивана Ивановича пріобрѣсть необходимую вещь, когда онъ рѣшился выйти въ такую пору, измѣнивъ даже своему всегдашнему обыкновенію прогуливаться только вечеромъ.

Комната, въ которую вступилъ Иванъ Ивановичъ, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты, и солнечный лучъ, проходя въ дыру, сдѣланную въ ставнѣ, принялъ радужный цвѣтъ и, ударяясь въ противостоящую стѣну, рисовалъ на ней пестрый ландшафтъ изъ очеретяныхъ крышъ, деревъ и развѣшаннаго на дворѣ платья, все только въ обращенномъ видѣ. Отъ этого всей комнатѣ сообщался какой-то чудный полусвѣтъ.

— Помоги Богъ! — сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— А! здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! — отвѣчалъ голосъ изъ угла комнаты. Тогда только Иванъ Ивановичъ замѣтилъ Иванъ Никифоровича, лежащаго на разостланномъ на полу коврѣ. — Извините, что я передъ вами въ натурѣ.

Иванъ Никифоровичъ лежалъ безо всего, даже безъ рубашки.

— Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иванъ Никифоровичъ?

— Почивалъ. А вы почивали, Иванъ Ивановичъ?

— Почивалъ.

— Такъ вы теперь и встали?

— Я теперь всталъ! Христосъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ! Какъ можно спать до сихъ поръ! Я только что пріѣхалъ изъ хутора. Прекрасная жита по дорогѣ! восхитительныя! И сѣно такое рослое, мягкое, злачное!

— Горпина!—закричалъ Иванъ Никифоровичъ: — принеси Ивану Ивановичу водки да пироговъ со сметаною.

— Хорошее время сегодня.

— Не хвалите, Иванъ Ивановичъ. Чтобъ его чортъ взялъ! Некуда дѣваться отъ жару.

— Вотъ-таки нужно помянуть чорта. Эй, Иванъ Никифоровичъ! вы вспомните мое слово, да уже будетъ поздно: достанется вамъ на томъ свѣтѣ за богопротивныя слова.

— Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца ни матери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ.

— Полно, уже полно, Иванъ Никифоровичъ!

— Ей Богу, я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ!

— Странно, что перепела до сихъ поръ нейдутъ подъ дудочку.

— Какъ вы себѣ хотите, думайте, что вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ.

Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

— Не знаю, отчего они нейдутъ, — говорилъ Иванъ Ивановичъ, какъ бы не слушая Ивана Никифоровича: — время ли не приспѣло еще... только время, кажется, такое, какое нужно.

— Вы говорите, что жита хорошія?

— Восхитительныя жита, восхитительныя!

За симъ послѣдовало молчаніе.

— Что это вы, Иванъ Никифоровичъ, платье развѣшиваете? — наконецъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Да, прекрасное, почти новое платье загноила проклятая баба: теперь провѣтриваю; сукно тонкое, превосходное, только — выворотни, и можно снова носить.

— Мнѣ тамъ понравилась одна вещица, Иванъ Никифоровичъ.

— Какая?

— Скажите, пожалуйста, на что вамъ это ружье, что выставлено вывѣтривать вмѣстѣ съ платьемъ?—Тутъ Иванъ Ивановичъ поднесъ табаку. — Смѣю ли просить объ одолженіи?

— Ничего, одолжайтесь; я понюхаю своего. — При этомъ Иванъ Никифоровичъ пощупалъ вокругъ себя и досталъ рожокъ. — Вотъ глупая баба! Такъ она и ружье туда же повѣсила. Хорошій табакъ жидъ дѣлаетъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладетъ туда, а такое душистое! На кануперъ [1]) немного похоже. Вотъ возьмите, разжуйте немножко во рту: не правда ли, похоже на кануперъ? Возьмите, одолжайтесь.

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ, я все насчетъ ружья: что вы будете съ нимъ дѣлать? Вѣдь оно вамъ не нужно.

— Какъ не нужно? А случится стрѣлять?

— Господь съ вами, Иванъ Никифоровичъ, когда же вы будете стрѣлять? Развѣ по второмъ пришествіи. Вы, сколько я знаю, и другіе запомнятъ, ни одной еще качки [2]) не убили, да и ваша натура не такъ уже Господомъ Богомъ устроена, чтобъ стрѣлять. Вы имѣете осанку и фигуру важную. Какъ же вамъ таскаться по болотамъ, когда ваше платье, которое не во всякой рѣчи прилично назвать по имени, провѣтривается и теперь еще? Что же тогда? Нѣтъ, вамъ нужно имѣть покой, отдохновеніе. (Иванъ Ивановичъ, какъ упомянуто выше, необыкновенно живописно говорилъ, когда нужно было убѣждать кого. Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!) Да, такъ вамъ нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мнѣ.

— Какъ можно! Это ружье дорогое; такихъ ружьевъ теперь не сыщете нигдѣ. Я еще, какъ собирался въ милицію, купилъ его у турчина; а теперь бы то такъ вдругъ и отдать его! Какъ можно? Эта вещь необходимая!

— На что жъ она необходимая?

— Какъ на что? А когда нападутъ на домъ разбойники... Еще бы не необходимая! Слава Тебѣ, Господи! Теперь я спокоенъ и не боюсь никого. А отчего?—оттого что я знаю, что у меня стоитъ въ коморѣ ружье.

— Хорошее ружье! Да у него, Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ.

— Что жъ, что испорченъ? Можно починить; нужно только смазать конопляным масломъ, чтобъ не ржавѣлъ.

— Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружественнаго ко мнѣ расположенія. Вы ничего не хотите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни.

— Какъ же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно? Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что жъ? развѣ я отказалъ когда?.. Ребятишки ваши перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собаками,—я ничего не говорю: пусть себѣ играютъ, лишь бы ничего не трогали!.. пусть себѣ играютъ!

— Когда не хотите подарить, такъ, пожалуй, помѣняемся.

— Что жъ вы дадите мнѣ за него?

При этомъ Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

— Я вамъ дамъ за него бурую свинью, ту самую, что я откормилъ въ сажу [3]). Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ.

---

[1]) „Кануперъ—трава“. [2]) „Качка—утка“. [3]) „Сажъ—мѣсто, гдѣ откармливаютъ скотину“.

— Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете это говорить. На что мнѣ свинья ваша? Развѣ чорту поминки дѣлать?

— Опять! Безъ чорта-таки нельзя обойтись! Грѣхъ вамъ; ей Богу, грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ!

— Какъ же вы, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье, чортъ знаетъ что такое: свинью!

— Отчего же она—чортъ знаетъ что такое, Иванъ Никифоровичъ

— Какъ же? Вы бы сами посудили хорошенько. Это-таки ружье, вещь извѣстная; а то — чортъ знаетъ что такое: свинья? Если бы не вы говорили, я бы могъ это принять въ обидную для себя сторону.

— Что жъ нехорошаго замѣтили вы въ свиньѣ?

— За кого же, въ самомъ дѣлѣ, вы принимаете меня? Чтобъ я свинью...

— Садитесь, садитесь! Не буду уже... Пусть вамъ остается ваше ружье, пускай себѣ сгніетъ и перержавѣетъ, стоя въ углу въ коморѣ, — не хочу больше говорить о немъ.

Послѣ этого послѣдовало молчаніе.

— Говорятъ, — началъ Иванъ Ивановичъ,— что три короля объявили войну царю нашему.

— Да, говорилъ мнѣ Петръ Ѳедоровичъ. Что жъ это за война и отчего она?

— Навѣрное не можно сказать, Иванъ Никифоровичъ, за что она. Я полагаю, что короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру.

— Вишь, дурни, чего захотѣли! — произнесъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши голову.

— Вотъ видите, а царь нашъ и объявилъ имъ за то войну. «Нѣтъ,— говоритъ,—примите вы сами вѣру Христову!»

— Что жъ? Вѣдь наши побьютъ ихъ, Иванъ Ивановичъ?

— Побьютъ. Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца?

— Мнѣ странно, Иванъ Ивановичъ: вы, кажется, человѣкъ, извѣстный ученостью, а говорите, какъ недоросль. Что бы я за дуракъ такой...

— Садитесь, садитесь! Богъ съ нимъ! Пусть оно себѣ околѣетъ; не буду больше говорить.

Въ это время принесли закуску.

Иванъ Ивановичъ выпилъ рюмку и закусилъ пирогомъ съ сметаною.

— Слушайте, Иванъ Никифоровичъ: я вамъ дамъ, кромѣ свиньи, еще два мѣшка овса: вѣдь овса вы не сѣяли. Этотъ годъ, все равно, вамъ нужно будетъ покупать овесъ.

— Ей Богу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говорить нужно, гороху наѣвшись.— (Это еще ничего, Иванъ Никифоровичъ и не такія фразы отпускаетъ.) — Гдѣ видано, чтобы кто ружье промѣнялъ на два мѣшка овса? Небось, бекеши своей не поставите.

— Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я и свинью еще даю вамъ.

— Какъ? два мѣшка овса и свинью за ружье?

— Да что жъ, развѣ мало?

— За ружье?

— Конечно, за ружье.

— Два мѣшка за ружье?

— Два мѣшка не пустыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли?

— Поцѣлуйтесь съ своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ!

— О, васъ зацѣпи только! Увидите: нашпигуютъ вамъ на томъ свѣтѣ языкъ горячими иголками за такія богомерзкія слова. Послѣ разговора съ вами нужно и лицо, и руки умыть, и самому окуриться.

— Позвольте, Иванъ Ивановичъ: ружье — вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...

— Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ съ своимъ ружьемъ, *какъ дурень съ писанною торбой* [1]), — сказалъ Иванъ Ивановичъ съ досадою, потому что, дѣйствительно, начиналъ уже сердиться.

— А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій *гусакъ*.

Если бы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями: но теперь произошло совсѣмъ другое. Иванъ Ивановичъ весь вспыхнулъ.

— Что вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ?—спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

— Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ!

— Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?

— Что жъ тутъ поноснаго? Да чего вы, въ самомъ дѣлѣ, такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ?

— Я повторяю: какъ вы осмѣлились, въ противность всѣхъ приличій, назвать меня гусакомъ?

— Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что вы такъ раскудахтались?

Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣть собою: губы его дрожали; ротъ измѣнилъ обыкновенное положеніе *ижицы* и сдѣлался похожимъ на О; глазами онъ такъ мигалъ, что сдѣлалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко; нужно было для этого его сильно разсердить.

— Такъ я жъ вамъ объявляю, — произнесъ Иванъ Ивановичъ, — что я знать васъ не хочу.

— Большая бѣда! Ей Богу, не заплачу отъ этого! — отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ.

Лгалъ, лгалъ, ей Богу, лгалъ! Ему очень было досадно это.

— Нога моя не будетъ у васъ въ домѣ.

— Эге, ге!—сказалъ Иванъ Никифоровичъ, съ досады не зная самъ, что дѣлать, и противъ обыкновенія вставъ на ноги.—Эй, баба, хлопче!—При семъ показалась изъ дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчикъ, запутанный въ длинный и широкій сюртукъ.—Возьмите Ивана Ивановича за руки да выведите его за двери!

— Какъ! дворянина?—закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Ивановичъ.— Осмѣльтесь только! подступите! Я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ папомъ! Воронъ не найдетъ мѣста вашего! (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его была потрясена.)

Вся группа представляла сильную картину. Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей, безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безсмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались римскіе трибуны! Это была необыкновенная минута, спектакль великолѣпный! И между тѣмъ только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ. Наконецъ Иванъ Ивановичъ взялъ шапку свою.

— Очень хорошо поступаете вы, Иванъ Никифоровичъ! прекрасно! Я это припомню вамъ.

---

[1]) Торба—мѣшокъ, сума.

— Ступайте, Иванъ Ивановичъ, ступайте! да глядите, не попадайтесь мнѣ, а не то я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью!

— Вотъ вамъ за это, Иванъ Никифоровичъ! — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, выставивъ ему кукишъ и хлопнулъ за собою дверью, которая съ визгомъ захрипѣла и отворилась снова.

Иванъ Никифоровичъ показался въ дверяхъ и что-то хотѣлъ присовокупить, но Иванъ Ивановичъ уже не оглядывался и летѣлъ со двора.

ГЛАВА III.

Что произошло послѣ ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Итакъ, два почтенные мужа, честь и украшеніе Миргорода, поссорились между собою. И за что? — за вздоръ, за гусака! Не захотѣли видѣть другъ друга, прервали всѣ связи, между тѣмъ какъ прежде были извѣстны за самыхъ неразлучныхъ друзей! Каждый день, бывало, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ посылаютъ другъ къ другу узнать о здоровьѣ и часто переговариваются другъ съ другомъ съ своихъ балконовъ и говорятъ другъ другу такія пріятныя рѣчи, что сердцу любо слушать было. По воскреснымъ днямъ, бывало, Иванъ Ивановичъ въ штаметовой [1]) бекешѣ, Иванъ Никифоровичъ въ нанковомъ желтокоричневомъ казакинѣ отправляются почти объ руку другъ съ другомъ въ церковь. И если Иванъ Ивановичъ, который имѣлъ глаза чрезвычайно зоркіе, первый замѣчалъ лужу или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что бываетъ иногда въ Миргородѣ, то всегда говорилъ Ивану Никифоровичу:

— Берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здѣсь нехорошо.

Иванъ Никифоровичъ, съ своей стороны, показывалъ тоже самые трогательные знаки дружбы, и гдѣ бы ни стоялъ, всегда протянетъ къ Ивану Ивановичу руку съ рожкомъ, примолвивши:

— Одолжайтесь!

А какое прекрасное хозяйство у обоихъ!.. И эти два друга... Когда я услышалъ объ этомъ, то меня какъ громомъ поразило! Я долго не хотѣлъ вѣрить! Боже праведный! Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ! Такіе достойные люди! Что жъ теперь прочно на этомъ свѣтѣ?

Когда Иванъ Ивановичъ пришелъ къ себѣ домой, то долго былъ въ сильномъ волненіи. Онъ, бывало, прежде всегда зайдетъ въ конюшню посмотрѣть, ѣстъ ли кобылка сѣно (у Ивана Ивановича кобылка саврасая, съ лысиной на лбу; хорошая очень лошадка); потомъ покормитъ индѣекъ и поросятъ изъ своихъ рукъ и тогда уже идетъ въ покои, гдѣ или дѣлаетъ деревянную посуду (онъ очень искусно, не хуже токаря, умѣетъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева), или читаетъ книжку, печатанную у Любія, Гарія и Попова (названія ея Иванъ Ивановичъ не помнитъ, потому что дѣвка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавнаго листка, забавляя дитя), или же отдыхаетъ подъ навѣсомъ. Теперь же онъ не взялся ни за одно изъ всегдашнихъ своихъ занятій. Но, вмѣсто того, встрѣтивши Гапку, началъ бранить, зачѣмъ она шатается безъ дѣла, между тѣмъ какъ она тащила крупу въ кухню; кинулъ палкой въ пѣтуха, который пришелъ къ крыльцу за обыкновенной подачей, и, когда подбѣжалъ къ нему запачканный мальчишка въ изодранной рубашонкѣ и закри-

---

[1]) Стаметъ, или штаметъ,—шерстяная ткань.

чалъ: «Тятя! тятя! дай пряника!» то онъ ему такъ страшно пригрозилъ и затопалъ ногами, что испуганный мальчишка забѣжалъ Богъ знаетъ куда. Наконецъ, однакожъ, онъ одумался и началъ заниматься всегдашними дѣлами. Поздно сталъ онъ обѣдать и уже ввечеру почти легъ отдыхать подъ навѣсомъ. Хорошій борщъ съ голубями, который сварила Ганка, выгналъ совершенно утреннее происшествіе. Иванъ Ивановичъ опять началъ съ удовольствіемъ разсматривать свое хозяйство. Наконецъ остановилъ глаза на сосѣднемъ дворѣ и сказалъ самъ себѣ: «Сегодня я не былъ у Ивана Никифоровича; пойду-ка къ нему». Сказавши это, Иванъ Ивановичъ взялъ палку и шапку и отправился на улицу; но едва только вышелъ за ворота, какъ вспомнилъ ссору, плюнулъ и возвратился назадъ. Почти такое же движеніе случилось и на дворѣ Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ видѣлъ, какъ баба уже поставила ногу на плетень съ намѣреніемъ перелѣзть на его дворъ, какъ вдругъ послышался голосъ Ивана Никифоровича: «Назадъ, назадъ! не нужно!» Однакожъ Ивану Ивановичу сдѣлалось очень скучно. Весьма могло быть, что сіи достойные люди на другой же бы день помирились, если бы особенное происшествіе въ домѣ Ивана Никифоровича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла въ готовый погаснуть огонь вражды. Къ Ивану Никифоровичу ввечеру того же дня пріѣхала Агаѳья Ѳедосеевна. Агаѳья Ѳедосеевна не была ни родственницей, ни своячиницей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы, ей совершенно не зачѣмъ было къ нему ѣздить, и онъ самъ былъ не слишкомъ ей радъ; однакожъ она ѣздила и проживала у него по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и болѣе. Тогда она отбирала ключи и весь домъ брала на свои руки. Это было очень непріятно Ивану Никифоровичу, однакожъ, онъ, къ удивленію, слушалъ ее, какъ ребенокъ, и и хотя иногда и пытался спорить, но всегда Агаѳья Ѳедосеевна брала верхъ.

Я признаюсь, не понимаю, для чего это такъ устроено, что женщины хватаютъ насъ за носъ такъ же ловко, какъ будто за ручку чайника: или руки ихъ такъ созданы, или носы наши ни на что болѣе не годятся. И, несмотря на то, что носъ Ивана Никифоровича былъ нѣсколько похожъ на сливу, она все-таки схватила его за этотъ носъ и водила за собою, какъ собачку. Онъ даже измѣнялъ при ней невольно обыкновенный свой образъ жизни: не такъ долго лежалъ на солнцѣ, если же и лежалъ, то не въ натурѣ, а всегда надѣвалъ рубашку и шаровары, хоть Агаѳья Ѳедосеевна совершенно этого не требовала. Она была не охотница до церемоній, и, когда Иванъ Никифоровичъ страдалъ лихорадкою, она сама, своими руками, вытирала его съ ногъ до головы скипидаромъ и уксусомъ. Агаѳья Ѳедосеевна носила на головѣ чепецъ, три бородавки на носу и кофейный капотъ съ желтенькими цвѣтами. Весь станъ ея похожъ былъ на кадушку, и оттого отыскать ея талію было такъ же трудно, какъ увидѣть безъ зеркала свой носъ. Ножки ея были коротенькія, сформированныя на образецъ двухъ подушекъ. Она сплетничала и ѣла вареные бураки по утрамъ и отлично хорошо ругалась; и при всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятіяхъ лицо ея ни на минуту не измѣняло своего выраженія, что обыкновенно могутъ показывать однѣ только женщины.

Какъ только она пріѣхала, все пошло навыворотъ. «Ты, Иванъ Никифоровичъ, не мирись съ нимъ и не проси прощенія; онъ тебя погубить хочетъ; это таковскій человѣкъ! Ты его еще не знаешь». Шушукала проклятая баба и сдѣлала то, что Иванъ Никифоровичъ и слышать не хотѣлъ объ Иванѣ Ивановичѣ. Все приняло другой видъ. Если сосѣдняя собака забѣгала когда на дворъ, то ее колотили чѣмъ ни попало; ребятишки, перелѣзавшіе черезъ заборъ, возвращались съ воплемъ, съ поднятыми вверхъ рубашонками и знаками розогъ на спинѣ. Даже самая баба, когда Иванъ Ивановичъ хотѣлъ было ее спросить о чемъ-то, сдѣлала такую непри-

И если Иванъ Ивановичъ, который имѣлъ глаза чрезвычайно зоркіе, первый замѣчалъ лужу или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что бываетъ иногда въ Миргородѣ, то всегда говорилъ Ивану Никифоровичу: „Берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здѣсь нехорошо“.

стойность, что Иванъ Ивановичъ, какъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, плюнулъ и примолвилъ только:

— Экая скверная баба! хуже своего пана!

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ оскорбленій, ненавистный сосѣдъ выстроилъ прямо противъ него, гдѣ обыкновенно былъ перелазъ черезъ плетень, гусиный хлѣвъ, какъ будто съ особеннымъ намѣреніемъ усугубить оскорбленіе. Этотъ отвратительный для Ивана Ивановича хлѣвъ выстроенъ былъ съ дьявольскою скоростью въ одинъ день.

Это возбудило въ Иванѣ Ивановичѣ злость и желаніе отомстить. Онъ не показалъ, однакожъ, никакого вида огорченія, несмотря на то, что хлѣвъ даже захватилъ часть его земли, но сердце у него такъ билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствіе.

Такъ провелъ онъ день. Настала ночь... О, если бъ я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи! Я бы изобразилъ, какъ спитъ весь Миргородъ; какъ неподвижно глядятъ на него безчисленныя звѣзды; какъ видимая тишина оглашается близкимъ и далекимъ лаемъ собакъ; какъ мимо ихъ несется влюбленный понамарь и перелѣзаетъ чрезъ плетень съ рыцарскимъ безстрашіемъ; какъ бѣлыя стѣны домовъ, охваченныя лунным свѣтомъ, становятся бѣлѣе; осѣняющія ихъ деревья—темнѣе, тѣнь отъ деревъ ложится чернѣе, цвѣты и умолкнувшая трава душистѣе, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно, изо всѣхъ угловъ, заводятъ свои трескучія пѣсни. Я бы изобразилъ, какъ въ одномъ изъ этихъ низенькихъ глиняныхъ домиковъ разметавшейся на одинокой постели чернобровой горожанкѣ, съ дрожащими молодыми грудями, снится гусарскій усъ и шпоры, а свѣтъ луны смѣется на ея щекахъ. Я бы изобразилъ, какъ по бѣлой дорогѣ мелькаетъ черная тѣнь летучей мыши, садящейся на бѣлыя трубы домовъ... Но врядъ ли бы я могъ изобразить Ивана Ивановича, вышедшаго въ эту ночь съ пилою въ рукѣ: столько на лицѣ у него было написано разныхъ чувствъ! Тихо-тихо подкрался онъ и подлѣзъ подъ гусиный хлѣвъ. Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссорѣ между ними, и потому позволили ему, какъ старому пріятелю, подойти къ хлѣву, который весь держался на четырехъ дубовыхъ столбахъ. Подлѣзши къ ближнему столбу, приставилъ онъ къ нему пилу и началъ пилить. Шумъ, производимый пилою, заставлялъ его поминутно оглядываться, но мысль объ обидѣ возвращала бодрость. Первый столбъ былъ подпиленъ; Иванъ Ивановичъ принялся за другой. Глаза его горѣли и ничего не видѣли отъ страха. Вдругъ Иванъ Ивановичъ вскрикнулъ и обомлѣлъ: ему показался мертвецъ; но скоро онъ пришелъ въ себя, увидѣвши, что это былъ гусь, просунувшій къ нему свою шею. Иванъ Ивановичъ плюнулъ отъ негодованія и началъ продолжать работу. И второй столбъ подпиленъ: зданіе пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало такъ страшно биться, когда онъ принялся за третій, что онъ нѣсколько разъ прекращалъ работу. Уже болѣе половины столба было подпилено, какъ вдругъ шаткое зданіе сильно покачнулось... Иванъ Ивановичъ едва успѣлъ отскочить, какъ оно рухнуло съ трескомъ. Схвативши пилу, въ страшномъ испугѣ прибѣжалъ онъ домой и бросился на кровать, не имѣя даже духу поглядѣть въ окно на слѣдствія своего страшнаго дѣла. Ему казалось, что весь дворъ Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иванъ Никифоровичъ, мальчикъ въ безконечномъ сюртукѣ, всѣ съ дрекольями, предводительствуемые Агаѳьей Ѳедосеевной, шли разорять и ломать его домъ.

Весь слѣдующій день провелъ Иванъ Ивановичъ какъ въ лихорадкѣ. Ему все чудилось, что ненавистный сосѣдъ, въ отмщеніе за это, по крайней мѣрѣ, подожжетъ домъ его, и потому онъ далъ повелѣніе Гапкѣ поминутно осматри-

вать вездѣ, не подложено ли гдѣ-нибудь сухой соломы. Наконецъ, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, онъ рѣшился забѣжать зайцемъ впередъ и подать на него прошеніе въ миргородскій повѣтовый [1]) судъ. Въ чемъ оно состояло, объ этомъ можно узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА IV.

О томъ, что произошло въ присутствіи миргородскаго повѣтоваго суда.

Чудный городъ Миргородъ! Какихъ въ немъ нѣтъ строеній! И подъ соломенною и подъ очеретяною, даже подъ деревянною крышею. Направо улица, налѣво улица, вездѣ прекрасный плетень; по немъ вьется хмель, на немъ ви-

Присутствіе началось еще съ утра. Судья, довольно полный человѣкъ, хотя нѣсколько тоньe Ивана Никифоровича, съ доброю миною, въ замасленномъ халатѣ, съ трубкою и чашкою чая, разговаривалъ съ подсудкомъ.

сятъ горшки, изъ-за него подсолнечникъ выказываетъ свою солнцеобразную голову, краснѣетъ макъ, мелькаютъ толстыя тыквы... Роскошь! Плетень всегда убранъ предметами, которые дѣлаютъ его еще болѣе живописнымъ: или напяленною плахтою, или сорочкою, или шароварами. Въ Миргородѣ нѣтъ ни воровства ни мошенничества, и потому каждый вѣшаетъ на плетень, что ему вздумается. Если будете подходить къ площади, то, вѣрно, на время остановитесь полюбоваться видомъ: на ней находится лужа, удивительная лужа! Единственная, какую только вамъ удавалось когда видѣть! Она занимаетъ почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сѣна, обступивши вокругъ, дивятся красотѣ ея.

[1]) „Повѣтъ, овый—уѣздъ, уѣздный“.

Но я тѣхъ мыслей, что нѣтъ лучше дома, какъ повѣтовый судъ. Дубовый ли онъ, или березовый—мнѣ нѣтъ дѣла, но въ немъ, милостивые государи, восемь окошекъ! Восемь окошекъ въ рядъ, прямо на площадь, на то водное пространство, о которомъ я уже говорилъ и которое городничій называетъ озеромъ! Одинъ только онъ окрашенъ цвѣтомъ гранита; всѣ прочіе дома въ Миргородѣ просто выбѣлены. Крыша на немъ вся деревянная и была бы даже выкрашена красною краскою, если бы приготовленное для того масло канцелярскіе, приправивши лукомъ, не съѣли, что было, какъ нарочно, во время поста, и крыша осталась некрашенною. На площадь выступаетъ крыльцо, на которомъ часто бѣгаютъ куры, оттого что на крыльцѣ всегда почти разсыпаны крупы или что-нибудь съѣстное, что, впрочемъ, дѣлается не нарочно, но единственно отъ неосторожности просителей. Домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной—*присутствіе*, въ другой — *арестантская*. Въ той половинѣ, гдѣ присутствіе, находятся двѣ комнаты, чистыя, выбѣленныя: одна — передняя для просителей, въ другой — столъ, украшенный чернильными пятнами; на столѣ зерцало; четыре дубовые стула съ высокими спинками; возлѣ стѣнъ сундуки, кованые желѣзомъ, въ которыхъ сохранялись кипы повѣтовой ябеды. На одномъ изъ этихъ сундуковъ стоялъ тогда сапогъ, вычищенный ваксою.

Присутствіе началось еще съ утра. Судья, довольно полный человѣкъ, хотя нѣсколько тоньше Ивана Никифоровича, съ доброю миною, въ замасленномъ халатѣ, съ трубкою и чашкою чая, разговаривалъ съ подсудкомъ [1]). У судьи губы находились подъ самымъ носомъ и оттого носъ его могъ нюхать верхнюю губу сколько душѣ угодно было. Эта губа служила ему вмѣсто табакерки, потому что табакъ, адресуемый въ носъ, почти всегда сѣялся на нее. Итакъ, судья разговаривалъ съ подсудкомъ. Босая дѣвка держала въ сторонѣ подносъ съ чашками. Въ концѣ стола секретарь читалъ рѣшеніе дѣла, но такимъ однообразнымъ и заунывнымъ тономъ, что самъ подсудимый заснулъ бы, слушая. Судья, безъ сомнѣнія, это бы сдѣлалъ прежде всѣхъ, если бы не вошелъ между тѣмъ въ занимательный разговоръ.

— Я нарочно старался узнать,—говорилъ судья, прихлебывая чай уже изъ простывшей чашки,— какимъ образомъ это дѣлается, что они поютъ хорошо. У меня былъ славный дроздъ года два тому назадъ. Что жъ? Вдругъ испортился совсѣмъ, началъ пѣть Богъ знаетъ что; чѣмъ далѣе, хуже, хуже; сталъ картавить, хрипѣть,—хоть выбрось! А вѣдь самый вздоръ! Это вотъ отчего дѣлается: подъ горлышкомъ дѣлается бобонъ, меньше горошинки. Этотъ бобончикъ нужно только проколоть иголкою. Меня научилъ этому Захаръ Прокофьевичъ, и именно, если хотите, я вамъ разскажу, какимъ это было образомъ. Пріѣзжаю я къ нему...

— Прикажете, Демьянъ Демьяновичъ, читать другое?—прервалъ секретарь, уже нѣсколько минутъ какъ окончившій чтеніе.

— А вы уже прочитали? Представьте, какъ скоро! Я и не услышалъ ничего! Да гдѣ жъ оно? Дайте его сюда, я подпишу. Что тамъ еще у васъ?

— Дѣло казака Бокитька о краденой коровѣ.

— Хорошо, читайте!.. Да, такъ пріѣзжаю я къ нему... Я могу даже разсказать вамъ подробно, какъ онъ угостилъ меня. Къ водкѣ былъ поданъ балыкъ, единственный! Да не нашего балыка, которымъ (при этомъ судья сдѣлалъ языкомъ и улыбнулся, при чемъ носъ его понюхалъ свою всегдашнюю табакерку)...—которымъ угощаетъ наша бакалейная миргородская лавка. Селедки я не ѣлъ, потому что, какъ вы сами знаете, у меня отъ нея дѣлается изжога

[1]) „Подсудокъ—засѣдатель уѣзднаго суда".

подъ ложечкою; но икры отвѣдалъ,—прекрасная икра! нечего сказать, отличная! Потомъ выпилъ я водки персиковой, настоянной на золототысячникѣ. Была и шафранная; но шафранной, какъ вы сами знаете, я не употребляю. Оно, видите, очень хорошо: напередъ, какъ говорятъ, раззадорить аппетитъ, а потомъ уже завершить... А! слыхомъ не слыхать, видомъ видать...—вскричалъ вдругъ судья, увидѣвъ входящаго Ивана Ивановича.

— Богъ въ помощь! Желаю здравствовать!—произнесъ Иванъ Ивановичъ, поклонившись на всѣ стороны съ свойственною ему одному пріятностью. Боже мой, какъ онъ умѣлъ обворожить всѣхъ своимъ обращеніемъ! Тонкости такой я нигдѣ не видывалъ. Онъ зналъ очень хорошо самъ свое достоинство и потому на всеобщее почтеніе смотрѣлъ, какъ на должное. Судья самъ подалъ стулъ Ивану Ивановичу, носъ его потянулъ съ верхней губы весь табакъ, что всегда было у него знакомъ большого удовольствія.

— Чѣмъ прикажете потчевать васъ, Иванъ Ивановичъ?—спросилъ онъ.—Не прикажете ли чашку чаю?

— Нѣтъ, весьма благодарю,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

— Сдѣлайте милость, одну чашечку!—повторилъ судья.

— Нѣтъ, благодарю. Весьма доволенъ гостепріимствомъ!—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

— Одну чашку!—повторилъ судья.

— Нѣтъ, не безпокойтесь, Демьянъ Демьяновичъ!—При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— Чашечку!

— Ужъ такъ и быть, развѣ чашечку!—произнесъ Иванъ Ивановичъ и протянулъ руку къ подносу.

Господи Боже, какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя разсказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!

— Не прикажете ли еще чашечку?

— Покорно благодарствую,—отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, ставя на подносъ опрокинутую чашку и кланяясь.

— Сдѣлайте одолженіе, Иванъ Ивановичъ!

— Не могу; весьма благодаренъ!—При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— Иванъ Ивановичъ, сдѣлайте дружбу, одну чашечку!

— Нѣтъ, весьма обязанъ за угощеніе!—Сказавши это, Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— Только чашечку! Одну чашечку!

Иванъ Ивановичъ протянулъ руку къ подносу и взялъ чашку.

Фу, ты пропасть! Какъ можетъ, какъ найдется человѣкъ поддержать свое достоинство!

— Я, Демьянъ Демьяновичъ,—говорилъ Иванъ Ивановичъ, допивая послѣдній глотокъ,—я къ вамъ имѣю необходимое дѣло: я подаю позовъ [1]).—При этомъ Иванъ Ивановичъ поставилъ чашку и вынулъ изъ кармана исписанный гербовый листъ бумаги.—Позовъ на врага моего, на заклятаго врага.

— На кого же это?

— На Ивана Никифоровича Довгочхуна.

При этихъ словахъ судья чуть не упалъ со стула.

— Что вы говорите?—произнесъ онъ, всплеснувъ руками.—Иванъ Ивановичъ! Вы ли это?

---

[1]) „Позовъ—тяжебное прошеніе“.

— Видите сами, что я.

— Господь съ вами и всѣ святые! Какъ? Вы, Иванъ Ивановичъ, стали непріятелемъ Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста говорятъ? Повторите еще! Да не спрятался ли у васъ кто-нибудь сзади и говоритъ вмѣсто васъ?..

— Что жъ тутъ невѣроятнаго? Я не могу смотрѣть на него: онъ нанесъ мнѣ смертельную обиду, оскорбилъ честь мою!

— Пресвятая Троица! Какъ же мнѣ теперь увѣрить матушку? А она, старушка, каждый день, какъ только мы поссоримся съ сестрою, говоритъ: «Вы, дѣтки, живете между собою, какъ собаки. Хоть бы вы взяли примѣръ съ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: вотъ ужъ друзья, такъ друзья! то-то пріятели! то-то достойные люди!» Вотъ тебѣ и пріятели! Разскажите, за что жъ это? Какъ?

— Это дѣло деликатное, Демьянъ Демьяновичъ! На словахъ его нельзя разсказать: прикажите лучше прочитать просьбу. Вотъ, возьмите съ этой стороны, здѣсь приличнѣе.

— Прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ!— сказалъ судья, оборотившись къ секретарю.

Тарасъ Тихоновичъ взялъ просьбу и, высморкавшись такимъ образомъ, какъ сморкаются всѣ секретари по повѣтовымъ судамъ, съ помощью двухъ пальцевъ, началъ читать:

«Отъ дворянина миргородскаго повѣта и помѣщика Ивана, Иванова сына, Перерепенка прошеніе; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

«1) Извѣстный всему свѣту своими богопротивными, въ омерзѣніе приводящими и всякую мѣру превышающими законопреступными поступками, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, сего 1810 года, іюля 7 дня, учинилъ мнѣ смертельную обиду, какъ персонально до чести моей относящуюся, такъ равномѣрно въ уничиженіе и конфузію чина моего и фамиліи. Оный дворянинъ и самъ, притомъ гнуснаго вида, характеръ имѣетъ бранчивый и преисполненъ разнаго рода богохуленіями и бранными словами...»

Тутъ чтецъ немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья съ благоговѣніемъ сложилъ руки и только говорилъ про себя: «Что за бойкое перо! Господи Боже! Какъ пишетъ этотъ человѣкъ!»

Иванъ Ивановичъ просилъ читать далѣе, и Тарасъ Тихоновичъ продолжалъ:

...«Оный дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, когда я пришелъ къ нему съ дружескими предложеніями, назвалъ меня публично обиднымъ и поноснымъ для чести моей именемъ, а именно «гусакомъ», тогда какъ извѣстно всему миргородскому повѣту, что симъ гнуснымъ животнымъ я никогда отнюдь не именовался и впредь именоваться не намѣренъ. Доказательствомъ же дворянскаго моего происхожденія есть то, что въ метрической книгѣ, находящейся въ церкви трехъ святителей, записанъ, какъ день моего рожденія, такъ равномѣрно и полученное мною крещеніе. «Гусакъ» же, какъ извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь свѣдущъ въ наукахъ, не можетъ быть записанъ въ метрической книгѣ, ибо «гусакъ» есть не человѣкъ, а птица, что уже всякому, даже не бывшему въ семинаріи, достовѣрно извѣстно. Но оный злокачественный дворянинъ, будучи обо всемъ этомъ свѣдущъ, не для чего иного, какъ чтобы нанесть смертельную для моего чина и званія обиду, обругалъ меня онымъ гуснымъ словомъ.

«2) Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянинъ посягнулъ притомъ на мою родовую, полученную мною послѣ родителя моего, состоявшаго въ духовномъ званіи, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, собственность тѣмъ, что, въ противность всякимъ законамъ, перенесъ, совершенно насупротивъ моего крыльца, гусиный хлѣвъ, что дѣлалось не съ инымъ

какимъ намѣреніемъ, какъ чтобъ усугубить нанесенную мнѣ обиду, ибо оный хлѣвъ стоялъ до сего въ изрядномъ мѣстѣ и довольно еще былъ крѣпокъ. Но омерзительное намѣреніе вышеупомянутаго дворянина состояло единственно въ томъ, чтобы учинить меня свидѣтелемъ непристойныхъ пассажей: ибо извѣстно, что всякій человѣкъ не пойдетъ въ хлѣвъ, тѣмъ паче въ гусиный, для приличнаго дѣла. При такомъ противозаконномъ дѣйствіи двѣ переднія сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мнѣ еще при жизни отъ родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, начинавшуюся отъ амбара и прямою линіей до самаго того мѣста, гдѣ бабы моютъ горшки.

«3) Вышеизображенный дворянинъ, котораго уже самое имя и фамилія внушаетъ всякое омерзѣніе, питаетъ въ душѣ злостное намѣреніе поджечь меня въ собственномъ домѣ. Несомнѣнные чему признаки изъ нижеслѣдующаго явствуютъ: во-первыхъ, оный злокачественный дворянинъ началъ выходить часто изъ своихъ покоевъ, чего прежде никогда, по причинѣ своей лѣности и гнусной тучности тѣла, не предпринималъ; во-вторыхъ, въ людской его, примыкающей о самый заборъ, ограждающій мою собственную полученную мною отъ покойнаго родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, землю, ежедневно и въ необычайной продолжительности горитъ свѣтъ, что уже явное есть къ тому доказательство, ибо до сего, по скаредной его скупости, всегда не только сальная свѣча, но даже каганецъ былъ потушаемъ.

«И потому прошу онаго дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна, яко повиннаго въ зажигательствѣ, въ оскорбленіи моего чина, имени и фамиліи и хищническомъ присвоеніи собственности, а паче всего въ подломъ и предосудительномъ присовокупленіи къ фамиліи моей названія «гусака» ко взысканію штрафа, удовлетворенія, потерей и убытковъ, присудить, и самого, яко нарушителя, въ кандалы забить и, заковавши, въ городскую тюрьму препроводить, и по сему моему прошенію рѣшеніе немедленно и неукоснительно учинить. Писалъ и сочинялъ дворянинъ, миргородскій помѣщикъ, Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко».

По прочтеніи просьбы судья приблизился къ Ивану Ивановичу, взялъ его за пуговицу и началъ говорить ему такимъ образомъ:

— Что это вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ? Бога бойтесь! Бросьте просьбу, пусть она пропадаетъ! (Сатана приснись ей!) Возьмитесь лучше съ Иваномъ Никифоровичемъ за руки да поцѣлуйтесь; да купите сантуринскаго или никопольскаго, или хоть просто сдѣлайте пуншику, да позовите меня! Разопьемъ вмѣстѣ и позабудемъ все!

— Нѣтъ, Демьянъ Демьяновичъ! Не такое дѣло, — сказалъ Иванъ Ивановичъ съ важностію, которая такъ всегда шла къ нему:—не такое дѣло, чтобы можно было рѣшить полюбовною сдѣлкою. Прощайте! Прощайте и вы, господа!— продолжалъ онъ съ тою же важностію, оборотившись ко всѣмъ. — Надѣюсь, что моя просьба возымѣетъ надлежащее дѣйствіе. — И ушелъ, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Судья сидѣлъ, не говоря ни слова; секретарь нюхалъ табакъ; канцелярскіе опрокинули разбитый черепокъ бутылки, употребляемый вмѣсто чернильницы, и самъ судья, въ разсѣянности, разводилъ пальцемъ по столу чернильную лужу.

— Что вы скажете на это, Дорофей Трофимовичъ? — сказалъ судья послѣ нѣкотораго молчанія, обратившись къ подсудку.

— Ничего не скажу, — отвѣчалъ подсудокъ.

— Экія дѣла дѣлаются! — продолжалъ судья. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ дверь затрещала, и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась въ присутствіе, а остальная оставалась еще въ передней. Появленіе Ивана

Никифоровича, и еще въ судъ, такъ показалось необыкновеннымъ, что судья вскрикнулъ, секретарь прервалъ свое чтеніе, одинъ канцеляристъ, въ фризовомъ подобіи полуфрака, взялъ въ губы перо, другой проглотилъ муху. Даже отправлявшій должность фельдъегеря и сторожа, инвалидъ, который до того стоялъ у дверей, почесывая въ своей грязной рубашкѣ, съ нашивкою на плечѣ, даже этотъ инвалидъ разинулъ ротъ и наступилъ кому-то на ногу.

— Какими судьбами? Что и какъ? Какъ здоровье ваше, Иванъ Никифоровичъ?

Но Иванъ Никифоровичъ былъ ни живъ ни мертвъ, потому что завязнулъ въ дверяхъ и не могъ сдѣлать ни шагу впередъ или назадъ. Напрасно судья кричалъ въ переднюю, чтобы кто-нибудь изъ находившихся тамъ выперъ сзади Ивана Никифоровича въ присутственную залу. Въ передней находилась одна только старуха-просительница, которая, несмотря на всѣ усилія своихъ костлявыхъ рукъ, ничего не могла сдѣлать. Тогда одинъ изъ канцелярскихъ, съ толстыми губами, съ широкими плечами, съ толстымъ носомъ, глазами, глядѣвшими искоса и пьяно, съ разодранными локтями, приблизился къ передней половинѣ Ивана Никифоровича, сложилъ ему обѣ руки накрестъ, какъ ребенку, и мигнулъ старому инвалиду, который уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ивана Никифоровича, и, несмотря на жалобные стоны, онъ былъ вытиснутъ въ переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей, при чемъ канцелярскій и его помощникъ, инвалидъ, отъ дружныхъ усилій, дыханіемъ устъ своихъ распространили такой сильный запахъ, что комната присутствія превратилась было на время въ питейный домъ.

— На зашибли ли васъ, Иванъ Никифоровичъ? Я скажу матушкѣ, она пришлетъ вамъ настойки, которою потрите только поясницу и спину, и все пройдетъ.

Но Иванъ Никифоровичъ повалился на стулъ и, кромѣ продолжительныхъ *оховъ*, ничего не могъ сказать. Наконецъ слабымъ, едва слышнымъ отъ усталости голосомъ произнесъ онъ: «Не угодно ли?» — и, вынувши изъ кармана рожокъ, прибавилъ: «Возьмите, одолжайтесь!»

— Весьма радъ, что васъ вижу, — отвѣчалъ судья, — но все же не могу представить себѣ, что заставило васъ предпринять трудъ и одолжить насъ такою пріятною нечаянностію.

— Съ просьбою... — могъ только произнесть Иванъ Никифоровичъ.

— Съ просьбою? Съ какою?

— Съ позвомъ... (тутъ одышка произвела долгую паузу) Охъ!.. съ позвомъ на мошенника Ивана Ивановича Перерепенка.

— Господи! И вы туда же! Такіе рѣдкіе друзья! Позовъ на такого добродѣтельнаго человѣка!..

— Онъ — самъ сатана! — произнесъ отрывисто Иванъ Никифоровичъ.

Судья перекрестился.

— Возьмите просьбу, прочитайте.

— Нечего дѣлать, прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ, — сказалъ судья, обращаясь къ секретарю съ видомъ неудовольствія, при чемъ носъ его невольно понюхалъ верхнюю губу, что обыкновенно онъ дѣлалъ прежде только отъ большого удовольствія. Такое самоуправство носа причинило судьѣ еще болѣе досады, онъ вынулъ платокъ и смелъ съ верхней губы весь табакъ, чтобы наказать дерзость его.

Секретарь, сдѣлавши обыкновенный свой приступъ, который онъ всегда употреблялъ передъ начатіемъ чтенія, т.-е. безъ помощи носового платка, началъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ такимъ образомъ:

«Проситъ дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

«1) По ненавистной злобѣ своей и явному недоброжелательству, называющій себя дворяниномъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, всякія пакости, убытки и иные ехидненскіе и въ ужасъ приводящіе поступки мнѣ чинитъ, и вчерашняго дня пополудни, какъ разбойникъ и тать, съ топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудіями, забрался ночью въ мой дворъ и въ находящійся въ ономъ мой же собственный хлѣвъ, собственноручно и поносимъ образомъ его изрубилъ, на что съ моей стороны я не подавалъ никакой причины къ столь противозаконному и разбойническому поступку.

«2) Оный же дворянинъ Перерепенко имѣетъ посягательство на самую жизнь мою, и до 7 числа прошлаго мѣсяца, содержа втайнѣ сіе намѣреніе, пришелъ ко мнѣ и началъ дружескимъ и хитрымъ образомъ выпрашивать у меня ружье, находившееся въ моей комнатѣ, и предлагалъ мнѣ за него, съ свойственною ему скупостью, многія негодныя вещи, какъ-то: свинью бурую и двѣ мѣрки овса. Но, предугадывая тогда же преступное его намѣреніе, я всячески старался отъ онаго уклонить его; но оный мошенникъ и подлецъ, Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, выбранилъ меня мужицкимъ образомъ и питаетъ ко мнѣ съ того времени вражду непримиримую. Притомъ же оный, часто поминаемый неистовый дворянинъ и разбойникъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, и происхожденія весьма поноснаго: его сестра была извѣстная всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею назадъ тому пять лѣтъ въ Миргородѣ, а мужа своего записала въ крестьяне; отецъ и мать его тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню и подъ видомъ благочестія дѣлаетъ самыя соблазнительныя дѣла: постовъ не содержитъ, ибо накапунѣ Филипповки сей богоотступникъ купилъ барана и на другой день велѣлъ зарѣзать своей беззаконной дѣвкѣ Гапкѣ, оговариваясь, аки бы ему нужно было подъ тотъ часъ сало на каганцы и свѣчи.

«Посему прошу онаго дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличеннаго уже въ воровствѣ и грабительствѣ, въ кандалы заковать и въ тюрьму или въ государственный острогъ препроводить и тамъ уже, по усмотрѣнію, лиша чиновъ и дворянства, добре барбарами шмаровать [1]) и въ Сибирь на каторгу, по надобности, заточить, проторы, убытки велѣть ему заплатить и по сему моему прошенію рѣшеніе учинить. Къ сему прошенію руку приложилъ дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ».

Какъ только секретарь кончилъ чтеніе, Иванъ Никифоровичъ взялся за шапку и поклонился съ намѣреніемъ уйти.

— Куда же вы, Иванъ Никифоровичъ? — говорилъ ему вслѣдъ судья.— Посидите немного! Выпейте чаю! Орышко! Что ты стоишь, глупая дѣвка, и перемигиваешься съ канцелярскими! Ступай, принеси чаю!

Но Иванъ Никифоровичъ съ испугу, что такъ далеко зашелъ отъ дому и выдержалъ такой опасный карантинъ, успѣлъ уже пролѣзть въ дверь, проговоривъ:

— Не безпокойтесь, я съ удовольствіемъ... — и затворилъ ее за собою, оставивъ въ изумленіи все присутствіе

Дѣлать было нечего. Обѣ просьбы были приняты, и дѣло готовилось принять довольно важный интересъ, какъ одно непредвидѣнное обстоятельство

---

[1]) Т.-е. бить плетьми.

сообщило ему еще большую занимательность. Когда судья вышелъ изъ присутствія въ сопровожденіи подсудка и секретаря, а канцелярскіе укладывали въ мѣшокъ нанесенныхъ просителями куръ, яицъ, краюхъ хлѣба, пироговъ, книшей и прочаго дрязгу, въ это время бурая свинья вбѣжала въ комнату и схватила, къ удивленію присутствовавшихъ, не пирогъ или хлѣбную корку, но прошеніе Ивана Никифоровича, которое лежало на концѣ стола, перевѣсившись листами внизъ. Схвативши бумагу, бурая хавронья убѣжала такъ скоро, что ни одинъ изъ приказныхъ чиновниковъ не могъ догнать ее, несмотря на кидаемыя линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествіе произвело страшную суматоху, потому что даже копія не была еще списана съ прошенія. Судья, т.-е. его секретарь и подсудокъ, долго трактовали о такомъ неслыханномъ обстоятельствѣ; наконецъ рѣшено было на томъ, чтобы написать объ этомъ отношеніе къ городничему, такъ какъ слѣдствіе по этому дѣлу болѣе относилось къ градской полиціи. Отношеніе за № 389 послано было къ нему того же дня, и по этому самому произошло довольно любопытное объясненіе, о которомъ читатели могутъ узнать изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА V,

въ которой излагается совѣщаніе двухъ почтенныхъ въ Миргородѣ особъ.

Какъ только Иванъ Ивановичъ управился въ своемъ хозяйствѣ и вышелъ по обыкновенію полежать подъ навѣсомъ, то, къ несказанному удивленію своему, увидѣлъ что-то краснѣвшее въ калиткѣ. Это былъ красный обшлагъ городничаго, который, равномѣрно, какъ и воротникъ его, получилъ политуру и по краямъ превращался въ лакированную кожу. Иванъ Ивановичъ подумалъ про себя: «Недурно, что пришелъ Петръ Ѳедоровичъ поговорить», но очень удивился, увидя, что городничій шелъ чрезвычайно скоро и размахивалъ руками, что случалось съ нимъ по обыкновенію весьма рѣдко. На мундирѣ у городничаго посажено было восемь пуговицъ; девятая, какъ оторвалась во время процессіи при освященіи храма назадъ тому два года, такъ до сихъ поръ десятскіе не могутъ отыскать, хотя городничій при ежедневныхъ рапортахъ, которые отдаютъ ему квартальные надзиратели, всегда спрашиваетъ, нашлась ли пуговица. Эти восемь пуговицъ были насажены у него такимъ образомъ, какъ бабы садятъ бобы: одна направо, другая налѣво. Лѣвая нога была у него прострѣлена въ послѣдней кампаніи, и потому онъ, прихрамывая, закидывалъ ею такъ далеко въ сторону, что разрушалъ этимъ почти весь трудъ правой ноги. Чѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ городничій своею пѣхотою, тѣмъ менѣе она подвигалась впередъ, и потому, покамѣстъ дошелъ городничій къ навѣсу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ довольно времени теряться въ догадкахъ, отчего городничій такъ скоро размахивалъ руками. Тѣмъ болѣе это его занимало, что дѣло казалось необыкновенной важности, ибо при городничемъ была даже новая шпага.

— Здравствуйте, Петръ Ѳедоровичъ! — вскричалъ Иванъ Ивановичъ, который, какъ уже сказано, былъ очень любопытенъ и никакъ не могъ удержать своего нетерпѣнія при видѣ, какъ городничій бралъ приступомъ крыльцо, но все еще не поднималъ глазъ своихъ вверхъ и ссорился съ своей пѣхотою, которая никакимъ образомъ не могла съ одного размаху взойти на ступеньку.

— Добраго дня желаю любезному другу и благодѣтелю Ивану Ивановичу! — отвѣчалъ городничій.

— Милости прошу садиться. Вы, какъ я вижу, устали, потому что ваша раненая нога мѣшаетъ...

— Моя нога?—вскрикнулъ городничій, бросивъ на Ивана Ивановича одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, какіе бросаетъ великанъ на пигмея, ученый педантъ—на танцовальнаго учителя. При этомъ онъ вытянулъ свою ногу и топнулъ ею объ полъ. Эта храбрость, однакожъ, ему дорого стоила, потому что весь корпусъ его покачнулся, и носъ клюнулъ перила; но мудрый блюститель порядка, чтобъ не подать никакого вида, тотчасъ оправился и полѣзъ въ карманъ какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы достать табакерку.

— Я вамъ доложу о себѣ, любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что я дѣлывалъ на вѣку своемъ не такіе походы. Да, серьезно, дѣлывалъ. Напримѣръ, во время кампаніи 1807 года... Ахъ, я вамъ разскажу, какимъ манеромъ я перелѣзъ черезъ заборъ къ одной хорошенькой нѣмкѣ.— При этомъ городничій зажмурилъ одинъ глазъ и сдѣлалъ бѣсовски плутовскую улыбку.

— Гдѣ жъ вы бывали сегодня? — спросилъ Иванъ Ивановичъ, желая прервать городничаго и скорѣе навести его на причину посѣщенія; ему бы очень хотѣлось спросить, что такое намѣренъ объявить городничій, но тонкое познаніе свѣта представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скрѣпиться и ожидать разгадки, между тѣмъ, какъ сердце его билось съ необыкновенною силою.

— А позвольте, я вамъ разскажу, гдѣ былъ я, — отвѣчалъ городничій. — Во-первыхъ, доложу вамъ, что сегодня отличное время...

При послѣднихъ словахъ Иванъ Ивановичъ почти что не умеръ.

— Но позвольте, — продолжалъ городничій,— я пришелъ сегодня къ вамъ по одному важному дѣлу. — Тутъ лицо городничаго и осанка приняли то же самое озабоченное положеніе, съ которымъ бралъ онъ приступомъ крыльцо.

Иванъ Ивановичъ ожилъ и трепеталъ какъ въ лихорадкѣ, не замедливши по обыкновенію своему сдѣлать вопросъ:

— Какое же оно важное? Развѣ оно важное?

— Вотъ извольте видѣть: прежде всего осмѣлюсь доложить вамъ, любезный другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что вы... съ моей стороны, я, извольте видѣть, я ничего, но виды правительства, виды правительства этого требуютъ: вы нарушили порядокъ благочинія!

— Что это вы говорите, Петръ Ѳедоровичъ? Я ничего не понимаю.

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ? Какъ вы ничего не понимаете? Ваша собственная животина утащила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите послѣ этого, что ничего не понимаете!

— Какая животина?

— Съ позволенія сказать, ваша собственная бурая свинья.

— А я чѣмъ виноватъ? Зачѣмъ судейскій сторожъ отворяетъ двери?

— Но, Иванъ Ивановичъ, ваше собственное животное: стало-быть, вы виноваты.

— Покорно благодарю васъ за то, что съ свиньею меня равняете.

— Вотъ ужъ этого я не говорилъ, Иванъ Ивановичъ! Ей Богу, не говорилъ! Извольте разсудить по чистой совѣсти сами. Вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что, согласно съ видами начальства, запрещено въ городѣ, тѣмъ же паче въ главныхъ градскихъ улицахъ, прогуливаться нечистымъ животнымъ. Согласитесь сами, что это дѣло запрещенное.

— Богъ знаетъ, что это вы говорите! Большая важность, что свинья вышла на улицу!

— Позвольте вамъ доложить... позвольте, позвольте, Иванъ Ивановичъ, это совершенно невозможно. Что жъ дѣлать? Начальство хочетъ, — мы должны повиноваться. Не спорю, забѣгаютъ иногда на улицу, и даже на площадь, куры и гуси, замѣтьте себѣ: куры и гуси, но свиней и козловъ я еще въ прошломъ году далъ предписаніе не впускать на публичныя площади, которое предписаніе тогда же приказалъ прочитать изустно въ собраніи, предъ цѣлымъ народомъ.

— Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, я здѣсь ничего не вижу, какъ только то, что вы всячески стараетесь обижать меня.

— Вотъ этого-то не можете сказать, любезнѣйшій другъ и благодѣтель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я не сказалъ вамъ ни одного слова прошлый годъ, когда вы выстроили крышу цѣлымъ аршиномъ выше установленной мѣры. Напротивъ, я показалъ видъ, какъ будто совершенно этого не замѣтилъ. Вѣрьте, любезнѣйшій другъ, что и теперь бы я совершенно, такъ сказать... по мой долгъ... словомъ... обязанность, требуетъ смотрѣть за чистотою. Посудите сами, когда вдругъ на главной улицѣ...

— Ужъ хороши ваши главныя улицы! Туда всякая баба идетъ выбросить то, что ей не нужно.

— Позвольте вамъ доложить, Иванъ Ивановичъ, что вы сами обижаете меня. Правда, это случается иногда, но по большей части только подъ заборомъ, сараями или коморами; но, чтобъ на главной улицѣ, на площадь втесалась супоросная свинья, это такое дѣло...

— Что жъ такое, Петръ Ѳедоровичъ! Вѣдь свинья — твореніе Божіе!

— Согласенъ. Это всему свѣту извѣстно, что вы — человѣкъ ученый, знаете науки и прочіе разные предметы. Конечно, я наукамъ не обучался никакимъ; скорописному письму я началъ учиться на тридцатомъ году своей жизни. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, изъ рядовыхъ.

— Гмъ! — сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Да, — продолжалъ городничій, — въ 1801 году я находился въ 42 егерскомъ полку въ 4 ротѣ поручикомъ. Родный командиръ у насъ былъ, если изволите знать, капитанъ Еремѣевъ. — При этомъ городничій запустилъ свои пальцы въ табакерку, которую Иванъ Ивановичъ держалъ открытою, и переминалъ табакъ.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ:

— Гмъ!

— Но мой долгъ, — продолжалъ городничій, — есть повиноваться требованіямъ правительства. Знаете ли вы, Иванъ Ивановичъ, что похитившій въ судѣ казенную бумагу подвергается, наравнѣ со всякимъ другимъ преступленіемъ, уголовному суду?

— Такъ знаю, что, если хотите, и васъ научу. Такъ говорится о людяхъ; напримѣръ, если бы вы украли бумагу; но свинья — животное, твореніе Божіе.

— Все такъ, но законъ говоритъ: «Виновный въ похищеніи...» Прошу васъ прислушаться внимательнѣе: *виновный*! Здѣсь не означается ни рода, ни пола, ни званія; стало-быть, и животное можетъ быть виновно. Воля ваша, а животное прежде произнесенія приговора къ наказанію должно быть представлено въ полицію, какъ нарушитель порядка.

— Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, — возразилъ хладнокровно Иванъ Ивановичъ, — этого-то не будетъ!

— Какъ вы хотите, только я долженъ слѣдовать предписанію начальства.

— Что жъ вы стращаете меня? Вѣрно, хотите прислать за нею безрукаго солдата? Я прикажу дворовой бабѣ его кочергой выпроводить; ему послѣднюю руку переломятъ.

— Я не смѣю съ вами спорить. Въ такомъ случаѣ, если вы не хотите представить ее въ полицію, то пользуйтесь ею, какъ вамъ угодно; заколите, когда желаете, ее къ Рождеству и надѣлайте изъ нея окороковъ или такъ съѣшьте. Только я бы у васъ попросилъ, если будете дѣлать колбасы, пришлите мнѣ парочку тѣхъ, которыя у васъ такъ искусно дѣлаетъ Гапка изъ свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень ихъ любитъ.

— Колбасъ, извольте, пришлю парочку.

— Очень вамъ буду благодаренъ, любезный другъ и благодѣтель. Теперь позвольте вамъ сказать еще одно слово. Я имѣю порученіе какъ отъ судьи, такъ равно и отъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, такъ сказать, примирить васъ съ пріятелемъ вашимъ Иваномъ Никифоровичемъ.

— Какъ? Съ невѣжею? Чтобы я примирился съ этимъ грубіяномъ! Никогда! Не будетъ этого, не будетъ! — Иванъ Ивановичъ былъ въ чрезвычайно рѣшительномъ состояніи.

— Какъ вы себѣ хотите, — отвѣчалъ городничій, угощая обѣ ноздри табакомъ. — Я вамъ не смѣю совѣтовать; однакожъ, позвольте доложить: вотъ вы теперь въ ссорѣ, а какъ помиритесь...

Но Иванъ Ивановичъ началъ говорить о ловлѣ перепеловъ, что обыкновенно случалось, когда онъ хотѣлъ замять рѣчь. Итакъ, городничій, не получивъ никакого успѣха, долженъ былъ отправиться во-свояси.

ГЛАВА VI,

изъ которой читатель легко можетъ узнать все то, что въ ней содержится.

Сколько ни старались въ судѣ скрыть дѣло, но на другой же день весь Миргородъ узналъ, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Самъ городничій первый, позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали объ этомъ, онъ ничего не сказалъ; спросилъ только: «Не бурая ли?»

Но Агаѳья Ѳедосеевна, которая была при этомъ, начала опять приступать къ Ивану Никифоровичу:

— Что ты, Иванъ Никифоровичъ? Надъ тобой будутъ смѣяться, какъ надъ дуракомъ, если ты попустишь! Какой ты послѣ этого будешь дворянинъ? Ты будешь хуже бабы, что предлагаетъ сластены [1]), которыя ты такъ любишь.

И уговорила неугомонная! Нашла гдѣ-то человѣчка среднихъ лѣтъ, черномазаго, съ пятнами по всему лицу, въ темно-синемъ съ заплатами на локтяхъ сюртукѣ, совершенную приказную чернильницу! Сапоги онъ смазывалъ дегтемъ, носилъ по три пера за ухомъ и привязанный къ пуговицѣ на шнурочкѣ стеклянный пузырекъ, вмѣсто чернильницы: съѣдалъ за однимъ разомъ девять пироговъ, а десятый клалъ въ карманъ, и въ одинъ гербовый листъ столько уписывалъ всякой ябеды, что никакой чтецъ не могъ за однимъ разомъ прочесть, не перемежая этого кашлемъ и чиханьемъ. Это небольшое подобіе человѣка копалось, корпѣло, писало и, наконецъ, состряпало такую бумагу:

«Въ миргородскій повѣтовый судъ отъ дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна.

«Вслѣдствіе онаго прошенія моего, что отъ меня, дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна, къ тому имѣло быть, совокупно съ дворяниномъ Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ, чему и самъ повѣтовый миргород-

[1]) „Сластены—пышки“.

скій судъ потворство свое изъявилъ. И самое оное нахальное самоуправство бурой свиньи, будучи втайнѣ содержимо и уже отъ сторонніхъ людей до слуха дошедшись. Понеже оное допущеніе и потворство, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежитъ, ибо оная свинья есть животное глупое и тѣмъ паче способное къ хищенію бумаги. Изъ чего, очевидно, явствуетъ, что часто поминаемая свинья не иначе, какъ была подущена къ тому самимъ противникомъ, называющимъ себя дворяниномъ Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ, уже уличеннымъ въ разбоѣ, посягательствѣ на жизнь и святотатствѣ. Но оный миргородскій судъ, съ свойственнымъ ему лицепріятіемъ тайной своей особы, соглашеніе изъявилъ, безъ какового соглашенія оная свинья никоимъ бы образомъ не могла быть допущенною къ утащенію бумаги, ибо миргородскій повѣтовый судъ въ прислугѣ весьма снабженъ; для сего довольно уже назвать одного солдата, во всякое время въ пріемной пребывающаго, который, хотя имѣетъ одинъ кривой глазъ и нѣсколько поврежденную руку, но, чтобы выгнать свинью и ударить ее дубиною, имѣетъ весьма соразмѣрныя способности. Изъ чего достовѣрно видно потворство онаго миргородскаго суда и безспорно раздѣленіе жидовскаго отъ того барыша по взаимности совмѣщаясь. Оный же вышеупомянутый разбойникъ и дворянинъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко въ приточеніи ошельмовавшись состоялся. Почему и довожу оному повѣтовому суду я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, въ надлежащее всевѣдѣніе, если съ оной бурой свиньи или согласившагося съ нею дворянина Перерепенка означенная просьба взыщена не будетъ и по ней рѣшеніе по справедливости въ мою пользу не возымѣетъ: то я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, о таковомъ онаго суда противозаконномъ потворствѣ подать жалобу въ палату имѣю, съ надлежащимъ по формѣ перенесеніемъ дѣла.

«Дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ».

Эта просьба произвела свое дѣйствіе. Судья былъ человѣкъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ добрые люди, трусливаго десятка. Онъ обратился къ секретарю. Но секретарь пустилъ сквозь губы густой «гмъ» и показалъ на лицѣ своемъ ту равнодушную и дьявольски-двусмысленную мину, которую принимаетъ одинъ только сатана, когда видитъ у ногъ своихъ прибѣгающую къ нему жертву. Одно средство оставалось: примирить двухъ пріятелей. Но какъ приступить къ этому, когда всѣ покушенія были до того безуспѣшны? Однакожъ еще рѣшились попытаться; но Иванъ Ивановичъ напрямикъ объявилъ, что не хочетъ, и даже весьма разсердился. Иванъ Никифоровичъ вмѣсто отвѣта оборотился спиною назадъ и хоть бы слово сказалъ. Тогда процессъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, которою обыкновенно такъ славятся судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, расписались, все въ одинъ и тотъ же день, и положили дѣло въ шкапъ, гдѣ оно лежало, лежало годъ, другой, третій. Множество невѣстъ успѣло выйти замужъ; въ Миргородѣ пробили новую улицу; у судьи выпалъ одинъ коренной зубъ и два боковыхъ; у Ивана Ивановича бѣгало по двору больше ребятишекъ, нежели прежде (откуда они взялись, Богъ одинъ знаетъ!); Иванъ Никифоровичъ, въ упрекъ Ивану Ивановичу, выстроилъ новый гусиный хлѣвъ, хотя немного подальше прежняго, и совершенно застроился отъ Ивана Ивановича, такъ что сіи достойные люди никогда почти не видали въ лицо другъ друга. И дѣло все лежало въ самомъ лучшемъ порядкѣ, въ шкапу, который сдѣлался мраморнымъ отъ чернильныхъ пятенъ.

Между тѣмъ произошелъ чрезвычайно важный случай для всего Миргорода. Городничій давалъ ассамблею [1]). Гдѣ возьму я кистей и красокъ, чтобъ

---

1) Ассамблея—собраніе.

изобразить разнообразіе съѣзда и великолѣпное пиршество? Возьмите часы, откройте ихъ и посмотрите, что тамъ дѣлается! Не правда ли, чепуха страшная? Представьте же теперь себѣ, что почти столько же, если не больше, колесъ стояло среди двора городничаго. Какихъ бричекъ и повозокъ тамъ не было? Одна — задъ широкій, а передъ узенькій; другая — задъ узенькій, а передъ широкій. Одна была и бричка и повозка вмѣстѣ; другая — ни бричка ни повозка; иная была похожа на огромную копну сѣна или на толстую купчиху; другая — на растрепаннаго жида или на скелетъ, еще не совсѣмъ освободившійся отъ кожи; иная была въ профилѣ совершенная трубка съ чубукомъ, другая была ни на что не похожа, представляя какое-то странное существо, совершенно безобразное и чрезвычайно фантастическое. Изъ среды этого хаоса колесъ и козелъ возвышалось подобіе кареты съ комнатнымъ окномъ, перекрещеннымъ толстымъ переплетомъ. Кучера въ сѣрыхъ чекменяхъ, свиткахъ и сѣрякахъ, въ бараньихъ шапкахъ и разнокалиберныхъ фуражкахъ, съ трубками въ рукахъ, проводили по двору распряженныхъ лошадей. Что за ассамблею далъ городничій! Позвольте, я перечту всѣхъ, которые были тамъ: Тарасъ Тарасовичъ, Евпалъ Акиѳовичъ, Евтихій Евтихіевичъ, Иванъ Ивановичъ — не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, — Савва Гавриловичъ, нашъ Иванъ Ивановичъ, Елевѳерій Елевѳеріевичъ, Макаръ Назарьевичъ, Ѳома Григорьевичъ... Не могу далѣе! Не въ силахъ! Рука устаетъ писать! А сколько было дамъ! Смуглыхъ и бѣлолицыхъ, длинныхъ и коротенькихъ, толстыхъ, какъ Иванъ Никифоровичъ, и такихъ тонкихъ, что, казалось, каждую можно было упрятать въ шпажныя ножны городничаго! Сколько чепцовъ! Сколько платьевъ, красныхъ, желтыхъ, кофейныхъ, зеленыхъ, синихъ, новыхъ, перелицованныхъ, перекроенныхъ! Платковъ, лентъ, ридикюлей! Прощайте, бѣдные глаза! Вы никуда не будете годиться послѣ этого спектакля. А какой длинный столъ былъ вытянутъ! А какъ разговорилось все, какой шумъ подняли! Куда противъ этого мельница со всѣми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! Не могу вамъ сказать навѣрно, о чемъ они говорили, но должно думать, что о многихъ пріятныхъ и полезныхъ вещахъ, какъ-то: о погодѣ, о собакахъ, о пшеницѣ, о чепчикахъ, о жеребцахъ. Наконецъ Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, у котораго одинъ глазъ кривъ, сказалъ:

— Мнѣ очень странно, что правый глазъ мой (кривой, Иванъ Ивановичъ всегда говорилъ о себѣ иронически) не видитъ Ивана Никифоровича г-на Довгочхуна.

— Не хотѣлъ прійти, — сказалъ городничій.

— Какъ такъ?

— Вотъ уже, слава Богу, есть два года, какъ поссорились они между собою, т.-е. Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, и гдѣ одинъ, туда другой ни за что не пойдетъ!

— Что вы говорите? — При этомъ кривой Иванъ Ивановичъ поднялъ глаза вверхъ и сложилъ руки вмѣстѣ.—Что жъ теперь, если уже люди съ добрыми глазами не живутъ въ мирѣ, гдѣ же жить мнѣ въ ладу съ кривымъ моимъ окомъ!

На эти слова всѣ засмѣялись во весь ротъ. Всѣ очень любили кривого Ивана Ивановича за то, что онъ отпускалъ шутки совершенно во вкусѣ нынѣшнемъ. Самъ высокій, худощавый человѣкъ, въ байковомъ сюртукѣ, съ пластыремъ на носу, который до того сидѣлъ въ углу и ни разу не перемѣнилъ и движенія на своемъ лицѣ, даже когда залетѣла къ нему въ носъ муха, — этотъ самый господинъ всталъ съ своего мѣста и подвинулся ближе къ толпѣ, обступившей кривого Ивана Ивановича.

— Послушайте! — сказалъ кривой Иванъ Ивановичъ, когда увидѣлъ, что его окружило порядочное общество: — послушайте: вмѣсто того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вмѣсто этого, помиримъ двухъ нашихъ пріятелей! Теперь Иванъ Ивановичъ разговариваетъ съ бабами и дѣвчатами, — пошлемъ потихоньку за Иваномъ Никифоровичемъ да и столкнемъ ихъ вмѣстѣ.

Всѣ единодушно приняли предложеніе Ивана Ивановича и положили немедленно послать къ Ивану Никифоровичу на домъ просить его, во что бы ни стало, пріѣхать къ городничему на обѣдъ. Но важный вопросъ, на кого возложить это важное порученіе, повергнулъ всѣхъ въ недоумѣніе. Долго спорили, кто способнѣе и искуснѣе въ дипломатической части; наконецъ единодушно рѣшили возложить все это на Антона Прокофьевича Гогопузя.

Но прежде нужно нѣсколько познакомить читателя съ этимъ замѣчательнымъ лицомъ. Антонъ Прокофьевичъ былъ совершенно добродѣтельный человѣкъ во всемъ значеніи этого слова: дастъ ли ему кто изъ почетныхъ людей въ Миргородѣ платокъ на шею или исподнее, — онъ благодаритъ; щелкнетъ ли его кто слегка въ носъ, — онъ и тогда благодаритъ. Если у него спрашивали: «Отчего это у васъ, Антонъ Прокофьевичъ, сюртукъ коричневый, а рукава голубые?» — то онъ обыкновенно всегда отвѣчалъ: «А у васъ и такого нѣтъ! Подождите, обносится, весь будетъ одинаковый!» И точно, голубое сукно, отъ дѣйствія солнца, начало обращаться въ коричневое и теперь совершенно подходитъ подъ цвѣтъ сюртука. Но вотъ что странно, что Антонъ Прокофьевичъ имѣетъ обыкновеніе суконное платье носить лѣтомъ, а нанковое — зимою. Антонъ Прокофьевичъ не имѣетъ своего дома. У него былъ прежде на концѣ города, но онъ его продалъ и на вырученныя деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и небольшую бричку, въ которой разъѣзжалъ гостить по помѣщикамъ. Но такъ какъ съ лошадьми было много хлопотъ, и притомъ нужны были деньги на овесъ, то Антонъ Прокофьевичъ ихъ промѣнялъ на скрипку и дворовую дѣвку, взявши придачи двадцатипятирублевую бумажку. Потомъ скрипку Антонъ Прокофьевичъ продалъ, а дѣвку промѣнялъ на сафьяновый съ золотомъ кисетъ, и теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ. За это наслажденіе онъ уже не можетъ разъѣзжать по деревнямъ, а долженъ оставаться въ городѣ и ночевать въ разныхъ домахъ, особенно тѣхъ дворянъ, которые находили удовольствіе щелкать его по носу. Антонъ Прокофьевичъ любитъ хорошо поѣсть, играетъ изрядно въ дураки и мельники. Повиноваться всегда было его стихіею, и потому онъ, взявши шапку и палку, немедленно отправился въ путь.

Но, идучи, сталъ разсуждать, какимъ образомъ ему подвигнуть Ивана Никифоровича прійти на ассамблею. Нѣсколько крутой нравъ сего, впрочемъ, достойнаго человѣка дѣлалъ его предпріятіе почти невозможнымъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ему рѣшиться прійти, когда встать съ постели уже ему стоило великаго труда? Но положимъ, что онъ встанетъ, какъ ему прійти туда, гдѣ находится, — что, безъ сомнѣнія, онъ знаетъ, — непримиримый врагъ его? Чѣмъ болѣе Антонъ Прокофьевичъ обдумывалъ, тѣмъ болѣе находилъ препятствій. День былъ душенъ; солнце жгло; потъ лился съ него градомъ. Антонъ Прокофьевичъ, несмотря на то, что его щелкали по носу, былъ довольно хитрый человѣкъ на многія дѣла. Въ мѣнѣ только былъ онъ не такъ счастливъ. Онъ очень зналъ, когда нужно прикинуться дуракомъ, и иногда умѣлъ найтись въ такихъ обстоятельствахъ и случаяхъ, гдѣ рѣдко и умный бываетъ въ состояніи извернуться.

Въ то время, когда изобрѣтательный умъ его выдумывалъ средство, какъ убѣдить Ивана Никифоровича, и уже онъ храбро шелъ навстрѣчу всего, одно

неожиданное обстоятельство нѣсколько смутило его. Не мѣшаетъ при этомъ сообщить читателю, что у Антона Прокофьевича были, между прочимъ, одни панталоны такого страннаго свойства, что когда онъ надѣвалъ ихъ, то всегда собаки кусали его за икры. Какъ на бѣду, въ тотъ день онъ надѣлъ именно эти панталоны, и потому, едва только онъ предался размышленіямъ, какъ страшный лай со всѣхъ сторонъ поразилъ слухъ его. Антонъ Прокофьевичъ поднялъ такой крикъ (громче его никто не умѣлъ кричать), что не только знакомая баба и обитатель неизмѣримаго сюртука выбѣжали къ нему навстрѣчу, но даже мальчишки со двора Ивана Ивановича посыпались къ нему, и хотя собаки только за одну ногу успѣли его укусить, однакожъ, это очень уменьшило его бодрость, и онъ съ нѣкотораго рода робостью подступалъ къ крыльцу.

ГЛАВА VII и ПОСЛѢДНЯЯ.

— А, здравствуйте! На что вы собакъ дразните? — сказалъ Иванъ Никифоровичъ, увидѣвши Антона Прокофьевича, потому что съ Антономъ Прокофьевичемъ никто иначе не говорилъ, какъ шутя.

— Чтобъ онѣ передохли всѣ! Кто ихъ дразнитъ? — отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ.

— Вы врете?

— Ей Богу, нѣтъ! Просилъ васъ Петръ Ѳедоровичъ на обѣдъ.

— Гмъ?

— Ей Богу! Такъ убѣдительно просилъ, что выразить не можно. «Что это, — говоритъ, — Иванъ Никифоровичъ чуждается меня, какъ непріятеля: никогда не зайдетъ поговорить, либо посидѣть».

Иванъ Никифоровичъ погладилъ свой подбородокъ.

— «Если, — говоритъ, — Иванъ Никифоровичъ и теперь не придетъ, то я не знаю, что подумать: вѣрно, онъ имѣетъ на меня какой умыселъ! Сдѣлайте милость, Антонъ Прокофьевичъ, уговорите Ивана Никифоровича!» — Что жъ, Иванъ Никифоровичъ, пойдемъ! Тамъ собралась теперь отличная компанія.

Иванъ Никифоровичъ началъ разсматривать пѣтуха, который, стоя на крыльцѣ, изо всей мочи дралъ горло.

— Если бы вы знали, Иванъ Никифоровичъ, — продолжалъ усердный депутатъ, — какой осетрины, какой свѣжей икры прислали Петру Ѳедоровичу!

При этомъ Иванъ Никифоровичъ поворотилъ свою голову и началъ внимательно прислушиваться. Это ободрило депутата.

— Пойдемте скорѣе; тамъ и Ѳома Григорьевичъ... Что жъ вы? — прибавилъ онъ, видя, что Иванъ Никифоровичъ лежалъ все въ одинаковомъ положеніи: — что жъ, идемъ, или нейдемъ?

— Не хочу.

Это «не хочу» поразило Антона Прокофьевича: онъ уже думалъ, что убѣдительное представленіе его совершенно склонило этого, впрочемъ, достойнаго человѣка, но вмѣсто того услышалъ рѣшительное «не хочу».

— Отчего же не хотите вы? — спросилъ онъ почти съ досадою, которая показывалась у него чрезвычайно рѣдко, даже тогда, когда клали ему на голову зажженную бумагу, чѣмъ особенно любили себя тѣшить судья и городничій.

Иванъ Никифоровичъ понюхалъ табаку.

— Воля ваша, Иванъ Никифоровичъ, я не знаю, что васъ удерживаетъ.

— Чего я пойду? — проговорилъ, наконецъ, Иванъ Никифоровичъ: — тамъ будетъ разбойникъ! — Такъ онъ называлъ обыкновенно Ивана Ивановича... Боже праведный! А давно ли...

— Ей Богу, не будетъ! Вотъ какъ Богъ святъ, что не будетъ! Чтобъ меня на самомъ этомъ мѣстѣ громомъ убило! — отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ, который готовъ былъ божиться десять разъ на одинъ часъ... — Пойдемте же, Иванъ Никифоровичъ!

— Да вы врете, Антонъ Прокофьевичъ, онъ тамъ?

— Ей Богу, ей Богу, нѣтъ! Чтобы я не сошелъ съ этого мѣста, если онъ тамъ. Да и сами посудите, съ какой стати мнѣ лгать? Чтобъ мнѣ руки и ноги отсохли!.. Что, и теперь не вѣрите? Чтобъ я околѣлъ тутъ же передъ вами! Чтобъ ни отцу, ни матери моей, ни мнѣ не видать царствія небеснаго! Еще не вѣрите?

Иванъ Никифоровичъ этими увѣреніями совершенно успокоился и велѣлъ своему камердинеру въ безграничномъ сюртукѣ принесть шаровары и нанковый казакинъ.

Я полагаю, что описывать, какимъ образомъ Иванъ Никифоровичъ надѣвалъ шаровары, какъ ему намотали галстукъ и, наконецъ, надѣли казакинъ, который подъ лѣвымъ рукавомъ лопнулъ, совершенно излишне. Довольно, что онъ во все это время сохранялъ приличное спокойствіе и не отвѣчалъ ни слова на предложенія Антона Прокофьевича что-нибудь промѣнять на его турецкій кисетъ.

Между тѣмъ собраніе съ нетерпѣніемъ ожидало рѣшительной минуты, когда явится Иванъ Никифоровичъ, и исполнится, наконецъ, всеобщее желаніе, чтобы сіи достойные люди примирились между собою. Многіе были почти увѣрены, что не придетъ Иванъ Никифоровичъ. Городничій даже бился объ закладъ съ кривымъ Иваномъ Ивановичемъ, что не придетъ; но разошелся только потому, что кривой Иванъ Ивановичъ требовалъ, чтобы тотъ поставилъ въ закладъ подстрѣленную свою ногу, а онъ — кривое око, — чѣмъ городничій очень обидѣлся, а компанія потихоньку смѣялась. Никто еще не садился за столъ, хотя давно уже былъ второй часъ, — время, въ которое въ Миргородѣ даже въ парадныхъ случаяхъ давно уже обѣдаютъ.

Едва только Антонъ Прокофьевичъ появился въ дверяхъ, какъ въ то же мгновеніе былъ обступленъ всѣми. Антонъ Прокофьевичъ на всѣ вопросы закричалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ:

— Не будетъ!

Едва только онъ это произнесъ, и уже градъ выговоровъ, браней, а можетъ-быть, и щелчковъ готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, какъ вдругъ дверь отворилась, и... вошелъ Иванъ Никифоровичъ.

Если бы показался самъ сатана или мертвецъ, то они бы не произвели такого изумленія во всемъ обществѣ, въ какое повергнулъ его неожиданный приходъ Ивана Никифоровича. А Антонъ Прокофьевичъ только заливался, ухватившись за бока, отъ радости, что такъ подшутилъ надъ всею компаніею.

Какъ бы то ни было, только это было почти невѣроятно для всѣхъ, чтобы Иванъ Никифоровичъ въ такое короткое время могъ одѣться, какъ прилично дворянину. Ивана Ивановича въ это время не было: онъ зачѣмъ-то вышелъ. Очнувшись отъ изумленія, вся публика приняла участіе въ здоровьѣ Ивана Никифоровича и изъявила удовольствіе, что онъ раздался въ толщину. Иванъ Никифоровичъ цѣловался со всякимъ и говорилъ: «Очень одолженъ».

Между тѣмъ запахъ борща понесся чрезъ комнату и пощекоталъ пріятно ноздри проголодавшимся гостямъ. Всѣ повалили въ столовую. Вереница дамъ, говорливыхъ и молчаливыхъ, тощихъ и толстыхъ, потянулась впередъ, и длинный столъ зарябѣлъ всѣми цвѣтами. Не стану описывать кушаньевъ, какія

были за столомъ. Ничего не упомяну о мнишкахъ [1]) въ сметанѣ, ни объ утрибкѣ [2]), которую подавали къ борщу, ни объ индѣйкѣ со сливами и изюмомъ, ни о томъ кушаньѣ, которое очень походило видомъ на сапоги, намоченные въ квасѣ, ни о томъ соусѣ, который есть лебединая пѣснь стариннаго повара, о томъ соусѣ, который подавался обхваченный весь виннымъ пламенемъ, что очень забавляло и вмѣстѣ пугало дамъ. Не стану говорить объ этихъ кушаньяхъ, потому что мнѣ гораздо болѣе нравится ѣсть ихъ, нежели распространяться объ нихъ въ разговорахъ.

Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, приготовленная съ хрѣномъ. Онъ особенно занялся этимъ полезнымъ и питательнымъ упражненіемъ. Выбирая самыя тонкія рыбьи косточки, онъ клалъ ихъ на тарелку и какъ-то нечаянно взглянулъ насупротивъ. Творецъ небесный какъ это было странно! Противъ него сидѣлъ Иванъ Никифоровичъ!

Иванъ Ивановичъ сталъ за спиною Ивана Никифоровича, а городничій зашелъ за спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать ихъ сзади, чтобы спихнуть ихъ вмѣстѣ и не выпускать до тѣхъ поръ, пока не подадутъ рукъ.

Въ одно и то же время взглянулъ и Иванъ Никифоровичъ... Нѣтъ!.. Не могу!.. Дайте мнѣ другое перо! Перо мое вяло, мертво, съ тонкимъ расщепомъ для этой картины! Лица ихъ съ отразившимся изумленіемъ сдѣлались какъ бы окаменѣлыми. Каждый изъ нихъ увидѣлъ лицо давно знакомое, къ которому, казалось бы, невольно готовъ подойти, какъ къ пріятелю неожиданному и поднесть рожокъ съ словомъ «одолжайтесь», или: «смѣю ли просить объ одолженіи?» Но вмѣстѣ съ этимъ то же самое лицо было страшно, какъ нехорошее предзнаменованіе. Потъ катился градомъ у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича.

---

[1]) „Мнишки—кушанье изъ муки съ творогомъ". [2]) „Утрибка—кушанье изъ внутренностей"

Присутствующіе, всѣ, сколько ихъ ни было за столомъ, онѣмѣли отъ вниманія и не отрывали глазъ отъ нѣкогда бывшихъ друзей. Дамы, которыя до того времени были заняты довольно интереснымъ разговоромъ о томъ, какимъ образомъ дѣлаются каплуны, вдругъ прервали разговоръ. Все стихло. Это была картина, достойная кисти великаго художника. Наконецъ Иванъ Ивановичъ вынулъ носовой платокъ и началъ сморкаться, а Иванъ Никифоровичъ осмотрѣлся вокругъ и остановилъ глаза на растворенной двери. Городничій тотчасъ замѣтилъ это движеніе и велѣлъ затворить дверь покрѣпче. Тогда каждый изъ друзей началъ кушать, и уже ни разу не взглянули они другъ на друга. Какъ только кончился обѣдъ, оба прежніе пріятели схватились съ мѣстъ и начали искать шапокъ, чтобы улизнуть. Тогда городничій мигнулъ, и Иванъ Ивановичъ, — не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, что съ кривымъ глазомъ, — сталъ за спиною Ивана Никифоровича, а городничій зашелъ за спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать ихъ сзади, чтобы спихнуть ихъ вмѣстѣ и не выпускать до тѣхъ поръ, пока не подадутъ рукъ. Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, натолкнулъ Ивана Никифоровича, хотя и нѣсколько косо, однакожъ, довольно еще удачно, въ то мѣсто, гдѣ стоялъ Иванъ Ивановичъ; но городничій сдѣлалъ дирекцію слишкомъ въ сторону, потому что онъ никакъ не могъ управиться съ своевольною пѣхотою, не слушавшею на тотъ разъ никакой команды, и, какъ назло, закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно въ противную сторону (что, можетъ, происходило оттого, что за столомъ было чрезвычайно много разныхъ наливокъ), такъ что Иванъ Ивановичъ упалъ на даму въ красномъ платьѣ, которая изъ любопытства просунулась въ самую средину. Такое предзнаменованіе не предвѣщало ничего добраго. Однакожъ судья, чтобъ поправить это дѣло, занялъ мѣсто городничаго и, потянувши носомъ съ верхней губы весь табакъ, отпихнулъ Ивана Ивановича къ другую сторону. Въ Миргородѣ это обыкновенный способъ примиренія; онъ нѣсколько похожъ на игру въ мячикъ. Какъ только судья пихнулъ Ивана Ивановича, Иванъ Ивановичъ, съ кривымъ глазомъ, уперся всею силою и пихнулъ Ивана Никифоровича, съ котораго потъ валился, какъ дождевая вода съ крыши. Несмотря на то, что оба пріятеля весьма упирались, они все-таки были столкнуты, потому что обѣ дѣйствовавшія стороны получили значительное подкрѣпленіе со стороны другихъ гостей.

Тогда обступили ихъ со всѣхъ сторонъ тѣсно и не выпускали до тѣхъ поръ, пока они не рѣшились подать другъ другу руки.

— Богъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ и Иванъ Ивановичъ! Скажите по совѣсти: за что вы поссорились? Не по пустякамъ ли? Не совѣстно ли вамъ передъ людьми и передъ Богомъ?

— Я не знаю, — сказалъ Иванъ Никифоровичъ, пыхтя отъ усталости (замѣтно было, что онъ былъ весьма не прочь отъ примиренія): — я не знаю, что я такое сдѣлалъ Ивану Ивановичу; за что же онъ порубилъ мой хлѣвъ и замышлялъ погубить меня?

— Неповиненъ ни въ какомъ зломъ умыслѣ, — говорилъ Иванъ Ивановичъ, не обращая глазъ на Ивана Никифоровича. — Клянусь и предъ Богомъ и предъ вами, почтенное дворянство, я ничего не сдѣлалъ моему врагу. За что же онъ меня поноситъ и наноситъ вредъ моему чину и званію?

— Какой же я вамъ, Иванъ Ивановичъ, нанесъ вредъ? — сказалъ Иванъ Никифоровичъ.

Еще одна минута объясненія, — и давнишняя вражда готова была погаснуть. Уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать: «Одолжайтесь»

— Развѣ это не вредъ, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, не подымая глазъ, — когда вы, милостивый государь, оскорбили мой чинъ и фамилію такимъ словомъ, которое неприлично здѣсь сказать?

— Позвольте вамъ сказать по-дружески, Иванъ Ивановичъ, — при этомъ Иванъ Никифоровичъ дотронулся пальцемъ до пуговицы Ивана Ивановича, что означало совершенное его расположеніе: — вы обидѣлись, чортъ знаетъ за что такое: за то, что я васъ назвалъ *гусакомъ*...

Иванъ Никифоровичъ спохватился, что сдѣлалъ неосторожность, произнесши это слово; но уже было поздно: слово было произнесено. Все пошло къ чорту! Когда при произнесеніи этого слова безъ свидѣтелей Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ себя и пришелъ въ такой гнѣвъ, въ какомъ не дай Богъ видѣть человѣка, — что жъ теперь, посудите, любезные читатели, что теперь, когда это убійственное слово произнесено было въ собраніи, въ которомъ находилось множество дамъ, передъ которыми Иванъ Ивановичъ любилъ быть особенно приличнымъ? Поступи Иванъ Никифоровичъ не такимъ образомъ, скажи онъ *птица*, а не *гусакъ*, еще бы можно было поправить. Но... все кончено! Онъ бросилъ на Ивана Никифоровича взглядъ—и какой взглядъ! Если бы этому взгляду придана была власть исполнительная, то онъ обратилъ бы въ прахъ Ивана Никифоровича. Гости поняли этотъ взглядъ и поспѣшили сами разлучить ихъ. И этотъ человѣкъ, образецъ кротости, который ни одну нищую не пропускалъ, чтобъ не разспросить ее, выбѣжалъ въ ужасномъ бѣшенствѣ. Такія сильныя бури производятъ страсти!

Цѣлый мѣсяцъ ничего не было слышно объ Иванѣ Ивановичѣ. Онъ заперся въ своемъ домѣ. Завѣтный сундукъ былъ отпертъ, изъ сундука были вынуты... что же? — карбованцы [1])! старые, дѣдовскіе карбованцы! И эти карбованцы перешли въ запачканныя руки чернильныхъ дѣльцовъ. Дѣло было перенесено въ палату. И когда получилъ Иванъ Ивановичъ радостное извѣстіе, что завтра рѣшится оно, тогда только выглянулъ на свѣтъ и рѣшился выйти изъ дому. Увы, съ того времени палата извѣщала ежедневно, что дѣло копчится завтра, въ продолженіе десяти лѣтъ.

Назадъ тому лѣтъ пять я проѣзжалъ чрезъ городъ Миргородъ. Я ѣхалъ въ дурное время. Тогда стояла осень съ своею грустно-сырою погодою, грязью и туманомъ. Какая-то ненатуральная зелень, — твореніе скучныхъ безпрерывныхъ дождей, — покрывала жидкою сѣтью поля и нивы, къ которымъ она такъ пристала какъ шалости старику, розы — старухѣ. На меня тогда сильное вліяніе производила погода; я скучалъ, когда она была скучна. Но, несмотря на то, когда я сталъ подъѣзжать къ Миргороду, то почувствовалъ, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаній! Я двѣнадцать лѣтъ не видалъ Миргорода. Здѣсь жили тогда въ трогательной дружбѣ два единственные человѣка, два единственные друга. А сколько вымерло знаменитыхъ людей! Судья Демьянъ Демьяновичъ уже тогда былъ покойникомъ; Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, тоже приказалъ долго жить. Я въѣхалъ въ главную улицу; вездѣ стояли шесты съ привязаннымъ вверху пукомъ соломы: производилась какая-то новая планировка. Нѣсколько избъ было снесено. Остатки заборовъ и плетней торчали уныло.

День былъ тогда праздничный; я приказалъ рогоженную кибитку свою остановить передъ церковью и вошелъ такъ тихо, что никто не обратился. Правда, и некому было: церковь была пуста; народу почти никого; видно было, что и самые богомольные побоялись грязи. Свѣчи, при пасмурномъ, лучше сказать, больномъ днѣ, какъ-то были странно непріятны; темные притворы были пе-

[1]) „Карбованецъ — цѣлковый".

чальны; продолговатыя окна съ круглыми стеклами обливались дождливыми слезами. Я отошелъ въ притворъ и обратился къ одному почтенному старику съ посѣдѣвшими волосами:

— Позвольте узнать, живъ ли Иванъ Никифоровичъ?

Въ это время лампада вспыхнула живѣе передъ иконою, и свѣтъ прямо ударился въ лицо моего сосѣда. Какъ же я удивился, когда, разсматривая, увидѣлъ черты знакомыя! Это былъ самъ Иванъ Никифоровичъ! Но какъ измѣнился!

— Здоровы ли вы, Иванъ Никифоровичъ? Какъ же вы постарѣли!

— Да, постарѣлъ. Я сегодня изъ Полтавы, — отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ.

— Что вы говорите! Вы ѣздили въ Полтаву въ такую дурную погоду?

— Что жъ дѣлать? Тяжба...

При этомъ я невольно вздохнулъ.

Иванъ Никифоровичъ замѣтилъ этотъ вздохъ и сказалъ:

— Не безпокойтесь: я имѣю вѣрное извѣстіе, что дѣло рѣшится на слѣдующей недѣлѣ и въ мою пользу.

Я пожалъ плечами и пошелъ узнать что-нибудь объ Иванѣ Ивановичѣ

— Иванъ Ивановичъ здѣсь, — сказалъ мнѣ кто-то: — онъ на клиросѣ.

Я увидѣлъ тогда тощую фигуру. Это ли Иванъ Ивановичъ? Лицо было покрыто морщинами, волосы были совершенно бѣлые; но бекеша была все та же. Послѣ первыхъ привѣтствій Иванъ Ивановичъ, обратившись ко мнѣ съ веселою улыбкою, которая такъ всегда шла къ его воронкообразному лицу, сказалъ:

— Увѣдомить ли васъ о пріятной новости?

— О какой новости? — спросилъ я.

— Завтра непремѣнно рѣшится мое дѣло; палата сказала навѣрное.

Я вздохнулъ еще глубже и поскорѣе поспѣшилъ проститься, потому что я ѣхалъ по весьма важному дѣлу, и сѣлъ въ кибитку.

Тощія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливмя на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкою. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно проѣхалась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо. — Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

ПОВѢСТИ.

НОСЪ.

I.

Марта 25 числа случилось въ Петербургѣ необыкновенно странное происшествіе. Цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, живущій на Вознесенсокмъ проспектѣ (фамилія его утрачена, и даже на вывѣскѣ его, гдѣ изображенъ господинъ съ намыленною щекою и надписью: *и кровь отворяютъ*,—не выставлено ничего болѣе),—цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ проснулся довольно рано и услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немного на кровати, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе, вынимала изъ печи только что испеченные хлѣбы.

— Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофею, — сказалъ Иванъ Яковлевичъ:—а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ. (То-есть Иванъ Яковлевичъ хотѣлъ бы и того и другого, но зналъ, что было совершенно невозможно требовать двухъ вещей разомъ, ибо Прасковья Осиповна очень не любила такихъ прихотей.)

«Пусть дуракъ ѣстъ хлѣбъ, мнѣ же лучше,—подумала про себя супруга:—останется кофею лишняя порція», и бросила одинъ хлѣбъ на столъ.

Иванъ Яковлевичъ для приличія надѣлъ сверхъ рубашки фракъ и, усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ соли, приготовилъ двѣ головки луку, взялъ въ руки ножъ и, сдѣлавши значительную мину, принялся рѣзать хлѣбъ. Разрѣзавши хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣлъ въ середину—и, къ удивленію своему, увидѣлъ что-то бѣлѣвшееся. Иванъ Яковлевичъ ковырнулъ осторожно ножомъ и пощупалъ пальцемъ. «Плотное! — сказалъ онъ самъ про себя. — Что бы это такое было?»

Онъ засунулъ пальцы и вытащилъ—носъ!... Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ; сталъ протирать глаза и щупать пальцами: носъ, точно, носъ! и еще казалось, какъ будто чей-то знакомый. Ужасъ изобразился на лицѣ Ивана Яковлевича. Но этотъ ужасъ былъ ничто противъ негодованія, которое овладѣло его супругою.

— Гдѣ это ты, звѣрь, отрѣзалъ носъ? — закричала она съ гнѣвомъ.— Мошенникъ! Пьяница! Я сама на тебя донесу полиціи! Разбойникъ какой! Вотъ ужъ я отъ трехъ человѣкъ слышала, что ты во время бритья такъ теребишь за носы, что еле держатся.

Но Иванъ Яковлевичъ былъ ни живъ ни мертвъ: онъ узналъ, что этотъ носъ былъ не кого другого, какъ коллежскаго асессора [1]) Ковалева, котораго онъ брилъ каждую среду и воскресенье.

— Стой, Прасковья Осиповна! Я заверну его въ тряпочку и положу въ уголокъ: пусть тамъ маленечко полежитъ, а послѣ я его вынесу.

— И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя въ комнатѣ лежать отрѣзанному носу!.. Сухарь поджаристый! Знай, умѣетъ только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсѣмъ не въ состоніи будетъ исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвѣчать полиціи?.. Ахъ, ты, пачкунъ, бревно глупое! Вонъ его! Вонъ! Неси, куда хочешь. Чтобы я духу его не слыхала!

Иванъ Яковлевичъ стоялъ, совершенно какъ убитый. Онъ думалъ, думалъ— и не зналъ, что подумать.

— Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлалось, — сказалъ онъ наконецъ, почесавъ рукою за ухомъ: — пьянъ ли я вчера возвратился, или нѣтъ, ужъ навѣрное сказать не могу. А по всѣмъ примѣтамъ, должно-быть, происшествіе несбыточное, ибо хлѣбъ — дѣло. печеное, а носъ совсѣмъ не то. Ничего не разберу!

Иванъ Яковлевичъ замолчалъ. Мысль о томъ, что полицейскіе отыщутъ у него носъ и обвинятъ его, привела его въ совершенное безпамятство. Уже ему мерещился алый воротникъ, красиво вышитый серебромъ, шпага... и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Наконецъ досталъ онъ свое исподнее платье и сапоги, напялилъ на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увѣщаніями Прасковьи Осиповны, завернулъ носъ въ тряпку и вышелъ на улицу.

Онъ хотѣлъ его куда-нибудь подсунуть: или въ тумбу подъ воротами, или такъ какъ-нибудь нечаянно выронить да и повернуть въ переулокъ. Но, какъ на бѣду, ему попадался какой-нибудь знакомый человѣкъ, который начиналъ тотчасъ запросомъ: «Куда идешь?» или: «Кого такъ рано собрался брить?» такъ что Иванъ Яковлевичъ никакъ не могъ улучить минуту. Въ другой разъ онъ уже совсѣмъ уронилъ было носъ, но будочникъ еще издали указалъ ему аллебардою, промолвивъ: «Подыми, вонъ ты что-то уронилъ!» и Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ поднять носъ и спрятать его въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ, тѣмъ болѣе, что народъ безпрестанно умножался на улицѣ по мѣрѣ того, какъ начали отпираться магазины и лавочки.

Онъ рѣшился итти къ Исакіевскому мосту: не удастся ли какъ-нибудь швырнуть его въ Неву?.. Но я нѣсколько виноватъ, что до сихъ поръ не сказалъ ничего объ Иванѣ Яковлевичѣ, человѣкѣ, почтенномъ во многихъ отношеніяхъ.

Иванъ Яковлевичъ, какъ всякій порядочный русскій мастеровой, былъ пьяница страшный, и хотя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него вѣчно не бритъ. Фракъ у Ивана Яковлевича (Иванъ Яко-

---

[1]) Коллежскій асессоръ—гражданскій чинъ, соотвѣтствующій майору.

влевичъ никогда не ходилъ въ сюртукѣ) былъ пѣгій, то-есть онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблокахъ; воротникъ лоснился, а вмѣсто трехъ пуговицъ висѣли однѣ только ниточки. Иванъ Яковлевичъ былъ большой циникъ, и когда коллежскій асессоръ Ковалевъ обыкновенно говорилъ ему во время бритья: «У тебя, Иванъ Яковлевичъ, вѣчно воняютъ руки!», то Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ на это вопросомъ: «Отчего жъ бы имъ вонять?» — «Не знаю, братецъ, только воняютъ», говорилъ коллежскій асессоръ, и Иванъ Яковлевичъ, понюхавши табаку, мылилъ ему за это и на щекѣ, и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бородою, — однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота.

Этотъ почтенный гражданинъ находился уже на Исакіевскомъ мосту. Онъ прежде всего осмотрѣлся, потомъ нагнулся на перила, будто бы посмотрѣть подъ мостъ, много ли рыбы бѣгаетъ, и швырнулъ потихоньку тряпку съ носомъ. Онъ почувствовалъ, какъ будто бы съ него разомъ свалилось десять пудовъ. Иванъ Яковлевичъ даже усмѣхнулся. Вмѣсто того, чтобы итти брить чиновничьи подбородки, онъ отправился въ заведеніе съ надписью: *кушанье и чай*, спросить стаканъ пуншу, какъ вдругъ замѣтилъ въ концѣ моста квартальнаго надзирателя благородной наружности, съ широкими бакенбардами, въ треугольной шляпѣ, со шпагою. Онъ обмеръ; а между тѣмъ квартальный кивалъ ему пальцемъ и говорилъ: «А подойди сюда, любезный!»

Иванъ Яковлевичъ, зная форму, снялъ издали еще картузъ и, подошедши проворно, сказалъ: «Желаю здравія вашему благородію!»

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не благородію,—скажи-ка, что ты тамъ дѣлалъ, стоя на мосту?

— Ей Богу, сударь, ходилъ брить да посмотрѣлъ только, шибко ли рѣка идетъ.

— Врешь, врешь! Этимъ не отдѣлаешься! изволь-ка отвѣчать.

— Я вашу милость два раза въ недѣлю или даже три готовъ брить безъ всякаго прекословія,—отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Нѣтъ, пріятель, это пустяки! Меня три цырюльника бреютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка разсказать, что ты тамъ дѣлалъ.

Иванъ Яковлевичъ поблѣднѣлъ... Но здѣсь происшествіе совершенно закрывается туманомъ, и что далѣе произошло, рѣшительно ничего неизвѣстно.

II.

Коллежскій асессоръ Ковалевъ проснулся довольно рано и сдѣлалъ губами: «брр»... — что всегда онъ дѣлалъ, когда просыпался, хотя и самъ не могъ растолковать, по какой причинѣ. Ковалевъ потянулся, приказалъ себѣ подать небольшое, стоявшее на столѣ, зеркало. Онъ хотѣлъ взглянуть на прыщикъ, который вчерашнимъ вечеромъ вскочилъ у него на носу, но, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что у него вмѣсто носа совершенно гладкое мѣсто! Испугавшись, Ковалевъ велѣлъ подать воды и протеръ полотенцемъ глаза: точно, нѣтъ носа! Онъ началъ щупать рукою, ущипнулъ себя, чтобы узнать, не спитъ ли онъ: кажется, не спитъ. Коллежскій асессоръ Ковалевъ вскочилъ съ кровати, встряхнулся—все нѣтъ носа!.. Онъ велѣлъ тотчасъ подать себѣ одѣться и полетѣлъ прямо къ оберъ-полицмейстеру.

Но между тѣмъ необходимо сказать что-нибудь о Ковалевѣ, чтобы читатель могъ видѣть, какого рода былъ этотъ коллежскій асессоръ. Коллежскихъ асессоровъ, которые получаютъ это званіе съ помощью ученыхъ аттестатовъ, ни-

какъ пельзя сравнивать съ тѣми коллежскими асессорами, которые дѣлались на Кавказѣ. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежскіе асессора... Но Россія такая чудная земля, что, если скажешь что-нибудь объ одномъ коллежскомъ асессорѣ, то всѣ коллежскіе асессора, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ, то же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ. Ковалевъ былъ кавказскій коллежскій асессоръ. Онъ два года только еще состоялъ въ этомъ званіи и потому ни на минуту не могъ его позабыть; а чтобы еще болѣе придать себѣ благородства и вѣса, онъ никогда не называлъ себя просто коллежскимъ асессоромъ, но всегда майоромъ. «Послушай, голубушка, — говорилъ онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, продававшую манишки:— ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя въ Садовой; спроси только: здѣсь ли живетъ мойоръ Ковалевъ? — тебѣ всякій покажетъ». Если же встрѣчалъ какую-нибудь смазливенькую, то давалъ ей сверхъ того секретное приказаніе, прибавляя: «Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева». По этому-то самому и мы будемъ впередъ этого коллежскаго асессора называть майоромъ.

Майоръ Ковалевъ имѣлъ обыкновеніе каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничокъ его манишки былъ всегда чрезвычайно чистъ и накрахмаленъ. Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, у архитекторовъ, если только они—русскіе люди, а также у отправляющихъ разныя полицейскія обязанности и вообще у всѣхъ тѣхъ мужей, у которыхъ чрезвычайно полныя и румяныя щеки и которые хорошо играютъ въ бостонъ: эти бакенбарды идутъ по самой срединѣ щеки и прямехонько доходятъ до носа. Майоръ Ковалевъ носилъ множество сердоликовыхъ печатокъ, и съ гербами и такихъ, на которыхъ было вырѣзано: *среда*, *четвергъ*, *понедѣльникъ* и проч. Майоръ Ковалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ по надобности, а именно — искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся, то вице-губернаторскаго, а не то — экзекуторскаго, въ какомъ-нибудь видномъ департаментѣ. Майоръ Ковалевъ былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячъ капиталу. И потому читатель теперь можетъ судить самъ, каково было положеніе этого майора, когда онъ увидѣлъ, вмѣсто довольно недурнаго и умѣреннаго носа, преглупое ровное и гладкое мѣсто.

Какъ на бѣду его еще ни одинъ извозчикъ не показывался на улицѣ, и онъ долженъ былъ итти пѣшкомъ, закутавшись въ свой плащъ и закрывши платкомъ лицо, показывая видъ, какъ будто бы у него шла кровь. «Но авось-либо мнѣ такъ представилось: не можетъ быть, чтобы носъ пропалъ сдуру», подумалъ онъ и зашелъ въ кондитерскую нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотрѣться въ зеркало. Къ счастію, въ кондитерской никого не было: мальчишки мели комнаты и разставляли стулья; нѣкоторые съ сонными глазами выносили на подносахъ горячіе пирожки; на столахъ и стульяхъ валялись залитыя кофеемъ вчерашнія газеты. «Ну, слава Богу, никого нѣтъ, — произнесъ онъ:—теперь можно поглядѣть». Онъ робко подошелъ къ зеркалу и взглянулъ. «Чортъ знаетъ что, какая дрянь!—произнесъ онъ, плюнувши.— Хотя бы уже что-нибудь было вмѣсто носа, а то ничего!..»

Съ досадою закусивши губы, вышелъ онъ изъ кондитерской и рѣшился, противъ своего обыкновенія, не глядѣть ни на кого и никому не улыбаться. Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный, у дверей одного дома; въ глазахъ его произошло явленіе неизъяснимое: передъ подъѣздомъ остановилась карета: дверцы отворились, выпрыгнулъ, согнувшись, господинъ въ мундирѣ и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Каковъ же былъ ужасъ и вмѣстѣ изумленіе Ковалева, когда онъ узналъ, что это былъ—собственный его носъ! При этомъ необыкно-

венномъ зрѣлищѣ, казалось ему, все переворотилось у него въ глазахъ; онъ чувствовалъ, что едва могъ стоять, но рѣшился, во что бы ни стало, ожидать его возвращенія въ карету, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Черезъ двѣ минуты носъ, дѣйствительно, вышелъ. Онъ былъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ большимъ стоячимъ воротникомъ; на немъ были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпѣ съ плюмажемъ можно было заключить, что онъ считался въ рангѣ статскаго совѣтника. По всему замѣтно было, что онъ ѣхалъ куда-нибудь съ визитомъ. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны, закричалъ кучеру: «Подавай!» сѣлъ и уѣхалъ.

Бѣдный Ковалевъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ не зналъ, какъ и подумать о такомъ странномъ происшествіи. Какъ же можно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ и не могъ ни ѣздить ни ходить, былъ въ мундирѣ. Онъ побѣжалъ за каретою, которая, къ счастію, проѣхала недалеко и остановилась передъ гостинымъ дворомъ.

Онъ поспѣшилъ туда, пробрался сквозь рядъ нищихъ-старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями для глазъ, падъ которыми онъ прежде такъ смѣялся. Народу было немного. Ковалевъ чувствовалъ себя въ такомъ разстроенномъ состояніи, что ни на что не могъ рѣшиться и искалъ глазами этого господина по всѣмъ угламъ; наконецъ увидѣлъ его, стоявшаго передъ лавкою. Носъ спряталъ совершенно лицо свое въ большой стоячій воротникъ и съ глубокимъ вниманіемъ разсматривалъ какіе-то товары.

«Какъ подойти къ нему?— думалъ Ковалевъ.— По всему,— по мундиру, по шляпѣ — видно, что онъ — статскій совѣтникъ. Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлать!»

Онъ началъ около него покашливать, но носъ ни на минуту не оставлялъ своего положенія.

— Милостивый государь,— сказалъ Ковалевъ, внутренно принуждая себя ооодриться:—милостивый государь...

— Что вамъ угодно?—отвѣчалъ носъ, оборотившись.

— Мнѣ странно, милостивый государь... мнѣ кажется... Вы должны знать свое мѣсто. И вдругъ я васъ нахожу и гдѣ же?.. Согласитесь...

— Извините меня, я не могу взять въ толкъ, о чемъ вы изволите говорить. Объяснитесь.

«Какъ мнѣ ему объяснить?» подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ:

— Конечно, я... впрочемъ, я—майоръ. Мнѣ ходить безъ носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговкѣ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины, можно сидѣть безъ носа; но, имѣя въ виду получить... притомъ будучи во многихъ домахъ знакомъ съ дамами: Чехтарева, статская совѣтница, и другія... Вы посудите сами... Я не знаю, милостивый государь (при этомъ майоръ Ковалевъ пожалъ плечами), извините... если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести... вы сами можете понять...

— Ничего рѣшительно не понимаю,— отвѣчалъ носъ.— Изъяснитесь удовлетворительнѣе.

— Милостивый государь,—сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственнаго достоинства,—я не знаю, какъ понимать слова ваши... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно... или вы хотите... Вѣдь вы—мой собственный носъ!

Носъ посмотрѣлъ на майора, и брови его нѣсколько нахмурились.

— Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ ва-

шего вицмундира, вы должны служить по другому вѣдомству. — Сказавши это, носъ отвернулся.

Ковалевъ совершенно смѣшался, не зная, что и дѣлать и что даже подумать. Въ это время послышался пріятный шумъ дамскаго платья: подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и съ нею тоненькая въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной таліи, въ палевой шляпкѣ, легкой, какъ пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокій гайдукъ съ большими бакенбардами и цѣлой дюжиной воротниковъ. Ковалевъ подступилъ поближе, высунулъ батистовый воротничокъ манишки, поправилъ висѣвшія на золотой цѣпочкѣ свои печатки и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая какъ весенній цвѣточекъ, слегка наклонялась и подносила ко лбу свою бѣленькую ручку съ полупрозрачными пальцами. Улыбка на лицѣ Ковалева раздвинулась еще далѣе, когда онъ увидѣлъ изъ-подъ шляпки ея кругленькій, яркой бѣлизны подбородокъ и часть щеки, осѣненной цвѣтомъ первой весенней розы; но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись. Онъ вспомнилъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно нѣтъ ничего, и слезы выжались изъ глазъ его. Онъ оборотился съ тѣмъ, чтобы напрямикъ сказать господину въ мундирѣ, что онъ только прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ—плутъ и подлецъ и что онъ больше ничего, какъ только его собственный носъ... Но носа уже не было: онъ успѣлъ ускакать, вѣроятно, опять къ кому-нибудь съ визитомъ.

Это повергло Ковалева въ отчаяніе. Онъ пошелъ назадъ и остановился съ минуту подъ колоннадою, тщательно смотря во всѣ стороны, не попадется ли гдѣ носъ. Онъ очень хорошо помнилъ, что шляпа на немъ была съ плюмажемъ и мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но шинели не замѣтилъ, ни цвѣта его кареты, ни лошадей, ни даже того, былъ ли у него сзади какой-нибудь лакей и въ какой ливреѣ. Притомъ каретъ неслось такое множество взадъ и впередъ и съ такою быстротою, что трудно было даже примѣтить; но если бы и примѣтилъ онъ какую-нибудь изъ нихъ, то не имѣлъ бы никакихъ средствъ остановить. День былъ прекрасный и солнечный. На Невскомъ народу была тьма; дамъ цѣлый цвѣточный водопадъ сыпался по всему тротуару, начиная отъ Полицейскаго до Аничкина моста. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ, котораго онъ называлъ подполковникомъ, особливо, ежели то случалось при посторонникъ. Вонъ и Ярыжкинъ, столоначальникъ въ Сенатѣ, большой пріятель его, который вѣчно въ бостонѣ обремизивался, когда игралъ восемь. Вонъ и другой майоръ, получившій на Кавказѣ асессорство, махаетъ рукой, чтобы шелъ къ нему...

— А, чортъ возьми! — сказалъ Ковалевъ. — Эй, извозчикъ, вези прямо къ полицмейстеру.

Ковалевъ сѣлъ въ дрожки и только покрикивалъ извозчику: «Валяй во всю ивановскую!»

— У себя полицмейстеръ?—вскричалъ онъ, взошедши въ сѣни.

— Никакъ нѣтъ,—отвѣчалъ привратникъ,—только что уѣхали.

— Вотъ тебѣ разъ!

— Да,—прибавилъ привратникъ:—а оно и не такъ давно, но уѣхалъ; минуточкой бы пришли раньше, то, можетъ, и застали бы дома.

Ковалевъ, не отнимая платка отъ лица, сѣлъ на извозчика и закричалъ отчаяннымъ голосомъ:

— Пошелъ!

— Куда?—сказалъ извозчикъ.

— Пошелъ прямо!

— Какъ прямо? Тутъ поворотъ: направо или налѣво?

Этотъ вопросъ остановилъ Ковалева и заставилъ его опять подумать. Въ его положеніи слѣдовало ему прежде всего отнестись въ управу благочинія, не потому, что оно имѣло прямое отношеніе къ полиціи, но потому, что ея распоряженія могли быть гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; искать же удовлетворенія по начальству того мѣста, при которомъ носъ объявилъ себя служащимъ, было бы безразсудно, потому что изъ собственныхъ отвѣтовъ носа уже можно было видѣть, что для этого человѣка ничего не было священнаго, и онъ могъ такъ же солгать и въ этомъ случаѣ, когда солгалъ, увѣряя, что онъ никогда не видался съ нимъ. Итакъ, Ковалевъ уже хотѣлъ было приказать ѣхать въ управу благочинія, какъ опять пришла мысль ему, что этотъ плутъ и мошенникъ, который поступилъ уже при первой встрѣчѣ такимъ безсовѣстнымъ образомъ, могъ опять удобно, пользуясь временемъ, какъ-нибудь улизнуть изъ города, и тогда всѣ исканія будутъ тщетны или могутъ продолжиться, чего Боже сохрани, на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, казалось, само Небо вразумило его. Онъ рѣшился отнестись прямо въ газетную экспедицію [1]) и заблаговременно сдѣлать публикацію съ обстоятельнымъ описаніемъ всѣхъ его качествъ, дабы всякій встрѣтившійся съ нимъ могъ въ ту же минуту его представить къ нему или, по крайней мѣрѣ, дать знать о мѣстѣ его пребыванія. Итакъ, онъ, рѣшивъ на этомъ, велѣлъ извозчику ѣхать въ газетную экспедицію и во всю дорогу не переставалъ его тузить кулакомъ въ спину, приговаривая:

— Скорѣй, подлецъ! Скорѣй, мошенникъ!

— Эхъ, баринъ!—говорилъ извозчикъ, потряхивая головой и стегая вожжой свою лошадь, на которой шерсть была длинная, какъ на болонкѣ.

Дрожки, наконецъ, остановились, и Ковалевъ, запыхавшись, вбѣжалъ въ небольшую пріемную комнату, гдѣ сѣдой чиновникъ, въ старомъ фракѣ и въ очкахъ, сидѣлъ за столомъ и, взявши въ зубы перо, считалъ принимаемыя мѣдныя деньги.

— Кто здѣсь принимаетъ объявленія? — закричалъ Ковалевъ. — А, здравствуйте!

— Мое почтеніе,— сказалъ сѣдой чиновникъ, поднявши на минуту глаза и опустивши ихъ снова на разложенныя кучи денегъ.

— Я желаю припечатать.

— Позвольте, прошу немножко повременить, — произнесъ чиновникъ, ставя одною рукою цифру на бумагѣ и передвигая пальцемъ лѣвой руки два очка на счетахъ.

Лакей съ галунами и наружностью, показывавшею пребываніе его въ аристократическомъ домѣ, стоялъ возлѣ стола съ запискою въ рукахъ и почелъ приличнымъ показать свою общежительность:

— Повѣрите ли, сударь, что собачонка не стоитъ восьми гривенъ, т.-е. я не далъ бы за нее и восьми грошей, а графиня любитъ, ей Богу, любитъ, — и вотъ тому, кто ее отыщетъ, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ несовмѣстны: ужъ когда охотникъ, то держи лягавую собаку или пуделя; не пожалѣй пятисотъ, тысячу дай, но зато ужъ чтобъ была собака хорошая.

Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною и въ то же время занимался смѣтою, сколько буквъ въ принесенной запискѣ. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ и дворниковъ съ записками. Въ одной значилось, что отпускается въ услуженіе кучеръ трезваго поведенія; въ

---

[1]) Экспедиція—отдѣленіе.

другой—малоподержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа; тамъ отпускалась дворовая дѣвка, 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачечномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ; прочныя дрожки безъ одной рессоры; молодая горячая лошадь въ сѣрыхъ яблокахъ, семнадцати лѣтъ отроду; новыя, полученныя изъ Лондона, сѣмена рѣпы и рѣдиса; дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный березовый или еловый садъ; тамъ же находился вызовъ желающихъ купить старыя подошвы, съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра. Комната, въ которой помѣщалось все это общество, была маленькая, и воздухъ въ ней былъ чрезвычайно густъ, но коллежскій асессоръ Ковалевъ не могъ слышать запаха, потому что закрылся платкомъ и потому что носъ-то его находился Богъ знаетъ въ какихъ мѣстахъ.

— Милостивый государь, позвольте васъ попросить... мнѣ очень нужно.— сказалъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ!.. Два рубля сорокъ три копейки!.. Сію минуту!.. Рубль шестьдесятъ четыре копейки!.. — говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая старухамъ и дворникамъ записки въ глаза.—Вамъ что угодно?— наконецъ сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

— Я прошу...—сказалъ Ковалевъ:— случилось мошенничество или плутовство—я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только припечатать, что тотъ, кто ко мнѣ этого подлеца представитъ, получитъ достаточное вознагражденіе.

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію? Мнѣ нельзя сказать ее. У меня много знакомыхъ: Чехтарева, статская совѣтница, Пелагея Григорьевна Подточина, штабъ-офицерша... Вдругъ узнаютъ, Боже сохрани! Вы можете просто написать коллежскій асессоръ, или, еще лучше, состоящій въ майорскомъ чинѣ...

— А сбѣжавшій былъ вашъ дворовый человѣкъ?

— Какое дворовый человѣкъ! Это бы еще не такое большое мошенничество: Сбѣжалъ отъ меня... носъ...

— Гмъ! Какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ г. Носовъ обокралъ васъ?

— Носъ, то-есть... вы не то думаете! Носъ, мой собственный носъ пропалъ неизвѣстно куда. Чортъ хотѣлъ подшутить надо мною!

— Да какимъ же образомъ пропалъ? Я что-то не могу хорошенько понять.

— Да я не могу вамъ сказать, какимъ образомъ: но главное то, что онъ разъѣзжаетъ теперь по городу и называетъ себя статскимъ совѣтникомъ. И потому я васъ прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ его немедленно ко мнѣ въ самомъ скорѣйшемъ времени. Вы посудите, въ самомъ дѣлѣ, какъ же мнѣ быть безъ такой замѣтной части тѣла? Это не то, что какой-нибудь мизинецъ на ногѣ, который я въ сапогъ — и никто не увидитъ, если его нѣтъ. Я бываю по четвергамъ у статской совѣтницы Чехтаревой; Подточина, Пелагея Григорьевна, штабъ-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая—тоже очень хорошіе знакомые; и вы посудите сами, какъ же мнѣ теперь... Мнѣ теперь къ нимъ нельзя явиться.

Чиновникъ задумался, что означали его крѣпко сжавшіяся губы.

— Нѣтъ, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ, — сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

— Какъ? Отчего?

— Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякій начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то... То и такъ уже говорятъ, что печатается много несообразностей и ложныхъ слуховъ.

— Да чѣмъ же это дѣло несообразное? Тутъ, кажется, ничего нѣтъ такого...

— Это вамъ такъ кажется, что нѣтъ. А вотъ на прошлой недѣлѣ такой же былъ случай. Пришелъ чиновникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку; денегъ по расчету пришлось 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей, не помню, какого-то заведенія.

— Да вѣдь я вамъ не о пуделѣ дѣлаю объявленіе, а о собственномъ моемъ носѣ: стало-быть, почти то же, что о самомъ себѣ.

— Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить.

— Да когда у меня точно пропалъ носъ!

— Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорятъ, что есть такіе люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчаю, что вы должно-быть, человѣкъ веселаго нрава и любите въ обществѣ пошутить.

— Клянусь вамъ, вотъ какъ Богъ святъ! Пожалуй, ужъ если до того дошло, то я покажу вамъ...

— Зачѣмъ безпокоиться! — продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ. — Впрочемъ, если не въ безпокойство,—прибавилъ онъ съ движеніемъ любопытства,— то желательно бы взглянуть.

Коллежскій асессоръ отнялъ отъ лица платокъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно,—сказалъ чиновникъ:—мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только что выпеченный блинъ. Да, до невѣроятности ровное!

— Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вамъ буду особенно благодаренъ и очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе съ вами познакомиться. — Майоръ, какъ видно изъ этого, рѣшился на сей разъ немного поподличать.

— Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое,—сказалъ чиновникъ, — только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣетъ искусное перо, описать это, какъ рѣдкое произведеніе натуры, и напечатать эту статейку въ «Сѣверной Пчелѣ» (тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку) для пользы юношества (тутъ онъ утеръ носъ) или такъ, для общаго любопытства.

Коллежскій асессоръ былъ совершенно обезнадеженъ. Онъ опустилъ глаза въ низъ газеты, гдѣ было извѣщеніе о спектакляхъ; уже лицо его было готово улыбнуться, встрѣтивъ имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за карманъ, есть ли при немъ синяя ассигнація, потому что штабъ-офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; но мысль о носѣ все испортила!

Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронутъ затруднительнымъ положеніемъ Ковалева. Желая сколько-нибудь облегчить его горесть, онъ почелъ приличнымъ выразить участіе свое въ нѣсколькихъ словахъ:

— Мнѣ, право, очень прискорбно, что съ вами случился такой анекдотъ. Не угодно ли вамъ понюхать табачку? Это разбиваетъ головныя боли и печальныя расположенія; даже въ отношеніи къ гемморроидамъ это хорошо.— Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нее крышку съ портретомъ какой-то дамы въ шляпкѣ.

Этотъ неумышленный поступокъ вывелъ изъ терпѣнія Ковалева.

— Я не понимаю, какъ вы находите мѣсто шуткамъ,—сказалъ онъ съ сердцемъ.—Развѣ вы не видите, что у меня нѣтъ именно того, чѣмъ бы я могъ понюхать? Чтобы чортъ побралъ вашъ табакъ! Я теперь не могу смотрѣть

на него, и не только на скверный вашъ березинскій, но хоть бы вы поднесли мнѣ самаго рапе [1]). — Сказавши это, онъ вышелъ, глубоко раздосадованный, изъ газетной экспедиціи и отправился къ частному приставу.

Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крякнулъ и сказалъ: «Эхъ, славно засну два часика!» и потому можно было предвидѣть, что приходъ коллежскаго асессора былъ совершенно не во-время. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей, но государственную ассигнацію предпочиталъ всему.

— Это вещь,—обыкновенно говорилъ онъ:—ужъ нѣтъ ничего лучше этой вещи: ѣсть не проситъ, мѣста займетъ немного, въ карманѣ всегда помѣстится, уронишь—не расшибется.

Частный принялъ довольно сухо Ковалева и сказалъ, что послѣ обѣда не то время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы, наѣвшись, немного отдохнуть (изъ этого коллежскій асессоръ могъ видѣть, что частному приставу были не безызвѣстны изреченія древнихъ мудрецовъ), что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа. То-есть, не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно замѣтить, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Онъ даже полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Пріемъ частнаго такъ его сконфузилъ, что онъ тряхнулъ головою и сказалъ съ чувствомъ достоинства, немного разставивъ свои руки:

— Признаюсь, послѣ этакихъ обидныхъ съ вашей стороны замѣчаній, я ничего не могу прибавить...—и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша подъ собою ноги. Были уже сумерки. Печальною или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ исканій. Вошедши въ переднюю, увидѣлъ онъ на кожаномъ запачканномъ диванѣ лакея своего Ивана, который, лежа на спинѣ, плевалъ въ потолокъ и попадалъ довольно удачно въ одно и то же мѣсто. Такое равнодушіе человѣка взбѣсило его; онъ ударилъ его шляпою по лбу, промолвивъ:

— Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!

Иванъ вскочилъ вдругъ съ своего мѣста и бросился со всѣхъ ногъ снимать съ него плащъ. Вошедши въ свою комнату, майоръ, усталый и печальный, бросился въ кресла и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ сказалъ:

— Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги,—все бы это лучше; будь я безъ ушей — скверно, однакожъ, все сноснѣе; но безъ носа человѣкъ — чортъ знаетъ что: птица — не птица, гражданинъ — не гражданинъ, — просто, возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войнѣ отрубили или на дуэли, или я самъ былъ причиною, но вѣдь пропалъ ни за что, ни про что, пропалъ даромъ, ни за грошъ!.. Только, нѣтъ, не можетъ быть,—прибавилъ онъ, немного подумавъ: — невѣроятно, чтобы носъ пропалъ, никакимъ образомъ невѣроятно. Это, вѣрно, или во снѣ снится или, просто, грезится; можетъ-быть, я какъ-нибудь ошибкою выпилъ вмѣсто воды водку, которою вытираю послѣ бритья себѣ бороду. Иванъ, дуракъ, не принялъ, и я, вѣрно, хватилъ ея.—Чтобы дѣйствительно увѣриться, что онъ не пьянъ, майоръ ущипнулъ себя такъ больно, что самъ вскрикнулъ. Эта боль совершенно увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ и живетъ наяву. Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза съ тою мыслью,

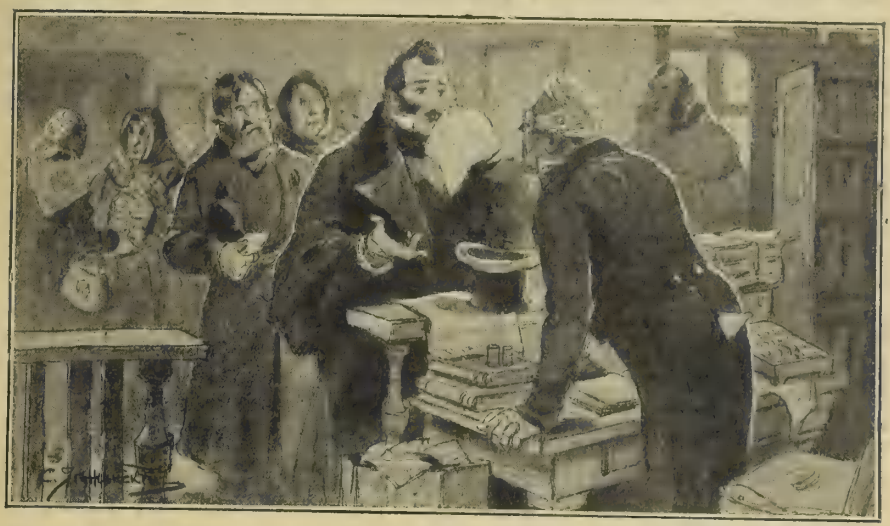
---

1) Рапе—французскій тертый нюхательный табакъ.

что авось-либо носъ покажется на своемъ мѣстѣ, но въ ту жъ минуту отскочилъ назадъ, сказавши:

— Экій пасквильный видъ!

Это было, точно, непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное,—но пропасть, и чему же пропасть? и притомъ еще на собственной квартирѣ!.. Майоръ Ковалевъ, сообразя всѣ обстоятельства, предполагалъ едва ли не ближе всего къ истинѣ, что виною этого долженъ быть не кто другой, какъ штабъ-офицерша Подточина, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери. Онъ и самъ любилъ за нею приволокнуться, но избѣгалъ окончательной раздѣлки. Когда же штабъ-офицерша объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ съ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно ему прослужить лѣтъ пятокъ, чтобы уже ровно было сорокъ два года. И потому штабъ-офицерша, вѣрно, изъ мщенія, рѣ-



Коллежскій асессоръ отнялъ отъ лица платокъ. — Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно!—сказалъ чиновникъ:—мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только что выпеченный блинъ. Да, до невѣроятности ровное!

шилась его испортить и наняла для этого какихъ-нибудь колдовокъ-бабъ, потому что никакимъ образомъ нельзя было предположить, чтобы носъ былъ отрѣзанъ: никто не входилъ къ нему въ комнату; цырюльникъ же, Иванъ Яковлевичъ, брилъ его еще въ среду, а въ продолженіе всей среды и даже во весь четвертокъ носъ у него былъ цѣлъ,—это онъ помнилъ и зналъ очень хорошо; притомъ была бы имъ чувствуема боль, и, безъ сомнѣнія, рана не могла бы такъ скоро зажить и быть гладкою, какъ блинъ. Онъ строилъ въ головѣ планы: звать ли штабъ-офицершу формальнымъ порядкомъ въ судъ или явиться къ ней самому и уличить ее. Размышленія его прерваны были свѣтомъ, который блеснулъ сквозь всѣ скважины дверей и далъ знать, что свѣча въ передней уже зажжена Иваномъ. Скоро показался и самъ Иванъ, неся ее передъ собою и озаряя ярко всю комнату. Первымъ движеніемъ Ковалева было схватить платокъ и закрыть то мѣсто, гдѣ вчера еще былъ носъ, чтобы, въ самомъ дѣлѣ, глупый человѣкъ не зазѣвался, увидя у барина такую странность.

Не успѣлъ Иванъ уйти въ конуру свою, какъ послышался въ передней незнакомый голосъ, произнесшій:

— Здѣсь ли живетъ коллежскій асессоръ Ковалевъ?

— Войдите, майоръ Ковалевъ здѣсь, — сказалъ Ковалевъ, вскочивши поспѣшно и отворяя дверь.

Вошелъ полицейскій чиновникъ, красивой наружности, съ бакенбардами не слишкомъ свѣтлыми и не темными, съ довольно полными щеками,—тотъ самый, который въ началѣ повѣсти стоялъ въ концѣ Исакіевскаго моста.

— Вы изволили затерять носъ свой?

— Такъ точно.

— Онъ теперь найденъ.

— Что вы говорите?—закричалъ майоръ Ковалевъ. Радость отняла у него языкъ. Онъ глядѣлъ въ оба на стоявшаго передъ нимъ квартальнаго, въ полныхъ губахъ и щекахъ котораго ярко мелькалъ трепетный свѣтъ свѣчи.—Какимъ образомъ?

— Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился въ дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И пашпортъ давно былъ написанъ на имя одного чиновника. И странно то, что я самъ принялъ его сначала за господина, но, къ счастію, были со мной очки, и я тотъ же часъ увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у васъ лицо, но ни носа ни бороды—ничего не замѣчу. Моя теща, то-есть мать жены моей, тоже ничего не видитъ.

Ковалевъ былъ внѣ себя:

— Гдѣ же онъ? Гдѣ? Я сейчасъ побѣгу.

— Не безпокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ цырюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на съѣзжей. Я давно подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ одной лавочкѣ бортище [1]) пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ.— При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумажкѣ носъ.

— Такъ, онъ!—закричалъ Ковалевъ.—Точно, онъ! Выкушайте сегодня со мною чашечку чаю.

— Почелъ бы за большую пріятность, но никакъ не могу: мнѣ нужно заѣхать отсюда въ смирительный домъ... Очень большая поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живетъ и теща, то-есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большія надежды; очень умный мальчишка; но средствъ для воспитанія совершенно нѣтъ никакихъ...

Коллежскій асессоръ по уходѣ квартальнаго нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи и едва черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ возможность видѣть и чувствовать: въ такое безпамятство повергла его неожиданная радость. Онъ взялъ бережливо найденный носъ въ обѣ руки, сложенныя горстью, и еще разъ разсмотрѣлъ его внимательно.

— Такъ, онъ! Точно, онъ!—говорилъ майоръ Ковалевъ.—Вотъ и прыщикъ на лѣвой сторонѣ, вскочившій вчерашняго дня.—Майоръ чуть не засмѣялся отъ радости.

Но на свѣтѣ нѣтъ ничего долговременнаго, а потому и радость въ слѣдующую минуту за первою уже не такъ жива; въ третью минуту она становится еще слабѣе и, наконецъ, незамѣтно сливается съ обыкновеннымъ положеніемъ души, какъ на водѣ кругъ, рожденный паденіемъ камешка, наконецъ, сливается съ глад-

---

[1]) Бортище—дюжина.

кою поверхностью. Ковалевъ началъ размышлять и смекнулъ, что дѣло еще не кончено: носъ найденъ, но вѣдь нужно же его приставить, помѣстить на свое мѣсто.

— А что, если онъ не пристанетъ?

При такомъ вопросѣ, сдѣланномъ самому себѣ, майоръ поблѣднѣлъ.

Съ чувствомъ неизъяснимаго страха бросился онъ къ столу, придвинулъ зеркало, чтобы какъ-нибудь не поставить носъ криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложилъ онъ его на прежнее мѣсто. О ужасъ! носъ не приклеивался!.. Онъ поднесъ его ко рту, нагрѣлъ его слегка своимъ дыханіемъ и опять поднесъ къ гладкому мѣсту, находившемуся между двухъ щекъ, по носъ никакимъ образомъ не держался.

— Ну, ну же! Полѣзай, дуракъ!—говорилъ онъ ему; но носъ былъ, какъ деревянный, и падалъ на столъ съ такимъ страннымъ звукомъ какъ будто бы пробка. Лицо майора судорожно скривилось.

— Неужели онъ не прирастетъ?—говорилъ онъ въ испугѣ. Но сколько разъ ни подносилъ онъ его на его же собственное мѣсто—стараніе было попрежнему не успѣшно.

Онъ кликнулъ Ивана и послалъ его за докторомъ, который занималъ въ томъ же самомъ домѣ лучшую квартиру въ бельэтажѣ. Докторъ этотъ былъ видный собою мужчина, имѣлъ прекрасныя смолистыя бакенбарды, свѣжую, здоровую докторшу, ѣлъ поутру свѣжія яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разныхъ родовъ щеточками. Докторъ явился въ ту же минуту. Спросивши, какъ давно случилось несчастіе, онъ поднялъ майора Ковалева за подбородокъ и далъ ему большимъ пальцемъ щелчка въ то самое мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, такъ что майоръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силою, что ударился затылкомъ въ стѣну. Медикъ сказалъ, что это ничего, и, посовѣтовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то мѣсто, гдѣ прежде былъ носъ, сказалъ: «Гмъ!» потомъ велѣлъ ему перегнуть голову на лѣвую сторону и сказалъ: «Гмъ!» и въ заключеніе далъ опять ему большимъ пальцемъ щелчка, такъ что майоръ Ковалевъ дернулъ головою, какъ конь, которому смотрятъ въ зубы. Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головою и сказалъ:

— Нѣтъ, нельзя! Вы ужъ лучше такъ оставайтесь, потому что можно сдѣлать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣряю, что это для васъ хуже.

— Вотъ хорошо! Какъ же мнѣ оставаться безъ носа?—сказалъ Ковалевъ.— Ужъ хуже не можетъ быть, какъ теперь. Это, просто, чортъ знаетъ что! Куда же я съ этакою пасквильностью покажусь? Я имѣю хорошее знакомство: вотъ и сегодня мнѣ нужно быть на вечерѣ въ двухъ домахъ. Я со многими знакомъ: статская совѣтница Чехтарева, Подточина, штабъ-офицерша... хоть послѣ теперешняго поступка ея я не имѣю съ ней другого дѣла, какъ только черезъ полицію. Сдѣлайте милость,—продолжалъ Ковалевъ умоляющимъ голосомъ:—нѣтъ ли средства? Какъ-нибудь приставьте: хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою въ опасныхъ случаяхъ. Я же притомъ и не танцую, чтобы могъ вредить какимъ-нибудь неосторожнымъ движеніемъ. Все, что относится насчетъ благодарности за визиты, ужъ будьте увѣрены, сколько дозволятъ мои средства...

— Вѣрите ли,—сказалъ докторъ ни громкимъ ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣтливымъ [1]) и магнетическимъ,—что я никогда изъ корысти не

---

[1]) Увѣтливый—убѣдительный.

лѣчу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вашъ носъ, но я васъ увѣряю честью, если уже вы не вѣрите моему слову, что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучше дѣйствію самой натуры. Мойте чаще холодною водою, и я васъ увѣряю, что вы, не имѣя носа, будете такъ же здоровы, какъ если бы имѣли его. А носъ я вамъ совѣтую положить въ банку со спиртомъ, или, еще лучше, влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса, и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожитесь.

— Нѣтъ, пѣтъ! Ни за что не продамъ!—вскричалъ отчаянный майоръ Ковалевъ;—лучше пусть онъ пропадетъ.

— Извините,—сказалъ докторъ, откланиваясь:—я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ... Что же дѣлать! По крайней мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе.

Сказавши это, докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты. Ковалевъ не замѣтилъ даже лица его и въ глубокой безчувственности видѣлъ только выглядывавшіе изъ рукавовъ его чернаго фрака рукавчики бѣлой и чистой, какъ снѣгъ, рубашки.

Онъ рѣшился на другой же день, прежде представленія жалобы, писать къ штабъ-офицершѣ, не согласится ли она безъ бою возвратить ему то, что слѣдуетъ. Письмо было такого содержанія:

Милостивая Государыня
Александра Григорьевна!

Не могу понять страннаго со стороны вашей дѣйствія. Будьте увѣрены, что, поступая такимъ образомъ, ничего Вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на Вашей дочери. Повѣрьте, что исторія насчетъ моего носа совершенно извѣстна, равно какъ и то, что въ этомъ вы есть главныя участницы, а не кто другой. Внезапное его отдѣленіе съ своего мѣста, побѣгъ и маскированіе, то подъ видомъ чиновника, то, наконецъ, въ собственномъ видѣ, есть больше ничего, какъ вслѣдствіе волхованій, произведенныхъ Вами или тѣми, которыя упражняются въ подобныхъ Вамъ благородныхъ занятіяхъ. Я, съ своей стороны, почитаю долгомъ Васъ предувѣдомить: если упоминаемый мною носъ не будетъ сегодня же на своемъ мѣстѣ, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ защитѣ и покровительству законовъ.

Впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ къ Вамъ имѣю честь быть
Вашъ покорный слуга
Платонъ Ковалевъ.

Милостивый Государь
Платонъ Кузьмичъ!

Чрезвычайно удивило меня письмо Ваше. Я, признаюсь Вамъ по откровенности, никакъ не ожидала, а тѣмъ болѣе относительно несправедливыхъ укоризнъ со стороны Вашей. Предувѣдомляю Васъ, что я чиновника, о которомъ упоминаете Вы, никогда не принимала у себя въ домѣ, ни замаскированнаго ни въ настоящемъ видѣ. Бывалъ у меня, правда, Филиппъ Ивановичъ Потанчиковъ. И хотя онъ, точно, искалъ руки моей дочери, будучи самъ хорошаго, трезваго поведенія и великой учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носѣ. Если Вы разумѣете подъ симъ, что будто бы я хотѣла оставить Васъ съ носомъ, то-есть дать Вамъ формальный отказъ, то

меня удивляетъ, что Вы сами объ этомъ говорите, тогда какъ я, сколько Вамъ извѣстно, была совершенно противнаго мнѣнія, и если вы теперь же посватаетесь на моей дочери законнымъ образомъ, я готова сей же часъ удовлетворить Васъ, ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго желанія, въ надеждѣ чего остаюсь всегда готовою къ услугамъ Вашимъ

Александра Подточина.

— Нѣтъ,—говоритъ Ковалевъ, прочитавши письмо:—она, точно, не виновата. Не можетъ быть! Письмо такъ написано, какъ не можетъ написать человѣкъ, виноватый въ преступленіи.—Коллежскій асессоръ былъ въ этомъ свѣдущъ, потому что былъ посылаемъ нѣсколько разъ на слѣдствіе еще въ Кавказской области.—Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? Только чортъ разберетъ это!—сказалъ онъ наконецъ, опустивъ руки.

Между тѣмъ слухи объ этомъ необыкновенномъ происшествіи распространились по всей столицѣ и, какъ водится, не безъ особенныхъ прибавленій. Тогда умы всѣхъ именно настроены была къ чрезвычайному: недавно только что занимали весь городъ опыты дѣйствія магнетизма! Притомъ исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ была еще свѣжа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто носъ коллежскаго асессора Ковалева ровно въ три часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Сказалъ кто-то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера, и возлѣ Юнкера такая сдѣлалась толпа и давка, что должна была даже вступиться полиція. Одинъ спекуляторъ почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшій при входѣ въ театръ разные сухіе кондитерскіе пирожки, нарочно надѣлалъ прекрасныхъ деревянныхъ прочныхъ скамеекъ, на которыя приглашалъ любопытныхъ становиться за восемьдесятъ копеекъ отъ каждаго посѣтителя. Одинъ заслуженный полковникъ нарочно для этого вышелъ раньше изъ дому и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но къ большому негодованію своему, увидѣлъ въ окнѣ магазина, вмѣсто носа обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку съ изображеніемъ дѣвушки, поправлявшей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта, съ откиднымъ жилетомъ и небольшою бородкою,—картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Отошедъ, онъ сказалъ съ досадою:

— Какъ можно этакими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ.

Потомъ пронесся слухъ, что не на Невскомъ проспектѣ, а въ Таврическомъ саду прогуливается носъ майора Ковалева; что будто бы онъ давно уже тамъ, что когда еще проживалъ тамъ Хозревъ-Мирза [1]), то очень удивлялся этой странной игрѣ природы. Нѣкоторые изъ студентовъ Хирургической Академіи отправились туда. Одна знатная почтенная дама просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ и, если можно, съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей.

Всѣмъ этимъ происшествіемъ были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе необходимые посѣтители раутовъ [2]), любившіе смѣшить дамъ, у которыхъ запасъ въ то время совершенно истощился. Небольшая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованіемъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратитъ на

---

[1]) Хозревъ-Мирза — внукъ персидскаго шаха, присланный въ Петербургъ въ 1829 году для переговоровъ съ императоромъ Николаемъ. [2]) Раутъ — вечернее собраніе въ бальныхъ платьяхъ, но безъ танцевъ.

это вниманія правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы внутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою. Вслѣдъ за этимъ... Но здѣсь вновь все происшествіе скрывается туманомъ, и что было потомъ рѣшительно неизвѣстно.

III.

Чепуха совершенная дѣлается на свѣтѣ. Иногда вовсе нѣтъ никакого правдоподобія: вдругъ тотъ самый носъ, который разъѣзжалъ въ чинѣ статскаго совѣтника и надѣлалъ столько шуму въ городѣ, очутился, какъ ни въ чемъ не бывало, вновь на своемъ мѣстѣ, то-есть именно между двухъ щекъ майора Ковалева. Это случилось уже апрѣля 7 числа. Проснувшись и нечаянно взглянувъ въ зеркало, видитъ онъ: носъ! Хвать рукою — точно, носъ!

— Эге! — сказалъ Ковалевъ и въ радости чуть не дернулъ по всей комнатѣ босикомъ трепака; но вошедшій Иванъ помѣшалъ. Онъ приказалъ тотъ же часъ дать себѣ умыться и, умываясь, взглянулъ еще разъ въ зеркало—носъ! Вытираясь полотенцемъ, онъ опять взглянулъ въ зеркало — носъ!

— А посмотри, Иванъ, кажется, у меня на носу какъ будто прыщикъ,— сказалъ онъ и между тѣмъ думалъ: «Вотъ бѣда, какъ Иванъ скажетъ: «Да нѣтъ, сударь, не только прыщика, и самаго носа нѣтъ!»

Но Иванъ сказалъ:

— Ничего-съ, никакого прыщика, носъ чистый!

— Хорошо, чортъ побери! — сказалъ самъ себѣ майоръ и щелкнулъ пальцами. Въ это время выглянулъ въ дверь цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, но такъ боязливо, какъ кошка, которую только что высѣкли за кражу сала.

— Говори впередъ: чисты руки? — кричалъ еще издали ему Ковалевъ.

— Чисты.

— Врешь!

— Ей Богу-съ, чисты, сударь!

— Ну, смотри же.

Ковалевъ сѣлъ. Иванъ Яковлевичъ закрылъ его салфеткою и въ одно мгновенье, съ помощью кисточки, превратилъ всю бороду его и часть щеки въ кремъ, какой подаютъ на купеческихъ именинахъ. «Вишь ты!» сказалъ самъ себѣ Иванъ Яковлевичъ, взглянувши на носъ, и потомъ перегнулъ голову на другую сторону и посмотрѣлъ на него съ боку: «Вона! Экъ его, право, какъ подумаешь...» продолжалъ онъ и долго смотрѣлъ на носъ. Наконецъ легонько, съ бережливостью, какую только можно себѣ вообразить, онъ приподнялъ два пальца съ тѣмъ, чтобы поймать его за кончикъ. Такова ужъ была система Ивана Яковлевича.

— Ну, ну, ну, смотри! — закричалъ Ковалевъ.

Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ, оторопѣлъ и смутился, какъ никогда не смущался. Наконецъ осторожно сталъ онъ щекотать бритвой у него подъ бородою, хотя ему было совсѣмъ несподручно и трудно брить безъ придержки за нюхательную часть тѣла, однакоже, кое-какъ, упираясь своимъ шероховатымъ большимъ пальцемъ ему въ щеку и въ нижнюю десну, наконецъ, одолѣлъ всѣ препятствія и выбрилъ.

Когда все было готово, Ковалевъ поспѣшилъ тотъ же часъ одѣться, взялъ извозчика и поѣхалъ прямо въ кондитерскую. Входя, закричалъ онъ еще издали:

— Мальчикъ, чашку шоколаду! — а самъ въ ту же минуту къ зеркалу—есть носъ. Онъ весело оборотился назадъ и съ сатирическимъ видомъ посмотрѣлъ,

нѣсколько прищуря глазъ, на двухъ военныхъ, у одного изъ которыхъ былъ носъ никакъ не больше жилетной пуговицы. Послѣ того отправился онъ въ канцелярію того департамента, гдѣ хлопоталъ объ вице-губернаторскомъ мѣстѣ, а въ случаѣ неудачи — объ экзекуторскомъ. Проходя чрезъ пріемную, онъ взглянулъ въ зеркало — есть носъ. Потомъ поѣхалъ онъ къ другому коллежскому асессору, или майору, большому насмѣшнику, которому онъ часто говорилъ въ отвѣтъ на разныя занозистыя замѣтки:

— Ну, ужъ ты, я тебя знаю, ты — шпилька!

Дорогою онъ подумалъ: «Если и майоръ не треснетъ со смѣху, увидѣвши меня, тогда ужъ вѣрный знакъ, что все, что ни есть, сидитъ на своемъ мѣстѣ». Но коллежскій асессоръ ничего. «Хорошо, хорошо, чортъ побери!» подумалъ про себя Ковалевъ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ штабъ-офицершу Подточину вмѣстѣ съ дочерью, раскланялся съ ними и былъ встрѣченъ съ радостными восклицаніями: стало-быть, ничего, въ немъ нѣтъ никакого ущерба. Онъ разговаривалъ съ ними очень долго и нарочно, вынувши табакерку, набивалъ передъ ними весьма долго свой носъ съ обоихъ подъѣздовъ, приговаривая про себя: «Вотъ, молъ, вамъ, бабье, куриный народъ! А на дочкѣ все-таки не женюсь. Такъ просто, par amour — изволь!» И майоръ Ковалевъ съ тѣхъ поръ прогуливался, какъ ни въ чемъ не бывало, и на Невскомъ проспектѣ, и въ театрахъ, и вездѣ. И носъ тоже, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на его лицѣ, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонамъ. И послѣ того майора Ковалева видѣли вѣчно въ хорошемъ юморѣ [1]), улыбающагося, преслѣдующаго рѣшительно всѣхъ хорошенькихъ дамъ и даже остановившагося одинъ разъ предъ лавочкой въ гостиномъ дворѣ и покупавшаго какую-то орденскую ленточку, неизвѣстно для какихъ причинъ, потому что онъ самъ не былъ кавалеромъ никакого ордена.

Вотъ какая исторія случилась въ сѣверной столицѣ нашего обширнаго государства! Теперь только, по соображеніи всего, видимъ, что въ ней есть много неправдоподобнаго. Не говоря уже о томъ, что, точно, странно сверхъестественное отдѣленіе носа и появленіе его въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ статскаго совѣтника, — какъ Ковалевъ не смекнулъ, что нельзя чрезъ газетную экспедицію объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявленіе: это вздоръ, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже: какъ носъ очутился въ печеномъ хлѣбѣ и какъ самъ Иванъ Яковлевичъ?.. Нѣтъ, этого я никакъ не понимаю, рѣшительно не понимаю! Но что страннѣе, что непонятнѣе всего — это то, какъ авторы могутъ брать подобные сюжеты. Признаюсь, это ужъ совсѣмъ непостижимо, это точно... нѣтъ, нѣтъ! Совсѣмъ не понимаю. Во-первыхъ, пользы отечеству рѣшительно никакой; во-вторыхъ... но и, во-вторыхъ, тоже нѣтъ пользы. Просто я не знаю, что это...

А, однакоже, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже... ну, да и гдѣ жъ не бываетъ несообразностей?— а все, однакоже, какъ поразмыслишь, во всемъ этомъ, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ, — рѣдко, но бываютъ.

---

[1]) Юморъ — настроеніе.

ПОРТРЕТЪ.

Часть I.

Нигдѣ не останавливалось столько народу, какъ передъ картинною лавочкою на Щукиномъ дворѣ. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собраніе диковинокъ: картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темно-зеленымъ лакомъ, въ темно-желтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламандскій [1]) мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на чѣловѣка, — вотъ ихъ обыкновенные сюжеты. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ, съ кривыми носами. Сверхъ того, двери такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками произведеній, отпечатанныхъ лубками на большихъ листахъ, которыя свидѣтельствуютъ о самородномъ дарованіи русскаго человѣка. На одномъ была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другомъ — городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокати-

[1]) Фламандскій — нидерландскій.

лась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно немного, но зато зрителей — куча. Какой-нибудь забулдыга-лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій. Передъ нимъ уже, вѣрно, стоитъ въ шинели солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка-охтенка [1]) съ коробкою, наполненною башмаками. Всякій восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматриваютъ серьезно; лакеи-мальчики и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодыя русскія бабы, спѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотрѣть, на что онъ смотритъ.

Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чартковъ. Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодости. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами. Наконецъ овладѣло имъ невольное размышленіе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на *Еруслана Лазаревичей*, на *объѣздалъ* и *опивалъ*, на *Ѳому* и *Ерему*, — это не казалось ему удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ масляныхъ малеваній? Кому нужны эти фламандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которомъ выразилось все глубокое его униженіе? Это, казалось, не были вовсе труды ребенка-самоучки; иначе въ нихъ, при всей безчувственной карикатурности цѣлаго, вырывался бы острый порывъ. Но здѣсь было видно, просто, тупоуміе, безсильная, дряхлая бездарность, которая самоуправно стала въ ряды искусствъ, тогда какъ ей мѣсто было среди низкихъ ремеслъ, — бездарность, которая была вѣрна, однакожъ, своему призванію и внесла въ самое искусство свое ремесло. Тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку!..

Долго стоялъ онъ предъ этими грязными картинами, уже, наконецъ, не думая вовсе о нихъ, а между тѣмъ хозяинъ лавки, сѣренькій человѣчекъ, во фризовой шинели, съ бородой, не бритой съ самаго воскресенья, толковалъ ему уже давно, торговался и условливался въ цѣнѣ, еще не узнавъ, что ему понравилось и что нужно.

— Вотъ за этихъ мужичковъ и за ландшафтикъ возьму бѣленькую. Живопись-то какая! Просто, глазъ прошибетъ; только что получены съ биржи: еще лакъ не высохъ. Или вотъ зима, — возьмите зиму! Пятнадцать рублей! Одна рамка чего стоитъ! Вонъ она какая зима! — Тутъ купецъ далъ легкаго щелчка въ полотно, вѣроятно, чтобы показать всю доброту зимы. — Прикажете связать ихъ вмѣстѣ и снести за вами? Гдѣ изволите жить? Ей, малый, подай веревочку!

— Постой, братъ, не такъ скоро, — сказалъ очнувшійся художникъ, видя, что ужъ проворный купецъ принялся не въ шутку ихъ связывать вмѣстѣ. Ему сдѣлалось нѣсколько совѣстно не взять ничего, застоявшись такъ долго въ лавкѣ,

---

[1]) Охтенка—жительница Охты, петербургскаго пригорода.

и онъ сказалъ: — А вотъ постой, я посмотрю, нѣтъ ли для меня чего-нибудь здѣсь; — и, наклонившись, сталъ доставать съ полу громоздко наваленныя истертыя, запыленныя старыя малеванья, не пользовавшіяся, какъ видно, никакимъ почетомъ. Тутъ были старинные фамильные портреты, которыхъ потомковъ, можетъ-быть, и на свѣтѣ нельзя было отыскать; совершенно неизвѣстныя изображенія съ прорваннымъ холстомъ, рамки, лишенныя позолоты, — словомъ, всякій ветхій соръ. Но художникъ принялся разсматривать, думая втайнѣ: «Авось, что-нибудь и отыщется». Онъ не разъ слышалъ разсказы о томъ, какъ иногда у лубочныхъ продавцевъ были отыскиваемы въ сору картины великихъ мастеровъ.

Хозяинъ, увидѣвъ, куда полѣзъ онъ, оставилъ свою суетливость и, принявши свое обыкновенное положеніе и надлежащій вѣсъ, помѣстился сызнова у дверей, зазывая прохожихъ и указывая имъ одной рукой на лавку:

— Сюда, батюшка, вотъ картины! Зайдите, зайдите; съ биржи получены.

Уже накричался онъ вдоволь и большею частью безплодно; наговорился досыта съ лоскутнымъ продавцомъ, стоявшимъ насупротивъ его, также у дверей своей лавчонки, и, наконецъ, вспомнивъ, что у него въ лавкѣ есть покупатель, оборотился къ народу спиной и отправился внутрь ея.

— Что, батюшка, выбрали что-нибудь?

Но художникъ уже стоялъ нѣсколько времени неподвижно передъ однимъ портретомъ въ огромныхъ, когда-то великолѣпныхъ рамахъ, но на которыхъ чуть блестѣли теперь слѣды позолоты.

Это былъ старикъ съ лицомъ бронзоваго цвѣта, скулистымъ, чахлымъ; черты лица, казалось, были схвачены въ минуту судорожнаго движенія и отзывались не сѣверною силою: пламенный полдень былъ запечатлѣнъ въ нихъ. Онъ былъ драпированъ въ широкій азіатскій костюмъ. Какъ ни былъ поврежденъ и запыленъ портретъ, но, когда удалось ему счистить съ лица пыль, онъ увидѣлъ слѣды работы высокаго художника. Портретъ, казалось, былъ не конченъ, но сила кисти была разительна. Необыкновеннѣе всего были глаза: казалось, въ нихъ употребилъ всю силу кисти и все тщаніе свое художникъ. Они просто глядѣли, глядѣли даже изъ самаго портрета, какъ будто разрушая его гармонію своею странною живостью. Когда поднесъ онъ портретъ къ дверямъ, еще сильнѣе глядѣли глаза. Почти то же впечатлѣніе произвели они и въ народѣ. Женщина, остановившаяся позади его, вскрикнула:

— Глядитъ, глядитъ! — и попятилась назадъ.

Что-то непріятное, непонятное самому себѣ почувствовалъ онъ и поставилъ портретъ на землю.

— А что жъ, возьмите портретъ! — сказалъ хозяинъ.

— А сколько? — сказалъ художникъ.

— Да что за него дорожиться? Три четвертачка давайте!

— Нѣтъ.

— Ну, да что жъ дадите?

— Двугривенный,—сказалъ художникъ, готовясь итти.

— Экъ цѣну какую завернули! Да за двугривенный одной рамки не купишь! Видно, завтра собираетесь купить? Господинъ, господинъ, воротитесь! Гривенничекъ хоть прикиньте. Возьмите, возьмите, давайте двугривенный. Право, для почину только; вотъ только, что первый покупатель.—За симъ онъ сдѣлалъ жестъ рукой, какъ будто бы говорившій: — Такъ ужъ и быть, пропадай, картина!

Такимъ образомъ Чартковъ совершенно неожиданно купилъ старый портретъ и въ то же время подумалъ: «Зачѣмъ я его купилъ? На что онъ мнѣ?» Но

дѣлать было нечего. Онъ вынулъ изъ кармана двугривенный, отдалъ хозяину, взялъ портретъ подъ мышку и потащилъ его съ собою. Дорогою онъ вспомнилъ, что двугривенный, который онъ отдалъ, былъ у него послѣдній. Мысли его вдругъ омрачились; досада и равнодушная пустота обняли его въ ту же минуту.

— Чортъ побери! Гадко на свѣтѣ!—сказалъ онъ съ чувствомъ русскаго, у котораго дѣла плохи. И почти машинально шелъ скорыми шагами, полный безчувствія ко всему. Красный свѣтъ вечерней зари оставался еще на половинѣ неба, еще домы, обращенные къ той сторонѣ, чуть озарялись ея теплымъ свѣтомъ; а между тѣмъ уже холодное, синеватое сіяніе мѣсяца становилось сильнѣе. Полупрозрачныя легкія тѣни хвостами падали на землю, отбрасываемыя домами и ногами пѣшеходцевъ. Уже художникъ начиналъ мало-по-малу заглядываться на небо, озаренное какимъ-то прозрачнымъ, тонкимъ, сомнительнымъ свѣтомъ, и почти въ одно время излетали изъ устъ его слова: «Какой легкій тонъ!» и слова: «Досадно, чортъ побери!» и онъ, поправляя портретъ, безпрестанно съѣзжавшій изъ-подъ мышки, ускорялъ шагъ.

Усталый и весь въ поту, дотащился онъ къ себѣ въ пятнадцатую линію, на Васильевскій островъ. Съ трудомъ и съ отдышкой взобрался онъ по лѣстницѣ, облитой помоями и украшенной слѣдами кошекъ и собакъ. На стукъ его въ дверь не было никакого отвѣта: человѣка не было дома. Онъ прислонился къ окну и расположился ожидать терпѣливо, пока не раздались, наконецъ, позади его шаги парня въ синей рубахѣ, его приспѣшника, натурщика, краскотерщика и выметателя половъ, пачкавшаго ихъ тутъ же своими сапогами. Парень назывался Никитою и проводилъ все время за воротами, когда барина не было дома. Никита долго силился попасть ключомъ въ замочную дырку, вовсе незамѣтную по причинѣ темноты. Наконецъ дверь была отперта. Чартковъ вступилъ въ свою переднюю, нестерпимо холодную, какъ всегда бываетъ у художниковъ, чего, впрочемъ, они не замѣчаютъ. Не отдавая Никитѣ шинели, онъ вошелъ въ ней въ свою студію—квадратную комнату, большую, но низенькую, съ замерзшими окнами, уставленную всякимъ художескимъ хламомъ: кусками гипсовыхъ рукъ, рамками, обтянутыми холстомъ, эскизами, начатыми и брошенными, драпировкой, развѣшанной по стульямъ. Онъ усталъ сильно, скинулъ шинель, поставилъ разсѣянно принесенный портретъ между двухъ небольшихъ холстовъ и бросился на узкій диванчикъ, о которомъ нельзя было сказать, что онъ обтянутъ кожею, потому что рядъ мѣдныхъ гвоздиковъ, когда-то прикрѣплявшихъ ее, давно уже остался самъ по себѣ, а кожа осталась тоже сверху сама по себѣ, такъ что Никита засовывалъ подъ нее черные чулки, рубашки и все немытое бѣлье. Посидѣвъ и разлегшись, сколько можно было разлечься на этомъ узенькомъ диванѣ, онъ, наконецъ, спросилъ свѣчу.

— Свѣчи нѣтъ,—сказалъ Никита.

— Какъ нѣтъ?

— Да вѣдь и вчера еще не было,—сказалъ Никита.

Художникъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, и вчера еще не было свѣчи, успокоился и замолчалъ. Онъ далъ себя раздѣть и надѣть свой крѣпко и сильно заношенный халатъ.

— Да вотъ еще, хозяинъ былъ,—сказалъ Никита.

— Ну, приходилъ за деньгами? Знаю,—сказалъ художникъ, махнувъ рукой.

— Да онъ не одинъ приходилъ,—сказалъ Никита.

— Съ кѣмъ же?

— Не знаю, съ кѣмъ... какой-то квартальный.

— А квартальный зачѣмъ?

— Не знаю, зачѣмъ; говоритъ, затѣмъ, что за квартиру не плачено.

— Ну, что жъ, изъ того выйдетъ?

— Я не знаю, что выйдетъ; онъ говорилъ: «Коли не хочетъ, такъ пусть, говоритъ, съѣзжаетъ съ квартиры». Хотѣли завтра еще прійти оба.

— Пусть ихъ приходятъ, — сказалъ съ грустнымъ равнодушіемъ Чартковъ. И непріятное расположеніе духа овладѣло имъ вполнѣ.

Молодой Чартковъ былъ художникомъ съ талантомъ, пророчившимъ многое; вспышками и мгновеньями его кисть отзывалась наблюдательностью, соображеніемъ, шибкимъ порывомъ приблизиться къ природѣ.

— Смотри, братъ, — говорилъ ему не разъ его профессоръ, — у тебя есть талантъ: грѣшно будетъ, если ты его погубишь; но ты нетерпѣливъ; тебя одно что-нибудь замапитъ, одно что-нибудь тебѣ полюбится—ты имъ занятъ, а прочее у тебя дрянь, прочее тебѣ нипочемъ, ты ужъ и глядѣть на него не хочешь. Смотри, чтобъ изъ тебя не вышелъ модный живописецъ: у тебя и теперь уже что-то начинаютъ слишкомъ бойко кричать краски; рисунокъ у тебя не строгъ, а подчасъ и вовсе слабъ, линія не видна; ты ужъ гоняешься за модпымъ освѣщеніемъ, за тѣмъ, что бьетъ на первые глаза, — смотри, какъ разъ попадешь въ аглицкій родъ. Берегись: тебя ужъ начинаетъ свѣтъ тянуть: ужъ, я вижу, у тебя иной разъ на шеѣ щегольской платокъ, шляпа съ лоскомъ... Оно заманчиво, можно пуститься писать модныя картинки и портретики за деньги; да вѣдь на этомъ губится, а не развертывается талантъ. Терпи. Обдумывай всякую работу; брось щегольство,—пусть ихъ другіе набираютъ деньги, — твое отъ тебя не уйдетъ.

Профессоръ былъ отчасти правъ. Иногда пашему художнику, точно, хотѣлось кутнуть, щегольнуть,—словомъ, кое-гдѣ показать свою молодость; но при всемъ томъ онъ могъ взять надъ собою власть. Временами онъ могъ позабыть все, принявшись за кисть, и отрывался отъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго прерваннаго сна. Вкусъ его развивался замѣтно. Еще не понималъ онъ всей глубины Рафаэля [1]), но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвидо [2]), останавливался передъ портретами Тиціана [3]), восхищался фламандцами [4]). Еще потемнѣвшій обликъ, облекающій старыя картины, не весь сошелъ предъ нимъ; но онъ ужъ прозрѣвалъ въ нихъ кое-что, хотя внутренно не соглашался съ профессоромъ, чтобы старинные мастера такъ недосягаемо ушли отъ насъ: ему казалось даже, что девятнадцатый вѣкъ кое въ чемъ значительно ихъ опередилъ, что подражаніе природѣ какъ-то сдѣлалось теперь ярче, живѣе, ближе,— словомъ, онъ думалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ думаетъ молодость, уже постигшая кое-что и чувствующая это въ гордомъ внутреннемъ сознаніи. Иногда становилось ему досадно, когда онъ видѣлъ, какъ заѣзжій живописецъ, французъ или нѣмецъ, иногда даже вовсе не живописецъ по призванію, одной только привычной замашкой, бойкостью кисти и яркостью красокъ производилъ всеобщій шумъ и накоплялъ себѣ вмигъ денежный капиталъ. Это приходило къ нему на умъ не тогда, когда, занятый весь своей работой, онъ забывалъ и питье, и пищу, и весь свѣтъ, но тогда, когда, наконецъ, сильно приступала необходимость, когда не на что было купить кистей и красокъ, когда неотвязчивый хозяинъ приходилъ разъ по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась въ голодномъ его воображеніи участь богача-живописца; тогда про-

---

[1]) Рафаэль Санціо — величайшій итальянскій живописецъ; род. въ 1483 г., ум въ 1520 г. [2]) Гвидо Рени — знаменитый итальянскій живописецъ; род. въ 1575 г., ум. въ 1642 г. [3]) Тиціано-Вечелли — знаменитый итальянскій живописецъ; род. въ 1477 г., ум. въ 1576 г. [4]) Фламандцы — фламандскіе художники, создавшіе особое направленіе въ живописи.

бѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ русской головѣ,—бросить все и закутить съ горя, назло всему. И теперь онъ почти былъ въ такомъ положеніи.

— Да, терпи, терпи!—произнесъ онъ съ досадою: — есть же, наконецъ, и терпѣнью конецъ. Терпи! А на какія деньги я буду завтра обѣдать? Взаймы вѣдь никто не дастъ. А понеси я продавать всѣ мои картины и рисунки, за нихъ мнѣ за всѣ двугривенный дадутъ. Они полезны, конечно; я это чувствую: каждая изъ нихъ была предпринята не даромъ, въ каждой изъ нихъ я что-нибудь узналъ. Да вѣдь что пользы? Этюды, попытки — и все будутъ этюды, попытки,—и конца не будетъ имъ. Да и кто купитъ, не зная меня по имени? Да и кому нужны рисунки съ антиковъ [1]) и натурнаго класса или моя некопченная любовь Психеи [2]), или перспектива моей комнаты, или портретъ моего Никиты, хотя онъ, право, лучше портретовъ какого-нибудь моднаго живописца? Что въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ я мучусь и, какъ ученикъ, копаюсь надъ азбукой, тогда какъ могъ бы блеснуть ничѣмъ не хуже другихъ и быть такъ же, какъ они, съ деньгами?

Произнесши это, художникъ вдругъ задрожалъ и поблѣднѣлъ: на него глядѣло, высунувшись изъ-за поставленнаго холста, чье-то судорожно искаженное лицо, два страшныхъ глаза прямо вперились въ него, какъ бы готовясь сожрать его; на устахъ написано было грозное повелѣнье молчать. Испуганный, онъ хотѣлъ вскрикнуть и позвать Никиту, который уже успѣлъ запустить въ своей передней богатырское храпѣнье, но вдругъ остановился и засмѣялся; чувство страха отлегло вмигъ: это былъ имъ купленный портретъ, о которомъ онъ позабылъ вовсе. Сіяніе мѣсяца, озарившее комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость. Онъ принялся его разсматривать и оттирать. Обмакнулъ въ воду губку, прошелъ ею по немъ нѣсколько разъ, смылъ съ него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, повѣсилъ передъ собой на стѣну и подивился еще болѣе необыкновенной работѣ: все лицо почти ожило, и глаза взглянули на него такъ, что онъ, наконецъ, вздрогнулъ и, попятившись назадъ, произнесъ изумленнымъ голосомъ:

— Глядитъ, глядитъ человѣческими глазами!

Ему пришла вдругъ на умъ исторія, слышанная имъ давно отъ своего профессора, объ одномъ портретѣ знаменитаго Леонардо да-Винчи [3]), надъ которымъ великій мастеръ трудился нѣсколько лѣтъ и все еще почиталъ его неоконченнымъ, и который, по словамъ Вазари [4]), былъ, однакоже, почтенъ отъ всѣхъ за совершеннѣйшее и оконченнѣйшее произведеніе искусства. Оконченнѣе всего были въ немъ глаза, которымъ изумлялись современники: даже малѣйшія, чуть видныя въ нихъ жилки были не упущены и переданы полотну. Но здѣсь, однакоже, въ этомъ, нынѣ бывшемъ передъ нимъ портретѣ было что-то странное. Это было уже не искусство: это разрушало даже гармонію самаго портрета; это были живые, это были человѣческіе глаза! Казалось, какъ будто они были вырѣзаны изъ живого человѣка и вставлены сюда. Здѣсь не было уже того высокаго наслажденья, которое объемлетъ душу при взглядѣ на произведеніе художника, какъ ни ужасенъ взятый имъ предметъ: здѣсь было какое-то болѣзненное, томительное чувство.

— Что это?— невольно вопрошалъ себя художникъ: — вѣдь это, однакоже, натура, это живая натура; отчего же это странно-непріятное чувство? Или раб-

---

[1]) Антикъ—древнее художественное произведеніе, римское или греческое, обыкновенно скульптурное. [2]) Психея — героиня древне-греческаго разсказа о дѣвушкѣ, красотой равной богинѣ. [3]) Леонардо да-Винчи—знаменитый итальянскій живописецъ; род. въ 1472 г., ум. въ 1519 г. [4]) Вазари—писатель и художникъ; род. въ 1512 г., ум. въ 1574 г.; издалъ жизнеописаніе знаменитыхъ художниковъ.

скос, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ, нестройнымъ крикомъ? Или, если возьмешь предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренный свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, — предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься анатомическимъ ножомъ, разсѣкаешь его внутренность—и видишь отвратительнаго человѣка? Почему же простая, низкая природа является у одного художника въ какомъ-то свѣтѣ—и не чувствуешь никакого низкаго впечатлѣнья, напротивъ, кажется, какъ будто насладился, и послѣ того спокойнѣе и ровнѣе все течетъ и движется вокругъ тебя? И почему же та же самая природа у другого художника кажется низкою, грязною, а, между прочимъ, онъ также былъ вѣренъ природѣ? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ въ ней чего-то озаряющаго. Все равно, какъ видъ въ природѣ: какъ онъ ни великолѣпенъ, а все недостаетъ чего-то, если нѣтъ на небѣ солнца.

Онъ опять подошелъ къ портрету, съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть эти чудные глаза, и съ ужасомъ замѣтилъ, что они точно глядятъ на него. Это уже не была копія съ натуры: это была та странная живость, которою бы озарилось лицо мертвеца, вставшаго изъ могилы. Свѣтъ ли мѣсяца, несущій съ собой бредъ мечты и облекающій все въ иные образы, противоположные положительному дню, или что другое было причиною тому,—только ему сдѣлалось вдругъ, неизвѣстно отчего, страшно сидѣть одному въ комнатѣ. Онъ тихо отошелъ отъ портрета, отворотился въ другую сторону и старался не глядѣть на него, а между тѣмъ глазъ невольно, самъ собою, косясь, окидывалъ его. Наконецъ ему сдѣлалось даже страшно ходить по комнатѣ: ему казалось, какъ будто сей же часъ кто-то другой станетъ ходить позади его, и всякій разъ робко оглядывался онъ назадъ. Онъ не былъ никогда трусливъ; но воображенье и нервы его были чутки, и въ этотъ вечеръ онъ самъ не могъ истолковать себѣ своей невольной боязни. Онъ сѣлъ въ уголокъ, но и здѣсь казалось ему, что кто-то вотъ-вотъ взглянетъ черезъ плечо къ нему въ лицо. Самое храпѣнье Никиты, раздававшееся изъ передней, не прогоняло его боязни. Онъ, наконецъ, робко, не подымая глазъ, поднялся съ своего мѣста, отправился къ себѣ за ширмы и легъ въ постель. Сквозь щелки въ ширмахъ онъ видѣлъ освѣщенную мѣсяцемъ свою комнату и видѣлъ прямо висѣвшій на стѣнѣ портретъ. Глаза еще страшнѣе, еще значительнѣе вперились въ него и, казалось, не хотѣли ни на что другое глядѣть, какъ только на него. Полный тягостнаго чувства, онъ рѣшился встать съ постели, схватилъ простыню и, приблизясь къ портрету, закуталъ его всего.

Сдѣлавши это, онъ легъ въ постель покойнѣе, сталъ думать о бѣдности и жалкой судьбѣ художника, о тернистомъ пути, предстоящемъ ему на этомъ свѣтѣ; а между тѣмъ глаза его невольно глядѣли сквозь щелку ширмъ на закутанный простынею портретъ. Сіянье мѣсяца усиливало бѣлизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвѣчивать сквозь холстину. Со страхомъ вперилъ онъ пристальнѣе глаза, какъ бы желая увѣриться, что это вздоръ. Но, наконецъ, уже въ самомъ дѣлѣ... онъ видитъ, видитъ ясно: простыни уже нѣтъ... портретъ открытъ весь и глядитъ, мимо всего, что ни есть вокругъ, прямо въ него,—глядитъ просто къ нему во внутрь... У него захолонуло сердце. И видитъ: старикъ пошевелился и вдругъ уперся въ рамку обѣими руками, наконецъ, приподнялся на рукахъ и, высунувъ обѣ ноги, выпрыгнулъ изъ рамъ... Сквозь щелку ширмъ видны были уже однѣ только пустыя рамы. По комнатѣ раздался стукъ шаговъ, который, наконецъ, становился ближе и ближе къ ширмамъ. Сердце стало сильно колотиться у бѣднаго художника. Съ

занявшимся отъ страха дыханьемъ онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ глянетъ къ нему за ширмы старикъ. И вотъ онъ глянулъ, точно, за ширмы, съ тѣмъ же бронзовымъ лицомъ и поводя большими глазами. Чартковъ силился вскрикнуть — и почувствовалъ, что у него нѣтъ голоса, силился пошевельнуться, сдѣлать какое-нибудь движенье—не движутся члены.

Съ раскрытымъ ртомъ и замершимъ дыханьемъ смотрѣлъ онъ на этотъ странный фантомъ [1]) высокаго роста, въ какой-то широкой азіатской рясѣ, и ждалъ, что станетъ онъ дѣлать. Старикъ сѣлъ почти у самыхъ ногъ его и вслѣдъ за тѣмъ что-то вытащилъ изъ-подъ складокъ своего широкаго платья. Это былъ мѣшокъ. Старикъ развязалъ его и, схвативши за два конца, встряхнулъ: съ глухимъ звукомъ упали на полъ тяжелые свертки, въ видѣ длинныхъ столбиковъ; каждый былъ завернутъ въ синюю бумагу и на каждомъ было выставлено: «1000 червонныхъ» [2]). Высунувъ свои длинныя костистыя руки изъ широкихъ рукавовъ, старикъ началъ разворачивать свертки. Золото блеснуло. Какъ не велико было тягостное чувство и обезпамятѣвшій страхъ художника, но онъ вперился весь въ золото, глядя неподвижно, какъ оно разворачивалось въ костистыхъ рукахъ, блестѣло, звенѣло тонко и глухо и заворачивалось вновь. Тутъ замѣтилъ онъ одинъ свертокъ, откатившійся подалѣе отъ другихъ, къ самой ножкѣ его кровати, въ головахъ у него. Почти судорожно схватилъ онъ его и, полный страха, смотрѣлъ, не замѣтитъ ли старикъ. Но старикъ былъ, казалось, очень занятъ; онъ собралъ всѣ свертки свои, уложилъ ихъ снова въ мѣшокъ и, не взглянувши на него, ушелъ за ширмы.

Сердце билось сильно у Чарткова, когда онъ услышалъ, какъ раздавался по комнатѣ шелестъ удалявшихся шаговъ. Онъ сжималъ крѣпче свертокъ свой въ рукѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ за него, и вдругъ услышалъ, что шаги вновь приближаются къ ширмамъ — видно, старикъ вспомнилъ, что недоставало одного свертка. И вотъ онъ глянулъ къ нему вновь за ширмы. Полный отчаянія, художникъ стиснулъ всею силою въ рукѣ своей свертокъ, употребилъ все усиліе сдѣлать движенье, вскрикнулъ—и проснулся.

Холодный потъ облилъ его всего; сердце его билось такъ сильно, какъ только можно было биться; грудь была стѣснена, какъ будто хотѣло улетѣть изъ нея послѣднее дыханіе.

— Неужели это былъ сонъ?—сказалъ онъ, взявши себя обѣими руками за голову.

Но страшная живость явленія не была похожа на сонъ. Онъ увидѣлъ, уже пробудившись, какъ старикъ ушелъ въ рамки, мелькнула даже пола его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала за минуту предъ симъ какую-то тяжесть.

Свѣтъ мѣсяца озарялъ комнату, заставляя выступать изъ темныхъ угловъ ея—гдѣ холстъ, гдѣ гипсовую руку, гдѣ оставленную на стулѣ драпировку, гдѣ панталоны и нечищенные сапоги. Тутъ только замѣтилъ онъ, что не лежитъ въ постели, а стоитъ на ногахъ прямо передъ портретомъ. Какъ онъ добрался сюда,— ужъ этого никакъ не могъ онъ понять. Еще болѣе изумило его, что портретъ былъ открытъ весь, и простыни на немъ, дѣйствительно, не было. Съ неподвижнымъ страхомъ глядѣлъ онъ на него и видѣлъ, какъ прямо вперились въ него живые человѣческіе глаза. Холодный потъ выступилъ на лицѣ его; онъ хотѣлъ отойти, но чувствовалъ, что ноги его какъ будто приросли къ землѣ. И видятъ онъ,—это уже не сонъ,черты старика двинулись, и губы его стали

---

[1]) Фантомъ—призракъ. [2]) Червонный—монета изъ золота самой высокой пробы.

вытягиваться къ нему, какъ будто бы хотѣли его высосать... Съ воплемъ отчаянья отскочилъ онъ—и проснулся.

— Неужели и это былъ сонъ?

Съ бьющимся наразрывъ сердцемъ ощупалъ онъ руками вокругъ себя. Да, онъ лежитъ на постели, въ такомъ точно положеніи, какъ заснулъ. Предъ нимъ ширмы, свѣтъ мѣсяца наполнялъ комнату. Сквозь щель въ ширмахъ виденъ былъ портретъ, закрытый, какъ слѣдуетъ, простынею, какъ онъ самъ закрылъ его. Итакъ, это былъ тоже сонъ! Но сжатая рука еще чувствуетъ, какъ будто бы въ ней что-то было. Біеніе сердца было сильно, почти страшно; тягость въ груди невыносимая. Онъ вперилъ глаза въ щель и пристально глядѣлъ на простыню. И вотъ видитъ ясно, что простыня начинаетъ раскрываться, какъ будто подъ нею барахтались руки и силились ее сбросить.

— Господи, Боже мой, что это!—вскрикнулъ онъ, крестясь отчаянно,—и проснулся.

И это былъ также сонъ! Онъ вскочилъ съ постели, полоумный, обезпамятѣвшій, и уже не могъ изъяснить, что это съ нимъ дѣлается: давленье ли кошмара, или домового, бредъ ли горячки, или живое видѣніе. Стараясь утишить сколько-нибудь душевное волненье и расколыхавшуюся кровь, которая билась напряженнымъ пульсомъ по всѣмъ его жиламъ, онъ подошелъ къ окну и открылъ форточку. Холодный пахнувшій вѣтеръ оживилъ его. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя небольшія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжанье дрожекъ извозчика, который гдѣ-нибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣнивою клячею, поджидая запоздалаго сѣдока. Долго глядѣлъ онъ, высунувши голову въ форточку. Уже на небѣ рождались признаки приближающейся зари; наконецъ почувствовалъ онъ дремоту, захлопнулъ форточку, отошелъ прочь, легъ въ постель и скоро заснулъ, какъ убитый, самымъ крѣпкимъ сномъ.

Проснулся онъ очень поздно и почувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло: непріятная мокрота сѣялась въ воздухѣ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныхъ картинами или нагрунтованнымъ холстомъ. Пасмурный, недовольный, какъ мокрый пѣтухъ, усѣлся онъ на своемъ оборванномъ диванѣ, не зная самъ, за что приняться, что дѣлать, и вспомнилъ, наконецъ, весь свой сонъ. По мѣрѣ припоминанія сонъ этотъ представлялся въ его соображеніи такъ тягостно-живъ, что онъ даже сталъ подозрѣвать, точно ли это былъ сонъ и простой бредъ, не было ли здѣсь чего-то другого, не было ли это видѣніе.

Сдернувши простыню, онъ разсмотрѣлъ при дневномъ свѣтѣ этотъ странный портретъ. Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ничего онъ не находилъ въ нихъ особенно страшнаго; только какъ будто какое-то неизъяснимое, непріятное чувство оставалось на душѣ. При всемъ томъ онъ все-таки не могъ совершенно увѣриться, чтобы это былъ сонъ. Ему казалось, что среди сна былъ какой-то странный отрывокъ изъ дѣйствительности. Казазолось, даже въ самомъ взглядѣ и выраженіи старика какъ будто что-го говорили, что онъ былъ у него эту ночь; рука его чувствовала только что лежавшую въ ней тяжесть, какъ будто бы кто-то, за одну только минуту предъ симъ, ее выхватилъ у него. Ему казалось, что если бы онъ держалъ только покрѣпче свертокъ, онъ, вѣрно, остался бы у него въ рукѣ и послѣ пробужденья.

— Боже мой, если бы хотя часть этихъ денегъ! — сказалъ онъ, тяжело вздохнувши.

...Онъ видитъ, видитъ ясно: простыни уже нѣтъ... портретъ открытъ весь и глядитъ, мимо всего, что ни есть вокругъ, прямо въ него,—глядитъ просто къ нему во внутрь... У него захолонуло сердце. И видитъ: старикъ пошевелился и вдругъ уперся въ рамку обѣими руками, наконецъ, приподнялся на рукахъ и, высунувъ обѣ ноги, выпрыгнулъ изъ рамъ...

И въ воображеніи его стали высыпаться изъ мѣшка всѣ видѣнные имъ свертки съ заманчивой надписью: «1000 червонныхъ». Свертки разворачивались, золото блестѣло, заворачивалось вновь, и онъ сидѣлъ, уставивши неподвижно и безсмысленно свои глаза въ пустой воздухъ, не будучи въ состояніи оторваться отъ такого предмета, какъ ребенокъ, сидящій предъ сладкимъ блюдомъ и видящій, глотая слюнки, какъ ѣдятъ его другіе.

Наконецъ у дверей раздался стукъ, заставившій его непріятно очнуться. Вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ, какъ извѣстно, еще непріятнѣе, чѣмъ для богатыхъ лицо просителя. Хозяинъ небольшого дома, въ которомъ жилъ Чартковъ, было одно изъ тѣхъ твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ гдѣ-нибудь въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ или въ отдаленномъ углу Коломны,—твореньс, какихъ много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ и капитанъ и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопенъ, и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставкѣ, уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался, любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякій вздоръ; ходилъ по комнатѣ, поправлялъ сальный огарокъ, аккуратно по истеченіи каждаго мѣсяца навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами, выходилъ на улицу съ ключомъ въ рукѣ, для того, чтобы посмотрѣть на крышу своего дома, выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его конуры, куда тотъ запрятывался спать,—однимъ словомъ, былъ человѣкъ въ отставкѣ, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладныхъ, остаются однѣ пошлыя привычки.

— Извольте сами глядѣть, Варухъ Кузьмичъ,—сказалъ хозяинъ, обращаясь къ квартальному и разставивъ руки:—вотъ не платитъ за квартиру, не платитъ.

— Что жъ, если нѣтъ денегъ? Подождите, я заплачу.

— Мнѣ, батюшка, ждать нельзя, — сказалъ хозяинъ всердцахъ, дѣлая жестъ ключомъ, который держалъ въ рукѣ:—у меня вотъ Потогонкинъ, подполковникъ, живетъ, семь лѣтъ ужъ живетъ; Анна Петровна Вухмистерова и сарай и конюшню нанимаетъ на два стойла, три при ней дворовыхъ человѣка,—вотъ какіе у меня жильцы! У меня, сказать вамъ откровенно, нѣтъ такого заведенья, чтобы не платить за квартиру. Извольте сей же часъ заплатить деньги да и съѣзжать вонъ.

— Да, ужъ если порядились, такъ извольте платить,—сказалъ квартальный надзиратель съ небольшимъ потряхиваньемъ головы и заложивъ палецъ за пуговицу своего мундира.

— Да чѣмъ платить?—вопросъ. У меня нѣтъ теперь ни гроша.

— Въ такомъ случаѣ удовлетворите Ивана Ивановича издѣліями своей профессіи,—сказалъ квартальный,—онъ, можетъ-быть, согласится взять картинами.

— Нѣтъ, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины съ благороднымъ содержаніемъ, чтобы можно было на стѣну повѣсить: хоть какой-нибудь генералъ со звѣздой или князя Кутузова портретъ, а то вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ, слути-то, что третъ краски. Еще съ него, свиньи, портретъ рисовать! Ему я шею наколочу; онъ у меня всѣ гвозди изъ задвижекъ повыдергалъ, мошенникъ! Вотъ посмотрите, какіе предметы: вотъ комнату рисуетъ. Добро бы ужъ взялъ комнату прибранную, опрятную; а онъ вонъ какъ нарисовалъ ее, со всѣмъ соромъ и дрязгомъ, какой ни валялся. Вотъ посмотрите, какъ запакостилъ у меня комнату; извольте сами видѣть. Да у меня по

семи лѣтъ живутъ жильцы, полковники, Вухмистерова, Анна Петровна... Нѣтъ, я вамъ скажу, нѣтъ хуже жильца, какъ живописецъ: свинья свиньей живетъ, просто—не приведи Богъ.

И все это долженъ былъ выслушать терпѣливо бѣдный живописецъ

Квартальный надзиратель между тѣмъ занялся разсматриваньемъ картинъ и этюдовъ и тутъ же показалъ, что у него душа живѣе хозяйской и даже была не чужда художественнымъ впечатлѣніямъ.

— Хе, — сказалъ онъ, тыкнувъ пальцемъ на одинъ холстъ, гдѣ была изображена нагая женщина:—предметъ того... игривый. А у этого зачѣмъ такъ подъ носомъ черно? Табакомъ, что ли, онъ себѣ засыпалъ?

— Тѣнь,—отвѣчалъ на это сурово и не обращая на него глазъ Чартковъ.

— Ну, ее бы можно куда-нибудь въ другое мѣсто отнести, а подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто,—сказалъ квартальный.

— А это чей портретъ?—продолжалъ онъ, подходя къ портрету старика.— Ужъ страшенъ слишкомъ. Будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такой страшный? Ахти, да онъ, просто, глядитъ! Эхъ, какой Громобой [1])! Съ кого вы писали?

— А это съ одного...—сказалъ Чартковъ, и не кончилъ слова: послышался трескъ. Квартальный пожалъ, видно, слишкомъ крѣпко рамку портрета, благодаря топорному устройству полицейскихъ рукъ своихъ: боковыя дощечки вломились внутрь; одна упала на полъ, и вмѣстѣ съ нею упалъ, тяжело звякнувъ, свертокъ въ синей бумагѣ. Чарткову бросилась въ глаза надпись: «1000 червонныхъ». Какъ безумный, бросился онъ поднять его, схватилъ свертокъ, сжалъ его судорожно въ рукѣ, опустившейся внизъ отъ тяжести.

— Никакъ деньги зазвенѣли?—сказалъ квартальный, услышавшій стукъ чего-то упавшаго на полъ и не могшій увидать его за быстротой движенья, съ какою бросился Чартковъ прибрать его.

— А вамъ какое дѣло знать, что у меня есть?

— А такое дѣло, что вы сейчасъ должны заплатить хозяину за квартиру, что у васъ есть деньги, да вы не хотите платить,—вотъ что!

— Ну, я заплачу ему сегодня.

— Ну, а зачѣмъ же вы не хотѣли заплатить прежде, да доставляете безпокойство хозяину, да вотъ и полицію тоже тревожите?

— Потому что этихъ денегъ мнѣ не хотѣлось трогать. Я ему сегодня же ввечеру все заплачу и съѣду съ квартиры завтра же, потому что не хочу оставаться у такого хозяина.

— Ну, Иванъ Ивановичъ, онъ вамъ заплатитъ, — сказалъ квартальный, обращаясь къ хозяину.—А если насчетъ того, что вы не будете удовлетворены, какъ слѣдуетъ, сегодня ввечеру, тогда ужъ извините, господинъ живописецъ.— Сказавши это, онъ надѣлъ свою треугольную шляпу и вышелъ въ сѣни, а за нимъ хозяинъ, держа внизъ голову и, какъ казалось, въ какомъ-то раздумьѣ.

— Слава Богу, чортъ ихъ унесъ!—сказалъ Чартковъ, когда услышалъ затворившуюся въ передней дверь. Онъ выглянулъ въ переднюю, услалъ зачѣмъ-то Никиту, чтобы быть совершенно одному, заперъ за нимъ дверь и, возвратившись къ себѣ въ комнату, принялся, съ сильнымъ сердечнымъ трепетомъ, разворачивать свертокъ. Въ немъ были червонцы, всѣ до одного новые, жаркіе, какъ огонь. Почти обезумѣвъ, сидѣлъ онъ за золотою кучею, все еще спрашивая себя: «Не во снѣ ли все это?» Въ сверткѣ было ровно ихъ тысяча; наружность его была совершенно такая, въ какой они видѣлись ему во снѣ. Нѣ-

---

[1]) Громобой—герой поэмы Жуковскаго „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ", продалъ душу чорту.

сколько минутъ онъ перебиралъ ихъ, пересматривалъ, и все еще не могъ прійти въ себя. Въ воображеніи его воскресли вдругъ всѣ исторіи о кладахъ, шкатулкахъ съ потаенными ящиками, оставляемыхъ предками для своихъ разорившихся внуковъ, въ твердой увѣренности на будущее ихъ промотавшееся положеніе. Онъ мыслилъ такъ: «Не придумалъ ли и теперь какой-нибудь дѣдушка оставить своему внуку подарокъ, заключивъ его въ рамку фамильнаго портрета?» Полный романическаго бреда, онъ сталъ даже думать: нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь тайной связи съ его судьбою? Не связано ли существованье портрета съ его собственнымъ существованьемъ, и самое пріобрѣтеніе его не есть ли уже какое-то предопредѣленіе? Онъ припялся съ любопытствомъ разсматривать рамку портрета. Въ одномъ боку ея былъ выдолбленный желобокъ, задвинутый дощечкой такъ ловко и непримѣтно, что если бы капитальная рука квартальнаго надзирателя не произвела пролома, червонцы остались бы до скончанія вѣка въ покоѣ. Разсматривая портретъ, онъ подивился вновь высокой работѣ, необыкновенной отдѣлкѣ глазъ: они уже не казались ему страшными, но все еще въ душѣ оставалось всякій разъ какое-то невольно-непріятное чувство. «Нѣтъ, — сказалъ онъ самъ въ себѣ:—чей бы ты ни былъ, дѣдушка, а я тебя поставлю за стекло и сдѣлаю тебѣ за это золотыя рамки». Здѣсь онъ набросилъ руку на золотую кучу, лежавшую передъ нимъ, и сердце забилось сильно отъ такого прикосновенья. «Что съ ними дѣлать? — думалъ онъ, уставивъ на нихъ глаза.—Теперь я обезпеченъ, по крайней мѣрѣ, на три года: могу запереться въ комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обѣдъ, на чай, на содержанье, на квартиру есть; мѣшать и надоѣдать мнѣ теперь никто не станетъ! Куплю себѣ отличный манкенъ [1]), закажу гипсовый торсикъ [2]), сформую ножки, поставлю Венеру, накуплю гравюръ съ первыхъ картинъ. И если поработаю три года для себя, не торопясь, не на продажу, я зашибу ихъ всѣхъ, и могу быть славнымъ художникомъ».

Такъ говорилъ онъ заодно съ подсказывавшимъ ему разсудкомъ; но изпутри раздавался другой голосъ, слышнѣе и звонче. И какъ взглянулъ онъ еще разъ на золото, не то заговорили въ немъ 22 года и горячая юность. Теперь въ его власти было все то, на что онъ глядѣлъ доселѣ завистливыми глазами, чѣмъ любовался издали, глотая слюнки. Ухъ, какъ въ немъ забилось ретивое, когда онъ только подумалъ о томъ! Одѣться въ модный фракъ, разговѣться послѣ долгаго поста, нанять себѣ славную квартиру, отправиться тотъ же часъ въ театръ, въ кондитерскую, въ... и прочее—и онъ, схвативши деньги, былъ уже на улицѣ.

Прежде всего зашелъ къ портному, одѣлся съ ногъ до головы и, какъ ребенокъ, сталъ осматривать себя безпрестанно; накупилъ духовъ, помады, нанялъ, не торгуясь, первую попавшуюся великолѣпнѣйшую квартиру на Невскомъ проспектѣ, съ зеркалами и цѣльными стеклами; купилъ нечаянно въ магазинѣ дорогой лорнетъ, нечаянно накупилъ тоже бездну всякихъ галстуковъ, болѣе, чѣмъ было нужно, завилъ у парикмахера себѣ локоны, прокатился два раза по городу въ каретѣ безъ всякой причины, объѣлся безъ мѣры конфетъ въ кондитерской и зашелъ къ ресторану французу, о которомъ доселѣ слышалъ такіе же неясные слухи, какъ о китайскомъ государствѣ. Тамъ онъ обѣдалъ, подбоченившись, бросая довольно гордые взгляды на другихъ и поправляя безпрестанно противъ зеркала завитые локоны. Тамъ онъ выпилъ бутылку шампанскаго, которое тоже доселѣ было ему знакомо болѣе по слуху.

---

[1]) Манкенъ — у художниковъ деревянная кукла съ шарнерами, позволяющими придавать ей разныя позы. [2]) Торсъ — туловище античной статуи.

Вино нѣсколько зашумѣло въ головѣ, и онъ вышелъ на улицу живой, бойкій, по русскому выраженію — «чорту не братъ». Прошелся по тротуару гоголемъ, наводя на всѣхъ лорнетъ. На мосту замѣтилъ онъ своего прежняго профессора и шмыгнулъ лихо мимо него, какъ будто бы не замѣтивъ его вовсе, такъ что остолбенѣвшій профессоръ долго еще стоялъ неподвижно на мосту, изобразивъ вопросительный знакъ на лицѣ своемъ.

Всѣ вещи и все, что ни было: станокъ, холсты, картины, были въ тотъ же вечеръ перевезены на великолѣпную квартиру. Онъ разставилъ, что было получше, на видныя мѣста, что похуже, забросилъ въ уголъ и расхаживалъ по великолѣпнымъ комнатамъ, безпрестанно поглядывая въ зеркала. Въ душѣ его возродилось желанье непреоборимое схватить славу сей же часъ за хвостъ и показать себя свѣту. Уже чудились ему крики: «Чартковъ, Чартковъ! Видали ли вы картину Чарткова? Какая быстрая кисть у Чарткова! Какой сильный талантъ у Чарткова!» Онъ ходилъ въ восторженномъ состояніи у себя по комнатѣ и уносился нивѣсть куда. На другой же день, взявши десятокъ червонцевъ, отправился онъ къ одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; былъ принятъ радушно журналистомъ, назвавшимъ его тотъ же часъ «почтеннѣйшій», пожавшимъ ему обѣ руки, разспросившимъ подробно объ имени, отчествѣ, мѣстѣ жительства, и на другой же день появилась въ газетѣ, вслѣдъ за объявленіемъ о новоизобрѣтенныхъ сальныхъ свѣчахъ, статья съ такимъ заглавіемъ: *О необыкновенныхъ талантахъ Чарткова.* «Спѣшимъ обрадовать образованныхъ жителей столицы прекраснымъ, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ пріобрѣтеніемъ. Всѣ согласны въ томъ, что у насъ есть много прекраснѣйшихъ физіогномій и прекраснѣйшихъ лицъ, но не было до сихъ поръ средства передать ихъ на чудотворный холстъ, для передачи потомству. Теперь недостатокъ этотъ пополненъ: отыскался художникъ, соединяющій въ себѣ все, что нужно. Теперь красавица можетъ быть увѣрена, что она будетъ передана со всей граціей своей красоты, воздушной, легкой, очаровательной, пріятной, чудесной, подобной мотылькамъ, порхающимъ по весеннимъ цвѣткамъ. Почтенный отецъ семейства увидитъ себя окруженнымъ всей своей семьей. Купецъ, воинъ, гражданинъ, государственный мужъ, — всякій съ новой ревностью будетъ продолжать свое поприще. Спѣшите, спѣшите, заходите съ гулянья, съ прогулки, предпринятой къ пріятелю, къ кузинѣ, въ блестящій магазинъ, спѣшите, откуда бы ни было. Великолѣпная мастерская художника (Невскій проспектъ, такой-то номеръ) уставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиковъ [1]) и Тиціановъ. Не знаешь, чему удивляться: вѣрности ли и сходству съ оригиналами или необыкновенной яркости и свѣжести кисти. Хвала вамъ, художникъ! Вы вынули счастливый билетъ изъ лотереи. Виватъ, Андрей Петровичъ! (журналистъ, какъ видно, любилъ фамильярность). Прославляйте себя и насъ. Мы умѣемъ цѣнить васъ. Всеобщее стеченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деньги, — хотя нѣкоторые изъ нашей же братіи, журналистовъ, и возстаютъ противъ нихъ, — будутъ вамъ наградою».

Съ тайнымъ удовольствіемъ прочиталъ художникъ это объявленіе; лицо его просіяло. О немъ заговорили печатно — это было для него новостью: нѣсколько разъ перечитывалъ онъ строки. Сравненіе съ Вандикомъ и Тиціаномъ ему сильно польстило. Фраза: «Виватъ, Андрей Петровичъ!» также очень понравилась: печатнымъ образомъ называютъ его по имени и по отчеству — честь, донынѣ ему совершенно неизвѣстная. Онъ началъ ходить скоро по комнатѣ,

---

[1]) Ванъ-Дейкъ — знаменитый фламандскій живописецъ; родился въ 1599 году, умеръ въ 1641 году.

сронить себѣ волосы, то садился въ кресла, то вскакивалъ съ нихъ и садился на диванъ, представляя поминутно, какъ онъ будетъ принимать посѣтителей и посѣтительницъ, подходилъ къ холсту и производилъ надъ нимъ лихую замашку кисти, пробуя сообщить граціозныя движенія рукѣ.

На другой день раздался колокольчикъ у дверей его; онъ побѣжалъ отворять. Вошла дама, сопровождаемая лакеемъ въ ливрейной шинели на мѣху, и вмѣстѣ съ дамой вошла молоденькая восемнадцатилѣтняя дѣвица, дочь ея.

— Вы мсье Чартковъ?—сказала дама.

Художникъ поклонился.

— Объ васъ столько пишутъ; ваши портреты, говорятъ, верхъ совершенства.—Сказавши это, дама наставила на глазъ свой лорнетъ и побѣжала быстро осматривать стѣны, на которыхъ ничего не было.—А гдѣ же ваши портреты?

— Вынесли,—сказалъ художникъ, нѣсколько смѣшавшись:—я только что переѣхалъ на эту квартиру, такъ они еще въ дорогѣ... не доѣхали.

— Вы были въ Италіи?—сказала дама, наводя на него лорнетъ, не найдя ничего другого, на что бы можно было навесть его.

— Нѣтъ, я не былъ, но хотѣлъ быть... Впрочемъ, теперь покамѣстъ я отложилъ... Вотъ кресла-съ; вы устали?..

— Благодарю, я сидѣла долго въ каретѣ. А, вонъ, наконецъ, вижу вашу работу!—сказала дама, побѣжавъ къ супротивной стѣнѣ и наведя лорнетъ на стоявшіе на полу его этюды, программы, перспективы и портреты. — C'est charmant, Lise! Lise, venez ici [1]). Комната во вкусѣ Теньера [2]). Видишь? безпорядокъ, безпорядокъ, столъ, на немъ бюстъ, рука, палитра; вонъ пыль... видишь, какъ пыль нарисована! C'est charmant! А вонъ на другомъ холстѣ женщина, моющая лицо—quelle jolie figure! [3]) Ахъ, мужичокъ! Lise, Lise! Мужичокъ въ русской рубашкѣ! Смотри: мужичокъ! Такъ вы занимаетесь не одними только портретами?

— О, это вздоръ... такъ, шалилъ... этюды...

— Скажите, какого вы мнѣнія насчетъ нынѣшнихъ портретистовъ? Не правда ли, теперь нѣтъ такихъ, какъ былъ Тиціанъ? Нѣтъ той силы въ колоритѣ, нѣтъ той... какъ жаль, что я не могу вамъ выразить по-русски (дама была любительница живописи и обѣгала съ лорнетомъ всѣ галлереи въ Италіи). Однако, мсье Ноль... ахъ, какъ онъ пишетъ! Какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженія въ лицахъ, нежели у Тиціана. Вы не знаете мсье Ноля?

— Кто этотъ Ноль?—спросилъ художникъ.

— Мсье Ноль. Ахъ, какой талантъ! Онъ написалъ съ нея портретъ, когда ей было только двѣнадцать лѣтъ. Нужно, чтобы вы непремѣнно у насъ были. Lise, ты ему покажи свой альбомъ. Вы знаете, что мы пріѣхали съ тѣмъ, чтобы сей же часъ начали съ нея портретъ.

— Какъ же, я готовъ сію минуту,—и въ одно мгновенье придвинулъ онъ станокъ съ готовымъ холстомъ, взялъ въ руки палитру [4]), вперилъ глаза въ блѣдное личико дочери. Если бы онъ былъ знатокъ человѣческой природы, онъ прочелъ бы на немъ въ одну минуту начало ребяческой страсти къ баламъ, начало тоски и жалобъ на длинноту времени до обѣда и послѣ обѣда, желанья побѣгать въ новомъ платьѣ на гуляньяхъ, тяжелые слѣды безучастнаго прилежанія къ разнымъ искусствамъ, внушаемаго матерью для возвышенія души и

[1]) Это прелестно, Лиза! Лиза, поди сюда! [2]) Теньеръ—знаменитый живописецъ фламандской школы, ум. въ 1694 г. [3]) Какое хорошенькое личико! [4]) Палитра — у художниковъ деревянная или костяная доска, съ отверстіемъ для большого пальца, служащая для смѣшиванія красокъ.

чувствъ. Но художникъ видѣлъ въ этомъ нѣжномъ личикѣ одну только заманчивую для кисти, почти фарфорную прозрачность тѣла, увлекательную легкую томность, тонкую свѣтлую шейку и аристократическую легкость стана. И уже заранѣе готовился торжествовать, показать легкость и блескъ своей кисти, имѣвшей доселѣ дѣло только съ жесткими чертами грубыхъ моделей, съ строгими антиками и копіями кое-какихъ классическихъ мастеровъ. Онъ уже представлялъ себѣ въ мысляхъ, какъ выйдетъ это легонькое личико.

— Знаете ли?—сказала дама съ нѣсколько даже трогательнымъ выраженіемъ лица:—я бы хотѣла... на ней теперь платье; а бы, признаюсь, не хотѣла, чтобы она была въ платьѣ, къ которому мы такъ привыкли: я бы хотѣла, чтобы она была одѣта просто и сидѣла бы въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... чтобы незамѣтно было, что она ѣдетъ куда-нибудь на балъ или модный вечеръ. Наши балы, признаюсь, такъ убиваютъ душу, такъ умерщвляютъ остатки чувствъ... Простоты, понимаете, чтобы было больше.—(Увы!—на лицахъ и матушки и дочери написано было, что онѣ до того исплясались на балахъ, что обѣ сдѣлались чуть не восковыми.)

Чартковъ принялся за дѣло, усадилъ оригиналъ, сообразилъ нѣсколько все это въ головѣ; провелъ по воздуху кистью, мысленно устанавливая пункты; прищурилъ нѣсколько глазъ, подался назадъ взглянулъ издали и въ одинъ часъ началъ и кончилъ подмалевку. Довольный ею, онъ принялся уже писать; работа его завлекла; уже онъ позабылъ все, позабылъ даже, что находится въ присутствіи аристократическихъ дамъ, началъ даже выказывать иногда кое-какія художническія ухватки, произнося вслухъ разные звуки, временами подпѣвая, какъ случается съ художникомъ, погруженнымъ всею душою въ свое дѣло. Безъ всякой церемоніи, однимъ движеньемъ кисти, заставлялъ онъ оригиналъ поднимать голову, который, наконецъ, началъ сильно вертѣться и выражать совершенную усталость.

— Довольно, на первый разъ довольно,—сказала дама.

— Еще немножко,—говорилъ позабывшійся художникъ.

— Нѣтъ, пора! Lise, три часа!—сказала она, вынимая маленькіе часы, висѣвшіе на золотой цѣпи у ея кушака, и вскрикнула:—Ахъ, какъ поздно!

— Минуточку только!—говорилъ Чартковъ простодушнымъ и просящимъ голосомъ ребенка.

Но дама, кажется, совсѣмъ не была расположена угождать на этотъ разъ его художественнымъ потребностямъ и обѣщала, вмѣсто того просидѣть въ другой разъ долѣе.

«Это, однакожъ, досадно,—подумалъ про себя Чартковъ:—рука только что расходилась».—И вспомнилъ онъ, что его никто не перебивалъ и не останавливалъ, когда онъ работалъ въ своей мастерской на Васильевскомъ островѣ. Никита, бывало, сидѣлъ, не ворохнувшись, на одномъ мѣстѣ—пиши съ него, сколько угодно: онъ даже засыпалъ въ заказанномъ ему положеніи. И, недовольный, положилъ онъ свою кисть и палитру на стулъ и остановился смутно предъ холстомъ.

Комплиментъ, сказанный свѣтской дамой, пробудилъ его изъ усыпленія. Онъ бросился быстро къ дверямъ провожать ихъ; на лѣстницѣ получилъ приглашеніе бывать, прійти на слѣдующей недѣлѣ обѣдать и съ веселымъ видомъ возвратился къ себѣ въ комнату. Аристократическая дама совершенно очаровала его. До сихъ поръ онъ глядѣлъ на подобныя существа, какъ на что-то недоступное, которыя рождены только для того, чтобы пронестись въ великолѣпной коляскѣ съ ливрейными лакеями и щегольскимъ кучеромъ и бросить равнодушный взглядъ на бредущаго пѣшкомъ въ небогатомъ плащишкѣ человѣка. И вдругъ

теперь одно изъ этихъ существъ вошло къ нему въ комнату; онъ пишетъ портретъ, приглашенъ на обѣдъ въ аристократическій домъ. Довольство овладѣло имъ необыкновенно; онъ былъ упоенъ совершенно и наградилъ себя за это славнымъ обѣдомъ, вечернимъ спектаклемъ и опять проѣхался въ каретѣ по городу безъ всякой нужды.

Во всѣ эти дни обычная работа ему не шла вовсе на умъ. Онъ только приготовлялся и ждалъ минуты, когда раздастся звонокъ. Наконецъ аристократическая дама пріѣхала вмѣстѣ съ своею блѣдненькою дочерью. Онъ усадилъ ихъ, придвинулъ холстъ, уже съ ловкостью и претензіями на свѣтскія замашки, и сталъ писать. Солнечный день и ясное освѣщеніе много помогли ему. Онъ увидѣлъ въ легонькомъ своемъ оригиналѣ много такого, что, бывъ уловлено и передано на полотно, могло придать высокое достоинство портрету; увидѣлъ, что можно сдѣлать кое-что особенное, если выполнить все въ такой оконченности, въ какой теперь представилась ему натура. Сердце его начало даже слегка трепетать, когда онъ почувствовалъ, что выразитъ то, чего еще не замѣтили другіе. Работа заняла его всего; весь погрузился онъ въ кисть, позабывъ опять объ аристократическомъ происхожденіи оригинала. Съ занимавшимся дыханіемъ видѣлъ, какъ выходили у него легкія черты и это почти прозрачное, нѣжное тѣло семнадцатилѣтней дѣвушки. Онъ ловилъ всякій оттѣнокъ, легкую желтизну, едва замѣтную голубизну подъ глазами, и уже готовился даже схватить небольшой прыщикъ, выскочившій на лбу, какъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ матери:

— Ахъ, зачѣмъ это? Это не нужно,—говорила дама,—у васъ тоже... вотъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ... какъ будто бы нѣсколько желто, и вотъ здѣсь совершенно какъ темныя пятнышки...

Художникъ сталъ изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составятъ никакихъ тоновъ и совсѣмъ не разыгрываются и что это ему только такъ кажется.

— Но позвольте, здѣсь, въ одномъ только мѣстѣ, тронуть немножко желтенькой краской,—сказалъ простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили. Объявлено было, что Lise только сегодня немного не расположена, а что желтизны въ ней никакой не бываетъ, и лицо ея поражаетъ особенно свѣжестью краски. Съ грустью принялся онъ изглаживать то, что кисть его заставила выступить на полотно. Исчезло много почти незамѣтныхъ чертъ, а вмѣстѣ съ ними исчезло отчасти и сходство. Онъ безчувственно сталъ сообщать ему тотъ общій колоритъ, который дается наизусть и обращаетъ даже лица, взятыя съ натуры, въ какія-то холодно-идеальныя, видимыя на ученическихъ программахъ. Но дама была довольна тѣмъ, что обидный колоритъ былъ изгнанъ вовсе. Она изъявила только удивленье, что работа идетъ такъ долго, и прибавила, что слышала, будто онъ въ два сеанса оканчиваетъ совершенно портретъ. Художникъ ничего не нашелся на это отвѣчать. Дамы поднялись и собирались выйти. Онъ положилъ кисть, проводилъ ихъ до дверей и послѣ того долго оставался смутнымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, передъ своимъ портретомъ.

Онъ глядѣлъ на него глупо, а въ головѣ его между тѣмъ носились тѣ легкія женственныя черты, тѣ оттѣнки и воздушные тоны, имъ подмѣченные, которые уничтожила безжалостно его кисть. Будучи весь полонъ ими, онъ отставилъ портретъ въ сторону и отыскалъ у себя гдѣ-то заброшенную головку Психеи, которую когда-то давно и эскизно набросалъ на полотно. Это было личико, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее изъ

однѣхъ общихъ чертъ, не принявшее живого тѣла. Отъ нечего дѣлать онъ теперь принялся проходить его, припоминая на немъ все, что случилось ему подмѣтить въ лицѣ аристократической посѣтительницы. Уловленныя имъ черты, оттѣнки и тоны здѣсь ложились въ томъ очищенномъ видѣ, въ какомъ являются они тогда, когда художникъ, наглядѣвшись на природу, уже отдаляется отъ нея и производитъ ей равное созданіе. Психея стала оживать, и едва сквозившая мысль начала мало-по-малу облекаться въ видимое тѣло. Типъ лица молоденькой свѣтской дѣвицы невольно сообщился Психеѣ, и чрезъ то получила она своеобразное выраженіе, дающее право на названіе истинно-оригинальнаго произведенія. Казалось, онъ воспользовался по частямъ и вмѣстѣ всѣмъ, что представилъ ему оригиналъ, и привязался совершенно къ своей работѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ занятъ только ею . И за этой самой работой засталъ его пріѣздъ знакомыхъ дамъ. Онъ не успѣлъ снять со станка картину. Обѣ дамы издали радостный крикъ изумленья и всплеснули руками.

— Lise, Lise! Ахъ, какъ похоже! Superbe, superbe [1])! Какъ хорошо вы вздумали, что одѣли ее въ греческій костюмъ! Ахъ, какой сюрпризъ!

Художникъ не зналъ, какъ вывести дамъ изъ пріятнаго заблужденія. Совѣстясь и потупя голову, онъ произнесъ тихо:

— Это Психея.

— Въ видѣ Психеи? C'est charmant, — сказала мать, улыбнувшись, при чемъ улыбнулась также и дочь.—Не правда ли, Lise, тебѣ больше всего идетъ быть изображенной въ видѣ Психеи? Quelle idée délicieuse! [2]) Но какая работа! Это Корреджъ [3]). Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Нѣтъ, вы непремѣнно должны написать также и съ меня портретъ.

Дамѣ, какъ видно, хотѣлось тоже предстать въ видѣ какой-нибудь Психеи.

«Что мнѣ съ ними дѣлать? — подумалъ художникъ. — Если онѣ сами того хотятъ, такъ пусть Психея пойдетъ за то, что имъ хочется», и произнесъ вслухъ:

— Потрудитесь еще немножко присѣсть, я кое-что немножко трону.

— Ахъ, я боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не... она такъ теперь похожа.

Но художникъ понялъ, что опасенья были насчетъ желтизны, и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ только придастъ болѣе блеску и выраженія глазамъ. А по справедливости, ему было слишкомъ совѣстно и хотѣлось хотя сколько-нибудь болѣе придать сходства съ оригиналомъ, дабы не укорялъ его кто-нибудь въ рѣшительномъ безстыдствѣ. И точно, черты блѣдной дѣвушки стали, наконецъ, выходить яснѣе изъ облика Психеи.

— Довольно!— сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось, наконецъ, уже черезчуръ близко. Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатьемъ руки, приглашеньемъ на обѣды,— словомъ, получилъ тысячу лестныхъ наградъ.

Портретъ произвелъ по городу шумъ. Дама показала его пріятельницамъ: всѣ изумлялись искуству, съ какимъ художникъ умѣлъ сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ придать красоту оригиналу. Послѣднее замѣчено было, разумѣется, не безъ легкой краски зависти въ лицѣ. И художникъ вдругъ былъ осажденъ работами. Казалось, весь городъ хотѣлъ у него писаться. У дверей поминутно раздавался звонокъ. Съ одной стороны это могло быть хорошо, представляя ему безконечную практику разнообразіемъ, множествомъ лицъ. Но, на бѣду, это все

---

[1]) Великолѣпно, великолѣпно! [2]) Какая восхитительная мысль! [3]) Корреджіо— знаменитый итальянскій живописецъ; род. въ 1494 г., ум. въ 1534 г.

былъ народъ, съ которымъ было трудно ладить,— народъ торопливый, занятый или же принадлежащій свѣту, стало-быть, еще болѣе занятый, чѣмъ всякій другой, а потому нетерпѣливый до крайности. Со всѣхъ сторонъ только требовали, чтобъ было хорошо и скоро. Художникъ увидѣлъ, что оканчивать рѣшительно было невозможно, что все нужно было замѣнить ловкостью и быстрой бойкостью кисти,—схватывать одно только цѣлое, одно общее выраженье и не углубляться кистью въ утонченныя подробности, — однимъ словомъ, слѣдить природу въ ея оконченности было рѣшительно невозможно. Притомъ нужно прибавить, что у всѣхъ почти писавшихся много было другихъ притязаній на разное. Дамы требовали, чтобы преимущественно только душа и характеръ изображались въ потретахъ, чтобы остального иногда вовсе не придерживаться, округлить всѣ углы, облегчить всѣ изъянцы и даже, если можно, избѣжать ихъ вовсе,—словомъ, чтобы на лицо можно было засмотрѣться, если даже не совершенно влюбиться. И вслѣдствіе этого, садясь писаться, онѣ принимали иногда такія выраженья, которыя приводили въ изумленье художника: та старалась изобразить въ лицѣ своемъ меланхолію, другая—мечтательность, третья, во что бы ни стало, хотѣла уменьшить ротъ и сжимала его до такой степени, что онъ обращался, наконецъ, въ одну точку, не больше булавочной головки. И, несмотря на все это, требовали отъ него сходства и непринужденной естественности. Мужчины тоже были ничѣмъ не лучше дамъ: одинъ требовалъ себя изобразить въ сильномъ энергическомъ поворотѣ головы; другой — съ поднятыми кверху вдохновенными глазами; гвардейскій поручикъ требовалъ непремѣнно, чтобы въ глазахъ виденъ былъ Марсъ [1]), гражданскій чиновникъ норовилъ такъ, чтобы побольше было прямоты и благородства въ лицѣ и чтобы рука опералась на книгу, на которой бы четкими словами было написано: «Всегда стоялъ за правду». Сначала художника бросали въ потъ такія требованія: все это нужно было сообразить, обдумать, а между тѣмъ сроку давалось очень немного. Наконецъ онъ добрался, въ чемъ было дѣло, и ужъ не затруднялся нисколько. Даже изъ двухъ-трехъ словъ смекалъ впередъ, кто чѣмъ хотѣлъ изобразить себя. Кто хотѣлъ Марса, онъ ему въ лицо совалъ Марса; кто мѣтилъ въ Байроны [2]), онъ давалъ ему байроновское положеніе и поворотъ. Коринной [3]) ли, Ундиной [4]), Аспазіей [5]) ли желали быть дамы, онъ съ большой охотой соглашался на все и прибавлялъ отъ себя уже всякому вдоволь благообразія, которое, какъ извѣстно, нигдѣ не подгадитъ, и за что простятъ иногда художнику и самое несходство. Скоро онъ уже самъ началъ дивиться чудной быстротѣ и бойкости своей кисти. А писавшіеся, само собою разумѣется, были въ восторгѣ и провозглашали его геніемъ.

Чартковъ сдѣлался моднымъ живописцемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сталъ ѣздить на обѣды, сопровождать дамъ въ галлереи и даже на гулянья, щегольски одѣваться и утверждать гласно, что художникъ долженъ принадлежать къ обществу, что нужно поддержать это званье, что художники одѣваются, какъ сапожники, не умѣютъ прилично вести себя, не соблюдаютъ высшаго тона и лишены всякой образованности. Дома у себя, въ мастерской, онъ завелъ опрятность и чистоту въ высшей степени, опредѣлилъ двухъ великолѣпныхъ лакеевъ, завелъ щегольскихъ учениковъ, переодѣвался нѣсколько разъ въ день въ разные утренніе костюмы, завивался; занялся улучшеніемъ разныхъ манеръ, съ

---

[1]) Марсъ—богъ войны у древнихъ римлянъ. [2]) Байронъ—знаменитый англійскій поэтъ; род. въ 1788 г., умеръ на войнѣ за освобожденіе грековъ, въ Мисолунги, въ 1824 г. [3]) Коринна — греческая женщина-поэтъ, жившая за 500 л. до Р. Х. [4]) Ундина — водяной духъ въ образѣ женщины — русалка. [5]) Аспазія — знаменитая своимъ умомъ и красотою гречанка, жившая въ VI в. до Р. Х.

которыми принимать посѣтителей; занялся украшеніемъ всѣми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести ею пріятное впечатлѣніе на дамъ,—однимъ словомъ, скоро нельзя было въ немъ вовсе узнать того скромнаго художника, который работалъ когда-то незамѣтно въ своей лачужкѣ на Васильевскомъ островѣ. Объ художникахъ и объ искусствѣ онъ изъяснялся теперь рѣзко: утверждалъ, что прежнимъ художникамъ уже черезчуръ много приписано достоинства, что всѣ они, до Рафаэля, писали не фигуры, а селедки, что существуетъ только въ воображеніи разсматривателей мысль, будто бы видно въ нихъ присутствіе какой-то святости; что самъ Рафаэль даже писалъ не все хорошо, и за многими произведеніями его удержалась только по преданію слава; что Микель-Анжелъ [1])—хвастунъ, потому что хотѣлъ только похвастать знаніемъ анатоміи; что граціозности въ немъ нѣтъ никакой и что настоящаго блеска, силы кисти и колорита нужно искать только теперь, въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Тутъ, натурально, невольнымъ образомъ доходило дѣло и до себя.

— Нѣтъ, я не понимаю,— говорилъ онъ,— напряженья другихъ сидѣть и корпѣть за трудомъ: человѣкъ, который копается по нѣскольку мѣсяцевъ надъ картиною, по мнѣ, труженикъ, а не художникъ; я не повѣрю, чтобы въ немъ былъ талантъ; геній творитъ смѣло, быстро.— Вотъ у меня,— говорилъ онъ, обращаясь обыкновенно къ посѣтителямъ:— этотъ портретъ я написалъ въ два дня, эту головку въ одинъ день, это въ нѣсколько часовъ, это въ часъ съ небольшимъ. Нѣтъ, я... я, признаюсь, не признаю художествомъ того, что лѣпится строчка за строчкой; это ужъ ремесло, а не художество.— Такъ разсказывалъ онъ своимъ посѣтителямъ, и посѣтители дивились силѣ и бойкости его кисти, издавали даже восклицанія, услышавъ, какъ быстро они производились, и потомъ пересказывали другъ другу:

— Это талантъ, это истинный талантъ! посмотрите, какъ онъ говоритъ, какъ блестятъ его глаза! Il y a quelque chose d'extraordinaire dans toute sa figure [2])!

Художнику было лестно слышать о себѣ такіе слухи. Когда въ журналахъ появлялась печатная хвала ему, онъ радовался, какъ ребенокъ, хотя эта хвала была куплена имъ за свои же деньги. Онъ разносилъ такой печатный листокъ вездѣ и, будто бы ненарочно, показывалъ его знакомымъ и пріятелямъ, и это его тѣшило до самой простодушной наивности. Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надоѣдать одни и тѣ же портреты и лица, которыхъ положенья и обороты сдѣлались ему заученными. Уже безъ большой охоты онъ писалъ ихъ, стараясь набросать только кое-какъ одну голову, а остальное давалъ доканчивать ученикамъ. Прежде онъ все-таки искалъ дать какое-нибудь новое положеніе, поразить силою, эффектомъ. Теперь и это становилось ему скучно. Умъ уставалъ придумывать и обдумывать. Это было ему невмочь, да и некогда: разсѣянная жизнь и общество, гдѣ онъ старался сыграть роль свѣтскаго человѣка, все это уносило его далеко отъ труда и мыслей. Кисть его хладѣла и тупѣла, и онъ нечувствительно заключился въ однообразныя, опредѣленныя, давно изношенныя формы; однообразныя, холодныя, вѣчно прибранныя и, такъ сказать, застегнутыя лица чиновниковъ, военныхъ и штатскихъ, немного представляли поля для кисти: она позабывала и великолѣпныя драпировки, и сильныя движенія, и страсти. О группахъ, о художественной

---

[1]) Микель-Анджело-Буонаротти — знаменитый итальянскій живописецъ; род. въ 1475 г., ум. въ 1567 г.; соперникъ Леонардо да-Винчи. [2]) Есть что-то необычайное во всей его наружности.

драмѣ, о высокой ея завязкѣ нечего было и говорить. Предъ нимъ были только мундиръ да корсетъ да фракъ, предъ которыми чувствуетъ холодъ художникъ и падаетъ всякое воображеніе. Даже достоинствъ самыхъ обыкновенныхъ уже не было видно въ его произведеніяхъ, а между тѣмъ они все еще расходились, все еще пользовались славою, хотя истинные знатоки и художники только пожимали плечами, глядя на послѣднія его работы. А нѣкоторые, знавшіе Чарткова прежде, не могли понять, какъ могъ исчезнуть въ немъ талантъ, котораго признаки оказались уже ярко въ немъ при самомъ началѣ, и напрасно старались разгадать, какимъ образомъ можетъ угаснуть дарованіе въ человѣкѣ, тогда какъ онъ только что достигнулъ еще полнаго развитія всѣхъ силъ своихъ.

Но этихъ толковъ не слышалъ упоенный художникъ. Уже онъ начиналъ достигать поры степенности ума и лѣтъ; сталъ толстѣть и видимо раздаваться въ ширину. Уже въ газетахъ и журналахъ читалъ онъ прилагательныя: «почтенный нашъ Андрей Петровичъ, заслуженный нашъ Андрей Петровичъ». Уже стали ему предлагать по службѣ почетныя мѣста, приглашать на экзамены, въ комитеты. Уже онъ начиналъ, какъ всегда случается въ почетныя лѣта, брать сильно сторону Рафаэля и старинныхъ художниковъ, не потому, что убѣдился вполнѣ въ ихъ высокомъ достоинствѣ, но затѣмъ, чтобы колоть ими глаза молодыхъ художниковъ. Уже онъ начиналъ, по обычаю всѣхъ, вступающихъ въ такія лѣта, укорять безъ изъятья всю молодежь въ безнравственности и дурномъ направленіи духа. Уже начиналъ онъ вѣрить, что все на свѣтѣ дѣлается просто, вдохновенья свыше нѣтъ, и все необходимо должно быть подвергнуто подъ одинъ строгій порядокъ аккуратности и однообразія. Однимъ словомъ, жизнь его уже коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и не отбивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновенье красоты уже не превращаетъ дѣвственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣй въ его заманчивую музыку и мало-по-малу нечувствительно позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ дать наслажденья тому, кто укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденьемъ, цѣлью. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ, и, какъ всякій кому достается въ удѣлъ этотъ страшный даръ, онъ началъ становится скучнымъ, недоступнымъ ко всему, равнодушнымъ ко всему, кромѣ золота, безпричиннымъ скрягой, безпутнымъ собирателемъ и уже готовъ былъ обратиться въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыхъ много попадается въ нашемъ безчувственномъ свѣтѣ, на которыхъ съ ужасомъ глядитъ исполненный жизни и сердца человѣкъ, которому кажутся они движущимися каменными гробами, съ мертвецомъ внутри, вмѣсто сердца. Но одно событіе сильно потрясло и разбудило весь его жизненный составъ.

Въ одинъ день увидѣлъ онъ на столѣ своемъ записку, въ которой академія художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ присланномъ изъ Италіи произведеніи усовершенствовавшагося тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, который отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, съ пламенной душою труженика погрузился въ него всей душою своей, оторвался отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ и помчался туда, гдѣ въ виду прекрасныхъ небесъ спѣетъ величавый разсадникъ искусствъ,—въ тотъ чудный Римъ, при имени котораго такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Тамъ, какъ отшельникъ, погрузился онъ въ трудъ и въ неразвле-

каемыя пичѣмъ заняться. Ему не было до того дѣла, толковали ли о его характерѣ, о его неумѣньи обращаться съ людьми, о несоблюденіи свѣтскихъ приличій, объ униженіи, которое онъ причинялъ званію художника своимъ скуднымъ, нещегольскимъ нарядомъ. Ему не было нужды, сердилась ли или нѣтъ на него его братія. Всѣмъ пренебрегъ онъ, все отдалъ искусству. Неутомимо посѣщалъ галлереи, по цѣлымъ часамъ застаивался передъ произведеніями великихъ мастеровъ, ловя и преслѣдуя чудную кисть. Ничего онъ не оканчивалъ безъ того, чтобы не повѣрить себя нѣсколько разъ съ сими великими учителями и чтобы не прочесть въ ихъ созданіяхъ безмолвнаго и краснорѣчиваго себѣ совѣта. Онъ не входилъ въ шумныя бесѣды и споры; онъ не стоялъ ни за пуристовъ [1]) ни противъ пуристовъ. Онъ равно всему отдавалъ должную ему часть,-извлекая изъ всего только то, что было въ немъ прекрасно, и, наконецъ, оставилъ себѣ въ учители одного божественнаго Рафаэля—подобно, какъ великій поэтъ-художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величавыхъ красотъ, оставлялъ, наконецъ, себѣ настольною книгой одну только Иліаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и нѣтъ ничего, что бы не отразилось уже здѣсь въ такомъ глубокомъ и великомъ совершенствѣ. И зато вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

Вошедши въ залу, Чартковъ нашелъ уже цѣлую огромную толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многолюдными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Онъ поспѣшилъ принять значительную физіогномію знатока и приблизился къ картинѣ; но, Боже, что онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло предъ нимъ произведеніе художника. Скромно, божественно, невинно и просто, какъ геній, возносилось оно надъ всѣмъ. Казалось, небесныя фигуры, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы.

Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую, невиданную кисть. Все тутъ, казалось, соединилось вмѣстѣ: изученье Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Корреджія, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти. Но властительнѣй всего видна была сила созданья, уже заключенная въ душѣ самого художника. Послѣдній предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ постигнутъ законъ и внутренняя сила; вездѣ уловлена была эта плывучая округлость линій, заключенная въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя и которая выходитъ углами у копіиста. Видно было, какъ все, извлеченное изъ внѣшняго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, душевнаго родника, устремилъ его одной согласной торжественной пѣснью. И стало ясно, даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между созданіемъ и простой копіей съ природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которою невольно были объяты всѣ, вперившіе глаза въ картину— ни шелеста ни звука; а картина между тѣмъ ежеминутно казалась выше и выше: свѣтлѣе и чудеснѣй отдѣлялась ото всего и вся превратилась, наконецъ, въ одинъ мигъ, плодъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли,—мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружившихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію.

---

[1]) Пуристъ—сторонникъ чистаго и строгаго стиля въ живописи.

Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ, стоялъ Чартковъ передъ картиною, и, наконецъ, когда мало-по-малу посѣтители и знатоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія и когда, наконецъ, обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣлъ принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ, въ родѣ слѣдующаго: «Да, конечно, правда, нельзя отнять таланта отъ художника; есть кое-что; видно, что хотѣлъ онъ выразить что-то; однакоже, что касается до главнаго»... и вслѣдъ за этимъ прибавить, разумѣется, такія похвалы, отъ которыхъ бы не поздоровилось никакому художнику; хотѣлъ это сдѣлать, но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту неподвижный и безчувственный стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ будто молодость возвратилась къ нему, какъ будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Съ очей его вдругъ слетѣла повязка. Боже! и погубить такъ безжалостно лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ-быть, теплившагося въ груди, можетъ-быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ-быть, также исторгнувшаго бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ будто въ эту минуту разомъ и вдругъ ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые нѣкогда были ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Потъ усилія проступилъ на его лицѣ; весь обратился онъ въ одно желаніе и загорѣлся одною мыслью: ему хотѣлось изобразить отпадшаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но—увы!—фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсильный порывъ преступилъ границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенныя, уже отзывался неправильностью и ошибкою. Онъ препебрегъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Досада его проникла. Онъ велѣлъ вынесть прочь изъ своей мастерской всѣ послѣднія произведенія, всѣ безжизненныя модныя картинки, всѣ портреты гусаровъ, дамъ и статскихъ совѣтниковъ; заперся одинъ въ своей комнатѣ, не велѣлъ никого впускать и весь погрузился въ работу. Какъ терпѣливый юноша, какъ ученикъ, сидѣлъ онъ за своимъ трудомъ. Но какъ безпощадно-неблагодарно было все то, что выходило изъ-подъ его кисти! На каждомъ шагу онъ былъ останавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой незначащій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Кисть невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ это самъ!

— Но точно ли былъ у меня талантъ?—сказалъ онъ наконецъ:—не обманулся ли я?

И, произнесши эти слова, онъ подошелъ къ прежнимъ своимъ произведеніямъ, которыя работались когда-то такъ чисто, такъ безкорыстно, тамъ, въ бѣдной лачужкѣ, на уединенномъ Васильевскомъ островѣ, вдали людей, изобилія и всякихъ прихотей. Онъ подошелъ теперь къ нимъ и сталъ внимательно разсматривать ихъ всѣ, и вмѣстѣ съ ними стала представать въ его памяти вся прежняя бѣдная жизнь его.

— Да,—проговорилъ онъ отчаянно,—у меня былъ талантъ! Вездѣ на всемъ видны его признаки и слѣды...

Онъ остановился и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ неподвижно вперившимися на него глазами. Это былъ тотъ необыкновенный портретъ, который онъ купилъ на Щукиномъ дворѣ. Все время онъ былъ закрытъ, загроможденъ другими картинами и вовсе вышелъ у него изъ мыслей. Теперь же, какъ нарочно, когда были вынесены всѣ модные портреты и картины, наполнявшіе мастерскую, онъ выглянулъ наверхъ вмѣстѣ съ прежними произведеніями его молодости. Какъ вспомнилъ онъ всю странную его исторію, какъ вспомнилъ, что нѣкоторымъ образомъ онъ, этотъ странный портретъ, былъ причиной его превращенья, что денежный кладъ, полученный имъ такимъ чудеснымъ образомъ, родилъ въ немъ всѣ суетныя побужденья, погубившія его талантъ,—почти бѣшенство готово было ворваться къ нему въ душу. Онъ ту жъ минуту велѣлъ вынести прочь ненавистный портретъ. Но душевное волненье оттого не умирилось: всѣ чувства и весь составъ были потрясены до дна, и онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силился выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться,—ту муку, которая въ юношѣ рождаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтаній обращается въ безплодную жажду,—ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска [1]). Въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скупать все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая смѣхомъ наслажденія. Безчисленныя собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотые мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведеній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякій заранѣе отчаивался въ пріобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось, какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него всю его гармонію. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колоритъ на него: вѣчная желчь присутствовала на лицѣ его. Хула на міръ и отрицаніе изображалось само собой въ чертахъ его. Казалось, въ немъ олицетворился тотъ страшный демонъ, котораго идеально изобразилъ Пушкинъ. Кромѣ ядовитаго слова и вѣчнаго порицанья, ничего не произносили его уста. Подобно какой-то гарпіи [2]), попадался онъ на улицѣ, и всѣ, даже знакомые, завидя его издали, старались увернуться и избѣгнуть такой встрѣчи, говоря, что она достаточна отравить потомъ весь день.

Къ счастію міра и искусствъ, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться: размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и колоссаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще, и, наконецъ, все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь.

---

[1]) Василискъ —сказочное животное страшнаго вида, соединеніе змѣи, дракона и птицы; дыханіе его смертельно. [2]) Гарпіи—у древнихъ грековъ богини бурь; фантастическія чудовища съ лицомъ женщины, туловищемъ грифа, крыльями и когтями.

Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣла имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человѣкъ не могли удержать его. Ему начали чудится давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета,—и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ двоился, четверился въ его глазахъ, всѣ стѣны казались увѣшаны портретами, вперившими въ него свои неподвижные, живые глаза; страшные портреты глядѣли съ потолка, съ полу; комната расширялась и продолжалась безконечно, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользовать и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и издавалъ одни ужасные вопли и непонятныя рѣчи. Наконецъ жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ; но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

Часть II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, невинно прослыли меценатами [1]) и простодушно издержали для этого милліоны, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Такихъ меценатовъ, какъ извѣстно, теперь уже нѣтъ, и нашъ XIX вѣкъ давно уже пріобрѣлъ скучную физіогномію банкира, наслаждающагося своими милліонами только въ видѣ цифръ, выставляемыхъ на бумагѣ. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпою посѣтителей, налетѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприбранное тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ Гостиннаго двора и даже Толкучаго рынка въ синихъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и выраженье лицъ были здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означились той приторной услужливостью, которая такъ видна въ русскомъ купцѣ, когда онъ у себя въ лавкѣ передъ покупщикомъ. Тутъ они вовсе не чинились, несмотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, щупали безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графамъ-знатоками. Здѣсь были многіе необходимые посѣтители аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать на немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитавшіе обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившіе другого занятія отъ 12 до 1 часа; наконецъ, тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы очень худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ что кончится, кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьетъ и за кѣмъ что

---

[1]) Меценатъ—покровитель писателей и художниковъ, жившій въ Римѣ въ I вѣкѣ до Р. Х.; имя его сдѣлалось нарицательнымъ.

Онъ остановился и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ неподвижно вперившимися на него глазами. Это былъ тотъ необыкновенный портретъ, который онъ купилъ на Щукиномъ дворѣ.

останется. Множество картинъ было разбросано совершенно безъ всякаго толку, съ ними были перемѣшаны и мебели и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, можетъ-быть, не имѣвшаго вовсе похвальнаго любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старыя мебели съ выгнутыми линіями, съ грифами [1]), сфинксами [2]) и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты люстры, кенкеты [3]),—все было навалено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще, ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона страшно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ; окна, загроможденныя мебелями и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ; безмолвіе, разлитое на лицахъ, и погребальный голосъ аукціониста, постукивающаго молоткомъ и отпѣвающаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь искусствамъ,— все это, кажется, усиливаетъ еще болѣе странную непріятность впечатлѣнья.

Аукціонъ, казалось, былъ въ самомъ разгарѣ. Цѣлая толпа порядочныхъ людей, сдвинувшись вмѣстѣ, хлопотала о чемъ-то наперерывъ. Со всѣхъ сторонъ раздававшіяся слова: «рубль, рубль, рубль», не давали времени аукціонисту повторять надбавляемую цѣну, которая уже возросла вчетверо больше объявленной. Обступившая толпа хлопотала изъ-за портрета, который не могъ не остановить всѣхъ, имѣвшихъ сколько-нибудь понятія въ живописи. Высокая кисть художника выказывалась въ немъ очевидно. Портретъ, повидимому, уже нѣсколько разъ былъ реставрированъ и поновленъ, и представлялъ смуглыя черты какого-то азіатца въ широкомъ платьѣ, съ необыкновеннымъ, страннымъ выраженіемъ въ лицѣ; но болѣе всего обступившіе были поражены необыкновенной живостью глазъ. Чѣмъ болѣе всматривались въ нихъ, тѣмъ болѣе они, казалось, устремлялись каждому внутрь. Эта странность, этотъ необыкновенный фокусъ художника заняли вниманье почти всѣхъ. Много уже изъ состязавшихся о немъ отступились, потому что цѣну набили невѣроятную. Остались только два извѣстные аристократа, любители живописи, не хотѣвшіе ни за что отказаться отъ такого пріобрѣтенія. Они горячились и набили бы, вѣроятно, цѣну до невозможности, если бы вдругъ одинъ изъ тутъ же разсматривавшихъ не произнесъ:

— Позвольте мнѣ прекратить на время вашъ споръ: я, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ всякій другой, имѣю право на этотъ портретъ.

Слова эти вмигъ обратили на него вниманіе всѣхъ. Это былъ стройный человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными кудрями. Пріятное лицо, исполненное какой-то свѣтлой беззаботности, показывало душу, чуждую всѣхъ томящихъ свѣтскихъ потрясеній; въ нарядѣ его не было никакихъ притязаній на моду: все показывало въ немъ артиста. Это былъ, точно, художникъ Б., знаемый лично многими изъ присутствовавшихъ.

— Какъ ни странны вамъ покажутся слова мои,—продолжалъ онъ, видя устремившееся на себя всеобщее вниманіе, — но если вы рѣшитесь выслушать небольшую исторію, можетъ-быть, вы увидите, что я былъ въ правѣ произнести ихъ. Все меня увѣряетъ, что портретъ есть тотъ самый, который я ищу.

Весьма естественное любопытство загорѣлось почти на лицахъ всѣхъ, и самъ аукціонистъ, разинувъ ротъ, остановился съ поднятымъ въ рукѣ молоткомъ, приготовляясь слушать. Въ началѣ разсказа многіе обращались невольно глазами

---

[1]) Грифъ—чудовище съ ногами, тѣломъ и когтями льва, головой и крыльями орла, ушами лошади, гривой изъ рыбьихъ плесовъ, покрытое пестрыми перьями. [2]) Сфинксъ—чудовище съ туловищемъ льва и головою женщины. [3]) Кенкетъ — родъ масляной лампы.

къ портрету, но потомъ всѣ вперились въ одного разсказчика, по мѣрѣ того, какъ разсказъ его становился занимательнѣй.

— Вамъ извѣстна та часть города, которую называютъ Коломною,—такъ онъ началъ.—Тутъ все не похоже на другія части Петербурга: тутъ не столица и не провинція; кажется, слышишь, перейдя въ коломенскія улицы, какъ оставляютъ тебя всякіе молодые желанья и порывы. Сюда не заходитъ будущее, здѣсь все тишина и отставка,—все, что осѣло отъ столичнаго движенья. Сюда переѣзжаютъ на житье отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имѣющіе пріятное знакомство съ сенатомъ и потому осудившіе себя здѣсь почти на всю жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавочкѣ и забирающія каждый день на пять копеекъ кофе да на четыре сахару, и, наконецъ, весь тотъ разрядъ людей, который можно назвать однимъ словомъ *пепельный*,—людей, которые съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, глазами имѣютъ какую-то мутную, пепельную наружность, какъ день, когда нѣтъ на небѣ ни бури ни солнца, а бываетъ, просто, ни то ни се: сѣется туманъ и отнимаетъ всякую рѣзкость у предметовъ. Сюда можно причислить отставныхъ театральныхъ капельдинеровъ, отставныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, отставныхъ питомцевъ Марса съ выколотымъ глазомъ и раздутою губою. Эти люди вовсе безстрастны: идутъ, ни на что не обращая глазъ; молчатъ, ни о чемъ не думая. Въ комнатѣ ихъ немного добра, иногда просто штофъ чистой русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день безъ всякаго сильнаго прилива къ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любитъ задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой нѣмецкій ремесленникъ, этотъ студентъ Мѣщанской улицы, одинъ владѣющій всѣмъ тротуаромъ, когда время перешло за двѣнадцать часовъ ночи.

«Жизнь въ Коломнѣ страхъ уединенна: рѣдко покажется карета, кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры, которая громомъ, звономъ и бряканьемъ своимъ одна смущаетъ всеобщую тишину. Тутъ все пѣшеходы; извозчикъ весьма часто безъ сѣдока плетется, таща сѣно для бородатой лошаденки своей. Квартиру можно сыскать за пять рублей въ мѣсяцъ, даже съ кофеемъ поутру. Вдовы, получающія пенсіонъ, тутъ самыя аристократическія фамиліи; онѣ ведутъ себя хорошо, метутъ чисто свою комнату, толкуютъ съ пріятельницами о дороговизнѣ говядины и капусты; при нихъ часто бываетъ молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собачонка и стѣнные часы съ печально постукивающимъ маятникомъ. Потомъ слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны, народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденья. Они, сидя въ халатахъ, чинятъ пистолетъ, клеятъ изъ картона всякія вещицы, полезныя для дома, играютъ съ пришедшимъ пріятелемъ въ шашки и карты и такъ проводятъ утро, дѣлая почти то же ввечеру, съ присоединеньемъ кое-когда пунша.

«Послѣ этихъ тузовъ и аристократства Коломны слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь. Ихъ такъ же трудно поименовать, какъ исчислить то множество насѣкомыхъ, которое зарождается въ старомъ уксусѣ. Тутъ есть старухи, которыя молятся; старухи, которыя пьянствуютъ; старухи, которыя и молятся и пьянствуютъ вмѣстѣ; старухи, которыя перебиваются непостижимыми средствами: какъ муравьи, таскаютъ съ собою старое тряпье и бѣлье отъ Калинкина моста до Толкучаго рынка, съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копеекъ,—словомъ, чисто самый несчастный осадокъ человѣчества, которому бы ни одинъ благодѣтельный политическій экономъ не нашелъ средствъ улучшить состояніе.

«Я для того привелъ ихъ, чтобы показать вамъ, какъ часто этотъ народъ находится въ необходимости искать одной только внезапной, временной помощи,

прибѣгать къ займамъ; и тогда поселяются между ними особаго рода ростовщики, снабжающіе небольшими суммами подъ заклады и за большіе проценты. Эти небольшіе ростовщики бываютъ въ нѣсколько разъ безчувственнѣй всякихъ большихъ, потому что возникаютъ среди бѣдности и ярко выказываемыхъ нищенскихъ лохмотьевъ, которыхъ не видитъ богатый ростовщикъ, имѣющій дѣло только съ пріѣзжающими въ каретахъ. И потому уже слишкомъ рано умираетъ въ душахъ ихъ всякое чувство человѣчества. Между такими ростовщиками былъ одинъ... Но не мѣшаетъ вамъ сказать, что происшествіе, о которомъ я принялся разсказывать, относится къ прошедшему вѣку, именно, къ царствованію покойной государыни Екатерины Второй. Вы можете сами понять, что самый видъ Коломны и жизнь внутри ея должны были значительно измѣниться. Итакъ, между ростовщиками былъ одинъ — существо во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенное, поселившееся уже давно въ этой части города. Онъ ходилъ въ широкомъ азіатскомъ нарядѣ; темная краска лица указывала на южное его происхожденіе; но какой именно былъ онъ націи: индѣецъ, грекъ, персіянинъ—объ этомъ никто не могъ сказать навѣрно. Высокій почти необыкновенный ростъ, смуглое, тощее, запаленное лицо и какой-то непостижимо-страшный цвѣтъ его, большіе, необыкновеннаго огня глаза, нависшія густыя брови отличали его сильно и рѣзко отъ всѣхъ непельныхъ жителей столицы. Самое жилище его не похоже было на прочіе маленькіе деревянные домики. Это было каменное строеніе въ родѣ тѣхъ, которыя когда-то настроили вдоволь генуэзскіе [1]) купцы, съ неправильными, неравной величины окнами, съ желѣзными ставнями и засовами. Этотъ ростовщикъ отличался отъ другихъ ростовщиковъ уже тѣмъ, что могъ снабдить какою угодно суммою всѣхъ, начиная отъ нищей старухи до расточительнаго придворнаго вельможи. Предъ домомъ его показывались часто самые блестящіе экипажи, изъ оконъ которыхъ иногда глядѣла голова роскошной свѣтской дамы. Молва по обыкновенію разнесла, что желѣзные сундуки его полны безъ счету денегъ, драгоцѣнностей, брильянтовъ и всякихъ залоговъ, но что, однакоже, онъ вовсе не имѣлъ той корысти, какая свойственна другимъ ростовщикамъ. Онъ давалъ деньги охотно, распредѣляя, казалось, весьма выгодно сроки платежей; но какими-то странными ариѳметическими выкладками заставлялъ ихъ восходить до непомѣрныхъ процентовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорила молва. Но что страннѣе всего и что не могло не поразить многихъ,—это была странная судьба всѣхъ тѣхъ, которые получали отъ него деньги: всѣ они оканчивали жизнь несчастнымъ образомъ. Было ли это просто людское мнѣніе, нелѣпые суевѣрные толки, или съ умысломъ распущенные слухи,—это осталось неизвѣстно. Но нѣсколько примѣровъ, случившихся въ непродолжительное время предъ глазами всѣхъ, были живы и разительны.

«Изъ среды тогдашняго аристократства скоро обратилъ на себя глаза юноша лучшей фамиліи, отличившійся уже въ молодыхъ лѣтахъ на государственномъ поприщѣ, жаркій почитатель всего истиннаго, возвышеннаго, ревнитель всего, что породило искусство и умъ человѣка, пророчившій въ себѣ мецената. Скоро онъ былъ достойно отличенъ самой государыней, ввѣрившей ему значительное мѣсто, совершенно согласное съ собственными его требованіями,—мѣсто, гдѣ онъ могъ много произвести для наукъ и вообще для добра. Молодой вельможа окружилъ себя художниками, поэтами, учеными. Ему хотѣлось всему дать работу, все поощрить. Онъ предпринялъ на собственный счетъ множество полезныхъ изданій, надавалъ множество заказовъ, объявилъ поощрительные призы, издержалъ на это кучи денегъ и, наконецъ, разстроился. Но полный великодушнаго движенья онъ

---

[1]) Генуя — приморскій городъ сѣверной Италіи.

не хотѣлъ отстать отъ своего дѣла, искалъ вездѣ занять и, наконецъ, обратился къ извѣстному ростовщику. Сдѣлавши значительный заемъ у него, этотъ человѣкъ въ непродолжительное время измѣнился совершенно: сталъ гонителемъ, преслѣдователемъ развивающагося ума и таланта. Во всѣхъ сочиненіяхъ сталъ видѣть дурную сторону, толковать криво всякое слово. Тогда на бѣду случилась французская революція. Это послужило ему вдругъ орудіемъ для всѣхъ возможныхъ гадостей. Онъ сталъ видѣть во всемъ какое-то революціонное направленіе, во всемъ ему чудились намеки. Онъ сдѣлался подозрительнымъ до такой степени, что началъ, наконецъ, подозрѣвать самого себя, сталъ сочинять ужасные, несправедливые доносы, надѣлалъ тьму несчастныхъ. Само собой разумѣется, что такіе поступки не могли не достигнуть, наконецъ, престола. Великодушная государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающаго вѣнценосцевъ, произнесла слова, которыя хотя не могли перейти къ намъ во всей точности, но глубокій смыслъ ихъ впечатлѣлся въ сердцахъ многихъ. Государыня замѣтила, что не подъ монархическимъ правленіемъ угнетаются высокія, благородныя движенія души, не тамъ презираются и преслѣдуются творенія ума, поэзіи и художествъ; что, напротивъ, одни монархи бывали ихъ покровителями; что Шекспиры [1]), Мольеры [2]) процвѣтали подъ ихъ великодушной защитой, между тѣмъ, какъ Дантъ [3]) не могъ найти угла въ своей республиканской родинѣ; что истинные геніи возникаютъ во время блеска и могущества государей и государствъ, а не во время безобразныхъ политическихъ явленій и терроризмовъ республиканскихъ, которые доселѣ не подарили міру ни одного поэта; что нужно отличать поэтовъ-художниковъ, ибо одинъ только миръ и прекрасную тишину низводятъ они въ душу, а не волненье и ропотъ; что ученые, поэты и всѣ производители искусствъ суть перлы и брильянты въ императорской коронѣ: имп красуется и получаетъ еще большій блескъ эпоха великаго государя Словомъ, государыня, произнесшая эти слова, была въ ту минуту божественно прекрасна. Я помню, что старики не могли объ этомъ говорить безъ слезъ. Въ дѣлѣ всѣ приняли участіе. Къ чести нашей народной гордости надобно замѣтить, что въ русскомъ сердцѣ всегда обитаетъ прекрасное чувство взять сторону угнетеннаго. Обманувшій довѣренность вельможа былъ наказанъ примѣрно и отставленъ отъ мѣста. Но наказаніе гораздо ужаснѣйшее читалъ онъ на лицахъ своихъ соотечественниковъ: это было рѣшительное и всеобщее презрѣніе. Нельзя разсказать, какъ страдала тщеславная душа: гордость, обманутое честолюбіе, разрушившіяся надежды,—все соединилось вмѣстѣ, и въ припадкахъ страшнаго безумія и бѣшенства прервалась его жизнь.

«Другой разительный примѣръ произошелъ тоже въ виду всѣхъ: изъ красавицъ, которыми не бѣдна была тогда наша сѣверная столица, одна одержала рѣшительное первенство надъ всѣми. Это было какое-то чудное сліянье нашей сѣверной красоты съ красотой полудня,— брильянтъ, какой попадается на свѣтѣ рѣдко. Отецъ мой признавался, что никогда онъ не видывалъ во всю жизнь свою ничего подобнаго. Все, казалось, въ ней соединилось: богатство, умъ и душевная прелесть. Искателей была толпа, и въ числѣ ихъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ князь Р., благороднѣйшій, лучшій изъ всѣхъ молодыхъ людей, прекраснѣйшій и лицомъ и рыцарскими, великодушными порывами, высокій идеалъ романовъ и женщинъ, Грандисонъ [4]) во всѣхъ отношеніяхъ. Князь Р. былъ влю-

---

[1]) Шекспиръ — знаменитый англійскій поэтъ; род. въ 1554 г., ум. въ 1616 г. [2]) Мольеръ—знаменитый французскій писатель и актеръ Покелэнъ, прозывавшійся Мольеромъ; род. въ 1622 г., ум. въ 1673 г. [3]) Данте-Алигіери—знаменитый итальянскій поэтъ; род. въ 1265 г., ум. въ 1321 г. [4]) Грандисонъ—герой романа того же имени англійскаго писателя Ричардсона; воплощеніе благородства.

бленъ страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему отвѣтомъ. Но родственникамъ показалась партія неравною. Родовыя вотчины князя уже давно ему не принадлежали, фамилія была въ опалѣ, и плохое положеніе дѣлъ его было извѣстно всѣмъ. Вдругъ князь оставляетъ на время столицу, будто бы съ тѣмъ, чтобы поправить свои дѣла, и спустя непродолжительное время является окруженный пышностью и блескомъ неимовѣрнымъ. Блистательные балы и праздники дѣлаютъ его извѣстнымъ двору. Отецъ красавицы становится благосклоннымъ, и въ городѣ разыгрывается интереснѣйшая свадьба. Откуда произошла такая перемѣна и неслыханное богатство жениха, этого не могъ, навѣрно, изъяснить никто; но поговаривали стороною, что онъ вошелъ въ какія-то условія съ неностижимымъ ростовщикомъ и сдѣлалъ у него заемъ. Какъ бы то ни было, но свадьба заняла весь городъ; и женихъ и невѣста были предметомъ общей зависти. Всѣмъ была извѣстна ихъ жаркая постоянная любовь, долгія томленья, претерпѣнныя съ обѣихъ сторонъ, высокія достоинства обоихъ. Пламенныя женщины начертывали заранѣе то райское блаженство, которымъ будутъ наслаждаться молодые супруги. Но вышло все иначе, въ одинъ годъ произошла страшная перемѣна въ мужѣ. Ядомъ подозрительной ревности, нетерпимостью и неистощимыми капризами отравился его дотолѣ благородный и прекрасный характеръ. Онъ сталъ тираномъ и мучителемъ жены своей и, чего бы никто не могъ предвидѣть, прибѣгнулъ къ самымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ, даже побоямъ. Въ одинъ годъ никто не могъ узнать той женщины, которая еще недавно блистала и влекла за собою толпы покорныхъ поклонниковъ. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить долѣе тяжелой судьбы своей, она первая заговорила о разводѣ. Мужъ пришелъ въ бѣшенство при одной мысли о томъ. Въ первомъ движеньѣ неистовства ворвался онъ къ ней въ комнату съ ножомъ и, безъ сомнѣнія, закололъ бы ее тутъ же, если бы его не схватили и не удержали. Въ порывѣ изступленья и отчаянья онъ обратилъ ножъ на себя и въ ужаснѣйшихъ мукахъ окончилъ жизнь.

«Кромѣ этихъ двухъ примѣровъ, совершившихся въ глазахъ всего общества, разсказывали множество случившихся въ низшихъ классахъ, которые почти всѣ имѣли ужасный конецъ. Тамъ честный, трезвый человѣкъ сдѣлался пьяницей; тамъ купеческій приказчикъ обворовалъ своего хозяина; тамъ извозчикъ, возившій нѣсколько лѣтъ честно, за грошъ зарѣзалъ сѣдока. Нельзя, чтобы такія происшествія, разсказываемыя иногда не безъ прибавленій, не навели родъ какого-то невольнаго ужаса на скромныхъ обитателей Коломны. Никто не сомнѣвался о присутствіи нечистой силы въ этомъ человѣкѣ. Говорили, что онъ предлагалъ такія условія, отъ которыхъ дыбомъ подымались волосы и которыхъ никогда потомъ не посмѣлъ несчастный передавать другому; что деньги его имѣютъ прожигающее свойство, раскаляются сами собою и носятъ какіе-то странные значки. Словомъ, много было о немъ всякихъ нелѣпыхъ толковъ. И замѣчательно то, что все это коломенское населеніе, весь этотъ міръ бѣдныхъ старухъ, мелкихъ чиновниковъ, мелкихъ артистовъ и,—словомъ, всей мелюзги, которую мы только поименовали, соглашались лучше терпѣть и выносить послѣднюю крайность, чѣмъ обратиться къ страшному ростовщику; находили даже умершихъ отъ голода старухъ, которыя лучше соглашались умертвить свое тѣло, чѣмъ погубить душу. Встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, невольно чувствовали страхъ. Пѣшеходъ осторожно пятился и долго еще озирался послѣ того назадъ, слѣдя пропадавшую вдали его непомѣрно высокую фигуру. Въ одномъ уже образѣ было столько необыкновеннаго, что всякаго заставило бы невольно приписать ему сверхъестественное существованіе. Эти сильныя черты, врѣзанныя такъ глубоко, какъ не случается у человѣка; этотъ горячій бронзовый цвѣтъ лица;

эта непомѣрная гущина бровей, невыносимые, страшные глаза, даже самыя широкія складки его азіатской одежды,—все, казалось, какъ будто говорило, что предъ страстями, двигавшимися въ этомъ тѣлѣ, были блѣдны всѣ страсти другихъ людей. Отецъ мой всякій разъ останавливался неподвижно, когда встрѣчалъ его, и всякій разъ не могъ удержаться, чтобы не произнести: «Дьяволъ, совершенный дьяволъ!» Но надобно васъ поскорѣе познакомить съ моимъ отцомъ, который, между прочимъ, есть настоящій сюжетъ этой исторіи.

«Отецъ мой былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Это былъ художникъ, какихъ мало,—одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ изъ непочатаго лона своего только одна Русь, художникъ-самоучка, отыскавшій самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованья и шедшій, по причинамъ, можетъ-быть, не извѣстнымъ ему самому, одной только указанной изъ души дорогою,—одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ, которыхъ часто современники честятъ обиднымъ словомъ «невѣжи» и которые, не охлаждаясь отъ охуленій и собственныхъ неудачъ, получаютъ только новыя рвенья и силы и уже далеко въ душѣ своей уходятъ отъ тѣхъ произведеній, за которыя получили титло *невѣжи*. Высокимъ внутреннимъ инстинктомъ почуялъ онъ присутствіе мысли въ каждомъ предметѣ; постигнулъ самъ истинное значеніе слова: «историческая живопись»; постигнулъ, почему простую головку, простой портретъ Рафаэля, Леонарда да Винчи, Тиціана, Корреджіо можно назвать историческою живописью, и почему огромная картина историческаго содержанія все-таки будетъ tableau de genre [1]), несмотря на всѣ притязанія художника на историческую живопись. И внутреннее чувство и собственное убѣжденье обратили кисть его къ христіанскимъ предметамъ, высшей и послѣдней ступени высокаго. У него не было честолюбія или раздражительности, столь неотлучной отъ характера многихъ художниковъ. Это былъ твердый характеръ, честный, прямой человѣкъ, даже грубый, покрытый снаружи нѣсколько черствой корою, не безъ нѣкоторой гордости въ душѣ, отзывавшійся о людяхъ вмѣстѣ и снисходительно и рѣзко.

«Что на нихъ глядѣть, — обыкновенно говорилъ онъ: — вѣдь я не для нихъ работаю. Не въ гостиную понесу я мои картины. Кто пойметъ меня, поблагодаритъ; не пойметъ—все-таки помолится Богу. Свѣтскаго человѣка нечего винить, что онъ не смыслитъ живописи: зато онъ смыслитъ въ картахъ, знаетъ толкъ въ хорошемъ винѣ, въ лошадяхъ,—зачѣмъ знать больше барину? Еще, пожалуй, какъ попробуетъ того да другого да пойдетъ умничать, тогда и житья отъ него не будетъ! Всякому свое, всякій пусть занимается своимъ. По мнѣ ужъ лучше тотъ человѣкъ, который говоритъ прямо, что онъ не знаетъ толку, чѣмъ тотъ, который лицемѣритъ: говоритъ, будто бы знаетъ то, чего не знаетъ, и только гадитъ да портитъ». Онъ работалъ за небольшую плату, то-есть, за плату, которая была нужна ему только для поддержанья семейства и для доставленья возможности трудиться. Кромѣ того, онъ ни въ какомъ случаѣ не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бѣдному художнику; вѣровалъ простой, благочестивой вѣрою предковъ, и оттого, можетъ-быть, на изображенныхъ имъ лицахъ являлось само собою то высокое выраженіе, до котораго не могли докопаться блестящіе таланты. Наконецъ постоянствомъ своего труда и неуклонностью начертаннаго себѣ пути онъ сталъ даже пріобрѣтать уваженіе со стороны тѣхъ, которые честили его невѣжей и доморощеннымъ самоучкой. Ему давали безпрестанно заказы въ церкви, и работа у него не переводилась. Одна изъ работъ заняла его сильно. Не помню уже, въ чемъ

---

[1]) Бытовая картина.

именно состоялъ сюжетъ ея, знаю только то—на картинѣ нужно было помѣстить духа тьмы. Долго думалъ онъ надъ тѣмъ, какой дать ему образъ: ему хотѣлось осуществить въ лицѣ его все тяжелое, гнетущее человѣка. При такихъ размышленіяхъ иногда проносился въ головѣ его образъ таинственнаго ростовщика, и онъ думалъ невольно: «Вотъ бы съ кого мнѣ слѣдовало написать дьявола!» Судите же объ его изумленіи, когда одинъ разъ, работая въ своей мастерской, услышалъ онъ стукъ въ дверь, и вслѣдъ за тѣмъ прямо вошелъ къ нему ужасный ростовщикъ. Онъ не могъ не почувствовать какой-то внутренней дрожи, которая пробѣжала невольно по его тѣлу.

«— Ты художникъ?—сказалъ онъ безъ всякихъ церемоній моему отцу.

«— Художникъ, — сказалъ отецъ въ недоумѣніи, не зная, что будетъ далѣе.

«— Хорошо. Нарисуй съ меня портретъ. Я, можетъ-быть, скоро умру, дѣтей у меня нѣтъ; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портретъ, чтобы былъ совершенно, какъ живой?

«Отецъ мой подумалъ: «Чего лучше? Онъ самъ просится въ дьяволы ко мнѣ на картину». Далъ слово. Они уговорились во времени и цѣнѣ, и на другой же день, схвативши палитру и кисти, отецъ мой уже былъ у него. Высокій дворъ, собаки, желѣзныя двери и затворы, дугообразныя окна, сундуки, покрытые странными коврами, и, наконецъ, самъ необыкновенный хозяинъ, сѣвшій неподвижно передъ нимъ,—все это произвело на него странное впечатлѣнье. Окна, какъ нарочно, были заставлены и загромождены снизу такъ, что давали свѣтъ только съ одной верхушки. «Чортъ побери, какъ теперь хорошо освѣтилось его лицо!» сказалъ онъ про себя и принялся жадно писать, какъ бы опасаясь, чтобъ какъ-нибудь не исчезло счастливое освѣщенье. «Экая сила!— повторялъ онъ про себя.—Если я хотя вполовину изображу его такъ, какъ онъ есть теперь, онъ убьетъ всѣхъ моихъ святыхъ и ангеловъ: они поблѣднѣютъ предъ нимъ. Какая дьявольская сила! Онъ у меня, просто, выскочитъ изъ полотна, если только хоть немного буду вѣренъ натурѣ. Какія необыкновенныя черты!» повторялъ онъ безпрестанно, усугубляя рвенье, и уже видѣлъ самъ, какъ стали переходить на полотно нѣкоторыя черты. Но чѣмъ болѣе онъ приближался къ нимъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ какое-то тягостное, тревожное чувство, непонятное себѣ самому. Однакоже, несмотря на то, онъ положилъ себѣ преслѣдовать съ буквальною точностью всякую незамѣтную черту и выраженье. Прежде всего занялся онъ отдѣлкою глазъ. Въ этихъ глазахъ столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать ихъ такъ, какъ были въ натурѣ. Однакоже, во что бы то ни стало, онъ рѣшился доискаться въ нихъ послѣдней мелкой черты и оттѣнка, постигнуть ихъ тайну... Но какъ только началъ онъ входить и углубляться въ нихъ кистью, въ душѣ его возродилось такое странное отвращенье, такая непонятная тягость, что онъ долженъ былъ на нѣсколько времени бросить кисть и потомъ приниматься вновь. Наконецъ уже не могъ онъ болѣе выносить: онъ чувствовалъ, что эти глаза вонзались ему въ душу и производили въ ней тревогу непостижимую. На другой, на третій день это было еще сильнѣе. Ему сдѣлалось страшно. Онъ бросилъ кисть и сказалъ наотрѣзъ, что не можетъ болѣе писать съ него. Надобно было видѣть, какъ измѣнился при этихъ словахъ страшный ростовщикъ. Онъ бросился къ нему въ ноги и молилъ кончить портретъ, говоря, что отъ этого зависитъ судьба его и существованье въ мірѣ, что уже онъ тронулъ своею кистью его живыя черты; что если онъ передастъ ихъ вѣрно, жизнь его сверхъестественною силою удержится въ портретѣ; что онъ чрезъ то не умретъ совершенно; что ему нужно присутствовать въ мірѣ. Отецъ мой почувствовалъ ужасъ отъ

такихъ словъ: они ему показались до того странны и страшны, что онъ бросилъ и кисти и палитру и бросился опрометью вонъ изъ комнаты.

«Мысль о томъ тревожила его весь день и всю ночь, а поутру онъ получилъ отъ ростовщика портретъ, который принесла ему какая-то женщина, единственное существо, бывшее у него въ услугахъ, объявившая тутъ же, что хозяинъ не хочетъ портрета, не даетъ за него ничего и присылаетъ назадъ. Ввечеру въ тотъ же день узналъ онъ, что ростовщикъ умеръ и что собираются уже хоронить его по обрядамъ его религіи. Все это казалось ему неизъяснимо-странно. А между тѣмъ съ этого времени оказалась въ характерѣ его ощутительная перемѣна: онъ чувствовалъ неспокойное, тревожное состояніе, которому самъ не могъ понять причины, и скоро сдѣлалъ онъ такой поступокъ, котораго бы никто не могъ отъ него ожидать. Съ нѣкотораго времени труды одного изъ учениковъ его начали привлекать вниманіе небольшого круга знатоковъ и любителей. Отецъ мой всегда видѣлъ въ немъ талантъ и оказывалъ ему за то свое особенное расположенье. Вдругъ почувствовалъ онъ къ нему зависть. Всеобщее участіе и толки о немъ сдѣлались ему невыносимы. Наконецъ, къ довершенью досады, узнаетъ онъ, что ученику его предложили написать картину для вновь отстроенной богатой церкви. Это его взорвало. «Нѣтъ, не дамъ же молокососу восторжествовать!—говорилъ онъ.—Рано, братъ, вздумалъ стариковъ сажать въ грязь! Еще, слава Богу, есть у меня силы. Вотъ мы увидимъ, кто кого скорѣе посадитъ въ грязь». И прямодушный, чистый въ душѣ человѣкъ употребилъ интриги и происки, которыми дотолѣ всегда гнушался: добился, наконецъ, того, что на картину объявленъ былъ конкурсъ, и другіе художники могли войти также съ своими работами, послѣ чего заперся онъ въ свою комнату и съ жаромъ принялся за кисть. Казалось, всѣ свои силы, всего себя хотѣлъ онъ сюда собрать. И, точно, это вышло одно изъ лучшихъ его произведеній. Никто не сомнѣвался, чтобы не за нимъ осталось первенство. Картины были представлены, и всѣ прочія показались предъ нею, какъ ночь предъ днемъ. Какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ, если не ошибаюсь, духовная особа, сдѣлалъ замѣчаніе, поразившее всѣхъ. «Въ картинѣ художника, точно, есть много таланта,—сказалъ онъ,—но нѣтъ святости въ лицахъ; есть даже, напротивъ того, что-то демонское, въ глазахъ, какъ будто бы рукою художника водило не чистое чувство». Всѣ взглянули и не могли не убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ. Отецъ мой бросился впередъ къ своей картинѣ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы повѣрить самому такое обидное замѣчаніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ всѣмъ почти фигурамъ придалъ глаза ростовщика. Они такъ глядѣли демонски-сокрушительно, что онъ самъ невольно вздрогнулъ. Картина была отвергнута, и онъ долженъ былъ, къ неописанной своей досадѣ, услышать, что первенство осталось за его учениковъ. Невозможно было описать того бѣшенства, съ которымъ онъ возвратился домой. Онъ чуть не прибилъ мать мою, разогналъ дѣтей, переломалъ кисти и мольбертъ, схватилъ со стѣны портретъ ростовщика, потребовалъ ножа и велѣлъ разложить огонь въ каминѣ, намѣреваясь изрѣзать его въ куски и сжечь. На этомъ движеніи засталъ его вошедшій въ комнату пріятель, живописецъ, какъ и онъ, весельчакъ, всегда довольный собой, не заносившійся никакими отдаленными желаніями, работавшій весело все, что попадалось, и еще веселѣй того принимавшійся за обѣдъ и пирушку.

«— Что ты дѣлаешь? Что собираешься жечь?—сказалъ онъ и подошелъ къ портрету.—Помилуй, это одно изъ самыхъ лучшихъ твоихъ произведеній. Это ростовщикъ, который недавно умеръ; да это совершеннѣйшая вещь! Ты ему, просто, попалъ не въ бровь, а въ самые глаза залѣзъ. Такъ въ жизни никогда не глядѣли глаза, какъ они глядятъ у тебя.

«— А вотъ я посмотрю, какъ они будутъ глядѣть въ огнѣ!—сказалъ отецъ, сдѣлавши движенье швырнуть портретъ въ каминъ.

«— Остановись ради Бога!—сказалъ пріятель, удержавъ его.—Отдай его ужъ лучше мнѣ, если онъ тебѣ до такой степени колетъ глазъ.

«Отецъ сначала упорствовалъ, наконецъ согласился, и весельчакъ, чрезвычайно довольный своимъ пріобрѣтеньемъ, утащилъ портретъ съ собою.

«По уходѣ его отецъ мой вдругъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Точно, какъ будто бы вмѣстѣ съ портретомъ свалилась тяжесть съ его души. Онъ самъ изумился своему злобному чувству, своей зависти и явной перемѣнѣ своего характера. Разсмотрѣвши поступокъ свой, онъ опечалился душою и, не безъ внутренней скорби, произнесъ:

«— Нѣтъ, это Богъ наказалъ меня; картина моя подѣломъ понесла посрамленье. Она была замышлена съ тѣмъ, чтобы погубить брата. Демонское чувство зависти водило моею кистью, демонское чувство должно было и отразиться въ ней.

«Онъ немедленно отправился искать бывшаго ученика своего, обнялъ его крѣпко, просилъ у него прощенья и старался, сколько могъ, загладить предъ нимъ вину свою. Работы его вновь потекли попрежнему безмятежно, но задумчивость стала показываться чаще на его лицѣ. Онъ больше молился, чаще бывалъ молчаливъ и не выражался такъ рѣзко о людяхъ; самая грубая наружность его характера какъ-то умягчилась. Скоро одно обстоятельство еще болѣе потрясло его. Онъ уже давно не видался съ товарищемъ своимъ, выпросившимъ у него портретъ. Уже собирался было итти его провѣдать, какъ вдругъ онъ самъ вошелъ неожиданно въ его комнату Послѣ нѣсколькихъ словъ и вопросовъ съ обѣихъ сторонъ онъ сказалъ:

«— Ну, братъ, не даромъ ты хотѣлъ сжечь портретъ. Чортъ его побери, въ немъ есть что-то страшное... Я вѣдьмамъ не вѣрю, но, воля твоя, въ немъ сидитъ нечистая сила...

«— Какъ?—сказалъ отецъ мой.

«— А такъ, что съ тѣхъ поръ, какъ повѣсилъ я къ себѣ его въ комнату, почувствовалъ тоску такую... точно, какъ будто бы хотѣлъ кого - то зарѣзать. Въ жизнь мою я не зналъ, что такое безсонница, а теперь испыталъ не только безсонницу, но сны такіе... я и самъ не умѣю сказать, сны ли это, или что другое: точно домовой тебя душитъ и все мерещится проклятый старикъ, — однимъ словомъ, не могу разсказать тебѣ моего состоянія. Подобнаго со мной никогда не бывало. Я бродилъ, какъ шальной, всѣ эти дни: чувствовалъ какую - то боязнь, непріятное ожиданье чего - то. Чувствую, что не могу сказать никому веселаго, искренняго слова; точно какъ будто возлѣ меня сидитъ шпіонъ какой-нибудь. И только съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ портретъ племяннику, который напросился на него, почувствовалъ, что съ меня вдругъ будто какой-то камень свалился съ плечъ: вдругъ почувствовалъ себя веселымъ, какъ видишь. Ну, братъ, состряпалъ ты чорта!

«Во время этого разсказа отецъ мой слушалъ его съ неразвлекаемымъ вниманіемъ и, наконецъ, спросилъ:

«— И портретъ теперь у твоего племянника?

«— Куда у племянника! Не выдержалъ!—сказалъ весельчакъ.—Знать, душа самого ростовщика переселилась въ него; онъ выскакиваетъ изъ рамъ, расхаживаетъ по комнатѣ, и то, что разсказываетъ племянникъ, просто уму непонятно. Я бы принялъ его за сумасшедшаго, если бы отчасти не испыталъ самъ. Онъ его продалъ какому-то собирателю картинъ, да и тотъ не вынесъ его и тоже кому-то сбылъ съ рукъ.

«Этотъ разсказъ произвелъ сильное впечатлѣнье на моего отца. Онъ задумался не въ шутку, впалъ въ ипохондрію [1]) и, наконецъ, совершенно увѣрился въ томъ, что кисть его послужила дьявольскимъ орудіемъ, что часть жизни ростовщика перешла въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь въ портретъ и тревожитъ теперь людей, внушая бѣсовскія побужденія, совращая художника съ пути, порождая страшныя терзанья зависти, и проч. и проч. Три случившіяся вслѣдъ за тѣмъ несчастія, три внезапныя смерти—жены, дочери и малолѣтняго сына, почелъ онъ небесною казнью себѣ и рѣшился непремѣнно оставить свѣтъ.

«Какъ только минуло мнѣ девять лѣтъ, онъ помѣстилъ меня въ академію художествъ и, расплатясь съ своими должниками, удалился въ одну уединенную обитель, гдѣ скоро постригся въ монахи. Тамъ строгостью жизни, неусыпнымъ соблюденьемъ всѣхъ монастырскихъ правилъ онъ изумилъ всю братью. Настоятель монастыря, узнавши объ искусствѣ его кисти, требовалъ отъ него написать главный образъ въ церковь. Но смиренный братъ сказалъ наотрѣзъ, что онъ недостоинъ взяться за кисть, что она осквернена, что трудомъ и великими жертвами онъ долженъ прежде очистить свою душу, чтобы удостоиться приступить къ такому дѣлу. Его не хотѣли принуждать. Онъ самъ увеличивалъ для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконецъ уже и она становилась ему недостаточною и не довольно строгою. Онъ удалился, съ благословенья настоятеля, въ пустынь, чтобъ быть совершенно одному. Тамъ изъ древесныхъ вѣтвей выстроилъ онъ себѣ келью, питался одними сырыми кореньями, таскалъ на себѣ камни съ мѣста на мѣсто, стоялъ отъ восхода до захода солнечнаго на одномъ и томъ же мѣстѣ съ поднятыми къ небу руками, читая безпрерывно молитвы, — словомъ, изыскивалъ, казалось, всѣвозможныя степени терпѣнья и того непостижимаго самоотверженья, которому примѣры можно развѣ найти въ однихъ только житіяхъ святыхъ. Такимъ образомъ долго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, изнурялъ онъ свое тѣло, подкрѣпляя его въ то же время живительною силою молитвы. Наконецъ въ одинъ день пришелъ онъ въ обитель и сказалъ твердо настоятелю:

«— Теперь я готовъ; если Богу угодно, я совершу свой трудъ.

«Предметъ, взятый имъ, было рождество Іисуса. Цѣлый годъ сидѣлъ онъ за нимъ, не выходя изъ своей кельи, едва питая себя суровой пищей, молясь безпрестанно. По истеченіи года картина была готова. Это было, точно, чудо кисти. Надобно знать, что ни братья ни настоятель не имѣли большихъ свѣдѣній въ живописи, но всѣ были поражены необыкновенной святостью фигуръ. Чувство божественнаго смиренья и кротости въ лицѣ Пречистой Матери, склонившейся надъ Младенцемъ, глубокій разумъ въ очахъ Божественнаго Младенца, какъ будто уже что-то прозрѣвающихъ вдали, торжественное молчанье пораженныхъ божественнымъ чудомъ царей, повергнувшихся къ ногамъ Его, и, наконецъ, святая, невыразимая тишина, обнимающая всю картину, — все это предстало въ такой согласной силѣ и могуществѣ красоты, что впечатлѣнье было магическое. Вся братья повергласъ на колѣни предъ новымъ образомъ, и умиленный настоятель произнесъ:

«— Нѣтъ, нельзя человѣку съ помощью одного человѣческаго искусства произвести такую картину: святая, высшая сила водила твоею кистью, и благословенье небесъ почило на трудѣ твоемъ.

«Въ это время окончилъ я свое ученье въ академіи, получилъ золотую медаль и вмѣстѣ съ нею радостную надежду на путешествіе въ Италію—лучшую мечту двадцатилѣтняго художника. Мнѣ оставалось только проститься съ моимъ

---

[1]) Ипохондрія—душевная болѣзнь; одержимый ею чувствуетъ себя несчастнымъ.

отцомъ, съ которымъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я разстался. Признаюсь, даже самый образъ его давно исчезнулъ изъ моей памяти. Я уже нѣсколько наслышался о суровой святости его жизни и заранѣе воображалъ себѣ встрѣтить черствую наружность отшельника, чуждаго всему въ мірѣ, кромѣ своей кельи и молитвы, изнуреннаго, высохшаго отъ вѣчнаго поста и бдѣнья. Но какъ же я изумился, когда предсталъ предо мною прекрасный, почти божественный старецъ. И слѣдовъ изможденія не было замѣтно на его лицѣ: оно сіяло свѣтлостью небеснаго веселья. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода и тонкіе, почти воздушные волосы такого же серебристаго цвѣта разсыпались картинно по груди и по складкамъ его черной рясы и падали до самаго вервія, которымъ опоясывалась его убогая монашеская одежда. Но болѣе всего изумительно было для меня услышать изъ устъ его такія слова и мысли объ искусствѣ, которыя, признаюсь, я долго буду хранить въ душѣ и желалъ бы искренно, чтобы всякій мой собратъ сдѣлалъ то же.

«— Я ждалъ тебя, сынъ мой,—сказалъ онъ, когда я подошелъ къ его благословенью.—Тебѣ предстоитъ путь, по которому отнынѣ потечетъ жизнь твоя. Путь твой чистъ — не совратись съ него. У тебя есть талантъ; талантъ есть драгоцѣннѣйшій даръ Бога — не погуби его. Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ-создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозитъ невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души... Намекъ о божественномъ, небесномъ раѣ заключенъ для человѣка въ искусствѣ, и по тому одному оно уже выше всего. И во сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненья мірского; во сколько разъ творенье выше разрушенья; во сколько разъ ангелъ одной только чистой невинностью свѣтлой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ страстей сатаны,—во столько разъ выше всего, что ни есть на свѣтѣ, высокое созданье искусства. Все принеси ему въ жертву и возлюби его всей страстью,— не страстью, дышащею земнымъ вожделѣньемъ, но тихой, небесной страстью: безъ нея не властенъ человѣкъ возвыситься отъ земли и не можетъ ждать чудныхъ звуковъ успокоенія: ибо для успокоенья и примиренья всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства. Оно не можетъ поселить ропота въ душѣ, но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу. Но есть минуты, темныя минуты... — Онъ остановился, и я замѣтилъ, что вдругъ омрачился свѣтлый ликъ его, какъ будто бы на него набѣжало какое-то мгновенное облако.—Есть одно происшествіе въ моей жизни, — сказалъ онъ.— Донынѣ я не могу понять, кто былъ тотъ странный образъ, съ котораго я написалъ изображеніе. Это было точно какое-то дьявольское явленіе. Я знаю, свѣтъ отвергаетъ существованіе дьявола и потому не буду говорить о немъ; но скажу только, что я съ отвращеніемъ писалъ его: я не чувствовалъ въ то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ покорить себя и бездушно, заглушивъ все, быть вѣрнымъ природѣ. Это не было созданье искусства, и потому чувства, которыя объемлютъ всѣхъ при взглядѣ на него, суть уже мятежныя чувства, тревожныя чувства, не чувства художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышитъ покоемъ. Мнѣ говорили, что портретъ этотъ ходитъ по рукамъ и разсѣваетъ томительныя впечатлѣнья, зарождая въ художникѣ чувство зависти, мрачной ненависти къ брату, злобную жажду производить гоненья и угнетенья. Да хранитъ тебя Всевышній отъ сихъ страстей! Нѣтъ ихъ страшнѣе. Лучше вынести

всю горечь возможныхъ гоненій, чѣмъ нанести кому-либо одну тѣнь гоненья. Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дому въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стоитъ только быть обрызнуту одною каплей грязи изъ-подъ колеса, и уже весь народъ обступилъ его и указываетъ на него пальцемъ и толкуетъ объ его неряшествѣ, тогда какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо на будничныхъ одеждахъ не замѣчаются пятна».

«Онъ благословилъ меня и обнялъ. Никогда въ жизни не былъ я такъ возвышенно подвигнутъ. Благоговѣйно, болѣе, чѣмъ съ чувствомъ сына, прильнулъ я къ груди его и поцѣловалъ въ разсыпавшіеся его серебряные волосы. Слеза блеснула въ его глазахъ.

«— Исполни, сынъ мой, одну мою просьбу, — сказалъ онъ мнѣ уже при самомъ разставаньѣ. — Можетъ-быть, тебѣ случится увидать гдѣ-нибудь тотъ портретъ, о которомъ я говорилъ тебѣ,—ты его узнаешь вдругъ по необыкновеннымъ глазамъ и неестественному ихъ выраженію,— во что бы то ни было, истреби его...

«— Вы можете судить сами, могъ ли я не обѣщать клятвенно исполнить такую просьбу. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ не случалось мнѣ встрѣтить ничего такого, что бы хотя сколько-нибудь походило на описаніе, сдѣланное моимъ отцомъ, какъ вдругъ теперь на аукціонѣ»...

Здѣсь художникъ, не договоривъ еще своей рѣчи, обратилъ глаза на стѣну съ тѣмъ, чтобы взглянуть еще разъ на портретъ. То же самое движеніе сдѣлала въ одинъ мигъ вся толпа слушавшихъ, ища глазами необыкновеннаго портрета. Но, къ величайшему изумленію, его уже не было на стѣнѣ. Невнятный говоръ и шумъ пробѣжалъ по всей толпѣ, и вслѣдъ за тѣмъ послышались явственно слова: «украденъ». Кто-то успѣлъ уже стащить его, воспользовавшись вниманьемъ слушателей, увлеченныхъ разсказомъ. И долго всѣ присутствовавшіе оставались въ недоумѣніи, не зная, дѣйствительно ли они видѣли эти необыкновенные глаза, или же это была, просто, мечта, представшая только на мигъ глазамъ ихъ, утрудненнымъ долгимъ разсматриваньемъ старинныхъ картинъ.

ШИНЕЛЬ.

Въ департаментѣ [1])... но лучше не называть, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода департаментовъ, полковъ, канцелярій и, словомъ, всякаго рода должностныхъ сословій. Теперь уже всякій частный человѣкъ считаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все общество. Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитанъ-исправника, не помню, какого-то города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнутъ государственныя постановленія и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромнѣйшій томъ какого-то романтическаго сочиненія, гдѣ чрезъ каждыя десять страницъ является капитанъ-исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. Итакъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ, о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*. Итакъ, *въ одномъ департаментѣ служилъ одинъ чиновникъ*, — чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется, геморроидальнымъ...

Что жъ дѣлать! Виноватъ петербургскій климатъ. Что касается до чина (ибо у насъ прежде всего нужно объявить чинъ), то онъ былъ то, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ, какъ извѣстно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновенье налегать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться.

Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла отъ башмака; но когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака, — ничего этого неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ, и всѣ совершенно Башмачкины ходили въ сапогахъ, перемѣ-

---

[1]) Департаментъ—подраздѣленіе высшихъ государственныхъ учрежденій; имѣетъ особый кругъ вѣдомства, управляется директоромъ департамента.

няя только раза три въ годъ подмстки. Имя его было Акакій Акакіевичъ. Можетъ-быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и выисканнымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а что сами собою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вотъ какъ. Родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ [1]) въ сенатѣ, и кума (жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей), Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родильницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать: Мокія, Сосія или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата.

«Нѣтъ, — подумала покойница, — и имена-то все такія».

Чтобы угодить ей, развернулся календарь въ другомъ мѣстѣ — вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій.

— Вотъ это наказаніе! — проговорила старуха. — Какія все имена! Я, право, никогда и не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадать или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій.

Еще перевоpотили страницу — вышли Павсикахій и Вахтисій.

— Ну, ужъ я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его: отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій.

Такимъ образомъ и произошелъ Акакій Акакіевичъ. Ребенка окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. Итакъ, вотъ какимъ образомъ произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости, и другого имени дать было никакъ невозможно. Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтъ уже совершенно готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: «Перепишите», или «Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце», или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣлъ ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ же, предъ нимъ, разныя составленныя про него исторіи: про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчалъ на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы

---

[1]) Столоначальникъ—чиновникъ въ присутственномъ мѣстѣ, завѣдующій столомъ, т.-е. особымъ разрядомъ дѣлъ.

никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который по примѣру другихъ позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ среди самыхъ веселыхъ минутъ представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «Я — братъ твой». И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и— Боже!—даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...

Врядъ ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ — онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньѣ, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его, нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы, соразмѣрно его рвенію, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ-быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пряжку въ петлицу да нажилъ геморрой въ поясницу. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человѣкъ и желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье: именно изъ готоваго уже дѣла велѣно было ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ да перемѣнить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и, наконецъ, сказалъ:

— Нѣтъ, лучше, дайте, я перепишу что-нибудь.

Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать.

Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платьѣ: вицмундиръ у него былъ не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узенькій, низенькій, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни

не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякій день на улицѣ, на что, какъ извѣстно, всегда посмотритъ его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтитъ даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу у панталонъ стремешка,—что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ, если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебалъ наскоро свои щи и ѣлъ кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни посылалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо, и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло послѣ департаментскаго скрипѣнья перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задаетъ себѣ добровольно, больше даже, чѣмъ нужно, неугомонный человѣкъ, когда чиновники спѣшатъ предать наслажденію оставшееся время: кто побойчѣе, несется въ театръ; кто на улицу, опредѣляя его на разсматриванье кое-какихъ шляпенокъ; кто на вечеръ — истратить его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшого чиновнаго круга; кто, — и это случается чаще всего, — идетъ, просто, къ своему брату въ четвертый или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кухней и кое-какими модными претензіями, лампой или иной вещицей, стоившей многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній, — словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣиваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ штурмовой вистъ, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копеечными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, разсказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ, или даже, когда не о чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента [1]), — словомъ, даже тогда, какъ все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлеченію. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра? Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который, съ четырьмястами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ, и дотекла бы, можетъ-быть, до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титулярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всякимъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

---

[1]) Фальконетовъ монументъ — конная статуя Петра Великаго въ Петербургѣ, сдѣланная французскимъ ваятелемъ восемнадцатаго вѣка Фальконетомъ.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ получающихъ 400 рублей въ годъ жалованья или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинаетъ онъ давать такіе сильные и колючіе щелчки безъ разбору по всѣмъ посамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ это время, когда даже у занимающихъ высшія должности болитъ отъ мороза лобъ, и слезы выступаютъ въ глазахъ, бѣдные титулярные совѣтники иногда бываютъ беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелишкѣ перебѣжать, какъ можно скорѣе, пять-шесть улицъ и потомъ натопаться хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованья къ должностнымъ отправленіямъ. Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно сильно стало пропекать въ спину и плечо, несмотря на то, что онъ старался перебѣжать, какъ можно скорѣе, законное пространство. Онъ подумалъ, наконецъ, не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, именно, на спинѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точпая серпянка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насмѣшекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла какое-то странное устройство: воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ на подтачиванье другихъ частей ея. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мѣшковато и некрасиво. Увидѣвши, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не питалъ въ головѣ какого-нибудь другого предпріятія. Объ этомъ портномъ, конечно, не слѣдовало бы много говорить, но такъ какъ уже заведено, чтобы въ повѣсти характеръ всякаго лица былъ совершенно означенъ, то, нечего дѣлать, подавайте намъ и Петровича сюда. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ у какого-то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную и сталъ попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ, безъ разбору по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ. Съ этой стороны онъ былъ вѣренъ дѣдовскимъ обычаямъ и, споря съ женой, называлъ ее мірскою женщиной и нѣмкой. Такъ какъ мы уже запнулись про жену, то нужно будетъ и о ней сказать слова два; но, къ сожалѣнію, о ней немного было извѣстно, развѣ только то, что у Петровича есть жена, носитъ даже чепчикъ, а не платокъ, но красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться; по крайней мѣрѣ, при встрѣчѣ съ нею одни только гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувши усомъ и испустивши какой-то особый голосъ.

Взбираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая, — надобно отдать справедливость, — была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который ѣсть глаза и, какъ извѣстно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ, — взбираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запроситъ Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была

отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму въ кухнѣ, что нельзя было видѣть даже и самыхъ таракановъ. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, незамѣченный даже самою хозяйкою, и вступилъ, наконецъ, въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашеномъ столѣ и подвернувшаго подъ себя ноги свои, какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были пагишомъ; и прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень извѣстный Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣлъ мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ игличное ухо, не попадалъ и потому очень сердился на темноту, и даже на самую нитку, ворча вполголоса: «Не лѣзетъ, варварка! Уѣла ты меня, шельма этакая!» Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту, когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подъ куражомъ, или, какъ выражалась жена его, «осадился сивухой, одноглазый чортъ». Въ такомъ состояніи Петровичъ обыкновенно очень охотно уступалъ и соглашался, всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена, плачась, что мужъ-де былъ пьянъ и потому дешево взялся; но гривенникъ, бывало, одинъ прибавишь — и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому крутъ, несговорчивъ и охотникъ заламывать чортъ знаетъ какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣлъ было уже, какъ говорится, на попятный дворъ, но ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурилъ на него очень пристально свой единственный глазъ, и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ:

— Здравствуй, Петровичъ!

— Здравствовать желаю, сударь! — сказалъ Петровичъ и покосилъ свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тотъ несъ.

— А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того...

Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся большею частью предлогами, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: «Это, право, совершенно того»... а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

— Что жъ такое? — сказалъ Петровичъ и обсмотрѣлъ въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь вицмундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалдъ и петлей, что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ: это, первое, что онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

— А я вотъ того, Петровичъ... шинель-то, сукно... вотъ видишь, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое... оно немножко запылилось, и кажется, какъ будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немного того... на спинѣ да еще вотъ на плечѣ одномъ немного попротерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко... видишь? вотъ и все. И работы немного...

Петровичъ взялъ капотъ, разложилъ его сначала на столъ, разсматривалъ долго, покачалъ головою и полѣзъ рукою на окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого-то генерала, — какого именно, неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ и потомъ заклеено четвероугольнымъ лоскуточкомъ бумажки. Понюхавъ табаку, Петровичъ растопырилъ

капотъ на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта и опять покачалъ головою; потомъ обратилъ его подкладкой вверхъ и вновь покачалъ; вновь снялъ крышку съ генераломъ, заклеенным бумажкой, и, натащивши въ носъ табаку, закрылъ, спряталъ табакерку и, наконецъ, сказалъ:

— Нѣтъ, нельзя поправить: худой гардеробъ!

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ екнуло сердце.

— Отчего же нельзя, Петровичъ? — сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка. — Вѣдь только всего, что на плечахъ поистерлось; вѣдь у тебя есть же какіе-нибудь кусочки...

— Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, — сказалъ Петровичъ,— да нашить-то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой, — а вотъ ужъ оно и ползетъ.

— Пусть ползетъ, а ты тотчасъ заплаточку.

— Да заплаточки не на чемъ положить, укрѣпиться ей не за что: поддержка больно велика. Только слава, что сукно, а подуй вѣтеръ, такъ разлетится.

— Ну, да ужъ прикрѣпи. Какъ же этакъ, право, того!..

— Нѣтъ, — сказалъ Петровичъ рѣшительно: — ничего нельзя сдѣлать, дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придетъ зимнее холодное время, надѣлайте изъ нея себѣ онучекъ, потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать (Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ); а шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать.

При словѣ «новую» у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что ни было въ комнатѣ, такъ и пошло предъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно одного только генерала съ заклееннымъ бумажкой лицомъ, находившагося на крышкѣ Петровичевой табакерки.

— Какъ же новую? — сказалъ онъ, все еще какъ будто находясь во снѣ:— вѣдь у меня и денегъ на это нѣтъ.

— Да, новую, — сказалъ съ варварскимъ спокойствіемъ Петровичъ.

— Ну, а если бы пришлось новую, какъ бы она того?.

— То-есть, что будетъ стоить?

— Да.

— Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить, — сказалъ Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эффекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

— Полтораста рублей за шинель!— вскрикнулъ бѣдный Акакій Акакіевичъ,— вскрикнулъ, можетъ-быть, въ первый разъ отроду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

— Да-съ, — сказалъ Петровичъ, — да еще какова шинель. Если положить на воротникъ куницу да пустить капюшонъ на шелковой подкладкѣ, такъ и въ двѣсти войдетъ.

— Петровичъ, пожалуйста, — говорилъ Акакій Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эффектовъ: — какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила.

— Да нѣтъ, это выйдетъ — и работу убивать, и деньги попусту тратить,— сказалъ Петровичъ, и Акакій Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ, совершенно уничтоженный. А Петровичъ по уходѣ его долго еще стоялъ, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ да и портного искусства тоже не выдалъ.

Вышедъ на улицу, Акакій Акакіевичъ былъ какъ во снѣ. «Этаково-то дѣло этакое, — говорилъ онъ самъ себѣ, — я, право, и не думалъ, чтобы оно вышло того»... а потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: «Такъ вотъ какъ! Наконецъ, вотъ что вышло, а я, право, совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было этакъ». За симъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ: «Такъ этакъ-то! Вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того... этого бы никакъ... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы итти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозрѣвая. Дорогою задѣлъ его всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычернилъ все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ, и потомъ уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою аллебарду,

Понюхавъ табаку, Петровичъ растопырилъ капотъ на рукахъ и разсмотрѣлъ его противъ свѣта.

натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ:

— Чего лѣзешь въ самое рыло? Развѣ нѣтъ тебѣ трухтуара?

Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣлъ въ ясномъ и настоящемъ видѣ свое положеніе, сталъ разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно поговорить о дѣлѣ самомъ сердечномъ и близкомъ. «Ну, нѣтъ, — сказалъ Акакій Акакіевичъ, — теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того!.. Жена, видно, какъ-нибудь поколотила его. А вотъ я лучше приду къ нему въ воскресный день утромъ: онъ послѣ канунешней субботы будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмелиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривенничекъ и того, въ руку — онъ и будетъ сговорчивѣе, и шинель тогда и того»... Такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, одобрилъ себя и

дождался перваго воскресенья и, увидѣвъ издали, что жена Петровича куда-то выходила изъ дому, онъ—прямо къ нему. Петровичъ, точно, послѣ субботы сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись; но при всемъ томъ, какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, точно какъ будто его чортъ толкнулъ.

— Нельзя, — сказалъ, — извольте заказать новую.

Акакій Акакіевичъ тутъ-то и всунулъ ему гривенничекъ.

— Благодарствую, сударь, подкрѣплюсь маленечко за ваше здоровье,—сказалъ Петровичъ, — а ужъ объ шинели не извольте безпокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ постоимъ.

Акакій Акакіевичъ еще было насчетъ починки, но Петровичъ не дослышалъ и сказалъ:

— Ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положиться, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода, воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ аплике.

Тутъ-то увидѣлъ Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ совершенно духомъ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже размѣщены и распредѣлены впередъ. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ да слѣдовало заказать швеѣ три рубахи да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ; словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтись, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ, опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ чортъ знаетъ непомѣрную цѣну, такъ что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что возьметъ работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стоитъ!» Хотя, конечно, онъ зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать, однако, все же, откуда взять эти восемьдесятъ рублей! Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; можетъ-быть, даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, гдѣ взялась первая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновенье со всякаго истрачиваемаго рубля откладывать по грошу въ небольшой ящичекъ, запертый на ключъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истеченіи всякаго полугода онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ, и такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ оказалось накопившейся суммы болѣе, чѣмъ на сорокъ рублей. Итакъ, половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять другую половину? Гдѣ взять другіе сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, итти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не стереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякій разъ, приходя

домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ [1]) халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самымъ временемъ. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыклось и пошло на ладъ, — даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, — и подруга эта была никто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, — словомъ, всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли, точно, куницу на воротникъ? Размышленія объ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывая бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: «Ухъ!» и перекрестился. Въ продолженіе каждаго мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели: гдѣ лучше купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну, — и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что, наконецъ, придетъ же время, когда все это купится и когда шинель будетъ сдѣлана. Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ! Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Ужъ предчувствовалъ ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само собой такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца небольшого голоданья — и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго, и немудрено, потому что объ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкій мѣсяцъ не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ: зато самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шелку и даже на видъ казистѣй и глянцовитѣй. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога, а вмѣсто нея выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ, — кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣнадцать рублей — меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытѣсняя ими разныя фигуры. Это было... трудно сказать, въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйшій въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было итти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась такъ кстати шинель, потому что начинались уже довольно крѣпкіе морозы и, казалось, грозили еще болѣе

---

[1]) Демикотонъ — плотная бумажная матерія.

усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново. Онъ вынулъ шинель изъ носового платка, въ которомъ ее принесъ (платокъ былъ только что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія). Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плечи Акакію Акакіевичу, потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой книзу, потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько нараспашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать въ рукава: Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава — вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ впору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, потому взялъ такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотрѣть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то-есть прямо въ лицо. Между тѣмъ Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару. Неизвѣстно, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же минуту выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель Акакія Акакіевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ, приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ, Акакій Акакіевичъ потерялся совершенно, не зналъ, какъ ему быть, что такое отвѣчать и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь закраснѣвшись, началъ было увѣрять довольно простодушно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель. Наконецъ одинъ изъ чиновниковъ, какой-то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ ничуть не гордецъ и знается даже съ низшими себя, сказалъ:

— Такъ и быть, я, вмѣсто Акакія Акакіевича, даю вечеръ и прошу ко мнѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ.

Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столоначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что, просто, стыдъ и срамъ, и онъ ужъ никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось пріятно, когда вспомнилъ, что онъ будетъ имѣть чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру

въ новой шинели. Этотъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый большой торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположеніи духа, скинулъ шинель и повѣсилъ ее бережно на стѣнѣ, налюбовавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненья, прежній капотъ свой, совершенно расползшійся. Онъ взглянулъ на него и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! И долго еще потомъ за обѣдомъ онъ все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ которомъ находился капотъ. Пообѣдалъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего ни писалъ, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣлъ на плечи шинель и вышелъ на улицу. Гдѣ именно жилъ пригласившій чиновникъ, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: память начинаетъ намъ сильно измѣнять, и все, что ни есть въ Петербургѣ, всѣ улицы и дома слились и смѣшались такъ въ головѣ, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь въ порядочномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что чиновникъ жилъ въ лучшей части города, стало-быть, очень неблизко отъ Акакія Акакіевича. Сначала надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынныя улицы съ тощимъ освѣщеніемъ, но по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника улицы становились живѣе, населеннѣй и сильнѣе освѣщены; пѣшеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одѣтыя; на мужчинахъ попадались бобровые воротники; рѣже встрѣчались ваньки съ деревянными рѣшетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками; напротивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками, съ медвѣжьими одѣялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снѣгу, кареты съ убранными козлами. Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ освѣщеннымъ окошкомъ магазина посмотрѣть на картину, гдѣ изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала съ себя башмакъ, обнаживши, такимъ образомъ, всю ногу, очень недурную; а за спиной ея, изъ дверей другой комнаты, выставился какой-то мужчина съ бакенбардами и красивой эспаньолкой [1]) подъ губой. Акакій Акакіевичъ покачнулъ головой и усмѣхнулся, и потомъ пошелъ своею дорогою. Почему онъ усмѣхнулся? Потому ли, что встрѣтилъ вещь вовсе незнакомую, но о которой, однакоже, все-таки у каждаго сохраняется какое-то чутье, или подумалъ онъ, подобно многимъ другимъ чиновникамъ, слѣдующее: «Ну, ужъ эти французы! Что и говорить! Ужъ ежели захотятъ что-нибудь, того, такъ ужъ, точно, того...» А, можетъ-быть, даже и этого не подумалъ: вѣдь нельзя же залѣзть въ душу человѣка и узнать все, что онъ ни думаетъ. Наконецъ достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника. Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди комнаты, стоялъ самоваръ, шумя и испуская клубами паръ. На стѣнахъ висѣли все шинели да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣной былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлались яснымъ и звонкими, когда отворилась дверь, и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами, сливочникомъ и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакій Акакіевичъ, повѣсивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату,

---

[1]) Эспаньолка — бородка.

и передъ нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его бѣглый со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передвигаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ, и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій Акакіевичъ хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человѣкомъ чистосердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его и шинель и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для виста. Все это: шумъ, говоръ и толпа людей, — все это было какъ-то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ, просто, не зналъ, какъ ему быть, куда дѣть руки, ноги и всю фигуру свою; наконецъ подсѣлъ онъ къ игравшимъ, смотрѣлъ въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно, — тѣмъ болѣе, что ужъ давно наступило то время, въ которое онъ по обыкновенію ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непремѣнно надо выпить въ честь обновки по бокалу шампанскаго. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однакожъ, никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой. Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшею на полу, стряхнулъ ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣлъ на плечи и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавчонки, эти безсмѣнные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты; другія же, которыя были заперты, показывали, однакожъ, длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что онѣ не лишены еще общества, и, вѣроятно, дворовыя служанки или слуги еще доканчиваютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопребыванія. Акакій Акакіевичъ шелъ въ веселомъ расположеніи духа, даже побѣжалъ было вдругъ, неизвѣстно почему, за какою-то дамою, которая, какъ молнія, прошла мимо и у которой всякая часть тѣла была исполнена необыкновеннаго движенія. Но, однакожъ, онъ тутъ же остановился и пошелъ опять попрежнему очень тихо, подивясь даже самъ неизвѣстно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынныя улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онѣ сдѣлались еще глуше и уединеннѣе: фонари стали мелькать рѣже — масла, какъ видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные домы, заборы; нигдѣ ни души; сверкалъ только одинъ снѣгъ по улицамъ, да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькія лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью съ едва видными на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею. Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ, которая казалась стоявшею на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ—точное море вокругъ него. «Нѣтъ, лучше и не глядѣть», подумалъ и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами,—какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди.

— А вѣдь шинель-то моя!—сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ.

Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать: «караулъ», какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ:

— А вотъ только крикни!

Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и поднялся на ноги, но ужъ никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно и шинели нѣтъ, сталъ кричать; но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до концовъ площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ, подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою аллебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого чорта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человѣкъ. Акакій Акакіевичъ, прибѣжавъ къ нему, началъ задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спитъ и ни за чѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ человѣка. Будочникъ отвѣчалъ, что онъ не видалъ ничего, что видѣлъ, какъ остановили его среди площади какіе-то два человѣка, да думалъ, что то были его пріятели; а что пусть онъ, вмѣсто того, чтобы понапрасну браниться, сходитъ завтра къ надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель. Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые еще водились у него въ небольшомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепались; бокъ и грудь и всѣ панталоны были въ снѣгу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стукъ въ дверь, поспѣшно вскочила съ постели и, съ башмакомъ на одной только ногѣ, побѣжала отворять дверь, придерживая на груди своей, изъ скромности, рукою рубашку; но, отворивъ, отступила назадъ, увидя въ такомъ видѣ Акакія Акакіевича. Когда же разсказалъ онъ, въ чемъ дѣло, она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщается и станетъ водить; а лучше всего итти прямо къ частному, что онъ даже ей знакомъ, потому что Анна чухонка, служившая прежде у нея въ кухаркахъ, опредѣлилась теперь къ частному въ няньки, что она часто видитъ его самого, какъ онъ проѣзжаетъ мимо ихъ дома, и что онъ бываетъ такіе всякое воскресенье въ церкви, молится, а въ то же время весело смотритъ на всѣхъ, и что, стало-быть, по всему видно, долженъ быть добрый человѣкъ. Выслушавъ такое рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ печальный побрелъ въ свою комнату, и, какъ онъ провелъ тамъ ночь, предоставляется судить тому, кто можетъ сколько-нибудь представить себѣ положеніе другого. Поутру рано отправился онъ къ частному; но сказали, что спитъ; онъ пришелъ въ десять—сказали опять: «спитъ»; онъ пришелъ въ одиннадцать часовъ—сказали: «Да нѣтъ частнаго дома»; онъ въ обѣденное время,—но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли пустить его и хотѣли непремѣнно узнать, за какимъ дѣломъ, и какая надобность привела, и что такое случилось; такъ что, наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни захотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, что онъ пришелъ изъ департамента за казеннымъ дѣломъ, и что вотъ, когда онъ на нихъ пожалуется, такъ вотъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать частнаго. Частный принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ о грабительствѣ шинели. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвра-

щался? да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возымѣетъ ли надлежащій ходъ дѣло о шинели или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ капотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе.

Повѣствованіе о грабежѣ шинели,—несмотря на то, что нашлись такіе чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ,—однакоже, многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому что чиновники и безъ того уже много истратились, подписавшись на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю; итакъ, сумма оказалась самая бездѣльная. Одинъ кто-то, движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобъ онъ пошелъ не къ квартальному, потому что, хоть и можетъ случиться, что квартальный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщетъ какимъ-нибудь образомъ шинель, но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представитъ законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему; а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному *значительному лицу*, что *значительное лицо*, спишась и снесясь, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣшнѣе итти дѣло. Нечего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился итти къ значительному лицу. Какая именно и въ чемъ состояла должность *значительнаго лица*, это осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сдѣлался значительнымъ лицомъ, а до того времени онъ былъ незначительнымъ лицомъ. Впрочемъ, мѣсто его и теперь не почиталось значительнымъ, въ сравненіи съ другими, еще значительнѣйшими. Но всегда найдется такой кругъ людей, для которыхъ незначительное въ глазахъ прочихъ есть уже значительное. Впрочемъ, онъ старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобъ шло все порядкомъ строжайшимъ: коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернскій секретарь—титулярному или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него. Такъ ужъ на святой Руси все заражено подражаніемъ: всякій дразнить и корчитъ своего начальника. Говорятъ даже, какой-то титулярный совѣтникъ, когда сдѣлали его правителемъ какой-то отдѣльной небольшой канцеляріи, тотчасъ же отгородилъ себѣ особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствія», и поставилъ у дверей какихъ-то капельдинеровъ, съ красными воротниками, въ галунахъ, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя въ «комнатѣ присутствія» насилу могъ уставиться обыкновенный письменный столъ. Пріемы и обычаи *значительнаго лица* были солидны и величественны, но немногосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость.

«Строгость, строгость и—строгость», говаривалъ онъ обыкновенно, и при послѣднемъ словѣ обыкновенно смотрѣлъ очень значительно въ лицо тому, которому говорилъ, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того былъ въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали, оставлялъ уже дѣло и ожидалъ, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отзывался строгостью и состоялъ почти изъ трехъ фразъ: «Какъ вы смѣете?» «Знаете ли вы, съ кѣмъ

говорите?» «Понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?» Впрочемъ, онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ, хорошъ съ товарищами, услужливъ, но генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ равными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ,— человѣкъ очень порядочный, во многихъ отношеніяхъ даже неглупый человѣкъ; но какъ только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди, хоть однимъ чиномъ пониже его, такъ онъ былъ, просто, хоть изъ рукъ вонъ: молчалъ, и положеніе его возбуждало жалость, тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будетъ ли это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамильярно, и не уронитъ ли онъ чрезъ то своего значенія? И вслѣдствіе такихъ разсужденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣдка какіе-то односложные звуки, и пріобрѣлъ такимъ образомъ титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому-то *значительному лицу* явился нашъ Акакій Акакіевичъ и явился во время самое неблагопріятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочемъ, кстати для значительнаго лица. Значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговорился очень, очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ старинныхъ знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время доложили ему, что пришелъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто:

— Кто такой?

Ему отвѣчали:

— Какой-то чиновникъ.

— А! Можетъ подождать, теперь не время,—сказалъ значительный человѣкъ.

Здѣсь надобно сказать, что значительный человѣкъ совершенно прилгнулъ: ему было время; они давно уже съ пріятелемъ переговорили обо всемъ и уже давно перекладывали разговоръ весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая другъ друга по ляжкѣ и приговаривая: «Такъ-то, Иванъ Абрамовичъ!» «Этакъ-то, Степанъ Варламовичъ!» Но при всемъ томъ, однакоже, велѣлъ онъ чиновнику подождать, чтобы показать пріятелю, человѣку давно не служившему и зажившемуся дома въ деревнѣ, сколько времени чиновники дожидаются у него въ передней. Наконецъ наговорившись, а еще болѣе намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку, въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ будто вдругъ вспомнилъ и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада:

— Да, вѣдь тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти.

Увидѣвши смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенькій вицмундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ: «что вамъ угодно?» голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣе у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральскаго чина. Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смутился и, какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснилъ, съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время, частицъ «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобъ онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь того, списался бы съ г. оберъ-полицмей-

стеромъ и другимъ кѣмъ и отыскалъ шинель. Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамильярнымъ!

— Что вы, милостивый государь,—продолжалъ онъ отрывисто,—не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана была бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ...

— Но, ваше превосходительство,—сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣлъ ужаснымъ образомъ:—я ваше превосходительство осмѣлился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народъ...

— Что, что, что?—сказалъ значительное лицо.—Откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!

Значительное лицо, кажется, не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ, стало-быть, если бы онъ и могъ назваться молодымъ человѣкомъ, то развѣ только относительно, то-есть, въ отношеніи къ тому, кому уже было семьдесятъ лѣтъ.

— Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это? Понимаете ли это? Я васъ спрашиваю!

Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія. А значительное лицо, довольный тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданіе, и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка, искоса взглянулъ на пріятеля, чтобы узнать, какъ онъ на это смотритъ, и не безъ удовольствія увидѣлъ, что пріятель его находился въ самомъ неопредѣленномъ состояніи и начиналъ даже съ своей стороны самъ чувствовать страхъ.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу, ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ ни ногъ; въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвшей въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова: весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, и когда явился докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелся сдѣлать, какъ только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а, впрочемъ, тутъ же объявилъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капутъ, послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ:

— А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому что дубовый будетъ для него дорогъ.

Слышалъ ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенныя роковыя для него слова, а если и слышалъ, произвели ли они на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣлъ ли онъ о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвѣстно, потому что

онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другого страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими-то западнями для воровъ, которые чудились ему безпрестанно подъ кроватью, и онъ поминутно призывалъ хозяйку вытащить у него одного вора даже изъ-подъ одѣяла; то, спрашивая, зачѣмъ виситъ передъ нимъ старый капотъ его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканье, и приговаривая: «Виноватъ, ваше превосходительство!» то, наконецъ, даже сквернохульничалъ, произнося самыя страшныя слова, такъ что старушка-хозяйка даже крестилась, отроду не слыхавъ отъ него ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что слова эти слѣдовали непосредственно за словомъ «ваше превосходительство». Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу, такъ что ничего нельзя было понять; можно было только видѣть, что безпорядочныя слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконецъ бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ. Ни комнаты ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось очень немного наслѣдства, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю капотъ. Кому все это досталось, Богъ знаетъ: объ этомъ, признаюсь, даже не интересовался разсказывающій сію повѣсть. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманія и естествонаблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ,—существо, переносившее покорно канцелярскія насмѣшки и безъ всякаго чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же-таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мельнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!.. Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуютъ; но сторожъ долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ, давши отчетъ, что не можетъ больше прійти; и на запросъ: «Почему?» выразился словами:

— Да такъ: ужъ онъ умеръ; четвертаго дня похоронили.

Такимъ образомъ узнали въ департаментѣ о смерти Акакія Акакіевича, и на другой день уже на его мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставлявшій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе.

Но кто бы могъ вообразить, что здѣсь еще не все объ Акакіи Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь? Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша неожиданно принимаетъ фантастическое окончаніе. По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели и, подъ видомъ стащенной шинели, сдирающей со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія, всякія шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, енотовыя, лисьи, медвѣжьи шубы, — словомъ, всякаго рода мѣха и кожи, какіе только придумали люди для прикрытія собственной. Одинъ изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналъ въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича; но это внушило ему, однакоже, такой страхъ, что онъ бро-

сился бѣжать со всѣхъ ногъ и оттого не могъ хорошенько разсмотрѣть, а видѣлъ только, какъ тотъ издали погрозилъ ему пальцемъ. Со всѣхъ сторонъ поступали безпрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярныхъ, но даже и надворныхъ совѣтниковъ, подвержены совершенной простудѣ по причинѣ частаго сдергиванья шинелей. Въ полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во что бы то ни стало, живого или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ, и въ томъ едва было даже не успѣли. Именно, будочникъ какого-то квартала, въ Кирюшкиномъ переулкѣ, схватилъ было уже совершенно мертвеца за воротъ на самомъ мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризовую шинель съ какого-то отставного музыканта, свиставшаго въ свое время на флейтѣ. Схвативши его за воротъ, онъ вызвалъ своимъ крикомъ двухъ другихъ товарищей, которымъ поручилъ держать его, а самъ полѣзъ только на одну минуту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить на время шесть разъ на вѣку приморженный носъ свой; но табакъ, вѣрно, былъ такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвецъ. Не успѣлъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потянуть лѣвою полгорсти, какъ мертвецъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троимъ глаза. Покамѣстъ они поднесли кулаки протереть ихъ, мертвеца и слѣдъ пропалъ, такъ что они не знали даже, былъ ли онъ, точно, въ ихъ рукахъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже опасались хватать и живыхъ и только издали покрикивали: «Эй ты, ступай своею дорогою!» и мертвецъ-чиновникъ сталъ показываться даже за Калинкинымъ мостомъ, наводя немалый страхъ на всѣхъ робкихъ людей. Но мы, однакоже, совершенно оставили *одно значительное лицо*, которое, по-настоящему, едва ли не былъ причиною фантастическаго направленія, впрочемъ, совершенно истинной исторіи. Прежде всего долгъ справедливости требуетъ сказать, что *одно значительное лицо*, скоро по уходѣ бѣднаго распеченнаго въ пухъ Акакія Акакіевича, почувствовалъ что-то въ родѣ сожалѣнія. Состраданіе было ему не чуждо, его сердцу были доступны многія добрыя движенія, несмотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаруживаться. Какъ только вышелъ изъ его кабинета пріѣзжій пріятель, онъ даже задумался о бѣдномъ Акакіи Акакіевичѣ. И съ этихъ поръ почти всякій день представлялся ему блѣдный Акакій Акакіевичъ, не выдержавшій должностного распеканья. Мысль о немъ до такой степени тревожила его, что недѣлю спустя онъ рѣшился даже послать къ нему чиновника узнать, что онъ и какъ и нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ помочь ему, и когда донесли ему, что Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, онъ остался даже пораженнымъ, слышалъ упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть непріятное впечатлѣніе, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго нашелъ порядочное общество, а что всего лучше, всѣ тамъ были почти одного и того же чина, такъ что онъ совершенно ничѣмъ не могъ быть связанъ. Это имѣло удивительное дѣйствіе на душевное его расположеніе. Онъ развернулся, сдѣлался пріятенъ въ разговорѣ, любезенъ, — словомъ, провелъ вечеръ очень пріятно. За ужиномъ выпилъ онъ стакана два шампанскаго, — средство, какъ извѣстно, недурно дѣйствующее въ разсужденіи веселости. Шампанское сообщило ему расположеніе къ разнымъ экстренностямъ, а именно: онъ рѣшилъ не ѣхать еще домой, а заѣхать къ одной знакомой дамѣ, Каролинѣ Ивановнѣ,— дамѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ совершенно пріятельскія отношенія. Надобно сказать, что значительное лицо былъ уже человѣкъ немолодой, хорошій супругъ, почтенный отецъ семейства. Два

сына, изъ которыхъ одинъ служилъ уже въ канцеляріи, и миловидная шестнадцатилѣтняя дочь, съ нѣсколько выгнутымъ, но хорошенькимъ носикомъ, приходили всякій день цѣловать его руку, приговаривая: «Bonjour, papa» [1]). Супруга его, еще женщина свѣжая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцѣловать свою руку и потомъ, переворотивши ее на другую сторону, цѣловала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочемъ, довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу въ другой части города. Эта пріятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такія ужъ задачи бываютъ на свѣтѣ, и судить объ нихъ не наше дѣло. Итакъ, значительное лицо сошелъ съ лѣстницы, сѣлъ въ сани и сказалъ кучеру: «Къ Каролинѣ Ивановнѣ!», а самъ, закутавшись весьма роскошно въ теплую шинель, оставался въ томъ пріятномъ положеніи, лучше котораго и не выдумаешь для русскаго человѣка, то-есть, когда самъ ни о чемъ не думаешь, а, между тѣмъ, мысли сами лѣзутъ въ голову, одна другой пріятнѣе, не давая даже труда гоняться за ними и искать ихъ. Полный удовольствія, онъ слегка припоминалъ всѣ веселыя мѣста проведеннаго вечера, всѣ слова, заставившія хохотать небольшой кругъ; многія изъ нихъ онъ даже повторялъ вполголоса и нашелъ, что они все такъ же смѣшны, какъ и прежде, а потому немудрено, что и самъ посмѣивался отъ души. Изрѣдка мѣшалъ ему, однакоже, порывистый вѣтеръ, который, выхвативши вдругъ, Богъ знаетъ откуда и нивѣсть отъ какой причины, такъ и рѣзалъ въ лицо, подбрасывая ему туда клочки снѣга, хлобуча, какъ парусъ, шинельный воротникъ, или вдругъ, съ неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя, такимъ образомъ, вѣчныя хлопоты изъ него выкарабкиваться. Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Обернувшись, онъ замѣтилъ человѣка небольшого роста, въ старомъ поношенномъ вицмундирѣ, и не безъ ужаса узналъ въ немъ Акакія Акакіевича. Лицо чиновника было блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣло совершеннымъ мертвецомъ. Но ужасъ значительнаго лица превзошелъ всѣ границы, когда онъ увидѣлъ, что ротъ мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнесъ такія рѣчи: «А такъ вотъ ты наконецъ! Наконецъ и тебя, того, поймалъ за воротникъ! Твоей шинели мнѣ и нужно! Не похлопоталъ объ моей, да еще и распекъ — отдавай же теперь свою!» Бѣдное *значительное лицо* чуть не умеръ. Какъ ни былъ онъ характеренъ въ канцеляріи и вообще передъ низшими, и хотя, взглянувши на одинъ мужественный видъ его и фигуру, всякій говорилъ: «У, какой характеръ!», но здѣсь онъ, подобно весьма многимъ, имѣющимъ богатырскую наружность, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру не своимъ голосомъ:

— Пошелъ во весь духъ домой!

Кучеръ, услышавши голосъ, который произносится обыкновенно въ рѣшительныя минуты и даже сопровождается кое-чѣмъ гораздо дѣйствительнѣйшимъ, упряталъ на всякій случай голову свою въ плечи, замахнулся кнутомъ и помчался, какъ стрѣла. Минутъ въ шесть съ небольшимъ значительное лицо уже былъ предъ подъѣздомъ своего дома. Блѣдный, перепуганный и безъ шинели, вмѣсто того, чтобы къ Каролинѣ Ивановнѣ, онъ пріѣхалъ къ себѣ, доплелся кое-какъ до своей комнаты и провелъ ночь въ весьма большомъ безпорядкѣ, такъ что на другой день поутру, за чаемъ, дочь ему сказала прямо:

---

[1]) Добрый день, папа.

— Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа.

Но папа молчалъ и никому ни слова о томъ, что съ нимъ случилось и гдѣ онъ былъ, и куда хотѣлъ ѣхать. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: «Какъ вы смѣете? Понимаете ли, кто передъ вами?» если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло. Но еще болѣе замѣчательно то, что съ этихъ поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ: по крайней мѣрѣ, уже не было нигдѣ слышно такихъ случаевъ, чтобы сдергивали съ кого шинели. Впрочемъ, многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывался чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но, будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ, — такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозчиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ, — итакъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шелъ за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебѣ чего хочется?» и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: «Ничего», да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ. Привидѣніе, однакоже, было уже гораздо выше ростомъ, носило преогромные усы и, направивъ шаги, какъ казалось, къ Обухову мосту, скрылось совершенно въ ночной темнотѣ.

КОЛЯСКА.

Городокъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ, а до того времени было въ немъ страхъ скучно. Когда, бывало, проѣзжаешь его и взглянешь на низенькіе мазаные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло, то... невозможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ некстати какую-нибудь глупость,—однимъ словомъ, нехорошо. Глина на домахъ обвалилась отъ дождя, и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, сдѣлались пѣгими; крыши большею частію крыты тростникомъ, какъ обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ. Садики для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ чрезъ мостовую, мягкую, какъ подушка, отъ лежащей на четверть пыли, которая при малѣйшемъ дождѣ превращается въ грязь, и тогда улицы городка Б наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній городничій называетъ французами. Выставивъ серьезныя морды изъ своихъ ваннъ, онѣ поды-

мають такое хрюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Впрочемъ, проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б. Рѣдко, очень рѣдко какой-нибудь помѣщикъ, имѣющій одиннадцать душъ крестьянъ, въ папковомъ сюртукѣ, тарабанитъ по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутелѣжкѣ, выглядывая изъ-за наваленныхъ мучныхъ мѣшковъ и пристегивая гнѣдую кобылу, вслѣдъ за которою бѣжитъ жеребенокъ. Самая рыночная площадь имѣетъ нѣсколько печальный видъ: домъ портного выходитъ чрезвычайно глупо — не всѣмъ фасадомъ, но угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоитъ самъ по себѣ модный дощатый заборъ, выкрашенный сѣрою краскою подъ цвѣтъ грязи, который, на образецъ другимъ строеніямъ, воздвигъ городничій во время своей молодости, когда не имѣлъ еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухимъ крыжовникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти плетень. Посреди площади самыя маленькія лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку баранокъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндалю, дробь для стрѣляпія, демикотонъ и двухъ купеческихъ приказчиковъ, во всякое время играющихъ около дверей въ свайку. Но какъ началъ стоять въ уѣздномъ городкѣ Б. кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось: улицы запестрѣли, оживились, — словомъ, приняли совершенно другой видъ; низенькіе домики часто видѣли проходящаго мимо ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ, шедшаго къ товарищу поговорить о производствѣ, объ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить на карточку дрожки, которыя можно было назвать полковыми, потому что онѣ, не выходя изъ полку, успѣвали обходить всѣхъ: сегодня катался въ нихъ майоръ, завтра онѣ появлялись въ поручиковой конюшнѣ, а чрезъ недѣлю, смотри, опять майорскій денщикъ подмазывалъ ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усѣянъ висѣвшими на солнцѣ солдатскими фуражками; сѣрая шинель торчала непремѣнно гдѣ-нибудь на воротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ: соберутся ли на рынкѣ съ ковшиками мѣщанки — изъ-за плечъ ихъ, вѣрно, выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ судьи, жившаго въ одномъ домѣ съ какою-то діаконицею, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день — отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многолюднѣе и занимательнѣе, когда переведена была сюда квартира бригаднаго [1]) генерала. Окружные помѣщики, о существованіи которыхъ никто бы до того времени не догадался, начали пріѣзжать почаще въ уѣздный городокъ, чтобы видѣться съ господами и офицерами, а иногда поиграть въ банчикъ, который уже чрезвычайно темно грезился въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, женинымп порученіями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было сдѣлано огромное; стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Весь совершенно рынокъ былъ забранъ для обѣда, такъ что судья со своею діаконицею долженъ былъ ѣсть однѣ только лепешки изъ гречневой муки да крахмальный кисель. Небольшой дворикъ генеральской квартиры былъ весь уставленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ-офицеровъ и нѣкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ болѣе всѣхъ былъ замѣчателенъ Пиѳагоръ Пиѳагоровичъ

---

[1]) Бригада—три кавалерійскихъ полка.

Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ аристократовъ Б... уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ и былъ однимъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ; по крайней мѣрѣ, его видали на многихъ балахъ и собраніяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ, объ этомъ можно спросить у дѣвицъ Тамбовской и Симбирской губерній. Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прочихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется «непріятною исторіею»: онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему дали ее, объ этомъ навѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили выйти въ отставку. Впрочемъ, онъ этимъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліей, на манеръ военнаго мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которою онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ былъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не снились. Онъ пронюхивалъ носомъ, гдѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, и всегда пріѣзжалъ видѣться съ господами и офицерами, очень ловко выскакивалъ передъ ними изъ своей легонькой колясочки или дрожекъ и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы далъ онъ дворянству прекрасный обѣдъ, на которомъ объявилъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще велъ себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ; женился на довольно хорошенькой; взялъ за нею двѣсти душъ приданаго и нѣсколько тысячъ капиталу. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку, дѣйствительно, отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза дворецкаго. Двѣсти же душъ, вмѣстѣ съ двумястами его собственныхъ, были заложены въ ломбардъ для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ, какъ слѣдуетъ... изрядный помѣщикъ. Кромѣ него, на обѣдѣ у генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но объ нихъ нечего говорить. Остальные были все военные того же полка и два штабъ-офицера: полковникъ и довольно толстый майоръ. Самъ генералъ былъ дюжъ и тученъ, впрочемъ, хорошій начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: осетрина, бѣлуга, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы—доказывали, что поваръ еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата, съ ножами въ рукахъ, работали, на помощь ему, всю ночь фрикасе и желе. Безъ бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткошейныхъ съ мадерою, прекрасный лѣтній день, окна, открытыя напролетъ, тарелки со льдомъ на столѣ, растрепанная манишка у владѣтелей укладистаго фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ,—все отвѣчало одно другому. Послѣ обѣда всѣ встали съ пріятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, вышли, съ чашками кофе въ рукахъ, на крыльцо.

— Вотъ ее можно теперь посмотрѣть, — сказалъ генералъ. — Пожалуйста, любезнѣйшій, — примолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку, пріятной наружности: — прикажи, чтобы привели сюда гнѣдую кобылу. Вотъ вы увидите сами. — Тутъ генералъ потянулъ изъ трубки и выпустилъ дымъ. — Она еще не слишкомъ въ холѣ! Проклятый городишка: нѣтъ порядочной конюшни. Лошадь, пуфъ, пуфъ, очень порядочная.

— И давно, ваше превосходительство, пуфъ, пуфъ, изволите имѣть ее?— сказалъ Чертокуцкій.

— Пуфъ, пуфъ, пуфъ, пу... пуфъ, не такъ давно; всего только два года, какъ она взята мною съ завода.

— И получить ее изволили объѣзженную или уже здѣсь изволили объѣздить?

— Пуфъ, пуфъ, пу, пу, пу...у...у...фъ, здѣсь. — Сказавши это, генералъ весь исчезъ въ дымѣ.

Между тѣмъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, послышался стукъ копытъ, наконецъ показался другой, въ бѣломъ балахонѣ, съ черными огромными усами, ведя за узду вздрагивавшую и пугавшуюся лошадь, которая, вдругъ поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами.

— Ну жъ, ну, Аграфена Ивановна! — говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грянула копытами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генералъ, опустивши трубку, началъ смотрѣть съ довольнымъ видомъ на Аграфену Ивановну. Самъ полковникъ, сошедши съ крыльца, взялъ Аграфену Ивановну за морду. Самъ майоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногѣ, прочіе пощелкали языкомъ.

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдатъ, вытянувшись и держу узду, глядѣлъ прямо посѣтителямъ въ глаза, будто бы хотѣлъ вскочить въ нихъ.

— Очень, очень хорошая! — сказалъ Чертокуцкій. — Статистая лошадь! А позвольте, ваше превосходительство, узнать, какъ она ходитъ?

— Шагъ у нея хорошъ, только... чортъ его знаетъ... этотъ дуракъ фельдшеръ далъ ей какихъ-то пилюль, и вотъ уже два дня все чихаетъ.

— Очень, очень хороша! А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?

— Экипажъ?.. Да вѣдь это верховая лошадь.

— Я это знаю; но я спросилъ, ваше превосходительство, для того, чтобъ узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соотвѣтствующій экипажъ?

— Ну, экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мнѣ, признаться вамъ сказать, давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ къ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, да не знаю, пришлетъ ли онъ, или нѣтъ.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, — замѣтилъ полковникъ,—нѣтъ лучше коляски, какъ вѣнская.

— Вы справедливо думаете, пуфъ, пуфъ, пуфъ.

— У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска, настоящей вѣнской работы.

— Какая? Та, въ которой вы пріѣхали?

— О, нѣтъ; это такъ, разъѣздная, собственно для моихъ поѣздокъ, но та... это удивительно, легка, какъ перышко, а когда вы сядете въ нее, то, просто, какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянька васъ въ люлькѣ качала!

— Стало-быть, покойна?

— Очень, очень покойна; подушки, рессоры,—это все какъ будто на картинкѣ нарисовано.

— Это хорошо.

— А ужъ укладиста какъ! То-есть, я, ваше превосходительство, и не видывалъ еще такой. Когда я служилъ, то у меня въ ящикѣ помѣщалось десять бутылокъ рому и двадцать фунтовъ табаку, кромѣ того, со мною еще было около шести мундировъ, бѣлье и два чубука, ваше превосходительство, самые длинные, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить.

— Это хорошо.

— Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи.

— Судя по цѣнѣ, должна быть хороша. И вы купили ее сами?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, она досталась по случаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкій человѣкъ, товарищъ моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно; мы съ нимъ, что твое, что мое—все равно. Я выигралъ ее у него въ карты. Не угодно ли, ваше превосходительство, сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать? И коляску вмѣстѣ посмотрите.

— Я не знаю, что вамъ на это сказать. Мнѣ одному какъ-то... Развѣ ужъ позволите вмѣстѣ съ господами офицерами?

— И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа, я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ!

Полковникъ, майоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

— Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непремѣнно хорошую; а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыя я самъ завелъ по хозяйственной части.

Генералъ посмотрѣлъ и выпустилъ изо рта дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также, съ своей стороны, какъ-то удвоили къ нему свое расположеніе, что было замѣтно изъ глазъ ихъ и небольшихъ тѣлодвиженій, въ родѣ полупоклоновъ. Чертокуцкій выступилъ впередъ какъ-то развязнѣе, и голосъ его принялъ разслабленіе — выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

— Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хозяйкой дома.

— Мнѣ очень пріятно, — сказалъ генералъ, поглаживая усы.

Чертокуцкій послѣ этого хотѣлъ немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить все къ принятію гостей къ завтрашнему обѣду: онъ взялъ уже было и шляпу въ руки, но какъ-то такъ странно случилось, что онъ остался еще на нѣсколько времени. Между тѣмъ уже въ комнатѣ были разставлены ломберные столы. Скоро все общество раздѣлилось на четвертныя партіи въ вистъ и разсѣлось въ разныхъ углахъ генеральскихъ комнатъ.

Подали свѣчи. Чертокуцкій долго не зналъ, садиться или не садиться ему за вистъ. Но какъ господа офицеры начали приглашать, то ему показалось очень несогласно съ правилами общежитія отказаться — онъ присѣлъ. Нечувствительно очутился передъ нимъ стаканъ съ пуншемъ, который онъ, позабывшись, въ ту же минуту выпилъ. Сыгравши два робера, Чертокуцкій опять нашелъ подъ рукою стаканъ съ пуншемъ, который, тоже позабывшись, выпилъ, сказавши напередъ:

— Пора, господа, мнѣ домой; право, пора.

Но опять присѣлъ и на вторую партію. Между тѣмъ разговоръ въ разныхъ углахъ комнаты принялъ совершенно частное направленіе. Играющіе въ вистъ были довольно молчаливы; но неигравшіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу штабъ-ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ, разсказывалъ довольно свободно и плавно

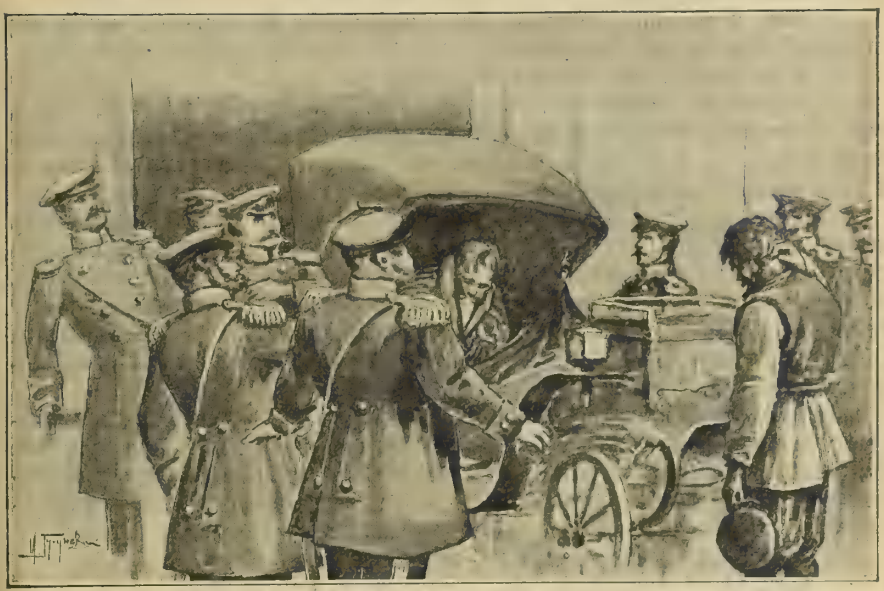
любовныя свои приключенія и овладѣлъ совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ, съ короткими руками, нѣсколько похожими на два выросшіе картофеля, слушалъ съ необыкновенно сладкою миною и только по временамъ силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобъ вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркій споръ объ эскадронномъ ученіи, и Чертокуцкій, который въ это время уже, вмѣсто дамы, два раза сбросилъ валета, вмѣшивался въ чужой разговоръ и кричалъ изъ своего угла: «Въ которомъ году?» или: «Котораго полка?» не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ, за нѣсколько минутъ до ужина, вистъ прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ, и, казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взялъ ничего и, вставши изъ-за стола, долго стоялъ въ положеніи человѣка, у котораго нѣтъ въ карманѣ носового платка. Между тѣмъ, подали ужинъ. Само собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ, потому что направо и налѣво стояли у него бутылки.

Разговоръ затянулся за столомъ предлинный, но, впрочемъ, какъ-то странно онъ былъ веденъ: одинъ полковникъ, служившій еще въ кампанію 1812 года, разсказалъ такую баталію, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку отъ графина и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали разъѣзжаться, то уже было три часа, и кучера должны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку, какъ бы узелки съ покупкою, и Чертокуцкій, несмотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ размахомъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ усахъ своихъ два репейника.

Въ домѣ все совершенно спало; кучеръ едва могъ сыскать камердинера, который проводилъ господина чрезъ гостиную, сдалъ горничной дѣвушкѣ, за которою кое-какъ Чертокуцкій добрался до спальни и улегся возлѣ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнѣйшимъ образомъ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное паденіемъ ея супруга на кровать, разбудило ее. Протянувшись, поднявши рѣсницы и три раза быстро зажмуривши глаза, она открыла ихъ съ полусердитою улыбкою; но, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады поворотилась на другую сторону и, положивъ свѣжую свою щечку на руку, скоро послѣ него заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется *рано*, когда проснулась молодая хозяйка подлѣ храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ четвертомъ часу ночи, она пожалѣла будить его и, надѣвъ спальные башмачки, которые супругъ ея выписалъ изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драпировавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и подошла къ туалету. Взглянувши на себя раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтній южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей. Но подъ темными густыми аллеями гулять было прохладно, и цвѣты, пригрѣтые солнцемъ, утроили свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ, а супругъ ея спитъ. Уже доходило до слуха ея послѣобѣденное храпѣнье двухъ кучеровъ и

одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все сидѣла въ густой аллеѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность, какъ вдругъ показавшаяся вдали пыль привлекла ея вниманіе. Всмотрѣвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди ѣхала открытая двумѣстная легонькая колясочка; въ ней сидѣлъ генералъ съ толстыми блестѣвшими на солнцѣ эполетами, и рядомъ съ нимъ полковникъ. За ней слѣдовала другая, четверомѣстная; въ ней сидѣлъ майоръ съ генеральскимъ адъютантомъ и еще двумя насупротивъ сидѣвшими офицерами; за коляской слѣдовали извѣстныя всѣмъ полковыя дрожки, которыми владѣлъ на этотъ разъ тучный майоръ; за дрожками — четверомѣстный бонвояжъ [1]), въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ; за бонвояжомъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ въ темныхъ яблокахъ.



И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.

«Неужели это къ намъ? — подумала хозяйка дома. — Ахъ, Боже мой! Въ самомъ дѣлѣ, они поворотили на мостъ!» — Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цвѣты прямо въ спальню своего мужа. Онъ спалъ мертвецки.

— Вставай, вставай! Вставай скорѣе! — кричала она, дергая его за руку.

— А? — проговорилъ, потягиваясь, Чертокуцкій, не раскрывая глазъ.

— Вставай, пульпультикъ! Слышишь ли? Гости!

— Гости? Какіе гости?.. — Сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издаетъ теленокъ, когда ищетъ мордою сосцовъ своей матери.

— Мм... — ворчалъ онъ. — Протяни, моньмуня, свою шейку! я тебя поцѣлую!

---

[1]) Бонвояжъ — родъ экипажа.

— Душенька, вставай, ради Бога, скорѣй! Генералъ съ офицерами! Ахъ, Боже мой, у тебя въ усахъ репейникъ!

— Генералъ? А, такъ онъ уже ѣдетъ? Да что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудилъ? А обѣдъ, что жъ обѣдъ? Все ли тамъ, какъ слѣдуетъ, готово?

— Какой обѣдъ?

— А развѣ я не заказывалъ?

— Ты? Ты пріѣхалъ въ четыре часа ночи и, сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, пульпультикъ, потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало: ты ничего не спалъ... — Послѣднія слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

Чертокуцкій, вытаращивъ глаза, минуту лежалъ на постели, какъ громомъ пораженный; наконецъ вскочилъ онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

— Ахъ, я лошадь! — сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. — Я звалъ ихъ на обѣдъ! Что дѣлать? Далеко они?

— Я не знаю... Они должны сію минуту уже быть.

— Душенька... спрячься!.. Эй, кто тамъ? Ты, дѣвчонка! Ступай — чего, дура, боишься? — пріѣдутъ офицеры сію минуту: ты скажи, что барина нѣтъ дома; скажи, что и не будетъ совсѣмъ! что еще съ утра выѣхалъ... Слышишь? И дворовымъ всѣмъ объяви; ступай скорѣе!

Сказавши это, онъ схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положеніе свое совершенно безопаснымъ. Но, ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ-нибудь увидѣть. «А вотъ это будетъ лучше», мелькнуло въ его головѣ, и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близстоявшей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою дверцы, для большей безопасности закрылся фартукомъ и кожею и притихъ совершенно, согнувшись въ своемъ халатѣ.

Между тѣмъ экипажи подъѣхали къ крыльцу. Вышелъ генералъ и встряхнулся; за нимъ полковникъ, поправляя руками султанъ на своей шляпѣ; потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый майоръ, держа подъ мышкою саблю; потомъ выпрыгнули изъ бонвояжа тоненькіе подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ прапорщикомъ; наконецъ сошли съ сѣделъ рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

— Барина нѣтъ дома, — сказалъ, выходя на крыльцо, лакей.

— Какъ нѣтъ? Стало-быть, онъ, однакожъ, будетъ къ обѣду?

— Никакъ нѣтъ. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этого только времени будутъ.

— Вотъ тебѣ на! — сказалъ генералъ. — Какъ же это?..

— Признаюсь, это штука, — сказалъ полковникъ, смѣясь.

— Да нѣтъ, какъ же этакъ дѣлать? — продолжалъ генералъ съ неудовольствіемъ. — Фить... Чортъ... Ну, не можешь принять; зачѣмъ напрашиваться!

— Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать, — сказалъ одинъ молодой офицеръ.

— Что? — сказалъ генералъ, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ.

— Я говорилъ, ваше превосходительство, какъ можно поступать такимъ образомъ!

— Натурально... Ну, не случилось, что ли — дай знать, по крайней мѣрѣ, или не проси.

— Что жъ, ваше превосходительство, нечего дѣлать, поѣдемте назадъ! — сказалъ полковникъ.

— Разумѣется, другого средства нѣтъ. Впрочемъ, коляску мы можемъ посмотрѣть и безъ него. Онъ, вѣрно, ея не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда!

— Чего изволите?

— Ты конюхъ?

— Конюхъ, ваше превосходительство.

— Покажи-ка намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ.

— А вотъ, пожалуйте въ сарай.

Генералъ отправился вмѣстѣ съ офицерами въ сарай.

— Вотъ извольте, я ее немного выкачу; здѣсь темненько.

— Довольно, довольно, хорошо!

Генералъ и офицеры обошли вокругъ коляску и тщательно смотрѣли колеса и рессоры.

— Ну, ничего нѣтъ особеннаго, — сказалъ генералъ: — коляска самая обыкновенная.

— Самая неказистая, — сказалъ полковникъ: — совершенно нѣтъ ничего хорошаго.

— Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоитъ четырехъ тысячъ, — сказалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

— Что?

— Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она не стоитъ четырехъ тысячъ.

— Какое четырехъ тысячъ! Она и двухъ не стоитъ. Просто, ничего нѣтъ. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное... Пожалуйста, любезный, отстегни кожу...

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшійся необыкновеннымъ образомъ.

— А, вы здѣсь!.. — сказалъ изумившійся генералъ.

Сказавши это, генералъ тутъ же захлопнулъ дверцы, закрылъ опять Чертокуцкаго фартукомъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.

Октября 3.

Сегодняшняго дня случилось необыкновенное приключеніе. Я всталъ поутру довольно поздно, и, когда Мавра принесла мнѣ вычищенные сапоги, я спросилъ, который часъ. Услышавши, что уже давно било десять, я поспѣшилъ поскорѣе одѣться. Признаюсь, я бы совсѣмъ не пошелъ въ департаментъ, зная заранѣе, какую кислую мину сдѣлаетъ нашъ начальникъ отдѣленія. Онъ уже давно мнѣ говоритъ: «Что это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда ералашъ такой? Ты иной разъ метаешься, какъ угорѣлый, дѣло подчасъ такъ спутаешь, что самъ сатана не разберетъ, въ титулѣ поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа ни номера!» Проклятая цапля! Онъ, вѣрно, завидуетъ, что я сижу въ директорскомъ кабинетѣ и очиниваю перья для его превосходительства. Словомъ, я не пошелъ бы въ департаментъ, если бы не надежда видѣться съ казначеемъ и, авось-либо, выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь изъ жалованья впередъ. Вотъ еще созданіе! Чтобы онъ выдалъ когда-нибудь впередъ за мѣсяцъ деньги — Господи Боже мой, да скорѣе страшный судъ придетъ. Проси, хоть тресни, хоть будь въ разнуждѣ, — не выдастъ, сѣдой чортъ. А на квартирѣ собственная кухарка бьетъ его по щекамъ; это всему свѣту извѣстно. Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ: никакихъ совершенно рессурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло! Тамъ, смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ, фрачишко на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а посмотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: «Это, говоритъ, докторскій подарокъ»; а ему давай или пару рысаковъ, или дрожки, или боберъ рублей въ триста. Съ виду такой тихонькій, говоритъ такъ деликатно: «Одолжите ножичка починить перышко», а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на ситѣлѣ. Правда, у насъ зато служба благородная, чистота во всемъ такая, какой вовѣки не видѣть губернскому правленію, столы изъ краснаго дерева, и всѣ начальники на *вы*... Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставилъ департаментъ.

Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому что шелъ проливной дождикъ. На улицахъ не было никого; однѣ только бабы, накрывшись полами платья, да русскіе купцы подъ зонтиками да кучера попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ только нашъ братъ, чиновникъ, попался мнѣ. Я увидѣлъ его на перекресткѣ. Я, какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: «Эге! Нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь, ты спѣшить вонъ за тою, что бѣжитъ впереди, и глядишь на ея ножки». Что это за бестія нашъ братъ, чиновникъ! Ей Богу, не уступитъ никакому офицеру: пройди только какая-нибудь въ шляпкѣ, непремѣнно зацѣпитъ. Когда я думалъ это, увидѣлъ подъѣхавшую карету къ магазину, мимо котораго я проходилъ. Я сейчалъ узналъ

ее: это была карета нашего директора. «Но ему не зачѣмъ въ магазинъ, — я подумалъ, — вѣрно, это его дочка». Я прижался къ стѣнкѣ. Лакей отворилъ дверцы, и она выпорхнула ихъ кареты, какъ птичка. Какъ взглянула она направо и налѣво, какъ мелькнула своими бровями и глазами... Господи Боже мой, пропалъ я, пропалъ совсѣмъ! И зачѣмъ ей выѣзжать въ такую дождевую пору! Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть до всѣхъ этихъ тряпокъ. Она не узнала меня, да и я самъ нарочно старался закутаться, какъ можно болѣе, потому что на мнѣ была шинель очень запачканная и притомъ стараго фасона. Теперь плащи носятъ съ длинными воротниками, а на мнѣ были коротенькіе, одинъ на другомъ, да и сукно совсѣмъ не декатированное. Собачонка ея, не успѣвши вскочить въ дверь магазина, осталась на улицѣ. Я знаю эту собачонку. Ее зовутъ Меджи. Не успѣлъ я пробыть минуту, какъ вдругъ слышу тоненькій голосокъ: «Здравствуй, Меджи!» Вотъ тебѣ на! Кто это говоритъ? Я осмотрѣлся и увидѣлъ шедшихъ подъ зонтикомъ двухъ дамъ: одну — старушку, другую — молоденькую; но онѣ уже прошли; а возлѣ меня опять раздалось: «Грѣхъ тебѣ, Меджи!» Что за чортъ! Я увидѣлъ, что Меджи обнюхивалась съ собачонкою, шедшею за дамами. «Эге! — сказалъ я самъ себѣ: — да полно, не пьянъ ли я! Только это, кажется, со мною рѣдко случается». — «Нѣтъ, Фидель, ты напрасно думаешь, — произнесла, — я видѣлъ самъ, что произнесла, Меджи: — я была, авъ, авъ! я была, авъ, авъ, авъ! очень больна!» Ахъ, ты жъ собачонка! Вишь! Признаюсь, я очень удивился, услышавъ ее говорящую по-человѣчески; но послѣ, когда я сообразилъ все это хорошенько, то тогда же пересталъ удивляться. Дѣйствительно, на свѣтѣ уже случилось множество подобныхъ примѣровъ. Говорятъ, въ Англіи выплыла рыба, которая сказала два слова на такомъ странномъ языкѣ, что ученые уже три года стараются опредѣлить и еще до сихъ поръ ничего не открыли. Я читалъ тоже въ газетахъ о двухъ коровахъ, которыя пришли въ лавку и спросили себѣ фунтъ чаю. Но, признаюсь, я гораздо болѣе удивился, когда Меджи сказала: «Я писала къ тебѣ, Фидель; вѣрно, Полканъ не принесъ письма моего!» Чортъ возьми! Я еще въ жизнь не слышалъ, чтобы собака могла писать. Правильно писать можетъ только дворянинъ. Оно, конечно, нѣкоторые и купчики-конторщики и даже крѣпостной народъ пописываетъ иногда; но ихъ писаніе большею частью механическое: ни запятыхъ, ни точекъ, ни слога.

Это меня удивило. Признаюсь, съ недавняго времени я начинаю иногда слышать и видѣть такія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ. «Пойду-ка я, — сказала я самъ въ себѣ, — за этой собачонкою и узнаю, что она и что такое думаетъ». Я развернулъ свой зонтикъ и отправился за двумя дамами. Перешли въ Гороховую, поворотили въ Мѣщанскую, оттуда — въ Столярную, наконецъ, — къ Кокушкину мосту и остановились передъ большимъ домомъ. «Этотъ домъ я знаю,—сказалъ я самъ въ себѣ:—это домъ Звѣркова». Эка машина! Какого въ немъ народа ни живетъ: сколько кухарокъ, сколько пріѣзжихъ! А нашей братьи-чиновниковъ, какъ собакъ, одинъ на другомъ сидитъ, а третьимъ погоняетъ. Тамъ есть и у меня одинъ пріятель, который хорошо играетъ на трубѣ. Дамы взошли въ пятый этажъ. «Хорошо,—подумалъ я: —теперь не пойду, а замѣчу мѣсто и при первомъ случаѣ не премину воспользоваться».

Октября 4.

Сегодня середа, и потому я былъ у нашего начальника въ кабинетѣ. Я нарочно пришелъ пораньше и, засѣвши, перечинилъ всѣ перья! Нашъ директоръ долженъ быть очень умный человѣкъ. Весь кабинетъ его уставленъ шкапами съ книгами. Я читалъ названіе нѣкоторыхъ: все ученость, такая ученость, что

нашему брату и приступа нѣтъ, — все или на французскомъ или на нѣмецкомъ. А посмотрѣть въ лицо ему: фу, какая важность сіяетъ въ глазахъ! Я еще никогда не слышалъ, чтобы онъ сказалъ лишнее слово. Только развѣ, когда подашь бумаги, спроситъ: «Каково на дворѣ?» — «Сыро, ваше превосходительство!» Да, не нашему брату чета! Государственный человѣкъ. — Я замѣчаю, однакоже, что онъ меня особенно любитъ. Если бы и дочка... Эхъ, канальство!.. Ничего, ничего, молчаніе! — Читалъ Пчелку. Эка глупый народъ французы! Ну, чего хотятъ они? Взялъ бы, ей Богу, ихъ всѣхъ да и перепоролъ розгами! Тамъ же читалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ. Курскіе помѣщики хорошо пишутъ. Послѣ этого замѣтилъ я, что уже било половину перваго, а нашъ не выходилъ изъ своей спальни. Но около половины второго случилось происшествіе, котораго никакое перо не опишетъ. Отворилась дверь, я думалъ, что директоръ, и вскочилъ со стула съ бумагами; но это была она, она сама! Святители, какъ она была одѣта! Платье на ней было бѣлое, какъ лебедь, — фу, какое пышное! А какъ глянула — солнце! Ей Богу солнце! Она поклонилась и сказала: «Папа здѣсь не было?» Ай, ай, ай! Какой голосокъ! Канарейка, право, канарейка! «Ваше превосходительство, — хотѣлъ я было сказать, — не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашею генеральскою ручкою»; да чортъ возьми, какъ-то языкъ не поворотился, и я сказалъ только: «Никакъ нѣтъ-съ». Она поглядѣла на меня, на книги и уронила платокъ. Я кинулся со всѣхъ ногъ, поскользнулся на проклятомъ паркетѣ и чуть-чуть не расклеилъ носа, однакожъ, удержался и досталъ платокъ. Святые, какой платокъ! тончайшій, батистовый — амбра [1]), совершенная амбра, такъ и дышитъ отъ него генеральствомъ. Она поблагодарила и чуть-чуть усмѣхнулась, такъ что сахарныя губки ея почти не тронулись, и послѣ этого ушла. Я еще часъ сидѣлъ, какъ вдругъ пришелъ лакей и сказалъ: «Ступайте, Аксентій Ивановичъ, домой: баринъ уже уѣхалъ изъ дому». Я терпѣть не могу лакейскаго круга: всегда развалится въ передней и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: одинъ разъ одна изъ этихъ бестій вздумала меня, не вставая съ мѣста, потчевать табачкомъ. Да знаешь ли ты, глупый холопъ, что я — чиновникъ, я благороднаго происхожденія? Однакожъ я взялъ шляпу и надѣлъ самъ на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадутъ, и вышелъ. Дома большею частію лежалъ на кровати. Потомъ переписалъ очень хорошіе стишки:

Душеньки часокъ не видя,
Думалъ годъ ужъ не видалъ;
Жизнь мою возненавидя,
Льзя ли жить мнѣ, я сказалъ

Должно-быть, Пушкина сочиненіе. Ввечеру, закутавшись въ шинель, ходилъ къ подъѣзду ея превосходительства и поджидалъ долго, не выйдетъ ли сѣсть въ карету, чтобы посмотрѣть еще разикъ; но нѣтъ, не выходила.

Ноябрь 6.

Разбѣсилъ начальникъ отдѣленія. Когда я пришелъ въ департаментъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и началъ мнѣ говорить такъ: «Ну, скажи, пожалуйста, что ты дѣлаешь?» — «Какъ, что? Я ничего не дѣлаю», отвѣчалъ я. «Ну, размысли хорошенько! Вѣдь тебѣ уже за сорокъ лѣтъ — пора бы ума набраться. Что ты воображаешь себѣ? Ты думаешь, я не знаю всѣхъ твоихъ проказъ! Вѣдь ты волочишься за директорскою дочерью! Ну, посмотри на себя, подумай только, что ты! Вѣдь ты нуль, болѣе ничего. Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша за

[1]) Амбра—прозрачная душистая смола американскаго дерева.

душою. Взгляни хоть въ зеркало на свое лицо — куда тебѣ думать о томъ!» Чортъ возьми, что у него лицо похоже нѣсколько на аптекарскій пузырекъ, да на головѣ клочокъ волосъ, завитый хохолкомъ, да держитъ ее кверху, да примазываетъ ее какою-то розеткою, такъ ужъ и думаетъ, что ему только одному все можно. Понимаю, понимаю, отчего онъ злится на меня. Ему завидно: онъ увидѣлъ, можетъ-быть, предпочтительно мнѣ оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность надворный совѣтникъ! Вывѣсилъ золотую цѣпочку къ часамъ, заказываетъ сапоги по тридцати рублей— да чортъ его побери! Я развѣ изъ какихъ-нибудь разночинцевъ, изъ портныхъ или изъ унтеръ-офицерскихъ дѣтей? Я — дворянинъ. Что жъ, и я могу дослужиться. Мнѣ еще сорокъ два года — время такое, въ которое, по-настоящему, только что начинается служба. Погоди, пріятель! Будемъ и мы полковникомъ, а, можетъ-быть, если Богъ дастъ, то кѣмъ-нибудь и побольше. Заведемъ и мы себѣ квартиру и еще, можетъ-быть, получше твоей. Что жъ ты себѣ забралъ въ голову, что, кромѣ тебя, ужъ нѣтъ вовсе порядочнаго человѣка! Дай-ка мнѣ ручевскій [1]) фракъ, сшитый по модѣ, да повяжи я себѣ такой же, какъ ты, галстукъ,—тебѣ тогда не стать мнѣ и въ подметки. Достатковъ нѣтъ—вотъ бѣда.

Ноября 8.

Былъ въ театрѣ. Играли «Русскаго дурака Филатку». Очень смѣялся. Былъ еще какой-то водевиль съ забавными стишками на стряпчихъ, особенно на одного коллежскаго регистратора, весьма вольно написанные, такъ что я дивился, какъ пропустила цензура; а о купцахъ прямо говорятъ, что они обманываютъ народъ и что сынки ихъ дебошничаютъ и лѣзутъ въ дворяне. Про журналистовъ тоже очень забавный куплетъ: что они любятъ все бранить и что авторъ проситъ у публики защиты. Очень забавныя пьесы пишутъ нынче сочинители. Я люблю бывать въ театрѣ. Какъ только грошъ заведется въ карманѣ — никакъ не утерпишь не пойти. А вотъ изъ нашей братьи-чиновниковъ есть такія свиньи: рѣшительно не пойдетъ, мужикъ, въ театръ: развѣ уже дашь ему билетъ даромъ. Пѣла одна актриса очень хорошо. Я вспомнилъ о той... Эхъ, канальство! Ничего, ничего... молчаніе.

Ноября 9.

Въ восемь часовъ отправился въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія показалъ такой видъ, какъ будто бы онъ не замѣтилъ моего прихода. Я тоже съ своей стороны, какъ будто бы между нами ничего не было. Пересматривалъ и свѣрялъ бумаги. Вышелъ въ четыре часа. Проходилъ мимо директорской квартиры, но никого не было видно. Послѣ обѣда большею частью лежалъ на кровати.

Ноября 11.

Сегодня сидѣлъ въ кабинетѣ нашего директора, починилъ для него 23 пера, и для ея... ай! ай!.. для ея превосходительства четыре пера. Онъ очень любитъ, чтобы стояло побольше перьевъ. У, долженъ быть голова! Все молчитъ, а въ головѣ, я думаю, все обсуживаетъ. Желалось бы мнѣ узнать, о чемъ онъ больше всего думаетъ, что такое затѣвается къ этой головѣ. Хотѣлось бы мнѣ разсмотрѣть поближе жизнь этихъ господъ, всѣ эти экивоки и придворныя шутки: какъ они, что они дѣлаютъ въ своемъ кругу — вотъ что бы мнѣ хотѣлось узнать! Я думалъ нѣсколько разъ завести разговоръ съ его превосходительствомъ, только, чортъ возьми, никакъ не слушается языкъ; скажешь только, холодно или тепло на дворѣ, а больше рѣшительно ничего не выговоришь. Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ гостиную, куда видишь только

[1]) Ручъ — извѣстный портной того времени.

иногда отворенную дверь, за гостиною еще въ одну комнату. Эхъ, какое богатое убранство! Какіе зеркала и фарфоры! Хотѣлось бы заглянуть туда на ту половину! гдѣ ея превосходительство,—вотъ куда хотѣлось бы мнѣ! въ будуаръ, какъ тамъ стоятъ всѣ эти баночки, скляночки, цвѣты такіе, что и дохнуть на нихъ страшно, какъ лежитъ тамъ разбросанное ея платье, больше похожее на воздухъ, чѣмъ на платье. Хотѣлось бы заглянуть въ спальню... Тамъ-то, я думаю, чудеса, тамъ-то, я думаю, рай, какого и на небесахъ нѣтъ. Посмотрѣть бы ту скамеечку, на которую она становитъ, вставая съ постели, свою ножку, какъ надѣвается на эту ножку бѣлый, какъ снѣгъ, чулочекъ... Ай, ай, ай! ничего, ничего... молчаніе.

Сегодня, однакожъ, меня какъ бы свѣтомъ озарило: я вспомнилъ тотъ разговоръ двухъ собачонокъ, который слышалъ я на Невскомъ проспектѣ. «Хорошо, — подумалъ я самъ въ себѣ, — я теперь узнаю все. Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дрянныя собачонки. Тамъ я, вѣрно, кое-что узнаю». Признаюсь, я даже подозвалъ было къ себѣ одинъ разъ Меджи и сказалъ ей: «Послушай, Меджи, вотъ мы теперь одни: я, когда хочешь, и дверь запру, такъ что никто не будетъ видѣть — разскажи мнѣ все, что знаешь про барышню: что она и какъ? Я тебѣ побожусь, что никому не открою». Но хитрая собачонка поджала хвостъ, съежилась вдвое и вышла тихо въ двери, такъ, какъ будто бы ничего не слышала. Я давно подозрѣвалъ, что собака гораздо умнѣе человѣка; я даже былъ увѣренъ, что она можетъ говорить; но что въ ней есть только какое-то упрямство. Она — чрезвычайный политикъ: все замѣчаетъ, всѣ шаги человѣка. Нѣтъ, во что бы то ни стало, я завтра же отправлюсь въ домъ Звѣркова, допрошу Фидель и, если удастся, перехвачу всѣ письма, которыя писала къ ней Меджи.

Ноября 12.

Въ два часа пополудни отправился я съ тѣмъ, чтобы непремѣнно увидѣть Фидель и допросить ее. Я терпѣть не люблю капусты, запахъ которой валитъ изо всѣхъ мелочныхъ лавокъ въ Мѣщанской; къ тому же изъ-подъ воротъ каждаго дома несетъ такой адъ, что я, заткнувъ носъ, бѣжалъ во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускаютъ копоти и дыму изъ своихъ мастерскихъ такое множество, что человѣку благородному рѣшительно невозможно здѣсь прогуливаться. Когда я пробрался въ шестой этажъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, вышла дѣвчонка, не совсѣмъ дурная собою, съ маленькими веснушками. Я узналъ ее: это была та самая, которая шла вмѣстѣ со старушкою. Она немножко закраснѣлась, и я тотчасъ смекнулъ — ты, голубушка, жениха хочешь. «Что вамъ угодно?» сказала она. «Мнѣ нужно поговорить съ вашей собачонкой». Дѣвчонка была глупа! Я сейчасъ узналъ, что глупа! Собачонка въ это время прибѣжала съ лаемъ; я хотѣлъ ее схватить, но, мерзкая, чуть не схватила меня зубами за носъ. Я увидалъ, однакоже, въ углу ея лукошко. Э, вотъ этого мнѣ и нужно! Я подошелъ къ нему, перерылъ солому въ деревянной коробкѣ и, къ необыкновенному удовольствію своему, вытащилъ небольшую связку маленькихъ бумажекъ. Скверная собачонка, увидѣвши это, сначала укусила меня за икру, а потомъ, когда пронюхала, что я взялъ бумаги, начала визжать и ласться, но я сказалъ: «Нѣтъ, голубушка, прощай!» и бросился бѣжать. Я думаю, что дѣвчонка приняла меня за сумасшедшаго, потому что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой, я хотѣлъ было тотъ же часъ приняться за работу и разобрать эти письма, потому что при свѣчахъ нѣсколько дурно вижу, но Мавра вздумала мыть полъ. Эти глупыя чухонки всегда некстати чистоплотны. И потому я пошелъ прохаживаться и обдумывать это происшествіе. Теперь-то, наконецъ, я узнаю всѣ дѣла, помышленія, всѣ эти

пружины и доберусь, наконецъ, до всего. Эти письма мнѣ все откроютъ. Собаки — народъ умный, онѣ знаютъ всѣ политическія отношенія и потому, вѣрно, тамъ будетъ все про нашего: портретъ и всѣ дѣла этого мужа. Тамъ будетъ что-нибудь и о той, которая... ничего, молчаніе! Къ вечеру я пришелъ домой. Большею частію лежалъ на кровати.

Ноября 13.

А ну, посмотримъ! Письмо довольно четкое, однакоже, въ почеркѣ все есть какъ будто что-то собачье. Прочитаемъ.

„Милая Фидель, я все не могу привыкнуть къ твоему мѣщанскому имени. Какъ будто бы уже не могли дать тебѣ лучшаго; Фидель, Роза—какой пошлый тонъ! Однакожъ, все это въ сторону. Я очень рада, что мы вздумали писать другъ къ другу".

Письмо писано очень правильно. Пунктуація и даже буква *ѣ* вездѣ на своемъ мѣстѣ. Да этакъ, просто, не напишетъ и нашъ начальникъ отдѣленія, хотя онъ и толкуетъ, что гдѣ-то учился въ университетѣ. Посмотримъ далѣе.

„Мнѣ кажется, что раздѣлять мысли, чувства и впечатлѣнія съ другимъ есть одно изъ первыхъ благъ на свѣтѣ".

Гмъ! Мысль почерпнута изъ одного сочиненія, переведеннаго съ нѣмецкаго. Названія не припомню.

„Я говорю это по опыту, хотя и не бѣгала по свѣту далѣе воротъ нашего дома. Моя ли жизнь не протекаетъ въ довольствѣ? Моя барышня, которую папа называетъ Софи, любитъ меня безъ памяти".

Ай, ай!.. Ничего, ничего! Молчаніе!

„Папа тоже очень часто ласкаетъ. Я пью чай и кофе со сливками. Ахъ, ma chère [1]), я должна тебѣ сказать, что я вовсе не вижу удовольствія въ большихъ обглоданныхъ костяхъ, которыя жретъ на кухнѣ нашъ Полканъ. Кости хороши только отъ дичи и притомъ тогда, когда еще никто не высосалъ изъ нихъ мозга. Очень хорошо мѣшать нѣсколько соусовъ вмѣстѣ, но только безъ каперсовъ и безъ зелени; но и не знаю ничего хуже обыкновенія давать собакамъ скатанные изъ хлѣба шарики. Какой-нибудь сидящій за столомъ господинъ, который въ рукахъ своихъ держалъ всякую дрянь, начнетъ мять этими руками хлѣбъ, подзоветъ тебя и сунетъ тебѣ въ зубы шарикъ. Отказаться какъ-то неучтиво,—ну, и ѣшь, съ отвращеніемъ, а ѣшь..."

Чортъ знаетъ, что такое! Экій вздоръ! Какъ будто бы не было предмета получше о чемъ писать. Посмотримъ на другой страницѣ, не будетъ ли чего подѣльнѣе.

„...Я съ большою охотою готова тебя увѣдомлять о всѣхъ бывающихъ у насъ происшествіяхъ. Я уже тебѣ кое-что говорила о главномъ господинѣ, котораго Софи называетъ папа. Это очень странный человѣкъ..."

А, вотъ, наконецъ! Да, я зналъ; у нихъ политическій взглядъ на всѣ предметы. Посмотримъ, что папа.

„...очень странный человѣкъ. Онъ больше все молчитъ; говоритъ очень рѣдко. Но недѣлю назадъ, безпрестанно говорилъ самъ съ собою: „Получу или не получу?" Возьметъ въ одну руку бумажку, другую сложитъ пустую и говоритъ: „Получу, или не получу?" Одинъ разъ онъ обратился и ко мнѣ съ вопросомъ: „Какъ ты думаешь, Меджи, получу или не получу?" Я ровно ничего не могла понять, понюхала его сапогъ и ушла прочь. Потомъ, ma chère, черезъ недѣлю папа пришелъ въ большой радости. Все утро ходили къ нему господа въ мундирахъ и съ чѣмъ-то поздравляли. За столомъ онъ былъ такъ веселъ, какъ я еще никогда не видала, отпускалъ анекдоты. А послѣ обѣда поднялъ меня къ своей шеѣ и сказалъ: „А посмотри, Меджи, что это такое?" Я увидѣла какую-то ленточку. Я нюхала ее, но рѣшительно не нашла никакого аромата; наконецъ потихоньку лизнула: соленое немного".

Гмъ! эта собачонка, мнѣ кажется, уже слишкомъ... чтобы ее не высѣкли! А, такъ онъ—честолюбецъ! Это нужно взять къ свѣдѣнію.

---

[1]) Моя дорогая.

„... Прощай, ma chère! Я бѣгу... и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо.— Ну, здравствуй! Я теперь снова съ тобою. Сегодня барышня моя Софи...“

А! ну, посмотримъ, что Софи. Эхъ, канальство!.. Ничего, ничего... будемъ продолжать.

„... барышня моя Софи была въ чрезвычайной суматохѣ. Она собиралась на балъ, и я очень обрадовалась, что въ отсутствіи ея могу писать къ тебѣ. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ѣхать на балъ, хотя при одѣваніи всегда почти сердится. Я не могу понять, отчего люди одѣваются. Почему не ходить такъ, напримѣръ, какъ мы? И хорошо и покойно. Я никакъ не понимаю, ma chère, удовольствія ѣхать на балъ. Софи пріѣзжаетъ всегда съ бала домой въ 6 часовъ утра, и я всегда почти угадываю по ея блѣдному и тощему виду, что ей, бѣдняжкѣ, не давали тамъ ѣсть. Я, признаюсь, никогда бы не могла такъ жить. Если бы мнѣ не дали соуса съ рябчикомъ или жаркого куриныхъ крылышекъ, то... я не знаю, что бы со мной было. Хорошъ также соусъ съ кашкою: а морковь или рѣпа или артишоки—никогда не будутъ хороши“.

Чрезвычайно неровный слогъ! Тотчасъ видно, что не человѣкъ писалъ: пачпетъ такъ какъ слѣдуетъ, а кончитъ собачиною. Посмотримъ-ка еще въ одно письмецо. Что-то длинновато. Гмъ! и числа не выставлено.

„Ахъ, милая, какъ ощутительно приближеніе весны! Сердце мое бьется, какъ будто все кого-то ожидаетъ. Въ ушахъ у меня вѣчный шумъ, такъ что я часто, поднявши ножку, стою нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ дверямъ. Я тебѣ открою, что у меня много куртизановъ [1]). Я часто, сидя на окнѣ, разсматриваю ихъ. Ахъ, если бъ ты знала, какіе между ними есть уроды! Иной преаляповатый дворняга, глупъ страшно, на лицѣ написана глупость, преважно идетъ по улицѣ и воображаетъ, что онъ—презнатная особа, думаетъ, что такъ на него и заглядятся всѣ. Ничуть! Я даже и вниманія не обратила —такъ, какъ бы и не видала его. А какой страшный дога останавливается передъ моимъ окномъ! Если бы онъ сталъ на заднія лапы, чего, грубіянъ, онъ, вѣрно, не умѣетъ, то онъ бы былъ цѣлою головою выше папа моей Софи, который тоже довольно высокаго роста и толстъ собою. Этотъ болванъ, должно-быть, наглецъ преужасный! Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало! Хотя бы поморщился! Высунулъ свой языкъ, повѣсилъ огромныя уши и глядитъ въ окно— такой мужикъ! Но неужели ты думаешь, ma chère, что сердце мое равнодушно ко всѣмъ исканіямъ? Ахъ, нѣтъ... Если бы ты видѣла одного кавалера, перелѣзающаго черезъ заборъ сосѣдняго дома, именемъ Трезора... Ахъ, ma chère, какая у него мордочка!..“

Тфу, къ чорту!.. Экая дрянь! И какъ можно наполнять письма этакими глупостями! Мнѣ подавайте человѣка! Я хочу видѣть человѣка, я требую духовной пищи,—той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вмѣсто того этакіе пустяки. Перевернемъ черезъ страницу, не будетъ ли лучше?

„... Софи сидѣла за столикомъ и что-то шила. Я глядѣла въ окно, потому что я люблю разсматривать прохожихъ, какъ вдругъ вошелъ лакей и сказалъ: „Тепловъ!“—„Проси!“ закричала Софи и бросилась обнимать меня. „Ахъ, Меджи, Меджи! Если бъ ты знала, кто это: брюнетъ камеръ-юнкеръ [2]), а глаза какіе? Черные, какъ агатъ!“ И Софи убѣжала къ себѣ. Минуту спустя, вошелъ молодой камеръ-юнкеръ, съ черными бакенбардами, подошелъ къ зеркалу, поправилъ волоса и осмотрѣлъ комнату. Я поворчала и сѣла на свое мѣсто. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье; а я себѣ такъ, какъ будто не замѣчая ничего, продолжала глядѣть въ окошко; однакожъ голову наклонила нѣсколько на бокъ и старалась услышать, о чемъ они говорятъ. Ахъ, ma chère, о какомъ вздорѣ они говорили! Они говорили о томъ, какъ одна дама въ танцахъ, вмѣсто одной какой-то фигуры сдѣлала другую; также, что какой-то Бобовъ былъ очень похожъ въ своемъ жабо на аиста, и чуть было не упалъ; что какая-то Лидина воображаетъ, что у нея голубые глаза, между тѣмъ, какъ они зеленые,—и тому подобное. „Куда жъ,—подумала я сама въ себѣ,—если сравнить камеръ-юнкера съ Трезоромъ! Небо! Какая разница! Во-первыхъ, у камеръ-юнкера совершенно гладкое широкое лицо и вокругъ бакенбарды, какъ будто бы онъ обвязалъ его чернымъ платкомъ; а у Трезора мордочка тоненькая, и на самомъ лбу бѣлая лысинка. Талію Трезора и сравнить нельзя съ камеръ-юнкерскою. А глаза, пріемы,

---

[1]) Куртизанъ—ухаживатель. [2]) Камеръ-юнкеръ—придворная должность, дается лицамъ старыхъ дворянскихъ родовъ.

ухватки совершенно не тѣ. О, какая разница! Я не знаю, ma chère, что она нашла въ своемъ Тепловѣ. Отчего она такъ имъ восхищается?..“

Мнѣ самому кажется, здѣсь что-нибудь да не такъ. Не можетъ быть, чтобы ее могъ такъ обворожить Тепловъ. Посмотримъ далѣе:

„Мнѣ кажется, если этотъ камеръ-юнкеръ нравится, то скоро будетъ нравиться и тотъ чиновникъ, который сидитъ у папа въ кабинетѣ. Ахъ, ma chère, если бъ ты знала, какой это уродъ? Совершенная черепаха въ мѣшкѣ...“

Какой же бы это чиновникъ?

„Фамилія его престранная. Онъ всегда сидитъ и чинитъ перья. Волоса на головѣ его очень похожи на сѣно. Папа иногда посылаетъ его вмѣсто слуги...“

Мнѣ кажется, что эта мерзкая собачонка мѣтитъ на меня. Гдѣ жъ у меня волоса, какъ сѣно?

„Софи никакъ не можетъ удержаться отъ смѣха, когда глядитъ на него“.

Врешь ты, проклятая собачонка! Экій мерзкій языкъ! Какъ будто я не знаю, что это дѣло зависти? Какъ будто я не знаю, чьи здѣсь штуки? Это штуки начальника отдѣленія. Вѣдь поклялся же человѣкъ непримиримою ненавистью—и вотъ вредитъ да и вредитъ, на каждомъ шагу вредитъ. Посмотримъ, однакоже, еще одно письмо. Тамъ, можетъ-быть, дѣло раскроется само собою.

„Ma chère Фидель, ты извини меня, что такъ давно не писала. Я была въ совершенномъ упоеніи. Подлинно, справедливо сказалъ какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Притомъ же у насъ въ домѣ теперь большія перемѣны. Камеръ-юнкеръ теперь у насъ каждый день. Софи влюблена въ него до безумія. Папа очень веселъ. Я даже слышала отъ нашего Григорія, который мететъ полъ и всегда почти разговариваетъ самъ съ собою, что скоро будетъ свадьба, потому что папа хочетъ непремѣнно видѣть Софи или за генераломъ, или за камеръ-юнкеромъ, или за военнымъ полковникомъ...“

Чортъ возьми! я не могу больше читать... Все или камеръ-юнкеръ или генералъ. Все, что есть лучшаго на свѣтѣ, все достается или камеръ-юнкерамъ или генераламъ. Найдешь себѣ бѣдное богатство, думаешь достать его рукою,—срываетъ у тебя камеръ-юнкеръ или генералъ. Чортъ побери! Желалъ бы я самъ сдѣлаться генераломъ, не для того, чтобы получить руку и прочее,—нѣтъ, хотѣлъ бы быть генераломъ для того только, чтобы увидѣть, какъ они будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разныя придворныя штуки и экивоки, и потомъ сказать имъ, что я плюю на васъ обоихъ. Чортъ побери, досадно! Я изорвалъ въ клочки письма глупой собачонки.

Декабря 3.

Не можетъ быть. Враки! Свадьбѣ не бывать! Что жъ изъ того, что онъ камеръ-юнкеръ? Вѣдь это больше ничего, какъ достоинство: не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять въ руки. Вѣдь черезъ то, что камеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу. Вѣдь у него же носъ не изъ золота сдѣланъ, а такъ же, какъ и у меня, какъ и у всякаго; вѣдь онъ имъ нюхаетъ, а не ѣстъ, чихаетъ, а не кашляетъ. Я нѣсколько разъ уже хотѣлъ добраться, отчего происходятъ всѣ эти разности. Отчего я титулярный совѣтникъ и съ какой стати я титулярный совѣтникъ? Можетъ-быть, я совсѣмъ не титулярный совѣтникъ? Можетъ-быть, я какой-нибудь графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ? Можетъ-быть, я самъ еще не знаю, кто я таковъ. Вѣдь сколько примѣровъ по исторіи: какой-нибудь простой, не то уже чтобы дворянинъ, а просто какой-нибудь мѣщанинъ или даже крестьянинъ—и вдругъ открывается, что онъ какой-нибудь вельможа или баронъ или какъ его... Когда изъ мужика да иногда выходитъ этакое, что же изъ дворянина можетъ

выйти? Вдругъ, напримѣръ, я вхожу къ нашему въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета, и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо голубая лента—что? Какъ тогда запоетъ красавица моя? Что скажетъ и самъ папа, директоръ нашъ? О, это большой честолюбецъ! Это масонъ [1]), непремѣнно масонъ; хотя онъ и прикидывается такимъ и этакимъ, но я тотчасъ замѣтилъ, что онъ масонъ: онъ если дастъ кому руку, то высовываетъ только два пальца. Да развѣ я не могу быть сію же минуту пожалованъ генералъ-губернаторомъ или интендантомъ [2]), или тамъ другимъ какимъ-нибудь? Мнѣ бы хотѣлось знать, отчего я титулярный совѣтникъ? Почему именно титулярный совѣтникъ?

Декабря 5.

Я сегодня все утро читалъ газеты. Странныя дѣла дѣлаются въ Испаніи. Я даже не могъ хорошенько разобрать ихъ. Пишутъ, что престолъ упраздненъ и что чины находятся въ затруднительномъ положеніи о избраніи наслѣдника, и оттого происходятъ возмущенія. Мнѣ кажется это чрезвычайно страннымъ. Какъ же можетъ быть престолъ упраздненъ? Говорятъ, какая-то донна должна взойти на престолъ. Не можетъ взойти донна на престолъ, никакъ не можетъ. На престолѣ долженъ быть король. «Да,—говорятъ,—нѣтъ короля». Не можетъ статься, чтобы не было короля. Государство не можетъ быть безъ короля. Король есть, да только онъ, вѣрно, гдѣ-нибудь находится въ неизвѣстности. Онъ, статься можетъ, находится тамъ же, но какія-нибудь или фамильныя причины или опасенія со стороны сосѣдственныхъ державъ, какъ-то: Франціи или другихъ земель, заставляютъ его скрываться, или есть какія-нибудь другія причины.

Декабря 8.

Я было уже совсѣмъ хотѣлъ итти въ департаментъ, но разныя причины и размышленія меня удержали. У меня все не могли выйти изъ головы испанскія дѣла. Какъ же можетъ это быть, чтобы донна сдѣлалась королевою? Не позволятъ этого. И, во-первыхъ, Англія не позволитъ. Да притомъ и дѣла политическія всей Европы, австрійскій императоръ, нашъ государь... Признаюсь, эти происшествія такъ меня убили и потрясли, что я рѣшительно ничѣмъ не могъ заняться во весь день. Мавра замѣчала мнѣ, что я за столомъ былъ чрезвычайно развлеченъ. И точно, я двѣ тарелки, кажется, въ разсѣянности бросилъ на полъ, которыя тутъ же разбились. Послѣ обѣда ходилъ подъ горы; ничего поучительнаго не могъ извлечь. Большею частію лежалъ на кровати и разсуждалъ о дѣлахъ Испаніи.

Годъ 2000-й, апрѣля 43 числа.

Сегодняшній день есть день величайшаго торжества! Въ Испаніи есть король. Онъ отыскался. Этотъ король—я. Именно только сегодня объ этомъ узналъ я. Признаюсь, меня вдругъ какъ будто молніей освѣтило. Я не понимаю, какъ я могъ думать и воображать себѣ, что я титулярный совѣтникъ. Какъ могла взойти мнѣ въ голову эта сумасбродная, сумасшедшая мысль? Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда въ сумасшедшій домъ. Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все, какъ на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною въ какомъ-то туманѣ. И это все происходитъ, думаю, оттого, что люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ: онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря. Сначала я объявилъ Маврѣ, кто я. Когда она услышала, что

---

[1]) Масонъ—членъ тайнаго общества франкъ-масоновъ, или „свободныхъ каменщиковъ“. [2]) Интендантъ—чиновникъ по продовольственной части.

передъ нею испанскій король, то всплеснула руками и чуть не умерла отъ страха; она, глупая, еще никогда не видала испанскаго короля. Я, однакоже, старался ее успокоить, и въ милостивыхъ словахъ старался ее увѣрить въ благосклонности, сказавши, что я вовсе не сержусь за то, что она мнѣ иногда дурно чистила сапоги. Вѣдь это черный народъ: имъ нельзя говорить о высокихъ матеріяхъ. Она испугалась оттого, что находится въ увѣренности, будто всѣ короли въ Испаніи похожи на Филиппа II [1]). Но я растолковалъ ей, что между мною и Филиппомъ нѣтъ никакого почти сходства и что у меня нѣтъ ни одного капуцина [2]). Въ департаментъ не ходилъ. Чортъ съ нимъ! Нѣтъ, пріятели, теперь не заманите меня: я не стану переписывать гадкихъ бумагъ вашихъ!

Мартобря 86 числа, между днемъ и ночью.

Сегодня приходилъ нашъ экзекуторъ съ тѣмъ, чтобы я шелъ въ департаментъ, что уже болѣе трехъ недѣль, какъ я не хожу на должность. Но люди несправедливы: ведутъ счеты по недѣлямъ. Это жиды ввели, потому что раввинъ [3]) ихъ въ это время моется. Я, однакоже, для шутки пошелъ въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія думалъ, что я ему поклонюсь и стану извиняться; но я посмотрѣлъ на него равнодушно, не слишкомъ гнѣвно и не слишкомъ благосклонно, и сѣлъ на свое мѣсто, какъ будто никого не замѣчая. Я глядѣлъ на всю канцелярскую сволочь и думалъ: «Что, если бы вы знали, кто между вами сидитъ?..» Господи Боже, какой бы вы ералашъ подняли! Да и самъ начальникъ отдѣленія началъ бы мнѣ такъ же кланяться въ поясъ, какъ онъ теперь кланяется передъ деректоромъ. Передо мною положили какія-то бумаги, чтобы я сдѣлалъ изъ нихъ экстрактъ [4]). Но я и пальцемъ не притронулся. Черезъ нѣсколько минутъ все засуетилось. Сказали, что директоръ идетъ. Многіе чиновники побѣжали наперерывъ, чтобы показать себя передъ нимъ, но я ни съ мѣста. Когда онъ проходилъ черезъ наше отдѣленіе, всѣ застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего! Что за директоръ! Чтобы я всталъ передъ нимъ—никогда! Какой онъ директоръ? Онъ пробка, а не директоръ. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего—вотъ, которою закупориваютъ бутылки! Мнѣ больше всего было забавно, когда подсунули мнѣ бумагу, чтобы я подписалъ. Они думали, что я напишу на самомъ кончикѣ листа: столоначальникъ такой-то—какъ бы не такъ! А я на самомъ главномъ мѣстѣ, гдѣ подписывается директоръ департамента, черкнулъ: «Фердинандъ VIII». Нужно было видѣть, какое благоговѣйное молчаніе воцарилось; но я махнулъ только рукою, сказавъ: «Не нужно никакихъ знаковъ подданничества!» и вышелъ. Оттуда я пошелъ прямо въ директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей не хотѣлъ меня впустить, но я ему такое сказалъ, что онъ и руки опустилъ. Я прямо пробрался въ уборную. Она сидѣла передъ зеркаломъ, вскочила и отступила отъ меня. Я, однакоже, не сказалъ ей, что я испанскій король. Я сказалъ только, что счастіе ее ожидаетъ такое, какого она и вообразить себѣ не можетъ, и что, несмотря на козни непріятелей, мы будемъ вмѣстѣ. Я больше ничего не хотѣлъ говорить и вышелъ. О, это коварное существо—женщина! Я теперь только постигнулъ, что такое женщина. До сихъ поръ никто еще не узналъ, въ кого она влюблена; я первый открылъ это. Женщина влюблена въ чорта. Да, не шутя. Физики пишутъ глупости, что она то и то—она любитъ только одного чорта. Вонъ, видите, изъ ложи перваго яруса она

---

[1]) Филиппъ II—испанскій король XVI в., отличавшійся жестокостью. [2]) Капуцины—католическій монашескій орденъ. [3]) Раввинъ — у евреевъ учитель. [4]) Экстрактъ — извлеченіе.

паводитъ лорнетъ. Вы думаете, что она глядитъ на этого толстяка со звѣздою? Совсѣмъ нѣтъ; она глядитъ на чорта, что у него стоитъ за спиною. Вонъ онъ спрятался къ нему во фракъ. Вонъ онъ киваетъ оттуда ей пальцемъ! И она выйдетъ за него, выйдетъ. А вотъ эти всѣ, чиновные отцы ихъ, вотъ эти всѣ, что юлятъ во всѣ стороны и лѣзутъ ко двору и говорятъ, что они патріоты и то и се: аренды, аренды хотятъ эти патріоты! Мать, отца, Бога продадутъ за деньги, честолюбцы, христопродавцы! Все это честолюбіе и честолюбіе оттого, что подъ язычкомъ находится маленькій пузырекъ, и въ немъ небольшой червячокъ, величиною съ булавочную головку, и это все дѣлаетъ какой-то цырюльникъ, который живетъ въ Гороховой. Я не помню, какъ его зовутъ; но достовѣрно извѣстно, что онъ, вмѣстѣ съ одною повивальною бабкою, хочетъ по всему свѣту распространить магометанство, и оттого уже, говорятъ, во Франціи большая часть народа признаетъ вѣру Магомета [1]).

Нѣкотораго числа. День былъ безъ числа.

Ходилъ инкогнито по Невскому проспекту. Проѣзжалъ государь императоръ. Весь городъ снялъ шапки, и я также; однакоже не подалъ никакого вида, что я испанскій король. Я почелъ неприличнымъ открыться тутъ же, при всѣхъ, потому что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сихъ поръ не имѣю испанскаго національнаго костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантію. Я хотѣлъ было заказать портному, но это совершенные ослы; притомъ же они совсѣмъ небрегутъ своею работою, ударились въ аферу и большею частію мостятъ камни на улицѣ. Я рѣшился сдѣлать мантію изъ новаго вицъ-мундира, который надѣвалъ всего только два раза. Но чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я самъ рѣшился шить, заперши дверь, чтобы никто не видалъ. Я изрѣзалъ ножницами его весь, потому что покрой долженъ быть совершенно другой.

Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было, чортъ знаетъ, что такое.

Мантія совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надѣлъ ее. Однакоже я еще не рѣшаюсь представляться ко двору: до сихъ поръ нѣтъ депутаціи изъ Испаніи. Безъ депутатовъ [2]) неприлично! Никакого не будетъ вѣса моему достоинству. Я ожидаю ихъ съ часа на часъ.

Числа 1.

Удивляетъ меня чрезвычайно медленность депутатовъ. Какія бы причины могли ихъ остановить? Неужели Франція? Да, это самая неблагопріятствующая держава. Ходилъ справляться на почту, не прибыли ли испанскіе депутаты; но почтмейстеръ чрезвычайно глупъ, ничего не знаетъ. «Нѣтъ, говоритъ, здѣсь нѣтъ никакихъ испанскихъ депутатовъ, а письма если угодно написать, то мы примемъ по установленному курсу». Чортъ возьми! Что письмо? Письмо вздоръ. Письма пишутъ аптекари, да и то прежде смочивши уксусомъ языкъ, потому что безъ этого все лицо было бы въ лишаяхъ.

Мадридъ. Февруарій тридцатый

Итакъ, я въ Испаніи, и это случилось такъ скоро, что я едва могъ очнуться. Сегодня поутру явились ко мнѣ депутаты испанскіе, и я вмѣстѣ съ ними сѣлъ въ карету. Мнѣ показалась странною необыкновенная скорость. Мы ѣхали такъ шибко, что черезъ полчаса достигли испанскихъ границъ. Впрочемъ, вѣдь теперь по всей Европѣ чугунныя дороги, и пароходы ѣздятъ чрезвычайно скоро.

---

[1]) Пророкъ Магометъ—основатель ислама, или магометанской религіи. [2]) Депутатъ—представитель, выборный.

Странная земля Испанія! Когда мы вошли въ первую комнату, то я увидѣлъ множество людей съ выбритыми головами. Я, однакоже, догадался, что это должны быть или гранды [1]) или солдаты, потому что они бреютъ головы. Мнѣ показалось чрезвычайно страннымъ обхожденіе государственнаго канцлера, который велъ меня за руку: онъ толкнулъ меня въ небольшую комнату и сказалъ: «Сиди тутъ, и если ты будешь называть себя королемъ Фердинандомъ, то я изъ тебя выбью эту охоту». Но я, зная, что это было больше ничего, кромѣ какъ искушеніе, отвѣчалъ отрицательно, за что канцлеръ ударилъ меня два раза палкою по спинѣ такъ больно, что я чуть было не вскрикнулъ, но удержался, вспомнивши, что это рыцарскій обычай при вступленіи въ высокое званіе, потому что въ Испаніи еще и донынѣ ведутся рыцарскіе обычаи. Оставшись одинъ, я рѣшился заняться дѣлами государственными. Я открылъ, что Китай и Испанія совершенно одна и та же земля, и только по невѣжеству считаютъ ихъ за разныя государства. Я совѣтую всѣмъ нарочно написать на бумагѣ Испанія, то и выйдетъ Китай. Но меня, однакоже, чрезвычайно огорчало событіе, имѣющее быть завтра. Завтра въ семь часовъ совершится странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій химикъ Велингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощутилъ сердечное безпокойство, когда вообразилъ себѣ необыкновенную нѣжность и непрочность луны. Луна вѣдь обыкновенно дѣлается въ Гамбургѣ [2]) и прескверно дѣлается. Я удивляюсь, какъ не обратитъ на это вниманія Англія. Дѣлалъ ее хромой бочаръ, и видно, что дуракъ никакого понятія не имѣлъ о лунѣ. Онъ положилъ смоляной канатъ и часть деревяннаго масла; и оттого по всей землѣ вонь страшная, такъ что нужно затыкать носъ. И оттого самая луна такой нѣжный шаръ, что люди никакъ не могутъ жить, и тамъ теперь живутъ только одни носы. И потому-то самому мы не можемъ видѣть носовъ своихъ, ибо они всѣ находятся въ лунѣ. И когда я вообразилъ, что земля — вещество тяжелое и можетъ, насѣвши, размолоть въ муку носы наши, то мною овладѣло такое безпокойство, что я, надѣвши чулки и башмаки, поспѣшилъ въ залу государственнаго совѣта, съ тѣмъ, чтобы дать приказъ полиціи не допустить землѣ сѣсть на луну. Бритые гранды, которыхъ я засталъ въ залѣ государственнаго совѣта великое множество, были народъ очень умный, и когда я сказалъ: «Господа, спасемъ луну, потому что земля хочетъ сѣсть на нее!» то всѣ въ ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желаніе, и многіе полѣзли на стѣну съ тѣмъ, чтобы достать луну; но въ это время вошелъ великій канцлеръ. Увидѣвши его, всѣ разбѣжались. Я, какъ король, остался одинъ. Но канцлеръ, къ удивленію моему, ударилъ меня палкою и прогналъ въ мою комнату. Такую имѣютъ власть въ Испаніи народные обычаи.

Январь того же года, случившійся послѣ февруарія.

До сихъ поръ не могу понять, что это за земля Испанія. Народные обычаи и этикеты [3]) двора совершенно необыкновенны. Не понимаю, не понимаю, рѣшительно не понимаю ничего. Сегодня выбрили мнѣ голову, несмотря на то, что я кричалъ изо всей силы о нежеланіи быть монахомъ. Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда, когда начали мнѣ на голову капать холодною водою. Такого ада я еще никогда не чувствовалъ. Я готовъ былъ впасть въ бѣшенство, такъ что едва могли меня удержать. Я не понимаю вовсе значенія этого страннаго обычая. Обычай глупый, безсмысленный! Для меня непостижима безразсудность королей, которые до сихъ поръ не уничтожаютъ его.

---

[1]) Грандъ — почетное званіе въ Испаніи. [2]) Гамбургъ — городъ въ Германіи
[3]) Этикетъ — правила знатнаго общества и двора.

Судя по всѣмъ вѣроятіямъ, догадываюсь, не попался ли я въ руки инквизиціи [1]), и тотъ, котораго я принялъ за канцлера, не есть ли самъ великій инквизиторъ [2])! Только я все не могу понять, какъ же могъ король подвергнуться инквизиціи. Оно, правда, могло со стороны Франціи и особенно Полиньякъ [3]). О, это бестія Полиньякъ! Поклялся вредить мнѣ по смерть! И вотъ гонитъ да и гонитъ; но я знаю, пріятель, что тебя водитъ англичанинъ. Англичанинъ большой политикъ. Онъ вездѣ юлитъ. Это уже извѣстно всему свѣту, что когда Англія нюхаетъ табакъ, то Франція чихаетъ.

Число 25.

Сегодня великій инквизиторъ опять пришелъ въ мою комнату, но я, услышавши еще издали шаги его, спрятался подъ стулъ. Онъ, увидѣвши, что нѣтъ меня, началъ звать. Сначала закричалъ: «Поприщинъ!» Я ни слова. Потомъ: «Аксентій Ивановъ! Титулярный совѣтникъ! Дворянинъ!» Я все молчу. «Фердинандъ VIII, король испанскій!» Я хотѣлъ было высунуть голову, но послѣ подумалъ: «Нѣтъ, братъ, не надуешь! Знаемъ мы тебя: опять будешь лить холодную воду мнѣ на голову». Однакоже онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ-подъ стула. Чрезвычайно больно бьется проклятая палка. Впрочемъ, за все это вознаградило меня нынѣшнее открытіе: я узналъ, что у всякаго пѣтуха есть Испанія, что она у него находится подъ перьями, недалеко возлѣ хвоста. Великій инквизиторъ, однакоже, ушелъ отъ меня разгнѣванный и грозя мнѣ какимъ-то наказаніемъ. Но я совершенно пренебрегаю его безсильною злобою, зная, что онъ дѣйствуетъ, какъ машина, какъ орудіе англичанина.

Чи34сло Мц. гдао. чѵрдѳѳф 349.

Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже, что они дѣлаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на голову холодную воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ? За что они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня, бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя, и все кружится предо мною. Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихорь, коней! Садись, мой ямщикъ, звени, мой колокольчикъ, взвейтеся, кони, и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего! Вонъ небо клубится предо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ; съ одной стороны — море, съ другой — Италія; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! Его гонятъ! Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!.. А знаете ли, что у алжирскаго бея [4]) подъ самымъ носомъ шишка?

---

[1]) Инквизиція — тайный духовный судъ, имѣвшій цѣлью разыскивать и наказывать еретиковъ; учрежденіе католическое. [2]) Великій инквизиторъ—предсѣдатель суда инквизиціи. [3]) Полиньякъ — французскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ 30-хъ гг. XIX в. [4]) Бей — титулъ высшихъ воинскихъ начальниковъ и губернаторовъ небольшихъ округовъ на востокѣ.

КОМЕДІИ.

РЕВИЗОРЪ.

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.
Анна Андреевна, жена его.
Марья Антоновна, дочь его.
Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.
Жена его.
Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья.
Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.
Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.
Петръ Ивановичъ Добчинскій, } городскіе помѣщики.
Петръ Ивановичъ Бобчинскій, }
Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.
Осипъ, слуга его.
Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.
Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ, }
Иванъ Лазаревичъ Растаковскій, } отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.
Степанъ Ивановичъ Коробкинъ, }
Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.
Свистуновъ, }
Пуговицынъ, } полицейскіе.
Держиморда, }
Абдулинъ, купецъ.
Февронья Петрова Пошлепкина, слесарша.
Жена унтеръ-офицера.
Мишка, слуга городничаго.
Слуга трактирный.
Гости и купцы, мѣщане, просители.

ХАРАКТЕРЫ и КОСТЮМЫ.

ЗАМѢЧАНІЯ ДЛЯ ГОСПОДЪ АКТЕРОВЪ.

Городничій. Уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый по-своему человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но ведетъ себя очень солидно; довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо-развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ по обыкновенію въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженые, съ просѣдью.

Анна Андреевна. Жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная вполовину на романахъ и альбомахъ, вполовину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе піесы.

Хлестаковъ. Молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій; нѣсколько приглуповатъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ, — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ. Слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любитъ себѣ самому читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить и молча плутъ. Костюмъ его — сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій. Оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга; оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немножко выше и серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Ляпкинъ-Тяпкинъ. Судья, человѣкъ, прочитавшій пять или шесть книгъ и потому нѣсколько вольнодуменъ. Охотникъ большой на догадки и потому каждому слову своему даетъ вѣсъ. Представляющій его долженъ всегда сохра-

нять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника. Попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ, но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ. Простодушный, до наивности, человѣкъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда почти находятся предъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ [1]).

Аммосъ Ѳедоровичъ. Какъ ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито [2]). И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ-те-на!

Артемій Филипповичъ. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ!

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель»... *(бормочетъ вполголоса, пробѣгая скоро глазами)* «и увѣдомить тебя...» А! вотъ: «спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ *(значительно поднимаетъ палецъ вверхъ)*. Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты — человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...» *(остановясь)* ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я...» — Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...» — и прочее и прочее... Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? Зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

---

1) Ревизоръ—чиновникъ, присылаемый начальствомъ для повѣрки отчетовъ присутственныхъ мѣстъ и дѣйствій должностныхъ лицъ. 2) Инкогнито—тайно; чаще всего говорится, когда знатная или владѣтельная особа путешествуетъ подъ чужимъ именемъ во избѣжаніе почестей.

Городничій. Зачѣмъ! Такъ, ужъ, видно, судьба! *(Вздохнувъ).* До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда, хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Мотаетъ или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ, — смотрите. По своей части я кое-какія распоряженья сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія, и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Артемій Филипповичъ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждой кроватью надписать по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ,— всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Нехорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бъ ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. О! насчетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше, — лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ *Издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* и *и нѣсколько на* е.

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ, въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? Только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода, — это тоже нехорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то

развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ; можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ *издаетъ тотъ же звукъ.*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать; онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ Самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы [1]) напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ — рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судьѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда; это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они — люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)* и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ-быть, оно такъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на-дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

Городничій. То же я долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ — ученая голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму

---

[1]) Вольтеріанецъ—вольнодумецъ, послѣдователь французскаго писателя Вольтера род. въ 1694 г., ум. въ 1778 г.

Городничій *(читая письмо)*... Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты—человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки... *(остановясь)* ну, здѣсь свои...

но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ [1]) и вавилонянахъ [2]) еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго [3]), то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій — герой, но зачѣмъ же стулья ломать? — отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... говоритъ: «Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничій. Да, таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: «А, вы здѣсь, голубчики! А кто, — скажетъ, — здѣсь судья?» — «Ляпкинъ-Тяпкинъ». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!» — «А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?» — «Земляника». — «А подать сюда Земляникy!» — Вотъ что худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, что? Какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? — Война съ турками будетъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ одно слово! Я самъ то же думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій. Какая война съ турками! Просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже извѣстно: у меня письмо.

Почтмейстеръ. А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ. Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій. Да что я? Страху-то нѣтъ, а такъ немножко... Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я, вотъ ей Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю *(беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону)*, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что

---

[1]) Ассиріяне—жители Ассиріи, древняго могучаго царства въ Азіи. [2]) Вавилоняне—жители Вавилоніи, древняго азіатскаго царства. [3]) Александръ Македонскій—царь Македоніи, знаменитый полководецъ IV вѣка до Р. Х.

есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе. Иное письмо съ наслажденьемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»!

Городничій. Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый другъ, течетъ, — говоритъ, — въ эмпиреяхъ [1]): барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ...» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчевать васъ собачонкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того и у другого.

Городничій. Батюшка, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь и шасть...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Добчинскій *и* **Бобчинскій** *(оба входятъ запыхавшись).*

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Что, что такое?

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Бобчинскій *(перебивая).* Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій. Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинскій. Припомню, ей Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ. *(Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей).* Ну, что, что такое?

---

[1]) Эмпиреи—собственно, эмпирей—небо у древнихъ христіанскихъ писателей.

Бобчинскій. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ — такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ, пожалуйста, не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я уже все, все, все знаю-съ! Такъ я, вотъ, изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій *(перебивая)*. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги...

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали ли вы о новости-то, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма. А Петръ Ивановичъ ужъ услыхали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не зная, зачѣмъ-то была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву...

Добчинскій *(перебивая)*. За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій *(отводя его руки)*. За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энтого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте! Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: «Зайдемъ,—говоритъ,—въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе»... да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... «А въ трактиръ,—говоритъ,—привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ». Только что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій *(перебивая)*. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки, и здѣсь *(вертитъ рукою около лба)* много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: «Здѣсь что-нибудь неспроста-съ». Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ,—трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: «Кто,—говоритъ,—этотъ молодой человѣкъ?» А Власъ и отвѣчаетъ на это: «Это,—говоритъ...» Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйства, не перебивайте, вы не разскажете, ей Богу, не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... «Это,—говоритъ,—молодой человѣкъ, чиновникъ», да-съ; «ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи,—говоритъ,—Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ,—говоритъ,—въ Саратовскую губернію и,—говоритъ,—престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ, изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копейки не хочетъ платить». Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня тутъ вотъ свыше и вразумило: «Э!» говорю я Петру Ивановичу.

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: «Э!»

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ: «Э!—сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ.—А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?»—Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Городничій. Кто, какой чиновникъ?

Бобчинскій. Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить нотицію [1]),— ревизоръ.

---

[1]) Нотиція—извѣстіе.

Городничій *(въ страхѣ)*. Что вы, Господь съ вами! Это не онъ.

Добчинскій. Онъ! И денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же бъ быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей Богу, онъ... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу,—больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

Городничій. Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

Добчинскій. Въ пятомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ здѣсь?

Добчинскій. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

Городничій. Двѣ недѣли! *(Въ сторону.)* Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ, поношенье! *(Хватается за голову.)*

Артемій Филипповичъ. Что жъ, Антонъ Антоновичъ?—ѣхать парадомъ въ гостиницу.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Нѣтъ, пѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ «Дѣянія Іоанна Масона...»

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому. Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. *(Обращаясь къ Бобчинскому.)* Вы говорите, онъ—молодой человѣкъ?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Тѣмъ лучше! Молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой—весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь одинъ, или вотъ хотя съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ; или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. *(Квартальный бѣжитъ впопыхахъ.)*

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Какое колпаки! Больнымъ велѣно габеръ-супъ [1]) давать, а у меня по всѣмъ коридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку—а! Только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ ней правда и что неправда. *(Судья, попе-*

---

[1]) Габеръ-супъ—овсянка.

читель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій. Что, дрожки тамъ стоятъ?

Квартальный. Стоятъ.

Городничій. Ступай на улицу... или нѣтъ, постой! Ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? Неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Квартальный. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій. Какъ такъ?

Квартальный. Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

Городничій *(хватаясь за голову).* Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ—бѣги прежде въ комнату, слышь! И принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

Бобчинскій. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ.

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки...

Городничій *(принимая шпагу, къ квартальному).* Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ, шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулинъ—видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ—по метлѣ! И вымели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя! Ты тамъ кумаешься, да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки,— смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ—а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Смотри! Не по чину берешь! Ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій. А, Степанъ Ильичъ! Скажите, ради Бога: куда вы запропастились. На что это похоже?

Частный приставъ. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

Частный приставъ. Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій. А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій. А Прохоровъ пьянъ?

Частный приставъ. Пьянъ.

Городничій. Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ. Да Богъ его знастъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка—поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій. Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что: квартальный Пуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! Я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! Только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ или, просто, заборъ—чортъ ихъ знаетъ, откудова и нанесутъ всякой дряни! *(Вздыхаетъ.)* Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольны ли?—Чтобы говорили: «Всѣмъ довольны, ваше благородіе», а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ, хо, хо, хъ! Грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ. *(Беретъ вмѣсто шляпы футляръ.)* Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ.)*

Частный приставъ. Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

Городничій *(бросая коробку)*. Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней! Да если спросятъ, отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами—и правому и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Уходитъ и возвращается.)* Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. *(Всѣ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анна Андреевна *и* **Марья Антоновна** *(вбѣгаютъ на сцену)*.

Анна Андреевна. Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ, Боже мой!.. *(Отворяя дверь.)* Мужъ! Антоша! Антонъ! *(Говоритъ скоро.)* А все ты, а все за тобой. И пошла копаться: «Я булавочку, я косынку». *(Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ.)* Антонъ, куда, куда? Что, пріѣхалъ? Ревизоръ? Съ усами! Съ какими усами?

Голосъ городничаго. Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна. Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ—полковникъ? А? *(Съ пренебреженіемъ.)* Уѣхалъ! Я тебѣ вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчасъ». Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали. А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ просто тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что жъ дѣлать, маменька? Все равно, чрезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна. Чрезъ два часа! Покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ. Какъ ты не догадалась сказать, что чрезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать. *(Свѣшивается въ окно).* Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, тамъ пріѣхалъ кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы-таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? Скоро уѣхали! Да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали; да разспроси хорошенько: что за пріѣзжій, каковъ онъ,—слышишь? Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! *(Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсъ. Такъ занавѣсъ и закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна).*

Городничій. Да если спросятъ, отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорѣла.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНІЕ I.

Осипъ *(лежитъ на барской постели).*

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ не доѣдемъ да и только домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны: нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! *(Дразнитъ его.)* «Эй, Осипъ! ступай, посмотри комнату лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ». Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка [1]) простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки—вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше: возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ да ѣшь пироги. Ну, кто жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ; пойдешь на Щукинъ—купцы тебѣ кричатъ: «Почтенный!» на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что всякая звѣзда значитъ на небѣ, такъ вотъ какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредетъ, горничная иной разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! *(Усмѣхается и трясетъ головою.)* Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякій тебѣ говоритъ *вы*. Наскучило итти—берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему—изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать—и куды!.. пошелъ кутить: ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь—и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка... Ей Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! Рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего—нипочемъ идутъ. А отчего?—оттого, что дѣломъ не занимается. Вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, если бъ узналъ это старый

[1]) Т.-е. регезстраторъ.

баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ взять ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? *(Со вздохомъ.)* Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ! Стучится; вѣрно, это онъ идетъ. *(Поспѣшно схватывается съ постели.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Осипъ *и* Хлестаковъ.

Хлестаковъ. На, прими это *(отдаетъ фуражку и тросточку)*. А, опять валялся на кровати?

Осипъ. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что ли?

Хлестаковъ. Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Осипъ. Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

Хлестаковъ *(ходитъ по комнатѣ)*. Посмотри, тамъ, въ картузѣ, табаку нѣтъ?

Осипъ. Да гдѣ жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

Хлестаковъ *(ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ)*. Послушай... ей, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлестаковъ *(громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ)*. Ты ступай туда.

Осипъ. Куда?

Хлестаковъ *(голосомъ вовсе не рѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ)*. Внизъ, въ буфетъ... тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

Хлестаковъ. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ. Еще, говоритъ, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой — плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ широкомыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлестаковъ. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ. Говоритъ: «Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя». «Я, говоритъ, шутить не буду, я прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую да въ тюрьму».

Хлестаковъ. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осипъ. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ. На что жъ хозяина? Ты поди, самъ скажи.

Осипъ. Да, право, сударь...

Хлестаковъ. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

(Осипъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся, думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ,—нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, если бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ — и все обобралъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привелъ. Какой скверный городишка! Въ овошенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ долгъ. Это ужъ, просто, подло. *(Насвистываетъ сначала изъ „Роберта“, потомъ: „Не шей ты мнѣ, матушка“, а наконецъ — ни се ни то).* Никто не хочетъ итти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ *и* **трактирный слуга.**

Слуга. Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно.

Хлестаковъ. Здравствуй, братецъ! Ну, что ты, здоровъ?

Слуга. Славу Богу.

Хлестаковъ. Ну, что, какъ у васъ въ гостиницѣ, хорошо ли все идетъ?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ. Много проѣзжающихъ?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаковъ. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ, пожалуйста, поторопи, чтобъ поскорѣе,—видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ, никакъ, хотѣлъ итти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ. Да что ужъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? Вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется: я не шутя это говорю.

Слуга. Такъ-съ. Онъ говорилъ: «Я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее». Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

Хлестаковъ. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что жъ ему такое говорить?

Хлестаковъ. Ты растолкуй ему серьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою... Онъ думаетъ, что, какъ ему, мужику, ничего, если не поѣстъ день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

Слуга. Пожалуй, и скажу.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что ли, продать? Нѣтъ, ужъ лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ напрокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду помѣщику подъ крыльцо, съ фона-

рями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились! «Кто такой, что такое?» А лакей входитъ *(вытягиваясь и представляя лакея)*: «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значитъ «прикажете принять». Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь помѣщикъ, такъ и валитъ, медвѣдь, прямо въ гостиную... Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, какъ я...» *(потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой.)* Тфу! *(плюетъ.)* Даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ **слуга.**

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несутъ обѣдъ.

Хлестаковъ *(прихлопываетъ въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулѣ).* Несутъ! Несутъ! Несутъ!

Слуга *(съ тарелками и салфеткой).* Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлестаковъ. Ну, хозяинъ, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Что тамъ такое?

Слуга. Супъ и жаркое.

Хлестаковъ. Какъ, только два блюда?

Слуга. Только-съ.

Хлестаковъ. Вотъ вздоръ какой! Я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это, въ самомъ дѣлѣ, такое!.. Этого мало.

Слуга. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлестаковъ. А соусу почему нѣтъ?

Слуга. Соусу нѣтъ.

Хлестаковъ. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлестаковъ. Какъ нѣтъ?

Слуга. Да ужъ нѣтъ.

Хлестаковъ. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Для это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ. Ахъ, ты, дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлестаковъ. Поросенокъ ты скверный... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

Слуга. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

Хлестаковъ. Какіе же?

Слуга. Обнаковенно какіе! Они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлестаковъ. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. *(Наливаетъ супъ и ѣстъ.)* Что это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкусу нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

Слуга. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ: коли не хотите, то и не нужно!

Хлестаковъ *(защищая рукою кушанье).* Ну, ну, ну... оставь, дуракъ. Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! Со мною не совѣтую... *(Ѣстъ.)* Боже мой, какой супъ! *(Продолжаетъ ѣсть.)* Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу: какія-то перья

плаваютъ вмѣсто масла. *(Рѣжетъ курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. *(Рѣжетъ жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что жъ такое?

Хлестаковъ. Чортъ его знаетъ, что такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. *(Ѣстъ.)* Мошенники, канальи! Чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ. *(Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ.)* Подлецы! Совершенно, какъ деревянная кора — ничѣмъ вытащить нельзя; и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ. Мошенники! *(Вытираетъ ротъ салфеткой.)* Больше ничего нѣтъ?

Слуга. Нѣтъ.

Хлестаковъ. Канальи! Подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! Дерутъ только съ проѣзжающихъ.

Слуга убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, потомъ **Осипъ.**

Хлестаковъ. Право, какъ будто и не ѣлъ; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

Осипъ *(входитъ)*. Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

Хлестаковъ *(испугавшись)*. Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что жъ? Если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу. Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задалъ тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой... Нѣтъ, не хочу... Да что онъ? Какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? *(Бодрится и выпрямляется.)* Да я ему прямо скажу: «Какъ вы смѣете? Какъ вы...» *(У дверей вертится ручка; Хлестаковъ бѣлѣетъ и съеживается.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ, городничій *и* **Добчинскій.**

(Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза).

Городничій *(немного оправившись и протянувъ руки по швамъ).* Желаю здравствовать!

Хлестаковъ *(кланяется)*. Мое почтеніе!..

Городничій. Извините.

Хлестаковъ. Ничего...

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій.

Хлестаковъ *(сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко)*. Да что жъ дѣлать?.. Я не виноватъ... Я, право, заплачу... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. *(Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей.)* Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ— онъ чортъ знаетъ, чего плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно

Онъ меня моритъ голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой страпный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что жъ я... Вотъ новость!

Городничій *(робѣя)*. Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди и трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ берутъ такую. А если что не такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что значитъ на другую квартиру: то-есть — въ тюрьму. Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете?.. Да вотъ я... Я служу въ Петербургѣ... *(Бодрится.)* Я, я, я...

Городничій *(въ сторону.)* О, Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

Хлестаковъ *(храбрясь)*. Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой—не пойду. Я прямо къ министру! *(Стучитъ кулакомъ по столу.)* Что вы? Что вы?

Городничій *(вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ)*. Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! Мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму, вотъ прекрасно! *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется.)* Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій *(дрожа)*. По неопытности, ей-Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія... Сами извольте посудить? Казеннаго жалованья нехватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ. Да что? Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ... *(Въ размышленіи)*. Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! Смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копейки.

Городничій *(въ сторону)*. О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого тумана напустилъ! Разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать, не куды пошло! Что будетъ, то будетъ, попробовать на авось. *(Вслухъ)*. Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Дайте, дайте мнѣ взаймы! Я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти или хоть даже и меньше.

Городничій *(поднося бумажки)*. Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ *(принимая деньги)*. Покорнѣйше благодарю. Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ... Я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Городничій *(въ сторону)*. Ну, слава Богу! Деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь въ ладъ. Я-таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернулъ.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ.)* Позови сюда трактирнаго слугу! *(Къ городничему и Добчинскому.)* А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. *(Добчинскому.)* Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... *(Добчинскому.)* Садитесь! *(Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается.)*

Городничій *(въ сторону)*. Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы трусы; прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. *(Вслухъ.)* Мы, проѣзжаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я, кромѣ должности, еще по христіанскому человѣколюбію, хочу чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ,— и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій *(въ сторону)*. Да, разсказывай! Не зналъ, чѣмъ заплатить! *(Вслухъ.)* Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій *(въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе)*. Въ Саратовскую губернію! А! и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо востро! *(Вслухъ.)* Благое дѣло изволили предпринять. Вѣдь вотъ относительно дороги говорятъ, съ одной стороны, непріятности насчетъ задержки лошадей, а вѣдь, съ другой стороны, развлеченіе для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владимира въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

Городничій *(въ сторону)*. Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика отца приплелъ! *(Вслухъ.)* И на долгое время изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Право, не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнъ, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За что жъ, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Городничій *(въ сторону)*. Славно завязалъ узелокъ! Вретъ, вретъ — и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! Ты у меня проговоришься. Я тебя ужъ заставлю побольше разсказать! *(Вслухъ.)* Справедливо изволили замѣтить. Что можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хоть бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату.)* Кажется, эта комната нѣсколько сыра?

Хлестаковъ. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки, кусаютъ.

Городничій. Скажите, какой просвѣщенный гость, и терпитъ отъ кого же? — Отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ даже темно въ этой комнатѣ?

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать или придетъ фантазія сочинить что-нибудь — не могу: темно, темно

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ я недостоинъ.

Хлестаковъ. А что?

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ! Недостоинъ, недостоинъ!

Хлестаковъ. Да что жъ такое?

Городничій. Я бы дерзнулъ... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... Но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ слишкомъ большая честь... Не разсердитесь — ей Богу, отъ простоты души предложилъ.

Хлестаковъ. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Городничій. А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня уже такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства, особливо, если гость— просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

Хлестаковъ. Покорно благодарю. Я самъ тоже — я не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и трактирный слуга, сопровождаемый **Осипомъ.** *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь.)*

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаковъ. Да; подай счетъ.

Слуга. Я ужъ давеча подалъ вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ. Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори, сколько тамъ?

Слуга. Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

Хлестаковъ. Дуракъ, еще началъ высчитывать! Всего сколько слѣдуетъ?

Городничій. Да вы не извольте безпокоиться, онъ подождетъ. *(Слугѣ.)* Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. *(Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то: богоугодныя и другія.

Хлестаковъ. А что тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

Хлестаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. *(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь.)*

Городничій. Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій. А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки-толстобрушки!

Городничій *(Добчинскому)*. Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь пѣтъ мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ.

Городничій *(тихо Добчинскому)*. Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе, Земляникѣ, а другую — женѣ. *(Хлестакову.)* Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же?.. А, впрочемъ, тутъ и чернила, только бумаги — не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?..

Городничій. Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и въ то же время говоритъ про себя.)* А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки-толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера: не казиста на видъ, а слона повалитъ съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. *(Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается.)*

Хлестаковъ. Что? Не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая нашлепка! Я забѣгу къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

Городничій *(дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ; Хлестакову)*. Это-съ ничего-съ. Прошу покорнѣйше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. *(Осипу.)* Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему — тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ, но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому)*. Ужъ и вы! Не нашли другого мѣста упасть! И растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что такое. *(Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна *(стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ).*

Анна Адреевна. Ну, вотъ ужъ цѣлый часъ дожидаемся... А все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ! еще нужно копаться... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! Какъ нарочно, ни души! Какъ будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, минуты черезъ двѣ все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна прійти. *(Всматривается въ окно и вскрикиваетъ).* Ахъ, маменька, маменька! Кто-то идетъ, вонъ, въ концѣ улицы.

Анна Андреевна. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи. Ну, да, идетъ. Кто жъ это идетъ? Небольшого роста... во фракѣ... Кто жъ это? А это, однакожъ, досадно! Кто жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна. Это Добчинскій, маменька!

Анна Андреевна. Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Совсѣмъ не Добчинскій. *(Машетъ платкомъ).* Эй, вы, ступайте сюда! Скорѣе!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ — не Добчинскій.

Марья Антоновна. А что? А что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу — изъ чего же ты споришь? *(Кричитъ въ окно).* Скорѣй, скорѣй! Вы тихо идете. Ну, что, гдѣ они? А? Да говорите же оттуда, все равно. Что? Очень строгій? А? А мужъ, мужъ? *(Немного отступя отъ окна, съ досадою).* Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда жъ за ними!.. и я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили.

Добчинскій. Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто онъ такой? Генералъ?

Добчинскій. Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу: такое образованіе и важные поступки-съ.

Анна Андреевна. А, такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу?

Добчинскій. Настоящій. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна. Ну, разскажите: что и какъ?

Добчинскій. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово, да-съ; сердился и говорилъ, что и въ гостинницѣ все нехорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли, и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна. Да вамъ-то чего бояться? Вѣдь вы не служите.

Добчинскій. Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна. Ну, что жъ... Это все, однакожъ, вздоръ. Разскажите: каковъ онъ собою? Что, старъ или молодъ?

Добчинскій. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говоритъ совсѣмъ такъ, какъ старикъ. «Извольте, говоритъ, я поѣду и туда и туда...» *(размахиваетъ руками)* такъ это все славно. «Я, говоритъ, и написать и почитать люблю; по мѣшаетъ, что въ комнатѣ,—говоритъ,—немножко темно».

Анна Андреевна. А собой каковъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинскій. Нѣтъ, больше шантретъ, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

Анна Андреевна. Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? *(Читаетъ.)* «Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копеекъ...» *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинскій. А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна. А, да, точно. *(Продолжаетъ читать.)* «Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій...» Ахъ, Боже мой! Это, однакожъ, нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій *(бѣжитъ и кричитъ въ дверь).* Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ.)*

Анна Андреевна. Послушай: бѣги къ купцу Абдулину... постой, я дамъ тебѣ записочку. *(Садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ.)* Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобъ онъ побѣжалъ съ нею къ купцу Абдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

Добчинскій. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! Я не держу васъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Андреевна *и* **Марья Антоновна.**

Анна Андреевна. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ — столичная штучка. Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мнѣ совсѣмъ не нравится: и Лянкина-Тянкина ходитъ въ голубомъ и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андреевна. Цвѣтное!.. Право, говоришь — лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

Анна Андреевна. Мнѣ палевое нейдетъ?

Марья Антоновна. Нейдетъ; я, что угодно даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андреевна. Вотъ хорошо! А у меня глаза развѣ не темные? Самые темные. Какой вздоръ говоритъ! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! Вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценою.)* Этакое вдругъ воображается! Червонная дама! Богъ знаетъ, что такое! *(По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мишка *и* Осипъ.

Осипъ. Куда тутъ?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осипъ. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ, ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ генералъ?

Осипъ. Какой генералъ?

Мишка. Да баринъ вашъ.

Осипъ. Баринъ? Да какой онъ генералъ?

Мишка. А развѣ не генералъ?

Осипъ. Генералъ, да только съ другой стороны.

Мишка. Что жъ, это больше или меньше настоящаго генерала?

Осипъ. Больше.

Мишка. Вишь ты какъ! То-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка тамъ что-нибудь поѣсть!

Мишка. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ, какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ. Ну, а простого-то что у васъ есть?

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осипъ. Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что, тамъ другой выходъ есть?

Мишка. Есть. *(Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ **Хлестаковъ;** *за нимъ* **городничій,** *далѣе* **попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій** *и* **Бобчинскій,** *съ пластыремъ*

на носу. **Городничій** *указываетъ квартальнымъ на полу бумажку — они бьютъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга впопыхахъ.*

Хлестаковъ. Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники заботятся больше о своей, то-есть, пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ. Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

Городничій. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ. Я люблю поѣсть. Вѣдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филипповичъ *(подбѣгая).* Лабарданъ-съ.

Хлестаковъ. Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? Въ больницѣ, что ли?

Артемій Филипповичъ. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ. Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? Тамъ ихъ, кажется, немного.

Артемій Филипповичъ. Человѣкъ десять осталось, не больше, а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я припялъ начальство, — можетъ-быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ,—всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

Городничій. Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... Словомъ, наиумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что даже когда ложишься спать, все думаешь: Господи Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?.. — Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ, я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего жъ мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону).* Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! Далъ же Богъ такой даръ!

Хлестаковъ. Это правда. Я, признаюсь, самъ люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся.

Бобчинскій *(Добчинскому).* Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Городничій *(въ сторону).* Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! *(Вслухъ.)* Боже сохрани! Здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля или что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападетъ, что просто плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ?

Лука Лукичъ *(въ сторону)*. А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничій. Лучше ужъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ. Ну, нѣтъ, вы напрасно, однакоже... Все зависитъ отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... ну, тогда, конечно... Нѣтъ, не говорите; иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ *(раскланиваясь)*. Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ *(рисуясь)*. Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! Вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка [1]) показалась очень не пріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Привыкши жить, comprenez vous [2]), въ свѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ: грязные трактиры, мракъ невѣжества... Если бъ, признаюсь, не такой случай, который меня... *(посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней)* такъ вознаградилъ за все...

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Какъ можно-съ! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! Что за жизнь, право! Вы, можетъ-быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ, начальникъ отдѣленія со мною на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: «Приходи, братецъ, обѣдать!» Я только на двѣ минуту захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только — тр... тр... пошелъ писать. Хотѣли было даже меня коллежскимъ асессоромъ сдѣлать, да думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: «Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ, говоритъ, сапоги почищу?» *(Городничему.)* Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вмѣстѣ.
Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.
Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ.
Лука Лукичъ. Не извольте безпокоиться!

---

1) Т.-е. путешествіе. 2) Т.-е. понимаете ли.

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. *(Городничій и всѣ садятся.)* Я не люблю церемоніи. Напротивъ, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: «Вонъ, говорятъ, Иванъ Александровичъ идетъ!» А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго: солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: «Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго».

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, братъ, Пушкинъ?» — «Да такъ, братъ, отвѣчаетъ, бывало: такъ какъ-то все...» — Большой оригиналъ.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро [1]), Робертъ Дьяволъ [2]), Норма [3]). Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: «Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь». Думаю себѣ: «Пожалуй, изволь, братецъ». И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что было подъ именемъ барона Брамбеуса [4]), Фрегатъ Надежды [5]) и Московскій Телеграфъ [6])... все это я написалъ.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю статьи. Мнѣ Смирдинъ [7]) даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андреевна. Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это господина Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну, вотъ: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала, какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всѣмъ.)* Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

---

[1]) Женитьба Фигаро — комедія извѣстнаго французскаго писателя XVIII в. Бомарше. [2]) Робертъ Дьяволъ — опера знаменитаго композитора XIX в. Мейербера. [3]) Норма — опера итальянскаго композитора XIX в. Беллини. [4]) Баронъ Брамбеусъ — литературное имя Сенковскаго, русскаго журналиста; род. въ 1800 г., ум. въ 1858 г. [5]) Фрегатъ Надежда — романъ Марлинскаго, писателя начала XIX в. [6]) Московскій Телеграфъ — извѣстный журналъ, издававшійся въ Москвѣ съ 1825 г. до 1834 г. Николаемъ Полевымъ. [7]) Смирдинъ — петербургск. книгопродавецъ-издатель; род. въ 1795 г., ум. въ 1858 г.

Хлестаковъ. Вздоръ—отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. *(Съ декламаціей.)* Лабарданъ! Лабарданъ!

Хлестаковъ. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Сунь въ кастрюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку — паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажешь только кухаркѣ: «На, Маврушка, шинель»... Что жъ я вру — я и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоитъ... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ тамъ, какъ шмели, только и слышно ж...ж...ж... Иной разъ и министръ... *(Городничій и прочіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ.)* Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ — куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало, — нѣтъ, мудрено. Кажется, и легко на видъ, а разсмотришь — просто, чортъ возьми! Послѣ видятъ, нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... Можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ; хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужный списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность; я принимаю, говорю: такъ и быть, говорю: я принимаю, только ужъ у меня ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужъ я...» И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ — просто землетрясенье — все дрожитъ и трясется, какъ листъ. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха. Хлестаковъ горячится сильнѣе.)* О, я шутить не люблю! Я имъ всѣмъ задалъ острастку. Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ:—Я самъ себя знаю, самъ.—Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками.)*

Городничій *(подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить)*. А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ *(быстрымъ отрывистымъ голосомъ)*. Что такое?

Городничій. А ва ва ва... ва...

Хлестаковъ. Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничій. Ва ва ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. Вотъ и комната и все, что нужно.

Хлестаковъ. Вздоръ — отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ... я доволенъ, я доволенъ. *(Съ декламаціей.)* Лабарданъ! Лабарданъ! *(Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Хлестакова *и* **городничаго**.

Бобчинскій *(Добчинскому)*. Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человѣкъ-то! Вонъ оно, что значитъ человѣкъ! Въ жисть не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій. Я думаю, чуть ли не генералъ.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генералъ-то ему и въ подмётки не станетъ; а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, разскажемъ поскорѣе Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка! *(Оба уходятъ.)*

Артемій Филипповичъ *(Лукѣ Лукичу).* Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проспится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? *(Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищъ, произнеся:)* Прощайте, сударыня.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анна Андреевна *и* **Марья Антоновна.**

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! Сейчасъ можно увидѣть столичную штучку; пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожъ, ему очень понравилась: я замѣтила — все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣтъ, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! Нельзя, да и полно? Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ-быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. «А, говоритъ себѣ: дай ужъ посмотрю на нее!»

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же *и* **городничій.**

Городничій *(входитъ на цыпочкахъ).* Чш...ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничій. И не радъ, что напоилъ. Ну, что, если хоть одна половина изъ того, что онъ говорилъ, правда? *(Задумывается.)* Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человѣкъ все несетъ наружу: что на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь не прилгнувши не говорится никакая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости: я просто видѣла въ немъ образованнаго свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, ужъ вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все — финтирлюшки! Вдругъ брякнутъ ни изъ того ни изъ

другого словцо. Васъ посѣкутъ, да и только, а мужа и помилай, какъ звали Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться Мы кой-что знаемъ такое... *(Посматриваетъ на дочь.)*

Городничій *(одинъ)*. Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія? До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь.)* Мишка, позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду они тутъ недалеко, гдѣ-нибудь за воротами. *(Послѣ небольшого молчанія.)* Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хоть бы народъ-то ужъ былъ видный а то худенькій, тонепькій — какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку — ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и экивоки, что, кажись, вѣкъ бы не добился толку: А вотъ наконецъ, и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человѣкъ молодой.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же *и* **Осипъ.** *(Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая пальцами.)*

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничій. Чш... Что? Что? Спитъ?

Осипъ. Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ. Осипъ, сударыня.

Городничій *(жент и дочери)*. Полно, полно вамъ! *(Осипу.)* Ну, что другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ. Накормили, покорнѣйше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну, что, скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

Осипъ *(въ сторону)*. А что говорить? Коли теперь накормили хорошо значитъ, послѣ еще лучше накормятъ. *(Вслухъ.)* Да, бываютъ и графы.

Марья Антоновна. Душенька, Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій.

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

Городничій. Да перестаньте, пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну, что, другъ?..

Анна Андреевна. А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Осипъ. Чинъ обыкновенно какой.

Городничій. Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами Не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что, другъ, какъ твой баринъ? Строгъ Любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ. Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

Городничій. А мнѣ очень нравится твое лицо. Другъ, ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходитъ?..

Городничій. Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь дѣло идетъ о жизни человѣка... *(Къ Осипу.)* Ну, что, другъ, право, мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ, — оно теперь холодновато, — такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай

Осипъ *(принимаетъ деньги)*. А, покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! Бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осипъ, душенька! Какой миленькій носикъ у твоего барина!

Городничій. Да постойте, дайте мнѣ!.. *(Къ Осипу.)* А что, другъ, скажи, пожалуйста: на что больше баринъ твой обращаетъ вниманія, то-есть, что ему въ дорогѣ больше нравится?

Осипъ. Любитъ онъ, по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

Городничій. Хорошее?

Осипъ. Да, хорошее. Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей Богу. Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: «Что, Осипъ, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородіе». — «Э, говоритъ, это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты, говоритъ, напомни мнѣ, какъ пріѣду».—«А, думаю себѣ *(махнувъ рукою)*, Богъ съ нимъ! Я человѣкъ простой».

Городничій. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

Осипъ. За что жалуете, ваше высокоблагородіе? *(Прячетъ деньги.)* Развѣ уже выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! *(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.)*

Городничій. Чш! *(Поднимается на цыпочки; вся сцена сполголоса.)* Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! Полно ужъ вамъ!..

Анна Андреевна, Пойдемъ, Машенька! Я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

Городничій. О, ужъ тамъ наговорятъ! Я думаю, поди только, да послушай — и уши потомъ заткнешь. *(Обращаясь къ Осипу.)* Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Держиморда *и* **Свистуновъ.**

Городничій. Чш! Экіе косолапые медвѣди стучатъ сапогами! Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

Держиморда. Былъ по приказанію...

Городничій. Чш! *(Закрываетъ ему ротъ.)* Экъ какъ каркнула ворона! *(Дразнитъ его.)* Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! *(Къ Осипу.)* Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что нужно, для барина. Все, что ни есть въ домѣ, требуй. *(Осипъ уходитъ.)* А вы стоять на крыльцѣ — и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, взашей такъ прямо и толкайте! такъ его хорошенько! *(Показываетъ ногою.)* Слышите? Чш... чш... *(Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными.)*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ: **Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій,** *въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.*

Аммосъ Ѳедоровичъ *(строитъ всѣхъ полукружіемъ).* Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ и государственный совѣтъ распекаетъ! Стройтесь на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. *(Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ.)*

Артемій Филипповичъ. Воля ваша, Аммосъ Ѳедоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А что именно?

Артемій Филипповичъ. Ну, извѣстно что.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Подсунуть?

Артемій Филипповичъ. Ну, да хоть и подсунуть.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Опасно, чортъ возьми! раскричится: государственный человѣкъ. А развѣ въ видѣ приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятникъ.

Почтмейстеръ. Или же: «Вотъ, молъ, пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія».

Артемій Филипповичъ. Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ [1])? Представиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ, — чтобы и уши не слыхали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается! Ну, вотъ вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, первый и начните.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Такъ лучше жъ вы! Въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба.

Артемій Филипповичъ. Такъ ужъ лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лукичъ. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право, увольте!

Артемій Филипповичъ. Да, Аммосъ Ѳедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ что ни слово, то Цицеронъ [2]) съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Что вы! Что вы! Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ или о гончей ищейкѣ...

---

[1]) Эскадронъ—въ кавалеріи 100 — 120 лошад. [2]) Цицеронъ — извѣстный римскій ораторъ I вѣка до Р. Х.

Всѣ *(пристаютъ къ нему.)* Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Отвяжитесь, господа! *(Въ это время слышны шаги и откашливанье въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выйти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицанія.)*

Голосъ Бобчинскаго. Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу.

Голосъ Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе — совсѣмъ прижали!

(Выхватываются нѣсколько восклицаній: ай! ай! *наконецъ всѣ выпираются, и комната остается пуста).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Хлестаковъ *(одинъ, выходитъ съ заспаннымъ глазами.)*

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ! Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? Даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ, въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ *и* **судья.**

Судья *(входя и останавливаясь, про себя).* Боже, Боже! Вынесп благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. *(Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.)* Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816 былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. А выгодно, однакоже, быть судьею?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владимиру 4 степени съ одобренія со стороны начальства. *(Въ сторону.)* А деньги въ кулакѣ, да кулакъ-то весь въ огнѣ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3 степени уже не такъ.

Судья *(высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ. Въ сторону.)* Господи Боже! Не знаю, гдѣ сижу! Точно горячіе угли подъ тобою.

Хлестаковъ. Что это у васъ въ рукѣ?

Аммосъ Ѳедоровичъ *(потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи).* Ничего-съ!

Хлестаковъ. Какъ ничего? Я вижу деньги упали.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(дрожа всѣмъ тѣломъ).* Никакъ нѣтъ-съ! *(Въ сторону.)* О Боже! Вотъ ужъ я и подъ судомъ! И тележку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ *(подымая)*. Да, это деньги.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону)*. Ну, все кончено—пропалъ! Пропалъ!

Хлестаковъ. Знаете ли что? Дайте ихъ мнѣ взаймы.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(поспѣшно)*. Какъ же-съ, какъ же-съ... съ большимъ удовольствіемъ. *(Въ сторону.)* Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да се... Впрочемъ, я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Помилуйте, какъ можно! И безъ того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству... постараюсь заслужить... *(Приподымается со стула. Вытянувшись и руки по швамъ.)* Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанья?

Хлестаковъ. Какого приказанья?

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

Хлестаковъ. Зачѣмъ же! Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ ничего. Покорнѣйше благодарю.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(раскланиваясь и уходя, въ сторону)*. Ну, городъ нашъ!

Хлестаковъ *(по уходѣ его)*. Судья — хорошій человѣкъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Хлестаковъ *и* **почтмейстеръ** *(входитъ, вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу)*.

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно — ну, что жъ? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ. Совершенная правда.

Хлестаковъ. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. *(Въ сторону.)* А онъ, однакожъ, ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ. А вѣдь, однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно рожить счастливо?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

Почтмейстеръ. Совершенно справедливо.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. *(Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя.)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. *(Вслухъ.)* Какой странный со мной случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Почтмейстеръ. Почему же? Почту за величайшее счастіе. Вотъ-съ извольте. Отъ души готовъ служить.

Хлестаковъ. Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. *(Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу.)* Не смѣю далѣе безпокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

Хлестаковъ. Нѣтъ, ничего.

(Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ.)

Хлестаковъ *(раскуривая сигарку).* Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человѣкъ; по крайней мѣрѣ, услужливъ. Я люблю такихъ людей.

ЯВЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ *и* **Лука Лукичъ,** *который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ:* «Чего робѣешь?»

Лука Лукичъ *(вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу).* Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? *(Подаетъ ему сигару.)*

Лука Лукичъ *(про себя, въ нерѣшимости).* Вотъ тебѣ разъ. Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я курилъ сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка — просто, ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. *(Подаетъ ему свѣчу.)*

Лука Лукичъ *(пробуетъ закурить и весь дрожитъ.)*

Хлестаковъ. Да не съ того конца!

Лука Лукичъ *(отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и, махнувъ рукою, про себя).* Чортъ побери все! Сгубила проклятая робость!

Хлестаковъ. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго пола, никакъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся — брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ *(находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать).*

Хлестаковъ. Нѣтъ, скажите откровенно: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ. Не смѣю знать.

Хлестаковъ. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется узнать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ. Осмѣлюсь доложить... *(Въ сторону.)* Ну, и самъ не знаю, что говорю.

Хлестаковъ. А! а! не хотите сказать. Вѣрно, ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

(Лука Лукичъ молчитъ.)

Хлестаковъ. А! а! покраснѣли! Видите, видите! Отчего жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ. Оробѣлъ, ваше бла... превос... сіят... *(Въ сторону.)* Продалъ проклятый языкъ, продалъ!

Хлестаковъ. Оробѣли? А въ моихъ глазахъ, точно, есть что-то такое, что внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ, я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

Лука Лукичъ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вотъ со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Лука Лукичъ *(хватаясь за карманы, про себя).* Вотъ-те штука, если пятъ! Есть, есть! *(Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи.)*

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю.

Лука Лукичъ *(вытягиваясь и придерживая шпагу).* Не смѣю долѣе безпокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ. Прощайте.

Лука Лукичъ *(летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону).* Ну, слава Богу! Авось, не загляпетъ въ классы!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Хлестаковъ *и* **Артемій Филипповичъ**, *вытянувшись и придерживая шпагу.*

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Земляника.

Хлестаковъ. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемій Филипповичъ. Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлестаковъ. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

Артемій Филипповичъ. Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ. Я,—признаюсь, это моя слабость,—люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

Артемій Филипповичъ. Очень можетъ быть. *(Помолчавъ.)* Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ вполголоса.)* Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи: посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что былъ предъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться предъ вами,—конечно, для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель,—поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужъ и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста! А я никакъ этого не думалъ.

Артемій Филипповичъ. Вотъ и смотритель здѣшняго училища... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ [1]), и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлестаковъ. Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я знаете, этакъ люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? Я все позабываю.

Артемій Филипповичъ. Земляника.

---

[1]) Якобинецъ—членъ якобинскаго клуба, извѣстнаго общества временъ французской революціи 1789 г.; ярый республиканецъ.

Хлестаковъ. А, да! Земляника. И что жъ, скажите, пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Артемій Филипповичъ. Какъ же-съ! Пятеро; двое уже взрослыхъ.

Хлестаковъ. Скажите, взрослыхъ! А какъ они... какъ они того?..

Артемій Филипповичъ. То-есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлестаковъ. Да, какъ ихъ зовутъ?

Артемій Филипповичъ. Николай, Иванъ, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаковъ. Это хорошо.

Артемій Филипповичъ. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... *(Раскланивается съ тѣмъ, чтобы уйти.)*

Хлестаковъ *(провожая)*. Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно, что вы говорили. Пожалуйста, и въ другое тоже время... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему.)* Эй, вы! Какъ васъ, я все позабываю, какъ ваше имя и отчество.

Артемій Филипповичъ. Артемій Филипповичъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ взаймы— рублей четыреста?

Артемій Филипповичъ. Есть.

Хлестаковъ. Скажите, какъ кстати. Покорнѣйше васъ благодарю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добчинскій. Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлестаковъ. А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали? Что, какъ вашъ носъ?

Бобчинскій. Слава Богу! Не извольте безпокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ. Хорошо, что присохъ. Я радъ... *(Вдругъ и отрывисто.)* Денегъ нѣтъ у васъ?

Добчинскій. Денегъ? Какъ денегъ?

Хлестаковъ. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій. Такой суммы, ей Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ. Да, ну, если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

Бобчинскій *(шаря въ карманахъ)*. У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

Добчинскій *(смотря въ бумажникъ)*. Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добчинскій. Нѣтъ, право, и въ прорѣхѣ нѣтъ.

Хлестаковъ. Ну, все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... Это все равно. *(Принимаетъ деньги.)*

Добчинскій. Я осмѣливаюсь попросить васъ относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ. А что это?

Добчинскій. Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлестаковъ. Да?

Добчинскій. То-есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то-есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

Хлестаковъ. Хорошо, пусть называется, это можно.

Добчинскій. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчишка-то этакій... большія надежды подаетъ; наизусть стихи разные разскажетъ и, если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій. Да, большія способности имѣетъ.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да... *(Обращаясь къ Бобчинскому.)* Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій. Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ. А что, о чемъ?

Бобчинскій. Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, сенаторамъ и адмираламъ: что вотъ ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Бобчинскій. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю: что, вотъ, молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Добчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Бобчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

Хлестаковъ. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. *(Выпроваживаетъ ихъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестаковъ *(одинъ)*.

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однакожъ, они меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки—пусть-ка онъ ихъ общелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ, подай мнѣ бумаги и чернилъ! *(Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнесши: „Сейчасъ“.)* А ужъ Тряпичкину, точно, если кто попадетъ на зубокъ,—берегись: отца родного не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любитъ. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... Какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ... Ого! За тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь! Посмотримъ, кто кого!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Хлестаковъ и Осипъ *(съ чернилами и бумагою).*

Хлестаковъ Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и прини-маютъ? *(Начинаетъ писать.)*

Осипъ. Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ А что?

Осипъ. Уѣзжайте отсюда! Ее Богу, уже пора.

Хлестаковъ *(пишетъ).* Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

Осипъ. Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька,— ну, и довольно. Что съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ. Не ровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ... Ей Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славныя—такъ бы закатили!..

Хлестаковъ *(пишетъ).* Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ. Да что завтра! Ей Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе; вѣдь васъ, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались. Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ *(пишетъ).* Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй, вмѣстѣ и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтобы лошади хорошія были! Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря, катили и пѣсни бы пѣли! *(Продолжаетъ писать.)* Воображаю, Тряпичкинъ умретъ со смѣху...

Осипъ. Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобъ не прошло понапрасну время.

Хлестаковъ *(пишетъ).* Хорошо, принеси только свѣчу.

Осипъ *(выходитъ и говоритъ за сценой).* Эй, послушай, братъ! Отне-сешь письмо на почту и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не платитъ: прогонъ, молъ, скажи, казенный. Да чтобъ все живѣе, а не то, молъ, баринъ сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаковъ *(продолжаетъ писать).* Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ—въ Почтамтской или Гороховой? Онъ вѣдь тоже любитъ часто пере-ѣзжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую въ Почтамтскую. *(Свертываетъ и надписываетъ.)*

Осипъ *(приноситъ свѣчу. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды).* Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать.

Хлестаковъ *(даетъ Осипу письмо).* На, отнеси.

Голоса купцовъ. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спитъ. *(Шумъ увеличивается.)*

Хлестаковъ. Что тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что за шумъ?

Осипъ *(глядя въ окно).* Купцы какіе-то хотятъ войти, да не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

Хлестаковъ *(подходя къ окну).* А что вы, любезные?

Голоса купцовъ. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ. Впустите ихъ, впустите! Пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ. *(Осипъ уходитъ.)*

Хлестаковъ *(принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ)*: «Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина...» Чортъ знаетъ, что: и чина такого нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и купцы *(съ кузовомъ вина и сахарными головами)*.

Хлестаковъ. А что вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ. А что вамъ угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ. Отъ кого?

Одинъ изъ купцовъ. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду, говоритъ: «Ахъ, ты татаринъ!» Ей Богу! Если бы, то-есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ—мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало—ей-ей! Придетъ въ лавку и, что ни попадется, все беретъ. Сукна увидитъ штуку, говоритъ: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мнѣ». Ну, и несешь, а въ штукѣ-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы. Ей Богу! Такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То-есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: чернослив такой, что лѣтъ ужъ по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? И на Онуфрія несешь.

Хлестаковъ. Да это, просто, разбойникъ!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велитъ запереть двери. «Я тебя, говоритъ, не буду, говоритъ, подвергать тѣлесному наказанію или пыткой пытать: это, говоритъ, запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!»

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это, просто, въ Сибирь.

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его—все будетъ хорошо, лишь бы, то-есть, отъ насъ подальше. Не побрезгуй, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцемъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ. Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей триста,—ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отецъ нашъ! *(Вынимаютъ деньги.)* Да что триста! Ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ. Извольте: взаймы—я ни слова, я возьму.

Купцы *(подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги)*. Ужъ, пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ. Ну, и подносикъ можно.

Купцы *(кланяясь)*. Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлестаковъ. О нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! Зачѣмъ вы не берете? Возьмите! Въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ! Подавай все, все пойдетъ въ впрокъ. Что тамъ? Веревочка? Давай и веревочку,—и веревочка въ дорогѣ пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то-есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто, хоть въ петлю полѣзай.

Хлестаковъ. Непремѣнно, непремѣнно! Я постараюсь. *(Купцы уходятъ.)*

Слышенъ голосъ женщины. Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

Хлестаковъ. Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну.)* А что ты, матушка?

Голоса двухъ женщинъ. Милости твоей, отецъ, прошу! Повели, государь, выслушать

Хлестаковъ *(въ окно)*. Пропустить ее.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слесарша *(кланяясь въ ноги)*. Милости прошу...

Унтеръ-офицерша. Милости прошу...

Хлестаковъ. Да что вы за женщины?

Унтеръ-офицерша. Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой...

Хлестаковъ. Стой, говори прежде одна. Что тебѣ нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло! Чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! Да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

Слесарша. Сдѣлалъ, мошенникъ, сдѣлалъ — побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. «На что, говоритъ, тебѣ мужъ? Онъ ужъ тебѣ не годится». Да я-то знаю—годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! «Онъ, говоритъ, воръ; хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно, говоритъ, онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты». Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я—слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, то чтобъ и тещѣ...

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпроваживаетъ старуху.)*

Слесарша *(уходя)*. Не позабудь, отецъ нашъ! Будь милостивъ!

Унтеръ-офицерша. На городничаго, батюшка, пришла...

Хлестаковъ. Ну, да что, зачѣмъ? Говори въ короткихъ словахъ.

Унтеръ-офицерша. Высѣкъ, батюшка!

Хлестаковъ. Какъ?

Унтеръ-офицерша. По ошибкѣ, отецъ мой! Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дня сидѣть не могла.

Хлестаковъ. Такъ что жъ теперь дѣлать?

Унтеръ-офицерша. Да дѣлать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафтъ. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! Я распоряжусь. *(Въ окно высовываются руки съ просьбами.)* Да кто тамъ еще? *(Подходитъ къ окну.)* Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! *(Отходя.)* Надоѣли чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

Осипъ *(кричитъ въ окно)*. Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! *(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ.)*

Осипъ. Пошелъ, пошелъ! Чего лѣзешь? *(Упирается первому руками въ брюхо и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Хлестаковъ *и* **Марья Антоновна.**

Марья Антоновна. Ахъ!

Хлестаковъ. Отчего вы такъ испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нѣтъ, я не испугалась.

Хлестаковъ *(рисуется)*. Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ, куда вы намѣрены были итти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаковъ. Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здѣсь ли маменька...

Хлестаковъ. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

Хлестаковъ *(рисуется)*. А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принесть удовольствіе.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаковъ. Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было итти. *(Сѣла.)*

Хлестаковъ. Какой у васъ прекрасный платочекъ!

Марья Антоновна. Вы—насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Купцы. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? И на Онуфрія несешь.

Марья Антоновна. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой-то платочекъ... Сегодня какая странная погода.

Хлестаковъ. А ваши губки, сударыня, лучше всякой погоды.

Марья Антоновна. Вы все этакое говорите... Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ. Для васъ, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

Марья Антоновна. Какіе-нибудь, этакіе—хорошіе, новые.

Хлестаковъ. Да что стихи! Я много ихъ знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишите?

Хлестаковъ. Да къ чему же говорить? Я и безъ того ихъ знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ. Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: «О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ!..» [1]) ну, и другіе... теперь не могу припомнить: впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... *(Придвигая стулъ.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... Я никогда и не знала, что за любовь... *(Отодвигаетъ стулъ.)*

Хлестаковъ. Отчего же вы отдвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Марья Антоновна *(отодвигаясь)*. Для чего жъ близко? Все равно и далеко.

Хлестаковъ *(придвигаясь)*. Отчего жъ далеко? Все равно и близко.

Марья Антоновна *(отодвигается)*. Да къ чему жъ это?

Хлестаковъ *(придвигаясь)*. Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, если бы могъ прижать васъ въ свои объятія.

Марья Антоновна *(смотритъ въ окно)*. Что это тамъ, какъ будто бы полетѣло? Сорока или какая другая птица?

Хлестаковъ *(цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно)*. Это сорока.

Марья Антоновна *(встаетъ въ негодованіи)*. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!..

Хлестаковъ *(удерживая ее)*. Простите, сударыня, я это сдѣлалъ отъ любви, точно, отъ любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинціалку... *(Силится уйти.)*

Хлестаковъ *(продолжая удерживать ее)*. Изъ любви, право, изъ любви. Я такъ только, пошутилъ: Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣнкахъ у васъ просить прощенія. *(Падаетъ на колѣни.)* Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидя Хлестакова на колѣняхъ)*. Ахъ, какой пассажъ!

Хлестаковъ *(вставая)*. А, чортъ возьми!

---

[1]) Начальныя строки изъ оды Ломоносова „Подражаніе Іову“.

Анна Андреевна *(дочери)*. Это что значитъ, сударыня? Это что за поступки такіе?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! Слышишь, прочь, прочь! И не смѣй показываться на глаза. *(Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ.)* Извините, я признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

Хлестаковъ *(въ сторону)*. А она тоже очень аппетитна, очень недурна. *(Бросается на колѣни.)* Сударыня, вы видите, я сгораю отъ любви.

Анна Андреевна. Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ, встаньте, встаньте! Здѣсь полъ совсѣмъ не чистъ.

Хлестаковъ. Нѣтъ, на колѣняхъ, непремѣнно на колѣняхъ, я хочу знать, что такое мнѣ суждено,—жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но, позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію насчетъ моей дочери?

Хлестаковъ. Нѣтъ, я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я недостоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлестаковъ. Это ничего! Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ [1]) сказалъ: «Законы осуждаютъ». Мы удалимся подъ сѣнь струй... Руки, вашей руки прошу.

---

[1]) Карамзинъ — знаменитый русскій литераторъ и историкъ; род. въ 1765 г., умеръ въ 1826 г.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пассажъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна *(вдругъ вбѣгаетъ).*

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказалъ, чтобы вы... *(Увидя Хлестакова на колѣняхъ, вскрикиваетъ.)* Ахъ, какой пассажъ!

Анна Андреевна. Ну, что ты? Къ чему? Зачѣмъ? Что за вѣтреность такая! Вдругъ вбѣжала, какъ угорѣлая кошка. Ну, что ты нашла такого удивительнаго? Ну, что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, когда ты будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ.

Марья Антоновна *(сквозь слезы).* Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ! Не нужно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе—передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать.

Хлестаковъ *(схватывая за руку дочь).* Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна *(съ изумленіемъ).* Такъ вы въ нее?..

Хлестаковъ. Рѣшите—жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну, вотъ видишь, дура, ну, вотъ видишь: изъ-за тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колѣняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну, вотъ, право, стоитъ, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастія.

Марья Антоновна. Не буду, маменька, право, впередъ не буду.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и городничій *(впопыхахъ).*

Городничій. Ваше превосходительство! Не погубите! Не погубите!

Хлестаковъ. Что съ вами?

Городничій. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и наполовину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша налгала вамъ, будто бы я ее высѣкъ; она вретъ, ей Богу, вретъ. Она сама себя высѣкла.

Хлестаковъ. Провались унтеръ-офицерша — мнѣ не до нея!

Городничій. Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ этакій ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества, осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

Городничій. Куда! Куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство—она немного съ придурью: такова же была и мать ея.

Хлестаковъ. Да, я, точно, прошу руки. Я влюбленъ.

Городничій. Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорятъ тебѣ!

Хлестаковъ. Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

Городничій. Не смѣю вѣрить, недостоинъ такой чести.

Хлестаковъ. Да если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, что готовъ...

Городничій. Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ахъ, какой чурбанъ, въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ?

Городничій. Не могу вѣрить.

Хлестаковъ. Отдайте, отдайте! Я — отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдадутъ.

Городничій. Ахъ, Боже мой! Я, ей-ей, не виноватъ ни душою ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь... Я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна. Ну, благословляй.

(Хлестаковъ подходитъ съ Марьей Антоновной.)

Городничій. Да благословитъ васъ Богъ! А я не виноватъ! *(Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной, городничій смотритъ на нихъ.)* Что за чортъ! Въ самомъ дѣлѣ! *(Протираетъ глаза.)* Цѣлуются! Ахъ, батюшки, цѣлуются! Точный женихъ! *(Вскрикиваетъ, подпрыгивая отъ радости.)* Ай, Антонъ! Ай, Антонъ! Ай, городничій! Вона, какъ дѣло-то пошло!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ. Лошади готовы.

Хлестаковъ. А, хорошо... Я сейчасъ.

Городничій. Какъ-съ? Изволите ѣхать?

Хлестаковъ. Да, ѣду.

Городничій. А когда же, то-есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?..

Хлестаковъ. А это... На одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ— богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

Городничій. Не смѣемъ никакъ удерживать въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлестаковъ. Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя... Нѣтъ, просто, не могу выразить! Прощайте, душенька! *(Цѣлуетъ ея ручку.)*

Городничій. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ. О нѣтъ, къ чему это? *(Немного подумавъ.)* А впрочемъ, пожалуй.

Городничій. Сколько угодно вамъ?

Хлестаковъ. Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то-есть не двѣсти, а четыреста,—я не хочу воспользоваться вашею ошибкою,—такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничій. Сейчасъ! *(Вынимаетъ изъ бумажника.)* Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ. А, да! *(Беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи.)* Это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничій. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепріимство. Я признаюсь, отъ всего сердца: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна! *(Выходятъ.)*

ЗА СЦЕНОЙ.

Голосъ Хлестакова. Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

Голосъ городничаго. Какъ же это вы? Прямо такъ на перекладной и ѣдете?

Голосъ Хлестакова. Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы ковликомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

Голосъ Хлестакова. Нѣтъ, зачѣмъ? Это пустое: а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго. Эй, Авдотья! Ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучшій,—что по голубому полю, персидскій, скорѣй!

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Когда же прикажете ожидать васъ?

Голосъ Хлестакова. Завтра или послѣзавтра.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? Давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны! Сюда! Еще! Хорошо! Славно будетъ! *(Бьетъ рукою по ковру.)* Теперь садитесь, ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ городничаго. Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса. Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голосъ ямщика. Эй, вы, залетные! *(Колокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Что, Анна Андреевна? А? Думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экій богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось—просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ... Фу, ты, канальство!.. Съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты—простой человѣкъ, никогда не видѣлъ порядочныхъ людей.

Городничій. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй кто тамъ? *(Входитъ квартальный.)* А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ! Постойте жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобъ знали: что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою—не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество. *(Квартальный уходитъ.)* Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна. А? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? Здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что вѣдь, я думаю, уже городничество тогда къ чорту. А? Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничій. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! Конечно, можно.

Городничій. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ, конечно, голубую лучше.

Городничій. Э? Вишь, чего захотѣла! Хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ?—Потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь—фельдъегеря [1]) и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: «Лошадей!» И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора,

---

[1]) Фельдъегеръ—курьеръ для доставки важныхъ бумагъ или извѣстій.

а тамъ—стой, городничій! Хе-хе-хе! *(Заливается и помираетъ со смѣху.)* Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городничій. Что жъ? Вѣдь слово не вредитъ.

Анна Андреевна. Да, хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій. Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре [1]), чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. *(Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ.)* Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же *и* купцы.

Городничій. А! Здорово, соколики!

Купцы *(кланяясь)*. Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій. Что, голубчики, какъ поживаете? Какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе! жаловаться? Что, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой, какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничій *(съ неудовольствіемъ)*. А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? Что теперь скажете? Теперь я васъ!.. Обманываете народъ... Сдѣлаешь подрядъ съ казною—на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь. «Мы, говоритъ, и дворянамъ не уступимъ». Да дворянинъ... Ахъ, ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче нашъ» не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу, ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы *(кланяясь)*. Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Жаловаться? А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь.—Что скажешь? А?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться! Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

---

[1]) Амбре—родъ духовъ изъ амбры, жидкой прозрачной смолы американскаго дерева.

Городничій. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего?— Оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы *(кланяются въ ноги).* Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. «Не погуби!» Теперь «не погуби!» а прежде что? Я бы васъ... *(Махнувъ рукой.)* Ну, да Богъ проститъ! Полно! Я не памятозлобенъ; только теперь смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтобъ поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару... Ну, ступай съ Богомъ! *(Купцы уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Аммосъ Ѳедоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ **Растаковскій.**

Аммосъ Ѳедоровичъ *(еще въ дверяхъ).* Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? Къ вамъ привалило необыкновенное счастіе?

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ. *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.)* Анна Андреевна! *(Подходя къ ручкѣ Маріи Антоновны.)* Марья Антоновна!

Растаковскій *(входитъ).* Антона Антоновича поздравляю. Да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.* Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ Маріи Антоновны.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Коробкинъ. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны.)* Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ея ручкѣ.)*

Жена Коробкина. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства.)* Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить. *(Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: «Марья Антоновна!» **Бобчинскій и Добчинскій** *(проталкиваются).*

Бобчинскій. Имѣю честь поздравить!

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ, имѣю честь поздравить!

Бобчинскій. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

Добчинскій. Анна Андреевна!

Бобчинскій. Анна Андреевна! *(Оба подходятъ въ одно время и сталкиваются лбами.)*

Добчинскій. Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ.)* Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время...

Бобчинскій *(перебивая)*. Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакаго маленькаго, вонъ энтакаго-съ! *(Показываетъ рукою.)* Чтобъ можно было на ладонку посадить. Да-съ! Все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Еще нѣсколько гостей *(подходящихъ къ ручкамъ)*. **Лука Лукичъ съ женою.**

Лука Лукичъ. Имѣю честь.

Жена Луки Лукича *(бѣжитъ впередъ)*. Поздравляю васъ, Анна Андреевна! *(Цѣлуются.)* А я такъ, право, обрадовалась. Говоря съ мнѣ: «Анна Андреевна выдаетъ дочку».—«Ахъ, Боже мой», думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчикъ, вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!» «Ну,—думаю себѣ,—слава Богу!» И говорю ему: «Я такъ восхищена, что сгораю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ»... «Ахъ, Боже мой!—думаю себѣ:—Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, и вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла», и такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ, просто, рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?»—«Луканчикъ, говорю, я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются.

Городничій. Покорнѣйше прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ.

(Гости садятся.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ. Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта.

Городничій. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! *(Гости усаживаются.)*

Аммосъ Ѳедоровичъ. Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего, то-есть, дѣла.

Городничій. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственноличо сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говоритъ: «Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ». И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ!—«Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь—копейка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества».

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! Вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь». Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... И когда я хотѣла сказать:—Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь,—онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: «Анна Андреевна! Не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! Согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

Анна Андреевна. Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится.—Застрѣлюсь, застрѣлюсь!—говоритъ.

Многіе изъ гостей. Скажите, пожалуйста!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Экая штука!

Лука Лукичъ. Вотъ, подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Артемій Филипповичъ. Не судьба, батюшка, судьба индѣйка: заслуги привели къ тому. *(Въ сторону.)* Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастье!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! Вы не можете себѣ представить!

Коробкинъ. Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ зачѣмъ-то.

Городничій. Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословенія.

Городничій. Испросить благословенія; но завтра же... *(Чихаетъ, поздравленія сливаются въ одинъ гулъ.)* Много благодаренъ! Но завтра же и назадъ... *(Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса.)*

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго. Продли Богъ на сорокъ сороковъ!

Артемія Филипповича. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина. Чортъ тебя побери!

Городничій. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того жъ желаю

Анна Андреевна. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ!... Признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Большому кораблю—большое плаванье.

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и честь.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону)*. Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ. Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Ну, нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ *(въ сторону)*. Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ! Чего добраго, можетъ, и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. *(Обращаясь къ нему.)* Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

Аммосъ Ѳедоровичъ. И если что случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государству, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

Городничій. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно и съ какой стати себя обременять этакими обѣщаніями?

Городничій. Почему жъ, душа моя? Иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, а она и ноги свои...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ *(впопыхахъ съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ).*

Почтмейстеръ. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ, не ревизоръ?

Почтмейстеръ. Совсѣмъ не ревизоръ, — я узналъ это изъ письма.

Городничій. Что вы, что вы? Изъ какого письма?

Почтмейстеръ. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ, вижу: въ Почтамтскую улицу. — Я такъ и обомлѣлъ. «Ну, — думаю себѣ, — вѣрно, нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство». Взялъ, да и распечаталъ.

Городничій. Какъ же вы?..

Почтмейстеръ. Самъ не знаю. Неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой, но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! Тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй, не распечатывай! Пропадешь, какъ курица»; а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И какъ придавилъ сургучъ — по жиламъ огонь, а распечаталъ — морозъ, ей Богу, морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось.

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій. Что жъ онъ по-вашему такое?

Почтмейстеръ. Ни се ни то; чортъ знаетъ, что такое!

Городничій *(запальчиво).* Какъ ни се ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтмейстеръ. Кто? Вы?

Городничій. Да, я!

Почтмейстеръ. Коротки руки.

Городничій. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу?

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! Что Сибирь? Далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа, позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ *(читаетъ).* «Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую за его женою и дочкой; не рѣшился только, съ которой начать, — думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ

услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на широмыжку и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ аглицкаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные! Отъ смѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки; помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...»

Городничій. Не можетъ быть! Тамъ нѣтъ этого!

Почтмейстеръ *(показываетъ письмо)*. Читайте сами.

Городничій *(читаетъ)*. Какъ сивый меринъ. — Не можетъ быть! Вы это сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. «Городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...»

Городничій. О! Чортъ возьми! Нужно еще повторять! Какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ *(продолжая читать)*. Хм... хм... хм... хм... — сивый меринъ. — Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ... — *(Оставляя читать.)* Ну, тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему жъ?...

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все.

Артемій Филипповичъ. Позвольте, я прочитаю. *(Надѣваетъ очки и читаетъ.)* «Почтмейстеръ точь въ точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно-быть, также, подлецъ, пьетъ горькую».

Почтмейстеръ *(къ зрителямъ)*. Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ *(продолжая читать)*. «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе...и...и...и...» *(Заикается.)*

Коробкинъ. А что жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо.)*

Артемій Филипповичъ *(не давая письма)*. Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочитаю: далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читайте, вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! *(Коробкину.)* Читайте.

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. *(Отдаетъ письмо.)* Вотъ, позвольте... *(Закрываетъ пальцемъ.)* Вотъ отсюда читайте. *(Всѣ приступаютъ къ нему.)*

Почтмейстеръ. Читайте, читайте! Вздоръ, все читайте!

Коробкинъ *(читая)*. «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ Земляника — совершенная свинья въ ермолкѣ».

Артемій Филипповичъ *(къ зрителямъ)*. И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! Гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Коробкинъ *(продолжая читать)*. «Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ».

Лука Лукичъ *(къ зрителямъ)*. Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ сторону)*. Слава Богу, хоть, по крайней мѣрѣ, обо мнѣ нѣтъ!

Коробкинъ *(читаетъ)*. «Судья»...

Аммосъ Ѳедоровичъ. Вотъ тебѣ на!.. *(Вслухъ.)* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ: дрянь этакую читать.

Лука Лукичъ. Нѣтъ.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, читайте!

Артемій Филипповичъ. Нѣтъ, ужъ читайте!

Коробкинъ *(продолжаетъ)*. «Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ [1])...» *(Останавливается.)* Должно-быть, французское слово.

Аммосъ Ѳедоровичъ. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ-быть, и того еще хуже.

Коробкинъ *(продолжая читать)*. «А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь, наконецъ, пищи для души. Вижу: точно, нужно чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ.)* Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктъ-Петербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ нумеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третьемъ этажѣ, направо».

Одна изъ дамъ. Какой репримандъ неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! Убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машетъ рукою.)*

Почтмейстеръ. Куды воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ *(вздыхаетъ)*. Охъ! и у меня триста рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ. Да-съ.

Аммосъ Ѳедоровичъ *(въ недоумѣніи разставляетъ руки)*. Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали?

Городничій *(бьетъ себя по лбу)*. Какъ я — нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Что губернаторовъ! *(Махнувъ рукой.)* Нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андреевна. Но это не можетъ быть, Антоша; онъ обручился съ Машенькой...

Городничій *(всердцахъ)*. Обручился! Кукишъ съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. *(Въ изступленіи.)* Вотъ, смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозитъ самому себѣ кулакомъ.)* Эхъ, ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго че-

---

[1]) Моветонъ — человѣкъ дурного тона.

ловѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ. Разнесетъ по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище — найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ, что обидно! Чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!.. Эхъ, вы!.. *(Стучитъ со злости ногами объ полъ.)* Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! Чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! Въ шапку туды ему!.. *(Суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ.)*

(Послѣ нѣкотораго молчанія.)

До сихъ поръ не могу прійти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ, просто, ни на полмизинца не было похожаго — и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Артемій Филипповичъ *(разставляя руки)*. Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммосъ Ѳедоровичъ. Да кто выпустилъ, — вотъ кто выпустилъ: эти молодцы. *(Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго.)*

Бобчинскій. Ей ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется. Прибѣжали, какъ сумасшедшіе изъ трактира: «Пріѣхалъ, пріѣхалъ и денегъ не платитъ...» Нашли важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! Сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

Городничій. Только рыскаете по городу да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! Сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Аммосъ Ѳедоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхіе! *(Всѣ обступаютъ ихъ.)*

Бобчинскій. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

Бобчинскій. А вотъ и нѣтъ: первые-то были вы.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же *и* жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостиницѣ. *(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнившій положеніе, остается въ окаменѣніи.)*

НѢМАЯ СЦЕНА.

Городничій посрединѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гостьи, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову нѣсколько на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движенье губами, какъ бы хотѣлъ посвистать или произнесть: „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!“ За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и пдкимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самаго края, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе.

Занавѣсъ опускается.

Чёмая сцена.

ЖЕНИТЬБА.

СОВЕРШЕННО НЕВѢРОЯТНОЕ СОБЫТІЕ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Агаѳья Тихоновна, купеческая дочь, невѣста.
Арина Пантелеймоновна, тетка.
Ѳекла Ивановна, сваха.
Подколесинъ, служащій надворный совѣтникъ.
Кочкаревъ, другъ его.
Яичница, экзекуторъ.
Анучкинъ, отставной пѣхотный офицеръ.
Жевакинъ, морякъ.
Дуняшка, дѣвочка въ домѣ.
Стариковъ, гостинодворецъ.
Степанъ, слуга Подколесина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната холостяка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Подколесинъ *(одинъ, лежитъ на диванѣ съ трубкой).*

Вотъ, какъ начнешь этакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно, нужно жениться. Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, всего готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходитъ. Право, самому какъ-то становится совѣстно. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. Не приходила сваха?

Степанъ. Никакъ нѣтъ.

Подколесинъ. А у портного былъ?

Степанъ. Былъ.

Подколесинъ. Что жъ, онъ шьетъ фракъ?

Степанъ. Шьетъ.

Подколесинъ. И много уже нашилъ?

Степанъ. Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Говорю: началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. А не спрашивалъ онъ, на что, молъ, нуженъ барину фракъ?

Степанъ. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Подколесинъ. Можетъ-быть, онъ говорилъ: не хочетъ ли баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ты видѣлъ, однакожъ, у него и другіе фраки? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьетъ?

Степанъ. Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ. Однакоже вѣдь сукно-то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

Степанъ. Да, это будетъ попригляднстѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Говорю: это попригляднстѣе, что на вашемъ.

Подколесинъ. Хорошо. Ну, а не спрашивалъ, для чего, молъ, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дескать, жениться?

Степанъ. Нѣтъ, объ этомъ не заговаривалъ.

Подколесинъ. Ты, однакоже, сказалъ, какой на мнѣ чинъ и гдѣ служу?

Степанъ. Сказывалъ.

Подколесинъ. Что жъ онъ на это?

Степанъ. Говоритъ: буду стараться.

Подколесинъ. Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Подколесинъ *(одинъ)*.

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей мелюзгѣ,—молокососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ. Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а надворный совѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. А ваксу купилъ?

Степанъ. Купилъ.

Подколесинъ. Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, что на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ. Да-съ; въ той самой.

Подколесинъ. Что жъ, хороша вакса?

Степанъ. Хороша.

Подколесинъ. Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

Степанъ. Пробовалъ.

Подколесинъ. Что жъ блеститъ?

Степанъ. Блестѣть-то она блеститъ хорошо.

Подколесинъ. А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего, молъ, баринъ нужна такая вакса?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Можетъ-быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли, дескать, баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ну, хорошо, ступай себѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Подколесинъ *(одинъ)*.

Кажется, пустая вещь—сапоги, а вѣдь, однакоже, если дурно сшиты да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія. Все какъ-то не того... Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть, Богъ знаетъ, что, только бы не мозоли. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ. Чего изволите?

Подколесинъ. Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

Степанъ. Говорилъ.

Подколесинъ. Что жъ онъ говоритъ?

Степанъ. Говоритъ: хорошо.

(Степанъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Подколесинъ, потомъ **Степанъ.**

Подколесинъ. А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь—женитьба! То да се да это. Чтобы то да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко, какъ говорятъ. Эй, Степанъ! *(Степанъ входитъ.)* Я хотѣлъ тебѣ еще сказать...

Степанъ. Старуха пришла.

Подколесинъ. А, пришла; зови ее сюда. *(Степанъ уходитъ.)* Да, это вещь... вещь, не того... трудная вещь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Подколесинъ *и* **Ѳекла.**

Подколесинъ. А, здравствуй, здравствуй, Ѳекла Ивановна! Ну, что? Какъ? Возьми стулъ, садись, да и разсказывай. Ну, такъ, какъ же, какъ? Какъ, бишь, ее: Меланья...

Ѳекла. Агаѳья Тихоновна.

Подколесинъ. Да, да, Агаѳья Тихоновна. И, вѣрно, какая-нибудь сорокалѣтняя дѣва?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то-есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

Подколесинъ. Да ты врешь, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песъ вретъ.

Подколесинъ. А приданое-то, приданое-то? Разскажи-ка вновь.

Ѳекла. А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ этажахъ, ужъ такой прибыльной, что истинно, удовольствіе: одинъ лабазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигеря—одинъ хлигерь совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по четыреста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ. Третьяго году купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмельного въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ, «а третій, говоритъ, еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ, говоритъ, старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче».

Подколесинъ. Да собой-то, какова собой?

Ѳекла. Какъ рафинатъ! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ... Сладость такая, что и разсказать нельзя. Ужъ будете вотъ по этихъ поръ до-

вольны *(показывая на горло)*, то-есть и пріятелю и непріятелю скажете: «Ай, да, Өекла Ивановна, спасибо!»

Подколесинъ. Да вѣдь она, однакожъ, не штабсъ-офицерша?

Өекла. Купца третьей гильдіи дочь. Да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. «Мнѣ, говоритъ, какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ». Да, такой великатесъ! А къ воскресному-то какъ надѣнетъ шелковое платье—такъ, вотъ тѣ Христосъ, такъ и шумитъ. Княгиня просто.

Подколесинъ. Да вѣдь я-то потому тебя спрашивалъ, что я — надворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?

Өекла. Да ужъ обнаковенно, какъ не понимать? Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не понравился. Такой ужъ у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ, а такой на взглядъ видный. Что жъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть—такая ужъ на то воля Божія.

Подколесинъ. Ну, а, кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

Өекла. Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что ни есть лучшая.

Подколесинъ. Будто ужъ самая лучшая?

Өекла. Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесинъ. Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣзавтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ. я полежу, а ты разскажешь...

Өекла. Да помилуй, отецъ! Ужъ вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку-то ни на сколько: все сидитъ въ халатѣ да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

Подколесинъ. А ты думаешь, небось, что женитьба, все равно, что: «Эй, Степанъ, подай сапоги!» Натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

Өекла. Ну, такъ что жъ? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подколесинъ. Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватитъ дождемъ.

Өекла. А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль, что онъ—придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подколесинъ. Что за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ жъ сѣдой волосъ? *(Щупаетъ свои волосы.)*

Өекла. Какъ не быть сѣдому волосу, на то живетъ человѣкъ. Смотри-ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтѣ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говоритъ-то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ [1]) служитъ.

Подколесинъ. Да врешь, я посмотрю въ зеркало,—гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ? Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже, чѣмъ оспа. *(Уходитъ въ другую комнату.)*

---

1) Т.-е. въ адмиралтействѣ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Θекла *и* **Кочкаревъ** *(вбѣгая).*

Кочкаревъ. Что Подколесинъ?.. *(Увидя Θеклу.)* Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!.. Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Θекла. А что жъ дурного? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ. Законъ исполнилъ! Эка невидаль—жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

Θекла. Да вѣдь ты жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и только.

Кочкаревъ. Ахъ, ты, крыса старая!.. Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочетъ?.

Θекла. А что жъ, Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ. Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ этомъ? Каковъ? Прошу покорно: исподтишка? А?

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же *и* **Подколесинъ** *(съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно).*

Кочкаревъ *(подкрадываясь сзади, пугаетъ его).* Пуфъ!

Подколесинъ *(вскрикнувъ и роняя зеркало).* Сумасшедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ... Ну, что за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

Кочкаревъ. Ну, ничего, пошутилъ.

Подколесинъ. Что за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало, вонъ, разбилъ; вѣдь это вещь не даровая: въ англійскомъ магазинѣ куплено.

Кочкаревъ. Ну, полно; я сыщу тебѣ другое зеркало.

Подколесинъ. Да, сыщешь. Знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ кажетъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

Кочкаревъ. Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вѣдь вздумалъ.

Подколесинъ. Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думалъ.

Кочкаревъ. Да вѣдь улика налицо. *(Указываетъ на Θеклу.)* Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица. Ну, что жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. *(Къ Θеклѣ.)* Ну, говори: какъ, что и прочее. — Дворянка, чиновница или въ купечествѣ, что ли, и какъ зовутъ?

Θекла. Агаѳья Тихоновна.

Кочкаревъ. Агаѳья Тихоновна Брандахлыстова?

Θекла. Анъ, нѣтъ — Купердягина.

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что ли, живетъ?

Θекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочкаревъ. Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой — деревянный домъ?

Θекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ. Какъ же за пивнымъ, вотъ тутъ-то я не знаю.

Θекла. А вотъ какъ поворотишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минешь, свороти налѣво, и вотъ тебѣ прямо въ глаза то-есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза, и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея, что жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секлехтаремъ. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный — вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то-есть, она живетъ, Агаѳья Тихоновна-то невѣста.

Кочкаревъ. Хорошо, хорошо. Теперь я все это обдѣлаю; а ты ступай — въ тебѣ больше нѣтъ нужды.

Θекла. Какъ такъ? Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

Кочкаревъ. Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

Θекла. Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступитесь, батюшка, право.

Кочкаревъ *(подкрадывался сзади, пугаетъ его)*. Пуфъ!

Подколесинъ *(вскрикнувъ и роняя зеркало)*. Сумасшедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ... Ну, что за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

Кочкаревъ. Поди, поди! Не смыслишь ничего, не мѣшайся. Знай, свой чокъ, свой шестокъ, — убирайся!

Θекла. У людей только чтобы хлѣбъ отымать, безбожникъ такой! Въ такую дрянь вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказывала.

(Уходитъ съ досадой.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Подколесинъ *и* **Кочкаревъ.**

Кочкаревъ. Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать — ѣдемъ.

Подколесинъ. Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только подумалъ...

Кочкаревъ. Пустяки, пустяки! Только не конфузься: я тебя женю такъ что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ все вдругъ.

Подколесинъ. Вотъ еще! Сейчасъ бы и ѣхать.

Кочкаревъ. Да за чѣмъ же, помилуй, за чѣмъ дѣло?.. Ну, разсмотри самъ: ну, что изъ того, что ты не женатый? Посмотри на свою комнату: ну, что въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лаханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ, весь день на баку.

Подколесинъ. Это правда. Порядка-то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

Кочкаревъ. Ну, какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижикъ какой-нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье... И вообрази, ты сидишь на диванѣ — и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка, хорошенькая этакая, и ручкой тебя...

Подколесинъ. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія, въ самомъ дѣлѣ, бываютъ ручки, вѣдь просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ. Куды тебѣ! Будто у нихъ только, что ручки!.. У нихъ, братъ... Ну, да что и говорить: у нихъ, братъ, просто чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

Подколесинъ. А вѣдь сказать тебѣ правду, я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

Кочкаревъ. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только нужно распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее — это все ужъ я... Шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя, ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непремѣнно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ — эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ — чортъ съ нимъ, не правда ли? А? А что же касается до обѣда — у меня, братъ, есть на примѣтѣ придворный офиціантъ: такъ, собака, накормитъ, что, просто, не встанешь.

Подколесинъ. Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба.

Кочкаревъ. А почему жъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ. Я? Ну, нѣтъ... Я еще не совсѣмъ согласенъ.

Кочкаревъ. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

Подколесинъ. Я говорилъ только, что не худо бы.

Кочкаревъ. Какъ? Помилуй! Да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло... Да что? Развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесинъ. Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ. Ну, такъ что жъ? За чѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ. Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно

Кочкаревъ. Что жъ странно?

Подколесинъ. Какъ же не странно? Все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ. Ну, ну... Ну, не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой нужно говорить серьезно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало — что ты тамъ видишь? Глупое лицо, больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ-быть, цѣлыхъ

шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторчонки, маленькіе этакіе канальчонки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувши ручонки, будетъ теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-сабачьи: авъ, авъ, ау! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесинъ. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбрасаютъ бумаги.

Кочкаревъ. Пусть шалятъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи, вотъ штука.

Подколесинъ. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери; эдакой какой-нибудь пышка, щенокъ этакой, и ужъ на тебя похожъ.

Кочкаревъ. Какъ не смѣшно, — конечно, смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ.

Подколесинъ. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ. Эй, Степанъ! Давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ *(одѣваясь передъ зеркаломъ).* Я думаю, однакожъ, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочкаревъ. Пустяки, все равно.

Подколесинъ *(надѣвая воротнички),* Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички, никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найму другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводитъ время, а не гладитъ.

Кочкаревъ. Да ну, братъ, поскорѣе! Какъ ты копаешься!

Подколесинъ. Сейчасъ, сейчасъ. *(Надѣваетъ фракъ и садится.)* Послушай, Илья Ѳомичъ, знаешь ли что? Поѣзжай-ка ты одинъ.

Кочкаревъ. Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ ѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкаревъ. Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно — и вдругъ не нужно! Ну, скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?

Подколесинъ. Ну, что жъ ты бранишься? Съ какой стати? Что я тебѣ сдѣлалъ?

Кочкаревъ. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Вѣдь о чемъ стараюсь! О твоей пользѣ; вѣдь изо рта выманятъ кусъ. Лежитъ проклятый холостякъ! Ну, скажи, пожалуйста, ну, на что ты похожъ? Ну, ну, дрянь, колпакъ, сказалъ бы такое слово... да неприлично только. Баба! Хуже бабы!

Подколесинъ. И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. *(Вполголоса.)* Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще этакими словами; не нашелъ другого мѣста!

Кочкаревъ. Да какъ же тебя не бранить, скажи, пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію и вдругъ — просто сдуру, белены объѣлся, деревянный чурбанъ...

Подколесинъ. Ну, полно, я ѣду — чего жъ ты раскричался?

Кочкаревъ. Ѣду! Конечно, что жъ другое дѣлать какъ не ѣхать! *(Степану.)* Давай ему шляпу и шинель.

Подколесинъ *(въ дверяхъ).* Такой, право, странный человѣкъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбранитъ вдругъ ни за что ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ. Да ужъ кончено, теперь не браню. *(Оба уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Комната въ домѣ Агаѳьи Тихоновны.

Агаѳья Тихоновна *раскладываетъ на картахъ, изъ-за руки глядитъ тетка* **Арина Пантелеймоновна.**

Агаѳья Тихоновна. Опять, тетушка, дорога! Интересуется какой-то бубновый король... слезы... любовное письмо; съ лѣвой стороны трефовый изъявляетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

Арина Пантелеймоновна. А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Агаѳья Тихоновна. Не знаю.

Арина Пантелеймоновна. А я знаю, кто.

Агаѳья Тихоновна. А кто?

Арина Пантелеймоновна. А хорошій торговецъ, что по суконной линіи, Алексѣй Дмитріевичъ Стариковъ.

Агаѳья Тихоновна. Вотъ ужъ, вѣрно, не онъ, я хоть что ставлю, не онъ.

Арина Пантелеймоновна. Не спорь, Агаѳья Тихоновна, волосъ ужъ такой русый. Нѣтъ другого трефоваго короля.

Агаѳья Тихоновна. А вотъ же нѣтъ: трефовый король значитъ здѣсь дворянинъ — купцу далеко до трефоваго короля.

Арина Пантелеймоновна. Эхъ, Агаѳья Тихоновна, а вѣдь не то бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ, твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударитъ всей пятерней по столу да вскрикнетъ: «Плевать я, говоритъ, на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же, говоритъ, дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына, говоритъ, не отдамъ на службу. Что, говоритъ, развѣ купецъ не служитъ государю такъ же, какъ и всякій другой?» — Да всей пятерней-то такъ по столу и хватитъ. А рука-то въ ведро величиною — такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе.

Агаѳья Тихоновна. Ну, вотъ, чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что не выйду за купца!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь Алексѣй-то Дмитріевичъ не такой.

Агаѳья Тихоновна. Не хочу, не хочу! У него борода! Станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь гдѣ же достать хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна. Ѳекла Ивановна сыщетъ; она обѣщалась сыскать самаго лучшаго.

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же *и* Ѳекла.

Ѳекла. Ахъ, нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, это Ѳекла Ивановна! Ну, что, говори, разсказывай! Есть?

Ѳекла. Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться — такъ ухлопоталася! По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по мини-

стерлямъ истаскалась, въ караульни наслопялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть было не прибили, ей Богу: старуха-то, что женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: «Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ», говоритъ. «Да что жъ, — сказала я напрямикъ: — я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить». Зато ужъ какихъ жениховъ тебѣ припасла! То-есть, и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и прибудутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

Агаѳья Тихоновна. Какъ же сегодня? Душа моя, Ѳекла Ивановна, я боюсь.

Ѳекла. И, не пугайся, мать моя! Дѣло житейское. Пріѣдутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не понравятся,—ну, и уѣдутъ.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужъ, чай, хорошихъ приманила!

Агаѳья Тихоновна. А сколько ихъ? много?

Ѳекла. Да человѣкъ шесть есть.

Агаѳья Тихоновна *(вскрикивая).* Ухъ!

Ѳекла. Ну, что жъ ты, мать моя, такъ вспорхнулась! Лучше выбирать: одинъ не придется, другой придется.

Агаѳья Тихоновна. Что жъ они, дворяне?

Ѳекла. Всѣ, какъ на подборъ; ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Агаѳья Тихоновна. Ну, какіе же, какіе?

Ѳекла. А славные, всѣ такіе хорошіе, аккуратные. Первый, Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотѣ служилъ—какъ разъ по тебѣ придется. Говоритъ, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любитъ. А Иванъ-то Павловичъ, что служитъ экзекухторомъ, такой важный, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричитъ на меня: «Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?»—Столько-то и столько, отецъ мой!—«Ты врешь, собачья дочь!»—Да еще, мать моя, вклеилъ такое словцо, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ вмигъ и спознала: э, да это долженъ быть важный господинъ!

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Ѳекла. А еще Никаноръ Ивановичъ Анучкинъ. Это ужъ такой великатный, а губы, мать моя, малина—совсѣмъ малина—такой славный. «Мнѣ, говоритъ, нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умѣла говорить». Да, тонкаго поведенья человѣкъ, нѣмецкая штука; а самъ-то такой субтильный, и ножки узенькія, тоненькія.

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, мнѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ.

Ѳекла. А коли хочешь поплотнѣе, такъ возьми Ивана Павловича. Ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ—такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ—такой славный.

Агаѳья Тихоновна. А сколько лѣтъ ему?

Ѳекла. А человѣкъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

Агаѳья Тихоновна. А фамилія какъ?

Ѳекла. А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница.

Агаѳья Тихоновна. Это такая фамилія?

Ѳекла. Фамилія.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Феклуша, какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѳья Тихоновна Яичница? Богъ знаетъ, что такое!

Θекла. И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина, славный женихъ.

Агаѳья Тихоновна. А какіе у него волосы?

Θекла. Хорошіе волосы.

Агаѳья Тихоновна. А носъ?

Θекла. Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ, никакой мебели.

Агаѳья Тихоновна. А еще кто?

Θекла. Акинѳъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, только зато ужъ такой скромный.

Арина Пантелеймоновна. Ну, что ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любитъ ли онъ выпить, вотъ, молъ, что скажи?

Θекла. А пьетъ; не прекословлю, пьетъ. Что жъ дѣлать,—ужъ онъ титулярный совѣтникъ! Зато такой тихій, какъ шелкъ.

Агаѳья Тихоновна. Ну, нѣтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

Θекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другого. Впрочемъ, что жъ такого, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ: иной день выберется и трезвый.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Θекла. Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

Агаѳья Тихоновна. Ну, да кто жъ онъ?

Θекла. А не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ-то, пожалуй, надворный совѣтникъ и петлицу носитъ, да ужъ на подъемъ куды тяжелъ, не выманишь изъ дому.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

Θекла. Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ разобрало! А вѣдь давеча было испугалась!

Арина Пантелеймоновна. Да что съ нихъ, съ дворянъ-то твоихъ? Хоть ихъ у тебя и шестеро, а, право, купецъ одинъ станетъ за всѣхъ.

Θекла. А, нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтеннѣй.

Арина Пантелеймоновна. Да что въ почтеньѣ-то? А вотъ Алексѣй Дмитріевичъ да въ собольей шапкѣ въ санкахъ-то какъ прокатится...

Θекла. А дворянинъ-то съ аполетой пройдетъ навстрѣчу, скажетъ: «Что ты, купчишка? Свороти съ дороги!» или: «Покажи, купчишка, бархату самаго лучшаго!» А купецъ: «Извольте, батюшка!»—«А сними-ка, невѣжа, шляпу!»—вотъ что скажетъ дворянинъ.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ-то и голенькій, и не въ чемъ ходить дворянину.

Θекла. А дворянинъ зарубитъ купца.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Θекла. А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенатору.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ къ губернатору.

Θекла. А дворянинъ...

Арина Пантелеймоновна. Врешь, врешь, дворянинъ! Губернаторъ больше сенатора. Разносилась съ дворяниномъ. А дворянинъ при случаѣ также гнетъ шапку... *(Въ дверяхъ слышенъ звонокъ.)* Никакъ звонитъ кто-то.

Θекла. Ахти, это они:

Арина Пантелеймоновна. Кто они?

Θекла. Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

Агаѳья Тихоновна *(вскрикиваетъ).* Ухъ!

Арина Пантелеймоновна. Святые, помилуйте насъ, грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. *(Схватываетъ все, что ни есть на столѣ, и бѣгаетъ по комнатѣ).* Да салфетка-то, салфетка на столѣ совсѣмъ черная, Дуняшка, Дуняшка! *(Дуняшка является.)* Скорѣе чистую салфетку! *(Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ.)*

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, тетушка, какъ мнѣ быть? Я чуть не въ рубашкѣ.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, мать моя, бѣги скорѣй одѣваться! *(Мечется по комнатѣ; Дуняшка приноситъ салфетку; въ дверяхъ звонятъ.)* Бѣги, скажи: «сейчасъ!» *(Дуняшка кричитъ издалека:* сейчасъ!)

Агаѳья Тихоновна. Тетушка, да вѣдь платье не выглажено.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, Господи милосердый, не погуби!.. Надѣнь другое.

Θекла *(вбѣгая).* Что жъ вы нейдете? Агаѳья Тихоновна, поскорѣй, мать моя! *(Слышенъ звонокъ.)* Ахти, а вѣдь онъ все дожидается!

Арина Пантелеймоновна. Дуняшка, введи его и проси обождать. *(Дуняшка бѣжитъ въ сѣни и отворяетъ дверь. Слышны голоса:* Дома?— Дома, пожалуйте въ комнату. *Всѣ съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину.)*

Агаѳья Тихоновна *(вскрикиваетъ).* Ахъ, какой толстый!

Θекла. Идетъ, идетъ! *(Всѣ бѣгутъ опрометью.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Иванъ Павловичъ Яичница *и* Дуняшка.

Дуняшка. Погодите здѣсь. *(Уходитъ.)*

Яичница. Пожалуй, пождать-пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генералъ: «А гдѣ экзекуторъ?» — «Невѣсту пошелъ выглядывать...» Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты... А, однакожъ, разсмотрѣть еще разъ роспись... *(Читаетъ.)* «Каменный двухъэтажный домъ...» *(Подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату.)* Есть! *(Продолжаетъ читать):* «Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный...» Ну, деревянный плоховатъ. «Дрожки, сани парныя съ рѣзьбой подъ большой коверъ и подъ малый». Можетъ-быть, такія, что въ ломъ годятся. Старуха, однакожъ, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. «Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ...» Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. «Двѣ лисьихъ шубы...» Гмъ! «Четыре большихъ пуховика и два малыхъ. *(Значительно сжимаетъ губы.)* Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ, два ночныхъ капота, два...» Ну, это статья пустая! «Бѣлье, салфетки...» Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь, пожалуй, обѣщаютъ и домъ и экипажи, а какъ женишься, только и найдешь, что пуховики да перины. *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ впопыхахъ черезъ комнату отворятъ дверь. Слышны голоса.* Дома?—Дома.)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Иванъ Павловичъ *и* Анучкинъ.

Дуняшка. Погодите тутъ. Они выдутъ. *(Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей.)*

Яичница. Мое почтеніе!

Анучкинъ. Не съ папенькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

Яичница. Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей

Анучкинъ. Ахъ, извините, извините!

Яичница *(въ сторону).* Физіогномія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда пришелъ, за чѣмъ и я. *(Вслухъ.)* Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ. Нѣтъ, что жъ... надобности никакой нѣтъ, а такъ зашелъ съ прогулки.

Яичница *(въ сторону).* Вретъ, вретъ, съ прогулки! Жениться, подлецъ, хочетъ! *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ сѣняхъ голоса:* Дома?—Дома.)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же *и* Жевакинъ *(въ сопровожденіи дѣвочки).*

Жевакинъ *(Дуняшкѣ).* Пожалуйста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристало не мало. Вонъ тамъ, пожалуйста, сними пушинку. *(Поворачивается.)* Такъ! Спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри, тамъ какъ будто паучокъ лазитъ! А на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родимая! Вонъ тутъ еще, кажется. *(Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича.)* Суконце-то вѣдь аглицкое! Вѣдь какъ носится! Въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ [1]) и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ — сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелицевалъ: ужъ десять лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти что новый. Благодарю, душенька, м... раскрасоточка! *(Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка взъерошиваетъ волосы.)*

Анучкинъ. А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать—Сицилія, хорошая это земля, Сицилія?

Жевакинъ. А прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли; видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Этакія горы, этакъ деревцо какое-нибудь гранатное, и вездѣ италіаночки, такіе розанчики, такъ вотъ ■ хочется поцѣловать.

Анучкинъ. И хорошо образованы?

Жевакинъ. Превосходнымъ образомъ! Такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графиня развѣ. Бывало, пойдешь по улицѣ—ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эполеты *(показываетъ на плеча)*, золотое шитье, и этакъ красоточки черномазенькія—у нихъ вѣдь возлѣ каждаго дома балкон-

---

[1]) Мичманъ—первый чинъ въ русскомъ флотѣ.

чики и крыши, вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски,—бывало, этакъ смотришь, и сидитъ этакой розанчикъ... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь... *(кланяется и размахиваетъ рукою)* и она этакъ только. *(Дѣлаетъ рукою движеніе.)* Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ...

Анучкинъ. А какъ,—позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ,—на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ. А натурально, всѣ на французскомъ.

Анучкинъ. И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-французски?

Жевакинъ. Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ-быть, не повѣрите тому, что я вамъ доложу; мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ. Ни одного слова?

Жевакинъ. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ спиньорахъ, то-есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простого мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: «Дай, братецъ, хлѣба!» — не пойметъ, ей-Богу, не пойметъ; а скажи по-французски: „Datecі del pane!“ [1]) или: „Portate vino!“ [2])—пойметъ и побѣжитъ и, точно, принесетъ.

Иванъ Павловичъ. А любопытная, однакожъ, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали—мужикъ: что мужикъ? Какъ онъ? Такъ ли совершенно, какъ и русскій мужикъ—широкъ въ плечахъ и землю пашетъ или нѣтъ?

Жевакинъ. Не могу вамъ сказать, не замѣтилъ, пашутъ или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и вездѣ гондолы... [3]) натурально, сидитъ этакая италіаночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!.. Съ нами были и аглицкіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши моряки... и сначала, точно, было очень странно: не понимаемъ другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обзнакомились, начали свободно понимать. Покажешь, бывало, этакъ на бутылку или стаканъ,—ну, тотчасъ и знаешь, что это значитъ выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ,—знаешь: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій,—наши матросы въ три дня какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ. А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Жевакинъ. Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставкѣ. Позвольте, съ своей стороны, тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясняться?

Иванъ Павловичъ. Въ должности экзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

Жевакинъ *(не дослышавъ).* Да, я тоже перекусилъ. Дороги-то, знаю, впередъ будетъ довольно, а время холодновато: селедочку съѣлъ съ хлѣбцемъ.

Иванъ Павловичъ. Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя—Яичница.

Жевакинъ *(кланяясь).* Ахъ, извините! Я немножко туговатъ на ухо. Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

---

[1]) Дайте намъ хлѣба. [2]) Принесите вина. [3]) Гондолы—крытая лодка, употребляемая въ Венеціи, италіанскомъ городѣ, гдѣ вмѣсто улицы—каналы.

Стариковъ (*кланяясь живо и скоро, по-купечески, и слегка берясь въ бока*). Здравствуйте, матушка Арина Пантелѣевна! Робята на гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Иванъ Павловичъ. Да что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ называться мнѣ Яичницынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на «собачій сынъ».

Жевакинъ. А это, однакожъ, бываетъ. У насъ вся третья эскадра, всѣ офицеры и матросы,—всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣевъ, лейтенантъ; а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: «Эй, ты, Дырка, поди сюда!» и, бывало, надъ нимъ всегда пошутитъ: «Эхъ, ты, дырка этакой!» говоритъ, бывало, ему. *(Слышенъ въ сѣняхъ звонокъ; Ѳекла бѣжитъ черезъ комнату отворять.)*

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ. Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

Анучкинъ. Здравствуйте, матушка, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла *(бѣжитъ впопыхахъ.)* Спасибо, отцы мои, здорова, здорова!

(Отворяетъ дверь; въ сѣняхъ раздаются голоса: Дома?—Дома. *Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ словъ, на которыя Ѳекла отвѣчаетъ съ досадою:* Смотри ты, какой!)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, Кочкаревъ, Подколесинъ *и* **Ѳекла.**

Кочкаревъ *(Подколесину.)* Ты помни только—куражъ и больше ничего. *(Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ; про себя.)* Фу ты, какая куча народу! Это что значитъ? Ужъ не женихи ли? *(Толкаетъ Ѳеклу и говоритъ ей тихо.)* Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ? А?

Ѳекла *(вполголоса).* Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, все честные люди.

Кочкаревъ *(ей).* Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Ѳекла. Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ. Небось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ. *(Вслухъ.)* Да что она дѣлаетъ теперь? Вѣдь эта дверь, вѣрно, къ ней въ спальню. *(Подходитъ къ двери.)*

Ѳекла. Безстыдникъ! Говорятъ тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ. Эка бѣда! Что жъ тутъ такого! Вѣдь только посмотрю и больше ничего. *(Смотритъ въ замочную скважину.)*

Жевакинъ. А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

Кочкаревъ *(продолжая смотрѣть).* Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что такое бѣлѣетъ, женщина или подушка. *(Всѣ, однакожъ, обступили дверь и продираются взглянуть.)*

Кочкаревъ. Чш... кто-то идетъ. *(Всѣ отскакиваютъ прочь.)*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Арина Пантелеймоновна *и* **Агаѳья Тихоновна.** *(Всѣ раскланиваются.)*

Арина Пантелеймоновна. А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

Яичница. А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора

при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого рода лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна. Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

Яичница. Коллежскій асессоръ Иванъ Павловичъ Яичница.

Арина Пантелеймоновна. Прошу покорнѣйше садиться. *(Обращается къ Жевакину и смотритъ на него.)* А позвольте узнать...

Жевакинъ. Я тоже въ газетахъ вижу объявленіе о чемъ-то. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалась хорошею, по дорогѣ вездѣ травка...

Арина Пантелеймоновна. А какъ-съ по фамиліи?

Жевакинъ. А лейтенантъ морской службы въ отставкѣ, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде моего вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка, подъ колѣнкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колѣнка-то самаго не тронула, а по жилѣ прохватила — какъ иголкой сшило, такъ что, когда, бывало, стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорно садиться. *(Обращаясь къ Анучкину.)* А позвольте узнать, по какой причинѣ?..

Анучкинъ. По сосѣдству-съ. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

Арина Пантелеймоновна. Не въ домѣ ли купеческой жены Тулубовой, что насупротивъ, изволите жить?

Анучкинъ. Нѣтъ, я покамѣстъ живу еще на Пескахъ, но имѣю, однакоже, намѣреніе со временемъ перебраться сюда-съ, въ сосѣдство, въ эту часть города.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Кочкареву.)* А позвольте узнать...

Кочкаревъ. Да неужели вы меня не узнаете? *(Обращаясь къ Агаѳьѣ Тихоновнѣ.)* И вы также, сударыня?

Агаѳья Тихоновна. Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

Кочкаревъ. Однакожъ припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѳья Тихоновна. Право, не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ ли?

Кочкаревъ. Именно у Бирюшкиныхъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, вы не знаете; съ ней вѣдь исторія случилась.

Кочкаревъ. Какъ же, вышла замужъ.

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. И сильно переломила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожкахъ, а кучеръ-то былъ пьянъ и вывалилъ съ дрожекъ.

Кочкаревъ. Да, то-то, я помню, что-то было: или вышла замужъ или переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Какъ же, — Илья Ѳомичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ... Позвольте, позвольте *(беретъ за руку Подколесина и подводитъ его)*: пріятель мой Подколесинъ, Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служитъ экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

Анна Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Подколесинъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ. Директоръ такъ только для чина поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

Арина Пантелеймоновна. Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же *и* Стариковъ.

Стариковъ *(кланялсь живо и скоро, по-купечески, и слегка берясь въ бока).* Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна! Робята на гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Агаѳья Тихоновна *(отворачиваясь съ пренебреженіемъ, вполголоса, но такъ, что онъ слышитъ).* Здѣсь не купеческая лавка.

Стариковъ. Вона! Аль невпопадъ пришли? Аль и безъ насъ дѣло сварили?

Арина Пантелеймоновна. Прошу, прошу, Алексѣй Дмитріевичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Всѣ усѣлись. Молчаніе.)

Яичница. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ будто и прошло.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ, ужъ эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность.

Жевакинъ. Вотъ въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время,—если пригонять, такъ выйдетъ къ нашему февралю: выйдешь, бывало, изъ дому — день солнечный, а потомъ этакъ дождикъ, и смотришь, точно, какъ будто дождикъ.

Яичница. Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло—не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

Жевакинъ. О, смерть, совершенно смерть!

Анучкинъ. Да-съ, это можно сказать...

Кочкаревъ. Какое? — Просто терзанье! Жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

Яичница. А какъ, сударыня, если бы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть приличнѣе мужу?

Жевакинъ. Хотѣли ли бы вы, сударыня, имѣть мужемъ человѣка, знакомаго съ морскими бурями?

Кочкаревъ. Нѣтъ, нѣтъ! Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ.

Анучкинъ. Почему же предубѣжденіе? Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который хотя, конечно, служилъ въ пѣхотной службѣ, но имѣетъ, однакожъ, цѣнить обхожденіе высшаго общества.

Яичница. Сударыня, разрѣшите вы!

Агаѳья Тихоновна *(молчитъ).*

Ѳекла. Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

Яичница. Какъ же, матушка?

Кочкаревъ. Какъ же ваше мнѣніе, Агаѳья Тихоновна?

Ѳекла *(тихо ей).* Скажи же, скажи: «Благодарствую, молъ, съ моимъ удовольствіемъ...» Не хорошо же такъ сидѣть.

Агаѳья Тихоновна *(тихо).* Мнѣ стыдно, право, стыдно; я уйду, право, уйду. Тетушка, посидите за меня.

Ѳекла. Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ осрамишься. Они нивѣсть что подумаютъ.

Агаѳья Тихоновна *(такъ же).* Нѣтъ, право, уйду, уйду, уйду! *(Убѣгаетъ. Ѳекла и Арина Пантелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею.)*

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Яичница. Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! Это что значитъ?

Кочкаревъ. Что-нибудь, вѣрно, случилось.

Жевакинъ. Какъ-нибудь насчетъ дамскаго туалетца... Этакъ поправить что-нибудь... манишечку... пришпилить. *(Ѳекла входитъ. Всѣ къ ней навстрѣчу съ вопросами.* Что, что такое?)

Кочкаревъ. Что-нибудь случилось?

Ѳекла. Какъ можно, чтобы случилось! Ей Богу, ничего не случилось.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ же она вышла?

Ѳекла. Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ исконфузили; такъ что не высидѣла на мѣстѣ. Проситъ извинить: ввечеру де на чашку чаю чтобы пожаловали. *(Уходитъ.)*

Яичница *(въ сторону).* Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, пойдетъ возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣзавтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное! Чортъ побери, я — человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

Кочкаревъ *(Подколесину).* А вѣдь хозяйка недурна? А?

Подколесинъ. Да, недурна.

Жевакинъ. А вѣдь хозяечка-то хороша?

Кочкаревъ *(въ сторону).* Вотъ, чортъ побери! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! *(Вслухъ.)* Совсѣмъ нехороша. Совсѣмъ нехороша.

Яичница. Носъ великъ.

Жевакинъ. Ну, нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Она этакій розанчикъ.

Анучкинъ. Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ, не то, не то... Я даже думаю, что врядъ ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-французски?

Жевакинъ. Да что жъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-французски? Можетъ-быть, и знаетъ.

Анучкинъ. Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастія воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, стоило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ.

Жевакинъ. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что жъ вамъ за прибыль, если она...

Анучкинъ. А, нѣтъ, нѣтъ! Женщина — совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно знала, а безъ того у ней и то и это... *(показываетъ жестами),* все ужъ будетъ не то!

Яичница *(въ сторону).* Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду да осмотрю со двора домъ и флигеля: если только все какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны — народъ что-то больно жиденькій. Такихъ невѣсты не любятъ.

Жевакинъ. Пойти выкурить трубочку. А что, не по-дорогѣ ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

Анучкинъ. А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

Жевакинъ. Да-съ, будетъ кругъ: я на острову, въ 18 линіи, а, впрочемъ, все-таки я васъ провожу.

Стариковъ. Нѣтъ, тутъ что-то спесьевато. Ай, припомните потомъ, Агаѳья Тихоновна, и насъ. Съ моимъ почтеніемъ, господа! *(Кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ *и* **Кочкаревъ.**

Подколесинъ. А чего ждемъ и мы?

Кочкаревъ. Ну, что, вѣдь правда, хозяйка мила?

Подколесинъ. Да что! Мнѣ, признаюсь, она не нравится.

Кочкаревъ. Вотъ на! Это что? Да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша.

Подколесинъ. Да такъ, какъ-то не того; и носъ длинный и по-французски не знаетъ.

Кочкаревъ. Это еще что? Тебѣ на что по-французски?

Подколесинъ. Ну, все-таки невѣста должна знать по-французски.

Кочкаревъ. Почему жъ?

Подколесинъ. Да потому что... ужъ я не знаю почему, а все ужъ будетъ у ней не то.

Кочкаревъ. Ну, вотъ; дуракъ сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она — красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

Подколесинъ. Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да послѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ, — ну, я разсмотрѣлъ и вижу самъ, что длинный носъ.

Кочкаревъ. Эхъ, ты, пирей не нашелъ дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить: и я тоже не хвалилъ,—такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица! Ты разсмотри только глаза ея: вѣдь это, чортъ знаетъ, что за глаза: говорятъ, дышатъ. А носъ? Я не знаю, что за носъ! Бѣлизна — алебастръ! Да и алебастръ не всякій сравнится. Ты разсмотри самъ хорошенько.

Подколесинъ *(улыбаясь).* Да теперь-то я опять вижу, что она какъ будто хороша.

Кочкаревъ. Разумѣется, хороша. Послушай, теперь, такъ какъ они всѣ ушли, пойдемъ къ ней, изъяснимся и все кончимъ.

Подколесинъ. Ну, этого я не сдѣлаю.

Кочкаревъ. Отчего жъ?

Подколесинъ. Да что жъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ.

Кочкаревъ. Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту спроважу?

Подколесинъ. Да какъ же ты ихъ спровадишь?

Кочкаревъ. Ну, ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отнѣкивается.

Подколесинъ. Почему жъ не дать? Изволь, я не отпираюсь: я хочу жениться.

Кочкаревъ. Руку!

Подколесинъ *(подавая).* Возьми!

Кочкаревъ. Ну, этого только мнѣ и нужно.

(Оба уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Агаѳьи Тихоновны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агаѳья Тихоновна *одна, потомъ* **Кочкаревъ.**

Агаѳья Тихоновна. Право, такое затрудненіе — выборъ! Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четыре — какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя, конечно, худощавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича—я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! Просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что будетъ. *(Подходитъ къ столику, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить.)* Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого... Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль [1]), зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что будетъ. *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою.)* Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣтъ, отчего же онъ? Лучше жъ Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? Чѣмъ же худы тѣ, другіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... Какой выберется, такой пусть и будетъ. *(Шаритъ рукою въ ридикюлѣ и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ.)* Ухъ, всѣ! Всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного! Непремѣнно одного! *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ. Въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади.)* Ахъ, если бы вынуть Балтазара... что я! Хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу! Кого прикажетъ судьба.

Кочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! *(Вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ.)*

Кочкаревъ. Да чего жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочкаревъ. Ничего, ничего! Вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личико.

Агаѳья Тихоновна *(вполовину открываетъ лицо).* Мнѣ, право, стыдно.

---

[1]) Ридикюль—дамская сумочка для ношенія носового платка, рукодѣлій и проч.

Кочкаревъ. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! *(Вскрикиваетъ и закрывается вновь руками.)*

Кочкаревъ. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... Просто, удивительный человѣкъ!

Агаѳья Тихоновна *(понемногу открываетъ лицо)*. Какъ же, а другой? А Никаноръ Ивановичъ—вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Кочкаревъ. Помилуйте, это дрянь противъ Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Отчего же?

Кочкаревъ. Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ... ну, просто, человѣкъ... человѣкъ, какихъ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а Иванъ Павловичъ?

Кочкаревъ. И Иванъ Павловичъ — дрянь, всѣ они—дрянь.

Агаѳья Тихоновна. Будто бы ужъ всѣ?

Кочкаревъ. Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было — Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ, что такое!

Агаѳья Тихоновна. А вѣдь, право, они очень... скромные.

Кочкаревъ. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой! Ужъ это, точно, такое несчастіе, хуже котораго не можетъ быть.

Кочкаревъ. Еще бы! Хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агаѳья Тихоновна. Такъ по вашему совѣту лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Ивана Кузьмича; натурально Ивана Кузьмича. *(Въ сторону.)* Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подколесинъ сидитъ въ кондитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агаѳья Тихоновна. Такъ вы думаете — Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. А тѣмъ другимъ развѣ отказать?

Кочкаревъ. Конечно, отказать.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? Какъ-то стыдно.

Кочкаревъ. Почему жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замужъ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать: да почему да какъ?

Кочкаревъ. Ну, такъ если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: «Пошли вонъ, дураки!»

Агаѳья Тихоновна. Какъ же можно такъ сказать?

Кочкаревъ. Ну, да ужъ попробуйте: я васъ увѣряю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь это выйдетъ ужъ какъ-то бранно.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно?

Агаѳья Тихоновна. Да все какъ-то нехорошо... они вѣдь разсердятся.

Кочкаревъ. Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большее, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и все.

Агаѳья Тихоновна. Ну, вотъ, видите!

Кочкаревъ. Да что жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во

всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ, наконецъ, не вынесъ—плюнулъ въ самое лицо, ей Богу! «Вотъ тебѣ,—говоритъ, — твоя прибавка, отвяжись, сатана!» А жалованья, однакоже, все-таки прибавилъ. Такъ что жъ изъ того, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же, въ карманѣ — взялъ да и вытеръ. *(Въ сѣняхъ звонятъ.)* Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ, вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ ли у васъ тамъ другого выхода?

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ. Ничего, только присутствіе духа. Прощайте! *(Въ сторону.)* Поскорѣй приведу Подколесина.

ЯВЛЕНІЕ II.

Агаѳья Тихоновна *и* Яичница.

Яичница. Я нарочно, сударыня, пришелъ немного пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю вамъ извѣстно: служу коллежскимъ асессоромъ, любимъ начальниками, подчиненные слушаются... недостаетъ только одного: подруги жизни.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ.

Яичница. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта — вы. Скажите напрямикъ: да или нѣтъ? *(Смотритъ ей въ плечо, въ сторону.)* О, она не то, что, какъ бываютъ, худенькія нѣмки—кое-что есть.

Агаѳья Тихоновна. Я еще очень молода-съ... не расположена еще замужъ.

Яичница. Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ-быть, вы хотите, что-нибудь другое сказать—изъяснитесь... *(Слышенъ колокольчикъ.)* Чортъ побери! Никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же *и* Жевакинъ.

Жевакинъ. Извините, сударыня, что я, можетъ-быть, слишкомъ рано. *(Оборачивается и видитъ Яичницу.)* Ахъ, уже есть... Ивану Павловичу мое почтеніе.

Яичница *(въ сторону)*. Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! *(Вслухъ.)* Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно только слово: да, или нѣтъ? *(Слышенъ колокольчикъ; Яичница плюетъ съ сердцовъ.)* Опять колокольчикъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же *и* Анучкинъ.

Анучкинъ. Можетъ-быть, я, сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ и повелѣваетъ долгъ приличія... *(Видя прочихъ, испускаетъ восклицаніе и раскланивается.)* Мое почтеніе!

Яичница *(въ сторону)*. Возьми себѣ свое почтеніе! Нелегкая тебя принесла, подломились бы тебѣ твои поджарыя ноги! *(Вслухъ.)* Такъ какъ же, сударыня, рѣшите,—я человѣкъ должностной, времени у меня немного — да или нѣтъ?

Агаѳья Тихоновна *(въ смущеніи)*. Не нужно-съ... не нужно-съ... *(Въ сторону.)* Ничего не понимаю, что говорю.

Яичница. Какъ не нужно? Въ какомъ отношеніи не нужно?

Агаѳья Тихоновна. Ничего-съ, ничего... Я не того-съ... *(Собираясь съ духомъ.)* Пошли вонъ!.. *(Въ сторону, всплеснувши руками.)* Ахъ, Боже мой! что я такое сказала?

Яичница. Какъ «пошли вонъ»? Что это такое значитъ: «пошли вонъ»? Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ этимъ? *(Подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно.)*

Агаѳья Тихоновна *(взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ)*. Ухъ, прибьетъ, прибьетъ! *(Убѣгаетъ. Яичница стоитъ, разинувши ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже:* Ухъ, прибьетъ! *И убѣгаетъ.)*

Яичница. Что за притча такая! Вотъ, право, исторія! *(Въ дверяхъ звенитъ звонокъ, и с ышны голоса.)*

Голосъ Кочкарева. Да входи, входи, что жъ ты остановился.

Голосъ Подколесина. Да ступай ты передъ. Я только на минуту: оправлюсь, разстегнулась стремешка.

Голосъ Кочкарева. Да ты улизнешь опять.

Голосъ Подколесина. Нѣтъ, не улизну! Ей Богу, не улизну!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, вотъ, очень нужно поправлять стремешку.

Яичница *(обращаясь къ нему)*. Скажите, пожалуйста, невѣста—дура что ли?

Кочкаревъ. А что? Случилось развѣ что?

Яичница. Да непонятные поступки: выбѣжала, стала кричать: „прибьетъ прибьетъ!“ Чортъ знаетъ, что такое!

Кочкаревъ. Ну, да, это за ней водится: она—дура.

Яичница. Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

Кочкаревъ. Какъ же, родственникъ.

Яичница. А какъ родственникъ? Позвольте узнать.

Кочкаревъ. Право, не знаю; какъ-то тетка моей матери что-то такое ея отцу, или отецъ ея что-то такое моей теткѣ: объ этомъ знаетъ жена моя,— это ихъ дѣло.

Яичница. И давно за ней водится дурь?

Кочкаревъ. А еще съ самаго сызмала.

Яичница. Да, конечно, лучше, если бы она была умнѣй; а впрочемъ и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

Кочкаревъ. Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

Яичница. Какъ такъ, а каменный домъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь только слава, что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроенъ: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ серединѣ всякая дрянь—мусоръ, щепки, стружки.

Яичница. Что вы?

Кочкаревъ. Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строятъ дома? Лишь бы только въ ломбардъ заложить.

Яичница. Однакожъ вѣдь домъ не заложенъ?

Кочкаревъ. А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, что не только заложенъ, но за два года проценты еще не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ, — сутяги такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снялъ бы, безбожникъ.

Яичница. Какъ же мнѣ старуха сваха... Ахъ, она бестія этакая, извергъ рода человѣ... *(Въ сторону.)* Однакожъ онъ, можетъ-быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! И если только правда... ну... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поютъ.

Анучкинъ. Позвольте васъ побезпокоить тоже вопросомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-французски, или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ?..

Кочкаревъ. Ни бельмеса.

Анучкинъ. Что вы?

Кочкаревъ. Какъ же? Я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансіонѣ, извѣстная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А французскій учитель, просто, билъ ее палкой.

Анучкинъ. Представьте же, что у меня съ перваго разу, какъ только ее увидѣлъ, было какое-то предчувствіе, что она не знаетъ по-французски.

Яичница. Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха-то проклятая... Ахъ, ты, бестія этакая, вѣдьма! Вѣдь если бы вы знали, какими словами она расписала, — живописецъ, вотъ совершенный живописецъ! «Домъ, флигель, — говоритъ, — на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани — вотъ садись, да и катайся!» — словомъ, въ романѣ рѣдко выберется такая страница. Ахъ, ты, подошва ты старая! Попадись только ты мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Ѳекла. *(Всѣ, увидѣвъ ее, обращаются къ ней съ слѣдующими словами:)*

Яичница. А! Вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣховодница! А подойди-ка сюда!

Анучкинъ. Такъ-то вы обманули меня, Ѳекла Ивановна?

Кочкаревъ. Ну-ка, ступай, Варвара, на расправу!

Ѳекла. И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

Яичница. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва, а ты наврала: и съ мезанинами и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

Ѳекла. А не знаю, не я строила. Можетъ-быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

Яичница. Да и въ ломбардъ еще заложенъ! Черти бы тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! *(Притопывая ногой.)*

Ѳекла. Смотри ты, какой! Еще и бранится. Иной бы благодарить сталъ за удовольствіе, что хлопотала о немъ.

Анучкинъ. Да, Ѳекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насказали, что она знаетъ по-французски.

Ѳекла. Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому и по-всякому: какія хочешь манеры — все знаетъ.

Анучкинъ. Ну, нѣтъ, кажется, она только по-русски и говоритъ.

Ѳекла. Что жъ тутъ худого? Понятливѣе по-русски, потому и говоритъ по-русски. А кабы учена по-басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы ни понялъ бы ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь,—извѣстно, какая: всѣ святые говорили по-русски.

Яичница. А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

Θекла *(пятясь ближе къ дверямъ).* И не подойду, я знаю тебя: ты человѣкъ тяжелый, ни за что прибьешь.

Яичница. Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣстѣ скажи, что она — подлецъ! Слышишь, непремѣнно скажи. *(Уходитъ.)*

Θекла. Смотри ты какой! Разсердился какъ! Что толстъ, такъ думаетъ, ему и равнаго никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлецъ, вотъ что!

Анучкинъ. Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованьемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ! *(Уходитъ.)*

Θекла. Белены объѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Свела съ ума глупая грамота!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Θекла, Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ *(хохочетъ во все горло, смотря на Θеклу и указывая на нее пальцемъ).*

Θекла *(съ досадою).* Ты что горло дерешь?

Кочкаревъ *(продолжаетъ хохотать).*

Θекла. Экъ, какъ разобрало его!

Кочкаревъ. Сваха-то! Сваха-то! Мастерица женить, знаетъ, какъ повести дѣло! *(Продолжаетъ хохотать.)*

Θекла. Экъ, его заливается! Знать, покойница свихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала.

(Уходитъ съ досадою.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ *(продолжая хохотать).* Охъ, не могу; право, не могу! Силы не выдержатъ, чувствую, что тресну отъ смѣха! *(Продолжаетъ хохотать.)*

Жевакинъ *(глядя на него, начинаетъ тоже смѣяться).*

Кочкаревъ *(въ усталости валится на стулъ).* Охъ, право, выбился изъ силъ! Чувствую, что если засмѣюсь еще, порву послѣднія силы.

Жевакинъ. Мнѣ нравится веселость вашего нрава. У насъ въ эскадрѣ капитана Болдарева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ — вдругъ засмѣется, ей Богу, и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало, и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ, и самъ, точно, этакъ смѣешься.

Кочкаревъ *(переводя дыханье).* Охъ, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ! Ну, что она вздумала, дура? Ну, куда жъ ей женить? Ей ли женить? Вотъ я женю, такъ женю!

Жевакинъ. Нѣтъ! Такъ вы можете не въ шутку женить?

Кочкаревъ. Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

Жевакинъ. Если такъ, женитe меня на здѣшней хозяйкѣ.

Кочкаревъ. Васъ? Да зачѣмъ вамъ жениться?

Жевакинъ. Какъ зачѣмъ? Вотъ, позвольте замѣтить, странный немного вопросъ! а извѣстное дѣло зачѣмъ.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы слышали, у ней приданаго ничего нѣтъ.

Жевакинъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, это дурно, а, впрочемъ, съ этакою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комнатка *(размѣриваетъ примѣрно руками)*, этакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ этакой перегородки...

Кочкаревъ. Да что вамъ въ ней такъ понравилось?

Жевакинъ. А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматеръ со стороны женской полноты.

Кочкаревъ *(поглядывая на него искоса, говоритъ въ сторону)*. А вѣдь самъ ужъ куды не пощеголяетъ; точно кисетъ, изъ котораго вытрясли табакъ. *(Вслухъ.)* Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

Жевакинъ. Какъ такъ?

Кочкаревъ. Да такъ. Ну, что у васъ за фигура, между нами будь сказано? Нога пѣтушья...

Жевакинъ. Пѣтушья?

Кочкаревъ. Конечно. Что у васъ за видъ!

Жевакинъ. То-есть, какъ, однакоже, пѣтушья нога?

Кочкаревъ. Да просто — пѣтушья.

Жевакинъ. Мнѣ кажется, это, однакожъ, касается насчетъ личности...

Кочкаревъ. Да вѣдь я говорю потому, что знаю, вы — разсудительный человѣкъ; другому я не скажу. А васъ женю, извольте, только на другой.

Жевакинъ. Нѣтъ, ужъ я бы просилъ, чтобы на другой меня не женили. Ужъ будьте этакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

Кочкаревъ. Извольте, женю, только съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ,—я все сдѣлаю безъ васъ.

Жевакинъ. Да какъ, однакоже, все безъ меня? Все-таки мнѣ хоть на глаза нужно будетъ показаться.

Кочкаревъ. Совсѣмъ не нужно. Идите домой и ждите: сего же вечера все будетъ сдѣлано.

Жевакинъ *(потираетъ руки)*. А вотъ это и ужъ куды бы хорошо! Да не нужно ли аттестатъ, послужной списокъ? Можетъ-быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту.

Кочкаревъ. Ничего не нужно, отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. *(Выпроваживаетъ его.)* Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что жъ это? Что жъ это Подколесинъ не идетъ? Это, однакожъ, странно. Неужели онъ до сихъ поръ поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кочкаревъ, Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна *(осматриваясь)*. Что, ушли? Никого нѣтъ?

Кочкаревъ. Ушли, ушли, никого.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, если бы вы знали, какъ я вся дрожала! Этакаго, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Яичница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

Кочкаревъ. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

Агаѳья Тихоновна. А третій?

Кочкаревъ. Какой третій?

Жевакинъ *(высовывая голову въ двери).* Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ... розанчикъ этакій.

Агаѳья Тихоновна. А Балтазаръ Балтазаровичъ?

Жевакинъ. А, вотъ оно, вотъ оно! *(Потираетъ руки.)*

Кочкаревъ. Фу, ты пропасть! Я думалъ, о комъ вы говорите. Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ что, набитый дуракъ.

Жевакинъ. Это что такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Агаѳья Тихоновна. А онъ, однакоже, на видъ показался очень хорошимъ человѣкомъ.

Кочкаревъ. Пьяница!

Жевакинъ. Ей Богу, не понимаю!

Агаѳья Тихоновна. Неужели и пьяница еще?

Кочкаревъ. Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

Жевакинъ *(громко).* Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что-нибудь замолвить въ мой профитъ [1]), похвалить — другое дѣло; а чтобы этакимъ образомъ, этакими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другого, а ужъ я слуга покорный.

Кочкаревъ *(въ сторону).* Какъ это угораздило его подвернуться? *(Агаѳьѣ Тихоновнѣ вполголоса.)* Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Этакое мыслете онъ всякій день пишетъ. Прогоните его, да и концы въ воду! *(Въ сторону.)* А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экій мерзавецъ! Ужъ я жъ вымещу на немъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Агаѳья Тихоновна *и* **Жевакинъ.**

Жевакинъ *(въ сторону).* Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ. Престранный человѣкъ! *(Вслухъ.)* Вы, сударыня, не вѣрьте...

Агаѳья Тихоновна. Извините, мнѣ нездоровится... болитъ-съ голова. *(Хочетъ уйти.)*

Жевакинъ. Но, можетъ-быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится *(Указывая на голову.)* Вы не глядите на то, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волоса сейчасъ вырастутъ.

Агаѳья Тихоновна. Мнѣ все равно-съ, что бы у васъ тамъ ни было.

Жевакинъ. У меня, сударыня... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ побѣлѣе.

Агаѳья Тихоновна. Для васъ лучше. Прощайте! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Жевакинъ *(одинъ, говоритъ вслѣдъ ей).*

Сударыня, позвольте, — скажите причину, зачѣмъ? Почему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что ли?.. Ушла!.. Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, этакъ сначала все хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки — смотришь, и откажутъ. *(Ходитъ по комнатѣ въ размышленіи.)*

---

[1]) Т.-е. пользу.

ніи.) Да... Вотъ эта ужъ будетъ никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей, однакожъ, хочется? Чего бы ей, напримѣръ, этакъ... съ какой стати... *(Подумавъ.)* Темно, чрезвычайно темно! Добро бы былъ нехорошъ чѣмъ. *(Осматривается.)* Кажется, нельзя сказать этого: все, слава Богу, натура не обидѣла. Непонятно! Развѣ не пойти ли домой да порыться въ сундучкѣ? Тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей Богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить назадъ оглобли. А жаль, право, жаль. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Подколесинъ *и* **Кочкаревъ** *(входятъ и оба оглядываются назадъ).*

Кочкаревъ. Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

Подколесинъ. Неужели и ему такъ же отказано, какъ и тѣмъ?

Кочкаревъ. Наотрѣзъ.

Подколесинъ *(съ самодовольной улыбкой).* А преконфузно, однакоже, должно-быть, если откажутъ.

Кочкаревъ. Еще бы!

Подколесинъ. Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

Кочкаревъ. Какое предпочитаетъ! Она отъ тебя, просто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть, — такъ, просто, и кипитъ.

Подколесинъ *(самодовольно усмѣхается).* А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, женщина если захочетъ, какихъ словъ не наскажетъ! Вѣкъ бы не выдумалъ: мордашечка, таракашечка, чернушка...

Кочкаревъ. Что еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну, вотъ такъ и таешь.

Подколесинъ *(усмѣхаясь).* Будто?

Кочкаревъ. Какъ честный человѣкъ! Послушай, теперь, однакожъ, скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

Подколесинъ. Но какъ же сію минуту? Что ты!

Кочкаревъ. Непремѣнно сію же минуту... А вотъ и она сама.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же *и* **Агаѳья Тихоновна.**

Кочкаревъ. Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго, просто, не приведи Богъ, и непріятелю не пожелаю...

Подколесинъ *(толкая его подъ руку тихо).* Ну, ужъ ты, братъ, кажется, слишкомъ.

Кочкаревъ *(ему).* Ничего, ничего! *(Ей тихо.)* Будьте посмѣлѣе, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Этакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потупивши глаза, такъ вдругъ и срѣзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ, смотритъ! — Напрасно, впрочемъ, вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да, впрочемъ, и это хорошо. *(Вслухъ.)* Ну, я оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ! Я на минуточку загляну только къ вамъ въ столовую и на кухню: нужно распо-

рядиться — сейчасъ придетъ офиціантъ, которому заказанъ ужинъ; можетъ-быть, и вина принесены... До свиданья! *(Подколесину.)* Смѣлѣе! Смѣлѣе! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Подколесинъ *и* **Агаѳья Тихоновна.**

Агаѳья Тихоновна. Прошу покорнѣйше садиться.

(Садятся и молчатъ.)

Подколесинъ. Вы, сударыня, любите кататься?

Агаѳья Тихоновна. Какъ-съ кататься?

Подколесинъ. На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подколесинъ. Какое-то лѣто будетъ — неизвѣстно.

Агаѳья Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчатъ.)

Подколесинъ. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агаѳья Тихоновна. Который покрѣпче пахнетъ-съ — гвоздику-съ.

Подколесинъ. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Агаѳья Тихоновна. Да, пріятное занятіе. *(Молчаніе.)* Въ которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесинъ. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе лучше. *(Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по столу.)* Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Агаѳья Тихоновна. Да, черезъ мѣсяцъ, кажется.

Подколесинъ. Даже и мѣсяца не будетъ.

Агаѳья Тихоновна. Должно-быть, веселое будетъ гулянье.

Подколесинъ. Сегодня восьмое число *(считаетъ по пальцамъ)*; девятое, десятое, одиннадцатое... чрезъ двадцать два дня.

Агаѳья Тихоновна. Представьте, какъ скоро!

Подколесинъ. Я сегодняшняго дня даже не считаю. *(Молчаніе.)* Какой это смѣлый русскій народъ!

Агаѳья Тихоновна. Какъ?

Подколесинъ. А работники. Стоятъ на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатуритъ и не боится ничего.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подколесинъ. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. *(Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ берется за шляпу и раскланивается.)*

Агаѳья Тихоновна. А вы уже хотите?..

Подколесинъ. Да-съ. Извините, что, можетъ-быть, наскучилъ вамъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подколесинъ *(улыбаясь)*. А мнѣ, такъ, право, кажется, что я наскучилъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, право, нѣтъ!

Подколесинъ. Ну, такъ, если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь...

Агаѳья Тихоновна. Очень пріятно-съ. *(Раскланивается. Подколесинъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Агаѳья Тихоновна *(одна).*

Какой достойный человѣкъ! Я теперь только узнала его хорошенько, право, нельзя не полюбить: и скромный и разсудительный. Да, пріятель его давеча справедливо сказалъ; жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, и я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь главное то хорошо, что совсѣмъ не пустословитъ. Я было хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться... Какой превосходный человѣкъ! Пойду, разскажу тетушкѣ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Подколесинъ *и* **Кочкаревъ** *(входятъ).*

Кочкаревъ. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что слѣдуетъ.

Кочкаревъ. Стало-быть сердце ей ты ужъ открылъ?

Подколесинъ. Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ. Вотъ-те исторія! Зачѣмъ же не открылъ?

Подколесинъ. Ну, да какъ же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку припеку: «Сударыня, дайте я на васъ женюсь!»

Кочкаревъ. Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали битыхъ полчаса?

Подколесинъ. Ну, мы переговорили обо всемъ, и, признаюсь, я очень доволенъ: съ большимъ удовольствіемъ провелъ время.

Кочкаревъ. Да послушай, посуди ты самъ: когда же все это успѣемъ? Вѣдь черезъ часъ нужно ѣхать въ церковь, подъ вѣнецъ.

Подколесинъ. Что ты съ ума сошелъ? Сегодня подъ вѣнецъ!..

Кочкаревъ. Почему жъ нѣтъ?

Подколесинъ. Сегодня подъ вѣнецъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь ты жъ самъ далъ слово, сказалъ, что какъ только женихи будутъ прогнаны — сейчасъ готовъ жениться.

Подколесинъ. Ну, я и теперь не прочь отъ слова, только не сейчасъ же; мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, нужно дать роздыху.

Кочкаревъ. Мѣсяцъ!

Подколесинъ. Да, конечно.

Кочкаревъ. Да ты съ ума сошелъ, что ли?

Подколесинъ. Да меньше мѣсяца нельзя.

Кочкаревъ. Да вѣдь я офиціанту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямься, душенька, женись теперь.

Подколесинъ. Помилуй, братъ, что ты говоришь? Какъ же теперь?

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! Ну, и тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня, по крайней мѣрѣ.

Подколесинъ. Да, право, нельзя.

Кочкаревъ. Можно, душа, все можно, ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесинъ. Да, право, нѣтъ! Неловко, совсѣмъ неловко.

Кочкаревъ. Да что неловко? Кто тебѣ сказалъ это? Ты посуди самъ, вѣдь ты — человѣкъ умный; я говорю тебѣ это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ

подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю изъ любви... Ну, полно же, душенька, рѣшись, взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

Подколесинъ. Да если бы было можно, такъ я бы ..

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! Лапушка, милочка! Ну, хочешь ли, я стану на колѣни передъ тобой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же?..

Кочкаревъ *(становясь на колѣни)*. Ну, вотъ я и на колѣняхъ! Ну, видишь самъ, прошу тебя! Вѣкъ не позабуду твоей услуги, не упрямься, душенька!

Подколесинъ. Ну, нельзя, братъ, право, нельзя.

Кочкаревъ *(вставая всердцахъ)*. Свинья!

Подколесинъ. Пожалуй, бранись себѣ.

Кочкаревъ. Глупый человѣкъ! Еще никогда не было такого.

Подколесинъ. Бранись, бранись.

Кочкаревъ. Я для кого же старался? Изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что мнѣ? Я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

Подколесинъ. Да кто жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкаревъ. Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подколесинъ. Тебѣ что до того?

Кочкаревъ. О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

Подколесинъ. Я не хочу твоихъ стараній.

Кочкаревъ. Ну, такъ ступай же къ чорту!

Подколесинъ. Ну, и пойду.

Кочкаревъ. Туда тебѣ и дорога!

Подколесинъ. Что жъ, и пойду.

Кочкаревъ. Ступай, ступай, и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ тамъ ногу. Вотъ отъ души посылаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извозчикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ не показывайся.

Подколесинъ. И не покажусь. *(Уходитъ.)*

Кочкаревъ. Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! *(Отворяя дверь, кричитъ ему вслѣдъ.)* Дуракъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Кочкаревъ *(одинъ, ходитъ въ сильномъ движеніи взадъ и впередъ)*.

Ну, былъ ли когда виденъ на свѣтѣ подобный человѣкъ? Эдакій дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите, пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ! Родня, что ли? И что я ему такое: нянька, тетка, свекруха, кума, что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ!.. Этакій мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы, во всякое мѣсто. *(Всердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ.)* Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ — ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода — вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ ле-

жать да покуривать трубку. Экое противное созданіе! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь этакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же, пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду, приведу, подлеца! *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Агаѳья Тихоновна *(входитъ)*.

Ужъ такъ, право, бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куды ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь,—пробовала сматывать нитки, шила ридикюль,— а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лѣзетъ въ руку. *(Помолчавъ.)* И такъ, вотъ, наконецъ, ожидаетъ меня перемѣна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мужчиною — уфъ! Дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь! *(Плачетъ.)* Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ! Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ — выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовъ сегодня же поставить на карточку все, что ни есть на немъ! *(Начинаетъ мало-по-малу опять рыдать.)* Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ... *(Перемѣняя голосъ.)* Да что жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшкаетъ?

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Агаѳья Тихоновна *и* **Подколесинъ** *(выталкивается на сцену изъ дверей двумя руками* **Кочкарева**).

Подколесинъ *(запинаясь)*. Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльце... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

Агаѳья Тихоновна *(потупляя глаза)*. Что же такое?

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, вы скажите напередъ: не покажется ли вамъ странно?

Агаѳья Тихоновна *(такъ же)*. Не могу знать, что такое.

Подколесинъ. Но признайтесь: вѣрно, вамъ покажется страннымъ то, что я вамъ скажу?

Агаѳья Тихоновна. Помилуйте, какъ можно, чтобы было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

Подколесинъ. Но этого вы еще никогда не слыхали. *(Агаѳья Тихоновна потупляетъ еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за плечами.)* Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

Агаѳья Тихоновна. А что же это такое?

Подколесинъ. А это... я хотѣлъ было, признаюсь, теперь объявить вамъ, да все еще какъ-то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ *(про себя, складывая руки)*. Господи ты Боже мой, что это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка!

Агаѳья Тихоновна. Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ. Да все какъ-то беретъ сомнѣніе.

Кочкаревъ *(вслухъ)*. Какъ это глупо! Какъ это глупо. Да вы, сударыня, видите: онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ *(почти напуганный, толкаетъ его, произнося живо)*. Помилуй, что ты?

Кочкаревъ. Такъ что жъ сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастіе?

Агаѳья Тихоновна. Я никакъ не смѣю думать, чтобъ я могла составить счастіе... а, впрочемъ, я согласна.

Кочкаревъ. Натурально, натурально, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесинъ. Сейчасъ. *(Хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмуритъ брови; онъ даетъ руку)*.

Кочкаревъ *(соединяя руки)*. Ну, Богъ васъ благословитъ! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... это не то, что взялъ извозчика да и поѣхалъ куды-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я разскажу тебѣ, что это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать, ты теперь долженъ это сдѣлать. *(Агаѳья Тихоновна потупляетъ глаза.)* Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пусть поцѣлуетъ!

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. *(Цѣлуетъ ее и беретъ за руку.)* Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка? Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непремѣнно сей же часъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ, сейчасъ? Ужъ это, можетъ-быть, очень скоро.

Подколесинъ. И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье!

Кочкаревъ. Браво! Хорошо! Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Кочкаревъ *и* Подколесинъ.

Подколесинъ. Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. *(Тронутый.)* Будущей весною навѣщу непремѣнно могилу твоего отца.

Кочкаревъ. Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую. *(Цѣлуетъ въ одну щеку, а потомъ въ другую.)* Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно *(цѣлуются)*, въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили кучу...

Подколесинъ. Благодарю, братъ! Именно, наконецъ, теперь только я узналъ, что такое жизнь; теперь предо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуетъ, этакъ какъ-то испаряется, какъ-то этакъ, не знаешь даже самъ, что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то-есть просто былъ лишенный всякаго

свѣдѣнія человѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой человѣкъ живетъ.

Кочкаревъ. Радъ, радъ! Теперь я пойду, посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. *(Въ сторону.)* А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. *(Беретъ и уноситъ шляпу съ собою.)*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ *(одинъ).*

Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значилъ, что дѣлалъ, жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ,—словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотрѣть, — какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ! Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ — и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое, точно, бываетъ только развѣ въ сказкахъ, котораго, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. *(Послѣ нѣкотораго молчанія.)* Однакожъ, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего, — все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя — тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности... А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально, нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну, спросятъ: зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что, если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. *(Подходитъ къ окну.)* Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій. Ну, нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже шляпы. Какъ же безъ шляпы? Неловко! А неужто, однакоже, нельзя безъ шляпы? А что если бы попробовать? А? Попробовать, что ли? *(Становится на окно и, сказавши: «Господи, благослови!» соскакиваетъ на улицу; за сценой крякхтитъ и охаетъ.)* Охъ! однакожъ, высоко! Эй, извозчикъ!

Голосъ извозчика. Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина. На Канавку, возлѣ Семеновскаго моста.

Голосъ извозчика. Да гривенникъ безъ лишняго.

Голосъ Подколесина. Давай! Пошелъ! *(Слышенъ стукъ отъѣзжающихъ дрожекъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Агаѳья Тихоновна *(входитъ въ вѣнчальномъ платьѣ робко и потупивъ голову).*

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно, и я вся дрожу. Ахъ, если бы его хоть на минутку на эту пору не было въ комнатѣ, если бы онъ зачѣмъ-нибудь вышелъ! *(Съ робостью оглядывается.)* Да гдѣ жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? *(Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда.)* Ѳекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

Голосъ Ѳеклы. Да онъ тамъ.

Агаѳья Тихоновна. Да гдѣ же тамъ?

Ѳекла *(входя)*. Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ, въ комнатѣ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

Ѳекла. Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ, — я сидѣла в прихожей.

Агаѳья Тихоновна. Да гдѣ же онъ?

Ѳекла. Я ужъ не знаю, гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черно лѣстницѣ, или ни сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелеевны?

Агаѳья Тихоновна. Тетушка! Тетушка!

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же *и* Арина Пантелеймоновна.

Арина Пантелеймоновна *(разодѣтая)*. А что такое?

Агаѳья Тихоновна. Иванъ Кузьмичъ у васъ?

Арина Пантелеймоновна. Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть; ко мн не заходилъ.

Ѳекла. Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

Агаѳья Тихоновна. Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же *и* Кочкаревъ

Кочкаревъ. А что такое?

Агаѳья Тихоновна. Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

Кочкаревъ. Какъ нѣтъ? Ушелъ?

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, и не ушелъ даже.

Кочкаревъ. Какъ же? Нѣтъ — и не ушелъ?

Ѳекла. Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ пе редней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ н могъ пройти.

Кочкаревъ. Какъ же, чортъ возьми? Вѣдь пропасть тоже, не выход изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли? Иванъ Кузьмичъ Гдѣ ты? Не дурачься, полно выходи скорѣе! Ну, что за шутки такія? В церковь давно пора! *(Заглядываетъ за шкапъ, искоса запускаетъ даж глазъ подъ стулья.)* Непонятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никаким образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно поло жилъ туда.

Арина Пантелеймоновна Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стоял все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же *и* Дуняшка.

Арина Пантелеймоновна. Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видала?

Дуняшка. Да они-съ выпрыгнули въ окошко. *(Агаѳья Тихоновн вскрикиваетъ, всплеснувши руками.)*

Всѣ трое. Въ окошко?

Дуняшка. Да-съ, а потомъ, какъ выскочили, взяли извозчика уѣхали.

Арина Пантелеймоновна. Да ты правду говоришь?

Кочкаревъ. Врешь, не можетъ быть!

Дуняшка. Ей Богу, выскочили! Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна *(подступая къ Кочкареву).* Что жъ, вы, батюшка, въ издѣвку-то развѣ, что ли? Посмѣяться развѣ надъ нами задумали? На позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого страму еще не наживала. Да я за то, батюшка, вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! Я — мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! *(Уходитъ всердцахъ и уводитъ невѣсту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный.)*

Ѳекла. Что? А вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести дѣло! Безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе и этакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

Кочкаревъ. Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его! *(Уходитъ.)*

Ѳекла. Да, поди ты; вороти! Дѣла-то свадебнаго не знаешь, что ли? Еще если въ двери выбѣжалъ — иное дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно — ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

ИГРОКИ.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Комната въ городскомъ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ихаревъ *входитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги* **Алексѣя** *и своего собственнаго,* **Гаврюшки.**

Алексѣй. Пожалуйте-съ, пожалуйте! Вотъ-съ покойчикъ! Ужъ самый покойный, и шуму нѣтъ вовсе.

Ихаревъ. Шума нѣтъ, да, чай, коннаго войска вдоволь, скакуновъ?

Алексѣй. То-есть, изволите говорить насчетъ блохъ? Ужъ будьте покойны. Если блоха или клопъ укуситъ, ужъ это наша отвѣтственность; ужъ на томъ стоимъ.

Ихаревъ *(Гаврюшкѣ.)* Ступай выносить изъ коляски. *(Гаврюшка уходитъ. Алексѣю.)* Тебя какъ зовутъ?

Алексѣй. Алексѣй-съ.

Ихаревъ. Ну, послушай! *(Значительно.)* Разсказывай: кто у васъ живетъ?

Алексѣй. Да живутъ теперь много. Всѣ номера почти заняты.

Ихаревъ. Кто жъ именно?

Алексѣй. Швохневъ, Пстръ Петровичъ, Кругель, полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

Ихаревъ. Играютъ?

Алексѣй. Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ.

Ихаревъ. Пара цѣлковиковъ! *(Суетъ ему въ руку.)*

Алексѣй *(кланяясь).* Покорнѣйше благодарю.

Ихаревъ. Послѣ еще будетъ.

Алексѣй. Покорнѣйше-съ благодарю.

Ихаревъ. Между собой играютъ?

Алексѣй. Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артуновскаго; у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысячъ.

Ихаревъ. Вотъ тебѣ еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

Алексѣй. Нѣтъ-съ, они сами брали вмѣстѣ.

Ихаревъ. Да у кого?

Алексѣй. Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

Ихаревъ. Врешь, врешь, плутъ!

Алексѣй. Ей Богу!

Ихаревъ. Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ ужо. *(Гаврюшка вноситъ шкатулку.)* Ставь ее здѣсь! Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умыться и побриться. *(Слуги уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Ихаревъ *(одинъ, отпираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами).*

Каковъ видъ? А? Каждая дюжина золотая. Потомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рябитъ въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь зато, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она, заповѣдная колодушка,— просто перлъ! Зато жъ ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. *(Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Алексѣй *и* **Гаврюшка** *(несутъ лаханку, рукомойникъ и полотенце.)*

Ихаревъ. Что, эти господа гдѣ теперь? дома?

Алексѣй. Да-съ, они теперь въ общей залѣ.

Ихаревъ. Пойду взглянуть на нихъ, что за народъ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Алексѣй *и* **Гаврюшка.**

Алексѣй. Что, издалека ѣдете?

Гаврюшка. А изъ Рязани.

Алексѣй. А сами тамошней губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

Алексѣй. Такъ-съ. Такъ помѣстье-то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, не въ Смоленской. Въ Смоленской сто душъ да въ Калужской восемьдесятъ.

Алексѣй. Понимаю, въ двухъ, то-есть, губерніяхъ.

Гаврюшка. Да, въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной дворни: Игнатій буфетчикъ, Павлуша, который прежде съ бариномъ ѣздилъ, Герасимъ лакей, Иванъ тоже опять лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семенъ, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ, вотъ какъ у насъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Кругель, Швохневъ *(осторожно входя).*

Кругель. Право, я боюсь, чтобъ онъ насъ не засталъ здѣсь.

Швохневъ. Ничего, Степанъ Ивановичъ его удержитъ. *(Алексѣю.)* Ступай, братъ, тебя зовутъ! *(Алексѣй уходитъ. Швохневъ, подходя поспѣшно къ Гаврюшкѣ.)* Откуда баринъ?

Гаврюшка. Да теперь изъ Рязани.

Швохневъ. Помѣщикъ?

Гаврюшка. Помѣщикъ.

Швохневъ. Играетъ?

Гаврюшка. Играетъ.

Швохневъ. Вотъ тебѣ красуля. *(Даютъ ему бумажку.)* Разсказывай все!

Гаврюшка. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни-ни, не бойся!

Швохневъ. Что, какъ онъ теперь,—въ выигрышѣ? А?

Гаврюшка. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохневъ. Нѣтъ, а что?

Гаврюшка. Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверъ, да золотыхъ эполетъ сколько-то паръ... одной выжиги дали на 600 рублей.

Швохневъ *(взглянувъ на Кругеля значительно)*. А? восемьдесятъ тысячъ! *(Кругель покачалъ головою.)* Думаешь—не чисто? Это мы сейчасъ узнаемъ. *(Гаврюшкѣ.)* Послушай: когда баринъ остается дома одинъ, что дѣлаетъ?

Гаврюшка. Да какъ—что дѣлаетъ? Извѣстно, что дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

Швохневъ. Врешь, чай, картъ изъ рукъ не выпускаетъ.

Гаврюшка. Не могу знать, я съ бариномъ всего двѣ недѣли ѣзжу; съ нимъ прежде все Павлушка ѣздилъ. У насъ тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ, Дементій кучеръ, да намедни изъ деревни одного взяли.

Швохневъ *(Кругелю)*. Думаешь—шулеръ?

Кругель. И очень можетъ быть.

Швохневъ. А попробовать, все-таки попробуемъ. *(Оба убѣгаютъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гаврюшка *(одинъ)*.

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будетъ Матренѣ на чепецъ, да пострѣлятамъ тоже по прянику. Эхъ, люблю походную жисть! Ужъ всегда что нибудь пріобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего-нибудь—все ужъ съ рубля гривенничекъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что за житье господамъ на свѣтѣ! Куда хошь, катай! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань; не захотѣлъ въ Рязань—въ Казань; въ Казань не захотѣлъ, валяй подъ самый Ярославъ. Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣй, Рязань или Казань? — Казань будетъ потому партикулярнѣй, что въ Казани...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ихаревъ, Гаврюшка, *потомъ* **Алексѣй.**

Ихаревъ. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А впрочемъ... Эхъ, хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить! Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ подумаешь, право, сердце бьется. *(Беретъ щетку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться.)* Просто рука дрожитъ, ни какъ не могу бриться. *(Входитъ Алексѣй.)*

Алексѣй. Не прикажете ли чего покушать?

Ихаревъ. Какъ же, какъ же! Принеси закуску на четыре человѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его. *(Указывая на Гаврюшку.)*

Алексѣй *(Гаврюшкѣ).* Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено. *(Гаврюшка уходитъ.)*

Ихаревъ *(продолжая бриться).* Послушай! много они тебѣ дали?

Алексѣй. Кто-съ?

Ихаревъ. Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

Алексѣй. Да-съ, за прислугу пожаловали.

Ихаревъ. Сколько? пятьдесятъ рублей?

Алексѣй. Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

Ихаревъ. А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ лежитъ сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься, не укуситъ. Отъ тебя не потребуется больше ничего, какъ только честности. Понимаешь? Карты пусть будутъ у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дѣло, а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжину. *(Даетъ ему запечатанную дюжину.)* Понимаешь?

Алексѣй. Да ужъ какъ не понять? Извольте положиться, это ужъ наше дѣло.

Ихаревъ. Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-нибудь не ощупали или не увидѣли. *(Кладетъ щетку и мыло и вытирается полотенцемъ. Алексѣй уходитъ.)* Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ, признаюсь, хочется поддѣть ихъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Швохневъ, Кругель *и* **Степанъ Ивановичъ Утѣшительный** *(входятъ съ поклонами).*

Ихаревъ *(съ поклономъ къ нимъ навстрѣчу).* Прошу простить. Комната, какъ видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утѣшительный. Привѣтливыя ласки хозяина дороже всякихъ удобствъ.

Швохневъ. Не съ комнатой жить, а съ добрыми людьми.

Утѣшительный. Именно правда. Я бы не могъ быть безъ общества. *(Кругелю.)* Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюда: одинъ-одинешенекъ! Вообразите: знакомыхъ никого. Хозяйка—старуха. На лѣстницѣ какая-то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу, увивается около нея какой-то армейщина, видно, натощакъ... Словомъ, скука смертная. Вдругъ судьба послала вотъ его, а потомъ случай свелъ съ нимъ... Ну, ужъ какъ я былъ радъ. Не могу, не могу часу пробыть безъ дружескаго общества. Все, что ни есть на душѣ, готовъ разсказать каждому.

Кругель. Это, братъ, порокъ твой, а не добродѣтель. Излишество вредитъ. Ты, вѣрно, ужъ не разъ былъ обманутъ.

Утѣшительный. Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу безъ откровенности.

Кругель. Ну, признаюсь, это для меня непонятно: быть откровенну со всякимъ. Дружба—это другое дѣло.

Утѣшительный. Такъ; но человѣкъ принадлежитъ обществу.

Кругель. Принадлежитъ, но не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь!

Швохневъ *(Утѣшительному)*. Не спорь, братъ: ты не правъ.

Утѣшительный *(горячась)*. Нѣтъ, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долгъ! это, это, это...

Швохневъ. Ну, зарапортовался! Горячъ необыкновенно: еще первыя два слова можно понять изъ того, что онъ говоритъ, а ужъ дальше ничего не поймешь.

Утѣшительный. Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю: «Господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право, увлекусь». Точно хмель какой-то, а желчь такъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

Ихаревъ *(про себя)*. Ну, нѣтъ, пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ «обязанность». У тебя, можетъ-быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ. *(Вслухъ.)* А что, господа, покамѣстъ споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ банчикъ?

(Въ продолженіе ихъ разговора приготовленъ на столѣ завтракъ.)

Утѣшительный. Извольте; если не въ большую игру, почему нѣтъ?

Кругель. Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

Ихаревъ. А что, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

Швохневъ. О, только прикажите!

Ихаревъ. Карты! *(Алексѣй хлопочетъ около карточнаго стола.)* А между тѣмъ, прошу, господа! *(Указывая рукой на закуску и подходя къ ней.)* Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сякъ.

Швохневъ *(посылая въ ротъ кусокъ)*. Нѣтъ, и балыкъ того.

Кругель *(также)*. И сыръ хорошъ. Икра тоже недурна.

Швохневъ *(Кругелю)*. Помнишь, какой отличный сыръ ѣли мы недѣли двѣ тому назадъ?

Кругель. Нѣтъ, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который ѣлъ я у Петра Александровича Александрова.

Утѣшительный. Да вѣдь сыръ, почтеннѣйшій, когда хорошъ? Хорошъ онъ тогда, когда сверхъ одного обѣда наворотишь другой — вотъ гдѣ его настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый квартермистръ говоритъ: «Добро пожаловать, господа, есть еще мѣсто».

Ихаревъ. Добро пожаловать, господа, карты на столѣ.

Утѣшительный *(подходя къ карточному столу)*. А, вотъ оно, старина, старина! Слышь, Швохневъ, карты? А? Сколько лѣтъ..

Ихаревъ *(въ сторону)*. Да полно тебѣ корчить!..

Утѣшительный. Хотите вы держать банчикъ?

Ихаревъ. Небольшой, извольте, пятьсотъ рублей. Угодно снять? *(Мечетъ банкъ.)*

Начинается игра. Раздаются восклицанія.)

Швохневъ. Четверка, тузикъ, — оба по десяти.

Утѣшительный. Подай-ка, братъ, мнѣ свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводительши.

Кругель. Позвольте присовокупить девяточку.

Утѣшительный. Швохневъ, подай мѣлъ. Приписываю и списываю.

Швохневъ. Чортъ побери, пароле!

Утѣшительный. И пять рублей мазу!

Кругель. Атанде! позвольте посмотрѣть, кажется, еще двѣ тройки должны быть въ колодѣ.

Утѣшительный *(вскакиваетъ съ мѣста, про себя).* Чортъ побери, тутъ что-то не такъ. Карты другія, это очевидно.

(Игра продолжается.)

Ихаревъ *(Кругелю).* Позвольте узнать: обѣ идутъ?

Кругель. Обѣ.

Ихаревъ. Не возвышаете?

Кругель. Нѣтъ.

Ихаревъ *(Швохневу).* А вы что жъ? не ставите?

Швохневъ. Позвольте мнѣ эту талію переждать. *(Встаетъ со стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро.)* Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все что хочешь! Шулеръ первой степени!

Утѣшительный *(въ волненіи).* Неужели, однакожъ, отказаться отъ восьмидесяти тысячъ?

Швохневъ. Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утѣшительный. Ну, это еще вопросъ, а пока надо съ нимъ объясниться

Швохневъ. Какъ?

Утѣшительный. Открыться ему во всемъ.

Швохневъ. Для чего?

Утѣшительный. Послѣ скажу. Пойдемъ. *(Подходятъ оба къ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ сторонъ по плечу.)*

Утѣшительный. Да полно вамъ тратить попусту заряды!

Ихаревъ *(вздрогнувъ).* Какъ?

Утѣшительный. Да что тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

Ихаревъ *(учтиво).* Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?..

Утѣшительный. Да просто, безъ дальнѣйшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искуство и, повѣрьте, умѣемъ отдавать справедливость достоинству. И потому, отъ лица нашихъ товарищей, предлагаю вамъ дружескій союзъ. Соединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣй, чѣмъ порознь.

Ихаревъ. Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?

Утѣшительный. Да вотъ въ какой степени: за искренность мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно, что сговорились обыграть васъ, потому что приняли васъ за человѣка обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. Итакъ, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихаревъ. Отъ такого радушнаго предложенія не могу отказаться.

Утѣшительный. Итакъ, подадимте же другъ другу руки. *(Всѣ попеременно пожимаютъ руку Ихареву.)* Отнынѣ все общее: притворство и церемоніи въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдовать глубины познаній?

Ихаревъ. Признаюсь, это уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я уже подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

Утѣшительный. Я такъ и полагалъ. Подобное искуство не можетъ быть пріобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества. Помнишь, Швохневъ, этого необыкновеннаго ребенка?

Ихаревъ. Какого ребенка?

Утѣшительный. А вотъ разскажи!

Швохневъ. Подобнаго событія я никогда не позабуду. Говоритъ мнѣ его взять *(указывая на Утѣшительнаго)*, Андрей Ивановичъ Пяткинъ: «Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича Кубышева, передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ. Поѣзжай въ Тетюшевскій уѣздъ и посмотри!» Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ Тетюшевскій уѣздъ. Спрашиваю деревню Ивана Михайловича Кубышева и пріѣзжаю прямо къ нему. Приказываю о себѣ доложить. Выходитъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекомендуюсь, говорю: «Извините, я слышалъ, что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ».—«Да, признаюсь,—говоритъ (и мнѣ понравилось то, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отговорокъ),—да,—говоритъ,—точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственнаго сына, но это дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ чудо... Миша!—говоритъ,—поди-ка сюда, покажи гостю искусство!» Ну, мальчикъ, просто, ребенокъ, мнѣ по плечо не будетъ, и въ глазахъ ничего нѣтъ особеннаго. Началъ онъ метать — я просто потерялся. Это превосходитъ всякое описанье.

Ихаревъ. Неужто ничего нельзя было примѣтить?

Швохневъ. Ни, ни, никакихъ слѣдовъ! Я смотрѣлъ въ оба глаза.

Ихаревъ. Это непостижимо!

Утѣшительный. Феноменъ, феноменъ!

Ихаревъ. И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ, внимательное изученіе крапа...

Утѣшительный. Да вѣдь это очень облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отмѣтины вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключъ.

Ихаревъ. То-есть, ключъ рисунка?

Утѣшительный. Да, ключъ рисунка обратной стороны. Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно — я не хочу назвать, одинъ почтенный человѣкъ, который больше ничѣмъ ужъ и не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колодъ, отъ кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ всякой карты и послать отъ себя только ключъ. Смотри, молъ, у двойки вотъ какъ расположенъ рисунокъ! у такой-то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

Ихаревъ. Это, однакожъ, важная вещь.

Утѣшительный. Да оно, впрочемъ, такъ и быть должно. Это то, что называется въ политической экономіи—распредѣленіе работъ. Все равно — каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ: онъ отдаетъ и кузнецу и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человѣческой.

Ихаревъ. Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали вы доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ вѣдь не всегда можно

Утѣшительный. Сохрани Богъ! да и опасно. Это значитъ иногда самого себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Одинъ разъ мы поступили вотъ какъ. Пріѣзжаетъ на ярмарку нашъ агентъ, останавливается подъ именемъ купца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и вьюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ пропадаетъ, неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шаритъ въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ вьюкъ; распаковываетъ — сто дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго торга; пустили рублемъ дешевле, купцы вмигъ расхватали въ свои лавки; а въ четыре дня проигрался весь городъ.

Ихаревъ. Это очень ловко.

Швохневъ. Ну, а у того, у помѣщика?

Ихаревъ. Что у помѣщика?

Утѣшительный. А это дѣло тоже было поведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помѣщикъ Аркадій Андреевичъ Дергуновъ, богатѣйшій человѣкъ. Игру ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенью, понимаете, никакихъ путей: за всѣмъ смотритъ самъ, люди у него воспитаны — камергеры, домъ — дворецъ, деревня, сады, — все это по аглицкому образцу; словомъ, русскій баринъ въ полномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ тамъ три дня. Какъ приступить къ дѣлу? — просто, нѣтъ возможности. Наконецъ придумали. Въ одно утро пролетаетъ мимо самаго двора тройка. На телѣгѣ сидятъ молодцы. Все это пьяно, какъ нельзя больше, оретъ пѣсни и дуетъ во весь опоръ. На такое зрѣлище, какъ водится, выбѣжала вся дворня. Ротозѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телѣги что-то выпало; подбѣгаютъ, видятъ—чемоданъ. Машутъ, кричатъ: «остановись!» Куды! никто не слышитъ, умчались, только пыль осталась по всей дорогѣ.—Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, кое-какое платье, двѣсти рублей денегъ и дюжинъ сорокъ картъ. Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться, карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ и гости, остались безъ копейки въ карманѣ, и кончился банкъ.

Ихаревъ. Очень остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

Утѣшительный. Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣтъ лицепріятія. Игра не смотритъ ни на что. Пусть отецъ сядетъ со мною въ карты—я обыграю отца: не садись! Здѣсь всѣ равны.

Ихаревъ. Именно, этого не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть добродѣтельнѣйшій человѣкъ. Я знаю одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копейку. А между тѣмъ ни за что не откажется соединиться втроемъ противъ одного, обыграть навѣрняка. Но, господа, такъ какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную вещь. Знаете ли вы то, что называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

Утѣшительный. Знаю, но, можетъ-быть, другого рода.

Ихаревъ. Могу вамъ похвастаться, что подобной нигдѣ не сыщете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотрѣть. Докторъ опасался воспаленья въ глазахъ. *(Вынимаетъ изъ шкатулки.)* Вотъ она! Зато ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носитъ имя, какъ человѣкъ.

Утѣшительный. Какъ, имя?

Ихаревъ. Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утѣшительный *(усмѣхаясь).* Слышь, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая идея—назвать колоду картъ Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже это очень остроумнымъ.

Швохневъ. Прекрасно: Аделаида Ивановна! Очень хорошо!

Утѣшительный. Аделаида Ивановна! Нѣмка даже! Слышь. Кругель, это тебѣ жена.

Кругель. Что я за нѣмецъ? Дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки.

Утѣшительный *(разсматривая колоду).* Это, точно, сокровище. Да, никакихъ совершенно признаковъ. Неужели, однакожъ, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстояніи?

Ихаревъ. Извольте, я стану отъ васъ въ пяти шагахъ и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готовъ ассикурировать, если ошибусь.

Утѣшительный. Ну, это какая карта?

Ихаревъ. Семерка.

Утѣшительный. Такъ точно. Эта?

Ихаревъ. Валетъ.

Утѣшительный. Чортъ возьми, да! Ну, эта?

Ихаревъ. Тройка.

Утѣшительный. Непостижимо.

Кругель *(пожимая плечами).* Непостижимо.

Швохневъ. Непостижимо!

Утѣшительный. Позвольте еще разъ разсмотрѣть. *(Разсматривая колоду.)* Удивительная вещь! стоитъ того, чтобы назвать ее именемъ. Но, позвольте замѣтить, употребить ее въ дѣло трудно; развѣ съ слишкомъ неопытнымъ игрокомъ; вѣдь это нужно подмѣнить самому.

Ихаревъ. Да вѣдь это во время самой жаркой игры только дѣлается, когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрокъ дѣлается неспокойнымъ; а потеряйся только немного человѣкъ—съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается то, что̀ называютъ—заиграться. Какъ поиграетъ два дни и двѣ ночи сряду, не поспавши—ну, и заиграется. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средствъ отвлечь вниманье другихъ есть тысяча. Придеритесь тутъ же къ кому-нибудь изъ понтеровъ, скажите, что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обратятся на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

Утѣшительный. Но, однако, я вижу, что, кромѣ искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія—это важная вещь. Пріобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительнѣй. Будемъ безъ церемоніи, оставимъ лишніе этикеты и станемъ говорить другъ другу «ты».

Ихаревъ. Этакъ бы давно слѣдовало.

Утѣшительный. Человѣкъ, шампанскаго! Въ память дружескаго союза!

Ихаревъ. Именно, это сто̀итъ того, чтобы запить.

Швохневъ. Да вѣдь вотъ, мы собрались для подвиговъ, орудія всѣ у насъ въ рукахъ, силы есть, одного недостаетъ только...

Ихаревъ. Именно, именно, крѣпости недостаетъ только, на которую бы итти, вотъ бѣда!

Утѣшительный. Что жъ дѣлать? Непріятеля пока нѣтъ. *(Смотря пристально на Швохнева.)* Что̀ у тебя какъ будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

Швохневъ. Есть, да... *(Останавается.)*

Утѣшительный. Знаю я, на кого ты мѣтишь.

Ихаревъ *(съ живостью).* А на кого, на кого? кто это?

Утѣшительный. Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдумалъ пустяки. Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ пріѣзжій помѣщикъ, Михаилъ Александровичъ Гловъ. Ну, да что̀ объ этомъ толковать, когда онъ не играетъ вовсе? Мы ужъ возились около него... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ: и въ дружбу и въ довѣренность вошелъ, а все ничего не сдѣлалъ.

Ихаревъ. Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ? Можетъ-быть, почему знать...

Утѣшительный. Ну, я тебѣ впередъ говорю, что это будетъ вовсе напрасный трудъ.

Ихаревъ. Ну, да, попробуемъ, попробуемъ еще разъ.

Швохневъ. Ну, да приведи его, по крайней мѣрѣ! Ну, не успѣемъ, поговоримъ просто. Почему не попробовать?

Утѣшительный. Да пожалуй, мнѣ ничего это не значитъ, я приведу его.

Ихаревъ. Приведи его теперь же, пожалуйста!

Утѣшительный. Изволь, изволь! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX

Тѣ же, *кромѣ* Утѣшительнаго.

Ихаревъ. Вѣдь, точно, почему знать? Иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное.

Швохневъ. Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не съ Богомъ здѣсь имѣешь дѣло, а съ человѣкомъ; а человѣкъ—все-таки человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣзавтра нѣтъ, а на четвертый день, какъ насядешь на него хорошенько, скажетъ: «да». Иной вѣдь съ виду корчитъ, что онъ недоступный, а разгляди его поближе, увидишь: просто, даромъ тревогу подымалъ.

Кругель. Ну, однакожъ, этотъ не таковъ.

Ихаревъ. Эхъ, если бы!.. Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Нужно вамъ знать, что послѣдній мой выигрышъ восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Представить не можете, какую испыталъ я скуку во все это время. Скука, скука смертная!

Швохневъ. Я понимаю это положеніе. Это все равно, что полководецъ: что онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны? Это, любезнѣйшій, просто фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, съ этимъ нечего шутить.

Ихаревъ. Повѣришь ли, приходитъ такъ, что если бы кто сдѣлалъ пять рублей банку—я готовъ сѣсть и играть.

Швохневъ. Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда искуснѣйшіе игроки: стоскуется, работы нѣтъ, и наскочитъ съ горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голь и перетыка,—ну, и проиграется ни за что!

Ихаревъ. А богатъ этотъ Гловъ?

Кругель. О, деньги есть! Кажется, около тысячи душъ крестьянъ.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми, подпоить развѣ его, шампанскаго велѣть подать?

Швохневъ. Въ ротъ не беретъ.

Ихаревъ. Что жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подъѣхать? Но нѣтъ, однакожъ, все я думаю... вѣдь игра—соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, если бы онъ подсѣлъ только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣлъ потомъ.

Швохневъ. Да вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ сдѣлаемъ самую маленькую игру. Но не нужно къ нему оказывать большого вниманія: старики подозрительны. *(Садятся въ сторонѣ съ картами.)*

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Утѣшительный *и* Михайло Александровичъ Гловъ *(человѣкъ почтенныхъ лѣтъ).*

Утѣшительный. Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомендую: Михаилъ Александровичъ Гловъ!

Ихаревъ. Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живя въ одномъ трактирѣ...

Гловъ. Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ...

Ихаревъ *(подавая ему стулъ).* Прошу покорнѣйше!.. Давно изволите жить въ этомъ городѣ?

(Утьшительный, Швохневъ и Кругель перешептываются между собою.)

Гловъ. Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, этотъ городъ. И тѣломъ и душой радъ бы отсюда поскорѣй вырваться.

Ихаревъ. Что жъ, удерживаютъ дѣла?..

Гловъ. Дѣла, дѣла. Такая комиссія мнѣ эти дѣла!

Ихаревъ. Вѣроятно, тяжба?

Гловъ. Нѣтъ, слава Богу, тяжбы нѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, затруднительныя обстоятельства. Выдаю замужъ дочь, батюшка, осьмнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы отцовское положеніе? Пріѣхалъ за разными покупками, а главное заложить имѣніе. Дѣло бы уже все кончено, да Приказъ денегъ до сихъ поръ не выдаетъ. Даромъ совершенно живу.

Ихаревъ. А позвольте узнать, въ какую сумму изволили заложить имѣніе?

Гловъ. Въ двухстахъ тысячахъ. На-дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить! Дома-то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь—невѣста. Все это ждетъ... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

Ихаревъ. Какъ же, и денегъ не хотите дождаться?

Гловъ. Что жъ дѣлать, батюшка? Вы разсмотрите и мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ даже не получаю; Богъ вѣсть, что тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь остается. Надоѣло возиться. *(Обращаясь къ Швохневу и Кругелю.)* А что жъ вы, господа? Я, кажется, вамъ помѣшалъ: вы чѣмъ-то занимались?

Кругель. Вздоръ. Это такъ. Отъ нечего дѣлать вздумали поиграть.

Гловъ. Кажется, что-то похоже на банчикъ!

Швохневъ. Какое! для препровожденья времени, грошовый банчикъ!

Гловъ. Эхъ, господа, послушайте старика. Вы—молодые люди. Конечно, тутъ ничего нѣтъ худого, больше для развлеченья. Да и въ грошовую игру нельзя много проиграть, все это такъ; но все... эхъ, господа, я самъ игралъ и знаю по опыту. Все на свѣтѣ начинается грошовымъ дѣломъ, а смотришь, маленькая игра какъ разъ кончилась большой.

Швохневъ *(Ихареву).* Ну, пошелъ ужъ старикашка плесть свое. *(Глову.)* Ну, вотъ видите, вы ужъ тотчасъ припишете важное слѣдствіе всякому вздору,—это всегда ужъ обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

Гловъ. Да что жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой человѣкъ. Я сужу по опыту.

Швохневъ. Я не объ васъ буду говорить; но вообще у стариковъ есть это: напримѣръ, если они на чемъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены, что и другой непремѣнно обожжется на томъ же. Если они пошли какой-нибудь дорогою, да, зазѣвавшись, шлепнулись о гололедь—они ужъ кричатъ и выдаютъ правило, что по такой-то дорогѣ никому нельзя ходить, потому что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололедь, и всякій непремѣнно на ней шлепнется лбомъ, никакъ не принимая въ уваженье того, что другой, можетъ-быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на скользкой подошвѣ. Нѣтъ, у нихъ

для этого нѣтъ соображенія. Собака укусила человѣка на улицѣ—всѣ кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Гловъ. Такъ, батюшка; оно точно, съ одной стороны, есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь зато жъ и молодые! Вѣдь ужъ слишкомъ много рыси: того я смотри, что сломитъ шею!

Швохневъ. Вотъ то-то и есть, что у насъ нѣтъ середины. Молодымъ бѣсится, такъ что невтерпежъ другимъ, а подъ старость прикинется ханжой, такъ что невтерпежъ другимъ.

Гловъ. Такого-то вы обиднаго мнѣнія насчетъ стариковъ?

Швохневъ. Да нѣтъ, что за обидное мнѣніе? Это правда, больше ничего.

Ихаревъ. Позвольте мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко...

Утѣшительный. Насчетъ картъ я совершенно согласенъ съ Михаиломъ Александровичемъ. Я самъ игралъ, игралъ сильно: но, благодарю судьбу, бросилъ навсегда,—не потому, чтобы проигрался или былъ вооруженъ противъ судьбы; повѣрьте мнѣ, это еще ничего: проигрышъ не такъ важенъ, какъ важно душевное спокойствіе. Одно это волненіе, чувствуемое во время игры, кто что ни говори, а это сокращаетъ, видимо, нашу жизнь.

Гловъ. Такъ, батюшка, ей Богу! Какъ вы премудро замѣтили! Позвольте сдѣлать вамъ нескромный вопросъ: сколько времени имѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до сихъ поръ...

Утѣшительный. Какой вопросъ?

Гловъ. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

Утѣшительный. Тридцать девять лѣтъ.

Гловъ. Представьте! Что жъ такое тридцать девять лѣтъ? Еще молодой человѣкъ. Ну, что, если бы у насъ, въ Россіи, было побольше такихъ, которые бы такъ мудро разсуждали? Господи Ты Боже мой, что бы это было! просто, золотой вѣкъ-съ, та же астрея. Ужъ какъ, ей Богу, благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами.

Ихаревъ. Повѣрьте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣніе. Мальчишкамъ я бы не позволилъ и въ руки взять картъ. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься, не позабавиться? Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать ни танцовать?

Гловъ. Такъ, все такъ; но повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій, столько обязанностей, такъ сказать, священныхъ. Эхъ, господа, послушайте старика! Нѣтъ для человѣка лучшаго назначенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все это, что васъ окружаетъ, вѣдь это все волненіе, ей Богу-съ, волненіе; а прямого-то блага вы не вкусили еще. Вѣдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, ей Богу! Какъ воображу: дочь кинется на шею: «папашъ ты мой, милый папашъ!» Сынъ опять пріѣхалъ изъ гимназіи... полгода не видалъ... Просто, словъ недостаетъ: ей Богу, такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

Ихаревъ. Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отеческія чувства сами по себѣ, а карты тоже...

Алексѣй *(входя говоритъ Глову).* Вашъ человѣкъ спрашиваетъ насчетъ чемодановъ: прикажете выносить? Лошади ужъ готовы.

Гловъ. А вотъ я сейчасъ! Извините, господа, на одну минуточку васъ оставлю. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Швохневъ, Ихаревъ, Кругель, Утѣшительный.

Ихаревъ. Ну, нѣтъ никакой надежды!

Утѣшительный. Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть человѣка. Вѣдь стоитъ только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположенъ играть.

Ихаревъ. Ну, да все бы таки пасѣсть на него хорошенько. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ?

Утѣшительный. Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не то какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

Ихаревъ. Ну, да вѣдь что жъ вышло изъ того? Вѣдь вотъ уѣдетъ — все равно.

Утѣшительный. Ну, да постой, еще не все дѣло кончено.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же *и* Гловъ.

Гловъ. Покорнѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самымъ концомъ. А впрочемъ, авось, приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться...

Швохневъ. О, вѣроятно. Дороги битыя, а люди толкутся, какъ не столкнуться? Захоти только судьба.

Гловъ. Ей Богу такъ, такъ, совершенная правда! Судьба захочетъ, такъ завтра же увидимся,— совершенная правда. Прощайте, господа! Истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы усладили мое уединеніе.

Утѣшительный. Помилуйте, не за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

Гловъ. Ну, ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость! Можно ли васъ просить?

Утѣшительный. Какую? скажите! Все, что угодно, готовъ.

Гловъ. Успокойте старика-отца!

Утѣшительный. Какъ?

Гловъ. Я оставляю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все же еще ненадеженъ: двадцать два года,—ну, что это за лѣта? Почти ребенокъ... Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочетъ, какъ объ гусарахъ. Я говорю ему: «Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! Что тебѣ въ гусары? Почему знать, можетъ-быть, у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!..» Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блеститъ, шитье, богатый мундиръ. Что жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка Степанъ Ивановичъ! Онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человѣкъ, все можетъ случиться: чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули... мало ли чего... такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, отвлеките его отъ дурного. Будьте такъ добры, батюшка! *(Беретъ его за обѣ руки.)*

Утѣшительный. Извольте, извольте. Все, что можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

Гловъ. Ахъ, батюшка! *(Обнимаются и цѣлуются.)* Вѣдь какъ видно, когда у человѣка-то доброе сердце, ей Богу! Богъ васъ наградитъ за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться.

Ихаревъ. Прощайте, доброй дороги!

Швохневъ. Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

Гловъ. Благодарю васъ, господа!

Утѣшительный. А я васъ-таки провожу къ самой коляскѣ и посажу!

Гловъ. Ахъ, батюшка, какъ вы добры! *(Оба уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Улетѣла птица!

Швохневъ. Да, а было бы чѣмъ поживиться.

Ихаревъ. Признаюсь, какъ онъ сказалъ: двѣсти тысячъ—у меня вздрогнуло въ самомъ сердцѣ.

Кругель. О такой суммѣ и подумать даже сладко.

Ихаревъ. Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы! Ну, что изъ того, что у него будетъ двѣсти тысячъ? Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ветошекъ.

Швохневъ. И все это дрянь, гниль.

Ихаревъ. А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтѣ, не обращаясь! Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежатъ въ ломбардахъ! Право, даже жалость. Я бы больше не хотѣлъ имѣть у себя денегъ, какъ столько, сколько лежитъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Швохневъ. Я помирюсь и на половинѣ.

Кругель. Я доволенъ буду и четвертью.

Швохневъ. Ну, не ври, нѣмецъ: захочешь больше.

Кругель. Какъ честный человѣкъ.

Швохневъ. Надуешь.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Утѣшительный *(входитъ поспѣшно и съ радостнымъ видомъ).*

Утѣшительный. Ничего, ничего, господа! уѣхалъ, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ передалъ ему и довѣренность, и всѣ права на полученіе изъ Приказа денегъ, и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ—молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду и сей же часъ приведу его къ вамъ. *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Ай да Утѣшительный!

Швохневъ. Браво! дѣло возымѣло славный оборотъ! *(Всѣ потираютъ въ радости руки.)*

Ихаревъ. Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это ловко, какъ тонко!

Швохневъ. О, у него на это талантъ необыкновенный!

Кругель. Способности невѣроятныя!

Ихаревъ. Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на мигъ, а ужъ онъ тотчасъ... Смѣтливость какая!

Швохневъ. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же, Утѣшительный *и* **Гловъ, Александръ Михайловичъ** *(молодой человѣкъ).*

Утѣшительный. Господа! рекомендую: Александръ Михайлычъ Гловъ, отличный товарищъ! Прошу полюбить, какъ меня.

Швохневъ. Очень радъ... *(Пожимаетъ ему руку.)*

Ихаревъ. Знакомство ваше намъ...

Кругель. Позвольте васъ прямо въ наши объятья.

Гловъ. Господа! я...

Утѣшительный. Безъ церемоніи, безъ церемоніи. Равенство первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь, видишь,— всѣ товарищи, и потому къ чорту всѣ этикеты! Съѣдемъ прямо на «ты»!

Швохневъ. Именно на «ты»!

Гловъ. На «ты»! *(Подаетъ имъ всѣмъ руку.)*

Утѣшительный. Такъ! Браво! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурного слова, большая скотина, извини,— вѣдь мы на ты,— ну, какъ этого молодца вздумалъ было въ чернильную службу? Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ. Чортъ ее побери съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ-за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣшительный. Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Гловъ. А такъ хороша... будь она не сестра, ну, ужъ я бы ей не спустилъ.

Утѣшительный. Браво, браво, гусаръ! Сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помогъ бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ ее увезти?

Гловъ. Почему жъ, помогъ бы.

Утѣшительный. Браво, гусаръ! Вотъ оно, что называется настоящій гусаръ, чортъ побери! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Швохневъ. Дай же и мнѣ обнять его. *(Обнимаетъ его.)*

Ихаревъ. Пусть же и я обниму его. *(Обнимаетъ.)*

Кругель. Ну, такъ и я жъ обниму его, если такъ. *(Обнимаетъ.)*

(Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ; наливаетъ бокалы.)

Утѣшительный. Господа, за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что хочетъ!

Всѣ. Пусть его будетъ, что хочетъ! *(Пьютъ.)*

Гловъ. За здравіе всего гусарства! *(Подымая бокалъ.)*

Всѣ. За здравіе всего гусарства! *(Пьютъ.)*

Утѣшительный. Господа! нужно его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьетъ онъ, какъ видно, уже сносно; но вѣдь это вздоръ: нужно, чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

Гловъ. Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

Утѣшительный. Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, сейчасъ выиграешь.

Гловъ. Да вѣдь и сѣсть-то не съ чѣмъ.

Утѣшительный. Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ Приказа. Мы подождемъ; а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да, впрочемъ, что я говорю? Какъ будто ты ужъ непремѣнно проиграешь! Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистоганомъ.

Гловъ. А какъ проиграю?

Утѣшительный. Стыдись! что жъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ-то и дѣло: въ рискѣ-то и есть главная добродѣтель. А не рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; навѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полѣзетъ на крѣпость.

Гловъ *(махнувъ рукой)*. Чортъ побери! если такъ, играю! Что мнѣ смотрѣть на отца!

Утѣшительный. Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты! *(Наливаетъ ему стаканъ.)* Главное, что нужно?—Нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. *(Мечетъ направо и налѣво.)* Ну, гусаръ... Ты, Швохневъ, что ставишь? *(Мечетъ.)* Какое странное теченіе картъ! Вотъ любопытно для вычисленій! Валетъ убитъ, девятка взяла. Что тамъ, что у тебя? И четверка взяла! А гусаръ, гусаръ-то, каковъ гусаръ? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки? А тузъ все еще не выходитъ. Что жъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему? Вона, вона, вонъ тузъ! Вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ! Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла, тройка взяла. Браво, браво, гусаръ. Слышишь, Швохневъ? Гусаръ уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

Гловъ *(перегибаетъ карту)*. Чортъ побери! Пароле пе! да вонъ еще девятка на столѣ, идетъ и она, и пятьсотъ рублей мазу!

Утѣшительный *(продолжая метать)*. У, молодецъ гусаръ! Семерка уби... Ахъ, нѣтъ! пліе, чортъ побери, пліе! опять пліе! А, проигралъ гусаръ. Ну, что жъ, братъ, дѣлать? Не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! Ну, ставь эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусаръ! Что жъ вы не поздравляете его. *(Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами.)* Говорятъ, пиковая дама всегда продастъ, а я не скажу этого... Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что называлъ ты пиковой дамой? Гдѣ-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во всѣ тяжкія! Кругель, твоя убита! *(Ихареву.)* И твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусаръ также лопнулъ.

Гловъ. Чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Браво, гусаръ! Вотъ она, наконецъ, настоящая гусарская замашка! Замѣчаешь, Швохневъ, какъ настоящее чувство всегда выходитъ наружу? До сихъ поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусаръ; а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусаръ. Вона натура-то какъ того... Убитъ гусаръ.

Гловъ. Ва-банкъ!

Утѣшительный. У, браво, гусаръ! На всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ, оно, что называется великодушіе! Ну, поди-ка, поищи—гдѣ отыщешь этакую черту?.. Это именно подвигъ! Лопнулъ гусаръ.

Гловъ. Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Ого-го, гусаръ! на сто тысячъ! Каковъ? А? А глазки-то, глазки? Замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама! На, нѣмецъ, возьми, съѣшь семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска! А короля, видно, въ колодѣ нѣтъ: право, даже странно. А! вотъ онъ, вотъ онъ... Лопнулъ гусаръ!

Гловъ *(горячась).* Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, стой! Ты ужъ просадилъ двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры: мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Гловъ. Да гдѣ жъ у меня? У меня теперь нѣтъ.

Утѣшительный. Дай намъ вексель, подпишись.

Гловъ. Извольте, я готовъ. *(Беретъ перо.)*

Утѣшительный. Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

Гловъ. Вотъ вамъ и довѣренность.

Утѣшительный. Теперь подпиши вотъ это да вотъ это. *(Даетъ ему подписаться.)*

Гловъ. Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписалъ. Ну, давайте жъ играть!

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, постой; покажи-ка прежде деньги!

Гловъ. Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

Гловъ. Да что жъ это?.. Вѣдь это, просто, подлость.

Кругель. Нѣтъ, это не подлость.

Ихаревъ. Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Швохневъ. Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Гловъ. Ну, что жъ? Чего вы хотите? Назначьте какіе угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

Утѣшительный. Что, братъ, намъ съ твоихъ процентовъ? Мы сами готовы тебѣ заплатить какіе угодно проценты; дай только намъ взаймы.

Гловъ *(отчаянно и рѣшительно).* Ну, такъ скажите послѣднее слово: не хотите играть?

Швохневъ. Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

Гловъ *(вынимая изъ кармана пистолетъ).* Ну, такъ прощайте же, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. *(Убѣгаетъ съ пистолетомъ).*

Утѣшительный *(въ испугѣ).* Ты! ты! что ты? съ ума сошелъ! Побѣжать за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ еще какъ-нибудь не застрѣлился! *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумаетъ застрѣлиться.

Швохневъ. Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще деньги не въ нашихъ рукахъ. Вотъ бѣда!

Кругель. Я всего боюсь. Это такъ возможно...

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Утѣшительный *и* Гловъ.

Утѣшительный *(держа Глова за руку съ пистолетомъ)*. Что ты, что ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите, господа, ужъ пистолетъ вздумалъ было всунуть въ ротъ? А? Стыдись!

Всѣ *(приступая къ нему)*. Что ты! что ты! Помилуй, что ты!

Швохневъ. А еще и умный человѣкъ! Изъ дряни вздумалъ стрѣляться!

Ихаревъ. Этакъ, пожалуй, вся Россія должна застрѣлиться: всякій или проигрался, или намѣренъ проиграться. Да если бы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

Утѣшительный. Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты счастья своего не видишь. Развѣ ты не чувствуешь, какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ?

Гловъ *(съ досадой)*. Что жъ вы въ самомъ дѣлѣ меня ужъ за дурака считаете? Какой тутъ выигрышъ — проиграть двѣсти тысячъ, чортъ возьми!

Утѣшительный. Эхъ, ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣсти тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

Гловъ *(ободрившись)*. Что жъ вы думаете? У меня развѣ не станетъ духу наплевать на все это, если ужъ на то пошло? Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

Утѣшительный. Браво! Да здравствуютъ гусары! Теремтете! Шампанскаго! *(Несутъ бутылки.)*

Гловъ *(со стакановъ)*. Да здравствуютъ гусары!

Ихаревъ. Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

Швохневъ. Теремтете! Да здравствуютъ гусары!

Гловъ. На все плюю, когда такъ!.. *(Ставитъ на столъ стаканъ.)* Вотъ бѣда только: домой какъ пріѣду? Отецъ, отецъ!.. *(Хватаетъ себя за волосы)*

Утѣшительный. Да зачѣмъ тебѣ ѣхать къ отцу? Не нужно!

Гловъ *(вытаращивъ глаза)*. Какъ?

Утѣшительный. Ты отсюда — прямо въ полкъ! Мы тебѣ дадимъ на обмундировку. Нужно, братъ Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣсти, пусть его погуляетъ юнкеръ! Тамъ, я ужъ замѣтилъ, у него есть одна... Черномазая-то? А?

Гловъ. Чортъ побери, побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

Утѣшительный. Каковъ гусаръ? А? Швохневъ, нѣтъ у тебя двухсотруолевой?

Ихаревъ. Да вотъ ужъ я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

Гловъ *(беретъ ассигнацію и помахивая ее на воздухѣ)*. Шампанскаго!

Всѣ. Шампанскаго. *(Несутъ бутылки.)*

Гловъ. Да здравствуютъ гусары!

Утѣшительный. Да здравствуютъ!.. Знаешь ли, Швохневъ, что мнѣ пришло на умъ? покачаемъ его на рукахъ такъ, какъ у насъ качали въ полку! Ну, приступай, бери его! *(Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, припѣвая на извѣстный припѣвъ извѣстную пѣсню)*:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты начальникъ нашъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сер ца,
Мы въ тебѣ видимъ отца!

Гловъ *(съ поднятой рюмкой).* Ура!

Всѣ. Ура! *(Становятъ его на землю. Гловъ хлопнулъ рюмку объ полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукъ своего сапога, кто объ полъ).*

Гловъ. Иду прямо къ ней!

Утѣшительный. А намъ нельзя за тобой? А?

Гловъ. Ни, никому! А кто сколько-нибудь... раздѣлка на сабляхъ!

Утѣшительный. А, рубака какой! А? Ревнивъ и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ, Іора, забіяка. Ну, прощай, прощай, гусаръ! Не держимъ тебя.

Гловъ. Прощайте.

Швохневъ. Да приходи намъ послѣ разсказать. *(Гловъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIX

Тѣ же, *кромѣ* **Глова.**

Утѣшительный. Нужно его покамѣстъ ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ, а тамъ чортъ съ нимъ!

Швохневъ. Одного боюсь я, чтобъ какъ-нибудь не затянулась въ Приказѣ выдача денегъ.

Утѣшительный. Да, это будетъ скверно; а впрочемъ... вѣдь на это, сами знаете, есть понукатели. Какъ ни ворочай, а все-таки придется всунуть въ руку тому и другому для соблюденія порядка.

ЯВЛЕНІЕ XX

Тѣ же *и* **чиновникъ Замухрышкинъ** *(высовываетъ голову въ дверь, одѣтъ въ нѣсколько поношенномъ фракѣ).*

Замухрышкинъ. Позвольте узнать: не здѣсь ли Гловъ, Александръ Михайловичъ?

Швохневъ. Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что вамъ угодно?

Замухрышкинъ. Да вотъ по дѣлу ихъ насчетъ выдачи денегъ.

Утѣшительный. А вы кто?

Замухрышкинъ. Да я чиновникъ изъ Приказа.

Утѣшительный. А, милости просимъ! Прошу покорнѣйше садиться! Въ этомъ дѣлѣ мы всѣ принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе, что заключили кое-какія дружелюбныя сдѣлки съ Александромъ Михайловичемъ. И потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него, и отъ него *(указывая пальцами на всѣхъ)* будетъ искреннѣйшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ Приказа деньги.

Замухрышкинъ. Да ужъ, какъ хотите, раньше двухъ недѣль никакъ нельзя.

Утѣшительный. Нѣтъ, это страшно далеко. Вѣдь вы все позабываете, что съ нашей стороны благодарность...

Замухрышкинъ. Да ужъ это само собой. Все это пріемлется. Какъ это позабыть? Мы потому и говоримъ: «двѣ недѣли», а то, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше, какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ Приказѣ ни копейки. На прошлой не-

дѣлѣ получили полтораста тысячъ, всѣ роздали — три помѣщика ожидаютъ, еще съ февраля заложили имѣнія.

Утѣшительный. Ну, это такъ для другихъ, а для насъ по дружбѣ... Нужно, чтобы мы съ вами покороче познакомились... Ну, да что?.. да и люди свои! Ну, какъ васъ зовутъ? какъ? Фентефлей Перпентьичъ, что ли?

Замухрышкинъ. Псой Стахичъ-съ.

Утѣшительный. Ну, все одно почти. Ну, такъ послушайте, Псой Стахичъ! Будемъ такъ, какъ давніе пріятели. Ну, что, какъ вы? Какъ дѣлишки, какъ служба ваша?

Замухрышкинъ. Да что служба? Извѣстное дѣло — служимъ.

Утѣшительный. Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ... а просто, много ли берете?

Замухрышкинъ. Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?

Утѣшительный. Ну, что, какъ въ Приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуги?

Замухрышкинъ. Ну, что! Вы ужъ, я вижу, смѣетесь! Эхъ, господа!.. Вѣдь вотъ тоже и господа сочинители все подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки: а какъ разсмотришь хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые повыше насъ. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ, что придумали названья поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что такое; а на дѣлѣ выходитъ — такія же взятки; тотъ же Савка да на другихъ санкахъ.

Утѣшительный. Вотъ ужъ Псой Стахичъ и обидѣлся, какъ я вижу. Вотъ что значитъ задѣть за честь!

Замухрышкинъ. Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего. Я ужъ, батюшка, прожилъ свое.

Утѣшительный. Ну, полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахичъ! Ну, что жъ, какъ вы? Какъ у васъ? Какъ поживаете? Какъ маячитесь на свѣтѣ? Есть женушка, дѣтки?

Замухрышкинъ. Слава Богу, Богъ наградилъ. Двое сыновей ужъ въ уѣздное училище ходятъ; два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаетъ пока въ рубашонкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

Утѣшительный. Ну, а ручонками, я чай, ужъ всѣ этакъ *(показываетъ рукою, какъ будто беретъ деньги)* умѣютъ?

Замухрышкинъ. Вѣдь вотъ вы, право, какіе господа! Вѣдь вотъ опять начали!

Утѣшительный. Ничего, ничего, Псой Стахичъ! Вѣдь это по дружбѣ. Ну, что жъ тутъ такого? Свои! Эй, дай-ка бокалъ шампанскаго Псою Стахичу! Скорѣй! Мы вѣдь теперь должны быть, какъ короткіе знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ гости.

Замухрышкинъ *(принимая бокалъ)*. А, милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утѣшительный. Небось, даровой, отъ купца?

Замухрышкинъ. Отъ купца-съ, выписной изъ Кяхты.

Утѣшительный. Да какъ же, Псой Стахичъ? Вѣдь вы дѣлъ съ купцами не имѣете.

Замухрышкинъ *(выпивъ бокалъ и упираясь руками въ колѣни)*. А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться. Помѣщикъ Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣніе; все ужъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. За-

тѣяли они заводъ какой-то въ половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ-то, понимаете, какое дѣло знать, на заводъ ли, или на что другое нужны деньги, и съ кѣмъ онъ въ половинѣ? Это не наша часть. Да купецъ по глупости своей и проговорись въ городѣ, что онъ съ нимъ въ половинѣ и ждетъ отъ него съ часу на часъ денегъ. Мы и подослали къ нему сказать, что вотъ пришли двѣ тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то — будешь ждать! А ужъ къ нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы и посуду, ожидаютъ только задатковъ. Купецъ видитъ, плетью обуха не перешибешь, заплатилъ двѣ тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ — взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ; кто его толкалъ, языка развѣ не могъ придержать?

Утѣшительный. Послушайте, Псой Стахичъ, ну, пожалуйста же, насчетъ этого дѣльца. Мы ужъ вамъ дадимъ, а вы ужъ тамъ съ начальниками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только, ради Бога, Псой Стахичъ, поскорѣе? А?

Замухрышкинъ. Да будемъ стараться. *(Вставая.)* Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя: предъ Богомъ, въ Приказѣ ни копейки денегъ. А будемъ стараться.

Утѣшительный. Ну, какъ васъ тамъ спросить?

Замухрышкинъ. Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! *(Идетъ къ дверямъ.)*

Швохневъ. Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ! *(Оглядывается.)* Постарайтесь!

Утѣшительный. Псой Стахичъ, Псой Стахичъ! выручайте поскорѣе!

Замухрышкинъ *(уходя)*. Да ужъ сказалъ: будемъ стараться.

Утѣшительный. Чортъ побери, какъ это долго! *(Бьетъ себя рукой по лбу.)* Нѣтъ, побѣгу, побѣгу за нимъ, авось, что-нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его побери! три тысячи дамъ ему своихъ. *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Конечно, лучше, если бы получить поскорѣе.

Швохневъ. Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

Кругель. Эхъ, если бы онъ уломалъ его какъ-нибудь!

Ихаревъ. Да что, развѣ ваши дѣла...

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и Утѣшительный.

Утѣшительный *(входитъ съ отчаяніемъ)*. Чортъ побери! раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

Ихаревъ. Да что тебѣ такъ приспичило? Неужто четырехъ дней нельзя обождать?

Швохневъ. Въ томъ-то и штука, братъ, что для насъ это слишкомъ важно.

Утѣшительный. Обождать! Да знаешь ли, что насъ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждутъ? Мы тебѣ не сказывали еще, а ужъ четыре дня назадъ тому мы имѣемъ извѣстіе спѣшить какъ можно скорѣе, добывши, во что бы ни стало, хоть сколько-нибудь денегъ. Купецъ привезъ на шестьсотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги получаетъ чистоганомъ, да вчера пріѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

Ихаревъ. Ну, такъ что жъ?

Утѣшительный. Какъ что жъ? Да вѣдь старики-то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

Ихаревъ. Да будто сыновья ужъ непремѣнно станутъ играть.

Утѣшительный. Да гдѣ ты живешь, въ китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что такое купеческіе сынки? Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына? — или чтобъ онъ ничего не зналъ, или чтобы зналъ то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходитъ подъ руку съ офицерами, кутитъ.—Это, братъ, для насъ самый выгодный народъ. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякій рубль, который они выплутуютъ у насъ, они намъ платятъ тысячами. Да это счастье наше, что купецъ только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ.

Ихаревъ. И дѣла совершенно вѣрныя?

Утѣшительный. Какъ не вѣрныя! Ужъ насъ не увѣдомляли бы. Все почти въ нашихъ рукахъ; теперь всякая минута дорога.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми! что жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе-то дѣйствовать вмѣстѣ!

Утѣшительный. Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что мнѣ пришло на умъ. Тебѣ вѣдь спѣшить пока еще не зачѣмъ. Деньги у тебя есть — восемьдесятъ тысячъ. Дай ихъ намъ, а отъ насъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало-быть, ровно вдвое, а насъ ты даже одолжишь еще, потому что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копейку.

Ихаревъ. Извольте, почему нѣтъ; чтобы доказать вамъ, что узы товарищества... *(Подходитъ къ шкатулкѣ и вынимаетъ кипу ассигнацій.)* Вотъ вамъ восемьдесятъ тысячъ!

Утѣшительный. А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловымъ: нужно его привесть и все устроить по формѣ. Кругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки. *(Кругель уходитъ.)* Эхъ, если бы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно было ѣхать! *(Уходитъ.)*

Ихаревъ. Натурально, натурально; тутъ и минуты не зачѣмъ терять.

Швохневъ. А тебѣ совѣтую тоже не засиживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ пріѣзжай къ намъ. Съ двумястами тысячъ знаешь, что можно сдѣлать? Просто, ярмарку можно подорвать... Ахъ, я и позабылъ сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь. *(Поспѣшно уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Ихаревъ *(одинъ)*.

Каковъ ходъ приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесятъ тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти. А? Вѣдь это для иного вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишеній, здоровья, а тутъ въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько минутъ — владѣтельный принцъ! Шутка — двѣсти тысячъ! Да гдѣ теперь найдешь двѣсти тысячъ? Какое имѣніе, какая фабрика дастъ двѣсти тысячъ? Воображаю, хорошъ бы я былъ, если бы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегоднаго дохода. А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество-то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что споспѣшествуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ — поѣду и въ Петербургъ: посмотрю

театръ, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца, по аглицкой набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра. Могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка. А что всему причина? чему обязанъ? — Именно тому, что называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученье. Ну, положимъ, — плутовство. Да вѣдь необходимая вещь: что жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательство. Ну, не знай я, напримѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ разъ обманули. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь. Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ проживетъ, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обманутому самому—вотъ настоящая задача и цѣль!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Ихаревъ *и* **Гловъ** *(вбѣгающій торопливо).*

Гловъ. Гдѣ жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнатѣ, тамъ пусто.

Ихаревъ. Да они сію минуту здѣсь были; на минуту вышли.

Гловъ. Какъ, вышли ужъ? И деньги у тебя взяли?

Ихаревъ. Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же *и* **Алексѣй.**

Алексѣй *(обращаясь къ Гlову).* Изволили спрашивать, гдѣ господа?

Гловъ. Да.

Алексѣй. Да они ужъ уѣхали.

Гловъ. Какъ, уѣхали?

Алексѣй. Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ полчаса стояла телѣжка и готовыя лошади.

Гловъ *(всплеснувъ руками).* Ну, мы надуты оба!

Ихаревъ. Что за вздоръ! Я не могу понять ни одного слова. Утѣшительный сію минуту долженъ возвратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь долженъ весь долгъ твой заплатить мнѣ. Они перевели.

Гловъ. Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ ты не чувствуешь, что въ дуракахъ и проведенъ, какъ пошлый пѣнь?

Ихаревъ. Что ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сихъ поръ въ головѣ хмель распоряжается.

Гловъ. Ну, видно, хмель у обоихъ насъ. Да проснись ты! Думаешь, я Гловъ? Я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

Ихаревъ *(безпокойно).* Что ты, помилуй, что за вздоръ? И отецъ твой... и...

Гловъ. Старикъ-то? Во-первыхъ, онъ и не отецъ, да и чорта ли и будутъ отъ него дѣти! А во-вторыхъ, тоже не Гловъ, а Крыницынъ, да и не Михаилъ Александровичъ, а Иванъ Климычъ, изъ ихъ же компаніи.

Ихаревъ. Послушай ты! говори серьезно! этимъ не шутятъ.

Гловъ. Какія шутки! Я самъ участвовалъ и также обманутъ. Мнѣ обѣщали три тысячи за труды.

Ихаревъ *(подходя къ нему, запальчиво).* Эй, не шути, говорю тебѣ! Думаешь, я ужъ дуракъ такой!.. И довѣренность, и Приказъ... и чиновникъ

сейчасъ былъ изъ Приказа, Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

Гловъ. Во-первыхъ, онъ и не чиновникъ изъ Приказа, а отставной штабсъ-капитанъ изъ ихъ же компаніи; да и не Замухрышкинъ, а Мурзафейкинъ, да и не Псой Стахичъ, а Флоръ Семеновичъ.

Ихаревъ *(отчаянно)*. Да ты кто? чортъ ты? Говори: кто ты?

Гловъ. Да кто я? Я былъ благородный человѣкъ, поневолѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Что жъ мнѣ дѣлать? Не умирать же съ голода! За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я поступаю благородно.

Ихаревъ *(въ бѣшенствѣ схватываетъ его за воротникъ)*. Мошенникъ ты...

Алексѣй *(въ сторону)*. Ну, дѣло-то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда убраться. *(Уходитъ.)*

Ихаревъ *(таща его)*. Пойдемъ, пойдемъ!

Гловъ. Куда, куда?

Ихаревъ *(въ изступленіи)*. Куда? къ правосудью! къ правосудью!

Гловъ. Помилуй, не имѣешь никакого права.

Ихаревъ. Какъ? не имѣю права? Обворовать, украсть деньги... среди дня... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? Дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права! А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди—переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ! законъ! законъ призову! *(Тащитъ его.)*

Гловъ. Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать тогда, если бы самъ не дѣйствовалъ противузаконнымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился вмѣстѣ съ ними съ тѣмъ, чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нѣтъ, братъ, въ томъ-то и штука, что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

Ихаревъ *(въ отчаяніи бьетъ себя рукой по лбу)*. Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! *(Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ; Гловъ между тѣмъ убѣгаетъ.)* Но только какой дьявольскій обманъ!

Гловъ *(выглядывая въ дверь)*. Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще сполгоря: у тебя есть Аделаида Ивановна! *(Исчезаетъ)*.

Ихаревъ *(въ ярости)*. Чортъ побери Аделаиду Ивановну! *(Схватываетъ Аделаиду Ивановну и швыряетъ ею въ дверь, дамы и двойка летятъ на полъ)*. Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенью человѣковъ, этакіе мошенники! Но только я просто готовъ сойти съ ума—какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! и концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! *(Вскакиваетъ со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ.)* Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума! Изощряй, изыскивай средства!.. Чортъ побери, не стоитъ, просто, ни благороднаго рвенья ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! *(Съ досадой махнувъ рукой.)* Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслитъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, а играетъ только по грошу въ бостонъ подержанными картами!

УТРО ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами; на столѣ разбросаны бумаги. **Иванъ Петровичъ,** *дѣловой человѣкъ, потягиваясь, выходитъ въ халатѣ и звонитъ. Изъ передней слышенъ голосъ: „Сейчасъ!“ Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ — опять тотъ же голосъ: „Сейчасъ!“ Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонитъ въ третій разъ; входитъ слуга.*

Иванъ Петровичъ. Что ты, оглохъ?

Лакей. Никакъ нѣтъ.

Иванъ Петровичъ. Что жъ ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ?

Лакей. Какъ же прикажете: мнѣ нельзя было бросить дѣла — я сапоги чистилъ.

Иванъ Петровичъ. А Иванъ что дѣлалъ?

Лакей. Иванъ мелъ комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

Иванъ Петровичъ. Подай сюда собачку! *(Лакей приноситъ собачку.)* Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу. *(Нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку.)*

Вбѣгаетъ **другой лакей**. Александръ Ивановичъ!

Иванъ Петровичъ. Проси! *(Бросаетъ поспѣшно собачку и развертываетъ Сводъ Законовъ).*

II.

Иванъ Петровичъ *и* **Александръ Ивановичъ** *(также дѣловой человѣкъ).*

Александръ Ивановичъ. Добраго утра, Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ. Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ. Очень благодаренъ. Не помѣшалъ ли я вамъ?

Иванъ Петровичъ. О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что, въ которомъ часу пріѣхали домой?

Александръ Ивановичъ. Часъ шестой былъ. Я какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: «Не слыхалъ ли, братецъ, который часъ?»—«Да шестой уже,—говоритъ,—пробило». Вотъ я и узналъ, что ужъ былъ шестой часъ.

Иванъ Петровичъ. Представьте, я самъ въ то же почти время! Ну, что, каковъ былъ вистецъ? хе-хе-хе!

Александръ Ивановичъ. Хе-хе-хе! Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

Иванъ Петровичъ. Хе, хе, хе, хе! хе! Я гляжу, что̀ это значитъ, что онъ кладетъ короля? У меня вѣдь на рукахъ самъ-третей дама крестовъ, а у Лукьяна Ѳедосеевича, я давно вижу, что ренонсъ.

Александръ Ивановичъ. Длиннѣе всего тянулся осьмой робберъ.

Иванъ Петровичъ. Да. *(Помолчавъ.)* Я уже мигаю Лукьяну Ѳедосеевичу, чтобъ онъ козырялъ — нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни — валетъ мой и беретъ.

Александръ Ивановичъ. Позвольте, Иванъ Петровичъ, валетъ не беретъ.

Иванъ Петровичъ. Беретъ.

Александръ Ивановичъ. Не беретъ, потому что вамъ никоимъ образомъ нельзя взять въ руку.

Иванъ Петровичъ. А семерка пикъ у Лукьяна Ѳедосеевича — позабыли развѣ?

Александръ Ивановичъ. Да развѣ у него была пиковка? Я что-то не помню.

Иванъ Петровичъ. Конечно, у него были двѣ пики: четверка, которую онъ сбросилъ на даму, и семерка.

Александръ Ивановичъ. Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной пиковки.

Иванъ Петровичъ. Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Двѣ пиковки! я какъ теперь помню: четверка и семерка.

Александръ Ивановичъ. Четверка была — это такъ; но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ?

Иванъ Петровичъ. Ей Богу, Александръ Ивановичъ, ей Богу!

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно невозможное дѣло.

Иванъ Петровичъ. Да позвольте, Александръ Ивановичъ! Вотъ лучше всего; поѣдемъ завтра къ Лукьяну Ѳедосеевичу. Согласны ли вы?

Александръ Ивановичъ. Хорошо.

Иванъ Петровичъ. Ну, и спросимъ у него лично, была ли на рукахъ у него семерка пикъ?

Александръ Ивановичъ. Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Ѳедосеевичъ такъ дурно играетъ. Вѣдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума. Человѣкъ тонкій и въ обращеніи...

Иванъ Петровичъ. И прибавьте: большихъ свѣдѣній! — человѣкъ, какихъ, сказать по секрету, у насъ мало на Руси... Были ли у его высокопревосходительства?

Александръ Ивановичъ. Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня поутру было немножко холодненько. Вѣдь я, какъ, думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку; она гораздо лучше фланелевой, и притомъ не горячитъ. По этому-то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Пріѣзжаю къ его высокопревосходительству, — его высокопревосходительство еще спитъ. Однакожъ я дождался. Ну, тутъ пошли разсказы о томъ и о семъ.

Иванъ Петровичъ. А про меня не было ничего говорено?

Александръ Ивановичъ. Какъ же, было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

Иванъ Петровичъ *(оживляется).* Что̀, что̀ такое?

Александръ Ивановичъ. Позвольте, позвольте разсказать по порядку. Тутъ презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочимъ, спросилъ, гдѣ я бываю, что такъ давно онъ меня не видитъ, и пожелалъ

узнать о вчерашней вечеринкѣ, и кто былъ. Я сказалъ: «Были, ваше высокопревосходительство, Павелъ Григорьевичъ Борщовъ, Илья Владимировичъ Бубуницынъ». Его высокопревосходительство послѣ каждаго слова говорилъ: «Гмъ!» Я сказалъ: «И еще былъ одинъ извѣстный вашему высокопревосходительству...»

Иванъ Петровичъ. Кто жъ это такой?

Александръ Ивановичъ. Позвольте! Что жъ бы, вы думали, сказалъ на это его высокопревосходительство?

Иванъ Петровичъ. Не знаю.

Александръ Ивановичъ. Онъ сказалъ: «Кто жъ бы это такой?» — «Иванъ Петровичъ Барсуковъ», отвѣчалъ я. «Гмъ!—сказалъ его высокопревосходительство: — это чиновникъ и притомъ...» *(Поднимаетъ вверхъ глаза.)* Довольно хорошо у васъ потолки расписаны: на свой или хозяйскій счетъ?

Иванъ Петровичъ. Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира.

Александръ Ивановичъ. Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ! очень, очень натурально!

Иванъ Петровичъ *(съ нетерпѣніемъ).* Такъ что же сказалъ его высокопревосходительство?

Александръ Ивановичъ. Да, я и позабылъ. Что жъ онъ сказалъ?..

Иванъ Петровичъ. Сказалъ «гмъ!» его высокопревосходительство: «это чиновникъ...»

Александръ Ивановичъ. Да, да; «это чиновникъ»... ну, «и служитъ у меня». Послѣ того разговоръ не былъ уже такъ интересенъ и начался объ обыкновенныхъ вещахъ.

Иванъ Петровичъ. А больше ничего не заговаривалъ обо мнѣ?

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ.

Иванъ Петровичъ *(про себя).* Ну, покамѣстъ еще немного. Господи, Боже мой! ну, что, если бы сказалъ онъ: «Такого-то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю...»

III.

Тѣ же и Шрейдеръ *(выглядываетъ въ дверь).*

Иванъ Петровичъ. Войдите, войдите; ничего, пожалуйте сюда: что это — для доклада?

Шрейдеръ. Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и рапортъ управляющему.

Иванъ Петровичъ *(между тѣмъ читаетъ).* «...Господину управляющему...» Это что значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ?.. *(Устремляетъ на него глубокомысленный взоръ.)*

Шрейдеръ. Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.

Иванъ Петровичъ. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ то же думаю: министръ, точно, не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается?

Шрейдеръ. Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что министръ не войдетъ...

Иванъ Петровичъ. Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно согласенъ: онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: «Дай-ка я посмотрю, велико ли мѣсто оставлено для полей?»

Шрейдеръ. Если такъ, я сейчасъ перепишу.

Иванъ Петровичъ. То-то «если такъ». Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ.

Шрейдеръ. Я осмѣлился только потому, что г. министръ...

Иванъ Петровичъ. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спорю ни на волосъ. Такъ, министръ на это никогда не посмотритъ и не вспомнитъ даже про это. Ну, а вдругъ... Что тогда?

Шрейдеръ. Я перепишу. *(Уходитъ.)*

IV

Иванъ Петровичъ *(пожимая плечами, оборачивается къ Александру Ивановичу)*. Все еще вѣтеръ ходитъ въ головѣ! Порядочный молодой человѣкъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ *(показывая на лобъ)* нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколькихъ трудовъ мнѣ стоило привесть все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной *къ* перенесетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *сі-*, а въ другой: *ятельству*. Словомъ сказать: это былъ ужасъ! столпотвореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ?—порядокъ во всемъ.

Александръ Ивановичъ. Такъ вамъ чины, можно сказать, по́томъ и кровью достались!

Иванъ Петровичъ *(вздохнувъ)*. Именно, по́томъ и кровью. Что жъ будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но, что прикажете? не могу! Стороною я буду намекать часто и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! *(Вздохнувши.)* Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось... если бы получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть его высокопревосходительству, что у Барсукова де въ канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что-нибудь подобное.

Александръ Ивановичъ. Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай

V.

Тѣ же и Катерина Александровна *(жена Ивана Петровича)*.

Катерина Александровна *(увидя Александра Ивановича)*. А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ давно мы не видались! Позабыли меня! Что Наталья Ѳоминишна?

Александръ Ивановичъ. Слава Богу! недѣлю, впрочемъ, назадъ было захворала.

Катерина Александровна. Э!

Александръ Ивановичъ. Въ груди подъ ложечкой сдѣлалась колика и стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное и припарку изъ ромашки и нашатыря.

Катерина Александровна. Вы бы попробовали омеопатическаго средства.

Иванъ Петровичъ. Чудно, право, какъ подумаешь, до чего не доходитъ просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатію. Недавно былъ я въ представленьи. Что жъ бы вы думали? Мальчишка, росту—какъ бы вамъ сказать!—вотъ этакого *(показываетъ рукою)*, лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ, увѣряю сурьезно, что духъ занимается отъ страха.

Александръ Ивановичъ. Очень хорошо поетъ Меласъ.

Иванъ Петровичъ *(значительно)*. Меласъ? О да! съ большимъ чувствомъ!

Александръ Ивановичъ. Очень хорошо.

Иванъ Петровичъ. Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это... *(Вертитъ рукою передъ глазами.)*

Александръ Ивановичъ. Именно, это она удивительно хорошо беретъ. Однако ужъ скоро два часа.

Иванъ Петровичъ. Куда же это вы, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ. Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ три заѣхать до обѣда.

Иванъ Петровичъ. Ну, такъ до свиданья. Когда жъ увидимся? Да, и позабылъ: вѣдь мы завтра у Лукьяна Ѳедосеевича?

Александръ Ивановичъ. Непремѣнно! *(Кланяется.)*

Катерина Александровна. Прощайте, Александръ Ивановичъ!

Александръ Ивановичъ *(въ лакейской накидывая шубу)*. Не терплю я людей такого рода. Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣлалъ, и то поправилъ—настоящая добродѣтель! Вишь, чего захотѣлъ! ордена! И вѣдь получитъ, получитъ мошенникъ! получитъ. Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? А? Вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная физіономія. И разнѣжился; ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще проситъ, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я-таки тебѣ удружу порядочно, и ты-таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! *(Подтвердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ.)*

ТЯЖБА.

Кабинетъ.

I.

Пролетовъ, секретарь *(одинъ, сидитъ въ креслахъ и поминутно икаетъ)*

Что это у меня? точно отрыжка! Вчерашній обѣдъ засѣлъ въ горлѣ. Эти грибки да ботвиньи!.. ѣшь, ѣшь, просто, чортъ знаетъ, чего не ѣшь! *(Икаетъ.)* Вотъ онс! *(Икаетъ.)* Еще! *(Икаетъ.)* Еще разъ! *(Икаетъ.)* Ну, теперь въ четвертый! *(Икаетъ.)* Туды къ чорту и въ четвертый! Прочитать еще «Сѣверную Пчелу», что тамъ такое? Надоѣла мнѣ эта «Сѣверная Пчела»: точь въ точь баба, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ. *(Читаетъ и вскрикиваетъ.)* Крахманову награда! А? Петрушкѣ Крахманову! Вотъ какимъ былъ мальчишкой *(показываетъ рукой)*, я помѣстилъ самъ его кадетомъ въ корпусъ. А? *(Продолжаетъ читать и вскрикиваетъ, выпаращивъ глаза.)* Что это? Что это? Неужели Бурдюковъ? Да, онъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ, произведенъ! А? Каково! Взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ—воръ, обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ, какого только можно представить себѣ,—каково? И вѣдь весь свѣтъ почитаетъ его за прямодушнаго человѣка! Подлецъ! Говоритъ: «Дѣло Бухтелева рѣшено не такъ, сенатъ не вникнулъ». А? Просто, подлецъ, узналъ, что на мою долю пришлось двадцать тысячъ, такъ вотъ зачѣмъ не ему! Какъ собака на сѣнѣ: ни себѣ ни другимъ. Ну, да я знаю тебя, ступай, морочь другихъ, прикидывайся передъ другими. Я слышалъ про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянулъ въ газету: прочитаешь—чувствуешь тоску, гадость и—больше ничего. Эй, Андрей!

II.

Лакей *(входя)*. Чего изволите-съ?

Пролетовъ. Возьми вонъ эту газету! И къ чему, зачѣмъ ты принесъ эту газету? Дуракъ этакій! *(Андрей уноситъ газету.)* Каковъ Бурдюковъ? А? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему хоть сію минуту, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ да и нѣтъ случая. Что прикажешь дѣлать? Разгнѣвался Богъ. А я бы тебя погладилъ, мазнулъ бы тебя по губамъ. Да ужъ и губы зато какія! какъ у вола, у канальи!

Лакей. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Что?

Лакей. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Что ты вздоръ несешь!

Лакей. Такъ точно-съ.

Пролетовъ. Врешь ты, дуракъ! Бурдюковъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ?

Лакей. Нѣтъ, не Павелъ Петровичъ, а другой какой-то.

Пролетовъ. Какой другой?

Лакей. Да вотъ извольте сами видѣть: онъ здѣсь.

Пролетовъ. Проси.

III.

Пролетовъ *и* Христофоръ Петровичъ Бурдюковъ.

Бурдюковъ. Прошу извинить за безпокойство, что наношу вамъ. Обстоятельства и дѣла понудили оставить городишку. Пріѣхалъ просить личной помощи, заступничества.

Пролетовъ *(въ сторону).* Это, точно, другой; а есть, однакоже, какое-то сходство. *(Вслухъ.)* Что прикажете? Въ чемъ могу быть вамъ полезнымъ?

Бурдюковъ *(съ пожатіемъ плечъ).* Дѣло, тяжба.

Пролетовъ. Тяжба? Съ кѣмъ?

Бурдюковъ. Съ роднымъ братомъ.

Пролетовъ. Прежде позвольте узнать фамилію, а потомъ изъясните свое дѣло. Прошу покорно садиться.

Бурдюковъ. Фамилія: Бурдюковъ, Христофоръ, Петровъ сынъ, а дѣло съ роднымъ братомъ, Павломъ Петровымъ Бурдюковымъ.

Пролетовъ. Что вы? что? нѣтъ!

Бурдюковъ. Да что жъ вы на меня уставили глаза? Или думаете, я бы захотѣлъ оставлять напрасно Тамбовъ и скакать на почтовыхъ?

Пролетовъ. Господи благослови васъ за такое доброе дѣло! Позвольте съ вами покороче познакомиться. Умнѣе этого дѣла вы не могли никогда бы придумать. Вотъ разсказывай теперь, что нѣтъ великодушія и справедливости, а это что же? Вѣдь вотъ родной братъ, узы крови, связи, а вѣдь не пощадилъ. На брата—процессъ! Позвольте васъ обнять.

Бурдюковъ. Извольте! Я самъ обнимy васъ за такую готовность. *(Обнимаются.)* А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физіогномію, никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ.

Пролетовъ. Вотъ тебѣ разъ! какъ такъ?

Бурдюковъ. Да сурьезно. Позвольте спросить: вѣрно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Пролетовъ. Что за чепуху несетъ онъ?

Бурдюковъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не будьте въ претензіи, это очень часто случается. Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, такъ сказать, какъ будто отрѣзана и поросла шерстью, совершенно, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблеять.

Пролетовъ. Ну, оставимъ въ покоѣ засѣдателя и барана!.. Какъ же я радъ!

Бурдюковъ. А ужъ я какъ радъ, пріобрѣтши такое покровительство! Теперь только, какъ начинаю всматриваться въ васъ, вижу, что лицо ваше какъ будто знакомо: у насъ въ карабинерномъ полку былъ поручикъ, вотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на васъ! Пьяница страшнѣйшій, то-есть, я вамъ скажу, что дня не приходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетовъ *(въ сторону.)* У этого уѣзднаго медвѣдя, какъ видно, нѣтъ совсѣмъ обычая держить языкъ за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душѣ, у него на языкѣ. *(Вслухъ.)* Времени у меня немного, пожалуйста, приступимъ же къ дѣлу.

Бурдюковъ. Позвольте, сидя не разскажешь. Это дѣло казусное! Знавали ли въ Устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдокію Малѳѣевну Меринову? Не

знали? Хорошо. Она доводится теткой мнѣ и, бестіи, моему брату. У ней ближайшими наслѣдниками я да братъ — изволите видѣть: вотъ оно куды пошло! Кромѣ того, еще сестра, что вышла за генерала Повалищева; ну, о той ни слова; та и безъ того получила слѣдуемую ей часть. Позвольте: вотъ этотъ мошенникъ братъ — онъ на это хоть чорту въ дядьки годится,—вотъ и подъѣхалъ онъ къ ней: «Вы де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семьдесятъ лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хозяйство: пусть, лучше, я буду прибирегать и кормить». Вона! замѣчайте, замѣчайте! переѣхалъ къ ней въ домъ, живетъ и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ. Да вы слышите ли это?

Пролетовъ. Слышу.

Бурдюковъ. То-то! Да. Вотъ занемогаетъ тетушка, отчего—Богъ знаетъ, можетъ-быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ даютъ ужъ знать стороною. Замѣчайте! Пріѣзжаю: въ сѣняхъ встрѣчаетъ меня эта бестія, то-есть братъ, въ слезахъ такъ весь и заливается, и растаялъ, и говоритъ: «Ну, — говоритъ, — братецъ, навѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша»... — Что, отдала Богу душу?—«Нѣтъ, при смерти». Я вхожу, и, точно, тетушка лежитъ на корачкахъ и только глазами хлопаетъ. Ну, что жъ? плакать? Не поможетъ. Вѣдь не поможетъ?

Пролетовъ. Не поможетъ.

Бурдюковъ. Ну, что жъ? нечего дѣлать! Такъ, видно, Богу угодно. Я приступилъ поближе. «Ну,—говорю,—тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ не угодно ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе?» Что жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже языкомъ поворотить, и только сказала: «э... э... э... э...» А эта шельма, что стоялъ возлѣ кровати ея, братъ, говоритъ: «Тетушка симъ изъясняетъ, что уже распорядилась». Слышите, слышите!

Пролетовъ. Какой же! Да вѣдь она развѣ сказала это?

Бурдюковъ. Кой чортъ сказала! Она сказала только: «э... э... э...» Я все подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряженіе?» Что жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: «э, э, э...» А тотъ подлецъ опять: «Тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи». Слышите! слышите! Что жъ мнѣ было дѣлать? Я замолчалъ и не сказалъ ни слова.

Пролетовъ. Однакожъ позвольте: какъ же вы не уличили тутъ же ихъ во лжи?

Бурдюковъ. Что жъ? *(Размахивая руками.)* Стали божиться, что она, точно, все это говорила — ну, вѣдь... и повѣрилъ.

Пролетовъ. А духовное завѣщаніе распечатали?

Бурдюковъ. Распечатали.

Пролетовъ. Что жъ?

Бурдюковъ. А вотъ что. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіанскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ: страданья, отчаянья такія, что люли только! «Возьмите,— говоритъ,— читайте сами». Собрались свидѣтели и прочитали. Какъ же бы вы думали было написано завѣщаніе? А вотъ какъ: «Племяннику моему, Павлу, Петрову сыну, Бурдюкову, — слушайте! — въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при мнѣ обрѣтенія до смерти, — замѣчайте! — оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое въ Устюжскомъ уѣздѣ, — вона! вона! вона куды

пошло! — пятьсотъ ревизскихъ душъ, угодья и прочее». А? слышите ли вы это?.. «Племянницѣ моей Маріи, Петровой дочери, Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю слѣдуемую ей деревню изо ста душъ». Племяннику, — вона! замѣчайте! вотъ тутъ настоящій типунъ! — Хрисанфію, сыну Петрову, Бурдюкову, — слушайте! слушайте! — на память обо мнѣ, — ого! го! — завѣщаю: три стаметовыя юбки и всю рухлядь, находящуюся въ амбарѣ, какъ-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы», и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? Какъ вамъ кажется? Я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?

Пролетовъ. Ахъ, онъ мошенникъ этакій! Прошу покорно!

Бурдюковъ. Мошенничество—это такъ, я съ вами согласенъ; но, спрашиваю я васъ, на что мнѣ стаметовыя юбки? Что я съ ними буду дѣлать? Развѣ себѣ на голову надѣну?

Пролетовъ. И свидѣтели подписались при этомъ?

Бурдюковъ. Какъ же! набралъ какой-то сволочи.

Пролетовъ. А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюковъ. Вотъ то-то и есть, что подписалась, да чортъ знаетъ какъ.

Пролетовъ. Какъ?

Бурдюковъ. А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетовъ. Какъ такъ?

Бурдюковъ. Чортъ знаетъ, что такое! Ей нужно было написать Евдокія, а она написала «обмокни».

Пролетовъ. Что вы!

Бурдюковъ. О, я вамъ скажу, что онъ гораздъ на все. «А племяннику моему Хрисанфію Петрову три стаметовыя юбки».

Пролетовъ *(въ сторону)*. Молодецъ, однакожъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ: я бы никакъ не могъ думать, чтобъ онъ ухитрился такъ.

Бурдюковъ *(размахивая руками)*. «Обмокни!» Что жъ это значитъ? Вѣдь это не имя: «обмокни»?

Пролетовъ. Какъ же вы намѣрены поступить теперь?

Бурдюковъ. Я подалъ уже прошеніе объ уничтоженіи завѣщанія, потому что подпись ложная. Пусть они не врутъ: покойницу звали Евдокіей, не «обмокни».

Пролетовъ. И хорошо. Позвольте теперь мнѣ за все это взяться. Я сей часъ напишу записку къ одному знакомому секретарю, а вы между тѣмъ доставьте мнѣ копію съ завѣщанія вашего.

Бурдюковъ. Несказанно обязанъ вамъ! *(Берется за шапку.)* А въ которыя двери нужно выходить — въ тѣ, или въ эти?

Пролетовъ. Пожалуйте въ эти.

Бурдюковъ. То-то! Я потому спросилъ, что мнѣ нужно будетъ еще по своей надобности. До свиданія, почтеннѣйшій... какъ васъ? я все позабываю.

Пролетовъ. Александръ Ивановичъ.

Бурдюковъ. Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ есть Пролюдюковскій, вы не знакомы съ нимъ?

Пролетовъ. Нѣтъ.

Бурдюковъ. Онъ еще живетъ въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Прощайте!

Пролетовъ. Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте!

IV.

Пролетовъ, *потомъ* слуга.

Пролетовъ. Вотъ неожиданный кладъ! Вотъ подарокъ! Просто Богъ на шапку послалъ. Странно сказать, а по душѣ чувствуешь такое какое-то этакое неизъяснимое удовольствіе, какъ будто или жена въ первый разъ сына родила, или министръ поцѣловалъ тебя, при всѣхъ чиновникахъ въ полномъ присутствіи. Ей Богу, этакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! *(Андрей входитъ.)* Ступай сейчасъ къ моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вотъ тебѣ на водку, напейся пьянъ, какъ стелька,—для сегодняшняго дня я тебѣ позволяю; а вотъ еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы — сейчасъ: самонужнѣйшее дѣло!.. А, наконецъ-таки! насилу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать! А ужъ коли изъ своихъ пріятелей-чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнутъ у тебя бока.

ЛАКЕЙСКАЯ.

1.

Театръ представляетъ переднюю. Направо дверь на лѣстницу, налѣво—въ залъ. На заднемъ занавѣсь дверь, нѣсколько съ боку, въ кабинетъ. До самыхъ дверей во всю стѣну длинная скамья. **Петръ, Иванъ** *и* **Григорій** *сидятъ на ней и спятъ, уткнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ съ лѣстницы звенитъ громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются.*

Григорій. Ступай, отвори дверь! Звонятъ.

Петръ. Да ты что сидишь? На ногахъ у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

Иванъ *(махнувъ рукой).* Ну, ужъ я пойду, такъ и быть, отворю! *(Отворяя дверь, вскрикиваетъ.)* Это Андрюшка!

Чужой слуга *(входитъ въ картузѣ, въ шинели и съ узелкомъ въ рукѣ).*

Григорій. А, московская ворона! откуда тебя принесло?

Чужой слуга. Ахъ, ты, чухонскій сычъ! Побѣгалъ бы ты съ мое. Вонъ *(подымая узелокъ)* къ цвѣточницѣ велѣла снесть, что на Петербургской. Небось, четвертака на извозчика не дастъ. Да и къ вашему тожъ. Что, спитъ?

Григорій. Кто? Медвѣдь? Нѣтъ, еще не рычалъ изъ берлоги.

Петръ. Правда ли, что барыня ваша дастъ вамъ чулки штопать? *(Всѣ смѣются.)*

Григорій. Ну, ужъ, ты, братъ, будь теперь штопальница. Ужъ мы такъ и звать тебя будемъ.

Чужой лакей. Врешь, а вотъ же и не штопалъ никогда.

Петръ. Да вѣдь у васъ извѣстно: дворовый человѣкъ до обѣда поваръ, а послѣ обѣда ужъ онъ кучеръ, или лакей, или башмаки шьетъ.

Чужой лакей. Ну, такъ что жъ, ремесло другому не помѣшаетъ. Не сидѣть же безъ дѣла. Конечно, я и лакей, да и женскій портной вмѣстѣ. И на барыню шью, и на другихъ тоже—копейку добываю. А вы что, вѣдь вотъ ничего жъ не дѣлаете.

Григорій. Нѣтъ, братъ, у хорошаго барина лакея не займутъ работой на то есть мастеровой. Вонъ у графа Булкина тридцать, братъ, человѣкъ слугъ однихъ. И ужъ тамъ, братъ, нельзя такъ: «Эй, Петрушка, сходи-ка туды!» «Нѣтъ, молъ, — скажетъ, — это не мое дѣло; извольте-съ приказать Ивану». Вотъ оно какъ! Вотъ оно, что значитъ, если баринъ хочетъ жить какъ баринъ. А вотъ ваша пигалица изъ Москвы пріѣхала, коляска-то орѣхъ раскушенный, веревками хвосты лошадямъ позавязаны. *(Смѣются.)*

Чужой лакей. Ну, ты, смѣхунъ, смѣхунъ! Что жъ изъ этого, что ле жишь весь день? вѣдь зато жъ ни копейки за душой у тебя нѣтъ.

Григорій. Да на что жъ мнѣ твоя копейка? А баринъ-то зачѣмъ? Вѣдь жалованье-то ужъ онъ мнѣ выдастъ, хоть я работай или не работай. А копить мнѣ на старость зачѣмъ? Что жъ за баринъ, коли ужъ пансіона слугѣ не выдастъ за службу?

Чужой лакей. Что, говорятъ, ребята балъ затѣяли?

Петръ. Да. А ты будешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что жъ этотъ балъ! только, чай, слава, что балъ.

Григорій. Нѣтъ, братъ, балъ будетъ на всю руку. По цѣлковому жертвуютъ и больше. Княжой поваръ далъ пять рублей и самъ берется столъ готовить. Угощенье будетъ—не то, что орѣхи! ужъ полпуда конфетъ купили, мороженаго тоже... *(Слышенъ тоненькій звонокъ изъ барскаго кабинета.)*

Чужой лакей. Ступай! звонитъ баринъ.

Григорій. Подождетъ... Лиминаціи тоже зажгутъ. Музыку торговали, только не сошлись, баса нѣтъ, а то ужъ было... *(Слышенъ звонокъ изъ кабинета громче прежняго.)*

Чужой лакей. Ступай, ступай! звонитъ.

Григорій. Подождетъ! Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что жъ этотъ балъ? Вѣдь это все такъ.

Григорій. Ну, развязывай мошну, ты, штопальница! Вонъ, смотри, Петрушка, на него, какой онъ... *(Тыкаетъ на него пальцемъ. Въ это время отворяется дверь, и баринъ, въ халатѣ, протянувши руку, схватываетъ Григорія за ухо; всѣ подымаются съ своихъ мѣстъ.)*

II.

Баринъ. Что вы, бездѣльники? Три человѣка, и хоть бы одинъ поднялся съ своего мѣста! Я звоню, что есть мочи, чуть тесьмы не оборвалъ.

Григорій. Да ничего не было слышно, судырь!

Баринъ. Врешь!

Григорій. Ей Богу! Что жъ мнѣ лгать? Вотъ Петрушка тоже сидѣлъ. Ужъ это такой колокольчикъ, судырь, никуды не годится: никогда ничего не слыхать. Нужно будетъ слесаря позвать.

Баринъ. Ну, такъ позвать слесаря.

Григорій. Да я ужъ сказывалъ дворецкому. Да вѣдь что жъ? Ему говоришь, а вѣдь онъ еще и выбранитъ за это.

Баринъ *(увидя чужого лакея)*. Это что за человѣкъ?

Григорій. Это-съ человѣкъ отъ Анны Петровны, зачѣмъ-то пришелъ къ вамъ.

Баринъ. Что скажешь, братъ?

Чужой лакей. Барыня приказала кланяться и доложить, что будутъ сегодня къ вамъ.

Баринъ. Зачѣмъ, не знаешь?

Чужой лакей. Не могу знать. Онѣ только сказали: «Скажи Ѳедору Ѳедоровичу, что я приказала кланяться и буду къ нимъ».

Баринъ. Да когда, въ которомъ часу?

Чужой лакей. Не могу знать, въ которомъ часу. Онѣ сказали только, что доложи де, говоритъ, Ѳедору Ѳедоровичу, что я, говоритъ, къ нимъ сама де, буду у нихъ-съ...

Баринъ. Хорошо. Петрушка, дай мнѣ поскорѣй одѣться: я иду со двора. А вы—не принимать никого! Слышишь, всѣмъ говорить, что меня нѣтъ дома! *(Уходитъ; за нимъ Петрушка.)*

III.

Чужой лакей *(Григорію)*. Ну, видишь, вѣдь вотъ и досталось.

Григорій *(махнувъ рукой)*. А! ужъ служба такая! Какъ ни старайся—все выбранятъ. *(Въ дверяхъ, что у лѣстницы, раздается звонокъ.)*

Григорій. Вотъ опять какой-то чортъ лѣзетъ! *(Ивану.)* Ступай, отворяй! Что жъ ты зѣваешь? *(Иванъ отворяетъ дверь; входитъ господинъ въ шубѣ.)*

IV.

Господинъ въ шубѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ дома?

Григорій. Никакъ нѣтъ.

Господинъ. Досадно. Не знаешь, куда уѣхалъ?

Григорій. Неизвѣстно. Должно-быть, въ департаментъ. А какъ объ васъ доложить?

Господинъ. Скажи, что былъ Нѣвелещагинъ. Очень, молъ, жалѣлъ, что не засталъ дома. Слышишь? Не позабудешь? Нѣвелещагинъ.

Григорій. Лентягинъ-съ?

Господинъ *(вразумительнѣе)*. Нѣвелещагинъ.

Григорій. Да вы нѣмецъ?

Господинъ. Какой нѣмецъ! Просто русскій: Нѣ-ве-ле-ща-гинъ.

Григорій. Слышь, Иванъ, не позабудь: Ердащагинъ! *(Господинъ уходитъ.)*

V.

Чужой лакей. Прощайте, братцы! Пора ужъ и мнѣ.

Григорій. Да что жъ на балъ будешь, что ли?

Чужой лакей. Ну, да ужъ тамъ посмотрю послѣ. Прощай, Иванъ!

Иванъ. Прощай! *(Идетъ отворять дверь.)*

VI.

Горничная дѣвушка *бѣжитъ бѣгомъ черезъ лакейскую.*

Григорій. Куда, куда? Удостойте взглядомъ! *(Хватаетъ ее за полу платья.)*

Дѣвушка. Нельзя, нельзя, Григорій Павловичъ! Не держите меня, совсѣмъ-съ некогда! *(Вырывается и убѣгаетъ въ дверь на лѣстницу.)*

Григорій *(смотря вслѣдъ ей)*. Вонъ она какъ поплелась! *(Смѣется.)* Хе-хе-хе!

Иванъ *(смѣется)*. Хи-хи-хи! *(Выходитъ баринъ; Григорій и Иванъ вдругъ насупливаютъ рожи и становятся серьезны. Григорій снимаетъ съ вѣшалки шубу и накидываетъ барину на плечи; баринъ уходитъ, Григорій стоитъ среди комнаты, чистя пальцемъ въ носу.)*

Григорій. Вѣдь вотъ свободное время: баринъ ушелъ, чего бы, кажется, лучше?—Нѣтъ, сейчасъ привалитъ этотъ чортъ, брюхачъ дворецкій.

За сценой слышенъ крикъ дворецкаго: Вѣдь вотъ точно Божеское наказаніе; десять человѣкъ въ домѣ, и хоть бы одинъ что-нибудь прибралъ.

Григорій. Вотъ ужъ пошелъ кричать толстобрюхій.

VII.

Пузатый дворецкій *(входитъ съ сильными движеньями и размахами рукъ).*

Побоялись бы хоть совѣсти своей, коли Бога не боитесь. Вѣдь ковры до сихъ поръ не выколочены. Вы бы, Григорій Павловичъ, примѣръ другимъ должны бы дать, а вы спите ровно отъ утра до вечера, вѣдь глаза-то у васъ совсѣмъ заплыли отъ сна. Ей Богу! Вѣдь вы совсѣмъ подлецъ послѣ этого, Григорій Павловичъ!

Григорій. Да что жъ, нешто я не человѣкъ, что ужъ и заснуть нельзя?

Дворецкій. Да кто жъ противъ этого и слово говоритъ? Почему жъ не заснуть? Но вѣдь не весь же день спать. Ну, вотъ хоть бы и ты, Петръ Ивановичъ! Вѣдь ты, не говоря дурного слова, на свинью похожъ, ей Богу! Вѣдь что тебѣ заботы? всего два-три какихъ-нибудь подсвѣчника вычистить. Ну, зачѣмъ ты тутъ баишься? *(Петръ медленно уходитъ.)* А тебѣ, Ванька, просто толчка въ затылокъ слѣдуетъ.

Григорій *(уходя).* Эхъ, ты житье, житье! вставши, да за вытье!

Дворецкій *(оставшись одинъ).* Въ томъ-то и есть поведенье, что всякій человѣкъ долженъ знать долгъ. Коли слуга, такъ слуга; дворянинъ, такъ дворянинъ; архіерей, такъ архіерей. А то бы, пожалуй, всякій зачалъ... Я бы сейчасъ сказалъ: «Нѣтъ, я не дворецкій, а губернаторъ, или тамъ какой-нибудь отъ инфантеріи». Да вѣдь за то мнѣ всякій бы сказалъ: «Нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генералъ»—вотъ что! «Твоя обязанность смотрѣть за домомъ, за поведеніемъ слугъ»—вотъ что! «Тебѣ не то, что бонъ журъ, команъ ву франсе, а веди порядокъ, распоряженье»—вотъ что! Да.

VIII.

Входитъ **Аннушка,** *горничная дѣвушка изъ другого дома.*

Дворецкій. А, Анна Гавриловна! Насчетъ моего почтенія съ большимъ удовольствіемъ васъ вижу.

Аннушка. Не безпокойтесь, Лаврентій Павловичъ! Я нарочно зашла къ вамъ на минуту: я встрѣтила карету вашего барина и узнала, что его нѣтъ дома.

Дворецкій. И очень хорошо сдѣлали: я и жена будемъ очень рады. Пожалуйте, садитесь!

Аннушка *(сѣвши).* Скажите, вѣдь вы знаете что-нибудь о балѣ, который на-дняхъ затѣвается?

Дворецкій. Какъ же. Оно, примѣрно, вотъ извольте видѣть, складчина: одинъ человѣкъ, другой, примѣрно также сказать, третій. Конечно, это, впрочемъ, составитъ большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женою пять рублей. Ну, натурально, балъ или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будетъ угощеніе, примѣрно, сказать, прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобныя удовольствія.

Аннушка. Непремѣнно, непремѣнно буду! Я только зашла затѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агаѳьей Ивановной?

Дворецкій. Ужъ Агаѳья Ивановна только и говоритъ, что объ васъ.

Аннушка. Я боюсь только насчетъ общества.

Дворецкій. Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ общество хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышалъ, что будетъ камердинеръ графа Толсто-

губа, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой-то княгини... Я думаю, тоже чиновники нѣкоторые будутъ.

Аннушка. Одно мнѣ только очень не нравится, что будутъ кучера: отъ нихъ всегда запахъ простого табаку или водки; притомъ же всѣ они такіе необразованные невѣжи.

Дворецкій. Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ рознь. Оно, конечно, такъ какъ кучера, по обыкновенію больше своему, находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаютъ, съ позволенія сказать, навозъ; конечно, человѣкъ простой, выпьетъ стаканъ водки или, по недостаточности больше, выкуритъ обыкновеннаго бакуну, какой большею частью простой народъ употребляетъ: да, такъ оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ или водкой,— конечно, все это такъ; да, однакожъ, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такіе кучера, которые, хотя и кучера, однакожъ, по обыкновенію своему больше, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность или, такъ выразиться, дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ или укорить въ чемъ, если провинился форейторъ или кучеръ.

Аннушка. Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! Я всегда васъ заслушиваюсь.

Дворецкій *(съ довольною улыбкою).* Не стоитъ благодарности, сударыня! Оно, конечно, не всякій человѣкъ имѣетъ, примѣрно сказать, рѣчь, то-есть даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что, какъ обыкновенно говорятъ, косноязычіе... да, или иные прочіе подобные случаи, что, впрочемъ, уже происходитъ отъ натуры... Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату?

(Аннушка идетъ, Лаврентій за нею.)

ОТРЫВОКЪ.

Комната въ домѣ Марьи Александровны.

I.

Марья Александровна *(пожилыхъ лѣтъ дама)* и **Михайло Андреевичъ** *(ея сынъ)*.

Марья Александровна. Слушай, Миша, я давно хотѣла съ тобой переговорить: тебѣ должно перемѣнить службу.

Миша. Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна. Ты долженъ служить въ военной.

Миша *(вытаращивъ глаза)*. Въ военной?

Марья Александровна. Да.

Миша. Что вы, маменька, въ военной?

Марья Александровна. Ну, что жъ ты такъ изумился?

Миша. Помилуйте, да развѣ вы не знаете: вѣдь нужно начинать съ юнкеровъ?

Марья Александровна. Ну, да, послужишь годъ юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры — ужъ это мое дѣло.

Миша. Да что вы нашли во мнѣ военнаго? и фигура моя совершенно не военная. Помилуйте, матушка, право, вы меня совершенно изумили этакими словами, такъ что я... я... я, просто, не знаю, что и подумать... Я, слава Богу, и толстенекъ немножко, а какъ надѣну юнкерскій мундиръ съ короткими хвостиками — совѣстно даже будетъ смотрѣть.

Марья Александровна. Нѣтъ нужды. Произведутъ въ офицеры, будешь носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, такъ что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немножко толстъ — скорѣе пойдетъ производство: имъ же будетъ совѣстно, что у нихъ въ полку такой толстый прапорщикъ.

Миша. Но, матушка, вѣдь мнѣ годъ, всего годъ осталось до коллежскаго асессора. Я ужъ два года, какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Марья Александровна. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранитъ мои уши; мнѣ такъ и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ что. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку, просто, не могу и смотрѣть теперь.

Миша. Но посудите, матушка, разсмотрите меня хорошенько и наружность мою также, меня еще въ школѣ звали хомякомъ. Въ военной службѣ все же нужно, чтобы и на лошади лихо ѣздилъ, и голосъ бы имѣлъ звонкій, и ростъ бы имѣлъ богатырскій, и талію.

Марья Александровна. Пріобрѣтешь, все пріобрѣтешь. Я хочу, чтобъ ты непремѣнно служилъ; на это есть очень важная причина.

Миша. Да какая же причина?

Марья Александровна. Ну, ужъ причина важная.

Миша. Все же таки скажите, какая причина.

Марья Александровна. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьяго дня у Рогожинскихъ говоритъ и нарочно такъ, чтобы я слышала, — а я сижу третьею: передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина, и за княгиней Александриной сейчасъ я, — что бы ты думалъ, эта негодная осмѣлилась говорить?.. Я, право, такъ и хотѣла встать съ мѣста, и если бы не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что я сдѣлала. Говоритъ: «Я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все, — говоритъ, — mauvais genre, чѣмъ-то неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада, — говоритъ, — что мой Алексисъ не носитъ этого сквернаго фрака». И все это произнесла съ такимъ жеманствомъ, съ такимъ тономъ... такъ, право... я не знаю, что бы я сдѣлала съ нею. А ея сынъ просто дуракъ набитый: только всего и умѣетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша. Какъ, матушка, такъ въ этомъ вся причина?

Марья Александровна. Да, я хочу назло, чтобы мой сынъ тоже служилъ въ гвардіи и былъ бы на всѣхъ придворныхъ балахъ.

Миша. Помилуйте, матушка, изъ того только, что она дура...

Марья Александровна. Нѣтъ, ужъ я рѣшилась. Пусть-ка она себѣ треснетъ съ досады, пусть побѣсится.

Миша. Однакожъ...

Марья Александровна. О, я ей покажу! Ужъ какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанья, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это и потеряетъ, а ужъ непремѣнно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужъ вотъ этого-то никогда не будетъ! Ужъ какъ вы себѣ хотите, Наталья Андреевна!

Миша. Да развѣ этимъ вы ей досадите?

Марья Александровна. О, ужъ этого-то не позволю!

Миша. Если вы этого требуете, маменька, я перейду въ военную; только, право, мнѣ самому будетъ смѣшно, когда увижу себя въ мундирѣ.

Марья Александровна. Ужъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣе этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша. За однимъ разомъ и перемѣнить службу и жениться?

Марья Александровна. Что жъ? Какъ будто нельзя и перемѣнить службу и жениться.

Миша. Да вѣдь я и намѣренія еще не имѣлъ. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна. Захочешь, если только узнаешь, на комъ. Этой женитьбой доставишь ты себѣ счастье и въ службѣ и въ семейственной жизни. Словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

Миша. Да вѣдь она, матушка, дура первоклассная.

Марья Александровна. Вовсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка, вотъ только что памяти нѣтъ: иной разъ забывается, скажетъ невпопадъ; но это отъ разсѣянности, а ужъ зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумаетъ.

Миша. Помилуйте, куды ей сплетничать! Она насилу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дѣло сердечное; нужно, чтобы душа...

Марья Александровна. Ну, такъ! Я вотъ какъ будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебѣ это не пристало, я тебѣ двадцать разъ уже говорила. Другому еще это идетъ какъ-то, а тебѣ совсѣмъ нейдетъ.

Миша. Ахъ, маменька, но когда и въ чемъ я былъ непослушенъ вамъ? Мнѣ ужъ скоро тридцать лѣтъ, а между тѣмъ я, какъ дитя, покоренъ вамъ во всемъ. Вы мнѣ велите ѣхать туда, куда бы мнѣ смерть не хотѣлось ѣхать,— и я ѣду, не показывая даже и вида, что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потереться въ передней такого-то — и я трусь въ передней такого-то, хоть мнѣ это вовсе не по сердцу. Вы мнѣ велите танцовать на балахъ — и я танцую, хоть всѣ надо мною смѣются и надъ моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу — и я перемѣняю службу: въ тридцать лѣтъ иду въ юнкера, въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодность вамъ, и при всемъ томъ вы мнѣ всякій день колете глаза либеральничествомъ. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не назвали либераломъ. Послушайте, матушка, это больно; клянусь вамъ, это больно! Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ лучшей участи...

Марья Александровна. Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либералъ! И знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этотъ скверный Собачкинъ.

Миша. Нѣтъ, матушка, это уже слишкомъ, чтобы Собачкина я даже сталъ слушаться. Собачкинъ мерзавецъ, картежникъ и все, что вы хотите. Но тутъ онъ невиненъ. Я никогда не позволю ему надо мною имѣть и тѣни вліянія.

Марья Александровна. Ахъ, Боже мой, какой ужасный человѣкъ! Я испугалась, когда его узнала. Безъ правилъ, безъ добродѣтели — какой гнусный, какой гнусный человѣкъ! Если бъ ты зналъ, что такое онъ разнесъ про меня!.. я три мѣсяца не могла никуда носа показать: что у меня подаютъ сальные огарки; что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; что я выѣхала на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извозчичьихъ хомутахъ... Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣніе подкрѣпила меня.

Миша. И этакій человѣкъ, вы думаете, можетъ имѣть надо мною власть? И, думаете, я позволю?..

Марья Александровна. Я сказала, чтобы онъ не смѣлъ мнѣ на глаза показываться, и ты однимъ только можешь оправдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь княжнѣ déclaration сегодня же.

Миша. Но, матушка, а если нельзя этого сдѣлать?

Марья Александровна. Какъ нельзя? это почему?

Миша *(въ сторону)*. Ну, рѣшительная минута!.. *(Вслухъ.)* Позвольте мнѣ хотя здѣсь имѣть свой голосъ, хотя въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастіе моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... Ну, если я влюбленъ въ другую?

Марья Александровна. Это, признаюсь, для меня новость. Объ этомъ я еще ничего не слышала. Да кто жъ такая эта другая?

Миша. Ахъ, маменька! клянусь, никогда еще не было подобной — ангелъ, ангелъ и лицомъ и душою.

Марья Александровна. Да чьихъ она, кто отецъ ея?

Миша. Отецъ — Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Марья Александровна. Одосимовъ! Фамилія неслышная! Я ничего не знаю про Одосимова... Да что онъ, богатый человѣкъ?

Миша. Рѣдкій человѣкъ! удивительный человѣкъ!

Марья Александровна. И богатый?

Миша. Какъ вамъ сказать? Нужно, чтобъ вы его видѣли. Такихъ достоинствъ души не сыщешь въ свѣтѣ.

Марья Александровна. Да что онъ, какъ? Въ чемъ состоитъ его чинъ, имущество?

Миша. Я понимаю, маменька, чего вы хотите? Позвольте мнѣ на счетъ этотъ сказать откровенно мои мысли. Вѣдь теперь, какъ бы то ни было, можетъ-быть, во всей Россіи нѣтъ жениха, который бы не искалъ богатой невѣсты. Всякій хочетъ поправиться на счетъ женина приданаго. Ну, пусть еще въ нѣкоторомъ отношеніи это извинительно: я понимаю, что бѣдный человѣкъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ, которому, можетъ-быть, излишняя честность помѣшала составить состояніе, — словомъ, что бы то ни было, но я понимаю, что онъ въ правѣ искать богатой невѣсты и, можетъ-быть, несправедливы бы были родители, если бъ не отдали должнаго его достоинствамъ и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедливъ ли человѣкъ богатый, который будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ, — что жъ будетъ тогда на свѣтѣ? Вѣдь это все равно, что сверхъ шубы да надѣть шинель, когда и безъ того жарко, когда эта шинель, можетъ-быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нѣтъ, маменька, это несправедливо! Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье дочери.

Марья Александровна. Довольно, довольно! Больше я не въ силахъ слушать. Все знаю, все: влюбился въ потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, можетъ-быть, Богъ знаетъ, чѣмъ занимается.

Миша. Матушка!..

Марья Александровна. Отецъ — пьяница, мать — стряпуха, родня — кварташки или служащіе по питейной части... И я должна все это слышать, все это терпѣть, терпѣть отъ родного сына, для котораго я не щадила жизни!.. Нѣтъ, я не переживу этого!

Миша. Но, матушка, позвольте...

Марья Александровна. Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! Нѣтъ, я не переживу этого; клянусь, не переживу этого... Ахъ! что это? у меня закружилась голова! *(Вскрикиваетъ.)* Ахъ, въ боку колика!.. Машка, Машка, склянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокій сынъ!

Миша *(бросаясь)*. Матушка, успокойтесь! Вы сами создаете для себя...

Марья Александровна. И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ. Я не знаю, какъ не выгонятъ до сихъ поръ эту чуму.

Лакей *(въ дверяхъ)*. Собачкинъ пріѣхалъ.

Марья Александровна. Какъ! Собачкинъ? Отказать, отказать, чтобъ его и духу здѣсь не было!

II.

Тѣ же *и* Собачкинъ.

Собачкинъ. Марья Александровна, извините великодушно, что такъ давно не былъ. Ей Богу, никакъ не могъ! Повѣрить не можете, сколько дѣлъ; зналъ, что будете гнѣваться: право, зналъ... *(Увидя Мишу.)* Здравствуй, братъ! Какъ ты?

Марья Александровна *(въ сторону)*. У меня, просто, словъ недостаетъ! Каковъ! Еще извиняется, что давно не былъ!

Собачкинъ. Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ свѣжи и здоровы! А братца вашего какъ здоровье? Я полагалъ, признаюсь, и его также застать у васъ.

Марья Александровна. Для этого вы бы могли отправиться къ нему, а не ко мнѣ.

Собачкинъ *(усмѣхаясь)*. Я пріѣхалъ разсказать вамъ одинъ преинтересный анекдотъ.

Марья Александровна. Я не охотница до анекдотовъ.

Собачкинъ. Объ Натальѣ Андреевнѣ Губомазовой.

Марья Александровна. Какъ, объ Губомазовой?.. *(Стараясь скрыть любопытство.)* Такъ это, вѣрно, недавно случилось?

Собачкинъ. На-дняхъ.

Марья Александровна. Что жъ такое?

Собачкинъ. Знаете ли, что она сама сѣчетъ своихъ дѣвокъ?

Марья Александровна. Нѣтъ! Что вы говорите? Ахъ, какой срамъ! Можно ли это?

Собачкинъ. Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же разсказать. Одинъ разъ велитъ она виноватой дѣвушкѣ лечь, какъ слѣдуетъ, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не помню за чѣмъ-то, кажется, за розгами. Въ это время дѣвушка за чѣмъ-то выходитъ изъ комнаты, а на мѣсто ея приходитъ Натальи Андреевны мужъ, ложится и засыпаетъ. Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуетъ, съ розгами, велитъ одной дѣвушкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла простыней и высѣкла мужа.

Марья Александровна *(всплеснувъ руками)*. Ахъ, Боже мой, какой срамъ! Какъ это до сихъ поръ я ничего объ этомъ не знала? Я вамъ скажу, что я почти всегда была увѣрена, что она въ состояніи это сдѣлать.

Собачкинъ. Натурально. Я это говорилъ всему свѣту. Толкуютъ: «Примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ дѣтей, сама учитъ ихъ по-англійски!» Какое воспитаніе! Сѣчетъ всякій день мужа, какъ кошку!.. Какъ мнѣ жаль, право, что я не могу пробыть у васъ подолѣе. *(Раскланиваясь.)*

Марья Александровна. Куда жъ это вы, Андрей Кондратьевичъ? Не совѣстно ли вамъ, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ друга дома: останьтесь! Мнѣ хотѣлось еще съ вами переговорить кое о чемъ. Послушай, Миша, у меня въ комнатѣ дожидается каретникъ; пожалуйста, переговори съ нимъ. Спроси, возьмется ли онъ передѣлать карету къ первому числу. Цвѣтъ чтобы былъ голубой съ свѣтлой уборкой, на манеръ кареты Губомазовой. *(Миша уходитъ.)*

Марья Александровна. Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. Скажите, вы вѣрно знаете: есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Собачкинъ. Одосимовъ?.. Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ; а впрочемъ, я могу справиться.

Марья Александровна. Пожалуйста.

Собачкинъ. Помню, помню, есть Одосимовъ, столоначальникъ или начальникъ отдѣленія... точно, есть.

Марья Александровна. Вообразите, вышла одна смѣшная исторія... Вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе.

Собачкинъ. Вамъ стоитъ только приказать. Для васъ я готовъ на все: вы сами это знаете.

Марья Александровна. Вотъ въ чемъ дѣло: мой сынъ влюбился или, лучше, не влюбился, а просто зашло въ голову сумасбродство... Ну, молодой человѣкъ... Словомъ, онъ бредитъ дочерью этого Одосимова.

Собачкинъ. Бредитъ? А, однакожъ, онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Да, впрочемъ, конечно, бредитъ, если вы говорите.

Марья Александровна. Я хочу отъ васъ, Андрей Кондратьевичъ, большой услуги: вы я знаю, нравитесь женщинамъ.

Собачкинъ. Хе-хе-хе! Да вы почему это думаете? А вѣдь, точно, вообразите: на Масляной шесть купчихъ... можетъ-быть, вы думаете, что я съ своей стороны какъ-нибудь... волочился или что-нибудь другое... Клянусь, даже не посмотрѣлъ! Да вотъ еще лучше: вы знаете того, какъ бишь его, Ермолай, Ермолай... Ахъ, Боже, Ермолай, вотъ что жилъ на Литейной, недалеко отъ Кирочной?

Марья Александровна. Не знаю тамъ никого.

Собачкинъ. Ахъ, Боже мой, Ермолай Ивановичъ, кажется, вотъ хоть убей, позабылъ фамилію. Еще жена его, лѣтъ пять тому назадъ, попала въ исторію... Ну, да вы знаете ее — Сильфида Петровна.

Марья Александровна. Совсѣмъ нѣтъ; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича ни Сильфиды Петровны.

Собачкинъ. Боже мой! Онъ еще жилъ недалеко отъ Куропаткина.

Марья Александровна. Да и Куропаткина я не знаю.

Собачкинъ. Да вы послѣ припомните. Дочь—богачка страшная, до двухсотъ тысячъ приданаго и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбардный билетъ въ руки.

Марья Александровна. Что жъ вы? Не женились?

Собачкинъ. Не женился. Отецъ три дня на колѣнихъ стоялъ, упрашивалъ; и дочь не перенесла, и теперь въ монастырѣ сидитъ.

Марья Александровна. Почему жъ вы не женились?

Собачкинъ. Да такъ какъ-то. Думаю себѣ: отецъ — откупщикъ, родня— что ни попало. Повѣрите, самому, право, было потомъ жалко. Чортъ побери, право, какъ устроенъ свѣтъ: все условія да приличія. Сколькихъ людей уже погубили!

Марья Александровна. Ну, да что же вамъ смотрѣть на свѣтъ? *(Въ сторону.)* Прошу покорно! Теперь всякая чуть вылѣзшая козявка ужъ думаетъ, что онъ аристократъ. Вотъ всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, какъ говоритъ!

Собачкинъ. Ну, да нельзя, Марья Александровна, право, нельзя, все какъ-то... Ну, понимаете... станутъ говорить: «Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ, на комъ...» Да со мной, впрочемъ, всегда такія исторіи. Иной разъ, право, совсѣмъ не виноватъ, съ своей стороны рѣшительно ничего... Ну, что ты прикажешь дѣлать? *(Говоритъ тихо.)* Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ, трехъ утонувшихъ женщинъ, — я ужъ только молчу, потому что въ такую еще впутаешься исторію... Да, любятъ; а вѣдь за что бы, кажется? Лицомъ нельзя сказать, чтобы очень...

Марья Александровна. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хороши.

Собачкинъ *(усмѣхается).* А вѣдь вообразите, что, еще какъ былъ мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдетъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: «Плутишка, какъ хорошъ!»

Марья Александровна *(въ сторону).* Прошу покорно! Вѣдь вотъ насчетъ красоты тоже — вѣдь моська совершенная, а воображаетъ, что хорошъ. *(Вслухъ.)* Ну, такъ послушайте же, Андрей Кондратьевичъ, съ вашею наружностью можно это сдѣлать. Мой сынъ влюбленъ до дурачества и воображаетъ, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли какъ-нибудь, знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ-нибудь этакъ, что называется, немножко замарать... Если вы, положимъ, не произведете на нее дѣйствія, и она не сойдетъ съ ума отъ васъ...

Собачкинъ. Марья Александровна, сойдетъ! Не спорьте, сойдетъ: я голову дамъ отрубить, если не сойдетъ. Я вамъ скажу, Марья Александровна, со мной не такія бывали исторіи... Вотъ еще на-дняхъ...

Марья Александровна. Ну, какъ бы то ни было, сойдетъ или не сойдетъ, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею въ связи... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкинъ. До вашего сына?

Марья Александровна. Да, до моего сына.

Собачкинъ. Да.

Марья Александровна. Что — да?

Собачкинъ. Ничего, я такъ сказалъ: *да*.

Марья Александровна. Развѣ вы находите, что это для васъ трудно?

Собачкинъ. О нѣтъ, ничего! Но всѣ эти влюбленные... вы не повѣрите, какія у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то... чортъ знаетъ, что такое... Конечно, я не то, чтобы этимъ какъ-нибудь... но, знаете, неприлично въ хорошемъ обществѣ.

Марья Александровна. О! Насчетъ этого будьте покойны. Положитесь на меня: я не допущу его до этого.

Собачкинъ. Впрочемъ, я такъ только замѣтилъ. Повѣрьте, Марья Александровна, я для васъ, если бы пришлось точно порисковать гдѣ жизнью, то съ удовольствіемъ, ей Богу съ удовольствіемъ... Я такъ васъ люблю, что, признаться сказать, даже совѣстно; вы подумать можете, Богъ знаетъ, что, а это именно одно только глубочайшее уваженіе. Ахъ, вотъ хорошо, что вспомнилъ! Я попрошу васъ, Марья Александровна, одолжить мнѣ на самое короткое время тысячонки двѣ. Чортъ его знаетъ, какая дурацкая память! Одѣваясь, все думалъ, какъ бы не позабыть книжку, нарочно положилъ на столъ передъ глазами. Что прикажите, все взялъ, табакерку взялъ, платокъ даже лишній взялъ, а книжка осталась на столѣ.

Марья Александровна *(въ сторону)*. Что съ нимъ дѣлать? Дашь — замотаетъ, а не дашь — распуститъ по городу такую чепуху, что мнѣ никуда нельзя будетъ носа показать. И мнѣ нравится, что еще говоритъ: позабылъ книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А, нечего дѣлать, нужно дать. *(Вслухъ.)* Извольте, Андрей Кондратьевичъ! Обождите только здѣсь, я вамъ сейчасъ принесу.

Собачкинъ. Очень хорошо, я посижу здѣсь.

Марья Александровна *(уходя, въ сторону)*. Безъ денегъ ничего, мерзавецъ, не можетъ сдѣлать.

Собачкинъ *(одинъ)*. Да, это двѣ тысячи теперь мнѣ и очень пригодятся. Долговъ-то я отдавать не буду: и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ; конечно, раскричится, ну, да что жъ дѣлать? нельзя же деньги сорить на все, съ нея довольно и любви моей, а платье, она вретъ, у нея есть. А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясчонка моя хоть и новая, ну, да ее всякій уже видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Іохима только что отдѣланная, послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ея. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляскѣ, такъ я и весьма ее могу вымѣнять. Такъ я, знаете, какого задамъ тогда эффекту! Можетъ-быть, на всемъ гуляньи всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ вездѣ заговорятъ. А между тѣмъ, нужно подумать о порученьи Марьи Александровны. Мнѣ кажется, благоразумнѣе всего начать съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ имени этой дѣвушки, да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть

на столѣ въ его комнатѣ. Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да, впрочемъ, что жъ? Надаетъ вѣдь только тузановъ? Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой же степени, чтобы... Да вѣдь я могу и удрать, и если что — въ спальню Марьи Александровны, и прямо подъ кровать, и пусть-ка снъ оттуда меня вытащитъ! Но, главное, какъ написать письмо? Смерть не люблю писать, то-есть, просто, хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо — просто, какъ будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно. Развѣ вотъ что: у меня есть кое-какія письма, еще недавно ко мнѣ писанныя, — выбрать, которое получше, подскоблить фамилію, а на мѣсто ея написать другую. Что жъ, чѣмъ же это нехорошо? Право! Пошарить въ карманѣ, можетъ-быть, тутъ же посчастливится найти именно такое, какъ нужно. *(Вынимаетъ изъ кармана пучокъ писемъ.)* Ну, хоть бы это, напримѣръ. *(Читаетъ.)* «Я очинь слава Богу здорова но за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсемъ пазабыли. Иванъ Даниловичь виделъ васъ душиньку въ тіатрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора». Чортъ возьми! Кажется, правописанія нѣтъ. Нѣтъ, этимъ, я думаю, не падуешь. *(Продолжаетъ.)* «Я для васъ душинька вышила подвязку». Ну, и разносилась съ нѣжностями! Что-то буколическаго много, Шатобріаномъ пахнетъ. А вотъ, можетъ-быть, не будетъ ли здѣсь чего-нибудь? *(Развертываетъ другое и прищуриваетъ глазъ, стараясь разобрать.)* «Лю-без-ный другъ!» Нѣтъ, это, однакожъ, не любезный другъ; что же, однакожъ? «Нѣжнѣйшій, дражайшій?» Нѣтъ, и не дражайшій, нѣтъ, нѣтъ. *(Читаетъ.)* «Ме, ме. е... рзавецъ» Хмъ! *Сжимаетъ губы.)* «Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолженныя мною въ мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа *(послѣднее слово читаетъ почти сквозь зубы)*... то я тебя въ полицію». Чортъ знаетъ что! Вотъ ужъ, просто, чортъ знаетъ что! Вотъ ужъ именно ничего нѣтъ въ этомъ письмѣ. Конечно, обо всемъ можно сказать, но можно сказать благопристойно, выраженіями такими, которыя бы не оскорбляли человѣка. Нѣтъ, нѣтъ, всѣ эти письма, я вижу, какъ-то не то... совсѣмъ не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильнаго, чтобы виденъ кипятокъ, — кипятокъ, что называютъ. А вотъ, вотъ, посмотримъ это. *(Читаетъ.)* «Жестокій тиранъ души моей!» А, это что-то хорошее, однакожъ. «Тронься сердечный моей участью!» И преблагородно! Ей Богу, преблагородно! Вѣдь вотъ видно воспитаніе! Ужъ по началу видно, кто какъ себя поведетъ. Вотъ какъ нужно писать! Чувствительно, а между тѣмъ и человѣкъ не оскорбленъ. Вотъ это письмо я ему и подсуну. Далѣе ужъ и читать не нужно; только не знаю, какъ бы выскоблить такъ, чтобы не было замѣтно. *(Смотритъ на подпись.)* Э, э! Вотъ хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! Это и подписать. Каково обдѣлалось дѣльце само собою! А вѣдь, говорятъ, наружность вздоръ: ну, не будь смазливъ, не влюбились бы въ тебя, а не влюбившись, не написали бы писемъ, а не имѣя писемъ, не знали бы, какъ взяться за это дѣло. *(Подходя къ зеркалу.)* Еще сегодня какъ-то опустился, а то вѣдь иной разъ, точно, даже что-то значительное въ лицѣ... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ былъ похожъ на Багратіона. Вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды: такъ ли, чтобы рѣшительно вокругъ было бахромкой, какъ говорятъ — сукномъ обшить, или выбрить все гольемъ, и подъ губой завести что-нибудь. А?

Похожденія Чичикова
или Мертвыя души.

ПОЭМА.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Томъ первый.

ГЛАВА I.

Въ ворота гостиницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ,— словомъ, всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности; не слишкомъ толстъ, не слишкомъ тонокъ, нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ, и не такъ, что бы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ.

— Вишь ты,—сказалъ одинъ другому,—вонъ какое колесо! Что ты думаешь: доѣдетъ то колесо, если бъ случилось, въ Москву или не доѣдетъ?

— Доѣдетъ, — отвѣчалъ другой.

— А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?

— Въ Казань не доѣдетъ, — отвѣчалъ другой.

Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеніями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ въѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ называютъ въ русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что даже нельзя было разсмотрѣть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотонномъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревянной галлереѣ показывать ниспосланный ему Богомъ покой. Покой былъ извѣстнаго рода, ибо гостиница была тоже извѣстнаго рода, то-есть именно такая, какъ бываютъ гостиницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядываю-

щими, какъ черносливъ, изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленною комодомъ, гдѣ устраивается сосѣдъ, молчаливый и спокойный человѣкъ, но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго. Наружный фасадъ гостиницы отвѣчалъ ея внутренности; она была очень длинна, въ два этажа; нижній не былъ выштукатуренъ и оставался въ темно-красныхъ кирпичикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно было подумать, что на окнѣ стояло два самовара, если бъ одинъ самоваръ не былъ съ черною, какъ смоль, бородою.

Пока пріѣзжій господинъ осматривалъ свою компату, внесены были его пожитки: прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывающій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человѣкъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ карельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устраиваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую трехногую кровать, накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ какъ блинъ и, можетъ-быть, такъ же замаслившимся, какъ блинъ, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамѣстъ слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы всякій проѣзжающій знаетъ очень хорошо:

тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шестъ и самъ-семъ испивать свою извѣстную пару чаю; тотъ же закопченный потолокъ; та же копченая люстра со множествомъ висящихъ стеклышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякій разъ, когда половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу; тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками; словомъ, все то же, что и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно, въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ. Господинъ скинулъ съ себя картузъ и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, какую женатымъ приготовляетъ своими руками супруга, снабжая приличными наставленіями, какъ закутываться, а холостымъ — навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, Богъ ихъ знаетъ: я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Покамѣстъ ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно сберегаемымъ для проѣзжающихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, мозги съ горошкомъ, сосиски съ капустой, пулярка жареная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового, разсказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много ли даетъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ, на что половой по обыкновенію отвѣчалъ:

— О, большой, сударь, мошенникъ.

Какъ въ просвѣщенной Европѣ, такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много почтенныхъ людей, которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ, чтобъ не поговорить со слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ, пріѣзжій дѣлалъ не все пустые вопросы, онъ съ чрезвычайною точностію разспросилъ, кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокуроръ, — словомъ, не пропустилъ ни одного значительнаго чиновника; еще съ большею точностію, если даже не съ участіемъ, разспросилъ

обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ: сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто пріѣзжаетъ въ городъ; разспросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи — повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ и съ такою точностію, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство. Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ какъ труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство пріобрѣло, однакожъ, ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ что онъ всякій разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: «Не нужно ли чего?» Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ-то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать и приказалъ отвести себя въ свой номеръ, гдѣ, прилегши, заснулъ два часа. Отдохнувши, онъ написалъ на лоскуткѣ бумажки, по просьбѣ трактирнаго слуги, чинъ, имя и фамилію для сообщенія, куда слѣдуетъ, въ полицію. На бумажкѣ половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: «Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ». Когда половой все еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился посмотрѣть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ, ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ: сильно била въ глаза желтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревянныхъ. Дома были въ одинъ, два и полтора этажа, съ вѣчнымъ мезониномъ, очень красивымъ по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти дома казались затерянными среди широкой, какъ поле, улицы и нескончаемыхъ деревянныхъ заборовъ; мѣстами сбивались въ кучу, и здѣсь было замѣтно болѣе движенія народа и живости. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и надписью какого-то Аршавскаго портного, гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: «Иностранецъ Василій Ѳедоровъ»; гдѣ нарисованъ былъ бильярдъ съ двумя игроками во фракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки были изображены съ прицѣлившимися кіями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только что сдѣлавшими на воздухѣ антраша. Подъ всѣмъ этимъ было написано: «И вотъ заведеніе». Кое-гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаще же всего замѣтно было потемнѣвшихъ двуглавыхъ государственныхъ орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: «Питейный домъ». Мостовая вездѣ была плоховата. Онъ заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ, хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что «городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день», и что при этомъ «было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику». Разспросивши подробно будочника

куда можно пройти ближе, если понадобится, къ собору, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ губернатору, онъ отправился взглянуть на рѣку, протекавшую посрединѣ города; дорогою оторвалъ прибитую къ столбу афишу, съ тѣмъ, чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливреѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой, прямо въ свой номеръ, поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ усѣлся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый глазъ. Впрочемъ, замѣчательнаго немного было въ афишкѣ: давалась драма г. Коцебу [1]), въ которой Ролла игралъ

Покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового, разсказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много ли даетъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ.

г. Поплёвинъ, Кору — дѣвица Зяблова, прочія лица были и того менѣе замѣчательны; однакоже онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи губернскаго правленія; потомъ переворотилъ на другую сторону — узнать, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опрятно и положилъ въ свой ларчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все, что ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ порціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ щей и крѣпкимъ сномъ во всю носовую завертку, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго русскаго государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ. Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ ни тонокъ собой,

[1]) Коцебу—нѣмецкій писатель конца XVIII и начала XIX вѣка.

имѣлъ на шеѣ Анну, и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю. Потомъ отправился къ вице-губернатору, потомъ былъ у прокурора, у предсѣдателя палаты, у полицмейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками... Жаль, что нѣсколько трудно упомнить всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность насчетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь, какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы. Полицмейстеру сказалъ что-то очень лестное насчетъ городскихъ будочниковъ, а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза: «ваше превосходительство», что очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники тоже, съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами, съ замѣтною скромностью, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ—не значащій червь міра сего и недостоинъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать, наконецъ, мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовленіе къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ пріѣзжемъ оказалась такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано. Послѣ небольшого послѣобѣденнаго сна онъ приказалъ подать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ щеки, подперши ихъ изнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги; потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ манишку, выщипнулъ вылѣзшіе изъ носу два волоска и непосредственно за тѣмъ очутился во фракѣ брусничнаго цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ, одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по безконечно широкимъ улицамъ, озареннымъ тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ, губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хоть бы и для бала: коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали,—словомъ, все, какъ нужно. Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ, дѣти всѣ глядятъ, собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ

воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, пользуясь подслѣповатостію старухи и солнцемъ, безпокоящимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ вразбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться, и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами. Не успѣлъ Чичик въ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, к торый представилъ его тутъ же губернаторшѣ. Пріѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма приличный для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. Многія дамы были очень хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что Богъ послалъ въ губернскій городъ. Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ: имѣли такъ же весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанные бакенбарды или пр сто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лицъ, такъ небрежно подсѣдали къ дамамъ, такъ же говорили по-французски и смѣшили дамъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мужчинъ составляли толстые или такіе же, какъ Чичиковъ, т.-е. не такъ чтобы слишкомъ толстые, однакожъ и не тонкіе. Эти, напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ, волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манеръ *чортъ меня побери*, какъ говорятъ французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ.—Увы!—толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особеннымъ порученіямъ или только числятся и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а всѣ прямыя, и ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, зато въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души, не заложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно глядь—и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города—деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ, толстый, послужившій Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ баріномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ, наконецъ, присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: прокурора, съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ такъ, какъ будто

бы говорилъ: «Пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу»— человѣка, впрочемъ, серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго человѣка, но остряка и философа; предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго человѣка,—которые всѣ привѣтствовали его какъ стариннаго знакомаго, на что Чичиковъ раскланивался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ, не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: «Прошу прощенія». Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда, наконецъ, предаются занятію дѣльному. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физіономію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпкою рукою, приговаривая, если была дама: «Пошла, старая потаскушка!» если же король: «Пошелъ, тамбовскій мужикъ!» А предсѣдатель приговаривалъ: «А я его по усамъ! А я ее по усамъ!» Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: «А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!» или же просто восклицанія: «Черви! Червоточина! Пикенція!» или «Пикендрасъ! Пичурущухъ! Пичура!» и даже просто: «Пичукъ!»—названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры спорили, какъ водится, довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: «Вы пошли», но «вы изволили пойти; я имѣлъ честь покрыть вашу двойку», и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіалки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотчасъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность, ибо прежде всего разспросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился, какъ имя и отчество. Въ немного времени онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человѣкъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе, какъ сахаръ, и щурившій ихъ всякій разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню, къ которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы, на что Чичиковъ, съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и искреннимъ пожатіемъ руки, отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почтетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: «И ко мнѣ прошу», шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ полицмейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ, между прочимъ, онъ познакомился съ помѣщикомъ Ноздревымъ, человѣкомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему, послѣ трехъ-четырехъ словъ, началъ говорить *ты*. Съ полицмейстеромъ и прокуроромъ

Ноздревъ тоже былъ на *ты* и обращался по-дружески; но, когда сѣли играть въ большую игру, полицмейстеръ и прокуроръ чрезвычайно внимательно разсматривали его взятки и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у предсѣдателя палаты, который принималъ гостей своихъ въ халатѣ, нѣсколько замасленномъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ-то дамъ. Потомъ былъ на вечерѣ у вице-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который, впрочемъ, стоилъ большого; на закускѣ послѣ обѣдни, данной городскимъ главою, которая тоже стоила обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостиницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть. Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ найтиться и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ—онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ—и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою, — онъ показалъ, что ему не безызвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о бильярдной игрѣ—и въ бильярдной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили о добродѣтели—и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ—и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы и самъ былъ и чиновникомъ и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны пріѣздомъ новаго лица. Губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ—благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ, что онъ — дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ—ученый человѣкъ; предсѣдатель палаты, что онъ—знающій и почтенный человѣкъ; полицмейстеръ, что онъ—почтенный и любезный человѣкъ; жена полицмейстера, что онъ—любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ. Даже самъ Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ хорошей стороны, пріѣхавши довольно поздно изъ города и уже совершенно раздѣвшись и легши на кровать подлѣ худощавой жены своей, сказалъ ей: «Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ и у полицмейстера обѣдалъ и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препріятный человѣкъ!» На что супруга отвѣчала: «Гмъ!» и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе, весьма лестное для гостя, составилось о немъ въ городѣ, и оно держалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ одно странное свойство гостя и предпріятіе, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, пассажъ, о которомъ читатель скоро узнаетъ, не привело въ совершенное недоумѣніе почти весь городъ.

ГЛАВА II.

Уже болѣе недѣли пріѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень пріятно время. Наконецъ онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. Можетъ-быть, къ сему побудила его другая, болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьезное, близшее къ сердцу... Но обо всемъ этомъ читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую потомъ раздвинуться шире и про-

сторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло. Кучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить лошадей въ извѣстную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатой и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они — лица не такъ замѣтныя и то, что называютъ второстепенныя или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ, но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, несмотря на то, что самъ человѣкъ русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, не много времени и мѣста, потому что не много нужно прибавить къ тому, что уже читатель знаетъ, то-есть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т.-е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь или молитвенникъ, — онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самаго чтенія, что вотъ де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ чортъ знаетъ, что и значитъ. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи, въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ-нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ весьма щекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ привередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только поморщивался да встряхивалъ головою, приговаривая: «Ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потѣешь, что ли? Сходилъ бы ты хоть въ баню». На что Петрушка ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь дѣломъ: или подходилъ со щеткой къ висѣвшему барскому фраку, или просто прибиралъ что-нибудь. Что думалъ онъ въ то время, когда молчалъ? Можетъ-быть, онъ говорилъ про себя: «И ты, однакожъ, хорошъ; не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же...» Богъ вѣдаетъ, трудно знать, что думаетъ дворовый крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе. Итакъ, вотъ что на первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ былъ совершенно другой человѣкъ... Но авторъ весьма совѣстится запимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ-быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, — тѣ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на

все, что ни пресмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ-быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ ни прискорбно то и другое, а все, однакожъ, нужно возвратиться къ герою. Итакъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что дѣлалось только по воскреснымъ днямъ, — а въ тотъ день случилось воскресенье, — выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящій атласъ, въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: «Баринъ, подай сиротинкѣ!» Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Не безъ радости былъ вдали узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мукѣ, будетъ скоро конецъ, и, еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся, наконецъ, по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги: кочки, ельникъ, низенькіе жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій вересъ и тому подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по снурку деревни, постройкою похожія на старыя складинныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями, въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ по обыкновенію зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчинныхъ тулупахъ; бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные. Проѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потрафить на ладъ. На вопросъ: «Далеко ли деревня Заманиловка», мужики сняли шляпы, и одинъ изъ нихъ, бывшій поумнѣе и носившій бороду клиномъ, отвѣчалъ:

— Маниловка, можетъ-быть, а не Заманиловка.

— Ну, да, Маниловка.

— Маниловка! А какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, то-есть, такъ прямо направо.

— Направо? — отозвался кучеръ.

— Направо, — сказалъ мужикъ. — Это будетъ тебѣ дорога въ Маниловку; а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, то-есть, ея прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо, на горѣ, увидишь домъ, каменный, въ два этажа, — господскій домъ, въ которомъ, то-есть, живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки совсѣмъ нѣтъ никакой здѣсь и не было.

Поѣхали отыскивать Маниловку. Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу; но уже и двѣ, и три, и четыре версты, кажется, сдѣлали, а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ къ себѣ въ деревню за пятнадцать верстъ, то значитъ, что въ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка немногихъ могла заманить своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то-есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-англійски двѣ-три клумбы съ кустами сирени и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храмъ уединеннаго размышленія»; пониже прудъ, покрытый зеленью, что, впрочемъ, не въ диковинку въ аглицкихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ ту жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухсотъ. Нигдѣ между ними растущаго деревца или какой-нибудь зелени; вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянные кляча [1]) изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака, и блестѣла по авшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что-то перебранивались. Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта, какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ, этого, впрочемъ, мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ перемѣнчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самаго мозгу посами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными, какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоновомъ [2]) сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

— Павелъ Ивановичъ! — вскричалъ онъ наконецъ, когда Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички. — Насилу вы-таки насъ вспомнили!

---

[1]) Клячъ—короткій шестъ. [2]) Шалонъ—тонкая шерстяная матерія.

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно — черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый, какъ огонь, плащъ, — и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей, — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: *люди такъ себѣ, ни то, ни се, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ*, по словамъ пословицы. Можетъ-быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: «Какой пріятный и добрый человѣкъ!» Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: «Чортъ знаетъ, что такое!» и отойдешь подальше; если жъ не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ — сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій — мастеръ лихо пообѣдать; четвертый — сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый — съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтиться на гуляньѣ съ флигель-адъютантомъ, на показъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, — словомъ, у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частью размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ-то само собою. Когда приказчикъ говорилъ: «Хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать», «Да недурно», отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. «Да, именно недурно», повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: «Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать»: «Ступай», говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ

о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма недешево; но на два кресла ея недостало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: «Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель». Ввечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перламутровымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ, хотя этого не замѣчали ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Несмотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ». Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы — какой-нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая—работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? Зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? Зачѣмъ воровка ключница? Зачѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? Зачѣмъ вся дворня спитъ немилосерднымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепіано, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепіано, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, то-есть вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепіано. Разные бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ

героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ, — говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы — гость, — говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь; пожалуйста, проходите, — говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.

— Почему жъ образованному?.. Пожалуйста, проходите!

— Ну, да ужъ извольте проходить вы.

— Да отчего жъ?

— Ну, да оттого! — сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ и нѣсколько притиснули другъ друга.

— Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою, — сказалъ Маниловъ. — Душенька, Павелъ Ивановичъ!

Чичиковъ, точно, увидѣлъ даму, которою онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна, одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла. Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ.

— Да, — примолвилъ Маниловъ, — ужъ она, бывало, все спрашиваетъ меня: — «Да что же твой пріятель не ѣдетъ?» — Погоди, душенька, пріѣдетъ. — А вот вы, наконецъ, и удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое, право, доставили наслажденіе — майскій день... именины сердца...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ ни даже ранга замѣтнаго.

— Вы все имѣете, — прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою, — все имѣете, даже еще болѣе.

— Какъ вамъ показался нашъ городъ? — примолвила Манилова. — Пріятно ли провели тамъ время?

— Очень хорошій городъ, прекрасный городъ, — отвѣчалъ Чичиковъ: — и время провелъ очень пріятно: общество самое обходительное.

— А какъ вы нашли нашего губернатора? — сказала Манилова.

— Не правда ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ? — прибавилъ Маниловъ.

— Совершенная правда, — сказалъ Чичиковъ: — препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей.

— Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ, — присовокупилъ Маниловъ съ улыбкою и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

— Очень обходительный и пріятный человѣкъ, — продолжалъ Чичиковъ: — и какой искусникъ! Я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

— А вице-губернаторъ, не правда ли, какой милый человѣкъ? — сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

— Очень, очень достойный человѣкъ, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицмейстеръ? Не правда ли, что очень пріятный человѣкъ?

— Чрезвычайно пріятный, и какой умный, какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ!

— Ну, а каково вы мнѣнія о женѣ полицмейстера? — прибавила Манилова. — Не правда ли, прелюбезная женщина?

— О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю, — отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили предсѣдателя палаты, почтмейстера и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

— Вы всегда въ деревнѣ проводите время? — сдѣлалъ, наконецъ, въ свою очередь, вопросъ Чичиковъ.

— Больше въ деревнѣ, — отвѣчалъ Маниловъ. — Иногда, впрочемъ, пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

— Правда, правда, — сказалъ Чичиковъ.

— Конечно, — продолжалъ Маниловъ, — другое дѣло, если бы сосѣдство было хорошее, если бы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое... — Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить, но, замѣтивши, что нѣсколько зарапортовался, ковырнулъ только рукою въ воздухѣ и продолжалъ: — тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никого... Вотъ только иногда почитаешь «Сынъ Отечества» [1]).

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно, прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеніи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

— Но знаете ли, — прибавилъ Маниловъ, — все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...

---

[1]) „Сынъ Отечества“ — журналъ, издававшійся въ Петербургѣ съ 1815 г. по 1836 г.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: „Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли“. На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: „Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда“.

— О, это справедливо, это совершенно справедливо! — прервалъ Чичиковъ. — Что всѣ сокровища тогда въ мірѣ! *Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія*, — сказалъ одинъ мудрецъ.

— И знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засластилъ немилосердно, воображая ею обрадовать паціента: — тогда чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ, духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастіе, можно сказать, рѣдкое, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...

— Помилуйте, что жъ за пріятный разговоръ?.. Ничтожный человѣкъ и больше ничего, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— О, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостью отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!..

— Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...

Неизвѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обоихъ пріятелей, ссли бы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

— Прошу покорнѣйше, — сказалъ Маниловъ. — Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у насъ просто, по русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу.

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и, наконецъ, Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

— Какія миленькія дѣти! — сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ. — А который годъ?

— Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть, — сказала Манилова.

— Ѳемистоклюсъ! — сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободить свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти греческое имя, которому, неизвѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на *юсъ*; но постарался тотъ же часъ привесть лицо въ обыкновенное положеніе.

— Ѳемистоклюсъ, скажи мнѣ: какой лучшій городъ во Франціи?

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Ѳемистоклюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но, наконецъ, совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Ѳемистоклюсъ сказалъ: «Парижъ».

— А у насъ какой лучшій городъ? — спросилъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

— Петербургъ, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А еще какой?

— Москва, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— Умница, душенька! — сказалъ на это Чичиковъ. — Скажите, однакожъ... — продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Маниловымъ. — Въ такія лѣта и уже такія свѣдѣнія. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности!

— О, вы еще не знаете его! — отвѣчалъ Маниловъ: — у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшой, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ: букашку, козявку, такъ ужъ у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ; побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе. Я его прочу по дипломатической части... Ѳемистоклюсъ, — продолжалъ онъ, снова обратясь къ нему: — хочешь быть посланникомъ?

— Хочу, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налѣво.

Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался за столомъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Ѳемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: «Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда».

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ, — сказалъ Маниловъ и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ. — Вотъ мой уголокъ, — сказалъ Маниловъ.

— Пріятная комната, — сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами.

Комната была, точно, не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то голубенькой краской, въ родѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложенною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть; нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Онъ былъ къ разныхъ видахъ: въ картузахъ и въ табачницѣ, и, наконецъ, насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленныя не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

— Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ, — сказалъ Маниловъ. — Здѣсь вамъ будетъ попокойнѣе.

— Позвольте, я сяду на стулѣ.

— Позвольте вамъ этого не позволить, — сказалъ Маниловъ съ улыбкою — Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: ради или не ради, но должны сѣсть.

Чичиковъ сѣлъ.

— Позвольте мнѣ васъ попотчевать трубочкою.

— Нѣтъ, не курю, — отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ бы съ видомъ сожалѣнія.

— Отчего?— сказалъ Маниловъ тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

— Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше.

Чичиковъ замѣтилъ, что это, точно, случается и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

— Но позвольте прежде одну просьбу... — проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то странное или почти странное выраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ.— Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

— Да ужъ давно; а лучше сказать—не припомню.

— Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ.

— А не могу знать: объ этомъ, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человѣкъ! Позови приказчика; онъ долженъ быть сегодня здѣсь.

Приказчикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, бривній бороду, ходившій въ сюртукѣ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе приказчики, былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ — ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и приказчикомъ. А сдѣлавшись приказчикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ приказчики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были богаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

— Послушай, любезный, сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?

— Да какъ сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ,—сказалъ приказчикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, наподобіе щитка.

— Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ, — подхватилъ Маниловъ: — именно очень многіе умирали!—Тутъ онъ оборотился къ Чичкову и прибавилъ еще:— точно, очень многіе.

— А какъ, напримѣръ, числомъ?—спросилъ Чичиковъ.

— Да, сколько числомъ?—подхватилъ Маниловъ.

— Да какъ сказать—числомъ? Вѣдь неизвѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ.

— Да, именно,—сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову:—я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ неизвѣстно, сколько умерло.

— Ты, пожалуйста, ихъ перечти,—сказалъ Чичиковъ,—и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно.

— Да, всѣхъ поименно,—сказалъ Маниловъ.

Приказчикъ сказалъ: «Слушаю!» и ушелъ.

— А для какихъ причинъ вамъ это нужно? — спросилъ по уходѣ приказчика Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ, — напряженіе

что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ, наконецъ, услышалъ такія странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слыхали человѣческія уши.

— Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ...—сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончилъ рѣчи.

— Но позвольте спросить васъ,—сказалъ Маниловъ,—какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею или просто на выводъ, то-есть безъ земли?

— Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ,—сказалъ Чичиковъ: я—желаю имѣть мертвыхъ...

— Какъ-съ? Извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

— Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи, какъ живые,—сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижимы, вперя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину одинъ противъ другого, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутилъ ли онъ; но ничего не было видно такого: напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другого не могъ придумать, какъ только выпустить изо рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

— Итакъ, я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

— Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?—замѣтилъ Чичиковъ.

— Я?.. Нѣтъ, я не то,—сказалъ Маниловъ,—но я не могу постичь... извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ-быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ-быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

— Нѣтъ,—подхватилъ Чичиковъ,—нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то-есть тѣ души, которыя, точно, уже умерли.

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ—чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а черезъ носовыя ноздри.

— Итакъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости,—сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую?

— А, нѣтъ,—сказалъ Чичиковъ.—Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ, дѣйствительно, въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ

извините: обязанность для меня—дѣло священное, законъ—я нѣмѣю передъ закономъ.

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самаго дѣла онъ все-таки никакъ не вникъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ, наконецъ, хрипѣть, какъ фаготъ [1]). Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ—и больше ничего.

— Можетъ-быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?

— О, помилуйте, ничуть! Я не насчетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то-есть критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція,—такъ не будетъ ли эта негоція,—несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ-быть, и не видно было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція, никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а черезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

— Такъ вы полагаете?..

— Я полагаю, что это будетъ хорошо.

— А, если хорошо, это другое дѣло; я противъ этого ничего,—сказалъ Манилов и совершенно успокоился.

— Теперь остается условиться въ цѣнѣ...

— Какъ въ цѣнѣ?—сказалъ опять Маниловъ и остановился.—Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безынтересно и купчую беру на себя.

Великій упрекъ былъ бы историку предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачокъ по образцу козла, что, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностью, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ и, наконецъ, уже выразился, что это сущее ничего, что онъ, точно, хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнетизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ—совершенная дрянь.

— Очень не дрянь,—сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку.

Здѣсь былъ испущенъ очень глубокій вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ, наконецъ, слѣдующія слова:

---

[1]) Фаготъ—труба.

— Если бы вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью человѣку безъ племени и роду! Да и, дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? Какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ! А за что? За то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной и сиротѣ-горемыкѣ!..

Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руку и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были навернувшіяся слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Какъ? Вы ужъ хотите ѣхать?—сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

— Лизанька,—сказалъ Маниловъ съ нѣсколько жалостливымъ видомъ,—Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!

— Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу,—отвѣчала Манилова.

— Сударыня! Здѣсь,—сказалъ Чичиковъ,—здѣсь, вотъ гдѣ,—тутъ онъ положилъ руку на сердце:—да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! И, повѣрьте, не было бы для меня большого блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ!

— А знаете, Павелъ Ивановичъ,—сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль:—какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею или подъ тѣнью какого-нибудь вяза, пофилософствовать о чемъ-нибудь, углубиться!...

— О, это была бы райская жизнь!—сказалъ Чичиковъ, вздохнувши.—Прощайте, сударыня!—продолжалъ онъ, подходя къ ручкѣ Маниловой.—Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!

— О, будьте увѣрены!—отвѣчалъ Маниловъ.—Я съ вами разстаюсь не долѣе, какъ на два дня.

Всѣ вышли въ столовую.

— Прощайте, миленькія малютки:—сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки ни носа.—Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ; но теперь, какъ пріѣду, непремѣнно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?

— Хочу,—отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ?—продолжалъ Чичиковъ, наклонившись къ Алкиду.

— Парапанъ,—отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

— Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ,—такой славный барабанъ! Этакъ все будетъ туррр...ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!

Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

— Право, останьтесь, Павелъ Ивановичъ!—сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо.—Посмотрите, какія тучи.

— Это маленькія тучки,—отвѣчалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?

— Объ этомъ хочу спросить васъ.

— Позвольте, я сейчасъ разскажу вашему кучеру.

Тутъ Маниловъ съ такою же любезностію разсказалъ дѣло кучеру и сказалъ ему даже одинъ разъ *вы*.

Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ:

— Потрафимъ, ваше благородіе,—и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала не видна, онъ все еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулѣ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и, наконецъ, занеслись Богъ знаетъ куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, что такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ: какъ не переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что тянулось до самаго ужина.

ГЛАВА III.

А Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предыдущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него—и тѣломъ и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно, были очень пріятны, ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ пріобрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудился отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе.

— Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю!—говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣнивца.—Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой—почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ: я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь; и Засѣдатель—тожъ хорошій конь... Ну, ну! Что потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! Я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползетъ!

Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, промолвивъ:

— У, варваръ! Бонапартъ ты проклятый!..—Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ:—Эй, вы, любезные!—и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ.

Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому:

— Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить—съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполнялъ службу государскую, онъ сколеской совѣтникъ...

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался, наконецъ, въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотрѣть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ громовой ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ—въ другую; потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что, точно, не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки вожжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется, что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: «Эй, вы, други почтенные!» и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь, однакоже, казалось, зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно безпокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По расчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая—хоть глазъ выколи

— Селифанъ!—сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.

— Что, баринъ?—отвѣчалъ Селифанъ.

— Погляди-ка, не видно ли деревни?

— Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно!

Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ—пѣсню не пѣснь, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и понудительные крики, которыми потчеваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, а какъ что первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ, секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками: это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по взбороненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь?—сказалъ Чичиковъ.

— Да что жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!

Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь!—кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ,—говорилъ Селифанъ.—Это нехорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину.

Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и, наконецъ, вывоpотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и руками и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однакожъ, остановилъ; впрочемъ, онѣ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: «Вишь ты, и перекинулась!»

— Ты пьянъ, какъ сапожникъ!—сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, баринъ; какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это нехорошее дѣло—быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить,—въ томъ нѣтъ худого,—и закусили вмѣстѣ. Закуска—не обидное дѣло: съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.

— А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? А? Забылъ?—сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ! Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что нехорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что...

— Вотъ и тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ.

— Какъ милости вашей будетъ завгодно,—отвѣчалъ на все согласный Селифанъ:—коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему жъ не посѣчь, коли за дѣло? На то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему жъ не посѣчь?

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, качаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало лившаго дождя, что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и досягнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ ворота. Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ:

— Кто стучитъ? Чего расходились?

— Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать,—произнесъ Чичиковъ.

— Вишь, ты какой востроногій,—сказала старуха:—пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ: помѣщица живетъ.

— Что жъ дѣлать, матушка? Вишь, съ дороги сбились. Не ночевать же въ такое время въ степи.

— Да, время темное, нехорошее время,—прибавилъ Селифанъ.

— Молчи, дуракъ!—сказалъ Чичиковъ.

— Да кто вы такой?—сказала старуха.

— Дворянинъ, матушка.

Слово *дворянинъ* заставило старуху какъ будто нѣсколько подумать.

— Погодите, я скажу барынѣ,—произнесла она,—и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ.

Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ, исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звонко по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, какъ понамарь; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это, наконецъ, повершалъ басъ, можетъ-быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ; тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстукъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. Ужъ по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но проможшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но

очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами; между окопъ—старинныя маленькія зеркала, съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были яли письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на циферблатѣ... невмочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ голову нѣсколько на бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшочки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшочекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой—полтинники, въ третій—четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ, кромѣ бѣлья да ночныхъ кофточекъ, да питяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами [1]) или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ пріѣздомъ.

— Ничего, ничего!—сказала хозяйка.—Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

Слова хозяйки были прерваны страннымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями; но, взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣньемъ тотчасъ же послѣдовало хрипѣнье, и, наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно щелкать направо и налѣво.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не безпокоилась ни о чемъ, что, кромѣ постели, онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, знаете Манилова?—сказалъ Чичиковъ.

— А кто таковъ Маниловъ?

— Помѣщикъ, матушка.

— Нѣтъ, не слыхивала: нѣтъ такого помѣщика.

— Какіе же есть?

— Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ.

— Богатые люди или нѣтъ?

— Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать; а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ.

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.

— Далеко ли, по крайней мѣрѣ, до города?

---

[1]) Пряженцы—печенье въ постномъ или скоромномъ маслѣ.

— А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели.

— Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой — у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи; гдѣ такъ изволилъ засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.

— Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?

— Спасибо, спасибо. Не безпокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повысушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья! — сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчою, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потокъ перьевъ по всей комнатѣ. — Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и вы колоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня! — говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

— Ну, вотъ тебѣ постель готова, — сказала хозяйка. — Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки: покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ.

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день

онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, всѣ обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая—на ухо, третья норовила какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ впросонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть,—обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не все были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять, въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и, наконецъ, вспомнилъ, что это была хозяйка, Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ,—окно же было очень близко отъ земли, — заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно, «желаю здравствовать», на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды; окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ, перегораживалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками: на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены вразсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ—гдѣ стоявшую запасную, почти новую телѣгу, а гдѣ и двѣ. «Да у ней деревушка не маленькая», сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее, сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

— Здравствуйте, батюшка. Каково почивали? — сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера, — въ темномъ платьѣ и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все такъ же было что-то навязано.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. — Вы какъ, матушка?

— Плохо, отецъ мой.

— Какъ такъ?

— Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.

— Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

— Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

— Не дурно, матушка; хлебнемъ и фруктовой.

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ, однакоже, съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ, на Руси, если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣніи обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій: онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ и съ мелкимъ табачнымъ торгашомъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста; а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ, хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки. Положимъ, напримѣръ, существуетъ, канцелярія—не здѣсь, а въ тридевятомъ государствѣ; а въ канцеляріи, положимъ, существуетъ правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ, — да просто отъ страха и слова не выговоришь. Гордость и благородство... и ужъ чего не выражаетъ лицо его? Просто бери кисть да и рисуй: Прометей [1]), рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь всѣ небольшого чина, Прометей такъ и останется Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій [2]) не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи,—уничтожился въ песчинку! «Да это не Иванъ Петровичъ, — говоришь, глядя на него. — Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ—чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется». Подходишь ближе, глядишь—точно Иванъ Петровичъ! «Эхе-хе-хе!» думаешь себѣ... Но, однакожъ, обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ мы ужъ видѣли, рѣшился вовсе не церемониться и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такія рѣчи:

— У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго восемьдесятъ,—сказала хозяйка,—да бѣда, времена плохи: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.

— Однакожъ мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время.

---

[1]) Прометей—древне-греческій герой, боровшійся съ богами; воплощеніе ума и величія. [2]) Овидій—римскій поэтъ I в. до Р. Х. Одно изъ его произведеній носитъ названіе „Метаморфозы“, т.-е. превращенія.

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? Хорошее имя—Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ?—спросила помѣщица.—Вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

— Нѣтъ, матушка,—отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись:—чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы—покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево; а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что жъ другое? Развѣ пеньку? Да вѣдь и пеньки у меня теперь маловато—полпуда всего.

— Нѣтъ, матушка! другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ!—сказала старуха, вздохнувши.—И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ? Все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ—подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

— Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезчуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ прекрасный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

— На все воля Божья, матушка!—сказалъ Чичиковъ, вздохнувши: — противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

— Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

— Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же? Я, право, въ толкъ-то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ и души будутъ прописаны, какъ бы живыя.

— Да на что жъ онѣ тебѣ?—сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.

— Да кто жъ говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю,—произнесла хозяйка съ разстановкой: — вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ всердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей Чорта помѣщица испугалась необыкновенно.

— Нѣтъ, этого-то я не думаю! Что жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

«Ну, баба, кажется, крѣпколобая!» подумалъ про себя Чичиковъ.

— Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живого...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ!—подхватила помѣщица.—Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста да засѣдателя подмаслила.

— Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ—я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги. Понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло, точно, какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же Богъ знаетъ откуда, да еще и въ ночное время.

— Такъ что жъ, матушка, по рукамъ, что ли? — говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ-быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ-нибудь стоятъ.

— Послушайте, матушка... Эхъ, какія вы! Что жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? Это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь они мертвые.

«Экъ ее, дубинно-головая какая, — сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. — Пойди ты, сладь съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха!» Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ, Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною.

— Вы, матушка, — сказалъ онъ, — или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги пятнадцать рублей ассигнаціями, — понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?

— По двѣнадцати рублей пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.

— Ей Богу, продала.

— Ну, видите ль? Такъ зато — это медъ. Вы собирали его, можетъ-быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму; а мертвыя души — дѣло не отъ міра сего.

Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобы онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями. — Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха, наконецъ, подастся.

— Право, — отвѣчала помѣщица, — мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше жъ я маленько повременю, авось, попаѣдутъ купцы, да примѣпюсь къ цѣнамъ.

— Страмъ, страмъ, матушка! Просто, страмъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А, можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобится... — возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! — проговорила старуха, крестясь.

— Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы, — все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ.

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька — пенькою, въ другой разъ пріѣду — заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ всердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно.

— Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ! — вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. — Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!..

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! — сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я казенные подряды тоже веду... — Здѣсь онъ прилгнулъ хоть и вскользь и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ:

— Да чего жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

— Есть чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацій! Только, смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня.

— Нѣтъ, матушка, не обижу, — говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ.

— Какъ же! Протопопа, отца Кирилла, сынъ служитъ въ палатѣ, — сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

«Хорошо бы было, — подумала между тѣмъ про себя Коробочка, — если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ спекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ пресный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ немного». Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль насчетъ загнутія пирога и, вѣроятно, пополнить ее и другими произведеніями домашней пекарни и стряпни, а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ почь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту, какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро. «Экъ уморила какъ проклятая старуха!» сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же и не удовлетворить? Вотъ оно внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ, потомъ квадратные закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ для того, что покороче, наполненныя билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незамѣтно съ боку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту хозяиномъ, что навѣрно нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичиковъ тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

— Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой, — сказала она, подсѣвши къ нему. — Чай, въ Москвѣ купилъ его?

— Въ Москвѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

— Я ужъ знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ — до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги! — продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ гербовой бумаги было тамъ не мало. — Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! А у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее,

онъ далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Опъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: «Экій длинный!» Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени— «Коровій Кирпичъ», иной оказался просто: «Колесо Иванъ». Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

— Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы[1]), блины, лепешки со всякими припеками: припекой съ лучкомъ, припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со сниточками, нивѣсть чего не было.

— Прѣсный пирогъ съ яйцомъ! — сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой показался еще вкуснѣе.

— А блинковъ? — сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

— У васъ, матушка, блинцы очень вкусны, — сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

— Да у меня-то ихъ хорошо пекутъ, — сказала хозяйка, — да вотъ бѣда: урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите? — проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ: — вѣдь и бричка еще не заложена.

— Заложатъ, матушка, заложатъ. У меня скоро закладываютъ.

— Такъ ужъ, пожалуйста, не позабудьте насчетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду, — говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свиного сала не покупаете? — сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Купимъ, купимъ, всего купимъ и свиного сала купимъ.

— Можетъ-быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичья перья.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ Чичиковъ.

— Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова, — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

— Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги.

— Какъ же бы это сдѣлать? — сказала хозяйка. — Разсказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ. гдѣ бы присѣсть ей?

---

[1]) Пряглы—оладьи.

— Какъ не быть.

— Пожалуй, и тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы.

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея: вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-по-малу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, не хозяйственная—мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратиться въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда, Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову. Можетъ-быть, станешь даже думать: «Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли,—мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ,—мысли не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ. Но мимо, мимо! Зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная, чудная струя? Еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо...

— А вотъ бричка, вотъ бричка!—вскричалъ Чичиковъ, увидя, наконецъ, подъѣзжавшую свою бричку.—Что ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмель у тебя не весь еще вывѣтрило?

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, матушка! А что же? Гдѣ ваша дѣвчонка?

— Эй, Пелагея! — сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью,—покажи-ка барину дорогу.

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ запесъ ногу на ступеньку, и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ, помѣстился, сказавши: «А, теперь хорошо! Прощайте, матушка!» Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что случалося съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ.

Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо въ это время вожжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотнаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ

слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: «Ну же, ну, ворона! Зѣвай, зѣвай!» и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и Засѣдатель были недовольны, не услышавши ни разу ни *любезные* ни *почтенные*. Чубарый чувствовалъ пренепріятные удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. «Вишь ты, какъ разнесло его!—думалъ онъ самъ про себя, нѣсколько припрядывая ушами.—Небось, знаетъ, гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто гдѣ поживѣе: по ушамъ зацѣпитъ или подъ брюхо захлыснетъ».

— Направо, что ли?—съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу,—отвѣчала дѣвчонка.

— Куда жъ?—сказалъ Селифанъ, когда подъѣхали поближе.

— Вотъ куды,—отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

— Эхъ, ты!—сказалъ Селифанъ.—Да это и есть направо: не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ войлокомъ, что значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расползлись во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высыплютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдали строеніе, сказавши:

— Вонъ столбовая дорога!

— А строеніе?—спросилъ Селифанъ.

— Трактиръ,—сказала дѣвчонка.

— Ну, теперь мы сами доѣдемъ, — сказалъ Селифанъ: — ступай себѣ домой.

Онъ остановился и помогъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы: «Эхъ, ты, черноногая!»

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела во-свояси, уже довольная тѣмъ что посидѣла на козлахъ.

ГЛАВА IV.

Подъѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпиться. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значатъ всѣ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣзавтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ пилюли, глотающіе устерсъ [1]), морскихъ пауковъ и прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, что на одной станціи потребуютъ ветчины, на другой—поросенка, на третьей—ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу съ лу-

1) Т.-е. устрицъ.

комъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжья уха съ налимами и молоками шипитъ и ворчитъ у нихъ межъ зубами, заѣдаемая разстегаемъ или кулебякой съ сомовьимъ плесомъ, такъ что вчужѣ пропимаетъ аппетитъ,—вотъ эти господа, точно, пользуются завиднымъ даяніемъ неба! Не одинъ господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію же минуту половину душъ крестьянъ и половину имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всѣми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки; но то бѣда, что ни за какія деньги, ниже имѣнія, съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ, на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подсвѣчники. Трактиръ былъ что-то въ родѣ русской избы, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева, вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили темныя его стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою деревянною лѣстницею наверхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворявшуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: «Сюда пожалуйте!» Въ комнатѣ попались все старые пріятели, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревянныхъ трактирахъ, какихъ не мало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндевѣвшій самоваръ, выскобленныя гладко сосновыя стѣны, треугольный шкапъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя яички предъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ четыре глаза, а вмѣсто лица какую-то лепешку, наконецъ, натыканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ высохшія до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ и больше ничего.

— Поросенокъ есть?—съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

— Есть.

— Съ хрѣномъ и со сметаною?

— Съ хрѣномъ и со сметаною.

— Давай его сюда!

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась, какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій, какъ перечинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ по обыкновенію сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и разспросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть хозяинъ, и сколько даетъ дохода трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что старшій сынъ—холостой или женатый человѣкъ, и какую взялъ жену, съ большимъ ли приданымъ или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тесть, и не сердился ли, что мало подарковъ получилъ на свадьбѣ,—словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окружности находятся у нихъ помѣщики, и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ, полковникъ, Собакевичъ. «А Собакевича знаешь?» спросилъ онъ и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ будетъ повеликатнѣй Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спроситъ и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки

спроситъ, и всего только, что попробуетъ, а Собакевичъ одного чего-нибудь спроситъ, да ужъ зато все съѣстъ, даже и надбавки потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній кусокъ, послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легонькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички вылѣзали двое какихъ-то мужчинъ: одинъ бѣлокурый, высокаго роста, другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темно-синей венгеркѣ, чернявый—просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясчонка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и веревочной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ наверхъ, между тѣмъ, какъ черномазый еще оставался и щупалъ что-то въ бричкѣ, разговаривая тутъ же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними коляскѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и отворить ее. Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или, что называютъ, издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ зналъ, что такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что послѣдній отвѣтилъ тѣмъ же. Въ продолженіе немногихъ минутъ они, вѣроятно бы, разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сдѣлано и оба почти въ одно и то же время изъявили удовольствіе, что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ, и теперь ѣхать и прохладно и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузъ свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные густые волосы. Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами и черными, какъ смоль, бакенбардами. Свѣжъ онъ былъ какъ кровь съ молокомъ: здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

— Ба, ба, ба!—вскричалъ онъ вдругъ, разставивъ руки при видѣ Чичикова.—Какими судьбами?

Чичиковъ узналъ Ноздрева, того самаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ обѣдалъ у прокурора и который съ нимъ въ нѣсколько минутъ сошелся на такую короткую ногу, что началъ уже говорить *ты*, хотя, впрочемъ, онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

— Куда ѣздилъ?—говорилъ Ноздревъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ.—А я, братъ, съ ярмарки. Поздравь, продулся впухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обывательскихъ пріѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно!—Здѣсь онъ нагнулъ самъ голову Чичикова такъ, что тотъ чуть не ударился ею объ рамку.—Видишь, какая дрянь? Насилу дотащили, проклятыя; я уже перелѣзъ вотъ въ его бричку.—Говоря это, Ноздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища.—А вы еще не знакомы? Зять мой, Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ.—Ну, смотри,—говорю,—если мы не встрѣтимъ Чичикова...—Ну, братъ, если бъ ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ—все спустилъ. Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки ни часовъ...—Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ, точно, что на немъ не было ни цѣпочки ни часовъ. Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ былъ у него меньше и не такъ густъ, какъ другой.—А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ,—продолжалъ Ноздревъ,—именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то-есть,

кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ ссйчасъ положилъ бы въ бумажникъ.

— Ты, однако, и тогда такъ говорилъ,—отвѣчалъ бѣлокурый,—а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадилъ ихъ.

— И не просадилъ бы! Ей Богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ пароле на проклятой семеркѣ утку, я бы могъ сорвать весь банкъ.

— Однакожъ не сорвалъ,—сказалъ бѣлокурый.

— Не сорвалъ, потому что загнулъ утку не во-время. А ты думаешь, майоръ твой хорошо играетъ?

— Хорошо или нехорошо, однакожъ, онъ тебя обыгралъ.

— Эка важность!—сказалъ Ноздревъ.—Этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! Зато, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съѣзда. У меня все, что не привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ возьми! то-есть, какъ жаль, что ты не былъ! Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офицеры, сколько ихъ не было, сорокъ человѣкъ однихъ офицеровъ было въ городѣ... Какъ начали мы, братецъ, пить... Штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ... такой славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называетъ просто бурдашкой. «Принеси-ка, братъ,—говоритъ,—бурдашки!» Поручикъ Кувшинниковъ... Ахъ, братецъ, какой премилый человѣкъ! Вотъ ужъ, можно сказать, во всей формѣ кутила. Мы все были съ нимъ вмѣстѣ. Какого вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ—мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать; въ вино мѣшаетъ всякую дрянь: сандалъ, жженую пробку и даже бузиной, подлецъ, затираетъ; но зато ужъ если вытащитъ изъ дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку, ну, просто, братъ, находишься въ эмпиреяхъ. Шампанское у насъ было такое... Что предъ нимъ губернаторское?—Просто квасъ. Вообрази, не клико, а какое-то клико-матрадура; это значитъ—двойное клико. И еще досталъ одну бутылочку французскаго подъ названіемъ: бонбонъ. Запахъ?—розетка и все, что хочешь. Ужъ такъ покутили!.. Послѣ насъ пріѣхалъ какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ—нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ: все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіе обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго.

— Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь,—замѣтилъ бѣлокурый.

— Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ,—отвѣчалъ Ноздревъ.

— Ты можешь себѣ говорить, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.

— Ну, хочешь объ закладъ, что выпью?

— Къ чему же объ закладъ?

— Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.

— Не хочу.

— Ну, да поставь, попробуй!

— И пробовать не хочу.

— Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ, то-есть, какъ я жалѣлъ, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись! Это не то, что прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые

такъ и трясутся за каждую копейку. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ, и въ банчишку, и во все, что хочешь. Эхъ, Чичиковъ, ну, что бы тебѣ стоило пріѣхать? Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ этакой! Поцѣлуй меня, душа, смерть люблю тебя! Мижуевъ, смотри: вотъ судьба свела! Ну, что онъ мнѣ или я ему? Онъ пріѣхалъ Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу... А сколько было, братъ, каретъ, и все это en gros [1]). Въ фортунку крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, если бы ты зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши на ней и трюши, и чортъ знаетъ, чего не было... Я думаю себѣ только: «Чортъ возьми!» А Кувшинниковъ, то-есть, это такая бестія, подсѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустилъ. Это онъ называетъ «попользоваться насчетъ клубнички». Рыбъ и балыковъ навезли чудныхъ. Я-таки привезъ съ собою одинъ,—хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь?

— А я къ человѣчку къ одному,—сказалъ Чичиковъ.

— Ну, что человѣчекъ? Брось его! Поѣдемъ ко мнѣ!

— Нельзя, нельзя; есть дѣло.

— Ну, вотъ ужъ и дѣло! Ужъ и выдумалъ! Ахъ, ты Оподельдокъ Ивановичъ!

— Право, дѣло, да еще и нужное.

— Пари держу, врешь! Ну, скажи только, къ кому ѣдешь?

— Ну, къ Собакевичу.

Здѣсь Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій, здоровый человѣкъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлые, какъ сахаръ, зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна, вытаращивъ очи, и произноситъ: «Экъ его разобрало!»

— Что жъ тутъ смѣшного?—сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Ноздревъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая: «Ой, пощади! Право, тресну со смѣху!»

— Ничего нѣтъ смѣшного: я далъ ему слово,—сказалъ Чичиковъ.

— Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ нему: это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь найти тамъ банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну, къ чорту Сабакевича! Поѣдемъ ко мнѣ! Какимъ балыкомъ попотчую! Пономаревъ, бестія, такъ раскланивался, говоритъ: «Для васъ только: всю ярмарку,—говоритъ,—обыщите, не найдете такого». Плутъ, однакожъ, ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ. Вы,—говорю,—съ нашимъ откупщикомъ—первые мошенники!» Смѣется, бестія, поглаживая бороду. Мы съ Кувшинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ, братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю.

— Эй, Порфирій!—закричалъ онъ, подошедши къ окну, на своего человѣка, который держалъ въ одной рукѣ ножикъ, а въ другой—корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливилось ему мимоходомъ отрѣзать, вынимая что-то изъ брички.—Эй, Порфирій!—кричалъ Ноздревъ, — принеси-ка щенка! Каковъ ще-

---

[1]) Т.-е. въ большихъ размѣрахъ.

покъ!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову.—Краденый, ни за самого себя не отдавалъ хозяинъ. Я ему сулилъ каурую кобылу, которую, помнишь, вымѣнялъ у Хвостырева...

Чичиковъ, впрочемъ, отроду не видалъ ни каурой кобылы ни Хвостырева.

— Баринъ! Ничего не хотите закусить?—сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

— Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ, давай рюмку водки. Какая у тебя есть?

— Анисовая,—отвѣчала старуха.

— Ну, давай анисовой,—сказалъ Ноздревъ.

— Давай ужъ и мнѣ рюмку,—сказалъ бѣлокурый.

— Въ театрѣ одна актриса, такъ, каналья, пѣла, какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня: «Вотъ,—говоритъ,—братъ, попользоваться бы насчетъ клубнички!» Однихъ балагановъ, я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницей.

Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко поклонилась.

— А, давай его сюда!—закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія, вошедшаго съ щенкомъ.

Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и баринъ, въ какомъ-то архалукѣ, стеганомъ на ватѣ, но нѣсколько позамасленѣй.

— Давай его, клади сюда, на полъ.

Порфирій положилъ щенка на полъ, который, растянувшись на всѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

— Вотъ щенокъ!—сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенокъ испустилъ довольно жалобный вой.

— Ты, однакожъ, не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ, — сказалъ Ноздревъ, обращаясь къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо щенка:—и не подумалъ вычесать его.

— Нѣтъ, я его вычесывалъ.

— А отчего же блохи?

— Не могу знать. Статься можетъ, какъ-нибудь изъ брички поналѣзли.

— Врешь, врешь, и не воображалъ чесать; я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри, какія уши; на-ка, пощупай рукою.

— Да зачѣмъ? Я и такъ вижу: доброй породы!—отвѣчалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!

Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, примолвивши:

— Да, хорошая будетъ собака.

— А носъ, чувствуешь, какой холодный? Возьми-ка рукою.

Не жилая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за носъ, сказавши:

— Хорошее чутье.

— Настоящій мордашъ,—продолжалъ Ноздревъ:—я, признаюсь, давно острилъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

— Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непремѣнно теперь ѣхать ко мнѣ; пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ, пожалуй, можешь и къ Собакевичу.

«А что жъ,—подумалъ про себя Чичиковъ:—заѣду-ка я въ самомъ дѣлѣ къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже другихъ? Такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все; стало-быть, у него даромъ можно кое-что выпросить».

— Изволь, ѣдемъ,—сказалъ онъ,—но чуръ не задержать: мнѣ время дорого.

— Ну, душа, вотъ это такъ! Вотъ это хорошо! Постой же, я тебя поцѣлую за это!—Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣловались.—И славно: втроемъ и покатимъ!

— Нѣтъ, ты ужъ, пожалуйста, меня-то отпусти,—говорилъ бѣлокурый,—мнѣ нужно домой.

— Пустяки, пустяки, братъ; не пущу.

— Право, жена будетъ сердиться; теперь же ты можешь пересѣсть вотъ въ ихнюю бричку.

— Ни, ни, ни! И не думай.

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противоположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергли, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку—словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

— Вздоръ!—сказалъ Ноздревъ въ отвѣтъ на какое-то представленіе бѣлокураго, надѣлъ ему на голову картузъ, и бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

— За водочку, баринъ, не заплатили...—сказала старуха.

— А хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ, заплати, пожалуйста! У меня нѣтъ ни копейки въ карманѣ.

— Сколько тебѣ?—сказалъ зятекъ.

— Да что, батюшка? Двугривенникъ всего,—сказала старуха.

— Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно съ нея.

— Маловато, баринъ,—сказала старуха, однакожъ, взяла деньги съ благодарностію и еще побѣжала впопыхахъ отворять имъ дверь: она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что стоила водка

Пріѣзжіе усѣлись. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Ноздревъ и его зять, и потому онѣ всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіе дороги. За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясчонка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадяхъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій съ щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому, можетъ-быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ.

Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однакожъ,

присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ уже въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего страшнѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ черезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ выталкивать свои же пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другими никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или провртся самымъ жестокимъ образомъ, такъ что, наконецъ, самому сдѣлается совѣстно. И навретъ совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе, наконецъ, всѣ отходятъ, произнесши: «Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули лить». Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностью, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, предъ вашими глазами, и нагадитъ вамъ; и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Такую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: «Вѣдь ты такой подлецъ,—никогда ко мнѣ не заѣдешь». Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то-есть человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти, въ какое хотите, предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь,—все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду—насколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы

это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ—съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Ноздревъ! Можетъ-быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь уже нѣтъ Ноздрева. Увы, несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можетъ-быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ пріятію. Посреди столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на нихъ, бѣлили стѣны, затягивая какую-то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлилами. Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы вонъ и выбѣжалъ въ другую комнату отдавать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать аппетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что ни было у него на деревнѣ, и въ два часа съ небольшимъ показалъ рѣшительно все, такъ что ничего ужъ больше не осталось показывать. Прежде всего пошли онѣ осматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ—гнѣдого жеребца, на видъ и неказистаго, но за котораго Ноздревъ божился, что заплатилъ десять тысячъ.

— Десять тысячъ ты за него не далъ,—замѣтилъ зять.—Онъ и одной не стоитъ.

— Ей Богу, далъ десять тысячъ,—сказалъ Ноздревъ.

— Ты себѣ можешь божаться, сколько хочешь,—отвѣчалъ зять.

— Ну, хочешь, побьемся объ закладъ?—сказалъ Ноздревъ. Объ закладъ зять не захотѣлъ биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго, по старому повѣрью, почитали необходимымъ держать при лошадяхъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волчонка, бывшаго на привязи. «Вотъ волченокъ!—сказалъ онъ.—Я его нарочно кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ». Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ, однакожъ, родственникъ не приминулъ усомниться. «Я тебѣ, Чичиковъ,—сказалъ Ноздревъ,—покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ просто наводитъ изумленіе, щитокъ—игла!» и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо-псовыхъ и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ правилами, полетѣли прямо навстрѣчу гостямъ и стали

съ ними здороваться. Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плечи. Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, наводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ,—хорошія были собаки. Потомъ пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слѣпая и, по словамъ Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но года два тому назадъ была очень хорошая сука. Осмотрѣли и суку — сука, точно, была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мельницу, гдѣ недоставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретенѣ,—*порхающій*, по чудному выраженію русскаго мужика. «А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница», сказалъ Ноздревъ. Немного прошедши, они увидѣли, точно, кузницу; осмотрѣли и кузницу.

— Вотъ на этомъ полѣ, — сказалъ Ноздревъ, указывая пальцемъ на поле, — русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги.'

— Ну, русака ты не поймаешь рукою, — замѣтилъ зять.

— А вотъ же поймалъ; нарочно поймалъ! — отвѣчалъ Ноздревъ. — Теперь я поведу тебя посмотрѣть, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову, — границу, гдѣ оканчивается моя земля.

Ноздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогами и взборонепными нивами. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду: до такой степени мѣсто было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потомъ, увидя, что это ни къ чему не служитъ, брели прямо, не разбирая, гдѣ большая, а гдѣ меньшая грязь. Прошедши порядочное разстояніе, увидѣли, точно, границу, состоявшую изъ деревяннаго столбика и узенькаго рва.

— Вотъ граница! — сказалъ Ноздревъ. — Все, что ни видишь по эту сторону, — все это мое, и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что за лѣсомъ, — все мое.

— Да когда же этотъ лѣсъ сдѣлался твоимъ? — спросилъ зять. — Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.

— Да, я купилъ его недавно, — отвѣчалъ Ноздревъ.

— Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?

— Какъ же, я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, далъ.

— Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ?

— Эхъ, ты, Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а приказчикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.

— Да, ну развѣ приказчикъ, — сказалъ зять, но и тутъ усомнился и покачалъ головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому. Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ, впрочемъ, не было замѣтно слѣдовъ того, что бываетъ въ кабинетахъ, то-есть книгъ или бумаги; висѣли только сабли и два ружья, одно въ триста, а другое въ восемьсотъ рублей. Зять, осмотрѣвши, покачалъ только головою. Потомъ были показаны турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: *Мастеръ Савелій Сибиряковъ*. Вслѣдъ за тѣмъ показалась гостямъ шарманка. Ноздревъ тутъ же повертѣлъ предъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ срединѣ ея, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась пѣснью: *Мальбругъ въ походъ попхалъ*, а *Мальбругъ въ походъ попхалъ* неожиданно завершался

какимъ-то давно знакомымъ вальсомъ. Уже Ноздревъ давно пересталъ вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ не хотѣвшая угомониться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показались трубки деревянныя, глиняныя, пѣнковыя, обкуренныя и необкуренныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисетъ, вышитый какою-то графинею, гдѣ-то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительной *сюперфлю*, — слово, вѣроятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близъ пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составлялъ у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорѣло, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеньемъ и клалъ первое, что попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ — онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попадалась — совалъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ,—словомъ, катай-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выйдетъ. Зато Ноздревъ налегъ на вина: еще не подавали супа, онъ ужъ налилъ гостямъ по большому стакану портвейна и по другому сотерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простого сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, «лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ». Мадера, точно, даже горѣла во рту, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безпощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ русскіе желудки. Потомъ Ноздревъ велѣлъ еще принесть какую-то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана — и направо и налѣво, и зятю и Чичикову; Чичиковъ замѣтилъ, однакоже, какъ-то вскользь, что самому себѣ онъ немного прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ только Ноздревъ какъ-нибудь заговаривался или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Ноздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой, къ изумленію, слышна была сивушища во всей своей силѣ. Потомъ пили какой-то бальзамъ, носившій

такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ назвалъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вина были перепробованы, но гости все еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить съ Ноздревымъ при зятѣ насчетъ главнаго предмета: все-таки зять былъ человѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ, зять врядъ ли могъ быть человѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался носомъ. Замѣтивъ и самъ, что находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ, наконецъ, отпрашиваться домой, но такимъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, какъ будто бы, по русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

— И ни, ни! Не пущу! — сказалъ Ноздревъ.

— Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право, поѣду, — говорилъ зять; — ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! Мы соорудимъ сію минуту банчишку.

— Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу; жена будетъ въ большой претензіи, право; я долженъ ей разсказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право, нужно доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!

— Ну, ее, жену, къ... Важное, въ самомъ дѣлѣ, дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!

— Нѣтъ, братъ! Она такая добрая жена. Ужъ, точно, примѣрная, такая почтенная и вѣрная! Услуги оказываетъ такія... повѣришь! у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ, ты не держи меня; какъ честный человѣкъ, поѣду. Я тебѣ въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти.

— Пусть его ѣдетъ: что въ немъ проку? — сказалъ тихо Чичиковъ Ноздреву.

— А и правду! — сказалъ Ноздревъ. — Смерть не люблю такихъ растепелей! — и прибавилъ вслухъ: — Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою, ѳетюкъ!

— Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня ѳетюкомъ [1]), — отвѣчалъ зять: — я ей жизнью обязанъ. Такая, право, добрая, милая, такія ласки оказываетъ... до слезъ разбираетъ. Спроситъ, что видѣлъ на ярмаркѣ, — нужно все разсказать... такая, право, милая.

— Ну, поѣзжай, ври ей чепуху! Вотъ картузъ твой.

— Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться; этимъ ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая.

— Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!

— Да, братъ, поѣду; извини, что не могу остаться. Душой радъ бы былъ, но не могу.

Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ уже давно сидѣлъ на бричкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не могла слышать подробностей о ярмаркѣ.

— Такая дрянь! — говорилъ Ноздревъ, стоя передъ окномъ и глядя на уѣзжавшій экипажъ. — Вонъ какъ потащился! Конекъ пристяжной недуренъ, я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтиться! Ѳетюкъ, просто ѳетюкъ!

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подалъ свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина неизвѣстно откуда взявшуюся колоду картъ.

---

[1]) „Ѳетюкъ—слово, обидное для мужчинъ, происходитъ отъ Ѳ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличною буквою".

— А что, братъ, — говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка: — ну, для препровожденія времени, держу триста рублей банку!

Но Чичиковъ прикинулся какъ будто и не слышалъ, о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ бы вдругъ припомнивъ:

— А! чтобъ не позабыть; у меня къ тебѣ просьба.

— Какая?

— Дай прежде слово, что исполнишь.

— Да какая просьба?

— Ну, да ужъ дай слово!

— Изволь.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Вотъ какая просьба: у тебя есть, чай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи?

— Ну, есть; а что?

— Переведи ихъ на меня, на мое имя.

— А на что тебѣ?

— Ну, да мнѣ нужно.

— Да на что?

— Ну, да ужъ нужно... ужъ это мое дѣло, — словомъ, нужно.

— Ну, ужъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ. Признайся, что?

— Да что жъ затѣялъ? Изъ этакого пустяка и затѣять ничего нельзя

— Да зачѣмъ же они тебѣ?

— Охъ, какой любопытный! Ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!

— Да къ чему жъ ты не хочешь сказать?

— Да что же тебѣ за прибыль знать? Ну, просто, такъ, пришла фантазія.

— Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не сдѣлаю.

— Ну, вотъ видишь, вотъ ужъ и нечестно съ твоей стороны: слово далъ, да и на попятный дворъ.

— Ну, какъ ты себѣ хочешь, а не сдѣлаю, пока не скажешь, на что.

«Что бы такое сказать ему?» подумалъ Чичиковъ и послѣ минутнаго размышленія объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстьевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хоть бы какія-нибудь душонки.

— Врешь, врешь! — сказалъ Ноздревъ, не давши окончить. — Врешь, братъ!

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ.

— Ну, такъ я жъ тебѣ скажу прямѣе, — сказалъ онъ, поправившись: — только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, комиссія! Не радъ, что связался: хотятъ непремѣнно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полусорока крестьянъ недостаетъ...

— Ну, врешь, врешь! — закричалъ опять Ноздревъ.

— Ну, вотъ ужъ здѣсь, — сказалъ Чичиковъ, — ни вотъ на столько не солгалъ, — и показалъ большимъ пальцемъ на своемъ мизинцѣ самую маленькую часть.

— Голову ставлю, что врешь!

— Однакожъ это обидно! Что же я такое, въ самомъ дѣлѣ? Почему я непремѣнно лгу?

— Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ — позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Ежели бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ.

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ. Уже всякое выраженіе, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему непріятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамильярнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія. И потому теперь онъ совершенно обидѣлся.

— Ей Богу, повѣсилъ бы, — повторилъ Ноздревъ: — я тебѣ говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а просто по-дружески говорю.

— Всему есть границы, — сказалъ Чичиковъ съ чувствомъ достоинства: — если хочешь пощеголять подобными рѣчами, такъ ступай въ казармы, — и потомъ присовокупилъ: — не хочешь подарить, такъ продай.

— Продать! да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлецъ, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ.

— Эхъ! Да ты вѣдь тоже хорошъ! Смотри ты! Что онѣ у тебя, брильянтовыя, что ли?

— Ну, такъ и есть. Я ужъ тебя зналъ.

— Помилуй, братъ, что жъ у тебя за жидовское побужденіе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ.

— Ну, послушай: чтобъ доказать тебѣ, что я вовсе не какой-нибудь скалдырникъ, я не возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу.

— Помилуй, на что жъ мнѣ жеребецъ? — сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ.

— Какъ на что? Да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре.

— Да на что мнѣ жеребецъ? Завода я не держу.

— Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ.

— Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!

— Ну, купи каурую кобылу.

— И кобылы не нужно.

— За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи.

— Да не нужно мнѣ лошади.

— Ты ихъ продашь, тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше.

— Такъ лучше жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое.

— Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду.

Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня и отъ каурой кобылы.

— Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто — морозъ по кожѣ подираетъ! брудастая съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина, бочковатость реберъ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ—земли не задѣнетъ.

— Да зачѣмъ мнѣ собаки? Я не охотникъ.

— Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Самому, какъ

честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдаю за девятьсотъ рублей.

— Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы, тащася съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги.

— Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носятъ нѣмцы. Это органъ; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще!

Здѣсь Ноздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и не увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ.

— Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи.

— Ну, вотъ еще? А я-то въ чемъ поѣду?

— Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо бричка.

«Эхъ, его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ!» подумалъ про себя Чичиковъ и рѣшился, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ всякихъ бричекъ, шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ, несмотря на непостижимую уму бочковатость реберъ и комкость лапъ.

— Да вѣдь бричка, шарманка и мертвыя души, — все вмѣстѣ.

— Не хочу! — сказалъ еще разъ Чичиковъ.

— Отчего жъ ты не хочешь?

— Оттого, что, просто, не хочу — да полно.

— Экой ты, право, такой! Съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами... такой, право!.. Сейчасъ видно, что двуличный человѣкъ!

— Да что же я, дуракъ, что ли? Ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь, рѣшительно для меня ненужную?

— Ну, ужъ, пожалуйста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалія! Ну, послушай: хочешь, метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже.

— Ну, рѣшаться въ банкъ — значитъ подвергаться неизвѣстности, — говорилъ Чичиковъ и между тѣмъ взглянулъ искоса на бывшія въ рукахъ у него карты. Обѣ таліи ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

— Отчего жъ неизвѣстности? — сказалъ Ноздревъ. — Никакой неизвѣстности! Будь только на твоей сторонѣ счастіе, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! Экое счастье! — говорилъ онъ, начиная метать для возбужденія задора. — Экое счастье! Экое счастье! Вонъ: такъ и колотитъ! Вонъ та проклятая девятка, на которой я все просадилъ! Чувствовалъ, что продастъ, да уже, зажмуривъ глаза, думаю себѣ: «Чортъ тебя побери, продавай, проклятая!»

Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

— Отчего жъ ты не хочешь играть?—сказалъ Ноздревъ.

— Ну, оттого, что не расположенъ. Да, признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть.

— Отчего жъ не охотникъ?

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ:

— Потому что не охотникъ.

— Дрянь же ты!

— Что жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ.

— Өстюкъ, просто! Я думалъ было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близкимъ... Никакого прямодушія ни искренности! Совершенный Собакевичъ, такой подлецъ!

— Да за что же ты бранишь меня? Виноватъ развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздора.

— Чорта лысаго получишь! Хотѣлъ было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хоть три царства давай—не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи кошоху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно.

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

— Лучше бы ты мнѣ, просто, на глаза не показывался! — сказалъ Ноздревъ.

Несмотря, однакожъ, на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ-то кипрскимъ, которое было то, что называютъ кислятина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель.

— Вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ.

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то, что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время; но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ; поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого рода, чтобы быть ввѣрену Ноздреву... Ноздревъ—человѣкъ-дрянь, Ноздревъ можетъ наврать, прибавить, распустить, чортъ знаетъ что, выйдутъ еще какія-нибудь сплетни... Нехорошо, нехорошо.

«Просто, дуракъ я», говорилъ онъ самъ себѣ.

Ночь спалъ онъ очень дурно. Какія-то маленькія пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая:

— А, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ!

Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его по-дружески и спросилъ, каково ему спалось.

— Такъ себѣ,—отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

— А я, братъ,—говорилъ Ноздревъ:—такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнусно разсказывать; и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь, снилось, что меня высѣкли, ей-ей! И, вообрази, кто? Вотъ ни за что не угадаешь: штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.

«Да,—подумалъ про себя Чичиковъ,—хорошо бы, если бъ тебя отодрали наяву».

— Ей Богу! Да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается; вѣрно, вѣдьмы блохи. Ну, ты ступай теперь, одѣвайся, я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлеца-приказчика.

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою

рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина: кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, не замедлившій скоро войти, ничего не имѣлъ у себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ, подобно цырюльнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

— Ну, такъ какъ же думаешь?—сказалъ Ноздревъ, немного помолчавши:— не хочешь играть на души?

— Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю; купить—изволь куплю.

— Продать я не хочу: это будетъ не по-пріятельски. Я не стану снимать плевы съ чортъ знаетъ чего. Въ банчикъ—другое дѣло. Прокинемъ хоть талію!

— Я ужъ сказалъ, что нѣтъ.

— А мѣняться не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, послушай: сыграемъ въ шашки; выиграешь—твои всѣ. Вѣдь у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу!

— Напрасенъ трудъ: я не буду играть.

— Да вѣдь это не въ банкъ; тутъ никакого не можетъ быть счастія или фальши: все вѣдь отъ искусства. Я даже тебя предваряю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что-нибудь мнѣ дашь впередъ.

«Семъ-ка я,—подумалъ про себя Чичиковъ,—сыграю съ нимъ въ шашки. Въ шашки игрывалъ я недурно, а на штуки ему здѣсь трудно подняться».

— Изволь, такъ и быть, въ шашки сыграю.

— Души идутъ въ ста рубляхъ!

— Зачѣмъ же? Довольно, если пойдутъ въ пятидесяти.

— Нѣтъ, что жъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше жъ въ эту сумму я включу тебѣ какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку къ часамъ.

— Ну, изволь,—сказалъ Чичиковъ.

— Сколько же ты мнѣ дашь впередъ?—сказалъ Ноздревъ.

— Это съ какой стати? Конечно, ничего.

— По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода.

— Не хочу: я самъ плохо играю.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!—говорилъ Чичиковъ, подвигая тоже шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете,—сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ,—говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ, подвигая шашку, да въ то же самое время подвинулъ обшлагомъ рукава и другую шашку.

— Давненько не бралъ я въ руки!.. Э, э! Это, братъ, что? Отсади-ка ее назадъ!—говорилъ Чичиковъ.

— Кого?

— Да шашку-то,—сказалъ Чичиковъ, и въ то же время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки. Откуда она взялась, это одинъ только Богъ зналъ.—Нѣтъ,—сказалъ

Чичиковъ, вставши изъ-за стола,—съ тобой нѣтъ никакой возможности играть. Этакъ не ходятъ—по три шашки вдругъ.

— Отчего жъ по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь.

— А другая-то откуда взялась?

— Какая другая?

— А вотъ эта, что пробирается въ дамки?

— Вотъ тебѣ на! Будто не помнишь!

— Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!

— Какъ—гдѣ мѣсто?—сказалъ Ноздревъ, покраснѣвши. — Да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!

— Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты—сочинитель, да только неудачно.

— За кого жъ ты меня почитаешь?—говорилъ Ноздревъ.—Стану я развѣ плутовать?

— Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться,—говорилъ Ноздревъ, горячась:—игра начата!

— Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку.

— Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!

— Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!

— Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь; ты долженъ кончить партію!

— Этого ты меня не заставишь сдѣлать,—сказалъ Чичиковъ хладнокровно и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Ноздревъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

— Я тебя заставлю играть. Это ничего, что ты смѣшалъ шашки! Я помню всѣ ходы. Мы ихъ поставимъ опять такъ, какъ были.

— Нѣтъ, братъ, дѣло кончено: я съ тобою не стану играть.

— Такъ ты не хочешь играть?

— Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ возможности играть.

— Нѣтъ, скажи напрямикъ: ты не хочешь играть? — говорилъ Ноздревъ, подступая еще ближе.

— Не хочу,—сказалъ Чичиковъ и поднесъ, однакожъ, обѣ руки на всякій случай ближе къ лицу, ибо дѣло становилось въ самомъ дѣлѣ жарко.

Эта предосторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся [illegible]кой... и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и полныхъ щекъ нашего героя покрылась бы несмываемымъ безчестіемъ; но, счастливо отведши ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя его руки и держалъ его крѣпко.

— Порфирій! Павлушка!—кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было безполезно, выпустилъ его руки. Въ это самое время вошелъ Порфирій и съ нимъ Павлушка, парень дюжій, съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

— Такъ ты не хочешь оканчивать партіи?—говорилъ Ноздревъ.—Отвѣчай мнѣ напрямикъ!

— Бейте его!—кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость.

— Партіи нѣтъ возможности оканчивать,—говорилъ Чичиковъ и заглянулъ въ окно.

Онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая, а Селифанъ ожидалъ, казалось, мановенія, чтобы подкатить подъ крыльцо; но изъ комнаты не было никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣпостныхъ дурака.

— Такъ ты не хочешь доканчивать партіи?—повторилъ Ноздревъ съ лицомъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ.

— Если бъ ты игралъ, какъ прилично честному человѣку... но теперь не могу.

— А! такъ ты не можешь, подлецъ! Когда увидѣлъ, что не твоя беретъ, такъ и не можешь! Бейте его!—кричалъ онъ изступленно, обратившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ.

Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука.

— Бейте его!—кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость.—Бейте его!—кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричитъ своему взводу: «Ребята, впередъ!» какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже пріобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. «Ребята, впередъ!» кричитъ онъ, порываясь, не помышляя, что вредитъ уже обдуманному плану общаго приступа, что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ, какъ пухъ, на воздухъ его безсильный взводъ и что уже свищетъ роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступавшаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ, крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Уже стулъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его; уже, зажмуривъ глаза, ни живъ ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать черкесскаго чубука своего хозяина, и, Богъ знаетъ, чего бы ни случилось съ нимъ; но судьбамъ угодно было спасти бока, плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ, какъ съ облаковъ, задребезжавшіе звуки колокольчика, раздался ясно стукъ колесъ подлетѣвшей къ крыльцу телѣги, и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно: кто-то съ усами, въ полувоенномъ сюртукѣ, вылѣзалъ изъ телѣги. Освѣдомившись въ передней, вошелъ онъ въ ту самую минуту, когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

— Позвольте узнать, кто здѣсь г. Ноздревъ?—сказалъ незнакомецъ, посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноздрева, который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ, и на Чичикова, который едва начиналъ оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

— Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить,—сказалъ Ноздревъ, подходя къ нему ближе.

— Капитанъ-исправникъ.

— А что вамъ угодно?

— Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе, что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу.

— Что за вздоръ, по какому дѣлу?—сказалъ Ноздревъ.

— Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ.

— Вы врете! Я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова.

— Милостивый государь, позвольте вамъ доложить, что я — офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ.

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что будетъ отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку, да по за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

ГЛАВА V.

Герой нашъ трухнулъ, однакожъ, порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую, и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками, но онъ все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня. Дыханіе его переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось, какъ перепелка въ клѣткѣ.

«Эхъ, какую баню задалъ! Смотри ты, какой!»

Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; попались даже и нехорошія слова. Что жъ дѣлать? Русскій человѣкъ да еще и всердцахъ! Къ тому дѣло было совсѣмъ нешуточное.

«Что ни говори, — сказалъ онъ самъ въ себѣ, — а не подоспѣй капитанъ-исправникъ, мнѣ бы, можетъ-быть, не далось болѣе и на свѣтъ Божій взглянуть! Пропалъ бы какъ волдырь на водѣ, безъ всякаго слѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія ни честнаго имени».

Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

«Экой скверный баринъ!—думалъ про себя Селифанъ:—я еще не видалъ такого барина. То-есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любитъ овесъ. Это его продовольство: что, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство».

Кони тоже, казалось, думали невыгодно о Ноздревѣ; не только гнѣдой и Засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпалъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: «Эхъ, ты, подлецъ!» но, однакожъ, это все-таки былъ овесъ, а не простое сѣно; онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо, когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно,—нехорошо! Всѣ были недовольны.

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди изліяній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулися только тогда, когда на нихъ наскакала коляска съ шестерикомъ коней и почти надъ головами ихъ раздался крикъ сидѣвшихъ въ коляскѣ дамъ, брань и угрозы чужого кучера:

— Ахъ, ты мошенникъ этакой! Вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: «Сворачивай, ворона, направо!»—Пьянъ ты, что ли?

Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ, пріосанясь:

— А ты что жъ такъ разскакался? Глаза-то свои въ кабакѣ заложилъ, что ли?

Вслѣдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было,—все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ сидѣвшія въ коляскѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая—молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца; ея тоненькія ушки также сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы,—все это въ ней было такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами.

— Отсаживай, что ли, нижегородская ворона!—кричалъ чужой кучеръ.

Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ то же, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ обстоятельствѣ чубарому копю такъ понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колеи, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что-то нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣроятно, чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхивалъ ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожъ, собраться мужики изъ деревни, которая была, къ счастію, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика—сущая благодать, все равно, что для нѣмца газеты или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята. Постромки отвязали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попятиться; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями, или, просто, дурь,—только сколько не хлысталъ ихъ кучеръ, они не двигались и стояли, какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возросло до невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ:

— Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что съ правой стороны, а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на коренного! Садись, дядя Митяй!

Сухощавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, но не тутъ-то было: ничего не пособилъ дядя Митяй.

— Стой, стой!—кричали мужики.—Садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!

Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ, съ черною, какъ уголь, бородою и брюхомъ, похожимъ на тотъ исполинскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли.

— Теперь дѣло пойдетъ,—кричали мужики.—Накаливай, накаливай его! Пришпандорь кнутомъ вонъ того, соловаго,—что онъ корячится, какъ корамора [1])?

[1]) „*Корамора*—большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ онъ въ комнату и торчитъ гдѣ-нибудь одиночкой на стѣнѣ. Къ нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ на что онъ только топырится, или корячится, какъ говоритъ народъ".

Но увидѣвши, что дѣло не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сѣли оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконецъ кучеръ, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя и дядю Миняя; и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватали, не переводя духа, станцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою.

Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ скрылась, какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась—дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ,—вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями, сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже, вдругъ совершенно неожиданнымъ образомъ показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась. Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша—гусаръ ли онъ, студентъ ли онъ, или, просто, только что начавшій жизненное поприще—и Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи вдаль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры, и распеканья за промедленіе, позабывъ и себя, и службу, и міръ, и все, что ни есть въ мірѣ.

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумался и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. «Славная бабёшка!—сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку.—Но вѣдь что, главное, въ ней хорошо?—Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института; что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то-есть, именно того, что у нихъ есть самаго непріятнаго. Она теперь, какъ дитя; все въ ней просто: она скажетъ, что ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выйти и дрянь,—и выйдетъ дрянь! Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость и чопорность; станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ; станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ и какъ и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно; запутается, наконецъ, сама, и кончится тѣмъ, что станетъ, наконецъ, врать всю жизнь, и выйдетъ, просто, чортъ знаетъ что!» Здѣсь онъ нѣсколько времени помолчалъ и потомъ прибавилъ: «А любопытно бы знать, чьихъ она? Что, какъ ея отецъ? Богатый ли помѣщикъ почтеннаго

права или, просто, благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень-очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка». Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, зачѣмъ въ продолженіе хлопотни около экипажей не развѣдалъ отъ форейтора или кучера, кто такія были проѣзжающія. Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла его мысли и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла—одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темносѣрыми или, лучше, дикими стѣнами,—домъ въ родѣ тѣхъ, какіе у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну съ боку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тоже срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна почти въ одно время два лица: женское, въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское—круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой курткѣ съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто:

— Прошу!

И повелъ его во внутреннія жилья.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура недолго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ; хватила въ другой—вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ,

сказавши: «Живетъ!» Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ: «Не безпокоилъ ли я васъ?» Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показалъ на кресла, сказавши опять: «Прошу!» Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими греками, неизвѣстно какимъ образомъ и для чего, помѣстился Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щеголей, которые наполняютъ нынѣшнія гостиныя. Хозяинъ, будучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины, у самаго окна, висѣла клѣтка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепцѣ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, какъ пальма.

— Это моя Ѳеодулія Ивановна, — сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны, которую она почти впихнула ему въ губы, при чемъ онъ имѣлъ случай замѣтилъ, что руки были вымыты огуречнымъ разсоломъ.

— Душенька, рекомендую тебѣ, — продолжалъ Собакевичъ: — Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться.

Ѳеодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: «Прошу!» и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериносовымъ платкомъ и уже не двигнула болѣе ни глазомъ ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ клѣткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что въ ней ни было: все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома. Въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ — совершенный медвѣдь. Столъ, кресла, стулья, — все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: «И я тоже Собакевичъ!» или: «И я тоже очень похожъ на Собакевича!»

— Мы о васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича, — сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, видя, что никто не располагается начинать разговора, — въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время.

— Да, я не былъ тогда у предсѣдателя, — отвѣчалъ Собакевичъ

— А прекрасный человѣкъ!

— Кто такой? — сказалъ Собакевичъ, глядя на уголъ печи.

— Предсѣдатель.

— Ну, можетъ-быть, это вамъ такъ показалось: онъ только что масонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ.

Чичиковъ немного озадачился такимъ, отчасти рѣзкимъ, опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ:

— Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но зато губернаторъ — какой превосходный человѣкъ!

— Губернаторъ — превосходный человѣкъ?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойникъ въ мірѣ!

— Какъ, губернаторъ — разбойникъ! — сказалъ Чичиковъ и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники. — Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ, — продолжалъ онъ. — Но позвольте, однакоже, замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много. — Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

— И лицо разбойничье! — сказалъ Собакевичъ. — Дайте ему только ножъ да выпустите его на большую дорогу, — зарѣжетъ, за копейку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога и Магога [1]).

«Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ, — подумалъ про себя Чичиковъ. — А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицмейстерѣ: онъ, кажется, другъ его».

— Впрочемъ, что до меня, — сказалъ онъ, — мнѣ, признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицмейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что-то простосердечное.

— Мошенникъ! — сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно: — продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ — христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья.

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ, біографій Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

— Что жъ, душенька, пойдемъ обѣдать, — сказала Собакевичу его супруга.

— Прошу! — сказалъ Собакевичъ.

За симъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, по рюмкѣ водки; закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то-есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли всѣ въ столовую; впереди ихъ, какъ плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро—трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка, или, просто, проживающая въ домѣ,—что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отроду еще не выходило слово изъ такихъ устъ; а гдѣ-нибудь въ дѣвичьей или въ кладовой окажется просто — ого-го!

---

[1]) Гогъ и Магогъ—апокалипсическіе страшные народы.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Томъ первый.

ГЛАВА I.

Въ ворота гостиницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ,— словомъ, всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности; не слишкомъ толстъ, но слишкомъ тонокъ, нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ, и не такъ, что бы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ.

— Вишь ты,—сказалъ одинъ другому,—вонъ какое колесо! Что ты думаешь: доѣдетъ то колесо, если бъ случилось, въ Москву или не доѣдетъ?

— Доѣдетъ, — отвѣчалъ другой.

— А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?

— Въ Казань не доѣдетъ, — отвѣчалъ другой.

Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеніями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ въѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ называютъ въ русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой степени, что даже нельзя было разсмотрѣть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотонномъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревянной галлереѣ показывать ниспосланный ему Богомъ покой. Покой былъ извѣстнаго рода, ибо гостиница была тоже извѣстнаго рода, то-есть именно такая, какъ бываютъ гостиницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядываю-

щими, какъ черносливъ, изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе всегда заставленною комодомъ, гдѣ устраивается сосѣдъ, молчаливый и спокойный человѣкъ, но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго. Наружный фасадъ гостиницы отвѣчалъ ея внутренности; она была очень длинна, въ два этажа; нижній не былъ выштукатуренъ и оставался въ темно-красныхъ карпичикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно было подумать, что на окнѣ стояли два самовара, если бы одинъ самоваръ не былъ съ черною, какъ смоль, бородою.

Пока пріѣзжій господинъ осматривалъ свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывающій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человѣкъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ карельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устраиваться въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую трехногую кровать, накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ какъ блинъ и, можетъ быть, такъ же замаслившимся, какъ блинъ, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамѣстъ слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ эти общія залы всякій проѣзжающій знаетъ очень хорошо

тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шестъ и самъ-семъ испивать свою извѣстную пару чаю; тотъ же закопченный потолокъ; та же копченая люстра со множествомъ висящихъ стеклышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякій разъ, когда половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу; тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками; словомъ, все то же, что и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно, въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ. Господинъ скинулъ съ себя картузъ и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, какую женатымъ приготовляетъ своими руками супруга, снабжая приличными наставленіями, какъ закутываться, а холостымъ — навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, Богъ ихъ знаетъ: я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Покамѣстъ ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно сберегаемымъ для проѣзжающихъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, мозги съ горошкомъ, сосиски съ капустой, пулярка жареная, огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового, разсказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много ли даетъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ, на что половой по обыкновенію отвѣчалъ:

— О, большой, сударь, мошенникъ.

Какъ въ просвѣщенной Европѣ, такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много почтенныхъ людей, которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ, чтобъ не поговорить со слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ, пріѣзжій дѣлалъ не все пустые вопросы, онъ съ чрезвычайною точностію разспросилъ, кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокуроръ, — словомъ, не пропустилъ ни одного значительнаго чиновника; еще съ большею точностію, если даже не съ участіемъ, разспросилъ

обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ: сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто пріѣзжаетъ въ городъ; разспросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи — повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ и съ такою точностію, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство. Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то солидное и высморкивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ какъ труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство пріобрѣло, однакожъ, ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ что онъ всякій разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: «Не нужно ли чего?» Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ-то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать и приказалъ отвести себя въ свой номеръ, гдѣ, прилегши, заснулъ два часа. Отдохнувши, онъ написалъ на лоскуткѣ бумажки, по просьбѣ трактирнаго слуги, чинъ, имя и фамилію для сообщенія, куда слѣдуетъ, въ полицію. На бумажкѣ половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: «Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ». Когда половой все еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился посмотрѣть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ, ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ: сильно била въ глаза желтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревянныхъ. Дома были въ одинъ, два и полтора этажа, съ вѣчнымъ мезониномъ, очень красивымъ по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти дома казались затерянными среди широкой, какъ поле, улицы и нескончаемыхъ деревянныхъ заборовъ; мѣстами сбивались въ кучу, и здѣсь было замѣтно болѣе движенія народа и живости. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и надписью какого-то Аршавскаго портного; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: «Иностранецъ Василій Ѳедоровъ»; гдѣ нарисованъ былъ бильярдъ съ двумя игроками во фракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки были изображены съ прицѣлившимися кіями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только что сдѣлавшими на воздухѣ антраша. Подъ всѣмъ этимъ было написано: «И вотъ заведеніе». Кое-гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаще же всего замѣтно было потемнѣвшихъ двуглавыхъ государственныхъ орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: «Питейный домъ». Мостовая вездѣ была плоховата. Онъ заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ, хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что «городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день», и что при этомъ «было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику». Разспросивши подробно будочника,

куда можно пройти ближе, если понадобится, къ собору, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ губернатору, онъ отправился взглянуть на рѣку, протекавшую посреди города; дорогою оторвалъ прибитую къ столбу афишу, съ тѣмъ, чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливреѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой, прямо въ свой номеръ, поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ усѣлся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый глазъ. Впрочемъ, замѣчательнаго немного было въ афишкѣ: давалась драма г. Коцебу [1]), въ которой Ролла игралъ

Покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или полового, разсказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много ли дастъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ.

г. Поплёвинъ, Кору — дѣвица Зяблова, прочія лица были и того менѣе замѣчательны; однакоже онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи губернскаго правленія; потомъ переворотилъ на другую сторону — узнать, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опрятно и положилъ въ свой ларчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все, что ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ порціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ щей и крѣпкимъ сномъ во всю носовую завертку, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго русскаго государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ. Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ ни тонокъ собой,

---

[1]) Коцебу—нѣмецкій писатель конца XVIII и начала XIX вѣка.

имѣлъ на шеѣ Анну, и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ, былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю. Потомъ отправился къ вице-губернатору, потомъ былъ у прокурора, у предсѣдателя палаты, у полицмейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками... Жаль, что нѣсколько трудно упомнить всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность насчетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь, какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы. Полицмейстеру сказалъ что-то очень лестное насчетъ городскихъ будочниковъ, а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза: «ваше превосходительство», что очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники тоже, съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то общими мѣстами, съ замѣтною скромностью, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ—не значащій червь міра сего и недостоинъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать, наконецъ, мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовленіе къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ пріѣзжемъ оказалась такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано. Послѣ небольшого послѣобѣденнаго сна онъ приказалъ подать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ щеки, подперши ихъ изнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги; потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ манишку, выщипнулъ вылѣзшіе изъ носу два волоска и непосредственно за тѣмъ очутился во фракѣ брусничнаго цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ, одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по безконечно широкимъ улицамъ, озареннымъ тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ, губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хоть бы и для бала: коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали,—словомъ, все, какъ нужно. Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ, дѣти всѣ глядятъ, собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ

воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, пользуясь подслѣпова-
гостію старухи и солнцемъ, безпокоящимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски,
гдѣ вразбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ
того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не
съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только по азать себя, пройтись взадъ и впе-
редъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки,
или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія
лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться, и опять улетѣть, и
опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами. Не успѣлъ Чичик въ
осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, к торый пред-
ставилъ его тутъ же губернаторшѣ. Пріѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя:
онъ сказалъ какой-то коплиментъ, весьма приличный для человѣка сре нихъ
лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не слишкомъ малый. Когда
установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши
руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. Многія дамы
были очень хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что Богъ послалъ въ
губернскій г родъ. Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни
тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого
рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ: имѣли
такъ же весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанные бакенбарды или пр сто
благовидные, весьма гладко выбритые овалы лицъ, такъ небрежно подсѣдали
къ дамамъ, такъ же говорили по-французски и смѣшили дамъ такъ же, какъ
и въ Петербургѣ. Другой родъ мужчинъ составляли толстые или такіе же, какъ
Чичиковъ, т.-е. не такъ чтобы слишкомъ толстые, однакожъ и не тонкіе. Эти,
напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сто-
ронамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста.
Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто
былъ и рябоватъ, волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями,
ни на манеръ *чортъ меня побери*, какъ говорятъ французы; волосы у нихъ
были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закруглен-
ныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ.—Увы!—толстые
умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе
служатъ больше по особеннымъ порученіямъ или только числятся и виляютъ туда
и сюда: ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ н надежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а всѣ прямыя, и
ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто
затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска
они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ,
зато въ шкатулкахъ благодать Божія. У тоненькаго въ три года не остается
ни одной души, не заложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно глядь—и
явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ
другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города—деревенька, потомъ и село
со всѣми угодьями. Наконецъ, толстый, послужившій Богу и государю, заслу-
живши всеобщее уваженіе, оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣ-
щикомъ, славнымъ русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо жи-
ветъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю,
на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода
размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ обще-
ство, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ, наконецъ, присоединился къ тол-
стымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: прокурора, съ весьма черными
густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ такъ, какъ будто

бы говорилъ: «Пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу»—человѣка, впрочемъ, серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго человѣка, но остряка и философа; предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго человѣка,—которые всѣ привѣтствовали его какъ стариннаго знакомаго, на что Чичиковъ раскланивался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ, не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: «Прошу прощенія». Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда, наконецъ, предаются занятію дѣльному. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физіономію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама: «Пошла, старая попадья!» если же король: «Пошелъ, тамбовскій мужикъ!» А предсѣдатель приговаривалъ: «А я его по усамъ! А я ее по усамъ!» Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: «А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!» или же просто восклицанія: «Черви! Червоточина! Пикенція!» или «Пикендрасъ! Пичурущухъ! Пичура!» и даже просто: «Пичукъ!»—названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры спорили, какъ водится, довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спорилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: «Вы пошли», но «вы изволили пойти; я имѣлъ честь покрыть вашу двойку», и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіалки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотчасъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность, ибо прежде всего разспросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился, какъ имя и отчество. Въ немного времени онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человѣкъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе, какъ сахаръ, и щурившій ихъ всякій разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню, къ которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы, на что Чичиковъ, съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и искреннимъ пожатіемъ руки, отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почтетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: «И ко мнѣ прошу», шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ полицмейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ, между прочимъ, онъ познакомился съ помѣщикомъ Ноздревымъ, человѣкомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему, послѣ трехъ-четырехъ словъ, началъ говорить *ты*. Съ полицмейстеромъ и прокуроромъ

Ноздревъ тоже былъ на *ты* и обращался по-дружески; но, когда сѣли играть въ большую игру, полицмейстеръ и прокуроръ чрезвычайно внимательно разсматривали его взятки и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у предсѣдателя палаты, который принималъ гостей своихъ въ халатѣ, нѣсколько замасленномъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ-то дамъ. Потомъ былъ на вечерѣ у вице-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который, впрочемъ, стоилъ большого; на закускѣ послѣ обѣдни, данной городскимъ главою, которая тоже стоила обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостиницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть. Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ найтиться и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ—онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ—и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою, — онъ показалъ, что ему не безызвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о бильярдной игрѣ—и въ бильярдной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили о добродѣтели—и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина—и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ—и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы и самъ былъ и чиновникомъ и надсмотрщикомъ. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни повороти, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны пріѣздомъ новаго лица. Губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ—благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ, что онъ — дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ—ученый человѣкъ; предсѣдатель палаты, что онъ—знающій и почтенный человѣкъ; полицмейстеръ, что онъ—почтенный и любезный человѣкъ; жена полицмейстера, что онъ—любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ. Даже самъ Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ хорошей стороны, пріѣхавши довольно поздно изъ города и уже совершенно раздѣвшись и легши на кровать подлѣ худощавой жены своей, сказалъ ей: «Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ и у полицмейстера обѣдалъ и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препріятный человѣкъ!» На что супруга отвѣчала: «Гмъ!» и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе, весьма лестное для гостя, составилось о немъ въ городѣ, и оно держалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ одно странное свойство гостя и предпріятіе, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, пассажъ, о которомъ читатель скоро узнаетъ, не привело въ совершенное недоумѣніе почти весь городъ.

ГЛАВА II.

Уже болѣе недѣли пріѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень пріятно время. Наконецъ онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. Можетъ-быть, къ сему побудила его другая, болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьезное, близшее къ сердцу... Но обо всемъ этомъ читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую потомъ раздвинуться шире и про-

сторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло. Кучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить лошадей въ извѣстную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатой и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они — лица не такъ замѣтныя и то, что называютъ второстепенныя или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ, но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, несмотря на то, что самъ человѣкъ русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, не много времени и мѣста, потому что не много нужно прибавить къ тому, что уже читатель знаетъ, то-есть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча ■ имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т.-е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь или молитвенникъ, — онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему правилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самаго чтенія, что вотъ де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое иной разъ чортъ знаетъ, что и значитъ. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи, въ передней, на кровати ■ на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ-нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ весьма щекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ привередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только поморщивался да встряхивалъ головою, приговаривая: «Ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потѣешь, что ли? Сходилъ бы ты хоть въ баню». На что Петрушка ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь дѣломъ: или подходилъ со щеткой къ висѣвшему барскому фраку, или просто прибиралъ что-нибудь. Что думалъ онъ въ то время, когда молчалъ? Можетъ-быть, онъ говорилъ про себя: «И ты, однакожъ, хорошъ; не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же...» Богъ вѣдаетъ, трудно знать, что думаетъ дворовый крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе. Итакъ, вотъ что на первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ былъ совершенно другой человѣкъ... Но авторъ весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ-быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, — тѣ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на

все, что ни пресмыкается у ногъ его, или, что еще хуже, можетъ-быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ ни прискорбно то и другое, а все, однакожъ, нужно возвратиться къ герою. Итакъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что дѣлалось только по воскреснымъ днямъ, — а въ тотъ день случилось воскресенье, — выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящій атласъ, въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: «Баринъ, подай сиротинкѣ!» Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Не безъ радости былъ вдали узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мукѣ, будетъ скоро конецъ, и, еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся, наконецъ, по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги: кочки, ельникъ, низенькіе жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій вересъ и тому подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по снурку деревни, постройкою похожія на старыя складинныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями, въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ по обыкновенію зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчинныхъ тулупахъ; бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные. Проѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потрафить на ладъ. На вопросъ: «Далеко ли деревня Заманиловка», мужики сняли шляны, и одинъ изъ нихъ, бывшій поумнѣе и носившій бороду клиномъ, отвѣчалъ:

— Маниловка, можетъ-быть, а не Заманиловка.

— Ну, да, Маниловка.

— Маниловка! А какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, то есть, такъ прямо направо.

— Направо? — отозвался кучеръ.

— Направо, — сказалъ мужикъ. — Это будетъ тебѣ дорога въ Маниловку а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, то-есть, ея прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо, на горѣ, увидишь домъ каменный, въ два этажа, — господскій домъ, въ которомъ, то-есть, живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки совсѣмъ нѣтъ никакой здѣсь и не было.

Поѣхали отыскивать Маниловку. Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу; но уже и двѣ, и три, и четыре версты, кажется, сдѣлали, а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ къ себѣ въ деревню за пятнадцать верстъ, то значитъ, что въ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка немногихъ могла заманить своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то-есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по-англійски двѣ-три клумбы съ кустами сирени и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храмъ уединеннаго размышленія»; пониже прудъ, покрытый зеленью, что, впрочемъ, не въ диковинку въ аглицкихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и часію по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ ту жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухсотъ. Нигдѣ между ними растущаго деревца или какой нибудь зелени; вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянные кляча [1]) изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака, и блестѣла по авшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что-то перебранивались. Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта, какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ, этого, впрочемъ, мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ. Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ перемѣнчивой погоды, который, несмотря на то, что голова продолблена была до самаго мозгу носами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными, какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоновомъ [2]) сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

— Павелъ Ивановичъ! — вскричалъ онъ наконецъ, когда Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички. — Насилу вы-таки насъ вспомнили!

---

[1]) Клячъ—короткій шестъ. [2]) Шалонъ—тонкая шерстяная матерія.

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ-нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно — черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый, какъ огонь, плащъ, — и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей, — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: *люди такъ себѣ, ни то, ни сё, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ*, по словамъ пословицы. Можетъ-быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: «Какой пріятный и добрый человѣкъ!» Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: «Чортъ знаетъ, что такое!» и отойдешь подальше; если жъ не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ — сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій — мастеръ лихо пообѣдать; четвертый — сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый — съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтиться на гуляньѣ съ флигель-адъютантомъ, на показъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, — словомъ, у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частью размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ-то само собою. Когда приказчикъ говорилъ: «Хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать», «Да недурно», отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. «Да, именно недурно», повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: «Баринъ, позволь отлучиться на работу, подать заработать»: «Ступай», говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ

о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма недешево; но на два кресла ея недостало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: «Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель». Ввечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перламутровымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ, хотя этого не замѣчали ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Несмотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ». Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы — какой-нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая—работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіе его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? Зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? Зачѣмъ воровка ключница? Зачѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? Зачѣмъ вся дворня спитъ немилосерднымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепіано, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепіано, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, то-есть вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепіано. Разные бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ

героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ, — говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы — гость, — говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь; пожалуйста, проходите, — говорилъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю.

— Почему жъ образованному?.. Пожалуйста, проходите!

— Ну, да ужъ извольте проходить вы.

— Да отчего жъ?

— Ну, да оттого! — сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ и нѣсколько притиснули другъ друга.

— Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою, — сказалъ Маниловъ. — Душенька, Павелъ Ивановичъ!

Чичиковъ, точно, увидѣлъ даму, которою онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна, одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла. Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила, нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ.

— Да, — примолвилъ Маниловъ, — ужъ она, бывало, все спрашиваетъ меня: — «Да что же твой пріятель не ѣдетъ?» — Погоди, душенька, пріѣдетъ. — А вот вы, наконецъ, и удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое, право, доставили наслажденіе — майскій день... именины сердца...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ ни даже ранга замѣтнаго.

— Вы все имѣете, — прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою, — все имѣете, даже еще болѣе.

— Какъ вамъ показался нашъ городъ? — примолвила Манилова. — Пріятно ли провели тамъ время?

— Очень хорошій городъ, прекрасный городъ, — отвѣчалъ Чичиковъ: — и время провелъ очень пріятно: общество самое обходительное.

— А какъ вы нашли нашего губернатора? — сказала Манилова.

— Не правда ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ? — прибавилъ Маниловъ.

— Совершенная правда, — сказалъ Чичиковъ: — препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей.

— Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ, — присовокупилъ Маниловъ съ улыбкою и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

— Очень обходительный и пріятный человѣкъ, — продолжалъ Чичиковъ: — и какой искусникъ! Я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить.

— А вице-губернаторъ, не правда ли, какой милый человѣкъ? — сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

— Очень, очень достойный человѣкъ, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицмейстеръ? Не правда ли, что очень пріятный человѣкъ?

— Чрезвычайно пріятный, и какой умный, какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ!

— Ну, а каково вы мнѣнія о женѣ полицмейстера? — прибавила Манилова. — Не правда ли, прелюбезная женщина?

— О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю, — отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили предсѣдателя палаты, почтмейстера и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми.

— Вы всегда въ деревнѣ проводите время? — сдѣлалъ, наконецъ, въ свою очередь, вопросъ Чичиковъ.

— Больше въ деревнѣ, — отвѣчалъ Маниловъ. — Иногда, впрочемъ, пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

— Правда, правда, — сказалъ Чичиковъ.

— Конечно, — продолжалъ Маниловъ, — другое дѣло, если бы сосѣдство было хорошее, если бы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое... — Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить, но, замѣтивши, что нѣсколько зарапортовался, ковырнулъ только рукою въ воздухѣ и продолжалъ: — тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никого... Вотъ только иногда почитаешь «Сынъ Отечества» [1]).

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно, прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеніи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

— Но знаете ли, — прибавилъ Маниловъ, — все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...

---

[1]) „Сынъ Отечества“ — журналъ, издававшійся въ Петербургѣ съ 1815 г. по 1836 г.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: „Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли“. На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: „Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда“.

— О, это справедливо, это совершенно справедливо! — прервалъ Чичиковъ. — Что всѣ сокровища тогда въ мірѣ! *Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія*, — сказалъ одинъ мудрецъ.

— И знаете, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засластилъ немилосердно, воображая ею обрадовать паціента: — тогда чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ, духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастіе, можно сказать, рѣдкое, образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...

— Помилуйте, что жъ за пріятный разговоръ?.. Ничтожный человѣкъ и больше ничего, — отвѣчалъ Чичиковъ.

— О, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостью отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!..

— Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...

Неизвѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обоихъ пріятелей, если бы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

— Прошу покорнѣйше, — сказалъ Маниловъ. — Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у насъ просто, по русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу.

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и, наконецъ, Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

— Какія миленькія дѣти! — сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ. — А который годъ?

— Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть, — сказала Манилова.

— Ѳемистоклюсъ! — сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободить свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти греческое имя, которому, неизвѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на *юсъ*; но постарался тотъ же часъ привесть лицо въ обыкновенное положеніе.

— Ѳемистоклюсъ, скажи мнѣ: какой лучшій городъ во Франціи?

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Ѳемистоклюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но, наконецъ, совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Ѳемистоклюсъ сказалъ: «Парижъ».

— А у насъ какой лучшій городъ? — спросилъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

— Петербургъ, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А еще какой?

— Москва, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— Умница, душенька! — сказалъ на это Чичиковъ. — Скажите, однакожъ... — продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Маниловымъ. — Въ такія лѣта и уже такія свѣдѣнія. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности!

— О, вы еще не знаете его! — отвѣчалъ Маниловъ: — у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшой, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ: букашку, козявку, такъ ужъ у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ; побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе. Я его прочу по дипломатической части... Ѳемистоклюсъ, — продолжалъ онъ, снова обратясь къ нему: — хочешь быть посланникомъ?

— Хочу, — отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налѣво.

Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался за столомъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Ѳемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову со словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли». На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ: «Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда».

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ, — сказалъ Маниловъ и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ. — Вотъ мой уголокъ, — сказалъ Маниловъ.

— Пріятная комната, — сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами.

Комната была, точно, не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то голубенькой краской, въ родѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложенною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть; нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Онъ былъ къ разныхъ видахъ: въ картузахъ и въ табачницѣ, и, наконецъ, насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленныя не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

— Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ, — сказалъ Маниловъ. — Здѣсь вамъ будетъ попокойнѣе.

— Позвольте, я сяду на стулѣ.

— Позвольте вамъ этого не позволить, — сказалъ Маниловъ съ улыбкою — Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: ради или не ради, но должны сѣсть.

Чичиковъ сѣлъ.

— Позвольте мнѣ васъ попотчевать трубочкою.

— Нѣтъ, не курю, — отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ бы съ видомъ сожалѣнія.

— Отчего?— сказалъ Маниловъ тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

— Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе, нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше.

Чичиковъ замѣтилъ, что это, точно, случается и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

— Но позвольте прежде одну просьбу... — проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то странное или почти странное выраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, неизвѣстно отчего, оглянулся назадъ.— Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

— Да ужъ давно; а лучше сказать—не припомню.

— Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ.

— А не могу знать: объ этомъ, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человѣкъ! Позови приказчика; онъ долженъ быть сегодня здѣсь.

Приказчикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, бривший бороду, ходившій въ сюртукѣ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе приказчики, былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ — ключницѣ, барыниной фаворитки, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и приказчикомъ. А сдѣлавшись приказчикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ приказчики: водился и кумился съ тѣми, которые и а деревнѣ были богаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

— Послушай, любезный, сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?

— Да какъ сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ,—сказалъ приказчикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, наподобіе щитка.

— Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ, — подхватилъ Маниловъ: — именно очень многіе умирали!—Тутъ онъ оборотился къ Чичкову и прибавилъ еще:— точно, очень многіе.

— А какъ, напримѣръ, числомъ?—спросилъ Чичиковъ.

— Да, сколько числомъ?—подхватилъ Маниловъ.

— Да какъ сказать—числомъ? Вѣдь неизвѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ.

— Да, именно,—сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову:—я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ неизвѣстно, сколько умерло.

— Ты, пожалуйста, ихъ перечти,—сказалъ Чичиковъ,—и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно.

— Да, всѣхъ поименно,—сказалъ Маниловъ.

Приказчикъ сказалъ: «Слушаю!» и ушелъ.

— А для какихъ причинъ вамъ это нужно? — спросилъ по уходѣ приказчика Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ, — напряженіе

что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ, наконецъ, услышалъ такія странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слыхали человѣческія уши.

— Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ...—сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончилъ рѣчи.

— Но позвольте спросить васъ,—сказалъ Маниловъ,—какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею или просто на выводъ, то-есть безъ земли?

— Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ,—сказалъ Чичиковъ: я—желаю имѣть мертвыхъ...

— Какъ-съ? Извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...

— Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи, какъ живые,—сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижимы, вперя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину одинъ противъ другого, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутилъ ли онъ; но ничего не было видно такого: напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другого не могъ придумать, какъ только выпустить изо рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

— Итакъ, я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

— Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?—замѣтилъ Чичиковъ.

— Я?.. Нѣтъ, я не то,—сказалъ Маниловъ,—но я не могу постичь... извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ-быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ-быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?

— Нѣтъ,—подхватилъ Чичиковъ,—нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то-есть тѣ души, которыя, точно, уже умерли.

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ—чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ, наконецъ, тѣмъ, что выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а черезъ носовыя ноздри.

— Итакъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости,—сказалъ Чичиковъ.

— Какъ, на мертвыя души купчую?

— А, нѣтъ,—сказалъ Чичиковъ.—Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ, дѣйствительно, въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ, но ужъ

извините: обязанность для меня—дѣло священное, законъ—я нѣмѣю передъ закономъ.

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самаго дѣла онъ все-таки никакъ не вникъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ, наконецъ, хрипѣть, какъ фаготъ [1]). Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ—и больше ничего.

— Можетъ-быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?

— О, помилуйте, ничуть! Я не насчетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то-есть критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція,—такъ не будетъ ли эта негоція,—несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ-быть, и не видно было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція, никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а черезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

— Такъ вы полагаете?..

— Я полагаю, что это будетъ хорошо.

— А, если хорошо, это другое дѣло; я противъ этого ничего,—сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

— Теперь остается условиться въ цѣнѣ...

— Какъ въ цѣнѣ?—сказалъ опять Маниловъ и остановился.—Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безынтересно и купчую беру на себя.

Великій упрекъ былъ бы историку предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачокъ по образцу козла, что, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностью, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ и, наконецъ, уже выразился, что это сущее ничего, что онъ, точно, хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнетизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ—совершенная дрянь.

— Очень не дрянь,—сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку.

Здѣсь былъ испущенъ очень глубокій вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ, наконецъ, слѣдующія слова:

---

1) Фаготъ—труба.

— Если бы вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дрянью человѣку безъ племени и роду! Да и, дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? Какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ! А за что? За то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной и сиротѣ-горемыкѣ!..

Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руку и долго смотрѣли молча одинъ другому въ глаза, въ которыхъ видны были навернувшіяся слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

— Какъ? Вы ужъ хотите ѣхать?—сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

— Лизанька,—сказалъ Маниловъ съ нѣсколько жалостливымъ видомъ,—Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!

— Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу,—отвѣчала Манилова.

— Сударыня! Здѣсь,—сказалъ Чичиковъ,—здѣсь, вотъ гдѣ,—тутъ онъ положилъ руку на сердце:—да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! И, повѣрьте, не было бы для меня большого блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ!

— А знаете, Павелъ Ивановичъ,—сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль:—какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею или подъ тѣнью какого-нибудь вяза, пофилософствовать о чемъ-нибудь, углубиться!...

— О, это была бы райская жизнь!—сказалъ Чичиковъ, вздохнувши.—Прощайте, сударыня!—продолжалъ онъ, подходя къ ручкѣ Маниловой.—Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!

— О, будьте увѣрены!—отвѣчалъ Маниловъ.—Я съ вами разстаюсь не долѣе, какъ на два дня.

Всѣ вышли въ столовую.

— Прощайте, миленькія малютки!—сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки ни носа.—Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы на свѣтѣ; но теперь, какъ пріѣду, непремѣнно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?

— Хочу,—отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

— А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ?—продолжалъ Чичиковъ, наклонившись къ Алкиду.

— Парапанъ,—отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

— Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ,—такой славный барабанъ! Этакъ все будетъ туррр...ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!

Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

— Право, останьтесь, Павелъ Ивановичъ!—сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо.—Посмотрите, какія тучи.

— Это маленькія тучки,—отвѣчалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?

— Объ этомъ хочу спросить васъ.

— Позвольте, я сейчасъ разскажу вашему кучеру.

Тутъ Маниловъ съ такою же любезностію разсказалъ дѣло кучеру и сказалъ ему даже одинъ разъ *вы*.

Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ:

— Потрафимъ, ваше благородіе,—и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала не видна, онъ все еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулѣ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и, наконецъ, занеслись Богъ знаетъ куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву, и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами, и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, что такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ: какъ не переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что тянулось до самаго ужина.

ГЛАВА III.

А Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предыдущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него—и тѣломъ и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно, были очень пріятны, ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ пріобрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудился отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе.

— Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю!—говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣнивца.—Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой—почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ: я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь; и Засѣдатель—тожъ хорошій конь... Ну, ну! Что потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! Я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползетъ!

Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, промолвивъ:

— У, варваръ! Бонапартъ ты проклятый!..—Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ:—Эй, вы, любезные!—и стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ.

Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому:

— Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить—съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдастъ почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполнялъ службу государскую, онъ сколеской совѣтникъ...

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался, наконецъ, въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотрѣть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ громовой ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ—въ другую; потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что, точно, не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки вожжи и прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется, что сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужденія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ: «Эй, вы, други почтенные!» и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь, однакоже, казалось, зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно безпокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По расчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая—хоть глазъ выколи

— Селифанъ!—сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.

— Что, баринъ?—отвѣчалъ Селифанъ.

— Погляди-ка, не видно ли деревни?

— Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно!

Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ—пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и понудительные крики, которыми потчеваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея до другого, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, а какъ что первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ, секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками: это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по взбороненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

— Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь?—сказалъ Чичиковъ.

— Да что жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!

Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

— Держи, держи, опрокинешь!—кричалъ онъ ему.

— Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ,—говорилъ Селифанъ.—Это нехорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину.

Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и, наконецъ, выворотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и руками и ногами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однакожъ, остановилъ; впрочемъ, онѣ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго размышленія: «Вишь ты, и перекинулась!»

— Ты пьянъ, какъ сапожникъ!—сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, баринъ; какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это нехорошее дѣло—быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить,—въ томъ нѣтъ худого,—и закусили вмѣстѣ. Закуска—не обидное дѣло: съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить.

— А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? А? Забылъ?—сказалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ! Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что нехорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что...

— Вотъ я тебя какъ высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ.

— Какъ милости вашей будетъ завгодно,—отвѣчалъ на все согласный Селифанъ:—коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему жъ не посѣчь, коли за дѣло? На то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему жъ не посѣчь?

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, качаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало лившаго дождя, что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и досягнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ ворота. Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ:

— Кто стучитъ? Чего расходились?

— Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать,—произнесъ Чичиковъ.

— Вишь, ты какой востроногій,—сказала старуха: — пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ: помѣщица живетъ.

— Что жъ дѣлать, матушка? Вишь, съ дороги сбились. Не ночевать же въ такое время въ степи.

— Да, время темное, нехорошее время,—прибавилъ Селифанъ.

— Молчи, дуракъ!—сказалъ Чичиковъ.

— Да кто вы такой?—сказала старуха.

— Дворянинъ, матушка.

Слово *дворянинъ* заставило старуху какъ будто нѣсколько подумать.

— Погодите, я скажу барынѣ,—произнесла она,—и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ.

Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина его была озарена свѣтомъ, исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звонко по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, какъ понамарь; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это, наконецъ, повершалъ басъ, можетъ-быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ; тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстукъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. Ужъ по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но проможшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но

очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кипулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами; между окопъ—старинныя маленькія зеркала, съ темными рамками въ видѣ свернувшихся листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на циферблатѣ... невмочь было ничего болѣе замѣтить. Опъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи, убытки и держатъ голову нѣсколько на бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшочки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшочекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой—полтиннички, въ третій—четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ, кромѣ бѣлья да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами [1]) или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ пріѣздомъ.

— Ничего, ничего!—сказала хозяйка.—Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

Слова хозяйки были прерваны страннымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями; но, взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣньемъ тотчасъ же послѣдовало хрипѣнье, и, наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ, какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно щелкать направо и налѣво.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не безпокоилась ни о чемъ, что, кромѣ постели, онъ ничего не требуетъ, и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, знаете Манилова?—сказалъ Чичиковъ.

— А кто таковъ Маниловъ?

— Помѣщикъ, матушка.

— Нѣтъ, не слыхивала: нѣтъ такого помѣщика.

— Какіе же есть?

— Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ.

— Богатые люди или нѣтъ?

— Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать; а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ.

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.

— Далеко ли, по крайней мѣрѣ, до города?

---

[1]) Пряженцы—печенье въ постномъ или скоромномъ маслѣ.

— А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели.

— Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой — у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи; гдѣ такъ изволилъ засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ.

— Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?

— Спасибо, спасибо. Не безпокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повысушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья! — сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчою, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потокъ перьевъ по всей комнатѣ. — Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и вы колоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня! — говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

— Ну, вотъ тебѣ постель готова, — сказала хозяйка. — Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки: покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ.

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день

онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно на стѣнахъ и на потолкѣ, всѣ обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая—на ухо, третья норовила какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ впросонкахъ въ самый носъ, что заставило его крѣпко чихнуть,—обстоятельство, бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не все были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять, въ дверь выглянуло женское лицо и въ ту же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и, наконецъ, вспомнилъ, что это была хозяйка, Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ,—окно же было очень близко отъ земли, — заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно, «желаю здравствовать», на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды; окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ, перегораживалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками: на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены вразсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію, сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ—гдѣ стоявшую запасную, почти новую телѣгу, а гдѣ и двѣ. «Да у ней деревушка не маленькая», сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее, сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

— Здравствуйте, батюшка. Каково почивали? — сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера, — въ темномъ платьѣ и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все такъ же было что-то навязано.

— Хорошо, хорошо,—говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. — Вы какъ, матушка?

— Плохо, отецъ мой.

— Какъ такъ?

— Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.

— Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

— Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

— Не дурно, матушка; хлебнемъ и фруктовой.

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ, однакоже, съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ, на Руси, если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣніи обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій: онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ и съ мелкимъ табачнымъ торгашомъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста; а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ, хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки. Положимъ, напримѣръ, существуетъ, канцелярія—не здѣсь, а въ тридевятомъ государствѣ; а въ канцеляріи, положимъ, существуетъ правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ, — да просто отъ страха и слова не выговоришь. Гордость и благородство... и ужъ чего не выражаетъ лицо его? Просто бери кисть да и рисуй: Прометей [1]), рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь всѣ небольшого чина, Прометей такъ и останется Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій [2]) не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи,—уничтожился въ песчинку! «Да это не Иванъ Петровичъ, — говоришь, глядя на него. — Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ—чортъ знаетъ что: пищитъ птицей и все смѣется». Подходишь ближе, глядишь—точно Иванъ Петровичъ! «Эхе-хе-хе!» думаешь себѣ... Но, однакожъ, обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ мы ужъ видѣли, рѣшился вовсе не церемониться и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такія рѣчи:

— У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго восемьдесятъ,—сказала хозяйка,—да бѣда, времена плохи: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни.

— Однакожъ мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время.

---

[1]) Прометей—древне-греческій герой, боровшійся съ богами; воплощеніе ума и величія. [2]) Овидій—римскій поэтъ I в. до Р. Х. Одно изъ его произведеній носитъ названіе „Метаморфозы“, т.-е. превращенія.

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? Хорошее имя—Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ?—спросила помѣщица.—Вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

— Нѣтъ, матушка,—отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись:—чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А, такъ вы—покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево; а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ.

— А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что жъ другое? Развѣ пеньку? Да вѣдь и пеньки у меня теперь маловато—полпуда всего.

— Нѣтъ, матушка! другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ!—сказала старуха, вздохнувши.—И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ? Все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ—подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати, какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

— Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезчуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ прекрасный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать.

— На все воля Божья, матушка!—сказалъ Чичиковъ, вздохнувши: — противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

— Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

— Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги.

— Да какъ же? Я, право, въ толкъ-то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ и души будутъ прописаны, какъ бы живыя.

— Да на что жъ онѣ тебѣ?—сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

— Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ жъ мертвыя.

— Да кто жъ говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю,—произнесла хозяйка съ разстановкой: — вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ всердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей Чорта помѣщица испугалась необыкновенно.

— Нѣтъ, этого-то я не думаю! Что жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

«Ну, баба, кажется, крѣпколобая!» подумалъ про себя Чичиковъ.

— Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живого...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ!—подхватила помѣщица.—Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста да засѣдателя подмаслила.

— Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ—я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги. Понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло, точно, какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же Богъ знаетъ откуда, да еще и въ ночное время.

— Такъ что жъ, матушка, по рукамъ, что ли? — говорилъ Чичиковъ.

— Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.

— Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ.

— Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ-быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того... они больше какъ-нибудь стоятъ.

— Послушайте, матушка... Эхъ, какія вы! Что жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? Это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь они мертвые.

«Экъ ее, дубинно-головая какая, — сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. — Пойди ты, сладь съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха!» Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ, Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резиновый мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною.

— Вы, матушка, — сказалъ онъ, — или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги пятнадцать рублей ассигнаціями, — понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?

— По двѣнадцати рублей пудъ.

— Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали.

— Ей Богу, продала.

— Ну, видите ль? Такъ зато — это медъ. Вы собирали его, можетъ-быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму; а мертвыя души — дѣло не отъ міра сего.

Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля Божія, чтобы онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями. — Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха, наконецъ, подастся.

— Право, — отвѣчала помѣщица, — мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше жъ я маленько повременю, авось, понаѣдутъ купцы, да примѣшусь къ цѣнамъ.

— Страмъ, страмъ, матушка! Просто, страмъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А, можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобится... — возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

— Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?

— Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь! — проговорила старуха, крестясь.

— Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы, — все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ.

Старуха вновь задумалась.

— О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ.

— Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька — пенькою, въ другой разъ пріѣду — заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ всердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно.

— Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ! — вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. — Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

— Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!..

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! — сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

— Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я казенные подряды тоже веду... — Здѣсь онъ прилгнулъ хоть и вскользь и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ:

— Да чего жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила.

— Есть чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацій! Только, смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или круп, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня.

— Нѣтъ, матушка, не обижу, — говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ.

— Какъ же! Протопопа, отца Кирилла, сынъ служитъ въ палатѣ, — сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

«Хорошо бы было, — подумала между тѣмъ про себя Коробочка, — если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ спекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени берегъ немного». Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненіе мысль насчетъ загнутія пирога и, вѣроятно, пополнить ее и другими произведеніями домашней пекарни и стряпни, а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ весь въ поту, какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро. «Экъ уморила какъ проклятая старуха!» сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же и не удовлетворить? Вотъ оно внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ, потомъ квадратные закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ для того, что покороче, наполненныя билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незамѣтно съ боку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту хозяиномъ, что навѣрно нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичиковъ тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

— Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой, — сказала она, подсѣвши къ нему.— Чай, въ Москвѣ купилъ его?

— Въ Москвѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

— Я ужъ знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ — до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги! — продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ гербовой бумаги было тамъ не мало. — Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! А у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее,

онъ далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ, слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ его какой-то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: «Экій длинный!» Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени — «Коровій Кирпичъ», иной оказался просто: «Колесо Иванъ». Окончивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

— Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы[1]), блины, лепешки со всякими припеками: припекой съ лучкомъ, припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со сниточками, нивѣсть чего не было.

— Прѣсный пирогъ съ яйцомъ! — сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой показался еще вкуснѣе.

— А блинковъ? — сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и, обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

— У васъ, матушка, блинцы очень вкусны, — сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

— Да у меня-то ихъ хорошо пекутъ, — сказала хозяйка, — да вотъ бѣда: урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите? — проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ: — вѣдь и бричка еще не заложена.

— Заложатъ, матушка, заложатъ. У меня скоро закладываютъ.

— Такъ ужъ, пожалуйста, не позабудьте насчетъ подрядовъ.

— Не забуду, не забуду, — говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

— А свиного сала не покупаете? — сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

— Почему не покупать? Покупаю только послѣ.

— У меня о святкахъ и свиное сало будетъ.

— Купимъ, купимъ, всего купимъ и свиного сала купимъ.

— Можетъ-быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичья перья.

— Хорошо, хорошо, — говорилъ Чичиковъ.

— Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова, — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

— Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги.

— Какъ же бы это сдѣлать? — сказала хозяйка. — Разсказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ и тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ. гдѣ бы присѣсть ей?

---

[1]) Пряглы—оладьи.

— Какъ не быть.

— Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы.

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея: вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося въ воротахъ, и мало-по-малу вся перессслилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, не хозяйственная—мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратиться въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда, Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову. Можетъ-быть, станешь даже думать: «Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами, зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли,—мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ,—мысли не о томъ, что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ. Но мимо, мимо! Зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная, чудная струя? Еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо...

— А вотъ бричка, вотъ бричка!—вскричалъ Чичиковъ, увидя, наконецъ, подъѣзжавшую свою бричку.—Что ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмель у тебя не весь еще вывѣтрило?

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

— Прощайте, матушка! А что же? Гдѣ ваша дѣвчонка?

— Эй, Пелагея! — сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью,—покажи-ка барину дорогу.

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣстилась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку, и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ, помѣстился, сказавши: «А, теперь хорошо! Прощайте, матушка!» Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что случалося съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ.

Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо въ это время вожжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотнаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ

слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: «Ну же, ну, ворона! Зѣвай, зѣвай!» и больше ничего. Даже самъ гнѣдой и Засѣдатель были недовольны, не услышавши ни разу ни *любезные* ни *почтенные*. Чубарый чувствовалъ пренепріятные удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. «Вишь ты, какъ разнесло его!—думалъ онъ самъ про себя, нѣсколько припрядывая ушами.—Небось, знаетъ, гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто гдѣ поживѣе: по ушамъ зацѣпитъ или подъ брюхо захлыснетъ».

— Направо, что ли?—съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу,—отвѣчала дѣвчонка.

— Куда жъ?—сказалъ Селифанъ, когда подъѣхали поближе.

— Вотъ куды,—отвѣчала дѣвчонка, показывая рукою.

— Эхъ, ты!—сказалъ Селифанъ.—Да это и есть направо: не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ войлокомъ, что значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расползлись во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высыплютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдали строеніе, сказавши:

— Вонъ столбовая дорога!

— А строеніе?—спросилъ Селифанъ.

— Трактиръ,—сказала дѣвчонка.

— Ну, теперь мы сами доѣдемъ,—сказалъ Селифанъ:—ступай себѣ домой.

Онъ остановился и помогъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы: «Эхъ, ты, черноногая!»

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела во-свояси, уже довольная тѣмъ что посидѣла на козлахъ.

ГЛАВА IV.

Подъѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпиться. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значатъ всѣ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣзавтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ пилюли, глотающіе устерсъ [1]), морскихъ пауковъ и прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, что на одной станціи потребуютъ ветчины, на другой—поросенка, на третьей—ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу съ лу-

---

[1]) Т.-е. устрицъ.

комъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжья уха съ налимами и молоками шипитъ и ворчитъ у нихъ межъ зубами, заѣдаемая разстегаемъ или кулебякой съ сомовьимъ плесомъ, такъ что вчужѣ пронимаетъ аппетитъ,—вотъ эти господа, точно, пользуются завиднымъ даяніемъ неба! Не одинъ господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію же минуту половину душъ крестьянъ и половину имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всѣми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки; но то бѣда, что ни за какія деньги, ниже имѣнія, съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ, на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подсвѣчники. Трактиръ былъ что-то въ родѣ русской избы, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева, вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили темныя его стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою деревянною лѣстницею наверхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворявшуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: «Сюда пожалуйте!» Въ комнатѣ попались все старые пріятели, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревянныхъ трактирахъ, какихъ не мало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндевѣвшій самоваръ, выскобленныя гладко сосновыя стѣны, треугольный шкапъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя яички предъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ четыре глаза, а вмѣсто лица какую-то лепешку, наконецъ, натыканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ высохшія до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ и больше ничего.

— Поросенокъ есть?—съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

— Есть.

— Съ хрѣномъ и со сметаною?

— Съ хрѣномъ и со сметаною.

— Давай его сюда!

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, накрахмаленную до того, что дыбилась, какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій, какъ перечинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ по обыкновенію сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и разспросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть хозяинъ, и сколько даетъ дохода трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что старшій сынъ—холостой или женатый человѣкъ, и какую взялъ жену, съ большимъ ли приданымъ или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тесть, и не сердился ли, что мало подарковъ получилъ на свадьбѣ,—словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окружности находятся у нихъ помѣщики, и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ, полковникъ, Собакевичъ. «А Собакевича знаешь?» спросилъ онъ и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ будетъ повеликатнѣй Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спроситъ и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки

спросить, и всего только, что попробуетъ, а Собакевичъ одного чего-нибудь спроситъ, да ужъ зато все съѣстъ, даже и надбавки потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній кусокъ, послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легонькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички вылѣзали двое какихъ-то мужчинъ: одинъ бѣлокурый, высокаго роста, другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темно-синей венгеркѣ, чернявый—просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясчонка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и веревочной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ наверхъ, между тѣмъ, какъ черномазый еще оставался и щупалъ что-то въ бричкѣ, разговаривая тутъ же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними колясѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и отворить ее. Это былъ мужчина высокаго роста, лицомъ худощавый, или, что называютъ, издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ зналъ, что такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что послѣдній отвѣтилъ тѣмъ же. Въ продолженіе немногихъ минутъ они, вѣроятно бы, разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сдѣлано и оба почти въ одно и то же время изъявили удовольствіе, что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ, и теперь ѣхать и прохладно и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузъ свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные густые волосы. Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами и черными, какъ смоль, бакенбардами. Свѣжъ онъ былъ какъ кровь съ молокомъ: здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

— Ба, ба, ба!—вскричалъ онъ вдругъ, разставивъ руки при видѣ Чичикова.—Какими судьбами?

Чичиковъ узналъ Ноздрева, того самаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ обѣдалъ у прокурора и который съ нимъ въ нѣсколько минутъ сошелся на такую короткую ногу, что началъ уже говорить *ты*, хотя, впрочемъ, онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

— Куда ѣздилъ?—говорилъ Ноздревъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ.—А я, братъ, съ ярмарки. Поздравь, продулся впухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обывательскихъ пріѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно!—Здѣсь онъ нагнулъ самъ голову Чичикова такъ, что тотъ чуть не ударился ею объ рамку.—Видишь, какая дрянь? Насилу дотащили, проклятыя; я уже перелѣзъ вотъ въ его бричку.—Говоря это, Ноздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища.—А вы еще не знакомы? Зять мой, Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ.—Ну, смотри,—говорю,—если мы не встрѣтимъ Чичикова...—Ну, братъ, если бъ ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ—все спустилъ. Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки ни часовъ...—Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ, точно, что на немъ не было ни цѣпочки ни часовъ. Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ былъ у него меньше и не такъ густъ, какъ другой.—А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ,—продолжалъ Ноздревъ,—именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то-есть,

кромѣ того, что отыгралъ бы, вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бумажникъ.

— Ты, однако, и тогда такъ говорилъ,—отвѣчалъ бѣлокурый,—а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадилъ ихъ.

— И не просадилъ бы! Ей Богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ пароле на проклятой семеркѣ утку, я бы могъ сорвать весь банкъ.

— Однакожъ не сорвалъ,—сказалъ бѣлокурый.

— Не сорвалъ, потому что загнулъ утку не во-время. А ты думаешь, майоръ твой хорошо играетъ?

— Хорошо или нехорошо, однакожъ, онъ тебя обыгралъ.

— Эка важность!—сказалъ Ноздревъ.—Этакъ и я его обыграю. Пѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! Зато, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съѣзда. У меня все, что не привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ возьми! то-есть, какъ жаль, что ты не былъ! Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офицеры, сколько ихъ не было, сорокъ человѣкъ однихъ офицеровъ было въ городѣ... Какъ начали мы, братецъ, пить... Штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ... такой славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называетъ просто бурдашкой. «Принеси-ка, братъ,—говоритъ,—бурдашки!» Поручикъ Кувшинниковъ... Ахъ, братецъ, какой премилый человѣкъ! Вотъ ужъ, можно сказать, во всей формѣ кутила. Мы все были съ нимъ вмѣстѣ. Какого вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ—мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать; въ вино мѣшаетъ всякую дрянь: сандалъ, жженую пробку и даже бузиной, подлецъ, затираетъ; но зато ужъ если вытащитъ изъ дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку, ну, просто, братъ, находишься въ эмпиреяхъ. Шампанское у насъ было такое... Что предъ нимъ губернаторское?—Просто квасъ. Вообрази, не клико, а какое-то кликоматрадура; это значитъ—двойное клико. И еще досталъ одну бутылочку французскаго подъ названіемъ: бонбонъ. Запахъ?—розетка и все, что хочешь. Ужъ такъ покутили!.. Послѣ насъ пріѣхалъ какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ—нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ: все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіе обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго.

— Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь,—замѣтилъ бѣлокурый.

— Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ,—отвѣчалъ Ноздревъ.

— Ты можешь себѣ говорить, что хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь.

— Ну, хочешь объ закладъ, что выпью?

— Къ чему же объ закладъ?

— Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ.

— Не хочу.

— Ну, да поставь, попробуй!

— И пробовать не хочу.

— Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ, то-есть, какъ я жалѣлъ, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись! Это не то, что прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые

такъ и трясутся за каждую копейку. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ, и въ банчишку, и во все, что хочешь. Эхъ, Чичиковъ, ну, что бы тебѣ стоило пріѣхать? Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ этакой! Поцѣлуй меня, душа, смерть люблю тебя! Мижуевъ, смотри: вотъ судьба свела! Ну, что онъ мнѣ или я ему? Онъ пріѣхалъ Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу... А сколько было, братъ, каретъ, и все это en gros [1]). Въ фортунку крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, если бы ты зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши на ней и трюши, и чортъ знаетъ, чего не было... Я думаю себѣ только: «Чортъ возьми!» А Кувшинниковъ, то-есть, это такая бестія, подсѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустилъ. Это онъ называетъ «попользоваться насчетъ клубнички». Рыбъ и балыковъ навезли чудныхъ. Я-таки привезъ съ собою одинъ,—хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь?

— А я къ человѣчку къ одному,—сказалъ Чичиковъ.

— Ну, что человѣчекъ? Брось его! Поѣдемъ ко мнѣ!

— Нельзя, нельзя; есть дѣло.

— Ну, вотъ ужъ и дѣло! Ужъ и выдумалъ! Ахъ, ты Оподельдокъ Ивановичъ!

— Право, дѣло, да еще и нужное.

— Пари держу, врешь! Ну, скажи только, къ кому ѣдешь?

— Ну, къ Собакевичу.

Здѣсь Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій, здоровый человѣкъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлые, какъ сахаръ, зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна, вытаращивъ очи, и произноситъ: «Экъ его разобрало!»

— Что жъ тутъ смѣшного?—сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Ноздревъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая: «Ой, пощади! Право, тресну со смѣху!»

— Ничего нѣтъ смѣшного: я далъ ему слово,—сказалъ Чичиковъ.

— Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ нему: это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь найти тамъ банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну, къ чорту Сабакевича! Поѣдемъ ко мнѣ! Какимъ балыкомъ попотчую! Пономаревъ, бестія, такъ раскланивался, говоритъ: «Для васъ только: всю ярмарку,—говоритъ,—обыщите, не найдете такого». Плутъ, однакожъ, ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ. Вы,—говорю,—съ нашимъ откупщикомъ—первые мошенники!» Смѣется, бестія, поглаживая бороду. Мы съ Кувшинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ, братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю.

— Эй, Порфирій!—закричалъ онъ, подошедши къ окну, на своего человѣка, который держалъ въ одной рукѣ ножикъ, а въ другой—корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливилось ему мимоходомъ отрѣзать, вынимая что-то изъ брички.—Эй, Порфирій!—кричалъ Ноздревъ, — принеси-ка щенка! Каковъ ще-

---

[1]) Т.-е. въ большихъ размѣрахъ.

покъ!—продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову.—Краденый, ни за самого себя не отдавалъ хозяинъ. Я ему сулилъ каурую кобылу, которую, помнишь, вымѣнялъ у Хвостырева...

Чичиковъ, впрочемъ, отроду не видалъ ни каурой кобылы ни Хвостырева.

— Баринъ! Ничего не хотите закусить?—сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

— Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ, давай рюмку водки. Какая у тебя есть?

— Анисовая,—отвѣчала старуха.

— Ну, давай анисовой,—сказалъ Ноздревъ.

— Давай ужъ и мнѣ рюмку,—сказалъ бѣлокурый.

— Въ театрѣ одна актриса, такъ, каналья, пѣла, какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня: «Вотъ,—говоритъ,—братъ, попользоваться бы насчетъ клубнички!» Однихъ балагановъ, я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницей.

Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко поклонилась.

— А, давай его сюда!—закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія, вошедшаго съ щенкомъ.

Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и баринъ, въ какомъ-то архалукѣ, стеганомъ на ватѣ, но нѣсколько позамасленѣй.

— Давай его, клади сюда, на полъ.

Порфирій положилъ щенка на полъ, который, растянувшись на всѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

— Вотъ щенокъ!—сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенокъ испустилъ довольно жалобный вой.

— Ты, однакожъ, не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ, — сказалъ Ноздревъ, обращаясь къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо щенка:—и не подумалъ вычесать его.

— Нѣтъ, я его вычесывалъ.

— А отчего же блохи?

— Не могу знать. Статься можетъ, какъ-нибудь изъ брички поналѣзли.

— Врешь, врешь, и не воображалъ чесать; я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри, какія уши; на-ка, пощупай рукою.

— Да зачѣмъ? Я и такъ вижу: доброй породы!—отвѣчалъ Чичиковъ.

— Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!

Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, примолвивши:

— Да, хорошая будетъ собака.

— А носъ, чувствуешь, какой холодный? Возьми-ка рукою.

Не жилая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за носъ, сказавши:

— Хорошее чутье.

— Настоящій мордашъ,—продолжалъ Ноздревъ:—я, признаюсь, давно острилъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

— Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непремѣнно теперь ѣхать ко мнѣ; пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ, пожалуй, можешь и къ Собакевичу.

«А что жъ,—подумалъ про себя Чичиковъ:—заѣду-ка я въ самомъ дѣлѣ къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже другихъ? Такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все; стало-быть, у него даромъ можно кое-что выпросить».

— Изволь, ѣдемъ,—сказалъ онъ,—но чуръ не задержать: мнѣ время дорого.

— Ну, душа, вотъ это такъ! Вотъ это хорошо! Постой же, я тебя поцѣлую за это!—Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣловались.—И славно: втроемъ и покатимъ!

— Нѣтъ, ты ужъ, пожалуйста, меня-то отпусти,—говорилъ бѣлокурый,—мнѣ нужно домой.

— Пустяки, пустяки, братъ; не пущу.

— Право, жена будетъ сердиться; теперь же ты можешь пересѣсть вотъ въ ихнюю бричку.

— Ни, ни, ни! И не думай.

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противоположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергли, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку—словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

— Вздоръ!—сказалъ Ноздревъ въ отвѣтъ на какое-то представленіе бѣлокураго, надѣлъ ему на голову картузъ, и бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

— За водочку, баринъ, не заплатили...—сказала старуха.

— А хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ, заплати, пожалуйста! У меня нѣтъ ни копейки въ карманѣ.

— Сколько тебѣ?—сказалъ зятекъ.

— Да что, батюшка? Двугривенникъ всего,—сказала старуха.

— Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно съ нея.

— Маловато, баринъ,—сказала старуха, однакожъ, взяла деньги съ благодарностію и еще побѣжала впопыхахъ отворять имъ дверь: она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что стоила водка

Пріѣзжіе усѣлись. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Ноздревъ и его зять, и потому онѣ всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіе дороги. За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясчонка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадяхъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій съ щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому, можетъ-быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ.

Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однакожъ,

присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ уже въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ черезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ выталкивать свои же пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другими никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или провретъся самымъ жестокимъ образомъ, такъ что, наконецъ, самому сдѣлается совѣстно. И навретъ совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе, наконецъ, всѣ отходятъ, произнесши: «Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули лить». Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностью, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, предъ вашими глазами, и нагадитъ вамъ; и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Такую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: «Вѣдь ты такой подлецъ,—никогда ко мнѣ не заѣдешь». Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то-есть человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти, въ какое хотите, предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь,—все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду—насколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы

это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ—съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ. Вотъ какой былъ Ноздревъ! Можетъ-быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь уже нѣтъ Ноздрева. Увы, несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можетъ-быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ пріятію. Посреди столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на нихъ, бѣлили стѣны, затягивая какую-то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлилами. Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы вонъ и выбѣжалъ въ другую комнату отдавать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать аппетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что ни было у него на деревнѣ, и въ два часа съ небольшимъ показалъ рѣшительно все, такъ что ничего ужъ больше не осталось показывать. Прежде всего пошли онѣ осматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ—гнѣдого жеребца, на видъ и неказистаго, но за котораго Ноздревъ божился, что заплатилъ десять тысячъ.

— Десять тысячъ ты за него не далъ,—замѣтилъ зять.—Онъ и одной не стоитъ.

— Ей Богу, далъ десять тысячъ,—сказалъ Ноздревъ.

— Ты себѣ можешь божаться, сколько хочешь,—отвѣчалъ зять.

— Ну, хочешь, побьемся объ закладъ?—сказалъ Ноздревъ. Объ закладъ зять не захотѣлъ биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго, по старому повѣрью, почитали необходимымъ держать при лошадяхъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волчонка, бывшаго на привязи. «Вотъ волченокъ!—сказалъ онъ.—Я его нарочно кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ». Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ, однакожъ, родственникъ не приминулъ усомниться. «Я тебѣ, Чичиковъ,—сказалъ Ноздревъ,—покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ просто наводитъ изумленіе, щитокъ—игла!» и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо-псовыхъ и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди ихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ правилами, полетѣли прямо навстрѣчу гостямъ и стали

съ ними здороваться. Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плечи. Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, наводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ,—хорошія были собаки. Потомъ пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слѣпая и, по словамъ Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но года два тому назадъ была очень хорошая сука. Осмотрѣли и суку — сука, точно, была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мельницу, гдѣ недоставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретенѣ,—*порхающій*, по чудному выраженію русскаго мужика. «А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница», сказалъ Ноздревъ. Немного прошедши, они увидѣли, точно, кузницу; осмотрѣли и кузницу.

— Вотъ на этомъ полѣ, — сказалъ Ноздревъ, указывая пальцемъ на поле, — русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги.

— Ну, русака ты не поймаешь рукою, — замѣтилъ зять.

— А вотъ же поймалъ; нарочно поймалъ! — отвѣчалъ Ноздревъ. — Теперь я поведу тебя посмотрѣть, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову, — границу, гдѣ оканчивается моя земля.

Ноздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогами и взбороненными нивами. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду: до такой степени мѣсто было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потомъ, увидя, что это ни къ чему не служитъ, брели прямо, не разбирая, гдѣ большая, а гдѣ меньшая грязь. Прошедши порядочное разстояніе, увидѣли, точно, границу, состоявшую изъ деревяннаго столбика и узенькаго рва.

— Вотъ граница! — сказалъ Ноздревъ. — Все, что ни видишь по эту сторону, — все это моё, и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что за лѣсомъ, — все мое.

— Да когда же этотъ лѣсъ сдѣлался твоимъ? — спросилъ зять. — Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой.

— Да, я купилъ его недавно, — отвѣчалъ Ноздревъ.

— Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?

— Какъ же, я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, далъ.

— Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ?

— Эхъ, ты, Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а приказчикъ мой тутъ безъ меня и купилъ.

— Да, ну развѣ приказчикъ, — сказалъ зять, но и тутъ усомнился и покачалъ головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому. Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ, впрочемъ, не было замѣтно слѣдовъ того, что бываетъ въ кабинетахъ, то-есть книгъ или бумаги; висѣли только сабли и два ружья, одно въ триста, а другое въ восемьсотъ рублей. Зять, осмотрѣвши, покачалъ только головою. Потомъ были показаны турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: *Мастеръ Савелій Сибиряковъ*. Вслѣдъ за тѣмъ показалась гостямъ шарманка. Ноздревъ тутъ же повертѣлъ предъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ срединѣ ея, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась пѣснью: *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ*, а *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ* неожиданно завершался

какимъ-то давно знакомымъ вальсомъ. Уже Ноздревъ давно пересталъ вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ не хотѣвшая угомониться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показались трубки деревянныя, глиняныя, пѣнковыя, обкуренныя и необкуренныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисетъ, вышитый какою-то графинею, гдѣ-то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительной *сюперфлю*, — слово, вѣроятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близъ пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составлялъ у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорѣло, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеньемъ и клалъ первое, что попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ — онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попадалась — совалъ капусту, шичкалъ молоко, ветчину, горохъ,—словомъ, катай-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выйдетъ. Зато Ноздревъ налегъ на вина: еще не подавали супа, онъ ужъ налилъ гостямъ по большому стакану портвейна и по другому сотерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простого сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, «лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ». Мадера, точно, даже горѣла во рту, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безпощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ русскіе желудки. Потомъ Ноздревъ велѣлъ еще принесть какую-то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана — и направо и налѣво, и зятю и Чичикову; Чичиковъ замѣтилъ, однакоже, какъ-то вскользь, что самому себѣ онъ немного прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ только Ноздревъ какъ-нибудь заговаривался или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Ноздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой, къ изумленію, слышна была сивушища во всей своей силѣ. Потомъ пили какой-то бальзамъ, носившій

такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ назвалъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вина были перепробованы, но гости все еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить съ Ноздревымъ при зятѣ насчетъ главнаго предмета: все-таки зять былъ человѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ, зять врядъ ли могъ быть человѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался носомъ. Замѣтивъ и самъ, что находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ, наконецъ, отпрашиваться домой, но такимъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, какъ будто бы, по русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

— И ни, ни! Не пущу! — сказалъ Ноздревъ.

— Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право, поѣду, — говорилъ зять; — ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! Мы соорудимъ сію минуту банчишку.

— Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу; жена будетъ въ большой претензіи, право; я долженъ ей разсказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право, нужно доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!

— Ну, ее, жену, къ... Важное, въ самомъ дѣлѣ, дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!

— Нѣтъ, братъ! Она такая добрая жена. Ужъ, точно, примѣрная, такая почтенная и вѣрная! Услуги оказываетъ такія... повѣришь! у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ, ты не держи меня; какъ честный человѣкъ, поѣду. Я тебѣ въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти.

— Пусть его ѣдетъ: что въ немъ проку? — сказалъ тихо Чичиковъ Ноздреву.

— А и правду! — сказалъ Ноздревъ. — Смерть не люблю такихъ растепелей! — и прибавилъ вслухъ: — Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою, ѳетюкъ!

— Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня ѳетюкомъ [1]), — отвѣчалъ зять: — я ей жизнью обязанъ. Такая, право, добрая, милая, такія ласки оказываетъ... до слезъ разбираетъ. Спроситъ, что видѣлъ на ярмаркѣ, — нужно все разсказать... такая, право, милая.

— Ну, поѣзжай, ври ей чепуху! Вотъ картузъ твой.

— Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться; этимъ ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая.

— Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!

— Да, братъ, поѣду; извини, что не могу остаться. Душой радъ бы былъ, но не могу.

Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ уже давно сидѣлъ на бричкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не могла слышать подробностей о ярмаркѣ.

— Такая дрянь! — говорилъ Ноздревъ, стоя передъ окномъ и глядя на уѣзжавшій экипажъ. — Вонъ какъ потащился! Конекъ пристяжной недуренъ, я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтиться! Ѳетюкъ, просто ѳетюкъ!

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подалъ свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина неизвѣстно откуда взявшуюся колоду картъ.

---

[1]) „Ѳетюкъ—слово, обидное для мужчинъ, происходитъ отъ Ѳ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличною буквою".

— А что, братъ, — говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка: — ну, для препровожденія времени, держу триста рублей банку!

Но Чичиковъ прикинулся какъ будто и не слышалъ, о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ бы вдругъ припомнивъ:

— А! чтобъ не позабыть; у меня къ тебѣ просьба.

— Какая?

— Дай прежде слово, что исполнишь.

— Да какая просьба?

— Ну, да ужъ дай слово!

— Изволь.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Вотъ какая просьба: у тебя есть, чай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи?

— Ну, есть; а что?

— Переведи ихъ на меня, на мое имя.

— А на что тебѣ?

— Ну, да мнѣ нужно.

— Да на что?

— Ну, да ужъ нужно... ужъ это мое дѣло, — словомъ, нужно.

— Ну, ужъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ. Признайся, что?

— Да что жъ затѣялъ? Изъ этакого пустяка и затѣять ничего нельзя

— Да зачѣмъ же они тебѣ?

— Охъ, какой любопытный! Ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!

— Да къ чему жъ ты не хочешь сказать?

— Да что же тебѣ за прибыль знать? Ну, просто, такъ, пришла фантазія.

— Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не сдѣлаю.

— Ну, вотъ видишь, вотъ ужъ и нечестно съ твоей стороны: слово далъ, да и на попятный дворъ.

— Ну, какъ ты себѣ хочешь, а не сдѣлаю, пока не скажешь, на что.

«Что бы такое сказать ему?» подумалъ Чичиковъ и послѣ минутнаго размышленія объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстьевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хоть бы какія-нибудь душонки.

— Врешь, врешь! — сказалъ Ноздревъ, не давши окончить. — Врешь, братъ!

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ.

— Ну, такъ я жъ тебѣ скажу прямѣе, — сказалъ онъ, поправившись: — только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, комиссія! Не радъ, что связался: хотятъ непремѣнно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутораста крестьянъ недостаетъ...

— Ну, врешь, врешь! — закричалъ опять Ноздревъ.

— Ну, вотъ ужъ здѣсь, — сказалъ Чичиковъ, — ни вотъ на столько не солгалъ, — и показалъ большимъ пальцемъ на своемъ мизинцѣ самую маленькую часть.

— Голову ставлю, что врешь!

— Однакожъ это обидно! Что же я такое, въ самомъ дѣлѣ? Почему я непремѣнно лгу?

— Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ — позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Ежели бы я былъ твоимъ начальникомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ.

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ. Уже всякое выраженіе, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему непріятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамильярнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія. И потому теперь онъ совершенно обидѣлся.

— Ей Богу, повѣсилъ бы, — повторилъ Ноздревъ: — я тебѣ говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а просто по-дружески говорю.

— Всему есть границы, — сказалъ Чичиковъ съ чувствомъ достоинства: — если хочешь пощеголять подобными рѣчами, такъ ступай въ казармы, — и потомъ присовокупилъ: — не хочешь подарить, такъ продай.

— Продать! да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлецъ, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ.

— Эхъ! Да ты вѣдь тоже хорошъ! Смотри ты! Что онѣ у тебя, бриллиантовыя, что ли?

— Ну, такъ и есть. Я ужъ тебя зналъ.

— Помилуй, братъ, что жъ у тебя за жидовское побужденіе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ.

— Ну, послушай: чтобъ доказать тебѣ, что я вовсе не какой-нибудь скалдырникъ, я не возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу.

— Помилуй, на что жъ мнѣ жеребецъ? — сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ.

— Какъ на что? Да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре.

— Да на что мнѣ жеребецъ? Завода я не держу.

— Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ.

— Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!

— Ну, купи каурую кобылу.

— И кобылы не нужно.

— За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи.

— Да не нужно мнѣ лошади.

— Ты ихъ продашь, тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше.

— Такъ лучше жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое.

— Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду.

Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня и отъ каурой кобылы.

— Ну, такъ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто — морозъ по кожѣ подираетъ! брудастая съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина; бочковатость реберъ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ—земли не задѣнетъ!

— Да зачѣмъ мнѣ собаки? Я не охотникъ.

— Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Самому, какъ

честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдаю за девятьсотъ рублей.

— Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы, тащася съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги.

— Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носятъ нѣмцы. Это органъ; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще!

Здѣсь Ноздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и не увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ.

— Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи.

— Ну, вотъ еще? А я-то въ чемъ поѣду?

— Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо бричка.

«Эхъ, его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ!» подумалъ про себя Чичиковъ и рѣшился, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ всякихъ бричекъ, шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ, несмотря на непостижимую уму бочковатость реберъ и комкость лапъ.

— Да вѣдь бричка, шарманка и мертвыя души, — все вмѣстѣ.

— Не хочу! — сказалъ еще разъ Чичиковъ.

— Отчего жъ ты не хочешь?

— Оттого, что, просто, не хочу — да полно.

— Экой ты, право, такой! Съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами... такой, право!.. Сейчасъ видно, что двуличный человѣкъ!

— Да что же я, дуракъ, что ли? Ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь, рѣшительно для меня ненужную?

— Ну, ужъ, пожалуйста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалія! Ну, послушай: хочешь, метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже.

— Ну, рѣшаться въ банкъ — значитъ подвергаться неизвѣстности, — говорилъ Чичиковъ и между тѣмъ взглянулъ искоса на бывшія въ рукахъ у него карты. Обѣ таліи ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

— Отчего жъ неизвѣстности? — сказалъ Ноздревъ. — Никакой неизвѣстности! Будь только на твоей сторонѣ счастіе, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! Экое счастье! — говорилъ онъ, начиная метать для возбужденія задора. — Экое счастье! Экое счастье! Вонъ: такъ и колотитъ! Вонъ та проклятая девятка, на которой я все просадилъ! Чувствовалъ, что продастъ, да уже, зажмуривъ глаза, думаю себѣ: «Чортъ тебя побери, продавай, проклятая!»

Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

— Отчего жъ ты не хочешь играть?—сказалъ Ноздревъ.

— Ну, оттого, что не расположенъ. Да, признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть.

— Отчего жъ не охотникъ?

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ:

— Потому что не охотникъ.

— Дрянь же ты!

— Что жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ.

— Өстюкъ, просто! Я думалъ было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близкимъ... Никакого прямодушія ни искренности! Совершенный Собакевичъ, такой подлецъ!

— Да за что же ты бранишь меня? Виноватъ развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздора.

— Чорта лысаго получишь! Хотѣлъ было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хоть три царства давай—не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи кошоху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно.

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

— Лучше бы ты мнѣ, просто, на глаза не показывался! — сказалъ Ноздревъ.

Несмотря, однакожъ, на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ-то кипрскимъ, которое было то, что называютъ кислятина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель.

— Вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ.

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то, что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время; но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ; поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого рода, чтобы быть ввѣрену Ноздреву... Ноздревъ—человѣкъ-дрянь, Ноздревъ можетъ наврать, прибавить, распустить, чортъ знаетъ что, выйдутъ еще какія-нибудь сплетни... Нехорошо, нехорошо.

«Просто, дуракъ я», говорилъ онъ самъ себѣ.

Ночь спалъ онъ очень дурно. Какія-то маленькія пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, приговаривая:

— А, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ!

Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его по-дружески и спросилъ, каково ему спалось.

— Такъ себѣ,—отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

— А я, братъ,—говорилъ Ноздревъ:—такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнусно разсказывать; и во рту послѣ вчерашняго точно эскадронъ переночевалъ. Представь, снилось, что меня высѣкли, ей-ей! И, вообрази, кто? Вотъ ни за что не угадаешь: штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ.

«Да,—подумалъ про себя Чичиковъ,—хорошо бы, если бъ тебя отодрали наяву».

— Ей Богу! Да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается; вѣрно, вѣдьмы блохи. Ну, ты ступай теперь, одѣвайся, я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлеца-приказчика.

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою

рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина: кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, не замедлившій скоро войти, ничего не имѣлъ у себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ, подобно цырюльнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

— Ну, такъ какъ же думаешь?—сказалъ Ноздревъ, немного помолчавши:— не хочешь играть на души?

— Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю; купить—изволь куплю.

— Продать я не хочу: это будетъ не по-пріятельски. Я не стану снимать плевы съ чортъ знаетъ чего. Въ банчикъ—другое дѣло. Прокипемъ хоть талію!

— Я ужъ сказалъ, что нѣтъ.

— А мѣняться не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, послушай: сыграемъ въ шашки; выиграешь—твои всѣ. Вѣдь у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу!

— Напрасенъ трудъ: я не буду играть.

— Да вѣдь это не въ банкъ; тутъ никакого не можетъ быть счастія или фальши: все вѣдь отъ искусства. Я даже тебя предваряю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что-нибудь мнѣ дашь впередъ.

«Семъ-ка я,—подумалъ про себя Чичиковъ,—сыграю съ нимъ въ шашки. Въ шашки игрывалъ я недурно, а на штуки ему здѣсь трудно подняться».

— Изволь, такъ и быть, въ шашки сыграю.

— Души идутъ въ ста рубляхъ!

— Зачѣмъ же? Довольно, если пойдутъ въ пятидесяти.

— Нѣтъ, что жъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше жъ въ эту сумму я включу тебѣ какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку къ часамъ.

— Ну, изволь,—сказалъ Чичиковъ.

— Сколько же ты мнѣ дашь впередъ?—сказалъ Ноздревъ.

— Это съ какой стати? Конечно, ничего.

— По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода.

— Не хочу: я самъ плохо играю.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!—говорилъ Чичиковъ, подвигая тоже шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете,—сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

— Давненько не бралъ я въ руки шашекъ,—говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!—сказалъ Ноздревъ, подвигая шашку, да въ то же самое время подвинулъ обшлагомъ рукава и другую шашку.

— Давненько не бралъ я въ руки!.. Э, э! Это, братъ, что? Отсади-ка ее назадъ!—говорилъ Чичиковъ.

— Кого?

— Да шашку-то,—сказалъ Чичиковъ, и въ то же время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки. Откуда она взялась, это одинъ только Богъ зналъ.—Нѣтъ,—сказалъ

Чичиковъ, вставши изъ-за стола,—съ тобой нѣтъ никакой возможности играть. Этакъ не ходятъ—по три шашки вдругъ.

— Отчего жъ по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь.

— А другая-то откуда взялась?

— Какая другая?

— А вотъ эта, что пробирается въ дамки?

— Вотъ тебѣ на! Будто не помнишь!

— Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!

— Какъ—гдѣ мѣсто?—сказалъ Ноздревъ, покраснѣвши. — Да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!

— Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты—сочинитель, да только неудачно.

— За кого жъ ты меня почитаешь?—говорилъ Ноздревъ.—Стану я разъ плутовать?

— Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду.

— Нѣтъ, ты не можешь отказаться,—говорилъ Ноздревъ, горячась:—игра начата!

— Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку.

— Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!

— Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!

— Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь; ты долженъ кончить партію!

— Этого ты меня не заставишь сдѣлать,—сказалъ Чичиковъ хладнокровно и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Ноздревъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

— Я тебя заставлю играть. Это ничего, что ты смѣшалъ шашки! Я помню всѣ ходы. Мы ихъ поставимъ опять такъ, какъ были.

— Нѣтъ, братъ, дѣло кончено: я съ тобою не стану играть.

— Такъ ты не хочешь играть?

— Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ возможности играть.

— Нѣтъ, скажи напрямикъ: ты не хочешь играть? — говорилъ Ноздревъ, подступая еще ближе.

— Не хочу,—сказалъ Чичиковъ и поднесъ, однакожъ, обѣ руки на всякій случай ближе къ лицу, ибо дѣло становилось въ самомъ дѣлѣ жарко.

Эта предосторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся такой... и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и полныхъ щекъ нашего героя покрылась бы несмываемымъ безчестіемъ; но, счастливо отведши ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя его руки и держалъ его крѣпко.

— Порфирій! Павлушка!—кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было безполезно, выпустилъ его руки. Въ это самое время вошелъ Порфирій и съ нимъ Павлушка, парень дюжій, съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

— Такъ ты не хочешь окапчивать партіи?—говорилъ Ноздревъ.—Отвѣчай мнѣ напрямикъ!

— Бейте его!—кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость.

— Партіи нѣтъ возможности оканчивать,—говорилъ Чичиковъ и заглянулъ въ окно.

Онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая, а Селифанъ ожидалъ, казалось, мановенія, чтобы подкатить подъ крыльцо; но изъ комнаты не было никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣпостныхъ дурака.

— Такъ ты не хочешь доканчивать партіи?—повторилъ Ноздревъ съ лицомъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ.

— Если бъ ты игралъ, какъ прилично честному человѣку... но теперь не могу.

— А! такъ ты не можешь, подлецъ! Когда увидѣлъ, что не твоя беретъ, такъ и не можешь! Бейте его!—кричалъ онъ изступленно, обратившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ.

Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука.

— Бейте его!—кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость.—Бейте его!—кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричитъ своему взводу: «Ребята, впередъ!» какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже пріобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. «Ребята, впередъ!» кричитъ онъ, порываясь, не помышляя, что вредитъ уже обдуманному плану общаго приступа, что милліоны ружейныхъ дулъ выставились въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ, какъ пухъ, на воздухъ его безсильный взводъ и что уже свищетъ роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступавшаго подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ, крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Уже стулъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его; уже, зажмуривъ глаза, ни живъ ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать черкесскаго чубука своего хозяина, и, Богъ знаетъ, чего бы ни случилось съ нимъ; но судьбамъ угодно было спасти бока, плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ, какъ съ облаковъ, задребезжавшіе звуки колокольчика, раздался ясно стукъ колесъ подлетѣвшей къ крыльцу телѣги, и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно: кто-то съ усами, въ полувоенномъ сюртукѣ, вылѣзалъ изъ телѣги. Освѣдомившись въ передней, вошелъ онъ въ ту самую минуту, когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

— Позвольте узнать, кто здѣсь г. Ноздревъ?—сказалъ незнакомецъ, посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноздрева, который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ, и на Чичикова, который едва начиналъ оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

— Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить,—сказалъ Ноздревъ, подходя къ нему ближе.

— Капитанъ-исправникъ.

— А что вамъ угодно?

— Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе, что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу.

— Что за вздоръ, по какому дѣлу?—сказалъ Ноздревъ.

— Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ.

— Вы врете! Я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова.

— Милостивый государь, позвольте вамъ доложить, что я — офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ.

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что будетъ отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку, да по за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

ГЛАВА V.

Герой нашъ трухнулъ, однакожъ, порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую, и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками, но онъ все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня. Дыханіе его переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось, какъ перепелка въ клѣткѣ.

«Эхъ, какую баню задалъ! Смотри ты, какой!»

Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; попались даже и нехорошія слова. Что жъ дѣлать? Русскій человѣкъ да еще и всердцахъ! Къ тому дѣло было совсѣмъ нешуточное.

«Что ни говори, — сказалъ онъ самъ въ себѣ, — а не подоспѣй капитанъ-исправникъ, мнѣ бы, можетъ-быть, не далось болѣе и на свѣтъ Божій взглянуть! Пропалъ бы какъ волдырь на водѣ, безъ всякаго слѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія ни честнаго имени».

Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

«Экой скверный баринъ!—думалъ про себя Селифанъ:—я еще не видалъ такого барина. То-есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любитъ овесъ. Это его продовольство: что, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство».

Кони тоже, казалось, думали невыгодно о Ноздревѣ; не только гнѣдой и Засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпалъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: «Эхъ, ты, подлецъ!» но, однакожъ, это все-таки былъ овесъ, а не простое сѣно; онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо, когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно,—нехорошо! Всѣ были недовольны.

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди изліяній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулися только тогда, когда на нихъ наскакала коляска съ шестерикомъ коней и почти надъ головами ихъ раздался крикъ сидѣвшихъ въ коляскѣ дамъ, брань и угрозы чужого кучера:

— Ахъ, ты мошенникъ этакой! Вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: «Сворачивай, ворона, направо!»—Пьянъ ты, что ли?

Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ, пріосанясь:

— А ты что жъ такъ разскакался? Глаза-то свои въ кабакѣ заложилъ, что ли?

Вслѣдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было,—все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ сидѣвшія въ колискѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая—молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій овалъ лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца; ея тоненькія ушки также сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы,—все это въ ней было такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами.

— Отсаживай, что ли, пижегородская ворона!—кричалъ чужой кучеръ.

Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ то же, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ обстоятельствѣ чубарому коню такъ понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колеи, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что-то нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣроятно, чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхивалъ ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожъ, собраться мужики изъ деревни, которая была, къ счастію, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика—сущая благодать, все равно, что для нѣмца газеты или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята. Постромки отвязали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попятиться; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями, или, просто, дурь,—только сколько не хлысталъ ихъ кучеръ, они не двигались и стояли, какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возросло до невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ:

— Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что съ правой стороны, а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на коренного! Садись, дядя Митяй!

Сухощавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался на коренного коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую колокольню или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, но не тутъ-то было: ничего не пособилъ дядя Митяй.

— Стой, стой!—кричали мужики. — Садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!

Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ, съ черною, какъ уголь, бородою и брюхомъ, похожимъ на тотъ исполинскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на коренного, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли.

— Теперь дѣло пойдетъ,—кричали мужики.—Накаливай, накаливай его! Пришпандорь кнутомъ вонъ того, соловаго,—что онъ корячится, какъ корамора [1])?

---

[1]) „*Корамора*—большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ онъ въ комнату и торчитъ гдѣ-нибудь одиночкой на стѣнѣ. Къ нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ на что онъ только топырится, или корячится, какъ говоритъ народъ“.

Но увидѣвши, что дѣло не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сѣли оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконецъ кучеръ, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя и дядю Миняя; и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватали, не переводя духа, станцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою.

Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ скрылась, какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась—дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ,—вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями, сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже, вдругъ совершенно неожиданнымъ образомъ показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась. Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша—гусаръ ли онъ, студентъ ли онъ, или, просто, только что начавшій жизненное поприще—и Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи вдаль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры, и распеканья за промедленіе, позабывъ и себя, и службу, и міръ, и все, что ни есть въ мірѣ.

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумался и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. «Славная бабёшка!—сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку.—Но вѣдь что, главное, въ ней хорошо?—Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института; что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то-есть, именно того, что у нихъ есть самаго непріятнаго. Она теперь, какъ дитя; все въ ней просто: она скажетъ, что ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выйти и дрянь,—и выйдетъ дрянь! Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость и чопорность; станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ; станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ и какъ и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно; запутается, наконецъ, сама, и кончится тѣмъ, что станетъ, наконецъ, врать всю жизнь, и выйдетъ, просто, чортъ знаетъ что!» Здѣсь онъ нѣсколько времени помолчалъ и потомъ прибавилъ: «А любопытно бы знать, чьихъ она? Что, какъ ея отецъ? Богатый ли помѣщикъ почтеннаго

права или, просто, благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень-очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка». Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, зачѣмъ въ продолженіе хлопотни около экипажей не развѣдалъ отъ форейтора или кучера, кто такія были проѣзжающія. Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла его мысли и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла—одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди видѣлся деревянный домъ съ мезанипомъ, красной крышей и темно-сѣрыми или, лучше, дикими стѣнами,—домъ въ родѣ тѣхъ, какіе у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну съ боку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тоже срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна почти въ одно время два лица: женское, въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское—круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихостуннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой куртке съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто:

— Прошу!

И повелъ его во внутреннія жилья.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура недолго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ—вышелъ носъ; хватила въ другой—вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ,

сказавши: «Живетъ!» Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ: «Не безпокоилъ ли я васъ?» Но Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показалъ на кресла, сказавши опять: «Прошу!» Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими греками, неизвѣстно какимъ образомъ и для чего, помѣстился Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щеголей, которые наполняютъ нынѣшнія гостиныя. Хозяинъ, будучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины, у самаго окна, висѣла клѣтка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепцѣ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, какъ пальма.

— Это моя Ѳеодулія Ивановна, — сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны, которую она почти впихнула ему въ губы, при чемъ онъ имѣлъ случай замѣтилъ, что руки были вымыты огуречнымъ разсоломъ.

— Душенька, рекомендую тебѣ, — продолжалъ Собакевичъ: — Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться.

Ѳеодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: «Прошу!» и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериносовымъ платкомъ и уже не двигнула болѣе ни глазомъ ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ клѣткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрозда о дерево деревянной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что въ ней ни было: все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома. Въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ — совершенный медвѣдь. Столъ, кресла, стулья, — все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: «И я тоже Собакевичъ!» или: «И я тоже очень похожъ на Собакевича!»

— Мы о васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича,— сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, видя, что никто не располагается начинать разговора, — въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время.

— Да, я не былъ тогда у предсѣдателя, — отвѣчалъ Собакевичъ.

— А прекрасный человѣкъ!

— Кто такой? — сказалъ Собакевичъ, глядя на уголъ печи.

— Предсѣдатель.

— Ну, можетъ-быть, это вамъ такъ показалось: онъ только что масонъ, такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ.

Чичиковъ немного озадачился такимъ, отчасти рѣзкимъ, опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ:

— Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но зато губернаторъ — какой превосходный человѣкъ!

— Губернаторъ — превосходный человѣкъ?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойникъ въ мірѣ!

— Какъ, губернаторъ — разбойникъ! — сказалъ Чичиковъ и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники. — Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ, — продолжалъ онъ. — Но позвольте, однакоже, замѣтить: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много. — Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

— И лицо разбойничье! — сказалъ Собакевичъ. — Дайте ему только ножъ да выпустите его на большую дорогу, — зарѣжетъ, за копейку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога и Магога[1]).

«Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ, — подумалъ про себя Чичиковъ. — А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицмейстерѣ: онъ, кажется, другъ его».

— Впрочемъ, что до меня, — сказалъ онъ, — мнѣ, признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицмейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что-то простосердечное.

— Мошенникъ! — сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно: — продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ — христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья.

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ, біографій Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

— Что жъ, душенька, пойдемъ обѣдать, — сказала Собакевичу его супруга.

— Прошу! — сказалъ Собакевичъ.

За симъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, по рюмкѣ водки; закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то-есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли всѣ въ столовую; впереди ихъ, какъ плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро—трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка, или, просто, проживающая въ домѣ,—что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отроду еще не выходило слово изъ такихъ устъ; а гдѣ-нибудь въ дѣвичьей или въ кладовой окажется просто — ого-го!

---

[1]) Гогъ и Магогъ—апокалипсическіе страшные народы.

— Щи, моя душа, сегодня очень хороши, — сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгомъ и ножками. — Этакой няни, — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову, — вы не будете ѣсть въ городѣ: тамъ вамъ чортъ знаетъ что подадутъ!

— У губернатора, однакожъ, недуренъ столъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Да знаете ли, изъ чего это все готовится? Вы ѣсть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, какъ приготовляется, объ этомъ я не могу судить; но свиныя котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, что они на рынкѣ покупаютъ. Купитъ вонъ тотъ каналья-поваръ, что выучился у француза, кота, обдеретъ его да и подаетъ его на столъ вмѣсто зайца.

— Фу, какую ты непріятность говоришь! — сказала супруга Собакевича.

— А что жъ, душенька! Такъ у нихъ дѣлается: я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все, что ни есть ненужнаго, что Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лахань, они его въ супъ да въ супъ! Туда его!

— Ты за столомъ всегда этакое разска жешь,—возразила опять супруга Собакевича.

— Что жъ, душа моя,—сказалъ Собакевичъ,—если бъ я самъ это дѣлалъ, но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Возьмите барана,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову:—это бараній бокъ съ кашей. Это не тѣ фрикасе, что дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали доктора-нѣмцы да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это. Выдумали діэту—лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкокостная натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все...—здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ головою.—Толкуютъ—просвѣщенье, просвѣщенье, а это просвѣщенье... фукъ! Сказалъ бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично. У меня не такъ. У меня, когда свинина—всю свинью давай на столъ, баранина—всего барана тащи, гусь—всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требу-

стъ.—Сооакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку; съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

«Да, — подумалъ Чичиковъ, — у этого губа не дура».

— У меня не такъ, — говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руки: — у меня не такъ, какъ у какого-нибудь Плюшкина: восемьсотъ душъ имѣетъ, а живетъ и обѣдаетъ хуже моего пастуха.

— Кто такой этотъ Плюшкинъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Мошенникъ, — отвѣчалъ Собакевичъ. — Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей перемо-рилъ голодомъ.

— Вправду? — подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ. — И вы говорите, что у него, точно, люди умираютъ въ большомъ количествѣ?

— Какъ мухи мрутъ.

— Неужели, какъ мухи? А позвольте спросить: какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?

— Въ пяти верстахъ.

— Въ пяти верстахъ! — воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ не-большое сердечное біеніе. — Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо или налѣво?

— Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собакѣ!—сказалъ Собаке-вичъ.—Извинительнѣй сходить въ какое-нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему.

— Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ-либо... а потому только, что интере-суюсь познаніемъ всякаго рода мѣстъ, — отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ бокомъ послѣдовали вотрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый всякимъ добромъ: яйцами, рисомъ, печенками и нивѣсть чѣмъ, что все ложилось ко-момъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но, когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше. Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье, — ни груша, ни слива, ни иная ягода, — до котораго, впрочемъ, не дотронулись ни гость ни хозяинъ. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы накласть его и на другія блюдечки. Воспользо-вавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который, лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичи-ковъ обратился къ нему съ такими словами:

— Я хотѣлъ было поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ.

— Вотъ еще варенье, — сказала хозяйка, возвращаясь съ блюдечкомъ: — рѣдька, вареная въ меду!

— А вотъ мы его послѣ!—сказалъ Собакевичъ.—Ты ступай теперь въ свою комнату, мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фраки, маленько пріотдохнемъ!

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяинъ сказалъ: «Ничего, мы отдохнемъ въ креслахъ», и хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка принагнулъ голову, приготовляясь слышать, въ чемъ было дѣльце.

Чичиковъ началъ какъ-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русскаго государства и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика, и иностранцы справедливо удивляются... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что по существующимъ положеніямъ этого государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся, однакожъ, до подачи новой ревизской сказки наравнѣ съ живыми, чтобъ такимъ образомъ не

обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложность и безъ того уже весьма сложнаго государственнаго механизма... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что, однакоже, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ взносить подати такъ, какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность. Насчетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не назвалъ души умершими, а только — несуществующими.

Собакевичъ слушалъ все попрежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выраженіе показалось на лицѣ его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

— Итакъ?..— сказалъ Чичиковъ, ожидая не безъ нѣкотораго волненія отвѣта.

— Вамъ нужно мертвыхъ душъ? — спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

— Да, — отвѣчалъ Чичиковъ и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши:— несуществующихъ.

— Найдутся; почему не быть, — сказалъ Собакевичъ.

— А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?

— Извольте, я готовъ продать, — сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покупщикъ, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

«Чортъ возьми! — подумалъ Чичиковъ про себя: — этотъ ужъ продаетъ прежде, чѣмъ я заикнулся!» И проговорилъ вслухъ: — А, напримѣръ, какъ же цѣна? Хотя, впрочемъ, это такой предметъ... что о цѣнѣ даже странно...

— Да чтобы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку,— сказалъ Собакевичъ.

— По сту! — вскричалъ Чичиковъ, разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза, не зная, самъ ли онъ ослышался, или языкъ Собакевича, по своей тяжелой натурѣ, не такъ поворотившись, брякнулъ вмѣсто одного другое слово.

— Что жъ, развѣ это для васъ дорого? — произнесъ Собакевичъ и потомъ прибавилъ: — А какая бы, однакожъ, ваша цѣна?

— Моя цѣна! Мы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись или не понимаемъ другъ друга, позабыли, въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю съ своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривенъ за душу — это самая красная цѣна!

— Эхъ, куда хватили — по восьми гривенокъ!

— Что же, по моему сужденію, какъ я думаю, больше нельзя.

— Вѣдь я продаю не лапти.

— Однакожъ, согласитесь сами, вѣдь это тоже и не люди.

— Такъ вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вамъ продалъ по двугривенному ревизскую душу?

— Но позвольте: зачѣмъ вы ихъ называете ревизскими? Вѣдь души-то самыя давно уже умерли, остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ. Впрочемъ, чтобы не входить въ дальнѣйшіе разговоры по этой части, по полтора рубля, извольте, дамъ, а больше не могу.

— Стыдно вамъ и говорить такую сумму! Вы торгуйтесь, говорите настоящую цѣну!

— Не могу, Михаилъ Семеновичъ, повѣрьте моей совѣсти, не могу: чо ужъ невозможно сдѣлать, того никакъ невозможно сдѣлать,—говорилъ Чи ковъ, однакожъ по полтинкѣ еще прибавилъ.

— Да чего вы скупитесь?—сказалъ Собакевичъ.—Право, недорого! Дру мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здо вый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! В больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, ка бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочность такая... самъ обобьетъ и лакомъ покроетъ!

Чичиковъ открылъ ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева, однако давно нѣтъ на свѣтѣ, но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую с рѣчи: откуда взялась рысь и даръ слова.

— А Пробка Степанъ, плотникъ? Я голову прозакладую, если вы сыщете такого мужика. Вѣдь что за силища была! Служи онъ въ гвардіи—е бы, Богъ знаетъ, что дали: трехъ аршинъ съ вершкомъ ростомъ!

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевич какъ видно, пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слуша

— Милушкинъ, кирпичникъ! Могъ поставить печь въ какомъ угодно до Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги; что поги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмельного. А Еремѣй Сорокоплехин Да этотъ мужикъ одинъ станетъ за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного обро приносилъ по пятисотъ рублей. Вѣдь вотъ какой народъ! Это не то, что ва продастъ какой-нибудь Плюшкинъ.

— Но позвольте,—сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, изумленный такимъ обил нымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было:—зачѣмъ исчисляете всѣ ихъ качества? Вѣдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, вѣдь з все народъ мертвый. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай, говоритъ послови

— Да, конечно, мертвые,—сказалъ Собакевичъ, какъ бы одумавшись припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые, а потомъ прибавилъ:- Впрочемъ, и то сказать: что изъ этихъ людей, которые числятся теперь жив щими? Что это за люди?—Мухи, а не люди.

— Да все же они существуютъ, а это вѣдь мечта.

— Ну, нѣтъ, не мечта! Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ такихъ людей не сыщете: машинища такая, что въ эту комнату не войдет нѣтъ, это не мечта! А въ плечищахъ у него была такая силища, какой нѣтъ лошади. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ бы вы въ другомъ мѣстѣ нашли такую мечт

Послѣднія слова онъ уже сказалъ, обратившись къ висѣвшимъ на стѣ портретамъ Багратіона и Колокотрони, какъ обыкновенно случается съ разг варивающими, когда одинъ изъ нихъ вдругъ, неизвѣстно почему, обратится къ тому лицу, къ которому относятся слова, а къ какому-нибудь нечаянно пр шедшему третьему, даже вовсе незнакомому, отъ котораго знаетъ, что услышитъ ни отвѣта, ни мнѣнія, ни подтвержденія, но на котораго, однакож такъ устремитъ взглядъ, какъ будто призываетъ его въ посредники; и нѣсколь смѣшавшійся въ первую минуту незнакомецъ не знаетъ, отвѣчать ли ему то дѣло, о которомъ ничего не слышалъ, или такъ постоять, соблюдши надл жащее приличіе, и потомъ уже уйти прочь.

— Нѣтъ, больше двухъ рублей я не могу дать,—сказалъ Чичиковъ.

— Извольте, чтобъ не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте—по семидесяти пяти рубл за душу, только ассигнаціями—право, только для знакомства!

Собакевичъ слушалъ все попрежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выраженіе показалось на лицѣ его.

«Что онъ въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ про себя Чичиковъ,—за дурака, чт ли, принимаетъ меня?» и прибавилъ потомъ вслухъ:

— Мнѣ странно, право: кажется, между нами происходитъ какое-то театраль ное представленіе или комедія: иначе я не могу себѣ объяснить... Вы, кажется человѣкъ довольно умный, владѣете свѣдѣніями образованности. Вѣдь предмет просто—фу, фу! Что жъ онъ стоитъ? Кому нуженъ?

— Да, вотъ, вы же покупаете, стало-быть нуженъ.

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелся, что отвѣчать. Онъ сталъ бы говорить про какія-то обстоятельства фамильныя и семейственныя, но Собаке вичъ отвѣчалъ просто:

— Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамильны не мѣшаюсь,—это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, будете раскаиваться, что не купили.

— Два рублика,—сказалъ Чичиковъ.

— Экъ, право! *Затвердила сорока Якова—одно про всякаго,* как говоритъ пословица: какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать Вы давайте настоящую цѣну!

«Ну, ужъ чортъ его побери!—подумалъ про себя Чичиковъ:—по полтин ему прибавлю, собакѣ, на орѣхи!»

— Извольте, по полтинѣ прибавлю.

— Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово—пятьдесят рублей! Право, убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаг народа.

«Экой кулакъ!» сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ продолжалъ вслухъ с нѣкоторою досадою:

— Да что въ самомъ дѣлѣ?.. Какъ будто точно серьезное дѣло! Да я в другомъ мѣстѣ нипочемъ возьму. Еще мнѣ всякій съ охотой сбудетъ ихъ, что бы только поскорѣй избавиться отъ нихъ. Дуракъ развѣ станетъ держать их при себѣ и платить за нихъ подати!

— Но знаете ли, что такого рода покупки,—я это говорю между нами, п дружбѣ,—не всегда позволительны, и разскажи я, или кто иной—такому чело вѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ или вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства.

«Вишь, куда мѣтитъ, подлецъ!» подумалъ Чичиковъ, и тутъ же произ несъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ:

— Какъ вы себѣ хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, как вы думаете, а такъ... по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтино не хотите—прощайте!

«Его не собьешь, неподатливъ!» подумалъ Собакевичъ.

— Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!

— Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!

— Позвольте, позвольте!—сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ поберечься, въ наказанье за что долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.

— Прошу прощенья! Я, кажется, васъ побезпокоилъ. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу!—Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣетъ и перевертываться и дѣлать разныя штуки на вопросы: «А покажи, Миша, какъ бабы парятся?» или: «А какъ, Миша, малые ребята горохъ крадутъ?»

— Право, я напрасно время трачу; мнѣ нужно спѣшить.

— Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово.—Тутъ Собакевичъ подсѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо, какъ будто секретъ:—Хотите—уголъ?

— То-есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни! Даже четверти угла не дамъ, копейки не прибавлю.

Собакевичъ замолчалъ. Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку.

— Какая жъ ваша будетъ послѣдняя цѣна?—сказалъ, наконецъ, Собакевичъ.

— Два съ полтиною.

— Право, у васъ душа человѣческая все равно, что пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубли дайте!

— Не могу.

— Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убытокъ, да ужъ нравъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему. Вѣдь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ?

— Разумѣется.

— Ну, вотъ то-то же; нужно будетъ ѣхать въ городъ.

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городѣ и управиться съ купчей крѣпостью. Чичиковъ попросилъ списочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выписывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

А Чичиковъ отъ нечего дѣлать занялся, находясь позади, разсматриваньемъ всего просторнаго его оклада. Какъ взглянулъ онъ на его спину, широкую, какъ у вятскихъ приземистыхъ лошадей, и на ноги его, походившія на чугунныя тумбы, которыя ставятъ на тротуарахъ, не могъ не воскликнуть внутренно:

— Экъ наградилъ-то тебя Богъ! Вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ!.. Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня съ мужиками, и ты чрезъ нихъ сдѣлался то, что называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолустьѣ. Вся разница въ томъ, что теперь ты упишешь полбараньяго бока съ кашей, закусивши ветрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои—тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца—выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки, дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку! Да еще, пожалуй, скажетъ потомъ:—Дай-ка, себя покажу!—Да такое выдумаетъ мудрое постановленіе, что многимъ придется солоно... Эхъ, если бы всѣ кулаки...

— Готова записка!—сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

— Готова? Пожалуйте ее сюда!—Онъ пробѣжалъ ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ находились особенныя отмѣтки насчетъ поведенія, трезвости,—словомъ, любо было глядѣть.

— Теперь пожалуйте же задаточекъ,—сказалъ Собакевичъ.

— Къ чему же вамъ задаточекъ?—Вы получите въ городѣ за однимъ разомъ всѣ деньги.

— Все, знаете, такъ ужъ водится,—возразилъ Собакевичъ.

— Не знаю, какъ вамъ дать: я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть.

— Что жъ десять! Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ!

Чичиковъ сталъ было отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши:

— Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписку.

— Да на что жъ вамъ расписка?

— Все, знаете, лучше расписку. Не ровенъ часъ... все можетъ случиться.

— Хорошо, дайте же сюда деньги.

— На что жъ деньги? У меня вотъ онѣ въ рукѣ! Какъ только напишите расписку, въ ту же минуту ихъ возьмете.

— Да позвольте, какъ же мнѣ писать расписку? Прежде нужно видѣть деньги.

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который, приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

— Бумажка-то старенькая,—произнесъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ на свѣтѣ:—немножко разорвана: ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть.

«Кулакъ, кулакъ!—подумалъ про себя Чичиковъ:—да еще и бестія въ придачу!»

— А женскаго пола не хотите?

— Нѣтъ, благодарю.

— Я бы недорого и взялъ. Для знакомства, по рублику за штуку.

— Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь.

— Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: *кто любитъ попа, а кто попадью*, говоритъ пословица.

— Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами,— говорилъ Чичиковъ, прощаясь.

— Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего мѣшать: что по искренности происходитъ между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посѣтили; прошу и впередъ не забывать; коли выберется свободный часокъ, пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ-быть, опять случится услужить чѣмъ-нибудь другъ другу.

«Да, какъ бы не такъ!—думалъ про себя Чичиковъ, садясь въ бричку.— Но два съ полтиною содралъ за мертвую душу, чортовъ кулакъ!»

Онъ былъ недоволенъ поведеніемъ Собакевича. Все-таки, какъ бы то ни было, человѣкъ знакомый, и у губернатора и у полицмейстера видались, а поступилъ, какъ бы совершенно чужой: за дрянь взялъ деньги! Когда бричка выѣхала со двора, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Собакевичъ все еще стоялъ на крыльцѣ и, какъ казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поѣдетъ.

— Подлецъ, до сихъ поръ еще стоитъ!—проговорилъ онъ сквозь зубы и велѣлъ Селифану, поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отъѣхать такимъ образомъ, чтобы нельзя было видѣть экипажа со стороны господскаго двора. Ему

хотѣлось заѣхать къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали, какъ мухи, но не хотѣлось, чтобы Собакевичъ зналъ про это. Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который, попавши гдѣ-то на дорогѣ на претолстое бревно, тащилъ его на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу.

— Эй, борода! А какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину, такъ, чтобъ не мимо господскаго дома?

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

— Что жъ, не знаешь?

— Нѣтъ, баринъ, не знаю.

— Эхъ, ты! А и сѣдымъ волосомъ еще подернуло! Скрягу Плюшкина не знаешь,—того, что плохо кормитъ людей?

— А! заплатанной, заплатанной!..—вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову *заплатанной*, очень удачное, но неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а потому мы его пропустимъ. Впрочемъ, можно догадываться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что Чичиковъ, хотя мужикъ давно уже пропалъ изъ вида и много уѣхали впередъ, однакожъ все еще усмѣхался, сидя въ бричкѣ. Выражается сильно россійскій народъ! И если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущихъ людишекъ выводить его за наемную плату отъ древнекняжескаго рода, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куда бываетъ мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все—самъ самородокъ, живой и бойкій русскій умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ сразу, какъ пашпортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, крестами разсыпано на святой, благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственнаго своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово британца; легкимъ щегольствомъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, такъ мѣтко сказанное русское слово.

ГЛАВА VI.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слобода,—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ: всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь за-

мѣтной особенности,—все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинешенекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью; рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города,—ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфетъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался, куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовыя дѣвки въ монистахъ или мальчикъ въ толстой куртки принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь, съ своею тогда—увы!—вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріятно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О моя юность! О моя свѣжесть!

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ середину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепіанныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необеregшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревна на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху да жерди по сторонамъ въ видѣ реберъ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ и на большой дорогѣ,—словомъ, гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ,

иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ, дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись бо многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой—опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрекавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и, наконецъ, глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ, наконецъ, вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть, какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда

они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто осъ-толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній,—людскихъ, амбаровъ, погребовъ,—видимо, ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину—ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста; въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура—баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. «Ой, баба!» подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: «Ой, нѣтъ!» — «Конечно, баба!» наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

— Послушай, матушка,—сказалъ онъ, выходя изъ брички,—что баринъ?..

— Нѣтъ дома,—прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила:—А что вамъ нужно?

— Есть дѣло.

— Идите въ комнаты!—сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ, наконецъ, очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и рядомъ съ нимъ часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка кресель, рюмка съ какою-то жидкостью

и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ-быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ, длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ середины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребываніе старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное ея убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не бреетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

— Что жъ баринъ? У себя, что ли?

— Здѣсь хозяинъ, — сказалъ ключникъ.

— Гдѣ же? — повторилъ Чичиковъ.

— Что, батюшка, слѣпы-то, что ли? — сказалъ ключникъ.—Эхва! А вить хозяинъ-то я!

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, ка-

кихъ намъ съ читателемъ, можетъ-быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага! На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ припаряженнаго гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другого столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но растерянно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя-француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ; приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ является къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣстъ какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные — картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость: сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель-французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны. Сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты, онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида его болѣе и болѣе главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей

комнатѣ: неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались-торговались и, наконецъ, бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ: сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ памѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого — на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ: куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановился съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ; дворцами глядятъ его бѣлые каменные домы съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеніями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? Театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями, плошками, оглашенный громомъ музыки садъ. Полъ-губерніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе и суровѣе и въ двадцать разъ грознѣе является чрезъ то ночное небо, и, далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія, но спо-

Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ.—Еще покойница дѣлала,—продолжалъ Плюшкинъ; — мошенница-ключница совсѣмъ было забросила его и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

хватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще один взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово: *добро дѣтель* и *рѣдкія свойства души* можно съ успѣхомъ замѣнить словами *экономія* и *порядокъ*; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, он сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрел тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, — ибо зубовъ н было, — что именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: «А по бралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!» Но такъ какъ гостепріимство насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ силахъ преступить его законовъ то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе:

— Прошу покорнѣйше садиться. Я давненько не вижу гостей, — сказалъ онъ: — да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели препепри личный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась: начнешь топить, еще пожар надѣлаешь.

«Вонъ оно какъ! — подумалъ про себя Чичиковъ. — Хорошо же, что я Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть барапьяго бока».

— И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ! — продолжалъ Плюшкинъ. — Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? Землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, как бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по міру!

— Мнѣ, однакоже, сказывали, — скромно замѣтилъ Чичиковъ, — что у васъ болѣе тысячи душъ.

— А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ, пересмѣшникъ, видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысяча душъ, а поди-ка, сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ.

— Скажите! И много выморила? — воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

— Да, снесли многихъ.

— А позвольте узнать: сколько числомъ?

— Душъ восемьдесятъ.

— Нѣтъ?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?

— Это бы еще слава Богу, — сказалъ Плюшкинъ: — да лихъ-то, что съ того времени до ста двадцати наберется.

— Вправду? Цѣлыхъ сто двадцать? — воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

— Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу! — сказалъ Плюшкинъ.

Онъ, казалось, обидѣлся такимъ почти радостнымъ восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

— Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь,—сказалъ Плюшкинъ.— Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся, говоритъ, —

родственникъ: «Дядяшка, дядюшка», и въ руку цѣлуетъ; а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, насмерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актерка выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ?

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и, наконецъ, спросилъ:

— Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво: — служилъ по статской.

— По статской? — повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что-нибудь кушалъ. — Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?

— Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ.

— Ахъ, батюшка! Ахъ, благодѣтель мой! — вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густого кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. — Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! Ахъ, святители вы мои!.. — Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ возить себя по верхней губѣ.

— Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?

— Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ продали.

— Да, купчую крѣпость... — сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. — Вѣдь вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде, бывало, полтиной мѣди отдѣлаешься да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ да и красную бумажку прибавь — такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманія. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь.

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» подумалъ про себя Чичиковъ и произнесъ тутъ же, что изъ уваженія къ нему онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а, вѣрно, былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всѣмъ томъ онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: «Эй, Прошка!» Чрезъ минуту было слышно, что кто-то вбѣжалъ впопыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ та-

кихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать ссйчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій, призываемый въ барскіе покои, обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время, особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

— Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа! — сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. — Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ! Скажи, чего? — Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. — Поставь самоваръ — слышишь? — да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!.. Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина!.. Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?.. Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую: не то — я тебя знаешь?—березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! Вонъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть... Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять, — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: «Вѣдь чортъ его знаетъ; можетъ-быть, онъ, просто, хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ!» А потому изъ предосторожности и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкапу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и, наконецъ, произнесъ:

— Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не вышли: народъ — такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ? — Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. — Еще покойница дѣлала, — продолжалъ Плюшкинъ: — мошенница-ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было нашичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку.

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ и ѣлъ.

— Пили уже и ѣли! — сказалъ Плюшкинъ. — Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ этакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: «Дя-

дюшка, — говоритъ, — дайте чего-нибудь поѣсть!» А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! Я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы при первой подачѣ ревизіи всѣхъ ихъ вычеркнуть.

Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчевалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

— Въ городъ? Да какъ же?.. А домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ или воръ или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить.

— Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?

— Да кого же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли или раззнакомились... Ахъ, батюшка, какъ не имѣть? Имѣю! — вскричалъ онъ. — Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ. Какъ не знать! Однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ незнакомый? Ужъ такой знакомый!.. Такъ ужъ не къ нему ли написать?

— И, конечно, къ нему!

— Какъ же, ужъ такой знакомый! Въ школѣ были пріятели.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, но мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки — появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣе и еще пошлѣе.

— Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги, — сказалъ онъ, — да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!—Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ и на столъ, шарилъ вездѣ и, наконецъ, закричалъ: «Мавра, а Мавра!»

На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

— Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?

— Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.

— А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.

— Да на что жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку въ ней никакого: я грамотѣ не знаю.

— Врешь, ты снесла понамаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.

— Да понамаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!

— Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ!

— Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.

— А вотъ черти-то тебя и припекутъ! Скажутъ: «А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!

— А я скажу: «Не за что! Ей Богу; не за что, не брала я...» Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкинъ увидѣлъ, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ:

— Ну, что жъ ты расходилась такъ? Экая запозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! Ты схватишь сальную свѣчу; сало — дѣло тонкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты припеси-ко мнѣ лучинку!

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но, наконецъ, убѣдился, что никакъ нельзя, всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? Могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? — Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: *здѣсь погребенъ человѣкъ*, но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего пріятеля, — сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо, — которому бы понадобились бѣглыя души?

— А у васъ есть и бѣглыя? — быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

— Въ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говоритъ, будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ — человѣкъ военный: мастеръ притоптывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ...

— А сколько ихъ будетъ числомъ?

— Да десятковъ до семи тоже наберется.

— Нѣтъ?

— А, ей Богу, такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего... А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ.

«Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ», сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана да уходить подалѣе; но что если онъ ужъ дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать... но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить.

— А сколько бы вы дали?—спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ, руки его задрожали, какъ ртуть.

— Я бы далъ по двадцати пяти копеекъ за душу.

— А какъ вы покупаете—на чистыя?

— Да, сейчасъ деньги.

— Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеекъ.

— Почтеннѣйшій,—сказалъ Чичиковъ,—не только по сорока копеекъ, по пятисотъ рублей заплатилъ бы! Съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу — почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія.

— А, ей Богу, такъ! Ей Богу, правда!—сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ею.—Все отъ добродушія.

— Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. Итакъ, почему жъ не дать бы мнѣ по пятисотъ рублей за душу, но... состоянья нѣтъ: по пяти копеекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копеекъ.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копейки пристегните.

— По двѣ копеечки, пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили—семьдесятъ?

— Нѣтъ всего наберется семьдесятъ восемь.

— Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копеекъ за душу, это будетъ...—Здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, подумалъ и сказалъ вдругъ:—это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копеекъ! — Онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать расписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, боясь ежеминутно пролить ее. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ, тоже чрезвычайно осторожно, въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ-быть, и капитана, приписавшагося ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

— А что, вы ужъ собираетесь ѣхать?—сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не зачѣмъ болѣе мѣшкать.

— Да, мнѣ пора!—произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

— А чайку?

— Нѣтъ, ужъ чайку пусть лучше когда-нибудь въ другое время.

— Какъ же? А я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка! Не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ. Слышишь? Пусть его положитъ на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка! Да благословитъ васъ Богъ! А письмо-то предсѣдателю вы отдайте. Да! Пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! Были съ нимъ однокорытниками!

За симъ это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, намѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ

видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе.

«Я ему подарю,—подумалъ онъ про себя,—карманные часы: они вѣдь хорошіе серебряные часы, а не то, чтобы какіе-нибудь томпаковые или бронзовые,—немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія: — лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ».

Но герой нашъ и безъ часовъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Такое неожиданное пріобрѣтеніе было сущій подарокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что ни говори, не только однѣ мертвыя души, но еще и бѣглыя, и всего двѣсти слишкомъ человѣкъ! Конечно, еще подъѣзжая къ деревнѣ Плюшкина, онъ уже предчувствовалъ, что будетъ кое-какая пожива, но такой прибыточной никакъ не ожидалъ. Всю дорогу онъ былъ веселъ необыкновенно, посвистывалъ, напѣвалъ губами, приставивши ко рту кулакъ, какъ будто игралъ на трубѣ, и, наконецъ, затянулъ какую-то пѣсню, до такой степени необыкновенную, что самъ Селифанъ слушалъ, слушалъ и потомъ, покачавъ слегка головой, сказалъ: «Вишь ты, какъ баринъ поетъ!» Были уже густыя сумерки, когда подъѣхали они къ городу. Тѣнь со свѣтомъ перемѣшалась совершенно, казалось, самые предметы перемѣшались тоже. Пестрый шлагбаумъ принялъ какой-то неопредѣленный цвѣтъ; усы у стоявшаго на часахъ солдата казались на лбу и гораздо выше глазъ, а носа какъ будто не было вовсе. Громъ и прыжки дали замѣтить, что бричка взъѣхала на мостовую. Фонари еще не зажигались, кое-гдѣ только начинали освѣщаться окна домовъ, а въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдатъ, извозчиковъ, работниковъ и особеннаго рода существъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ шаляхъ и башмакахъ безъ чулокъ, которыя, какъ летучія мыши, шныряютъ по перекресткамъ. Чичиковъ не замѣчалъ ихъ и даже не замѣтилъ многихъ тоненькихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, вѣроятно, сдѣлавши прогулку за городомъ, возвращались домой. Изрѣдка доходили до слуха его какія-то, казалось, женскія восклицанія: «Врешь, пьяница, я никогда не позволяла ему такого грубіянства!» или: «Ты не дерись, невѣжа, а ступай въ часть, тамъ я тебѣ докажу!..» Словомъ, тѣ слова, которыя вдругъ обдадутъ, какъ варомъ, какого-нибудь замечтавшагося двадцатилѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ и что не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости [1])—вдругъ раздаются надъ нимъ, какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять передъ нимъ жизнь.

Наконецъ бричка, сдѣлавши порядочный скачокъ, опустилась, какъ будто въ яму, въ ворота гостиницы, и Чичиковъ былъ встрѣченъ Петрушкою, который одною рукою придерживалъ полу своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились полы, а другою сталъ помогать ему вылѣзать изъ брички. Половой тоже выбѣжалъ со свѣчою въ рукѣ и салфеткою на плечѣ. Обрадовался ли Петрушка

---

[1]) Т.-е. смотрѣлъ пьесы Шиллера; Шиллеръ—великій нѣмецкій поэтъ; род. въ 1757 г., ум. въ 1805 г.

пріѣзду барина—неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, они перемигнулись съ Селифаномъ, и обыкновенно суровая его наружность на этотъ разъ какъ будто нѣсколько прояснилась.

— Долго изволили погулять,—сказалъ половой, освѣщая лѣстницу.

— Да,—сказалъ Чичиковъ, когда взошелъ на лѣстницу.—Ну, а ты что?

— Слава Богу,—отвѣчалъ половой, кланяясь.—Вчера пріѣхалъ поручикъ какой-то военный, занялъ шестнадцатый номеръ.

— Поручикъ?

— Неизвѣстно какой, изъ Рязани, гнѣдыя лошади.

— Хорошо, хорошо, веди себя и впередъ хорошо! — сказалъ Чичиковъ и вошелъ въ свою комнату. Проходя переднюю, онъ покрутилъ носомъ и сказалъ Петрушкѣ:—Ты бы, по крайней мѣрѣ, хоть окна отперъ!

— Да я ихъ отпиралъ,—сказалъ Петрушка, да и совралъ. Впрочемъ, баринъ и самъ зналъ, что онъ совралъ, но ужъ не хотѣлъ ничего возражать. Послѣ сдѣланной поѣздки онъ чувствовалъ сильную усталость. Потребовавши самый легкій ужинъ, состоявшій только въ поросенкѣ, онъ тотъ же часъ раздѣлся и, забравшись подъ одѣяло, заснулъ сильно, крѣпко, заснулъ чуднымъ образомъ, какъ спятъ одни только тѣ счастливцы, которые не вѣдаютъ ни геморроя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей.

ГЛАВА VII.

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги, съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, брянчаньями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ, наконецъ, знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками—и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ навстрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти. Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ, но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ—онъ Богъ! Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ

горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяніи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда,—лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудною властію итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье главы, и почуютъ къ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей...

Въ дорогу! Въ дорогу! Прочь, набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь, со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками, и посмотримъ, что дѣлаетъ Чичиковъ.

Чичиковъ проснулся, потянулъ руки и ноги и почувствовалъ, что выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ. Тутъ же вскочилъ онъ съ постели, не посмотрѣлъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно и въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо весьма часто хвалился имъ предъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это происходило во время бритья.

— Вотъ, посмотри,—говорилъ онъ обыкновенно, поглаживая его рукою,—какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!

Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ ни на лицо, а прямо, такъ, какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги съ рѣзными выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденіямъ русской натуры, и, по-шотландски, въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣта, произвелъ по комнатѣ два прыжка, пришлепнувъ себя весьма ловко пяткой ноги. Потомъ, въ ту же минуту, приступилъ къ дѣлу: передъ шкатулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ потираетъ ихъ выѣхавшій на слѣдствіе неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ, и тотъ же часъ вынулъ изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ долгій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпости, написать и переписать, чтобъ не платить ничего подьячимъ. Форменный порядокъ былъ ему совершенно извѣстенъ; бойко выставилъ онъ

большими буквами: *Тысяча восемьсотъ такого-то года*; потомъ, вслѣдъ за тѣмъ, мелкими: *помѣщикъ такой-то*, и все, что слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали баръ, а можетъ-быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому, чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ будто имѣла какой-то особенный характеръ, и чрезъ то, какъ будто бы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочкѣ, всѣ почти были съ придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостію въ слогѣ: часто были выставлены только начальныя слова именъ и отчествъ и потомъ двѣ точки. Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностію: ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено: объ одномъ было сказано «хорошій столяръ», къ другому приписано: «дѣло смыслитъ и хмельного не беретъ». Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать и какого оба были поведенія; у одного только, какого-то Ѳедотова, было написано: «отецъ неизвѣстно кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капетолины, но хорошаго нрава и не воръ». Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ:

— Батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Что вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку своемъ? Какъ перебивались?

И глаза его невольно остановились на одной фамиліи. Это былъ извѣстный Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, принадлежавшій когда-то помѣщицѣ Коробочкѣ. Онъ опять не утерпѣлъ, чтобы не сказать:

— Эхъ, какой длинный, во всю строку разъѣхался! Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертью тебя прибрало? Въ кабакѣ ли, или среди дороги переѣхалъ тебя соннаго неуклюжій обозъ?—Пробка Степанъ, *плотникъ трезвости примѣрной*.—А! Вотъ онъ, Степанъ Пробка, вотъ тотъ богатырь, что въ гвардію годился бы! Чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ съѣдалъ на грошъ хлѣба да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту, а можетъ, и государственную зашивалъ въ холстяные штаны или затыкалъ въ сапогъ... Гдѣ тебя прибрало? Взмостился ли ты для большаго прибытку подъ церковный куполъ, а можетъ-быть, и на крестъ потащился, и, поскользнувшись оттуда съ перекладины, шлепнулся оземь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей, почесавъ рукою въ затылкѣ, примолвилъ: «Эхъ, Ваня, угораздило тебя!» а самъ, подвязавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто.—Максимъ Телятниковъ, *сапожникъ*. Хе, сапожникъ! *Пьянъ какъ сапожникъ*, говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ, и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камрадомъ. А какъ кончилось твое ученье: «А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ,—сказалъ ты;—да не такъ, какъ нѣмецъ, что изъ копейки тянется, а вдругъ разбогатѣю». И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то втридешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая: «Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ!»

— Это что за мужикъ: Елизавета Воробей? Фу, ты пропасть: баба! Она какъ сюда затесалась? Подлецъ Собакевичъ, и здѣсь надулъ!

Чичиковъ былъ правъ; это была, точно, баба. Какъ она забралась туда—неизвѣстно; но такъ искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то-есть, не Елизавета, а Елизаветъ. Однакоже онъ это не принялъ въ уваженіе и тутъ же ее вычеркнулъ.

— Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь! Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промышлялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дома, отъ родной берлоги, и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ременныя твои рукавицы и тройка приземистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ, и самъ, лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, да ни съ того ни съ другого заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай, какъ звали? Эхъ, русскій народецъ! Не любитъ умирать своею смертью!—А вы что, мои голубчики?—продолжалъ онъ, переводя глазами на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина.—Вы хоть и въ живыхъ еще, а что въ васъ толку? То же, что и мертвые. И гдѣ-то носятъ васъ теперь ваши быстрыя ноги? Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или, просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ да дерете проѣзжихъ? По тюрьмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю?—Еремѣй Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антонъ Волокита. Эти и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны.—Поповъ, дворовый человѣкъ... Долженъ быть грамотей: ножа, я чай, не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя, безпашпортнаго, поймалъ капитанъ-исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ. «Чей ты?» говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ, при сей вѣрной оказіи, кое-какое крѣпкое словцо. «Такого-то и такого-то помѣщика», отвѣчаешь ты бойко. «Зачѣмъ ты здѣсь?» говоритъ капитанъ-исправникъ. «Отпущенъ на оброкъ», отвѣчаешь ты безъ запинки. «Гдѣ твой пашпортъ?»—«У хозяина, мѣщанина Пименова».—«Позвать Пименова! Ты—Пименовъ?»—«Я—Пименовъ».—«Давалъ онъ тебѣ пашпортъ свой?»—«Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого пашпорта».—«Что жъ ты врешь?» говоритъ капитанъ-исправникъ съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца. «Такъ точно,—отвѣчаешь ты бойко:—я не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на подержаніе Антипу Прохорову, звонарю».—«Позвать звонаря! Давалъ онъ тебѣ пашпортъ?»—«Нѣтъ, не получалъ я отъ него пашпорта».—«Что жъ ты опять врешь?—говоритъ капитанъ-исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ.—Гдѣ жъ твой пашпортъ?»—«Онъ у меня былъ,—говоришь ты проворно,—да, статься-можетъ, видно, какъ-нибудь дорогой пообронилъ его».—«А солдатскую шинель,—говоритъ капитанъ-исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое словцо,—зачѣмъ стащилъ? И у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?»—«Никакъ нѣтъ,—говоришь ты, не сдвинувшись:—въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался».—«А почему же шинель нашли у тебя?»—«Не могу знать: вѣрно, кто-нибудь другой принесъ ее».—«Ахъ, ты бестія, бестія!—говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головою и взявшись подъ бока.—А набейте ему на ноги колодки да сведите въ тюрьму».—«Извольте, я съ удовольствіемъ», отвѣчаешь ты. И вотъ, вынувши изъ кармана табакерку, ты потчеваешь дружелюбно какихъ-то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и разспрашиваешь ихъ, давно ли они въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣстъ въ судѣ производится твое дѣло. И пи-

шетъ судъ: препроводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого-то города; а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весьегонскъ; и ты переѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и говоришь, осматривая новое обиталище: «Нѣтъ, вотъ весьегонская тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общества больше».

— Абакумъ Ѳыровъ! Ты, братъ, что? Гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу и взлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ?..

Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участью Абакума Ѳырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ о разгулѣ широкой жизни? И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Ѳыровъ? Гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ любовницами и женами, высокими, стройными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь, а носильщики между тѣмъ, при крикахъ, браняхъ и понуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣются по всей площади кучи наваленныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ, и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь въ глубокія суда-суряки и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весенними льдами, безконечный флотъ. Тамъ-то вы наработаетесь бурлаки! И дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и поть, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню!

— Эхе-хе, двѣнадцать часовъ!—сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, взглянувъ на часы.—Что же я такъ закопался? Да еще пусть бы дѣло дѣлалъ, а то, ни съ того ни съ другого, сначала загородилъ околесину, а потомъ задумался. Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!

Сказавши это, онъ перемѣнилъ свой шотландскій костюмъ на европейскій, стянулъ покрѣпче пряжкой свой полный животъ, вспрыснулъ себя одеколономъ, взялъ въ руки теплый картузъ и бумаги подъ мышку и отправился въ гражданскую палату совершать купчую. Онъ спѣшилъ не потому, что боялся опоздать,—опоздать онъ не боялся, ибо предсѣдатель былъ человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить, по его желанію, присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера [1]), длившему дни и насылавшему быстрыя ночи, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ или дать имъ средство додраться; но онъ самъ въ себѣ чувствовалъ желаніе скорѣе, какъ можно, привести дѣло къ концу; до тѣхъ поръ ему казалось все неспокойно и неловко: все-таки приходила мысль, что души не совсѣмъ настоящія и что въ подобныхъ случаяхъ такую обузу всегда нужно поскорѣе съ плечъ. Не успѣлъ онъ выйти на улицу, размышляя обо всемъ этомъ и въ то же время таща на плечахъ медвѣди, крытые коричневымъ сукномъ, какъ на самомъ поворотѣ въ переулокъ столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ—это былъ Маниловъ. Они заключили тутъ же другъ друга въ объятія и минутъ пять оставались на улицѣ въ такомъ положеніи. Поцѣлуи съ обѣихъ сторонъ такъ были сильны, что у обоихъ весь день почти болѣли передніе зубы. У Манилова отъ радости остались только носъ да губы на лицѣ, глаза совершенно исчезли. Съ четверть

---

[1]) Гомеръ—древне-греческій поэтъ. Въ его поэмахъ вмѣстѣ съ людьми дѣйствуютъ и боги, изъ которыхъ главный—Зевесъ.

часа держалъ онъ обѣими руками руку Чичикова и нагрѣлъ ее страшно. Въ оборотахъ самыхъ тонкихъ и пріятныхъ онъ разсказалъ, какъ летѣлъ обнять Павла Ивановича; рѣчь была заключена такимъ комплиментомъ, какой развѣ только приличенъ одной дѣвицѣ, съ которой идутъ танцовать. Чичиковъ открылъ ротъ, еще не зная самъ, какъ благодарить, какъ вдругъ Маниловъ вынулъ изъ-подъ шубы бумагу, свернутую въ трубочку и связанную розовою ленточкой.

— Это что?

— Мужички.

— А!—онъ тутъ же развернулъ ее, пробѣжалъ глазами и подивился чистотѣ и красотѣ почерка.—Славно написано,—сказалъ онъ:—не нужно и переписывать. Еще и каемка вокругъ! Кто это такъ искусно сдѣлалъ каемку?

— Ну, ужъ не спрашивайте,—сказалъ Маниловъ.

— Вы?

— Жена.

— Ахъ, Боже, мой! Мнѣ, право, совѣстно, что нанесъ столько затрудненій.

— Для Павла Ивановича не существуетъ затрудненій.

Чичиковъ поклонился съ признательностью. Узнавши, что онъ шелъ въ палату за совершеніемъ купчей, Маниловъ изъявилъ готовность ему сопутствовать. Пріятели взялись подъ руку и пошли вмѣстѣ. При всякомъ небольшомъ возвышеніи, или горкѣ, или ступенькѣ, Маниловъ поддерживалъ Чичикова и почти приподнималъ его рукою, присовокупляя съ пріятною улыбкою, что онъ не допуститъ никакъ Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиковъ совѣстился, не зная, какъ благодарить, ибо чувствовалъ, что нѣсколько былъ тяжеленекъ. Во взаимныхъ услугахъ они дошли, наконецъ, до площади, гдѣ находились присутственныя мѣста—большой трехъэтажный каменный домъ, весь бѣлый, какъ мѣлъ, вѣроятно, для изображенія чистоты душъ помѣщавшихся въ немъ должностей. Прочія зданія на площади не отвѣчали огромностію каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ-три извозчичьи биржи и, наконецъ, длинные заборы, съ извѣстными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ. Болѣе не находилось ничего на сей уединенной или, какъ у насъ выражаются, красивой площади. Изъ оконъ второго и третьяго этажа высовывались неподкупныя головы жрецовъ Ѳемиды [1]) и въ ту же минуту прятались опять: вѣроятно, въ то время входилъ въ комнату начальникъ. Пріятели не взошли, а взбѣжали по лѣстницѣ, потому что Чичиковъ, стараясь избѣгнуть поддерживанья подъ руки со стороны Манилова, ускорялъ шагъ, а Маниловъ тоже, съ своей стороны, летѣлъ впередъ, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили въ темный коридоръ. Ни въ коридорахъ ни въ комнатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотою. Тогда еще не заботились о ней, и то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Ѳемида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ принимала гостей. Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, которыми проходили наши герои, но авторъ питаетъ сильную робость ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагороженномъ видѣ, съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать, какъ можно скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши видѣли много бумаги, и черновой и бѣловой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя и даже, просто, какую-то

[1]) Ѳемида—у древнихъ грековъ богиня правосудія.

свѣтло-сѣрую куртку, отдѣлившуюся весьма рѣзко, которая, своротивъ голову на бокъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттяганьѣ земли или описькѣ имѣнія, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей и внуковъ подъ его покровомъ; да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: «Одолжите, Ѳедосей Ѳедосеевичъ, дѣльце за № 368!»—«Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!» Иногда голосъ, болѣе величавый, безъ сомнѣнія, одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно: «На, перепиши! а не то—снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ, не ѣвши». Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.

Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу, гдѣ сидѣли два чиновника еще юныхъ лѣтъ, и спросили:

— Позвольте узнать, гдѣ здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

— А что вамъ нужно?—сказали оба чиновника, оборотившись.

— А мнѣ нужно подать просьбу.

— А вы что купили такое?

— Я бы хотѣлъ прежде знать, гдѣ крѣпостной столъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ?

— Да скажите прежде, что купили и въ какую цѣну, такъ мы вамъ тогда и скажемъ: гдѣ, а такъ нельзя знать.

Чичиковъ тотчасъ увидѣлъ, что чиновники были, просто, любопытны, подобно всѣмъ молодымъ чиновникамъ, и хотѣли придать болѣе вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ.

— Послушайте, любезные,—сказалъ онъ:—я очень хорошо знаю, что всѣ дѣла по крѣпостямъ, въ какую бы ни было цѣну, находятся въ одномъ мѣстѣ, а потому прошу васъ показать намъ столъ; а если вы не знаете, что у васъ дѣлается, такъ мы спросимъ у другихъ.

Чиновники на это ничего не отвѣчали, одинъ изъ нихъ только тыкнулъ пальцемъ въ уголъ комнаты, гдѣ сидѣлъ за столомъ какой-то старикъ, перемѣчавшій какія-то бумаги. Чичиковъ и Маниловъ прошли промежъ столами прямо къ нему. Старикъ занимался очень внимательно.

— Позвольте узнать,—сказалъ Чичиковъ съ поклономъ:—здѣсь дѣла по крѣпостямъ?

Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкою:

— Здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ.

— А гдѣ же?

— Это въ крѣпостной экспедиціи.

— А гдѣ же крѣпостная экспедиція?

— Это у Ивана Антоновича.

— А гдѣ же Иванъ Антоновичъ?

Старикъ тыкнулъ пальцемъ въ другой уголъ комнаты. Чичиковъ и Маниловъ отправились къ Ивану Антоновичу. Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ назадъ и оглянулъ ихъ искоса, но въ ту же минуту погрузился еще внимательнѣе въ писанье.

— Позвольте узнать,—сказалъ Чичиковъ съ поклономъ:—здѣсь крѣпостной столъ?

Иванъ Антоновичъ какъ будто бы и не слыхалъ и углубился совершенно въ бумаги, не отвѣчая ничего. Видно было вдругъ, что это былъ уже чело-

вѣкъ благоразумныхъ лѣтъ,—не то что молодой болтунъ и вертопрясъ. Иванъ Антоновичъ, казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся средина лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ; словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ общежитіи кувшиннымъ рыломъ.

— Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція?—сказалъ Чичиковъ.

— Здѣсь,—сказалъ Иванъ Антоновичъ, поворотилъ свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

— А у меня дѣло вотъ какое: куплено мною у разныхъ владѣльцевъ здѣшняго уѣзда крестьяне на выводъ; купчая есть, остается совершить.

— А продавцы налицо?

— Нѣкоторые здѣсь, а отъ другихъ довѣренность.

— А просьбу принесли?

— Принесъ и просьбу. Я бы хотѣлъ... мнѣ нужно поторопиться... Такъ нельзя ли, напримѣръ, кончить дѣло сегодня?

— Да, сегодня!.. Сегодня нельзя,—сказалъ Иванъ Антоновичъ:—нужно навести еще справки, нѣтъ ли еще запрещеній.

— Впрочемъ, что до того, чтобъ ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, предсѣдатель, мнѣ большой другъ...

— Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ: бываютъ и другіе,—сказалъ сурово Иванъ Антоновичъ.

Чичиковъ понялъ закавыку, которую завернулъ Иванъ Антоновичъ, и сказалъ:

— Другіе тоже не будутъ въ обидѣ, я самъ служилъ, дѣло знаю...

— Идите къ Ивану Григорьевичу,—сказалъ Иванъ Антоновичъ голосомъ нѣсколько поласковѣе:—пусть онъ дастъ приказъ, кому слѣдуетъ, а за нами дѣло не постоитъ.

Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ и накрылъ тотчасъ ее книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать.

— Вотъ, онъ васъ проведетъ въ присутствіе,—сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ священнодѣйствующихъ, тутъ же находившихся, приносившій съ такимъ усердіемъ жертвы Ѳемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, за что и получилъ въ свое время коллежскаго регистратора, прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда Виргилій [1]) прислужился Данту, и провелъ ихъ въ комнату присутствія, гдѣ стояли одни только широкія кресла, и въ нихъ, передъ столомъ за зерцаломъ и двумя толстыми книгами, сидѣлъ одинъ, какъ солнце, предсѣдатель. Въ этомъ мѣстѣ новый Виргилій почувствовалъ такое благоговѣніе, что никакъ не осмѣлился занести туда ногу и поворотилъ назадъ, показавъ свою спину, вытертую, какъ рогожка, съ прилипнувшимъ гдѣ-то куринымъ перомъ. Вошедши въ залу присутствія, они увидѣли, что предсѣдатель былъ не одинъ: подлѣ него сидѣлъ Собакевичъ, совершенно заслоненный зерцаломъ. Приходъ гостей произвелъ восклицаніе, правительственныя кресла были отодвинуты съ шумомъ. Собакевичъ тоже привсталъ со стула и сталъ виденъ со всѣхъ сторонъ съ длинными своими рукавами. Предсѣдатель принялъ Чичикова въ объятія, и комната присутствія огласилась поцѣлуями; спросили другъ друга о здоровьѣ; оказалось, что у обоихъ

---

[1]) Виргилій—римскій поэтъ I в. до Р. Х. Дѣйствующее лицо въ „Божественной комедіи“ Данта, водитъ его по аду.

побаливаетъ поясница, что тутъ же было отнесено къ сидячей жизни. Предсѣдатель, казалось, уже былъ увѣдомленъ Собакевичемъ о покупкѣ, потому что принялся поздравлять, что сначала нѣсколько смѣшало нашего героя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что и Собакевичъ и Маниловъ—оба продавцы, съ которыми дѣло было улажено келейно, теперь стояли вмѣстѣ лицомъ другъ къ другу. Однакоже онъ поблагодарилъ предсѣдателя и, обратившись тутъ же къ Собакевичу, спросилъ:

— А ваше какъ здоровье?

— Слава Богу, не пожалуюсь,—сказалъ Собакевичъ. И, точно, не на что было жаловаться: скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный помѣщикъ.

— Да вы всегда славились здоровьемъ,—сказалъ предсѣдатель,—и покойный вашъ батюшка былъ также крѣпкій человѣкъ.

— Да, на медвѣдя одинъ хаживалъ,—отвѣчалъ Собакевичъ.

— Мнѣ кажется, однакожъ,—сказалъ предсѣдатель,—вы бы тоже повалили медвѣдя, если бы захотѣли выйти противъ него.

— Нѣтъ, не повалю,—отвѣчалъ Собакевичъ:—покойникъ былъ меня покрѣпче.—И, вздохнувши, продолжалъ:—Нѣтъ, теперь не тѣ люди: вотъ хоть и моя жизнь? Что за жизнь? Такъ какъ-то себѣ...

— Чѣмъ же ваша жизнь не красна?—сказалъ предсѣдатель.

— Нехорошо, нехорошо!—сказалъ Собакевичъ, покачавъ головою.—Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ; пятый десятокъ живу, ни разу не былъ боленъ; хотя бы горло заболѣло, вередъ или чирей выскочилъ... Нѣтъ, не къ добру! Когда-нибудь придется поплатиться за это.—Тутъ Собакевичъ погрузился въ меланхолію.

«Экъ его!—подумали въ одно время и Чичиковъ и предсѣдатель.—На что вздумалъ пенять!»

— Къ вамъ у меня есть письмецо,—сказалъ Чичиковъ, вынувъ изъ кармана письмо Плюшкина.

— Отъ кого?—сказалъ предсѣдатель и, распечатавши, воскликнулъ:—А, отъ Плюшкина! Онъ еще до сихъ поръ прозябаетъ на свѣтѣ. Вотъ судьба! Вѣдь какой былъ умнѣйшій, богатѣйшій человѣкъ! А теперь...

— Собака,—сказалъ Собакевичъ, — мошенникъ, всѣхъ людей переморилъ голодомъ.

— Извольте, извольте,—сказалъ предсѣдатель, прочитавъ письмо:—я готовъ быть повѣреннымъ. Когда вы хотите совершить купчую, теперь или послѣ?

— Теперь,—сказалъ Чичиковъ.—Я буду просить даже васъ, если можно, сегодня, потому что мнѣ завтра хотѣлось бы выѣхать изъ города; я принесъ и крѣпости и просьбу.

— Все это хорошо, только, ужъ какъ хотите, мы васъ не выпустимъ такъ рано. Крѣпости будутъ совершены сегодня, а вы все-таки съ нами покивите. Вотъ я сейчасъ отдамъ приказъ,—сказалъ онъ и отворилъ дверь въ канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивымъ пчеламъ, разсыпавшимся по сотамъ, если только соты можно уподобить канцелярскимъ дѣламъ.—Иванъ Антоновичъ здѣсь?

— Здѣсь!—отозвался голосъ изнутри.

— Позовите его сюда!

Уже извѣстный читателямъ Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, показался въ залѣ присутствія и почтительно поклонился.

— Вотъ возьмите, Иванъ Антоновичъ, всѣ эти крѣпости ихъ...

— Да не позабудьте, Иванъ Григорьевичъ,—подхватилъ Собакевичъ:—нужно будетъ свидѣтелей, хотя по два съ каждой стороны. Пошлите теперь же къ прокурору: онъ человѣкъ праздный и, вѣрно, сидитъ дома: за него все дѣлаетъ стряпчій Золотуха, первѣйшій хапуга въ мірѣ. Инспекторъ врачебной управы, онъ также человѣкъ праздный и, вѣрно, дома, если не поѣхалъ куда-нибудь играть въ карты; да еще тутъ много есть, кто поближе: Трухачевскій, Бѣгушкинъ—они всѣ даромъ бременятъ землю.

— Именно, именно!—сказалъ предсѣдатель и тотъ же часъ отрядилъ за ними всѣми канцелярскаго.

— Еще я попрошу васъ,—сказалъ Чичиковъ;—пошлите за повѣреннымъ одной помѣщицы, съ которой я тоже совершилъ сдѣлку,—сыномъ протопопа отца Кирилла; онъ служитъ у васъ же.

— Какъ же, пошлемъ и за нимъ!—сказалъ предсѣдатель.—Все будетъ сдѣлано, а чиновнымъ вы никому не давайте ничего; объ этомъ я васъ прошу. Пріятели мои не должны платить.—Сказавши это, онъ тутъ же далъ какое-то приказанье Ивану Антоновичу, какъ видно, ему не понравившееся. Крѣпости произвели, кажется, хорошее дѣйствіе на предсѣдателя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что всѣхъ покупокъ было почти на сто тысячъ рублей. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ въ глаза Чичикову съ выраженіемъ большого удовольствія и, наконецъ, сказалъ:—Такъ вотъ какъ! Этакимъ-то образомъ, Павелъ Ивановичъ! Такъ вотъ вы пріобрѣли.

— Пріобрѣлъ,—отвѣчалъ Чичиковъ.

— Благое дѣло! Право, благое дѣло!

— Да, я вижу самъ, что болѣе благого дѣла не могъ бы предпринять. Какъ бы то ни было, цѣль человѣка все еще не опредѣлена, если онъ не сталъ, наконецъ, твердою стопою на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности.—Тутъ онъ весьма кстати выбранилъ за либерализмъ, и подѣломъ, всѣхъ молодыхъ людей. Но замѣчательно, что въ словахъ его была все какая-то нетвердость, какъ будто бы тутъ же сказалъ онъ самъ себѣ: «Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно!» Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова изъ боязни встрѣтить что-нибудь на ихъ лицахъ. Но напрасно боялся онъ: лицо Собакевича не шевельнулось, а Маниловъ, обворо-женный фразою, отъ удовольствія только потряхивалъ одобрительно головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещеголяла самую скрипку и пискнула такую тонкую ноту, какая не-вмочь и птичьему горлу.

— Да что жъ вы не скажете Ивану Григорьевичу,—отозвался Собакевичъ:—что такое именно вы пріобрѣли? А вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спро-сите, какое пріобрѣтеніе они сдѣлали? Вѣдь какой народъ! Просто золото! Вѣдь и имъ продалъ и каретника Михѣева.

— Нѣтъ, будто и Михѣева продали?—сказалъ предсѣдатель.—Я знаю каретника Михѣева: славный мастеръ; онъ мнѣ дрожки передѣлалъ. Только позвольте, какъ же... Вѣдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ...

— Кто, Михѣевъ умеръ?—сказалъ Собакевичъ, ничуть не смѣшавшись.—Это его братъ умеръ, а онъ преживехонькій и сталъ здоровѣе прежняго. Надняхъ такую бричку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по-настоящему, только на одного государя и работать.

— Да, Михѣевъ—славный мастеръ,—сказалъ предсѣдатель,—и я дивлюсь даже, какъ вы могли съ нимъ разстаться.

— Да будто одинъ Михѣевъ! А Пробка Степанъ, плотникъ, Милушкинъ, кирпичникъ, Телятниковъ Максимъ, сапожникъ,—вѣдь всѣ пошли, всѣхъ продалъ!

А когда предсѣдатель спросилъ, зачѣмъ же они пошли, будучи людьми необходимыми для дома и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ, махнувши рукой:

— А такъ, просто нашла дурь: дай, говорю, продамъ, да и продалъ сдуру!

За симъ онъ повѣсилъ голову такъ, какъ будто самъ раскаивался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ:

— Вотъ и сѣдой человѣкъ, а до сихъ поръ не набрался ума.

— Но позвольте, Павелъ Ивановичъ,—сказалъ предсѣдатель:—какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? Развѣ на выводъ?

— На выводъ.

— Ну, на выводъ—другое дѣло, а въ какія мѣста?

— Въ мѣста... въ Херсонскую губернію.

— О, тамъ отличныя земли!—сказалъ предсѣдатель и отозвался съ большою похвалою насчетъ рослости тамошнихъ травъ.

— А земли въ достаточномъ количествѣ?

— Въ достаточномъ,—столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ.

— Рѣка или прудъ?

— Рѣка. Впрочемъ, и прудъ есть.—Сказавъ это, Чичиковъ взглянулъ неискоса на Собакевича, и хотя Собакевичъ былъ попрежнему неподвиженъ, но ему казалось, будто бы было написано на лицѣ его: «Ой, врешь ты! Врядъ ли есть рѣка и прудъ, да и вся земля!»

Пока продолжались разговоры, начали мало-по-малу появляться свидѣтели: знакомый читателю прокуроръ-моргунъ, инспекторъ врачебной управы, Трухачевскій, Бѣгушкинъ и прочіе, по словамъ Собакевича, даромъ бременящіе землю. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ незнакомы Чичикову: недоставшіе и лишніе набраны были тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ. Привели также не только сына протопопа отца Кирилла, но даже и самого протопопа. Каждый изъ свидѣтелей помѣстилъ себя со всѣми своими достоинствами и чинами, кто оборотнымъ шрифтомъ, кто косяками, кто, просто, чуть не вверхъ ногами, помѣщая такія буквы, какихъ даже и не видано было въ русскомъ алфавитѣ. Извѣстный Иванъ Антоновичъ управился весьма проворно, крѣпости были записаны, помѣчены, занесены въ книгу и куда слѣдуетъ, съ принятіемъ полупроцентовыхъ и за припечатку въ «Вѣдомостяхъ», и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, отнесена была на счетъ какого-то другого просителя.

— Итакъ,—сказалъ предсѣдатель, когда все было кончено,—остается теперь только вспрыснуть покупочку.

— Я готовъ,—сказалъ Чичиковъ.—Отъ васъ зависитъ только назначить время. Былъ бы грѣхъ съ моей стороны, если бы для этого пріятнаго общества да не раскупорить другую-третью бутылочку шипучаго.

— Нѣтъ, вы не такъ приняли дѣло: шипучаго мы сами поставимъ,—сказалъ предсѣдатель:—это наша обязанность, нашъ долгъ. Вы у насъ гость: намъ должно угощать. Знаете ли что, господа? Покамѣстъ что, а мы вотъ какъ сдѣлаемъ: отправимтесь-ка всѣ, такъ какъ есть, къ полицмейстеру; онъ у насъ чудотворецъ: ему стоитъ только мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда или погреба, такъ мы, знаете ли, какъ закусимъ! Да при этой оказіи и въ вистишку.

Отъ такого предложенія никто не могъ отказаться. Свидѣтели уже при одномъ наименованіи рыбнаго ряда почувствовали аппетитъ; взялись всѣ тотъ же часъ за картузы и шапки, и присутствіе кончилось. Когда проходили они

канцелярію, Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку Чичикову:

— Крестьянъ накупили на сто тысячъ, а за труды дали только одну бѣленькую.

— Да вѣдь какіе крестьяне?—отвѣчалъ ему на это тоже шопотомъ Чичиковъ:—прелустой и преничтожный народъ, и половины не стоитъ.

Иванъ Антоновичъ понялъ, что посѣтитель былъ характера твердаго и больше не дастъ.

— А почемъ купили душу у Плюшкина?—шепнулъ ему на другое ухо Собакевичъ.

— А Воробья зачѣмъ приписали?—сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ.

— Какого Воробья?—сказалъ Собакевичъ.

— Да бабу, Елизавету Воробья, еще и букву ъ поставили на концѣ.

— Нѣтъ, никакого Воробья я не приписывалъ,—сказалъ Собакевичъ и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Гости добрались, наконецъ, гурьбой до дому полицмейстера. Полицмейстеръ, точно, былъ чудотворецъ: какъ только услышалъ онъ, въ чемъ дѣло, въ ту жъ минуту кликнулъ квартальнаго, бойкаго малаго въ лакированныхъ ботфортахъ, и, кажется, всего два слова шепнулъ ему на ухо да прибавилъ только: «Понимаешь?» А ужъ тамъ, въ другой комнатѣ, въ продолженіе того времени, какъ гости рѣзалися въ вистъ, появилась на столѣ бѣлуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свѣжепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки,—это все было со стороны рыбнаго ряда. Потомъ появились прибавленія съ хозяйской стороны, издѣлія кухни: пирогъ съ головизною, куда вошли хрящъ и щеки девятипудоваго осетра, другой пирогъ съ груздями, пряженцы, маслянцы, взваренцы. Полицмейстеръ былъ, нѣкоторымъ образомъ, отецъ и благотворитель въ городѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостиный дворъ навѣдывался, какъ въ собственную кладовую. Вообще онъ сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигнулъ въ совершенствѣ. Трудно было даже и рѣшить, онъ ли былъ созданъ для мѣста, или мѣсто для него. Дѣло было такъ поведено умно, что онъ получалъ вдвое больше доходовъ противу всѣхъ своихъ предшественниковъ, а между тѣмъ заслужилъ любовь всего города. Купцы первые его очень любили, именно за то, что не гордъ; и, точно, онъ крестилъ у нихъ дѣтей, кумился съ ними и хоть дралъ подчасъ съ нихъ сильно, но какъ-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплетъ, и засмѣется, и чаемъ напоитъ, пообѣщается и самъ прійти поиграть въ шашки, разспроситъ обо всемъ: какъ дѣлишки, что и какъ; если узнаетъ, что дѣтенышъ какъ-нибудь прихворнулъ, и лѣкарство присовѣтуетъ,—словомъ, молодецъ! Поѣдетъ на дрожкахъ, дастъ порядокъ, а между тѣмъ и словцо промолвитъ тому-другому: «Что, Михѣичъ! Нужно бы намъ съ тобою доиграть когда-нибудь въ горку».—«Да, Алексѣй Ивановичъ,—отвѣчалъ тотъ, снимая шапку,—нужно бы».—«Ну, братъ Илья Парамонычъ, приходи ко мнѣ поглядѣть рысака: въ обгонъ съ твоимъ пойдетъ, да и своего заложи въ бѣговыя; попробуемъ». Купецъ, который на рысакѣ былъ помѣшанъ, улыбался на это съ особенною, какъ говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорилъ: «Попробуемъ, Алексѣй Ивановичъ!» Даже всѣ сидѣльцы, обыкновенно въ это время снявши шапки, съ удовольствіемъ посматривали другъ на друга и какъ будто бы хотѣли сказать: «Алексѣй Ивановичъ—хорошій человѣкъ!» Словомъ, онъ успѣлъ пріобрѣсть совершенную народность, и мнѣніе купцовъ было такое, что Алексѣй Ивановичъ «хоть оно и возьметъ, но зато ужъ никакъ тебя не выдастъ».

Замѣтивъ, что закуска была готова, полицмейстеръ предложилъ гостямъ окончить вистъ послѣ завтрака, и всѣ пошли въ ту комнату, откуда несшійся запахъ давно начиналъ пріятнымъ образомъ щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевичъ давно заглядывалъ въ дверь, намѣтивъ издали осетра, лежавшаго въ сторонѣ на большомъ блюдѣ. Гости, выпивши по рюмкѣ водки темнаго, оливковаго цвѣта,—какой бываетъ только на сибирскихъ прозрачныхъ камняхъ, изъ которыхъ рѣжутъ на Руси печати,—приступили со всѣхъ сторонъ съ вилками къ столу и стали обнаруживать, какъ говорится, каждый свой характеръ и склонности, налегая, кто на икру, кто на семгу, кто на сыръ. Собакевичъ, оставивъ безъ всякаго вниманія всѣ эти мелочи, пристроился къ осетру и, покамѣстъ тѣ пили, разговаривали и ѣли, онъ въ четверть часа съ небольшимъ доѣхалъ его всего, такъ что, когда полицмейстеръ вспомнилъ было о немъ и, сказавши: «А каково вамъ, господа, покажется вотъ это произведеніе природы?» подошелъ было къ нему съ вилкою вмѣстѣ съ другими, то увидѣлъ, что отъ произведенія природы оставался всего одинъ хвостъ, а Собакевичъ пришипился такъ, какъ будто и не онъ, и, подошедши къ тарелкѣ, которая была подальше прочихъ, тыкалъ вилкою въ какую-то сушеную маленькую рыбку. Отдѣлавши осетра, Собакевичъ сѣлъ въ кресла и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только жмурилъ и хлопалъ глазами. Полицмейстеръ, кажется, не любилъ жалѣть вина: тостамъ не было числа. Первый тостъ былъ выпитъ, какъ читатели, можетъ-быть, и сами догадаются, за здоровье новаго херсонскаго помѣщика; потомъ за благоденствіе крестьянъ его и счастливое ихъ переселеніе, потомъ за здоровье будущей жены его красавицы, что сорвало пріятную улыбку съ устъ нашего героя. Приступили къ нему со всѣхъ сторонъ и стали упрашивать убѣдительно остаться хоть на двѣ недѣли въ городѣ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Какъ вы себѣ хотите, это выходитъ—избу только выхолаживать: на порогъ, да и назадъ! Нѣтъ, вы проведите время съ нами! Вотъ мы васъ женимъ. Не правда ли, Иванъ Григорьевичъ, женимъ его?

— Женимъ, женимъ! — подхватилъ предсѣдатель. — Ужъ какъ ни упирайтесь руками и ногами, мы васъ женимъ! Нѣтъ, батюшка, попали сюда, такъ не жалуйтесь. Мы шутить не любимъ.

— Что жъ? Зачѣмъ упираться руками и ногами,—сказалъ, усмѣхнувшись, Чичиковъ.—Женитьба еще не такая вещь, чтобы того... была бы невѣста.

— Будетъ и невѣста! Какъ не быть? Все будетъ, все, что хотите!..

— А коли будетъ...

— Браво, остается!—закричали всѣ.—Виватъ, ура, Павелъ Ивановичъ! Ура!

И всѣ подошли къ нему чокаться съ бокалами въ рукахъ. Чичиковъ перечокался со всѣми.

— Нѣтъ, нѣтъ, еще,—говорили тѣ, которые были позадорнѣе.

И вновь перечокались; потомъ полѣзли въ третій разъ чокаться: перечокались и въ третій разъ. Въ непродолжительное время всѣмъ сдѣлалось весело необыкновенно. Предсѣдатель, который былъ премилый человѣкъ, когда развеселялся, обнималъ нѣсколько разъ Чичикова, произнося въ изліяніи сердечномъ:

— Душа ты моя! Маменька моя!

И, даже щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: «Ахъ ты, такой и этакой, комаринскій мужикъ!»

Послѣ шампанскаго раскупорили венгерское, которое придало еще болѣе духу и развеселило общество. О вистѣ рѣшительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всемъ: о политикѣ, о военномъ даже дѣлѣ, излагали вольныя мысли, за которыя въ другое время сами бы высѣкли своихъ дѣтей. Рѣшили тутъ же множество самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Чичиковъ

никогда не чувствовалъ себя въ такомъ веселомъ расположеніи, воображалъ себя уже настоящимъ херсонскимъ помѣщикомъ, говорилъ о разныхъ улучшеніяхъ, о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастіи и блаженствѣ двухъ душъ и сталъ читать Собакевичу посланіе, въ стихахъ, Вертера къ Шарлоттѣ [1]), на которое тотъ хлопалъ только глазами, сидя въ креслахъ, ибо послѣ осетра чувствовалъ большой позывъ ко сну. Чичиковъ смекнулъ и самъ, что началъ уже слишкомъ развязываться, попросилъ экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одною только рукою, а другую, засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина. Такимъ образомъ уже на прокурорскихъ дрожкахъ доѣхалъ онъ къ себѣ въ гостиницу, гдѣ долго еще у него вертѣлся на языкѣ всякій вздоръ: бѣлокурая невѣста съ румянцемъ и ямочкой на правой щекѣ, херсонскія деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какія хозяйственныя приказанія — собрать всѣхъ вновь переселившихся мужиковъ, чтобы сдѣлать всѣмъ лично поголовную перекличку. Селифанъ молча слушалъ очень долго и потомъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Петрушкѣ:

— Ступай раздѣвать барина.

Петрушка принялся снимать съ него сапоги и чуть не стащилъ вмѣстѣ съ ними на полъ и самого барина. Но, наконецъ, сапоги были сняты, баринъ раздѣлся, какъ слѣдуетъ, и, поворочавшись нѣсколько времени на постели, которая скрипѣла немилосердно, заснулъ рѣшительно херсонскимъ помѣщикомъ. А Петрушка между тѣмъ вынесъ на коридоръ панталоны и фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой, который, растопыривши на деревянную вѣшалку, началъ бить хлыстомъ и щеткой, напустивши пыли на весь коридоръ. Готовясь уже снять ихъ, онъ взглянулъ съ галлереи внизъ и увидѣлъ Селифана, возвращавшагося изъ конюшни. Они встрѣтились взглядами и чутьемъ поняли другъ друга: баринъ де завалился спать — можно и заглянуть кое-куда. Тотъ же часъ отнесши въ комнату фракъ и панталоны, Петрушка сошелъ внизъ, и оба пошли вмѣстѣ, не говоря другъ другу ничего о цѣли путешествія и балагуря дорогою совершенно о постороннемъ. Прогулку сдѣлали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, къ дому, бывшему насупротивъ гостиницы, и вошли въ низенькую стеклянную закоптившуюся дверь, приводившую почти въ подвалъ, гдѣ уже сидѣло за деревянными столами много всякихъ: и бривши хъ, и небривши хъ бороды, и въ нагольныхъ тулупахъ, и, просто, въ рубахѣ, а кое-кто и въ фризовой шинели. Что дѣлали тамъ Петрушка съ Селифаномъ, Богъ ихъ вѣдаетъ; но вышли они оттуда черезъ часъ, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчаніе, оказывая другъ другу большое вниманіе и предостерегая взаимно отъ всякихъ угловъ. Рука въ руку, не выпуская другъ друга, они цѣлыя четверть часа взбирались на лѣстницу, наконецъ, одолѣли ее и взошли. Петрушка остановился съ минуту передъ низенькою своею кроватью, придумывая, какъ бы лечь приличнѣе, и легъ совершенно поперекъ, такъ что ноги его упирались въ полъ. Селифанъ легъ и самъ на той же кровати, помѣстивъ голову у Петрушки на брюхѣ и позабывъ о томъ, что ему слѣдовало спать вовсе не здѣсь, а можетъ-быть, въ людской, если не въ конюшнѣ близъ лошадей. Оба заснули въ ту же минуту, поднявши храпъ неслыханной густоты, на который баринъ изъ другой комнаты отвѣчалъ тонкимъ носовымъ свистомъ. Скоро вслѣдъ за ними все угомонилось,

---

[1]) Вертеръ и Шарлотта — герой и героиня романа „Страданія молодого Вертера“, принадлежащаго перу величайшаго изъ нѣмецкихъ писателей—Гёте (род. въ 1747 г., умеръ въ 1832 г.).

и гостиница объялась непробуднымъ сномъ; только въ одномъ окошечкѣ виденъ еще былъ свѣтъ, гдѣ жилъ какой-то пріѣхавшій изъ Рязани поручикъ, большой, повидимому, охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже чытыре пары и безпрестанно примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги, точно, были хорошо сшиты; и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачепный каблукъ.

ГЛАВА VIII.

Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводъ крестьянъ. Изъ препій многіе отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета.

— Конечно, — говорили иные, — это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ, точно, хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? Рѣки вѣдь нѣтъ никакой.

— Это бы еще ничего, что нѣтъ воды; это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ, но переселеніе-то — ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ: на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ — ни избы ни двора — убѣжитъ, какъ дважды два, навостритъ такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь.

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу.

— Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ вида важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова. Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ: я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведенія.

— Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова — пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ примѣровъ — просто въ мірѣ, да и по исторіи тоже.

— Никогда, никогда,—говорилъ управляющій казенными фабриками.—Повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтется крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были передъ глазами Чичикова и чтобъ онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы самъ-таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зуботычину и подзатыльника.

— Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя.

— Да, найдите управителя: всѣ — мошенники!

— Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ.

— Это правда! — подхватили многіе. — Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ да умѣй различать людей — у него будетъ всегда хорошій управитель.

По управляющій сказалъ, что меньше, какъ за пять тысячъ, нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющій сказалъ:

— Гдѣ же вы его сыщете? Развѣ у себя въ носу?

По предсѣдатель сказалъ:

— Нѣтъ, не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно — Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова.

Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицмейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе его, существуетъ власть капитанъ-исправника, что капитанъ-исправникъ, хотя самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія насчетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезчуръ отзывались военною жестокостью и строгостью, едва ли не излишнею; были, однакоже, и такія, которыя дышали кротостью. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою о Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побуждаемые участіемъ, сообщали даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденія крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.

Всѣ эти толки и разсужденія произвели, однакоже, самыя благопріятныя слѣдствія, какихъ только могъ ожидать Чичиковъ, именно — пронеслись слухи, что онъ ни болѣе ни менѣе, какъ милліонщикъ. Жители города и безъ того, какъ уже мы видѣли въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь, послѣ такихъ слуховъ, полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они всѣ были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно по-пріятельски, и бесѣды ихъ носили печать какого-то особеннаго простодушія и короткости: «Любезный другъ, Илья Ильичъ!..» «Послушай, братъ, Антипаторъ Захарьевичъ!..» «Ты заврался, мамочка, Иванъ Григорьевичъ». Къ почтмейстеру, котораго звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли: «Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ?» Словомъ, все было очень семейственно. Многіе были не безъ образованія: предсѣдатель палаты зналъ наизусть «Людмилу» Жуковскаго, которая еще была тогда непростывшею новостью, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно: «Боръ заснулъ, долина спитъ», и слово: «чу!» такъ, что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ будто долина спитъ; для большаго сходства онъ даже въ это время зажмуривалъ глаза. Почтмейстеръ вдался болѣе

въ философію и читалъ весьма прилежно, даже по ночамъ Юнговы «Ночи» [1]) и «Ключъ къ таинствамъ натуры» Экартсгаузена [2]), изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки; но какого рода онѣ были, это никому не было извѣстно. Впрочемъ, онъ былъ острякъ, цвѣтистъ въ словахъ и любилъ, какъ самъ выражался, «уснастить» рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то: «Судырь ты мой, этакой, какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно, такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ», и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; уснащивалъ онъ рѣчь тоже довольно удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, что все придавало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ. Прочіе тоже были, болѣе или менѣе, люди просвѣщенные: кто читалъ Карамзина, кто «Московскія Вѣдомости», кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то, что называютъ тюрюкъ, то-есть человѣкъ, котораго нужно было подымать пинкомъ на что-нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говорится, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать: не встанетъ ни въ какомъ случаѣ. Насчетъ благовидности, уже извѣстно, всѣ они были люди надежные—чахоточнаго между ними никого не было. Всѣ были такого рода, которымъ жены, въ нѣжныхъ разговорахъ, происходящихъ въ уединеніи, давали названія: кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но вообще они были народъ добрый, полны гостепріимства, и человѣкъ, вкусившій съ ними хлѣба-соли или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ-то близкимъ, тѣмъ болѣе Чичиковъ, съ своими обворожительными качествами и пріемами, знавшій въ самомъ дѣлѣ великую тайну нравиться. Они такъ полюбили его, что онъ не видѣлъ средствъ, какъ вырваться изъ города; только и слышалъ онъ: «Ну, недѣльку, еще одну недѣльку поживите съ нами, Павелъ Ивановичъ!» Словомъ, онъ былъ носимъ, какъ говорится, на рукахъ. Но несравненно замѣчательнѣе было впечатлѣніе (совершенный предметъ изумленія), которое произвелъ Чичиковъ на дамъ. Чтобъ это сколько-нибудь изъяснить, слѣдовало бы сказать многое о самихъ дамахъ, объ ихъ обществѣ, описать, какъ говорится, живыми красками ихъ душевныя качества; но для автора это очень трудно. Съ одной стороны, останавливаетъ его неограниченное почтеніе къ супругамъ сановниковъ, а съ другой стороны... съ другой стороны, просто трудно. Дамы города N были... нѣтъ, никакимъ образомъ не могу: чувствуется, точно, робость. Въ дамахъ города N больше всего замѣчательно было то... Даже странно — совсѣмъ не подымается перо, точно будто свинецъ какой-нибудь сидитъ въ немъ. Такъ и быть: о характерахъ ихъ, видно, нужно предоставить сказать тому, у котораго поживѣе краски и побольше ихъ на палитрѣ; а намъ придется — развѣ слова два о наружности, да о томъ, что поповерхностнѣй. Дамы города N были то, что называютъ презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что до того, какъ вести себя, соблюсти тонъ, поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, и особенно наблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ петербургскихъ и московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, разъѣзжали по городу въ колескахъ, какъ предписывала послѣдняя мода: сзади покачивался лакей, и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, — именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контръ-

[1]) Юнгъ—англійскій поэтъ XVII в. [2]) Экартсгаузенъ—нѣмецкій писатель XVIII в.

визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ, — оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались «во взаимномъ нерасположеніи», по выраженію городского свѣта. Насчетъ занятія первыхъ мѣстъ происходило тоже множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія великодушныя понятія о заступничествѣ. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что всѣ были гражданскіе чиновники, но зато одинъ другому старался напакостить, гдѣ было можно, что, какъ извѣстно, подчасъ бываетъ тяжелѣе всякой дуэли. Въ правахъ дамы города N были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ними и происходило какое-нибудь то, что называютъ *другое-третье*, то оно происходило втайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ *другое-третье* или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: *Кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла?* Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностью и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: «Я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула», а говорили: «Я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка». Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: «Этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ»; и даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: «Этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя», или что-нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому, весьма часто было нужно прибѣгать къ французскому языку; зато ужъ тамъ, по-французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ. Итакъ, вотъ что можно сказать о домахъ города N, говоря поверхностнѣй. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иныхъ вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже въ дамскія серца. Итакъ, ограничась поверхностью, будемъ продолжать. До сихъ поръ всѣ дамы какъ-то мало говорили о Чичиковѣ, отдавая, впрочемъ, ему полную справедливость въ пріятности свѣтскаго обращенія; но съ тѣхъ поръ, какъ пронеслись слухи объ его милліонствѣ, отыскались и другія качества. Впрочемъ, дамы были вовсе не интересанки: виною всему слово *милліонщикъ*,—не самъ милліонщикъ, а именно одно слово, ибо въ одномъ звукѣ этого слова, мимо всякаго денежнаго мѣшка, заключается что-то такое, которое дѣйствуетъ и на людей-подлецовъ, и на людей ни сё ни то, и на людей хорошихъ,—словомъ, на всѣхъ дѣйствуетъ. Милліонщикъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ видѣть подлость, совершенно безкорыстную, чистую подлость, не основанную ни на какихъ расчетахъ: многіе очень хорошо знаютъ, что ничего не получатъ отъ него и не имѣютъ никакого права получить, но непремѣнно хоть забѣгутъ ему впередъ, хоть засмѣются, хоть снимутъ шляпу, хоть напросятся насильно на тотъ обѣдъ, куда узнаютъ, что приглашенъ милліонщикъ. Нельзя сказать, чтобы это нѣжное расположеніе къ подлости было почувствовано дамами; однакоже во многихъ гостиныхъ стали говорить, что, конечно, Чичиковъ не первый красавецъ, но зато таковъ, какъ слѣдуетъ быть мужчинѣ, что будь онъ немного толще или полнѣе, ужъ это было бы не хорошо. При этомъ было сказано какъ-то даже нѣсколько обидно насчетъ тоненькаго мужчины,—что онъ больше ничего, какъ что-то въ родѣ зубочистки, а не человѣка. Въ дамскихъ нарядахъ оказались многія разныя прибавленія. Въ гостиномъ дворѣ сдѣлалась толкотня, чуть не

давка; образовалось даже гулянье—до такой степени наѣхало экипажей. Купцы изумились, увидя, какъ нѣсколько кусковъ матерій, привезенныхъ ими съ ярмарки и не сходившихъ съ рукъ по причинѣ цѣны, показавшейся высокою, пошли вдругъ въ ходъ и были раскуплены нарасхватъ. Во время обѣдни у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то-есть, поближе къ паперти, чтобъ какъ-нибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія. Самъ даже Чичиковъ не могъ отчасти не замѣтить такого необыкновеннаго вниманія. Одинъ разъ, возвратясь къ себѣ домой, онъ нашелъ на столѣ у себя письмо. Откуда и кто принесъ его, ничего нельзя было узнать: трактирный слуга отозвался, что принесли де и не велѣли сказывать, отъ кого. Письмо начиналось очень рѣшительно, именно такъ «Нѣтъ, я должна къ тебѣ писать!» Потомъ говорено было о томъ, что есть тайное сочувствіе между душами; эта истина скрѣплена была нѣсколькими точками, занявшими почти полстроки. Потомъ слѣдовало нѣсколько мыслей, весьма замѣчательныхъ по своей справедливости, такъ что мы считаемъ почти необходимымъ ихъ выписать: «Что жизнь наша?—Долина, гдѣ поселились горести. Что свѣтъ? — Толпа людей, которая не чувствуетъ». Затѣмъ писавшая упоминала, что омочаетъ слезами строки нѣжной матери, которая, протекло двадцать пять лѣтъ, какъ уже не существуетъ на свѣтѣ; приглашали Чичикова въ пустыню— оставить навсегда городъ, гдѣ люди въ душныхъ оградахъ не пользуются воздухомъ; окончаніе письма отзывалось даже рѣшительнымъ отчаяньемъ и заключалось такими стихами:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ,
Что она умерла во слезахъ.

Въ послѣдней строкѣ не было размѣра, но это, впрочемъ, ничего: письмо было написано въ духѣ тогдашняго времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамиліи, ни даже мѣсяца и числа. Въ postscriptum [1]) было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на балѣ у губернатора, имѣющемъ быть завтра, будетъ присутствовать самъ оригиналъ.

Это очень его заинтересовало. Въ анонимѣ было такъ много замапчиваго и подстрекающаго любопытство, что онъ перечелъ и въ другой и въ третій разъ письмо и, наконецъ, сказалъ: «Любопытно бы, однакожъ, знать, кто бы такая была писавшая!» Словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось серьезно; болѣе часу онъ все думалъ объ этомъ, наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ: «А письмо очень, очень кудряво написано!» Потомъ, само собою разумѣется, письмо было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою-то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, семь лѣтъ сохранявшимся въ томъ же положеніи и на томъ же мѣстѣ. Немного спустя, принесли къ нему, точно, приглашенье на балъ къ губернатору—дѣло весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ надлежащей любви и уваженія со стороны дворянства.

Все постороннее было въ ту жъ минуту оставлено и отстранено прочь, и все было устремлено на приготовленіе къ балу, ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ. Зато, можетъ-быть, отъ самаго созданья свѣта не было употреблено столько времени на туалетъ. Цѣлый часъ былъ по-

---

1) Постскриптумъ—приписка послѣ письма.

священъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопровожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по-французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, подмигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ; словомъ, мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, чувствуя притомъ, что хорошъ, да къ тому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку. Наконецъ онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: «Ахъ ты, мордашка этакой!» и сталъ одѣваться. Самое довольное расположеніе сопровождало его во все время одѣванія: надѣвая подтяжки или повязывая галстукъ, онъ расшаркивался и кланялся съ особенно ловкостію, и хотя никогда не танцовалъ, но сдѣлалъ антраша. Это антраша произвело маленькое невинное слѣдствіе: задрожалъ комодъ и упала со стола щетка.

Появленіе его на балѣ произвело необыкновенное дѣйствіе. Все, что ни было, обратилось къ нему навстрѣчу,—кто съ картами въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора, произнесши: «А нижній земскій судъ отвѣчаетъ на это...» Но что такое отвѣчаетъ земскій судъ, ужъ это онъ бросилъ въ сторону и спѣшилъ съ привѣтствіемъ къ нашему герою. «Павелъ Ивановичъ! Ахъ, Боже мой, Павелъ Ивановичъ! Любезный Павелъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ! Душа моя Павелъ Ивановичъ! Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ онъ нашъ Павелъ Ивановичъ! Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! Давайте-ка его сюда, вотъ я его поцѣлую покрѣпче, моего дорогого Павла Ивановича!» Чичиковъ разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ. Не успѣлъ совершенно выкарабкаться изъ объятій предсѣдателя, какъ очутился уже въ объятіяхъ полицмейстера; полицмейстеръ сдалъ его инспектору врачебной управы, инспекторъ врачебной управы—откупщику, откупщикъ—архитектору... Губернаторъ, который въ то время сталъ возлѣ дамъ и держалъ въ одной рукѣ конфетный билетъ, а въ другой—болонку, увидя его, бросилъ на полъ и билетъ и болонку,—только завизжала собачонка,— словомъ, распространилъ онъ радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на которомъ бы не выразилось удовольствіе или, по крайней мѣрѣ, отраженіе всеобщаго удовольствія. Такъ бываетъ на лицахъ чиновниковъ во время осмотра пріѣхавшимъ начальникомъ ввѣренныхъ управленію ихъ мѣстъ: послѣ того, какъ уже первый страхъ прошелъ, они увидѣли, что многое ему нравится, и онъ самъ изволилъ, наконецъ, пошутить, то-есть произнести съ пріятною усмѣшкой нѣсколько словъ,—смѣются вдвое въ отвѣтъ на это обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услыхали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отроду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку, хотя эта улыбка болѣе похожа на то, какъ бы кто-нибудь собирался чихнуть послѣ крѣпкаго табаку. Герой нашъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому и чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налѣво, по обыкновенію своему, нѣсколько на бокъ, но совершенно свободно, такъ что очаровалъ всѣхъ. Дамы тутъ же обступили его блистающею гирляндою и нанесли съ собой цѣлыя облака всякаго рода благоуханій: одна дышала розами, отъ другой несло весной и фіалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиковъ подымалъ только носъ кверху да нюхалъ. Въ нарядахъ ихъ

вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были такихъ блѣдныхъ модныхъ цвѣтовъ, какихъ даже и названья нельзя было прибрать—до такой степени дошла тонкость вкуса! Ленточные банты и цвѣточные букеты порхали тамъ и тамъ по платьямъ, въ самомъ картинномъ безпорядкѣ, хотя надъ этимъ безпорядкомъ трудилась много порядочная голова. Легкій головной уборъ держался только на однихъ ушахъ и, казалось, говорилъ: «Эй, улечу! Жаль только, что не подыму съ собой красавицу!» Таліи были обтянуты и имѣли самыя крѣпкія и пріятныя для глазъ формы (нужно замѣтить, что вообще всѣ дамы города N были нѣсколько полны, но шнуровались такъ искусно и имѣли такое пріятное обращеніе, что толщины никакъ нельзя было примѣтить). Все было у нихъ придумано и предусмотрѣно съ необыкновенною осмотрительностью: шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никакъ не дальше: каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала, по собственному убѣжденію, что они способны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ: или какой-нибудь легонькій галстучекъ изъ ленты легче пирожнаго, извѣстнаго подъ именемъ *поцѣлуя*, эѳирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечъ, изъ-подъ платья, маленькія зубчатыя сѣтки изъ тонкаго батиста, извѣстныя подъ именемъ *скромностей*. Эти *скромности* скрывали напереди и сзади то, что уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ заставляли подозрѣвать, что тамъ-то именно и была самая погибель. Длинныя перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительныя части рукъ повыше локтя, которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденные надвинуться далѣе,—словомъ, кажется, какъ будто на всѣмъ было написано: «Нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ!» Только мѣстами вдругъ высовывался какой-нибудь невиданный землею чепецъ или даже какое-то, чуть не павлиное, перо, въ противность всѣмъ модамъ, по собственному вкусу. Но ужъ безъ этого нельзя—таково свойство губернскаго города: гдѣ-нибудь ужъ онъ непремѣнно оборвется. Чичиковъ, стоя передъ ними, думалъ: «Которая, однакоже, сочинительница письма?» И высунулъ было впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, обшлаговъ, рукавовъ, концовъ лентъ, душистыхъ шемизетокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалую: почтмейстерша, капитанъ-исправникъ, дама съ голубымъ перомъ, дама съ бѣлымъ перомъ, грузинскій князь Чихайхилидзевъ, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, французъ Куку, Перхуновскій, Беребендовскій,—все поднялось и понеслось...

— Вона! пошла писать губернія!—проговорилъ Чичиковъ, попятившись назадъ, и, какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь началъ выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узвать ни по выраженію въ лицѣ ни по выраженію въ глазахъ, которая была сочинительница. Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимое-тонкое,—у, какое тонкое!.. «Нѣтъ,—сказалъ самъ въ себѣ Чичиковъ,—женщины—это такой предметъ...»—здѣсь онъ и рукой махнулъ: «Просто, и говорить нечего! Поди-ка, попробуй разсказать или передать все то, что бѣгаетъ на ихъ лицахъ, всѣ тѣ излучинки, намеки... а вотъ, просто, ничего не передашь. Одни глаза ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человѣкъ—и поминай, какъ звали! Ужъ его оттуда не крючкомъ, ничѣмъ не вытащишь. Ну, попробуй, напримѣръ, разсказать одинъ блескъ ихъ: влажный, бархатный, сахарный—Богъ ихъ знаетъ, какого нѣтъ еще! И жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или, какъ нынѣ говорятъ, въ нѣгѣ, или безъ нѣги, но пуще нежели въ нѣгѣ—такъ вотъ за-

цѣпитъ за сердце да и поведетъ по всей душѣ, какъ будто смычкомъ. Нѣтъ, просто, не приберешь слова: галантерейная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!»

Виноватъ! Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній—по-французски въ носъ и картавя, по-англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ, и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи. А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріотизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ такая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ,—словомъ, хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода, но, почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ между тѣмъ въ совершенное недоумѣніе рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вмѣстѣ и надежду и сладкія муки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ, наконецъ, сказалъ: «Нѣтъ, никакъ нельзя угадать!» Это, однакоже, никакъ не уменьшило веселаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко размѣнялся, съ нѣкоторыми изъ дамъ пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ, мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, семенилъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щеголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышиными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посеменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налѣво, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или наподобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали въ немъ кучу пріятностей, и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что-то даже марсовское и военное, что, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъ-за него уже начинали нѣсколько ссориться: замѣтивши, что онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторыя наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не произошла пренепріятная исторія, и многимъ, желавшимъ себѣ сдѣлать то же, показалась уже черезчуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ дамами, или, лучше, дамы такъ заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій,—которыя всѣ нужно было разгадывать, отчего даже выступилъ у него на лбу потъ,—что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ уже тогда, когда услышалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ ними уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ласковымъ и лукавымъ голосомъ, съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы: «А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ

вы!..» Въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей, охотниковъ описывать гостиныя и похвалиться знаніемъ высшаго тона,—въ духѣ того, что «неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами?» Герой нашъ поворотился въ ту же минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремины и всякіе ловкіе военные люди, какъ, невзначай поднявши глаза, остановился вдругъ, какъ будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ руку молоденькую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку, съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно круглившимся оваломъ лица, какое художникъ взялъ бы въ образецъ для Мадонны [1]) и какое только рѣдкимъ случаемъ попадается на Руси, гдѣ любитъ все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги, — ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда, по глупости кучеровъ или лошадей, ихъ экипажи такъ страшно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дятею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова и пробормоталъ, чортъ знаетъ что такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ не Греминъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

— Вы не знаете еще моей дочери? — сказала губернаторша. — Институтка, только что выпущена.

Онъ отвѣчалъ, что уже имѣлъ счастіе нечаяннымъ образомъ познакомиться; попробовалъ еще кое-что прибавить, но кое-что совсѣмъ не вышло. Губернаторша, сказавъ два-три слова, наконецъ, отошла съ дочерью въ другой конецъ залы къ другимъ гостямъ, а Чичиковъ все еще стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ человѣкъ, который весело вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы прогуляться, съ глазами, расположенными глядѣть на все, и вдругъ неподвижно остановился, вспомнивъ, что онъ позабылъ что-то; и ужъ тогда глупѣе ничего не можетъ быть такого человѣка: вмигъ беззаботное выраженіе слетаетъ съ лица его; онъ силится припомнить, что позабылъ онъ: не платокъ ли? Но платокъ въ карманѣ; не деньги ли? Но деньги тоже въ карманѣ; все, кажется, при немъ, а между тѣмъ какой-то невѣдомый духъ шепчетъ ему въ уши, что онъ позабылъ что-то. И вотъ уже глядитъ онъ растерянно и смутно на движущуюся толпу передъ нимъ, на летающіе экипажи, на кивера и ружья проходящаго полка, на вывѣску — и ничего хорошо не видитъ. Такъ и Чичиковъ вдругъ сдѣлался чуждымъ всему, что ни происходило вокругъ него. Въ это время изъ дамскихъ благовонныхъ устъ къ нему устремилось множество намековъ и вопросовъ, проникнутыхъ насквозь тонкостію и любезностію: «Позволено ли намъ, бѣднымъ жителямъ земли, быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете?» — «Гдѣ находятся тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?» — «Можно ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?» Но онъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ невниманіемъ, и пріятныя фразы канули, какъ въ воду. Онъ даже до того былъ неучтивъ, что скоро ушелъ отъ нихъ въ другую сторону, желая повысмотрѣть, куда ушла губернаторша съ своей дочкой, но дамы, кажется, не хотѣли

---

[1]) Мадонна—Божія Матерь.

оставить его такъ скоро: каждая внутренно рѣшилась употребить всевозможныя орудія, столь опасныя для сердецъ нашихъ, и пустить въ ходъ все, что было лучшаго. Нужно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дамъ, — я говорю у нѣкоторыхъ: это не то, что у всѣхъ, — есть маленькая слабость: если онѣ замѣтятъ у себя что-нибудь особенно хорошее — лобъ ли, ротъ ли, руки ли — то уже думаютъ, что лучшая часть лица ихъ такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза, и всѣ вдругъ заговорятъ въ одинъ голосъ: «Посмотрите, какой у ней прекрасный греческій носъ!» или: «Какой правильный, очаровательный лобъ!» У которой же хороши плечи, та увѣрена заранѣе, что всѣ молодые люди будутъ совершенно восхищены и то и дѣло станутъ повторять въ то время, когда она будетъ проходить мимо: «Ахъ, какія чудесныя у этой плечи!» А на лицо, волосы, носъ, лобъ даже не взглянутъ, если же и взглянутъ, то какъ на что-то постороннее. Такимъ образомъ думаютъ иныя дамы. Каждая дама дала себѣ внутренній обѣтъ быть какъ можно очаровательнѣй въ танцахъ и показать въ всемъ блескѣ превосходство того, что у ней было самаго превосходнаго. Почтмейстерша, вальсируя, съ такой томностію опустила на бокъ голову, что слышалось въ самомъ дѣлѣ что-то неземное. Одна очень любезная дама, которая пріѣхала вовсе не съ тѣмъ, чтобы танцовать, по причинѣ приключившагося, какъ сама выразилась, небольшого инкомодите въ видѣ горошинки на правой ногѣ, вслѣдствіе чего должна была даже надѣть плисовые сапоги, — не вытерпѣла, однакоже, и сдѣлала нѣсколько круговъ въ плисовыхъ сапогахъ, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала ужъ въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много себѣ въ голову.

Но все это никакъ не произвело предполагаемаго дѣйствія на Чичикова. Онъ даже не смотрѣлъ на круги, производимые дамами, но безпрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверхъ головъ, куда бы могла забраться занимательная блондинка; присѣдалъ и внизъ тоже, высматривая промежъ плечей и спинъ, наконецъ, доискался и увидѣлъ ее, сидящую вмѣстѣ съ матерью, надъ которою величаво колебалась какая-то восточная чалма съ перомъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ. Весеннее ли расположеніе подѣйствовало на него, или толкалъ его кто сзади, только онъ протѣснялся рѣшительно впередъ, несмотря ни на что: откупщикъ получилъ отъ него такой толчокъ, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ногѣ, не то бы, конечно, повалилъ за собою цѣлый рядъ; почтмейстеръ тоже отступилъ и посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ довольно тонкой ироніей, но онъ на нихъ не поглядѣлъ: онъ видѣлъ только вдали блондинку, надѣвавшую длинную перчатку и, безъ сомнѣнія, сгоравшую желаніемъ пуститься летать по паркету. А ужъ тамъ, въ сторонѣ, четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали полъ, и армійскій штабсъ-капитанъ работалъ и душою, и тѣломъ, и руками, и ногами, отвертывая такія па, какія и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки, почти по самымъ каблукамъ, и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой. Однакожъ онъ подступилъ къ нимъ очень робко, не семенилъ такъ бойко и франтовски ногами, даже нѣсколько замялся, и во всѣхъ движеніяхъ оказалась какая-то неловкость.

Нельзя сказать навѣрно, точно ли пробудилось въ нашемъ героѣ чувство любви; даже сомнительно, чтобы господа такого рода, то-есть не такъ, чтобы толстые, однакожъ, и не то чтобы тонкіе, способы были къ любви; но при всемъ томъ здѣсь было что-то такое странное, что-то въ такомъ родѣ, чего онъ самъ не могъ себѣ объяснить: ему показалось, какъ самъ онъ потомъ сознавался, что весь балъ, со всѣмъ своимъ говоромъ и шумомъ, сталъ на нѣсколько минутъ какъ будто гдѣ-то вдали; скрипки и трубы нарѣзывали гдѣ-то за горами, и все подернулось туманомъ, похожимъ на небрежно замалеванное поле на кар-

тинѣ. И изъ этого мглистаго, кое-какъ набросаннаго поля выходили ясно и окончательно только однѣ тонкія черты увлекательной блондинки: ея овально-круглившееся личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска, ея бѣлое почти простое платьице, легко и ловко обхватившее во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе стройные члены, которые означались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы.

Видно, такъ ужъ бываетъ на свѣтѣ; видно, и Чичиковы на нѣсколько минутъ въ жизни обращаются въ поэтовъ; но слово *поэтъ* будетъ уже слишкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ-то въ родѣ молодого человѣка, чуть-чуть не гусаромъ. Увидѣвши возлѣ нихъ пустой стулъ, онъ тотчасъ его занялъ. Разговоръ сначала не клеился, но послѣ дѣло пошло; онъ началъ даже получать форсъ, но... Здѣсь, къ величайшему прискорбію, надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности какъ-то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами; на это мастера господа поручики, и никакъ не далѣе капитанскихъ чиновъ. Какъ они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется, и не очень мудреныя вещи говорятъ, а дѣвица то и дѣло качается на стулѣ отъ смѣха; статскій же совѣтникъ, Богъ знаетъ что, разскажетъ; или поведетъ рѣчь о томъ, что Россія очень пространное государство, или отпуститъ комплиментъ, который, конечно, выдуманъ не безъ остроумія, но отъ него ужасно пахнетъ книгою; если скажетъ что-нибудь смѣшное, то самъ несравненно больше смѣется, чѣмъ та, которая его слушаетъ. Здѣсь это замѣчено для того, чтобы читатели видѣли, почему блондинка стала зѣвать во время разсказовъ нашего героя. Герой, однакоже, совсѣмъ этого не замѣчалъ, разсказывая множество пріятныхъ вещей, которыя уже случалось ему произносить въ подобныхъ случаяхъ въ разныхъ мѣстахъ, именно: въ Сибирской губерніи, у Софрона Ивановича Безпечнаго, гдѣ были тогда дочь его Аделаида Софроновна съ тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Ѳедора Ѳедоровича Перекроева, въ Рязанской губерніи; у Фрола Васильевича Побѣдоносцева, въ Пензенской губерніи, и у брата его Петра Васильевича, гдѣ были: своячиница его Катерина Михайловна и внучатныя сестры ея: Роза Ѳедоровна и Эмилія Ѳедоровна; въ Вятской губерніи, у Петра Варсонофьевича, гдѣ была сестра невѣстки его, Пелагая Егоровна съ племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами: Софіей Александровной и Маклатурой Александровной.

Всѣмъ дамамъ совершенно не понравилось такое обхожденіе Чичикова. Одна изъ нихъ нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это замѣтить, и даже задѣла блондинку довольно небрежно толстымъ руло своего платья, а шарфомъ, который порхалъ вокругъ плечъ ея, распорядилась такъ, что онъ махнулъ концомъ своимъ ее по самому лицу; въ то же самое время позади его изъ однихъ дамскихъ устъ изнеслось, вмѣстѣ съ запахомъ фіалокъ, довольно колкое и язвительное замѣчаніе. Но, или онъ не услышалъ въ самомъ дѣлѣ, или прикинулся, что не услышалъ, только это было нехорошо, ибо мнѣніемъ дамъ нужно дорожить: въ этомъ онъ и раскаялся, но уже послѣ, стало-быть, поздно.

Негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое, изобразилось во многихъ лицахъ. Какъ ни великъ былъ въ обществѣ вѣсъ Чичикова, хотя онъ и милліонщикъ, и въ лицѣ его выражалось величіе и даже что-то марсовское и военное, но есть вещи, которыхъ дамы не простятъ никому, будь онъ кто бы ни было, и тогда прямо пиши — пропало! Есть случаи, гдѣ женщина, какъ ни слаба

и безсильна характеромъ въ сравненіи съ мужчиною, но становится вдругъ тверже не только мужчины, но и всего, что ни есть на свѣтѣ. Пренебреженіе, оказанное Чичиковымъ, почти неумышленное, возстановило между дамами даже согласіе, бывшее было на краю погибели по случаю завладѣнія стуломъ. Въ произнесенныхъ имъ невзначай какихъ-то сухихъ и обыкновенныхъ словахъ нашли колкіе намеки. Въ довершеніе бѣдъ какой-то изъ молодыхъ людей сочинилъ тутъ же сатирическіе стихи на танцовавшее общество, безъ чего, какъ извѣстно, никогда почти не обходится на губернскихъ балахъ. Эти стихи были приписаны тутъ же Чичикову. Негодованье росло, и дамы стали говорить о немъ въ разныхъ углахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; а бѣдная институтка была уничтожена совершенно, и приговоръ ея уже былъ подписанъ.

А между тѣмъ герою нашему готовилась пренепріятнѣйшая неожиданность: въ то время, когда блондинка зѣвала, а онъ разсказывалъ ей кое-какіе въ разныя времена случившіяся исторійки и даже коснулся было греческаго философа Діогена, показался изъ послѣдней комнаты Ноздревъ. Изъ буфета ли онъ вырвался, или изъ небольшой зеленой гостиной, гдѣ производилась игра посильнѣе чѣмъ въ обыкновенный вистъ, своей ли волею, или вытолкали его, только онъ явился веселый, радостный, ухвативши подъ руку прокурора, котораго, вѣроятно, уже таскалъ нѣсколько времени, потому что бѣдный прокуроръ поворачивалъ на всѣ стороны свои густыя брови, какъ бы придумывая средство выбраться изъ этого дружескаго подручнаго путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, оно было невыносимо. Ноздревъ, захлебнувъ куражу въ двухъ чашкахъ чаю, конечно, не безъ рома, вралъ немилосердно. Завидѣвъ еще издали его, Чичиковъ рѣшился даже на пожертвованіе, то-есть оставить свое завидное мѣсто и, сколько можно, поспѣшнѣе удалиться: ничего хорошаго не предвѣщала ему эта встрѣча. Но, какъ на бѣду, въ это время подвернулся губернаторъ, изъявившій необыкновенную радость, что нашелъ Павла Ивановича, и остановилъ его, прося быть судіею въ спорѣ его съ двумя дамами насчетъ того, продолжительна ли женская любовь или нѣтъ; а между тѣмъ Ноздревъ уже увидалъ его и шелъ прямо навстрѣчу.

— А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ! — кричалъ онъ, подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки. — Что? Много паторговалъ мертвыхъ? Вы не знаете, ваше превосходительство, — горланилъ онъ тутъ же, обратившись къ губернатору: — онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь ты, тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь, я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ!

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

— Повѣрите ли, ваше превосходительство, — продолжалъ Ноздревъ: — какъ сказалъ онъ мнѣ: «подай мертвыхъ душъ», я такъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ. Какихъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ, да ты скотина, ей Богу, скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ?

Но прокуроръ и Чичиковъ и самъ губернаторъ пришли въ такое замѣшательство, что не нашлись совершенно, что отвѣчать; а между тѣмъ Ноздревъ нимало не обращая вниманія, несъ полутрезвую рѣчь:

— Ужъ ты, братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я... Вотъ и его превосходительство здѣсь... Не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то-есть просто, если

бы вы сказали, вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: Ноздревъ, скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной или Чичиковъ? скажу: Чичиковъ, ей Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься: одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!

Ноздревъ былъ такъ оттолкнутъ съ своими безе, что чуть не полетѣлъ на землю. Отъ него всѣ отступились и не слушали больше. Но все же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку и сопровождены такимъ громкимъ смѣхомъ, что привлекли вниманіе даже тѣхъ, которые находились въ самыхъ дальнихъ углахъ комнаты. Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились съ какимъ-то деревяннымъ, глуповопросительнымъ выраженіемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что многія дамы перемигнулись между собою съ какою-то злобною, ѣдкою усмѣшкою, и въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ показалось что-то такое двусмысленное, которое еще болѣе увеличило это смущеніе. Что Ноздревъ лгунъ отъявленный, это было извѣстно всѣмъ, и вовсе не было въ диковинку слышать отъ него рѣшительную безсмыслицу; но смертный — право, трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непремѣнно сообщитъ ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: «Посмотрите, какую ложь распустили!» А другой смертный съ удовольствіемъ преклонить ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: «Да это совершенно пошлая ложь, не стоящая никакого вниманія!» И вслѣдъ за тѣмъ сей же часъ отправиться искать третьяго смертнаго, чтобы, разсказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: «Какая пошлая ложь!» И это непремѣнно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ не есть, наговорятся непремѣнно досыта и потомъ признаютъ, что это ни стоитъ вниманія и недостойно, чтобы о немъ говорить.

Это вздорное, повидимому, происшествіе замѣтно разстроило нашего героя. Какъ ни глупы слова дурака, а иногда бываютъ они достаточны, чтобы смутить умнаго человѣка. Онъ сталъ чувствовать себя неловко, неладко, точь въ точь, какъ будто прекрасно вычищеннымъ сапогомъ вступилъ вдругъ въ грязную вонючую лужу; словомъ, — нехорошо, совсѣмъ нехорошо! Онъ пробовалъ объ этомъ не думать, старался разсѣяться, развлечься, присѣлъ въ вистъ, но все пошло, какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую масть и, позабывъ, что по третьей не бьютъ, размахнулся со всей руки и хватилъ сдуру въ свою же. Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и, можно сказать, тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ его пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся, какъ на Бога. Конечно, почтмейстеръ и предсѣдатель, и даже самъ полицмейстеръ, какъ водится, подшучивали надъ нашимъ героемъ, что ужъ не влюбленъ ли онъ, и что мы знаемъ, дескать, что у Павла Ивановича сердечишко прихрамываетъ, знаемъ, кѣмъ и подстрѣлено; но все это никакъ его не утѣшало, какъ онъ ни пробовалъ усмѣхаться и отшучиваться. За ужиномъ тоже онъ никакъ не былъ въ состояніи развернуться, несмотря на то, что общество за столомъ было пріятное и что Ноздрева давно уже вывели, ибо сами даже дамы, наконецъ, замѣтили, что поведеніе его черезчуръ становилось скандалезно. Посреди котильона онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ, что было уже ни на что не похоже, по выраженію дамъ. Ужинъ былъ очень веселъ: всѣ лица, мелькавшія передъ тройными подсвѣчниками, цвѣтами, конфетами и бутылками, были озарены самымъ непринужденнымъ довольствомъ. Офицеры, дамы, фраки,—

все сдѣлалось любезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульевъ и бѣжали отнимать у слугъ блюда, чтобы съ необыкновенною ловкостію предложить ихъ дамамъ. Одинъ полковникъ подалъ дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги. Мужчины почтенныхъ лѣтъ, между которыми сидѣлъ Чичиковъ, спорили громко, заѣдая дѣльное слово рыбой или говядиной, обмакнутой нещаднымъ образомъ въ горчицу, и спорили о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ даже всегда принималъ участіе; но онъ былъ похожъ на какого-то человѣка, уставшаго или разбитаго дальней дорогой, которому ничто не лѣзетъ на умъ и который не въ силахъ войти ни во что. Даже не дождался онъ окончанія ужина и уѣхалъ къ себѣ несравненно ранѣе, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе уѣзжать.

Тамъ, въ этой комнатѣ, такъ знакомой читателю, съ дверью, заставленной комодомъ, и выглядывавшими иногда изъ угловъ тараканами, положеніе мыслей и духа его было такъ же неспокойно, какъ неспокойны тѣ кресла, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Непріятно, смутно было у него на сердцѣ; какая-то тягостная пустота оставалась тамъ. «Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы! — говорилъ онъ всердцахъ. — Ну, чему сдуру обрадовались? Въ губерніи неурожаи, дороговизна, такъ вотъ они за балы! Экъ штука: разрядились въ бабьи тряпки! Невидаль, что иная навертѣла на себя тысячу рублей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ или, что еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата. Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душою: для того, чтобы женѣ достать на шаль или на разные роброны [1]), провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? Чтобы не сказала какая-нибудь подстега Сидоровна, что на почтмейстершѣ лучше было платье, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей. Кричатъ: «Балъ, балъ, веселость!» Просто, дрянь балъ, не въ русскомъ духѣ, не въ русской натурѣ, чортъ знастъ, что такое: взрослый, совершеннолѣтній, вдругъ выскочитъ весь въ черномъ, общипанный, обтянутый, какъ чортикъ, и давай мѣсить ногами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ съ другимъ о важномъ дѣлѣ, а ногами въ то же самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налѣво... Все изъ обезьянства, все изъ обезьянства! Что французъ въ сорокъ лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право... послѣ всякаго бала, точно, какъ будто какой грѣхъ сдѣлалъ; и вспомнить даже о немъ не хочется. Въ головѣ, просто, ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣкомъ: всего онъ наговоритъ, всего слегка коснется, все скажетъ, что понадергалъ изъ книжекъ, пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Ну, что изъ него выжмешь, изъ этого бала? Ну, если бы, положимъ, какой-нибудь писатель вздумалъ описывать всю эту сцену такъ, какъ она есть? Ну, и въ книгѣ и тамъ была бы она такъ же безтолкова, какъ въ натурѣ. Что она такое: нравственная ли, или безнравственная ли! Просто, чортъ знаетъ, что такое! Плюнешь, да и книгу потомъ закроешь». Такъ отзывался неблагопріятно Чичиковъ о балахъ вообще; но, кажется, сюда вмѣшалась другая причина негодованія. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему оборваться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши окомъ благоразумнаго человѣка, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, что глупое слово ничего не значитъ, особливо теперь, когда

---

[1]) Робронъ — старинное дамское круглое платье.

главное дѣло уже обдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но страненъ человѣкъ: его огорчало сильно нерасположеніе тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ и насчетъ которыхъ отзывался рѣзко, понося ихъ суетность и наряды. Это тѣмъ болѣе было ему досадно, что, разобравши дѣло ясно, онъ видѣлъ, какъ причиной этого былъ отчасти самъ. На себя, однакоже, онъ не разсердился, и въ томъ, конечно, былъ правъ. Всѣ мы имѣемъ маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше пріискать какого-нибудь ближняго, на комъ бы выместить свою досаду, напримѣръ, на слугѣ, на чиновникѣ, намъ подвѣдомственномъ, который въ пору подвернулся, на женѣ, или, наконецъ, на стулѣ, который швырнется, чортъ знаетъ куда, къ самымъ дверямъ, такъ что отлетитъ отъ него ручка и спинка, — пусть, молъ, его знаетъ, что такое гнѣвъ. Такъ и Чичиковъ скоро нашелъ ближняго, который потащилъ на плечахъ своихъ все, что только могла внушить ему досада. Ближній этотъ былъ Ноздревъ, и, нечего сказать, онъ былъ такъ отдѣланъ со всѣхъ боковъ и сторонъ, какъ развѣ только какой-нибудь плутъ-староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ-нибудь ѣзжалымъ, опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана, и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли.

Но въ продолженіе того, какъ онъ сидѣлъ въ жесткихъ своихъ креслахъ, тревожимый мыслями и безсонницей, угощая усердно Ноздрева и всю родню его, и передъ нимъ теплилась сальная свѣчка, которой свѣтильня давно уже накрылась нагорѣвшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядѣла ему въ окна слѣпая, темная ночь, готовая посипѣть отъ приближавшагося разсвѣта, и пересвистывались вдали отдаленные пѣтухи, и въ совершенно заснувшемъ городѣ, можетъ-быть, плелась гдѣ-нибудь фризовая шинель, горемыка, неизвѣстнаго какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу, — въ это время на другомъ концѣ города происходило событіе, которое готовилось увеличить непріятность положенія нашего героя. Именно, въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недоумѣніе насчетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстощекій выпуклый арбузъ, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то-есть дверцы, носившія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо, по причинѣ плохого состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кисетовъ, валиковъ и, просто, подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣбами, колачами, кокурками, скородумками и кренделями изъ заварного тѣста. Пирогъ-курникъ и пирогъ-разсольникъ выглядывали даже наверхъ. Запятки были заняты лицомъ лакейскаго происхожденія, въ куртkѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бородою, подернутой легкой просѣдью, — лицо, извѣстное подъ именемъ *малаго*. Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою аллебарду, закричалъ спросонья, что стало мочи: «Кто идетъ?» но, увидѣвъ, что никто не шелъ, и слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ, послѣ чего, оставивши аллебарду, опять заснулъ, по уставамъ своего рыцарства. Лошади то и дѣло падали на переднія колѣнки, потому что не были подкованы, и притомъ, какъ видно, покойная городская мостовая была имъ мало знакома. Колымага, сдѣлавши нѣсколько поворотовъ

изъ улицы въ улицу, наконецъ, поворотила въ темный переулокъ мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычкахъ и остановилась передъ воротами дома протопопши. Изъ брички вылѣзла дѣвка съ платкомъ на головѣ, въ тѣлогрѣйкѣ, и хватила обоими кулаками въ ворота такъ сильно, хоть бы и мужчинѣ (малый въ куртке изъ пеструшки былъ уже потомъ стащенъ за ноги, ибо спалъ мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконецъ, проглотили, хотя съ большимъ трудомъ, это неуклюжее дорожное произведеніе. Экипажъ въѣхалъ въ тѣсный дворъ, заваленный дровами, курятниками и всякими клѣтухами; изъ экипажа вылѣзла барыня: эта барыня была помѣщица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка вскорѣ послѣ отъѣзда нашего героя въ такое пришла безпокойство насчетъ могущаго произойти со стороны его обмана, что, не поспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ, — несмотря на то, что лошади не были подкованы, — и тамъ узнать навѣрно, по чемъ ходятъ мертвыя души и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, продавъ ихъ, можетъ-быть, вридешева. Какое произвело слѣдствіе это прибытіе, читатель можетъ узнать изъ одного разговора, который произошелъ между однѣми двумя дамами. Разговоръ сей... но пусть лучше сей разговоръ будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

Поутру, ранѣе даже того времени, которое назначено въ городѣ N для визитовъ, изъ дверей оранжеваго деревяннаго дома, съ мезониномъ и голубыми колоннами, выпорхнула дама въ клѣтчатомъ щегольскомъ клокѣ [1]), сопровождаемая лакеемъ въ шинели съ нѣсколькими воротниками и золотымъ галуномъ на круглой лощеной шляпѣ. Дама вспорхнула въ тотъ же часъ съ необыкновенною поспѣшностью по опрокинутымъ ступенькамъ въ стоявшую у подъѣзда коляску. Лакей тутъ же захлопнулъ даму дверцами, закидалъ ступеньками, и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричалъ кучеру: «Пошелъ!» Дама везла только что услышанную новость и чувствовала побужденіе непреодолимое скорѣе сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она изъ окна и видѣла, къ несказанной досадѣ, что все еще остается полдороги. Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она, наконецъ, не вытерпѣла не сказать:

— Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!

Кучеръ уже два раза получалъ приказаніе:

— Поскорѣе, поскорѣе, Андрюшка! Ты сегодня несносно долго ѣдешь!

Наконецъ цѣль была достигнута. Коляска остановилась передъ деревяннымъ же одноэтажнымъ домомъ темно-сѣраго цвѣта, съ бѣлыми барельефчиками надъ окнами, съ высокою деревянною рѣшеткою передъ самыми окнами и узенькимъ палисадникомъ, за рѣшеткою котораго находившіяся тоненькія деревца побѣлѣли отъ никогда не сходившей съ нихъ городской пыли. Въ окнахъ мелькали горшки съ цвѣтами, попугай, качавшійся въ клѣткѣ, уцѣпясь носомъ за кольцо, и двѣ собачонки, спавшія передъ солнцемъ. Въ этомъ домѣ жила искренняя пріятельница пріѣхавшей дамы. Авторъ чрезвычайно затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы не разсердились на него, какъ серживались встарь. Назвать выдуманною фамиліей — опасно. Какое не придумай имя, ужъ непремѣнно найдется въ какомъ-нибудь углу нашего государства, — благо велико, — кто-нибудь носящій его, и непремѣнно разсердится не на

[1]) Клокъ—по-англійски плащъ.

животъ, а на смерть, станетъ говорить, что авторъ нарочно пріѣзжалъ секретно съ тѣмъ, чтобы вывѣдать все, что онъ такое самъ и въ какомъ тулупчикѣ ходить, и къ какой Аграфенѣ Ивановнѣ навѣдывается, и что любитъ покушать. Назови же по чинамъ, Боже сохрани, и того опаснѣй. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково уже, видно, расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ, — это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наружности и закричитъ: «Вѣдь я тоже человѣкъ, стало-быть, я тоже глупъ»,— словомъ, вмигъ смекнетъ, въ чемъ дѣло. А потому, для избѣжанія всего этого, будемъ называть даму, къ которой пріѣхала гостья, такъ, какъ она называлась почти единогласно въ городѣ N, именно — дамою пріятною во всѣхъ отношеніяхъ. Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась — ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подчасъ въ пріятномъ словѣ ея торчала — ухъ, какая булавка! А ужъ не приведи Богъ, что кипѣло въ сердцѣ противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было облечено самою тонкою свѣтскостью, какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умѣла держать голову, и всѣ согласились, что она, точно, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Другая же дама, то-есть, пріѣхавшая, не имѣла такой многосторонности въ характерѣ, и потому будемъ называть ее — просто пріятная дама. Пріѣздъ гостьи разбудилъ собачонокъ, спавшихъ на солнцѣ: мохнатую Адель, безпрестанно путавшуюся въ собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненькихъ ножкахъ. Тотъ и другая съ лаемъ понесли кольцами хвосты свои въ переднюю, гдѣ гостья освобождалась отъ своего клока и очутилась въ платьѣ моднаго узора и цвѣта и въ длинныхъ хвостахъ на шеѣ; жасмины понеслись по всей комнатѣ. Едва только во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама узнала о пріѣздѣ просто пріятной дамы, какъ уже вбѣжала въ переднюю. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули, какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся вскорѣ послѣ выпуска, когда маменьки еще не успѣли объяснить имъ, что отецъ у одной бѣднѣе и ниже чиномъ, нежели у другой. Поцѣлуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платкомъ, — и обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется, голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже ширмочками, обвитыми плющомъ; вслѣдъ за ними побѣжали ворча мохнатая Адель и высокій Попури на тоненькихъ ножкахъ.

— Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголочекъ,—говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана. — Вотъ такъ! Вотъ такъ! Вотъ вамъ и подушка!

Сказавши это, она запихнула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ: носъ вышелъ лѣстницею, а губы—четвероугольникомъ.

— Какъ же я рада, что вы... Я слышу, кто-то подъѣхалъ, да думаю себѣ, кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ: «Вице-губернаторша», а я говорю:— Ну, вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать, и уже хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома.

Гостья уже хотѣла было приступить къ дѣлу и сообщить новость, но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговору.

— Какой веселенькій ситецъ! — воскликнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

— Да, очень веселенькій. Прасковья Ѳедоровна, однакоже, находитъ, что лучше, если бы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневыя были крапинки, а голубыя. Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія-узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску все глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ.

— Милая, это пестро.

— Ахъ, нѣтъ! Не пестро!

— Ахъ, пестро!

Нужно замѣтить, что во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама была отчасти матеріалистка, склонна къ отрицанію и сомнѣнію и отвергала весьма многое въ жизни.

Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это совсѣмъ не пестро, и вскрикнула:

— Да, поздравляю васъ: оборокъ болѣе не носятъ.

— Какъ не носятъ?

— Намѣсто ихъ фестончики!

— Ахъ, это нехорошо — фестончики!

— Фестончики, все фестончики: перелинка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, эполетцы изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ фестончики.

— Нехорошо, Софья Ивановна, если все фестончики.

— Мило, Анна Григорьевна, до невѣроятности: шьется въ два рубчика, широкія проймы и сверху.. Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннѣе, впереди мыскомъ, и передняя косточка совсѣмъ выходитъ изъ границъ; юбка вся собирается вокругъ, какъ, бывало, въ старину фижмы, даже сзади немножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ.

— Ну, ужъ это, просто, признаюсь! — сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движенье головою съ чувствомъ достоинства.

— Именно, это ужъ точно признаюсь!—отвѣчала просто пріятная дама.

— Ужъ какъ вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.

— Я сама тоже... Право, какъ вообразишь, до чего иногда доходитъ мода... ни на что не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣха; Меланья моя принялась шить.

— Такъ у васъ развѣ есть выкройка!—вскрикнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама не безъ замѣтнаго сердечнаго движенья.

— Какъ же, сестра привезла.

— Душа моя, дайте ее мнѣ, ради всего святого.

— Ахъ, я ужъ дала слово Прасковьѣ Ѳедоровнѣ. Развѣ послѣ нея?

— Кто же станетъ носить послѣ Прасковьи Ѳедоровны? Это ужъ слишкомъ странно будетъ съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочтете своимъ.

— Да вѣдь она тоже мнѣ двоюродная тетка.

— Она вамъ тетка еще, Богъ знаетъ, какая: съ мужниной стороны... Нѣтъ, Софья Ивановна, я и слышать не хочу; это выходитъ—вы мнѣ хотите нанесть такое оскорбленье... Видно, я вамъ наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство.

Бѣдная Софья Ивановна не знала совершенно, что ей дѣлать. Она чувствовала сама, между какихъ сильныхъ огней себя поставила. Вотъ тебѣ и похвасталась! Она бы готова была исколоть за это иголками глупый языкъ.

— Ну, что жъ нашъ прелестникъ?—сказала между тѣмъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Ахъ, Боже мой! Что жъ я такъ сижу передъ вами! Вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете, Анна Григорьевна, съ чѣмъ я пріѣхала къ вамъ?

Тутъ дыханіе гостьи сперлось, слова, какъ ястребы, готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ, и только нужно было до такой степени быть безчеловѣчной, какова была искренняя пріятельница, чтобы рѣшиться остановить ее.

— Какъ вы ни выхваляйте и ни превозносите его,—говорила она съ живостью, болѣе нежели обыкновенною:—а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ—негодный человѣкъ, негодный, негодный!.. Да послушайте только, что я вамъ открою...

— Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый непріятный носъ.

— Позвольте же, позвольте же только разсказать вамъ... душенька, Анна Григорьевна, позвольте разсказать! Вѣдь это исторія, понимаете ли: исторія, сконапель истоаръ [1]),—говорила гостья съ выраженіемъ почти отчаянія и совершенно умоляющимъ голосомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ разговоръ обѣихъ дамъ вмѣшивалось очень много иностранныхъ словъ и цѣликомъ иногда длинныя французскія фразы. Но какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ, но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэму. Итакъ, станемъ продолжать по-русски.

— Какая же исторія?

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! Если бы вы могли только представить то положеніе, въ которомъ я находилась! Вообразите, приходитъ ко мнѣ сегодня протопопша, отца Кириллы жена, и что бы вы думали? Нашъ-то смиренникъ, пріѣзжій-то нашъ, каковъ. А?

— Какъ, неужели онъ и протопопшѣ строилъ куры?

— Ахъ, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, что разсказала протопопша. Пріѣхала, говоритъ, къ ней помѣщица Коробочка, перепуганная и блѣдная, какъ смерть, и разсказываетъ, и какъ разсказываетъ! Послушайте только, совершенный романъ: вдругъ, въ глухую полночь, когда все уже спало въ домѣ, раздается въ ворота стукъ, ужаснѣйшій, какой только можно себѣ представить; кричатъ: «Отворите, отворите, не то будутъ выломаны ворота!..» Каково вамъ это покажется? Каковъ же послѣ этого прелестникъ?

— Да что Коробочка? Развѣ молода и хороша собою?

— Ничуть, старуха.

— Ахъ, прелести! Такъ онъ за старуху принялся? Ну, хорошъ же послѣ этого вкусъ нашихъ дамъ, нашли въ кого влюбиться.

— Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ не то, что вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина [2]) и требуетъ: «Продайте, говоритъ, всѣ души, кото-

---

[1]) Сконапель истоаръ—испорченная французская фраза—что называется исторія.

[2]) Ринальдо Ринальдини — герой извѣстнаго разбойничьяго романа нѣмецкаго писателя Вульпіуса.

рыя умерли». Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: «Я не могу продать, потому что онѣ мертвыя».—«Нѣтъ, говоритъ, онѣ не мертвыя; это мое, говоритъ, дѣло знать, мертвыя ли онѣ, или нѣтъ; онѣ не мертвыя, не мертвыя!—кричитъ,—не мертвыя!»—Словомъ, скандальезу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ,—ну, просто оррёръ, оррёръ, оррёръ [1])!.. Но вы себѣ представить не можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. «Голубушка барыня,—говоритъ мнѣ Машка:—посмотрите въ зеркало, вы блѣдны».—«Не до зеркала, говорю, мнѣ: я должна ѣхать, разсказать Аннѣ Григорьевнѣ». Въ ту же минуту приказываю заложить коляску; кучеръ Андрюшка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза, какъ дура; я думаю, что онъ подумалъ, что я—сумасшедшая. Ахъ, Анна Григорьевна! Если бъ вы только могли себѣ представить, какъ я перетревожилась!

— Это, однакожъ, странно,—сказала во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама,—что бы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: что-нибудь, вѣрно же, есть.

— Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это. «И теперь,—говоритъ Коробочка,—я не знаю, говоритъ, что мнѣ дѣлать. Заставилъ, говоритъ, подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросилъ пятнадцать рублей ассигнаціями; я говоритъ, неопытная, безпомощная вдова, я ничего не знаю»... Такъ вотъ происшествія! Но только если бы вы могли сколько-нибудь себѣ представить, какъ я вся перетревожилась!

— Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое.

— Я, признаюсь, тоже,—произнесла не безъ удивленія просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой:—А что жъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?

— Ну, какъ вы думаете?

— Какъ я думаю?.. Я, признаюсь, совершенно потеряна.

— Но, однакожъ, я бы все хотѣла знать: какія ваши насчетъ этого мысли?

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать. Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь смѣтливое предположеніе, для этого никакъ ея не ставало, и оттого, болѣе нежели всякая другая, она имѣла потребность въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ.

— Ну, слушайте же, что такое эти мертвыя души,—сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостья при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: ушки ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диванѣ, и, несмотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на легкій пухъ, который вотъ такъ и полетитъ на воздухъ отъ дуновенья.

Такъ русскій баринъ, собачей и іора-охотникъ, подъѣзжая къ лѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочитъ оттоптанный доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ конемъ и поднятымъ арапникомъ въ одинъ застывшій мигъ, въ порохъ, къ которому вотъ-вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ очами въ мутный воздухъ и ужъ настигнетъ звѣря, ужъ допечетъ его, неотбойный, какъ

---

[1]) Т.-е.—ужасъ, ужасъ, ужасъ!

не воздымайся противъ него вся мятущая снѣговая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бобровую его шапку.

— Мертвыя души...—произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама

— Что, что?—подхватила гость вся въ волненіи.

— Мертвыя души!

— Ахъ, говорите ради Бога!

— Это, просто, выдумано только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку.

Это заключеніе, точно, было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, поблѣднѣла, какъ смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку.

— Ахъ, Боже мой!—вскрикнула она, всплеснувъ руками.—Ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать.

— А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло,—отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

— Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! Вѣдь вотъ невинность!

— Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станетъ духа произнести ихъ.

— Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это, просто, раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла, наконецъ, безнравственность. А мужчины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней...

— Манерна нестерпимо.

— Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! Она—статуя, и хоть бы какое-нибудь выраженье въ лицѣ.

— Ахъ, какъ манерна! Ахъ, какъ манерна! Боже, какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю; но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства.

— Душенька! Она—статуя и блѣдна, какъ смерть.

— Ахъ, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно.

— Ахъ, что это вы, Анна Григорьевна: она—мѣлъ, мѣлъ, чистѣйшій мѣлъ.

— Милая, я сидѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается, какъ штукатурка, кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдетъ матушку.

— Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же часъ лишиться дѣтей, мужа, всего имѣнья, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тѣнь какого-нибудь румянца!

— Ахъ, что вы это говорите, Софья Ивановна!—сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и всплеснула руками.

— Ахъ, какія же вы, право, Анна Григорьевна! Я съ изумленьемъ на васъ гляжу!—сказала пріятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю страннымъ, что обѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что видѣли почти въ одно и то же время. Есть, точно, на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство; если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя; а взглянетъ другая—выйдутъ красныя, красныя, какъ брусника!

— Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она блѣдна,—продолжала пріятная дама:—я помню, какъ теперь, что я сижу возлѣ Манилова и говорю ему:—Посмотрите, какая она блѣдная!—Право, нужно быть до такой степени безтол-

ковыми, какъ наши мужчины, чтобы восхищаться ею. А нашъ-то прелестникъ... Ахъ, какъ онъ мнѣ показался противнымъ! Вы не можете себѣ представить, Анна Григорьевна, до какой степени онъ мнѣ показался противнымъ.

— Да, однакоже, нашлись нѣкоторыя дамы, которыя были неравнодушны къ нему.

— Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!

— Да я не говорю объ васъ, какъ будто, кромѣ васъ, никого нѣтъ.

— Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю; а развѣ со стороны какихъ-нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль недоступныхъ.

— Ужъ извините, Софья Ивановна! Ужъ позвольте вамъ сказать, что за мной подобныхъ скандалезностей никогда еще не водилось. За кѣмъ другимъ развѣ, а ужъ за мной нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить.

— Отчего же вы обидѣлись? Вѣдь тамъ были и другія дамы, были даже такія, которыя первыя захватили стулъ у дверей, чтобы сидѣть къ нему поближе.

Ну, ужъ послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ пріятною дамою, должна была неминуемо послѣдовать буря; но, къ величайшему изумленію, обѣ дамы вдругъ пріутихли, и совершенно ничего не послѣдовало. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама вспомнила, что выкройка для модпаго платья еще не находится въ ея рукахъ, а просто пріятная дама смекнула, что она еще не успѣла вывѣдать никакихъ подробностей насчетъ открытія, сдѣланпаго ея искреннею пріятельницею, и потому миръ послѣдовалъ очень скоро. Впрочемъ, обѣ дамы, нельзя сказать, чтобы имѣли въ своей натурѣ потребность наносить непріятность, и вообще въ характерахъ ихъ ничего не было злого, а такъ, нечувствительно, въ разговорѣ рождалось само собою маленькое желаніе кольнуть другъ друга; просто, одна другой, изъ небольшого наслажденія, при случаѣ всунетъ иное живое словцо: «Вотъ, молъ, тебѣ! На, возьми, съѣшь!» Разнаго рода бываютъ потребности въ сердцахъ, какъ мужского, такъ и женскаго пола.

— Я не могу, однакоже, понять только того,—сказала просто пріятная дама,—какъ Чичиковъ, будучи человѣкъ заѣзжій, могъ рѣшиться на такой отважный пассажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ.

— А вы думаете—нѣтъ ихъ?

— А кто же бы, полагаете, могъ помогать ему?

— Ну, да хоть и Ноздревъ.

— Неужели Ноздревъ?

— А что жъ? Вѣдь его на это станетъ. Вы знаете: онъ родного отца хотѣлъ продать или, еще лучше, проиграть въ карты.

— Ахъ, Боже мой, какія интересныя новости я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла предполагать, чтобы и Ноздревъ былъ замѣшанъ въ эту исторію!

— А я всегда предполагала.

— Какъ подумаешь, право, чего не происходитъ на свѣтѣ: ну, можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиковъ только что пріѣхалъ къ намъ въ городъ, что онъ произведетъ такой странный маршъ въ свѣтѣ? Ахъ, Анна Григорьевна, если бы вы знали, какъ я перетревожилась! Если бы не ваша благосклонность и дружба... Вотъ уже, точно, на краю погибели... Куда жъ? Машка моя видитъ, что я блѣдна, какъ смерть: «Душечка, барыня,—говоритъ мнѣ,—вы блѣдны, какъ смерть».—«Машка, говорю, мнѣ не до того теперь».—Такъ вотъ какой случай! Такъ и Ноздревъ здѣсь! Прошу покорно!

Пріятной дамѣ очень хотѣлось вывѣдать дальнѣйшія подробности насчетъ похищенія, то-есть, въ которомъ часу и прочее, но многаго захотѣла. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама прямо отозвалась незнаніемъ. Она не умѣла лгать: предположить что-нибудь—это другое дѣло, но и то въ такомъ случаѣ, когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи; если жъ было почувствовано внутреннее убѣжденіе, тогда умѣла она постоять за себя, и попробовалъ бы какой-нибудь дока-адвокатъ, славящійся даромъ побѣждать чужія мнѣнія,—попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь: увидѣлъ бы онъ, что значитъ внутреннее убѣжденіе.

Что обѣ дамы, наконецъ, рѣшительно убѣдились въ томъ, что прежде предположили только, какъ одно предположеніе, въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Наша братья, народъ умный, какъ мы называемъ себя, поступаетъ почти такъ же, и доказательствомъ служатъ наши ученыя разсужденія. Сперва ученый подъѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ подлецомъ, начинаетъ робкс, умѣренно, начинаетъ самымъ смиреннымъ запросомъ: «Не оттуда ли? Не изъ того ли угла получила имя такая-то страна?» или: «Не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому, позднѣйшему времени?» или: «Не нужно ли подъ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ?» Цитуетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей и чуть только видитъ какой-нибудь намекъ, или, просто, показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы, и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, позабывая вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно—и разсужденіе заключено словами: «Такъ это вотъ какъ было! Такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть! Такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ!» Потомъ во всеуслышанье съ каѳедры—и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ.

Въ то время, какъ обѣ дамы такъ удачно и остроумно рѣшили такое запутанное обстоятельство, вошелъ въ гостиную прокуроръ съ вѣчно неподвижною своей физіономіей, густыми бровями и моргавшимъ глазомъ. Дамы наперерывъ принялись сообщать ему всѣ событія, разсказали о покупкѣ мертвыхъ душъ, о намѣреніи увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно съ толку, такъ что, сколько ни продолжалъ онъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, хлопать лѣвымъ глазомъ и бить себя платкомъ по бородѣ, смѣтая оттуда табакъ, но ничего рѣшительно не могъ понять. Такъ на томъ и оставили его обѣ дамы и отправились, каждая въ свою сторону, бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хоть бы кто-нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на положеніе школьника, которому, сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то-есть бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши впросонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза, во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, — и потомъ уже, наконецъ, чувствуетъ, что въ носу у

него сидитъ гусаръ. Таково совершенно было въ первую минуту положеніе обитателей и чиновниковъ города. Всякій, какъ баранъ, остановился, выпучивъ глаза. Мертвыя души, губернаторская дочка и Чичиковъ сбились и смѣшались въ головахъ ихъ необыкновенно странно; и потомъ уже, послѣ перваго одуренія, они какъ будто бы стали различать ихъ порознь и отдѣлять одно отъ другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дѣло никакъ не хочетъ объясниться. «Что жъ за притча, въ самомъ дѣлѣ, что за притча эти мертвыя души? Логики нѣтъ никакой въ мертвыхъ душахъ, какъ же покупать мертвыя души? Гдѣ жъ дуракъ такой возьмется? И на какія слѣпыя деньги станетъ онъ покупать ихъ? И на какой конецъ, къ какому дѣлу можно проткнуть эти мертвыя души? И зачѣмъ вмѣшалась сюда губернаторская дочка? Если же онъ хотѣлъ увезти ее, такъ зачѣмъ для этого покупать мертвыя души? Если же покупать мертвыя души, такъ зачѣмъ увозить губернаторскую дочку? Подарить, что ли, онъ хотѣлъ ей эти мертвыя души? Что жъ за вздоръ, въ самомъ дѣлѣ, разнесли по городу? Что жъ за направленіе такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и выпустятъ исторію, и хоть бы какой-нибудь смыслъ былъ... Однакожъ разнесли, стало-быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина въ мертвыхъ душахъ? Даже и причины нѣтъ. Это выходитъ просто: «Андроны ѣдутъ, чепуха, белиберда, сапоги всмятку! Это, просто, чортъ побери!..» Словомъ, пошли толки, толки, и весь городъ заговорилъ про мертвыя души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвыя души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все, что ни есть, поднялось. Какъ вихорь, взметнулся, дотолѣ, казалось, дремавшій городъ. Вылѣзли изъ норъ всѣ тюрюки и байбаки, которые позалеживались въ халатахъ по нѣсколько лѣтъ дома, сваливая вину то на сапожника, сшившаго узкіе сапоги, то на портного, то на пьяницу кучера; всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знались только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ да Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ *полежать* и *завалиться*, которые въ большомъ ходу у насъ, на Руси, все равно, какъ фраза: *заѣхать къ Сопикову и Храповицкому*, означающая всякіе мертвецкіе сны на боку, на спинѣ и во всѣхъ иныхъ положеніяхъ, съ захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями); всѣ тѣ, которыхъ нельзя было выманить изъ дому даже зазывомъ на расхлебку пятисотрублевой ухи, съ двухаршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками, — словомъ, оказалось, что городъ и людей, и великъ, и населенъ, какъ слѣдуетъ. Показался какой-то Сысой Пафнутьевичъ и Макдональдъ Карловичъ, о которыхъ и не слышно было никогда; въ гостиныхъ заторчалъ какой-то длинный-длинный съ прострѣленною рукою, такого высокаго роста, какого даже и не видано было. На улицахъ показались крытыя дрожки, невѣдомыя линейки, дребезжалки, колесосвистки — и заварилась каша. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ подобные слухи, можетъ-быть, не обратили бы на себя никакого вниманія; но городъ N уже давно не получалъ никакихъ совершенно вѣстей. Даже не происходило въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ничего такого, что называютъ въ столицахъ камеражами, что, какъ извѣстно, для города то же, что своевременный подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ городской толковнѣ оказалось вдругъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія и образовалися вдругъ двѣ противоположныя партіи: мужская и женская. Мужская партія, самая безтолковая, обратила вниманіе на мертвыя души. Женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки. Въ этой партіи, надо замѣтить къ чести дамъ, было несравненно болѣе порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначеніе ихъ быть хорошими хозяйками и распорядительницами. Все у нихъ скоро приняло живой, опредѣленный видъ, облеклось

въ ясныя и очевидныя формы, объяснилось, очистилось,—однимъ словомъ, вышла оконченная картинка. Оказалось, что Чичиковъ давно уже былъ влюбленъ, и видѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ, что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богатъ, какъ жидъ, если бы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онѣ узнали, что Чичиковъ женатъ,—это никому не было вѣдомо), и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору самое трогательное, и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать никогда не согласятся, рѣшился на похищеніе. Въ другихъ домахъ разсказывалось это нѣсколько иначе: что у Чичикова нѣтъ вовсе никакой жены, но что онъ, какъ человѣкъ тонкій и дѣйствующій навѣрняка, предпринялъ съ тѣмъ, чтобы получить руку дочери, начать дѣло съ матери и имѣлъ съ нею сердечную тайную связь, и что потомъ сдѣлалъ декларацію насчетъ руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступленіе, противное религіи, и чувствуя въ душѣ угрызеніе совѣсти, отказала наотрѣзъ, и что вотъ потому Чичиковъ рѣшился на похищеніе. Ко всему этому присоединились многія объясненія и поправки, по мѣрѣ того, какъ слухи проникали, наконецъ, въ самые глухіе переулки. На Руси же общества низшія очень любятъ поговорить о сплетняхъ, бывающихъ въ обществахъ высшихъ, а потому начали обо всемъ этомъ говорить въ такихъ домишкахъ, гдѣ даже въ глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавленія и еще большія поясненія. Сюжетъ становился ежеминутно занимательнѣе, принималъ съ каждымъ днемъ болѣе окончательныя формы и, наконецъ, такъ, какъ есть, во всей своей окончательности, доставленъ былъ въ собственныя уши губернаторши. Губернаторша, какъ мать семейства, какъ первая въ городѣ дама, наконецъ, какъ дама, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, была совершенно оскорблена подобными исторіями и пришла въ негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое. Бѣдная блондинка выдержала самый непріятный tête-à-tête[1]), какой только когда-либо случалось имѣть шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Полились цѣлые потоки разспросовъ, допросовъ, выговоровъ, угрозъ, упрековъ, увѣщаній, такъ что дѣвушка бросилась въ слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару данъ былъ строжайшій приказъ не принимать ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ Чичикова.

Сдѣлавши свое дѣло относительно губернаторши, дамы насѣли было на мужскую партію, пытаясь склонить ихъ на свою сторону и утверждая, что мертвыя души—выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе и успѣшнѣе произвесть похищеніе. Многіе даже изъ мужчинъ были совращены и пристали къ ихъ партіи, несмотря на то, что подвергнулись сильнымъ нареканіямъ отъ своихъ же товарищей, обругавшихъ ихъ бабами и юбками, — именами, какъ извѣстно, очень обидными для мужского пола.

Но какъ ни вооружались и ни противились мужчины, а въ ихъ партіи совсѣмъ не было такого порядка, какъ въ женской. Все у нихъ было какъ-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо; въ головѣ кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ,—однимъ словомъ, такъ и вызначилась во всемъ пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, неспособная ни къ домостроительству ни къ сердечнымъ убѣжденіямъ, маловѣрная, лѣнивая, исполненная безпрерывныхъ сомнѣній и вѣчной боязни. Они говорили, что все это вздоръ, что похищеніе губернаторской дочки болѣе дѣло гусарское, нежели гражданское, что Чичиковъ не сдѣлаетъ этого, что бабы врутъ, что баба—что мѣшокъ: что положатъ, то несетъ; что главный предметъ, на кото-

---

1) Т.-е. съ главу на глазъ.

рый нужно обратить вниманіе, это мертвыя души, которыя, впрочемъ, чортъ его знаетъ, что значатъ, но въ нихъ заключено, однакожъ, весьма скверное, нехорошее. Почему казалось мужчинамъ, что въ нихъ заключалось скверное и нехорошее, сію минуту узнаемъ. Въ губернію назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ,—событіе, какъ извѣстно, приводящее чиновниковъ въ тревожное состояніе: пойдутъ переборки, распеканья, взбутетениванія и всякія должностныя похлебки, которыми угощаетъ начальникъ своихъ подчиненныхъ. «Ну, что,—думали чиновники,—если онъ узнаетъ только, просто, что въ городѣ ихъ вотъ де какіе глупые слухи, да за это одно можетъ вскипятить не на жизнь, а на самую смерть». Инспекторъ врачебной управы вдругъ поблѣднѣлъ: ему представилось Богъ знаетъ что: что подъ словомъ *мертвыя души* не разумѣются ли больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и въ другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія. Онъ сообщилъ объ этомъ предсѣдателю. Предсѣдатель отвѣчалъ, что это вздоръ, и потомъ вдругъ поблѣднѣлъ самъ, задавъ себѣ вопросъ: а что, если души, купленныя Чичиковымъ, въ самомъ дѣлѣ мертвыя? А онъ допустилъ совершить на нихъ крѣпость, да еще самъ сыгралъ роль повѣреннаго Плюшкина, и дойдетъ это до свѣдѣнія генералъ-губернатора,—что тогда? Онъ объ этомъ больше ничего, какъ только сказалъ тому и другому, и вдругъ поблѣднѣли и тотъ и другой: страхъ прилипчивѣе чумы и сообщается вмигъ. Всѣ вдругъ отыскали въ себѣ такіе грѣхи, какихъ даже не было. Слово *мертвыя души* такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, нѣтъ ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла, вслѣдствіе двухъ не такъ давно случившихся событій. Первое событіе было съ какими-то сольвычегодскими купцами, пріѣхавшими въ городъ на ярмарку и задавшими послѣ торговъ пирушку пріятелямъ своимъ, устьсысольскимъ купцамъ,—пирушку на русскую ногу, съ нѣмецкими затѣями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, какъ водится, кончилась дракой. Сольвычегодскіе уходили насмерть устьсысольскихъ, хотя и отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ микитки и въ подсочельникъ, свидѣтельствовавшую о непомѣрной величинѣ кулаковъ, которыми были снабжены покойники. У одного изъ восторжествовавшихъ даже былъ вплоть сколотъ «нососъ», по выраженію бойцовъ, то-есть весь размозженъ носъ, такъ что не оставалось его на лицѣ и на полъ-пальца. Въ дѣлѣ своемъ купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, будто при повинной головѣ они приложили по четыре государственныя каждый; впрочемъ, дѣло слишкомъ темное; изъ учиненныхъ выправокъ и слѣдствій оказалось, что устьсысольскіе ребята умерли отъ угара, а потому такъ ихъ и похоронили, какъ угорѣвшихъ. Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-Спесь, соединившись съ таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово тожъ, снесли съ лица земли будто бы земскую полицію, въ лицѣ засѣдателя, какого-то Дробяжкина; что будто земская полиція, то-есть засѣдатель Дробяжкинъ, повадился уже черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что въ иныхъ случаяхъ стоитъ повальной горячки, а причина-де та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывался на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Навѣрное, впрочемъ, неизвѣстно, хотя въ показаніяхъ крестьяне выразились прямо, что земская полиція былъ-де блудливъ, какъ кошка, и что уже не разъ они его оберегали и одинъ разъ даже выгнали нагишомъ изъ какой-то избы, куда онъ было забрался. Конечно, земская полиція достоинъ былъ наказанія за сердечныя слабости, но мужиковъ какъ Вшивой-

Спеси, такъ и Задирайлова тожъ, нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только дѣйствительно участвовали въ убіеніи. Но дѣло было темно, земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ или сюртукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки, а ужъ физіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило, наконецъ, въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсужено въ такомъ смыслѣ: такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много; Дробяжкинъ же — человѣкъ мертвый, стало-быть, ему немного въ томъ проку, если бы даже онъ и выигралъ дѣло, а мужики были еще живы, стало-быть, для нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то вслѣдствіе того рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкинъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вшивой-Спеси, и Задирайлова тожъ, а умеръ-де онъ, возвращаясь въ саняхъ, отъ апоплексическаго удара. Дѣло, казалось бы, обдѣлано было кругло, но чиновники, неизвѣстно почему, стали думать, что, вѣрно, объ этихъ мертвыхъ душахъ идетъ теперь дѣло. Случись же такъ, что, какъ нарочно, въ то время, когда господа чиновники и безъ того находились въ затруднительномъ положеніи, пришли къ губернатору разомъ двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ содержалось, что по дошедшимъ показаніямъ и донесеніямъ находится въ ихъ губерніи дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, скрывающійся подъ разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее разысканіе. Другая бумага содержала въ себѣ отношеніе губернатора сосѣдственной губерніи объ убѣжавшемъ отъ законнаго преслѣдованія разбойникѣ, и что буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человѣкъ, не предъявящій никакихъ свидѣтельствъ и паспортовъ, то задержать его немедленно. Эти двѣ бумаги такъ и ошеломили всѣхъ. Прежнія заключенія и догадки совсѣмъ были сбиты съ толку. Конечно, никакъ нельзя было предполагать, чтобы тутъ относилось что-нибудь къ Чичикову, однакожъ, всѣ, какъ поразмыслили каждый съ своей стороны, какъ припомнили, что они еще не знаютъ, кто таковъ на самомъ дѣлѣ есть Чичиковъ, что онъ самъ весьма неясно отзывался насчетъ собственнаго лица, говорилъ, правда, что потерпѣлъ по службѣ за правду, да вѣдь все это какъ-то не ясно; и когда вспомнили при этомъ, что онъ даже выразился, будто имѣлъ много непріятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще болѣе: стало-быть, жизнь его была въ опасности; стало-быть, его преслѣдовали; стало-быть, онъ вѣдь сдѣлалъ же что-нибудь такое... Да кто же онъ въ самомъ дѣлѣ такой? Конечно, нельзя думать, чтобы онъ могъ дѣлать фальшивыя бумажки, а тѣмъ болѣе быть разбойникомъ, — наружность благонамѣренна; но при всѣмъ томъ, кто же бы, однакожъ, онъ былъ такой на самомъ дѣлѣ? И вотъ, господа чиновники задали себѣ теперь вопросъ, который должны были задать себѣ вначалѣ, то-есть въ первой главѣ нашей поэмы. Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько разспросовъ тѣмъ, у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, что за покупка, и что именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не объяснилъ ли онъ кому, хоть, можетъ-быть, невзначай, хоть вскользь какъ-нибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ кому-нибудь о томъ, кто онъ такой. Прежде всего отнеслись къ Коробочкѣ, но тутъ почерпнули немного: купилъ де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупаетъ, и много всего обѣщался накупить, въ казну сало тоже ставитъ, и потому, навѣрно, плутъ, ибо ужъ былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну сало поставлялъ, да обманулъ всѣхъ и протопопшу надулъ болѣе чѣмъ на сто рублей. Все, что ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коробочка была, просто, глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться, какъ за самого

себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобы имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отозвался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей насчетъ дружбы уже съ зажмуренными глазами. Эти мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящаго дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человѣкъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ не мало, и бываютъ примѣры, что вымираютъ де цѣлыя деревни. Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однакоже, иногда употребляется, то-есть, стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина, по услышали тоже немного. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилого покоя, а отъ Селифана, что «сполнялъ службу государскую да служилъ прежде по таможнѣ»—и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чемъ-нибудь, они никогда не вспомнитъ, не приберетъ всего въ голову и даже просто отвѣтитъ, что не знаетъ, а если спросить о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и приплететъ его, и разскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь. Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ, что такое Чичиковъ, а что, однакоже, Чичиковъ что-нибудь да долженъ быть непремѣнно. Они положили, наконецъ, потолковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить, по крайней мѣрѣ, что и какъ имъ дѣлать, и какія мѣры предпринять, и что такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицмейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города.

ГЛАВА X.

Собравшись у полицмейстера, уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города, чиновники имѣли случай замѣтить другъ другу, что они даже похудѣли отъ этихъ заботъ и тревогъ. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе новаго генералъ-губернатора и эти полученныя бумаги такого серьезнаго содержанія и эти, Богъ знаетъ какіе, слухи,—все это оставило замѣтные слѣды въ ихъ лицахъ, и фраки на многихъ сдѣлались замѣтно просторнѣй. Все подалось: и предсѣдатель похудѣлъ, и инспекторъ врачебной управы похудѣлъ, и прокуроръ похудѣлъ, и какой-то Семенъ Ивановичъ, никогда не называвшійся по фамиліи, носившій на указательномъ пальцѣ перстень, который давалъ разсматривать дамамъ, даже и тотъ похудѣлъ. Конечно, нашлись, какъ и вездѣ бываетъ, кое-кто неробкаго десятка, которые не теряли присутствія духа; но ихъ было весьма немного: почтмейстеръ одинъ только. Онъ одинъ не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить: «Знаемъ мы васъ, генералъ-губернаторовъ! Васъ, можетъ-быть, три, четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, сударь мой, сижу на одномъ мѣстѣ». На это обыкновенно замѣчали другіе чиновники: «Хорошо тебѣ, шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ: у тебя дѣло почтовое—принять да отправить экспедицію; развѣ только на-

дуешь, заперши присутствіе часомъ раньше, да возьмешь съ опоздавшаго купца за пріемъ письма въ неуказное время или перешлешь иную посылку, которую не слѣдуетъ пересылать,—тутъ, конечно, всякій будетъ святой. А вотъ пусть къ тебѣ повадится чортъ подвертываться всякій день подъ руку, такъ что вотъ и не хочешь брать, а онъ самъ суетъ. Тебѣ, разумѣется, съ полъ-горя: у тебя одинъ сынишка; а тутъ, братъ, Прасковью Ѳедоровну надѣлилъ Богъ такою благодатію,—что годъ, то несетъ: либо Праскушку, либо Петрушу; тутъ, братъ, другое запоешь». Такъ говорили чиновники, а можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта, объ этомъ судить—не авторское дѣло. Въ собравшемся на сей разъ совѣтѣ очень замѣтно было отсутствіе той необходимой вещи, которую въ простонародьѣ называютъ толкомъ. Вообще мы какъ-то не создались для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это: видно, уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то: клубы и всякіе вокзалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и нивѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ-быть, это происходитъ оттого, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира съ отопленіемъ и сторожами, а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму. Впрочемъ, собравшееся нынѣ совѣщаніе было совершенно другого рода: оно образовалось вслѣдствіе необходимости. Не о какихъ-либо бѣдныхъ или постороннихъ шло дѣло: дѣло касалось всякаго чиновника лично; дѣло касалось бѣды, всѣмъ равно грозившей, стало-быть, поневолѣ тутъ должно быть единодушнѣе, тѣснѣе. Но при всемъ томъ вышло чортъ знаетъ, что такое. Не говоря уже о разногласіяхъ, свойственныхъ всѣмъ совѣтамъ, во мнѣніи собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерѣшительность: одинъ говорилъ, что Чичиковъ—и дѣлатель государственныхъ ассигнацій и потомъ самъ прибавлялъ: «А можетъ-быть, и не дѣлатель»; другой утверждалъ, что онъ—чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи и тутъ же присовокуплялъ: «А, впрочемъ, чортъ его знаетъ; на лбу вѣдь не прочтешь». Противъ догадки, не переодѣтый ли разбойникъ, вооружились всѣ; нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благонамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько минутъ погруженнымъ въ какое-то размышленіе,—вслѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, осѣнившаго его, или чего иного,—вскрикнулъ неожиданно: «Знаете ли, господа, кто это?» Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что-то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время: «А кто?»—«Это, господа, судырь мой, никто другой, какъ капитанъ Копейкинъ!» А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили: «Кто таковъ этотъ капитанъ Копейкинъ?» почтмейстеръ сказалъ: «Такъ вы не знаете, кто такой капитанъ Копейкинъ?»

Всѣ отвѣчали, что никакъ не знаютъ, кто таковъ капитанъ Копейкинъ.

— Капитанъ Копейкинъ,—сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только вполовину изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: «Знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ-быть, нивѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ—вещь, требующая чистоты».—Капитанъ Копейкинъ,—повторилъ онъ, уже понюхавши табаку,—да вѣдь это, впрочемъ, если разсказывать вамъ, выйдетъ даже презанимательнымъ для какого-нибудь писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлая поэма.

Всѣ присутствующіе изъявили желаніе узнать эту исторію или, какъ выразился почтмейстеръ, презанимательную для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлую поэму,—и онъ началъ такъ:

Повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ.

«Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой,—такъ началъ почтмейстеръ, несмотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро,—послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копейкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, этакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капитанъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копейкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: «Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я,—можете представить себѣ,—самъ едва достаю хлѣбъ». Вотъ мой капитанъ Копейкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы просить государя, не будетъ ли какой монаршей милости: «что вотъ де, такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь»... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными,—словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: этакой какой-нибудь, то-есть, капитанъ Копейкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ—свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехеразада. Вдругъ какой-нибудь этакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми! или тамъ этакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ этакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ этакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то-есть, прикосновенія—словомъ, Семирамида, сударь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиры, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры—Персія цѣликомъ: ногой, такъ сказать, попираешь капиталы. Ну, просто, то-есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюхъ. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ, за рубль въ сутки: обѣдъ—щи, кусокъ битой говядины. Видитъ, заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. Говорятъ, есть, въ нѣкоторомъ родѣ, Высшая Комиссія, правленье, понимаете, этакое, и начальникомъ генералъ-аншефъ такой-то. А государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ Парижа, все было за границей. Копейкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ

лѣвой рукой бороду,—потому что платить цырюльнику—это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ,—натащилъ на себя мундиришка и на деревяжкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику, къ вельможѣ. Разспросилъ квартиру. «Вонъ», говорятъ, указавъ ему домъ на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья: стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженныя зеркала, такъ что вазы и все, что тамъ ни есть въ комнатахъ, кажутся какъ бы въ наружѣ: могъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, достать съ улицы рукой; драгоцѣнные мраморы на стѣнахъ, металлическія галантереи, какая-нибудь ручка у дверей, такъ что нужно, знаете, забѣжать напередъ въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее,—словомъ, лаки на всемъ такіе — въ нѣкоторомъ родѣ, ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ, вызолоченная булава, графская физіогномія, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство!.. Копейкинъ мой встащился коекакъ съ своей деревяжкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу этакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ, пришелъ еще въ такое время, когда генералъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ-быть, поднесъ ему какую-нибудь серебряную лаханку для разныхъ, понимаете, умываній этакихъ. Ждетъ мой Копейкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ, наконецъ, адъютантъ, или тамъ другой дежурный чиновникъ. «Генералъ, — говоритъ, — сейчасъ выйдетъ въ пріемную». А въ пріемной ужъ народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что нашъ братъ холопъ, все четвертаго или пятаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстый макаронъ блеститъ на эполетѣ—генералитетъ, словомъ, такой. Вдругъ въ комнатѣ, понимаете, пронеслась чуть замѣтная суета,

какъ эеиръ какой-нибудь тонкій. Раздалось тамъ и тамъ: «шу, шу», и, наконецъ, тишина настала страшная. Вельможа входитъ. Ну... можете представить себѣ: государственный человѣкъ! Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ высокимъ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Все, что ни было въ передней, разумѣется, въ ту же минуту въ струнку, ожидаетъ, дрожитъ, ждетъ рѣшенья, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Министръ или вельможа подходитъ къ одному, къ другому: «Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло?» Наконецъ, сударь мой, къ Копейкину. Копейкинъ, собравшись съ духомъ: «Такъ и такъ, ваше превосходительство: проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить монаршей милости». Министръ видитъ: человѣкъ на деревяжкѣ и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: «Хорошо,— говоритъ:—попавѣдайтесь на-дняхъ». Копейкинъ мой выходитъ чуть не въ восторгѣ: одно то, что удостоился аудіенціи, такъ сказать, съ первостатейнымъ вельможею; а другое то, что вотъ теперь, наконецъ, рѣшится, въ нѣкоторомъ родѣ, насчетъ пенсіона. Въ духѣ, понимаете, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару. Зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой, въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку спросилъ съ разными финтерлеями; спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ,—однимъ словомъ, понимаете, кутнулъ. На тротуарѣ, видитъ, идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, этакой. Мой Копейкинъ,—кровь-то, знаете, разыгралась въ немъ,— побѣжалъ было за ней на своей деревяжкѣ, трюхъ, трюхъ, слѣдомъ—«да нѣтъ, подумалъ, пусть послѣ, когда получу пенсіонъ, теперь ужъ я что-то расходился слишкомъ». Вотъ, сударь мой, какихъ-нибудь черезъ три-четыре дня является Копейкинъ мой снова къ министру, дождался выхода. Такъ и такъ, говоритъ: «пришелъ, говоритъ, услышать приказъ вашего высокопревосходительства по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами»... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Вельможа, можете вообразить, тотчасъ его узналъ: «А,—говоритъ,—хорошо,—говоритъ,—на этотъ разъ ничего не могу сказать вамъ болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда государя; тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать». Поклонъ, понимаете, и—прощайте. Копейкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи самомъ неопредѣленномъ. Онъ-то уже думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ деньги: «На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись», а вмѣсто того ему приказано ждать, да и время не назначено. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, понимаете, котораго поваръ облилъ водой: и хвостъ у него между ногъ, и уши повѣсилъ. «Ну, нѣтъ,—думаетъ себѣ:—пойду въ другой разъ, объясню, что послѣдній кусокъ доѣдаю,—не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода». Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой, опять на Дворцовую набережную, говорятъ: «Нельзя, не принимаетъ, приходите завтра». На другой день—тоже; а швейцаръ на него, просто, и смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него, изъ синюхъ-то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То, бывало, ѣдалъ щи, говядины кусокъ; а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку или огурецъ соленый, да хлѣба на два гроша,—словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо этакого какого-нибудь ресторана—поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ этакой съ открытой физіогномій, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный снѣгамъ, работаетъ тамъ фензервъ какой-нибудь, котлетки съ трюфелями,—

словомъ, разсупе-деликатесъ такой, что, просто, себя, то-есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга этакая, вишенки—по пяти рублей штучка, арбузъ—громадище, дилижансъ этакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей,—словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ такой—слюнки текутъ, а онъ слышитъ между тѣмъ все: «завтра». Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ, съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой-то ему подносятъ все одно и то же блюдо: «завтра». Наконецъ, сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, невтерпежъ, рѣшился во что бы ни стало пролѣзть штурмомъ, понимаете. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяжкой въ пріемную. Вельможа по обыкновенію выходитъ: «Зачѣмъ вы? Зачѣмъ вы?» «А!—говоритъ, увидѣвши Копейкина:—вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія».—«Помилуйте, ваше высокопревосходительство, не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба...»—«Что жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать: старайтесь покамѣстъ помочь себѣ сами, ищите сами средствъ».—«Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки ни ноги».—«Но,—говоритъ сановникъ,—согласитесь: я не могу васъ содержать, въ нѣкоторомъ родѣ, на свой счетъ; у меня много раненыхъ, всѣ они имѣютъ равное право... Вооружитесь терпѣніемъ. Пріѣдетъ государь, я могу вамъ дать честное слово, что его монаршая милость васъ не оставитъ».—«Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать», говоритъ Копейкинъ, и говоритъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, грубо. Вельможѣ, понимаете, сдѣлалось уже досадно. Въ самомъ дѣлѣ: тутъ со всѣхъ сторонъ генералы ожидаютъ рѣшеній, приказаній; дѣла, такъ сказать, важныя, государственныя, требующія самоскорѣйшаго исполненія,—минута упущенія можетъ быть важна,—а тутъ еще привязался съ боку неотвязчивый чортъ. «Извините,—говоритъ,—мнѣ некогда... меня ждутъ дѣла важнѣе вашихъ». Напоминаетъ способомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, тонкимъ, что пора, наконецъ, и выйти А мой Копейкинъ,—голодъ-то, знаете, пришпорилъ его: «Какъ хотите, ваше высокопревосходительство, говоритъ, не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите резолюцію». Ну... можете представить: отвѣчать такимъ образомъ вельможѣ, которому стоитъ только слово, такъ вотъ уже и полетѣлъ вверхъ тарашки, такъ что и чортъ тебя не отыщетъ... Тутъ если нашему брату скажетъ чиновникъ, однимъ чиномъ поменьше, подобное, такъ ужъ и грубость. Ну, а тамъ размѣръ-то, размѣръ каковъ: генералъ-аншефъ и какой-нибудь капитанъ Копейкинъ! девяносто рублей и нуль! Генералъ, понимаете, больше ничего, какъ только взглянулъ, а взглядъ—огнестрѣльное оружіе: души ужъ нѣтъ—ужъ она ушла въ пятки. А мой Копейкинъ, можете вообразить, ни съ мѣста, стоитъ, какъ вкопанный. «Что же вы?» говоритъ генералъ и принялъ его, какъ говорится, въ лопатки. Впрочемъ, сказать правду, обошелся онъ еще довольно милостиво: иной бы пугнулъ такъ, что дня три вертѣлась бы послѣ того улица вверхъ ногами, а онъ сказалъ только: «Хорошо,—говоритъ:—если вамъ здѣсь дорого жить, и вы не можете въ столицѣ покойно ожидать рѣшенія вашей участи, такъ я васъ вышлю на казенный счетъ. Позвать фельдъегеря! препроводить его на мѣсто жительства!» А фельдъегерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехаршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ,—словомъ, дантистъ этакой... Вотъ его, раба Божія, схватили, сударь мой, да въ телѣжку, съ фельдъегеремъ. «Ну,—Копейкинъ думаетъ,—по крайней мѣрѣ, не нужно платить прогоновъ,

спасибо и за то». Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъегерѣ, да ѣдучи на фельдъегерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: «Когда генералъ говоритъ, чтобы я поискалъ самъ средствъ помочь себѣ,—хорошо,—говоритъ,—я,—говоритъ,—найду средства!» Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куда именно привезли—ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копейкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь этакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить, завязка романа. Итакъ, куда дѣлся Копейкинъ—неизвѣстно; но не пришло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, а атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, никто другой...»

— Только позволь, Иванъ Андреевичъ,—сказалъ вдругъ, прервавши его, полицмейстеръ,—вѣдь капитанъ Копейкинъ, ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги, а у Чичикова...

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ телятиной. Онъ не могъ понять, какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа и сознался, что совершенно справедлива поговорка: *русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ*. Однакожъ, минуту спустя, онъ тутъ же сталъ хитрить и попробовалъ было вывернуться, говоря, что, впрочемъ, въ Англіи очень усовершенствована механика, что видно по газетамъ: какъ одинъ изобрѣлъ деревянныя ноги такимъ образомъ, что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ уносили эти ноги человѣка, Богъ знаетъ, въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было.

Но всѣ очень усомнились, чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копейкинъ, и нашли, что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко. Впрочемъ, они съ своей стороны, тоже не ударили лицомъ въ грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далѣе. Изъ числа многихъ, въ своемъ родѣ, смѣтливыхъ предположеній было, наконецъ, одно,—странно даже и сказать,—что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что англичанинъ издавна завидуетъ, что, дескать, Россія такъ велика и обширна, что даже нѣсколько разъ выходили и карикатуры, гдѣ русскій изображенъ разговаривающимъ съ англичаниномъ: англичанинъ стоитъ и сзади держитъ на веревкѣ собаку, и подъ собакой разумѣется Наполеонъ: «Смотри, молъ, говоритъ, если что не такъ, такъ я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку». И вотъ теперь они, можетъ-быть, и выпустили его съ острова Елены, и вотъ онъ теперь и пробирается въ Россію, будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.

Конечно, повѣрить этому чиновники не повѣрили, а, впрочемъ, призадумались и, разсматривая это дѣло каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если онъ поворотится и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона. Полицмейстеръ, который служилъ въ кампаніи двѣнадцатаго года и лично видѣлъ Наполеона, не могъ тоже не сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова и что складомъ своей фигуры Наполеонъ тоже, нельзя сказать, чтобы слишкомъ толстъ, однакожъ, и не такъ, чтобы тонокъ. Можетъ-быть, нѣкоторые читатели назовутъ все это невѣроятнымъ, авторъ тоже въ угоду имъ готовъ бы назвать все это невѣроятнымъ; но, какъ на бѣду, все именно произошло такъ, какъ разсказывается, и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а, напротивъ, недалеко отъ обѣихъ столицъ. Впрочемъ, нужно помнить, что все это происходило вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія французовъ. Въ это время всѣ наши помѣщики, чиновники, купцы, сидѣльцы и всякій грамотный и даже неграмотный народъ сдѣлались, по крайней мѣрѣ,

на цѣлыя восемь лѣтъ заклятыми политиками. «Московскія Вѣдомости» и «Сынъ Отечества» зачитывались немилосердно и доходили къ послѣднему чтецу въ кусочкахъ, не годныхъ ни на какое употребленіе. Вмѣсто вопросовъ: «Почемъ, батюшки, продали мѣру овса? Какъ воспользовались вчерашней порошей?» Говорили: «А что пишутъ въ газетахъ? Не выпустили ли опять Наполеона изъ острова?» Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно вѣрили предсказанію одного пророка, уже три года сидѣвшаго въ острогѣ. Пророкъ пришелъ неизвѣстно откуда, въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвѣстилъ, что Наполеонъ есть антихристъ и держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ. Пророкъ за предсказаніе попалъ, какъ слѣдуетъ, въ острогъ, но, тѣмъ не менѣе, дѣло свое сдѣлалъ и смутилъ совершенно купцовъ. Долго еще, во время даже самыхъ прибыточныхъ сдѣлокъ, купцы, отправляясь въ трактиръ запивать ихъ чаемъ, поговаривали объ антихристѣ. Многіе изъ чиновниковъ и благороднаго дворянства тоже невольно подумывали объ этомъ и, зараженные мистицизмомъ, который, какъ извѣстно, былъ тогда въ большой модѣ, видѣли въ каждой буквѣ, изъ которыхъ было составлено слово *Наполеонъ*, какое-то особенное значеніе, многіе даже открыли въ немъ апокалипсическія цифры. Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что чиновники невольно задумались на этомъ пунктѣ; скоро, однакоже, спохватились, замѣтивъ, что воображеніе ихъ уже черезчуръ рысисто и что все это не то. Думали-думали, толковали-толковали и, наконецъ, рѣшили, что не худо бы еще разспросить хорошенько Ноздрева. Такъ какъ онъ первый вынесъ исторію о мертвыхъ душахъ и былъ, какъ говорится, въ какихъ-то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичиковымъ, стало-быть, безъ сомнѣнія, знаетъ кое-что изъ обстоятельствъ его жизни, то попробовать еще, что скажетъ Ноздревъ.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и всѣ прочія званія: вѣдь очень хорошо знали, что Ноздревъ—лгунъ, что ему нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ ни въ самой бездѣлицѣ, а между тѣмъ именно прибѣгнули къ нему. Поди ты, сладь съ человѣкомъ! Не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умретъ; пропуститъ мимо созданіе поэта, ясное, какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать: «Вотъ оно, вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!» Всю жизнь не ставитъ въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится, наконецъ, къ бабѣ, которая лѣчитъ зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декоктъ изъ нивѣсть какой дряни, которая, Богъ знаетъ, почему, вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни. Конечно, можно отчасти извинить господъ чиновниковъ дѣйствительно затруднительнымъ ихъ положеніемъ. Утопающій, говорятъ, хватается и за маленькую щепку, и у него нѣтъ въ это время разсудка подумать, что на щепкѣ можетъ развѣ прокатиться верхомъ муха, а въ немъ вѣсу чуть не четыре пуда, если даже не цѣлыхъ пять; но не приходитъ ему въ то время соображеніе въ голову, и онъ хватается за щепку. Такъ и господа наши ухватились, наконецъ, и за Ноздрева. Полицмейстеръ въ ту же минуту написалъ къ нему записочку пожаловать на вечеръ, и квартальный въ ботфортахъ, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ, побѣжалъ въ ту же минуту, придерживая шпагу, въ прискочку, на квартиру Ноздрева. Ноздревъ былъ занятъ важнымъ дѣломъ; цѣлые четыре дня уже не выходилъ онъ изъ комнаты, не впускалъ никого и получалъ обѣдъ въ окошко,—словомъ, даже исхудалъ и позеленѣлъ. Дѣло требовало большой внимательности: оно со-

стояло въ подбираніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой мѣткой, на которую можно было бы надѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго друга. Работы оставалось еще, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли; во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ. Ноздревъ былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе; прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту; но когда прочиталъ въ запискѣ городничаго, что можетъ случиться пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого-то повичка, смягчился въ ту же мунуту, заперъ комнату наскоро ключомъ, одѣлся, какъ попало, и отправился къ нимъ. Показанія, свидѣтельства и предположенія Ноздрева представили такую рѣзкую противоположность таковымъ же господъ чиновниковъ, что и послѣднія ихъ догадки были сбиты съ толку. Это былъ рѣшительно человѣкъ, для котораго не существовало сомнѣній вовсе; и сколько у нихъ замѣтно было шаткости и робости въ предположеніяхъ, столько у него твердости и увѣренности. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись, объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ на нѣсколько тысячъ и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. На вопросъ: не шпіонъ ли онъ и не старается ли что-нибудь развѣдать? Ноздревъ отвѣчалъ, что шпіонъ; что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмяли, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 пьявокъ; то-есть, онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалось какъ-то само собою. На вопросъ: не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ? Онъ отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что въ его домѣ находилось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь два по солдата, и какъ Чичиковъ перемѣнилъ ихъ всѣ въ одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что все были ассигнаціи настоящія. На вопросъ: точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что онъ самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ? Ноздревъ отвѣчалъ, что помогалъ и что если бы не онъ, то не вышло бы ничего. Тутъ онъ и спохватился было, видя, что солгалъ вовсе напрасно и могъ такимъ образомъ накликать на себя бѣду, но языка никакъ уже не могъ придержать. Впрочемъ, и трудно было, потому что представились сами собою такія интересныя подробности, отъ которыхъ никакъ нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, гдѣ находилась та приходская церковь, въ которой положено было вѣнчаться, именно деревня Трухмачевка, попъ отецъ Сидоръ, за вѣнчаніе 75 рублей, и то не согласился бы, если бы онъ не припугнулъ его, обѣщаясь донести на него, что перевѣнчалъ лабазника Михайла на кумѣ; что онъ уступилъ даже свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей. Подробности дошли до того, что уже начиналъ называть по именамъ ямщиковъ. Попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздревъ понесъ такую околесину, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже, просто, ни на что не имѣла подобія, такъ что чиновники, вздохнувши, всѣ отошли прочь; одинъ только полицмейстеръ долго еще слушалъ, думая, не будетъ ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь далѣе; но, наконецъ, и рукой махнулъ, сказавши: «Чортъ знаетъ, что такое!» И всѣ согласились въ томъ, что *какъ съ быкомъ ни биться, а все молока отъ него не добиться*. И остались чиновники еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ были прежде, и рѣшилось дѣло тѣмъ, что никакъ не могли узнать, что

такое былъ Чичиковъ. И оказалось ясно, какого рода созданье человѣкъ: мудръ, уменъ и толковъ онъ бываетъ во всемъ, что касается другихъ, а не себя. Какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдитъ онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! «Экая расторопная голова!—кричитъ толпа.—Какой неколебимый характеръ!» А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь бѣда и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни—куда дѣлся характеръ! Весь растерялся неколебимый мужъ, и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или, просто, ѳетюкъ, какъ называетъ Ноздревъ.

Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ другого, умеръ. Параличомъ ли его, или чѣмъ другимъ прихватило, только онъ какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: «Ахъ, Боже мой!» Послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже одно бездушное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя онъ, по скромности своей, никогда ея не показывалъ. А между тѣмъ появленье смерти такъ же было страшно въ маломъ, какъ страшно оно и въ великомъ человѣкѣ: тотъ, кто еще не такъ давно ходилъ, двигался, игралъ въ вистъ, подписывалъ разныя бумаги и былъ такъ часто виденъ между чиновниковъ съ своими густыми бровями и мигающимъ глазомъ, теперь лежалъ на столѣ, лѣвый глазъ уже не мигалъ вовсе, но бровь одна все еще была приподнята съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ. О чемъ покойникъ спрашивалъ: зачѣмъ онъ умеръ или зачѣмъ жилъ—объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ.

— Но это, однакожъ, несообразно! Это не согласно ни съ чѣмъ! Это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно, въ чемъ дѣло!—такъ скажутъ многіе читатели и укорятъ автора въ несообразностяхъ или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому что щедръ человѣкъ на слово *дуракъ* и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ мимо девяти хорошихъ. Читателямъ легко судить, глядя изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открытъ весь горизонтъ на все, что дѣлается внизу, гдѣ человѣку виденъ только близкій предметъ. И во всемірной лѣтописи человѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ и ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону, дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ передъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, сваренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его, въ глухой темнотѣ, текли люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли-таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: «Гдѣ выходъ, гдѣ дорога?» Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденьямъ, смѣется надъ неразумѣемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отвсюду устремленъ пронзительный перстъ на него же, на него, на текущее по-

колѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самопадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки.

Чичиковъ ничего обо всемъ этомъ не зналъ совершенно. Какъ нарочно, въ то время онъ получилъ легкую простуду, флюсъ и небольшое воспаленіе въ горлѣ, въ раздачѣ которыхъ чрезвычайно щедръ климатъ многихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, какъ-нибудь жизнь безъ потомковъ, онъ рѣшился лучше посидѣть денька три въ комнатѣ. Въ продолженіе сихъ дней онъ полоскалъ безпрестанно горло молокомъ съ фигой, которую потомъ съѣдалъ, и носилъ привязанную къ щекѣ подушечку изъ ромашки и камфары. Желая чѣмъ-нибудь занять время, онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ и подробныхъ списковъ всѣмъ накупленнымъ крестьянамъ, прочиталъ даже какой-то томъ герцогини Лавальеръ, отыскавшійся въ чемоданѣ, пересмотрѣлъ въ ларцѣ разные находившіеся тамъ предметы и записочки, кое-что перечелъ и въ другой разъ, и все это прискучило ему сильно. Никакъ не могъ онъ понять, что бы значило, что ни одинъ изъ городскихъ чиновниковъ не пріѣхалъ къ нему хоть бы разъ навѣдаться о здоровьѣ, тогда какъ еще недавно то и дѣло стояли передъ гостиницей дрожки—то почтмейстерскія, то прокурорскія, то предсѣдательскія. Онъ пожималъ только плечами, ходя по комнатѣ. Наконецъ почувствовалъ онъ себя лучше и обрадовался, Богъ знаетъ, какъ, когда увидѣлъ возможность выйти на свѣжій воздухъ. Не откладывая, принялся онъ немедленно за туалетъ, отперъ свою шкатулку, налилъ въ стаканъ горячей воды, вынулъ щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочемъ, давно была пора и время, потому что, пощупавъ бороду рукою и взглянувъ въ зеркало, онъ уже произнесъ: «Экъ, какіе пошли писать лѣса!» И въ самомъ дѣлѣ, лѣса не лѣса, а по всей щекѣ и подбородку высыпалъ довольно густой посѣвъ. Выбрившись, принялся онъ за одѣванье живо и скоро, такъ что чуть не выпрыгнулъ изъ панталонъ. Наконецъ онъ былъ одѣтъ, вспрыснутъ одеколономъ и, закутанный потеплѣе, выбрался на улицу, завязавши изъ предосторожности щеку. Выходъ его, какъ всякаго выздоровѣвшаго человѣка, былъ точно праздничный. Все, что ни попадалось ему, приняло видъ смѣющійся, и дома и проходившіе мужики, довольно, впрочемъ, серьезные, изъ которыхъ иной уже успѣлъ съѣздить своего брата въ ухо. Первый визитъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать губернатору. Дорогою много приходило ему всякихъ мыслей на умъ: вертѣлась въ головѣ блондинка, воображенье начало даже слегка шалить, и онъ уже самъ сталъ немного шутить и подсмѣиваться надъ собою. Въ такомъ духѣ очутился онъ передъ губернаторскимъ подъѣздомъ. Уже сталъ онъ было въ сѣняхъ поспѣшно сбрасывать съ себя шинель, какъ швейцаръ поразилъ его совершенно неожиданными словами:

— Не приказано принимать!

— Какъ! Что ты! Ты, видно, не узналъ меня? Ты всмотрись хорошенько въ лицо!—говорилъ ему Чичиковъ.

— Какъ не узнать! Вѣдь я васъ не впервой вижу,—сказалъ шейцаръ.— Да васъ-то именно однихъ и не велѣно пускать, другихъ всѣхъ можно.

— Вотъ тебѣ на! Отчего? Почему?

— Такой приказъ; такъ ужъ, видно, слѣдуетъ,—сказалъ швейцаръ и прибавилъ къ тому слово: *да*; послѣ чего сталъ передъ нимъ совершенно непринужденно, не сохраняя того ласковаго вида, съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель. Казалось, онъ думалъ, глядя на него: «Эге, ужъ коли тебя бары гоняютъ съ крыльца, такъ ты, видно, такъ себѣ, шушера какой-нибудь!»

«Непонятно!» подумалъ про себя Чичиковъ и отправился тутъ же къ предсѣдателю палаты; но предсѣдатель палаты такъ смутился, увидя его, что не могъ сказать двухъ словъ и наговорилъ такую дрянь, что даже имъ обоимъ

сдѣлалось совѣстно. Уходя отъ него, какъ ни старался Чичиковъ изъяснить дорогою и добраться, что такое разумѣлъ предсѣдатель и насчетъ чего могли относиться слова, но ничего не могъ понять. Потомъ зашелъ къ другимъ: къ полицмейстеру, къ вице-губернатору, къ почтмейстеру, но всѣ или не приняли его или приняли такъ странно, такой принужденный и непонятный вели разговоръ, такъ растерялись, и такая вышла безтолковщина изо всего, что онъ усомнился въ здоровьѣ ихъ мозга. Попробовалъ было еще зайти кое къ кому, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, причину, и не добрался никакой причины. Какъ полусонный, бродилъ онъ безъ цѣли по городу, не будучи въ состояніи рѣшить, онъ ли сошелъ съ ума, чиновники ли потеряли головы, во снѣ ли все это дѣлается, или наяву заварилась дурь почище сна. Поздно уже, почти въ сумерки, возвратился онъ къ себѣ въ гостиницу, изъ которой было вышелъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, и отъ скуки велѣлъ подать себѣ чаю. Въ задумчивости и въ какомъ-то безсмысленномъ разсужденіи о странности положенія своего сталъ онъ разливать чай, какъ вдругъ отворилась дверь его комнаты и предсталъ Ноздревъ никакъ неожиданнымъ образомъ.

— Вотъ говоритъ пословица: *для друга семь верстъ не околица!*—говорилъ онъ, снимая картузъ.—Прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ. «Дай,—думаю себѣ,—зайду! вѣрно, не спитъ». А! вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! Гдѣ твоя трубка?

— Да вѣдь я не курю трубки,—сказалъ сухо Чичиковъ.

— Пустое, будто я не знаю, что ты суряка. Эй! какъ-бишь зовутъ твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!

— Да не Вахрамѣй, а Петрушка!

— Какъ же? Да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?

— Никакого не было у меня Вахрамѣя.

— Да, точно, это у Деребина Вахрамѣй. Вообрази, Деребину какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ если бы этакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ! Да что ты, братъ, такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными предметами, любишь читать (ужъ почему Ноздревъ заключилъ, что герой нашъ занимается учеными предметами и любитъ почитать, этого, признаемся, мы никакъ не можемъ сказать, а Чичиковъ и того менѣе). Ахъ, братъ Чичиковъ! если бы ты только увидалъ... вотъ ужъ, точно, была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова былъ сатирическій умъ—это тоже неизвѣстно). Вообрази, братъ, у купца Лихачева играли въ горку,—вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ, который былъ со мною: «Вотъ, говоритъ, если бы теперь Чичикову, ужъ вотъ бы ему точно!..» (Между тѣмъ Чичиковъ отроду не зналъ никакого Перепендева.) А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ играли въ шашки? Вѣдь я выигралъ... Да, братъ, ты, просто, поддедюлилъ меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу сердиться. Намедни съ предсѣдателемъ... Ахъ, да! Я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой—наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ; ну, и, ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную.

— Я дѣлаю фальшивыя бумажки?—вскрикнулъ Чичиковъ, приподнявшись со стула.

— Зачѣмъ ты, однакожъ, такъ напугалъ ихъ?—продолжалъ Ноздревъ.—Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и

въ шпіоны... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генералъ-губернатора, чтобы изъ-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчетъ генералъ-губернатора такого мнѣнія, что если онъ подыметъ носъ и заважничаетъ, то съ дворянствомъ рѣшительно ничего не сдѣлаетъ. Дворянство требуетъ радушія: не правда ли? Конечно, можно запрятаться къ себѣ въ кабинетъ и не дать ни одного бала, да вѣдь этимъ что жъ? Вѣдь этимъ ничего не выиграешь. А вѣдь ты, однакожъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ.

— Какое рискованное дѣло?—спросилъ безпокойно Чичиковъ.

— Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ: «Ну, ужъ,—думаю себѣ,—Чичиковъ, вѣрно, не даромъ»... Впрочемъ, напрасно ты сдѣлалъ такой выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! Можно сказать: чудо коленкоръ!

— Да что ты, что ты путаешь? Какъ увезти губернаторскую дочку? Что ты?—говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.

— Ну, полно, братъ: экой скрытный человѣкъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади будутъ мои, только съ уговоромъ: ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!

Въ продолженіе всей болтовни Ноздрева Чичиковъ протиралъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы онъ, пріѣздъ генералъ-губернатора,—все это навело на него порядочный испугъ. «Ну, ужъ коли пошло на то,—подумалъ онъ самъ въ себѣ,—такъ мѣшкать болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣй».

Онъ постарался сбыть поскорѣе Ноздрева, призвалъ къ себѣ тотъ же часъ Селифана и велѣлъ ему быть готовымъ на зарѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же въ шесть часовъ утра выѣхать изъ города непремѣнно, чтобы все было пересмотрѣно, бричка подмазана и прочее и прочее. Селифанъ произнесъ:

— Слушаю, Павелъ Ивановичъ,—и остановился, однакожъ, нѣсколько времени у дверей, не двигаясь съ мѣста. Баринъ тутъ же велѣлъ Петрушкѣ выдвинуть изъ-подъ кровати чемоданъ, покрывшійся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вмѣстѣ съ нимъ, безъ большого разбора, чулки, рубашки, бѣлье, мытое и немытое, сапожныя колодки, календарь... Все это укладывалось, какъ попало: онъ хотѣлъ непремѣнно быть готовымъ съ вечера, чтобы назавтра не могло случиться никакой задержки. Селифанъ, постоявши минуты двѣ у дверей, наконецъ, очень медленно вышелъ изъ комнаты. Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходившимъ внизъ избитымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ. Что означало это почесыванье? и что, вообще, оно значитъ? Досада ли на то, что вотъ не удалась задуманная назавтра сходка съ своимъ братомъ въ неприглядномъ тулупѣ, опоясанномъ кушакомъ, гдѣ-нибудь во царевомъ кабакѣ? или уже завязалась въ новомъ мѣстѣ какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у воротъ и политичное держанье за бѣлы ручки въ тотъ часъ, какъ нахлобучиваются на городъ сумерки, дѣтина въ красной рубахѣ бренчитъ на балалайкѣ передъ дворовой челядью, и плететъ тихія рѣчи разночинный отработавшійся народъ? или, просто, жаль оставлять отогрѣтое уже мѣсто на людской кухнѣ подъ тулупомъ, близъ печи, да щей съ городскимъ мягкимъ

пирогомъ, съ тѣмъ, чтобы вновь тащиться подъ дождь, слякоть и всякую дорожную невзгоду? Богъ вѣсть,—не угадаешь. Многое разное значитъ у русскаго народа почесыванье въ затылкѣ.

ГЛАВА XI.

Ничто, однакоже, не случилось такъ, какъ предполагалъ Чичиковъ. Во-первыхъ, проснулся онъ позже, нежели думалъ,—это была первая непріятность. Вставши, онъ послалъ тотъ же часъ узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово,—эта была вторая непріятность. Онъ разсердился, приготовился даже задать что то въ родѣ потасовки пріятелю нашему Селифану и ожидалъ только съ нетерпѣніемъ, какую тотъ съ своей стороны приведетъ причину въ оправданіе. Скоро Селифанъ показался въ дверяхъ, и баринъ имѣлъ удовольствіе услышать тѣ же самыя рѣчи, какія обыкновенно слышатся отъ прислуги въ такомъ случаѣ, когда нужно скоро ѣхать.

— Да вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно будетъ лошадей ковать.

— Ахъ, ты, чушка! чурбанъ! а прежде зачѣмъ объ этомъ не сказалъ? Не было развѣ времени?

— Да время-то было... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, шину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой вездѣ пошелъ... Да если позволите доложить: передъ у брички совсѣмъ расшатался, такъ что она, можетъ-быть, и двухъ станцій не сдѣлаетъ.

— Подлецъ ты!—вскрикнулъ Чичиковъ, всплеснувъ руками, и подошелъ къ нему такъ близко, что Селифанъ изъ боязни, чтобы не получить отъ барина подарка, попятился нѣсколько назадъ и посторонился.—Убить ты меня собрался? А? зарѣзать меня хочешь? На большой дорогѣ меня собрался зарѣзать, разбойникъ, чушка ты проклятый, страшилище морское! А? А? Три недѣли сидѣли на мѣстѣ? А? Хоть бы заикнулся, безпутный, а вотъ теперь къ послѣднему часу и пригналъ! Когда ужъ почти на чеку: сѣсть бы да и ѣхать; а? а ты вотъ тутъ-то и напакостилъ, а? а? Вѣдь ты зналъ это прежде? Вѣдь ты зналъ это? А? А? Отвѣчай. Зналъ? А?

— Зналъ,—отвѣчалъ Селифанъ, потупивши голову.

— Ну, такъ зачѣмъ же тогда не сказалъ. А?

На этотъ вопросъ Селифанъ ничего не отвѣчалъ, но, потупивши голову, казалось, говорилъ самъ себѣ: «Вишь ты, какъ оно мудрено случилось: и зналъ вѣдь, да не сказалъ!»

— А вотъ теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобъ въ два часа все было сдѣлано. Слышишь? непремѣнно въ два часа; а если не будетъ, такъ я тебя, я тебя... въ рогъ согну и узломъ завяжу!—Герой нашъ былъ сильно разсерженъ.

Селифанъ оборотился было къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ итти выполнить приказаніе, но остановился и сказалъ:

— Да еще, сударь, чубараго коня, право, хоть бы продать, потому что онъ, Павелъ Ивановичъ, совсѣмъ подлецъ; онъ — такой конь, просто, не приведи Богъ, только помѣха.

— Да, вотъ пойду, побѣгу на рынокъ продавать!

— Ей Богу, Павелъ Ивановичъ, онъ только что на видъ казистый, а на дѣлѣ самый лукавый конь; такого коня нигдѣ...

— Дуракъ! Когда захочу продать, такъ продамъ. Еще пустился въ разсужденья! Вотъ посмотрю я, если ты мнѣ не приведешь сейчасъ кузнецовъ, да въ два часа не будетъ все готово, такъ я тебѣ такую дамъ потасовку... самъ на себѣ лица не увидишь! Пошелъ! Ступай!

Селифанъ вышелъ.

Чичиковъ сдѣлался совершенно не въ духѣ и швырнулъ на полъ саблю, которая ѣздила съ нимъ въ дорогѣ для внушенія надлежащаго страха, кому слѣдуетъ. Около четверти часа слишкомъ провозился онъ съ кузнецами, покамѣсть сладилъ, потому что кузнецы, какъ водится, были отъявленные подлецы и, смекнувъ, что работа нужна къ спѣху, заломили ровно вшестеро. Какъ онъ ни горячился, называлъ ихъ мошенниками, разбойниками, грабителями проѣзжающихъ, намекнулъ даже на страшный судъ, но кузнецовъ ничѣмъ не пронялъ: они совершенно выдержали характеръ: не только не отступились отъ цѣны, но даже провозились за работой, вмѣсто двухъ часовъ, цѣлыхъ пять съ половиною. Въ продолженіе этого времени онъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя всякому путешественнику, когда въ чемоданѣ все уложено и въ комнатѣ валяются только веревочки, бумажки да разный соръ, когда человѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ ни къ сидѣнью на мѣстѣ, видитъ изъ окна проходящихъ, плетущихся людей, толкующихъ объ своихъ гривнахъ и съ какимъ-то глупымъ любопытствомъ поднимающихъ глаза, чтобы, взглянувъ на него, опять продолжать свою дорогу, что еще болѣе растравляетъ нерасположеніе духа бѣднаго неѣдущаго путешественника. Все, что ни есть, все, что ни видитъ онъ: и лавчонка противъ его оконъ и голова старухи, живущей въ супротивномъ домѣ, подходящей къ окну съ коротенькими занавѣсками,—все ему гадко, однакоже, онъ не отходитъ отъ окна. Стоитъ, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное вниманіе на все, что передъ нимъ движется и не движется, и душитъ съ досады какую-нибудь муху, которая въ это время жужжитъ и бьется объ стекло подъ его пальцемъ. Но всему бываетъ конецъ, и желанная минута настала: все было готово: передъ у брички, какъ слѣдуетъ, былъ налаженъ, колесо было обтянуто новою шиною, кони приведены съ водопоя, и разбойники-кузнецы отправились, пересчитавъ полученные цѣлковые и пожелавъ благополучія. Наконецъ и бричка была заложена, и два горячіе колача, только что купленные, положены туда, и Селифанъ уже засунулъ кое-что для себя въ карманъ, бывшій у кучерскихъ козелъ, и самъ герой, наконецъ, при взмахиваніи картузомъ полового, стоявшаго въ томъ же демикотоновомъ сюртукѣ, при трактирныхъ и чужихъ лакеяхъ и кучерахъ, собравшихся позѣвать, какъ выѣзжаетъ чужой баринъ, и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ выѣздъ, сѣлъ въ экипажъ,—и бричка, въ которой ѣздятъ холостяки, которая такъ долго застоялась въ городѣ и такъ, можетъ-быть, надоѣла читателю, наконецъ, выѣхала изъ воротъ гостиницы. «Слава те Господи!» подумалъ Чичиковъ и перекрестился. Селифанъ хлыснулъ кнутомъ, къ нему подсѣлъ сперва повисѣвшій нѣсколько времени на подножкѣ Петрушка, и герой нашъ, усѣвшись получше на грузинскомъ коврикѣ, заложилъ за спину себѣ кожаную подушку, притиснулъ два горячіе колача, и экипажъ пошелъ опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, какъ извѣстно, имѣла подкидывающую силу. Съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на дома, стѣны, заборъ и улицы, которые такъ же, съ своей стороны, какъ будто подскакивая, медленно уходили назадъ, и которые, Богъ знаетъ, судила ли ему участь увидѣть еще когда-либо въ продолженіе своей жизни. При поворотѣ въ одну изъ улицъ бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная погребальная процессія. Чичиковъ, высунувшись, велѣлъ Петрушкѣ спросить, кого хоронятъ, и узналъ, что хоронятъ прокурора. Исполненный непріятныхъ ощущеній, онъ тотъ же часъ спрятался въ уголъ, закрылъ себя кожею и задернулъ занавѣски. Въ это время, когда экипажъ былъ, такимъ образомъ, остановленъ, Селифанъ и Петрушка, набожно снявши

шляпу, разсматривали, кто какъ, въ чемъ и на чемъ ѣхалъ, считая числомъ, сколько было всѣхъ, и пѣшихъ и ѣхавшихъ, а баринъ, приказавши имъ не признаваться и не кланяться никому изъ знакомыхъ лакеевъ, тоже принялся разсматривать робко сквозь стеклышки, находившіяся въ кожаныхъ занавѣскахъ. За гробомъ шли, спявши шляпы, всѣ чиновники. Онъ началъ было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа; но имъ было не до того. Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какіе обыкновенно ведутъ между собою провожающіе покойника. Всѣ мысли ихъ были сосредоточены въ это время въ самихъ себѣ: они думали, каковъ-то будетъ новый генералъ-губернаторъ, какъ возьмется за дѣло и какъ приметъ ихъ. За чиновниками, шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ были заняты живымъ разговоромъ; можетъ-быть, онѣ тоже говорили о пріѣздѣ новаго генералъ-губернатора и дѣлали предположенія насчетъ баловъ, какіе онъ дастъ, и хлопотали о вѣчныхъ своихъ фестончикахъ и нашивочкахъ. Наконецъ за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дрожекъ, вытянувшихся гуськомъ, наконецъ, и ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаныя занавѣски, онъ вздохнулъ, произнесши отъ души: «Вотъ, прокуроръ! жилъ-жилъ, а потомъ и умеръ! И вотъ напечатаютъ въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію подчиненныхъ и всего человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ, и много напишутъ всякой всячины; прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ; а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ, на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови». Тутъ онъ приказалъ Селифану ѣхать поскорѣе и между тѣмъ подумалъ про себя: «Это, однакожъ, хорошо, что встрѣтились похороны, говорятъ: значитъ счастіе, если встрѣтишь покойника».

Бричка между тѣмъ поворотила въ болѣе пустынныя улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвѣщавшіе конецъ города. Вотъ уже и мостовая кончилась, и шлагбаумъ, и городъ назади, и ничего нѣтъ — и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, колачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: «такой-то артиллерійской батареи», зеленыя, желтыя и свѣжеразрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дивы природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, — города съ многооконными высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинные дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки,

какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и опѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...

— Держи, держи, дуракъ! — кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашомъ! — кричалъ скакавшій навстрѣчу фельдъегерь, съ усами въ аршинъ. — Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ!—И, какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣе прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся: и «Не бѣлы снѣги», и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся—пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви со старинными деревянными куполами и чернѣющими ост, оконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіянiе мѣсяца тамъ и тамъ будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ-одинешенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брезжитъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ — что до нихъ? А ночь!.. Небесныя силы! Какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься, и храпишь — и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый къ углу сосѣдъ. Проснулся—и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный холодъ! Какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчокъ — и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. «Полегче! Легче!» слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! Какъ ты хороша подчасъ, далекая,

далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!.. Но и другъ нашъ Чичиковъ чувствовалъ въ это время не вовсе прозаическія грезы. А посмотримъ, что онъ чувствовалъ. Сначала онъ не чувствовалъ ничего и поглядывалъ только назадъ, желая увѣриться, точно ли выѣхалъ изъ города; но когда увидѣлъ, что городъ уже давно скрылся, ни кузницъ, ни мельницъ, ни всего того, что находится вокругъ городовъ, не было видно, и даже бѣлыя верхушки каменныхъ церквей давно ушли въ землю, онъ занялся только одной дорогою, посматривалъ только направо и налѣво, и городъ N какъ будто не бывалъ въ его памяти, какъ будто проѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ и дорога перестала занимать его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. Авторъ, признается, этому даже радъ, находя такимъ образомъ случай поговорить о своемъ героѣ, ибо доселѣ, какъ читатель видѣлъ, ему безпрестанно мѣшали то Ноздревъ, то балы, то дамы, то городскія сплетни, то, наконецъ, тысячи тѣхъ мелочей, которыя кажутся только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а покамѣстъ обращаются въ свѣтѣ, почитаются за весьма важныя дѣла. Но теперь отложимъ совершенно все въ сторону и прямо займемся дѣломъ.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравился, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или тѣлесное пятнышко, тогда бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хоть отрази чище зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны. Самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему: полноты ни въ какомъ случаѣ не простятъ герою, и весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: «Фи! Такой гадкій!» Увы! Все это извѣстно автору, и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ герои добродѣтельнаго человѣка. Но... можетъ-быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ и мѣсто и время! А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои. И можно даже сказать, почему не взятъ. Потому что пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово: *добродѣтельный человѣкъ;* потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора, наконецъ, припрячь и подлеца. Итакъ, припряжемъ подлеца!

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные — Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ:

по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пиголицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: «Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ материной стороны, что было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: *ни въ мать ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца*». Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко; ни друга ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму ни въ лѣто; отецъ — больной человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: «Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ»; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: «Опять задурилъ!», отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда вслѣдъ за сими словами краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженной грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ и самимъ баріномъ, и, наконецъ, втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями передъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся въ глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства, и что гораздо важнѣе, умное наставленіе: «Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего — угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше такъ,

чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копейка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой». Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличился онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны — со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощеніе, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копейки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную: слѣпилъ изъ воску снигиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить,—признакъ подступающаго голода,—онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника или булки и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: тому казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было ему, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь не нарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность! — говорилъ онъ. — Я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! Ты у меня поголодаешь!» И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. «Способности и дарованія — это все вздоръ! — говаривалъ онъ. — Я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому — нуль, хотя онъ Солона [1]) заткни за поясъ!» Такъ говорилъ учитель, не любившій насмерть Крылова за то, что онъ сказалъ: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй», и всегда разсказывавшій съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ ни бровью во все

---

[1]) Солонъ—извѣстный законодатель и мудрецъ древней Греціи.

время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: *за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе*. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копейку, а самъ накопилъ ея не много. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишка съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью, людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнатъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; накопецъ и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: «Эхъ, ты, жила!» Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ; слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать, — произнесъ онъ слабымъ голосомъ и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благонравный! Ничего буйнаго — шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...»

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать; словомъ, отцовское наставленіе: «Береги и копи копейку» пошло впрокъ. Но въ немъ не было привязанности, собственно, къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не они двигали: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды, — вотъ что безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ, потомъ, со временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копейка, скупо отказываемая до времени и себѣ и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ, какъ вкопанный, останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: «А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!» И все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желаніе скорѣе приняться за дѣло и службу. Однакоже, несмотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату: и въ дальнихъ захолустьяхъ нужна протекція! Мѣстечко досталось ему ничтожное,

жалованье тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И, точно, самоотверженіе, терпѣніе и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подчасъ съ сторожами и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностію и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица — точно дурно выпеченный хлѣбъ: щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ прибавку къ тому, еще и треснула, — словомъ, совсѣмъ некрасиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить; приносили частыя жертвы Вакху [1]), показавъ такимъ образомъ, что въ славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества; приходили даже подчасъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо, и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленьемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику [2]), который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непотрясаемости: вѣчно тотъ же, непреступный, никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьѣ. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ онъ въ чемъ-нибудь участье; хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно; ни злодѣйскаго ни добраго, и что-то страшное являлось въ семъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе; но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всякихъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его чернильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ, какъ будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ онъ пронюхалъ его домашнюю семейную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ, тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой-то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узналъ, въ какую церковь приходила она по

---

[1]) Вакхъ — богъ вина и веселья у древнихъ римлянъ. [2]) Повытчикъ — столоначальникъ.

воскреснымъ днямъ, становился всякій разъ насупротивъ ея, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возымѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай! И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ и муку и сахаръ, съ дочерью обращался какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его въ руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ Великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его съ старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папенькой и не цѣловалъ больше его руки, а о свадьбѣ такъ дѣло и замялось, какъ будто вовсе ничего не происходило. Однакоже, встрѣчаясь съ нимъ, онъ всякій разъ ласково жалъ ему руку и приглашалъ его на чай, такъ что старый повытчикъ, несмотря на вѣчную неподвижность и черствое равнодушіе, всякій разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ: «Надулъ, надулъ, чортовъ сынъ!»

Это былъ самый трудный порогъ, черезъ который перешагнулъ онъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Онъ сталъ человѣкомъ замѣтнымъ. Все оказалось въ немъ, что нужно для этого міра: и пріятность въ оборотахъ и поступкахъ и бойкость въ дѣловыхъ дѣлахъ. Съ такими средствами добылъ онъ въ непродолжительное время то, что называютъ хлѣбное мѣстечко, и воспользовался имъ отличнымъ образомъ. Нужно знать, что въ то же самое время начались строжайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ. Преслѣдованій онъ не испугался и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу, показавъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, являющуюся только во время прижимокъ. Дѣло устроено было вотъ какъ: какъ только приходилъ проситель и засовывалъ руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы вытащить оттуда извѣстныя рекомендательныя письма, за подписью князя Хованскаго, какъ выражаются у насъ, на Руси,—«нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ онъ съ улыбкой, удерживая его руки:—вы думаете, что я... нѣтъ, нѣтъ! Это нашъ долгъ, наша обязанность; безъ всякихъ возмездій мы должны сдѣлать! Съ этой стороны ужъ будьте покойны: завтра же все будетъ сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру; вамъ и заботиться не нужно самимъ: все будетъ принесено къ вамъ на домъ». Очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ, думая: «Вотъ, наконецъ, человѣкъ, какихъ нужно побольше! Это, просто, драгоцѣнный алмазъ!» Но ждетъ проситель день, другой—не приносятъ дѣла на домъ; на третій тоже. Онъ въ канцелярію—дѣло и не начиналось; онъ—къ драгоцѣнному алмазу. «Ахъ, извините,—говорилъ Чичиковъ очень учтиво, схвативши его за обѣ руки:—у насъ было столько дѣлъ, но завтра же все будетъ сдѣлано, завтра непремѣнно! Право, мнѣ даже совѣстно!» И все это сопровождалось движеніями обворожительными. Если при этомъ распахивалась какая-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послѣзавтра, ни на третій день не несутъ дѣла на домъ. Проситель берется за умъ: «Да полно, нѣтъ ли чего?» Вывѣдывать—говорятъ: «Нужно дать писарямъ».—«Почему жъ не дать? [illegible] готовъ четвертакъ, другой».—«Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой».—«По бѣленькой писарямъ!» вскрикиваетъ проситель. «Да чего вы такъ горячитесь?—отвѣчаю ему:—оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству». Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новый порядокъ вещей, преслѣдованіе взятокъ и вѣжливыя, обла-

гороженныя обращенія чиновниковъ. «Прежде, было, знаешь, по крайней мѣрѣ, что дѣлать: принесъ правителю дѣлъ краспую, да и дѣло въ шляпѣ; а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься... чортъ бы побралъ безкорыстіе и чиновное благородство!» Проситель, конечно, правъ; но зато теперь нѣтъ взяточниковъ, всѣ правители дѣлъ—честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди: секретари только да писаря—мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнѣе: образовалась комиссія для построенія какого-то казеннаго, весьма капитальнаго, строенія. Въ эту комиссію пристроился и онъ и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Комиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шесть лѣтъ возилась около зданія; но климатъ, что ли, мѣшалъ или матеріалъ уже былъ такой, только никакъ не шло казенное зданіе выше фундамента. А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанія и неумолимаго своего самоотверженія. Тутъ только долговременный постъ, наконецъ, былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда не былъ чуждъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человѣкъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое-какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою; уже пріобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцомъ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой, намоченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ; уже покупалъ онъ весьма недешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожѣ; уже...

Но вдругъ, на мѣсто прежняго тюфяка, былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется неправдой. На другой же день пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры—и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; дома гражданской архитектуры поступили въ казну и обращены были на разныя богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ; все распущено было въ пухъ, и Чичиковъ болѣе другихъ. Лицо его вдругъ, несмотря на пріятность, не понравилось начальнику,—почему именно, Богъ вѣдаетъ: иногда даже, просто, не бываетъ на это причинъ,—и онъ возненавидѣлъ его насмерть. И грозенъ былъ сильно для всѣхъ неумолимый начальникъ. Но такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало-быть, не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья поддѣлаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и генералъ скоро очутился въ рукахъ еще большихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ, наконецъ, людей, какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гонителями неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбакъ острогой преслѣдуетъ какую-нибудь мясистую бѣлугу, и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣсколько тысячъ капитала. Въ это время обратились на путь истины многіе изъ прежнихъ чиновниковъ и были вновь приняты на службу. Но Чичиковъ ужъ никакимъ образомъ не могъ втереться; какъ ни старался и ни стоялъ за него,

подстрекнутый письмами князя Хованскаго, первый генеральскій секретарь, постигнувшій совершенно управленіе генеральскимъ посомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать. Генералъ былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеребить. Все, что могъ сдѣлать умный секретарь, было уничтоженье запачканнаго послужного списка, и на то уже онъ подвинулъ начальника не иначе, какъ состраданіемъ, изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичикова, котораго, къ счастію, у него не было.

— Ну, что жъ,—сказалъ Чичиковъ:—зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось—не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать.

И вотъ рѣшился онъ сызнова начать карьеръ, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ, какъ ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ, тамъ еще приводить себя въ извѣстность. Все какъ-то не клеилось. Двѣ, три должности долженъ онъ былъ перемѣнить въ самое короткое время. Должности какъ-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человѣкъ, какой когда-либо существовалъ въ свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ вначалѣ протираться въ грязномъ обществѣ, но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева, и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину или званію. Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ всякіе два дня перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день: всякій сколько-нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидавать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздичку; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливы, какъ у дѣвушки; и потому тяжело ему было очутиться вновь въ тѣхъ рядахъ, гдѣ все отзывалось пѣнникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, однакоже, похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время такихъ невзгодъ. Ужъ начиналъ было онъ полнѣть и приходить въ тѣ круглыя и приличныя формы, въ какихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства, и уже не разъ, поглядывая въ зеркало, подумывалъ онъ о многомъ пріятномъ: о бабенкѣ, о дѣтской, и улыбка слѣдовала за такими мыслями; но теперь, когда онъ взглянулъ на себя какъ-то ненарокомъ въ зеркало, не могъ вскрикнуть: «Мать ты моя Пресвятая, какой же я сталъ гадкій!» И послѣ долго не хотѣлъ смотрѣться. Но переносилъ все герой нашъ, переносилъ сильно, терпѣливо, переносилъ, и—перешелъ, наконецъ, въ службу по таможнѣ. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ. Не разъ давно уже онъ говорилъ со вздохомъ: «Вотъ бы куда перебраться: и граница близко и просвѣщенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!» Надобно прибавить, что при этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ французскаго мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ; какъ оно называлось, Богъ вѣдаетъ, но, по его предположеніемъ, непремѣнно находилось на границѣ. Итакъ, онъ давно бы хотѣлъ въ таможню, но удерживали текущія разныя выгоды по строительной комиссіи, и онъ разсуждалъ справедливо, что таможня, какъ бы то ни было, все еще не болѣе, какъ журавль въ небѣ, а комиссія уже была синица въ рукахъ. Теперь же рѣшился онъ, во что бы то ни стало,

добраться до таможни — и добрался. За службу свою принялся онъ съ ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобный расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видно, но даже не слыхано. Въ три-четыре недѣли онъ уже такъ набилъ руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все: даже не вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ какой штукѣ аршинъ сукна или иной матеріи; взявши въ руку свертокъ, онъ могъ сказать вдругъ, сколько въ немъ фунтовъ. Что же касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались даже сами товарищи, у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ то время, когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его наружность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только: «Не угодно ли вамъ будетъ немножко побезпокоиться и привстать?» или: «Не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? Тамъ супруга одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснится съ вами?» или: «Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подкладку вашей шинели». И, говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда шали, платки, хладнокровно, какъ изъ собственнаго сундука. Даже начальство изъяснялось, что это былъ чортъ, а не человѣкъ: онъ отыскивалъ въ колесахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и нивѣстъ въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться и куда позволяется забираться только однимъ таможеннымъ чиновникамъ; такъ что бѣдный путешественникъ, переѣхавшій черезъ границу, все еще, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, не могъ опомниться и, отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: «Ну, ну!» Положеніе его весьма походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кое-какое наставленіе, но вмѣсто того высѣкъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ него никакого житья контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ небольшого капитальца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ кое-какихъ вещицъ, не поступающихъ въ казну во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно-безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти, наконецъ, до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе и вслѣдъ за тѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгодъ дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: «Еще не время». Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ онъ знать обществу, сказавши: «Теперь пора». Расчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ самой ревностной службы. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало-быть, немного получилъ бы; но теперь... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить какія угодно условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другого чиновника, своего товарища, который не устоялъ про-

тивъ соблазна, несмотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно, Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ. Не участвуй онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ въ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ или четырехъ барашихъ походовъ черезъ границу у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капитала. У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры не возросли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперекъ всему. Чортъ сбилъ съ толку обоихъ чиновниковъ; чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поссорились ни за что. Какъ то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ-быть, нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другого чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвѣстно почему, обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: «Нѣтъ, врешь: я—статскій совѣтникъ, а не поповичъ: а вотъ ты—такъ поповичъ!» И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для большой досады: «Да, вотъ, молъ, что!» Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе, и хотя выраженіе: «Вотъ, молъ, что!» могло быть сильно, но, недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядренная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ; что были даже подкуплены люди, чтобы подъ вечерокъ въ темномъ переулкѣ поизбить нашего героя; но что оба чиновника были въ дуракахъ и бабенкой воспользовался какой-то штабсъ-капитанъ Шамшаревъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ—Богъ ихъ вѣдаетъ; пусть лучше читатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропалъ, но таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ, какъ ни чутко было обаяніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства; употребилъ всѣ тонкіе изгибы ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей; гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурилъ лестью, ни въ какомъ случаѣ не портящею дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку,—словомъ, обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда. Но уже ни капитала ни разныхъ заграничныхъ вещицъ,—ничего не осталось ему: на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка, да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ—вотъ и все. Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! Вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что, послѣ такихъ бурь, испы-

таній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячонками въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ заклекнетъ навѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую передъ окнами или для освѣженія, пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ не шумный, но, въ своемъ родѣ, тоже не безполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, ропталъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей и, однакоже, не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ терпѣнье, передъ которымъ ничто деревянное терпѣнье нѣмца, заключенное уже въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова, напротивъ, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все то, что хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ. Онъ разсуждалъ, и въ разсужденіи его видна была нѣкоторая сторона справедливости: «Почему жъ я? Зачѣмъ на меня обрушилась бѣда? Кто жъ зѣваетъ теперь на должности?— всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по-міру; пользовался я отъ избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуйся я—другіе воспользовались бы. За что же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И что я теперь? Куда я гожусь? Какими глазами я стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? Какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бременю землю? И что скажутъ потомъ мои дѣти? — «Вотъ, — скажутъ,—отецъ—скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!»

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ. Такой чувствительный предметъ! Иной, можетъ-быть, и не такъ бы глубоко запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, неизвѣстно почему, приходитъ самъ собою: «А что скажутъ дѣти?» И вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что къ нему поближе: мыло ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу,—словомъ, не пропускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его: тамъ все хотѣло что-то строиться и ждало только плана. Вновь съежился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожиданіи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго,—званіемъ, еще не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелко приказною тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканье въ передняхъ, грубости и прочее, но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ поручѣній досталось ему, между прочимъ, одно: похлопотать о заложеніи въ опекунскій совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Имѣніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено оно было скотскими падежами, плутами-приказчиками, неурожаями, повальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и, наконецъ, безтолковьемъ самого помѣщика, убиравшаго себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое до послѣдней копейки, такъ что ужъ не на что было ѣсть. По этой-то причинѣ понадобилось, наконецъ, заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ

качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка или выправка,—все же хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку),—итакъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое, между прочимъ, обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-нибудь потомъ привязокъ... «Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?» сказалъ секретарь. «Числятся», отвѣчалъ Чичиковъ. «Ну, такъ чего же вы оробѣли?—сказалъ секретарь.—Одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится». Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ рифму. А между тѣмъ героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. «Эхъ, я Акимъ-простота!—сказалъ онъ самъ въ себѣ.—Ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, опекунскій совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало. Помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались, какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить: имѣнія брошены, управляются какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе; такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; а, можетъ, въ другой разъ такъ случится, что съ иного и я еще зашибу за это копейку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ. А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь земли въ Таврической и Херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ Херсонскую ихъ! Пусть ихъ тамъ живутъ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ, по судамъ. Если захотятъ освидѣтельствовать крестьянъ—пожалуй, я и тутъ не прочь; почему же нѣтъ? Я представлю и свидѣтельство за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещеніи: «сельцо Павловское». И вотъ, такимъ образомъ, составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно, ибо, что ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительства и подъ другими предлогами, предпринялъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ: неурожаевъ, смертностей и прочаго и прочаго,—словомъ, гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле накупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ лю ей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ меньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде з знакомиться, расположить къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою пріобрѣсти мужиковъ. Итакъ, читатели не должны негодовать на автора, если лица, донынѣ являющіяся, не пришлись по его вкусу: это вина Чичикова; здѣсь онъ полный хозяинъ, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если, точно, падетъ обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда вначалѣ не видно всего широкаго теченія и объема дѣла. Въѣздъ въ какой бы ни было городъ, хотя даже столицу, всегда какъ-то блѣденъ; сна-

чала все сѣро и однообразно: тянутся безконечные заводы да фабрики, закопченные дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шестиэтажныхъ домовъ, магазины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всѣ въ колокольняхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всѣмъ, что на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина среднихъ лѣтъ, брички, въ которой ѣздятъ холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже извѣстныхъ поименно, отъ Засѣдателя до подлеца-чубараго. Итакъ, вотъ весь налицо герой нашъ, каковъ онъ есть. Но потребуютъ, можетъ-быть, заключительнаго опредѣленія одной чертой: кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ? Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей,—это видно. Кто же онъ? Стало-быть, подлецъ? Почему же подлецъ? Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физіогномію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его *хозяинъ, пріобрѣтатель*. Пріобрѣтеніе—вина всего изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе *не очень чистыхъ*. Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что-то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ. Быстро все превращается въ человѣкѣ, не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненные соки. И не разъ не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разрасталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ морскіе пески, человѣческія страсти, и всѣ не похожи одна на другую, и всѣ онѣ низкія и прекрасныя, вначалѣ покорны человѣку, и потомъ уже становятся страшными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть: растетъ и десятерится съ каждымъ часомъ и минутой безмѣрное его блаженство, и входитъ онъ глубже и глубже въ безконечный рай своей души. Но есть страсти, которыхъ избраніе не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденія его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаніями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ или пронесшись свѣтлымъ явленіемъ, возрадующимъ міръ, одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ-быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка передъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ; тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же

самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, и всѣ были бы радёшеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Пѣтъ нужды, что ни лицо ни весь образъ его не мелался бы, какъ живой, передъ глазами: зато, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. «Зачѣмъ?—говорите вы.—Къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе не утѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы!»—«Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?—говоритъ помѣщикъ приказчику.—Я, братъ, это знаю безъ тебя; да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого, — я тогда счастливъ». И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько-нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвенье. Спитъ умъ, можетъ-быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона, и пошелъ помѣщикъ забываться по-міру, съ душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде.

Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устраивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по мнѣнію ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда,—они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: «Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? Вѣдь это все, что ни описано здѣсь, это все наше—хорошо ли это? А что скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? Думаютъ: развѣ мы не патріоты?» На такія мудрыя замѣчанія, особенно насчетъ мнѣнія иностранцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что. Жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семейства, по имени Кифа Мокіевичъ, человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованіе его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ называлъ, философическимъ вопросомъ: «Вотъ, напримѣръ, звѣрь, — говорилъ онъ, ходя по комнатѣ. — Звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица: почему не вылупливается изъ яйца? Какъ, право, того... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!» Такъ мыслилъ обитатель Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло. Другой обитатель былъ Мокій Кифовичъ, родной сынъ его. Былъ онъ то, что называется на Руси богатырь, и въ то время, когда отецъ занимался рожденіемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что не умѣлъ онъ взяться слегка: все—или рука у кого-нибудь затрещитъ или волдырь вскочитъ на чьемъ-нибудь носу. Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все, отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки, бѣжало прочь, его завидя; даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ былъ Мокій Кифовичъ, а, впрочемъ, былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А глав-

нос дѣло вотъ въ чемъ. «Помилуй, батюшка барипъ, Кифа Мокіевичъ, — говорила отцу и своя и чужая дворня.—Что у тебя за Мокій Кифовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертень!» — «Да, шаловливъ, шаловливъ,—говорилъ обыкновенно на это отецъ.—Да вѣдь какъ быть? Драться съ нимъ поздно, да и меня же всѣ обвинятъ въ жестокости; а человѣкъ онъ честолюбивый; укори его при другомъ-третьемъ—онъ уймется, да вѣдь гласность-то—вотъ бѣда! Городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой. Что, право, думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ, вотъ нѣтъ же, отецъ! Отецъ, чортъ ихъ побери, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!» Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. «Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдалъ его!» И, показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой-либо подобный вопросъ: «Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была, — пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать». Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые нежданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвѣчать скромно на обвиненье со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей или приращеніями насчетъ суммъ пѣжно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурного, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но нѣтъ, не патріотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій: другое скрывается подъ ними. Къ чему таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ-быть, даже похвалите автора — скажете: «Однакожъ кое-что онъ ловко подмѣтилъ! долженъ быть веселаго нрава человѣкъ!» И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостію, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: «А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!» А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуту уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: «А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?» Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ не слишкомъ большой, не слишкомъ малый, — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: «Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!» И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!»

Но мы стали говорить довольно громко, позабывъ, что герой нашъ, спавшій во все время разсказа его повѣсти, уже проснулся и легко можетъ услышать такъ часто повторяемую свою фамилію. Онъ же человѣкъ обидчивый и недоволенъ, если о немъ изъясняются неуважительно. Читателю сполагоря, разсердится ли на него Чичиковъ или нѣтъ; но что до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука въ руку; двѣ большія части впереди—это не бездѣлица.

— Эхе-хе! Что жъ ты? — сказалъ Чичиковъ Селифану. — Ты?..

— Что? — сказалъ Селифанъ медленнымъ голосомъ.

— Какъ что! Гусь ты! Какъ ты ѣдешь? Ну же, потрогивай!

И въ самомъ дѣлѣ, Селифанъ давно уже ѣхалъ, зажмуря глаза, изрѣдка только потряхивая впросонкахъ вожжами по бокамъ дремавшихъ тоже лошадей; а съ Петрушки уже давно, нивѣсть въ какомъ мѣстѣ, слетѣлъ картузъ, и онъ самъ, опрокинувшись назадъ, уткнулъ свою голову въ колѣно Чичикову, такъ что тотъ долженъ былъ дать ей щелчка. Селифанъ пріободрился и, отшлепавши нѣсколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцой, да помахавши сверху кнутомъ на всѣхъ, промолвилъ тонкимъ, пѣвучимъ голоскомъ: «Не бойся!» Лошадки расшевелились и понесли какъ пухъ легонькую бричку. Селифанъ только помахивалъ да покрикивалъ: «Эхъ! Эхъ! Эхъ!» плавно подскакивая на козлахъ, по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которымъ была усѣяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «Чортъ побери все!» — его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьѣ, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи да продирающійся мѣсяцъ — одни кажутся недвижимы. Эхъ, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ до долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ, на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню—кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслася!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, — что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторанниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА
ИЛИ МЕРТВЫЯ ДУШИ.

Томъ второй.

ГЛАВА I.

Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что жъ дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ изображать онъ ничего другого, какъ только бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

Какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, съ наугольниками и бойницами, шли, извиваясь на тысячу слишкомъ верстъ, горныя возвышенія. Великолѣпно возносились они надъ безконечными пространствами равнинъ, то отломами известковато-глинистаго свойства, въ видѣ отвѣсныхъ стѣнъ, исчерченныхъ проточинами и рытвинами, то миловидно круглившеюся зеленою выпуклостью, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темными гущами лѣса, какимъ-то чудомъ еще уцѣлѣвшими отъ топора. Рѣка, то вѣрная своимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними колѣна и повороты, то отлучалась прочь въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденіи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній убирался гуще въ зеленые кудри деревъ. Искусственнымъ насажденьемъ, благодаря неровности гористаго оврага, сѣверъ и югъ растительнаго царства собрались сюда вмѣстѣ. Дубъ, ель, лѣсная груша, кленъ, вишнякъ и терновникъ, чилига и рябина, опутанная хмелемъ, то помогая другъ другу въ ростѣ, то заглушая другъ друга, карабкались по всей горѣ, отъ низу до верху. Вверху же, у самаго ея темени, примѣшивались къ ихъ зеленымъ верхушкамъ красныя крышки господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ, верхняя надстройка господскаго дома съ рѣзнымъ балкономъ и большимъ полукруглымъ окномъ. И надъ

всѣмъ этимъ собраньемъ деревъ и крышъ возносилась свыше всего своими пятью позлащенными, играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всѣхъ ея главахъ стояли золотые прорѣзные кресты, утвержденные золотыми прорѣзными же цѣпями, такъ что издали, казалось, висѣло на воздухѣ ничѣмъ не поддержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И все это, въ опрокинутомъ видѣ, верхушками, крышками, крестами внизъ, миловидно отражалось въ рѣкѣ, гдѣ безобразнодуплистыя ивы, однѣ стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви и листья, опутанныя склизкой бодягой, плававшей по водѣ вмѣстѣ съ желтыми кувшинчиками, точно какъ бы разсматривали это чудное изображеніе.

Видъ былъ очень хорошъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на отдаленья, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель. Отъ изумленья у него захватывало въ груди духъ, и онъ только вскрикивалъ: «Господи, какъ здѣсь просторно!» Безъ конца, безъ предѣловъ открывались пространства: за лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, въ нѣсколько зеленыхъ поясовъ, зеленѣли лѣса; за лѣсами сквозь воздухъ, уже начинавшій становиться мглистымъ, желтѣли пески, и вновь лѣса, уже синѣвшіе, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся: и вновь пески, еще блѣднѣй, но все желтѣвшіе. На отдаленномъ небосклонѣ лежали гребнемъ мѣловыя горы, блиставшія бѣлизною даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце. По ослѣпительной бѣлизнѣ ихъ, у подошвъ, мѣстами гипсовыхъ, мелькали какъ бы дымившіяся туманно-сизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ. Только вспыхивавшая при солнечномъ освѣщеніи искра золотой церковной маковки давала знать, что это было людное большое селеніе. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, пропадавшіе въ пространствахъ. Словомъ, гость, стоявшій на балконѣ, и послѣ какого-нибудь двухчасового созерцанія ничего другого не могъ выговорить, какъ только: «Господи, какъ здѣсь просторно!»

Кто же былъ жилецъ и владѣтель этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны, гдѣ вразсыпку дубы встрѣчали привѣтливо подъѣзжавшаго гостя, распростирая развѣсистыя вѣтви, какъ дружескія объятья, и провожая его къ лицу того самаго дома, котораго верхушку видѣли мы сзади и который стоялъ теперь весь налицо, имѣя по одну сторону рядъ избъ, выказывавшихъ коньки и рѣзные гребни, а по другую — церковь, блиставшую золотомъ крестовъ и золотыми прорѣзными узорами висѣвшихъ въ воздухѣ цѣпей. Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

Помѣщику Тремалаханскаго уѣзда, Андрею Ивановичу Тѣнтѣтникову, молодому тридцатитрехлѣтнему счастливцу и притомъ еще и неженатому человѣку.

Кто жъ онъ, что жъ онъ, какихъ качествъ, какихъ свойствъ человѣкъ? У сосѣдей, читательницы, у сосѣдей слѣдуетъ разспросить. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи ловкихъ, уже нынѣ вовсе исчезающихъ, отставныхъ штабсъ-офицеровъ брандеровъ, изъяснялся о немъ выраженіемъ: «Естественнѣйшій скотина!» Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: «Молодой человѣкъ — не глупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня не безъ связей и въ Петербургѣ, и даже при...» генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ давалъ такой оборотъ отвѣту: «А вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!»

Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Стало-быть, мнѣнье о немъ было неблагопріятное.

Безпристрастно же сказать — онъ не былъ дурной человѣкъ, онъ, просто, коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, которые коптятъ небо, то почему жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его. Впрочемъ, вотъ на выдержку день изъ его жизни, совершенно похожій на всѣ другіе, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ и какъ его жизнь соотвѣтствовала окружавшимъ его красотамъ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. И такъ какъ глаза, на бѣду, были маленькіе, то протиранье ихъ производилось необыкновенно долго, и во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой, отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ, — баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ халатъ и выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофій, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. И два часа просиживалъ онъ за чаемъ. И этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ; у окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ Григорій, дворовый человѣкъ въ качествѣ буфетчика, относившійся къ домоводкѣ Перфильевнѣ почти въ сихъ выраженіяхъ:

— Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной, молчать!

— А не хочешь ли вотъ этого?—выкрикивала ничтожность, или Перфильевна, показывая кукишъ,—баба, жесткая въ поступкахъ, несмотря на то, что охотница была до изюма, пастилы и всякихъ сластей, бывшихъ у нея подъ замкомъ.

— Вѣдь ты и съ приказчикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная!—ревѣлъ Григорій.

— Да и приказчикъ воръ — такой же, какъ и ты. Думаешь, баринъ не знаетъ васъ? Вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ.

— Гдѣ баринъ?

— Да вотъ онъ сидитъ у окна; онъ все видитъ.

И, точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенью содома, кричалъ-кричмя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрещину, визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ. Словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ. И только тогда, когда это дѣлалось до такой степени несносно, что мѣшало даже ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда уходилъ онъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться серьезно сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительныя задачи и вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность,—словомъ, все такъ и въ томъ видѣ, какъ любитъ задавать себѣ современный человѣкъ. Впрочемъ, колоссальное предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась намѣсто того въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга

эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Затѣмъ слѣдовала трубка съ кофеемъ, игра въ шахматы съ самимъ собой. Что же дѣлалось потомъ до самаго ужина — право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не дѣлалось.

И такъ проводилъ время, одинъ-одинешенекъ въ цѣломъ мірѣ, молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ, сидень сиднемъ, въ халатѣ и безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ, не хотѣлось даже растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату, и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина. Изъ этого можетъ читатель видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать. Родятся ли уже такіе характеры, или потомъ образуются, какъ порожденіе печальныхъ обстоятельствъ, сурово останавливающихъ человѣка? Вмѣсто отвѣта на это лучше разсказать исторію его воспитанія и дѣтства.

Казалось, все клонилось къ тому, чтобы вышло изъ него что-то путное. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, остроумный, полузадумчиваго свойства, полуболѣзненный, попалъ онъ въ учебное заведеніе, котораго начальникомъ на ту пору былъ человѣкъ необыкновенный. Идолъ юношей, диво воспитателей, несравненный Александръ Петровичъ имѣлъ даръ слышать природу русскаго человѣка и зналъ языкъ, которымъ нужно говорить съ нимъ. Какъ зналъ онъ свойства русскаго человѣка! Какъ зналъ онъ дѣтей! Какъ умѣлъ двигать! Не было шалуна, который, сдѣлавши шалость, не пришелъ бы къ нему самъ и не повинился во всемъ. Но шалунъ уходилъ отъ него, не повѣсивши носъ, не поднявъ его. И было что-то ободряющее, что-то говорившее: «Впередъ! Поднимайся скорѣе на ноги, несмотря, что ты упалъ». Не было у него и рѣчи къ нимъ о хорошемъ поведеніи. Онъ обыкновенно говорилъ: «Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляетъ о томъ, чтобы быть умнымъ, тому некогда шалить: шалость должна исчезнуть сама собою». И, точно, шалости исчезали сами собою. Обиднѣйшія прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки отъ самыхъ малолѣтнихъ и не смѣли ихъ тронуть пальцемъ.

— Это ужъ слишкомъ, — говорили многіе: — умники выйдутъ люди заносчивые.

— Нѣтъ, это не слишкомъ, — говорилъ онъ: — неспособныхъ я не держу долго; съ нихъ довольно одного курса, а для умныхъ—у меня другой курсъ.

И точно, всѣ способные выдерживали у него другой курсъ. Многихъ рѣзвостей онъ не удерживалъ, видя въ нихъ начало развитія свойствъ душевныхъ и говоря, что онѣ ему нужны, какъ сыпи врачу, затѣмъ, чтобы узнать достовѣрно, что именно заключено внутри человѣка.

Какъ любили его всѣ мальчики! Нѣтъ, никогда не бываетъ такой привязанности у дѣтей къ своимъ родителямъ. Нѣтъ, ни даже въ безумные годы безумныхъ увлеченій не бываетъ такъ сильна неугасимая страсть, какъ сильна была любовь къ нему. До гроба, до позднихъ дней благодарный воспитанникъ, поднявъ бокалъ въ день рожденія своего чуднаго воспитателя, уже давно бывшаго въ могилѣ, закрывалъ глаза и лилъ слезы по немъ. Его малѣйшее ободренье уже бросало въ дрожь и въ радостный трепетъ и толкало честолюбивое желанье всѣхъ превзойти. Малоспособныхъ онъ не держалъ долго: для нихъ у него былъ коротенькій курсъ; но способные должны были у него выдерживать

двойное ученье. И послѣдній классъ, который былъ у него для однихъ избранныхъ, вовсе не походилъ на тѣ, какіе бываютъ въ другихъ заведеніяхъ. Тутъ только онъ требовалъ отъ воспитанника всего того, чего иные неблагоразумно требуютъ отъ дѣтей, — того высшаго ума, который умѣетъ не посмѣяться, но вынести всякую насмѣшку, спустить дураку и не раздражиться и не выйти изъ себя, не мстить ни въ какомъ случаѣ и пребывать въ гордомъ покоѣ невозмущенной души; и все, что способно образовать изъ человѣка твердаго мужа, тутъ было употреблено въ дѣйствіе, и онъ самъ дѣлалъ съ ними безпрерывныя пробы. О, какъ онъ зналъ науку жизни!

Учителей у него не было много. Большую часть наукъ читалъ онъ самъ. Безъ педантскихъ терминовъ, напыщенныхъ воззрѣній и взглядовъ, умѣлъ онъ передать самую думу науки, такъ что и малолѣтнему было видно, на что она ему нужна. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что ожидаетъ юношу впереди, и весь горизонтъ его поприща умѣлъ онъ очертить такъ, что юноша, еще находясь на лавкѣ, мыслями и душой жилъ уже тамъ, на службѣ. Ничего не скрывалъ: всѣ огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенія и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно, какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званіяхъ и должностяхъ. Оттого ли, что сильно уже развилось честолюбіе, оттого ли, что въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ: *впередъ!*—это словцо, знакомое русскому человѣку, производящее такія чудеса надъ его чуткой природой, — но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ больше препятствій, гдѣ нужно было показать большую силу души. Немногіе выходили изъ этого курса, но зато были крѣпыши, были обкуренные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, и умнѣйшіе ихъ, не вытерпѣвъ, изъ-за мелочныхъ непріятностей, бросили все или же, осовѣвъ, облѣнившись, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь и человѣка и умудренные мудростію, возымѣли сильное вліяніе даже на дурныхъ людей.

Пылкое сердце честолюбиваго мальчишки долго билось при одной мысли о томъ, что онъ попадетъ, наконецъ, въ это отдѣленіе. Что, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тѣнтѣтникова! Но нужно же, чтобы въ то самое время, когда онъ переведенъ былъ въ этотъ курсъ избранныхъ,—чего такъ сильно желалъ,—необыкновенный наставникъ скоропостижно умеръ! О, какой былъ для него ударъ! Какая страшная первая потеря! Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой то Ѳедоръ Ивановичъ. Налегъ онъ тотъ же часъ на какіе-то внѣшніе порядки, сталъ требовать отъ дѣтей того, что можно требовать только отъ взрослыхъ. Въ свободной ихъ развязности почудилсь ему что-то необузданное. И точно какъ бы назло своему предшественнику объявилъ съ перваго дня, что для него умъ и успѣхи ничего не значатъ, что онъ будетъ смотрѣть только на хорошее поведеніе. Странно: хорошаго-то поведенія и не добился Ѳедоръ Ивановичъ. Завелись шалости потаенныя. Все было въ струнку днемъ и шло попарно, а по ночамъ развелись кутежи.

Съ науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, съ новыми взглядами и новыми углами и точками воззрѣній. Забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; показали они

въ своемъ изложеніи и логическую связь, и слѣдованіе за новыми открытіями, и горячку собственнаго увлеченія; но—увы!—не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной отозвалась въ устахъ ихъ мертвая наука. Однимъ словомъ, все пошло навыворотъ. Потерялось уваженье къ начальству и власти: стали пасмѣхаться и надъ наставниками и надъ преподавателями; директора стали называть Ѳедькой, булкой и другими разными именами. Развратъ завелся уже вовсе не дѣтскій: завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать. Въ два года узнать нельзя было заведенія.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Его не могли увлечь ни ночныя оргіи товарищей, которые обзавелись какой-то дамой передъ самыми окнами директорской квартиры, ни кощунство ихъ надъ святыней изъ-за того только, что попался не весьма умный попъ. Нѣтъ, душа его сквозь сонъ слышала небесное свое происхожденіе. Его не могли увлечь; но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе уже было возбуждено, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше бъ было и не возбуждать его. Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрахъ профессоровъ, а вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячась, умѣлъ говорить понятно. Какихъ предметовъ и какихъ курсовъ онъ не слушалъ! Медицину, философію и даже право и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ,—и Богъ знаетъ, чего онъ не слушалъ! Но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ слышалъ только, что не такъ должно преподаваться, а какъ—не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и такъ ему бывало грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но молодость счастлива тѣмъ, что у ней есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ: «Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленіе къ жизни; настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги» И, не взглянувши на прекрасный уголокъ, такъ поражавшій всякаго гостя-посѣтителя, не поклонившись праху своихъ родителей, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь—служить, блистать, выслуживаться или же просто схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованія. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры ни въ государственные люди. Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, наконецъ, онъ опредѣлился въ какой-то департаментъ. Когда ввели его въ великолѣпный свѣтлый залъ, съ паркетами и письменными и лакированными столами, походившій на то, какъ бы засѣдали здѣсь первые вельможи государства, трактовавшіе о судьбѣ всего государства, и увидѣлъ онъ легіоны красивыхъ пишущихъ господъ, шумѣвшихъ перьями и склонившихъ голову на бокъ, и посадили его самого за столъ, предложа тутъ же переписать какую-то бумагу, какъ нарочно нѣсколько мелкаго содержанья (переписка шла о трехъ рубляхъ, производившаяся полгода)—необыкновенно странное чувство проникнуло неопытнаго юношу: сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Къ довершенію сходства, иные изъ нихъ читали глупый переводный романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ

появленіи начальника. Такъ это все ему показалось странно, такъ занятія прежнія значительнѣе нынѣшнихъ, пріуготовленіе къ службѣ лучше самой службы! Ему стало жалко по школѣ. И вдругъ, какъ живой, предсталъ предъ нимъ Александръ Петровичъ—и чуть-чуть онъ не заплакалъ. Комната закружилась, перемѣшались чиновники и столы, и чуть удержался онъ отъ мгновеннаго потемнѣнья. «Нѣтъ,—подумалъ онъ въ себѣ, очнувшись:—примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!» Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ; взвизгиваетъ исчадье сѣвера, вѣдьма-вьюга, заметая тротуары, слѣпя глаза, пудря мѣховые воротники, усы людей и морды мохнатыхъ скотовъ, но привѣтливо, и сквозь летающіе перекрестно охлопья, свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь, и въ четвертомъ этажѣ, въ уютной комнаткѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара ведется согрѣвающій и сердце и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго русскаго поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, такъ не водится и подъ полуденнымъ небомъ.

Скоро Тѣнтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила ему распредѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, уже начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Въ числѣ друзей Андрея Ивановича, которыхъ у него было довольно, попалось два человѣка, которые были то, что называется огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу, но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, требуя къ себѣ снисхожденія и въ то же время исполненные нетерпимости къ другимъ, они подѣйствовали на него сильно и пылкой рѣчью и образомъ благороднаго негодованія противъ общества. Они, разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Лѣницынъ, начальникъ одного изъ отдѣленій, помѣщавшихся въ великолѣпныхъ залахъ, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ. Ему показалось, что Лѣницынъ, въ разговорахъ съ высшими, весь превращался въ какой-то приторный сахаръ, и—въ уксусъ, когда обращался къ нему подчиненный, что будто, по примѣру всѣхъ мелкихъ людей, бралъ онъ на замѣчаніе тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленіемъ въ праздники, мстилъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ; и вслѣдствіе этого онъ почувствовалъ къ нему отвращеніе нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ на то наискивался съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до того крупно, что ему объявлено было отъ начальства—либо просить извиненія, либо выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему, перепуганный и умоляющій:

— Ради самого Христа! Помилуй, Андрей Ивановичъ! Что это ты дѣлаешь? Оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался не такой, какъ хочется, начальникъ! Помилуй, что ты? что ты? Вѣдь,

если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбіе, поѣзжай и объяснись съ нимъ!

— Не въ томъ дѣло, дядюшка,—сказалъ племянникъ.— Мнѣ не трудно попросить у него извиненія. Я виноватъ: онъ—начальникъ и такъ не слѣдовало говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. У меня есть другая служба: триста душъ крестьянъ, имѣніе въ разстройствѣ, управляющій—дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я—что вы подумаете?—я помѣщикъ; званіе это также не бездѣльно. Если я позабочусь о сохраненіи, сбереженіи и улучшеніи участи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста исправнѣйшихъ, трезвыхъ, работящихъ подданныхъ—чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына?

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленья. Такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ:

— Но все же... но какъ же таки... какъ же запропастить себя въ деревню? Какое же общество можетъ быть между?.. Здѣсь все-таки на улицѣ попадется навстрѣчу генералъ, князь Пройдешь и самъ мимо какого-нибудь... тамъ... ну, и газовое освѣщеніе, промышленная Европа; а вѣдь тамъ, что ни попадется, все это или мужикъ или баба. За что жъ такъ, за что жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?

Но убѣдительныя представленія дяди на племянника не произвели дѣйствія. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспитательницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Ужъ онъ откопалъ и новѣйшія книги по части сельскаго хозяйства. Словомъ, черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже въ окрестности тѣхъ мѣстъ, гдѣ пронеслось его дѣтство, невдалекѣ отъ того прекраснаго уголка, которымъ не могъ налюбоваться никакой гость и посѣтитель. Новое чувство въ немъ встрепенулось. Въ душѣ стали просыпаться прежнія, давно не выходившія наружу, впечатлѣнія. Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. И вотъ, неизвѣстно отчего, вдругъ забилось у него сердце. Когда же дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, вперемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перераставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: «Чей лѣсъ?» ему сказали: «Тѣнтѣтникова»; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и двумя мостами перелетѣла въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя и, когда на вопросъ: «Чьи луга и поемныя мѣста?» отвѣчали ему: «Тѣнтѣтникова»; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности,—съ одной стороны мимо не снятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ показались въ сокращенномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и пошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся вразсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали рѣзныя избы мужиковъ и красныя крышки каменныхъ господскихъ строеній, и блеснули золотые верхи церкви, когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куды пріѣхало: ощущенья, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись, нако-

нецъ, въ громогласныхъ словахъ: «Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земного рая, а я закабалилъ себя кропателемъ мертвыхъ бумагъ? Воспитавшись, просвѣтясь, сдѣлавъ запасъ свѣдѣній, нужныхъ для распространенія добра между подвластными, для улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, который является въ одно и то же время и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю, а себѣ предпочесть заочное производство дѣлъ между людьми, которыхъ я и въ глаза не видалъ, которыхъ я ни характеровъ ни качествъ не знаю,—предпочесть настоящему управленію это бумажное, фантастическое управленіе провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей!»

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, мужики собрались къ крыльцу. Сороки, кички, повойники, зипуны и картинно-окладистыя бороды красиваго населенія обступили его кругомъ. Когда раздались слова: «Кормилецъ нашъ! вспомнилъ»... и невольно заплакали старики и старухи, помнившіе и его дѣда и прадѣда, не могъ онъ самъ удержаться отъ слезъ. И думалъ онъ про себя: «Столько любви! и за что?—За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими!» И далъ онъ себѣ обѣтъ дѣлить съ ними труды и занятья.

И сталъ онъ хозяйничать, распоряжаться. Уменьшилъ барщину, убавивъ дни работъ на помѣщика и прибавивъ времени мужику. Дурака-управителя выгналъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодонокъ, такъ что лѣнивые стали даже почесываться. Но продолжалось это недолго. Мужикъ смѣтливъ: онъ понялъ скоро, что баринъ, хоть и прытокъ, и есть въ немъ тоже охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ грамотейно и не вдолбежъ. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту.

Тѣнтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей. Сѣялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо. Онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухи водки за усердные труды. У мужиковъ уже давно колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только итти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ просто плутуетъ, несмотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ: «Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то-есть, выгодѣ не радѣли! Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли—по чапорухѣ водки приказали подать». Что было на это возражать?

— Да отчего же теперь вышло скверно?—допрашивалъ баринъ.

— Кто его знаетъ?—Видно, червь подъѣлъ снизу. Да и лѣто, вишь ты, какое: совсѣмъ дождей не было.

Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ.

Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались онѣ отъ работъ, жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! Онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, наполовину сбавилъ

съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: «Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой—житья нѣтъ отъ ней!»

Хотѣлъ онъ было, скрѣпя свое сердце, приняться за строгость; но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой; такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ; ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть. «Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ! Богъ съ тобой!» говорилъ бѣдный Тентетниковъ и вслѣдъ за тѣмъ видѣлъ, какъ больная, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и такъ отламывала ей бока, какъ не сумѣетъ и здоровый мужикъ.

Вздумалъ онъ было попробовать какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ: лучше было и не задумывать! Въ дѣлахъ судейскихъ и разбирательствахъ оказались ровно ни къ чему всѣ эти юридическія тонкости, на которыя навели его профессора-философы. И та сторона вретъ, и другая вретъ, и чортъ ихъ разберетъ! И видѣлъ онъ, что нужнѣй было тонкостей юридическихъ и философскихъ книгъ простое познанье человѣка; и видѣлъ онъ, что въ немъ чего-то недостаетъ, а чего—Богъ вѣсть. И случилось обстоятельство, такъ часто случающееся: ни мужикъ не узналъ барина ни баринъ—мужика; и мужикъ сталъ дурной стороной и баринъ—дурной стороной. Все это значительно охладило и рвеніе помѣщика. При работахъ онъ уже присутствовалъ безъ вниманія. Шумѣли ли тихо косы въ покосахъ, метали ль стога, клались ли клади, вблизи ль ладилось сельское дѣло—его глаза глядѣли подальше; вдали ль производилась работа—его глаза отыскивали предметы поближе или смотрѣли въ сторону на какой-нибудь извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынъ, разумѣется,—птица, а не человѣкъ. Они смотрѣли любопытно, какъ онъ, поймавъ у берега рыбу, держалъ ее поперекъ въ носу, какъ бы раздумывая, глотать или не глотать,—и глядя въ то же время пристально вдоль рѣки, гдѣ въ отдаленіи бѣлѣлся другой мартынъ, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Или же, зажмуривъ вовсе глаза и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью впивать запахъ полей, а слуху поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенія, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ звукосогласный хоръ, не переча другъ другу. Во ржи бьетъ перепелъ, въ травѣ дергаетъ дергунъ, надъ нимъ урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, блеетъ поднявшійся на воздухъ барашекъ, трелитъ жаворонокъ, исчезая въ свѣтѣ, звонами трубъ отдается турлыканье журавлей, строящихъ въ треугольники свои вереницы въ небесахъ высоко. Откликается вся въ звуки превратившаяся окрестность... Творецъ! какъ еще прекрасенъ Твой міръ въ глуши, въ деревушкѣ, вдали отъ подлыхъ большихъ дорогъ и городовъ! Но и это стало ему наскучать. Скоро онъ и вовсе пересталъ ходить въ поля, засѣлъ въ комнаты, отказался принимать даже съ докладами приказчика.

Прежде изъ сосѣдей завернетъ къ нему, бывало, отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же рѣзкаго направленья недоучившійся студентъ, набравшійся мудрости изъ современныхъ брошюръ [1])

[1]) Брошюра—небольшая книжка.

и газетъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными, европейски-открытое обращеніе съ потрепкой по колѣну, также и низкопоклонства и развязности — начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться со всѣми и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда наипріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ представитель уже нынѣ отходящихъ полковниковъ-брандеровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ передовой начинавшагося новаго образа мыслей, Варваръ Николаевичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянія финансовъ въ Англіи,— онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: «Скотина!» другой послалъ ему съ досады тоже что-то въ родѣ свиньи. Тѣмъ и кончились сношенья. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто.

Онъ этому былъ радъ и предался обдумыванью большого сочиненія о Россіи. Какъ обдумывалось его сочиненіе—читатель уже видѣлъ. Установился странный, безпорядочный порядокъ. Нельзя сказать однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя, какъ будто пробуждался онъ отъ сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и дѣлу всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силой воскресало предъ нимъ школьное минувшее время, и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы...

Что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, — что не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, неиспытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянья возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки; что слишкомъ для него рано умеръ необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть шатаемыя вѣчными колебаньями силы и лишенную упругости, немощную волю, кто бы крикнулъ душѣ пробуждающимъ крикомъ это бодрящее слово: *впередъ*, котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій и званій и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово *впередъ?* Кто, зная всѣ силы и свойства и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы устремить насъ на высокую жизнь? Какими слезами, какою любовью заплатилъ бы ему благодарный русскій человѣкъ! Но вѣки проходятъ за вѣками; полмилліона сидней, увальней и байбаковъ дремлетъ непробудно... и не дается Богомъ мужъ, умѣющій произносить его, это всемогущее слово!

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота въ его характерѣ: случилось что-то похожее на любовь. Но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не весьма благосклонно о Тѣнтѣтниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтенье, самъ визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь—существо невиданное, странное. Она была что-то живое, какъ сама жизнь.

Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Какъ въ ребенкѣ, возросшемъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ ея вспыхивалъ только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурномъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. И никогда не споривала она за себя самое и не оправдывала себя. Гнѣвъ этотъ исчезнулъ бы въ минуту, если бы она увидѣла въ несчастіи того самаго, на кого гнѣвалась. При первой просьбѣ о подаяніи кого бы то ни было она готова была бросить ему весь свой кошелекъ, со всѣмъ, что въ немъ ни было, не вдаваясь ни въ какія разсужденья и расчеты. Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью — выраженье лица, выраженье разговора, движеніе рукъ; самыя складки платья какъ бы стремились въ ту же сторону, и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ вслѣдъ за собственными словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни передъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка, была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ; самый развязный и бойкій на слова не находилъ съ нею слова и терялся, а застѣнчивый могъ разговориться съ нею, какъ никогда въ жизни своей ни съ кѣмъ, и съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее и какъ бы эти самыя черты ея ему гдѣ-то уже видѣлись, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселомъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы, и надолго послѣ того становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Точно то же случилось съ нею и съ Тѣнтѣтниковымъ. Неизъяснимое новое чувство вошло къ нему въ душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась.

Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно, но сойтись между собой они не могли. Разговоры ихъ оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ съ обѣихъ сторонъ, потому что гене-

ралъ не любилъ противорѣчья и возраженья; Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Разумѣется, что ради дочери прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался, покуда не пріѣхали гостить къ генералу родственницы: графиня Бордырева и княжна Юзакина, отсталыя фрейлины прежняго двора, но удержавшія и донынѣ кое-какія связи, вслѣдствіе чего генералъ предъ ними немножко подличалъ. Съ самаго ихъ пріѣзда Тѣнтѣтникову показалось, что онъ сталъ къ нему холоднѣе, не замѣчалъ его или обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ; говорилъ ему какъ-то пренебрежительно: *любезнѣйшій*, *послушай*, *братецъ*, и даже *ты*. Это его, наконецъ, взорвало. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ, какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри кипѣло: «Я благодарю васъ, генералъ, за расположеніе. Словомъ *ты* вы меня вызываете на тѣсную дружбу, обязывая и меня говорить вамъ *ты*. Но различіе въ лѣтахъ препятствуетъ такому фамильярному между нами обращенію». Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова).

Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самомъ началѣ. Потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣе. Все поворотило на жизнь, которую читатель видѣлъ въ началѣ главы — на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ. Половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ. Панталоны заходили даже въ гостиную. На щеглеватомъ столѣ передъ диваномъ лежали засаленныя подтяжки, точно какое угощенье гостю, и до того стала чиччожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашнія куры. Взявши перо, безсмысленно чертилъ онъ на бумагѣ по цѣлымъ часамъ рогульки, домики, избы, телѣги, тройки. Но иногда, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку съ тонкими чертами, съ быстрымъ пронзительнымъ взглядомъ и приподнятой прядью волосъ, и въ изумленіи видѣлъ хозяинъ, какъ выходилъ портретъ той, съ которой портрета не написалъ бы никакой живописецъ-художникъ. И еще грустнѣе ему становилось, и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ еще болѣе послѣ того скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таково было состояніе души Андрея Ивановича Тѣнтѣтникова. Въ то время, когда по обыкновенію подсѣлъ онъ къ окну глазѣть обычнымъ порядкомъ, но къ изумленію своему не слыхалъ ни Григорія ни Перфильевны, во дворѣ, напротивъ, было нѣкоторое движенье и нѣкоторая суета. Поварчонокъ и поломойка бѣжали отворять ворота. Въ воротахъ показались кони, точь въ точь, какъ лѣпятъ или рисуютъ ихъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда посерединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ — кучеръ и лакей, въ широкомъ сюртукѣ, опоясавшій себя носовымъ платкомъ. За ними господинъ, въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ, необыкновенно приличной наружности, соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ: онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ

одно неразумное дѣло. Два философа изъ гусаръ, начитавшіеся всякихъ брошюръ, да не докончившій учебнаго курса эстетикъ да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженьемъ стараго плута и масона и тоже карточнаго игрока, но краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ обширною цѣлью — доставить прочное счастіе всему человѣчеству, отъ береговъ Темзы [1]) до Камчатки. Касса денегъ потребовалась огромная; пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло—зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это затянули его два пріятеля, принадлежавшіе къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые, отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенья и будущихъ одолженій человѣчеству, сдѣлались потомъ формальными пьяницами. Тѣнтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что, и вышедши и разорвавши всякія сношенія съ ними, Тѣнтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. Не безъ страха глядѣлъ онъ и теперь на растворявшуюся дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положеніе головы, нѣсколько на бокъ, и въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картиннымъ мѣстоположеньемъ его деревни; что, несмотря, однакоже, на мѣстоположенье, онъ не дерзнулъ бы обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось, по поводу весеннихъ разлитій и дурныхъ дорогъ, внезапной изломки въ экипажѣ его, требующей руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтенье.

Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью, подшаркнулъ ногой, обутой въ щегольской лайковый полусапожекъ, застегнутый на перламутровыя пуговки, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиноваго мячика.

Успокоившійся Андрей Ивановичъ заключилъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздилъ по Россіи, можетъ-быть, затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или, можетъ-быть, предметы ископаемые. Тотъ же часъ изъявилъ онъ ему всякую готовность споспѣшествовать во всемъ; предложилъ своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ; просилъ расположиться, какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ его въ большія вольтеровскія кресла и приготовился слушать его разсказъ по части естественныхъ наукъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣроломными вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, что показывало въ немъ скорѣе практическаго человѣка. Въ заключеніе же рѣчи вы-

---

[1]) Темза—рѣка въ Англіи.

сморкался онъ въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестрѣ такая пройдоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ. Точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вослѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутьемъ носового батистоваго платка.

Читатель, можетъ-быть, уже догадался, что гость былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поизвешалъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы даже не были въ завидномъ состояніи. Но выраженіе лица, приличье, обхожденье остались тѣ же. Даже какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ, еще ловчѣе подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла. Еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженьяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такта во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, несмотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, — хоть приглашай сей же часъ его на именинный обѣдъ. Щеки и подбородокъ выбриты были такъ, что одинъ слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью круглоты ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразованье. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ, и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночного туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ.. но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный — между окнами, передъ зеркаломъ, третій угольный — въ углу между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью, служившій теперь передней, въ который дотолѣ съ годъ не заходилъ никто. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, и именно: панталоны подъ фракъ, панталоны новые, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ и сюртукъ. Все это размѣстилось одно на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: одни не совсѣмъ новые, другіе совсѣмъ новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ, — такъ, какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На письменномъ столѣ тотчасъ же въ большомъ порядкѣ размѣстились: шкатулка, банка съ одеколономъ, календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаніи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля, ѣздившая по дорогамъ для внушенья страха ворамъ, помѣстилась тоже въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Все приняло видъ чистоты и опрятности необыкновенной. Нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ пе-

реднемъ залѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненьями въ образѣ жизни и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный: но опасенья были напрасны. Павелъ Ивановичъ нашъ показалъ необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеніи выразился весьма счастливо, именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой о книгахъ вообще, замѣтилъ, что онѣ спасаютъ отъ праздности человѣка. Выронилъ словъ немного, но съ вѣсомъ. Въ поступкахъ же своихъ показался онъ также еще болѣе кстати. Во-время являлся, во-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда одинъ пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ, однакоже, соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ чернью табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобіе того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же такъ по ней барабанилъ пальцемъ, въ присвистку. Словомъ, не мѣшалъ хозяину. «Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить, — говорилъ про себя Тѣнтѣтниковъ: — вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей, и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постояннаго характера, — людей, съ которыми можно бы прожить вѣкъ и не поссориться, — я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей. Вотъ первый человѣкъ, котораго я вижу». Такъ отзывался Тѣнтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и въ гемороидальномъ отношеніи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна, долго задерживаемая холодами, вдругъ началась во всей красѣ своей, и жизнь заиграла повсюду. Уже голубѣли пролѣски, и по свѣжему изумруду первой зелени желтѣлъ одуванчикъ, лилово-розовый анемонъ наклонялъ нѣжную головку. Рои мошекъ и кучи насѣкомыхъ показались на болотахъ; за ними вдогонъ бѣгалъ ужъ водяной паукъ, а за ними всякая птица въ сухіе тростники собралась отовсюду. И все собиралось поближе смотрѣть другъ друга. Вдругъ населилась земля, проснулись лѣса, луга зазвучали. Въ деревнѣ пошли хороводы. Гулянью былъ просторъ. Что яркости въ зелени! Что свѣжести въ воздухѣ! Что птичьяго крика въ садахъ! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ бы на свадьбѣ.

Чичиковъ ходилъ много. Прогулкамъ и гуляньямъ былъ раздолъ повсюду. То направлялъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній, въ виду разстилавшихся внизу долинъ, по которымъ повсюду оставались еще большія озера отъ водополія, и островами на нихъ темнѣли еще безлистные лѣса; или же вступалъ въ гущи, въ лѣсные овраги, гдѣ едва начинавшія убираться листьями, отягченныя птичьими гнѣздами дерева и узкая просинь чернѣли отъ перекрестнаго летанья густыми стаями воронъ — оглушаемыя карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и граньями грачей. По просохнувшей землѣ можно

было отправляться къ пристани, откуда съ горохомъ, ячменемъ и пшеницей отчаливали первыя суда, между тѣмъ, какъ въ то же время съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходилъ онъ наблюдать первыя весеннія работы, глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосою проходила по зелени, и засѣватель, постукивая рукою о сито, висѣвшее у него на груди, горстью разбрасывалъ сѣмена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону.

Чичиковъ вездѣ побывалъ. Перетолковалъ и переговорилъ и съ приказчикомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ. Узналъ все, обо всемъ, и что, и какъ, и какимъ образомъ хозяйство идетъ, и насколько хлѣба продается, и что выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, — словомъ, все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ; оказалось — немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Андрея Ивановича; повсюду упущенья, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства! И думалъ: «Какая, однакоже, скотина Тѣнтѣтниковъ! Такое имѣніе и этакъ запустить! Можно бы имѣть пятьдесятъ тысячъ годового дохода».

Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т.-е., разумѣется, не теперь, но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ подобнаго помѣстья. Тутъ, разумѣется, сейчасъ представлялась ему даже и молодая, свѣжая, бѣлолицая бабенка, изъ купеческаго или другого богатаго сословія, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвчонки, чтобы было всѣмъ извѣстно, что онъ, дѣйствительно, жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ какой-нибудь тѣнью или призракомъ по землѣ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Тогда ему начинало представляться даже и то, что недурно бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный... Мало ли чего не приходитъ въ умъ, во время прогулокъ, человѣку, что человѣка такъ часто уноситъ отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ воображеніе и бываетъ ему любо даже тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется!

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза своею бывалостью въ разныхъ мѣстахъ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстоянія тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ, но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что служитель Павла Ивановича совсѣмъ осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ насмѣхъ тутъ же всею дворней. Дѣло, однакожъ, кончилось между ними самой тѣсной дружбой. Въ концѣ деревни Лысый Пименъ, дядя всѣхъ крестьянъ, держалъ кабакъ, которому имя было Акулька: въ этомъ заведеніи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, то, что называютъ въ народѣ — кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревнѣ, что ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались весенніе хороводы. Породистыя стройныя дѣвки, какихъ уже трудно теперь найти въ большихъ деревняхъ, засте-

вляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя, у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволкой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и, выходя также стѣной навстрѣчу имъ, громко выпѣвали, усмѣхаясь, горластыя дѣвки: «Бояре, покажите жениха!» и тихо померкала вокругъ окольность, и раздававшійся далеко за рѣкой возвращался грустнымъ назадъ отголоскомъ напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, что съ нимъ дѣлалось. Во снѣ и наяву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему потомъ, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки, и движется онъ въ хороводѣ.

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и Засѣдатель, и самый чубарый нашли пребыванье у Тѣнтѣтникова совсѣмъ не скучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположенье конюшенъ необыкновенно удобнымъ; у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, блажь вдругъ заржать, можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Что же касается до той надобности, ради которой Павелъ Ивановичъ объѣзжалъ пространную Россію, то-есть до мертвыхъ душъ, то насчетъ этого предмета онъ сдѣлался очень остороженъ и деликатенъ, если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми. Но Тѣнтѣтниковъ, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего — зачѣмъ и почему? «Нѣтъ, лучше поискать, нельзя ли съ другого конца», такъ думалъ онъ. Раздобаривая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду-генералу, что у генерала — барышня, что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, оборачивая по обыкновенію пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ.

— У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только недостаетъ.

— Чего? — спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ.

— Подруги жизни, — сказалъ Чичиковъ.

Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ. Тѣмъ разговоръ и кончился.

Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ:

— А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться.

Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна.

Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время уже послѣ ужина и сказалъ такъ:

— А все-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію.

Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположенье духа въ этотъ день у него было особенно настроено къ откровенности — онъ вздохнулъ, сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ:

— На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ, — и разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло, и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Съ минуту смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникову, не зная, какъ рѣшить объ немъ: дуракъ ли онъ круглый или только придурковатъ, и, наконецъ:

— Андрей Ивановичъ! Помилуйте!—сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки.— Какое жъ оскорбленіе? Что жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты?*

— Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ: — но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленіе! *Ты!* — Это значитъ: «Помни, что ты — дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше; а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина — ты знай свое мѣсто, стой у порога». Вотъ что это значитъ!

Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженіе оскорбленнаго чувства.

Одинъ разъ, послѣ обѣда, оборачивая по обыкновенію пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ: „У васъ все есть, Андрей Ивановичъ, одного только недостаетъ“.—„Чего?“ спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ. „Подруги жизни“, сказалъ Чичиковъ.

— Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, что жъ тутъ такого? — сказалъ Чичиковъ.

— Какъ! Вы хотите, чтобы я продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?

— Да какой же это поступокъ? Это даже не поступокъ, — сказалъ хладнокровно Чичиковъ.

— Какъ не поступокъ? — спросилъ въ изумленіи Тѣнтѣтниковъ.

— Это генеральская привычка, а не поступокъ: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да, впрочемъ, почему жъ этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?..

— Это другое дѣло, — сказалъ Тѣнтѣтниковъ — Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно.

«Онъ совсѣмъ дуракъ, — подумалъ про себя Чичиковъ: — оборвышу позволить, а генералу не позволить!..»

— Хорошо! — сказалъ онъ вслухъ. — Положимъ, онъ васъ оскорбилъ, зато вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Ссориться, оставляя личное, собственное дѣло, — это, извините... Если уже избрана цѣль, ужъ нужно итти напроломъ. Что глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется: онъ такъ ужъ созданъ. Да вы не отыщете теперь во всемъ свѣтѣ такого, который бы не плевался.

«Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» думалъ про себя въ недоумѣніи Тѣнтѣтниковъ, совершенно озадаченный такими словами.

«Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» думалъ между тѣмъ Чичиковъ.

— Андрей Ивановичъ, я буду съ вами говорить какъ братъ съ братомъ. Вы — человѣкъ неопытный — позвольте мнѣ обдѣлать это дѣло. Я съѣзжу къ его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанію людей и свѣта.

— Подличать передъ нимъ я не намѣренъ, — сказалъ, оскорбившись, Тѣнтѣтниковъ, — да и васъ не могу на это уполномочить.

— Подличать я не способенъ, — сказалъ, оскорбившись, Чичиковъ. — Провиниться въ другомъ поступкѣ, по человѣчеству, могу, но въ подлости — никогда... Извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желаніе; я не ожидалъ, чтобы слова мои принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ.

Все это было сказано съ чувствомъ достоинства.

— Я виноватъ, простите! — сказалъ торопливо тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативъ его за обѣ руки. — Я не думалъ васъ оскорбить. Клянусь, ваше доброе участіе мнѣ дорого! Но оставимъ этотъ разговоръ. Не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!

— Въ такомъ случаѣ, я такъ поѣду къ генералу.

— Зачѣмъ? — спросилъ Тѣнтѣтниковъ, смотря въ недоумѣніи ему въ глаза.

— Засвидѣтельствовать почтенье.

«Странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!» подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

«Странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!» подумалъ Чичиковъ.

— Я завтра же, Андрей Ивановичъ, около десяти часовъ утра къ нему и поѣду. По-моему, чѣмъ скорѣе засвидѣтельствовать почтенье человѣку, тѣмъ лучше. Такъ какъ бричка моя еще не пришла въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, этакъ около десяти часовъ утра, къ нему бы и съѣздилъ.

— Помилуйте, что за просьба? Вы — полный господинъ: и экипажъ и все въ вашемъ распоряженіи.

Послѣ такого разговора они простились и разошлись спать, не безъ разсужденія о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску съ легкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтеніе генералу, Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненіе духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился

онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить — безуспѣшное хотѣнье! Мысль на лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить — безуспѣшное старанье! Отрывки чего-то похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. «Странное состоянье», сказалъ онъ и придвинулся къ окну — глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась не успѣвшая улечься пыль. Но, оставивъ Тѣнтѣтникова, послѣдуемъ за Чичиковымъ.

ГЛАВА II.

Добрые кони въ полчаса съ небольшимъ пронесли Чичикова чрезъ десятиверстное пространство: сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которыми поминутно открывались виды на отдаленья; потомъ широкою аллеей липъ, едва начинавшихъ развиваться, внесли его въ самую середину деревни. Тутъ аллея липъ своротила направо и, превратясь въ улицу тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво богатый рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь коринѳскихъ колоннъ. Повсюду несло масляной краской, все обновлявшей и ничему не дававшей состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Съ почтеньемъ соскочилъ Чичиковъ, приказалъ о себѣ доложить генералу и былъ введенъ къ нему прямо въ кабинетъ. Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ въ атласномъ стеганомъ халатѣ великолѣпнаго пурпура. Открытый взглядъ, лицо мужественное, усы и большія бакенбарды съ просѣдью, стрижка на затылкѣ низкая, подъ гребенку, шея сзади толстая, называемая въ три этажа, или въ три складки, съ трещиной поперекъ,—словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ картинныхъ генераловъ, которыми такъ богатъ былъ знаменитый 12 годъ. Генералъ Бетрищевъ, какъ и многіе изъ насъ, заключалъ въ себѣ при кучѣ достоинствъ и кучу недостатковъ. То и другое, какъ водится въ русскомъ человѣкѣ, было набросано у него въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ. Въ рѣшительныя минуты — великодушіе, храбрость, безграничная щедрость, умъ во всемъ и, въ примѣсь къ этому, капризы, честолюбіе, самолюбіе и тѣ мелкія личности, безъ которыхъ не обходится ни одинъ русскій, когда онъ сидитъ безъ дѣла. Онъ не любилъ всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, и выражался о нихъ ѣдко, въ колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ и способностями и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, и, какъ нарочно, тѣхъ, въ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, порочилъ всякое распоряженье и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Въ немъ было все какъ-то странно, начиная съ просвѣщенія, котораго онъ былъ поборникъ и ревнитель: любилъ также знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Словомъ, онъ любилъ похвастать умомъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаньемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль русскаго барина. И не мудрено, что съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить множество непріятностей по службѣ, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обви-

нить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженья, въ немъ все было властительное, повелѣвающее, впушавшее въ низшихъ чинахъ, если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженье и робость. Наклоня почтительно голову на бокъ и разставивъ руки наотлетъ, какъ бы готовился приподнять ими поднось съ чашками, онъ изумительно ловко пагнулся всѣмъ корпусомъ и сказалъ:

— Счелъ долгомъ представиться вашему превосходительству. Питая уваженье къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бранномъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству.

Генералу, какъ видно, не понравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма благосклонное движенье головою, онъ сказалъ:

— Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?

— Поприще службы моей, — сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не посрединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ: — началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство. Дальнѣйшее же теченье оной совершалъ по разнымъ мѣстамъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ комиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить какъ бы судну среди волнъ, ваше превосходительство. Терпѣньемъ, можно сказать, повитъ, спеленатъ, и, будучи, такъ сказать, самъ одно олицетворенное терпѣнье... А что было отъ враговъ, покушавшихся на самую жизнь, такъ это ни слова, ни краски, ни самая, такъ сказать, кисть не сумѣетъ передать, такъ что на склонѣ жизни своей ищу только уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же покуда у близкаго сосѣда вашего превосходительства.

— У кого это?

— У Тѣнтѣтникова, ваше превосходительство.

Генералъ поморщился.

— Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженія...

— Къ чему?

— Къ заслугамъ вашего превосходительства. Не находитъ словъ... Говоритъ: «Если бы я только могъ чѣмъ-нибудь... потому что, точно, говоритъ, умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество», говоритъ.

— Помилуйте, что жъ онъ? Да вѣдь я не сержусь, — сказалъ смягчившійся генералъ. — Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ.

— Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство; истинно преполезный человѣкъ; можетъ побѣждать и даромъ слова и владѣетъ перомъ.

— Но пишетъ, я чай, пустяки — какіе-нибудь стишки?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки... Онъ что-то дѣльное... Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство.

— Исторію? О чемъ исторію?

— Исторію...—тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ спдѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ:—исторію о генералахъ, ваше превосходительство.

— Какъ о генералахъ? О какихъ генералахъ?

— Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности. То-есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ.

„Рекомендую вамъ мою головницу! — сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. — Однакожъ фамиліи вашей, имени и отчества до сихъ поръ не знаю“.—„Должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя добродѣтями?“ сказалъ скромно Чичиковъ, наклонивши голову на бокъ.

Чичиковъ совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнулъ самъ и мысленно сказалъ въ себѣ: «Господи, что за вздоръ такой несу!»

— Извините, я не очень понимаю... Что жъ это выходитъ исторію какого-будь времени или отдѣльныя біографіи [1])? и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ двѣнадцатомъ году?

— Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ двѣнадцатомъ году!

Проговоривши это, онъ подумалъ въ себѣ: «Хоть убей, не понимаю!»

— Такъ что жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ.

— Робѣетъ, ваше превосходительство!

— Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустого слова, что между нами произнесъ... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать.

— Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ, — сказалъ Чичиковъ, оправился и совершенно ободрился, и подумалъ: «Экая оказія! Какъ генералы пришлись кстати, а вѣдь языкъ сболтнулъ сдуру!»

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзного шкапа отворилась сама собою, и на отворившейся обратной половинѣ ея, ухватившись рукой за мѣдную ручку замка, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сильно сзади лампами, — одна она бы такъ не поразила внезапностію своего явленія, какъ фигурка эта. Видно было, что взошла съ тѣмъ, чтобы что-то сказать, но, увидя незнакомаго человѣка... Съ нею вмѣстѣ, казалось, влетѣлъ солнечный лучъ, какъ будто разсмѣялся нахмурившійся кабинетъ генерала. Чичиковъ въ первую минуту не могъ дать себѣ отчета, что такое именно предъ нимъ стояло. Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистаго, благороднаго очертанія лица нельзя было отыскать нигдѣ, кромѣ развѣ только на однѣхъ древнихъ камейкахъ [1]). Прямая и легкая, какъ стрѣлка, она какъ бы возвышалась надъ всѣми своимъ ростомъ. Но это было обольщеніе. Она была вовсе не высокаго роста. Происходило это отъ необыкновенно согласнаго соотношенія между собою всѣхъ частей тѣла. Платье сидѣло на ней такъ, что, казалось, лучшія швеи совѣщались между собой, какъ бы получше убрать ее. Но это было также обольщенье. Одѣлась она какъ будто сама собой; въ двухъ-трехъ мѣстахъ схватила игла кое-какъ неизрѣзанный кусокъ одноцвѣтной ткани, и онъ уже собрался и расположился вокругъ нея въ такихъ сборахъ и складкахъ, что, если бы перенести ихъ вмѣстѣ съ нею на картину, всѣ барышни, одѣтыя по модѣ, казались бы передъ ней какими-то пеструшками, издѣліемъ лоскутнаго ряда. Если бы перенесть ее со всѣми этими складками ее обольнувшаго платья на мраморъ, назвали бы ее копіею геніальныхъ. Одно было нехорошо: она была черезчуръ уже тонка и худа.

— Рекомендую вамъ мою баловницу! — сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. — Однакожъ фамиліи вашей, имени и отчества до сихъ поръ не знаю.

— Должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями? — сказалъ скромно Чичиковъ, наклонивши голову на бокъ.

— Все же, однакожъ, нужно знать...

---

1) Біографія — жизнеописаніе. 2) Камея — плоскій камень съ выпуклымъ рѣзнымъ изображеніемъ.

— Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство, — сказалъ Чичиковъ, поклонившись съ ловкостью почти военнаго человѣка и отпрыгнувши назадъ съ легкостью резиноваго мячика.

— Улинька! — сказалъ генералъ, обратясь къ дочери. — Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣнтѣтниковъ — совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ — исторіей генераловъ двѣнадцатаго года.

— Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ? — проговорила она быстро. — Развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, который и пустой и низкій человѣкъ!

— Зачѣмъ же низкій? Онъ пустоватъ, это правда, — сказалъ генералъ.

— Онъ подловатъ и гадковатъ, не только что пустоватъ. Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ.

— Да вѣдь это разсказываютъ только.

— Такихъ вещей разсказывать не будутъ напрасно. Я не понимаю, отецъ, какъ съ добрѣйшей душой, какая у тебя, и такимъ рѣдкимъ сердцемъ, ты будешь принимать человѣка, который, какъ небо отъ земли, отъ тебя, о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ.

— Вотъ этакъ, вы видите, — сказалъ генералъ, усмѣхаясь, Чичикову, — вотъ этакъ мы всегда съ нею споримъ. — И, оборотясь къ спорящей, продолжалъ:

— Душа моя! Вѣдь мнѣ жъ не прогнать его?

— Зачѣмъ прогонять? Но зачѣмъ и показывать ему такое вниманіе? Зачѣмъ и любить?

Здѣсь Чичиковъ почелъ долгомъ ввернуть и отъ себя слово.

— Всѣ требуютъ къ себѣ любви, сударыня, — сказалъ Чичиковъ. — Что жъ дѣлать? И скотинка любитъ, чтобы ее погладили: сквозь хлѣвъ просунетъ для этого морду: на, погладь!

Генералъ разсмѣялся.

— Именно просунетъ морду: погладь его... Ха-ха-ха! У него не только что рыло, все, весь, весь зажилъ въ сажѣ, а вѣдь тоже требуетъ, какъ говорится, поощренья... Ха-ха-ха-ха! — И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густыя эполеты, тряслись, точно какъ бы носили и понынѣ густыя эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междометіемъ смѣха, но, изъ уваженья къ генералу, пустилъ его на букву э: хе-хе-хе-хе-хе. И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густыхъ эполетъ.

— Обокрадетъ, обворуетъ казну, да еще и, каналья, наградъ проситъ! Нельзя, говоритъ, безъ поощренья, трудился... Ха-ха-ха-ха!

Болѣзненное чувство выразилось на благородномъ, миломъ лицѣ дѣвушки.

— Ахъ, папа! Я не понимаю, какъ ты можешь смѣяться! На меня эти безчестные поступки наводятъ унынье и ничего болѣе. Когда я вижу, что въ глазахъ совершается обманъ въ виду всѣхъ и не наказываются эти люди всеобщимъ презрѣньемъ, я не знаю, что со мной дѣлается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю... — И чуть сама не заплакала.

— Только, пожалуйста, не гнѣвайся на насъ, — сказалъ генералъ. — Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Неправда ли? — сказалъ онъ, оборотясь къ Чичикову. — Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ. Я сейчасъ стану одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты, — сказалъ онъ, посмотрѣвъ Чичикову въ глаза, — надѣюсь, обѣдаешь у меня?

— Если только, ваше превосходительство...

— Безъ чиновъ, что тутъ? Я вѣдь еще, слава Богу, могу накормить. Щи есть.

Бросивъ ловко обѣ руки наотлетъ, Чичиковъ признательно и почтительно наклонилъ голову книзу, такъ что на время скрылись изъ его взоровъ всѣ предметы въ компатѣ и остались видны ему только одни носки своихъ собственныхъ полусапожекъ. Когда же, пробывъ нѣсколько времени въ такомъ почтительномъ расположеніи, приподнялъ онъ голову снова кверху, онъ уже не увидалъ Улиньки. Она исчезнула. На мѣсто ея представалъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лаханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

— Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?

— Не только одѣваться, но можете совершить при мнѣ все, что угодно вашему превосходительству.

Опустя съ одной руки халатъ и засуча рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ, генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

— Любятъ, любятъ, точно любятъ поощренье, — сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою шею... — Погладь, погладь его! А вѣдь безъ поощренія такъ и красть не станетъ! Ха-ха-ха!

Чичиковъ былъ въ духѣ неописанномъ. Вдругъ налетѣло на него вдохновеніе.

«Генералъ весельчакъ и добрякъ — попробовать?» подумалъ онъ и, увидя, что камердинеръ съ лаханью вышелъ, вскрикнулъ:

— Ваше превосходительство! Такъ какъ вы уже такъ добры ко всѣмъ и внимательны, имѣю къ вамъ крайнюю просьбу.

— Какую?

Чичиковъ осмотрѣлся вокругъ.

— Есть, ваше превосходительство, дряхлый старичишка-дядя, у него триста душъ, — и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣніемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ! «Я, говоритъ, племянника не знаю; можетъ-быть, онъ — мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ — надежный человѣкъ: пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ; тогда я ему отдамъ и свои триста душъ».

— Да что жъ онъ, выходитъ, совсѣмъ дуракъ? — спросилъ генералъ.

— Дуракъ бы еще пусть, это при немъ бы и оставалось. Но положеніе-то мое, ваше превосходительство! У старикашки завелась какая-то ключница, а у ключницы — дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ.

— Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего, — сказалъ генералъ. — Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить? — говорилъ онъ, смотря съ изумленіемъ на Чичикова.

— Я придумалъ вотъ что. Если вы всѣхъ мертвыхъ душъ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мнѣ въ такомъ видѣ, какъ бы онѣ были живыя, съ совершеніемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику, и онъ наслѣдство бы мнѣ отдалъ.

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ. Какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла. Голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Представалъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

— Отецъ, что съ тобой случилось? — говорила она въ страхѣ, съ недоумѣніемъ смотря ему въ глаза.

Но генералъ долго не могъ издать никакого звука.

— Ничего, другъ мой; не заботься. Ступай къ себѣ; мы сейчасъ явимся обѣдать. Будь спокойна. Ха-ха-ха!

И, нѣсколько разъ задохнувшись, вырвался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь отъ передней до послѣдней комнаты.

Чичиковъ былъ въ безпокойствѣ.

— Дядя-то, дядя! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха-ха-ха! Мертвецовъ вмѣсто живыхъ получитъ! Ха-ха!

«Опять пошелъ! — думалъ про себя Чичиковъ. — Экъ его, щекотливый какой! Какъ не разорвется!»

— Ха-ха-ха! — продолжалъ генералъ. — Экой оселъ! Вѣдь придетъ же въ умъ этакое требованіе: пусть прежде самъ собой изъ ничего достанетъ триста душъ, такъ тогда дамъ ему триста душъ! — Вѣдь онъ — оселъ!

— Оселъ, ваше превосходительство.

— Ну, да и твоя-то штука попотчевать старика мертвыми! Ха-ха-ха! Я бы Богъ знаетъ что далъ, чтобы посмотрѣть, какъ ты ему поднесешь на нихъ купчую крѣпость. Ну, что онъ? Каковъ онъ изъ себя? Очень старъ?

— Лѣтъ восемьдесятъ.

— Однакожъ и движется, бодръ? Вѣдь онъ долженъ же быть и крѣпокъ, потому что при немъ вѣдь живетъ и ключница?..

— Какая крѣпость! Песокъ сыплется, ваше превосходительство!

— Экой дуракъ! Вѣдь онъ дуракъ!

— Дуракъ, ваше превосходительство.

— Однакожъ выѣзжаетъ? Бываетъ въ обществахъ? Держится еще на ногахъ

— Держится, но съ трудомъ

— Экой дуракъ! Но крѣпокъ, однакожъ? Есть еще зубы?

— Два зуба всего, ваше превосходительство.

— Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... Хоть онъ тебѣ и дядя, а вѣдь онъ оселъ.

— Оселъ, ваше превосходительство. Хоть и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но что жъ дѣлать?

Вралъ Чичиковъ: ему вовсе не тяжело было сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя.

— Такъ, ваше превосходительство, отпустите мнѣ...

— Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха-ха-ха-ха! Старикъ-то старикъ! Ха-ха-ха-ха! Въ какихъ дуракахъ будетъ дядя! Ха-ха-ха-ха!..

И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ [1]).

---

[1]) Послѣ событій, описанныхъ въ этой главѣ, въ рукописи слѣдовалъ разсказъ о примиреніи Бетрищева съ Тентетниковымъ, о помолвкѣ Тентетникова съ Улинькой и о предложеніи Чичикова объѣхать знатныхъ родственниковъ генерала и оповѣстить ихъ о предстоящей свадьбѣ. Прежде всего Чичиковъ направляется къ Кошкареву.

ГЛАВА III.

— Если полковникъ Кошкаревъ, точно, сумасшедшій, то это недурно, — говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ, когда все исчезло и только остался одинъ небесный сводъ да два облака въ сторонѣ. — Ты, Селифанъ, разспросилъ ли хорошенько, какъ дорога къ полковнику Кошкареву?

— Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ мнѣ некогда было; а Петрушка разспрашивалъ у кучера.

— Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно; Петрушка глупъ; Петрушка, чай, и теперь пьянъ.

— Вѣдь тутъ не мудрость какая! — сказалъ Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса. — Окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять лугомъ, ничего больше и нѣтъ.

— А ты, окромѣ сивухи, ничего и въ ротъ не бралъ? Хорошъ, очень хорошъ! Ужъ вотъ можно сказать: удивилъ красотой Европу!

Сказавъ это, Чичиковъ погладилъ свой подбородокъ и подумалъ:

«Какая, однакожъ, разница между просвѣщеннымъ гражданиномъ и грубой лакейской физіогноміей!»

Коляска стала между тѣмъ спускаться. Открылись опять луга и пространства, усѣянныя осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругихъ пружинахъ, продолжалъ бережно спускаться незамѣтнымъ косогоромъ покойный экипажъ и, наконецъ, понесся лугами, мимо мельницъ, съ легкимъ громомъ по мостамъ, съ небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы одинъ бугорокъ или кочка дали себя почувствовать бокамъ! Утѣшенье, а не коляска.

Быстро пролетали мимо нихъ кусты лозъ, тонкія ольхи и серебристые тополи, ударяя вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою все не хотѣлъ, надѣясь, что въ послѣдній разъ, и дальше не случится. Къ деревьямъ же скоро присоединилась береза, тамъ — ель. У корней гущина; трава — синяя ирь и желтый лѣсной тюльпанъ. Лѣсъ затемнѣлъ и готовился превратиться въ почь. Но вдругъ отовсюду, промежъ вѣтвей и пней, сверкнули проблески свѣта, какъ бы сіяющія зеркала. Деревья зарѣдѣли, блески становились больше... и вотъ передъ ними озеро, — водная равнина версты четыре въ поперечникѣ. На супротивномъ берегу, надъ озеромъ, высыпалась сѣрыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавались въ водѣ. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Случилась оказія. Вмѣстѣ съ рыбою запутался какъ-то круглый человѣкъ, такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, точный арбузъ или боченокъ. Онъ былъ въ отчаянномъ положеніи и кричалъ во всю глотку: «Телепень Денисъ, передавай Козьмѣ! Козьма, бери конецъ у Дениса! Не напирай такъ, Ѳома Большой! Ступай туды, гдѣ Ѳома Меньшой. Черти! Говорю вамъ, оборвете сѣти!» Арбузъ, какъ видно, боялся не за себя: потонуть, по причинѣ толщины, онъ не могъ, и, какъ бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ волдыри. Но онъ боялся крѣпко, чтобы не оборвался неводъ и не ушла

рыба, и потому, сверхъ прочаго, тащили его еще накинутыми веревками нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на берегу.

— Долженъ быть баринъ полковникъ Кошкаревъ, — сказалъ Селифанъ.

— Почему?

— Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина.

Барина, запутаннаго въ сѣти, притянули между тѣмъ уже значительно къ берегу. Почувствовавъ, что можетъ достать ногами, онъ сталъ на ноги, и въ это время увидѣлъ спускавшуюся съ плотины коляску и въ ней сидящаго Чичикова.

— Обѣдали? — закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь опутанный въ сѣть, какъ въ лѣтнее время дамская ручка въ сквозную перчатку, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже — на манеръ Венеры Медицейской [1]), выходящей изъ бани.

— Нѣтъ, — сказалъ Чичиковъ, приподымая картузъ и продолжая расклапиваться изъ коляски.

— Ну, такъ благодарите же Бога!

— А что? — спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

— А вотъ что! Брось, Ѳома Меньшой, сѣть да приподыми осетра изъ лаханки! Телепень Кузьма, ступай, помоги!

Двое рыбаковъ приподняли изъ лоханки голову какого-то чудовища.

— Вона какой князь! Изъ рѣки зашелъ! — кричалъ круглый баринъ. — Поѣзжайте во дворъ! Кучеръ, возьми дорогу пониже черезъ огородъ! Побѣги, Телепень, Ѳома Большой, снять перегородку! Онъ васъ проводитъ, а я сейчасъ...

Длинноногій, босой Ѳома Большой, какъ былъ, въ одной рубашкѣ, побѣжалъ впереди коляски черезъ всю деревню, гдѣ у всякой избы развѣшаны были бредни, сѣти и морды: всѣ мужики были рыбаки; потомъ вынулъ изъ какого-то огорода перегородку, и огородами выѣхала коляска на площадь, близъ деревянной церкви. За церковью подальше, видны были крыши городскихъ строеній.

«Чудаковатъ этотъ Кошкаревъ», думалъ онъ про себя.

— А вотъ я и здѣсь!—раздался голосъ съ боку.

Чичиковъ оглянулся. Баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый: травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны, и шея безъ галстука, на манеръ купидона [2])! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Онъ хотѣлъ было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались снова на томъ мѣстѣ, гдѣ вытаскивали рыбу, раздались снова голоса: «Ѳома Большой да Ѳома Меньшой! Козьма да Денисъ!» Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленію его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятія. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать — было непостижимо. Они поцѣловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрестъ: баринъ былъ стараго покроя.

— Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства, — сказалъ Чичиковъ.

— Отъ какого превосходительства?

---

[1]) Венера Медицейская — мраморная статуя Венеры, богини любви у древнихъ римлянъ. [2]) Купидонъ—у древнихъ римлянъ богъ любви.

— Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича.

— Кто это Александръ Дмитріевичъ?

— Генералъ Бетрищевъ, — отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленьемъ.

— Незнакомъ,—сказалъ онъ съ изумленьемъ.

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

— Какъ же это?.. Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?

— Нѣтъ, не надѣйтесь. Вы пріѣхали не къ нему, а ко мнѣ. Петръ Петровичъ Пѣтухъ! Пѣтухъ, Петръ Петровичъ!—подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ.

— Какъ же? — оборотился онъ къ Селифану и Петрушкѣ, которые тоже оба разинули ротъ и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски. — Какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано: къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...

— Ребята сдѣлали отлично! Ступай на кухню: тамъ вамъ дадутъ по чапорухѣ водки,—сказалъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.—Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую.

— Я совѣщусь: такая нежданная ошибка... — говорилъ Чичиковъ.

— Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажите: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу, — сказалъ Пѣтухъ, взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои.

Изъ покоевъ вышли имъ навстрѣчу двое юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ,—тонкіе, точно ивовые хлысты; цѣлымъ аршиномъ выгнало ихъ вверхъ выше отцовскаго роста.

— Сыны мои, гимназисты, пріѣхали на праздники... Николаша, ты побудь съ гостемъ; а ты, Алексаша, ступай за мною.

Сказавъ это, хозяинъ исчезнулъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ-дрянцо. Онъ разсказалъ съ первыхъ же разовъ Чичикову, что въ губернской гимназіи нѣтъ никакой выгоды учиться, что они съ братомъ хотятъ ѣхать въ Петербургъ, потому что провинція не стоитъ того, чтобы въ ней жить...

«Понимаю,—подумалъ Чичиковъ,—кончится дѣло кондитерскими да булеварами»...

— А что?—спросилъ онъ вслухъ. — Въ какомъ состояніи имѣнье вашего батюшки?

— Заложено, — сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной, — заложено.

«Плохо,—подумалъ Чичиковъ.—Этакъ скоро не останется ни одного имѣнія. Нужно торопиться».

— Напрасно, однакоже,—сказалъ онъ съ видомъ соболѣзнованья,—поспѣшили заложить.

— Нѣтъ, ничего, — сказалъ Пѣтухъ. — Говорятъ, выгодно. Всѣ закладываютъ; какъ же отставать отъ другихъ? Притомъ же все жилъ здѣсь: дай-ка, еще попробую прожить въ Москвѣ. Вотъ сыновья тоже уговариваютъ, хотятъ просвѣщенья столичнаго.

«Дуракъ, дуракъ,—думалъ Чичиковъ:—промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотишками. Имѣньице порядочное. Поглядишь — и мужикамъ хорошо и имъ недурно. А какъ просвѣтятся тамъ у ресторановъ да по театрамъ, — все пойдетъ къ чорту. Жилъ бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ».

„Обѣдали?“ закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, весь опутанный въ сѣть какъ въ лѣтнее время дамская ручка въ сквозную перчатку, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же пониже—на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани. „Нѣтъ“, сказалъ Чичиковъ, приподымая картузъ и продолжая раскланиваться изъ каляски.

— А вѣдь я знаю, что вы думаете?— сказалъ Пѣтухъ.

— Что?—спросилъ Чичиковъ, смутившись.

— Вы думаете: «Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ: зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ». Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженая дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ.

— Батюшка! Платонъ Михалычъ ѣдетъ! — сказалъ Алексаша, глядя на окно.

— Верхомъ на гнѣдой лошади! — подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну.

— Гдѣ? гдѣ?—закричалъ Пѣтухъ, подступивши къ окну.

— Кто это Платонъ Михайловичъ?—спросилъ Чичиковъ у Алексаши.

— Сосѣдъ нашъ, Платонъ Михайловичъ Платоновъ, прекрасный человѣкъ, отличный человѣкъ,—сказалъ самъ Пѣтухъ.

Между тѣмъ вошелъ въ комнату самъ Платоновъ, красавецъ, стройнаго роста, съ свѣтлорусыми блестящими волосами, завивавшимися въ кудри. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, именемъ «Ярбъ», вошелъ вослѣдъ за нимъ.

— Обѣдали?—спросилъ хозяинъ.

— Обѣдалъ.

— Что жъ вы, смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали? Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?

Гость, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Утѣшу васъ тѣмъ, что ничего не ѣлъ: вовсе нѣтъ аппетита.

— А каковъ былъ уловъ, если бы вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Какіе карасищи, карпищи какіе!

— Даже досадно васъ слушать. Отчего вы всегда такъ веселы?

— Да отчего же скучать? Помилуйте! — сказалъ хозяинъ.

— Какъ отчего скучать? Оттого, что скучно.

— Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку; прежде никто не скучалъ.

— Да полно хвастать! будто ужъ вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скучанья. Поутру проснешься — вѣдь тутъ сейчасъ поваръ, нужно заказывать обѣдъ, тутъ чай, тутъ приказчикъ, тамъ на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть—опять поваръ, нужно заказывать ужинъ; тутъ пришелъ поваръ—заказывать нужно назавтра обѣдъ... Когда же скучать?

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя, который его изумлялъ необыкновенной красотой своей, стройнымъ, картиннымъ ростомъ, свѣжестью неистраченной юности, дѣвственной чистотой ни однимъ прыщикомъ не опозореннаго лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волненье и безпокойство не дерзнули коснуться его дѣвственнаго лица и положить на немъ морщину, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его. Оно оставалось какъ-то сонно, несмотря на ироническую усмѣшку, временами его оживлявшую.

— Я также, если позволите замѣтить, — сказалъ онъ, — не могу понять, какъ при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денегъ или враги, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь...

— Повѣрьте,—прервалъ красавецъ-гость,—что для разнообразія я бы желалъ иногда имѣть какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто разсердилъ меня,— и того нѣтъ. Скучно, да и только.

— Стало-быть, недостаточность земли по имѣнію, малое количество душъ?

— Ничуть. У насъ съ братомъ земли на десять тысячъ десятинъ и при нихъ больше тысячи человѣкъ крестьянъ.

— Странно, не понимаю. Но, можетъ-быть, неурожаи, болѣзни? Много вымерло мужеска пола людей?

— Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ.

— И при этомъ скучать! Не понимаю, — сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

— А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ, — сказалъ хозяинъ. — Бѣжи, Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ разстегайчиковъ. Да гдѣ жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ со всякой подстрекающей снѣдью. Слуги поворачивались расторопно, безпрестанно принося что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка расправлялись отлично. Названія эти были имъ даны такъ только—для поощренія. Баринъ былъ вовсе не охотникъ браниться, онъ былъ добрякъ; но ужъ русскій человѣкъ какъ-то безъ прянаго слова не обойдется. Оно ему нужно, какъ рюмка водки для сваренья въ желудкѣ. Что жъ дѣлать? Такая натура: ничего прѣснаго не любитъ.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ—подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: «Безъ пары ни человѣкъ ни птица не могутъ жить на свѣтѣ». У кого два—подваливалъ ему третій, приговаривая: «Что жъ за число два? Богъ любитъ троицу». Съѣдалъ гость три—онъ ему: «Гдѣ жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто жъ строитъ избу о трехъ углахъ?» На четыре у него была тоже поговорка, на пять—опять. Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ:

«Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ».

Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, съ почками, да и какого теленка!

— Два года воспитывалъ на молокѣ, — сказалъ хозяинъ: — ухаживалъ, какъ за сыномъ!

— Не могу,—сказалъ Чичиковъ.

— Вы попробуйте да потомъ скажите *не могу*.

— Не взойдетъ, нѣтъ мѣста.

— Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взошелъ городничій — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ тотъ же городничій.

Попробовалъ Чичиковъ—дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

«Ну, какъ этакому человѣку ѣхать въ Петербургъ или въ Москву? Съ этакимъ хлѣбосольствомъ онъ тамъ въ три года проживется въ пухъ!»

То-есть, онъ не зналъ того, что теперь это усовершенствовано: и безъ хлѣбосольства можно все спустить не въ три года, а въ три мѣсяца.

Онъ то и дѣло подливалъ да подливалъ; чего жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмку за рюм-

кой: впередъ видно было, на какую часть человѣческихъ познаній обратятъ они вниманіе по пріѣздѣ въ столицу. Съ гостьми было не то: въ силу, въ силу перетащились они на балконъ и въ силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его, превратившись въ кузнечный мѣхъ, стала издавать, черезъ открытый ротъ и носовые продухи такіе звуки, какіе рѣдко приходятъ въ голову и новаго сочинителя: и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый гулъ, точный собачій лай.

— Экъ его насвистываетъ!—сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ разсмѣялся.

— Разумѣется, если этакъ пообѣдаешь, какъ тутъ прійти скукѣ! Тутъ сонъ придетъ, не правда ли?

— Да. Но я, однакоже, вы меня извините, не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ.

— Какія же?

— Да мало ли для молодого человѣка? Танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то — жениться.

— На комъ?

— Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?

— Да, нѣтъ.

— Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить,—и богатая мысль сверкнула вдругъ въ головѣ Чичикова: —Да вотъ прекрасное средство! — сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествіе.

— Куда жъ ѣхать?

— Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной,—сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хорошо. Тогда бы можно издержки пополамъ, а починку коляски отнести вовсе на его счетъ».

«Почему жъ не проѣздиться? — думалъ между тѣмъ Платоновъ. — Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало-быть, разстройства никакого. Почему жъ въ самомъ дѣлѣ не проѣздиться?»

— А согласны ли вы, — сказалъ онъ вслухъ, — погостить у брата денька два? Иначе онъ меня не отпуститъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три.

— Ну, такъ по рукамъ! Ѣдемъ! — сказалъ, оживясь, Платоновъ. Они хлопнули по рукамъ. — Ѣдемъ!

— Куда? Куда? — вскрикнулъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. — Нѣтъ, сударики! И колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платонъ Михайлычъ, угнали отсюда за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ.

Что было дѣлать съ Пѣтухомъ? Нужно было остаться. Зато награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами на обѣ стороны, подходя безпрестанно подъ протянутые поперекъ рѣки канаты для ловли. Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись предъ ними, одинъ за другимъ, виды, и роща за рощей тѣшила взоры разнообразнымъ размѣщеніемъ деревъ. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ

всѣ весла вверхъ — и катеръ, самъ собой, какъ легкая птица, стремился по неподвижной зеркальной поверхности. Парень-запѣвало, плечистый дѣтина, третій отъ руля, починалъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, выводя какъ бы изъ соловьинаго горла начинальные запѣвы пѣсни; пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, безпредѣльная, какъ Русь. И Пѣтухъ, встрепенувшись, пригаркивалъ, поддавая, гдѣ не хватало у хора силы, и самъ Чичиковъ чувствовалъ, что онъ русскій. Одинъ только Платоновъ думалъ: «Что хорошаго въ этой заунывной пѣснѣ? Отъ нея еще большая тоска находитъ на душу».

Возвращались назадъ уже сумерками. Впотьмахъ ударяли весла по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Въ темнотѣ пристали они къ берегу, по которому разложены были огни; на треногахъ варили рыбаки уху изъ животрепещущихъ ершей. Все уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль отъ нихъ уже улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая кринки молока и приглашенія къ ухѣ. Въ сумеркахъ слышался тихій гомонъ людской, бреханье собакъ, гдѣ-то отдававшееся изъ чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и начали озаряться потемнѣвшія окрестности, и все озарилось. Чудныя картины! Но некому было ими любоваться. Николаша и Алексаша, вмѣсто того, чтобы пронестись въ это время передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга, думали о Москвѣ, о кондитерскихъ, о театрахъ, о которыхъ натолковалъ имъ заѣзжій изъ столицы кадетъ; отецъ ихъ думалъ о томъ, какъ бы окормить своихъ гостей; Платоновъ зѣвалъ. Всѣхъ живѣй оказался Чичиковъ. «Эхъ, право! Заведу когда-нибудь деревеньку!» И стали ему представляться и бабенка и Чичонки.

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: «Барабанъ! — сказалъ онъ. — Никакой городничій не взойдетъ». Надобно такое стеченіе обстоятельствъ, что за стѣной былъ кабинетъ хозяина. Стѣна была тонкая, и слышалось все, что тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день рѣшительный обѣдъ, — и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ.

— Да кулебяку сдѣлать на четыре угла, — говорилъ онъ съ присасываньемъ и забирая въ себя духъ.—Въ одинъ уголъ положи ты мнѣ щеки осетра да визиги, въ другой гречневой кашицы да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого... какого - нибудь тамъ того... Да чтобы она съ одного боку, понимаешь, подрумянилась бы, а съ другого пусти ее полегче. Да исподку-то... пропеки ее такъ, чтобы всю ее прососало, проняло бы такъ, чтобы она вся, знаешь, этакъ растого — не то, чтобы разсыпалась, а истаяла бы во рту, какъ снѣгъ какой, такъ чтобы и не услышалъ.—Говоря это, Пѣтухъ присмактывалъ и подшлепывалъ губами.

«Чортъ побери, не дастъ спать», думалъ Чичиковъ и закуталъ голову въ одѣяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одѣяло было слышно:

— А въ обкладку къ осетру подпусти свеклу звѣздочкой, да сниточковъ, да груздочковъ, да тамъ, знаешь, рѣпушки, да морковки, да бобковъ, тамъ чего-нибудь этакаго, знаешь, того растого, чтобы гарниру, гарниру всякаго побольше. Да въ свиной сычугъ положи ледку, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько.

Много еще Пѣтухъ заказывалъ блюдъ. Только и раздавалось: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько!»

Заснулъ Чичиковъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ. Жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

— Это уже слишкомъ,—сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора.

— А не скучаетъ, вотъ что̀ досадно!

«Было бы у меня, какъ у тебя, семьдесятъ тысячъ въ годъ доходу,—подумалъ Чичиковъ,—да я бы скуку и на глаза къ себѣ не пустилъ. Вонъ откупщикъ Муразовъ,—легко сказать,—десять милліоновъ... Экой кушъ!»

— Что̀ вамъ ничего заѣхать? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и съ зятемъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—сказалъ Чичиковъ.

— Это первый у насъ хозяинъ. Онъ, сударь мой, получаетъ двѣсти тысячъ годового дохода съ такого имѣнія, которое лѣтъ восемь назадъ и двадцати не давало.

— Ахъ, да это, конечно, препочтенный человѣкъ! Это преинтересно будетъ съ этакимъ человѣкомъ познакомиться. Какъ же? Да вѣдь это сказать... А какъ по фамиліи?

— Костанжогло.

— А имя и отчество? позвольте узнать.

— Константинъ Ѳедоровичъ.

— Константинъ Ѳедоровичъ Костанжогло. Очень будетъ интересно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка.

Платоновъ принялъ на себя руководить Селифаномъ, что̀ было нужно, потому что тотъ едва держался на козлахъ. Петрушка два раза сторчакомъ слетѣлъ съ коляски, такъ что необходимо было, наконецъ, привязать его веревкой къ козламъ.

— Экая скотина! — повторялъ только Чичиковъ.

— Вотъ, поглядите-ка, начинаются его земли,— сказалъ Платоновъ: — совсѣмъ другой видъ.

И въ самомъ дѣлѣ, черезъ все поле сѣянный лѣсъ — ровныя какъ стрѣлки дерева; за ними другой, повыше, тоже молодникъ; за ними старый лѣснякъ, и все одинъ выше другого. Потомъ опять полоса поля, покрытая густымъ лѣсомъ, и снова такимъ же образомъ молодой лѣсъ, и опять старый. И три раза проѣхали, какъ сквозь ворота стѣнъ, сквозь лѣса.

— Это все у него выросло какихъ-нибудь лѣтъ въ восемь, въ десять, что̀ у другого и въ двадцать не вырастетъ.

— Какъ же это онъ сдѣлалъ?

— Разспросите у него. Это землевѣдъ такой — у него ничего нѣтъ даромъ. Мало, что онъ почву знаетъ,— какъ знаетъ; какое сосѣдство для кого нужно, возлѣ какого хлѣба какія дерева. Всякій у него три-четыре должности разомъ отправляетъ. Лѣсъ у него, кромѣ того, что для лѣса, нуженъ затѣмъ, чтобы въ такомъ-то мѣстѣ на столько-то влаги прибавить полямъ, на столько-то

унавозить падающимъ листомъ, на столько-то дать тѣни... Когда вокругъ засуха, у него нѣтъ засухи; когда вокругъ неурожай, у него нѣтъ неурожая. Жаль, что я самъ мало эти вещи знаю, не умѣю разсказать, а у него такія штуки... Его называютъ колдуномъ. Много, много у него всякаго... А все, однакоже, скучно...

«Въ самомъ дѣлѣ, это изумительный мужъ,— подумалъ Чичиковъ. — Весьма прискорбно, что молодой человѣкъ поверхностенъ и не умѣетъ разсказать».

Наконецъ показалась деревня. Какъ бы городъ какой, высыпалась она множествомъ избъ на трехъ возвышеньяхъ, увѣнчанныхъ тремя церквами, перегражденная повсюду исполинскими скирдами и кладями.

«Да, — подумалъ Чичиковъ: — видно, что живетъ хозяинъ-тузъ. — Избы все крѣпкія; улицы торныя; стояла ли гдѣ телѣга — телѣга была крѣпкая и новешенькая; мужикъ попадался съ какимъ-то умнымъ выраженьемъ лица; рогатый скотъ на отборъ; даже крестьянская свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ англійскихъ парковъ и газоновъ со всякими затѣями; но, по-старинному, шелъ проспектъ амбаровъ и рабочихъ домовъ вплоть до самаго дому, чтобы все было видно барину, что̀ ни дѣлается вокругъ его; на высокой крышѣ дома возвышался башней высокій фонарь, ни для красы или для видовъ, но для наблюденія за работающими въ отдаленныхъ поляхъ. У крыльца ихъ встрѣтили слуги, расторопные, совсѣмъ не похожіе на пьяницу Петрушку, хоть на нихъ и не было фраковъ, а казацкіе чекмени синяго домашняго сукна.

Хозяйка дома выбѣжала сама на крыльцо. Свѣжа она была, какъ кровь съ молокомъ; хороша, какъ Божій день; походила, какъ двѣ капли, на Платонова, съ той разницей только, что не была вяла, какъ онъ, но разговорчива и весела.

— Здравствуй, братъ! Ну, какъ же я рада, что ты пріѣхалъ. А Константина нѣтъ дома; но онъ скоро будетъ.

— Гдѣ жъ онъ?

— У него есть дѣло на деревнѣ съ какими-то покупщиками, — говорила она, вводя гостей въ комнату.

Чичиковъ съ любопытствомъ разсматривалъ жилище этого необыкновеннаго человѣка, который получалъ 200 тысячъ, думая по немъ отыскать въ немъ свойства самого хозяина, какъ по оставшейся раковинѣ заключаютъ объ устрицѣ или улиткѣ, нѣкогда въ ней сидѣвшей и оставившей свое отпечатлѣнье. Но нельзя было вывести никакого заключенія. Комнаты всѣ просты, даже пусты: ни фресковъ, ни картинъ, ни бронзъ, ни цвѣтовъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ, ни даже книгъ. Словомъ, все показывало, что главная жизнь существа, здѣсь обитавшаго, проходила вовсе не въ четырехъ стѣнахъ комнаты, но въ полѣ, и самыя мысли не обдумывались заблаговременно сибаритскимъ образомъ у огня, предъ каминомъ, въ покойныхъ креслахъ, но тамъ же, на мѣстѣ дѣла, приходили въ голову, и тамъ же, гдѣ приходили, тамъ и претворялись въ дѣло. Въ комнатахъ могъ только замѣтить Чичиковъ слѣды женскаго домоводства: на столахъ и стульяхъ были поставлены чистыя липовыя доски и на нихъ лепестки какихъ-то цвѣтовъ, приготовленные къ сушкѣ...

— Что̀ это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена? — сказалъ Платоновъ.

— Какъ дрянь! — сказала хозяйка. — Это лучшее средство отъ лихорадки. Мы вылѣчили имъ прошлый годъ всѣхъ мужиковъ. А это для настоекъ; а

это для варенья. Вы все смѣетесь надъ вареньями да надъ соленьями, а потомъ, когда ѣдите, сами же похваливаете.

Платоновъ подошелъ къ фортепіано и сталъ разбирать ноты.

— Господи! что̀ за старина! — сказалъ онъ. — Ну, не стыдно ли тебѣ, сестра?

— Ну, ужъ извини, братъ, музыкой мнѣ и подавно некогда заниматься. У меня осьмилѣтняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернанткѣ затѣмъ только, чтобы самой имѣть свободное время для музыки,—нѣтъ, извини, братъ, этого-то не сдѣлаю.

— Какая ты, право, стала скучная, сестра! — сказалъ братъ и подошелъ къ окну. — А, вотъ онъ! идетъ, идетъ! — сказалъ Платоновъ.

Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности, въ сюртукѣ верблюжьяго сукна. О нарядѣ своемъ онъ не думалъ. На немъ былъ триповый картузъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли два человѣка нижняго сословія,—шли, разговаривая о чемъ-то съ нимъ, толкуя: одинъ — простой мужикъ, другой — какой-то заѣзжій кулакъ и пройдоха, въ синей сибиркѣ. Такъ какъ остановились они всѣ около крыльца, то и разговоръ ихъ былъ слышенъ въ комнатахъ.

— Вы вотъ что̀ лучше сдѣлайте; вы откупитесь у вашего барина. Я вамъ, пожалуй, дамъ взаймы: вы послѣ мнѣ отработаете.

— Нѣтъ, Константинъ Ѳедоровичъ, что ужъ откупаться? Возьмите насъ. Ужъ у васъ всякому уму выучишься. Ужъ этакого умнаго человѣка нигдѣ во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. А вѣдь теперь бѣда та̀, что себя никакъ не убережешь. Цѣловальники такія завели теперь настойки, что съ одной рюмки такъ станетъ задирать въ животѣ, что воды ведро бы выпилъ: не успѣешь опомниться, какъ все спустишь. Много соблазну. Лукавый, что ли, міромъ ворочаетъ, ей Богу! Все заводятъ, чтобы сбить съ толку мужиковъ: и табакъ и всякіе такіе... Что жъ дѣлать, Константинъ Ѳедоровичъ? Человѣкъ — не удержишься.

— Послушай: да вѣдь вотъ въ чемъ дѣло. Вѣдь у меня все-таки неволя. Это правда, что съ перваго разу все получишь — и корову и лошадь; да вѣдь дѣло въ томъ, что я такъ требую съ мужиковъ, какъ нигдѣ. У меня работай — первое; мнѣ ли, или себѣ, но ужъ я не дамъ никому залежаться. Я и самъ работаю, какъ волъ, и мужики у меня, потому что испыталъ, братъ: вся дрянь лѣзетъ въ голову оттого, что не работаешь. Такъ вы объ этомъ всѣ подумайте міромъ и потолкуйте между собою.

— Да мы-съ толковали ужъ объ этомъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Ужъ это и старики говорятъ: что говорить! вѣдь всякій мужикъ у васъ богатъ: ужъ это не даромъ; и священники такіе сердобольные. А вѣдь у насъ и тѣхъ взяли, и хоронить некому.

— Все-таки ступай и переговори.

— Слушаю-съ.

— Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... пособавьте, — говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

— Ужъ я сказалъ: торговаться я не охотникъ. Я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ: у васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Что жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, ну, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ что̀ твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать.

— Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я того-съ, оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять.

Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Костанжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

«Гмъ! — подумалъ Чичиковъ: — точно какъ бы носовой платокъ!»

Костанжогло показался въ дверяхъ гостиной. Онъ еще болѣе поразилъ Чичикова смуглостью лица, жесткостью черныхъ волосъ, мѣстами до времени посѣдѣвшихъ, живымъ выраженьемъ глазъ и какимъ-то желчнымъ отпечаткомъ пылкаго южнаго происхожденья. Онъ былъ не совсѣмъ русскій. Онъ самъ не зналъ, откуда вышли его предки. Онъ не занимался своимъ родословіемъ, находя, что это въ строку нейдетъ и въ хозяйствѣ вещь лишняя. Онъ думалъ, что онъ русскій, да и не зналъ другого языка, кромѣ русскаго.

Платоновъ представилъ Чичикова. Они поцѣловались.

— Я, чтобы вылѣчиться отъ хандры, придумалъ, Константинъ, проѣздиться по разнымъ губерніямъ, — сказалъ Платоновъ: — и вотъ Павелъ Ивановичъ предложилъ ѣхать съ нимъ.

— Прекрасно, — сказалъ Костанжогло. — Въ какія же мѣста, — продолжалъ онъ, привѣтливо обращаясь къ Чичикову, — предполагаете теперь направить путь?

— Признаюсь, — сказалъ Чичиковъ, привѣтливо наклоня голову на бокъ и въ то же время поглаживая рукой кресельную ручку: — ѣду я покамѣстъ не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого: генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но, съ другой стороны, такъ сказать, и для самого собя; потому что, точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть въ гемороидальномъ отношеніи, увидать свѣтъ, коловращенье людей — есть, такъ сказать, живая книга, та же наука.

— Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ.

— Превосходно изволили замѣтить: именно истинно, дѣйствительно не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ, какъ вотъ, напримѣръ, теперь представился случай... Къ вамъ прибѣгаю, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, научите, оросите жажду мою вразумленьемъ истины. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ.

— Чему же, однако? Чему научить? — сказалъ Костанжогло смутившись. — Я и самъ учился на мѣдныя деньги.

— Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости, — мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣсть имущество не мечтательное, а существенное, исполняя тѣмъ долгъ гражданина, заслужа уваженіе соотечественниковъ.

— Знаете ли что, — сказалъ Костанжогло, смотря на него въ размышленіи: — останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ.

— Конечно, останьтесь, — сказала хозяйка и, обратясь къ брату, прибавила: — братъ, оставайся: куда тебѣ торопиться?

— Мнѣ все равно. Какъ Павелъ Ивановичъ?

— Я то жъ, я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство: родственникъ генерала Бетрищева, нѣкто полковникъ Кошкаревъ...

— Да вѣдь онъ сумасшедшій.

— Это такъ, сумасшедшій. Я бы къ нему и не ѣхалъ, но генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель...

— Въ такомъ случаѣ знаете что? — сказалъ Костанжогло: — поѣзжайте, къ нему и десяти верстъ нѣтъ. У меня стоятъ готовыя пролетки — поѣзжайте къ нему теперь же. Вы успѣете къ чаю возвратиться назадъ.

— Превосходная мысль! — вскрикнулъ Чичиковъ, взявши шляпу.

Пролетки были ему поданы и въ полчаса примчали его къ полковнику. Вся деревня была вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то домы, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депо земледѣльческихъ орудій*, на другомъ: *Главная счетная экспедиція*, далѣе: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ*, *Школа нормальнаго просвѣщенія поселянъ*. Словомъ, чортъ знаетъ, чего не было!

Полковника онъ засталъ за пульпитромъ стоячей конторки, съ перомъ въ зубахъ. Полковникъ принялъ Чичикова отмѣнно ласково. По виду онъ былъ предобрѣйшій, преобходительный человѣкъ: сталъ ему разсказывать о томъ, сколькихъ трудовъ ему стоило возвесть имѣніе до нынѣшняго благосостоянія; съ соболѣзнованіемъ жаловался, какъ трудно дать понять мужику, что есть высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, искусство и художество; что бабъ онъ до сихъ поръ не могъ заставить надѣть корсетъ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14 году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано; что, однакоже, несмотря на все упорство со стороны невѣжества, онъ непремѣнно достигнетъ того, что мужикъ его деревни, идя за плугомъ, будетъ въ то же время читать книгу о громовыхъ отводахъ Франклина, или Виргиліевы Георгики, или Химическое изслѣдованіе почвъ.

«Да, какъ бы не такъ! — подумалъ Чичиковъ. — А вотъ я до сихъ поръ еще «Графини Лавальеръ» не прочелъ: все нѣтъ времени».

Много еще говорилъ полковникъ о томъ, какъ привести людей къ благополучію. Костюмъ у него имѣлъ большое значеніе: онъ ручался головой, что если только одѣть половину русскихъ мужиковъ въ нѣмецкіе штаны, — науки возвысятся, торговля подымется, и золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи.

Чичиковъ слушалъ-слушалъ, глядя ему пристально въ глаза, и, наконецъ, сказалъ: «Съ этимъ, кажется, чиниться нечего». — И тутъ же объявилъ, что такъ и такъ, имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеньемъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

— Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, — сказалъ полковникъ, нимало не смутясь: — это просьба, не такъ ли?

— Такъ точно.

— Въ такомъ случаѣ изложите ее письменно. Просьба пойдетъ въ контору принятія рапортовъ и донесеній. Контора, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ; отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ; оттолѣ, по сдѣланіи выправокъ, къ управляющему. Управляющій совокупно съ секретаремъ...

— Помилуйте! — вскрикнулъ Чичиковъ: — вѣдь этакъ затянется, Богъ знаетъ! Да какъ же трактовать объ этомъ письменно? Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъ образомъ... мертвыя.

— Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя.

— Но вѣдь какъ же — мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя.

— Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно*, или *требуется, желается, ищется, чтобы казалось, какъ бы живыя*. Безъ бумажнаго производства нельзя этого сдѣлать. Примѣръ — Англія и самъ даже Наполеонъ. Я вамъ отряжу комиссіонера, который васъ проводитъ по всѣмъ мѣстамъ.

Онъ ударилъ въ звонокъ. Явился какой-то человѣкъ.

— Секретарь! Позвать ко мнѣ комиссіонера. — Предсталъ комиссіонеръ, какой-то не то мужикъ, не то чиновникъ. — Вотъ онъ васъ проводитъ по нужнѣйшимъ мѣстамъ.

Что было дѣлать съ полковникомъ? Чичиковъ рѣшился, изъ любопытства, пойти съ комиссіонеромъ смотрѣть всѣ эти самонужнѣйшія мѣста. Контора подачи рапортовъ существовала только на вывѣскѣ, и двери были заперты. Правитель дѣлъ ея Хрулевъ былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ камердинеръ Березовскій; но онъ тоже былъ куда-то откомандированъ комиссіей построенія. Толкнулись они въ департаментъ сельскихъ дѣлъ — тамъ передѣлка; разбудили какого-то пьянаго, но не добрались отъ него никакого толку.

— У насъ безтолковщина,—сказалъ, наконецъ, Чичикову комиссіонеръ.— Барина за носъ водятъ. Всѣмъ у насъ распоряжается комиссія построенія; отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ куда угодно. Только и выгодно у насъ, что въ комиссіи построенія. — Онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на комиссію построенья. Далѣе Чичиковъ не хотѣлъ и смотрѣть. Пришедши, разсказалъ полковнику, что такъ и такъ, что у него каша, и никакого толку нельзя добиться, и комиссіи подачи рапортовъ и вовсе нѣтъ.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ, крѣпко пожавши руку Чичикову, въ знакъ благодарности. Тутъ же, схвативши бумагу и перо, написалъ восемь строжайшихъ запросовъ: на какомъ основаніи комиссія построенія самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить главноуправляющій, чтобы представитель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? И какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ контора подачи рапортовъ и донесеній?

«Ну, пойдетъ кутерьма!» — подумалъ Чичиковъ, и хотѣлъ уже уѣхать.

— Нѣтъ, я васъ не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбіе затронуто. Я докажу, что значитъ органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дѣло такому человѣку, который одинъ стоитъ всѣхъ: окончилъ университетскій курсъ. Вотъ каковы у меня крѣпостные люди! Чтобы не терять драгоцѣннаго времени, покорнѣйше прошу посидѣть у меня въ библіотекѣ, — сказалъ полковникъ, отворяя боковую дверь. — Тутъ книги, бумага, перья, карандаши, все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ: вы — господинъ. Просвѣщеніе должно быть открыто всѣмъ.

Такъ говорилъ Кошкаревъ, введя его въ книгохранилище, это былъ огромный залъ, снизу доверху уставленный книгами. Были тамъ даже чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ: по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; спеціальные журналы — по всѣмъ частямъ, которые только разсылаются съ обязанностью подписокъ, но никто ихъ не читаетъ. Видя, что все это были книги не для пріятнаго препровожденія, онъ обратился къ другому шкафу — изъ огня въ полымя: все книги философскія. Шесть огромныхъ томищей предстало ему передъ глаза, подъ названіемъ: «Предуготовительное вступленіе въ область мышленія. Теорія общности, совокупности, сущности, и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ обоюднаго раздвоенія общественной производительности». Что ни разворачивалъ

Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — *проявленіе, развитіе, абстрактъ, замкнутость и сомкнутость*, и чортъ знаетъ, чего тамъ не было! «Это не по мнѣ», сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ были книги по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ лѣтъ, а иногда и тѣмъ старикашкамъ, которые подзадориваютъ себя балетами и прочими пряностями. Окончивши разсматриваніе одной книги, Чичиковъ вытащилъ уже было и другую въ томъ же родѣ, какъ появился полковникъ Кошкаревъ съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

— Все сдѣлано, и сдѣлано отлично! Человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ, рѣшительный геній. За это я поставлю его выше всѣхъ и для него одного заведу цѣлый департаментъ. Вы посмотрите, какая свѣтлая голова и какъ въ нѣсколько минутъ онъ рѣшилъ все.

«Ну, слава те, Господи!» подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать.

Полковникъ сталъ читать:

«Приступая къ обдумыванію возложеннаго на меня вашимъ высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное:

«Первое. Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумѣніе, ибо неосмотрительнымъ образомъ ревизскія души названы умершими. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія. Да и самое таковое названіе уже показываетъ изученіе наукъ эмпирическое, вѣроятно, ограничившееся приходскимъ училищемъ, ибо душа безсмертна».

— Плутъ! — сказалъ, остановившись, Кошкаревъ съ самодовольствіемъ: — Тутъ онъ немножко кольнулъ васъ. Но сознайтесь, какое бойкое перо!

«Во-вторыхъ, никакихъ незаложенныхъ ревизскихъ, не только близкихъ къ смерти, но и всякихъ прочихъ, по имѣнію не имѣется, ибо всѣ въ совокупности не токмо заложены безъ изъятія, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни Гурмайловки, находящейся въ спорномъ положеніи, по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ и вслѣдствіе того подъ запрещеніемъ, о чемъ объявлено въ 42 номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

— Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали? — сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

— Да! да вѣдь нужно было, чтобы все это вы увидѣли сквозь форму бумажнаго производства. Этакъ не штука. Безсознательно можетъ и дуракъ увидѣть, но нужно сознательно.

Всердцахъ, схвативши шапку, Чичиковъ — бѣгомъ изъ дому, мимо всякихъ приличій, да въ дверь: онъ былъ сердитъ. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Полковникъ, однакожъ, выбѣжалъ; онъ насильно пожалъ ему руку, прижалъ ее къ сердцу и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать, и пружины управленія заржавѣютъ и ослабѣютъ; что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую комиссію, которая будетъ называться комиссіею наблюденія за комиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

Чичиковъ пріѣхалъ, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горѣли свѣчи.

— Что это вы такъ запоздали? — сказалъ Костанжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

— О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали? — сказалъ Платоновъ.

— Этакого дурака я еще отроду не видывалъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Это еще ничего, — сказалъ Констанжогло. — Кошкаревъ — утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются карикатурно и виднѣй глупости всѣхъ нашихъ умниковъ, — вотъ этихъ всѣхъ умниковъ, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури вчужѣ. Вонъ каковы помѣщики теперь наступили: завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссію, и чортъ ихъ знаетъ, чего не завели! Вотъ каковы эти умники! Было поправились послѣ француза двѣнадцатаго года, такъ вотъ теперь все давай разстраивать сызнова. Вѣдь хуже француза разстроили, такъ что теперь какой-нибудь Петръ Петровичъ Пѣтухъ еще хорошій помѣщикъ.

— Да вѣдь и онъ заложилъ теперь въ ломбардъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Ну, да, все въ ломбардъ, все пойдетъ въ ломбардъ, — сказавъ это, Костанжогло сталъ понемногу сердиться. — Вонъ шляпный, свѣчной заводы: изъ Лондона мастеровъ выписалъ свѣчныхъ, торгашомъ сдѣлался! Помѣщикъ, этакое званіе почтенное: въ мануфактуристы, фабриканты! Прядильныя машины... кисеи шлюхамъ городскимъ, дѣвкамъ...

— Да вѣдь и у тебя же есть фабрики, — замѣтилъ Платоновъ.

— А кто ихъ заводилъ? Сами завелись, накопилось шерсти, сбыть некуда. я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя, по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ, мужику надобныя, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берегъ въ продолженіе шести лѣтъ сряду промышленники, ну, куда ее дѣвать? Я началъ изъ нея варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ.

«Экой чортъ! — думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза, — загребистая какая лапа!»

— Да и то потому занялся, что набрело много работниковъ, которые умерли бы съ голоду: голодный годъ, и все по милости этихъ фабрикантовъ, упустившихъ посѣвы. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Всякій годъ другая фабрика, смотря по тому, отъ чего накопилось остатковъ и выбросковъ. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что отталкиваешь, говоришь: не нужно! Вѣдь я не строю для этого дворцовъ съ колоннами да съ фронтонами.

— Это изумительно... Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ, — сказалъ Чичиковъ.

— Да помилуйте! Если бы только брать дѣло попросту, какъ оно есть; а то вѣдь всякій механикъ, всякій хочетъ открыть ларчикъ съ инструментомъ, а не просто. Онъ для этого съѣздитъ нарочно въ Англію; вотъ въ чемъ дѣло! Дурачье! — сказавши это, Костанжогло плюнулъ. — И вѣдь глупѣе всего станетъ послѣ того, какъ возвратится изъ-за границы!

— Ахъ, Константинъ! Ты опять разсердился, — сказала съ безпокойствомъ жена. — Вѣдь ты знаешь, что это для тебя вредно.

— Да вѣдь какъ не сердиться? Добро бы это было чужое, а то вѣдь это близко собственному сердцу; вѣдь досадно то, что русскій характеръ портится; вѣдь теперь явилось въ русскомъ характерѣ донкишотство, котораго никогда не было! Просвѣщеніе придетъ ему въ умъ, сдѣлается Донъ-Кишотомъ, заведетъ такія школы, что дураку въ умъ ни войдетъ! Выйдетъ изъ школы такой человѣкъ, что никуда не годится, ни въ деревню ни въ городъ, только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство. Въ человѣколюбіе пойдетъ, сдѣ-

лается Донъ-Кишотомъ человѣколюбія, настроитъ на милліонъ безтолковѣйшихъ больницъ да заведеній съ колоннами, разорится да и пуститъ всѣхъ по міру; вотъ тебѣ и человѣколюбіе!

Чичикову не до просвѣщенія было дѣло. Ему хотѣлось обстоятельно разспросить о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ; но никакъ не далъ ему Костанжогло вставить слова: желчныя рѣчи уже лились изъ устъ его, такъ что уже онъ ихъ не могъ удержать.

— Думаютъ, какъ просвѣтить мужика... Да ты сдѣлай его прежде богатымъ да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ онъ самъ выучится. Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглупѣлъ, такъ вы не можете себѣ представить! Что пишутъ теперь эти шелкоперы! Пуститъ какой-нибудь книжку, и такъ вотъ всѣ и бросятся на нее... Вотъ что стали говорить: «Крестьянинъ ведетъ ужъ очень простую жизнь; нужно познакомить его съ предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянія»... Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней, чортъ знаетъ какихъ, понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего, и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ, какъ пузырь, такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтеннѣе, что вы его трогаете! Дай Богъ, чтобы всѣ были какъ хлѣбопашецъ!

— Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣе заниматься? — спросилъ Чичиковъ.

— Законнѣе, а не то что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего, сказано. Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю, не заниматься другимъ, но чтобы въ основаніе легло хлѣбопашество, вотъ что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законныя фабрики, того, что нужно здѣсь, подъ рукой человѣку на мѣстѣ, а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что потомъ, для поддержки и для сбыту, употребляютъ всѣ гнусныя мѣры, развращаютъ, растлѣваютъ несчастный народъ. Да вотъ же не заведу у себя, какъ ты тамъ ни говори въ ихъ пользу, никакихъ этихъ внушающихъ высшія потребности производствъ, ни табака ни сахара, хоть бы потерялъ милліонъ. Пусть же, если входитъ развратъ въ міръ, такъ не черезъ мои руки! Пусть я буду передъ Богомъ правъ... Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія.

— Для меня изумительнѣе всего, какъ, при благоразумномъ управленіи, изъ останковъ, изъ обрѣзковъ получается, и всякая дрянь даетъ доходъ.

— Гмъ! Политическіе экономы! — говорилъ Костанжогло, не слушая его, съ выраженіемъ желчнаго сарказма въ лицѣ.— Хороши политическіе экономы! Дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ, дальше своего глупаго носа не видитъ! Оселъ, а еще взлѣзетъ въ каѳедру, надѣнетъ очки... Дурачье! — И во гнѣвѣ онъ плюнулъ.

— Все это такъ и все справедливо, только, пожалуйста, не сердись,— сказала жена.— Какъ будто нельзя говорить объ этомъ, не выходя изъ себя!

— Слушая васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, вникаешь, такъ сказать, въ смыслъ жизни, щупаешь самое ядро дѣла. Но, оставивъ общечеловѣческое, позвольте обратить вниманіе на привратное. Если бы, положимъ, сдѣлавшись помѣщикомъ, возымѣлъ я мысль въ непродолжительное время разбогатѣть такъ, чтобы тѣмъ, такъ сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то какимъ образомъ, какъ поступить?

— Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? — подхватилъ Костанжогло.— А вотъ какъ!..

— Пойдемъ ужинать,— сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые, продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, коромысломъ подставилъ ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, гдѣ уже на столѣ стояла суповая чашка и, лишенная крышки, разливала пріятное благоуханье супа, напитаннаго свѣжею зеленью и первыми кореньями весны. Всѣ сѣли за столъ. Слуги проворно поставили разомъ на столъ всѣ блюда, въ закрытыхъ соусникахъ, и все, что нужно, и тотчасъ ушли. Костанжогло не любилъ, чтобы лакеи слушали господскіе разговоры, а еще болѣе, чтобы глядѣли ему въ ротъ въ то время, когда онъ ѣстъ.

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого-то отличнаго питья, похожаго на венгерское, Чичиковъ сказалъ хозяину такъ:

— Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться [1])...

. . . . . .

... Имѣніе, за которое если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ.

— Гмъ! — Чичиковъ задумался.— А отчего же вы сами,—проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью,— не покупаете его?

— Да нужно знать, наконецъ, предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ у насъ дворяне и бозъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеніями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ, наконецъ, надоѣло.

— Какъ вообще люди способны къ злословію! — сказалъ Чичиковъ.

— А ужъ какъ въ нашей губерніи, не можете себѣ представить: меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупцомъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. «Я,—говоритъ,—конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни, поощрялъ промышленниковъ-мошенниковъ, а этакъ, пожалуй, можно прожить свиньею, какъ Костанжогло».

— Желалъ бы я быть этакой свиньей! — сказалъ Чичиковъ.

— И вздоръ! Какія высшія потребности? Кого они надуваютъ? Книги хоть онъ и заведетъ, но вѣдь ихъ не читаетъ. Дѣло окончится картами да..... И все оттого, что не задаю обѣдовъ да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило, я къ этому не привыкъ. А пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что я ѣмъ, милости просимъ. Не даю денегъ взаймы, это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься съ моими деньгами, если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно, и деньги принесутъ тебѣ явную прибыль, я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ.

«Это, однакоже, нужно принять къ свѣдѣнію», подумалъ Чичиковъ.

— И никогда не откажу,— продолжалъ Костанжогло.— Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Чортъ побери! Онъ затѣваетъ тамъ какой-нибудь обѣдъ любовницѣ, или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, или съ распутницей въ маскарадъ, юбилей тамъ какой-нибудь въ память того, что онъ даромъ прожилъ на свѣтѣ, а ему давай деньги взаймы!..

---

[1]) Здѣсь въ рукописи не хватаетъ двухъ страницъ.

Здѣсь Костанжогло плюнулъ и чуть-чуть не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его лицо. Вдоль лба и поперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенія взволнованной желчи.

— Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора,— сказалъ Чичиковъ, выпивая еще рюмку малиновки, которая, дѣйствительно, была отличная.— Если бы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени...

— Если вы хотите,— подхватилъ сурово и отрывисто Костанжогло, полный нерасположенія духа,—разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашиваясь о времени, то разбогатѣете скоро.

— Вотъ оно какъ! — сказалъ Чичиковъ.

— Да,— сказалъ Костанжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова,— надобно имѣть любовь къ труду, безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, да! И повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они въ этихъ глупыхъ своихъ клубахъ, трактирахъ да театрахъ. Дураки, дурачье, ослиное поколѣніе. Хозяину нельзя, нѣтъ времени скучать. Въ жизни его и на полвершка нѣтъ пустоты, все полнота. Одно это разнообразіе занятій, и притомъ какихъ занятій: занятій, истинно возвышающихъ духъ. Какъ бы то ни было, но вѣдь тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всего, что совершается въ твореніи. Разсмотрите-ка круговой годъ работъ, какъ, еще прежде, чѣмъ наступитъ весна, все ужъ насторожѣ и ждетъ ея: подготовка сѣмянъ, переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленіе новыхъ тяголъ. Все обсматривается впередъ и все разсчитывается вначалѣ. А какъ взломаетъ ледъ, да пройдутъ рѣки, да просохнетъ все и пойдетъ взрываться земля: по огородамъ и садамъ работаетъ заступъ, по полямъ соха и бороны; садка, сѣвы и посѣвы. Понимаете ли, что это? Бездѣлица! грядущій урожай сѣютъ! Блаженство всей земли сѣютъ! Пропитаніе милліоновъ сѣютъ! Наступило лѣто... А тутъ покосы, покосы... И вотъ закипѣла вдругъ жатва; за рожью пошла рожь, а тамъ пшеница, а тамъ и ячмень, и овесъ. Все кипитъ; нельзя пропустить минуты, хоть двадцать глазъ имѣй, всѣмъ имъ работа. А какъ отпразднуется все, да пойдетъ свозиться на гумны, складываться въ клади, да зимнія запашки, да чинки къ зимѣ амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, и въ то же время всѣ бабьи работы, да подведешь всему итогъ и увидишь, что сдѣлано, да вѣдь это... А зима! Молотьба по всѣмъ гумнамъ; перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочій дворъ, идешь и къ мужику, какъ онъ тамъ на себя копышится. Да для меня, просто, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ, я два часа готовъ предъ нимъ простоять, такъ веселитъ меня работа. А если видишь еще, что все это съ какой цѣлью творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, да я и разсказать не могу, что тогда въ тебѣ дѣлается. И не потому, что растутъ деньги,— деньги деньгами, но потому, что все это дѣло рукъ твоихъ; потому что ты видишь, какъ ты всему причина, ты творецъ и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобиліе и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденіе? — сказалъ Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Какъ царь,

въ день торжественнаго вѣнчанія своего, сіялъ онъ весь, и, казалось, какъ бы лучи исходили изъ его лица.— Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденія! Здѣсь именно подражаетъ Богу человѣкъ, Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенія, какъ высшее всѣхъ наслажденіе, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ подобнымъ творцомъ благоденствія вокругъ себя. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!..

Какъ пѣнія райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

— Константинъ! пора вставать,—сказала хозяйка, приподнявшись со стула.

Всѣ встали. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку, но уже недоставало ловкости въ его оборотахъ, потому что мысли были заняты существенными оборотами.

— Что ни разсказывай, а все, однакоже, скучно, — говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

«Гость не глупый человѣкъ, — думалъ хозяинъ, — внимателенъ, степененъ въ словахъ и не щелкоперъ». И, подумавши такъ, сталъ онъ еще веселѣе, какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, и какъ бы празднуя, что нашелъ человѣка, умѣющаго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ уютной компатѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ балкона и стеклянной двери въ садъ, и глядѣли къ нимъ оттолѣ звѣзды, блиставшія надъ вершинами заснувшаго сада, Чичикову сдѣлалось такъ пріютно, какъ не бывало давно, точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла уже его родная крыша и, по совершеніи всего, онъ уже получилъ все желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: «довольно!» Такое обаятельное расположеніе навелъ ему на душу разумный разговоръ гостепріимнаго хозяина. Есть для всякаго человѣка такія рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей. И часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и безпутность современнаго шума, и лживость обмановъ, обманывающихъ человѣка. И живо врѣжется, разъ навсегда и навѣки, проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все удержитъ вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ сидѣлъ, и что было въ рукахъ его, стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ этотъ вечеръ, и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженіе, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, но даже и рисунокъ обоевъ, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами: «полно, не мучь его!» и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядѣвшая къ нимъ оттолѣ, облокотясь на вершины деревъ, осыпанная звѣздами, оглашенная соловьями, громкопѣвно высвистывавшими изъ глубины зеленолиственныхъ чащей.

— Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ!— произнесъ Чичиковъ. — Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму.

Онъ улыбнулся. Онъ самъ чувствовалъ, что не несправедливы были эти слова.

— Нѣтъ, ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ дѣйствительно есть одинъ, о которомъ, точно, можно сказать, умный человѣкъ, котораго я и подметки не стою.

— Кто жъ бы это такой могъ быть? — съ изумленіемъ спросилъ Чичиковъ.

— Это нашъ откупщикъ Муразовъ.

— Въ другой уже разъ про него слышу! — вскрикнулъ Чичиковъ.

— Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.

— И, говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія, десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ.

— Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ.

— Что вы говорите! — вскрикнулъ Чичиковъ, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ.

— Всенепремѣнно. Это ясно. Медленно богатѣетъ тотъ, у кого какія-нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ, что ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противу самого себя: поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ. Съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебить.

— Господи, Боже ты мой! — проговорилъ Чичиковъ, перекрестившись. Смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Костанжогло, захватило духъ въ груди ему. — Уму непостижимо! Каменѣетъ мысль отъ страха! Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваніи букашки; для меня болѣе изумительно то, что въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы. Позвольте спросить насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, вначалѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?

— Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами.

— Не повѣрю! невѣроятно! Если бы тысячи, но милліоны...

— Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ, прямой дорогой такъ и ступай, все бери, что ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ, всякому не по силамъ: нѣтъ соперниковъ. Радіусъ великъ; говорю, что ни захватитъ: вдвое или втрое противъ. ..... А съ тысячи что? десятый, двадцатый процентъ.

— И что всего непостижимѣй, что дѣло вѣдь началось съ копейки!

— Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей, — сказалъ Костанжогло. — Кто родился съ тысячами, воспитался на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины, съ копейки, а не съ рубля, снизу, а не сверху; тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копейка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, тогда тебя умудритъ и вышколитъ такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятіи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: «Дайте мнѣ сто тысячъ, и сейчасъ разбогатѣю», я тому не повѣрю, онъ бьетъ наудачу, а не навѣрняка. Съ копейки нужно начинать.

— Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю, — сказалъ Чичиковъ, невольно помысливъ о мертвыхъ душахъ, — ибо дѣйствительно начинаю съ ничего.

— Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать, — сказала хозяйка, — а ты все болтаешь.

— И непремѣнно разбогатѣете, — сказалъ Костанжогло, не слушая хозяйки.—Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куды дѣвать доходы.

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грезъ и мечтаній. Кружилися его мысли. По золотому ковру грядущихъ прибытковъ золотые узоры вышивало разыгравшееся воображенье, и въ ушахъ его отдавались слова: «рѣки, рѣки потекутъ...»

— Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать.

— Да что жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось, — сказалъ хозяинъ и остановился, потому что громко по всей комнатѣ раздалось храпѣніе Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ затянулъ еще громче. Замѣтивъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на ночлегъ, онъ растолкалъ Платонова, сказавши: «полно тебѣ храпѣть!» и пожелалъ Чичикову спокойной ночи. Всѣ разбрелись и скоро заснули по своимъ постелямъ.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилось такъ ясно! Возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной! Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно, и такъ казалось свойственно самой его натурѣ! Только бы сбыть въ ломбардъ этихъ мертвецовъ да завести не фантастическое помѣстье! Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Костанжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранѣ предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое онъ будетъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двигнутся всѣ пружины хозяйственной машины, толкая дѣятельно другъ друга. Трудъ закипитъ, — и подобно тому, какъ въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистоганъ да чистоганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное. Доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка. Костанжогло былъ первый. Онъ понялъ, что съ этимъ нечего подыматься на какія-нибудь штуки. Его занималъ другой прожектъ — купить имѣніе Хлобуева. Десять тысячъ у него было; пятнадцать тысячъ предполагалъ онъ попробовать занять у Костанжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому желающему разбогатѣть; остальныя—какъ-нибудь, или заложивши въ ломбардъ, или такъ, просто, заставивши ждать. Вѣдь и это можно: ступай, возись по судамъ, если есть охота! И долго онъ объ этомъ думалъ. Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ объятіяхъ, принялъ, наконецъ, и Чичикова въ свои объятія. Онъ заснулъ крѣпко.

ГЛАВА IV.

На другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Костанжогло далъ съ радостью десять тысячъ, безъ процентовъ, безъ поручительства,—просто подъ одну расписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенію. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Чичиковъ былъ въ духѣ. Послѣ сытнаго завтрака всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляску

Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Цѣлыя 15 верстъ тянулись по обѣимъ сторонамъ лѣса и пахотныя земли Костанжогло. Какъ только они прекратились, все пошло иначе: хлѣбъ жиденькій, намѣсто лѣсовъ пни. Деревенька, несмотря на красивое мѣстоположеніе, показывала издали запущеніе. Новый каменный домъ, необитаемый, оставшійся вчернѣ, выглянулъ прежде всего, за нимъ другой, обитаемый. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося. Ему было лѣтъ сорокъ; галстукъ у него былъ повязанъ на сторону; на сюртукѣ была заплата, на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему: точно какъ бы онъ увидѣлъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

— Константинъ Ѳедоровичъ! Платонъ Михайловичъ! Вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ, попрошу взаймы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Ѳедоровичъ! Вижу — самъ всему виной Что дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Чѣмъ прикажете потчевать?

— Безъ церемоніи. Мы къ вамъ за дѣломъ. Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, — сказалъ Костанжогло.

— Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку.

Чичиковъ далъ ему обѣ.

— Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоящее вниманіе... Да что, господа, позвольте спросить: вы обѣдали?

— Обѣдали, обѣдали, — сказалъ Костанжогло, желая отдѣлаться. — Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ. — Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. — Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое.

Гости надѣли на головы картузы, и всѣ пошли улицею деревни.

Съ обѣихъ сторонъ глядѣли слѣпыя лачуги, съ окнами крохотными, заткнутыми онучами.

— Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое, — говорилъ Хлобуевъ. — Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Ѳедоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ — до того дожилъ!

Онъ вздохнулъ и, какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Ѳедоровича, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Костанжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

— Трудно, Платонъ Михайловичъ, трудно! — говорилъ Хлобуевъ Платонову. — Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье — вѣдь это для васъ слова иностраннаго языка. Трынъ-трава бы это было все, если бы былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей, — сгрустнется, поневолѣ сгрустнется...

— Ну, да если вы продадите деревню — это васъ поправитъ? — спросилъ Платоновъ.

— Какое поправитъ!—сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. — Все пойдетъ на уплату долговъ, а для себя не останется и тысячи.

— Такъ что жъ вы будете дѣлать?

— А Богъ знаетъ.

— Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ.

— Что жъ предпринять?

— Что жъ, вы, стало-быть, возьмите какое-нибудь мѣсто.

— Вѣдь я губернскій секретарь. Какое жъ мнѣ могутъ дать мѣсто? Мѣсто мнѣ могутъ дать ничтожное. Какъ мнѣ взять жалованье — пятьсотъ? А вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей.

— Пойдите въ управляющіе.

— Да кто жъ мнѣ повѣрить имѣніе? Я промоталъ свое.

— Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ выхлопотать какую-нибудь должность.

— Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, — сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку. — Не гожусь я теперь никуды: одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куды мнѣ! что разорять казну? И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе!

«Вотъ плоды безпутнаго поведенія! — подумалъ Платоновъ. — Это хуже моей спячки».

А между тѣмъ, какъ они такъ говорили между собой, Костанжогло, идя съ Чичиковымъ позади ихъ, выходилъ изъ себя.

— Вотъ смотрите, — сказалъ Костанжогло, указывая пальцемъ: — довелъ мужика до такой бѣдности! Вѣдь ни телѣги ни лошади. Случился падежъ — ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро: тутъ все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дни безъ средствъ производить работу. А вѣдь теперь и годами не поправишь. И мужикъ уже излѣнился, загулялъ, сдѣлался пьяница. Да этимъ только, что одинъ годъ далъ ему пробыть безъ работы, ты ужъ его развратилъ навѣки: ужъ привыкъ къ лохмотью и бродяжничеству... А земля-то какова? разглядите землю! — говорилъ онъ, указывая на луга, которые показались скоро за избами. — Все поемныя мѣста! Да я заведу ленъ, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю, на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — по косогору рожь поднялась; вѣдь это все падаль. Онъ хлѣба не сѣялъ — я это знаю. А вонъ овраги... да здѣсь я заведу такіе лѣса, что воронъ не долетитъ до вершины. И этакое сокровище-землю бросить! Ну, ужъ если нечѣмъ было пахать, такъ копай заступомъ подъ огородъ какой — огородомъ бы взялъ. Самъ возьми въ руку заступъ, жену, дѣтей, дворню заставь; умри на работѣ! Умрешь, по крайней мѣрѣ, исполняя долгъ, а не то — обожравшись свиньей за обѣдомъ! — Сказавши это, плюнулъ Костанжогло, и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело.

Когда подошли они ближе и стали надъ крутизной, обросшей чилизникомъ, и вдали блеснулъ извивъ рѣки и темный отрогъ, и въ перспективѣ ближе показалась часть скрывавшагося въ рощахъ дома генерала Бетрищева, а за нимъ лѣсомъ обросшая, курчавая гора, пылившая синеватою пылью отдаленія, по которой вдругъ догадался Чичиковъ, что это, должно-быть, Тѣнтѣтникова, — онъ сказалъ:

— Здѣсь если завести лѣса, — да деревенскій видъ можетъ превзойти красотою...

— А вы охотникъ до видовъ! — сказалъ Костанжогло, вдругъ на него взглянувши строго. — Смотрите, погонитесь тамъ за видами — останетесь безъ хлѣба и безъ видовъ. Смотрите на пользу, а не на красоту. Красота сама придетъ. Примѣръ вамъ города: лучше и красивѣе до сихъ поръ города, ко-

торые сами построились, гдѣ каждый строился по своимъ надобностямъ и вкусамъ; а тѣ, которые выстроились по шнурку — казармы казармами... Въ сторону красоту! Смотрите на потребности...

— Жалко то, что долго нужно дожидаться: такъ бы хотѣлось увидѣть все въ томъ видѣ, какъ хочется...

— Да что вы двадцатипятилѣтній развѣ юноша? Петербургскій чиновникъ? Терпѣнье! Шесть лѣтъ работайте сряду: садите, сѣйте, ройте землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно. Но зато потомъ, какъ расшевелите хорошенько землю, да станетъ она помогать вамъ сама, такъ это не то, что какой-нибудь ....., нѣтъ, батюшка, у васъ, сверхъ вашихъ какихъ-нибудь семидесяти рукъ, будутъ работать семьсотъ невидимыхъ. Все вдесятеро! У меня теперь ни пальцемъ не двигнутъ, — все дѣлается само собою. Да, природа любитъ терпѣнье: и это законъ, данный ей Самимъ Богомъ, ублажавшимъ терпѣливыхъ.

— Слушая васъ, чувствуешь прибытокъ силъ. Духъ воздвигается.

— Вона земля какъ вспахана! — вскрикнулъ Костанжогло съ ѣдкимъ чувствомъ прискорбія, показывая на косогоръ. — Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть — глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣніе. Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ.—И, сказавши это, Костанжогло уже омрачился желчнымъ расположеніемъ взволнованнаго духа, простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

— Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ,—говорилъ удивленный хозяинъ:— только что пріѣхали — и назадъ!

— Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома, — сказалъ Костанжогло. Простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда.

— Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ, — сказалъ онъ: — не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на этакое безпутное управленіе. Повѣрьте, Павелъ Ивановичъ, что даже хлѣба не сѣялъ въ этомъ году. Какъ честной человѣкъ! Сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ пахать. Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, отличный хозяинъ; о Константинѣ Ѳедоровичѣ — что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, что бы хоть каплю его въ мою глупую. Тутъ, смотрите, господа, осторожнѣе черезъ мостъ, чтобъ не бултыхнуться въ лужу. Доски весною приказывалъ поправить... Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ: имъ нуженъ примѣръ, но съ меня что за примѣръ? Что прикажете дѣлать? Возьмите ихъ, Павелъ Ивановичъ, въ свое распоряженіе. Какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ? Я бы ихъ отпустилъ давно на волю, но изъ этого не будетъ никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести ихъ въ такое состояніе, чтобы умѣли жить. Нуженъ строгій и справедливый человѣкъ, который пожилъ бы съ ними долго и собственнымъ примѣромъ неутомимой дѣятельности... Русскій человѣкъ, вижу по себѣ, не можетъ безъ понукателя: такъ и задремлетъ, такъ и закиснетъ.

— Странно, — сказалъ Платоновъ, — отчего русскій человѣкъ способенъ такъ задремать и закиснуть, что, если не смотришь за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей и негодяемъ?

— Отъ недостатка просвѣщенія,— замѣтилъ Чичиковъ.

— Богъ вѣсть, отчего. Вѣдь вотъ мы просвѣтились, слушали въ университетѣ, а на что̀ годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только

не выучился, а еще больше — выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорты, больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? — Нѣтъ, вѣдь такъ и другіе товарищи. Два, три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ-быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, что портитъ здоровье да и выманиваетъ деньги. Ей Богу! А что я ужъ думаю: иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ—какой-то пропащій человѣкъ. Хочешь все сдѣлать — и ничего не можешь. Все думаешь — съ завтрашняго дни начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дни сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дни такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами, и языкъ не ворочается—какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ, право! И этакъ всѣ!

— Да, — сказалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись. — Эта исторія бываетъ.

— Мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу, не вѣрю я и тому. На старости и его чортъ попутаетъ: спуститъ потомъ все вдругъ. И всѣ такъ, право: и просвѣщенные и непросвѣщенные. Нѣтъ, чего-то другого недостаетъ, а чего — и самъ не знаю.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Непріятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отовсюду безобразную свою наружность. Прибавилась только новая лужа посреди улицы. Все было опущено и запущено, какъ у мужиковъ, такъ и у барина. Сердитая баба, въ замасленной дерюгѣ, прибила дополусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока кого-то въ третьемъ лицѣ, призывая всѣхъ чертей. Подальше два мужика глядѣли съ равнодушіемъ стоическимъ на гнѣвъ пьяной бабы. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна были на строеніяхъ, крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. Заплата на заплатѣ. На одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго амбара. Какъ видно, въ хозяйствѣ исполнялась система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

— Незавидное у васъ хозяйство,—сказалъ Чичиковъ, когда они, осмотрѣвъ, подъѣхали...

Вошедши въ комнаты дома, они были поражены какъ бы смѣшеніемъ нищеты съ блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хозяйка была одѣта со вкусомъ и по модѣ, говорила о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. Дѣти были рѣзвы и веселы. Мальчики и дѣвочки были прекрасно одѣты — очень мило и со вкусомъ. Лучше бы одѣлись въ пестрядевыя юбки, простыя рубашки и бѣгали себѣ по двору и не отличались ничѣмъ отъ крестьянскихъ дѣтей. Къ хозяйкѣ скоро пріѣхала гостья, какая-то пустомеля и болтунья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

— Такъ какая же будетъ ваша цѣна? — сказалъ Чичиковъ. — Спрашиваю, признаться, чтобъ услышать крайнюю, послѣднюю цѣну, ибо помѣстье въ худшемъ положеніи, чѣмъ ожидалъ.

— Въ самомъ скверномъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Хлобуевъ. — И это еще не все. Я не скрою: изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, только пятьдесятъ въ живыхъ: такъ у насъ распорядилась холера; прочіе отлучились безпашпортно, такъ что почитайте ихъ какъ бы умершими, такъ что если ихъ вытребовать по судамъ, такъ все имѣніе останется по судамъ. Потому-то я и прошу всего только тридцать пять тысячъ.

Чичиковъ сталъ, разумѣется, торговаться.

— Помилуйте, какъ же тридцать пять? За этакое тридцать пять! Ну, возьмите двадцать пять тысячъ.

Платонову сдѣлалось совѣстно.

— Покупайте, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ. — За имѣніе можно всегда дать эту цѣну. Если вы не дадите за него тридцати пяти тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ.

— Очень хорошо, согласенъ, — сказалъ Чичиковъ испугавшись. — Хорошо, только съ тѣмъ, чтобы половину денегъ черезъ годъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Этого-то ужъ никакъ не могу. Половину мнѣ дайте теперь же, остальныя черезъ..... Вѣдь мнѣ эти же самыя деньги выдастъ ломбардъ: было бы только чѣмъ.....

— Какъ же, право? Я ужъ не знаю, — сказалъ Чичиковъ. — У меня всего-на-всего теперь десять тысячъ, — сказалъ Чичиковъ, сказалъ и совралъ: всего у него было двадцать, включая деньги, занятыя у Костанжогло; но какъ-то жалко такъ много дать за однимъ разомъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! Я говорю, что необходимо мнѣ нужны пятнадцать тысячъ.

— Я вамъ займу пять тысячъ, — подхватилъ Платоновъ.

— Развѣ этакъ! — сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя: «А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ взаймы».

Изъ коляски была принесена шкатулка, и тутъ же было изъ нея вынуто десять тысячъ Хлобуеву; остальныя же пять тысячъ обѣщано было привести ему завтра; то-есть, обѣщано: предполагалось же привезти три, другія потомъ, денька черезъ два или три, а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ денегъ. Если жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То-есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы. Вѣдь намъ пріятно же поводить просителя: пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ-быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ оттого дѣла его! Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда.

— Гдѣ же вы послѣ этого будете жить? — спросилъ Платоновъ Хлобуева. — Есть у васъ другая деревушка?

— Да въ городъ нужно переѣзжать: тамъ есть у меня домишка. Все же равно, это было нужно сдѣлать, не для себя, а для дѣтей: имъ нужны будутъ учителя закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь ни за какія деньги въ деревнѣ нельзя достать.

«Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей учитъ танцованью!» подумалъ Чичиковъ.

«Странно!» подумалъ Платоновъ.

— Однакожъ нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку, — сказалъ Хлобуевъ. — Ей, Кирюшка! Принеси, братъ, бутылку шампанскаго.

«Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть», подумалъ Чичиковъ.

Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанскимъ Хлобуевъ обзавелся по необходимости. Онъ послалъ въ городъ: что дѣлать? — въ лавочкѣ не даютъ квасу въ долгъ безъ денегъ, а пить хочется. А французъ, который недавно пріѣхалъ съ винами изъ Петербурга, всѣмъ давалъ въ долгъ. Нечего дѣлать, нужно было брать бутылку шампанскаго.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался: сталъ милъ и уменъ, сыпалъ остротами и анекдотами.

Въ рѣчахъ его обнаружилось столько познанія людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ немногими словами сосѣдей-помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію разорившихся баръ: и почему, и какъ, и отчего они разорились; такъ оригинально и смѣшно умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

— Мнѣ удивительно,—сказалъ Чичиковъ,—какъ вы, при такомъ умѣ, не найдете средствъ и оборотовъ?

— Средства-то есть, — сказалъ Хлобуевъ, и тутъ же выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанія людей и свѣта, что оставалось пожимать только плечами да говорить: «Господи Боже! Какое необъятное разстояніе между знаніемъ свѣта и умѣніемъ пользоваться этимъ знаніемъ!»

Все основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдругъ сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатились, и доходы можно учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою:

— Но что прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля, который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы. Видно, ужъ Богъ не хочетъ.

«Еще бы, — подумалъ Чичиковъ, — этакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!»

— Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка, — сказалъ Хлобуевъ. — Старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. Прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре, моськи, приживалки и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, хоть она и зоветъ его: «Эй, малый!» Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ, — и обнесутъ Вотъ какъ!

Платоновъ усмѣхнулся.

— А какъ ея фамилія и гдѣ проживаетъ? — спросилъ Чичиковъ.

— Живетъ она у насъ же въ городѣ, Александра Ивановна Ханасарова.

— Отчего же вы не обратитесь къ ней? — сказалъ съ участіемъ Платоновъ. — Мнѣ кажется, если бы она вошла въ положеніе вашего семейства, она бы не могла отказать.

— Ну, нѣтъ, можетъ. У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайловичъ! Да къ тому жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Тамъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы: приплелся ей въ родню... Сдѣлай мнѣ такое одолженіе, — сказалъ онъ вдругъ, обратясь къ Платонову: — на будущей недѣлѣ я даю обѣдъ всѣмъ сословіямъ въ городѣ...

Платоновъ растопырилъ глаза. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ городахъ и столицахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь совершенно необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ниоткуда никакихъ средствъ, а задаетъ обѣдъ: и всѣ обѣдающіе говорятъ, что это послѣдній, что завтра же хозяина потащатъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того десять лѣтъ — мудрецъ все еще держится на свѣтѣ, еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ, и такъ же задаетъ обѣдъ, на которомъ всѣ обѣдающіе

думаютъ, что опъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащатъ хозяина въ тюрьму.

Домъ Хлобуева въ городѣ представлялъ необыкновенное явленіе. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры. Въ иной день ни крошки хлѣба нельзя было отыскать; въ другой хлѣбосольный пріемъ всѣхъ артистовъ и художниковъ и великодушная подача всѣмъ. Бывали такія подчасъ тяжелыя времена, что другой давно бы на его мѣстѣ повѣсился или застрѣлился; но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія минуты читалъ онъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ, и слезами исполнялись глаза его. Онъ молился, и — странное дѣло! Почти всегда приходила къ нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомка, нечаянно услышавъ о немъ исторію, съ стремительнымъ великодушіемъ женскаго сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слышалъ. Благоговѣйно признавалъ онъ тогда необъятное милосердіе Провидѣнія, служилъ благодарственный молебенъ и вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

— Жалокъ онъ мнѣ, право, жалокъ, — сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они, простившись съ нимъ, выѣхали отъ него.

— Блудный сынъ, — сказалъ Чичиковъ. — О такихъ людяхъ и жалѣть нечего.

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенья людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнія какъ-то не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ не думалъ о Хлобуевѣ. Онъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ; Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что, въ самомъ дѣлѣ, всѣ его мысли были заняты не на шутку пріобрѣтенною покупкою. Какъ бы то ни было, но, очутившись вдругъ, послѣ фантастическаго, настоящимъ, дѣйствительнымъ владѣльцемъ уже не фантастическаго имѣнія, онъ сталъ задумчивъ, и предположенія и мысли стали степеннѣй и давали невольно значительное выраженье лицу. «Терпѣнье, трудъ! Вещь нетрудная: съ нимъ я познакомился, такъ сказать, съ пеленъ дѣтскихъ. Мнѣ они не въ новость. Но станетъ ли теперь, въ эти годы, столько терпѣнья, сколько въ молодости?» Какъ бы то ни было, какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ пріобрѣтенную покупку, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ, прежде выпродавъ по кускамъ лучшія земли, Можно было и распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ по образцу Костанжогло, пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда-благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать въ частныя руки имѣніе (разумѣется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Костанжогло денегъ, взятыхъ у него взаймы. Странная мысль! Не то, чтобы Чичиковъ возымѣлъ ее, но она вдругъ, сама собой, предстала, дразня и усмѣхаясь и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза! И кто творецъ этихъ вдругъ набѣгающихъ мыслей!.. Онъ почувствовалъ удовольствіе,— удовольствіе

оттого, что сталъ теперь помѣщикомъ, — помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ, — помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди, — люди не мечтательные, въ воображеніи пребывающіе, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подмигивать себѣ самому, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторгновенья; и, когда Платоновъ, принявшій кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него:

— Чего?

Онъ отвѣчалъ:

— Ничего.

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ увидѣлъ, что они уже давно ѣхали прекрасною рощей; миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Бѣлые стволы лѣсныхъ березъ и осинъ, блестя, какъ снѣжный частоколъ, стройно и легко возносились на нѣжной зелени недавно развившихся листьевъ. Соловьи взапуски громко щелкали изъ рощи. Лѣсные тюльпаны желтѣли въ травѣ. Онъ не могъ себѣ дать отчета, какъ онъ успѣлъ очутиться въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ, когда еще недавно были открытыя поля. Между деревъ мелькала бѣлая каменная церковь, а на другой сторонѣ выказалась изъ-за рощи рѣшетка. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукахъ. Аглицкій песъ, на высокихъ тонкихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

— А вотъ и братъ, — сказалъ Платоновъ. — Кучеръ, стой!

И вышелъ изъ коляски. Чичиковъ также. Псы уже успѣли облобызаться. Тонконогій проворный Азоръ лизнулъ проворнымъ языкомъ своимъ Ярба въ морду, потомъ лизнулъ Платонову руки, потомъ вскочилъ на Чичикова и лизнулъ его въ ухо.

Братья обнялись.

— Помилуй, Платонъ, что это ты со мною дѣлаешь? — сказалъ остановившійся братъ, котораго звали Василіемъ.

— Какъ что? — равнодушно отвѣчалъ Платонъ.

— Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? Три дни отъ тебя ни слуху ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. «Поѣхалъ, — говоритъ, — съ какимъ-то бариномъ». Ну, хоть бы слово сказалъ: куды, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!

— Ну, что жъ дѣлать? Позабылъ, — сказалъ Платоновъ. — Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу: онъ тебѣ кланяется, сестра — также. Павелъ Ивановичъ, рекомендую вамъ: братъ Василій. — Братъ Василій! Это Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

Оба приглашенные ко взаимному знакомству пожали другъ другу руки и, снявши картузы, поцѣловались.

«Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ? — думалъ братъ Василій. — Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ».

И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе, и увидѣлъ, что это былъ человѣкъ по виду очень благонамѣренный.

Съ своей стороны, Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василія и увидѣлъ, что братъ пониже Платона, волосомъ темнѣй

его и лицомъ далеко не такъ красивъ, но въ чертахъ его лица было гораздо больше жизни и одушевленія, больше сердечной доброты. Видно было, что онъ меньше дремалъ. Но на эту часть Павелъ Ивановичъ мало обращалъ вниманія.

— Я рѣшился, Вася, проѣздиться вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ по святой Руси. Авось-либо это размычетъ хандру мою.

— Какъ же такъ вдругъ рѣшился?—сказалъ озадаченный братъ Василій; и онъ чуть было не прибавилъ:—«И еще ѣхалъ съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ-быть, и дрянь, и чортъ знаетъ что!»

Полный недовѣрія, онъ оглянулъ искоса Чичикова и увидѣлъ благоприличіе изумительное.

Они повернули направо въ ворота. Дворъ былъ старинный: домъ тоже старинный, какихъ теперь не строятъ: съ навѣсами, подъ высокой крышей. Двѣ огромныхъ липы росли посреди двора и покрывали почти половину его своею тѣнью. Подъ ними было множество деревянныхъ скамеекъ. Цвѣтущія сирени и черемухи бисернымъ ожерельемъ обходили дворъ вмѣстѣ съ оградой, совершенно скрывшейся подъ ихъ цвѣтами и листьями. Господскій домъ былъ совершенно закрытъ, только однѣ двери и окна миловидно глядѣли снизу сквозь вѣтви. Сквозь прямыя, какъ стрѣлы, лѣсины деревъ бѣлѣлись кухни, кладовыя и погреба. Все было въ рощѣ. Соловьи высвистывали громко, оглашая всю рощу. Невольно вносилось въ душу какое-то безмятежно-пріятное чувство. Такъ и отзывалось все тѣми беззаботными временами, когда жилось всѣмъ добродушно, и все было просто и несложно. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Они сѣли на скамьяхъ подъ липами.

Парень, лѣтъ семнадцати, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ разноцвѣтными фруктовыми квасами всѣхъ сортовъ: то густыми, какъ масло, то шипѣвшими, какъ газовые лимонады. Поставивши графины, схватилъ онъ заступъ, стоявшій у дерева, и ушелъ въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ такъ же, какъ и у зятя Костанжогло, собственно, слугъ не было: они были всѣ садовники, всѣ дворовые исправляли по очереди эту должность. Братъ Василій все утверждалъ, что слуги не сословіе: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стоитъ заводить особыхъ людей; что будто русскій человѣкъ потуда хорошъ и расторопенъ и не лѣнтяй, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ вдругъ неуклюжъ и нерасторопенъ, и лѣнтяй, и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню перестаетъ вовсе ходить, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ нѣмецкимъ и клопы и блохъ несчетное множество. Въ этомъ, можетъ-быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался особенно щеголевато: кички у женщинъ были всѣ въ золотѣ, а рукава на рубахахъ — точныя коймы турецкой шали.

— Это квасы, которыми издавна славится нашъ домъ, — сказалъ братъ Василій.

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина—точный липецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ; игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ крючкомъ изо рта въ носъ.

— Нектаръ! — сказалъ онъ.

Выпилъ стаканъ отъ другого графина—еще лучше.

— Напитокъ напитковъ! — сказалъ Чичиковъ. — Могу сказать, что у почтеннѣйшаго вашего зятя, Константина Ѳедоровича, пилъ первѣйшую наливку, а у васъ — первѣйшій квасъ.

— Да вѣдь и наливка тоже отъ насъ: вѣдь это сестра завела... Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете ѣхать? — спросилъ братъ Василій.

— Ѣду я, — сказалъ Чичиковъ, слегка покачиваясь на лавкѣ и рукой поглаживая себя по колѣну и наклоняясь:—не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другого. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя: ибо, не говоря уже о пользѣ въ гемороидальномъ отношеніи, видѣть свѣтъ и коловращенье людей — есть уже само по себѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука.

Братъ Василій задумался.

«Говоритъ этотъ человѣкъ нѣсколько витіевато, но въ словахъ его, однакожъ, есть правда», подумалъ онъ.

Нѣсколько помолчавъ, сказалъ онъ, обратясь къ Платону:

— Я начинаю думать, Платонъ, что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя не что другое, какъ душевная спячка. Ты, просто, заснулъ, — и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, что ни случается.

— Вольно жъ принимать все близко къ сердцу,—сказалъ Платонъ.—Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги.

— Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность? — сказалъ Василій.—Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ? — Захватилъ пустошь, гдѣ у насъ празднуется красная горка. Во-первыхъ, пустоши этой я — ни за какія деньги... Здѣсь у меня крестьяне празднуютъ всякую весну красную горку, съ ней связаны воспоминанія деревни; а для меня обычай — святая вещь и за него готовъ пожертвовать всѣмъ.

— Не знаетъ, потому и захватилъ,—сказалъ Платонъ:—человѣкъ новый, только что пріѣхалъ изъ Петербурга; ему нужно объяснить, растолковать.

— Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью.

— Тебѣ нужно было съѣздить самому, растолковать. Переговори съ нимъ самъ.

— Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Изволь, поѣзжай самъ, если хочешь ты.

— Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь... Онъ можетъ меня и провести и обмануть.

— Да если угодно, такъ я поѣду, — сказалъ Чичиковъ: — скажите дѣльцо.

Василій взглянулъ на него и подумалъ:

«Экой охотникъ ѣздить».

— Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ,—сказалъ Чичиковъ,—и въ чемъ дѣло.

— Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную комиссію. Человѣкъ онъ, по-моему, дрянь: изъ простыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Тонъ задаетъ. Да у насъ народъ живетъ не глупый; мода намъ не указъ, а Петербургъ не церковь.

— Конечно,—сказалъ Чичиковъ:—а дѣло въ чемъ?

— Видите ли? ему, точно, нужна земля. Да, если бы онъ не такъ поступалъ, я бы съ охотою отвелъ въ другомъ мѣстѣ даромъ, не то, что... А теперь занозистый человѣкъ подумаетъ...

— По-моему, лучше переговориться: можетъ-быть, дѣло-то... Мнѣ поручали дѣла и не раскаивались... Вотъ тоже и генералъ Бетрищевъ...

— Но мнѣ совѣстно, что вамъ придется говорить съ такимъ человѣкомъ [1])...

— ... и наблюдая особенно, чтобъ это было втайнѣ, — сказалъ Чичиковъ:—ибо не столько самое преступленье, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— А, это такъ, это такъ, — сказалъ Лѣницынъ, наклонивъ совершенно голову на бокъ.

— Какъ пріятно встрѣтить единомысліе! — сказалъ Чичиковъ. — Есть и у меня дѣло, и законное и незаконное вмѣстѣ: съ виду незаконное, въ существѣ законное. Имѣя надобность въ залогахъ, никого не хочу вводить въ рискъ платежомъ по два рубля за живую душу. Ну, случится, лопну, — чего Боже сохрани, — непріятно вѣдь владѣльцу: я и рѣшилъ воспользоваться бѣглыми и мертвыми, еще не вычеркнутыми изъ ревизіи, чтобы за однимъ разомъ сдѣлать и христіанское дѣло, и снять съ бѣднаго владѣльца тягость уплаты за нихъ податей. Мы только между собой сдѣлаемъ формальнымъ образомъ купчую, какъ на живыя.

«Это, однакоже, что-то такое престранное», подумалъ Лѣницынъ и отодвинулся со стуломъ немного назадъ.

— Да дѣло-то, однакоже... такого рода...—началъ онъ.

— А соблазну не будетъ, потому что втайнѣ, — отвѣчалъ Чичиковъ, — и притомъ между благонамѣренными людьми.

— Да все-таки, однакоже, дѣло какъ-то...

— А соблазну никакого, — отвѣчалъ весьма прямо и открыто Чичиковъ. — Дѣло такого рода, какъ сейчасъ разсуждали: между людьми благонамѣренными, благоразумныхъ лѣтъ и, кажется, хорошаго чину, и притомъ втайнѣ.

И, говоря это, глядѣлъ онъ открыто и благородно ему въ глаза.

Какъ ни былъ изворотливъ Лѣницынъ, какъ ни былъ свѣдущъ вообще въ дѣлопроизводствахъ, но тутъ какъ-то совершенно пришелъ въ недоумѣнье, тѣмъ болѣе, что какимъ-то страннымъ образомъ онъ какъ бы запутался въ собственныя сѣти. Онъ вовсе не былъ способенъ на несправедливости и не хотѣлъ бы сдѣлать ничего несправедливаго, даже и втайнѣ.

«Экая удивительная оказія!—думалъ онъ про себя.—Прошу входить въ тѣсную дружбу даже съ хорошими людьми! Вотъ тебѣ и задача!»

Но судьба и обстоятельства какъ бы нарочно благопріятствовали Чичикову. Точно затѣмъ, чтобы помочь этому затруднительному дѣлу, вошла въ комнату молодая хозяйка, супруга Лѣницына, блѣдная, худенькая, низенькая, но одѣтая по-петербургскому, большая охотница до людей comme il faut. За нею былъ вынесенъ на рукахъ мамкой ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Ловкимъ подходомъ съ прискочкой и наклоненіемъ головы на бокъ, Чичиковъ совершенно обворожилъ петербургскую даму, а вслѣдъ за нею и ребенка. Сначала тотъ было разревѣлся, но словами: «Агу, агу, душенька», и прищелкиваньемъ пальцевъ, и красотой

---

[1]) Здѣсь въ рукописи пропускъ въ двѣ страницы.

сердоликовой печатки отъ часовъ, Чичикову удалось его переманить къ себѣ на руки. Потомъ онъ началъ его приподымать къ самому потолку и возбудилъ этимъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, чрезвычайно обрадовавшую обоихъ родителей. Но, отъ внезапнаго удовольствія или чего-либо другого, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо.

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнула жена Лѣницына: — онъ вамъ испортилъ весь фракъ!

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новешенькаго фрака былъ весь испорченъ.

«Пострѣлъ бы тебя взялъ, чертенокъ!» подумалъ онъ всердцахъ.

Хозяинъ, хозяйка, мамка—всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

— Ничего, ничего, совершенно ничего!—говорилъ Чичиковъ, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выраженіе. — Можетъ ли что испортить ребенокъ въ это золотое время своего возраста?—повторялъ онъ; а въ то же время думалъ:

«Да вѣдь какъ бестія, волки бъ его съѣли, мѣтко обдѣлалъ, канальчонокъ проклятый!»

Это, повидимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина въ пользу дѣла Чичикова. Какъ отказать такому гостю, который оказалъ столько невинныхъ ласкъ малюткѣ и великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Чтобы не подать дурного примѣра, рѣшились рѣшить дѣло секретно, ибо не столько самое дѣло, сколько соблазнъ вредоносенъ.

— Позвольте жъ и мнѣ, въ вознагражденье за услугу заплатить вамъ также услугой. Хочу быть посредникомъ вашимъ по дѣлу съ братьями Платоновыми. Вамъ нужна земля, не такъ ли?..

ГЛАВА ...

Все на свѣтѣ обдѣлываетъ свои дѣла. *Что кому требитъ, тотъ то и теребитъ*, говоритъ пословица. Путешествіе по сундукамъ произведено было съ успѣхомъ, такъ что кое-что отъ этой экспедиціи перешло въ собственную шкатулку. Словомъ, благоразумно было обстроено. Чичиковъ, не то, чтобы укралъ, но попользовался. Вѣдь всякій изъ насъ чѣмъ-нибудь попользуется: тотъ казеннымъ лѣсомъ, тотъ экономическими суммами, тотъ крадетъ у дѣтей своихъ ради какой-нибудь пріѣзжей актрисы, тотъ у крестьянъ ради мебели Гамбса или кареты. Что жъ дѣлать, если завелось такъ много всякихъ заманокъ на свѣтѣ? и дорогіе рестораны съ сумасшедшими цѣнами, и маскарады, и гулянья, и плясанья съ цыганками. Вѣдь трудно удержаться, если всѣ, со всѣхъ сторонъ дѣлаютъ то же, да и мода велитъ,—изволь удержать себя! Чичикову слѣдовало бы уже и выѣхать, но дороги испортились. Въ городѣ между тѣмъ готова была начаться другая ярмарка—собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотомъ, сырыми произведеніями да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же все, что куплено на Нижегородской ярмаркѣ краснопродавцами панскихъ товаровъ, привезено сюда. Наѣхали истребители русскихъ кошельковъ, французы съ помадами и француженки съ шляпками, истребители добытыхъ кровью и трудами денегъ—эта египетская саранча, по выраженію Костанжогло, которая, мало того, что все сожретъ, да еще и яицъ послѣ себя оставитъ, зарывши ихъ въ землю.

Только неурожай да несчастный въ самомъ..... удержали многихъ помѣщиковъ по деревнямъ. Зато чиновники, какъ не терпящіе неурожая, развер-

нулись; жены ихъ па бѣду также. Начитавшись разныхъ книгъ, распущенныхъ въ послѣднее время съ цѣлью внушить всякія новыя потребности человѣчеству, возымѣли жажду необыкновенную испытать всякихъ новыхъ наслажденій. Французъ открылъ новое заведенье—какой-то дотолѣ неслыханный въ губерніи вокзалъ, съ ужиномъ, будто бы по необыкновенно дешевой цѣнѣ и половину на кредитъ. Этого было достаточно, чтобы не только столоначальники, но даже и всѣ канцелярскіе, въ надеждѣ на будущія взятки съ просителей..... Зародилось желанье пощеголять другъ передъ другомъ лошадьми и кучерами. Ужъ это столкновенье сословій для увеселенья!.. Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольскія коляски пролетали взадъ и впередъ. Откуда взялись онѣ, Богъ вѣсть, но въ Петербургѣ не подгадили бы... Купцы, приказчики, ловко приподымая шляпы, запрашивали барынь. Рѣдко гдѣ видны были бородачи въ мѣховыхъ горлатныхъ шапкахъ. Все было европейскаго вида съ бритыми подбородками, все..... и съ гнилыми зубами.

— Пожалуйте, пожалуйста! Да ужъ извольте только взойти-съ въ лавку! Господинъ, господинъ!—покрикивали кое-гдѣ мальчишки.

Но ужъ на нихъ съ презрѣньемъ смотрѣли познакомленные съ Европой посред...; изрѣдка только съ чувствомъ достоинства произносили: «Шт.....», или: «здѣсь сукна зиберъ, клеръ и черныя».

— Есть сукна брусничныхъ цвѣтовъ съ искрой?—спросилъ Чичиковъ.

— Отличныя сукна,—сказалъ купецъ, приподнимая одной рукой картузъ, а другой указывая на лавку.

Чичиковъ взошелъ въ лавку. Ловко приподнялъ доску..... и очутился на другой сторонѣ его, спиною къ товарамъ, вознесеннымъ отъ низу до потолка, штука на штукѣ, и—лицомъ къ покупателю. Опершись ловко обѣими руками и, слегка покачиваясь на нихъ всѣмъ корпусомъ, произнесъ:

— Какихъ суконъ пожелаете?

— Съ искрой оливковыхъ или бутылочныхъ, приближающихся, такъ сказать, къ брусникѣ,—сказалъ Чичиковъ.

— Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, лучше котораго только въ просвѣщенныхъ столицахъ можно найти. Малый! подай сукно сверху, что за 34-мъ номеромъ. Да не то, братецъ! Что ты вѣчно выше своей сферы, точно пролетарій какой! Бросай его сюда. Вотъ суконце!

И, разворотѝвши его съ другого конца, купецъ поднесъ Чичикову къ самому носу, такъ что̀ тотъ могъ не только погладить рукой шелковистый лоскъ, но даже и понюхать.

— Хорошо, но все не то,—сказалъ Чичиковъ.—Вѣдь я служилъ на таможнѣ, такъ мнѣ высшаго сорта, какое есть, и пригомъ больше искрасна, не къ бутылкѣ, но къ брусникѣ чтобы приближалось.

— Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой нынче въ моду входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства.

Европеецъ полѣзъ. Штука упала. Развернулъ онъ ее съ искусствомъ прежнихъ временъ, даже на время позабывъ, что онъ принадлежитъ уже къ позднѣйшему поколѣнію, и поднесъ къ свѣту, даже вышедши изъ лавки, и тамъ его показалъ, прищурясь къ свѣту и сказавши:

— Отличный цвѣтъ! Сукно наваринскаго дыму съ пламенемъ.

Сукно понравилось; о цѣнѣ условились, хотя она и «съ прификсомъ», какъ утверждалъ купецъ. Тутъ произведено было ловкое дранье обѣими руками. Заворочено оно было въ бумагу, по-русски, съ быстротой неимовѣрной. Свертокъ завертѣлся подъ легкой бечевкой, охватившей его животрепещущимъ

узломъ. Ножницы перерѣзали бечевку, и все было уже въ коляскѣ. Купецъ приподымалъ картузъ. Приподымающій картузъ..... причину: онъ вынулъ изъ кармана деньги.

— Покажите чернаго сукна,—раздался голосъ.

— Вотъ, чортъ побери, Хлобуевъ,—сказалъ про себя Чичиковъ и поворотился спиною, чтобы не видать его, находя неблагоразумнымъ съ своей стороны заводить съ нимъ какое-либо объясненіе насчетъ наслѣдства.

Но онъ уже его увидѣлъ.

— Что это, право, Павелъ Ивановичъ, не съ умысломъ ли уходите отъ меня? Я васъ нигдѣ не могу найти, а вѣдь дѣла такого рода, что намъ нужно серьезно переговорить.

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій,—сказалъ Чичиковъ, пожимая ему руки:— повѣрьте, что все хочу съ вами побесѣдовать, да времени совсѣмъ нѣтъ.—А самъ думалъ: «Чортъ бы тебя побралъ!» И вдругъ увидѣлъ входящаго Муразова.—Ахъ, Боже! Аѳанасій Васильевичъ! Какъ здоровье ваше?

— Какъ вы?—сказалъ Муразовъ, снимая шляпу.

Купецъ и Хлобуевъ сняли шляпу.

— Да вотъ поясница, да и сонъ какъ-то все не то. Ужъ оттого ли, что мало движенія...

Но Муразовъ, вмѣсто того, чтобы углубиться въ причину припадковъ Чичикова, обратился къ Хлобуеву:

— А я, Семенъ Семеновичъ, увидавши, что вы взошли въ лавку,—за вами. Мнѣ нужно кое о чемъ переговорить, такъ не хотите ли заѣхать ко мнѣ?

— Какъ же, какъ же!—сказалъ поспѣшно Хлобуевъ и вышелъ съ нимъ.

«О чемъ бы у нихъ разговоры?» подумалъ Чичиковъ.

— Аѳанасій Васильевичъ—почтенный и умный человѣкъ,—сказалъ купецъ:—и дѣло свое знаетъ, но просвѣтительности нѣтъ. Вѣдь купецъ есть негоціантъ, а не то что купецъ. Тутъ съ этимъ соединено и буджетъ, и реакція, а иначе выйдетъ павпуризмъ.

Чичиковъ махнулъ рукой.

— Павелъ Ивановичъ, я васъ ищу вездѣ,—раздался позади голосъ Лѣницына.

Купецъ почтительно снялъ шляпу.

— Ахъ, Ѳедоръ Ѳедорычъ!

— Ради Бога, ѣдемте ко мнѣ: мнѣ нужно переговорить,—сказалъ онъ.

Чичиковъ взглянулъ—на немъ не было лица. Расплатившись съ купцомъ, онъ вышелъ изъ лавки.

— Васъ жду, Семенъ Семеновичъ,—сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева:—пожалуйте ко мнѣ въ комнатку.

И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

— Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что.

— Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ,—и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по этому завѣщанію самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, что такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ...

— Позвольте, Семенъ Семеновичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить, собственно, о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?

— Мои обстоятельства трудныя,—сказалъ Хлобуевъ.—Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться со всѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ, если не больше, — словомъ, мнѣ это невозможно.

— Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?

— Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаніемъ дѣтей. О себѣ нечего уже думать: карьеръ мой конченъ, потому что мнѣ не служить: я ужъ никуда не гожусь.

— И все-таки жизнь останется праздная, а въ праздности приходятъ искушенія, о которыхъ бы и не подумалъ человѣкъ, занявшись работою.

— Не могу, никуда не гожусь: осовѣлъ, болитъ поясница.

— Да какъ же жить безъ работы? Какъ быть на свѣтѣ безъ должности, безъ мѣста? Помилуйте! Взгляните на всякое твореніе Божіе: всякое чему-нибудь да служитъ, имѣетъ свое отправленіе. Даже камень, и тотъ затѣмъ, чтобы употреблять на дѣло, а человѣкъ, разумнѣйшее существо, чтобы оставался безъ пользы, — статочное ли это дѣло?

— Ну, да я все-таки не безъ дѣла. Я могу заняться воспитаніемъ дѣтей.

— Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, нѣтъ! это всего труднѣе. Какъ воспитать тому дѣтей, кто самъ себя не воспиталъ? Дѣтей вѣдь только можно воспитать примѣромъ собственной жизни. А ваша жизнь годится имъ въ примѣръ? Чтобы выучиться развѣ тому, какъ въ праздности проводить время да играть въ карты? Нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, отдайте дѣтей мнѣ. вы ихъ испортите. Подумайте не шутя: васъ сгубила праздность, — вамъ нужно отъ нея бѣжать. Какъ жить на свѣтѣ неприкрѣпленну ни къ чему? Какой-нибудь да должно исполнять долгъ. Поденщикъ,—вѣдь и тотъ служитъ. Онъ ѣстъ грошовый хлѣбъ, да вѣдь онъ его добываетъ и чувствуетъ интересъ своего занятія.

— Ей Богу, пробовалъ, Аѳанасій Васильевичъ, старался преодолѣть! Что жъ дѣлать! остарѣлъ, сдѣлался неспособенъ. Ну, какъ мнѣ поступить? Неужели опредѣлиться мнѣ въ службу? Ну, какъ же мнѣ, въ сорокъ пять лѣтъ, сѣсть за одинъ столъ съ начинающими канцелярскими чиновниками? Притомъ я неспособенъ къ взяткамъ—и себѣ помѣшаю и другимъ повредю. Тамъ ужъ у нихъ и касты свои образовались. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, думалъ, пробовалъ, перебиралъ всѣ мѣста,—вездѣ буду неспособенъ. Только развѣ въ богадѣльню...

— Богадѣльня тѣмъ, которые трудились; а тѣмъ, которые веселились все время въ молодости, отвѣчаютъ, какъ муравей стрекозѣ: «Поди, попляши!» Да и въ богадѣльнѣ сидя, тоже трудятся и работаютъ, въ листъ не играютъ. Семенъ Семеновичъ, — говорилъ Муразовъ, смотря ему въ лицо пристально,— вы обманываете и себя и меня.

Муразовъ глядѣлъ пристально ему въ лицо; но бѣдный Хлобуевъ ничего не могъ отвѣчать. Муразову стало его жалко.

— Послушайте, Семенъ Семеновичъ... Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете,—идете въ четыре часа утра, когда никто не подымался.

— Это—другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я знаю, что это я дѣлаю не для человѣка, но для Того, Кто приказалъ намъ быть всѣмъ на свѣтѣ. Что жъ дѣлать! Я вѣрю, что Онъ милостивъ ко мнѣ, что какъ я ни мерзокъ ни

гадокъ, но Онъ меня можетъ простить и принять, тогда какъ люди оттолкнутъ ногою и наилучшій изъ друзей продастъ меня, да еще и скажетъ потомъ, что онъ продалъ изъ благой цѣли.

Огорченное чувство выразилось въ лицѣ Хлобуева. Старикъ прослезился, но ничего не.....

— Такъ послужите же Тому, Который такъ милостивъ. Ему такъ же угоденъ трудъ, какъ и молитва. Возьмите какое ни есть занятіе, но возьмите, какъ бы вы дѣлали для Него, а не для людей. Ну, просто, хоть воду толките въ ступѣ, но помышляйте только, что вы дѣлаете для Него. Ужъ этимъ будетъ выгода, что для дурного не останется времени—для проигрыша въ карты, для пирушки съ объѣдалами, для свѣтской жизни. Эхъ, Семенъ Семеновичъ! Знаете вы Ивана Потапыча?

— Знаю и очень уважаю.

— Вѣдь хорошій былъ торговецъ: полмилліона было; да какъ увидѣлъ во всемъ прибытокъ — и распустился. Сына по-французски сталъ учить, дочь — за генерала. И уже не въ лавкѣ или въ биржевой улицѣ, а все какъ бы встрѣтить пріятеля да затащить въ трактиръ пить чай; тамъ цѣлые дни—чай, да и обанкрутился. А тутъ Богъ несчастье послалъ: сынъ... Теперь онъ, видите ли, приказчикомъ у меня. Началъ сызнова. Дѣла-то поправились его. Онъ могъ бы опять торговать на пятьсотъ тысячъ. «Приказчикомъ былъ, приказчикомъ хочу и умереть. Теперь, — говоритъ, — я сталъ здоровъ и свѣжъ, а тогда у меня брюхо де заводилось, да и водяная начиналась... Нѣтъ!» — говоритъ. — И чаю онъ теперь въ ротъ не беретъ. Щи да кашу — и больше ничего, да-съ. А ужъ молится онъ такъ, какъ никто изъ насъ не молится; а ужъ помогаетъ онъ бѣднымъ такъ, какъ никто изъ насъ не помогаетъ; а другой радъ бы помочь, да деньги свои прожилъ.

Бѣдный Хлобуевъ задумался.

Старикъ взялъ его за обѣ руки.

— Семенъ Семеновичъ! Если бы вы знали, какъ мнѣ васъ жалко! Я объ васъ все время думалъ. И вотъ послушайте. Вы знаете, что въ монастырѣ есть затворникъ, который никого не видитъ. Человѣкъ этотъ большого ума,— такого ума, что я не знаю. Онъ не говоритъ, но ужъ если дастъ совѣтъ... Я началъ ему говорить, что вотъ у меня есть этакой пріятель, что болѣетъ онъ вотъ чѣмъ. Онъ началъ слушать да вдругъ прервалъ словами: «Прежде Божье дѣло, чѣмъ свое. Церковь строятъ, а денегъ нѣтъ: сбирать нужно на церковь!» Да и захлопнулъ дверью. Я думалъ, что жъ это значитъ? Не хочетъ, видно, дать совѣта. Да и зашелъ къ нашему архимандриту. Только что я въ дверь, а онъ мнѣ съ первыхъ же словъ: не знаю ли я такого человѣка, которому бы можно было поручить сборъ на церковь, который бы былъ или изъ дворянъ, или купцовъ, повоспитаннѣй другихъ, смотрѣлъ бы на то, какъ на спасеніе свое? Я такъ съ перваго же разу и остановился. «Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это схимникъ назначаетъ эту должность Семену Семеновичу. Дорога для его болѣзни хороша. Переходя съ книгой отъ помѣщика къ крестьянину и отъ крестьянина къ мѣщанину, онъ узнаетъ и то, какъ кто живетъ и кто въ чемъ нуждается,—такъ что воротится потомъ, обошедши нѣсколько губерній, такъ узнаетъ мѣстность и край получше всѣхъ тѣхъ людей, которые живутъ въ городахъ... А этакіе люди теперь нужны». Вотъ мнѣ князь сказывалъ, что онъ много бы далъ, чтобы достать такого чиновника, который бы зналъ не по бумагамъ дѣло, а точно узналъ, какъ они на дѣлѣ, потому что изъ бумагъ, говорятъ, ничего ужъ не видать: такъ все запуталось.

— Вы меня совершенно смутили, сбили, Аѳанасій Васильевичъ,— сказалъ Хлобуевъ, въ изумленіи смотря на него. — Я даже не вѣрю тому, что вы,

точно, мнѣ это говорите: для этого нуженъ неутомимый, дѣятельный человѣкъ. Притомъ какъ же мнѣ бросить жену, дѣтей, которымъ ѣсть нечего?

— О супругѣ и дѣтяхъ не заботьтесь. Я возьму ихъ на свое попеченье, и учителя будутъ у дѣтей. Чѣмъ вамъ ходить съ котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднѣе и лучше просить для Бога. Я вамъ дамъ простую кибитку, тряски не бойтесь: это для вашего здоровья. Я дамъ вамъ на дорогу денегъ, чтобы вы могли мимоходомъ дать тѣмъ, которые посильнѣе другихъ нуждаются. Вы здѣсь можете много добрыхъ дѣлъ сдѣлать: вы ужъ не ошибетесь, а кому дадите, тотъ точно будетъ стоить. Этакимъ образомъ ѣздя, вы точно узнаете всѣхъ, кто..... Это не то, что иной чиновникъ, котораго всѣ боятся и отъ котораго.....; а съ вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговорятся.

— Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень желалъ исполнить хоть часть; но, правo, мнѣ кажется, это свыше силъ.

— Да что же по нашимъ силамъ? — сказалъ Муразовъ. — Вѣдь ничего нѣтъ по нашимъ силамъ; все свыше нашихъ силъ. Безъ помощи свыше ничего нельзя. Но молитва собираетъ силы. Перекрестясь, говоритъ человѣкъ: «Господи, помилуй!» гребетъ и доплываетъ до берега. Объ этомъ не нужно и помышлять долго; это нужно, просто, принять за повелѣніе Божіе. Кибитка будетъ вамъ сейчасъ готова; а вы забѣгите къ отцу архимандриту за книгой и за благословеньемъ, да и въ дорогу.

— Повинуюсь вамъ и принимаю не иначе, какъ за указаніе Божіе.

«Господи, благослови!» сказалъ онъ внутренно и почувствовалъ, что бодрость и сила стала проникать къ нему въ душу. Самый умъ его какъ бы сталъ пробуждаться надеждой на исходъ изъ своего печально-неисходнаго положенія. Свѣтъ сталъ мерцать вдали...

Но, оставивши Хлобуева, обратимся къ Чичикову.

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали; только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: «Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу будетъ возня, но помните, что тревожиться никакъ не слѣдуетъ. Главное дѣло—спокойствіе. Обдѣлаемъ все». Записка эта успокоила совершенно его. «Точно геній», сказалъ Чичиковъ. Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье. Онъ получилъ желаніе сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки такъ молодецки славно обтянуло, икры тоже; сукно обхватило всѣ малости, сообща имъ еще большую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ уда-

рилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: «Вѣдь какой дуракъ! а въ цѣломъ онъ составляетъ картину». Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянуты, выгнулся на перехватѣ, показавши весь его перегибъ. На замѣчаніе Чичикова, что подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало по таліи. «Будите покойны, будьте покойны насчетъ работы, — повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ:—кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ». Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ выставилъ: *Иностранецъ изъ Лондона и Парижа*. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь «Карлсеру» или «Копенгара».

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркало, какъ артистъ съ эстетическимъ чувствомъ и con amore. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ, новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный жилетъ давалъ тонъ манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо — хорошо! Поворотился налѣво — еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у такого господина, который такъ и чешетъ по-французски, который, даже и разсердясь, выбраниться не смѣетъ на русскомъ языкѣ, а распечетъ французскимъ діалектомъ: деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня голову нѣсколько на бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенья: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздрогнулъ комодъ и шлепнулась на землю склянка съ одеколономъ; но это не причинило никакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую склянку дурой и подумалъ: «Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше»... Какъ вдругъ въ передней — въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ съ шпорами, и жандармъ въ полномъ вооруженіи, какъ будто въ лицѣ его было цѣлое войско: «Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!» Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что: цѣлое войско въ одномъ только! Онъ началъ было возражать, страшилище грубо заговорило: «Приказано сей же часъ!» Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшилище; взглянулъ въ окошко—и экипажъ. Что тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться ему. «Ступайте! васъ князь уже ждетъ», сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: «Вотъ какъ схватитъ, да безъ суда, безъ всего, прямо въ Сибирь!» Сердце его забилось съ такой силою, съ какой не бьется даже у наиревнивѣйшаго любовника. Наконецъ растворилась роковая дверь: предсталъ кабинетъ съ портфелями, шкапами и книгами, и князь, гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

«Губитель, губитель! — сказалъ Чичиковъ: — онъ меня зарѣжетъ, какъ волкъ агнца».

— Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ! — Губы князя дрожали отъ гнѣва.

— Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ? — спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Женщина, — произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову: — женщина, которая подписывала по вашей диктовкѣ завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку.

Свѣтъ помутился въ очахъ Чичикова.

— Ваше сіятельство! скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги.

— Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, что можетъ выдумать послѣдній лжецъ. Вы во всю жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копейка, добытая вами, добыта безчестнѣйшимъ образомъ, есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, на ряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ ждать разрѣшенія участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько разъ: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты...—Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

— Ваше сіятельство,—вскрикнулъ Чичиковъ, — умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите — старуху-мать!

— Врешь!—вскрикнулъ гнѣвно князь.—Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь—матерью.

— Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй, — сказалъ Чичиковъ голосомъ ..... — Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей ни семейства; но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженіе гражданъ и начальства... Но что за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Ваше сіятельство! кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушенья... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно вихорь буйный или судно среди волнъ, по волѣ вѣтровъ. Я — человѣкъ, ваше сіятельство!

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ: во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ, въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, чудесно сшитыхъ штанахъ и головной прическѣ, изливавшей токъ сладкаго дыханія первѣйшаго одеколона, и ударился лбомъ.

— Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдатъ! — сказалъ князь взошедшимъ.

— Ваше сіятельство! — кричалъ Чичиковъ и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя.

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ князя.

— Подите прочь, говорю вамъ! — сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятья Чичикова.

— Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости,— говорилъ Чичиковъ, не выпуская сапога князя и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой, по полу съ фракомъ наваринскаго пламени и дыма.

— Подите, говорю вамъ! — говорилъ онъ съ тѣмъ неизъяснимымъ чувствомъ отвращенія, какое чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго

насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ носъ, губы и округленный подбородокъ, но не выпустилъ сапога и еще съ большей силой держалъ его въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу навстрѣчу — Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной вырвался онъ изъ рукъ обоихъ жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

— Батюшка, Павелъ Ивановичъ! что съ вами?

— Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть... — Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промозглый, сырой чуланъ, съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашенный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзной рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало,— вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ герой, уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманіе соотечественниковъ въ тонкомъ новомъ фракѣ наварпнскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги, быть-можетъ, достигнутыя... Бумаги, крѣпости на мертвыхъ — все было теперь у чиновниковъ. Онъ повалился на землю, и безнадежная грусть плотояднымъ червемъ обвилась около его сердца. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но и надъ Чичиковымъ не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя, двери тюрьмы растворились: взошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы истерзанному палящей жаждой, покрытому прахомъ и пылью дороги, изнуренному, изможденному путнику влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, — не такъ бы ею онъ освѣжился, не такъ оживился, какъ оживился бѣдный Чичиковъ.

— Спаситель мой! — сказалъ Чичиковъ, вдругъ схвативши съ полу, на который бросился въ разрывающей его печали, его руку, быстро поцѣловалъ и прижалъ къ груди.—Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только:

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали!

— Что жъ дѣлать! Сгубила проклятая! Не зналъ мѣры; не сумѣлъ во-время остановиться. Сатана проклятый обольстилъ, вывелъ изъ предѣловъ разума и благоразумія человѣческаго. Преступилъ, преступилъ! Но только какъ же можно этакъ поступить? Дворянина, дворянина, безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму!,. Дворянина, Аѳанасій Васильевичъ! Да вѣдь какъ же не дать время зайти къ себѣ, распорядиться съ вещами? Вѣдь тамъ у меня все осталось теперь безъ присмотра. Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ, шкатулка! вѣдь тамъ все имущество. Потомъ пріобрѣлъ, кровью, лѣтами трудовъ, лишеній... Шкатулка, Аѳанасій Васильевичъ! Вѣдь все украдутъ, разнесутъ! О, Боже!

И, не въ силахъ будучи удержать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся въ отдаленіи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы не видали страшнаго своего положенія.

— Благодѣтель, спасите, спасите! — отчаянно закричалъ бѣдный Павелъ Ивановичъ, повалившись къ нему въ ноги. — Князь васъ любитъ, для васъ все сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не могу, какъ бы ни хотѣлъ, какъ бы ни желалъ. Вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка.

— Искусилъ шельма сатана, извергъ человѣческаго рода!

Ударился головою въ стѣну, а рукой хватилъ по столу такъ, что разбилъ въ кровь кулакъ; но ни боли въ головѣ ни жестокости удара не почувствовалъ.

— Павелъ Ивановичъ, успокойтесь, подумайте, какъ бы примириться съ Богомъ, а не съ людьми; о бѣдной душѣ своей помыслите.

— Но вѣдь судьба какая, Аѳанасій Васильевичъ! Досталась ли хоть одному человѣку такая судьба? Вѣдь съ терпѣніемъ, можно сказать, кровавымъ добывалъ копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбилъ или казну обворовалъ, какъ дѣлаютъ. Зачѣмъ добывалъ копейку? Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней; оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Вотъ для чего хотѣлъ пріобрѣсти! Покривилъ, не спорю, покривилъ... что жъ дѣлать? Но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь и что косой дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. Если бралъ, такъ съ богатыхъ. А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи съ казны, небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копейку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!.. Что жъ за несчастье такое, скажите,— всякій разъ, что какъ только начнешь достигать плодовъ и, такъ сказать, уже касаться рукой, вдругъ буря, подводный камень, сокрушеніе въ щепки всего корабля. Вотъ подъ триста тысячъ было капиталу; трехъэтажный домъ былъ уже; два раза уже деревню покупалъ... Ахъ, Аѳанасій Васильевичъ! За что жъ такая.....? За что жъ такіе удары? Развѣ и безъ того жизнь моя не была, какъ судно среди волнъ? Гдѣ справедливость небесъ? Гдѣ награда за терпѣніе, за постоянство безпримѣрное? Вѣдь я три раза сызнова начиналъ: все потерявши, начиналъ вновь съ копейки, тогда какъ иной давно бы съ отчаянія запилъ и сгнилъ въ кабакѣ. Вѣдь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Вѣдь всякая копейка выработана, такъ сказать, всѣми силами души!.. Положимъ, другимъ доставалось легко, но вѣдь для меня была *всякая копейка*, какъ говоритъ пословица, *алтыннымъ гвоздемъ прибита*, и эту алтыннымъ гвоздемъ прибитую копейку я доставалъ, видитъ Богъ, съ этакой желѣзной неутомимостью...

Онъ зарыдалъ громко, отъ нестерпимой боли сердца, упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую, разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя, и, запустивши обѣ руки себѣ въ волоса, объ укрѣпленіи которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить ничѣмъ неугасимую боль сердца.

Долго сидѣлъ молча предъ нимъ Муразовъ, глядя на это необыкновенное . . . . . , въ первый разъ имъ виданное. А несчастный, ожесточенный человѣкъ, еще недавно порхавшій вокругъ съ развязной ловкостью свѣтскаго или военнаго человѣка, метался теперь въ растрепанномъ, непристойномъ видѣ, въ разорванномъ фракѣ и разстегнутыхъ шароварахъ, съ окровавленнымъ разбитымъ кулакомъ, изливая хулу на враждебныя силы, перечащія человѣку.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Какой бы изъ васъ былъ человѣкъ, если бы такъ же. и силою и терпѣніемъ да подвизались бы на

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только:
— Ахъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что вы сдѣлали!

добрый трудъ, имѣя лучшую цѣль! Боже мой, сколько бы вы надѣлали добра! Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро, да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копейки, да сумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копейки,—Боже мой, какъ процвѣла бы наша земля!.. Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! Не то жаль, что виноваты вы стали предъ другими, а то жаль, что предъ собой стали виноваты—передъ богатыми силами и дарами, которые достались въ удѣлъ вамъ. Назначенье ваше — быть великимъ человѣкомъ, а вы себя запропастили и погубили.

Есть тайны души: какъ бы ни далеко отшатнулся отъ прямого пути заблуждающійся, какъ бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступникъ, какъ бы ни коснѣлъ твердо въ своей совращенной жизни; но, если попрекнешь его имъ же, его же достоинствами, имъ опозоренными, въ немъ все поколеблется невольно, и весь онъ потрясется.

— Аѳанасій Васильевичъ,— сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки.— О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! Клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель, спасите!

— Что жъ я могу сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ,— онъ ни за что не отступитъ.

— Благодѣтель! Вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашить,— я передъ закономъ найду средства,— но то, что неповинно я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... Спасите!

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! — говорилъ старикъ Муразовъ, качая головою.— Какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите.

— Подумаю и о душѣ, но спасите!

— Павелъ Ивановичъ!..— сказалъ старикъ Муразовъ, и остановился.— Спасти васъ не въ моей власти,— вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ,— я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенія. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества,— а у меня его больше, чѣмъ у васъ,— я бы не заплакалъ. Ей-ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать, а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы уже пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже, чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству. Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти: пусть и онъ васъ позабудетъ: въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель или предатель.

— Непремѣнно, непремѣнно! Я уже хотѣлъ, уже намѣревался повести жизнь, какъ слѣдуетъ, думалъ заняться хозяйствомъ, умѣрить жизнь. Демонъ-искуситель сбилъ, совлекъ съ пути, сатана, чортъ, исчадье!

Какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему необъяснимыя, пришли къ нему, какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то далекое, что-то подавленное издѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью родного жилища, безсемейнымъ одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что... суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное, занесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю. Стенанье изнеслось изъ устъ его и, наложивъ обѣ ладони на лицо свое, скорбнымъ голосомъ произнесъ онъ:

— Правда, правда!

— И познанье людей и опытность не помогли на незаконномъ основаньи. А если бы къ этому да основанье законное!.. Эхъ, Павелъ Ивановичъ, зачѣмъ вы себя погубили? Проснитесь: еще не поздно, еще есть время...

— Нѣтъ, поздно, поздно! — застоналъ онъ голосомъ, отъ котораго у Муразова чуть не разорвалось сердце. — Начинаю чувствовать, слышу, что не такъ, не такъ иду, и что далеко отступился отъ прямого пути, но ужъ не могу! Нѣтъ, не такъ воспитанъ. Отецъ мнѣ твердилъ нравоученья, билъ, заставлялъ переписывать съ нравственныхъ правилъ, а самъ кралъ передо мною у сосѣдей лѣсъ и меня еще заставлялъ помогать ему. Завязалъ при мнѣ неправую тяжбу; развратилъ сиротку, которой онъ былъ опекуномъ. Примѣръ сильнѣй правилъ. Вижу, чувствую, Аѳанасій Васильевичъ, что жизнь веду не такую, но нѣтъ большого отвращенья отъ порока: огрубѣла натура, нѣтъ любви къ добру, этой прекрасной наклонности къ дѣламъ богоугоднымъ, обращающейся въ натуру, въ привычку... Нѣтъ такой охоты подвизаться для добра, какова есть для полученья имущества. Говорю правду—что жъ дѣлать!

Сильно вздохнулъ старикъ...

— Павелъ Ивановичъ! У васъ столько воли, столько терпѣнья. Лѣкарство горько, но вѣдь больной принимаетъ, зная, что иначе не выздоровѣетъ. У васъ нѣтъ любви къ добру, дѣлайте добро насильно, безъ любви къ нему. Вамъ это зачтется еще въ большую заслугу, чѣмъ тому, кто дѣлаетъ добро по любви къ нему. Заставьте себя только нѣсколько разъ,— потомъ получите и любовь. Повѣрьте, все дѣлается. *Царство нудится*, сказано намъ. Только насильно пробираясь къ нему... насильно нужно пробираться, брать его насильно. Эхъ, Павелъ Ивановичъ! Вѣдь у васъ есть эта сила, которой нѣтъ у другихъ, это желѣзное терпѣнье,— и вамъ ли не одолѣть? Да вы, мнѣ кажется, были бы богатырь. Вѣдь теперь люди—безъ воли все, слабые.

Замѣтно было, что слова эти вонзились въ самую душу Чичикову и задѣли что-то славолюбивое на днѣ ея. Если не рѣшимость, то что-то крѣпкое и на нее похожее блеснуло въ глазахъ его.

— Аѳанасій Васильевичъ! — сказалъ онъ твердо.— Если только вымолите мнѣ избавленье и средства уѣхать отсюда съ какимъ-нибудь имуществомъ, я даю вамъ слово начать другую жизнь: куплю деревеньку, сдѣлаюсь хозяиномъ, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другимъ, буду дѣлать добро, сколько будетъ силъ; позабуду себя и всякія городскія объѣденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь.

— Богъ васъ да подкрѣпитъ въ этомъ намѣреніи! — сказалъ обрадованный старикъ.— Буду стараться изо всѣхъ силъ, чтобы вымолить у князя ваше освобожденіе. Удастся или не удастся, это Богъ знаетъ. Во всякомъ случаѣ, участь ваша, вѣрно, смягчится. Ахъ, Боже мой! Обнимите же, позвольте мнѣ васъ обнять. Какъ вы меня, право, обрадовали! Ну, съ Богомъ, сейчасъ же иду къ князю.

Чичиковъ остался одинъ.

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина, твердѣйшій изъ металловъ, всѣхъ долѣе противящійся огню, когда усилить въ горнилѣ огонь, дуютъ мѣхи, и восходитъ нестерпимый жаръ огня,—бѣлѣетъ упорный и превращается также въ жидкость; подается и крѣпчайшій мужъ въ горнилѣ несчастій, когда, усиливаясь, они нестерпимымъ огнемъ своимъ жгутъ отвердѣлую природу.

«Самъ не умѣю и не чувствую, но всѣ силы употреблю, чтобы другимъ дать почувствовать; самъ дурной и ничего....., но всѣ силы употреблю, чтобы другихъ настроить; самъ дурной христіанинъ, но всѣ силы употреблю, чтобы не подать соблазна. Буду трудиться, буду работать въ потѣ лица въ деревнѣ и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліянье и на другихъ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный! Есть способности къ хозяйству; я имѣю качества бережливости, расторопности и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться...»

Такъ думалъ Чичиковъ и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязалъ. Казалось, природа его темнымъ чутьемъ стала слышать, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, который можно исполнять всюду, на всякомъ углѣ, несмотря на всякія обстоятельства, смятенья и движенья, летающія вокругъ человѣка, съ того мѣста и угла, на которомъ онъ постановленъ. И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и тѣхъ обольщеній, которыя отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала передъ нимъ рисоваться, что онъ уже почти позабылъ всю непріятность своего положенія и, можетъ-быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣнье за этотъ тяжелый ударъ, если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть... Но одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная особа—Самосвистовъ, эпикуреецъ, собой лихачъ, въ плечахъ аршинъ, ноги стройныя, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ; его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть подъ носомъ у самаго непріятеля пушку,—это его бы дѣло. Но, за неимѣньемъ военнаго поприща, на которомъ бы, можетъ-быть, его сдѣлали бы честнымъ человѣкомъ, онъ пакостилъ отъ всѣхъ силъ. Непостижимое дѣло! Странныя онъ имѣлъ убѣжденія и правила: съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ.

— Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали!—сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась.—Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ станемъ работать за васъ—и ваши слуги. Тридцать тысячъ на всѣхъ—и ничего больше.

— Будто?—вскрикнулъ Чичиковъ.—И я буду совершенно оправданъ?

— Кругомъ! Еще и вознагражденье получите за убытки.

— И за трудъ?

— Тридцать тысячъ. Тутъ ужъ всѣ вмѣстѣ—и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю.

— Но, позвольте, какъ же я могу?.. Мои всѣ вещи... Шкатулк... Все это теперь запечатано, подъ присмотромъ...

— Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что ли?

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно.

— Пока прощайте! Поручилъ вамъ сказать нашъ общій пріятель, что главное дѣло—спокойствіе и присутствіе духа.

«Гмъ!—подумалъ Чичиковъ.—Понимаю—юрисконсультъ!»

Самосвистовъ скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не довѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги—все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвистовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ потребовать еще лишнихъ солдатъ для усиленія присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова, связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возымѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія приманки: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и тишина стали казаться блѣднѣй, городъ и шумъ—опять ярче, яснѣй... О жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, любуясь, какъ художники, крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвистовъ превзошелъ самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку.

— Давно ты здѣсь стоишь?

— Съ утра, ваше благородіе.

— Долго до смѣны?

— Три часа, ваше благородіе.

— Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы намѣсто тебя отрядилъ другого.

— Слушаю, ваше благородіе!

И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, чтобы не замѣшивать никого и всѣ концы въ воду, самъ нарядился жандармомъ, оказался въ усахъ и бакенбардахъ—самъ чортъ бы не узналъ. Явился въ домъ, гдѣ былъ Чичиковъ, и, схвативши первую бабу, какая попалась, сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ:

— Ступай къ..... меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну.

Обмѣнился и сталъ самъ съ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это время намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвистовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать сторонкою, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, что секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ,—и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны всѣ были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ, и пошли открываться

такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы, соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣло было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали, наконецъ, поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ, чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другого непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то мертвыя души. Каялись и грѣшили и подъ видомъ изловить антихриста укокошили неантихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны быть помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики,—и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ, отказалась платить подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ.

— Пусть войдетъ, — сказалъ князь.

Старикъ взошелъ.

— Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится.

— Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло.

— Подлогъ завѣщанія, и еще какой!.. Публичное наказаніе плетьми за этакое дѣло!

— Ваше сіятельство, скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова, — но вѣдь это дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано.

— Улика: женщина, которая была наряжена намѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ.

Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину.

Муразовъ замолчалъ.

— Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники! — сказалъ князь съ жаромъ.

— Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣлъ право на притязанія; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженія умнаго и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться—человѣческое дѣло...

— Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?.. Подлецы!—сказалъ князь съ чувствомъ негодованія.—Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго: всѣ мерзавцы!

— Ваше сіятельство! Да кто жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ хорошъ? Всѣ чиновники нашего города — люди, имѣютъ достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ.

— Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ, — я васъ одного знаю за честнаго человѣка, — что у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?

— Ваше сіятельство, — сказалъ Муразовъ. — Кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, когда знаешь, что онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнія? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу и всякую минуту бываемъ причиной несчастія другого, даже и не съ дурнымъ намѣреньемъ. Вѣдь ваше сіятельство сдѣлали также большую несправедливость.

— Какъ! — воскликнулъ въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ нежданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и, наконецъ, сказалъ:

— Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова.

— Аѳанасій Васильевичъ! Преступленье противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!

— Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который по неопытности своей былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла равная и Дѣрпѣнникова и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а вѣдь преступленья ихъ не равны.

— Ради Бога... — сказалъ князь съ замѣтнымъ волненьемъ: — вы что-нибудь знаете объ этомъ? Скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи.

— Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили ль вы тогда слишкомъ поспѣшить? Извините, ваше сіятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы нѣсколько разъ приказывали мнѣ откровенно говорить. У меня-съ, когда я еще былъ начальникомъ, много было всякихъ работниковъ, и дурныхъ и хорошихъ. Слѣдовало бы тоже принять во вниманье и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не разсмотришь все хладнокровно, а накричишь съ перваго раза, — запугаешь только его, да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата, — самъ-съ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченіи, и ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю, а законъ.

Князь задумался. Въ это время вошелъ молодой чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ выражались на его молодомъ и еще свѣжемъ лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученьямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые занимались дѣлопроизводствомъ con amore. Не сгорая ни честолюбьемъ, ни желаньемъ прибытковъ, ни подражаньемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его, разобрать по частямъ — это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло, наконецъ, начинало предъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и

понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась какая-нибудь труднѣйшая фраза и обнаруживался настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато [1])...

—... хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть получше знаю чиновниковъ: разсмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ-быть, помогу уладиться съ ними миролюбиво. А чиновники не сладятъ: завяжется объ этомъ переписка, да притомъ они такъ уже запутались въ бумагахъ, что ужъ дѣло изъ-за нихъ и не видятъ. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ.

— Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что — вы сами можете чувствовать — всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавца.

— Ваше сіятельство, ей Богу нельзя назвать, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень-очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ; а какъ войдешь—даже и не онъ.

— Но что скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить, что они напугали. Они первые будутъ не уважать...

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберете ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что бы изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?

— Да вы думаете, имъ будутъ доступны движенія благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и живаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются.

— Не думаю-съ, ваше сіятельство. У человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ ужъ жидъ какой-нибудь, а не русскій... Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо мной. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ,—такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что жъ вамъ? Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не предъ ними, а предъ Самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь.

— Аѳанасій Васильевичъ,—сказалъ князь въ раздумьи,—я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ.

— А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить.

— Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда, какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ.

---

[1]) Послѣ этого въ рукописи пропускъ.

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

— Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ онъ, — я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои—да и съ Богомъ, не откладывая ни минуты, потому что дѣло еще хуже. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеньи хорошемъ,— лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей-ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди и рѣжутъ другъ друга, точно такъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества,—не установится благоустройство и земного имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ, такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Что ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло. Какъ же хотѣть, чтобы шло, какъ слѣдуетъ? Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а о своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я тожъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ.

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажнымъ. «Муразовъ правъ, — сказалъ онъ, — пора на другую дорогу!» Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку..... Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденью барина.

— Ну, любезные, — сказалъ Чичиковъ, обратившись къ нимъ милостиво, — нужно укладываться да ѣхать.

— Покатимъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Селифанъ. — Дорога, должно-быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы.

— Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки,—сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни къ кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко, — тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопріятныхъ исторій. Онъ избѣгалъ всякихъ встрѣчъ и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго, пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную цѣну мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя немножко и поздно. Лошади всѣ были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ, точь въ точь какъ прежній. Но—увы!—онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно: и зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенію? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно». Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ, наконецъ, изъ города въ какомъ-то стран-

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Біографія Гоголя III

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Часть первая.

Предисловіе 3
Сорочинская ярмарка. 7
Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. 26
Майская ночь, или утопленница. 38
Пропавшая грамота. 60

Часть вторая.

Предисловіе 71
Ночь передъ Рождествомъ. . . 73
Страшная месть 105
Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка. 133
Заколдованное мѣсто. 151

МИРГОРОДЪ.

Часть первая.

Старосвѣтскіе помѣщики . . . 161
Тарасъ Бульба 178

Часть вторая.

Вій. 263
Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. 291

ПОВѢСТИ.

Носъ. 327
Портретъ. 344
Шинель. 382
Коляска. 403
Записки сумасшедшаго 412

КОМЕДІИ.

Ревизоръ. 427
Женитьба. 490
Игроки. 528
Утро дѣлового человѣка. . . . 552
Тяжба. 557
Лакейская. 562
Отрывокъ 567
Похожденія Чичикова или Мертвыя Души. Поэма. Томъ первый . . . 577
То же. Томъ второй 739

Duke University Libraries
D00677984fi

DUKE LSC
D00677984+